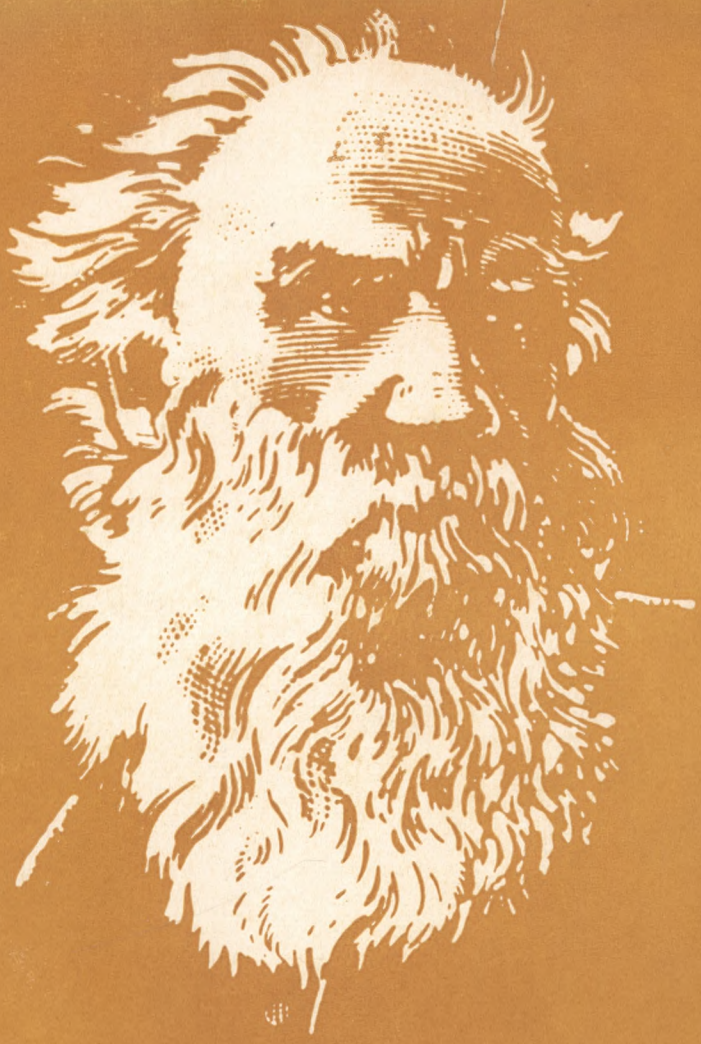


ТОЛСТОЙ
и ЗАРУБЕЖНЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

Задача этого тома «Литературного наследства», выходящего в двух книгах,— дать основанное на первоисточниках представление о непосредственном живом восприятии творчества и личности Льва Толстого, о мощном звучании его имени во всем мире на протяжении почти целого века.

Литература на тему «Толстой за рубежом» начала складываться давно и занимает в толстоведении немалое место. Настоящий том продолжил то, что было сделано в данной области, далеко раздвинув границы темы — как хронологические, так и национально-государственные и географические.

Документальные материалы тома охватывают период от 1856 до юбилейного 1960 года и представляют более шестидесяти стран мира и множество голосов людей из этих стран.

Как всегда в «Литературном наследстве», иллюстрации в томе имеют не только служебное, но и самостоятельное значение. Они средством графического искусства и документальных изображений разрабатывают ту же тему мирового значения Толстого и дают со своей стороны представление о характере восприятия за пределами нашей страны его творчества и личности. Все помещаемые в томе иллюстрации к толстовским произведениям, а также портреты писателя и оформление его книг, изданных за рубежом, исполнены иностранными художниками.

За единичными исключениями, литературные и графические материалы тома воспроизводятся в нашей стране впервые.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОЛСТОЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ МИР

КНИГА ВТОРАЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

Заказ 2367

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ

В ДВУХ КНИГАХ

РЕДАКЦИЯ
И. И. АНИСИМОВ (ГЛАВ. РЕД.), Д. Д. БЛАГОЙ,
А. С. БУШМИН, В. В. ВИНОГРАДОВ, А. Н. ДУБОВИКОВ,
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, С. А. МАКАШИН,
К. Д. МУРАТОВА, Р. М. САМАРИН, Л. И. ТИМОФЕЕВ,
Н. А. ТРИФОНОВ, М. Б. ХРАПЧЕНКО, В. Р. ЩЕРБИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 6 · 5

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО — ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

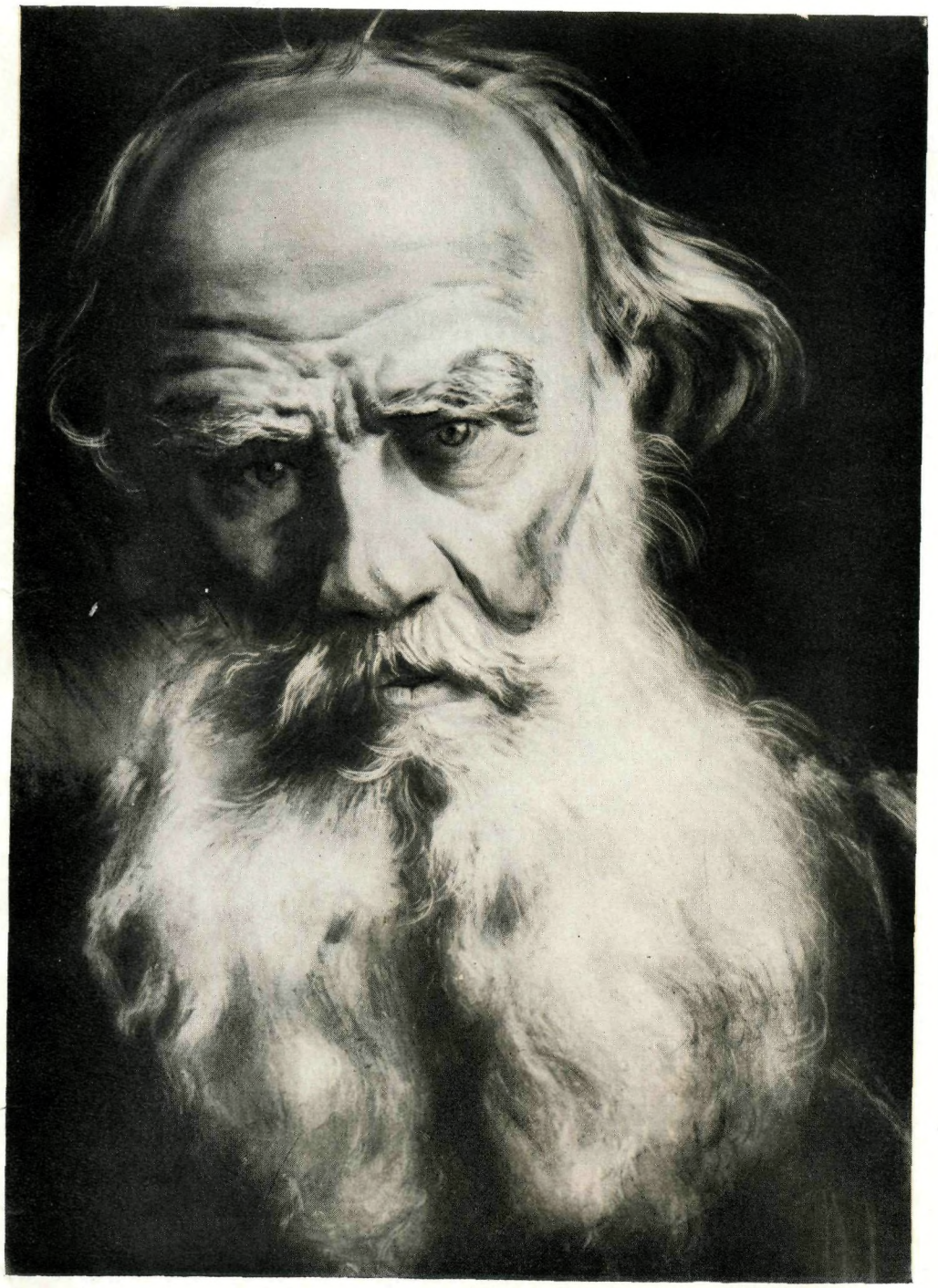
ТОЛСТОЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ МИР

КНИГА ВТОРАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 6 · 5

7—2—2
1169—65

ГОД ИЗДАНИЯ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ



Л. Н. ТОЛСТОЙ

Литография

с рисунка французского художника Луи Мальтеста, 1902

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

ВОСПОМИНАНИЯ, ДНЕВНИКИ, КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

ФРАНЦУЗСКИЕ ПОСЕТИТЕЛИ ТОЛСТОГО

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Т. БЕНЗОН, ЖОРЖА АНРИ БУРДОНА, АНРИ ЛАПОЗА ЖЮЛЯ ЛЕГРА, МОРИСА ДЕНИ РОША И РЕНЕ МАРШАНА

Публикация и перевод Л. Р. Ланского

Редко кто из образованных иностранцев, приезжавших в Россию в конце XIX и начале XX в., не мечтал побывать в Ясной Поляне, чтобы увидеть собственными глазами человека, ставшего живой легендой. Многим удавалось осуществить эту мечту. Толстой с поразительным радушием принимал у себя зарубежных гостей, званых и незваных, откровенно беседовал с ними, отвечал на их вопросы. Газеты и журналы всех стран мира охотно помещали на своих страницах отчеты посетителей яснополянского дома. Нередко день или вечер, проведенный в гостях у писателя, давал его собеседнику материал для целой книги. Некоторые периодические издания направляли своих сотрудников в Россию с единственной целью — взять у Толстого интервью, которые поспешно перепечатывались затем на многих языках.

Среди иностранных посетителей Ясной Поляны заметное место занимали французы — писатели, журналисты, ученые, педагоги, политические деятели*. Многие из них — сразу же по возвращении на родину или впоследствии — выступили в печати со своими воспоминаниями о встречах и беседах с Толстым.

Публикуемые ниже мемуары французских посетителей Толстого извлечены из различных парижских изданий 1890—1920-х годов. На русском языке они не издавались и в большинстве своем остались у нас неизвестными даже авторам специальных исследований, посвященных жизни и творчеству Толстого. Написанные талантливыми, наблюдательными людьми, опытными мастерами пера, глубоко проникнутыми сознанием всемирно-исторического значения великого русского писателя, мемуары эти воссоздают в различных ракурсах, а временами с художественной рельефностью многие грани могучей личности Толстого. Но наибольшую ценность и интерес представляют зафиксированные мемуаристами многообразные высказывания Толстого: отдельные автобиографические эпизоды, суждения о русских и зарубежных писателях, художниках и политических деятелях, о литературном труде, искусстве, народном образовании, современной политике и пр.

Ввиду значительного объема мемуаров они печатаются нами не полностью. В них опускаются подробности, либо не имеющие прямого отношения к Толстому, либо повторяющие уже хорошо известные факты и высказывания писателя.

Отдельные детали чисто бытового характера мы сочли все же целесообразным сохранить, чтобы не нарушить последовательности изложения и общего колорита мемуаров.

---

* Т. Линдстром, автор книги «Tolstoï en France» («Толстой во Франции». Paris, 1952), насчитывает *семнадцать* французов, «посетивших Толстого в апогее его популярности»; однако число это можно без труда значительно умножить.

ЖЮЛЬ ЛЕГРА

В 1895 г. в парижском издательстве Armand Colin et C° вышла книга молодого французского слависта и германиста Жюля *Легра* (1866—1939), озаглавленная «Au Pays Russe» («На русской земле»). В этом сочинении, выдержавшем четыре издания и премированном Французской академией, описывались впечатления автора от трех поездок по России в 1892—1894 гг. Хотя Легра предупреждал читателей в предисловии, что в его работе не встретится ни одной политической оценки («три или четыре француза, основательно знающих Россию,— писал он,— легко поймут причины моего воздержания»), описание безотрадной жизни русского народа, в особенности крестьянства, не могло оставить читателей равнодушными и откровенно свидетельствовало о тупике, в котором находилось русское самодержавие, и о неизбежной близости революционных перемен. Книга Легра и сейчас еще подкупает безусловной правдивостью, искренностью тона и симпатией к России и русским. Известный французский филолог-славист П. Паскаль писал впоследствии о Легра: «Он весь, целиком, в этой книге — это не кабинетный писатель, не экономист, не историк, не политик и тем более не поверхностный или пустой путешественник, а живой человек, отзывающийся на каждое новое явление природы и человеческой деятельности. Он проводит дни на полях с мелкопоместными дворянами, охотится с мужиками, пьет чай у попов; он посещает Толстого и Чехова; он отправляется с интеллигентами туда, где свирепствуют голод и тиф; он спорит с московскими дамами и бредет с богомольцами к Троицкой лавре. Кажется, ни одна подробность не ускользает от него в этой огромной и многообразной стране. Но никогда его взгляды не становятся расплывчатыми; этот исключительно уравновешенный бургиньонец во время своего чудесного путешествия судит, сравнивает, одобряет или критикует и всегда остается самим собой. И, однако, ни тени холодности: он не скрывает своей симпатии; Россия и русские завоевали скорей его сердце, чем разум» [1].

Легра побывал в Москве и в Подмосковье, в Нижнем-Новгороде, Туле, Орле, Варшаве, Одессе, Киеве и Петербурге. Всюду он старался вступать в тесные контакты с населением. Не испугали его даже эпидемии тифа и холеры — он отправился в охваченный голодом Лукояновский уезд Нижегородской губернии, где принял, вместе с В. Г. Короленко, активное участие в помощи голодающим.

Готовясь к педагогическому поприщу, Легра с особым интересом изучал постановку народного образования в России. Он познакомился с известным педагогом, последовательницей Толстого, А. А. Штевен, которая много рассказывала ему о «яснополянском патриархе» и его педагогической деятельности. Легра настойчиво добивался встречи с Толстым, и ему удалось несколько раз повидаться с ним в Москве и в Ясной Поляне. Детально описывая в «Au Pays Russe» свои поездки по России, встречи с выдающимися и с ничем не примечательными людьми, Легра почему-то не привел никаких подробностей о своих свиданиях с Толстым, отметив только, что явился к писателю проникнутый чувством восхищения к его литературным творениям и в то же время с тайным недовольством его учением. Мало-помалу, однако, пишет Легра, он стал лучше понимать «великого мистика» и, наконец, пришел к выводу, что главным отличительным свойством характера Толстого является *доброта* — «доброта простодушная, временами смягчающая жесткую сталь его глаз под кустистыми бровями; доброта привлекательная, успокаивающая, делающая и вас самих на минуту добрее〈...〉 Доброта эта, подчеркиваю, кажется мне природным даром. В ней нет ничего отвлеченного, она преисполнена жизни; вместо того чтобы вступать в конфликт с жизнью, как это часто бывает у христианствующих благотворителей, она просто сливается с нею; доброта эта не исключает вспыльчивости и потому не заглушает темперамента. Это-то и отличает Толстого от большинства толстовцев, которых кое-где встречаешь в России,— бледных, с натруженными руками, преисполненных ненависти ко всем, кто им не подражает. Эти люди следуют учению, которое не ими создано и остается для них, в сущности, чуждым; согласуя свое поведение с этим учением, они теряют тот живой и естественный характер, который свойствен их великому образцу: почти все они люди нетерпимые, суровые, доктринеры. У Толстого же, наоборот, мысль еще подвижна и деятельна; она познает, чувствует, судит, преисполнена жизни.

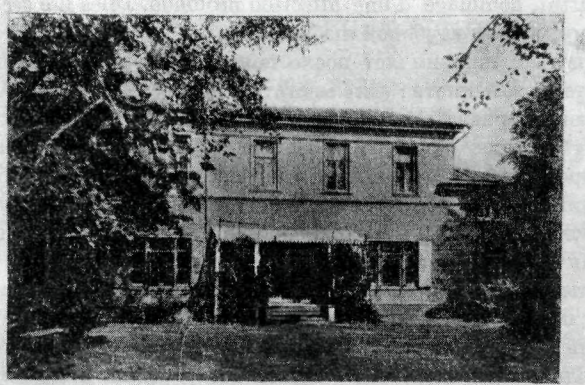


Fig. 1. — La maison de Tolstoï, à Moscou.

CHEZ TOLSTOÏ

I

A MOSCOU

Ce fut par une froide matinée de février 1894. J'arrivai par l'express de Saint-Pétersbourg, et, le temps de déposer ma valise à l'hôtel, je remontais dans le traîneau et me faisais conduire chez le comte Léon Tolstoï.

L'hôtel où j'étais descendu se trouve au centre de la vieille capitale, en face du Kremlin aux coupoles dorées, aux dômes bariolés, aux flèches élancées de ses églises et palais, aussi nombreux que pittoresquement divers. A côté de cette Moscou historique, ou plutôt confondues avec elle, s'élèvent des constructions modernes, cadrant de style avec les anciennes; le tout d'un effet à la fois imposant et *gracieux, d'une originalité ordonnée*.

Mon traîneau s'éloignait, et, peu à peu, l'animation silencieuse — l'épaisse couche de neige amortissant tout bruit — laissait entièrement régner le calme désert. Autant que je pus voir autour, gêné que j'étais par le rideau relevé de ma pelisse, ce ne fut plus l'ancienne ni la nouvelle Russie que j'aperçevais : quelque ville fantastique, gelée, figée par un froid de trente-cinq degrés, comme recouverte du linceul immaculé de la mort. Pour rendre entièrement l'impression que j'éprouvai, il faudrait le pinceau de Tolstoï, du peintre incomparable de cette symphonie en blanc. On m'excusera la hardiesse de la double métaphore, car réellement on comprend, on sent ce grand froid et l'on voit la neige jusqu'à en être aveuglé seulement en lisant *la Tourmente de neige* ou *Maître et Serviteur*.

Et mon traîneau glisse toujours sur cette mer inerte de torpeur. Combien? Une demi-heure, une, deux heures? Je ne sais : il a demeuré là-bas, là-bas, du côté de Devitchie Polié, quartier excentrique de ce vaste village qu'est Moscou. Même habitant la capitale, le grand amoureux de la nature cherche à s'en rappro-

ДОМ ТОЛСТОГО В ХАМОВНИКАХ

Страница журнала «Revue Ilustrée» (1898, № 23) со статьей И. Д. Гальперина-Каминского «У Толстого.— В Москве». Внизу портрет Толстого работы И. Е. Репина, 1891

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Толстой энергично защищает себя от обвинения в том, что он будто бы желает играть роль апостола. «Если я пишу,— сказал он мне,— то отнюдь не для того, чтобы проповедовать милосердие, непротивление злу, ручной труд, вегетарианский режим,— а только чтобы сказать своим братьям: „Смотрите! все это пошло мне на благо: если и вас влечет к этому душа,— попытайтесь в свой черед поступать именно так“. Благодаря подобному взгляду на свою роль, Толстой старается не тиранить тех, кто к нему приближается. Ученики же его отличаются свирепой нетерпимостью и стремятся ко всеобщему отуплению. Ему же, наоборот, все проявления ума кажутся интересными, он изучает и взвешивает их. Речь Толстого — одна из самых гибких и разнообразных, какие мне доводилось слышать, любознательность его необычайна. Сблизиться с ним вовсе не так трудно,как принято думать,— напротив, он весьма радушен. К этим чертам, которые я наскоро отмечаю, прибавлю еще одну, крайне важную: искренность. Лев Толстой — человек с искренней душой: более всего на свете он ненавидит ложь. Конечно, часто он обнаруживает ложь там, где ее вовсе нет, и предается беспочвенному возмущению; но любовь к правде, потребность изливать душу до дна остается попрежнему основным двигателем его жизни»[2].

В яснополянской библиотеке Толстого сохранился экземпляр книги Легра «Au Pays Russe» со следующей дарственной надписью автора на шмуцтитуле: «A Lev

Nikolaevitch Tolstoï, hommage d'une affection profonde. Jules L e g r a s» (*«Льву Николаевичу Толстому, в знак глубокой любви. Жюль Л е г р а»*).

Через тридцать с лишним лет после появления в печати первого издания «Au Pays Russe» автор этой книги, уже маститый профессор, опубликовал в толстовском номере парижского журнала «Monde Slave» (1928, № 8, p. 294—307) свои воспоминания, озаглавленные «Quelques Visites chez Tolstoï» (*«Несколько посещений Толстого»*). На этот раз он подробно рассказал о встречах с писателем и привел обширные выдержки из своего дневника. Письма Легра, сохранившиеся в архиве Толстого, дают возможность внести не лишенные интереса подробности в историю их отношений.

Мечтая, как и все интеллигенты-иностранцы, попадавшие в Россию, добиться встречи с Толстым, Легра перед возвращением во Францию, 1/13 декабря 1893 г. написал Толстому по-французски следующее письмо:

«Милостивый государь! Своим письмом к вам я свожу на нет чуть ли не настоящий заговор. Как только стало известно о вашем возвращении в Москву, мои московские друзья предложили сделать все возможное, чтобы ввести меня в ваш дом. Первым долгом, Н. И. Стороженко хотел попросить у вас разрешения явиться к вам вместе со мной. Однако болезнь и смерть Н. С. Тихонравова приостановили выполнение этого проекта. А. П. Чехов собирался представить меня кому-то из ваших друзей в один из своих приездов в Москву. Словом, осада была задумана по всем правилам военного искусства. Выждав некоторое время, я сам решился написать вам напрямик и с полной откровенностью. Вероятно я не осмелился бы сделать это год тому назад, когда мне были еще неизвестны ваша „Азбука“ и ваши „Книги для чтения“.

Я француз, бывший воспитанник Эколь Нормаль Сюперьёр (того же выпуска, что и Ж. Дюма, автор книги „Толстой и философия любви“), и я выбрал себе специальностью преподавание живых языков, а также их литератур. Теперь я нахожусь в отпуске — пока не освободится кафедра иностранной литературы на одном из наших факультетов.

Я воспользовался этим отпуском для изучения русского языка и всего русского. В прошлом году я бок о бок с В. Г. Короленко и одним из своих московских друзей работал в Лукояновском уезде во время голода и тифа. Вы понимаете, как близко узнал я при этом ваших крестьян: ведь всего лучше постигаешь людей в минуты подобного испытания. Таким-то образом я невольно заинтересовался вопросами которые касаются русских крестьян, и в частности вопросом о начальных школах. Не сочтете ли вы возможным, милостивый государь, отвлечься на несколько минут от ваших занятий и сказать мне по этому поводу несколько слов?

Французское общество знает только внешнюю сторону России. Полагаю, что наш долг — открыть публике глаза на истинный характер вашей родины — и не описанием великосветской жизни или деятельности ваших западников, а ознакомлением с жизнью деревни.

Я написал о России несколько писем по просьбе „Journal des Débats“ [3]. Они, вместе с моей маленькой и весьма незрелой книжкой о Берлине [4], составляют пока мой единственный литературный багаж.

Я назвал вам имена лиц, у которых бываю в Москве. Вы можете при случае навести у них справки обо мне. Если вы согласитесь принять меня и соблаговолите назначить мне время встречи, то исполните самые заветные мои желания.

С глубочайшим уважением

Жюль Л е г р а

P. S. Я пишу вам по-французски. Прошу вас, не делайте из этого вывода, что я имею обыкновение говорить в России на своем родном языке. Наоборот, я всегда разговариваю в Москве по-русски — к великому удивлению некоторых светских людей, привыкших к тому, что пребывание моих соотечественников в русском обществе не оставляет на них ни малейшего следа».

На конверте сохранилась помета Толстого: «Ответить» (*АТ*).

Т. Л. Толстая исполнила это поручение отца и, по-видимому, пригласила Легра (см. т. 66, стр. 475). Вероятно письмо ее не дошло до адресата: Легра указывает в своих мемуарах, что, не получив ответа от Толстого, он решился на свой страх и риск отдать ему визит.

НЕСКОЛЬКО ПОСЕЩЕНИЙ ТОЛСТОГО

...Итак, 20 декабря 1893 года под вечер, набравшись смелости, я отправился пешком в Хамовнический переулок, где жил Толстой. Московские дома, как известно, редко бывали снабжены номерами. К счастью, мне удалось прочитать под стеклом фонаря: «Дом графа Л. Н. Толстого...» Значит, здесь. Я долго ищу звонок, наконец раздается приглушенный медный звук, звук надтреснутого колокольчика. Развязный лакей открывает мне дверь и выхватывает из моей руки визитную карточку. По-видимому, у хозяев гости.

Меня вводят в столовую〈...〉 После пятнадцати минут ожидания, которыми я пользуюсь, чтобы отдышаться, прийти в себя, успокоить нервы, дверь приоткрывается — и легким, скользящим шагом входит он... Толстой мне кажется высоким, крепким, стройным, ему не дашь и пятидесяти лет, хотя на самом деле ему уже шестьдесят пять. Он еще необычайно бодр. Голова у него гораздо меньше, чем мне представлялось по фотографиям. Он приветствует меня на превосходном французском языке, звучащем естественно, ненапыщенно, благородно и без тени педантизма. Лицо его обрамлено длинной седой бородой. Особенно поразили и врезались мне в память его глаза, маленькие, некрасивые, неласковые, но чрезвычайно проницательные. Они словно притаились в засаде — на дне двух глубоких впадин, края которых защищены как бы лесом седых бровей — таких густых, каких мне еще не приходилось встречать. Никогда не видел я столь глубоко посаженных, столь пронзительных, столь инквизиторских глаз: они положительно производят впечатление буравчиков, просверливающих вам мозг. Нос толст, широк, приплюснут. Рта не видно. На левой щеке лиловатые пятна *. Лоб сравнительно невелик. Сильно поседевшие, длинные волосы зачесаны за очень большие уши 〈...〉 Наибольшее впечатление на этом лице производит непроницаемый, щупающий, сверлящий взгляд. Временами, когда Толстой улыбается, из-под огромных, кустящихся бровей неожиданно вырываются теплые, мягкие вспышки света.

Предлогом для моего посещения был вопрос о русской школе. Ею заинтересовали меня труды Рачинского, Горбова, Штевен [5].

— Русские школы,— говорит мне Толстой,— находятся в бедственном положении. Их губит правительственная политика и вмешательство духовенства. Эти два начала задерживают всякий прогресс. Потому что *правящим классам почти везде выгодно держать низшие классы в невежестве:* здесь владычествует то «оглупление», о котором говорит Паскаль. Лет двадцать тому назад я пытался ввести в обучение кое-какие новшества; но когда бываешь не во всем согласен со взглядами правительства, то оно просто-напросто принуждает вас закрыть вашу школу. По моему убеждению, прежде всего следовало бы обучать беглому чтению и письму, затем — математике: нельзя ограничиваться одними четырьмя правилами; наши крестьяне способны идти гораздо дальше: в этом им надо помочь. И, наконец, изучение современных языков.

Я с восхищением упомянул о педагогической деятельности г-жи А. А. Штевен, с которой познакомился в Нижегородской губернии, куда приехал к моему другу Гучкову, и разговор перешел на В. Г. Короленко, незадолго до того издавшего книгу о «Голодном годе» в этих местах [6]. Толстой спрашивает, знаком ли я с Короленко; я отвечаю утвердительно [7] и упоминаю о сведениях,— не помню, каких именно,— полученных мною от писателя.

---

* Это, я полагаю, шрам от раны, которую ему нанес медведь.

— Вы это узнали от него? Ах, журналисты, журналисты! * Я часто сержусь на них. Совсем недавно они напечатали в «Revue des Revues» мою статью **, которую буквально искалечили в своем переводе с русского. Это меня огорчило, так как я обещал ее Жюлю Симону в «Revue de Famille». Я протестовал. Мой парижский поверенный в делах — я хочу сказать — человек, кому поручены мои дела в Париже,— отнес в несколько газет заметку, в которой я выступил с протестом; но напечатать ее никто не согласился под предлогом, что говорить дурное о своем товарище по перу — недопустимо. Наконец, нашлась одна газета — «Echo de Paris»,— напечатавшая протест. Так вот, «Revue des Revues» осведомляется у меня: «Чем же плох перевод?» Он плох... а чем — объяснить трудно: я подчеркнул, или, вернее, один из моих друзей подчеркнул все перевранные места [8].

Я рассказал, как у нас чаще всего фабрикуются переводы с русского: какой-нибудь русский с грехом пополам передает смысл, а француз, не знающий русского языка, выправляет, подчищает эту тяжеловесную прозу. Мои слова вызывают у Толстого смех: я остерегся сообщить ему, что один из его переводчиков грешит одновременно и против русского, и против французского языков [9].

От переводов мы переходим к современной литературе, и Толстой спрашивает у меня, кого из русских писателей считаю я самыми выдающимися. Я называю Короленко, Чехова...

— Да, вы правы,— говорит он,— это наиболее значительные имена. Я добавил бы Успенского и одну женщину ***, роман которой года три подряд печатался на страницах «Вестника Европы» [10].

— Вы говорили мне,— замечает Толстой,— что знакомы с Жоржем Дюма?

— Мы вместе учились в лицее и подружились в Эколь Нормаль Сюперьёр. Читали ли вы книгу, которую он вам посвятил? [11]

— Конечно, и нахожу ее превосходной: он много читал, много искал и многое нашел; все это прекрасно изложено, прекрасно подано — так, как умеете это делать вы, французы [12].

...По какому-то поводу я упоминаю о новой повести Чехова «Беглец», незадолго до того появившейся в «Revue des Deux Mondes» [13].

— Да,— говорит Толстой,— она очаровательна, восхитительна. А знаете ли вы,— продолжает он,— что в этом журнале переменился редактор и теперь им руководит Брюнетьер?.. Брюнетьер — человек очень талантливый, к тому же обладающий нравственными убеждениями — не религиозными, а именно нравственными, и на них-то основываются его суждения.

Я рассказываю ему о деятельности Брюнетьера в Эколь Нормаль, о его умении увлекать учащихся, и Толстой просит меня объяснить, что собой представляет Эколь Нормаль. Затем, после упоминания о Вогюэ беседа переходит на вопрос о романе, и Толстой восклицает:

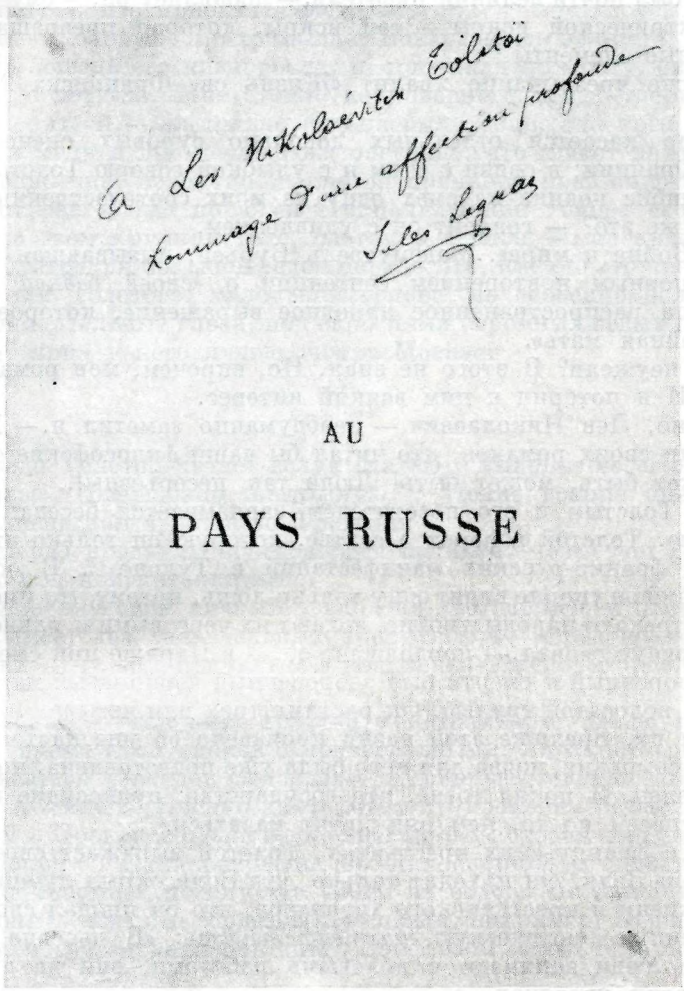
— Роман? Это отживший род литературы, это обветшавшая форма. Чем будет он заменен? спрашиваете вы меня. Не знаю, но мое утверждение — факт, подтверждаемый историей. Посмотрите на англичан: во главе их стоял Диккенс, затем Теккерей, Троллоп, а теперь совершенно никого не осталось.

---

* Речь шла о каком-то деле, в котором оказались замешаны американские журналисты.

** Какую? Не знаю.

*** Не могу вспомнить ни ее имени, ни названия романа.



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЖЮЛЯ ЛЕГРА НА КНИГЕ «НА РУССКОЙ ЗЕМЛЕ»
(Jules Le g r a s. Au Pays Russe. Paris, 1895):
«Льву Николаевичу Толстому в знак глубокой любви. Жюль Л е г р а»
Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Вскоре я стал откланиваться. Толстой сказал мне:

— Приходите еще, если вам захочется; после восьми я почти все вечера бываю дома: вы сможете посидеть подольше.

Он пожимает мне руку и, держась очень прямо, скользящим шагом подымается к себе, в то время как грубый лакей выпроваживает меня на улицу, в ночь.

Проходит неделя, и милый, славный Николай Ильич Стороженко приводит меня к Толстому. На этот раз мое посещение имеет совсем иной характер: всякое стеснение исчезло, вдобавок я здесь уже не главное действующее лицо, и это придает мне больше уверенности. Толстой принимает нас в низкой комнатке, расположенной в верхней части дома; он сидит за столом и работает, набросив на плечи широкую шубу. Когда нас ввели, он при свете *свечки* читал Амиеля. Толстой восторженно хвалит «Дневник» и читает нам отрывки из него.

— Это был почти великий писатель,— добавляет он,— ему не хватало лишь электрической искры — той искры, которая превращает в воду разрозненные элементы [14].

Он также чрезвычайно хвалит «Жизнь св. Франциска Ассизского» Сабатье [15].

Разговор касается отдельных довольно суровых оценок, данных Амиелем Франции; в связи с этим я с улыбкой говорю Толстому, что он сам по ошибке поднял на смех одну из моих соотечественниц.

— Где же это? — говорит он с удивлением.

— В «Войне и мире». Мадемуазель Бурьен, вызывавшая смех у читателей упорным повторением сентенции о «своей *бедной* матери» [16], употребляла распространенное народное выражение, которое означает: «Моя покойная мать».

— Ах, неужели? Я этого не знал. Но, впрочем, мои романы — дело прошлое. И я потерял к ним всякий интерес.

— Полно, Лев Николаевич,— необдуманно заметил я.— Если б вы не написали своих романов, кто читал бы ваши философские сочинения?

— Может быть, может быть! Люди так несерьезны!..

Между Толстым и его посетителем завязывается беседа: я слушаю и наблюдаю. Толстой говорит о статье, которую он только что написал по поводу франко-русских манифестаций в Тулоне [17]. В основе этих манифестаций он упорно видит одну только ложь, потому что именно таким путем подстрекают народы к войне, делают их черствыми и равнодушными.

— Я присутствовал,— продолжает он,— в Париже при смертной казни. Приговоренный к смерти был здоровенный черномазый парень, очень сильный, с волосатой грудью. Он растлил трех или четырех мальчиков и затем убил их. Зрелище этой казни произвело во мне настоящий переворот. Без сомнения, почва для него была уже подготовлена, но результат был мгновенен. Я понял тогда, что государство, правосудие и тому подобное — совсем не то, чем они хотят казаться [18].

Говоря о французских крестьянах, Толстой выражает свое восхищение «Землей» Золя. Он находит только, что Золя скрыл лучшие стороны сельской жизни и крестьянского характера, что он придал своим героям преувеличенную эротическую *чувствительность*: «В деревне,— говорит он,— когда люди занимаются полевыми работами, они не думают так много об этих пустяках...»

Во время чая, который мы пьем вместе со всей семьей, Толстой говорит мне, что он находит, будто во Франции изменились некоторые тенденции. Он поражен, видя, что многие молодые французы покидают теперь пределы своей родины, изучают Германию, Европу, «и проникают даже к нам, в наш варварский край»,— добавляет он с улыбкой. Он полагает, что влияние Германии на Россию уменьшилось. Я позволяю себе высказать противоположное мнение и утверждать, что Германия все более и более *импонирует* России.

* * *

...Впечатление умилительное, благостное, успокаивающее, утешительное произвел этот бодрый старец-мыслитель. От него исходит доброта — не приторная, а совершенно естественная, откровенная, свободная.

Через год, снова приехав в Россию, Легра решил воспользоваться приглашением Толстого (см. т. 67, стр. 224) и навестил его в Ясной Поляне 1/13 октября 1894 г. Он не застал Толстого дома. Софья Андреевна сообщила гостю, что муж ее отправился верхом к своему брату. Он должен был вскоре возвратиться, и графиня предложила Легра подождать. Они долго беседовали на разные темы.

— Вы уже обедали? — раздался вдруг мужской голос в передней, и дверь отворилась. Это приехал Толстой.

Он вошел в столовую, прихрамывая. Возвращаясь от брата, он совсем позабыл, что лошадь его низкорослa, и, проезжая по мосту, сильно ударился ногой о перила. «Мне стоило неимоверного труда удержаться от крика,— говорит он,— настолько сильна была боль. Эта нога и раньше очень мучила меня и вызывала даже опасение, что может начаться гангрена... Именно она, вероятно, и явится причиной моей смерти...»

И на этот раз я был поражен его появлением: голова его кажется маленькой на этом крупном теле, одетом в черное,— маленькой и продолговатой, благодаря большой седой бороде. Да, именно это чрезвычайно характерно для Толстого: маленькая голова, не особенно большие, но страшно проницательные глаза, под зарослями огромных седых кустистых бровей. Цвет лица у него лучше, чем в Москве.

* * *

После обеда Толстой читает вслух статью о Японии из «Нового времени» — статью, совершенно ничтожную [19]; чтение вскоре прерывается спором о религиозном чувстве во Франции.

— Всякий раз, когда француз говорит о религии,— замечает Толстой,— он понимает под ней католицизм.

Я объясняю ему свой личный взгляд на этот вопрос и отмечаю, что католицизм имеет два значительных преимущества перед православием; первое из них — умение проникать в жизнь верующего; второе — непримиримость.

— Это правда,— говорит Толстой,— католицизм везде одинаков, тогда как во время моих споров с православными, Аксаков отрицал, что он придерживается взглядов Соловьева, а Соловьев говорил то же о Леонтьеве или Хомякове. Однако католицизм по временам бывает забавен. Я был знаком в Провансе с одной светской дамой, которая переписывалась с папой римским [20]. Папа разрешил ей есть скоромное в постные дни; впрочем, утка «постна», потому что живет на воде... Послушайте, я не в состоянии понять, как это серьезные писатели, например, Бурже в своем «Cosmopolis», могут заканчивать книгу апофеозом папы. Кто он для нас, этот папа?..

Я упомянул о Соловецком монастыре, где провел несколько дней нынешним летом, на что Толстой, рассказывавший мне о разных религиозных сектах, заметил:

— Мне когда-то хотелось съездить в Соловки, так как в царствование Петра Великого в этот монастырь был заточен мой пращур; он умер там, а сын его, сопровождавший отца в монастырь, был отозван назад [21]. Я хотел написать роман из времен Петра Великого... Видели ли вы там арестантов? — добавил он после паузы.— Некий Пушкин находился там в заточении пятнадцать лет: он основал новую религию; у него остался в Женеве ученик, доктор Корф, который регулярно посылает мне свои сочинения, странные, интересные, безумные [22].

Софья Андреевна читает самым младшим детям «Швейцарского Робинзона» [23], Татьяна Львовна протирает овсянку, и в этой уютной домашней обстановке, при свете лампы, продолжается мирный и довольно бессвязный разговор. Толстой сообщает мне подробности о своем брате [24], который стал уже «настоящим старцем». Он очень здраво и остроумно судит обо всем, а в более молодые годы был презабавным рассказчиком 〈...〉

Расспрашивая меня о французских литературных новинках, Толстой заговорил о Золя.

— Я особенно восхищаюсь,— сказал он,— «Жерминалем» и отчасти «Землей»; однако последние произведения Золя свидетельствуют об упадке. Этому есть объяснение. Поэт, как сказал Пушкин, находится в центре мира, чтобы передать его гармонию [25] («звучное эхо» Виктора Гюго [26]). Что же касается Золя, то он залезает *под фортепиано* для изучения его механизма вместо того, чтобы слушать аккорды. Он помешан на научном романе и этим добровольно связывает себе руки. Золя видит одновременно лишь одну категорию людей, не замечая всех остальных. Его романы — это монографии, а не картины живой жизни, и потому они наводят на нас скуку. Посмотрите, какая разница: Бурже чрезвычайно умен, но он не обладает и тенью таланта. Золя, напротив, глуп, зато очень талантлив. В том, что он глуп,— нет ни малейшего сомнения. Остальные? После «Женских писем» я не читаю больше Марселя Прево [27]. Я его ставлю в один ряд с Жаном Экаром [28]: напялив на себя личины моралистов, они с удовольствием предаются живописанию порока. Что же касается Эдуарда Рода, то его «Молчание» ниже всех остальных произведений, тогда как «Мишель Тесье» был очень хорош, а местами глубок [29].

Говоря о литературных гонорарах, Толстой возмущается тем, что английский переводчик «Христианства и патриотизма» [30] получил восемьдесят фунтов стерлингов, т. е. две тысячи франков. Со своей стороны, говорит мне Толстой, он получил за «Анну Каренину» что-то около двенадцати тысяч рублей (тридцать две тысячи франков). Мало-помалу разговор переходит на сюжет, который его больше всего интересует, и он говорит мне:

— Когда я пишу книги, я вовсе не ставлю своей целью изрекать пророчества, поучать других, что-то уничтожать. Мне нет никакого дела до приложения моих взглядов. Вот вам пример. Христос сказал то-то и то-то: это заключает в себе истинную нравственность; я рассказываю другим, как много я лично извлекаю из этого добра: я не требую от них решения; но если они питают ко мне доверие, они сделают попытку, подобную моей, и тогда обрушится нагромождение лжи, которую поддерживало всеобщее ослепление. Патриотизм — бессмысленная вещь; в свое время и я был патриотом, но с той поры как я вышел из детского возраста и перестал мочиться в постели, я уничтожил в себе это чувство... Я стар, и мне недолго осталось жить: я просто говорю то, что рассматриваю как результат накопившейся во мне мудрости, результат, который может уместиться на ладони. Моя идея непротивления злу ни в коей мере не является проповедью: я только заявляю, что лично я хочу воздерживаться от всего противоречащего этому принципу.

И глаза его блестят из-под насупленных бровей... Он кончает беседу словами:

— Я работаю в продолжение четырех месяцев над десятью страницами, которые мне не даются, которые я пишу и переписываю [31]. Я скажу, как де Местр: «Государь, извините, что письмо мое столь длинно: писать кратко у меня не было времени» [32].

3/15 октября 1894 г.

Вчера, когда шел разговор о разных русских поэтах, Толстой сказал мне о своем кузене Алексее Толстом:

— Это был благородный талант; у него стиль чрезвычайно чист, но при чтении всегда испытываешь ощущение, будто все это ты уже где-то читал.

Невозможно лучше охарактеризовать бесцветную личность этого поэта. Затем Толстой добавил:

— Если вы будете говорить о русских поэтах, ни в коем случае не забудьте Тютчева!

Когда зашел разговор о французской жизни, Толстой заметил, что ему хотелось бы получить сведения о своем первом учителе французского языка, уроженце Гренобля [33].

— Это был прекрасный человек,— добавил он,— который в совершенстве владел латынью и очень хорошо умел ее преподавать.

Как сказал мне Толстой, он сам жил во Франции в 1860—1861 годах — в Париже, в Дижоне.

— В Дижоне? — переспрашиваю я с изумлением.

— Да, Тургенев никак не мог оправиться от простуды, и врач потребовал, чтобы он выехал куда-нибудь на юг *. Мы провели неделю в Дижоне, чистеньком городке с высокими домами, но ужасно малолюдном... Именно там я дописал своего... Не помню теперь, что именно я там дописал **.

Разговор о театре вызывает у нас в памяти имя Островского, и Толстой говорит мне:

— Его первые четыре или пять пьес были восхитительны, но затем, поддавшись лести своего кружка, он принялся писать пьесы, в которых не было ни начала ни конца. Однажды я сказал ему по поводу какой-то пьесы:

— Вы знаете, она слабовата.

— Ба! — ответил он,— разве и у Шекспира нет слабых пустячков! [35]

Толстой добавляет:

— Когда публика питает к тебе доверие, можно писать что вздумается. Так, например, если б я писал сплошные глупости, мне все равно рукоплескали бы.

Когда я сознаюсь ему, что не питаю пристрастия к театру, он замечает:

— Я тоже не люблю театра. Почти не помню случая, когда я пошел бы в театр только для того, чтобы получить удовольствие; обычно я отправлялся туда лишь для исполнения своих светских обязанностей, отдать визит в ложе и пр. Однако, как говорит Виньи, в зале три или четыре тысячи человек находятся в полном вашем распоряжении, и вы заставляете их слушать всё, что вам заблагорассудится [36], и уж тут-то они не перескочат через страницу, которую считают скучной, как это делают в книге. Так вот, некоторые вещи мне хотелось высказать в драматической форме, а кое-что я бы не прочь сказать и сейчас.

* * *

После завтрака разговор почему-то возвращается к русскому Крайнему Северу. Толстой спрашивает меня, чем там питаются крестьяне, и его, кажется, весьма удивляет, что они едят преимущественно рыбу.

— Так, значит,— говорит он,— они не вегетарианцы?

— Конечно, ведь злаки у них не растут.

Один случай из моей поездки в Соловки позабавил его. Я приехал в русской, довольно неряшливой одежде, и монах, распределявший жилье, направил меня в общую гостиницу. Когда же он увидел меня переодетым, то стал рассыпаться в любезностях и предоставил мне одному прекрасную комнату.

— Это именно то, что произошло и со мной, — сказал Толстой, смеясь.— Лет пятнадцать тому назад я посетил со своим слугой ...

---

* от Парижа.

** «Альберта» [34].

монастырь *, неподалеку отсюда. Я был в мужицкой одежде и в лаптях; мой слуга был одет по-городскому. Возле монастыря, как и в Соловках, находятся бесплатные гостиницы, куда пускают паломников. Мы направились к более чистому дому: в него впустили моего слугу. А мне было сказано: «Что ты здесь хочешь? ** Прочь отсюда!», — воскликнул брат, ведавший распределением мест, и пихнул меня в грудь. Меня поместили в дыре, кишевшей клопами. Вдруг один монах, бывший крестьянин из нашей округи, узнал меня.

— Как,— сказал он мне,— вы здесь, ваше сиятельство?

Тогда монахи вывели меня из моего помещения, накормили разными закусками, икрой, всевозможными лакомствами.

— Да,— добавил он, помолчав,— это нехорошо [38].

АНРИ ЛАПОЗ

Журналист, экономист, а впоследствии видный искусствовед Анри *Лапоз* (1867—1925) весной 1896 г. был командирован в Россию французским министерством торговли для изучения законодательства о труде и его применения на практике. Побывав в Петербурге, Москве (на коронации Николая II) и в других городах, Лапоз не упустил возможности посетить Ясную Поляну, так как давно уже принадлежал к числу горячих поклонников Толстого. Еще в 1890 г. он напечатал в журнале «Revue Bleue» (номер от 3 мая) серьезную статью о педагогических воззрениях русского писателя под названием «Толстой-педагог». Свою поездку по России без встречи с Толстым Лапоз не считал бы достойно завершенной.

Радушно встреченный писателем, Лапоз провел в Ясной Поляне только один вечер (22 мая/3 июня 1896 г.), но вечер этот был насыщен увлекательной беседой с Толстым.

Возвратившись в Париж, Лапоз выпустил в том же 1896 г. книгу, озаглавленную «De Paris au Volga» («От Парижа до Волги»), которая вышла несколькими изданиями и была увенчана, как и книга Ж. Легра, особой премией Французской академии.

«От Парижа до Волги» — подробный отчет о поездке Лапоза по России. Центральное место в этом сочинении заняла глава «В Ясной Поляне. Вечер у графа Толстого». Другую главу Лапоз посвятил Толстому-педагогу, назвав ее «Граф Лев Толстой в школе». Он охарактеризовал в ней Толстого как «одного из величайших поэтов». «Его красноречие,— писал в этой статье Лапоз,— приближается к библейскому, и это придает ему особое очарование. И, что бы ни говорили,— это, прежде всего, мечтатель... Мечтатель он и в педагогике...»

В воспоминаниях Лапоза приводится множество интересных высказываний Толстого о литературе, в частности о декадентах. Они представляли бы значительно больший интерес, если бы Лапоз из «дипломатических» и, впрочем, легко объяснимых соображений не смягчил и не опустил некоторые из отзывов о живых еще тогда писателях. Из других высказываний Толстого обращает на себя внимание несколько неожиданная в его устах высокая оценка роли промышленности как фактора, оказывающего положительное воздействие на крестьянство.

В яснополянской библиотеке Толстого сохранился экземпляр книги «De Paris au Volga» со следующей дарственной надписью на шмуцтитуле: «Au comte Léon Tolstoï Respectueux hommage de son admiration et souvenir d'une inoubliable soirée à Jasnaïa Poliana. Henri L a p a u z e» («Графу Льву Толстому. В знак почтительного восхищения и в память о незабываемом вечере в Ясной Поляне Анри Л а п о з»).

---

* Не помню его названия [37].

** Эти четыре слова приводятся в тексте по-русски.— *Л. Л.*

В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ. ВЕЧЕР У ГРАФА ТОЛСТОГО

Фотографии и гравюры сделали популярными черты лица графа Льва Толстого, «господина графа», как говорят в Ясной Поляне. Появившийся перед нами человек — именно тот, кого мы знаем по изображениям: это Моисей, Моисей Микеланджело с длинной струящейся бородой. Глаза у него небольшие, но в них словно сосредоточилась вся его жизнь. Эти глаза красноречивей, чем сам Толстой. В них отражаются все его мысли, и в течение вечера мы неоднократно ищем в них разгадку задушевнейших чувств Толстого.

С тем же вниманием смотрим мы и на его мощные ноздри, которые яростно раздуваются, когда Толстой воодушевлен, и которые даже в *спокойном состоянии говорят* почти так же, как и его глаза.

Мы проходим шагов сто по парку в ожидании ужина.

— В прошлом году я болел инфлуэнцой,— говорит он нам,— и с той поры еще не совсем оправился. Все время чувствую себя неважно... Дантист, у которого лечится моя жена, запретил мне ездить на велосипеде; по его словам, этот спорт мне вреден. Я заявил жене, что он врет, как зубодер*, и это рассмешило ее. Тем не менее на велосипеде я больше не езжу.

Во время нашей прогулки по яснополянской деревне Льва Толстого не было дома: он находился в это время на строящемся заводе, который мы видели по пути в Ясную Поляну.

— Как жаль,— говорим мы,— что портят такой очаровательный пейзаж!

— Так полагает и графиня, но это нехорошо. Напротив, сожалеть здесь не о чем. На заводе будет работать несколько сот рабочих. Люди эти, объединенные в течение дня общим делом, проникнутся своим значением. Они получат совместное воспитание жизнью, и это пойдет им на пользу. Увидев вещественные результаты своего труда, они отдадут себе отчет в собственных силах. Должно ли это вызывать недовольство? Мужику следует находиться в постоянном соприкосновении с более деятельной заводской жизнью, и чем многочисленней будут заводы, тем больше следует этому радоваться.

Девять часов. Нас приглашают к столу. Столовая находится на втором этаже. В Ясной Поляне живут налаженной семейной жизнью. У графа Льва Толстого восьмеро детей: три дочери, из которых самой младшей, по-видимому, лет десять, и пятеро сыновей. Не все они здесь, места отсутствующих заняты друзьями.

Толстой замечает на круглом столике французский журнал.

—. Мне хотелось бы узнать от вас,— говорит он нам,— что это означает.

И он читает вслух:

«Il y a ceux dont la clameur jeta l'idée sur le déploiement des villes grises et bleuâtres, pardessus les dômes des académies, les colonnes de victoire, les jardins d'amour, les halles en fer du commerce, les astres électriques éclairant les essorts des express ou des remous nerveux des foules, jusque les océans de sillons fructueux, jusque les gestes du semeur et l'effort solitaire du labour, jusqu'aux lentes pensées du rustre fumant contre l'âtre, jusqu'à l'espoir du marin penché au bastingage pour suivre la palpitation lumineuse de la mer» **.

— Прошу вас,— говорит Толстой,— объясните мне эту фразу.

Я не имею перед глазами контекста и вынужден отказаться от объяснения. Никто не улавливает смысла этого отрывка, и мы тщетно прибегаем к логическому анализу: разъяснить эту тайну нам так и не удается.

* Буквальный перевод французского выражения «mentir comme un arracheur des dents», означающего «бесстыдно лгать».— *Л. Л.*

** «Revue Blanche», 15.V 1896, «Энергии» г. Поля Адана [39].

— Вот как пишут теперь ваши молодые литераторы! — продолжает Толстой.— Их не удовлетворяет уже ваш прекрасный, благородный и чистый язык? Им надо терзать и его и нас? Это тем более досадно, что автор прочитанных строк обладает несомненным талантом: обескураженный первой фразой, я вначале отказался дочитать книгу до конца, но, когда я снова взялся за нее, она произвела на меня весьма благоприятное впечатление. Тем не менее у меня нейдет из ума фраза, которую я не понимаю: «Il y a ceux dont la clameur...»

Эта фраза г. Поля Адана явно преследует Толстого. Она раз двадцать срывается с его уст в продолжение вечера:

— Ну можно ли писать подобную тарабарщину: «Il y a ceux...», когда так легко быть понятным на самом ясном в мире языке! «Il y a ceux...» Нет, никто и никогда, слышите ли, никогда не заставит меня согласиться с тем, что фраза эта французская. Что собой представляет автор *этого?*..

Мы сообщаем подробности о г. Поле Адане, юном, трудолюбивом и умном писателе, похвалить которого нам чрезвычайно приятно.

— Да, да,— говорит Толстой,— припоминаю. Но все-таки это неотвязное: «Il y a ceux...»

Кто-то передает Толстому русский журнал.

— Пожалуйста,— говорит он мне,— окажите любезность и прочтите вслух вот этот сонет. Мне хотелось бы узнать, что намерен был сказать этим автор?

Я читаю следующие стихи, напечатанные в тексте по-французски:

M'introduire dans ton histoire
C'est en hĕros effarouché
S'il a du talon nu touché
Quelque gazon du territoire

A des glaciers attentoires
Je ne sais le naïf pĕché
Que tu n'auras pas empêché
De rire très haut sa victoire

Dis si je ne *suis* pas joyeux
Tonnerre et rubis aux moyeux
De voir en l'air que ce feu troue

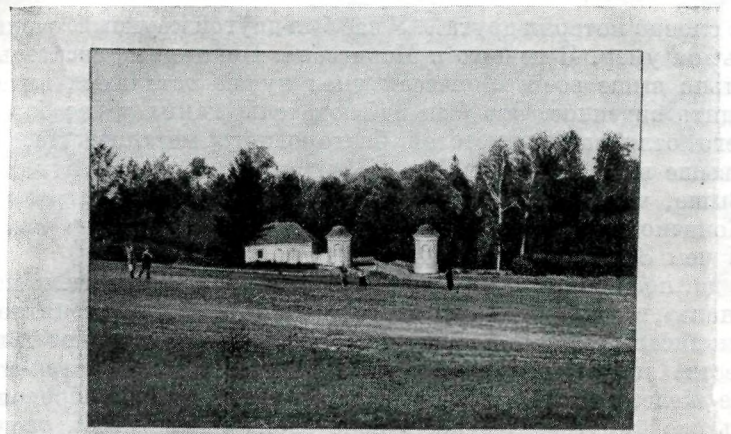
Avec des royaumes épars
Comme mourir pourpre la roue
Du seul vespéral de mes chars

— Это,— говорю я,— одно из самых знаменитых стихотворений г. Стефана Малларме.

— Ну что ж,— замечает Толстой,— я, со своей стороны, не вижу в нем ничего дурного. Но улавливаете ли вы, по крайней мере, смысл? Ничуть. И названия нет. Нет ни одной точки, ни одной запятой. Не поставлена даже заключительная точка. Это чудовищно. Ах! В наши дни французская литература может похвалиться тем, что накопила изрядное количество *туманностей.*

Я не собираюсь излагать здесь все, что говорил за столом Лев Толстой. Но так как он соблаговолил ответить на некоторые заданные ему мною вопросы, думаю, что нашим писателям небесполезно будет прочесть его ответы. Я сообщу, впрочем, только то, что высказано было мне одному. Стоит ли добавлять, что я осмелился несколько смягчить краски?

Мы уже видели, что Толстой довольно строго судил тех, кого он называет «декадентами». Слово это устарело во Франции. В России же оно



L'entrée de Yasnaia Poliana.

CHEZ TOLSTOI

A YASNAIA POLIANA

Le rapide de Moscou à Koursk s'arrête de fort bonne heure, à cinq heures et demie, à Yassenki, deuxième station après Toula, et à 200 verstes de Moscou. Pour gagner Yasnaia Poliana, l'ermitage de Tolstoi, il reste à parcourir une douzaine de verstes en voiture.

Le cheval s'engage sur la route accidentée, serpentant à travers la steppe ondulée de basses collines. Autour, des prés verts, des champs de blé doré, des massifs d'arbres : bouleaux, tilleuls, sapins, qui forment bientôt des bois touffus. On comprend Tolstoi, ne quittant qu'à regret et rarement, cette « lumineuse clairière » (en russe Yasnaia Poliana), y passant presque toute sa vie et y puisant l'amour de la nature, en même temps que l'aversion pour la vie factice de la ville, de la société, de la fausse civilisation. « De quelle étonnante puissance sont les impressions tirées directement de la nature! » — disait un jour Tolstoï à un de ses confrères russes. — « Et combien j'apprécie les artistes qui puisent leur inspiration exclusivement à cette source éternelle et inépuisable! Elle seule donne la force et révèle la vérité! »

C'est à Yasnaia Poliana que Tolstoï vit le jour (en 1828); c'est là qu'il vécut les jeunes années dont il parle avec tant de chaleur communicative dans l'*Enfance*, sa première œuvre qui le rangea d'emblée, à 24 ans, parmi les grands écrivains russes. « Heureux, heureux temps de l'Enfance, qui ne reviendra plus! Comment ne pas chérir, comment ne pas caresser ses souvenirs! Ils rafraîchissent, ils élèvent mon âme et sont la source de mes plus purs, de mes plus douces joies! » — s'écrie le jeune auteur. Et tous ceux qui l'ont lu ne sauraient plus oublier ce commencement de chapitre, cette strophe de poème en prose. C'est à Yasnaia Poliana qu'il se maria, qu'il vit naître ses nombreux enfants; c'est là qu'il nous décrivit le *Bonheur de famille*, nous conta les touchantes amours de Lévine et Kity dans *Anna Karénine*, narra la prodigieuse épopée de *Guerre et Paix*; c'est là encore qu'il créa, sur des bases nouvelles, sa fameuse école populaire, qu'il s'essaya à l'existence du fermier modèle, et qu'il surmonta la douloureuse, la redoutable crise morale qui faillit l'amener au suicide et qui, finalement salutaire, fit de lui un missionnaire convaincu de la bonté et de la vérité chrétiennes. Ainsi, sauf le temps consacré aux premières études à Moscou, puis à celles à l'université de Kazan, au service à l'armée, au Caucase, sur le Danube, à Sébastopol, et une courte échappée à l'étranger, tout le reste, un demi-siècle de cette existence si remplie,

15

ВЪЕЗД В ЯСНУЮ ПОЛЯНУ

Страница журнала «Revue Illustrée» (1901, № 11) со статьей И. Д. Гальперина-Каминского «У Толстого. — В Ясной Поляне»

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

продолжает оставаться новым, и для такого человека, как Толстой, оно имеет именно тот смысл, который лежит в его основе. Мне кажется, что он не более снисходителен и к скандинавской литературе. Мы говорили об иностранных писателях, которых читают или которыми восхищаются во Франции, и я заметил, что хотя русская литература продолжает оставаться у нас любимым чтением, Ибсен и некоторые другие писатели живо привлекают к себе наше внимание.

— Это нелестно для нас,— говорит Толстой.

Он произносит это с презрительным видом, как бы мысленно смерив Ибсена взглядом с ног до головы.

А любит ли Толстой, по крайней мере, наших писателей?

— Да... Я глубоко восхищаюсь вашим великим поэтом Виктором Гюго. С Александром Дюма-сыном я не был знаком, но я читал его и продолжаю читать с бесконечным удовольствием. Пробежать книгу Дюма — для меня наслаждение. И,— продолжает Толстой с неподдельным волнением,— когда Александр Дюма-сын умер, я испытал такое

чувство, словно потерял друга... У вас был другой крупный, очень крупный писатель: он умер. Я говорю о Мопассане. Видите ли, писатель этот был значительно выше всех. Мопассан умел лучше остальных видеть и воспроизводить виденное. Это был наблюдатель, каких у вас больше нет, а форма его отличалась чистотой благородного металла. Да, насколько он был выше всех, выше чем...

— Выше, чем Флобер?

— Конечно, выше.

— И чем Золя?

— О да, полагаю, что он был выше всех. Золя? Мне очень понравился «Жерминаль», в нем проявилось острое зрение Золя. Мне понятно даже, почему он написал «Землю». В сущности, крестьяне составляют три четверти человечества и поэтому достойны изучения. Но «Человек-зверь»? Но описание железных дорог? Писатель не имеет права добровольно ограничивать свой кругозор, сужать поле своих наблюдений, сводить все к мелочам. Нет, он не имеет права делать это, и если он так поступает, то создает произведение ничтожное. Впрочем, я не в состоянии был дочитать до конца остальные книги Золя. Я не пошел дальше сотой страницы «Лурда» и отказался от чтения «Рима». Мне кажется, что интерес к Золя уменьшился... Это писатель усердный и терпеливый, вот и всё.

И с той же строгостью, с какой он судил г. Эмиля Золя, граф Лев Толстой принимается судить всю французскую литературу за небольшими лишь исключениями. Он ценит Альфонса Додэ, «обладающего талантом»; он питает глубокое уважение к «Психологическим очеркам» и «Новым очеркам» г. Поля Бурже, а портреты Тэна и Дюма-сына особенно поразили его. «Бурже полон ума»,— добавляет он. Толстой хочет этим сказать, что у Бурже голова полна всевозможных сведений. «На склоне лет» Поля Маргерита — одна из тех книг, которые ему особенно понравились в последние годы: «У него верные эпитеты». Он считает «Нелл Горн» и «Двусторонний» — особенно последний роман — прекрасными произведениями. «Как жаль,— говорит он,— что г. Рони слишком много копается в подробностях! [40] К чему это? Все эти молодые люди, одаренные такими талантами, в сущности, сумасшедшие. Пусть бы они писали на вашем языке,— как следует на нем писать,— просто, ясно».

Г-н Жан Экар посылает ему свои книги [41]. Толстой читает их. Он строго судит «Полудев» г. Марселя Прево: «О таких вещах не пишут [42]. Это никому не нужно и нечистоплотно. От этого молодого писателя можно бы ждать большего. Большего также, чем его „Женские письма“,— они ниже всякой критики. Его роман „Исповедь любовника“, который был рекомендован Александром Дюма [43], — произведение почти первоклассное». Толстому нравятся также «Унтер-офицеры» г. Люсьена Декава. Он питает слабость к г. Эдуарду Роду, но «Смысл жизни» внушает ему опасения в отношении будущности этого писателя...

* * *

Вы понимаете, как мало обращал я внимания на то, что подавалось к столу. Мадемуазель Татьяна Толстая, сидевшая слева, заметила мне, что меня дожидается «труп» на тарелке. «Труп» этот оказался розовым и нежным ростбифом.

— Мы этого не едим,— заметил мне Толстой.

И, чтобы не смущать меня, он добавил по-русски:

— Мы говорим «труп» из вежливости. Иначе мы сказали бы... Далее последовало название знаменитого стихотворения Бодлера в «Цветах зла» (стихотворение XXX) [44]. Толстой — вегетарианец. Он не пьет вина, и за столом вино подают только больным. Мы пьем квас. Толстой больше не

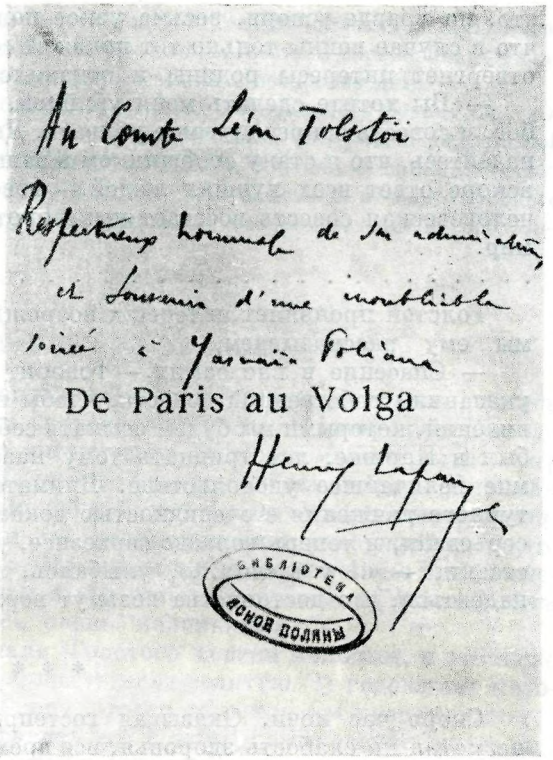
ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ АНРИ ЛАПОЗА НА КНИГЕ «ОТ ПАРИЖА ДО ВОЛГИ»

(Henry L a p a u z e. De Paris au Volga. Paris, 1896):

«Графу Льву Толстому. В знак почтительного восхищения и в память о незабываемом вечере в Ясной Поляне.
Анри Л а п о з»

Личная библиотека Толстого.

Музей-усадьба «Ясная Поляна»



курит. Утра его целиком посвящены работе, дни — прогулкам, вечера же отданы продолжительным беседам при свете лампы.

Мадемуазель Мария раскладывает пасьянсы, а сестра ее музицирует. Графиня Толстая редко вмешивается в литературные беседы. Это, как мне говорили, чрезвычайно умная женщина, отлично управляющая всем домом. Для нас она была приветливой и доброй хозяйкой.

Мы заговариваем об анархии:

— Те, кто путает слова «анархия» и «терроризм»,— говорит нам Толстой,— делают ошибку. Это совсем разные вещи. Элизе Реклю — анархист. Но он не террорист. Одно понятие не заключает в себе другого. Но как же растолковать это? Так же и с патриотизмом, люди не хотят договориться о значении этого слова. Клемансо как-то ответил на мою статью, посвященную этому вопросу [45]. Клемансо — передовой человек, и все же он выступил против меня — за то, что я считаю патриотизм чудовищным. Клемансо неправ: с кем же можно договориться, если не с такими людьми, как он?

— ...Да,— продолжает Толстой.— Бебель сказал совсем недавно во Фрибурге, что ни о всеобщем разоружении, ни о всеобщей стачке говорить нельзя, так как Франция только и дожидается этого, чтобы снова отобрать Эльзас и Лотарингию. Что я могу вам сказать, ведь это помешательство, чистейшее помешательство. Разве вы не видите, что выступаете против основного религиозного принципа? Христос сказал: «Не убий». Патриотизм же, напротив, говорит: «Убивать надо». Вы не христианин, если забываете заповеди единственного подлинного бога и сына его Иисуса Христа...

Толстой, как мы видим, сводит патриотизм к нижеследующему: один народ, соперничающий с другим народом, обрушивается на него,— но

это, по правде говоря, весьма узкое понятие патриотизма. Он полагает, что в случае войны только тот покажет себя истинным христианином, кто отвергнет интересы родины и откажется убивать.

— Вы хотите сделать меня убийцей, а я этого не хочу, потому что и бог, и совесть запрещают мне убивать. Делайте со мною, что хотите, но не надейтесь, что я стану сообщником в ваших планах убийства. Таков будет вскоре ответ всех лучших людей,— говорит нам Толстой,— потому что человеческая совесть восстает ныне против насилия, так долго давившего мир.

. . . . . .

Толстой проявляет интерес к возрождающемуся идеализму, о котором мы ему рассказываем.

— Спасение в нас самих,— говорит он.— Достаточно нам следовать указаниям собственной совести, чтобы не бояться ни людей, ни самообвинений, которыми мы будем осыпать себя в противном случае. Я два раза был в Париже, лет тридцать тому назад, и пребывание там доставило мне величайшее удовольствие. Внимательное изучение вашего литературного движения с очевидностью доказывает, что молодежь у вас очень серьезная, и теперь гораздо серьезнее, чем прежде. У нее есть свои недостатки, — «il y a ceux...», улыбаясь, прибавляет Толстой,— но можно надеяться, что достоинства возьмут верх.

* * *

Скоро час ночи. Оказывая гостеприимство своим гостям, Толстой, несмотря на слабость здоровья, все время оставался за столом, а мы эгоистически воспользовались его добротой. Однако нам надо возвращаться этой же ночью в Тулу — приходится расставаться с нашими любезными хозяевами...

МОРИС ДЕНИ РОШ

1 июня 1899 г. в Ясную Поляну приехал французский литератор и искусствовед, впоследствии почетный член Академии художеств, Морис Дени *Рош* (1868—1951), прибывший в Россию для усовершенствования своих знаний в русском языке, который он изучал в Парижской школе восточных языков под руководством П. Буайе. Человек богато одаренный и образованный, Рош пользовался заслуженной славой лучшего переводчика с русского на французский. Его переводы Гоголя, Лескова, и в особенности Чехова не утратили своего значения и до сих пор переиздаются.

Рекомендательные письма от Буайе доставили Рошу много интересных знакомств. Познакомился он и с сыном Толстого Ильей Львовичем. Зная о благоговейном отношении Роша к отцу, Илья Львович настойчиво приглашал его приехать в Ясную Поляну. И хотя сын Толстого уверял, что отец его любит принимать у себя гостей, Рош вначале не решался ехать, опасаясь, как он писал впоследствии, «увеличить собой число тех туристов и праздных публицистов, которые не могут закончить своего путешествия по России без того, чтобы не отправиться надоедать Льву Толстому».

Но соблазн был слишком велик. Можно ли было упустить счастливую возможность встретиться с одним из величайших людей современности? И Рош на несколько дней приехал в Ясную Поляну.

Толстой тепло встретил приятеля своего сына, часто с ним разговаривал, совершал совместные прогулки. Рош, по-видимому, сразу же вносил в свою записную книжку или дневник наиболее значительные высказывания писателя.

Через двенадцать лет, уже после смерти Толстого, он опубликовал свои воспоминания, озаглавленные «Толстой в Ясной Поляне», в малоизвестном парижском журнале «Foi et Vie» от 16 мая 1911 г., по тексту которого мы их и воспроизводим.

Отметим, что в яснополянской библиотеке Толстого сохранилось французское издание книги Чехова «Мужики» 1901 г. в переводе Роша со следующей дарственной надписью на форзаце: «A monsieur le Comte Léon Tolstoï. Souvenir et hommage respectueux. M. Denis R o c h e» («Графу Льву Толстому. На память и в знак глубокого уважения. М. Дени Р о ш») — см. ее факсимильное воспроизведение на стр. 26—27 настоящ. тома.

ТОЛСТОЙ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

...Лев Николаевич был удивительно крепок телом и даже высок, однако несколько вдавленная в плечи голова, длинная и широкая борода и просторная одежда создавали впечатление, будто он малого роста. Мэтр был весь в черном, с круглой суконной шапочкой на голове. Длинная рубаха Толстого была сшита наподобие блузы французского крестьянина. Многие наши соотечественники по недоразумению утверждали, будто Толстой носил мужицкое платье. На самом же деле он только зимой одевался на русский лад〈...〉 На нем были широкие брюки, и поэтому ноги его в мягких сапогах казались очень маленькими.

Походка и подвижность делали Толстого совсем молодым, и это было весьма примечательно в человеке, шестьдесят девятую 〈!〉 годовщину которого отпраздновали в прошлом году. После того как мы познакомились, мне представился случай поздравить его с этим и откровенно высказать ему, какое впечатление он произвел на меня,— впечатление человека, которому не больше пятидесяти лет. Лев Николаевич улыбнулся и живо заметил мне с очаровательным юмором:

— Сейчас я открою вам свой секрет: станьте вегетарианцем, и вы достигнете того же результата.

Я читал когда-то, что Толстой обладал исключительным даром быстро сближаться с незнакомыми людьми; это совершенно верно. Весело перебросившись словечком-другим с каждым из членов своей семьи, он поздравил меня с благополучным прибытием; узнав, кто меня сюда направил и кто я по национальности, он тотчас спросил:

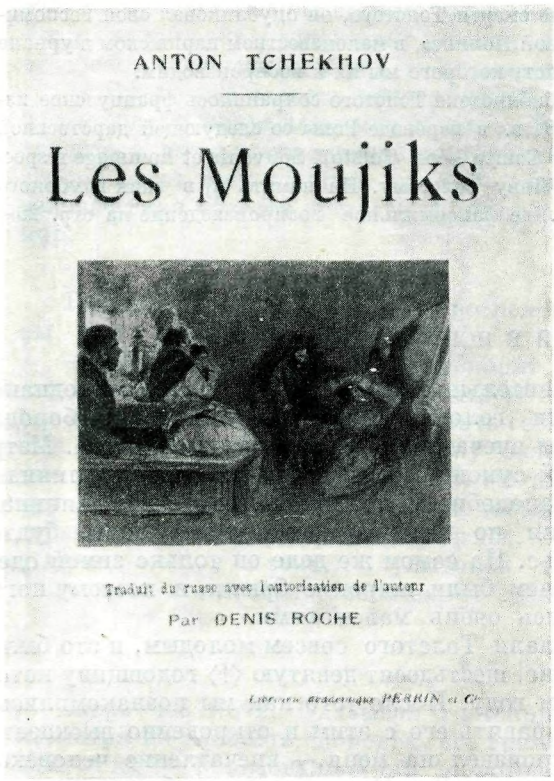
— Итак, мсье, как обстоят дела с Дрейфусом?

Это значило сразу же войти в самую сущность современных интересов, и, в соответствии с лучшими правилами, прямо вступить in medias res *. Я, не стыдясь, сознался, что очень плохо осведомлен. Париж я покинул довольно давно, а с той поры, живя в русской провинции, я только изредка читал газеты; вообще, заметил я, история с Дрейфусом меня мало интересует. Толстого мой ответ почти не удивил.

— Но что за поразительное дело! — заметил мне Толстой,— оно имеет чисто юридический характер, а между тем, как сильно оно волнует! Вряд ли какой-нибудь другой процесс мог бы так взбудоражить весь мир.

Минуту спустя, сидя за столом рядом со своей молодой невесткой [46]— миленькой шведкой, у которой был такой свежий цвет лица, словно она сошла с картины Шаплена,— Толстой объяснялся с ней по-английски столь же легко и живо, как только что говорил по-французски. В продолжение всего завтрака он разговаривал с большим оживлением. В нем чувствовался отлично, по-старинному воспитанный, галантный и весьма остроумный человек〈...〉

* в самую суть дела (лат.).



ПОВЕСТЬ А. П. ЧЕХОВА «МУЖИКИ» В ПЕРЕВОДЕ ДЕНИ РОША (ПАРИЖ, 1901)

Книга, присланная Толстому Дени Рошем

Обложка

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

* * *

Если кто-нибудь устраивался у рояля, Толстой слушал его с большим удовольствием, вникая в музыкальные фразы; светлые и глубокие темы трогали его, и он открыто выражал им свое предпочтение, с жаром осуждая при этом пустозвонную и громогласную музыку. Он предлагал то одному, то другому поиграть с ним в какую-нибудь несложную игру, спрашивал, кто любит гимнастику, и помню, как-то раз, когда мы вышли из-за стола, протянул мне палочку от серсо и, взяв себе другую; кинул мне кольцо, которым мы затем старательно перебрасывались в течение нескольких минут. Толстой, как мне казалось, набил руку в этой игре и проявлял в ней большую ловкость.

После подобной передышки и развлечения писатель брал свой стакан чая и, держа его очень высоко на блюдечке, удалялся к себе.

* * *

В день моего приезда, к вечеру, Лев Николаевич взял меня с собой на прогулку. Мы славно прошлись, сделав километров четыре или пять по холмам и нивам, вдоль реки. Именно в этих местах, кажется, впоследствии был похоронен Толстой. Кругом виднелись ржаные поля, и я вглядывался в эти бескрайние дали, так размашисто набросанные Репиным в его зарисовках Толстого на пашне〈...〉

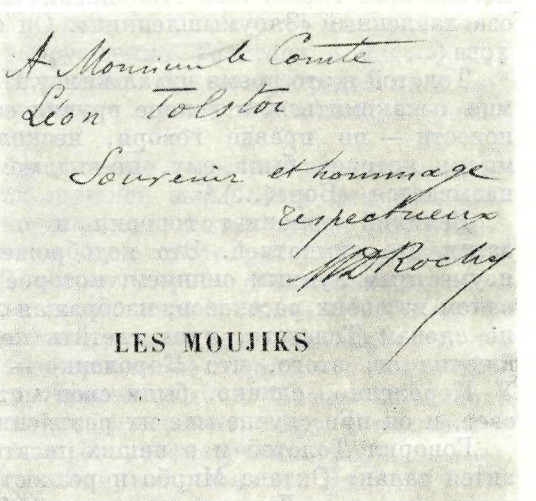
Этот широко раскинувшийся пейзаж Лев Николаевич охватывал взглядом и впитывал в себя в тот июньский вечер, столь же ярко озаренный солнцем в восемь часов, как у нас бывает в пять. Время от времени Толстой

умолкал и долго глядел сквозь полузакрытые веки. Как-то он застыл на месте и стоял несколько секунд, прислушиваясь.

— Вы слыхали? — спросил он меня, снова двинувшись в путь,— это перепел затянул свою песню там, вдали.

Перепел, действительно, должен был находиться чрезвычайно далеко; крик его был столь слаб, что я ровно ничего не слышал. Этой черточки для меня было достаточно, чтобы сразу ощутить в Толстом художника, ощутить его обостренную, тонко развитую, вечно живую чуткость и прежнюю любовь к охоте, которая столь долго владела им и которую усилием воли ему удалось, должно быть, только усыпить, но не искоренить, преодолев ее лишь лет пятнадцать тому назад.

По дороге Толстой вступил со мной в разговор, и поддерживать с ним беседу было поразительно легко. В то время как многие иностранные знаменитости, окружив себя ореолом, держатся недоступно, отчужденно, манерно или всецело завладевают разговором; в то время как столько пигмеев-публицистов, пигмеев-журналистов, пигмеев-художников, которые, вероятно, не оставят после себя ни одной страницы, равной тем, какие Толстой исписывал тысячами, принимают вид высочайшего превосходства и разговаривают лишь в ироническом тоне, убивающем в вас всякое желание общаться с ними,— со Львом Николаевичем каждый чувствовал себя сразу же непринужденно. Все понимали, что перед ним можно полностью раскрыть душу, быть самим собою, спокойно высказывать ему то, что думаешь, как старому приятелю, как другу, который все поймет и ответит начистоту. Вы могли осмелиться — настолько человек этот был исключительно приветлив и сердечен,— не всегда соглашаться с его мнениями и порой противоречить ему, и он ничуть не обижался на вас; он испытывал явное удовольствие, вникая в чужую мысль и раздумывая над



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ДЕНИ РОША НА ЕГО ФРАНЦУЗСКОМ ПЕРЕВОДЕ ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «МУЖИКИ» (Anton Tchekhov. Les Moujiks. Paris, 1901):

Графу Льву Толстому. На память и знак глубокого уважения. М. Д. Рош»

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

точкой зрения, которая не совпадала с его взглядом. Давно уже привыкнув общаться как с людьми из народа, так и с интеллигентами, Толстой постигал, конечно, цену каждой человеческой личности. Полагаю, что ни один из посетителей Толстого, по крайней мере, со времени его великого нравственного перелома, не покинул писателя без чувства признательности за его желание сблизиться, помочь своим опытом и учением. Подобный образ действий являлся для патриарха не только долгом, но, как он говорил, насущной потребностью. Помню, мне, например, он сказал: «Быть может, это вам покажется назойливым (он очень любил слово «embêter», которое употреблял в его прямом значении, как делают это многие иностранцы), но я должен сказать вам одну вещь: *таково требование моей совести*, мой долг. Запомните: вы не имеете права на личное счастье; человек на него не имеет права — вопреки самому ошибочному, самому зловредному взгляду юности. Человек может обрести свое счастье только в счастье других: именно в этом он должен находить свое счастье. Самое большое удовлетворение должно быть в удовлетворении других».

* * *

Толстой говорил о русских писателях, особенно о современных, которыми сумел меня заинтересовать. «Как стилисты,— говорил он,— современные писатели гораздо более искусны, чем мы, старики. (Был ли он полностью прав?) Они гораздо больше художники, у них больше ловкости, больше наблюдательности; однако они уже не разрабатывают сколько-нибудь значительные темы — не хотят или не умеют этого делать. Они занимаются одними пустяками».

Так говорил он и о Чехове, которого любил и отдельные рассказы которого вспоминал с добродушной радостью, освещавшей его глубоко посаженные глаза. Лев Николаевич вспоминал, в частности, рассказ, озаглавленный «Злоумышленник». Он считал его одним из шедевров Чехова〈...〉

Толстой в это время читал книгу Накрохина, с которой рекомендовал мне ознакомиться, и вскоре вручил ее мне. Он был в восторге от этой повести — по правде говоря, несколько длинноватой,— но основная мысль которой была ему, по-видимому, особенно близка. Повесть эта называется «Вор»〈...〉[47]

Великий романист говорил и о Короленко, который не пользовался его симпатией. Это недоброжелательное чувство вызвано было неуместным лунным сиянием, которое автор «Сна Макара» описывает в одном из своих рассказов, изображая лунную ночь в такое время, когда, по словам Толстого, луна светить не могла. Толстой решительно заключил из этого, что Короленко — писатель, лишенный искренности. У Короленко, однако, были свои мотивы, оправдывавшие этот лунный свет, и он при случае мне их разъяснил [48].

Говорил Толстой и о наших писателях. Он сказал мне, что ему нравится талант Октава Мирбо и резкость его суждений. С удовольствием вспоминал он о «Дневнике горничной» [49]. Он высоко ценил Анатоля Франса, а также глубоко, от всей души наслаждался шутками Вольтера. Иначе говоря, он наслаждался его сочинениями как чем-то исключительно французским, «национальным». Не потому ли он ценил во времена своей юности одного нашего писателя, которого за границей до сих пор еще уважают и считают весьма типичным,— поверьте, что я отнюдь не с юмористической целью так смело упоминаю рядом с именем Толстого имя Поля де Кока [50]. И хотя Толстой любил острый ум Анатоля Франса, однако признавал далеко не все его произведения; он не находил, например, никаких достоинств в «Таис». Лев Николаевич плохо знал или не понимал Жюля

Леметра и Барреса. Он питал известное уважение к г. де Вогюэ, гг. Леруа-Болье и Фаге.

Автор «Войны и мира» так хорошо владел нашим языком, что ни одна подробность в его произношении, оборотах речи и словоупотреблении не запечатлелась в моей памяти, не показалась мне своеобразной или необычной. Полагаю, что, благодаря многостороннему чтению и постоянной практике, Лев Николаевич к этому времени достиг значительных успехов по сравнению с тем, как он говорил, или, по крайней мере, писал в юности. Толстой сказал мне, что, когда он читал французские переводы своих сочинений, в частности переводы г. Гальперина-Каминского, он видел или, вернее, очень хорошо чувствовал, что это не звучало или не клеилось по-французски. Из этого, сознаюсь, я сделал вывод, что Толстой обладал гораздо более тонким чутьем к французскому языку, нежели почти все наши издатели, наши интеллигенты или наши передовые критики, которые смаковали и всегда *понимали* великого писателя в этих переводах и читали их с такой легкостью и наслаждением, словно знакомились с подлинником. И если Толстой, зная, каковы его переводчики, не мешал им орудовать, то объяснялось это тем, что он оставлял свои произведения на произвол судьбы или же разрешал г. Черткову посылать их кому заблагорассудится. И, к сожалению, непохоже, что происходившее при жизни Толстого прекратится после его смерти.

Говоря о более старых наших писателях, Толстой заметил, что на него произвел сильнейшее впечатление Стендаль, и что, работая над «Войной и миром», он испытал заметное влияние «Пармской обители». Точка зрения Фабрицио на происходящее сражение, которое он наблюдает из своего уголка, не понимая его общего смысла, сильно поразила Толстого. Эта черта свидетельствовала о глубокой опытности и правдивости, и за это он чрезвычайно высоко ценил Стендаля.

* * *

Мне пришлось как-то выслушать суждения Толстого о некоторых русских художниках. Эти суждения отличались большой определенностью и столь же соответствовали общему строю его мыслей, как и литературные воззрения.

Побывав в Киеве, я получил представление о религиозной живописи Виктора Васнецова. Этот художник пытался выработать для росписи православных церквей современную форму, отличающуюся светлыми тонами, отходящую от византийских и даже чисто русских традиций. Рационалист, таившийся в авторе «В чем моя вера?», решительно восставал против этой попытки обновления иконописного стиля. «Изображать Страшный суд,— говорил он,— Страшный суд на русский лад, с грешниками, которых охватывает пламя или преследуют черти,— в нынешнее время никто не может. В наши дни образованный художник не может больше верить, тем более не может распространять веру в подобные ужасы. Современному художнику следует рассматривать религиозные сюжеты только с исторической точки зрения, как делал это Николай Ге». По тем же мотивам Толстой осуждал живопись Нестерова, художника гораздо менее мистического по духу, чем Васнецов, но достаточно сентиментального. Нестеров довольно свежо изображал всякого рода изящные идиллии, которые он отыскивал в русской монастырской жизни. Лев Николаевич довольно хорошо относился к Репину как художнику и к нескольким изобразителям крестьянского быта из школы, называемой *передвижники*. Впрочем, я думаю, что, родившись в России в те времена, когда пластические искусства почти не занимали общество, и имея возможность последовательно знакомиться с произведениями искусства

только в Москве, где музеи отличаются крайней неполнотой, автор сочинения «Что такое искусство?» не обладал достаточно выработанным вкусом; быть может, у него не было и того инстинкта, которым он обладал в отношении музыки.

Лев Николаевич горячо восхищался чувством современности, которым был одарен (и доказал это в своей скульптуре) князь Трубецкой. Человек этот забавлял его своей оригинальностью и чрезвычайно ему нравился. Лев Николаевич как-то рассказал мне о нем следующий анекдот, который, насколько я помню, в печати нигде не появлялся.

Трубецкой утверждал, будто художник работает только глазами и в книгах нисколько не нуждается; поэтому он ничего не читал. Толстой однажды спросил у него, читал ли он хоть что-нибудь из его сочинений. Трубецкой сознался, что не читал. Лев Николаевич весело заметил ему на это, что какую-нибудь вещь ему прочесть все-таки следовало бы; он поискал, что бы ему дать, и, наконец, вручил экземпляр какой-то книги. Произошло это во время работы Трубецкого над бюстом писателя. Когда закончился сеанс, Трубецкой ушел, не захватив с собою книги. На одном из следующих сеансов Лев Николаевич напомнил ему о его забывчивости и заставил взять том с собой. «Ну что,— спросил он его через несколько дней,— читаете ли вы мою книгу?» — «Да,— отвечал скульптор,— я ее начал».— «Ну и как?» — «Ах,— сказал Трубецкой,— это такая скучища! Я тотчас же ее и бросил». Рассказывая об этой оценке его книги, Толстой смеялся от всей души.

* * *

Старец, по своему обыкновению, повел меня с собою в несколько крестьянских изб. О том, с какой теплотой и непринужденностью принимали у себя «графа» крестьяне, уже рассказывалось немало. У одного из крестьян незадолго до нашего посещения произошла семейная драма, в результате которой один из его зятьев поссорился с *попом*. Крестьянин, предварительно осведомившись, может ли он говорить при мне, рассказал Толстому свою историю и спросил, как теперь поступить.

— Твой зять должен прийти с повинной,— сказал ему Толстой, не задумываясь.

Мужик был явно обескуражен.

— Вам хорошо говорить,— заметил он.— Коли б это сделали вы, ваше сиятельство, то вам бы ничего не сказали, но нам так дело с рук не сойдет.

— Это неважно, это неважно,— настойчиво отвечал ему Толстой.— Зять твой должен прийти с повинной.

В другой избе он рассказал какому-то пожилому мужику о том, как преображается теперь Москва, как фабрики и высокие дома загромождают и безобразят город.

— Ты знаешь Лубянскую площадь,— сказал ему Толстой,— так вот, против Китайгородской стены, на углу Лубянки, недавно выстроили громадный каменный пятиэтажный дом, который торчит на площади, подавляя все остальные дома.

Крестьянин качал головой, кряхтел и ужасался вместе с Толстым.

Через день после моего приезда в Ясную Поляну, прогуливаясь вокруг дома, я неожиданно увидел Толстого верхом на лошади; он высоко сидел в своем седле, опустив руки,— точно такой, каким изобразил его Трубецкой. Лошадь у него была легкая, стройная, но ее скорей можно было назвать добрым конем, чем «красивым животным». Бывший кавказский офицер, родовой дворянин, автор «Холстомера», конечно, отлично разбирался в самых красивых лошадях и знал им цену. Мне кажется, однако, что он любил свою лошадь скорее как простолюдин, испытыва-

ющий нежность к своему сотоварищу, чем как человек из высшего общества или горожанин, гордящийся тем, что владеет дорогой или необыкновенно резвой лошадью.

* * *

Во время моего пребывания у Толстого он правил корректуры «Воскресения». С любопытством разглядывал он присылавшиеся в Ясную Поляну иллюстрации, которые Пастернак делал к его роману для «Нивы», и подвергал их подробной и чрезвычайно проницательной критике.

Он попросил студента, о котором я упоминал выше, прочесть ему вслух сильно занимавшую его книжку. Это был один из тех тоненьких томиков, которые публиковались в Англии господином Чертковым,— в нем доктор Шкарван рассказывал о том, как он отказался от военной службы под влиянием идей Толстого — всего лишь за полтора месяца до конца срока[51]. Лев Николаевич выслушал весьма скромные и чрезвычайно трогательные объяснения Шкарвана и подробности о том, как все это произошло. Отдельные места он просил прочесть ему еще раз, обсуждал их и глубоко задумывался, и это было вполне естественно. Заметно было, что в нем происходила серьезная, полная убежденности внутренняя работа. Толстой прислушивался ко мнению других, но чувствовалось, что он непоколебимо уверен: «Да, именно так, именно так следует поступать».

* * *

Когда я прощался с Толстым, он сказал мне, употребляя выражение, которое, как мне кажется, было для него привычным:

— Итак, до свидания, господин Рош. Вы знаете поговорку: «Гора с горой не сходится, а человек с человеком сходится», надеюсь, что мы увидимся снова.

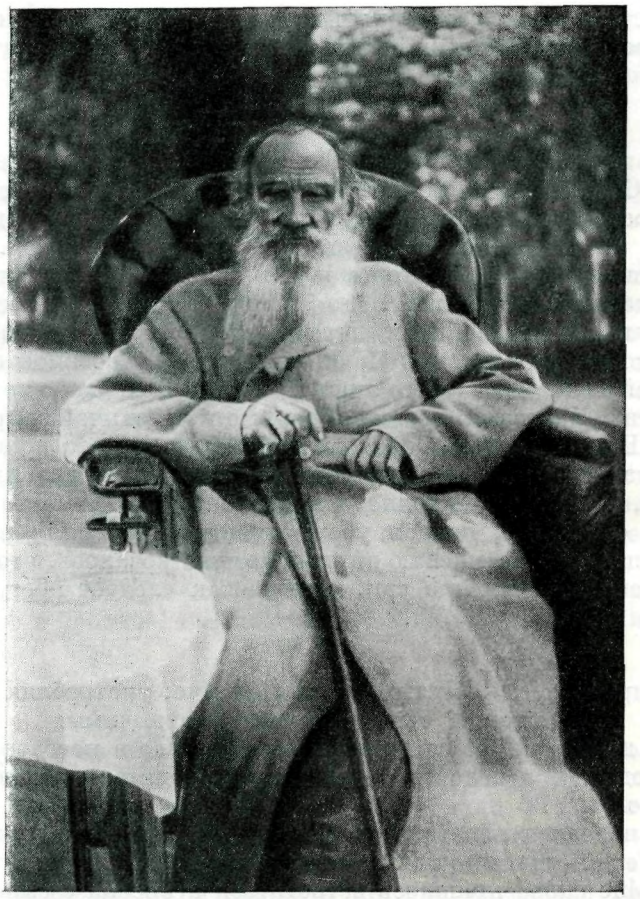
Я также надеялся на это, и мне казалось, что новое свидание наше возможно. Теперь же понимаю, какую я проявил непростительную небрежность. Мне снова пришлось встретиться в России с сыновьями Толстого, я снова увиделся в Петербурге с графиней, но когда я прибыл в Москву, мужа ее там не оказалось, а в Тулу я не поехал. Я полагал, что после болезни, которую патриарх перенес в Ялте, он сильно постарел, и мне пришлось слышать из года в год, что многочисленные визиты иностранцев все больше утомляют его. Вот почему я не осмелился снова злоупотребить его гостеприимством или благожелательностью, как прекрасны они ни были. Я сохранил поэтому в своей памяти только один образ — образ человека самого величественного из всех, к кому мне суждено было приблизиться. Эта натура была в то же время исключительно гармоничной, преисполненной притягательной силы,— и что бы ни говорили о некоторых взглядах Толстого,— цельной и обаятельной.

Т. БЕНЗОН

17/30 августа 1901 г. известная в свое время романистка и историк литературы *Т. Бензон* (Мария Тереза *Блан*, 1840—1907) обратилась к Толстому со следующим письмом, на французском языке:

«Граф!

Позвольте мне представиться вам: я принадлежу к числу самых старых и усердных сотрудников „Revue des Deux Mondes“ и приехала в Россию с целью ее изучения. Изучение это окажется весьма неполным, если мне не удастся увидеться с тем, кто выражает собой русскую душу и русский гений,— с тем, чьи произведения издавна внушали мне желание посетить Россию, где я, наконец, уже и нахожусь.



ТОЛСТОЙ
Фотография. Гаспра, 1902
Музей Толстого, Москва

Не согласитесь ли вы принять меня и указать, как до вас добраться? Я живу у своей приятельницы, г-жи Джунковской, в окрестностях Полтавы. Я собираюсь уехать отсюда 15 или 20 сентября и отправиться в Москву, сделав, если вы разрешите, по дороге остановку у вас. Мне сказали, однако, что вы вскоре уезжаете в Крым. В случае, если другой возможности встретиться с вами нет, я без всяких колебаний предприму и это продолжительное путешествие. Однако я предпочла бы, несколько ускорив мой отъезд из Полтавы, встретиться с вами в вашем имении. Соблаговолите, пожалуйста, сообщить мне: не покажется ли вам мое посещение докучливым, и предупредите меня, когда вы переезжаете в Крым. Прошу, наконец, указать, в какое именно место вы направляетесь. Я вам буду бесконечно признательна за эти разъяснения. Примите, граф, выражение моего пламенного восхищения.

Т. Бензон (г-жа Блан)» (*AT*)

На это письмо Толстой продиктовал ответ 2/15 сентября 1901 г. (по-французски):

«Милостивая государыня!

Я очень сожалею, что не могу принять вас в Ясной Поляне. Мы собираемся уезжать в Крым. Я знаю вас уже очень давно и никогда не пропускал случая прочесть ваши статьи в „Revue des Deux Mondes“ и был бы очень рад познакомиться с вами лично.

ТОЛСТОЙ
Фотография. Гаспра, 1902
Музей Толстого, Москва

Но я боюсь, что вы будете плохо вознаграждены за большое путешествие в Крым, которое вы предполагаете совершить, тем более, что мое здоровье не вполне еще восстановлено, и я могу оказаться не в состоянии воспользоваться вашим приятным обществом, как бы мне этого ни хотелось. Во всяком случае, примите, милостивая государыня, уверение в моих лучших чувствах.

Лев Толстой» (т. 73, стр. 143).

6 сентября Бензон снова обратилась к Толстому:

«Четверг.

Граф!

Прошу вас написать мне еще словечко. Мне не хотелось бы быть назойливой: посещение мое ни в коей мере не должно быть для вас докучным, в противном случае я с огромным сожалением тотчас же отказалась бы от него и не настаивала бы более. Но оно будет очень кратким, я прошу вас лишь об одной-двух встречах на несколько минут.

Можете ли вы дать на это согласие — с тем, чтобы это вас не слишком утомило? Если вы позволите мне явиться к вам между 12 и 15 сентября, то не соблаговолите ли прислать мне свой крымский адрес? Меня, вероятно, будет сопровождать моя

приятельница, г-жа Джунковская, многолетняя самоотверженная деятельность которой среди крестьян в Федоровке вам, вероятно, известна. Ваше учение — более или менее косвенно — вызвало в России множество прекрасных примеров самозабвения и жертвенности, которые совершаются с такой простотой, что чаще всего остаются неизвестными. Так обстоит дело и с моей приятельницей; она рассердилась бы на меня, узнав, что я сообщаю вам или напоминаю о ее благородной деятельности, но знаю, что она будет столь же счастлива, как и я сама, лично познакомиться с вами.

Примите же, милостивый государь, мою благодарность за столь любезное письмо и вместе с тем примите уверение в глубоком уважении и восхищении, с которыми, как и я, к вам относятся все французы.

Т. Блан-Бензон

Я вскоре вынуждена возвратиться во Францию» *(АТ)*.

С. А. Толстая ответила на это письмо, сообщив Бензон, что она может приехать для свидания с Толстым прямо в Гаспру. Несмотря на то, что поездка эта не могла быть особенно легкой для пожилой писательницы, она отправилась в путь и почти через двое суток добралась до дачи графини Паниной, где жил в это время Толстой. В своих воспоминаниях, появившихся в журнале «Revue des Deux Mondes» от 15 августа 1902 г. под названием «Autour de Tolstoï» («Вблизи Толстого») *, она отмечает, что встреча с автором «Войны и мира» произвела на нее огромное впечатление. Личность писателя — «больного, преследуемого, отлученного от церкви, но противостоящего буре с непоколебимой мощью огромного дуба, который не боится грозы», навсегда слилась в ее памяти с «рамкой восхитительного крымского ландшафта». «Какой патетический контраст между радостным великолепием пейзажа и трагедией этой судьбы, на которую в ту пору устремлены были взоры всей империи, всей Европы, в предвиденье близкой смерти этого грешника, не сопровождаемой религиозными благословениями и молитвами»,— восклицает писательница.

Бензон сознается, что приехала с некоторым предубеждением к Толстому, которое примешивалось к безграничному восхищению гениальным писателем: «Я слегка сомневалась в его простодушии и относилась к его парадоксам с некоторым недоверием. Слишком много фотографий наводнило весь мир, наглядно показывая всем, как он идет за бороной или за плугом, колет дрова, косит яснополянские луга, сидит у верстака или пишет в мужицкой одежде, сидя за столом в пустой комнате, украшенной лишь косой, пилой и киркой. Эти сенсационные портреты, в том числе последний — шедевр Репина, где Толстой изображен босым, порой коробили меня; я видела в них досадное стремление бить на эффект; я спрашивала себя, можно ли до такой степени окрестьяниться, продолжая жить в своем поместье, так упорно отрекаться от всех мирских благ и отказываться от значительных авторских гонораров, предоставляя в то же время пользование ими собственной семье».

Бензон описывает внешность Толстого — «рослого, стройного и крепкого старца, гораздо более красивого, чем на всех своих портретах, так как они передают лишь его львиный облик, своеобразный и внушительный вид его струящейся бороды, резкие черты лица под великолепным лбом мыслителя и мечтателя, кустистые брови, наполовину скрывающие пламя его взгляда. Но быстрая смена выражений, необыкновенная живость этого сурового лица ускользают от художника. А в его улыбке столько доброты; этот крестьянин скрывает под своей блузой законченный облик вельможи! Рядом с этой блузой элегантные светлые туалеты графини Толстой несколько удивляют...»

Мемуаристка отмечает, что высказывания Толстого, отличавшиеся исключительной правдивостью, отсутствием всякого педантизма, показались ей поистине обворожительными.

Ниже приводятся наиболее значительные фрагменты из воспоминаний Бензон.

* Статья эта вошла впоследствии в книгу Бензон «Promenades en Russie» («Прогулки по России»). Paris, 1903. Сильно сокращенный русский перевод воспоминаний Бензон был напечатан в 1903 г. в Одессе в виде брошюрки под названием «У Л. Н. Толстого». В ней отсутствует бóльшая часть текста, публикуемого нами по «Revue des Deux Mondes».

ВБЛИЗИ ТОЛСТОГО

...Нас приняли в просторной и изящной гостиной, слишком роскошной, по мнению Толстого, который удалил из нее самые дорогие вещи. Однако полный простор своему аскетическому вкусу он смог дать только в собственной комнате, где всю меблировку составляет широкий грузинский диван, служащий ему кроватью, и письменный стол — длинный, словно банкетный, заваленный всякого рода бумагами, газетами, разрозненными рукописями, по которым вьется его тонкий, быстрый почерк, несколько стихийный, как сказал бы графолог; рукописи эти автор испещрил помарками, главным образом, зачеркиваниями, что не мешает ему без конца править корректуры, на которых типографщики, судя по виденным мною образцам, едва могут разобрать то, что было ими прежде набрано, ибо Толстой — художник вопреки собственной воле: несмотря на отрицательные отзывы об искусстве, для него форма произведений имеет гораздо большее значение, чем можно предполагать по его высказываниям. Я убедилась в этом, когда он говорил о наших молодых писателях, о «Revue Blanche» и пр.

Рассуждая со спокойной иронией о некоторых экстравагантностях импрессионистов, и в особенности сенсуалистов, а также о претензиях «непонятных писателей», воображающих, будто они трудятся лишь для избранных, он с живостью заметил: «Как, однако, хорошо пишут во Франции!» При этом он добавил, что мы почти исключительно пользуемся монетой, начеканенной нашими великими писателями прошлого.

Я спрашиваю его, правда ли, что в своем интервью, недавно помещенном в газетах, он назвал хорошей книгой какое-то почти порнографическое сочинение [52], и он признает погрешности этой книги, применяя грубое словечко *аббата Таконе* [53]. «Однако,— говорит он,— в первой главе автор выражает сострадание; это гуманно, это искренне...» И затем добавляет: «Это произведение настоящего писателя...»

. . . . . .

За обедом беседа продолжает вертеться вокруг Франции и французской литературы. Толстой в восторге от нашего XVIII века, особенно от Руссо, с которым он — несмотря на явное превосходство своего характера — чувствует поразительное сродство: оба с одинаковым смирением исповедались перед потомством, оба питают страсть к правде — это не означает, впрочем, что они всегда верно видят; каждый из них, наконец, дал новый толчок родной литературе, тесно сблизив ее с природой, с человечеством, лишив ее ходуль и придворной мантии. Эпоха Руссо и энциклопедистов — вот, по Толстому, прекрасная пора французской литературы. Восхищение, с которым он относится к Бальзаку, вызывает в нем легкое пренебрежение к Золя; он недооценивает прелесть Альфонса Доде; Гюисманс его интересует. Мопассаном он восторгается, но порой порицает его за выбор сюжетов; одержимость женщинами отравляет, по его мнению, нашу современную литературу.

Говоря о критике, он определяет ее роль в соответствии со своими взглядами: она должна, полагает он, находить в каждой стране всё, что есть лучшего, содействовать падению всего ложного, выявлять ошибки общественного мнения, всякого рода погрешности, по возможности пробуждать добрые чувства, но, прежде всего, взывать к справедливости! Такими достоинствами обладает творчество г. Брюнетьера, к которому он испытывает глубочайшее уважение. Его всегда поражает, говорит Толстой, ясность этого ума, столь честного и непоколебимого; и он любит Брюнетьера за то, что тот объявил о банкротстве науки [54]. Толстой не раз возвращается к этой мысли и говорит с тем же жаром, с каким отстаивает самые дорогие свои убеждения. Банкротство науки! Что за находка! Как хорошо это сказано и доказано!

Из наших романистов Толстой никогда не испытывал особенного пристрастия к Жорж Санд, и это странно, ибо она, несомненно, дочь и наследница Руссо, которого он обожает. С теплым чувством вспоминает он имя Октава Фелье. Из романов последнего времени его больше всего поразила «Умирающая земля»[55]; в ней он находит много такого, что может быть с таким же успехом применено к России, как и к Франции! Толстой чрезвычайно ценит г. Эдуарда Рода; он с воодушевлением отмечает высокое значение «Смысла жизни» [56]. Мы говорим о братьях Маргеритах; Толстой очень признателен им за то, что они с глубокой грустью описывают войну [57], которую никогда не следует защищать или даже просто извинять. Его симпатия к г. Полю Бурже чрезвычайно жива; быть может, она несколько поостынет после чтения «Этапа». Заметим в скобках, что он никогда не одобрял создания какого-либо *Толстовского союза* [58], какого-либо общества, объединенного вокруг его имени, и даже не хочет отвечать на расспросы о *его* учении, считая, что существует только одно вечное, всеобщее учение, истинное для него и для всех людей и четко выраженное в Евангелии: «Как только человек понял его, он перестает нуждаться в другом руководителе. Главный смысл христианского учения — это создание непосредственного общения между богом и человеком» *.

Самый большой его любимец в области романа — Диккенс, и легко отгадать почему. Как и Толстой, Диккенс любит маленьких, обездоленных людей, затененные стороны жизни; как и он, Диккенс обличает несправедливость, угнетение и жестокость. Толстому нравится социализм Джордж Элиот. При упоминании об этой незаурядной женщине я спрашиваю, как понимать его собственные антифеминистские теории, и он отвечает с учтивостью безукоризненно воспитанного человека, что стоит за свободное проявление способностей каждого — мужчины и женщины — лишь бы то, что называют культурой, не уничтожило главные добродетели и не порождало тщеславия.

Весь его гнев направлен против Киплинга; он не только ненавидит воинственный империализм английского писателя; но даже отказывает ему во всяком таланте — тут уж он хватает через край.

Ужас, который Толстой питает к войне, особенно проявился в брошюре, которую он, по-видимому, готовил к печати именно в то время, когда я была у него, ибо она через два месяца появилась в Париже и помечена Гаспрой [59]〈...〉

Воспользовавшись вопросом Толстого о народном просвещении во Франции, я пытаюсь ознакомиться с его взглядами на педагогику. Вот его ответ:

— Конечно, порядок необходим и нужен какой-то метод, но я рекомендовал бы, главным образом, свободу. Не следует принуждать детей ни к каким занятиям. Пусть они знают, что такой-то урок состоится точно в такой-то час и пусть приходят на него, если им захочется. Если ж они не придут,— значит, у них нет необходимых способностей или преподаватель не умеет сделать урок интересным.

...На мой вопрос, не принесли ли ему утешение прекрасные переводы «Воскресения» (г. де Визева) и «Детства», «Отрочества», «Юности» (Арведа Барина) после стольких огорчений, причиненных ему отвратительными переводами других его произведений, Толстой согласился, что скверный перевод — действительно довольно жестокое испытание для авторского самолюбия, но еще больше, чем калечения переводчиками, он боится

---

* См. письмо к англичанам, предложившим ему проект кружка под названием «Толстовское общество» («Письмо», переведенное Ж. В. Бинштоком. Париж, 1902).

принятого во всех странах обычая вырезать из сочинения все, что противоречит установившимся верованиям и предрассудкам. Впрочем, все это, по его словам, не имеет большого значения.

Если у Толстого и есть тщеславие, в котором некоторые его обвиняют, то им самим оно совсем не осознано. Я же, со своей стороны, убедилась в его полном равнодушии к вопросам подобного рода. Никогда не читает он статей, посвященных его книгам, боясь найти в них пищу для тщеславия. Когда я заметила, что он наверно давно уже чувствует себя выше похвал и порицаний, Толстой ответил с трогательным смущением:

— О нет, в этом никогда нельзя быть уверенным...

Тем, кто намекает на то, что его жизнь и учение не всегда согласуются между собой, он неизменно отвечает:

— Этим доказывается не низость моих принципов, а только моя слабость.

А слабости, в которой его часто упрекают, мы, после часа беседы, смогли дать настоящее определение — это доброта, доброта, которая боится причинить другим даже малейшее страдание〈...〉

Я видела за столом, как он с покорностью ребенка ел и пил все, что ему заказывала жена, хотя до болезни он оставался верен вегетарианскому режиму. Он говорил, извиняясь: «Врачи на этом настаивают. Я теперь полностью в их власти».

И он с рассеянным видом спешил покончить с едой — словно с барщиной, с которой ему надо поскорей развязаться. Вероятно, он предпочел бы твердо держаться одной линии поведения, не противоречить самому себе. Но люди и обстоятельства мешают этому, и, по-видимому, он сожалеет об этом из-за возможной огласки, но, в конечном счете, для него важно только одно: оставаться в том душевном состоянии, которое делает невозможным всякого рода жестокость, гнев, насилие. Его смирение перед физическими страданиями трогательно. Он никогда не жалуется, хотя носит в себе две или три неизлечимые болезни〈...〉 Его слабость, следовательно,— слабость героическая. Как бы то ни было, он в ней смиренно сознается〈...〉

По поводу «Воскресения» я задаю ему вопрос, часто вызывавший споры между мной и моими русскими друзьями. К кому относится слово *воскресение*: к новоявленной ли Магдалине, носящей фамилию Маслова, или к тому, кто ее некогда погубил, ровно ничем не рискуя? Воскресение Нехлюдова, олицетворенной вялости как в добре, так и в зле, жертвы особой душевной инертности, которая исключает угрызения совести и исправление, кажется мне во многих отношениях делом самым трудным, но и самым интересным. Я всегда считала, что воскресшим, по мысли автора, должен считаться именно Нехлюдов. И, кажется, я не ошиблась.

— Однако,— заметил кто-то из присутствующих,— где же это обращение, это воскресение Нехлюдова? В чем оно состоит? Где залог этой перемены? Мы видим, что Нехлюдов сохранил свое состояние и положение в обществе. Он уже почти готов побороть себя и пойти на жертву женщине, которая стала выше его в нравственном отношении, но накануне этой жертвы он жалеет о своем буржуазном благополучии; утехи пустого света, по-видимому, не утратили своей власти над ним.

— Это верно,— замечает Толстой,— поэтому-то его история и не окончена. Я намерен продолжить ее когда-нибудь [60], но мне столько еще нужно написать до этого...

И добавляет с улыбкой:

— Есть чем заполнить лет сорок жизни!

Известно, что Толстой готовит к печати свой «Дневник», в котором он пишет о свободе совести. Я не осмеливаюсь заметить, что лучше бы ему снова приняться за хороший роман и что мне сильно хотелось бы,

чтоб он никогда не придавал другой формы, кроме формы романа, своим мыслям, которые приобрели теперь характер изречений оракула. Но разве не отличаются патетическим характером эти мощные проекты старца, смерть которого столько раз объявлялась неотвратимой? Он трудится, не покладая рук, как и прежде, отдавая все долгое утро творчеству. Поехать в Крым он согласился лишь при условии, что ему позволят работать.

Исполненная юности и очарования способность всем наслаждаться сохранилась в Толстом, несмотря на его старость и немощи. Он увлекает нас на террасу полюбоваться красивой лунной ночью. Запах цветов окутывает нас среди полного молчания. Толстой восклицает:

— Что за ночи в Крыму... До чего они хороши!

Он страшно рад тому, что болезнь предоставляет ему время от времени передышки, которые ему удается иногда использовать для продолжительных прогулок по окрестностям〈...〉

Мы возвратились в большую гостиную и, сидя вокруг стола, при свете ламп рассматриваем прелестные фотографии, снятые в окрестностях графиней Толстой.

Разговор заходит о репинском портрете.

Он был приобретен государством для Музея Александра III, но теперь духовенство запрещает православным устремлять взор на зловредное изображение человека, отлученного от церкви, и потому трудно предположить, что портрет в ближайшее время сможет занять место в публичной галерее [61].

Я замечаю, что художник с редкой правдивостью схватил обычную позу Толстого, его манеру закладывать за пояс свои несколько огрубевшие от тяжелого труда руки. Когда кто-то упоминает о его босых ногах, Толстой прерывает нас самооправданием:

— Я шел купаться,— говорит он.— Репин, который жил тогда у меня, сказал мне: «Оставайтесь так».

И я с живейшим раскаянием думаю о многих людях (в их числе была и я сама), которые видят в этой фантазии художника позу, предписанную самим писателем, претензию казаться настоящим мужиком.

То же самое было и со всеми другими будто бы претенциозными позами Толстого. Ужас перед условностями, перед лицемерием, желание протестовать против рутины зла и в то же время равнодушное подчинение требованиям других, когда они не затрагивают самую сущность его убеждений,— вот его подлинное душевное состояние. Приношу ему за себя публичное покаяние.

Между тем нам показывают портреты многочисленных детей — кажется, у Толстого их было человек десять: этот аскет — подлинный патриарх. Вначале — портрет самого любимого, последнего мальчика, родившегося гораздо позже остальных, обожаемого всеми и унесенного смертью так рано, совсем еще ребенком, чудесно одаренного сына старца Толстого — Ванечки.

Графиня говорит о нем с необычайной материнской страстью. «Кто-то,— рассказывает она, — однажды сказал: „Что в Ясной Поляне самое интересное и необычное? — Конечно, Толстой? — Нет, Ванечка. Приезжаешь из-за Толстого, а остаешься ради Ванечки“».

И Толстой охотно дает затмить себя своему умершему ребенку. Он слушает жену, которая говорит много и не без приятности. Она же сознается нам, что чувствует здесь себя несколько одинокой, так как привыкла принимать у себя множество людей. Она называет имена самых интересных своих гостей. Среди них — г. Деруледа, посетившего Ясную Поляну и сказавшего: «Никто в этом доме не сходится со мною во взглядах, однако мне здесь нравится, мне здесь бесконечно нравится» [62].

Вечером Софья Андреевна получила письмо и прочитала выдержки из него вслух; это было обращение какого-то *попа*, заклинавшего ее содействовать обращению Толстого в православную веру до его кончины.

— Это письмо еще преисполнено добрых намерений,— замечает она,— но духовенство засыпает нас грозными предупреждениями. В соседних церквах некоторые священники читают проповеди, направленные против моего мужа. Симферопольский архиерей с амвона называл его антихристом〈...〉

Толстой не жалуется на какие-либо преследования. Уж давно он просил, чтобы простые читатели и распространители его сочинений не подвергались наказанию и чтобы кара, если таковая последует, пала на него одного. И, написав свое знаменитое письмо по поводу казанских демонстраций [63], он был заранее готов к наказанию.

— Утверждают,— заявил он нам,— будто письмо мое растрогало императора, однако все ему без конца повторяли, что Толстой — романист и что политические вопросы ему чужды. И царь подчинился общему мнению.

. . . . . .

Толстой предлагает нам в следующий раз встретиться в Ясной Поляне; он произносит последнее слово горячей симпатии к Франции, и я уношу с собой все то невыразимое, что он оставляет у всех, кто приближается к нему...

ЖОРЖ АНРИ БУРДОН

2/15 марта 1904 г., в самый разгар русско-японской войны, в Ясную Поляну приехал французский журналист Жорж Анри *Бурдон* (1868—1938), командированный редакцией «Figaro» для освещения внутриполитического положения России.

«Побуждаемый глубоким благоговением, безграничным преклонением перед литературным гением Толстого и страстным желанием увидеть собственными глазами образец высшей гуманности»,— писал он впоследствии, а главное — надеждой получить от Толстого обстоятельные ответы на многие актуальные вопросы, Бурдон решил во что бы то ни стало побывать в Ясной Поляне. Какой-то из его русских друзей обратился к Толстому с письмом, в котором просил оказать гостеприимство французскому журналисту, и получил по телеграфу лаконичный ответ: «Милости просим»[64], приведший Бурдона в восторг. Он опасался, правда, что Толстой может увидеть в нем одного из тех бесцеремонных и назойливых путешественников, которые из праздного любопытства вторгаются в дом знаменитого писателя и отвлекают его от работы. Согласится ли он ответить на поставленные ему вопросы? С такими мыслями Бурдон подъехал к яснополянскому дому. Прием, оказанный ему Толстым, превзошел самые смелые ожидания. Журналист покинул на следующий день Ясную Поляну с еще более пылким и благоговейным чувством к великому писателю.

7/20 марта 1904 г. он писал С. А. Толстой:

...«По правде говоря, я не знаю, как выразить вам свою бесконечную благодарность за оказанный вами сердечный прием. Я был для вас лишь проезжим незнакомцем, и вы не могли знать, с какой робостью и в то же время с какой жгучей радостью приблизился я к месту паломничества, которым гордится весь мир. Этому незнакомцу вы, граф Толстой, и все ваши домашние оказали самое нежное гостеприимство, и я покинул ваш дом столь же глубоко растроганный, как ослепленный и очарованный〈...〉 Посылаю вам фотографическую карточку графа, которая, как мне кажется, очень удалась. Если бы мэтр согласился подписать мне ее, я был бы ему чрезвычайно признателен...» (подлинник на французском языке.— *А Т*).

Возвратившись в Париж, Бурдон принялся за книгу о своем посещении Ясной Поляны, которую закончил в июле того же года (ее резюме было напечатано в «Figaro»). В начале октября книга вышла в свет под названием «En écoutant Tolsto ï · Entretiens

sur la guerre et quelques autres sujets» («Внимая Толстому. Беседы о войне и некоторых других предметах»). В качестве приложения Бурдон напечатал статью Толстого «Одумайтесь!» (в переводе Ж. В. Бинштока) и выдержки из его писем к разным лицам, озаглавленные «Неизданные письма Толстого».

15 октября 1904 г. Бурдон отправил Толстым в Ясную Поляну второй из пяти нумерованных экземпляров своей книги с надписью на шмуцтитуле: «A la comtesse Léon Tolstoï, au comte Léon Tolstoï, au Maître de toute sagesse, j'offre respectueusement ces pages inhabiles où j'ai enfermé le souvenir d'une journée de la resplendissante beauté. Georges B o u r d o n» («Графине Толстой, графу Льву Толстому, Всемудрому Учителю, почтительно преподношу эти несовершенные страницы, на которых я запечатлел воспоминания о дне, исполненном ослепительной красоты. Жорж Б у р д о н»)[65].

В тот же день он писал Толстому из Парижа (по-французски):

«Мэтр!

Мне хотелось сделать общим достоянием память о незабвенных часах, проведенных у вас в гостях, и я собрал в этом томике все ваши основные высказывания во время беседы, которой вы благоволили почтить меня в Ясной Поляне.

Я сделал все, что было в моих скромных силах; без сомнения, в моем рассказе нет того пламени, которое воодушевляло тогда вашу речь, и невыразимой яркости, источаемой вашим животворным учением. Но я старался, по мере сил, верно и точно передать ваши слова. Смею надеяться, что вы убедитесь в этом, и я счел бы себя полностью вознагражденным, если б вы послали мне подтверждение, что это мне удалось. Одновременно с этим письмом я посылаю вам и книгу. Мне остается глубоко извиниться перед вами, что я не выслал ее в тот день, когда она вышла в свет, то есть на прошлой неделе; но тогда роскошный экземпляр, который я для вас предназначил, еще не был готов.

Самое задушевное мое желание и, возможно, самое назойливое — когда-нибудь возобновить свое паломничество в Ясную Поляну и снова приблизиться к пылающему там и озаренному сиянием очагу [66]. Прошу вас, мэтр, принять вместе с пожеланием долгого и доброго здоровья выражение моего горячего к вам уважения. Графиня позволит мне, надеюсь, сохранить и ее в том немеркнущем воспоминании, которое у меня осталось о вашем гостеприимстве, и принять от меня самые почтительные знаки уважения. Жорж Б у р д о н» (*АТ*).

Толстой ответил Бурдону следующим письмом (по-французски) 3 ноября:

«Дорогой г. Бурдон. Благодарю вас за присылку вашей книги. Я очень ценю точность, с которой вы передаете наши беседы, но должен признаться, что чересчур хвалебный тон произвел на меня тяжелое впечатление. Очень рад был найти в вашей книге перевод моей статьи о войне. Хотя я уверен, что конец войны наступит не так скоро, но он наступит в меру наших усилий в этом направлении, а моя статья — одно из этих усилий, хотя и небольшое. Жена моя польщена всем тем, что вы о ней написали [67]. Она вам кланяется, а я жму руку. Лев Т о л с т о й» (т. 75, стр. 172).

22 января 1905 г. Бурдон с благодарностью откликнулся на теплое письмо Толстого. Подтверждение, что он верно передал высказывания своего великого собеседника, не могло не явиться величайшим торжеством для мемуариста. Что же касается восторженных похвал, которые вызвали у Толстого некоторое неудовольствие, то их безусловная искренность, конечно, только усилит чувство симпатии к Бурдону со стороны современного читателя.

ВНИМАЯ ТОЛСТОМУ

...Звоню у двери, обитой кожей, усеянной гвоздиками и защищенной навесом. Отворяет слуга; я переступаю порог второй двери; меня вводят в узкую библиотечную комнату на нижнем этаже. Жду.

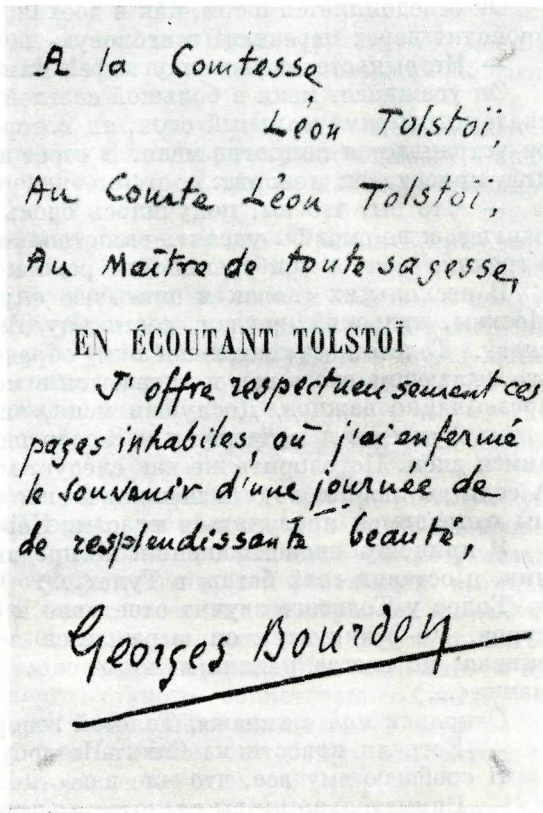
Я испытываю тот легкий трепет, который должен быть знаком каждому приближающемуся к кратеру вулкана. Меня пугает мысль, что я испугаюсь. Сейчас я увижу Толстого! Не знаю человека, чьи книги могли бы нарисовать в воображении более возвышенную, внушительную, исполин-

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЖОРЖА БУРДОНА НА КНИГЕ «ВНИМАЯ ТОЛСТОМУ»

(Georges Bourdon. En écoutant Tolstoï. Paris, 1904):

«Графине Толстой, графу Льву Толстому, Всемудрому Учителю, почтительно преподношу эти несовершенные страницы, на которых я запечатлел воспоминания о дне, исполненном ослепительной красоты. Жорж Бурдон»

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»



скую личность, и Толстой, вложивший всю душу в свои произведения, представляется мне чем-то вроде библейского бога — бесконечно сильным, бесконечно добрым, непреклонно строгим к несправедливости, суровым ко злу и особенно внушающим страх вследствие своего безграничного совершенства〈...〉

Долго ждать мне не пришлось. Через несколько минут я услышал, как кто-то медленно спускается по лестнице; отворяется дверь, и на пороге появляется он.

Толстой делает в этой крошечной комнате шага три по направлению ко мне; привычным жестом заложил он левую руку до мизинца за пояс, правая рука его опущена, широкая улыбка светится из-за длинной бороды — действительно, передо мною внезапно возник бог-отец с картин итальянских мастеров. На нем серая блуза с открытым воротом, позволяющая различить за бородой белую рубашку без воротничка, — широкие брюки и кожаные туфли; но не этот костюм, приобретший популярность во всем мире благодаря иллюстрациям, бросается мне прежде всего в глаза,— а поразительная величина его лица. Как изображают на буйных фресках Отца человеческого,— в нем все неизмеримо велико: лоб, высокий и громадный, словно стена цитадели, широкий нос, плотные губы, седые чащи бровей, усов, маркграфской бороды; огромные уши, отверзтые словно люки корабля, и в особенности его серо-синие, глубоко сидящие глаза, которые пылают, словно очаги, кипят, как кратеры, а когда они обращают на вас темное пламя своих зрачков, то проникают вам прямо в душу.

Толстой говорит:

—Добро пожаловать к нам, господин Бурдон!

Он осведомляется о том, как я доехал, и затем, увлекая меня за собой, проводит через переднюю в столовую на втором этаже.

— Не выпьете ли чашечку кофе? Вам надо согреться.

Он усаживает меня в большой светлой комнате за длинный, покрытый скатертью прямоугольный стол, на котором кипит медный самовар. Сам он устраивается напротив меня. В ответ на мои извинения за столь поздний приезд, он говорит:

— Что вы, что вы, получилось очень удачно. Если бы вы приехали раньше, я не смог бы уделить вам столько времени, сколько хотелось бы. Утренние часы я приберегаю для работы: это мои любимые часы.

В нескольких словах я описываю ему свое путешествие — отъезд из Москвы, тульский вокзал, гостиницу Вермана, четырнадцать верст по снегу. Толстой внимательнейшим образом выслушивает мой рассказ; его пылающие глаза так и впиваются в меня, словно я сообщаю что-то чрезвычайно важное. Дослушав меня, он говорит:

— А теперь я попрошу у вас разрешения уйти поработать. Мы увидимся днем. Поговорить же как следует мы лучше всего сможем вечером. А если вы любите ходить пешком и снег не пугает вас, то в четыре часа мы отправимся прогуляться вдвоем. Переночуете вы, конечно, здесь?

Я приношу свои извинения: не предвидя столь любезного приглашения, я оставил свой багаж в Туле〈...〉

Голос у Толстого звучит отчетливо и благодушно, он серьезен, но не суров. По-французски **он** выражается легко и свободно, иногда подыскивая, но всегда находя нужные слова; речь его проста, точна, обдуманна〈...〉

Отправив мой «экипаж», Толстой говорит мне, положив ногу на ногу:

— Есть ли новости из Санкт-Петербурга?

Я сообщаю ему все, что мне известно, и прибавляю:

— Внимательно ли вы следите за военными событиями?

Толстой с огорченным видом взмахивает правой рукой:

— Разве можно оставаться безучастным к подобному конфликту? Разве можно оставаться безучастным к происходящей войне, к войне вообще? Какое горькое чувство вызывают эти кровопролития!

Я поднял глаза. Прямо передо мной, над головой Толстого, я увидел приколотую к стене булавками французскую карту Кореи и Маньчжурии.

Я говорю:

— Но ведь эта война — не только конфликт между двумя народами. Она обрушила друг на друга две расы. Какие последствия, по вашему мнению, может иметь победа той или другой расы?

— Не все ли это равно? Я не делаю различия между расами. Прежде всего я думаю о «человеке», мне все равно — русский он или японец — я за рабочего, за угнетенного, за несчастного, к какой бы расе он ни принадлежал. При всех обстоятельствах — что выиграет он от этой схватки?..

. . . . . .

Я допил свой кофе. Толстой поднялся с места. Его прекрасное благодушное лицо с улыбкой склонилось ко мне:

— Я вынужден вас покинуть. Возвращаюсь к своей работе. И вам, конечно, следует отдохнуть после ночи, проведенной в поезде. А может быть вам нужно поработать? Вы найдете там, в библиотеке, все, что вам понадобится. Итак, до скорой встречи.

. . . . . .

В начале завтрака быстро, как вихрь, влетает графиня в лиловом платье, элегантная и простая, с молодым лицом, каштановыми волосами без малейшей седины, с острым взглядом, живыми движениями, быстрой речью〈...〉 После завтрака мы остаемся с ней наедине. Она сообщает мне тысячи подробностей о себе и о своем муже〈...〉

Но вот входит граф.

— Знаешь ли,— говорит она,— господин Бурдон экзаменует меня по вопросам веры. Он спрашивает, почему я не придерживаюсь тех же взглядов на религию, что и ты...

Толстой широко улыбается; обе кисти его рук заложены за пояс.

Внезапно, прежде, чем я успеваю заметить, графиня исчезает в своих комнатах, и я снова остаюсь наедине с мэтром. Мы спокойно расхаживаем с ним по комнате.

— Вы сказали мне,— замечает он,— что во Франции проявляют страстный интерес к происходящей войне?

— Да, насколько я могу судить об этом по нашим газетам и получаемым мною письмам. Но я покинул Францию до разрыва дипломатических отношений и не могу сообщить вам свои непосредственные впечатления.

— Но ведь крайние левые, социалисты, выступают против войны и не слишком-то нежничают с Россией?

— Вам известны их мотивы〈...〉 Вы, конечно, прочли речь Жореса в Сен-Этьене? [68]

— Да, я прочел ее. Но она не убедила меня, ибо социалисты, в сущности, не отвергают войну. На Цюрихском конгрессе, если не ошибаюсь, какой-то голландец поднялся и предложил резолюцию в пользу стачки солдат. Тогда Бебель резко выступил против этой резолюции, выставив чисто буржуазные аргументы и ссылаясь, главным образом, на то, что французы не замедлят воспользоваться этой стачкой, чтоб обрушиться на Эльзас и Лотарингию. Это убедительный пример. Нет, социалисты еще не совсем освободились от своего старого воинственного инстинкта; они произносят красивые речи, но стоит только вмешаться в игру патриотическому предлогу — и они ровно ничем не будут отличаться от буржуа.

Я возражаю Толстому, указывая на искренность и мощь социалистической пропаганды во Франции. Напоминаю о речах Жореса, посвященных Тройственному союзу, а также Эльзасу и Лотарингии (этих речей Толстой, по его словам, не знал), говорю о смелости, проявленной в то время великим оратором, об оскорблениях, которыми осыпала его националистическая пресса; вспоминаю об оскорблениях, нанесенных Прессансе...[69] Но Толстой покачивает головой:

—Слова, одни только слова. Но, повторяю вам, стоит так называемому патриотическому вопросу завтра встать перед французским парламентом, стоит только разгоряченному общественному мнению высказаться в пользу войны, и вы увидите как Жорес уступит и проголосует вместе с теми, кто сегодня смешивает его с грязью.

— Я в этом не уверен. Во всяком случае, гипотеза эта не может быть доказана. Знаю только, что Жорес — человек исключительно добросовестный, несомненно честный и чистосердечный. Но он не отвлеченный мыслитель. Он политический деятель, то есть реалист.

— Я не делаю различия между мыслителем и политическим деятелем. Их ответственность равна.

— Допустим, что так〈...〉 Предположим, что, действительно, может создаться ситуация, когда Жорес проголосует за войну, хоть я в этом сильно сомневаюсь, но я уверен, что прежде чем это случится, он приложит все усилия, чтобы предотвратить кровопролитие и постарается всячески воспрепятствовать черному делу. Вправе ли мы сомневаться в том, что социализм честно, истинно и мужественно миролюбив?

— Да, да, я понимаю вас, каждый политический деятель по этой причине является оппортунистом. В том-то и заключается главная беда!

И Толстой посмотрел вверх, безнадежно махнув рукой.

* * *

Графиня предложила мне прокатиться днем в санях. В четыре часа она входит в столовую; на ней меховая шапочка и белая вуаль.

— Вы готовы? Пора!

Толстой только что вошел и сел с края большого стола; опершись локтями на скатерть, он склонился над чашкой кофе с молоком.

— Быть может, ты хочешь, чтобы господин Бурдон остался с тобой?

— Я немножко устал. Сегодня я изрядно поработал. Предпочитаю погулять в одиночестве. Мы поговорим вечером.

. . . . . .

В половине седьмого мы садимся за стол обедать. С этой минуты и до полуночи, за исключением нескольких кратковременных перерывов, я не покидаю больше Льва Николаевича. Говорил он, главным образом, о войне, но Толстой — это неистощимая книга жизни и красоты, и если он позволяет задавать себе вопросы, то остается только слушать его без конца〈...〉

Графиня сказала мне, что Толстой принял решение ничего больше не публиковать до самой смерти. Я спрашиваю его, так ли это?

— Да, я, действительно, больше ничего не буду издавать, во всяком случае, по-русски. Кое-какие мелочи я буду продолжать посылать за границу, как посылаю теперь в Англию [70], где намерен издать небольшое сочинение о нынешней войне [71]. Что же до всего остального, то пусть ознакомятся с этим после моей смерти. Заранее оповещать о подобных намерениях, пожалуй, ребячество, я отдаю себе в этом отчет, но на этом решении я окончательно остановился. К чему, в сущности, спешить? Все и всегда приходит в свой срок, а тщеславное желание писать — препротивный недостаток.

Я протестую, утверждая, что писатель может стремиться популяризировать свои мысли из более благородных побуждений и что содействовать просвещению своих современников— вполне законное честолюбие. Графиня присоединяется к моему мнению, но Толстой заявляет:

— Пусть так, пусть так. Но тщеславие все же занимает в таком желании известное место. Сознающий это писатель должен победить свою слабость. Если человек испытывает потребность поделиться с людьми чем-то важным, то не все ли равно, когда именно это будет сделано! Не торопясь с изданием, он может глубже продумать свою работу и ярче ее изложить. Однако мы поддаемся непобедимой склонности все соотносить с собой — с той частицей времени и пространства, которые мы занимаем в бесконечности,— словно мир и человечество ограничены нашим существованием. Что за самоуверенность! Со всех сторон нас окутывает вечность. А в поступательном движении человечества — что значат десять, пятнадцать лет?

Он прибавляет без всякой грусти, с полным спокойствием в голосе:

— Впрочем, что касается меня, то так долго ждать и не придется.

Я говорю в свой черед:

— Время, в самом деле, ничто. Пятьдесят дней или пятьдесят лет — одно и то же. Но ведь некоторые люди умрут, так и не узнав того, что вы считаете полезными истинами. Вы лишите их этих знаний. Если, по вашему мнению, знания эти действительно спасительны, то имеете ли вы право скрывать их от людей?

— Это пустяки. Если не одни, то другие узнают. Ведь трудятся не для определенных лиц. Я упрекаю себя за то, что не пришел к этому решению раньше. Если бы все, кто пишет, действовали подобным образом, то в свет выходило бы меньше бесполезных книг. Если бы мы освободились от желания, пусть даже бессознательного, выпячивать себя, книги выпу-

«ВОСКРЕСЕНИЕ» НА СЦЕНЕ ПАРИЖСКОГО ТЕАТРА «ОДЕОН». 1902, декабрь
Сцена из пятого акта. Слева направо: Симонсон — Жанвье, Нехлюдов — Дюмени, офицер — Виоле.
Фототипия
«Théâtre», 1902, № 95

скались бы только теми, кто действительно пишет из потребности своей совести и кому есть что сказать.

Я прибегаю к поддержке графини.

— О,— говорит она,— для нас это не имеет значения. Все, что он пишет, мы читаем. Что же касается материальных выгод, то, как вам известно, он отказался от авторских прав на все свои сочинения.

— Нет, нет, поверьте мне,— говорит Толстой в заключение,—так гораздо лучше.

Он расспрашивает нас о прогулке.

— Я показала господину Бурдону крестьянский дом — повела его к ... (она называет имя).

Толстой осведомляется о здоровье этого крестьянина и его родных, расспрашивает о его делах. Еще находясь под впечатлением от только что виденного, я описываю нищету этих несчастных людей, их жизнь, исполненную безнадежности и схожую с существованием животных; говорю о их душевных и телесных муках, упоминаю об ужасных паразитах, которые кишат на них. Рассказ свой я заканчиваю словами:

— Подумать только, какой ужас — в течение всей своей жизни эти люди не знают даже, и не узнают что такое сладкий отдых в постели!

Вероятно, я произнес свою тираду с чрезмерным пылом, ибо все единодушно засмеялись. Высказанное мною чувство сострадания, к которому примешивалось негодование, показалось присутствовавшим комичным. Толстой откинулся на спинку стула и, сложив на животе руки, от души хохочет.

— Как! и вы смеетесь, мэтр?

— Ну конечно, мне смешно. Что страшного в судьбе этих славных людей? У них есть свои радости, поверьте, и они любят жизнь. Простота нравов — вещь весьма завидная. Пожалеем, наоборот, о том, что не все люди в состоянии им подражать. Они живут немногим? Но и удовлетворяются они немногим. Насчет паразитов — я с вами согласен. Что же касается матрацев... Разве матрац — непременное условие комфорта? Я, например, не могу спать в мягкой постели. Когда-то, во время наших непродолжительных разъездов, если меня приглашали друзья, которые не знали моих вкусов, а я не чувствовал себя достаточно свободно с ними, то подчас испытывал истинные мученья. Мне устраивали «прекрасную постель», но, проворочавшись битый час с боку на бок в этой «прекрасной постели» и не в силах сомкнуть глаз, я принимал героическое решение: покидал «прекрасную постель» и, растянувшись на полу, крепко засыпал на ковре.

— Да у них и ковра-то нет: голые доски, и так всегда, в течение всей жизни!

— Дело привычки. Ничуть не плохо спать на досках.

— Поверьте, мною это испытано: я был на военной службе...

— Да поймите, если б они сильно захотели, то у них были бы и кровати. Вы полагаете, они так бедны, что не могут купить себе или соорудить матрацы? Раз они обходятся без них — то, значит, им так нравится.

. . . . . .

В этот трагичный для истории русского самодержавия момент вопрос о войне занимает все наши мысли. Мы неизбежно к нему возвращаемся. Но не требуйте от Толстого критики военных операций и не требуйте прогнозов, подобных тем, что делаются в редакторских кабинетах о судьбах воюющих армий. В происходящей войне он замечает лишь истинный смысл конфликта, его интересуют лишь судьбы народов.

Он говорит:

— Почему стремятся видеть в японцах низшую расу? По-моему, они теперь примерно в том же положении, в каком находились русские при Екатерине II. Они выходят из состояния варварства и освобождаются от крепостного права. Они развиваются и проникаются самосознанием. Что может быть законней этого? И с какой стати Запад смеет чинить им в этом препятствия? Под каким открытым предлогом можно выражать им свое недоверие?.. Ведь нельзя их винить за движение вперед! На них лицемерно нападают, обличая их слабости; подметив, например, что они превращают себя в герцогов, маркизов, баронов, мы насмехаемся над ними. Хороша справедливость! А разве до Петра Великого у нас были дворяне? Кому русское дворянство обязано своим существованием, как не этому императору? Вот я, например, граф. По какой причине я граф? Почему первый в моем роду стал графом? И почему господин Ито не может с таким же успехом стать маркизом?

— Пусть так. Японец способен к самосовершенствованию, и его стремление к прогрессу достойно уважения. Но цвет кожи ведь у него желтый. Можно ли отрицать, что желтая раса отстает от белой? И поэтому в нынешнем конфликте разве белые не должны сочувствовать в первую очередь белым?

— Я нисколько не уверен в этом.

— Но где же прогресс желтой расы? Взгляните на Китай: где сколько-нибудь заметные следы его эволюции за целые тысячелетия?

— Мы плохо знаем азиатский мир. Кто изучил его, кто проникся им, кто овладел его сознанием? Я вижу, что китайцы и индусы — не воинственные народы, что они презирают войну и тех, кто ее ведет, что их Будда объявил главной заповедью — запрещение причинять смерть даже насекомому, это уже немало, и хотя бы в этом одном их истинное превосходство над нами. Я вижу, что они не убивают. Из рассказов путешественников я вижу, что они добросовестны в деловых отношениях, уважают свое слово, что они не лгут. А ведь это не часто встречается в Европе.

— Но посмотрите, какова их дипломатия: вкрадчивая, коварная, вероломная.

— Да, да. И к тому ж они применяют пытки. Как странно! Чем можно это объяснить? Однако их философы изложили вечные истины: подумайте о Конфуции, о Будде. Известны ли вам в истории человечества мыслители, моралисты, апостолы, которые были бы более великодушны и благородны, чем эти? А ведь они принадлежали к желтой расе. А то, что японцы жестоки,— так разве и мы не жестоки? Подсчитывал ли кто-нибудь жестокости, вписанные в пассив так называемого цивилизованного мира?〈...〉 Так вот,— продолжает Толстой,— как можете вы желать, чтобы я a priori решил, в каком случае цивилизация выиграет больше — когда восторжествует Россия или Япония? И где она, эта цивилизация? У желтых или у белых? Где ее действия, где ее плоды в Европе? Движется ли мир вперед, пятится ли он назад? Разве не бывают часы, когда можно задать себе этот тревожный вопрос? Разве, когда Англия громит Трансвааль, нельзя утверждать, что она находится в состоянии регресса?

— Но неужели Англия сделала что-нибудь худшее, чем другие народы, в угоду своим колонизаторским аппетитам?

— Ничего худшего, конечно [72]. Франция, Германия, Россия, Италия — словом, все нации, я с вами согласен, поступают точно таким же образом. Но где найдете вы в колонизаторской деятельности Европы подлинно цивилизующую мысль? А ведь искать ее следовало бы именно там. Современные изобретения ровно ничего не доказывают в пользу развития человеческой нравственности. Я вовсе не в восторге от железных дорог, телеграфа, телефона, от всех этих достижений, которыми человек воображает доказать прогресс и которые свидетельствуют только о жажде изощренных наслаждений. Мы восхищаемся пирамидами и спрашиваем себя: «Какова цель этих поразительных нагромождений камней?» Все изобретения цивилизации — это наши пирамиды; быть может, через тысячи лет появится народ, который, найдя наши следы, скажет: «Что же это были за странные люди, воображавшие, будто быстрое передвижение из одного места в другое является основной жизненной деятельностью человека?» И народ этот будет прав. Я никогда не понимал, в чем польза путешествий; путешествия — это только пустая трата времени; они — помеха труду. Разве я неправ? *

Я отвечаю с улыбкой:

— Мэтр, я приехал из Парижа. И не у меня следовало бы сегодня спрашивать, согласен ли я с вашим мнением.

Толстой с улыбкой говорит в свой черед:

— Пусть так. Но поездка, которую вы предприняли, это условие, необходимое вам для изучения вопроса. Она поэтому — особая форма труда. Но что вы скажете об увеселительных путешествиях? **

* «Я часто говорил, что все несчастье людей происходит от того, что они не умеют спокойно оставаться в своей комнате».— Паскаль. «Мысли», ч. I, статья VII.

** «Любопытство — это не что иное, как тщеславие. Чаще всего хотят узнавать лишь для того, чтобы было о чем говорить. Не путешествовали бы по морю, если б нельзя было об этом рассказывать и для единственного удовольствия — видеть, без надежды поговорить с кем-нибудь об этом». Паскаль. «Мысли», ч. I, статья V.

Страстный путешественник, я принимаюсь горячо защищать путешествия〈...〉 Разве не выигрывает всеобщая мысль от быстроты перемещения идей? И не является ли, в свою очередь, мыслитель, сам того не сознавая, лишь продолжателем своих предшественников, подобно редкому цветку на ниве взрастивших его идей?

— Нисколько,— живо возражает Толстой.— Мыслитель — это растение, дающее побеги на диких скалах. Он питается собственными соками, это продукт его собственной субстанции. Эпиктет, Сократ, Платон не пользовались железными дорогами. Спиноза жил в своей дыре, Декарт — у своей печки. Кант был отшельником. Мысль — это лучшее произведение труда. А труд возможен и плодотворен только в молчании и уединении.

Всегда на устах у Толстого слово *труд*. Труд — это радость его жизни, его неизменный спутник. Он как-то произнес перед одним из своих собеседников поразительные слова, прозвучавшие и как крик гордости и как признание своего смирения: «У меня работы на триста лет!» У него хватило бы работы на целую вечность,— ведь он взял на себя дело совершенствования рода человеческого, а люди вовсе не хотят быть совершенными.

* * *

Слуга поставил перед Львом Николаевичем странное блюдо, нечто вроде нарезанных желтых овощей. Я спросил его:

— Правда ли, что вы предложили послать больным и раненым участникам войны тысячу ящиков ваших книг? Петербургские чиновники из Министерства уверяли меня в этом.

Все засмеялись. Толстой весел, он любит смеяться и смеется от души〈...〉 Мой вопрос показался ему, без сомнения, крайне нелепым. Он смеялся открыто, откинув назад свою прекрасную голову, обе широкие кисти рук его были просунуты за пояс. А желтое овощное блюдо продолжало дожидаться в тарелке.

— Да, да, я читал об этом в какой-то газете. Опровергать я не стал; если б я оправдывался во всех глупостях, которые печатаются обо мне в газетах, то на это занятие ушла бы вся моя жизнь. Но откуда могла взяться эта бессмысленная выдумка?

. . . . . .

Несколькими неделями ранее газета «Temps» опубликовала открытое письмо г. Жюля Кларти, в котором он, обращаясь к Толстому, спрашивал, не прискорбно ли ему констатировать, в связи с разразившейся японской войной, неудачу своей миролюбивой проповеди, которой он посвятил всю жизнь. Я решился спросить у мэтра, читал ли он это обращение французского писателя.

— Да,— ответил он,— я действительно читал отрывок из этого письма в одной из русских газет.

— Ответите ли вы на него?

— Зачем? Что мог бы я сказать по этому поводу такого, что не было бы пустой болтовней? Впрочем, в той же газете я прочел ответ на это письмо моего сына, находящегося в Каире. Ответ этот достаточно разумен, и частично я готов под ним подписаться. Призывая любить мир и всеобщее согласие, я никогда не рассчитывал на то, что эти увещания могут сразу же принести плоды; я никогда не думал, что в мире может разом победить братство; и если б я увидел, что подобное умиротворение свершилось, то счел бы свои усилия бесплодным ребячеством. Нынешняя война — это только проявление губительного людского безумия. Она не может не удручать всех людей, обладающих совестью и чувством долга, однако не кажется им неожиданной: если б мы вдруг явились свидетелями всеобщего примирения людей — это было бы поразительным чудом.

Итак, мой сын в своем ответе проявил немало здравого смысла. Но я не совсем согласен с ним там, где он утверждает, что преисполнен доверия к благодетельному вмешательству арбитража: я не верю в арбитражи [73].

— Однако,— замечаю я,— разве всеобщий, регламентированный и честно проводимый в жизнь арбитраж не может явиться этапом в деле окончательного умиротворения? Сама идея арбитража разве не представляет собой формального согласия на мир?

— Конечно, и я не оспариваю случайные благие последствия арбитража. Несомненно, Гаагский трибунал заслуживает единодушного одобрения, и следует глубоко сожалеть, что нынешний конфликт не был передан ему на рассмотрение тем человеком, который, взяв на себя инициативу создания этого трибунала, посылает ныне целый народ воевать [74]. Спасение, однако, заключается не в дипломатических комбинациях, как бы хорошо они ни были задуманы, как бы великодушны они ни были; спасение — в совести каждого человека, в твердом понимании долга, который каждый обязан нести в самом себе: оно там — и больше нигде. Я верю в человека, но не доверяю государственным ухищрениям. Я хочу, чтобы любовь к миру перестала быть робким стремлением народов, приходящих в ужас при виде бедствий войны, а чтоб она стала непоколебимым требованием честной совести.

* * *

Обед медленно подходил к концу. Мы уже добрались до десерта. Мэтр ел неторопливо, но с аппетитом. Иногда, чтобы выслушать меня или ответить, он поворачивал ко мне голову, и тогда я чувствовал, как его пылающие, странные, необыкновенные глаза, из-под чащи бровей, словно из глубины огненной пещеры, вонзали в меня свои острия. Иногда он глядел перед собой, в беспредельность. Временами откидывался на спинку стула, держась за пояс или прикрыв грудь своими огромными ладонями. Все в этом человеке странно и поразительно. Как могут руки до такой степени являться отражением души? В его руках — мощь, величие, изящество. Они крупны и широки, испещрены бессчетными морщинками; пальцы, длинные и сильные, круглые, как цилиндры, без утолщений на фалангах, и четырехугольные на концах. Руки огромные, мощные и властные, и в то же время изящные и гибкие, явно принадлежащие аристократу; когда он кладет их себе на блузу, можно подумать, что он собирается обхватить ими всю грудь.

Он говорил о России, о русском политическом режиме, о людях, его представляющих, об императоре, о его министрах, в частности о «человеке, столь плачевно обделенном интеллектом,— г. фон Плеве».

— Какое чудо,— замечаю я,— что вас оставляют в покое. Вы говорите и пишете что вздумается, и никто не тревожит вас. Вы единственный свободный человек во всей империи. Вы осуществляете своего рода парадокс: живя при режиме, где все зависит от воли одного человека, вы оказываетесь единственным препятствием, перед которым в нерешительности останавливается правительство. И это все же доказывает, что в настоящее время не существует такого самодержавного правления, которое посмело бы пренебречь общественным мнением.

В ответ Лев Николаевич, после непродолжительного размышления, медленно произнес следующие слова, свидетельствующие о высоких свойствах его ума:

— Да, я знаю. Но и эта предоставленная ими свобода связывает меня. По правде говоря, я чувствую себя гораздо менее свободным, чем если б они что-нибудь против меня предпринимали.

И он добавляет, теперь уже с улыбкой:

— Я напоминаю мореплавателя на сбившемся с пути корабле; он один способен держать рупор и знает это. Он должен применять его с пользой и не выкрикивать в него глупости, а это не всегда легко.

Я намекаю на отлучение, которому его некогда подверг Святейший синод.

— Это был совершенно бесполезный жест,— мягко замечает Толстой.

В разговор вступает Софья Андреевна:

— ...Поверите ли,— говорит она,— нашлись люди, которые распустили клевету, будто свой ответ Синоду я написала под диктовку мужа?..[75] А между тем я отправила это письмо вопреки его воле. Он находился на прогулке, когда сюда прибыло постановление Святейшего синода. Я была возмущена и под первым впечатлением сочинила это письмо. Но так как я сильно сомневалась, будет ли этот ответ одобрен мужем, я тотчас же его переписала и отправила на почту. Так что когда муж мой возвратился, он одновременно узнал и о решении Святейшего синода и о написанном мною ответе. И мое предвидение оправдалось. Он заявил мне: «К чему писать им? Ты обращаешь на эти дела слишком много внимания. Надо было промолчать». Но я возразила ему: «Тем хуже. Твой совет запоздал. Письмо уже отправлено».

Мэтр с веселой улыбкой обернулся к своей жене и, покачав головой, дружелюбно заметил:

— Да, да, я был прав. Лучше было бы нам промолчать. Впрочем, все кончилось хорошо. Ты написала прекрасное письмо, вот и всё.

. . . . . .

* * *

Во время шквала, вызванного делом Дрейфуса, молчание одних уст удивляло весь мир — молчание Толстого.

У него пытались выведать его мнение, его расспрашивали устно и письменно — Толстой молчал. У борцов за правду это вызывало чувство сильнейшей горечи. Они, конечно, льстили себя надеждой, что Толстой заодно с ними〈...〉

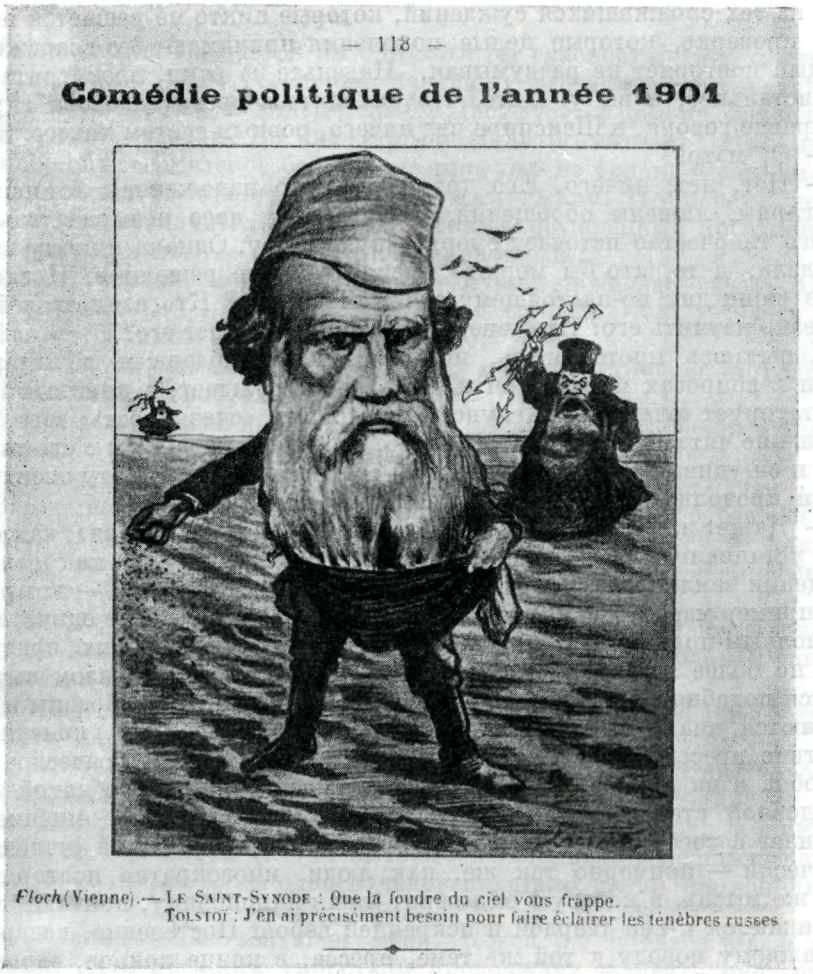
Я намерен был спросить Толстого о причинах его молчания. Он исполнил мое желание, даже предупредив его. Он первым заговорил со мной о деле Дрейфуса. Поводом послужил Шекспир. С точностью передаю ход этой беседы.

Я спросил Толстого, много ли он работает, пишет ли он и что именно.

— Да, я много работаю,— ответил он.— Представьте себе, я составил нечто вроде недельного календаря, где для каждого дня недели я намечаю чтение на нравственные темы. Теперь моя идея расширилась, и я задумал составить целый календарь, где предложу чтение для каждого дня в году[76].

— Но ведь это гигантская работа!

— Да, и вы, конечно, понимаете, что мне не хватит времени для ее завершения. Но работа эта занимает меня. Она обязывает меня перечитать всех хороших писателей, и отчасти по этой причине я ее и затеял. Так, например, теперь я занят одним из ваших старых писателей XVI века — Ла Боэси. Имеете ли вы представление о Ла Боэси? Хорошо ли он известен во Франции?.. Он автор некоего «Рассуждения о добровольном рабстве». Это писатель глубокий и богатый мыслями, его изучение приносит чрезвычайно много пользы. Я очень люблю также вашего Монтеня, друга Ла Боэси; он обладал таким оригинальным, живым, гуманным умом, проявившимся в столь же чистом, искусном, богатом оттенками языке... И Паскаля! Ах, Паскаль, вот писатель, что за ум, что за человек! Какое несчастье, что он сбился с пути во второй части своих «Мыслей» и что у



Floch (Vienne). — Le Saint-Synode : Que la foudre du ciel vous frappe.
Tolstoï : J'en ai précisément besoin pour faire éclairer les ténèbres russes

«ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ 1901 ГОДА»

Сатирический отклик на отлучение Толстого от церкви

Подпись под карикатурой: «Святейший Синод: Да поразит вас молния небесная. Толстой: Это как раз то, что мне необходимо, чтобы осветить русскую тьму»

Перепечатка из венского журнала «Floh» (во французском тексте опечатка). Вырезка из неустановленного французского издания

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

него не хватило силы идти до конца!.. Да, это так, он испугался, он сам нагнал на себя ужас, церковное учение вновь овладело им, и он умер, не освободившись. Да, это была огромная потеря для человеческого разума...

Мэтр помолчал мгновение, как бы раздумывая. Затем он продолжал:

— Кроме этого «Календаря», я посылаю статьи в английский журнал. Я готовлю даже кое-что о нынешней войне [77].

— Не собираетесь ли вы написать статью о Шекспире?

— Она уже закончена [78].

— И мне говорили, что вы не очень-то щадите старого Уилла?

— Я говорю правду, вот и всё. Я высказываю то, что думали бы все, если бы все согласились размышлять и постарались составить себе серьезное мнение. Что может быть непонятней, парадоксальней, чем этот шум вокруг Шекспира, вокруг «гения» Шекспира! «Гений» Шекспира — это

одно из тех сложившихся суждений, которые никто не решается подвергнуть проверке, которые целые поколения принимают без возражений, а каждый повторяет не раздумывая. Наденьте-ка очки, посмотрите на это попристальнее, и вы увидите, что находитесь среди заговора глупости. По правде говоря, в Шекспире нет ничего, ровным счетом ничего.

— О, мэтр!

— Нет, нет, ничего. Его драмы — дурно изложенная история. Они вульгарны, лишены обобщений; характеры у него невыразительные, и все его творчество источает смертельную скуку. Однако никому до этого нет дела, а те, кто бы мог это высказать,— не решаются. И вдобавок, кто в наши дни по-настоящему знает Шекспира? Кто взял на себя труд серьезно изучить его? Кто теперь даже просто читает его?..

Я пытаюсь протестовать, но Толстой — самодержец в литературе, как и в вопросах морали; он и здесь не рассуждает, а констатирует; он констатирует «очевидную» глупость Шекспира, «очевидность» того, что его больше не читают, «очевидность» того, что никто не знаком с его творчеством; и он удивляется, что не каждый согласен признать эту очевидность.

Он продолжает тем же властным голосом:

— Да нет же, никто его больше не читает, и о нем говорят, как о давно уже установившейся, неоспоримой, вековечной истине, как говорят о вращении земли! Уверяю вас, что гений и слава Шексира — это редкостный пример массового внушения. Пример этот, впрочем, не единственный; их полным-полно; они образуют стойкую массу людских предрассудков, но более типичного примера я не знаю. Каким образом вырабатываются подобные странные феномены? Причины их многообразны и трудно поддаются анализу. Одна из главнейших причин — это, конечно, воздействие прессы. Пресса, способная, впрочем, делать всяческое добро, способна и на дурное, и весьма любопытно наблюдать, до какой неправдоподобной степени она может влиять на общественное мнение. Она начинает с того, что убеждает самою себя — до известной степени автоматически — примерно так же, как люди, многократно повторяя одну и ту же мысль, в которую они верят лишь наполовину, кончают тем, что проникаются к ней твердой и искренней верой. Постепенно, возвращаясь по каждому поводу к той же теме, пресса, в конце концов, завоевывает внимание публики и убеждает ее в свой черед, и таким образом создает потоки общественного мнения, которые вскоре невозможно преодолеть. Когда кто-нибудь пытается это сделать, то даже если он человек правдивый и мудрый, его считают лжецом и любителем парадоксов. Таким-то образом, под личиной правды устанавливаются ложные представления, и — я повторяю — это не что иное, как колоссальный феномен внушения...

Сказав это, Лев Толстой тотчас же добавляет, без всякого перехода:

— Взгляните также на дело Дрейфуса. Кто хоть когда-нибудь сможет объяснить мне, почему весь мир проникся интересом к вопросу — изменил или не изменил своей родине еврей-офицер? Проблема эта имеет ничтожное значение для Франции, а для всего остального мира она совсем лишена интереса!

— В этом заключается лишь часть проблемы, а отнюдь не вся проблема 〈...〉 Этот частный случай приобрел характер социальной концепции.

— Я это прекрасно понимаю; но ведь перед нами вечная проблема. Нет такого момента в жизни человечества, когда она не могла бы встать с той же силой и наглядностью. Разве вы повседневно не видите во Франции, в России, у всех народов, во всех судилищах, что свободным существам отказывают в самом элементарном правосудии, что ни в чем не повинные люди становятся плачевными жертвами ошибок или пристрастия! А слышали ли вы когда-нибудь, чтобы кто-либо протестовал против

таких беззаконий? Предаются ли они хотя бы гласности? Нет, о них ничего не известно миру, бездушно давящему несчастных своей тяжкой стопой... Все вопросы, поднятые делом Дрейфуса, разве не приводят к одним и тем же выводам? Вы скажете мне об антисемитизме? Но и это не новый спор. Антисемитское беззаконие присуще не только Франции. Это подлое движение распространяется по всему миру. Но почему хотите вы, чтобы этот незначительный еврей-офицер, осужденный по ошибке,— это я охотно признаю — и, конечно, невиновный...

Графиня Толстая, молча слушавшая мужа, вмешалась здесь в разговор и спросила:

— Так он, в самом деле, невиновен?

Тогда Толстой, подняв на нее глаза, медленно отчеканил голосом, который внезапно приобрел строгость:

— *Да, да, он невиновен. Это доказано. Я читал материалы процесса. Он невиновен, опровергнуть это теперь невозможно.*

Я говорю:

— Записываю, мэтр, это заявление, но записываю его без всякого удивления. Я не сомневался, что услышу его из ваших уст. И как мог бы Толстой погрешить против истины? Но если Дрейфус невиновен, то можно ли оставлять его на каторге?

— Конечно, нет. Я хотел сказать не это. Я доискиваюсь причины, по которой невиновность одного человека разделила пополам Францию и взволновала весь мир.

— Потому что все увидели, как на него в припадке гнусного безумия обрушилась дикая, чудовищная банда.

— Пусть так, но почему именно на этого, на одного этого человека все набросились с таким бешенством?

— Вы выступаете с обвинительным актом против них, мэтр, а я ничуть не являюсь их адвокатом 〈...〉 Я пытаюсь объяснить, вследствие какого логического развития дело одного человека стало делом национальным 〈...〉

Толстой внимательно слушает меня. Когда же я заканчиваю свои объяснения, он с прежним упорством продолжает задавать мне тот же вопрос:

— А я опять-таки спрошу вас, почему именно Дрейфус? Я все это понимаю. Но ведь здесь нет ничего нового. Что во Франции были реакционеры и либералы, хищный и лицемерный клерикализм — это было всем известно; что существовала армия, превратившаяся в касту,— можно было догадываться. Но чего я не могу понять — так это почему достаточно было военному суду ошибочно осудить еврея-офицера, чтобы последовали все эти разоблачения, которых могло и не быть.

Я решаюсь на новую попытку.

— Но разве миром управляет логика? 〈...〉 Разве для человеческого прогресса не имеет значения то обстоятельство, что великий народ сделал еще один шаг по пути к свободе?.. В таком случае, какое значение имеет пункт отправления? Надо смотреть лишь на то, к чему это привело. Вся суть именно в этом. Неужели вы отрицательно ответите на эти вопросы, мэтр?

— Я оспариваю именно то, что в этом заключается сущность вопроса. Вопрос в следующем: какое чудо смогло придать столь непомерные размеры судебному делу, в котором я отказываюсь видеть элементы, имеющие интерес для всего мира. Я вижу в нем лишь странный феномен всеобщего внушения, подобный тому, о котором я вам только что говорил. Дело Дрейфуса и дело Шекспира — различные проявления одной и той же болезни. И здесь и там в качестве главного организатора выступила пресса. Но и то и другое неверно и неумно. Вот почему я систематически

избегал высказываться по делу Дрейфуса. Меня всячески уговаривали выразить свое мнение. Я получал из разных стран горы писем; некоторые из них были написаны в повелительном тоне и напоминали ультиматумы. Ни на одно из них, ни на одно устное ходатайство я не ответил; в этом водовороте безумия я хотел сохранить хладнокровие и свободу воли, и должен признаться, что доводы ваши меня ничуть не поколебали.

Толстой продолжал:

— Подобные случаи внушения, несмотря на всю свою странность, постоянно встречаются в истории. Вот вам еще один. Как объясните вы, что в стране, где одновременно жили, например, Альфред де Виньи и другие поэты, до небес превозносят Бодлера и стараются выдать его за великого поэта? Не слишком ли далеко зашла эта шутка?.. Бодлер... Бодлер... Что ни говорите, это несерьезно!.. Но я не хочу вас огорчать и потому спешу прибавить: подобные нелепости можно встретить и у нас.

Мэтр называет мне имена нескольких русских писателей, восхваляет знаменитого Антона Чехова, который, пройдя блестящий творческий путь, именно теперь, когда я пишу эти строки, умирает от чахотки в сорокалетнем возрасте. Что касается других, то они еще живы, и я не повторю суждения о них строгого хозяина дома.

* * *

Толстой говорил со мной и о некоторых французских писателях. Г-н Октав Мирбо — один из находящихся в живых авторов, о которых он высказывается с особенно горячей симпатизй.

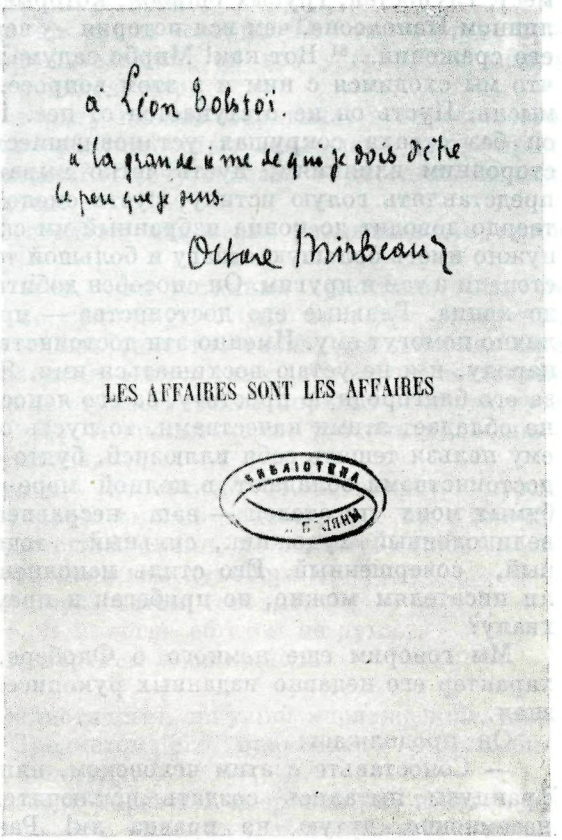
Я спрашиваю Толстого:

— Читали ли вы его последнюю пьесу: «Дела — это дела»? [79]

— Да, да, конечно,— тотчас же отвечает он.—Вот прекрасное и глубокое произведение! Да, Мирбо талантлив!.. Меньше понравилась мне, однако, его другая пьеса... Как она называется?.. «Дурные пастыри»... Ее идея кажется мне не совсем ясной. Но первая вещь меня очаровала: она правдива, ярка, смела, основательна; характеры отчетливо обрисованы, живы и сильны; действие развертывается быстро и увлекательно... Да, эта пьеса хороша, очень хороша!.. Однако я читал, что Мирбо иногда упрекали за развязку: насильственная смерть сына, вторжение инженеров в минуту крайнего отчаяния отца, спор о контракте в то самое время, когда вносят труп. Упреки эти мне непонятны, ибо, на мой взгляд, это сложное переплетение событий весьма удачно, именно в нем я вижу кульминацию пьесы. Разве Мирбо мог закончить ее, не проследив до конца судьбу своего героя и его воззрений? И разве портрет дельца был бы завершен, если б автор не показал нам его захваченным и опустошенным всепоглощающей страстью к аферам, которая мало-помалу целиком завладела им, одурманила и чудовищно исказила его исполненную трагизма личность. Она вытеснила из его сердца всякое стремление, всякую мысль, не имеющую отношения к его делам, все остатки человеческих чувств. Вот что составляет прелесть и силу этой развязки, и все, кто осудил ее, несомненно, ничего не поняли в пьесе.

— Разрешите ли вы мне сообщить об этом Мирбо?

— Да, конечно, передайте ему это от моего имени и выразите ему мою дружескую симпатию, хотя я с ним лично не знаком. Я очень люблю его талант. В нем я нахожу одновременно нечто от Александра Дюма-сына и от Мопассана. Я читаю все его сочинения. Его «Дневник горничной» мне чрезвычайно понравился: это тоже очень сильная книга, и она полна глубокой гуманности. Не забудьте передать ему мои дружеские чувства и поздравления по поводу его пьесы.



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ОКТАВА МИРБО НА КНИГЕ «ДЕЛА — ЭТО ДЕЛА»

(Octave Mirbeau. Les Affaires sont les Affaires. Paris, 1903):

«Льву Толстому, чьей великой душе я обязан тем немногим, что собой представляю. Октав Мирбо»

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Я указываю на прекрасную классическую манеру, в которой выдержана пьеса «Дела — это дела», ее простую и гармоничную композицию, придающую этому произведению вид современной трагедии...

— Да, это совершенно справедливо,— прерывает меня Толстой.— И по развитию действия, и по стилю это произведение связано с великой французской традицией и может считаться одним из самых безупречных произведений вашей современной литературы.

* * *

Немного спустя разговор наш зашел о Наполеоне. Я сказал:

— Октав Мирбо заявил, что собирается написать пьесу о Наполеоне. И, по его собственным словам, он намерен изобразить в ней Наполеона-«глупца»[80].

Толстой удовлетворенно улыбнулся:

— Знаете, это ничуть не парадокс. Наполеону, несомненно, свойственны были редкие качества: энергия, упорство, активность, однако в умственном отношении этот полководец был довольно ограничен. Чтобы понять Наполеона, надо изучать его не в жизни, так как его жизнь представляла собой непрерывный мираж, и мы видим ее настолько слившейся с событиями, что трудно определить его истинную роль, — а по «Мемориалу со Святой Елены». В них он намерен был показать всю глубину своей мысли. Имеете ли вы представление об этом «Мемориале»? Я прочел его: какое поразительное убожество, нагромождение общих

мест, глупостей, грубых ошибок, которые больше свидетельствуют о подлинном Наполеоне, чем вся история — вероятно, фальсифицированная — его сражений...[81] Вот как! Мирбо задумал воссоздать Наполеона? Я рад, что мы сходимся с ним и в этом вопросе... У него родилась прекрасная мысль. Пусть он не отступается от нее. Но передайте ему от меня, чтоб он без страха сокрушал установившиеся понятия, не поддавался посторонним влияниям; пусть четко выражает свою мысль и не боится представлять голую истину; пусть смело обрисовывает своего героя и твердо доводит до конца избранный им сюжет. Для такого произведения нужно иметь большую отвагу и большой талант. Мирбо обладает в редкой степени и тем и другим. Он способен добиться удачи, пусть же доведет дело до конца. Главные его достоинства — правдивость, сила и стиль — отлично помогут ему. Именно эти достоинства особенно свойственны вашему народу, и я не устаю восхищаться ими. Я люблю французское искусство за его благородную простоту, за его ясность и правдивость. Если человек не обладает этими качествами, то пусть он даже пишет на вашем языке, ему нельзя тешить себя иллюзией, будто он писатель вашей расы. Этими достоинствами обладают в полной мере только французы. Один из любимых моих писателей — ваш несравненный Флобер. Вот поистине великолепный художник, сильный, точный, гармоничный, полнокровный, совершенный. Его стиль исполнен чистейшей красоты. Многим ли писателям можно, не прибегая к преувеличениям, воздать подобную хвалу?

Мы говорим еще немного о Флобере, и я разъясняю своеобразный характер его недавно изданных рукописей, о которых Толстой ничего не знал.

Он продолжает:

— Сопоставьте с этим человеком, например, вашего Доде, которому французы пытались создать исключительную репутацию. Репутацию, несомненно, дутую, не правда ли! Разве может Доде, серьезно говоря, занимать место среди виднейших деятелей такой великой литературы, как ваша? Доде — только посредственность, и в его произведениях сказалось скорее английское, чем французское влияние: перечитайте Диккенса, а потом поговорим о Доде для сравнения... И еще Х...[82] Он, конечно, талантлив, но каким языком он пишет, боже мой, каким языком — небрежным и в то же время претенциозным, неуклюжим, торопливым. Нет, это не стиль...

Х.— наш современник, и я не причиню ему огорчения, назвав его имя.

* * *

Надвигался вечер〈...〉 О чем размышлял Лев Николаевич? Он погрузился в молчание. И я, предавшись своим собственным мыслям, не смел нарушить его задумчивой сосредоточенности.

Внезапно на деревянной лестнице послышались чьи-то шаги. Появился доктор[83], и, казалось, вместе с ним в дом ворвалось немного холода с улицы. Он приехал из Тулы. Воспользовавшись поездкой, он привез с собой почту: объемистый пакет с книгами, журналами, газетами, письмами. Лев Николаевич вскрывает телеграмму... она из русской газеты, которая запрашивает его мнение о войне.

— Вы себе представляете меня, сообщающего в русскую подцензурную газету, что́ я думаю о войне.

Он внимательно рассматривает адреса и вытаскивает большой конверт, тотчас же угадав, от кого письмо.

— Ага,— говорит он,— вот как раз письмо от Веригина, главы духоборов!

Он читает письмо, замечая при этом:

— Видите, вот именно то, о чем я вам говорил. Все там обстоит прекрасно. Веригин — человек замечательный, он все устроил, и между духоборами и канадцами установился мир.

Когда Толстой отложил в сторону письмо Веригина, я спросил его:

— Считаете ли вы, что духоборы полностью воплощают ваши принципы личной и общественной жизни? Я хочу сказать — достигли ли они, по-вашему, полного совершенства?

Толстой смотрит мне прямо в глаза, мгновение размышляет и затем говорит серьезным тоном:

— Да, я вполне уверен в этом. Они истинные христиане. Они не убивают, не крадут, не лгут, не пьянствуют. Они не ведут распутной жизни. Они простодушны, не знают зависти, гнева, честолюбия. Они осуждают похоть и ненавидят насилие. Они делают добро. Они постоянно стараются побороть в себе влияние атавистических пороков и достигнуть добродетели. Чего еще желать? Да, я вполне верю, что они воплощают образ освободившегося человечества.

— Позвольте мне,— замечаю я,— поставить тот же вопрос с противоположной стороны. Если духоборы именно таковы, как вы о них думаете, то какой из народов в настоящее время, по-вашему, дальше всего отстоит от того идеала, которого достигли духоборы?

Толстой ищет ответа, колеблется, затем говорит:

— Не знаю. Нет, я не знаю. Я никогда об этом не думал.

— Нельзя ли назвать таким народом американцев?

— Почему же?

— Это народ чудовищно реалистичный, ищущий наслаждений, неизменно враждебный идеалу. Предметом его пламенного честолюбия, страстью его жизни являются деньги〈...〉

— Я отлично знаю, в чем всегда упрекают американцев, и знаю, что они в какой-то мере заслужили эти упреки. Действительно, деловой американец действует лишь ради денег, живет лишь во имя своих миллиардов. Но похож ли на него весь народ и можно ли взвалить на народ бремя ответственности за алчность имущего класса? Я сам знаю весьма «здравомыслящих» американцев — они честны, умны, лишены этих плачевных пороков. Я читал также сочинения американских писателей — например, Гаррисона; они, право, великолепны. В прошлом году нас посетил здесь г. Брайен, бывший кандидат в президенты [84]. Это также «здравомыслящий» человек, у него широкие взгляды, обобщающий ум, великодушное сердце, но, к несчастью для своей родины, он провалился на выборах из-за своей финансовой доктрины... Нет, по совести говоря, нельзя так категорично высказываться об американской душе, которую мы так еще мало знаем.

. . . . . .

Я сказал Толстому:

— Весь свет с восхищением прислушивается, мэтр, к вашим пламенным речам. Идеал мира, проповедуемый вами, отличается благородной красотой. Но...

Я приостановился, и Толстой, улыбаясь, сформулировал мою мысль:

— Но вы опасаетесь, что он неосуществим?

— Да. Его проповедовали великие апостолы — Конфуций, Будда, Иисус, Магомет, пророки и отцы церкви. Все мыслители — Платон, Сократ, Кант, Спиноза, Паскаль и сотни других, все поэты всячески старались содействовать прекращению насилия и воцарению справедливости... А каков же результат? Я вижу у народов постоянное стремление воевать, а человеческое сердце — если судить по своему собственному — всегда полно нечистых чувств!..

— Нельзя отрицать прогресс человечества. Я верю в человечество. Оно никогда не прекратит своего движения к правде и воплотится в добре.

— Через сколько терзаний предстоит ему пройти и в каком далеком будущем это произойдет?

— Какое значение имеет время? Человеческая эволюция — это неуловимое скольжение, почти не ощущаемое нашим разумом, но непрерывное и постоянно прогрессирующее. В то время как мы живем со дня на день, замечая лишь преходящие явления, но не постигая скрытого закона событий, человечество продолжает свой путь к свету истины — медленно, неуклонно, безостановочно. Нетерпение — вот наша ошибка. Мы судим обо всем по самим себе — по ничтожно малой частице, которую составляет наша жизнь. Подумаем-ка лучше о тысячелетиях, которые нам предшествовали; о тысячелетиях, которые пройдут после нас. Когда смотришь на мир с такой высоты — надежда вполне законна. Как отрицать человеческий прогресс? Если даже иметь в виду тот крошечный исторический отрезок, который составляет все наше прошлое,— какое смягчение нравов, какие заметные победы над первобытной животностью! Человек отменил пытки, отменил рабство — разве это пустяки? С каждым днем он понемногу освобождается. Теперь уже все согласны, что насилие гнусно. Вскоре все согласятся, что оно и бесполезно. Уже у всех на устах, если еще не в сердце, слова «справедливость», «братство», «милосердие». Малопомалу наступит время окончательного расцвета.

— Прогресс весьма медлителен, а лес пороков, который должен быть выкорчеван, безгранично велик. Сколько же сотен столетий пройдет до того, как восторжествует добродетель, и не погибнет ли человечество при эволюции миров в самый момент своего возрождения?

— Быть может, и так!.. Но не будем думать об этом. Пусть идеал наш призрачен, что за беда? Но благороден ли он? Чист ли? Может ли он принести с собой и добро и истину? Согласен ли он с нравственным законом? Вот о чем следует себя спрашивать, и если можешь себе ответить *да*, надо проповедовать его неустанно и терпеливо...

...Высказав эти слова надежды, Толстой поднялся и ушел в свой рабочий кабинет; он взял с собой привезенную почту, чтобы спокойно ее просмотреть.

Графиня спросила меня:

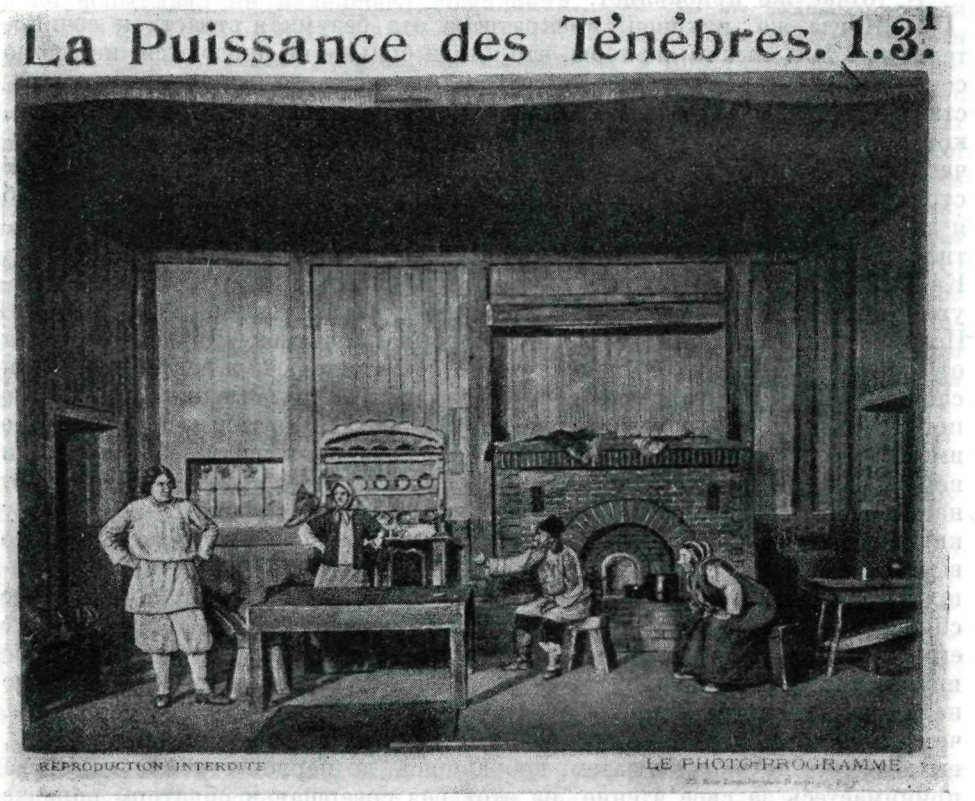
— Он высказал вам интересные мысли, не правда ли?

И сразу же прибавила:

— Для нас они не новость. Он без конца об этом думает и часто говорит с нами. Или, вернее, говорит в нашем присутствии. Потому что, как вы видите, он любит беседовать и охотно вступает в спор; однако, когда мы остаемся одни, он замыкается в себе и погружается в размышления; необходимо чье-либо посещение, чтоб он прервал свое молчание!

Я кратко сообщаю графине о глубоком уважении, с которым вся мыслящая Франция относится к гению ее мужа, и упоминаю о триумфальном приеме, который был бы ему оказан Парижем, если б он согласился приехать.

— О, я в этом не сомневаюсь,— говорит она с живостью.— Но, впрочем, полагаю, что ему всюду был бы оказан отличный прием. Однако об этом не может быть и речи. Прежде всего, потому, что мой муж никогда не любил переезды и не склонен выставлять себя напоказ. К тому же, если б он и решил сейчас попутешествовать, я ему не позволила бы. Подумайте, какое утомление и в особенности какое волнение принесла бы ему поездка в Париж! Оказанная ему встреча могла бы быть гибельной для его здоровья. Он чувствует себя хорошо — но только потому, что щадит свои силы. Со времени крымского заболевания, когда состояние его сердца причинило нам столько волнений, он вынужден принимать



«ВЛАСТЬ ТЬМЫ» НА СЦЕНЕ ПАРИЖСКОГО «СВОБОДНОГО ТЕАТРА»
(«THÉÂTRE LIBRE». 1888)
ФОТОПРОГРАММА
Bibliothèque de l'Arsenal, Paris

некоторые предосторожности. Согласитесь, что подобная поездка — не для него.

— А вы сами, графиня?

— О, мне очень хотелось бы поехать. Но я не смею. Если бы в мое отсутствие случилась какая-нибудь беда, я чувствовала бы ужасную ответственность и не оправилась бы от этого горя. Напрасно я уверяю себя, что здоровье его восстановлено, что теперь можно не опасаться... Но что вы хотите? Я женщина... Такие чувства не подчиняются рассудку!..

* * *

Возвращается граф Толстой, держа в руке два-три журнала и роман одного молодого французского писателя. Он протягивает своей невестке какой-то журнал, обращая ее внимание на статью, которая должна ее заинтересовать, и показывает мне французскую книгу, назвав имя автора.

— Я вчера получил эту книгу... Имеете ли вы представление о г. Х.?

— Конечно, я знаком с ним и знаком с его романами.

— Он присылает их мне,— говорит Толстой.— Я прочел одну или две из его книг. Большого таланта у него нет, не правда ли? Это тщательно отделано, добросовестно, свидетельствует о трудолюбии, но не больше. У него нет того внутреннего горения, которое не дает оторваться от книги, вызывает интерес к ее идее [85].

И тотчас же прибавляет:

— Когда же, наконец, прекратится эта безумная страсть к сочинительству? Мы слышим жалобы, что книги больше не продаются, но это не совсем точно; дело лишь в том, что количество их с каждым днем возрастает, а число читателей почти не меняется; именно это и вызывает явление, которое несправедливо называют книжным кризисом. Количество получаемых мною книг невообразимо; мне ежедневно присылают их из разных стран; как можно надеяться быть в курсе всего, что выходит в свет? Если б я даже проводил всю свою жизнь за чтением книг, то и тогда ее не хватило бы! Каков же результат? Результат тот, что теперь больше не читают. Книгу открывают, перелистывают, просматривают две-три страницы наугад и закрывают — вот и всё: подлинный вкус к чтению книг утрачен. Испытывали ли вы когда-либо тот особый гипнотизм, который исходит от напечатанной книги? Вы получаете сочинение, открываете его и бросаете взгляд на случайно подвернувшуюся страницу. Вы читатете первую попавшуюся фразу, затем другую. Эти фразы, оторванные от целого, не имеют для вас никакого смысла. Они совершенно лишены значения, они не говорят ни за, ни против автора. И тем не менее они тотчас же создают настроение, которое выливается в симпатию или антипатию. Словно у книги есть душа и душа эта внезапно приоткрылась перед вами. И тогда-то вы либо прекращаете чтение книги и закрываете ее навсегда, либо, напротив, испытываете бессознательное любопытство, желание побольше сблизиться с автором, книги и продолжаете чтение. Вы продолжаете его с того места, на котором остановились, но не вперед, а назад. Вас интересует вначале не продолжение тех двух фраз, на которые вы случайно наткнулись, а то, что им предшествует. Вас меньше занимают следствия, чем причины. И так от страницы к странице, если интерес не угасает, вы доходите до начала; затем, добравшись до первой строки, вы снова принимаетесь за свое чтение, на этот раз совершая в обратном порядке проделанный вами путь, и теперь уже добираетесь до конца. Это весьма неразумная манера читать книги, и ее трудно оправдать, но я часто замечал на самом себе, что поддаюсь ей... Вот каким образом ныне читают; руководствуются не свободным выбором разума, а тайными влияниями, которые вызваны случайными причинами и зависят от часа, от временного расположения духа, от досуга, которым обладаешь. Виною этому — невероятное злоупотребление, от которого страдают все,— мания сочинительства, представляющая собой гангрену современной литературы: возможно ли, в самом деле, чтобы все, кто пишет, искренно верили, что им есть что сказать?..

* * *

Граф Толстой во время разговора шагал по комнате; затем он подсел к круглому столу, за которым незадолго до того сидела графиня со своей невесткой,— мы снова оказались одни.

Он проводит ладонью по лбу, по глазам жестом, свидетельствующим об утомлении. Я спрашиваю, не болен ли он?

— Нет,— говорит Толстой,— я чувствую себя хорошо. Но вот уж несколько дней, как я переутомлен. Вечерами, после дня работы, у меня иногда бывают легкие головокружения.

Затем он добавляет с сильно удрученным видом:

— Ах, как это скучно! Надо «быть готовым к тому, что ослабеешь, надо быть готовым к смерти!..» Я чувствовал ее так близко от себя, я уже примирился с нею два года тому назад! Я был уверен, что все уже высказано, что дело кончено, что колокол уж отзвонил... Но это была ошибка... Я казался себе старой телегой, съехавшей в канаву и увязшей в грязи; ей осталось еще чуть-чуть скользнуть, чуть-чуть наклониться — и она

опрокинется, и все будет кончено, и меня не станет; я примирился с этим и не испытывал ни малейшего сожаления... И что ж, зачем-то сочли нужным прийти на выручку этой старой разваливавшейся телеге, ее стали насильно тянуть назад, вытащили из канавы и постарались снова поставить прямо. И вот я перед вами... И весь этот спуск, это падение мне предстоит когда-нибудь, и очень скоро, проделать снова, и меня ждут новые страдания, новое сопротивление, новые огорчения... Как это скучно!

Старый мэтр говорит все это с улыбкой, почти смеясь. Весь трагизм его слов сейчас ощущаю только я. Он говорит о своей смерти так, как, вероятно, рассказал бы о поездке в санях по раскисшей от оттепели дороге. Пусть же он улыбается смерти; смерть робеет перед тем, кто встречает ее с радостью. В положенный час она встретит здесь веселое лицо, и бесстрашное сердце, и жизнь, подобную созревшему плоду, которая безбоязненно отделится от своей земной оболочки. Безмятежность философа, размышляющего о причинах и следствиях. Успокоенность мудреца в сгущающихся сумерках его судьбы 〈...〉

* * *

Вечер проходит. Пробило одиннадцать. Я спрашиваю, в котором часу отходит поезд на Тулу.

— Нет, нет,— говорит граф Толстой,— проведите с нами вечер до конца. Идет снег, на дворе холодно, и ночь так уныла. Ваш отъезд будет мрачен. Я не хочу, чтобы вы покинули наш дом под унылым впечатлением. Переночуйте у нас, постель вам уже приготовлена, и завтра утром, если вам угодно, вас на санях отвезут в Засеку.

Возвратившаяся в столовую графиня также любезно настаивает на этом, и я соглашаюсь — решено, что я проведу ночь в Ясной Поляне 〈...〉

Полночь. В этот час Толстой обычно удаляется, завершив свой день. Он встает, протягивает мне свою широкую руку и с улыбкой, освещающей его могучее и благородное лицо, говорит мне:

— Быть может, если вы уедете завтра утром, мы с вами уже не увидимся; потому что я обычно встаю не очень рано. Итак, до свидания. У вас, кажется, есть поговорка, гласящая, что гора с горой не сходится. Мы не горы, и мне хочется, чтобы с нами вышло иначе; надеюсь, что еще увижу вас здесь. Вы всегда будете у нас желанным гостем.

Когда он сжал мне руку, душа испытала сильнейшее потрясение. Этот чудесный день прошел, как мгновенный сон. Он кончается, но как хотелось бы мне задержать его, пока он еще не превратился в минувшее.

Я молча смотрю на мэтра, жадно и простодушно стремлюсь впитать в себя пламя его глаз, сияние его гения. Понимает ли он в эту минуту мое страстное волнение, мое горячее чувство и отчаянное бессилие остановить то, что мне хотелось бы удержать и сохранить в глубине моего сердца?

Он стоит неподвижно, глаза его устремлены в мои глаза, и этот человек в серой блузе, просунувший большой палец за кожаный пояс, склонивший свое ясное чело, кажется мне бесконечно благородным, бесконечно великодушным, бесконечно великим 〈...〉

Толстой делает последний прощальный жест и размеренным, степенным шагом уходит в свою комнату

На следующее утро я покидаю Ясную Поляну.

Без радостный отъезд. У порога меня ожидают сани. Восемь часов, уже давно занялся день, но ночь отступает неохотно. Небо свинцового цвета, тусклое и тяжелое, и можно подумать, будто это сероватое мрачное небо не рассеивает свет, а впитывает его в себя из земли, окутанной снегом 〈...〉

Давно уже домик мудреца исчез в тумане. Но и сквозь туман сверкает яркий свет, свет его разума, гораздо более сильный, чем ночной мрак.

РЕНЕ МАРШАН

Одним из последних французских посетителей Толстого был парижский журналист, сотрудник «Figaro» Рене *Маршан* (1888—1963), специально направленный в Ясную Поляну редакцией этой газеты для получения интервью.

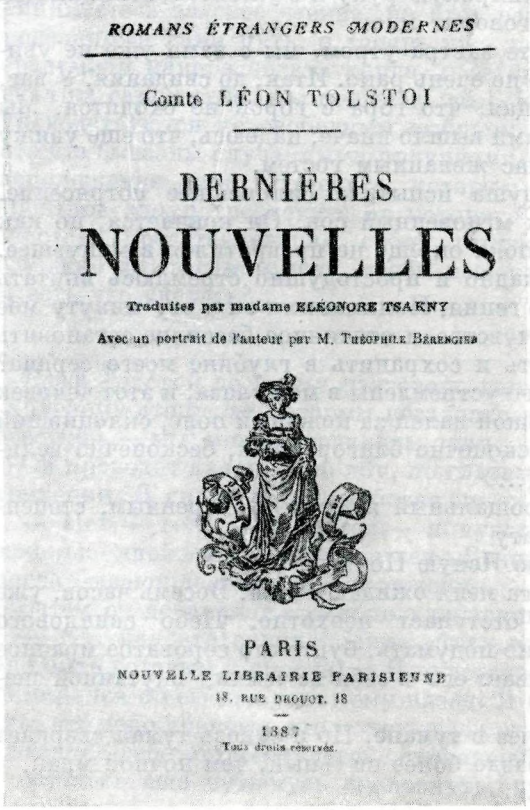
2 января 1910 г. Толстой записал в своем дневнике:

«Приехал француз Marchand. Говор<ил> с ним горячо, отвечая на вопросы <...> Обычный вечер и француз» (т. 58, стр. 3). В письме к В. Г. Черткову, написанном в тот же день, Толстой охарактеризовал Маршана как «очень милого молодого человека, знающего по-русски» (т. 89, стр. 166).

Комментатору дневников Толстого осталось неизвестно, о чем столь горячо говорил писатель со своим французским собеседником. Между тем 22/9 июля 1910 г. в газете «Figaro» был напечатан подробный отчет Маршана о его поездке в Ясную Поляну, дающий более или менее полное представление о содержании бесед с ним Толстого. Отмечая «поразительную ясность мысли», сохранившуюся у престарелого писателя в последний год его жизни, и «чудодейственную точность языка», Маршан подробно изложил высказывания Толстого как по социальным вопросам, так и по вопросам политическим и эстетическим. В 1949 г. Маршан выпустил в г. Мехико на французском языке книгу «Литературные французско-русские параллели», в которой он также вспоминал о Толстом.

ДЕНЬ У ГРАФА ТОЛСТОГО

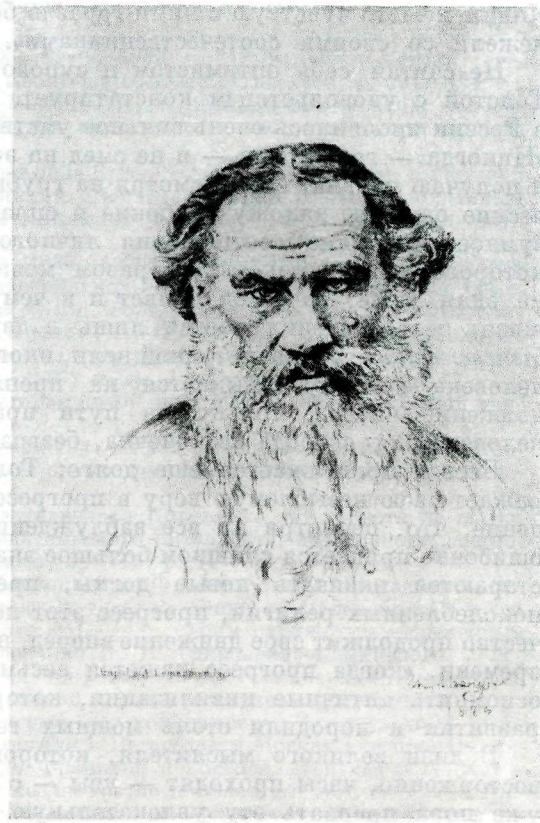
...Он говорит со мной о современной литературе, о том, как обычно понимают искусство, и, касаясь излюбленной темы своих раздумий, вскоре же, с поразительной ясностью мысли и чудодейственной точностью языка, проникает в труднейшую область умозрений отвлеченной философии, которым он теперь посвящает все свое время и силы.



ФРАНЦУЗСКИЙ СБОРНИК РАССКАЗОВ ТОЛСТОГО (ПАРИЖ, 1887)

Титульный лист

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»



ТОЛСТОЙ
Литография французского художника Теофиля Беранжье. 1886
Фронтиспис книги: Comte Léon Tolstoï. Dernières Nouvelles. Paris, 1887
Личная библиотека Толстого Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Он видит слабость нашей эпохи в забвении религиозных верований и с каждым днем все более заметном исчезновении того, что он называет *религией*, которую рационалистически определяет как «понимание отношений, устанавливающихся между личностью и *Всеобщим*». Именно из этой *религии* и проистекают те нравственные принципы, без которых человек не может совершенствоваться. И самый разительный признак исчезновения этих нравственных принципов Толстой видит в разделении человечества на два совершенно обособленных друг от друга класса: *богатых* и *бедных*. Только второй класс, который он называет *миром*, представляет подлинную жизнь и труд; и *искусство*, достойное этого названия, не может существовать вне этого великого мира.

Эту элементарную истину, однако, многие литераторы, художники, музыканты с каждым днем, по-видимому, всё более забывают и стараются в своих неизбежно *декадентских* сочинениях угодить, напротив, лишь крохотному классу общества. Вот почему ложно понятое искусство имеет тенденцию ограничиваться все более и более узким кругом и становится игрой ума, лишенной значения и пользы для человечества; и, выделив имена Виктора Гюго, у которого Толстой особенно ценит «Бедных людей»[86], Дюма-сына, Генри Джорджа, Пушкина (одного из любимейших своих поэтов) и отведя совсем особое место Анатолю Франсу, истинным шедевром которого он называет душераздирающую историю «Кренкебиль», Толстой твердо выражает свою веру в будущее: «У человечества начинает пробуждаться самосознание, и в этом заключается значительный прогресс. Я ежедневно получаю письма от неизвестных корреспондентов из Японии,

Индии и часто чувствую с ними гораздо более тесную духовную близость, нежели со своими соотечественниками».

Не считая себя оптимистом и сурово осуждая бессилие Думы, Лев Толстой с удовольствием констатирует, что с недавнего времени даже в России проявилось очень сильное умственное движение среди крестьян. «Никогда,— говорит он,— я не смел на это надеяться; но, однако, теперь я получаю письма, где, несмотря на грубые орфографические и грамматические ошибки, нахожу глубокие и справедливые мысли и вижу то разумное понимание соотношения личного и *Всеобщего*, без установления которого человек роковым образом может жить только изо дня в день, не зная даже, зачем он живет и к чему стремится. А между тем вся жизнь человека заключается лишь в двух словах: *нравственное совершенствование*; у нее нет иной цели, иного смысла. В самом деле, воля человека повсюду натыкается на препятствия, останавливающие его движение вперед; только на пути нравственного совершенствования человеческая свобода бесконечна, безгранична...»

Беседа продолжается еще долго; Толстой говорит с жаром; он выражает свою незыблемую веру в прогресс человечества и глубокое убеждение, что, несмотря на все заблуждения искусства и науки, которым ошибочно придается слишком большое значение и которым власть имущие стараются навязать новые догмы, предназначенные заменить догмы поколебленных религий, прогресс этот не может пойти вспять, и человечество продолжит свое движение вперед, несмотря на трудности нынешнего времени, «когда прогресс кажется весьма сомнительным, особенно если вспомнить античные цивилизации, которые достигли столь блестящего развития и породили столь мощных гениев».

Вблизи великого мыслителя, которого я слушаю сосредоточенно и восторженно, часы проходят — увы — с поразительной быстротой, и вот уже пора прервать эту увлекательную беседу. Граф выходит в парк, чтобы совершить свою ежедневную прогулку верхом, затем до вечера будет отдыхать. Он провожает меня в комнату на нижнем этаже, которую велел приготовить и где советует мне отдохнуть с дороги.

Вечером, в шесть часов, мы снова собираемся у большого гостеприимного стола.

Толстои, оживленный и веселый, усаживает меня рядом с собой и много говорит о Франции, о ее литературе и театре, к которым питает большую, нескрываемую любовь и за развитием которых наблюдает с живым интересом.

Затем он передает мне четыре первых листа своего сборника мыслей, предназначенного для ежедневных размышлений, остальные девять листов еще не были разрешены цензурой.

Ясным и сильным голосом, отчетливо произнося слова, Толстой прочел нам сам те мысли, которые записаны под сегодняшней датой — 2 января: письмо Дюма-сына, переведенное им восхитительно точным и сильным языком, афоризмы Шопенгауэра и собственные философские размышления. Затем, пока внучка его рассказывала какую-то народную сказку, Толстой сел играть в шахматы, его любимую игру, с Дмитрием Олсуфьевым.

. . . . . .

Десять часов вечера. Граф Толстой приказал запрячь сани, которые должны отвезти меня на крошечную станцию Засека — самую близкую отсюда, километрах в пятнадцати. Я взволнованно прощаюсь с моими хозяевами и с чувством сожаления, смешанного с грустью, переступаю порог этого жилища, исполненного старинной простоты, где так сладко было на несколько мгновений позабыть о лихорадочной и часто бесплодной деятельности нашего стремительного века.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Revue des Etudes Slaves», t. XIX. Paris, 1939, p. 212 (некролог Легра).

[2] Jules **L e g r a s**. Au Pays Russe. Deuxième édition. Paris, 1900, p. 191—194.

[3] «Письма о России» («Lettres de Russie») Легра печатались в «Journal des Débats» в 1892 г. под инициалами *J. L.* В них описывались голод и эпидемия холеры в Нижнем-Новгороде.

[4] «Берлинский очерк» Легра «Athènes de la Sprée» («Афины на Шпрее»), вышедший в свет в Париже в 1892 г. под псевдонимом *Люк Жерсаль*, пользовался огромным успехом у французских и иностранных читателей и выдержал во Франции пять изданий.

[5] Сергей Александрович *Рачинский* (1836—1902) — известный деятель в области народного образования, организатор сельской школы в селе Татеве (Смоленской губ.), автор книг «Заметки о сельских школах» (СПб., 1883), «Из записок сельского учителя» (СПб., 1889), сборника статей «Сельская школа» (М., 1891) и др. Николай Михайлович *Горбов* — педагог, автор книг «Русская история для начальных школ» (М., 1883), «Задачи русской народной школы» (М., 1887) и др. Александра Алексеевна *Штевен* (1865—1933) — педагог, автор книги «История одной школы (Из записок сельской учительницы)» (СПб., 1894).

[6] Книга В. Г. Короленко «В голодный год» вышла отдельным изданием в Петербурге в 1893 г. До этого составляющие ее очерки публиковались в «Русских ведомостях» и «Русском богатстве».

[7] В «Au Pays Russe» Легра охарактеризовал Короленко как «одного из первоклассных русских романистов и человека высокого интеллекта, энергичного, честного и доброго» (J. L e g r a s. Au Pays Russe, op. cit., p. 34—35).

[8] Об этом эпизоде, связанном с публикацией во Франции статьи «Неделание», см. в письме Толстого к редактору «Revue des Revues» Ж. Фино от 10 декабря 1893 г. и в комментариях к этому письму (т. 66, стр. 441—443). Своим парижским «поверенным в делах» Толстой называет здесь переводчика И. Д. Гальперина-Каминского.

[9] Легра намекает, по-видимому, на того же И. Д. Гальперина-Каминского, переводы которого пользовались во Франции весьма незавидной репутацией.

В начале 1894 г. Гальперин-Каминский был командирован французскими писательскими и художественными организациями в Петербург и Москву для пропагандирования литературной конвенции между Францией и Россией. Приехав в Москву в феврале, он познакомился с Толстым и неоднократно посещал его дом. Беседы с Толстым он подробно изложил в своих воспоминаниях «У Толстого», напечатанных в парижском журнале «Revue Illustrée», 1898, № 23 от 15 ноября и 1901, № 11 от 15 мая.

Приводим наиболее интересные отрывки из этой публикации, оставшейся вне поля зрения советских исследователей Толстого, несмотря на свой исключительный интерес. Приведенная автором воспоминаний неизданная запись, сделанная Толстым в альбоме Жени Гальпериной-Каминской, не вошла в собрания его сочинений.

«...Толстой приближается ко мне твердым шагом; походка его непринужденна. Я вижу его высокий, изборожденный морщинами лоб, крупный нос, упрямый рот; волосы и борода его сильно посеребрены. Фотография 1893 года, самая последняя (мэтр любезно принес мне одну карточку) — довольно точно передает его нынешний облик. И только, когда Толстой, внимательно всматриваясь в меня, с дружелюбным приветствием подходит ко мне поближе, я вижу его небольшие глаза, мало заметные издали под густыми бровями,— глаза, которые, не впадая в банальность, можно поистине назвать зеркалом души. В них до конца отражаются все ощущения — вплоть до тех, которые условная вежливость порой заставляет нас скрывать. Когда взгляд его становится вдумчивым, испытующим, изменчивая, сероватая синева его глаз густеет почти до черноты; в редкие минуты негодования взор его отсвечивает холодной сталью, но чаще всего сохраняет свою лазурную ясность, свидетельствуя о невозмутимом течении мысли Толстого.

Зато голос этого великого правдолюбца всегда звучит ровно и уверенно, никогда не повышается: существует только одна истина, и она неоспорима, нет смысла навязывать ее силою слова. Разглагольствует, декламирует, горячится тот, кто отстаивает суетные, лишенные реальной основы взгляды. Мэтр сознается мне в этом самым естественным образом: „Я говорю все правду и делаю это не только из сознания своего человеческого долга, но и потому, что я единственный человек в России, имеющий возможность свободно высказываться. Этим я пользуюсь и для своих книг и даже когда пишу царю; если я и не получаю ответа, то, во всяком случае, знаю, что письма мои доходят по назначению; быть может, они когда-нибудь и окажут свое действие — ведь царь, как и все другие люди, наделен разумом и душой".

...В первый вечер беседа наша не могла быть продолжительной. Суббота — приемный день, и явилось множество посетителей. Среди них я встретил профессора Грота <...>, г-жу Фет; мне удалось также познакомиться с семьей Толстого<...> Беседа вокруг самовара ни на минуту не теряла своего интереса, ее постоянно оживляли реплики наших хозяев. Разошлись мы в полночь <...>

Назавтра я снова навестил Толстого; приходил я и в последующие дни, в разные часы. Мне довелось слушать Толстого в его кабинете, в общей гостиной, на прогулках; и я собрал воедино его высказывания, записывая их каждый вечер <...>

Не хотите ли, прежде всего, ознакомиться с одной его неопубликованной мыслью?

„Je souhaite avant tout à la petite Eugénie de savoir pourquoi elle vit sur la terre et d'accomplir la mission même pour laquelle elle a été envoyée sur cette terre".

<*«Я прежде всего желаю Женечке узнать, зачем она живет на земле, и выполнить именно то назначение, ради которого она была на эту землю послана"*>.

Нужно ли добавлять, что назначение это заключалось в том, чтобы возлюбить ближнего как самого себя?

Во время моих бесед с Толстым мы касались также предметов, не столь непреложных, — вопросов, тесно связанных с современностью; тем не менее они не потеряли и долго не потеряют своего интереса. Таковы, например ужасные деяния анархистов, к которым снова привлечено всеобщее внимание после убийства императрицы Елизаветы <...>

Толстой никогда не откликается на посвященные ему критические статьи и газетные нападки, ибо они почти всегда поверхностны и чаще всего принадлежат перу претенциозных писак. К тому же, что можно найти нового даже у самых уважаемых современных писателей, что можно найти такого, что не высказывалось ранее и не повторялось на протяжении целых столетий? Однако серьезная, свежая мысль, здравое рассуждение, найденные Толстым в старой литературе, могут оказывать влияние на его собственную мысль и содействовать изменению его первоначальных убеждений. Прислушиваться же к необоснованным мнениям, к разным, скорее смехотворным, чем коварным, намекам, знакомиться со всем, что пишут о его книгах и о нем самом,— это в его возрасте — пустая трата времени, которого ему уже и так остается немного. Впрочем, любой ответ на подобные нападки только преувеличивает их значение; когда же от них отмалчиваешься, они быстро забываются. Правда, как говорит народная мудрость, от клеветы всегда что-нибудь да остается. Но чем больше обиженный возражает и чем больше он вызывает новых обсуждений, тем глубже клевета врезывается в память людей.

«Знаете ли вы происхождение французской поговорки о клевете? — спросил меня Толстой.— Какой-то француз нашел сто тысяч франков и возвратил их владельцу. Все тотчас принялись обсуждать — что заставило его отдать эти деньги; вскоре пришли к выводу, что он нашел двести тысяч и половину утаил. Несчастный счел своим долгом доказывать, что действовал как честный человек; однако в результате клевета распространилась еще шире. Когда же в час нужды он стал добиваться места, на которое имел право рассчитывать, министр, приняв его прошение, вспомнил историю со ста тысячами и наотрез отказал ему.

Хотите, я приведу вам случай из моего личного опыта? Когда Катков надумал издавать „Русский вестник", он попросил меня и Тургенева о сотрудничестве в нем и добился нашего согласия. Вскоре и Некрасов предложил нам обоим, а также Островскому и Григоровичу участвовать в его журнале. Мы согласились, хотя, по словам Каткова, Тургенев якобы обещал „Русскому вестнику" свое исключительное сотрудничество. Вам известен уступчивый характер автора „Записок охотника", он никогда не мог отказать новым журналам если не в деятельном сотрудничестве, то хотя бы в поддержке своим именем. Катков же увидел в этом „гнусный поступок", о чем и пропечатал в своей газете. Возмущенный этим утверждением, я написал Каткову, чтобы напомнить ему о предупредительности и доброте Тургенева, готового оказать бескорыстную помощь всем, кто его об этом попросит; я сказал, что Катков ошибается, приписывая своему сотруднику иные побуждения, и просил его напечатать мое опровержение. Катков, согласившийся выполнить мою просьбу, снабдил мой ответ такими комментариями, что я поспешил остановить публикацию своего письма, чтобы предотвратить их появление в печати. Вот вам и польза от ответа».

Толстой и сам неоднократно являлся мишенью для нелестных высказываний — между прочим, и со стороны одной французской газеты — как раз в то время, когда я находился в Москве. Какой-то русский журналист опубликовал интервью с мэтром, приписав ему по поводу панамских дел довольно резкие высказывания, направленные против Франции. Газета „Figaro" воспроизвела их с суровым осуждением. Толстой ни за что не хотел писать опровержения в петербургский орган и ответа на упреки французской газеты.

«Совсем напротив, — заявил он в беседе со мною, — французский народ мне чрезвычайно симпатичен. Я только намекнул на правящие классы, желая напомнить, что при республиканской форме правления во Франции, как и в Америке, растраты общественных средств столь же распространены, как и в монархических странах, и что как там, так и здесь необходимо в корне изменить всю общественную систему, а не начинать с нападок на ее печальные следствия».

Другим поводом для высказывания Толстого послужила недавняя публикация русского перевода знаменитой книги Макса Нордау „Вырождение". Автор утверждал

в ней, что „толстовство" — одна из разновидностей нашего вырождения и что поиски смысла жизни — одно из его проявлений. Выслушав несколько мест из главы, в которой речь шла о нем, Толстой сказал мне:

«Это претенциозные, якобы научные разглагольствования о вещах чрезвычайно простых. Каждому человеку известны побудительные причины его поступков. Вот мы с вами ведем задушевную беседу, у нее есть причина. Она могла бы быть враждебной, и это тоже имело бы свою причину. Не только человеку, но даже мухе известно, зачем она живет: у нее есть свой идеал насекомого. Человеком же во всех его действиях руководит вопрос о смысле жизни, и он находит смысл, когда спрашивает себя,— зачем он живет... Стоит ли, однако, в нескольких словах повторять то, что я уже многократно высказывал во всех подробностях? Бесполезно приводить снова и снова свои доводы критикам, даже самым серьезным; мне никогда не удалось бы довести до конца эту полемику, а тем, кто столь упорно цепляется за свои заблуждения, она не принесла бы и малейшей пользы.

Если я сегодня говорю с вами об этом,— добавил Толстой, помолчав,—то только потому, что мы дружески беседуем и это доставляет вам удовольствие; вообще же я не люблю отвечать на вопросы — ни прямо, ни — еще менее — во время интервью. Я этого и не скрываю от журналистов, когда они приходят ко мне — интервью почти никогда не передают глубину и форму мыслей, которыми обмениваешься: вздорные мысли не стоят того, чтобы их обнародовали, а серьезные требуют размышления от того, кто их высказывает, а от того, кто их выслушивает,— подготовленности. Когда я пишу, я тщательно обдумываю свой труд, старательнейшим образом перерабатываю его, многократно исправляю. С какой же стати должен я, отдавая в печать свои мысли, прибегать к посреднику, которого я не знаю, без уверенности, что меня правильно истолкуют? Интервью, о котором мы говорим и на которое я по слабости характера согласился, еще раз свидетельствует о том, насколько это ненужно.

К тому же мне противно выступать в роли оракула, а те, кто слишком много занимается моей особой, оказывают мне дурную услугу: видите ли, как ни борюсь я в себе с тщеславием, они ему льстят, льстят одному из тех скверных чувств, от которых я давно стараюсь избавиться. Именно в этом и заключается главная причина моего отказа от чтения газет».

. . . . . .

Другая причина неприязни Толстого к газетам,— это то „вредное, временами пагубное дело", которое они совершают. Успех газет основывается, главным образом, на несчастьях, позоре, дурных страстях. Чем ужасней, чем распространенней описываемые беды, тем лучше распродается газета. Начинается война: тысячи погибших, вдов, сирот, разорений; народы впадают в нищету, все страдают, а для газет — это время умножения доходов, вожделенная минута. Более того, этого рода бедствия зачастую вызываются именно газетами, разжигающими ненависть между народами, племенами, религиями, группами, отдельными людьми. Для газетчиков все средства хороши, лишь бы возбудить нездоровое любопытство толпы и продать ей свои листы бумаги: убийства, массовые и индивидуальные, скандалы, государственные и семейные, увечья, телесные и моральные. Конечно и тут, как во всем, бывают исключения, но они слишком редки, чтобы изгладить зло, причиняемое общим правилом.

. . . . . .

Мне остается еще сообщить мнение Толстого о некоторых французских писателях. В это время он держал корректуру своего очерка о Ги де Мопассане; мэтр признался мне, что его огорчает необходимость осуждать тенденции автора „Жизни". Ставя талант Мопассана выше таланта Бурже и даже Золя и Доде, Толстой находит, что он пишет как художник только тогда, когда выставляет перед нами животные инстинкты человека: сладострастие, чувственность. То же у Анатоля Франса, чьи гривуазные рассказы правдивы и естественны, тогда как его описания жизни святых манерны и фальшивы. Хорошо описывать можно только то, что сильно любишь. Мы видим это же у Эмиля Золя. Его лучший роман — „Земля"; портреты крестьян, картины сельской жизни написаны превосходно. Но автор слишком часто заставляет своих персонажей предаваться сладострастным помыслам; разве можно приравнивать крестьянина, работающего с утра до вечера, к бездельнику, у которого обильная пища и крепкие вина возбуждают обжорство и похоть?.. В то же время я не считаю ни безнравственным, ни грязным описание, например, персонажа, прозванного Иисусом Христом, который часто издает неблагопристойный звук,— по-моему, это только комично.

Среди молодых писателей, которых Толстой читает с удовольствием, следует назвать Эдуарда Рода и Поля Маргерита; из произведений первого он, впрочем, больше ценит философские этюды и литературно-критические статьи, чем романы. Великими, искренними поэтами были Виктор Гюго, Дюма-отец, а в наши дни — Сюлли-Прюдом. Особенно поразило автора „Власти тьмы", что он встретил единоверца в авторе „Дамы с камелиями". Толстой прочел все предисловия и брошюры Дюма-сына и находит, что они гораздо значительней, чем все пьесы, послужившие для них поводом. „Мужчина-женщина" — одно из лучших произведений о нравственности. Дюма — истинный художник, ибо выражает чувства, которые изведал сам; еще больше он философ — по

широте своих взглядов, по ясности и откровенности, с которыми затрагивает социальные и психологические проблемы. Толстого привлекает этот близкий ему интеллект и, пробежав мои заметки о частной жизни Дюма в „Revue Illustrée", он с удовлетворением констатирует, что между ними существует своего рода единство чувств.

Беседа переходит на „декадентов"— писателей, „у которых искусственные уловки заменяют подлинную наблюдательность". Толстой в своем труде „Что такое искусство?" посвятил им впоследствии длинную главу, поэтому нет смысла повторять здесь его мнения о них. Я ограничусь только тем, что приведу одну подробность, отсутствующую в упомянутом томе,—а именно: Толстой причисляет к „декадентам" „криптодекадентов", т. е. к явным декадентам еще и декадентов скрытых. Первые не опасны, так как изображаемые ими ощущения и туманный язык слишком необычны, чтобы быть понятыми публикой. Что же касается „криптодекадентов", то они находят формы, способные производить чисто физические, внешние и отнюдь не нравственные впечатления, причем эти формы художественные, что усиливает их зловредное действие. Многие современные романисты и драматурги вышли из этой школы.

Я завершу свой отчет о беседах с Толстым в Москве его высказываниями по поводу моей русской брошюры „Общая польза авторского права" — этот вопрос связан столько же с литературой, сколько и с моралью, в особенности, если его рассматривает такой человек, как Толстой <...>

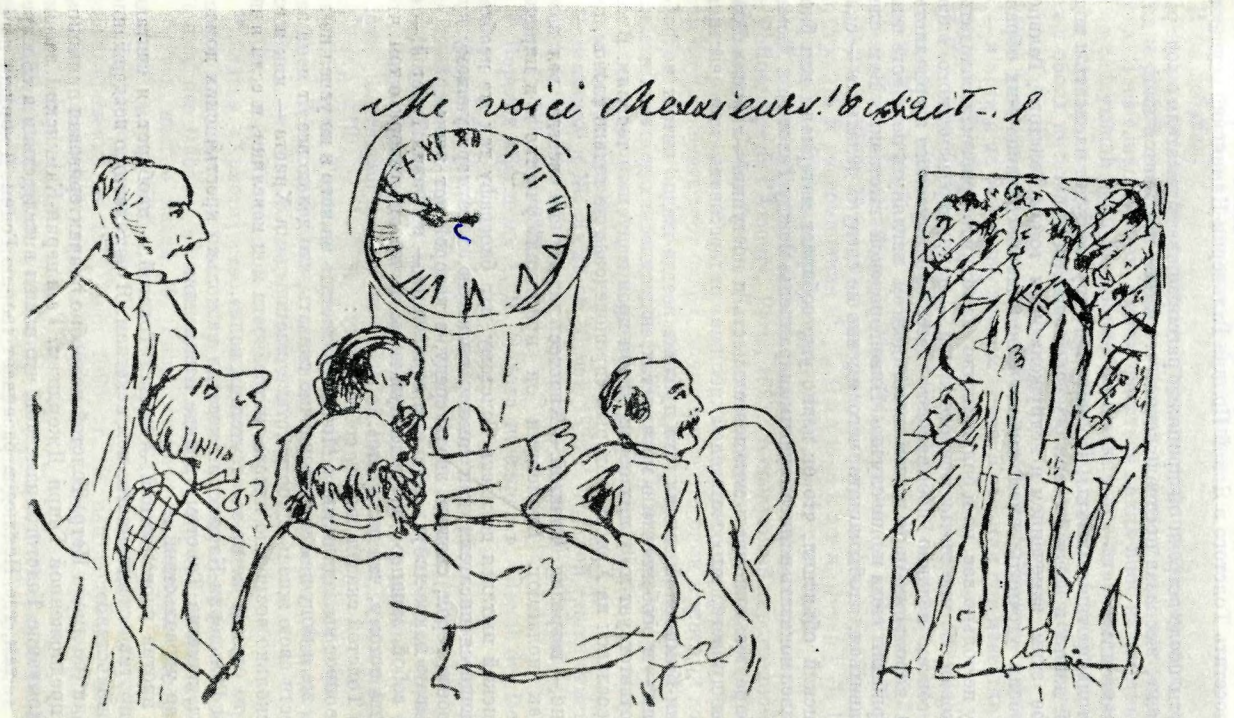
— «Прежде всего следует отличать интеллектуальное право от права материального,— сказал он.— Автор, вне всякого сомнения, должен оставаться хозяином формы, которую он счел необходимым придать своей мысли. Отсутствие этой гарантии приводит к произвольным переделкам, искажениям текстов, и автору порой приписывают совершенно противоположное тому, что он хотел высказать. Могу заметить, что я часто испытывал на собственном опыте порочность этого положения. С другой стороны, однако, автор не должен извлекать из своих произведений других материальных выгод, кроме тех, которые необходимы для его существования. Вообще литератор, художник, врач, адвокат и т. п., каждый работник умственного труда, не имеют права рассматривать свою деятельность как средство для приобретения предметов роскоши. „Да, это роскошь, заметил Толстой, указывая на гравюры „Revue Illustrée", изображающие внутреннее убранство дома Дюма-сына в Марли.— Моя жена также нехорошо поступила, заработав на моих романах более ста тысяч рублей. Если бы мне пришлось жить своим литературным трудом, я согласился бы лишь на заработок, обеспечивающий мне и моей семье самую скромную жизнь. Утверждения, что для творчества необходимы комфорт, развлечения — это только фразы, вздор. Стола, стула, керосиновой лампы вечером вполне достаточно для того, чтобы написать шедевр. Теперь же все, кто может, стараются жить в роскоши. Однако личности, которые, ссылаясь на отсутствие конвенции, пытаются извлечь из этого выгоду только для себя, также поступают дурно; это все равно, что не платить долгов, воспользовавшись тем, что от вас не потребовали расписки».

Обстоятельства, при которых я распростился с моим гостеприимным хозяином, не лишены многозначительности. Прежде всего следует отметить, что последнее свидание он мне назначил по телефону. Толстой, следовательно, не пренебрег возможностью использовать этот канал ненавистной ему цивилизации, и отправился для этого в контору соседней фабрики <...> Он должен был уехать в Рязанскую губернию к больному другу, я же возвращался в Санкт-Петербург, и мы условились встретиться на вокзале. Я до последней минуты откладывал вопрос, который собирался ему задать. Сердечность оказанного мне приема и готовность отвечать на мои вопросы придали мне смелости. Давно уже собирая документы для своего будущего очерка о мучительной эволюции этой исключительной натуры, я попросил у Толстого разрешения просмотреть его неизданную переписку с двумя-тремя задушевными друзьями, имена которых он мне сам назвал. Я уже объяснил причины, по которым Толстой не любит, чтобы о нем говорили. Он добавил, что если мой замысел и представляет какой-либо интерес, то, во всяком случае, он должен быть осуществлен лишь после его смерти. Мои аргументы, а быть может моя настойчивость, заставили его сдаться. Вот главная черта его характера: опасение огорчить кого-нибудь из окружающих заставляет его часто соглашаться на то, в чем ему хотелось бы отказать. Это — исключительная доброта, которую он считает слабостью <...>

Мы прогуливались по платформе в ожидании скорого отбытия поезда. Я завязал разговор о психологическом значении интимных писем, чтобы подойти к последнему своему вопросу. Наконец, когда дальнейшее промедление сделалось уже невозможным, я решился:

«Лев Николаевич, то, о чем я вас спрошу, важно, в сущности, не для меня лично: я видел, слышал и знаю, что́ мне следует думать; но не будет ли полезно дать прямой ответ на вопрос, который вам ставят: живете ли вы сами в соответствии с правилами, которые вы рекомендуете другим?»

Не успел я закончить, как раздался резкий свисток; оборачиваюсь и вижу издалека отчаянные жесты друзей Толстого, затем поезд трогается и начинает приближаться к нам. Мой спутник продолжает спокойно идти с низко опущенной



Dessin par TOLSTOI pour *Le Tour du Monde en 80 jours*.
La légende, écrite par Tolstoi est la même de l'illustration de Benett, à la page 216 du roman.

РИСУНОК ТОЛСТОГО К РОМАНУ ЖЮЛЯ ВЕРНА «ПУТЕШЕСТВИЕ ВОКРУГ СВЕТА» В 80 ДНЕЙ.
Из книги: A. Marcucci. Les Illustrations des *Voyages Extraordinaires* de Jules Verne. Bordeaux, 1956

головой; погруженный в размышления, казалось, он ничего не слышал, кроме моего вопроса.

«Поезд уходит!» — закричал я.

Тут подбежали его друзья. У нас едва хватило времени втащить Толстого на площадку одного из последних вагонов. Толстой снова оборачивается ко мне с дружеским прощальным жестом. Никогда мне не забыть этой последней минуты...»

Свое намерение посетить Толстого в Ясной Поляне Гальперин-Каминский осуществил только в 1896 г.

В первые же минуты после встречи он принялся расспрашивать писателя о ходе работы над «Воскресением», высказав предположение, что книга эта явится кладом для биографа.

Толстой резко заметил:

«Взгляды наши столь противоположны, что вам очень трудно будет написать и подлинную историю моей жизни и верный очерк о моем творчестве».

Задетый за живое этим замечанием и недружелюбным тоном Толстого, Гальперин-Каминский попросил уточнить, в чем именно заключается разница в их образе мыслей.

«О, я имею в виду не только вас, но и большинство из тех, кто приезжал повидаться со мною и опубликовал обо мне статьи и целые книги,— например, немецкого писателя Лёвенфельда и совсем недавно побывавшего здесь французского журналиста, который приехал на коронацию царя и счел своим долгом взглянуть по дороге и на меня. А вы разве прибыли сюда не по случаю Нижегородской выставки? Вам следовало бы туда отправиться, чтобы понять, чего именно не следует делать...» — сказал Толстой.

Гальперин-Каминский объяснил, что он давно уже собирает материалы для биографии Толстого и привез показать написанную им «параллель» между Толстым и Дюма-сыном.

«Значит, и вы собираетесь описывать мою деятельность и поступки?—спросил Толстой.— Но почему вы думаете, что читателей должна интересовать моя частная жизнь?»

В ответ Гальперин-Каминский заявил, что публика всегда жадно читает подробности о великих людях — в особенности о моралистах, политических деятелях и т. п., ибо хочет узнать, соответствует ли у них образ жизни проповедуемым теориям. В качестве аргумента он сослался на Христа, который «проповедовал не только словом, но и примером».

«Это не доказано,— возразил Толстой.— Христос далеко не всегда вел воздержную жизнь, как полагают. Временами он принимал участие и в пиршествах».

Гальперин-Каминский пытался доказать Толстому, что биографу так же необходимо знать все касающееся писателя, как самому писателю, характеризующему душевное состояние своего героя, следует знать среду, в которой тот живет.

«Но когда я описываю какое-нибудь лицо или положение,— возразил Толстой,— я вовсе не ставлю перед собой заранее определенную цель. Я просто говорю о том, что вижу, и говорю именно потому, что вижу это».

Несколько позже Толстой сказал своему собеседнику:

«Помните, какой вопрос вы задали мне в Москве? Ответить на него я не успел из-за отхода поезда. Теперь же я могу вам чистосердечно сказать, что делаю все от меня зависящее, чтобы привести свою жизнь в соответствие с заповедями Христа — как я их понимаю. Живу я насколько возможно просто, потребности мои невелики, и если я не достигаю желаемого, то отнюдь не из-за отсутствия воли».

Вместе с Толстым Гальперин-Каминский посетил несколько крестьянских домов. По дороге он закурил, заметив Толстому в виде извинения:

«В жизни так мало удовольствий...»

«Но я совсем не против удовольствий,— сказал Толстой,— наоборот, я считаю, что нет ничего более противоестественного, чем аскетизм. Я рекомендую воздержание лишь от вредных удовольствий».

Одному из крестьян (по имени Петр) Толстой подробно охарактеризовал принципы земельной реформы, предложенной Генри Джорджем. Гальперин-Каминский, зафиксировавший это высказывание Толстого, замечает, что нашел впоследствии в «Воскресении» всю эту сцену — там, где Нехлюдов развивает теорию Генри Джорджа перед своими крестьянами.

На обратном пути Толстой продолжал горячо говорить об огромной пользе, которую принесло бы России проведение земельной реформы в духе Генри Джорджа.

«Как ни огромна эта реформа, какой утопичной и революционной ни кажется она ограниченным и боязливым людям, проведение ее теперь в жизнь, во всяком случае, гораздо легче и проще, чем освобождение крепостных в 1861 году. Стоит только захотеть. Разве об этой крупной реформе лет пятьдесят тому назад не думали как о чем-то неосуществимом, крайне опасном, революционном? А теперь мы не можем понять, как такое бесчеловечное установление могло продержаться столько времени. И если бы реформа, предложенная Генри Джорджем, была проведена, наши потомки через пять-

десят лет спрашивали бы себя с таким же удивлением: как это люди, больше всех работавшие, меньше всех зарабатывавшие, были тяжелей всех обременены налогами и всю жизнь мучились для выгоды тунеядцев. О, если бы молодой царь открыл свое царствование этим великим деянием! Он завоевал бы себе такую славу, о какой никто из его предшественников, никто из земных властителей никогда не смел и мечтать! Каким ничтожным показалось бы тогда освобождение крепостных его дедом, Александром II, в сравнении с этой реформой, в тысячу раз более глубокой, хотя она имела бы столь же мирный, столь же рациональный характер».

И он добавил:

«Я собираюсь написать царю и откровенно изложить ему свою мысль. Впрочем, в этом нет особой смелости. Царь — человек и потому ему доступны все человеческие чувства. Я же слишком стар, чтобы опасаться каких-либо неприятных последствий».

На следующий день Гальперин-Каминский прочитал вслух свою не совсем законченную статью, в которой он сравнивал Толстого с Александром Дюма-сыном, отмечая в обоих писателях много общих черт (с этой статьей он успел ознакомить и покойного А. Дюма).

«Уже давно я почувствовал в Дюма родственную душу,— заметил при этом Толстой.— и хотя я не был с ним знаком лично, я испытал при известии о его смерти такое чувство, словно потерял друга».

[10] Вероятно, роман Н. Д. Зайончковской-Хвощинской «Большая Медведица», печатавшийся в «Вестнике Европы», 1870, № 3—4, 7—9 и 1871, № 4—6 и 11 под псевдонимом *В. Крестовский*, или же цикл повестей *Л. И. Веселитской-Микулич* «Мимочка-невеста», «Мимочка на водах» и «Мимочка отравилась» («Вестник Европы», 1883, № 9; 1891, № 2 и 3 и 1893, № 9 и 10), о которых с восторгом отзывался Толстой (см., например, т. 66, стр. 275 и воспоминания Ф. Д. Батюшкова. Вечер у Л. Н. Толстого (почти стенограмма).—«Русская литература», 1963, № 4, стр. 219).

[11] В яснополянской библиотеке сохранился экземпляр книги Ж. Дюма «Tolstoy et la Philosophie de l'Amour», Paris, 1893, со следующей дарственной надписью автора: «*A Monsieur le Comte Tolstoy. Respectueux hommage. G. D u m a s*» («*Господину графу Толстому. С уважением. Ж. Дюма*»). Книга издана со следующим посвящением: «Прежде чем опубликовать этот очерк, хочу выполнить один приятный долг: поблагодарить графа Толстого за благожелательность, с которой он растолковал мне отдельные пункты своей философии, и мадемуазель Татьяну Толстую — за уточнения времени написания ряда трудов ее отца. С двойным уважением Жорж Дюма. 6 апреля 1893 г.» (перевод с французского).

[12] В письме к Ж. Дюма от 20 мая 1893 г. Толстой также отметил «верность суждений» и «изящество и ясность изложения» в книге «Tolstoï et la Philosophie de l'Amour» (т. 66, стр. 332).

[13] Перевод «Беглеца» А. П. Чехова появился в «Revue des Deux Mondes», 1893, 1.VII.

[14] Толстой в это время переводил вместе со своей дочерью Марией Львовной «Дневник» швейцарского философа-идеалиста *А. Ф. Амиэля* (1821—1881). В предисловии к русской публикации «Дневника» он указал: «Все, что Амиэль отливал в готовую форму: лекции, трактаты, стихотворения, было мертво; дневник же его, где, не думая о форме, он говорил только сам с собой, полон жизни, мудрости, поучительности...» (т. 29, стр. 210).

[15] О чтении Толстым «прелестной», «прекрасно написанной» книги *П. Сабатье* «Vie de St. François d'Assise», которая, по его указанию, была в 1895 г. издана «Посредником», см. в т. 52, стр. 105 и т. 87, стр. 243.

[16] Ср. главу IV части 3-й «Войны и мира».

[17] Статья «Христианство и патриотизм», о которой см. на стр. 535—536 кн. 1-й настоящ. тома. Легра в 1894 г. перевел ее на французский язык и опубликовал сначала в «Journal des Débats», а затем, в том же году, отдельным изданием.

[18] Речь идет о казни Ф. Ришё, свидетелем которой Толстой был в Париже 6 апреля/25 марта 1857 г. (см. т. 60, стр. 167—168).

[19] Корреспонденция В. Ялина, озаглавленная «Из Москвы», в № 7262 «Нового времени» от 18/30 мая 1896 г. В ней подробно излагалась беседа с издателем японской газеты «Нитинити симбун» о русско-японских отношениях.

[20] Имени этой дамы установить не удалось. В Провансе Толстой был в ноябре 1860 г. В конце своей книги «Au Pays Russe» Легра приводит следующие слова Толстого: «Что бы вы, французы, ни делали, католическая форма господствует над вами: вы либо за, либо против, но никогда не остаетесь в стороне».

[21] Предок Толстого граф Петр Андреевич Толстой был сослан вместе со своим сыном Иваном Петровичем в Соловецкий монастырь не Петром I, а Екатериной I, в 1727 г. Оба умерли в ссылке (в 1728 и 1729 гг.).— См. Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого, т. I. М., 1958, стр. 12.

[22] Пермский купец-старообрядец, сектант Адриан *Пушкин* был заточен в Соловецкий монастырь в 1866 г. (см. А. С. Пругавин. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством. СПб., 1906, стр. 69). Ни в библиотеке Толстого, ни в его архиве не сохранились сочинения, присылавшиеся ему из Женевы учеником Пушкина — Корфом.

[23] *«Швейцарский Робинзон»* (1819) — повесть Рудольфа Висса.

[24] Речь идет о Сергее Николаевиче Толстом (1826—1904).

[25] Вероятно, Толстой имел в виду основную мысль стихотворения Пушкина «Эхо».

[26] Из стихотворения В. Гюго «Ce siècle avait deux ans» («Два года было нынешнему веку»):

Mon âme aux mille voix, que le Dieu que j'adore
Mit au centre de tout comme un écho sonore...

(Моя многоголосая душа, которую горячо любимый бог поместил в центре всего сущего, словно звучное эхо).

[27] В яснополянской библиотеке, помимо романа «Lettres de Femmes» («Женские письма»). Paris, 1890, сохранилось еще несколько книг М. Прево. Некоторые из них с дарственными надписями. На «Jardin secret» («Потаенный сад»). Paris, 1897: «*A Léon Tolstoï, hommage de l'auteur. Marcel Prévost*» (*«Льву Толстому от автора. Марсель Прево»*); на «Vierges Folles» («Безумные девственницы»). Paris, s. d.: «*A Léon Tolstoï, hommage respectueux. Marcel Prévost*» (*«Льву Толстому с почтением. Марсель Прево»*); на «Vierges Fortes. Frédérique» («Сильные девственницы. Фредерика»). Paris, s. d.: «*A Léon Tolstoï hommage respecteux. Marcel Prévost*» (*«Льву Толстому с почтением. Марсель Прево»*); на «Vierges Fortes. Léa» («Сильные девственницы. Леа»). Paris, s. d.: «*A Léon Tolstoï, hommage de haute admiration. Marcel Prévost*» (*«Льву Толстому с глубоким восхищением. Марсель Прево»*).

1 февраля 1897 г., посылая свой роман «Le Jardin Secret», Прево писал Толстому: «Прошу вас оказать мне большую честь, прочитав его. Не может ли этот роман возвратить вашу благосклонность писателю, которого вы (в беседе с г. Анри Лапозом) осудили столь сурово, и против этой суровости он считает себя вправе апеллировать к вам же самому. Не откажите принять, м<илостивый> г<осударь>, выражение чувства высочайшего восхищения. Марсель Прево».

На конверте помета Толстого: «Благодарить за присылку. [Очень сожалеет, что Lapauze] Прочитал с большим [удовольствием] интересом» («Лит. наследство», т. 31-32, 1937, стр. 1020).

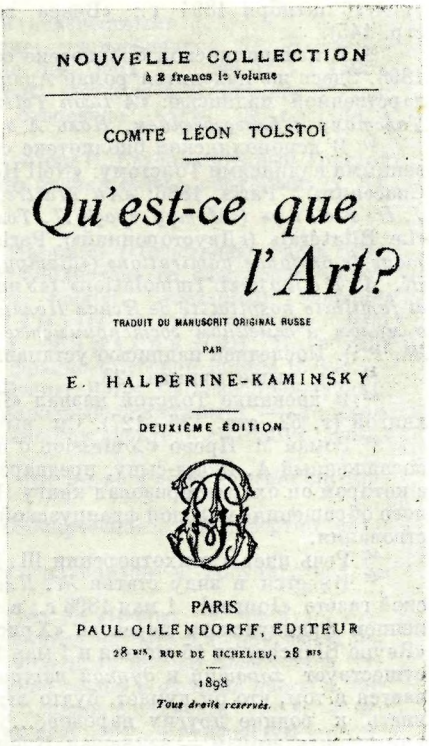
Отметим следующее высказывание, присланное Прево еще при жизни Толстого для «Международного толстовского альманаха»: «Толстой для французов моего поколения был не только чудесным рассказчиком, творцом пейзажей, эпох и людей,— он был также создателем нового чувствования. Ни одно почти произведение современных французских романистов и драматургов не было бы именно тем, что оно есть, если бы не было Толстого. Этот великий русский писатель — громадный *факт* в французской литературе, как Расин и Шатобриан. Марсель Прево. Париж. 9/22 марта 1908 г.» («Международный толстовский альманах. „О Толстом“». М., 1909, стр. 271).

[28] В яснополянской библиотеке сохранились следующие книги *Ж. Экара* с дарственными надписями: «Fleur d'Abîme» («Цветок из бездны»). Paris, 1894: «*Au grand Tolstoï. Hommage d'une âme française. Paris, 24 mai 1894*» (*«Великому Толстому. От одной французской души. Париж, 24 мая 1894 г.»*); «Notre-Dame-d'Amour» («Богоматерь любви»), Paris, s. d.: «*A Léon Tolstoï un admirateur. J. Aicard*» (*«Льву Толстому — его поклонник Ж. Экар»*);«Diamant Noir» («Черный алмаз»). Paris, 1895: «*Au Maître Tolstoï Jean Aicard*» (*«Учителю Толстому Жан Экар»*) и «Le Père Lebonnard», («Папаша Лебонар»), Paris, s. d.: «*A Léon Tolstoï en communion humaine très respectueux hommage. Jean Aicard. Lagarde près Toulon. 26 nov<embre> 1904*» (*«Льву Толстому в залог человеческой общности, почтительнейшее свидетельство от Жана Экара. Лагард близ Тулона. 26 нояб<ря> 1904 г.»*).

[29] По-видимому, Легра неточно излагает высказывание Толстого о романе *Э. Рода* «La Vie de Michel Tessier» («Жизнь Мишеля Тесье»). Толстой писал жене 28 января 1894 г. по поводу этой книги: «Как бездарно! Как все выдумано» (т. 84, стр. 207). Отметим, что в яснополянской библиотеке хранятся две книги Рода: «Les Trois Cœurs» («Три сердца»). Paris, 1890, и «L'Eau Courante» («Поток»), Paris, 1902, с дарственными надписями автора. На первой: «*A Monsieur le comte Tolstoï hommage de respectueuse admiration. Edouard Rod*» (*«Господину графу Толстому — дань почтительного восхищения. Эдуард Род»*) и на второй: «*A Léon Tolstoï. En hommage de respectueuse admiration. Edouard Rod*» (*«Льву Толстому с почтительным восхищением. Эдуард Род»*). Книге «прелестного Rod» «Le Sens de la Vie» («Смысл жизни») Толстой дал в дневнике чрезвычайно высокую оценку, указав, что там «страницы о войне и государ-

«ЧТО ТАКОЕ ИСКУССТВО?» ФРАНЦУЗСКОЕ ИЗДАНИЕ (ПАРИЖ, 1898)

Титульный лист


NOUVELLE COLLECTION
à 2 francs le Volume

COMTE LÉON TOLSTOÏ

Qu'est-ce que l'Art?

TRADUIT DU MANUSCRIT ORIGINAL RUSSE
PAR
E. HALPÉRINE-KAMINSKY

DEUXIÈME ÉDITION

PARIS
PAUL OLLENDORFF, EDITEUR
28 BIS, RUE DE RICHELIEU, 28 BIS

1898

Tous droits réservés.

стве поразительные», «о войне, о дилетантизме удивительные» (10—11 февраля 1889 г.— т. 50, стр. 35).

[30] Статья «Христианство и патриотизм» была переведена на английский язык В. Г. Чертковым и впервые напечатана в газете «Daily Chronicle» в июне 1894 г. (см. т. 39, стр. 232). Здесь речь идет, несомненно, о другом переводе.

[31] Вероятно, имеется в виду «Христианское учение» («Катехизис»), т. 39, стр. 117—191.

[32] Цитируемое здесь выражение восходит к Б. Паскалю (см. «Lettres Provinciales» («Провинциальные письма»), письмо 16). Толстой имеет в виду следующее выражение о письмах, употребленное де Местром в дипломатической реляции от 5/17 августа 1812 г.: «Один из остроумных людей сказал: „У меня нет времени делать их короче", я же могу добавить: „У меня нет времени делать их лучше"» («Correspondance diplomatique de Joseph de Maîstre», 1811—1817, vol. I. Paris, 1861, p. 156).

[33] Имеется в виду гувернер Толстого П. Сен-Тома. 1 декабря 1895 г. Легра сообщил Толстому из Бордо, что его попытка разузнать в Гренобле, по просьбе Толстого, о судьбе старика Сен-Тома не увенчалась успехом (*АТ*).

[34] Толстой и И. С. Тургенев пробыли в Дижоне с 25 февраля (9 марта) по 2/14 марта 1857 г. Работал там Толстой над «Альбертом», («Пропащий»).

[35] Речь идет о «Снегурочке» А. Н. Островского. 12 января 1907 г. Толстой сказал Д. П. Маковицкому об Островском: «Я говорил ему про „Снегурочку". Он сказал, что и у Шекспира есть рядом с серьезными сказочные» (цит. по кн.: Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого, т. II. М., 1960, стр. 576).

[36] В послесловии к пьесе «Чаттертон», озаглавленном «О представлениях этой драмы», Альфред де Виньи указал, что благодаря драматической форме и отличной игре актеров самые нетерпеливые люди против воли выслушивали его длиннейшие философские и лирические рассуждения (Œuvres du comte Alfred de Vigny. Chatterton. Bruxelles, 1835, p. 160—161).

[37] Речь идет о поездке Толстого с С. П. Арбузовым в Оптину пустынь в июне 1881 г. (см. «Гр. Л. Н. Толстой. Воспоминания С. П. Арбузова, бывшего слуги графа Л. Н. Толстого». М., 1904, стр. 90—98).

[38] О посещении Легра в дневнике Толстого сохранилась следующая запись

от 4/16 октября 1894 г.: «Вчера вечер сидел с Legras. То же и днем» (т. 52, стр. 145).

[39] В яснополянской библиотеке сохранился экземпляр «Revue Blanche» от 15.V 1896. Здесь же находится роман Адана «La Force» («Сила»). Paris, 1899, со следующей дарственной надписью: «*A Léon Tolstoï hommage de dévotion. Paul A d a m*» («*Льву Толстому с благоговением. Поль А д а н*»).

[40] В яснополянской библиотеке сохранились следующие книги *Ж. Рони* с дарственными надписями Толстому: «Nell Horn de l'Armée du Salut» («Нель Горн из Армии Спасения»). Paris, 1886: «*Au Maître, au Comte L. Tolstoï en profonde admiration. J. H. R o s n y*» («*Мэтру, графу Л. Толстому, в знак глубокого восхищения. Ж. Р о н и*»), «Le Bilatéral» («Двусторонний»). Paris, 1887: «*Au Maître, au comte Léon Tolstoï. Hommage de profonde admiration*» («*Мэтру, графу Льву Толстому, с глубоким восхищением Ж. А. Р о н и*); «L'Immolation» («Уничтожение»). Paris, 1887: «*En souvenir de la douce et familiale hospitalité de Ясная Поляна. Paris, 1r nov<embre> 1895. J. R.*» («*На память о милом и семейном гостеприимстве в Ясной Поляне. Париж, 1 нояб<ря> 1895 г. Ж. Р.*»). Последней надписью устанавливается факт посещения Рони Толстого.

[41] См. выше примеч. 28.

[42] В дневнике Толстой назвал «Полудев» М. Прево «глупой, гадкой», «мерзкой» книгой (т. 52, стр. 126—127). См. выше примеч. 27.

[43] Роман М. Прево «Confession d'un Amant» («Исповедь любовника»). Paris, 1891, посвященный А. Дюма-сыну, предварен был письмом А. Дюма-сына от 13 мая 1891 г., в котором он охарактеризовал книгу Прево как один из первых симптомов «спасительного обращения» молодой французской литературы к вопросам морали и самосовершенствования.

[44] Речь идет о стихотворении Ш. Бодлера «Падаль» («La Charogne»).

[45] Имеется в виду статья *Ж. Клемансо* «О патриотизме», напечатанная в парижской газете «Journal» 1 мая 1896 г.; в ней он полемизировал с Толстым в связи с появлением французского перевода «Христианского духа и патриотизма» и двух статей в «Revue Blanche» от 15 апреля и 1 мая 1896 г.: «Толстой не желает согласиться с тем,что существует *хороший* и *дурной патриотизм* <...> Странная ошибка Толстого заключается в том, что он думает, будто любовь к своей родине непременно вызывает ненависть к родине других народов<...> Вместо того, чтоб упорствовать в попытках уничтожить эгоизм,— заключал Клемансо,— подымите его лучше до тех высших сфер, где он сливается с альтруизмом, возвысьте его до гордости всеобщей самоотверженностью. Сумейте сделать из него, при помощи все возрастающей справедливости, великолепную поддержку увеличивающейся гуманности».

[46] Жена Л. Л. Толстого, Дора Федоровна (рожд. Вестерлунд).

[47] Рассказ П. Е. Накрохина «Вор» был впервые опубликован в «Книжках „Недели“», 1890, декабрь. В 1892 г. он был переиздан «Посредником» под названием «Часы». Толстой находил этот рассказ «превосходным». «И художественно прекрасно и трогательно»,— писал он о «Воре» (т. 87, стр. 68).

[48] Речь идет о рассказе В. Г. Короленко «В ночь под светлый праздник», впервые опубликованном в «Волжском вестнике», 1885, № 70 от 30 марта и затем вошедшем в «Очерки и рассказы». Короленко писал в этом рассказе: «Луна уже поднялась над далекою чертой горизонта, но из города ее не было видно<...> Четыре башни по углам врезались острыми вершинами в золотистое море лунного света, постепенно заливавшее небо<...> На западной стороне белая стена сверкала от ударявших в нее лунных лучей» и т. д. (см. Владимир К о р о л е н к о. Очерки и рассказы. М., 1887, стр. 177—179). 2 июля 1894 г. В. Ф. Лазурский отметил в своем дневнике, что Толстой, смеясь над этим описанием Короленко, сказал: «Когда я открою такую штуку у писателя, я закрываю книгу и больше не хочу читать» («Лит. наследство», т. 37-38, 1939, стр. 457). Ср. в дневнике А. Б. Гольденвейзера слова Толстого, сказанные 25 июля 1902 г.: «Часто у хороших писателей встречаются непростительные небрежности<...> У Короленко <...>, когда ударили к светлой заутрене, было светло от месяца, а Пасха не может быть в полнолуние» (А. Б. Г о л ь д е н в е й з е р. Вблизи Толстого. М., 1959, стр. 113). Несмотря на то, что Короленко, по словам Роша, находил какие-то «оправдания» для лунного света в пасхальную ночь, в позднейших изданиях этого рассказа он вычеркнул все упоминания о луне, вписав вместо них только одно: «Луна не поднималась». Насколько можно судить по публикуемым воспоминаниям, это было сделано после того как Рош сообщил Короленко это замечание Толстого.

[49] Об отношении Толстого к О. Мирбо см. ниже, в воспоминаниях Ж. Б у р д о п а. См. также воспоминания П. Б у а й е в «Яснополянских записках», Тула, 1960, стр. 212.

[50] О своем увлечении романами Поля де Кока, наряду с книгами А. Дюма-отца и Эжена Сю, Толстой упомянул в «Юности» (т. 2, стр. 171). Это высказывание Рош и имеет в виду.

[51] Об этой книжке доктора Шкарвана см. выше, на стр. 122 *настоящ. книги*.

[52] О каком романе идет речь, не установлено, так как упоминаемое интервью выявить не удалось.

[53] Это изречение и его источник остаются нам неизвестными.

[54] «Банкротство науки» — известное выражение, употребленное *Ш. Брюнетьером* в статье «После посещения Ватикана» («Revue des Deux Mondes» от 1.I 1895). Брюнетьер следующим образом резюмировал мысль, легшую в основу его статьи: «Наука *потеряла свой престиж*, а религия *отвоевала часть ее престижа*» (р. 105).

[55] «*Умирающая земля*» («La Terre qui Meurt») — роман Р. Базена, который Толстой в предисловии к книге В. фон Поленца «Крестьянин» назвал «очень недурным» (т. 34, стр. 272).

[56] См. примеч. 29.

[57] Речь идет о романе *П. и В. Маргеритов* «Le Désastre» («Бедствие»). Paris, 1897, экземпляр которого сохранился в яснополянской библиотеке со следующей дарственной надписью на шмуцтитуле: «*A Mr Léon Tolstoï, respectueux hommage de ses admirateurs. Paul et Victor Margueritte*» («*Г-ну Льву Толстому, с благоговением от его почитателей. Поль и Виктор Маргериты*»). В романе «Бедствие» значительное место занимает описание франко-прусской войны 1870 г.

[58] Реакционный роман *П. Бурже* «L'Etape» («Этап»). Paris, 1901, изображающий, между прочим, в карикатурном виде французский народный университет — «Толстовский союз». Сам Толстой охарактеризован в романе как «учитель анархии». Роман этот печатался тогда в «Revue des Deux Mondes».

[59] В подстрочном примечании Бензон указала, что имеет в виду «Carnet du Soldat» в переводе Ж. В. Бинштока.

[60] Намерение Толстого написать продолжение «Воскресенья», как известно, осталось неосуществленным.

[61] Портрет Толстого работы И. Е. Репина (1901) находится в Государственном Русском музее.

С. А. Толстая записала в дневнике 30 марта 1901 г.: «Вчера<...> приятно провели вечер с Репиным. Он рассказывал, что в Петербурге на передвижной выставке, на которой он выставил портрет Льва Николаевича (купленный Музеем Александра III), были две демонстрации: в первый раз небольшая группа людей положила цветы к портрету; в прошлое же воскресенье, 25 марта 1901 г., собралась в большом зале выставки толпа народу. Студент стал на стул и утыкал букетами всю раму, окружающую портрет Льва Николаевича. Потом стал говорить хвалебную речь, затем поднялись крики: „ура", с хор посыпался дождь цветов; а следствием всего этого то, что портрет с выставки сняли, и в Москве он не будет, а тем более в провинции. Очень жаль!» (С. А. Толстая. Дневник. 1897—1909. М., 1932, стр. 149).

[62] О посещении 16 июля 1886 г. П. Деруледом Ясной Поляны см. в нашем сообщении на стр. 535—541 кн. 1-й настоящ. тома.

[63] Речь идет об открытом письме Толстого «Царю и его помощникам» от 15 марта 1901 г. (т. 34, стр. 239—244). Поводом для этого письма отчасти послужило избиение демонстрантов на Казанской площади в Петербурге 1 марта 1901 г.

[64] Кому была адресована эта телеграмма — не установлено. В собрание сочинений Толстого она не вошла.

[65] Книга сохранилась в яснополянской библиотеке. Небольшую цитату из нее привел в русском переводе П. И. Бирюков (см. П. И. Бирюков. Биография Льва Николаевича Толстого, т. 4. М.—Пг., 1923, стр. 93).

[66] О своем предстоящем приезде в Ясную Поляну Бурдон известил Толстого в ответном письме от 22/9 января 1905 г. 28/15 марта он сообщил, что обстоятельства помешали ему снова побывать у Толстого. В архиве писателя находится еще одно письмо к нему Бурдона, от 4 августа/22 июля 1905 г. с упоминанием о посылке ему новой книги Бурдона «La Russie Libre» («Свободная Россия»). Paris, 1905.

[67] Бурдон в своей книге представил С. А. Толстую и ее отношения с мужем (с ее слов) в крайне идеализированном виде. Толстой иронически назвал поэтому Бурдона в письме к жене от 16 января 1905 г. ее «хвалителем» (т. 84, стр. 370—371). Как отмечает Д. П. Маковицкий, С. А. Толстая находила, что Бурдон «очень хорошо записал интервью» (см. «Лев Толстой. Материалы и публикации». Тула, 1958, стр. 195).

[68] 13 февраля 1904 г., накануне открытия конгресса французской социалистической партии в Сент-Этьене, Ж. Жорес выступил с большой речью по поводу начавшейся русско-японской войны; он предостерегал Францию от вступления в эту войну на стороне России (см. полный текст речи в кн.: «Œuvres de Jean Jaurès. Pour la Paix», vol. II. Paris, 1931, p. 63—75).

[69] Франсис *Прессансе* (1853—1914)—видный французский политический деятель, выступал в защиту Дрейфуса и за отделение школы от церкви и государства.

[70] Толстой посылал в это время статьи в «Свободное слово», издававшееся в Лондоне В. Г. Чертковым.

[71] Статья «Одумайтесь!» (т. 36, стр. 100—148), впервые напечатанная в издании «Свободного слова» в 1904 г.

[72] Отметим следующее высказывание Толстого о колониальной политике Англии в Южной Африке. Петербургскому корреспонденту «Daily Chronicle» он заметил: «Вы не

имеете права уничтожать туземцев и грабить их!» И на возражение корреспондента, заявившего, что аборигены не позволяют эмигрантам селиться на их землях, Толстой сказал: «Поступайте как мой соотечественник Миклухо-Маклай. Он не убивал туземцев и не отнимал у них их собственность, а жил в мире с ними и даже убеждал их воздерживаться от взаимных распрей. Я надеюсь, что вы не обидитесь за мою откровенность,—добавил он,—но вы, англичане, обладаете одним недостатком, наряду со многими благородными достоинствами,— и этот недостаток: ужасная наклонность к лицемерию. Как это удается в вашей стране людям примирить между собой завоевания, убийства, грабежи и кражи с христианской религией — я не могу понять. Те, кто так действует,— могут быть христианами в духе церкви, но они тем не менее остаются преступниками. Существуют преступники двух видов,— добавил Толстой,— те, кто нарушает законы, и те, кто действует как преступники под покровительством закона. Служащие привилегированной компании принадлежат к последней категории» (вырезка, относящаяся к 1892 г., хранится в *А Т.*—Дата не установлена).

[73] 19 февраля 1904 г. в парижской «Temps» появилось большое открытое письмо к Толстому акад. Ж. Кларти, писавшего, между прочим, по поводу русско-японской войны: «Вполне естественно,что мы именно у вас спрашиваем,что думаете вы, дух которого возвышается над другими, что думаете вы о совершающихся событиях, которые, к сожалению, теперь владеют людьми и опрокидывают все их стремления‹. .› Вы видите, дорогой и великий учитель, человек есть игрушка событий. Монарх искренно хочет мира, а его заставляют вести войну. Народ стремится к покою — его будят пушечные выстрелы. Великое слово „разоружение" брошено в мир, а вооруженные флоты пробегают океаны, и границы щетинятся штыками. Пророк добра, вы поучаете людей жалости, а они отвечают вам, заряжая ружья и открывая огонь! Не смущает ли это вас, несмотря на твердость ваших убеждений, и не разочаровались ли вы в человеке-звере? Вот это-то я и хотел бы услышать от вас, дорогой и великий учитель» (цит. по кн.: П. И. Бирюков. Биография Льва Николаевича Толстого, т. IV. М., 1922, стр. 92. Ср. Georges Bourdon. En écoutant Tolstoï. Paris, 1904, p. 122—123, где также приведена большая выдержка из обращения Кларти). На это обращение счел нужным отозваться Л. Л. Толстой, поместивший в «Новостях» от 28 февраля ст. ст. 1904 г. обширный «Ответ Жюлю Кларети». Отмечая, что он с интересом прочел, находясь в Египте, письмо, обращенное к его отцу, Лев Львович заявлял: «Может быть, отец мой сам ответит вам на брошенный ему вами вызов, может быть, постоянно и усиленно занятый за последние годы своими писаниями, он этого не сделает. Беру на себя смелость за него сказать вам несколько слов по поводу тех жгучих вопросов, которые встали теперь перед всем мыслящим человечеством и волнуют его более,чем когда-либо». Высказывание Л. Л.Толстого может быть сведено к следующим положениям: и Толстой, и все истинные друзья мира и враги войны продолжают верить во всеобщий мир и братство; Толстой не считает войну «неизбежным следствием людской деятельности»; если бы на месте Японии была другая страна, более близкая России по культуре и духу, то, вероятно, легче было бы уладить возникшее между ними разногласие; Толстой, несомненно, надеется. что эта война, если не последняя на земном шаре, то одна из тех войн, которые вызовут их прекращение. «Я убежден в том,— писал Лев Львович,— что отец мой глубоко огорчен тем, что человечество не достигло еще той ступени, на которой оно будет решать споры путем мирного соглашения, и должно, как в настоящую минуту, браться для этого решения за оружие».

31 марта 1904 г. Толстой писал Льву Львовичу: «Прочел вчера твой ответ Claretie и одобрил его. Разумеется, ты совершенно прав в основном вопросе, в том, что война не есть необходимое условие жизни, но уничтожение ее возможно только в восстановлени‹и› потерянной в наше время соответствующей умственному развити‹ю› человечества религии. Но вообще письмо написано хорошо» (т. 75, стр. 56).

[74] 18 мая 1899 г. в Гааге по предложению Николая II была созвана мирная конференция, в которой приняло участие двадцать шесть государств (Япония от участия в ней воздержалась). Задачей конференции было ограничение вооружений и обеспечение мира во всем мире. Результаты ее были весьма ничтожны, чем и объясняется скептическое отношение к ней Толстого.

[75] Известное письмо С. А. Толстой к митрополиту Антонию в связи с отлучением Толстого от церкви было опубликовано в «Церковном вестнике», 1901, № 13 и перепечатано всеми газетами в апреле 1901 г.

[76] «Мысли мудрых людей на каждый день» («Круг чтения»). — Эта работа Толстого напечатана в т. 41.

[77] См. выше примеч. 70.

[78] «О Шекспире и о драме» (т. 35, стр. 216—274).

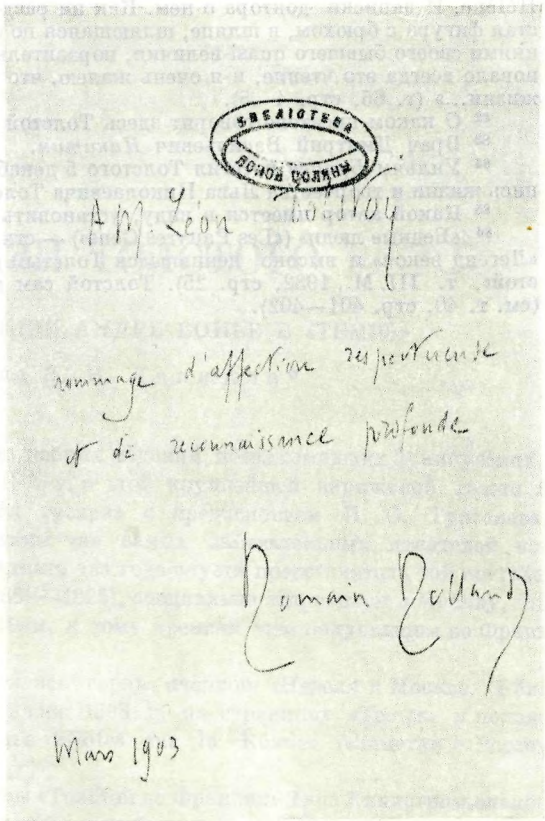
[79] В яснополянской библиотеке сохранилась пьеса Мирбо «Les Affaires sont les Affaires» («Дела— это дела»). Paris, 1903, со следующей дарственной надписью на шмуцтитуле: *«A Léon Tolstoï, à la grande âme de qui je dois d'être le peu que je suis. Octave Mirbeau»* (*«Льву Толстому, чьей великой душе я обязан тем немногим, что собой представляю. Октав Мирбо»*). Кроме этой пьесы, здесь же находятся еще две книги Мирбо, при-

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ РОМЕНА РОЛЛАНА НА КНИГЕ «ВРЕМЯ ПРИДЕТ»

(«Le Temps viendra». Paris, 1903):

«Льву Толстому в знак почтительной любви и глубокой признательности.
Ромен Роллан.
Март 1903 г.»

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»



сланные Толстому с дарственными надписями: «L'Abbé Jules» («Аббат Жюль»). Paris, 1888, с надписью на шмуцтитуле: «*Au comte Léon Tolstoï hommage de mon admiration profonde. Octave M i r b e a u*» («*Графу Льву Толстому с глубоким восхищением. Октав М и р б о*») и «Farces et Moralités» («Фарсы и моралите»). Paris, 1904 с надписью: «*A Léon Tolstoï avec toute ma vénération. Octave M i r b e a u*» («*Льву Толстому с полнейшим благоговением. Октав М и р б о*»). Русский перевод пьесы Мирбо «Les Affaires sont les Affaires», вышедший в Петербурге в 1903 г. под названием «Власть денег», открывался посвящением Толстому, в котором Мирбо писал: «Вы были моим истинным учителем несравненно более, нежели кто-либо из французских писателей... Вы и Достоевский. Я помню, что величественные произведения „Война и мир“, „Анна Каренина“, „Смерть Ивана Ильича“, „Преступление и наказание“, „Идиот“ и столько других, которыми я так восхищался, явились для меня как бы откровением доселе неведомого искусства, и никогда раньше я не ощущал столь потрясающего впечатления новой и властной красоты. Некоторые надменные писатели моей родины — из них иные будут забыты, иные уже забыты — заявили, что вы многим обязаны Франции. Они желали видеть в вас наследника Французской революции и Стендаля. А я говорю, что Франция сама вам многим обязана, ибо вы сообщили новую жизнь ее вековому духу, вы вновь потрясли его и как бы увеличили его восприимчивость. Вы первый научили нас находить жизнь в жизни, а не в книгах, как бы прекрасны они ни были. Вы первый научили нас угадывать за внешностью человека ропот и бурю, таящиеся во тьме подсознания. Вы разрешили коллизию противоречий, непоследовательности, роковых добродетелей, искренней лжи, наивного порока, жестокости и чувствительности. Вы поняли, что человек, несчастный, смешной и отвратительный, есть, несмотря ни на что, наш брат...» Толстой отозвался на это посвящение письмом к Мирбо от 30 сентября/13 октября 1903 г. (т. 74, стр. 194).

[80] Пьеса о Наполеоне I Мирбо написана не была.

[81] 15 января 1890 г. Толстой писал А. И. Эртелю: «Ничего вам не могу сказать про Наполеона. Да, я не изменил своего взгляда и даже скажу, что очень дорожу им. Светлых сторон не найдете, нельзя найти, пока не исчерпаются все темные, страшные, ⟨оторые⟩ представляет это лицо. Самый драгоценный матерьял, это Mémorial de St.

Hélène. И записки доктора о нем. Как ни раздувают они его величие, жалкая толстая фигура с брюхом, в шляпе, шляющаяся по острову и живущая только воспоминаниями своего бывшего quasi-величия, поразительно жалка и гадка. Меня страшно волновало всегда это чтение, и я очень жалею, что не пришлось коснуться этого периода жизни...» (т. 65, стр. 4—5).

[82] О каком писателе говорит здесь Толстой — не установлено.

[83] Врач Дмитрий Васильевич *Никитин*.

[84] Уильям *Брайен* посетил Толстого 5 декабря 1903 г. (см. Н. Н. Г у с е в. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого, т. II. М., 1960, стр. 471).

[85] Какой автор имеется в виду, установить не удалось.

[86] «Бедные люди» («Les Pauvres Gens») — стихотворение В.Гюго, входящее в состав «Легенд веков» и высоко ценившееся Толстым (ср. «Дневник Софьи Андреевны Толстой», т. III. М., 1932, стр. 25). Толстой сам перевел его на русский язык прозой (см. т. 40, стр. 401—402).

ВБЛИЗИ ТОЛСТОГО

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ АНДРЕ БОНЬЕ В «TEMPS»

Публикация В. Я. Лакшина*

Газета «Temps» была одним из первых изданий, познакомивших французских читателей с творчеством Толстого. В 1875 г. в этой крупнейшей парижской газете был напечатан перевод рассказа «Два гусара» с предисловием И. С. Тургенева, в котором Толстой был назван одним «из самых замечательных писателей новой русской литературной школы». Двадцать два года спустя представитель той же газеты, молодой журналист Андре *Бонье* (1869—1925), специально отправился в Москву, чтобы встретиться и побеседовать с Толстым, к тому времени уже получившим во Франции широкую известность.

Результатом этой поездки явилась серия очерков «Неделя в Москве. Вблизи Толстого», публиковавшихся в январе 1898 г. на страницах «Temps» и положенных позднее в основу книги Бонье «Notes sur la Russie» («Заметки о России»). Paris, 1901.

Новейшая исследовательница темы «Толстой во Франции» Таис Линдстром, знакомая лишь с текстом книги Бонье, но не знавшая публикации статей в «Temps», затрудняется определить прямую причину поездки Бонье в Россию. Основываясь на признаниях автора книги, Линдстром называет среди возможных причин такие, как интерес к русской культуре, диктовавшийся политической актуальностью франко-русского союза, появление сверхскорого экспресса, позволявшего попасть из Парижа в Петербург всего за пятьдесят часов, и т. п. (Thaïs S. Lindstrom. Tolstoï en France. Paris, 1952, p. 127—128). Однако, вероятнее всего, главной и прямой причиной поездки было стремление редакции «Temps» дать своим читателям информацию «из первых рук» о Толстом и о стране, в которой он живет и о которой пишет.

Мысль послать в Россию именно Бонье была удачной. Обладавший широкой эрудицией и блестящим журналистским пером двадцативосьмилетний литератор проявлял к тому же незаурядный интерес к русской культуре и литературе в особенности. Здесь не место подробно говорить о Бонье-писателе, но некоторых сторон его творческой деятельности следует все же коснуться.

Почти совершенно неизвестный у нас, Бонье — довольно заметная фигура в литературной жизни Франции конца XIX — начала XX в. В 1890-х годах, окончив Эколь Нормаль, он успешно сотрудничает в газетах и журналах «Revue Bleue», «Figaro», «Journal des Débats» в качестве критика и публициста. Присущая ему трезвость взгляда, тонкое понимание природы искусства и либерально-демократические убеждения постепенно дают ему возможность завоевать свое, скромное, но прочное имя в литературе.

Уже в молодые годы Бонье выступает как ревностный пропагандист русской литературы. Его считают, в частности, одним из первооткрывателей Чехова во Франции. Он принимает самое живое участие в издании и переводе повестей и рассказов Чехова сам пишет любопытное предисловие к сборнику его новелл «Убийство» («Un Meurtre»)

---

* Перевод корреспонденций Бонье с французского выполнен Л. З. Лунгиной

Paris, 1902). Софи Лаффит называет Бонье одним из «наиболее вдумчивых истолкователей Чехова» («Лит. наследство», т. 68, 1960, стр. 706). К Бонье во многом может быть отнесена та характеристика, которую он сам дает Мельхиору де Вогюэ в очерке, специально посвященном этому исследователю русской литературы: «Его символ веры в новейшей литературе появился в виде предисловия к книге „Русский роман". Именно читая Толстого, Тургенева и Достоевского, ученый критик почувствовал, как в нем родилось желание идеального искусства или, лучше сказать, искусства, обращенного к человеческой душе и ее высоким устремлениям» (André B e a u n i e r. Visages d'Hier et d'Aujourd'hui. Paris, 1911, p. 12).

Подводя итоги своей литературной работы, Бонье говорил: «Я пытался поставить в связь чистые идеи и идеи, уже воспринятые людьми, которые делают их правилом своей жизни и для этого не боятся их трансформировать. Если бы у меня был свой толкователь или комментатор (конечно, если бы я был достоин этого), он указал бы, без сомнения, что такова, в конце концов, тема всех моих книг: встреча идей и душ человеческих» («Larousse Mensuel», 1926, avril, № 230, p. 87).

Обо всем этом уместно напомнить потому, что на заре своей литературной деятельности, совершая паломничество в Москву, Бонье ставил перед собой, по существу, те же задачи: не просто быть интервьюером Толстого, а попытаться уяснить себе и показать читателям связь личности писателя и его идей.

Бонье появился в Хамовниках в начале декабря 1897 г. и на протяжении недели четыре раза виделся с Толстым. В дневниках и переписке Толстого имя Бонье не встречается, если не считать адресованной В. В. Стасову короткой записки Толстого на визитной карточке редактора газеты «Temps»: «Владимир Васильевич. Примите, пожалуйста, и прошапронируйте* у себя М. B⟨eaunier⟩.— Жду вас в Москве» (т. 70, стр. 212). Судя по тому, что записка эта сохранилась в архиве Стасова, Бонье воспользовался рекомендацией Толстого и посетил Стасова в Петербурге на обратном пути во Францию.

Беглое упоминание о приезде Бонье встречается в дневнике С. А. Толстой 10 декабря 1897 г.: «У нас всякий день гости; скучно, суетно. Лева в Москве не в духе ⟨...⟩ Сегодня обедает Beaunier**, корреспондент французских газет „Temps" и „Débats"» («Дневник Софьи Андреевны Толстой (1897—1909)». М., 1932, стр. 6).

Трудно сказать, какое впечатление произвел Бонье на Толстого. Скорее всего тот не выделил его из вереницы обычных посетителей, хотя и отнесся к нему приветливо и внимательно. Но сам Бонье был потрясен этой встречей и впитывал в себя каждое слово Толстого. «...Никогда больше, кроме как рядом с Толстым, я не испытывал такого безусловного ощущения присутствия подлинного гения»,— писал он позднее («Notes sur la Russie», p. 83). Бонье был поражен тем, с какой непоколебимой убежденностью в своей правоте развивал Толстой свои мысли. «И когда они меня явно удивляли,— замечал Бонье,— я прекрасно чувствовал, что на мне он проверял недоверчивость толпы; его жесткий взгляд, устремленный на меня, говорил: „Да, я знаю, вы не согласны с этим, но это, однако, правда!"» (Ibid., p. 117).

Какими бы неожиданными и парадоксальными ни казались порой Бонье речи Толстого, в своем репортаже он старался сохранять максимальную точность и объективность. Корреспондентские записи Бонье создавались, скорее всего, сразу же после разговоров с Толстым и потому имеют то свойство живой достоверности, на какую редко могут претендовать мемуары, во многом зависящие от дистанции времени и несовершенства человеческой памяти. Включая свои записи о Толстом в книгу «Заметки о России», Бонье имел право сказать своим читателям, что он представит им «вполне достоверный дневник нескольких посещений графа Толстого» («Notes sur la Russie», p. 1). В самом деле, в ряде случаев слова Толстого, записанные Бонье, почти текстуально соответствуют известным по другим источникам высказываниям писателя.

В то же время в очерках Бонье — этой своеобразной серии интервью с Толстым по самым разным вопросам, касающимся творческой деятельности и общих взглядов

---

* выведите в свет (от франц. chaperonner).— *В. Л.*

** В тексте опечатка: Bouvier.— *В. Л.*

писателя, мы найдем некоторые новые факты, определения и характеристики. Заслуживает быть отмеченным высказывание Толстого о деле Дрейфуса, характеристика им французского искусства, классического и декадентского, критика эстетической теории Виктора Кузена, мысли о значении популяризации искусства, о попытках «заинтересовать народ живописью или скульптурой». Представляет значительный интерес и то, как горячо протестует Толстой в беседе с Бонье против упрощенного истолкования его эстетических взглядов («Я не требую, чтобы искусство было поучительным и только. Главное, чтобы оно интересовало народ...»).

Толстой, вероятно, так много и охотно разговаривал с Бонье на общеэстетические темы потому, что в те дни он только что закончил работу над книгой «Что такое искусство?» В беседе с Бонье он дополнял и разъяснял некоторые положения своей книги, благодаря чему репортаж в «Temps» может служить как бы развернутым комментарием ко многим страницам толстовского трактата.

Именно по очеркам Бонье французская литературная общественность впервые познакомилась со взглядами Толстого на искусство, так как его репортаж на несколько месяцев опередил появление во Франции отдельного издания книги Толстого. Надо отдать должное Бонье, он отнесся ко взглядам Толстого на искусство с гораздо большей объективностью и сочувствием, чем многие его коллеги-литераторы, особенно писатели-декаденты Р. де Гурмон, Ш. Гюисманс, А. де Ренье.

В противоположность их недоброжелательным высказываниям, Бонье стремился прежде всего указать на сильные стороны эстетических суждений Толстого — его демократизм, нравственную требовательность, критерий искренности в искусстве. Отмечая некоторые пробелы в познаниях Толстого о современном западном искусстве, Бонье вместе с тем не считает возможным упрекать его в неосведомленности и произвольности оценок творчества новейших художников.

В своих очерках о Толстом Бонье ведет порой скрытую полемику с утвердившимися в литературном обиходе предрассудками и ложными суждениями, касающимися творчества и личности писателя. Так, например, настойчиво указывая на отсутствие какого бы то ни было мистического налета во взглядах и всем мироощущении Толстого, Бонье тем самым спорит с концепцией де Вогюэ, в книге которого «Русский роман» была специальная глава «Мистицизм и нигилизм», посвященная Толстому.

Все это не значит, что Бонье закрывает глаза на слабые стороны учения и морали Толстого. Он отдает себе отчет в том, как трудно живому человеку беспрекословно подчиниться ригоризму толстовских нравственных правил. «Мэтр, ваше учение сурово!» — восклицает Бонье («Notes sur la Russie», p. 85).

Конечно, на основании впечатлений от немногочисленных встреч с Толстым Бонье не мог дать исчерпывающего представления о его сложной и противоречивой личности. Не удивительно, что некоторые его наблюдения случайны и поверхностны. Так, наивно суждение Бонье о Толстом как о человеке, «который обрел абсолютную уверенность, которого не терзает непостижимость мира, которому неведомы тщетные сомнения, колебания, слабости». Когда Бонье писал эти строки, он и не догадывался о том, какие свидетельства мучительных противоречий и колебаний, терзавших порою Толстого, найдут позднее исследователи в его дневниках за эти годы. Но, несмотря на отдельные неточности и спорные умозаключения, очерки Бонье ценны как своей фактической стороной, так и вдумчивым отношением автора к сложной фигуре Толстого.

Свои встречи с Толстым Бонье стремился нарисовать на широком фоне русской жизни, московского быта конца 1890-х годов. Наблюдения его на первый взгляд лишены глубоких обобщений. Это живые жанровые зарисовки или поэтические описания московского зимнего пейзажа, приобретающие порой под пером иностранца оттенок чрезмерной экзотики: первые приметы русской жизни для Бонье — снег, купола церквей, тройка, цыгане в Стрельне. Однако французский журналист увидел в Москве не только веселье загородных ресторанов, но и нищих, греющихся морозной ночью у костров. В «Заметках о России» Бонье еще более расширил поле своих наблюдений. Он рассказал о голоде, свирепствовавшем в русской деревне, об умирающих без крова людях, о разорении крестьянства. Он отметил начало студенческих волнений, стремление

рабочих к объединению и сопротивлению, организацию подпольных типографий, жестокие полицейские репрессии.

Резко выраженный социальный и реалистический характер русского искусства — музыки Чайковского, полотен передвижников, творчества Толстого — Бонье с проницательностью, делающей ему честь, пытался объяснить противоречиями современной русской жизни. Он хотел лучше понять Толстого — через Россию и Россию — через Толстого.

Написанные изящно и даже с блеском, очерки Бонье имели во Франции заметный успех. Когда его репортаж о Толстом в дополненном виде вышел отдельной книгой, критик А. Бордо писал в «Revue Hebdomadaire»: «Благодаря Андре Бонье мы начинаем знакомиться с современной Россией, огромной загадочной страной, о которой мы так мало осведомлены. Это не ученое сочинение‹...› Это заметки, написанные с величайшей заботой о правдивости и с легкой парижской иронией» («Revue Hebdomadaire», 1901, juillet, p. 558).

* * *

Перевод очерков Бонье печатается по тексту, опубликованному газетой «Temps» 14, 15, 18, 20, 22 и 25 января 1898 г. (с сокращениями). Мы положили в основу публикации газетный вариант очерков Бонье, а не их отдельное издание («Notes sur la Russie»), руководствуясь при этом двумя соображениями: во-первых, большей степенью непосредственной достоверности газетного отчета по сравнению с текстом, прокорректированным по памяти автором три года спустя. Во-вторых, тем, что многие имена и факты, упомянутые в рассуждениях Толстого о современном французском искусстве, были, вероятно, из временных соображений литературной тактики, опущены Бонье в отдельном издании. Что же касается тех сравнительно немногочисленных новых строк о Толстом, которые появились лишь в тексте книги, то они приводятся нами в примечаниях.

ПЕРВЫЙ ВИЗИТ К ТОЛСТОМУ

Я видел Толстого и навсегда запомню, как он впервые появился передо мной.

Когда я вошел в тот деревянный дом, в котором Толстой живет зимой в Москве, меня проводили в большую прямоугольную комнату, расположенную на втором этаже, и попросили обождать. Стены этой комнаты, похожей размером на залу, были окрашены белой краской под мрамор; обстановка очень скромная, почти безличная — самая простая мебель, никаких украшений, никаких безделушек. Одна половина залы с длинным накрытым скатертью столом, на котором стояли самовар, чашки и стаканы, служила, как видно, столовой, другая половина, где находились фортепиано, кресла, столик для рукоделия, заменяла гостиную.

Там я и ожидал Толстого, как вдруг увидел в полумраке, через приоткрытую дверь в глубине комнаты, его удивительную фигуру. Он шел ко мне твердым, уверенным шагом; подойдя, протянул руку и дружески приветствовал. На нем была черная подпоясанная ремешком рабочая блуза с длинными рукавами и манжетами на пуговицах; ворот ее, прикрытый большой белой бородой, был расстегнут... Но все это я разглядел только потом. Сперва я не мог оторвать своего взгляда от его глаз — маленьких светлых глаз, глубоких и подвижных, удивительно ясных, поражающих искренностью выражения, порой жестких, отливающих сталью, а порой нежных, но всегда горящих внутренним огнем, от его крупного носа с подвижными ноздрями и особенно от его губ с твердой волевой складкой.

Глядя на Толстого, я вспомнил святого Иеронима работы Пьетро делла Франческа, которого мне довелось в свое время видеть в Венецианской академии [1]: тот же взгляд, уверенный и прямой, в котором светилась

ТОЛСТОЙ
Гравюра французского художника Анри Тириа
«Illustration» от 17 сентября 1898 г.

строгая оценка жизни и твердая решимость отказаться от всякого тщеславия и мирской суеты. Благоговейно, как набожный даритель с венецианской картины, слушал я слова Учителя, а Толстой, как святой Иероним, грубые пальцы которого медленно листали Евангелие, открывал мне Истину. Он не смягчал ее, чтобы сделать более доступной, ибо не существует полуистин; он не повышал голоса, чтобы убедить меня, и не прибегал к хитроумным аргументам, ибо истина постигается не в подробностях. Это свет, озаряющий всю жизнь, и каждый из нас должен сам открыть его для себя. Мудрецы могут только показать нам пример и пробудить в нас желание им подражать.

Да, чтобы проникнуться мудростью Толстого, нужно увидеть его глаза, в которых светятся уверенность и спокойствие.

На протяжении жизни мне приходилось встречаться со многими серьезными людьми, во всяком случае, такими они мне казались при первом знакомстве. Но я думаю, что только двое или трое из них не оказывались в какой-то мере незрелыми. Однако никто никогда не производил на меня впечатления такой подлинной и глубокой серьезности. Это слово мы обычно употребляем невпопад. Если подумать, какую духовную энергию, добровольную отрешенность, силу мысли и стойкость предполагает эпитет «серьезный», то нам, пожалуй, придется почти отказаться от его употребления. И тогда его можно будет по праву применить к Толстому.

— Вы из Франции? Говорят, ваша страна глубоко потрясена этим делом об измене, которое казалось уже похороненным, а теперь вдруг всплыло вновь...[2]

Толстой меня расспрашивает, интересуется подробностями, внимательно слушает, что я рассказываю, стараясь быть как можно более точным и беспристрастным, и при этом глаза его загораются, ноздри вздрагивают, руки приходят в движение.

— Большие несчастья,— заключает он,— приносят порой и пользу. Хорошо, что перед Францией стала такая серьезная нравственная проблема.

В комнату входит графиня Толстая, вслед за ней — Татьяна, старшая дочь мэтра, затем его сын Лев со своей молодой женой, друзья, ученики. Это обычный вечер в семейном кругу, при спокойном свете лампы. Толстой встает; с одним из своих сыновей он ходит взад и вперед вдоль зала. Всякий раз, как его статная фигура вновь попадает в полосу света, я невольно любуюсь гордой осанкой этого семидесятилетнего старца. Во всех его движениях не чувствуется и следа усталости или немощи, словно душа его передала свою силу телу, в котором живет.

— Он еще ездит верхом,— говорит мне графиня,— и может проскакать без отдыха тридцать пять верст. Когда мы ездим вместе, я притворяюсь усталой, чтоб он немного отдохнул, но он неутомим! Нынче после обеда он катался на коньках. Он даже ездит еще на велосипеде, и это нас тревожит. Но останавливать его бесполезно: граф все равно никогда не будет благоразумен.

НОВАЯ КНИГА ТОЛСТОГО

Я обедал у Толстого. За большим, просто сервированным столом, освещенным свечами, сидели дети мэтра. Во главе стола — графиня, рядом с ней граф, а я — справа от него. Поглощая свою скудную пищу вегетарианца — чечевицу и цветную капусту,— Толстой все время оборачивался ко мне, продолжая разговор, и я мог вблизи разглядеть, как его удивительные глаза под мохнатыми бровями то загораются и теплеют, то становятся до странности жесткими.

— Вы знаете Визева?[3]— спросил он меня.— Это талантливый писатель, но напрасно он взялся за переделку Евангелия. К Евангелию прикасаться не надо, хотя нет хуже написанной книги. Если бы сейчас кто-нибудь захотел опубликовать Евангелие как новое произведение, то не нашлось бы издателя, который взялся бы за такое опасное дело... Так же, как Иисуса Христа, появись он теперь, сочли бы весьма посредственным философом,— добавил он, улыбаясь.— Вдумайтесь в это хорошенько, потому что одного этого достаточно, чтобы осудить и осмеять наше современное понимание искусства.

Граф Толстой только что закончил большую работу «Что такое искусство?», первая часть которой будет опубликована в ближайшие дни в «Московском философском вестнике», издающемся под редакцией профессора Грота [4].

— Я уже несколько лет думал об этой книге, но она все не созревала у меня в голове. Чтобы ее написать, мне пришлось изучить много материалов, и это было нелегко: я трудился над ней, не отрываясь, последние полтора года. Это значительная работа. Мне очень жаль, что эту книгу написал именно я, потому что люди скажут: «Раз Толстой, значит здесь одни парадоксы». Ведь все считают, что я выражаюсь только парадоксами. И потому я боюсь, что из предубеждения никто не заметит, что все, написанное мною,— правда, неоспоримая правда. А как было бы хорошо, чтобы люди это поняли! Я также очень жалею, что не продумал этой книги тридцать пять лет тому назад, потому что если бы уже тогда мной руководили эти мысли об искусстве, я писал бы совсем другое, а не мои книги того времени, которыми я теперь очень недоволен.

Бог свидетель, что я совсем не хотел льстить мэтру. Но я сам был бы так счастлив, если бы написал хоть несколько страниц «Анны Карениной» или «Войны и мира», что невольно воскликнул с изумлением:

— Как, ваши романы?

— Да,— ответил Толстой очень жестко, ударив рукой по столу,— и я говорю это не для того, чтобы мне возражали!

Само собой разумеется, я не стал настаивать. Любого человека на месте Толстого можно было бы заподозрить в кокетстве, если бы он так решительно отрекался от своего славного прошлого. Но какое может быть кокетство у Толстого! Ему неведомы такие мелкие чувства. Сомневаться в том, что Толстой полностью, всецело искренен, что он постоянно стремится быть правдивым и прозорливым, может только тот, кто не видел его глаз, не слышал интонаций его голоса. В России, как и во Франции, многие восхищаются им прежде всего как гениальным романистом и не слишком высоко ставят его философские и моральные сочинения. Сам он придерживается обратного мнения, и так как оно всецело соответствует его взглядам на искусство и теперешнему направлению его умственной деятельности, у нас нет никаких оснований брать под сомнение правдивость Толстого. К тому же никто никогда вообще не имеет права сомневаться в правдивости Толстого.

Однажды один из друзей Толстого выразил ему свое сожаление и сожаление всех писателей и людей с художественным вкусом по поводу того, что он полностью отказался от писания романов.

— Мне тоже было бы приятней писать романы,— ответил Толстой,— но у меня есть другие дела, куда более серьезные и спешные.

Последнее время в России и во Франции много говорили о романе, который Толстой сейчас заканчивает. Это история прокурора, который должен выступить на суде против уличной девки, обвиненной, насколько я помню, в убийстве своего ребенка ⟨...⟩ [5]

Я попытался заговорить с Толстым об этом романе, но он отозвался о нем с полным презрением.

— Роман не окончен,— сказал Толстой,— и я не стану его дописывать, да и то, что я написал, все равно никогда не напечатают... Видите ли, такие произведения бесполезны... Скажите, вы не охотник?.. Когда утром отправляешься на охоту, обходишь все окрестные леса, все чащи, не хочется миновать ни одного поля, не попытав там счастья, стремишься побывать везде, даже рискуя ничего не найти. Но когда приходит вечер и пора возвращаться домой, уже больше нет времени, чтобы тратить его попусту, и если ты разумен, то в последний раз выстрелишь только там, где наверняка есть дичь. Тогда уже не имеют значения ни красота места, ни радость самой прогулки. Вот так я и должен теперь поступать: я не могу больше терять времени.

Толстой охотно и долго говорил со мной о своей книге об искусстве. Я видел гранки этой работы, он мне прочел несколько страниц. Основная мысль его сводится к следующему: искусство вступило на ложный путь и с каждым днем уходит по нему все дальше. Число так называемых художников растет до бесконечности. А ведь все эти люди идут по неверному пути. И теперь, когда искусство заняло такое большое место в жизни человека, особенно важно сказать, каким же оно должно быть.

Толстой считает, что разложение искусства наблюдается прежде всего во Франции, и хочет это показать.

— Так как Франция в своем развитии всегда идет впереди всех,— сказал он мне,— а другие нации следуют за ней, то здесь таится большая опасность. А со злом надо бороться в самом зародыше. Современное искусство Франции — это искусство декадентов: темные поэты, ученики Бодлера [6], художники — пуантилисты, импрессионисты и все прочие последователи Пюви де Шаванна [7], чья *искусственная наивность* невыносима, непонятные композиторы, находящиеся под пагубным влиянием Вагнера, все они — декаденты!

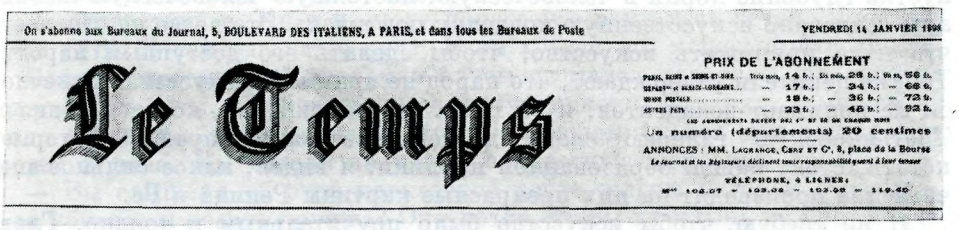
Это слово «декаденты», которое, мне кажется, во Франции уже почти не употребляют, производит на русских сильное впечатление, и Толстой сходится здесь со своими соотечественниками, считая, что этот ярлык можно привесить ко всем новым поискам западного искусства. Чтобы быть в курсе всего самого нового, что у нас появляется, Толстой добросовестно выписывает и читает даже самые мелкие французские журналы — не только «Hermitage» и «Mercure de France», но и «Revue Naturiste» и многие другие, еще менее известные издания. Он питает к ним отвращение, все слова кажутся ему недостаточно резкими, чтобы заклеймить эти журналы, но он считает их симптоматичными.

Его книге можно будет, видимо, сделать следующий упрек: он опирается на огромный, но случайный материал и придает слишком большое значение писателям, которые у нас не имеют никакого веса и произведения которых не могут свидетельствовать об общем состоянии нашей духовной жизни. Толстой, знает, например, наизусть стихи А. или Б. (я не хочу их называть, чтобы не потакать их тщеславию) и вместе с тем он не знаком с творчеством Анри де Ренье [8]. Быть может, надо пожалеть и о том, что ряд бельгийских произведений Толстой рассматривает как чисто французские и принимает фламандские словообразования за погрешности против традиционных форм нашего языка [9]. Досадно, наконец, что Толстой не имел случая жить в нашей стране и поэтому мог познакомиться с нашей живописью, так же как и с живописью наших соседей-англичан, только по плохим репродукциям.

Как бы то ни было, Толстой очень строго судит современное французское искусство. Некоторые мои соотечественники будут неприятно удивлены, читая его книгу, и чтобы никого не огорчать, я предпочитаю не повторять того, что он мне говорил об отдельных наших писателях и художниках. Но господин Брюнетьер, я полагаю, будет счастлив,

найдя в книге Толстого мнение о Бодлере, опирающееся на ряд удачно выбранных цитат, а господин Рене Думик, наверное, будет польщен, увидев, что Толстой не только упоминает о нем, но и приводит его резкую критику Гюисманса [10].

— Быть может, ваши новые писатели и глубоки,— сказал в заключение Толстой,— но я их не понимаю. Они так же темны, как Ибсен. Что до Ибсена, то я просто не знаю, что он хочет сказать. Если вам нравится его «Дикая утка», то не откажите мне в любезности ее объяснить. Впрочем, ведь он скандинав, это не так странно. А вот Франция, страна ясности и естественности! И это после таких прозаиков, как Мопассан, таких поэтов, как Гюго, да и не только Гюго, ведь и среди парнасцев были настоящие поэты: ваш Сюлли Прюдом выражал благородные мысли.


On s'abonne aux Bureaux du Journal, 5, BOULEVARD DES ITALIENS, A PARIS, et dans tous les Bureaux de Poste

VENDREDI 14 JANVIER 1898

Le Temps

PRIX DE L'ABONNEMENT

Un numéro (départements) 20 centimes

ANNONCES : MM. LAGRANGE, CERF ET Cie, 8, place de la Bourse

ФРАНЦУЗСКАЯ ГАЗЕТА «TEMPS», В КОТОРОЙ ПЕЧАТАЛИСЬ ОЧЕРКИ АНДРЕ БОНЬЕ «ВБЛИЗИ ТОЛСТОГО»

Номер от 14 января 1898 г., где был помещен первый очерк

Заголовок

Это о людях и фактах. Что же касается эстетических учений, то они, говорит Толстой, родились в Германии и Англии, а оттуда распространились повсеместно.

— В основном они сводятся к тому,— продолжал Толстой,— что превращают искусство в самоцель и парадокс этот нагло доводят до утверждения, будто сущность и смысл искусства в нем самом. Это просто цинично. Претензии большие, а результаты маленькие. Так дошли и до этой ерунды, вы слышите, *до ерунды* насчет Красоты, Истины, Добра, которую совершенно напрасно пропагандировал ваш Виктор Кузен. Триединство Искусства, Науки и Морали просто смешно. Нас хотят заставить поверить в то, что искусство существует для искусства, что его ценность и смысл заключается в нем самом, так же, как и у Добра, что, следовательно, люди, посвятившие себя целиком искусству, найдут в нем принцип, согласно которому можно организовать свою жизнь. Это просто нелепость! Как и все ложные философские концепции, эта доктрина преследует одну цель — оправдать с помощью абстрактных рассуждений определенную жизненную позицию, когда ею дорожишь по причинам, в которых не хочешь признаться.

У вас во Франции двадцать пять тысяч художников, не меньше их и в других странах. Видите, какая толпа паразитов! Да, паразитов, ведь они живут за счет народа, не принося ему никакой пользы... Если бы они хоть сами набирали и печатали свои глупости, было бы полбеды, но подумайте только о бесчисленных рабочих, о «белых рабах», чья жизнь целиком уходит на это дело. Они портят свои глаза, разбирая каракули, губят легкие, дыша свинцовой пылью. Даже возведение египетских пирамид было не более тяжелым и бесполезным трудом. А что дают эти художники народу взамен того, что берут у него? Ничего, потому что их искусство, столь утонченное, предназначается только для немногих

посвященных. Люди привилегированные, исчерпав все наслаждения, обращаются к современным абсурдным творениям в надежде развлечься. Но это им не удается: вот где для них окончательный приговор. Если б они были хоть счастливы! Но у всех этих художников и у их присных один припев: «Как мне скучно!»

Эстетики придумали теорию «искусства для искусства», эту чудовищную теорию, только для того, чтобы оправдать всех этих паразитов [11]. Искусство не имеет права на существование, если оно не народное. В нем не может быть привилегированных классов. Если искусство и в самом деле наслаждение, необходимое человеку, оно не может принадлежать немногим счастливцам. Оно должно быть народным или вообще не быть. Но тогда необходимо, чтобы искусство утратило свой характер пустой игры пресыщенных, усталых жуиров и приобрело более общий интерес, пустив глубокие корни в человеческую, настоящую человеческую жизнь, а не создавало искусственную подделку под жизнь. Это вовсе не означает, что надо принижать искусство, чтобы сделать его доступным народу. Тонкие ценители утверждают, что народ не понимает искусства. Конечно, он не понимает декадентов, и он прав. Но всякий раз, когда я водил в Третьяковскую галерею своих друзей крестьян-самоучек, которые, кстати, стоят нашей образованной публики, я видел, какое сильное впечатление производят на них прекрасные картины Репина и Ге.

Я не требую, чтобы искусство было поучительным и только. Главное, чтобы оно интересовало народ. А оно может интересовать народ, то есть большинство людей, если оно искренно, если оно выражает то, что есть в нас глубокого, человечного, общего всем людям. В искусстве важны три вещи: искренность, искренность и еще раз искренность.

Художнику незачем получать специальное образование. Специальные художественные школы бесполезны. Они только прививают молодежи неверное убеждение, что мастерство художника ценно само по себе. Будьте только искренними, и мысль, которую вы хотите выразить, дойдет до сердец. Жизнерадостный смех маленького ребенка заставляет вас рассмеяться, вы это сами знаете, даже если вы печальны.

В мире существует много привилегий, и те общества, которые считают, что они достигли равенства, на самом деле еще далеки от него. Но самая возмутительная из всех привилегий, самая постыдная и циничная, это привилегия на искусство, так, как его теперь понимают. И никто не пытается даже скрыть эту привилегию, современные эстетические теории вовсе не пробуют оправдать ее, напротив, они стремятся придать ей достойный вид, и привилегированные гордятся ею. Но такое положение было не всегда. Искусство средних веков — скульптура, украшавшая порталы и капители, живописные витражи — было предназначено не только для образованных и богатых, но и для народа. Такое искусство было правомерно, даже хорошо. Но папы и итальянские князья эпохи Возрождения окружили себя художниками, которые жили и кормились при их небольших дворах и должны были за это угождать своему господину, услаждать его жизнь. Так вот, эти художники Возрождения — истинные предки нынешних художников: они тоже были паразитами!

Красота произведения искусства прямо пропорциональна числу людей, которых это произведение может увлечь. Шедевры, написанные для узкого кружка, ничего не стоят. А где, я вас спрашиваю, вы найдете в вашей Западной Европе хотя бы одну серьезную попытку заинтересовать народ живописью или скульптурой? Нигде. В лучшем случае можно было бы назвать торговлю гравюрами в Лурде [12], хотя я и не люблю идей, которые там распространяют. И это всё.

Наступил вечер. Толстой принялся шагать взад и вперед по большой, плохо освещенной комнате, потом снова сел у лампы и, пока я беседовал

с графиней о концерте Сафонова, который должен был состояться в следующую субботу в Дворянском собрании, он машинально взял в руки вязанье, оставленное на столе его старшей дочерью, и без улыбки, старательно, ибо всякая работа достойна уважения, попытался связать ряд петель теми самыми удивительными руками, которые написали «Анну Каренину», «Детство» и «Войну и мир».

ТОЛСТОЙ

Сегодня вечером граф Толстой был таким красивым, каким я его еще никогда не видел. Когда я вошел в дом, Толстой спускался по лестнице; он шел, подсунув руки под ремешок, которым был подпоясан. Держался он прямо, высоко подняв голову, глаза его блестели, голос звучал твердо, мужественно, и был полон воодушевления.

— Здравствуйте. Но я не могу провести с вами весь вечер. Мне придется уйти. Я вам расскажу куда. Если хотите, мы можем выйти вместе.

Поверх рассегнутой на груди блузы он надел короткое пальтецо на тонком слое ваты, а на голову — круглую суконную шапку, и мне сразу стало стыдно за свою меховую шубу, за башлык и все мои ухищрения против холода. Мы вышли на улицу в чудесную морозную ночь.

— Вы слышали об этой кавказской секте, члены которой отказываются убивать и носить оружие? Они хотят, чтобы их жизнь не противоречила их принципам. А принципы эти справедливые и соответствуют христианскому учению.

И он с юношеской горячностью и страстностью рассказал мне всю эту историю.

— Их преследуют, потому что они не желают, чтоб их жизнь противоречила их принципам! [13]

Я никогда не забуду его властного голоса, четко звучащего в морозном воздухе этой звездной ночью.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЖИВОПИСЬ

...Однажды я беседовал с Толстым об английской живописи; я говорил ему об Уотсе [14], которого он не знал. Толстой попросил меня пересказать ему сюжеты некоторых картин, но вскоре он прервал меня, сказав:

— О! Они, оказывается, символичны... Это меня не интересует [15].

Толстой, как и современные русские живописцы, не считает, что главная цель искусства — это воплощение красоты. Искусство, прежде всего,— способ выражения идей, как бы средство для их передачи. Оно играет социальную роль, давая возможность человеку заразить своими чувствами других людей. Сторонники искусства для искусства впадают в своего рода противоречие, стараясь с помощью искусства изолироваться, отделиться от других. Напротив, необходимо, чтобы искусство распространяло среди людей плодотворные идеи, необходимо, чтобы справедливые теории с его помощью обретали новых бесчисленных сторонников. Цель искусства не осуществление индивидуальной мечты, а пробуждение в человеческом обществе единых стремлений и желаний [16].

О НРАВСТВЕННОМ УЧЕНИИ ТОЛСТОГО

При встрече с Толстым прежде всего поражает его убежденность в том, что ему открыта истина. Это читается в его взгляде, это угадывается в уверенной интонации его голоса, в твердости его походки. Вся его личность как бы несет на себе отпечаток истины. Он редко повышает голос, редко оживляется, чтобы выразить или защитить какую-нибудь мысль.

Даже когда ждешь, что он возмутится, он продолжает говорить спокойно, ровным голосом. Он так уверен в том, что не ошибается и говорит чистую правду, беспристрастную и самоочевидную, что даже не защищает ее ревностно и страстно, как защищают личную точку зрения. Ему неведомы сомнения: все, что надо знать, он знает, а то, чего он не знает, не представляет интереса. Если его глаза иногда мрачнеют, если он не всегда сохраняет полную невозмутимость мудреца — это не потому, что он печалится о себе и сердце его сжимается от личной тревоги, а потому, что он приходит в отчаянье от бессилия передать свою уверенность остальным людям, не желающим признавать очевидности.

...Итак, мне довелось раз в жизни увидеть человека, который обрел абсолютную уверенность, которого не терзают непостижимые тайны, которому неведомы тщетные сомнения, колебания, слабости. Ради этого стоило отправиться в такое далекое путешествие. Я полагаю, что в этом отношении Толстой — явление почти уникальное, ибо (таков уж наш печальный удел!) большинство людей живет по воле случая; причем лучшие из них стараются изо всех сил, так и не зная, правильно ли они живут; они идут ощупью, падают духом... Но теперь я видел человека, у которого есть уверенность!

Мне рассказали, что один из друзей Толстого как-то в его присутствии высказал кое-какие возражения, впрочем весьма учтиво, на одну из толстовских идей. Толстой с минуту помолчал, потом сказал, глядя прямо в глаза своему противнику — да что я говорю! — противнику Истины:

— Я не потерплю, чтобы кто-либо был со мной не согласен.

Воцарилось легкое замешательство, и тогда Толстой соблаговолил объясниться. Он сделал это очень кратко:

— Ибо истина одна,— добавил он.

— Я согласен, истина одна,— ответил ему собеседник,— но есть разное понимание этой истины.

Тогда Толстой заключил тоном, не допускающим возражений:

— Нет разных пониманий, есть только Истина.

Быть может, я напрасно передаю этот анекдот, ибо опасаюсь, что его могут неверно истолковать. Я боюсь, как бы из него не сделали вывода о надменности Толстого. Это совсем не так. Но такова у нас, не гениев, слабость натуры,— мы как бы извиняем себя в собственных глазах, обвиняя в надменности людей убежденных. Нет, он не надменен,— хотя имел бы на это большее право, чем многие из тех, кто этим грешит! Он не испытывает презрения к другим... Так же как Иисус не испытывал презрения к Пилату в картине Ге: он только опечален неистребимым скептицизмом Пилата.

Учение Толстого известно. Он его достаточно подробно изложил в своих последних книгах: «Царство божие внутри вас», «Что делать?», «Так что же нам делать?», «Евангелия»[17]. Это своего рода христианство, которое не верит, однако, в божественность Христа, резко отделяет Ветхий завет от Нового и довольно полно выражается в заповедях Нагорной проповеди. Поскольку «истина одна», Толстой не сказал мне ничего особенно нового о своем учении. Иначе ему пришлось бы противоречить самому себе, а это не в его духе. Но я попытался получить некоторые разъяснения по поводу того, как он оправдывает для самого себя свое учение, или, если употребить философскую терминологию, которую он не любит, каково обоснование его нравственного учения и каков его критерий истины. В самом деле, на чем основана его система нравственных норм? Эти нормы четки и категоричны, они не допускают никаких сомнений. Как может он придавать им силу закона? На чей авторитет они опираются? Надо ли его нравственное учение понимать только как *предложение* следо-

«АННА КАРЕНИНА» НА СЦЕНЕ ПАРИЖСКОГО «ТЕАТРА АНТУАН» («THÉÂTRE ANTOINE»). 1907

Фотопрограмма

Сцена из второго акта. Скачки. Слева направо: Левин—Монлуи, Сергей Иванович—Ж. Флато, генерал — Ж. Даллё, Стива — Ф. Кола, Долли — Асеза, Кити — Ж. Вениа, княгиня Мягкая — Г. Сержи, Лидия Ивановна — Эвен, Анна— Андре Мегар, Каренин — Ф. Жемье

Bibliothèque de l'Arsénal, Paris

вать определенному образу жизни, который кажется ему правильным? Обязательно ли оно?

Все эти вопросы не встают перед Толстым, или если и встают, то не в таком виде. Он не ставит нравственное учение в зависимость от внешней божественной воли, не выводит его с помощью логических или метафизических аргументов и, наконец,— это отметить важнее всего,— Толстой не прикрывает свое учение системой каких-либо мистических верований. Просто он говорит следующее:

— Если в часы попадает соломинка, они перестают ходить. Но уберите эту соломинку, и ход возобновляется. Это очевидное доказательство того, что для механизма вредно, когда в него попадает соломинка. Точно так же, если в вашу жизнь проникает неверное учение, все разлаживается... Вы меня спрашиваете, почему я думаю, что учение Христа — истинное учение. Извольте, я скажу вам: как только христианская идея, истинно-христианская, проникает в ваше сознание, вся жизнь становится ясной, легкой, осмысленной, сомнения вас покидают, противоречия исчезают, и все налаживается. Я верю в учение Христа, потому что я не знаю другого учения, которое могло бы принести столько же добра такому большому

количеству людей... Это самоочевидно. Софисты тщетно пытаются затемнить эту очевидность. Писатели вроде Ницше, которые бесстыдно утверждают индивидуализм, которые называют симпатию и сострадание — слабостями, не могут быть искренни. Их учение явно ложное, а противоположное учение достаточно ясно для тех, кто хочет видеть. Так же очевидна человеческая свобода. Отрицают свободу ради утверждения принципа причинности. А я отрицаю принцип причинности ради утверждения свободы. Утверждение против утверждения. Мое, во всяком случае, не менее убедительно, чем их. Впрочем, никакого серьезного сомнения в этом и не может возникнуть. Но только, чтобы ясно видеть все таким, каково оно на самом деле, необходимо предварительно раскрепостить свой разум, освободить его от всех пут и лжи, очистить его. Тогда будешь способен воспринимать действительность, а если воспринимаешь действительность без предрассудков и без предвзятости, нельзя не увидеть, что жизнь должна быть прожита по-христиански...

Таково учение Толстого. Как явствует из сказанного, оно не имеет никаких мистических оснований, и, по уверениям Толстого, оно выросло непосредственно из реальности. В известном смысле можно даже сказать, что оно основано на опыте. Именно потому, что Толстой познал жизнь, потому, что он остро переживал столкновения с нею, потому, что страдал от многочисленных и противоречивых впечатлений, у него появилась настоятельная потребность организовать жизнь. Его нравственное учение и предусматривает прежде всего такую организацию жизни, а его моральные принципы отвечают жизненным потребностям людей. Или, если угодно, Толстой принимает учение Христа именно потому, что оно соответствует требованиям истинной жизни, чуждо теоретичности и предвзятости.

Нравственное учение Толстого реалистично, как реалистична современная русская живопись. Репин и Ярошенко так же, как и Толстой, считают, что действительность сама по себе осмысленна, что она говорит и повелевает, что цель искусства — выразить те истины, которые провозглашает действительность, а нравственное учение указывает, как переустроить жизнь в соответствии с этими истинами [18].

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА С ТОЛСТЫМ

Я провел свой последний вечер в Москве с Толстым в его рабочем кабинете. Это узкая комната с низким потолком, заставленная всевозможной мебелью, креслами, у стены — книжный шкаф с застекленной дверцей, тут же небольшой письменный стол, украшенный решеткой из миниатюрных балясин, тот самый, что запечатлен на портрете Толстого работы Ге.

— Так вы, значит, тоже испытываете пристрастие к науке? — спросил меня Толстой.— Говорят, наука все лучше делает свое дело. Только она никогда его не закончит. Явлениям, которые она изучает, несть числа. Одно это доказывает всю химеричность предположения, что наука сможет когда-нибудь довести свой труд до конца. Люди, которые надеятся в скором времени вывести новое нравственное учение на научной основе, либо тешат себя иллюзией, либо обманывают других.

Есть ученые, я даже думаю, их большинство, которые хотят, чтобы наука была свободна от морали и всего прочего. Наука для науки, как искусство для искусства. Эта мысль так же глубока, так же искренна и так же... абсурдна! Посудите сами, человеческий ум не в состоянии охватить всю сумму явлений природы. Поле зрения человека не очень обширно. Количество предметов, которые он может охватить взглядом, ограниченно. Человеческий ум подобен фонарю, поставленному на заснежен-

«АННА КАРЕНИНА» НА СЦЕНЕ ПАРИЖСКОГО «ТЕАТРА АНТУАН» («THÉÂTRE ANTOINE»), 1907
Анна — Андре Мегар
Bibliothèque de l'Arsénal, Paris

ной равнине: он освещает вокруг себя лишь ограниченное пространство, и его лучи слабеют по мере удаления от источника света. Поэтому, чтобы увидеть всю равнину, надо все время переставлять фонарь, надо переходить с места на место, бесконечно менять свою позицию... Что тут доказывать, ведь и так ясно — всего не увидишь, во всяком случае, сразу. А ежели невозможно охватить все в мгновенном прозрении, то что же избрать предметом изучения и в какой последовательности это изучать? Вот вопросы, на которые наука сама по себе не в силах дать ответа. Именно поэтому многие ученые посвящают свою жизнь, свой ум и бездну изобретательности проблемам, которые не стоят того. Над подобными учеными смеются, и это справедливо, но прежде всего они заслуживают жалости, ибо они — рабы и мученики филологии или химии, подобно тому, как есть рабы и мученики промышленности или горного дела. Тупик, в который они забрели, мешает им создать подлинную жизнь, и в этом повинен ложный закон о разделении труда — причина самых больших несчастий человечества.

На вопросы «что надо изучать прежде всего; в какой последовательности это делать; на каком участке равнины надо поставить фонарь?» наука ответить не может. Поэтому она все делает по воле случая, и ничто не может сравниться с тем беспорядком, с той удручающей неразберихой, в которой она погрязла. Эти предварительные вопросы, которые требуют ответа в первую очередь, могут быть разрешены только с помощью нравственного учения. Прежде всего, изучать надо то, что важно для организации жизни. Только наука, обращенная к жизни, нужна и законна. Наука для науки — это заведомо бесплодная затея, она не в состоянии удовлетворить даже самое себя.

Вовсе не обязательно изображать из себя великого ученого, чтобы определить тот минимум истин, изучение которых необходимо для разумной

организации жизни. Эти истины очень просты, они нисколько не таинственны: достаточно открыть глаза, чтобы их увидеть. Есть люди, которые живут в роскоши и праздности, и есть другие, которые гнут спину под землей в узких шахтах и дышат ядовитыми подземными газами лишь для того, чтобы обеспечить праздным счастливую жизнь; а между тем у самих тружеников нет хлеба ни для своих детей, ни для себя. По вечерам на балете в ложах мы видим расфранченных богатых господ. Им нравится это развлечение, которое услаждает их взор, не тревожа дремлющего ума. А в это время целая армия рабочих сцены, электриков, машинистов из кожи лезет вон, чтобы обеспечить безупречный ход сложного аппарата спектакля. Я уж не говорю о балеринах и танцовщиках, которые истязают свое тело в угоду праздным зрителям. Сколько бы ни утверждали, что с рабством покончено, еще существуют люди, вынужденные обслуживать других людей и тратить свою жизнь лишь на то, чтобы обеспечивать господ удовольствиями и развлечениями. Не нужно быть мудрецом, чтобы понять всю несправедливость современной жизни. Ни одно из открытий наших ученых, на что бы они ни претендовали, не имеет большего значения, чем эта простая истина, когда ее утверждают искренно и когда она волнует людей.

Стоит только уяснить себе это неравенство условий жизни людей, и вы уже не можете испытывать никакой радости, не можете ничем наслаждаться, ибо вы знаете, что другие в это время страдают. Видите ли, думать об этом — ужасное страдание, долго его выносить невозможно. Единственный выход можно найти в учении Христа о любви и милосердии к ближнему. Стоит только христианской идее войти в душу человека, как душа уподобляется гире, подвязанной к веревке, она стремится опуститься, унизиться. Она идет к убогим, она посвящает себя им, братается с ними. Она отказывается ради этого от всей своей прошлой праздной жизни, исполненной гордыни. И поверьте, проделать этот путь вовсе не трудно и не мучительно... Все это представляется мне очень простым, ясным и очевидным. Я не могу понять,— сказал мне Толстой, обхватив голову руками,— я не могу понять, для чего нужно усложнять простые вещи с помощью метафизики, науки, психологии, когда все так ясно, так просто, так понятно!

О чём бы ни шел разговор, Толстой всякий раз возвращался к этому. Тогда как остальные люди поражены обилием тайн, окружающих Истину, мраком, который окутывает ее, сложностью лабиринта, в котором она скрывается, Толстой, напротив, всегда восхищается простотой и очевидностью Истины. Его упрекают в парадоксальности. Этот упрек приводит его в отчаяние. Ему хотелось бы крикнуть всем окружающим:

— Да откройте, наконец, глаза и взгляните вокруг себя! Это же ясно, как божий день!..

И поневоле он вынужден думать, что его противники либо недобросовестны, либо лишены здравого смысла.

Толстой любит рассуждать об очень простых вещах — о нищете народа и пагубной гордыне эксплуатирующих их богачей. Быть может, он подчеркивает эти печальные, но общеизвестные стороны нашей жизни больше, чем следует. Его работа «Что такое искусство?» начинается с очень длинного описания закулисной жизни во время репетиции оперы. Он рассказывает о грубости дирижера, об унижениях хористов, о заботах режиссера. Толстой не щадит читателя — он не опускает ни одной подробности, он нагромождает факты, неопровержимо доказывая, что удовольствия одного класса общества покупаются ценой страданий другого класса. Мы уже слышали это, и так часто, что нам не хочется повторять. Не стало ли такое утверждение общим местом? Да, конечно. И Толстой,

«АННА КАРЕНИНА» НА СЦЕНЕ ПАРИЖСКОГО «ТЕАТРА АНТУАН» («THÉÂTRE ANTOINE»). 1907

Программа

Анна — Андре Мегар, Сережа — артистка Рене Ледюк

Bibliothèque de l'Arsenal, Paris

наверно, первый бы это признал. Такой упрек не был бы ему неприятен. Да и можно ли требовать от него, чтобы, стремясь к новизне, он говорил парадоксами и замалчивал истину лишь потому, что она хорошо известна? Помимо всего, эти общеизвестные истины, видимо, не так уж общеизвестны, раз большинство людей живет, как бы и не подозревая о них. Умники, чтобы казаться глубокомысленными, все усложняют и запутывают. А на самом деле то, что необходимо знать о жизни, сводится к двум-трем очень простым истинам.

— Если бы люди всегда помнили эти две-три истины, все шло бы прекрасно. Вместо того, чтобы забивать себе голову всякого рода сложными софизмами, надо видеть действительность такой, какая она есть,— простой и ясной. Быть может, так когда-нибудь и будет. Когда приходит весна, почки распускаются во всех странах — во Франции, в России, везде. Наступает всеобщее полное омоложение. А почему это происходит? Да просто потому, что настало время всеобщего омоложения.

Толстой печально улыбается. Увидит ли он сам приход нового времени? Моисей не довел свой народ до земли обетованной, он только указал ему путь.

Мне хотелось бы до бесконечности продлить этот последний вечер. Приеду ли я еще когда-нибудь в эту далекую страну? Доведется ли мне еще раз повидать Толстого?.. В течение этих нескольких дней он был так добр, так снисходителен, так по-дружески прост со мной, что, расставаясь с ним, я испытываю боль разлуки. Направляясь к вокзалу, я вспоминаю его таким, каким видел в последние минуты,— опечаленным страданиями и слепотой людей и все же улыбающимся в надежде на новый рассвет. Таким он навсегда останется в моей памяти.

* * *

Я в последний раз иду по московским улицам. Город, спящий под снегом, погребенный под снегом, молчаливый и холодный, все же сохраняет свою жизненную силу и готов, когда настанет час, выйти из оцепенения. При первых лучах весеннего солнца Москва, смеющаяся и веселая, скинет с себя снежные покровы. Я вспоминаю восхитительную картину Поленова в Третьяковской галерее—«Московский дворик». Повсюду разлита мягкость пришедшей весны, ароматна свежая трава, узловатые стволы деревьев прикрыты молодой листвой, прозрачен и чист воздух, в голубом небе, по которому бегут белые облачка, четко вырисовываются золотые купола и яркие крыши церквей. Весна должна обладать особой прелестью в этом зимнем городе, который под покровом снега накапливает кипучую жизненную энергию. Мне хотелось бы увидеть это славное триумфальное пробуждение.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Пьетро делла *Франческа* (ок. 1416—1492) — выдающийся итальянский живописец эпохи раннего Возрождения. Его картина «Святой Иероним с заказчиком» находится в галерее Академии в Венеции.

[2] Толстой имел в виду дело Дрейфуса. См. стр. 50—54 настоящ. книги.

[3] О Теодоре *де Визева* — см. в разделе «Письма» и в обзоре Л. Р. Лансkого «Уход и смерть Толстого в откликах иностранной печати».

[4] Трактат Толстого «Что такое искусство?» (т. 30, стр. 27—203) был опубликован в журнале «Вопросы философии и психологии» (первые пять глав в кн. 5 за 1897 г., остальные пятнадцать глав в кн. 1 за 1898 г.).

[5] Далее опускается фабула «Воскресения» (в искаженной передаче).

[6] В своем трактате «Что такое искусство?» Толстой писал о Бодлере: «Миросозерцание <...> Бодлера состоит в возведении в теорию грубого эгоизма и замене нравственности неопределенным, как облака, понятием красоты, и красоты непременно искусственной» (т. 30, стр. 99).

[7] В статье «Что такое искусство?» Толстой не раз упоминает имя П. де Шаванна в ряду поэтов и художников-декадентов (т. 30, стр. 104, 125, 168 и др.).

[8] Бонье ошибался, считая, что Толстой совершенно незнаком с творчеством Анри де Ренье. В трактате «Что такое искусство?» он не только упомянул имя Ренье, но и привел целиком в «Прибавлении» одно из его стихотворений (т. 30, стр. 196).

[9] Бонье имел, вероятно, в виду прежде всего Метерлинка.

[10] В трактате «Что такое искусство?»Толстой привел несколько выдержек из книги Р. Думика «Les Jeunes» («Молодые»), в том числе из статьи, посвященной французскому писателю Гюисмансу. Об отношении Толстого к Брюнетьеру см. выше, на стр. 12.

[11] После этих слов в «Заметках о России» Бонье приводит фразу Толстого: «Их Искусство — это идол, которому приносят в жертву поколения людей, и самый жалкий, самый смешной идол!» («Notes sur la Russie», p. 112—113).

[12] В Лурде, городе на юго-западе Франции, ставшем центром паломничества католиков, продавались вразнос дешевые книжки и гравюры религиозного содержания, в частности изображение лурдской богоматери.

[13] Имеются в виду духоборы, делами которых Толстой в ту пору был занят. В декабре 1897 г. по поручению Толстого из Москвы на Кавказ отправился Л. А. Сулержицкий, чтобы передать ссыльным духоборам пожертвования и деньги. (См. Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого, т. II. М., 1960, стр. 262).

[14] Джорж Фредерик *Уотс* (1817—1904) — известный английский художник и скульптор, примыкавший к прерафаэлитам. Его лучшие картины «Мир и благоволение», «Время, смерть и суд», «Любовь и жизнь» носили символический характер.

[15] В «Заметках о России» эта часть разговора Бонье с Толстым передается подробнее: «Я ему напомнил о социальных опытах некоторых английских прерафаэлитов,— пишет Бонье,— о социализме Уильяма Морриса, о желании Уотса популяризировать искусство. Уотс каждое воскресение делал выставку своих работ у себя в мастерской. Он оставлял двери открытыми, чтобы люди, возвращаясь со службы, могли посетить его и приобщиться к религии искусства» («Notes sur la Russie», p. 198). В записной книжке Толстого от декабря 1897 г. находим пометку «Watts», несомненно имеющую отношение к разговору с Бонье (т. 53, стр. 320).

[16] В «Заметках о России» мы находим более развернутое рассуждение автора о внутренней связи русской живописи с творчеством Толстого. «Разве историческая живопись Репина,— писал Бонье,— не обнаруживает тех же мотивов, что и исторические романы Толстого? И не кажется ли религиозная живопись Ге вдохновленной толстовской верой, согласно которой „христианство“ — не мистическая, а нравственная доктрина? Толстой придает очень большое значение творчеству Ге, который был в последние годы своей жизни лучшим его другом. Тюремные сцены, так часто встречающиеся в новейшей русской живописи, напоминают самые мрачные страницы „Воскресения“. Картина Касаткина „В коридоре окружного суда“, изображающая полицейских вперемежку с заключенными, производит зловещее впечатление, подобное тому впечатлению, которое вызывает трепет у Нехлюдова, когда он посещает Маслову. На причудливом полотне Ярошенко мы видим вагон с арестантами, остановившийся у железнодорожного перрона: за решеткой вагонных окон — несчастные люди. Мужчина и женщина — мрачное олицетворение несчастья — держат на руках ребенка, и то невинное созданье бросает за решетку крошки хлеба голубям. Картина называется „Всюду жизнь“. Невольно думаешь об этом полотне, читая в „Воскресении“ сцену препровождения в суд арестантки Масловой» («Notes sur la Russie», p. 201—202).

[17] Имеется в виду труд Толстого «Соединение и перевод четырех евангелий» (1880—1884).

[18] В «Заметках о России» далее следует сцена, отсутствующая в газетном тексте:

«Вечером Толстой сел за рояль. В наступивших сумерках он играл различные отрывки из Шумана. Его пальцы, летавшие по клавиатуре рояля, ударяли сильно, но передавали временами всю нежность мелодии. Мне припомнилось прелестное место из повести „Детство“: „Мамап играла второй концерт Фильда — своего учителя. Я дремал, и в моем воображении возникали какие-то легкие, светлые и прозрачные воспоминания.Она заиграла патетическую сонату Бетховена, и я вспомнил что-то грустное, тяжелое и мрачное. Машап часто играла эти две пьесы; поэтому я очень хорошо помню чувство, которое они во мне возбуждали. *Чувство это было похоже на воспоминания; но воспоминания чего? казалось, что вспоминаешь то, чего никогда не было...*“— Когда он кончил играть, руки его снова опустились. Склонив голову, спрятав глаза под нахмуренными бровями, он несколько мгновений оставался недвижим, как бы погруженный в воспоминания. Мы не решались шевельнуться; что-то вроде молитвенной тишины, казалось, незримо воцарилось между нами. Он встал и, засунув руки за пояс, начал медленно ходить по большой комнате. Потом подошел ко мне и сказал: „Вот музыка! Это стоит больше, чем все ваши Вагнеры!“» («Notes sur la Russie», p. 220—221).

ДВА АНГЛИЙСКИХ СОБЕСЕДНИКА

ВОСПОМИНАНИЯ УИЛЬЯМА ТОМАСА СТЭДА И РОБЕРТА ЭДВАРДА КРОЗЬЕРА ЛОНГА

Публикация и перевод Б. А. Гиленсона

I. У. СТЭД

В мае 1888 г. в Ясной Поляне в течение недели находился видный английский журналист, социолог и общественный деятель Уильям *Стэд* (1849—1912), сотрудник ведущих лондонских газет, человек либерально-пацифистских воззрений *. Через несколько месяцев, в конце 1888 г., вышла его книга «Truth about Russia» («Правда о России»); несколько глав в ней было посвящено встречам с Толстым. Стэд отправил свою книгу писателю со следующей дарственной надписью: «To Count Tolstoi with affectionate remembrance of the family Jasnaia Poliana. From the author. W. T. S t e a d» («Графу Толстому с теплым воспоминанием о яснополянской семье. От автора. У. Т. С т э д»). О получении книги Толстой сообщил А.А. Суворину 31 января 1889 г. (т. 64, стр. 216). Одна из глав — «Неделя в Ясной Поляне» — была опубликована в газете «Новое время» от 25 января 1889 г., однако основная и наиболее интересная часть воспоминаний осталась неизвестной русскому читателю.

Стэд и в дальнейшем не порывал связей с Толстым: в архиве автора «Войны и мира» хранится семнадцать писем к нему Стэда за период с 1890 по 1906 г. В большинстве писем он рекомендовал Толстому своих английских друзей и извещал о высылке в Ясную Поляну книг и отдельных изданий — в частности, журнала «Review of Reviews», редактором которого он стал в 1890 г. Всего в яснополянской библиотеке сохранилось пять книг Стэда и неполные комплекты его журнала за 1890—1908 гг. В этом ежемесячном издании, посвященном важнейшим общественно-политическим и литературным событиям, публиковались также материалы, знакомившие западноевропейских читателей с творчеством и философией Толстого.

16 августа 1905 г. Стэд сообщил в Ясную Поляну, что намерен посвятить Толстому специальный номер своего журнала «Review of Reviews». Номер этот, вышедший в 1906 г., был переслан писателю. В него вошли отрывки из произведений Толстого, а также статьи о нем Э. Моода, Р. Э. К. Лонга (см. ниже) и самого Стэда.

Как вспоминал впоследствии секретарь Стэда Р. Э. К. Лонг, встречавшийся с Толстым в 1898—1899 гг., последний был недоволен журналом «Review of Reviews», видя в нем «собрание всякой всячины», «omnium gatherum». Журнал, по его мнению, был лишен общей моральной и духовной основы, которую «Толстой хотел видеть во всем» (цит. по кн.: F. W h y t e. The Life of W. T. Stead, v. I. London, 1925, p. 313). 19 августа 1905 г. Д. П. Маковицкий записал в дневнике: «Л. Н. говорит о „Review

---

* В труде П. И. Бирюкова «Биография Льва Николаевича Толстого», т. III. М., 1923, стр. 91 и в ряде других работ приезд Стэда ошибочно датируется сентябрем 1888 г. О том, что визит состоялся в мае, Стэд упоминает в письме к Толстому от 20 июня 1888 г. и в своей книге.

of Reviews". Л. Н. заметил, что оно содержит самые разнообразные короткие статьи, после которых остается хаос, сумбур в голове... Стэд ловкий человек, но мне не нравился» *(А Т)*.

Толстой следил за выступлениями Стэда в печати. Так, 28 июля 1908 г. он читал в «Новом времени» от 25 июля заметку «Г-н Стэд о России», где приводились ответы Столыпина на вопросы Стэда (Н. Н. Г у с е в. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого, т. II. М., 1960, стр. 637).

В беседах, записанных Стэдом, Толстой затронул ряд принципиально важных для него вопросов: о государстве, земельной реформе, теориях Генри Джорджа, праве собственности; высказывался он и о своих творческих замыслах. Интересен рассказ Толстого о «робинзоновской коммуне». Впервые намерение написать произведение на эту тему возникло у него, как явствует из дневника С. А. Толстой, в марте 1877 г., т. е. в тот период, когда Толстого особенно интересовала проблема переселенчества (см. Дневник Софьи Андреевны Толстой, 1860—1891. М., 1928, стр. 37—38). Этот замысел, как видно, долго не оставлял Толстого (С. А. Толстая упоминает о нем и в октябре 1877 г.), причем в 1888 г. он рассматривал его уже в новом идейном аспекте. Любопытно и упоминание Толстого о произведении, развенчивающем «романтическую любовь»: по всей вероятности, речь шла о «Крейцеровой сонате». Большое место Толстой уделил иностранной литературе. Обращает на себя внимание и отзыв о Золя. Как известно, высказывания Толстого о французском романисте разноречивы: он, например, упрекал Золя за длинноты, излишние подробности, «непереваренные факты», но вместе с тем ему импонировало стремление французского писателя к суровой, бескомпромиссной правде. В беседе со Стэдом Толстой, в сущности, в нескольких словах изложил свое понимание сильных и слабых сторон творчества Золя. Он высказался отрицательно о романе «Нана», в котором настойчиво давали себя знать натуралистические элементы художественного метода писателя; в то же время Толстой глубоко сочувственно отнесся к романам «Жерминаль» и «Земля», заметив: «Мы в первый раз видим подлинных крестьян и углекопов такими, каковы они в действительности». Толстой ставил свою драму «Власть тьмы» в определенную связь с этими романами. Заметим, что Золя был одним из наиболее ревностных поклонников этой пьесы, поставленной в парижском «Свободном театре» в 1887 г.

Наконец, воспоминания Стэда содержат ряд ценнейших сведений об одном из интересных издательских замыслов Толстого — «Международном посреднике»; эта идея родилась у писателя под влиянием опыта распространения дешевых книг отечественного «Посредника». В беседе с английским журналистом Толстой назвал круг авторов, произведения которых он хотел бы видеть изданными на главных языках мира. Обращает на себя внимание и то, что Толстой упомянул в их числе три пьесы Шекспира — «Король Лир», «Макбет» и «Гамлет». Это еще раз показывает, что отношение Толстого к Шекспиру нельзя рассматривать как чисто негативное. Во всяком случае, оценка Толстым «Короля Лира», в котором, по его словам, «воплощен опыт каждой русской избы», может быть соотнесена с высказыванием, сделанным им в беседе с Т. Н. Селивановым в 1898 г.: «Почему вы не ставите для народа Шекспира? Может быть, вы думаете, что народ Шекспира не поймет? Не бойтесь, он не поймет скорее современной пьесы из чуждого ему быта, а Шекспира народ поймет. Все великое народ поймет» («Театр и искусство», 1899, № 4, стр. 76). Правда, Толстому не удалось осуществить своего замысла, но, возвратившись в Англию, Стэд под влиянием бесед с русским писателем приступил к выпуску дешевой литературы для народа (см. Э. П. З и н н е р. Творчество Л. Н. Толстого и английская реалистическая литература конца XIX и начала XX столетия. Иркутск, 1961, стр. 76—77).

Ниже печатаются выдержки из книги: W. T. S t e a d. Truth about Russia. London — Paris — New York and Melbourne, 1888, p. 393—457. Ставя своей целью по возможности широко ознакомить западного читателя с личностью и идеями Толстого, Стэд посвятил ему десятки страниц своей книги, зачастую перемежая непосредственный материал воспоминаний с собственными суждениями и выводами. Мы отобрали лишь некоторые отрывки, представляющие интерес для изучения жизни и творчества Толстого.

ПРАВДА О РОССИИ

ИЗ ГЛАВЫ «НЕПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ»

...Для него, как и для Оберона Герберта [1], государство — это нечто отвратительное, подобное страшному кошмару и несущее одно лишь зло. Это, несомненно, связано с тем, что в России жизнь народа в малой степени регулируется государством, исключая взимания налогов и ведения войн.

— Мои воззрения,— сказал Толстой,— есть всего лишь приложение слов Христа к нашей жизни, и в то же время они порождены русскими условиями. Мы живем в деревнях. Если бы Санкт-Петербург, Москва и все то, что мы именуем правительством, оказалось вдруг сметенным землетрясением, разве это имело бы какое-нибудь значение для крестьянства? Для каждого из них жизнь стала бы лучше, а не хуже. Я собираюсь написать об одной робинзоновской общине [2], этот короткий рассказ вам пояснит мою мысль. Община эта переселилась в Сибирь в полном составе. Правительство оказало им так называемую помощь и дало указания, которые им только пошли во вред. Однако, несмотря ни на что, они в конце концов перевалили через Урал. Там получили от киргизов разрешение осесть на год и засеять землю рожью. Собрав урожай, они двинулись дальше, пока не достигли совсем необжитой земли, где и решили поселиться. Послали к губернатору за разрешением. Дали чиновникам взятки, но тут выяснилось, что кто-то уже владеет этой землей, так что оставаться на ней нельзя. Они вновь двинулись в путь и шли так до тех пор, пока не пересекли русскую границу и не оказались в Китае. Но они не знали, где находятся, и послали сказать губернатору, что выбрали участок для своей деревни. Губернатор тоже не знал этого места, и их оставили в покое. Пятнадцать лет прожили они там в счастье и согласии, не помышляя о правительстве, как вдруг губернатору доложили, что это русские колонисты и что им надлежит возвратиться на русскую территорию. Вслед за тем их обложили податями, обязали поставлять рекрутов. Разве этой робинзоновской общине не лучше жилось без правительства? Разве не стало им хуже, когда правительство вмешалось в их дела? Точно так же и со всеми нами. Какая от правительства польза? Никакой. Оно не просто бесполезно, а еще того хуже.

Разговаривая так, мы пересекли отличное шоссе, ведущее из Тулы на Киев.

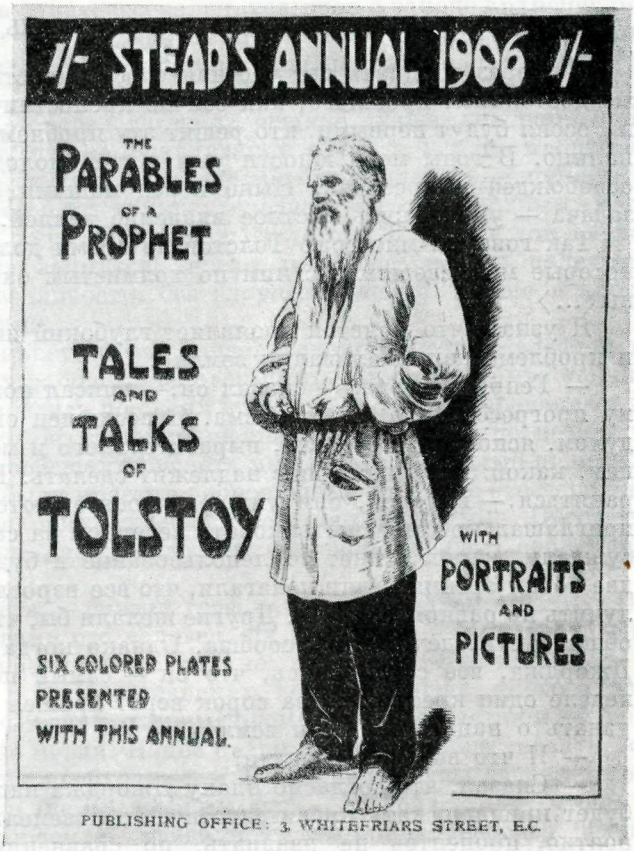
— Кто построил эту дорогу? — спросил я.

— Правительство,— ответил он.

— Значит правительство делает хоть что-нибудь хорошее,— заметил я,— раз оно прокладывает дороги.

— О,— возразил он небрежно,— оно всегда старается отыскать или изобрести доводы для оправдания своего существования. Но в таких делах, как железные дороги, сельскохозяйственные выставки или народное просвещение, правительство проявляет излишнюю торопливость. Зачем осуществлять все это прежде, чем люди сами поймут необходимость? Когда им станет ясно, они сумеют все сделать и без правительства〈...〉

Как бы граф ни восхищался крестьянином, он не закрывает глаза на то, что в моральном отношении мужику надо еще многому научиться. В своем последнем художественном произведении, мрачной и страшной драме «Власть тьмы», он рисует картины поистине ужасных крестьянских нравов. Кровосмешение, прелюбодеяние, преступление, детоубийство составляют основу этой драматической истории. Граф Толстой считает странным, что публика сосредоточила свое внимание лишь на некоторых непристойных деталях и прошла мимо главного урока драмы, который



НОМЕР АНГЛИЙСКОГО ЖУРНАЛА УИЛЬЯМА СТЭДА «STEAD'S ANNUAL», ПОСВЯЩЕННЫЙ ТОЛСТОМУ (1906, № 1)

Титульный лист

заключается в утверждении старой истины, что корысть — корень всякого зла. Он написал свою пьесу как моральное назидание крестьянам, а она была показана лишь императору, а также в Париже[3], т. е. аудитории, для которой менее всего предназначалась. Развивая эту мысль, Толстой сказал, что хотя он и не питает любви к Золя в силу некоторых его особенностей, но все же это «единственный в Европе романист, который что-то делает».

— А остальные? — продолжал он.— Что они делают? Сочиняют разные пустячки, чтобы помочь праздным барынькам скоротать досуг. Золя — тот занимается настоящим делом. Я невысоко ставлю его «Нана», эту зарисовку общества в период временного заболевания. Но в «Земле» и «Жерминале» мы впервые видим подлинных крестьян и углекопов. А ведь эти люди — неотъемлемая часть человеческого общества. До сих пор мы только и занимались тем, что рассуждали о том, какие они. А здесь они представлены такими, каковы они в действительности. Картина, быть может, неприятная, отталкивающая, но от фактов нельзя отмахиваться. Надо иметь представление о том, как живут наши братья. И это важное дело, наконец, сделано — сделано раз и навсегда. Если кто-нибудь пожелает узнать, как живет подавляющее большинство этих людей,— пусть взглянет на эту картину. Он в любую минуту имеет такую возможность. Правда, это не те картины, которые всегда хотелось бы иметь перед глазами...

ИЗ ГЛАВЫ «ПРОДАЙ ВСЕ, ЧТО ТЫ ИМЕЕШЬ, И ОТДАЙ БЕДНЫМ»

— Через тридцать лет частная собственность на землю станет таким же достоянием прошлого, как сейчас крепостничество. Англия, Америка и Россия будут первыми, кто решит эту проблему. Известные успехи уже налицо. В годы моей юности умы нашей молодежи занимала проблема освобождения крестьян. Ныне перед нашими сыновьями стоит другая задача — уничтожить частное владение землей.

Так говорил мне граф Толстой во время долгих приятных прогулок, которые мы совершали с ним по холмистым окрестностям Ясной Поляны〈...〉

Я узнал, что Толстой проявляет глубокий интерес к Генри Джорджу и проблеме национализации земли[4].

— Генри Джордж,— сказал он,— вписал новую страницу в программу прогрессивного либерализма. Я восхищен его истинно христианским духом, ясностью его стиля, выразительного и метафоричного. Он указал нам, какой следующий шаг надлежит сделать. Его идеи будут распространяться,— впрочем, они уже распространяются. Этой зимой я иногда приглашал крестьян потолковать вечерком за самоваром, и мы часто обсуждали, каким станет землепользование в будущем. Они высказывали две точки зрения. Одни полагали, что все взрослые мужчины должны получить по равному наделу. Другие желали бы, чтобы земля принадлежала общине и возделывалась сообща. Однако когда я рассказал им о плане Джорджа, все согласились, что он — самый подходящий. На прошлой неделе один крестьянин за сорок верст пришел ко мне, чтобы подробней узнать о национализации земли.

— И что вы ему ответили?

— Сказал, что согласно плану Джорджа национализированная земля будет принадлежать правительству, но поземельный налог снизится, вероятно, процентов на двадцать, по сравнению с тем, что они платят теперь; и что в конечном счете этот уменьшенный налог заменит все прочие. Он был очень доволен и сказал, что расскажет об этом всем остальным.

— Какие налоги платят крестьяне?

— Прямой поземельный налог, о котором мы говорили: от семи до восьми рублей в год. Они должны выплачивать его сорок девять лет, чтобы вернуть государству ту выкупную сумму, которую оно дало землевладельцам при освобождении крестьян. По плану Джорджа, они вместо семи с половиной рублей в течение сорока девяти лет станут платить по шести рублей постоянно. Крестьяне знают об этом, но они готовы выплачивать сокращенную поземельную ренту общине, если будут отменены платежи государству.

Я рассказал графу Толстому о беседах, которые вел с Джорджем в Лондоне и об уязвимом месте десяти заповедей[5].

— Я полностью согласен с Джорджем,— сказал граф Толстой,— что нет никакой несправедливости в изъятии у землевладельцев собственности без возмещения убытков. Хотя, на мой взгляд, выкуп не лишен целесообразности, ибо он мог бы облегчить этот процесс. Национализация земли произойдет так же, как освобождение крестьян. Убеждение в необходимости такой реформы получит все большее распространение. Возрастет понимание того, как позорно частное землевладение. Кто-нибудь напишет новую «Хижину дяди Тома». Возбудятся умы, и наступит такое время, когда многие из тех, кто владеет землей, поступят так же, как те, кто владел крепостными: по своей воле отдадут ее арендаторам. Остальных же можно будет успокоить выкупом — с тем, чтобы вопли о конфискации не затормозили дела.

Граф Толстой весьма заинтересовался, услышав о законе архиепископа Уолша и лорда Эшборна и о том, как мы надеемся сохранить общественное землепользование в Ирландии после того, как положение там будет урегулировано [6].

— Да,— сказал он,— передача земли общине лучше, чем национализация, хотя несомненно, что национализация земли в Турции прошла бы неплохо [7]. Но, конечно, лучше, если землей будет владеть община, а не правительство. Разумеется, я не могу согласиться с Джорджем, когда он говорит, что землю надо обкладывать налогом. Только в том случае, если взиманием налога займутся ангелы небесные, можно надеяться, что все будет по справедливости, без злоупотреблений. Лично я против всякого налогообложения.

Однажды во время прогулки мы увидели около полотна железной дороги партию ремонтных рабочих, человек в сто. Они только что кончили ужин и собирались разойтись по своим землянкам, где на деревянных нарах, без тюфяков, даже без соломенной подстилки, спало по десять человек в ряд. Толстой пообещал прислать им соломы, что их, по-видимому, очень обрадовало. Это были простые добродушные люди, не столь грубые, как наши чернорабочие, по-крестьянски вежливые и прямые. Посещение этих бараков, естественно, направило наш разговор в область социальных вопросов.

— Мы забыли Христа,— сказал граф.— Мы не следуем ему. И каков результат? Вот перед вами сто человек, их заработок — полтина в день, спят они на голых досках, даже соломы нет постелить. Как же можем мы нежиться на матрацах и пуховых перинах, когда эти люди, много и тяжело работающие, не имеют даже охапки соломы! Будь мы истинными христианами, мы бы этого не могли. Какое право имею я излишествовать, если у моего брата нет самого необходимого? Ближайшая наша задача в христианстве и, в сущности, самый первый шаг — состоит в том, чтобы те, кто владеет богатством и землей, раздали все, им принадлежащее, бедным.

Один из молодых друзей и последователей Толстого, господин Ч〈ертков〉, с которым я познакомился два года назад в Лондоне, в доме г. Пашкова, воспринял толстовские идеи и ныне, вместе с женой и ребенком, живет в своем поместье под Воронежем жизнью простого крестьянина. Но даже такое полное слияние с крестьянами, с которыми г. Ч〈ертков〉 делит весь получаемый доход, не удовлетворяет Толстого. По какому праву христианин является распорядителем денег, которые есть зло и только зло? Признать, что у тебя есть право распоряжаться своей собственностью, даже если ты ее раздаешь,— это гордыня. Ты не имеешь на эти деньги никаких прав, мы не вправе даже решать, кто более достоин получить их от тебя — тот или этот. Они попросту тебе не принадлежат. Это украденный клад, случайно оказавшийся в твоих руках, но на который любой встречный имеет столько же прав, как и ты. Поэтому лучшее,что ты можешь сделать, это вовсе не прикасаться к деньгам, и пусть любой, кто пройдет мимо, если захочет, взвалит на себя эту ненавистную ношу.

— Вы думаете,— продолжал граф Толстой,— что деньги, заработанные докторами, или адвокатами, или издателями, добыты менее бесчестным образом, нежели те, что украдены вором или разбойником? Это совершенно то же самое: все тот же результат насилия. Возьмем, например, поместье, в котором мы находимся. Как оно приобретено? Насилием. Мой прадед был екатерининским генералом. Екатерина отняла землю у крестьян, которые на этой земле работали, и отдала моему прадеду в награду за его заслуги по истреблению людей во время войн. Таково происхождение одной части поместья. Другая заработана моими книгами. И тоже благодаря насилию. Кто покупает мои романы? Люди богатые. Откуда у них богатство? Снова насилие. В мире нет стольких богатств,

чтобы каждому досталось больше разумной доли. Русская пословица гласит: «От трудов праведных не наживешь палат каменных». И это истинно. Честный труженик никогда не будет иметь больше самого необходимого. Тот, у кого больше, тот вор. Собственный дом, всякого рода роскошь — это всегда результат грабежа. А грабеж означает еще и порчу нравов. Потому что ни вору, ни детям вора не нужно трудиться. Они становятся праздными, а праздность порождает всяческое зло, их пример развращает и вызывает недовольство в детях тех, кто слишком беден, чтобы подражать богатым. Если вы хотите уподобиться Христу, откажитесь от всякой собственности, раздавайте ее всем и каждому, покуда у вас останется не больше, чем у остальных. Если у вас есть деньги, дом или одежда, вы должны быть готовы отдать их первому встречному.

Плоды претворения в жизнь этой доктрины, несмотря на самые жесткие ограничения, на которых сумела настоять графиня Толстая,— не слишком удачны〈...〉

Если граф Толстой осуществит свои принципы во всей их полноте, то результат может быть лишь такой: в его доме обоснуется кучка проходимцев, и доходы от имения пойдут на водку, а не на пропаганду принципов трезвости и создание «Анны Карениной».

Когда я решился намекнуть на это графу, он ответил:

— Следует предпочесть то благо, которое есть безусловное благо, тому, которое является благом лишь предположительно. Находиться в естественных отношениях со своими братьями, возделывать землю, взращивать хлеба, жить самому и всей семьей, исполняя волю бога, по закону Христа,— это и есть истинное благо. А писание романов — это, быть может, просто вздор. Может, в них и заключена какая-то польза, а, возможно, больше вреда. Кто может об этом судить? Вы говорите, что «Анна Каренина» побудила тысячи людей вступить в более истинные и добрые отношения со своими ближними, но откуда мне знать, не оказала ли эта книга совершенно противоположное действие на еще большее число людей? Мы этого не знаем. И случись так, что одного моего слова было бы довольно, чтобы с лондонских улиц исчезли все те восемьдесят тысяч падших женщин, которые их наводняют, я все же не произнес бы этого слова, если бы ради этого должен был бы пожертвовать возможностью для себя и своей семьи возделывать землю и вступить в здоровые, естественные, человеческие отношения со своими ближними, ибо только это последнее и есть истинное благо. Все же остальное может быть благо, а может и нет.

— Я хочу,— сказал мне как-то вечером Толстой,— написать роман, в котором бы рассказывалась история, опровергающая общепринятые иллюзии о «романтической» любви. Я уже написал эту вещь, но ее следует заново переделать и переписать. Пока что она слишком походит на трактат, в ней недостает действия. Моя цель состоит в том, чтобы внушить читателю отвращение при виде того, к чему приводит романтическая любовь, принятая au sérieux *. Финалом, к которому подведет все действие, явится убийство мужем своей жены. Я покажу разрушение семейной жизни в результате того, что «романтическая» любовь, лихорадка животной страсти, подменила собой любовь истинно христианскую, основанную на общности чувств, единстве идеала, родстве душ. Именно эта христианская любовь, подобная любви брата к сестре и сестры к брату,— есть первое, непременное условие счастливой семейной жизни; любовь чувственная — это лишь второстепенное дополнение. И здесь крестьяне дают нам урок. Они смотрят на то, что мы называем «романтической» любовью, как

---

* всерьез (франц.).

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ УИЛЬЯМА СТЭДА НА КНИГЕ «ЧТОБ МЫ НЕ ЗАБЫЛИ» (ЛОНДОН, 1900):

«Графу Льву Толстому с глубоким уважением от автора. Рождество, 1900»

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

на хворь, преходящую, но тяжелую — и опасную. У них браки никогда не основываются на такой любви. Люди, которые вступают в брак, бросая жребий, поступают разумнее, чем мы. Наша система — худшая изо всех возможных; весь наш свадебный обряд, медовый месяц, празднества, все это возбуждение похоти рассчитаны на то, чтобы привести к разрушению супружества. «Романтическая» любовь не приводит к счастливому союзу до конца жизни и в одном случае из ста. Мимолетная страсть заставляет стремиться друг к другу два юных существа, чьи жизни до той поры двигались по разным орбитам. Они вступают в брак. В течение месяца, может быть, года или двух — не дольше — они счастливы, и единственное, что их соединяет,— это плотская страсть. Всю последующую жизнь они ненавидят друг друга, отдавая дань условностям и скрывая правду от своих близких. Иначе и не может быть. Если бы Анна Каренина вышла замуж за Вронского, она бы точно так же должна была уйти и от него. «Романтическая» любовь подобна опиуму или гашишу. Ощущение захваты-

вающее и прекрасное. Но оно проходит. Человеческой природе свойственно желание обновлять впечатления, потому что новизна необходима. Так жена обманывает мужа, муж неверен жене, и весь мир превращается в гигантский дом терпимости. Я хочу помочь всем открыть глаза на истинную природу, на трагические результаты того обстоятельства, что романтическая любовь заменила любовь христианскую. Я вижу это ясно — о, еще как ясно! А когда ты видишь, то, чего никто еще не видит, то чувствуешь, что должен собрать все свои силы и посвятить себя изображению правды, какой ты ее видишь. Все развращение брака происходит от того, что христианство стало только словом, а не делом. Но скоро оно снова обретет действенность.

— Приятная надежда,— сказал я.

— Да,— ответил он,— если б я не верил, что увижу некоторое, пусть самое небольшое, приближение царства божия, я бы повесился. Но если бы я мог установить царство божие на земле во всей его полноте одним нажатием кнопки, я был бы очень несчастен, потому что тогда мне уже ничего бы не оставалось делать.

ИЗ ГЛАВЫ «ПЯТЬ УСЛОВИЙ ЦАРСТВИЯ НЕБЕСНОГО»

В первых словах, с которыми ко мне обратился Толстой, насколько я помню,выражалось глубокое сожаление по поводу смерти Мэтью Арнольда.

— Мой большой, мой очень большой друг недавно умер в Англии. Я был очень, очень огорчен, узнав о его смерти. Он во всем разделял мои взгляды. Правда, он не всегда ясно представлял себе их логическое развитие, но он разделял их. И, проживи он дольше, пришел бы к правильному их пониманию. Мне было горько, очень горько услышать о его смерти〈...〉[8]

От Мэтью Арнольда наш разговор странным образом перешел на Армию спасения, деятельностью которой граф Толстой весьма интересовался, хотя и не во всем ей сочувствовал. Журнал «War Cry»[9] регулярно присылается из Лондона в Ясную Поляну, и граф рассказал мне, что не так давно он специально прочел целый номер от начала до конца,чтобы попытаться проникнуть в суть этого странного движения. Его коробила не только вульгарность Армии спасения, но и тот упор, который она делает на догмат искупления, на греховность человека и необходимость кары для нераскаявшихся грешников. Толстой категорически возражал также против сбора средств на содержание духовенства, хотя бы и в тех скромных пределах, которые допускает весьма скудная казна Армии спасения.

— Генералу Бутсу[10] и его коллегам,— сказал он,— вместо того, чтобы читать проповеди, поедая хлеб, добытый чужими руками, следовало бы поставить себя в нормальные отношения с другими людьми, зарабатывая на жизнь собственным трудом.

Тем не менее Толстого привлекал энтузиазм и самопожертвование Армии спасения, ее презрение к соображениям политической и вообще мирской выгоды, ее преданность делу спасения душ.

— Мне начинает нравиться ваша Армия спасения,— сказал он однажды, после того как я рассказал ему о некоторых ее лидерах и их принципах.— Но почему они работают только во имя царствия небесного? Все, что они говорят о необходимости спасения душ, я говорю для того, чтобы побудить людей сделать шаг, пусть пока самый маленький, к установлению царства божия здесь, на земле.

Я никогда не мог полностью понять воззрений графа Толстого относительно беспомощности и иллюзорности правительств. Он крайне презрительно отзывался о так называемых великих людях — Наполеонах, Бисмарках и прочих, которые считают, что они в состоянии начинать войны и

воздействовать на ход истории. Бисмарк, говорил он, таков же, как и Наполеон. Все эти государственные деятели в той или иной степени шарлатаны, кумиры на час. Сегодня их возвеличивают до небес как оракулов мудрости, а завтра осмеивают как величайших глупцов, стоит только чарам рассеяться и власти их ослабнуть. Толстой отзывался отрицательно о всякой политической деятельности, высмеивал Палату общин, как и все другие формы правления, без исключения.

Когда однажды в Ясной Поляне возник пожар [11], Толстой не менее энергично, чем другие, стремился помешать распространению огня, но по отношению к аналогичным явлениям на международной арене или во внутренней политике он проявляет полное равнодушие. Я сказал ему, что он напоминает Карлейля, который советовал мне, года за два до смерти, держаться в стороне от всякой политики и предоставить событиям идти своим ходом — от плохого к худшему, что, по его мнению, неизбежно в наш демократический век.

Толстой радостно согласился с этим.

— Да,— сказал он,— это верно. Не принимать никакого участия, не иметь ничего общего с этими антихристианскими фикциями, которые именуются правительствами. Надо предоставить событиям идти своим чередом. Они должны пройти весь путь от плохого к худшему, прежде чем начнется улучшение〈...〉

— Если вы признаете собственность, церковь или государство, то вы обречены,— сказал он как-то,— потому что все они основаны на насилии, а насилие не может продолжаться долго. У тех, кто признает насилие или то, что основано на насилии, нет будущего, перед ними непреодолимая каменная стена. Собственность, церковь, государство, правительство — они обречены так же, как было в свое время обречено рабство и все прочие формы варварства, от которых человечество избавилось.

Другими нелепостями, от которых, по мнению Толстого, мир должен отделаться, являются понятия семьи и нации. Когда я заметил в одном из разговоров, что семья — это священная школа, в которой человечество почерпнуло уроки любви и сострадания, та форма организации, которую общество должно рассматривать как идеальную, он резко перебил меня:

— Ничуть. Семья — это великая школа своекорыстия. Почему я должен заботиться о своих детях больше, чем о детях других людей? Мои дети должны значить для меня столько же, сколько дети любого крестьянина, не больше и не меньше. Любить всех людей одинаковой любовью, независимо от того, рожден человек в твоей семье или в любой другой, совершенно тебе чужой,— таков закон Христа.

Граф Толстой возражает не только против того, чтобы любовь ограничивалась рамками семьи; он также выступает против любых различий, делаемых между людьми в зависимости от цвета их кожи, положения в обществе, национальности. Тот, кто делает подобное различие, тот нарушает закон Христа. Даже до своего духовного обращения Толстой не сочувствовал различению людей по национальности. Его изумляло отношение американцев к китайцам:

— Для чего запрещать въезд китайцам? Не все ли тебе равно, что у твоего брата кожа желтая и что его называют китайцем? Он такой же брат твой. Зачем делать различия, которые осуждал Христос?

Те же возражения Толстой выдвигал и против мер по ограничению притока ирландцев и других иммигрантов из Старого Света.

— Что касается мормонов,— говорил он,— то заблуждения наших многобрачных братьев следует излечивать убеждением и доказательствами, но не насилием.

Наш конфликт с Ирландией он предлагал решить таким же образом. Если ни один англичанин не станет подчиняться этой антихристианской фикции, так называемому правительству, не возьмет в руки оружия и не пойдет убивать своих ирландских братьев, то с Ирландией не будет никаких неладов [12]. Fons et origo mali * — они коренятся в призраке, именуемом государством, которое заставляет людей по приказу истреблять друг друга. Убийство — это краеугольный камень цивилизованного государства, и, запрещая убийство, граф Толстой защищает идею христианского анархизма, самую излюбленную свою идею...

ИЗ ГЛАВЫ «УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИЕ ГРАФА ТОЛСТОГО»

... Он читает и восхищается Торо [13], с которым у него много общего. Вообще американцы относятся к идеям Толстого более сочувственно, чем англичане. Его сочинения были переведены в Америке раньше, чем в Англии, и нашли за океаном более восторженных почитателей, чем у нас. На одно письмо, получаемое им из Англии, приходится шесть из Америки. Это симпатия взаимная. «Тургенев,— сказал он как-то,— говорил мне, что американцы не написали ничего такого, что стоило бы читать. В этом он неправ. Мне нравится американская литература, она очень хороша». Толстой считает, что Уильям Ллойд Гаррисон [14] несколько выпячивает собственные заслуги, но восхищается его непротивленческими принципами и весьма сожалеет, что русский перевод его жизнеописания затерялся в цензуре [15]. Он также выразил свое восхищение Эмерсоном и «Библией мира» Теодора Паркера.

Об английских романах он говорил довольно подробно. О некоторых из самых последних он еще не слышал. «Доктор Джекил и мистер Хайд» прочел, но ничего даже не знал об Уолтере Безанте, книгу которого «Люди всех состояний» я послал ему по приезде в Петербург [16]. Дух этого романа истинно толстовский, поскольку автор настаивает на необходимости жить среди бедных. Интересно было Толстому услышать и о Тойнби Холле [17], так как самообслуживание и самопожертвование — это принципы его учения〈...〉

Из наших писателей он выше всех ставит Диккенса, считая его наиболее христианским писателем. Три лучших английских романиста,— сказал он,— это (по нисходящей): Диккенс, Теккерей и Троллоп, а после Троллопа, кто у вас есть еще?

Как раз во время разговора об английской литературе Толстой неожиданно воскликнул:

— Мы все еще толком не представляем себе, до какой степени можно использовать книгопечатание. Я вот уже несколько лет обдумываю грандиозный проект — издание Всемирной библиотеки по такой цене и такого формата, чтобы донести лучшие мысли лучших людей всех времен до самого бедного крестьянина. На эту идею меня натолкнул поистине поразительный успех, которым пользуются в России дешевые издания [18]. Последние три года мы начали распространять через обычных разносчиков небольшие книжки, толкующие заповеди Христа и обязанности человека по отношению к своему ближнему,— все это, конечно, с одобрения цензора. Книжки хорошо отпечатаны, снабжены яркой обложкой, и оптовая их цена — копейка с четвертью или чуть выше. Разносчики торгуют ими в розницу по две, три, четыре копейки за штуку. Эти издания весьма популярны, и мы продали за последние три года не меньше восьми миллионов экземпляров. Раз спрос на такие маленькие книжки так велик, от-

---

* Источник и начало зла (лат.).

«АННА КАРЕНИНА». КАДР ИЗ АМЕРИКАНСКОГО ФИЛЬМА. ГОЛЛИВУД, 1928
Режиссер Эдмонд Голдинг
Свидание Анны с сыном. Анна — Грета Гарбо
Из книги: Anna Karenina by Count LyofN. Tolstoy. Translated by N.-H. Dole. Illustrated with scenes from the photo-play a Metro-Goldwyn-Mayer Production. London, 1928

чего бы нам не удовлетворить его, выпуская произведения мировой литературы применительно к уровню и способностям крестьянина?

Я спросил его, были ли разносчики привлечены специально для продажи толстовской пропагандистской литературы.

— Нет,— ответил он,— мы просто передаем наши издания книготорговцам. Сытин в Москве возглавляет самую широкую в России книготорговлю, и все наши издания идут через него. До нас он продавал около двух миллионов экземпляров в год. У него было около двухсот различных изданий, каждое из которых расходилось, в среднем, по десятку тысяч экземпляров. Теперь, с нами, его дело за три года увеличилось вдвое.

— А Сытин подходит для задуманного вами более широкого предприятия?

— В России — несомненно. Но мой план охватывает не только Россию, я мыслю осуществление его в международном масштабе. Быть может, это всего лишь мечта, но я считаю возможным издание библиотеки классиков мировой литературы по цене не дороже пяти копеек за книжку, т. е. в переводе на ваши деньги, за одно пенни. Причем каждая книжка должна выходить одновременно на французском, английском, немецком и русском языках. Для меня это имеет религиозный смысл, ибо что такое лучшие книги мира, как не откровение истины для человеческого разума? Истоки этого разума — в бесконечности, т. е. в боге. Все глубочайшие мысли, все ставшие классическими изречения человеческого гения — суть не что иное, как его выражение.

— Тогда ваша Всемирная библиотека станет поистине некоей библией человечества. Не окажется ли она в этом случае слишком громоздкой? — спросил я.

— Нет, если мы сделаем все необходимое для того, чтобы приспособить это чтение к уровню крестьянина, к его возможностям и к тому досугу, которым он располагает, т. е. если исключим все случайное, временное, узкое и оставим только то, что имеет значение вечное и общечеловеческое. Исключив то, что способствует разъединению людей, вы обнаруживаете, что все их объединяющее не так уж необъятно. Часть этого заключается в каждом произведении классической литературы, и всем этим проникнуто учение Христа. Учение его всеобъемлюще. Вы не можете выйти из его сферы. Христос ответил на все вопросы. Попробуйте разрешить любую проблему, и когда вы найдете ее решение, окажется, что оно давно уже найдено Христом.

Как уже отмечалось, граф Толстой проводит глубокое различие между Христом и тем, что обычно именуется христианским. Так, например, когда мы стали обсуждать, какие книги следует включить в библиотеку, он сказал, что решительно возражает против Мильтона и Данте. Лично он не стал бы также включать и Беньяна, но, ввиду исключительной популярности в России книги Беньяна «Путь паломника», будет по отношению к нему нейтрален [19]. Толстой сказал, что один француз и один хорват уже вступили в сотрудничество с ним для осуществления этого проекта, и он был бы рад узнать, можно ли рассчитывать на успех Дешевой классической библиотеки в Англии〈...〉

Толстой сказал, что Марк Аврелий почти подготовлен к печати, за ним должны последовать Диоген, Эпиктет, «Меморабилиа» и «Экономия» Ксенофонта, восемнадцать или двадцать плутарховых жизнеописаний, «Федон» и «Пир» Платона, а также (очень сокращенные) «Илиада» и «Одиссея». Все они, по его мнению, будут должным образом оценены и поняты крестьянством во всем мире. Он возражал, однако, против включения в список греческих трагедий. Если Библиотека будет иметь успех, то после того как выйдут наиболее крупные писатели-классики, можно будет перейти ко второй серии, в которой Геродот и Фукидид займут ведущее место, но поначалу книги о путешествиях и исторические сочинения издавать не следует.

На латинских авторов он был скуп. Овидия и Горация он отверг сразу же, но был согласен дать кое-что из Вергилия. Относительно Ювенала, Сенеки и «О дружбе» Цицерона он сказал, что вопрос об этих изданиях еще рассматривается. Он питает губокое уважение к китайцам — Конфуцию, Менциусу [20] и Лао-цзе. Их следовало бы издать едва ли не в числе первых, так же, как и книгу, излагающую сущность буддизма.

Мы не составляли, конечно, исчерпывающего списка. Толстой с большим одобрением упоминал Паскаля и первую часть Фомы Кемпийского. Виктора Гюго он предлагал издать в первую очередь из французов, заметив при этом, что «Отверженные» заслуживают того, чтоб их читали на всех языках мира.

Когда очередь дошла до англичан, я, естественно, с большим нетерпением ожидал, на ком он остановит свой выбор. Шекспир был, конечно, назван первым. Толстой сказал, что большинство его пьес переведено на русский язык и некоторые из них весьма популярны.

Я спросил, какие больше всего?

— «Король Лир»,— ответил он.— В нем воплощен опыт каждой русской избы.

— После «Короля Лира», мне кажется, идет «Макбет», затем «Гамлет». Большой известностью пользуется Мильтон, особенно среди стариков-крестьян, он давно уже существует в переводах. Беньян пользуется успехом у штундистов, молокан и сектантов. Безусловно, следует включить «Робинзона Крузо», а также «Путешествие Гулливера».Относительно Эмерсона он был в нерешительности. Но предложил бы издать эссе Бэкона,

кое-что из Бэрка, Теодора Паркера и Мэтью Арнольда, многие произведения Диккенса и некоторые Скотта, а также «Феликса Холта» и «Адама Бида» Джордж Элиот.

Беседа продолжалась в том же духе. Боюсь, что будет нелегко вместить «Отверженных» или «Адама Бида» в пределы маленьких дешевых книжек. Однако эта идея уже осуществлена в Германии и может быть еще полнее реализована в Англии и Америке. В России же, где испытывается в этом наибольшая нужда, граф Толстой уже принялся за работу.

Я не мог не удивиться тому, что при всей своей занятости разнообразными вопросами Толстой придает такое значение своей работе на картофельном поле. На мой взгляд, донести до мира этические идеалы Христа — дело несравненно более важное, нежели пахота, на которую он расточает здоровье и силы, тогда как любой мужик справится с этим лучше его. Когда я попросил его больше беречь себя, хотя бы ради того, чтобы полнее отдаваться своей высокой миссии, Толстой покачал головой:

— Это пропаганда,— сказал он,— а пропаганда — искушение дьявола. Моя обязанность — жить правильной жизнью. Быть может, мой долг состоит вовсе не в том, чтоб учить других. Мой долг — работать своими руками.

Я закончу эти отрывочные воспоминания о долгих и приятных беседах с Толстым рассказом об одном эпизоде. Речь зашла о политике, и я спросил его:

— Представьте себе, что император попросил бы у вас совета — что ему следует свершить. Что бы вы ему ответили?

Помолчав некоторое время, Толстой сказал:

— Я молю бога ниспослать мне довольно разума, чтобы дать верный ответ.— И, снова помолчав, произнес: — Ну, коли просите меня представить себе столь невероятную вещь,— извольте. Вот что бы я ответил: «Национализируйте землю. Объявите полную свободу совести. Установите свободу печати». Если три эти требования будут удовлетворены, все остальное устроится само собой.

П. Р. Э. К. ЛОНГ

Английский журналист и публицист, секретарь У. Стэда, Роберт Эдвард Крозьер *Лонг* (1872—1935) неоднократно встречался и беседовал с Толстым в его хамовническом доме. Архивные материалы (пять писем Лонга к Толстому) и обнаруженные нами его воспоминания позволяют восстановить в общих чертах историю их взаимоотношений.

Лонг прибыл в Россию в 1898 г. в качестве специального корреспондента газеты «Daily Chronicle». Он намерен был писать о голоде в восточных областях страны, а также взять у Толстого интервью в связи с предстоявшей мирной конференцией в Гааге. В первом из своих писем к Толстому, от 5 января 1898 г., Лонг просил о свидании. Он, по-видимому, был принят Толстым. Как явствует из позднейшего письма Лонга от 5 февраля 1903 г., он посетил дом Толстого шесть или семь раз. Уехал Лонг из Москвы, очевидно, весной 1899 г. и, судя по его письму от 15 июля того же года, Толстой дал ему копию своего письма к шведской интеллигенции по вопросу о вооружении (т. 72, стр. 9—13). Вместе со Стэдом Лонг выступал в печати против англо-бурской войны. Как и многие другие его соотечественники, он искал в этом вопросе поддержки у Толстого. Сообщая ему о своей пацифистской деятельности в письме от 2 ноября 1899 г., Лонг просил русского писателя выступить со статьей, направленной против английского империализма. Он еще дважды посетил Россию, в 1904—1905 гг. и в период первой мировой войны, опубликовав о ней множество статей и очерков.

Пребывание в России пробудило в Лонге интерес к русской литературе. Этому способствовало неплохое знание русского языка, полученное, видимо, еще от матери, урожденной Муравьевой, дочери председателя Тамбовского губернского суда. Он,

в частности, первым начал переводить на английский язык рассказы Чехова. 5 февраля 1903 г. Лонг писал Толстому: «Я перевел с русского на английский язык двенадцать рассказов Антона Павловича Чехова, в том числе „Палату № 6“, „Черного монаха“, „Скрипку Ротшильда“, „Спать хочется“ и др. Чехов фактически неизвестен в Англии. Когда я имел честь беседовать с вами, вы выразили восхищение его искусством, хотя, если не ошибаюсь, сожалели по поводу отсутствия моральных и философских идей в его произведениях»*(А Т)*. Лонг просил Толстого написать предисловие к этому сборнику, но ответа не получил. Сборник вышел в том же году в Лондоне без предисловия Толстого.

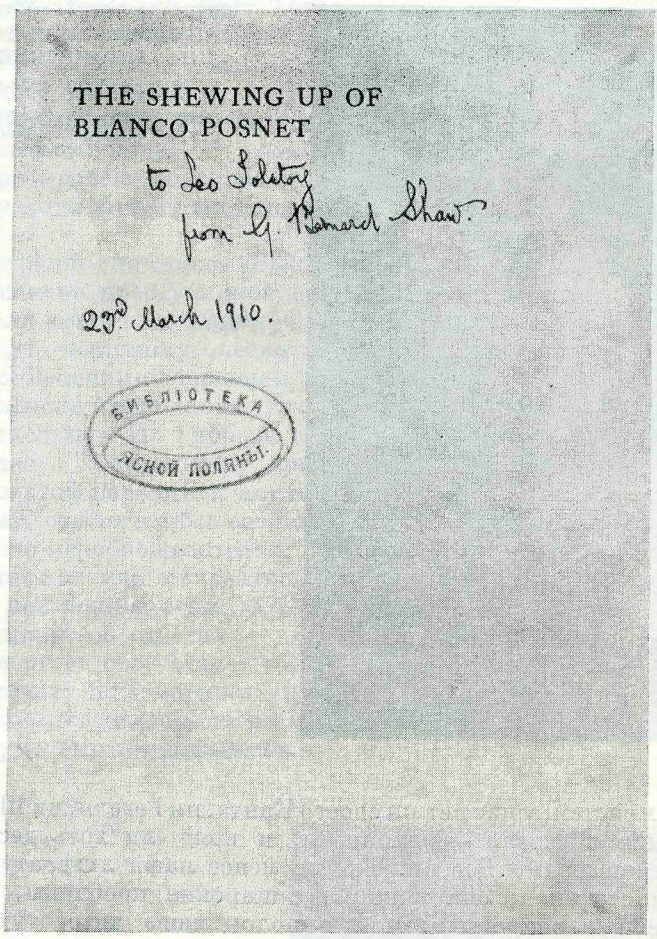
В 1901 г. в двух номерах журнала «Review of Reviews» (№ 137 и 138) была опубликована статья Лонга «Учение и деятельность графа Толстого», его воспоминания о встречах с русским писателем в 1898—1899 гг. Статья эта состоит из следующих разделов: «Лев Толстой в Москве»; «Толстой о войне и мире»; «Что Толстой намерен делать»; «Толстой как проповедник и как личный пример»; «Толстой и английская литература»; «Граф Толстой и русские». Статья снабжена несколькими фотографиями Толстого, репродукциями с картин и двумя фотокопиями с его рукописей *.

Наибольший интерес представляет раздел воспоминаний, озаглавленный «Толстой и английская литература», который воспроизводится нами (в отрывках) по «Review of Reviews», 1901, № 138, p. 538—541. Здесь приводятся любопытные суждения Толстого о русской и английской литературах. В своих оценках писателей Толстой прежде всего исходил из того, насколько глубоко и серьезно содержание их произведений. Можно сказать, что Толстой имел свой определенный взгляд на развитие английской литературы: так, восхищаясь замечательными мастерами английского реалистического романа XVIII—XIX вв.— Филдингом, Стерном, Голдсмитом, Диккенсом, Теккереем,— Толстой в то же время явственно ощущал постепенный кризис английского критического реализма, который проявился уже в творчестве Троллопа и углубился вместе с развитием декадентских течений в конце столетия. Представляет интерес положительное суждение Толстого о политических сочинениях Мильтона: видимо, боевой дух автора «Ареопагитики» и «Защиты английского народа» был созвучен русскому писателю, развернувшему с конца 1890-х годов активную публицистическую деятельность. Любопытно и мнение Толстого относительно правомерности употребления просторечия, и, в частности, английского «сленга», в художественном произведении. Однако Лонг неправ, когда делает вывод о том, что Толстой в целом невысоко оценивал английскую литературу. Это опровергается и содержанием его бесед и другими отзывами Толстого. Более того, в своем творчестве Толстой, как известно, широко использовал художественный опыт таких английских писателей, как Стерн, Диккенс и Рескин.

I

Однажды, в конце марта 1899 года, я сидел в кабинете графа Толстого с одним из его учеников, обсуждая предстоящие празднества в связи с пушкинским юбилеем; это была тема, не сходившая со страниц всех тогдашних газет. Минут за десять до этого Толстой вышел из комнаты. Он вернулся рассерженный и возбужденный. Дело в том, что к нему пришла какая-то женщина, чтобы рассказать о судьбе своего сына, которого исключили из университета и выслали из Москвы [21] будто бы за нарушение устава. Ее обращение к властям не имело никакого действия. Граф был возмущен. Он долго говорил о студенческой жизни, вспоминал некоторые эпизоды своего пребывания в Казанском университете в пору железного правления Николая I, а затем неожиданно перешел на английскую литературу. Я спросил его, что он думает о некоторых сторонах современной английской политики, но он уклонился от ответа: «Я слишком мало знаю об английской жизни, чтобы судить о ней. Мне многое нравится в Англии, но то, что я знаю о ее народе, почерпнуто мной, главным образом, из анг-

* В несколько сокращенном виде воспоминания Лонга включены в специальный номер «Review of Reviews», подготовленный Стэдом в 1906 г. и целиком посвященный Толстому. Экземпляр этого номера сохранился в яснополянской библиотеке, так же как и № 138 журнала.



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ДЖОРДЖА БЕРНАРДА ШОУ НА КНИГЕ «РАЗОБЛАЧЕНИЕ БЛАНКО ПОЗНЕТА»

(G. Bernard Shaw. The Shewing up of Blanco Posnet. London. 1909): «Льву Толстому от Дж. Бернарда Шоу. 23-го марта 1910 г.»

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

лийской литературы». После этого он задал мне множество вопросов о ныне живущих писателях, с некоторыми из них он, видимо, хорошо знаком. Однако кое-кого из менее популярных, но более серьезных английских авторов Толстой почти не знает. К Рескину он относится с большим восхищением. Он работал над переводом максим из его «Книги ко дню рождения» и попросил меня прислать ему еще один экземпляр этой книги. Но об английской литературе в целом как старой, так и новой, он, насколько я понял,— невысокого мнения. Она очень жизненна и многостороння, но ей не хватает того, что он считает главным,— а именно, философского основания. Английская литература чересчур много внимания уделяет интриге, приключениям, случайным обстоятельствам и в гораздо меньшей степени вопросам принципиальным.

— Я хотел бы особенно подчеркнуть,— сказал он,— огромную роль, которую играет в вашей литературе случай. Сопоставьте ее с литературами других стран, и вы поймете разницу. По сравнению с вашей, русская литература молода и скромна. Мы не создали, подобно немцам, великих

ЛУИЗА МООД — ПЕРЕВОДЧИЦА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТОЛСТОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Фотография. 1920-е годы

Предоставлена «Литературному наследству» г. Арнольдом Моодом-сыном (Англия)

философских систем, у нас нет ни своего Канта, ни Гегеля, ни Шопенгауэра. Наши лучшие писатели — романисты, и вряд ли хоть десяток из них известен за пределами России. Тем не менее наша литература в основе своей — философская; она поднимает широкие проблемы, затрагивает существеннейшие вопросы жизни. В целом наша литература серьезна, тогда как ваша тяготеет к анекдоту. В трактовке насущных жизненных проблем ваша литература несостоятельна. Вы дали миру отличных обозревателей, прекрасных юмористов, вообще огромное количество законченных, образованных писателей. Но ваши авторы, как правило, кладут в основу своих произведений случай; они слишком озабочены поисками увлекательного сюжета и отдают дань случайным запросам своего времени, а не тем великим проблемам, которые являются общим достоянием человечества. Наша литература, возможно, не столь увлекательна, но она стоит на более прочной основе. Лучший, непревзойденный ваш романист — Диккенс. По части юмора и верности жизненной правде с ним никто не сравнится. Но общий упрек английской литературе может быть отнесен и к нему.

Теккерей не вызывает у Толстого никакого восторга. Об Антони Троллопе он сказал:

— Это был один из наиболее талантливых современных писателей Англии. Но его романы целиком основаны на случайных происшествиях.

Писатели XVIII столетия, как мне кажется, Толстому более знакомы. Филдинга, Смоллета, Ричардсона и особенно Свифта он читал и не устает восхищаться ими. Аддисона он нашел скучным, а в «Жизни Джонсона» Босуэлла не увидел абсолютно ничего хорошего. Наибольшее восхищение вызывает в нем Стерн, о котором он сказал:

— Я прочел Стерна много, много лет тому назад и испытал при этом величайшее наслаждение; он оказал на меня большое, сильное влияние.

Первый писательский опыт Толстого относится к пятнадцатилетнему возрасту — то был философский трактат в подражание Стерну [22].

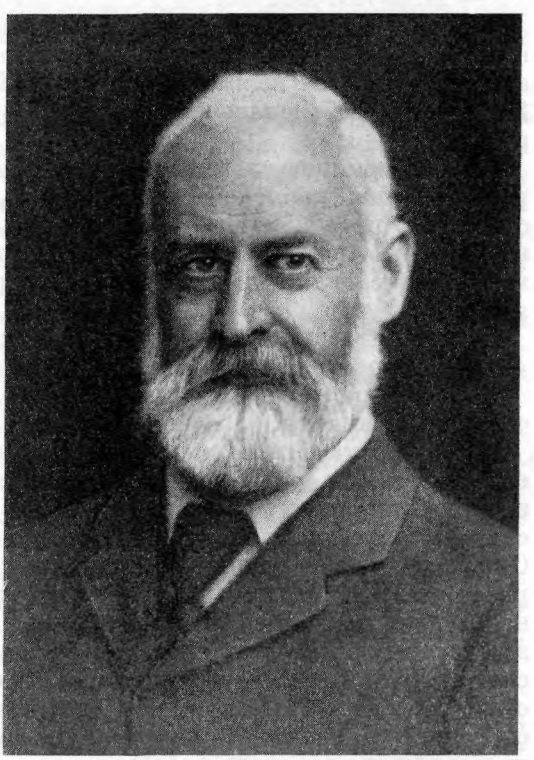
Когда я упомянул о Голдсмите, Толстой разразился похвалами его «Векфилдскому священнику» и тут же начал излагать сюжет произведения присутствовавшему при разговоре русскому другу, горячо рекомендуя прочесть эту книгу.

— Я перечитываю ее снова и снова и всякий раз нахожу все новые и новые красоты буквально на каждой странице. Это замечательный роман.

Как ни странно, но сюжет «Векфилдского священника» и в особенности эпизод обращения преступников произвели на Толстого большее впечатление, нежели юмор этой книги. С другими сочинениями Голдсмита и его поэмами он, по-видимому, незнаком. Сочинения английских философов он читал и с большим одобрением отозвался о Беркли: «Это был идеалист в высоком смысле этого слова. Его произведения обладают огромной моральной ценностью». Но Гиббона он категорически отвергает, считая, что его отношение к христианству причинило громадное зло.

Затем Толстой перешел к английской поэзии и драме, к которым он, судя по всему, относится без особого восторга. По отношению к Шекспиру он был так же недоброжелателен, как и в своем трактате «Что такое искусство?», но, как мне показалось, с его пьесами он не был достаточно знаком. На мой вопрос о том, в чем причина его отрицательного отношения к Шекспиру, он ответил:

— У Шекспира отсутствует то, что я всегда почитал первейшим принципом искусства: соразмерность и сдержанность. Я не могу найти в нем ни одного из этих достоинств и не понимаю, в чем состоят те великие заслуги, которые ему приписывают.



ЭЛЬМЕР МООД — ПЕРЕВОДЧИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТОЛСТОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Фотография. 1920-е годы

Предоставлена «Литературному наследству» г. Арнольдом Моодом-сыном (Англия)

О Мильтоне Толстой сказал:

— Я большой поклонник его политических сочинений, но не вижу, в чем прелесть «Потерянного рая».

Что касается новейших английских произведений, то Толстой читает их в большом количестве. Как правило, о современных английских романах он отзывается неодобрительно. Киплинг вызвал у него сильнейшее отвращение, и он спросил возмущенно: «Чем объяснить, что такой человек имеет успех?» И тут же в раздраженном тоне стал пересказывать своему приятелю содержание романа «Свет погас», пародируя его в той наполовину шутливой, наполовину иронической манере, в которой он излагал вагнеровское либретто к «Кольцу Нибелунгов» в трактате «Что такое искусство?» Закончил он свой рассказ восклицанием: «Какая мерзость!» О сочинениях одного из популярнейших наших писателей он сказал: «В России такие вещи невозможны!» И самым суровым образом осудил тот род проблемного романа, который берется легкомысленно трактовать религиозные вопросы〈...〉

В числе постоянных посетителей Толстого был известный русский писатель Сергеенко, знакомый английскому читателю по своей небольшой брошюре «Как живет и работает граф Толстой?». Сергеенко сказал:

— Я уважаю англичан за то, что у них есть порядок, свобода и они обладают чувством собственного достоинства, самоуважения.

Граф, который в это время читал какую-то английскую книжку, поднял голову:

— Самоуважение? Я хотел бы, чтобы они еще уважали и свой язык. Что это, в конце концов, значит? — И Толстой указал на страницу одного из наиболее популярных в ту пору наших проблемных романов, который он прочел уже до середины, и опять недовольно спросил:

— Что это означает?

Роман этот описывал жизнь рабочих в лондонском Ист-Энде, и граф был весьма увлечен чтением [23]. Кокниизмы он понимал прекрасно, но один из абзацев, чуть ли не целиком состоящий из сленга, поставил его втупик. Я попытался объяснить значение некоторых слов, но он отложил книгу с раздражением:

— Не понимаю, зачем ваши романисты упорно заставляют своих героев говорить на подобном жаргоне,— сказал он.— Наши писатели не совершают подобной нелепости. Если вы понимаете язык русской газеты, вы сумеете понять любой русский роман. Для того же, чтоб уразуметь многие из английских романов, надо прежде изучить какой-то новый язык.

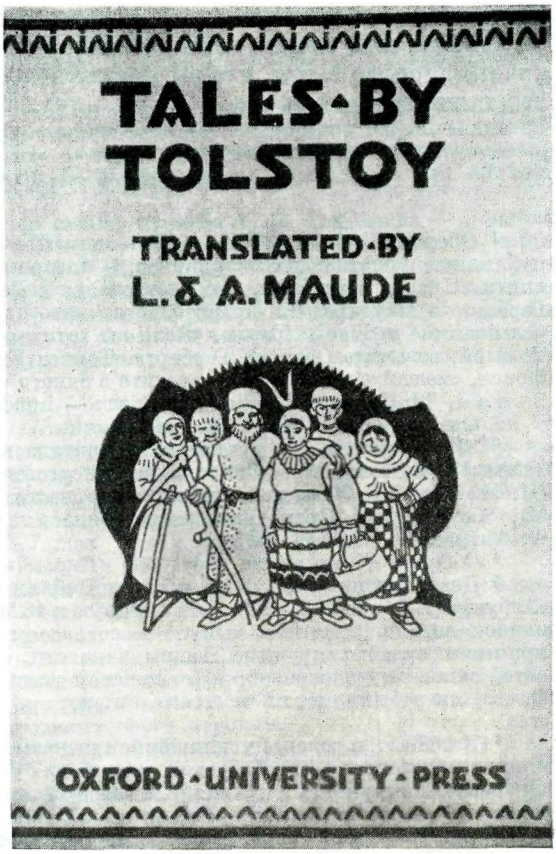
— Да, но все слова на этой странице имеют живое хождение среди определенного класса в Англии.

— В таком случае русские владеют родным языком гораздо лучше, чем другие народы.

И он рассказал нам, как много лет назад, во время своего пребывания в Германии, он, разговаривая с рабочими, наткнулся на такие же трудности. При этом он добавил, что многие западные писатели, по-видимому, считают создание нового языка главной целью своего существования. С воодушевлением принялся он превозносить красоту русской крестьянской речи и сказал, что ввиду этимологического единства языка вряд ли есть необходимость производить какие-либо изменения в литературном языке для того, чтобы сделать его понятным народу. И действительно, язык рассказов Толстого для народа и пропагандистских его брошюрок весьма мало отличается от языка его романов: главное различие состоит в крестьянском обыкновении начинать фразу с глагола〈...〉 Толстой часто говорил о превосходстве русского крестьянского языка над языком крестьян стран

СБОРНИК РАССКАЗОВ ТОЛСТОГО
НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
В ПЕРЕВОДЕ
ЛУИЗЫ И ЭЛЬМЕРА МОДОВ
(ЛОНДОН, 1938)

Обложка. Рисунок Дорис Боултон



Западной Европы, и в особенности над языком культурных русских. Толстой, казалось, соединил в себе вордсвортовскую теорию и вордсвортовскую неспособность проведения ее в жизнь [24], потому что его собственная манера говорить мало чем отличалась от манеры других образованных русских. Тем не менее он настаивал на том, что крестьяне говорят на самом лучшем русском языке. По этому поводу он осведомился у меня, как подвигается мое изучение русского языка.

— Ведь не так уж просто практиковаться в русском языке даже когда находишься в Москве,— сказал я.— В большинстве случаев здесь предпочитают изъясняться на европейских языках и не любят вести на русском языке беседу с иностранцем, который плохо с ним знаком.

— Чтоб изучить русский язык,— отвечал Толстой,— надо отправиться в пивную, заказать по кружке пива себе и соседу и завязать с ним разговор.

Этот совет явился для меня полной неожиданностью, так как я знал об отрицательном отношении графа ко всем видам спиртных напитков.

— Но это годится только для начала,— возражал я.— Рабочие с недоверием отнесутся ко мне, увидев, что я одет не так, как они, и могут подумать, что я «немец», вообще не умеющий говорить. Их может удивить, что я угощаю пивом без какой-либо причины.

— В таком случае виноваты будете вы сами,— отвечал Толстой.— Что же касается вашего первого опасения, то одевайтесь как вздумается, подобно тому, как это делаю я. Если же они узнают, что вы иностранец,— то это для них лучшее свидетельство, что вы не полицейский агент.

И, наконец, насчет вашего третьего опасения. Русский мужик готов будет отдать вам свой армяк, если вы станете замерзать, и поэтому он не увидит ничего дурного в том, что вы предложите ему пива, когда у него пересохнет в горле...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Оберон *Герберт* (1838—1906) — английский философ, политический деятель и публицист, христианский социалист, о котором Стэд упоминает на страницах своей книги «Правда о России». Стэд встречался с Гербертом в Нью-Форесте. и суждения Герберта о государстве и правительстве живо напомнили ему высказывания Толстого, услышанные в Ясной Поляне. «Если вы хотите знать,— пишет Стэд,— что такое граф Толстой, возьмите Оберона Герберта, Томаса Карлейля, Джона Рёскина и Джорджа Фокса, смешайте их всех и превратите в одного человека. Это и будет Толстой» (W. T. S t e a d. Truth about Russia. New York — London, 1888, p. 421).

[2] См. введение к настоящ. публикации.

[3] 27 января 1887 г. «Власть тьмы» читалась вслух А. А. Стаховичем у министра двора И. И. Воронцова-Дашкова в присутствии Александра III и членов его семьи (Н. Н. Г у с е в. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого, т. I. М., 1958, стр. 655). Премьера пьесы состоялась на сцене парижского «Свободного театра» А. Антуана 29 января 1888 г.

[4] О Генри *Джордже* см. в разделе «Письма» кн. 1-й настоящ. тома.

[5] Десять заповедей входят в книгу Библии «Исход». Толстой включил их в свою «Азбуку» (т. 21, стр. 96—97), составленную в 1874—1875 гг. Защищаемая Толстым идея национализации земли без выкупа не согласовывалась с общим «непротивленческим» приятием судьбы, пронизывающим заповеди. Она, в частности, противоречила десятой заповеди, гласившей: «Не пожелай дома ближнего твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни осла его, ни скота его, ни всего елика суть ближнего твоего».

[6] В 1880 г., в связи с усилившимся недовольством ирландских крестьян, страдавших от малоземелья, и с бойкотом английских товаров, английское правительство вынуждено было принять акт о земле, а вслед за тем закон Уолша — Эшборна, предусматривавший незначительную реформу в области землепользования. Уильям *Уолш* (1841—1921) — ирландский религиозный деятель; Эдвард *Эшборн* (1837—1913) — лорд-канцлер Ирландии.

[7] В конце XIX в. в сельском хозяйстве Оттоманской империи сохранялось множество феодальных пережитков. Две трети обрабатываемой земли находились в руках небольшой кучки помещиков, в то время как большая часть крестьянства оставалась безземельной. В широких общественных кругах все настойчивей звучали голоса в пользу коренных аграрных реформ.

[8] Мэтью *Арнольд* (1822—1888) — английский поэт, литературный критик и философ, выступавший против пошлости буржуазного общества. Его религиозно-моралистические сочинения, идущие вразрез с официально-ортодоксальной церковной доктриной, вызывали большой интерес у Толстого, включавшего отрывки из них в свой «Круг чтения». В свою очередь Арнольд одним из первых опубликовал в Англии работу о русском писателе (статья «Граф Лев Толстой», 1887). Арнольд и Толстой обменивались книгами на богословские темы, но их дружба, о которой пишет Стэд, была заочной; впрочем, можно и предположить, что они виделись во время пребывания Толстого в Лондоне в 1862 г. Арнольд умер 15 апреля 1888 г. незадолго до приезда Стэда в Ясную Поляну.

[9] «*War Cry*» — журнал Армии спасения.

[10] Речь идет о священнике Уильяме *Бутсе* (1829—1912), возведенном в сан генерала Армии спасения. В книге «В трущобах Англии и выход из них» («In Darkest England and Way Out», 1890) Бутс изложил свою филантропическую программу борьбы с нищетой. 23 октября 1890 г. Стэд сообщил Толстому, что послал ему эту книгу. «Я думаю,— писал Стэд,— что вы теперь найдете Армию спасения более близкой к вашим принципам, чем два года назад, когда мы обсуждали эту проблему». Д. П. Маковицкий записал 14 мая 1909 г. в дневнике: «Л. Н. читает книгу генерала Бутса „In Darkest England and Way Out“ и был доволен ею. У генерала Бутса видят сектантскую сторону и отворачиваются от него, а на другую сторону не обращают внимания» (*А Т*).

[11] Пожар в деревне Ясная Поляна произошел в конце мая 1888 г.

[12] После прихода к власти в 1886 г. консервативного правительства Солсбери англичане усилили политику репрессий в Ирландии, вызвав вооруженное сопротивление в ряде областей страны, фактически находившейся на положении английской колонии.

[13] Генри Дэвид *Торо* (1817—1862) — видный американский писатель-аболиционист, автор известной книги «Уолден, или Жизнь в лесу» («Walden, or Life in the Woods»), в которой он выступил с острой критикой капиталистической цивилизации. Уолден был сторонником непротивления злу. Толстой неоднократно с похвалой отзывался о его творчестве.

[14] Уильям Ллойд *Гаррисон* (1805—1879) — известный американский общественный деятель, аболиционист, борец с рабством и один из сторонников теории непротивления; его деятельностью интересовался Толстой. В 1904 г. он написал предисловие к биографии Гаррисона, составленной В. Г. Чертковым и Ф. Хола (т. 36, стр. 95—99).

[15] В марте 1886 г. Толстой получил письмо от сына У. Л. Гаррисона — Уэндела *Гаррисона* (1844—1907), пославшего в Ясную Поляну книги своего отца. 15 марта Толстой попросил его прислать краткую биографию отца, которая и была ему отправлена 5 мая. Толстой намеревался издать перевод декларации Гаррисона и очерк его жизни в «Посреднике», но они были запрещены цензурой; об этом он сообщил в письме к В. Г. Черткову как раз накануне приезда Стэда, 29 марта 1888 г. (т. 86, стр. 144). Видимо, перевод затерялся в цензурных архивах, которые Стэд в подлиннике называет «тюрьмой».

[16] «Доктор Джекил и мистер Хайд» — роман *Р. Л. Стивенсона* (1850—1894).

Экземпляр упомянутого романа Уолтера *Безанта* (1836—1901) сохранился со следующей надписью Стэда: «To Count Tolstoy in memory of a pleasant visit to Jasnaia Poliana. June 1888. W. T. S t e a d» («Графу Толстому на память о приятном посещении Ясной Поляны. Июнь 1888 г. У. Т. С т э д»). Там же находятся еще два романа Безанта — «Дети Гибеона» («Children of Gibeon». London, 1887) и «Райс Джеймс. Случай с мистером Лукрафтом и другие рассказы» («Riee James. The Case of Mr Lucraft and other tales». London, 1889).

[17] *Тойнби-холл* — центр буржуазно-филантропической организации, расположенный в лондонском районе Ист-Сайд. Члены Тойнби-холла, основанного в 1884 г. клириком С. Барнеттом, в большинстве своем студенты, старались приобщиться к образу жизни бедняков и вести среди них просветительскую работу в духе буржуазного реформизма. Свое название эта организация получила в честь Арнольда *Тойнби* (1852—1883), инициатора буржуазно-интеллигентского «хождения в трущобы», призывавшего господствующие классы признать свою вину перед народом.

[18] Мысль о создании «Международного „Посредника“» возникла у Толстого в начале 1888 г.; об этом он сообщил В. Г. Черткову 29 марта 1888 г. «Пришло в голову издавать Посредник международный в Лейпциге без цензуры на 3-х или 4-х языках. Программа: всё, что выработал дух человеческий во всех областях — такое, что доступно пониманию рабочих трудящихся масс и что не противно нравственному учению Христа: мудрость, поэзия, искусство...» (т. 86, стр. 144). После беседы со Стэдом Толстой снова возвратился к плану создания «Международного „Посредника“». В письме к П. И. Бирюкову от 1 ноября 1889 г., касаясь замалчивания в Америке сочинений Балу, Гаррисона и других «непротивленцев», Толстой предлагал: «И кажется мне, что наше участие в деле будет состоять в том, чтоб уже сделать невозможным замалчиванье. Помогай бог. Международный посредник. Вот Черткова прогонят за границу, и будет международный посредник» (т. 64, стр. 323). Однако этот план не был осуществлен.

[19] «*Путь паломника*» («Pilgrim's Progress») — аллегорический роман английского писателя Джона *Беньяна* (1628—1688). Этот роман впервые увидел свет на русском языке под названием «Любопытное и достопримечательное путешествие христианина» в 1782 г. и с тех пор выдержал несколько изданий.

[20] *Мен-цзы* (Менциус, 372—289 до н. э.) — китайский философ. Его изречения Толстой включил в «Круг чтения».

[21] Видимо, речь идет об одном из участников студенческих волнений, происходивших в феврале — марте 1899 г. и охвативших более тридцати высших учебных заведений. Это движение вызвало у Толстого «живое сочувствие». По свидетельству П. Е. Щеголева, «ему нравилось чувство товарищества, которое побуждало к протесту» (т. 31, стр. 311). В это время Толстого посещали студенческие делегации, обращаясь с просьбами о заступничестве (см. Н. Н. Г у с е в. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого, т. II. М., 1960, стр. 315—316). В начале апреля 1899 г. Толстой написал статью о студенческих волнениях (т. 31, стр. 199—203).

[22] Видимо, речь идет о философском отрывке, написанном семнадцатилетним Толстым летом 1845 г. В нем заметны следы стерновской манеры (т. I, стр. 233—236 и 340). В начале 1850-х годов, работая над повестью «Детство», Толстой перечитывал Стерна, называя его «восхитительным». Вместе с тем он видел и недостатки английского романиста и в дневнике отметил, что «несмотря на огромный талант рассказывать и умно болтать моего любимого писателя Стерна, отступления тяжелы даже у него» (т. 46, стр. 82).

[23] Можно предположить, что речь идет об одном из известных романов английского писателя-натуралиста Джорджа *Мура* (1857—1933) «Эстер Уотерс» (1894). История обольщенной служанки описывается в романе на фоне быта трущоб. В яснополянской

библиотеке сохранился экземпляр этого произведения 1896 г. издания (G. M o o r e. Esther Waters. London) со следующей надписью: «To Count Tolstoi, from George M o o r e. 1896» («Графу Толстому от Джорджа М у р а. 1896 г.»).

Толстой был знаком с произведениями писателей, которые в 1880—1890-х годах обратились к натуралистическому воспроизведению ужасов лондонского Ист-Энда — с книгами У. Безанта, У. Бутса, Г. Уорд, Дж. Гиссинга; последний приобрел известность как бытописатель деклассированных слоев. В яснополянской библиотеке находится его роман «Корона жизни» («The Crown of Life». London, 1899) со следующей надписью: «To Count Leo Tolstoy with sympathy and respect. George G i s s i n g. October 1899» («Графу Толстому с симпатией и уважением. Джордж Г и с с и н г. Октябрь 1899 г.»). Эта книга была получена Толстым уже после отъезда Лонга.

[24] Английский поэт Уильям *Вордсворт* (1770—1850) выдвигал принцип демократизации языка, призывая говорить «языком всех людей», и указывал на превосходство безыскусной речи жителей захолустий, не тронутых цивилизацией. Его же собственное художественное творчество, как отмечает Лонг, далеко не отвечало этому программному требованию.

ГЛАЗАМИ СЛОВАЦКОГО ДРУГА

ДНЕВНИКИ И ВОСПОМИНАНИЯ АЛЬБЕРТА ШКАРВАНА

Публикация и перевод П. Г. Богатырева

Помещаемые ниже дневниковые и мемуарные записи о Толстом Альберта *Шкарвана* (1869—1926), словацкого писателя и врача, ни на русском, ни (за единичными исключениями) на других языках в печати не появлялись и публикуются впервые.

С именем Шкарвана связан эпизод, получивший в свое время громкую известность не только на родине писателя — в тогдашней Австро-Венгрии,— но и далеко за ее пределами. В 1895 г., отбывая военным врачом воинскую повинность, Шкарван за семь недель до окончания службы отказался продолжать ее. По признанию Шкарвана, он поступил так под влиянием учения Толстого.

После отказа от службы начальство отправило Шкарвана на экспертизу в психиатрическую больницу. Признанный вменяемым, он был судим военным судом, который приговорил его к четырехмесячному одиночному тюремному заключению, к отбыванию затем рядовым недослуженного срока службы и к лишению врачебного диплома. Последнее было сделано с согласия Инсбрукского университета, где Шкарван получил диплом. По выходе из тюрьмы Шкарван был вторично помещен в больницу для душевнобольных, и ему предстояло вернуться в армию. Но в результате вмешательства прогрессивной европейской прессы власти оказались вынужденными предоставить ему годичный отпуск по болезни. Воспользовавшись им, Шкарван уехал в Россию, где, в частности, он предполагал дописать свои записки об отказе от военной службы, начатые в тюрьме.

Он поселился вначале у В. Г. Черткова, в присутствии которого произошла его первая встреча с Толстым. Затем жил у Толстого в Ясной Поляне и некоторое время провел в Москве, где также посещал Толстого и жил у него в его хамовническом доме.

Попав в Россию, Шкарван уже неплохо знал русский язык. Позднее он записал в дневнике: «Я легко и быстро вжился в русский язык и основательно усвоил дух русской литературы, потому что мир, который предо мною здесь открылся, был для меня родственным и интересным, давал моему голодному духу пищу, давал мне то, чего в западном мире я не находил. Тургенев, Гоголь, Пушкин, Достоевский, а превыше всех других Толстой, будили во мне совесть, открывали предо мной новые горизонты, открыли мне самого себя!» (Дневник 1915—1921 гг., лл. 72—73.— Подлинник на словацком языке.)

Знание русского языка позволило Шкарвану быстро включиться в жизнь той среды, в которой он оказался, и разобраться в окружающей обстановке.

Будучи в России, почти все записи своих впечатлений и наблюдений Шкарван вел на русском языке. Но и позднее, находясь за ее пределами, при работе над воспоминаниями о Толстом он часто наряду со словацким, немецким и венгерским языками, пользовался и русским.

Шкарвану не пришлось провести в России весь срок своего отпуска. Он приехал в июле 1896 г., а уже в ноябре того же года царское правительство предложило ему покинуть страну. Тогда же пришел и вызов из Австрии с требованием немедленно вернуться и отбыть в армии недослуженный срок. Но Шкарван не собирался снова стать военным, а это означало для него по возвращении на родину снова оказаться в тюрьме

Шкарван принимает решение эмигрировать и избирает местом пребывания Англию. Он направляется туда из Петербурга 13 февраля 1897 г. вместе с высланным из России В. Ф. Чертковым. Их, а также П. И. Бирюкова, высланного одновременно с Чертковым и уезжавшего тогда же к месту своей ссылки в Курляндскую губернию, провожал специально приехавший из Ясной Поляны Толстой.

В Англии Шкарван закончил свои «Записки», вышедшие в свет под названием: «Mon refus. Par A. Skarvan. Мой отказ от военной службы. Записки военного врача», (№ 13. Изд. Владимира Черткова. Purleigh, Essex, England, 1898). Книга написана по-русски. По свидетельству автора, перед печатью она была отредактирована русскими друзьями.

Толстой впервые познакомился с «Записками» еще в начале работы над ними Шкарвана, по присланной ему рукописи.

16 декабря 1895 г. он писал ему: «Ваши записки в высшей степени интересны и важны. Я с умилением и большой духовной радостью читал их. Такое же впечатление они производят и на других» (т. 68, стр. 277).

Положительную оценку «Запискам» Толстой давал и впоследствии, когда работа Шкарвана, за которой он пристально следил, была продолжена, а затем и завершена. (См. в письмах к Д. П. Маковицкому от 22 февраля 1896 г., т. 69, стр. 45—46 и к В. Г. Черткову от 12 июня 1897 г., т. 88, стр. 35.) А в своем дневнике он отмечает: «Чудесные записки Шкарвана» (т. 53, стр. 96.—Запись от 28 мая 1896 г.).Французский литературовед Дени Рош, посетивший Ясную Поляну в 1899 г., рассказывает, что в его присутствии Толстой попросил прочесть ему вслух «сильно занимавшую его книжку» — речь шла о «Записках» Шкарвана (см. стр. 31 настоящ. книги).

Глава из «Записок», носящая название «Почему нельзя служить военным врачом», и помещенное там же «Письмо Шкарвана к старшему врачу» были включены Толстым в «Круг чтения на каждый месяц». Однако по цензурным условиям русское издание этой книги не состоялось (см. т. 42, стр. 405—407, 567). Материалы из «Записок» были впервые напечатаны в немецком издании «На каждый день», вышедшем в свет в переводе Шкарвана («Für alle Tage. Ein Lebensbuch von Leo Tolstoi». Herausgegeben von Dr. E. H. Schmitt und Dr. A. Skarvan. Dresden, 1906). Но в первое издание «Круга чтения» на чешском языке австрийская цензура их не пропустила. Они попали лишь во второе издание книги, после снятия запрета, для чего потребовалась интерпелляция чешских депутатов парламента (L. N. Tolstoj. Kruh četby. Po konfiskací druhé výdanie. Preložili G. Foustková, Ivan Hálek, Albert Škarvan, Karel Velemínský. Praha, 1906).

Перенесенная тяжелая болезнь, а также некоторые разногласия с Чертковым принципиального и житейского характера побудили Шкарвана в 1898 г. покинуть Англию. Вынужденный по состоянию здоровья искать благоприятных климатических условий, он переселился в Швейцарию.

Когда с начала 1899 г. Чертков стал получать от Толстого тексты «Воскресения», он тут же предоставил Шкарвану возможность переводить роман на словацкий язык. Перевод был сделан Шкарваном по материалам, присланным Чертковым, и является одним из первых переводов «Воскресения» на иностранный язык. Вместе с тем это и одно из наиболее ранних иностранных изданий романа, в котором он напечатан полностью, без купюр (L. N. Tolstoj. Vzkriesenie. Preložil Albert Škarvan. Poučnej bibliotéky číslo 2. V Žiline. Vydáva Dušan Makovický, 1899).

Несмотря на отдельные погрешности, перевод Шкарвана выполнен неплохо (см. N. A. Kondrašov. O prvom slovenskom preklade románu Vzkriesenie. Z ohlasov L. N. Tolstého na Slovensku, 1960, стр. 215—231).

Шкарван утверждал, что словацкая печать намеренно замолчала появление перевода «Воскресения», и в Словакии не оценили должным образом этого произведения, вызывавшего «удивление и преклонение всего мира» (Katarina Mičátková. Literárna činnost' Tolstého stúpenca Dr. Alberta Škarvana. Z ohlasov L. N. Tolstého na Slovensku, 1960, стр. 198).

В позднейшем дневнике Шкарвана в записи от 2 февраля 1926 г. читаем: «Печать, которая, по общепринятому мнению, должна прежде всего содействовать распро-

странению нужных и полезных людям идей, в нашу эпоху служит в руках государства и сильных мира сего противоположной тенденции: удушению и замалчиванию добрых и полезных идей. Душанко <Д. П. Маковицкий> в свое время издал на свои собственные средства (ни один из словацких издателей ни на каких условиях этого делать не хотел) мой перевод романа Толстого „Воскресение" с прекрасными иллюстрациями Пастернака. Книга как с художественной, так и с философско-моральной стороны вызывает удивление и преклонение всего мира, хотя и не вполне оценена, как она того заслуживает; на словацком же книжном рынке является событием исключительным и не имеющим себе равного. Но как приняла словацкая пресса эту книгу? Да так, что ни одной строчкой о ней не упомянула. Так ее замолчала, что Душанко почти весь тираж должен был раздать даром, кому попало, nazdárbůh, как говорят чехи». (Подлинник на словацком языке.)

Однако «Воскресение» в переводе Шкарвана все же дошло до читателей и сыграло свою положительную роль в литературной и общественной жизни Словакии (ср. A. M r á z. Tolstého román «Vzkriesenie» a jeho osudy na Slovensku. Послесловие к новому переводу «Воскресения». L. N. T o l s t o j. Spisy v 12 sväzkoch. Sväzok 8. 1953, стр. 547—568).

Помимо «Воскресения» Шкарван перевел и ряд других произведений Толстого. Еще 18 ноября 1895 г. Толстой писал ему: «Возьметесь ли вы переводить мои непереведенные вещи по-немецки? Если да, то напишите об этом Черткову <...>; он вышлет вам те рукописи, которые он переводит на английский язык» (т. 68, стр. 266). Но если Толстой предлагал Шкарвану быть его переводчиком на немецкий язык, то сам Шкарван, по собственной инициативе, переводил произведения Толстого не только на немецкий, но и на словацкий, чешский, венгерский, эсперанто и другие языки (K. M i č á t k o v á. Literárna činnost' Tolstého stúpenca, стр. 194)*. Наибольшего внимания заслуживают, разумеется, переводы, сделанные Шкарваном на родной словацкий язык**. Шкарван несомненно перевел бы на словацкий язык значительно большее число произведений Толстого, но он не встретил достаточной поддержки со стороны издателей. С особенно большими трудностями было сопряжено печатание переводов публицистики Толстого.

24 сентября 1910 г., незадолго до ухода Толстого из Ясной Поляны, В. Ф. Булгаков записал в дневнике: «С почтой получились книги: в немецком переводе Шкарвана отдельными брошюрами работы Льва Николаевича „О науке", „О праве" и „Письмо к индусу" < ... > Я заметил, что письмо „О праве" появляется в печати впервые, так как в свое время его не согласилась напечатать ни одна иностранная газета не говоря уже о русских, до такой степени выраженные в нем взгляды расходятся с общепринятыми.

Лев Николаевич усмехнулся. Потом добавил о Шкарване: „Переводит, значит еще есть читатели"» (Валентин B у л г а к о в. Л. Н.Толстой в последний год его жизни. Дневник секретаря Л. Н. Толстого. М., 1960, стр. 348—349).

Булгаков справедливо указал Толстому на заслугу Шкарвана, добившегося напечатания письма «О праве». Чтобы получить согласие на опубликование некоторых работ Толстого, ему приходилось тратить много усилий, и далеко не всегда они увенчивались успехом. «Вашу статью „Патриотизм или мир",— писал он Толстому 21 апреля 1896 г.,— я перевел и послал некоторым издателям в Германию и Швейцарию, но никто ее издать на немецком языке не хочет, то же и с журналами „Neue Freie Presse" — wegen einiger darin enthaltenen höchst bedenklichen Stellen»*** *(A T)*.

Перевод статьи Толстого «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии», по словам Шкарвана, был напечатан словацкой газетой «Slovenský Denník», выходившей в Америке, «с сокращением на целую четверть». Чешская газета «Národní Listy»

---

* Эти переводы библиографически не учтены.

** Отец Шкарвана был чех, а мать словачка. Но и у себя на родине и за границей он всегда выступал как словацкий писатель.

*** из-за имеющихся там весьма сомнительных мест (нем.).

выпустила из нее самые важные места, газета «Čas» и журнал «Slovenský Týždenník» не приняли ее к печати.

Но Шкарван был не только переводчиком Толстого, он активно выступал и как пропагандист его сочинений и взглядов. Так, в 1897 г. он принял участие в дискуссии голландских рабочих и интеллигенции, посвященной философским и социальным воззрениям Толстого, и в организации голландского журнала «Vrede», близкого по направлению к толстовству.

В 1909 г. Шкарван перевел на немецкий язык доклад Толстого, предназначавшийся для XVIII международного конгресса мира в Стокгольме. Доклад в этом переводе должен был быть прочитан в Берлине, а когда берлинская полиция не допустила чтения, Шкарван разослал свой перевод по многочисленным редакциям иностранных периодических изданий. В итоге доклад был напечатан немецкой газетой «Der Sozialist» (1909, № 20, 1.XII) и вышел затем в некоторых других изданиях. Несколько ранее по инициативе Шкарвана (но не в его переводе) состоялось публичное чтение доклада на швейцарском конгрессе мира, происходившем в Биле 20—21 ноября 1909 г.

Пример стокгольмского доклада позволяет судить о масштабах и методах работы Шкарвана по распространению толстовских сочинений. 12 декабря 1909 г. он писал Толстому: «...хочу сообщить вам кое-что из последнего времени о вашем „докладе". Он был разослан в Швейцарии в 8000 экз<емплярах>. Между ними 100 в разные редакции, всему государственному высшему штабу, даже прокурорам. В Германии был он разослан более 200 редакциям и по крайней мере еще в 10 000 экз<емплярах> на отдельные адреса» *(А Т)*. В письме от 30 декабря того же года Шкарван намечает каналы, по которым предполагает продвигать в дальнейшем статьи Толстого: «Их конечно,— пишет он,— следовало бы распространять опять таким же свободным путем, т. е. через рабочую печать, а не через бесплодные „Times» *(А Т)*

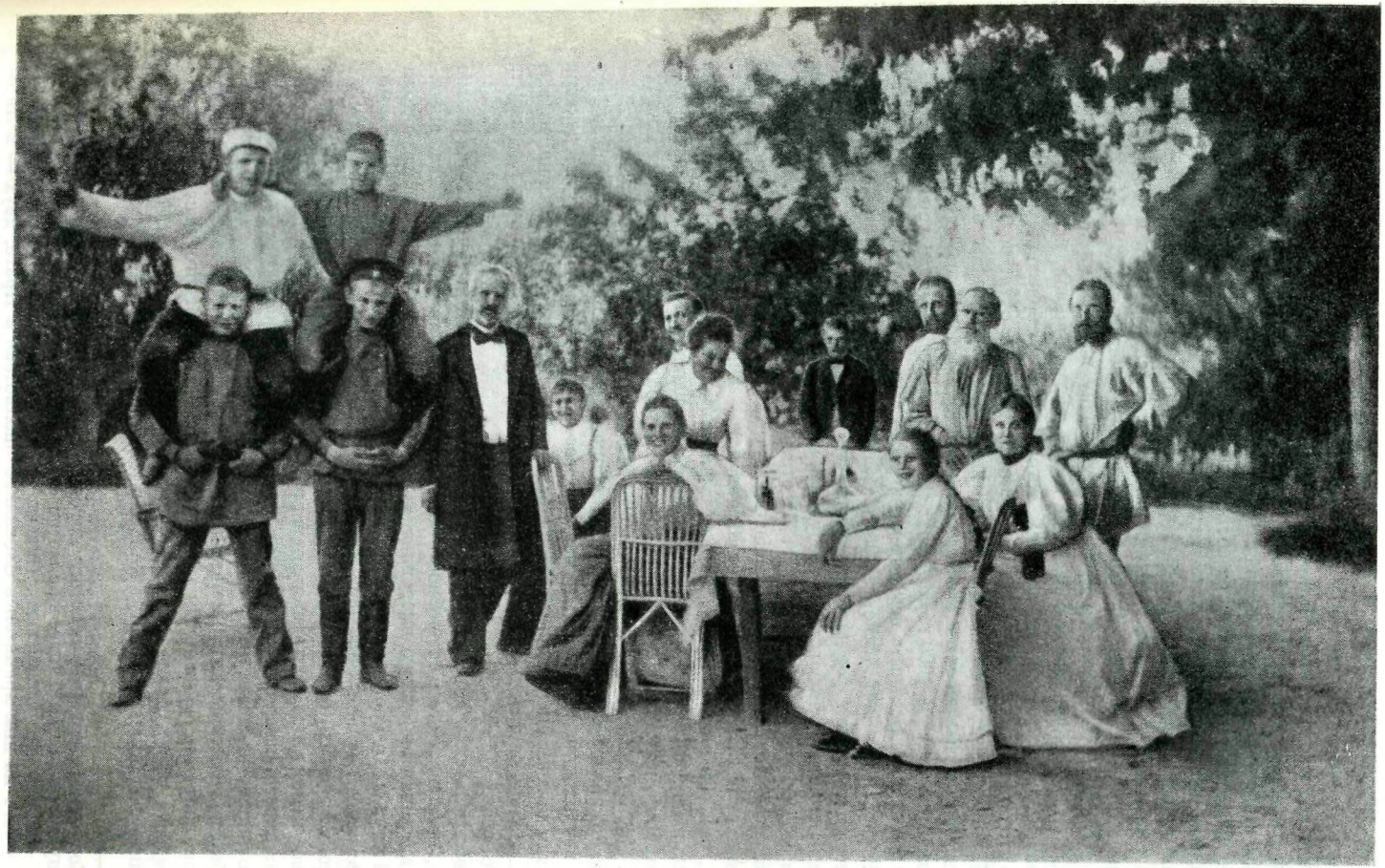
Можно было бы привести и другие примеры деятельности Шкарвана как пропагандиста Толстого за границей.

В 1910 г. Шкарван вернулся на родину в Словакию, где и прожил до конца жизни, занимаясь врачебной практикой и переводами.

Еще в бытность в Швейцарии Шкарван закончил работу над второй, сильно отличающейся от первой, редакцией книги «Записки военного врача». «Я пишу свои записки по-словенски, потому что русскими я всегда был чересчур недоволен»,— сообщал он Толстому 2 апреля 1900 г. *(А Т)*. В новой редакции «Записки» были напечатаны впервые в Америке, в выходившей там на словацком языке ежедневной газете «Slovenský Denník» (1904, № 809—842), а отдельным изданием вышли только в 1920 г. (A. Š k a r v a n. Zapisky vojenského lekára. Praha, 1920). (На русском языке это переработанное издание записок не появлялось.) В дневнике Шкарван отметил, что его книга не привлекла к себе внимания соотечественников. Действительно, как мы указали, отдельным изданием на родине писателя она была выпущена лишь шестнадцать лет спустя после напечатания в американской газете. Между тем один из виднейших чешских критиков проф. Ф. Кс. Шальда причисляет ее к лучшим образцам чешской и словацкой литератур. «Если бы,— говорит он,— мне пришлось назвать иностранцу десять лучших книг нашей литературы, между ними безусловно были бы „Записки военного врача" Шкарвана» (Подлинник на чешском языке. In memoriam Alberta Škarvana.— «Rozpravy Aventina», 1926, № 8, стр. 97). Не будучи толстовцем, Шальда отдает должное мужеству, проявленному Шкарваном при защите своих убеждений, и отмечает то сильное впечатление, какое произвела на современников — людей 1890-х годов — моральная борьба Шкарвана.

«Шкарван,— пишет он,— представлял собою поистине огромное культурное явление в словацкой жизни» (там же). Кроме сочинений Толстого, Шкарван переводил на словацкий и иные языки сочинения и других русских классиков — Тургенева, Чехова, Горького.

Образ Шкарвана привлекал внимание словацких писателей. Так, Владимир Кривош вывел его в пьесе «Толстовец», написанной на русском языке (СПб., 1906), а Петр Цван сделал его героем романа «Rojko» (Bratislava, 1959). В одной из глав этого романа описано посещение Шкарваном Ясной Поляны.



АЛЬБЕРТ ШКАРВАН У ТОЛСТОГО В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Стоят (слева направо): А. Шкарван, А. Л. Толстой (на плечах у них М. Л. Толстой и А. А. Берс), Шарль Бонэ-Мори, Н. Л. Оболенский, Т. Л. Толстая, И. И. Шибанов, В. Г. Чертков, Толстой, А. Н. Дунаев. Сидят (слева направо): m-elle Обер, М. Л. Толстая, А. Л. Толстая, С. А. Толстая. Фотография. Ясная Поляна, август 1896 г.

Музей Толстого, Москва

* * *

Отказ Шкарвана от военной службы и его арест произвели на Толстого большое впечатление. Перечисляя в дневнике «поразившие» его события, 15 февраля 1895 г. он отметил: «Еще событие „отказ Шкарвана"» (т. 53, стр. 8). Позднее поступок Шкарвана нашел отражение в драме Толстого «И свет во тьме светит», а сам Шкарван явился до известной степени прототипом Бориса Черемшанова, одного из героев этой драмы.

Вскоре после отказа Шкарвана от военной службы между ним и Толстым завязалась переписка, продолжавшаяся до последнего года жизни Толстого*.

Толстой живо интересовался судьбой Шкарвана, относился к нему с неизменной теплотой и сердечностью, дорожил его письмами, о чем не раз говорил и самому Шкарвану и общим друзьям. «Я получил от него письмо,— сообщал он Д. П. Маковицкому 24—25 октября 1895 г.,— которое доставило мне одну из лучших радостей жизни» (т. 68, стр. 234). «Вообще все, что касается вашей частной жизни, ваших отношений к матери вашей, к вашим родным, друзьям, того, как вы материально устроили свою жизнь, все это оч⟨ень⟩ близко трогает меня, потому что я вас очень полюбил»,— писал Толстой Шкарвану 14 ноября 1895 г. в первом письме к нему (т. 68, стр. 256). Такими же дружескими чувствами и симпатией проникнуты и все дальнейшие письма Толстого. Так, например, 28 декабря 1900 г. он писал: «Получил ваше длинное, хорошее письмо, милый друг Шкарван. Все мне в нем интересно ⟨ ... ⟩ и более всего о вас самих» (т. 72, стр. 543). И через много лет, 15 марта 1907 г.: «Спасибо вам, милый Шкарван ⟨ ... ⟩, за ваше хорошее письмо, которое дало мне заглянуть в вашу добрую душу. Всегда вспоминаю о вас с настоящей любовью, не требующей никакого усилия, а, напротив, скорее носящую в себе частицу пристрастия» (т. 77, стр. 64).

Об интересе к письмам Шкарвана свидетельствуют и дневники Толстого: «За это время были письма ⟨ ... ⟩ Прекрасное от Шкарвана»,— записывает он 6 ноября 1895 г. (т. 53, стр. 69), а в январе 1906 г. заносит в дневник понравившиеся ему строки из письма Шкарвана: «Шкарван прекрасно пишет, что наша теперешняя революция — огонь, в котором сожжет сама себя вся та нечисть, которая мучит и развращает Россию» (т. 55, стр. 180; ср. 526. — Цитируемое письмо Шкарвана в *А Т* не сохранилось).

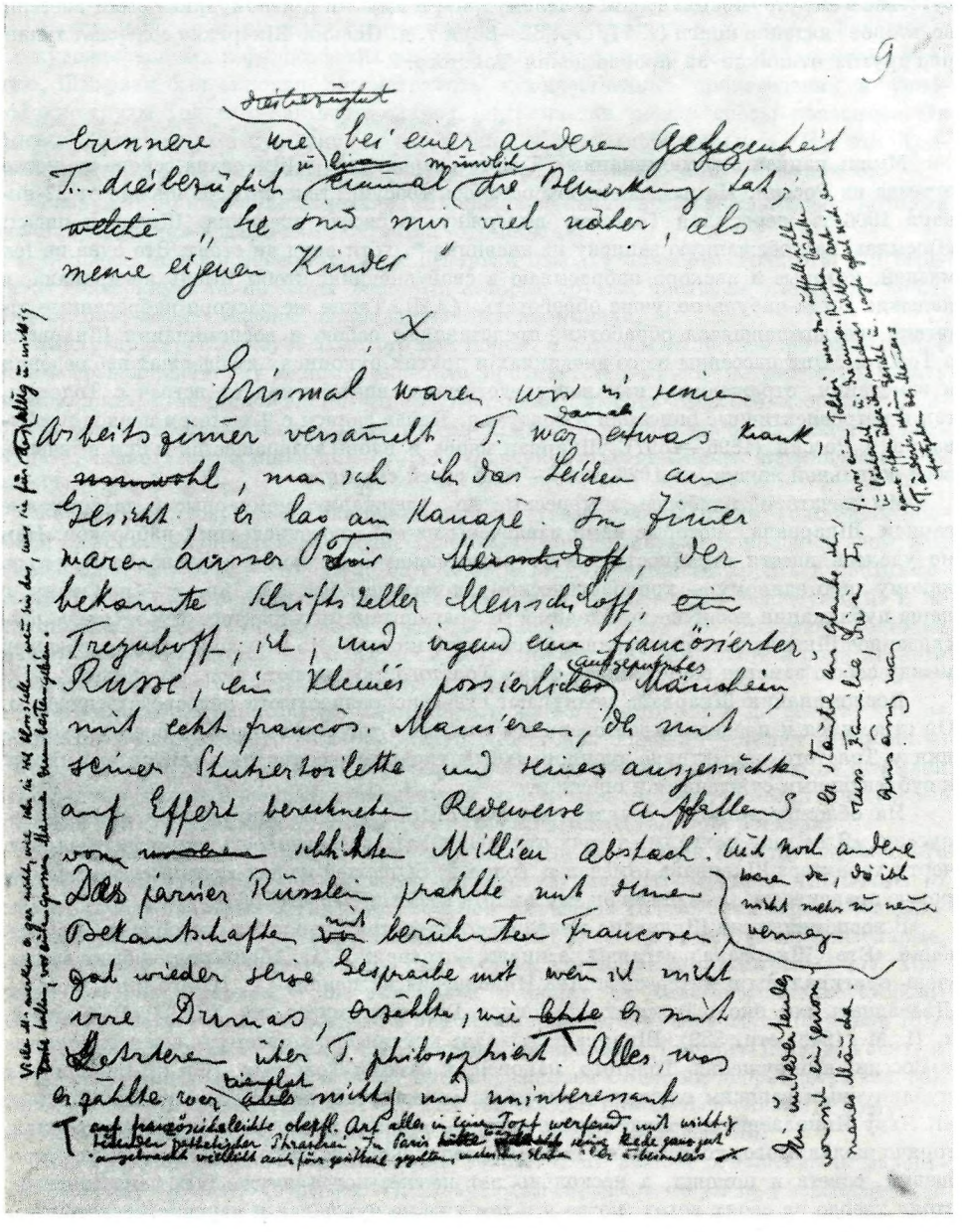
Письма Шкарвана исполнены чувства глубокой признательности и любви к Толстому. «Я непрестанно, ежедневно думал про вас,— писал он Толстому 14 декабря 1904 г.,— так как вы единственный имели решающее, неизгладимое влияние на всю мою жизнь. Нельзя не думать об вас, нельзя забывать вас, все равно как нельзя забыть про самого себя» *(А Т)*.

Шкарван делится с Толстым своими душевными тревогами и морально-идейными исканиями, посвящает его в подробности своего домашнего и семейного быта, информирует об антимилитаристских выступлениях в различных странах, о фактах отказа от военной службы, о происходящих стачках, аграрных беспорядках и других событиях общественной жизни Западной Европы, черпая сведения главным образом из таких мало доступных Толстому источников, как словацкая и венгерская пресса.

Большое место в письмах занимают вопросы, связанные с переводами сочинений Толстого на иностранные языки, чем постоянно был занят Шкарван. Оживленная переписка возникла, в частности, при переводе «Круга чтения» на немецкий язык. Но Шкарван был не только переводчиком книги, он посылал Толстому также и материалы для нее. Так, например, присланный им перевод рассказа известного чешского писателя Яна *Гербена* «Брат Иван Палечек» был переработан Толстым для «Детского круга чтения»[1] под названием «Шут Палечек» (сообщено С. Колафой, см. также т. 40,

---

* В Собрании сочинений Толстого опубликовано двадцать три письма Толстого к Шкарвану и одно адресованное совместно ему и Х. Н. Абрикосову (см. тт. 68—73, 76—78, 80—81, стр. по указателям). Письма относятся к 1895—1910 гг. Подлинники двадцати одного из них хранятся в Словацкой библиотеке в Праге, двух — в Литературном архиве Словацкой Матицы в городе Мартине (Словакия). Семьдесят четыре письма Шкарвана к Толстому за те же 1895—1910 гг. хранятся в *А Т*. Три из них были опубликованы в отрывках в Собрании сочинений Толстого (т. 72, стр. 359, 360, 564—565), одно полностью — «Свободное слово», II, 1898, стр. 176—209. Остальные в печати не появлялись. Все письма написаны по-русски.



СТРАНИЦА ВОСПОМИНАНИЙ АЛЬБЕРТА ШКАРВАНА О ТОЛСТОМ («СИНЯЯ ТЕТРАДЬ»)
Автограф на немецком языке
Собрание П. Г. Богатырева, Москва

стр. 412—422; т. 56, стр. 392, 574, 578). Шкарван обратил внимание Толстого на отсутствие в «Круге чтения» главы о целомудрии, и «Мысли о целомудрии» были внесены во второе издание книги (т. 77, стр. 82—83) и т. д. Письма Шкарвана содержат также ряд других откликов на произведения Толстого.

* * *

Мысль написать воспоминания о Толстом зародилась у Шкарвана вскоре же после отъезда из России. Но намерение это осталось неосуществленным. В письме от 22 января 1906 г., пересылая Толстому выдержку из своего дневника, Шкарван писал: «Посылаю вам обещанную записку из дневника *, хотя вряд ли стóит. Это одна из тех мазней, которые я наскоро набрасываю в свой дневник, чтобы мысль не пропала, в надежде когда-нибудь получше обработать» *(А Т)*. Такие же наскоро набросанные отрывки, не дождавшиеся обработки, представляют собою и воспоминания Шкарвана о Толстом. Они рассеяны в его дневниках и других рукописях и содержат наблюдения и замечания, отражающие как непосредственные впечатления от встреч с Толстым, так и ретроспективные описания и раздумья. Начав записи о Толстом в период пребывания в России (1896—1897), Шкарван вновь и вновь возвращается к ним в течение всей остальной жизни, до 1926 года — года своей смерти.

Мы печатаем наиболее интересные по содержанию мемуарные и дневниковые записи Шкарвана, которые нами извлечены из его многочисленных набросков. Нам не удалось внести стройность в этот разрозненный материал и расположить его по какому-либо единому — хронологическому, тематическому или иному — признаку, и наша публикация носит по необходимости фрагментарный характер. Тем не менее рассказанное Шкарваном представляет бесспорный интерес. Из обрывочных, не связанных между собою заметок встает живой образ Толстого, возникают сцены его жизни.

Воспоминания Шкарвана подкупают своей искренностью и непосредственностью. Он стремился к предельно достоверному описанию того, что видел во время пребывания у Толстого, но активно-эмоциональный характер восприятия уводил его иногда к субъективным суждениям и оценкам.

На обложке тетради, озаглавленной «Tolstoi», в виде эпиграфа он написал по-русски: «Я не ищу похвалы, я хочу правду сказать». Правдивость как отличительную черту характера Шкарвана отмечал и Толстой: «Хорошей нашел вашу всегдашнюю дорогую правдивость...»— писал он ему 9 марта 1899 г. (т. 72, стр. 563).

В воспоминаниях Шкарвана привлекают самостоятельность и своеобразие его суждений. «Его ⟨Шкарвана⟩ взгляды на жизнь,— говорит Х. Н. Абрикосов,— были всегда очень оригинальны и интересны. Лев Николаевич их ценил» (Х. Н. Абрикосов. Двенадцать лет около Толстого. Летописи Гос. лит. музея, кн. XII. Л. Н. Толстой, т. II. М., 1948, стр. 389). Шкарван подходит критически ко всему, с чем сталкивается в России, к окружению Толстого, наконец, к самому Толстому. Как бы введением к публикуемым записям служит отрывок из упомянутой тетради Шкарвана «Tolstoi». «К Льву Николаевичу,— пишет здесь автор,— я попал не тогда, когда об этом мечтал, горячо желал этого, когда мучил меня ряд волнующих вопросов и я жаждал их разрешения, совета и помощи, а несколько лет позже, когда я уже был самостоятелен, стоял твердо на своих ногах, когда я в том уже не нуждался и научился искать и находить помощь себе во всем помимо людей — без всяких посредников, непосредственно, прямо у источников жизни — в душе своей, у бога ⟨...⟩ Хотя этот человек и имел огромное значение в моей жизни, и я его выделял из всех людей, мне известных, и горячо любил его, я все-таки поездкой этой и предстоящим мне свиданием с ним и не волновался, и особенно не был счастлив...» (Подлинник на русском языке.)

В записях Шкарвана мы встречаем как неизвестные до сих пор факты из жизни Толстого, так и известные, но получившие здесь новое подтверждение и освещение.

---

* Речь идет о дневниковой записи от 19 декабря 1905 г., в которой Шкарван рассказывает о своем решении не платить налогов. Этот отказ вызвал раздражение швейцарских властей и имел для Шкарвана ряд неприятных последствий.— *П. Б.*

Представляют интерес отдельные высказывания Толстого, зафиксированные Шкарваном. Слова Толстого часто приводятся мемуаристом в буквальной записи.

В одном из публикуемых фрагментов Шкарван передает разговор с Толстым о его художественных и философских работах. Вопреки широко распространенному мнению, Шкарван был склонен рассматривать художественные произведения и философские труды Толстого как нечто единое, органически между собою связанное. Он сказал Толстому, что художник и мыслитель в нем «нераздельны». На это Толстой ответил: «Да, вы правы, вы это правильно почувствовали» (отрывок 9).

Заслуживает внимания замечание Шкарвана об исключительном интересе, который Толстой проявлял к деятелям искусства (отрывок 16).

Большое место в воспоминаниях Шкарван отводит личности Толстого. Он стремится подчеркнуть такие черты Толстого, которые другие, писавшие о нем, или не отмечали, или, по его мнению, неправильно истолковывали.

Шкарван характеризует Толстого как борца, в котором была «неукротимая дикая сила», позволившая ему одному «восстать против всего мира», потрясти и разбить «основы лжи». Этой «дикой силой» Шкарван объясняет любовь Толстого «изображать дикость» в своих художественных произведениях. В качестве примера он называет Хаджи-Мурата, «милого неудачника дикого Федю», «неукротимого» Корнея Васильева (отрывок 11).

Решительно возражает Шкарван и против утверждения, будто Толстой не боролся со злом. В течение всей жизни Толстой, говорит Шкарван, боролся со злом, как «лютый лев». Он учил, что нужно неустанно и всеми средствами бороться против социального зла, кроме единственного средства, которое он считал «неразумным» и не достигающим цели,— «противления злу насилием» (отрывок 19). Шкарван сближал точку зрения Толстого с точкой зрения известного чешского моралиста и религиозного мыслителя XV в. Петра Хельчицкого (отрывок 20).

Категорически опровергает Шкарван взгляд на Толстого как на аскета, как на человека, не понимающего радостей жизни. «Жестокая ошибка! — пишет Шкарван.— Ничто так не далеко от истины! Толстой подлинно наслаждается жизнью...» (отрывок 12). «Рядом с Толстым каждый день, каждый час и каждая минута были интересны» (отрывок 16). Толстой был художником не только в искусстве, но и в жизни.

Шкарван пишет о душевной тонкости Толстого, его умении понять человека, его поразительной чуткости, позволявшей ему сразу улавливать «у кого что болит, от чего кто страдает» (отрывок 16). Внимательное отношение Толстого к каждому человеку благотворно сказывалось на окружающих: «Люди обычно угрюмые, раздражительные, невоспитанные часто делались в его присутствии неузнаваемыми» (отрывок 17). Толстой,— говорит Шкарван, — «не выискивал в людях их слабые и плохие стороны <...> Он выискивал в людях все, что в них есть хорошего и красивого...» (отрывок 16).

Но одной из самых главных черт личности и характера Толстого Шкарван считает его доброту. Толстой, по его словам, был «переполнен семенами добра» (отрывок 30). Наряду с этим Шкарван отмечает, что Толстой «любил померяться силами и пошутить над сильными мира сего, занимающими высокие посты» (отрывок 16).

Подчеркивая мягкость, деликатность Толстого, его нежное отношение «к маленькому, слабому человеку» (отрывок 16), Шкарван не скрывает его умения освобождаться от докучливых людей, от которых он просто отходил, повернувшись спиной. Но, добавляет автор, «резок Толстой бывал очень редко» (отрывок 25).

В одном из фрагментов Шкарван рассказывает о том, что на Толстого производил и иногда очень сильное впечатление самые заурядные слова и поступки людей. Он приписывает это способности Толстого видеть больше и глубже, «чем было сказано или показано» (отрывок 21). Наблюдение не лишено интереса для исследователей творчества Толстого.

Значительное внимание уделяет Шкарван вопросу об особенностях характера Толстого. По мнению Шкарвана, сохраняя все достоинства и добродетели русского, Толстой «перерос рамки русского» (отрывок 40).

Среди публикуемых отрывков выделяется очерк о смерти яснополянского крестьянина Макарова (отрывок 5). Несмотря на то, что он написан на чужом для

Шкарвана русском языке, в нем чувствуется перо писателя. Запись сделана во время пребывания в Ясной Поляне осенью 1896 г., и в ней нашли отражение мысли, высказанные Толстым в драме «И свет во тьме светит», над которой в тот период работал Толстой (см. примеч. 5). Напомним, что Шкарван послужил прототипом для одного из основных действующих лиц этой драмы — Бориса Черемшанова.

Во многих фрагментах Шкарван резко отрицательно отзывается о толстовцах, которых большей частью рисует самыми мрачными красками, называет «узкими, фанатичными доктринерами». Суровая критика в адрес толстовцев со стороны, казалось бы, единомышленника — одна из примечательных особенностей записей Шкарвана.

Несмотря на преклонение перед Толстым как философом-моралистом, вероучителем и человеком, Шкарван подчеркивает, что он в своих взглядах стоял «на собственных ногах», «критически» относился к Толстому. Так, например, он писал: «Мне нравились и произвели на меня сильное впечатление первые из толстовских сочинений после его возрождения: „Московская перепись“, „Исповедь“, „Так что же нам делать?“, его народные повести. Поздние его философско-религиозные, критические, более крупные и небольшие работы, изобличающие мир в неправде, часто совсем меня не увлекали, оставляли меня равнодушным. То же действие этих произведений я наблюдал на других.— Чем это объяснить? Почему так? Думаю потому, что нет в них той зажигательной силы, которая видна там, где он рассказывает о себе, о своей борьбе и победе, где видно горение его души. Здесь видна разница между примером из жизни и поучением, проповедью. Проповедовать надо, но самая высокая, самая совершенная проповедь — это проповедь примерами из собственной жизни. Все это всегда у Толстого было и с годами даже возрастало. Однако это не отразилось на его изобличающих сочинениях». («Мое возрождение». — Подлинник на словацком языке.)

Шкарван, как правило, восторженно отзывается о Толстом-художнике, но и здесь встречаются исключения. Познакомившись с 35-й главой первой части «Воскресения», он записал в дневнике: «Какое неприятное впечатление делает Нехлюдов в разговоре с прокурором! Так жалко, что он становится настоящим толстовцем там, толстовцем русского фасона. Так фальшиво это умиление собой, когда заявляет прокурору о Катюше. И этот способ его заявления протеста против судов!» (Дневник 1897—1899 гг., 24 ноября 1899 г. — Подлинник на русском языке.)

Критические замечания по поводу «Воскресения» Шкарван высказал и непосредственно Толстому в письме к нему от 31 января 1900 г. Выражая «духовную радость и умиление», вызванные чтением последнего разговора Масловой с Нехлюдовым, он вместе с тем пишет: «Все „Воскресение“ мне очень нравится, за исключением тех мест, где вы умышленно, преднамеренно обличаете. Я с этим никогда не мог примириться, хотя оно мне у вас никогда не мешало» *(АТ)*.

Но существование разногласий не могло поколебать глубоких чувств Шкарвана к Толстому. До конца жизни он сохранил верность идеям Толстого и привязанность к нему как человеку. Незадолго до смерти он особенно тепло и восторженно писал в дневнике о «дорогом дедушке».

И последними словами Шкарвана, повторяемыми им в предсмертной агонии, были: «Толстой возгласил правду жизни».

* * *

Публикуемые фрагменты дневников и воспоминаний извлечены из рукописного наследия Шкарвана. Основная часть этого наследия хранится в Литературном архиве Словацкой Матицы, в г. Мартине (Literárny archív Matice Slovenskej. Сокращенно — *LAMS*), отдельные документы в собраниях жены Шкарвана и его друзей в Праге и других городах Чехословакии.

В 1936 г. по заданию директора Государственного литературного музея в Москве В. Д. Бонч-Бруевича автором настоящей работы были заказаны машинописные копии и фотокопии большинства рукописей Шкарвана и писем к нему Толстого. В настоящее время эти копии переданы в *ЦГАЛИ*, где входят в фонд П. Г. Богатырева (№ 47, опись 2).

Среди рукописей Шкарвана значительное место занимают дневники, охватывающие (с пропусками) время с 1896 по 1926 год. Они объединены по периодам следующим обра-

АЛЬБЕРТ ШКАРВАН
Фотография, 1910-е годы
Собрание П. Г. Богатырева, Москва

зом: 1. Дневник 1896—1897 гг. (по апрель 1897 г. включительно); 2. 1897 (май) — 1899 гг.; 3. 1915, 1919—1921 гг.; 4. 1921—1923 гг.; 5. 1924—1926 гг.

Часть записей дневника 1896—1897 гг. выделена Шкарваном и озаглавлена: «Переписанные мысли, которые я набросал на отдельных листочках во время моего пребывания в России, некоторые из них я, переписывая в Крайтоне, дополнил» (подлинник на словацком языке). Этот источник при ссылках обозначается сокращенно *Myšlienky*. Остальные записи дневника 1896—1897 гг. приводятся с указанием: ч. I, а записи марта-апреля 1897 г.— с указанием: ч. III.

Дневник 1924—1926 гг. озаглавлен Шкарваном: «Воспоминания д-ра Альберта Шкарвана» (подлинник на словацком и русском языках). Сокращенно: *Pamätník*. Машинописные копии дневников Шкарвана (1896—1897 гг. и 1897—1899 гг.) значатся в *ЦГАЛИ* под единицами хранения № 71, дневники остальных лет — под № 272; фотокопии «*Pamätník*» — под № 273.

Помимо записей из дневников, мы помещаем также материалы рукописей, объединенных Шкарваном под заголовком: «Замечания д-ра Шкарвана о Л. Н. Толстом» (подлинник на словацком языке). Рукописи «Замечаний» не датированы. Единица

хранения машинописной копии в *ЦГАЛИ* —207. Сокращенно: *Rozpomienky*. Во вступительной статье нами использованы записи Шкарвана в его дневнике-исповеди «Мое возрождение» («Moja premena»). Единица хранения машинописной копии в *ЦГАЛИ* — 271.

Наибольшее количество публикуемых отрывков взято нами из набросков о Толстом, сделанных Шкарваном в ученической тетради в синей обложке. На белой наклейке этой тетради рукой Шкарвана надписано: «Tolstoi». При ссылках сокращенно: *Синяя тетрадь* *.

Свои дневники и воспоминания о Толстом Шкарван писал на словацком, русском, немецком и венгерском языках. При каждом публикуемом иноязычном фрагменте указывается, с какого языка сделан перевод. Русский текст, встречающийся в иноязычных записях, оговаривается в подстрочных примечаниях.

В отрывках, написанных по-русски, нами исправлены без оговорок орфографические ошибки и в отдельных случаях погрешности против русского языка. Объяснения непонятных фраз даются в примечаниях под текстом.

Любопытно, что одно неправильное русское выражение Шкарвана привлекло внимание Толстого, и он ввел его в текст незаконченной драмы «И свет во тьме светит». В V действии драмы, известном только в конспекте, Толстой пишет: «Н<иколай> И<ванович> входит, говорит с доктором. Тщета лечения — *дутье* дороже. Но для жены согласен». Слово «дутье» заимствовано Толстым из письма Шкарвана; под ним подразумевается раздувание в душе религиозного чувства (ср. т. 31, стр. 184).

Кроме рукописных материалов, мы включили в нашу публикацию и несколько выдержек из автобиографии Шкарвана, напечатанной в словацким журнале «Prúdy»— Albert Škarvan. Vlastný životopis. «Prúdy», 1926, Ročník X, september, № 7, стр. 411—425. Сокращенно: *Vlastný životopis*.

Автобиография была записана по-русски доктором Федором Белявиным, которому больной Шкарван рассказал ее за два месяца до смерти. Русский текст автобиографии нам не удалось обнаружить, и мы печатаем отрывки из нее в обратном переводе со словацкого языка.

Отобранные для публикации отрывки взяты:

1, 2 — *Синяя тетрадь*, стр. 23—26, 33—34; 3 — *Vlastný životopis*, стр. 422—423; 4 — *Дневник 1921—1923 гг.*, стр. 97—98 **; 5 — *Myšlienky*, стр. 5—6; 6, 7 — *Синяя тетрадь*, стр. 9—13; 8 — *Myšlienky*, стр. 6; 9 — *Синяя тетрадь*, стр. 7—9; 10, 11— *Pamätník*, фото № 136—137, № 62; 12 — *Синяя тетрадь*, стр. 35—37; 13 — *Rozpomienky*, стр. 23—24; 14, 15 — *Vlastný životopis*, стр. 424, стр. 423—424; 16 — *Rozpomienky*, стр. 15—17; 17, 18 — *Синяя тетрадь*, стр. 17—19; 1—6; 19 — *Дневник 1921—1923 гг.*, стр. 102—104; 20 — *Дневник 1915—1919—1921 гг.*, стр. 16—17; 21 — *Дневник 1897—1899 гг.*, стр. 37—38; 22—*Myšlienky*, стр. 11; 23—*Vlastný životopis*, стр. 422; 24—*Дневник 1897—1899 гг.*, стр. 59—61; 25—*Pamätník*, фото № 146, 147, 148; 26 — *Дневник 1897—1899 гг.*, стр. 65; 27, 28—*Синяя тетрадь* — вкладной листок IV, стр. 1; 29—*Дневник 1921—1923 гг.*, стр. 71; 30 — *Синяя тетрадь*, стр. 16; 31, 32—*Rozpomienky*, стр. 18; 19—20; 33—*Pamätník*, фото № 66, 67; 34— *Rozpomienky*, стр. 17; 35—*Дневник 1896—1897 гг.*, ч. I, № 27; 36 — *Rozpomienky*, стр. 19; 37— *Дневник 1921—1923 гг.*, стр. 14; 38, 39 — *Pamätník*, фото № 121, 122, 138, 139, 140; 40 — *Синяя тетрадь* — вкладной листок III; 41—42—*Pamätník*, фото № 133, 134, 167.

---

* *Синяя тетрадь* принадлежит автору настоящей статьи и была подарена ему одним из друзей Шкарвана.

** Здесь, как и в ссылках на другие дневники и рукописи, указываются страницы машинописных копий, хранящихся в *ЦГАЛИ*.

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ И МЕМУАРНЫХ ЗАПИСЕЙ АЛЬБЕРТА ШКАРВАНА

1

Подлинник по-русски

На второй день утром, сейчас же после завтрака, Чертков посадил меня возле себя в мужицкую телегу, и мы поехали в Ясную[1]. Ничего особенного, никакого волнения, никакого смущения, даже никакого любопытства я не испытывал в виду этой встречи, а самое простое, обыкновенное, спокойное чувство, то самое, какое я и прежде сотни раз знал. Подъезжая к т⟨олстовскому⟩ имению, поразила меня сравнительная простота, даже ošaganost *, входа, дальше — запущенность, заброшенность парка, неприглядность дорог и дорожек в нем, так, что я затруднялся бы назвать это даже парком. Я знал по описаниям и рассказам, что Толстой устроил себя просто, но то, что я встретил, поразительно превосходило фантазию. Даже у нас на бедном Slovensku ** не то, что у графов, а у средней руки помещиков куда больше опрятности и Aufgeputztheit *** кругом барских усадеб. И сам дом неважный. Большой, удобный, но далеко не барский — gondokott ****. Особенно нижний этаж, с своими низкими, подвальногewölbt ***** комнатами, тесным коридорчиком, не особенной чистотой производит неважное впечатление. Верх хороший. Просторно, светло, чисто и все в порядке. Без всяких финтифлюшек, дорогих и дешевых, без украшений, но хорошо, гармонично, приятно и, несмотря на простоту, чувствуется Vornehmheit ******, почти что уютно.

Но это я вперед забежал. Мы не входили в дом, а остановились в веранде, где некоторые члены семейства сидели за завтраком. Льва Николаевича еще не было, но была графиня, ее дочери, кое-кто из родственников, гувернантки. В доме у Толстого не чувствуешь никакого стеснения, почти никакой официальности, церемонии, все ведут себя просто и естественно, как многоопытные умные люди. Тон дома царит приятный. Графиня очень repräsentabel******* хозяйка, умная, энергичная дама, с характером. Толстовцы ее недолюбливают, она их, но мне лично она была с начала до конца симпатичная, и я чувствовал к ней уважение. Грешный человек, я в многом отношении сочувствовал ей даже в ее резко отрицательном отношении к «друзьям» Толстого, которых она называла темными, считала непристойным хвостом своего «светлого» гениального Левы.

Через четверть часа пришел Лев Николаевич, утренно-свежий, с легкой походкой, приятно улыбающийся.

— А вот ты познакомишься и с Шкарваном,— сказала ему навстречу графиня.

— Мы с ним уж хорошо знакомы, знаем друг друга, неправда ли? — очень любезно и ласково сказал Лев Николаевич, подавая мне руку, поцеловав меня и глядя мне продолжительно в глаза тем особенным, кажется, ему одному свойственным трогательным пытливым взглядом, которым он как бы осматривает и видит все внутри души вашей. Вы прямо это чувствуете. Знатоки вообще совсем иначе осматривают вещи, чем зритель из публики. Мне говорили, что этот первый Hineinsehen in die

---

* ветхость (слов.).
** Словацком крае (слов.).
*** нарядности (нем.).
**** управляющего имением (венг.).
***** сводчатыми (нем.).
****** барственность (нем.).
******* представительная (нем.).

Menschen * у Льва Николаевича и есть решающий момент в оценке человека и что тут он обыкновенно не ошибается. Всмотрелся человеку, которого в первый раз видит, в глаза и моментально улавливает в нем скрытого волка или дьявола, которого никто в нем не подозревал. Встреча была самая приятная. Я так и знал и ждал, что Лев Николаевич личность приятная, милая, но действительность превзошла, если так можно сказать, ожидаемое. Лев Николаевич милее, чем я ждал, мягче, доступнее: настоящий друг, брат, отец. В этом отношении действительность превзошла ожидаемую картину, хотя и это не поразило меня, и я нашел даже естественным это. Человек действительно превыше всего любящий добро и истину. Человек, сделавший ту работу духа, какую совершил Толстой [2].

2

Подлинник по-русски

По вечерам после ужина обыкновенно все оставались тут же в зале, усаживаясь кругом большого круглого стола в другом конце ее, и шло чтение. Читали громко кое-что из журналов, по указанию Льва Николаевича. Он выбирал авторов, а то читали и неизвестного автора, причем Лев Николаевич обыкновенно после первых же строк лектора решал, сто́ит ли, надо ли читать или нет. Графиня вязала. Играли в шахматы, на рояле. Пели. Лев Николаевич во всем этом участвовал. Шутил, веселил всех. Рассказывал, соответственно публики и настроения, всегда интересно и так, что записывай каждое его слово, вышли бы замечательные записки. Жаль, что этого почти никто не делал. Иногда забава переходила в танец и принимала не невинный характер. Разыгрывались страсти. Пошла русская. Viskaly **. Иногда до самого утра. При таких переходах Лев Николаевич уходил к себе, только иногда заглядывал, что делается. Бывал серьезный. Страдал, волновался. Уходил вообще, когда становилось пусто и неинтересно. Графиня говорила про него: «Он эгоист. Выжмет людей, как лимон, и бросит их». В этом доля правды. Он брал интересное, напрасно не возился с людьми. Так и надо. Так я видал его часто вдруг внезапно уходившим из общества, даже толстовцев. По лицу видно, что ему скучно и грустно.

Sam k sebe povědal: pod'me, L. N.! Je poslušný! — Druhý raz: Vidite ako ja tu žijem! Ako chimík okrúžený svojími elementami, som okružený hriechami. Hádam preto tak znám hiedu sveta»***. Распрощается. Он умел жить содержательно. Напрасно не тратил ни силы, ни время. Он действительно наслаждался, как только гений наслаждается. Это видно было, это чувствовалось. Атмосфера кругом него бывала насыщена духовностью, которая невольно переходила на людей и действовала заразительно иногда на самых тупых.

3

Перевод со словацкого

Раз Лев Николаевич позвал меня погулять, и мы вместе прошли с ним через всю деревню. Я был удивлен, что Толстой знал обо всем, что происходило в деревне. «Что, продал уже лошадь?» — спрашивал он у одного. «Лучше стало твоей жене?» — другого. «Что, приехал уже твой

---

* взгляд, проникающий в душу человека (нем.).

** Взвизгивали (слов.).

*** Сам себе говорил: «Пойдемте, Лев Николаевич! Вы ведь послушный!» — Другой раз: «Видите, как я тут живу! Как химик, окруженный своими элементами, я окружен грехами. Потому-то, кажется, я так хорошо знаю все беды мира» (слов.).

брат?» — обращался он к третьему. Когда мы вышли из деревни, Лев Николаевич показал вдали на горизонте место, где были похоронены его родители. При этом заметил, что он довольно равнодушен к их останкам и что не чувствует к ним особого пиетета. Потом мы подошли к старику, который косил, и видно было, что он совершенно обессилел от тяжелой работы. Лев Николаевич взял у него из рук косу и скосил весь луг. Я был очень удивлен. Он отослал меня домой с просьбой не говорить графине, где он находится и что делает. Как потом выяснилось, он до самого вечера работал вместо старика, питаясь его простой и скромной похлебкой. Он всегда заботился о яснополянских мужиках. Например, вместе со мной он каждый день ходил на стройку избы одной погоревшей женщины. Эта стройка шла под его руководством и наблюдением.

4

Перевод со словацкого

23 ноября 1922 г.

Марья Львовна, дочь Льва Толстого, с которой я познакомился в Ясной, когда она была еще девушкой, произвела на меня глубокое впечатление. Она была высокая, стройная, худощавая, лицом почти некрасивая, бледная, с веснушками, с длинными выступающими вперед зубами и все же красивая, мне казавшаяся очень красивой, ибо была мила, добра и умна. У ней, как и у отца, было чистое, золотое преданное сердце. Она была добра, ласкова, любила правду, жила богатой духовной жизнью. Была мила — прекрасный чистый тип славянской русской женщины. Мне представляется, что характером она походила на мою мать. При этом она была высоко образована. Думаю, что она не только как дочь, но и душевно была близка Толстому, очень близка, полагаю, была ему самой близкой. Не могу без слез умиления думать о ней. То, что на свете существуют такие женщины, какой была Марья Львовна, является одним из редчайших сокровищ жизни.

Я несколько раз ходил с нею к больным; два раза мы вместе ездили в Тулу, в Козловку[3]; раз мы в лунную ночь довольно поздно после ужина сидели вместе на ступеньках перед деревянной верандой, она на одном крае крыльца, я на другом. Как-то раз ей нездоровилось *, она попросила позвать меня к ней в спальню. Там была ее старшая сестра Татьяна и еще кто-то. Позднее пришел и Лев Николаевич. Она лежала одетая на диване, с турецкой подушкой под головой, и поразила меня своей красотой, ей одной свойственной, не физической, а той особой красотой духовно прекрасных женщин.

Еще осталось у меня в памяти, когда в последний вечер перед моим отъездом из Ясной во время игры на рояле она вдруг встала, взяла в руку платок и одна пустилась плясать красивый плавный народный танец, известный в России под названием «русская». Плясала она прекрасно, с темпераментом, в совершенстве, как настоящая танцовщица. Все мы засмотрелись на нее, и я чувствовал, как усиленно бьется мое сердце. Она не только поразительно хорошо плясала, в ней было обаяние; лицо ее совершенно преобразилось, она была обворожительна.

Я должен был на другой день рано утром уехать, кажется, в Москву к Чертковым. Было уже поздно, около двенадцати часов, или, может быть, даже позднее. У Толстых я чувствовал себя так хорошо, обстановка, которая создавалась там главным образом благодаря Льву Николаевичу, была для меня такой исключительной, что, когда я подумал о своем

---

* нездоровилось *написано по-русски.*

отъезде, сердце у меня сжалось, и я почувствовал себя таким подавленным, что чуть не расплакался. Я сидел в стороне, довольно далеко от Льва Николаевича, но он, должно быть, заметил, что со мною происходит, так как, уходя в спальню, особенно ласково пожимая мне руку и пристально посмотрев мне в глаза, решительно сказал: «А вы завтра никуда не уезжайте, останьтесь еще у нас!» Я готов был расцеловать старика, так я обрадовался и так был ему благодарен за эти слова. И, разумеется, остался.

Позднее Марья Львовна вышла замуж за своего двоюродного брата князя Оболенского, доброго милого человека, но духовно стоявшего много-много ниже ее. Я должен был уехать из России, попал в Англию, затем в Швейцарию и жил в Женеве, когда по прошествии нескольких лет получил однажды письмо, в котором сообщалось, что Марья Львовна умерла [4].

Никогда еще не испытанная боль сжала мне сердце, и в присутствии всех, бывших в комнате, я громко зарыдал.

Это была для меня первая потеря действительно дорогого мне существа.

5

Подлинник по-русски

Записал в Ясной Поляне <18>96 (осенью)

Вчера утром заходил к мужику, которого я видел и третьего дня лежавшего больным на грязном полу, покрытого разными лохмотьями. Я не был совсем уверен, в ту ли хату я попал, и потому спросил у встречного мне в сенях мужика, тут ли живет Макаров и дома ли он? Можно было ожидать, что он на работе, так как он сразу заболел, молодой сильный мужик. Когда третьего дня осматривал его, у него, кроме симптомов острого катара и слабого действия сердца, ничего я не заметил угрожающего. Прежде чем мне ответить на мой вопрос, мужик любезно приветствовал меня, а после того только сказал стоично: «Да, Макаров дома, только он уж не живой — мертвый лежит». Мне казалось, что я не то понимаю, что мне говорят, но тут и дверь раскрылась. Под окном на скамье лежал чистой белой простыней покрытый покойник уже Макаров. На столе, покрытом скатертью, горела тонкая восковая свеча и лежал открытый псалтырь. В избе был порядок и было чисто. Кроме вышедшего мне навстречу мужика, был там еще дьяк, и несколько чисто одетых баб сидели молча, праздничнo и глядели спокойно на меня. Я смотрел на покойника, т. е. на простыню, которой он был накрытый и контуры которой показывали, где его голова. Мужик, введший меня, сказал: «Вот жисть-то наша!», подошел к нему и оттянул простыню с его лица, чтоб я мог его видеть. Я еле узнал его, так переменился вчера красный лицом мужик в бледного сегодня мертвеца. Голова была перевязана белым платком, который покрывал большую часть его бороды и волос. Около рта блестела желтая слюна у него. Не только покойник, но и все живые в избе говорили как бы: смерть.

Меня удивляло, что он так неожиданно умер, и я выразил свое удивление: «Как же он так скоро скончался, вчера ведь утром был бодр, разговаривал и особенно не жаловался?»

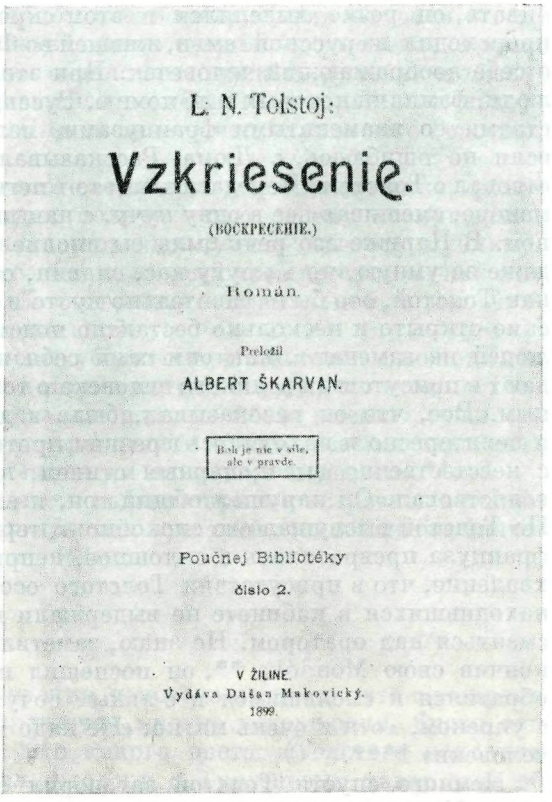
— Да, он крепился. Но под конец ему стало тяжко, вот посюда пополз по полу от боли,— сказал мне мужик и показал на то место возле дверей, куда он дополз.

Я еще огляделся кругом, простился с присутствующими и пошел домой. Выйдя на улицу, во мне отзывались слова мужика: «Вот жизнь наша!»

«ВОСКРЕСЕНИЕ».
ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ
НА СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКЕ.
ПЕРЕВОД АЛЬБЕРТА
ШКАРВАНА (ЖИЛИНА, 1899)

Титульный лист

Личная библиотека Толстого.
Музей-усадьба «Ясная Поляна»


L. N. Tolstoj:

Vzkriesenie.

(ВОСКРЕСЕНИЕ.)

Román.

Preložil

ALBERT ŠKARVAŇ.

Boh je nie v sile,
ale v pravde.

Poučnej Bibliotéky

číslo 2.

V ŽILINE.
Vydáva Dušan Makovický.
1899.

И мысль о смерти вызвала во мне мысли о моей жизни, о деятельности медицинской.

Всех нас ждет та же участь, постигшая Макарова, а мы творим пустой, легкомысленный шум там на Lawn-tennis по целым дням и повторяем то же по вечерам в столовой [5]. И стало мне жалко не одного себя, но и Марию Львовну и других там в доме.

Нельзя шутить, *нельзя* дурачиться так, как это мы делаем, когда смерть у нас у всех за спиной стоит. Но жить серьезно, любовно и разумно надо не переставать, надо думать о том, что скоро исчезнет жизнь наша земная, и мы почти ничего не успели сделать с громадной задачей, наложенной на нас.

И того *нельзя* делать, чтобы ходить к умирающим, за тем, чтобы выслушивать их грудь и ощупывать им живот, подавать им пить ту или другую гадость, в которую сам не веришь и верить не можешь! Надо или совсем не ходить к умирающим, а если ходить, то как к брату, уходящему в другой, вероятно, еще более серьезный, чем этот известный нам мир!

6

Перевод с немецкого

Как-то раз мы собрались в его рабочем кабинете. Толстому нездоровилось, по лицу его было видно, что он страдает; он лежал на кушетке. В комнате, кроме Толстого, был известный писатель Меньшиков [6], Трегубов [7], я и какой-то офранцуженный русский, маленький, жеманный, разряженный человечек с чисто французскими манерами; своим щегольским туалетом, своей изысканной, рассчитанной на эффект манерой разгова-

ривать, он резко выделялся в этом скромном окружении. Он, кажется, происходил из русской семьи, жившей во Франции. Незначительный, много о себе воображающий человечек. При этом присутствовали еще и другие люди, фамилий которых я не помню. Русский парижанин хвалился знакомствами со знаменитыми французами, излагал содержание бесед своих, если не ошибаюсь, с Дюма. Рассказывал, как он с последним философствовал о Толстом. Передавал он это в легкой, поверхностной французской манере, смешивая все в одну кучу, с напыщенным патетическим фразерством. В Париже его речь была бы вполне уместна, быть может, сошла бы даже за умную, но в кругу нас, славян, особенно перед таким человеком, как Толстой, это было разительно пусто и смешно, и присутствующие русские открыто и несколько бестактно подсмеивались над ним *. Многие из людей не замечают, как они сами себя компрометируют, когда рассуждают в присутствии великого человека о том, что они считают умным и важным. Все, что он рассказывал, было в достаточной мере незначительно и неинтересно и находилось в резком противоречии со смешной важностью, с неестественно высокопарным стилем, которым этот человечек разглагольствовал. Он нарушал общий тон, и его разговор был всем в тягость. Но Толстой выслушал его спокойно и терпеливо до конца. Когда же речь француза превратилась в сплошное, неприкрытое бахвальство и самовосхваление, что в присутствии Толстого особенно коробило, некоторые из находившихся в кабинете не выдержали и стали открыто, не скрываясь, смеяться над оратором. Не знаю, заметил ли он это или нет, но едва закончив свою Mondóka **, он поспешил проститься. Но Толстой тут же обратился к смеявшимся и с явным сочувствием к ушедшему *** сказал с упреком, хотя и очень мягко: «Не надо так, нехорошо, мы все люди, все человеки» ****.

Немного спустя Толстой заговорил о Мопассане. Известно, что он ценит Мопассана как одного из величайших художников, своеобразный и удивительный талант которого ему исключительно нравится. Он восхищается Мопассаном [8]. Толстой спросил нас, знаем ли мы рассказ Мопассана «Enfant», пересказал этот и еще другие его рассказы, а под конец остановился на «M-elle Perle». Он чудесно передал содержание вещи. Хозяин дома, богатый, с округлым, толстым брюшком француз, тип настоящего буржуа, человек женатый и отец нескольких детей, рассказывает за биллиардной игрой своему партнеру о романе, который у него в молодости был с одной бедной девушкой, m-elle Perle, воспитывавшейся в доме его родителей. Его связывала с ней настоящая любовь. Он вспоминает эту любовь, и при этом воспоминании слезы текут по лицу богатого и давно погруженного в житейскую прозу буржуа. Он плачет и вытирает слезы руками, испачканными мелом, и лицо его при этом оказывается тоже испачканным мелом [9]. Толстой рассказывал эту скромную историю простыми словами, коротко, но с таким большим чувством, что весь задрожал при передаче этого глубоко художественного эпизода, всхлипнул, у него перехватило дыхание и глаза наполнились слезами. Казалось, он указывал на драгоценную жемчужину, в которой и заключалась настоящая ценность всего рассказа. Да, разумеется, Толстой понимает, как никто другой, все подлинное и прекрасное в жизни и в искусстве. Он знает, что самое прекрасное, то единственное, что остается,— это духовная красота, это то вечное, то божественное, это — любовь, тончайшим знатоком

---

* *Далее незаконченная фраза*: Толстой изменился в лице и сказал тотчас же по уходе этого человека...

** краткую речь (венг.).

*** *Слова* к ушедшему *написаны по-русски.*

**** *Слова Толстого написаны по-русски.*

которой он является. В благоговейном настроении вышли мы затем в сад, счастливые, что были соучастниками такого священного момента. Каким же отрезвляющим холодным душем обдало нас, когда Х., ученик и последователь Толстого, также находившийся в кабинете, с серьезным, недоумевающим * лицом спросил нас: «Вы не знаете, что случилось с Толстым, почему он плакал?»

Я был возмущен нечуткостью этого странного ученика и позже, оставшись наедине с Меньшиковым, дал полную волю своему возмущению. Но Меньшиков, который, вероятно, гораздо лучше знал эту публику, отнесся хладнокровнее, спокойнее, чем я, ко всей этой истории и, как мне показалось, находил нечуткость Х. совершенно нормальной, а мою чувствительность, напротив,— ненормальной.

Я же еще не раз имел возможность убедиться, что многим, а может быть даже большинству из тех людей, которые хотели бы идти по стопам Толстого, тонкие движения души, составляющие, по моему мнению, сущность христианства, оказываются весьма чуждыми и неинтересными даже тогда, когда, как в данном случае, «вещь им на лопате подается» **.

Меня это тем более удивляло, что я издавна привык встречать в нашем словацком народе, часто у самых простых крестьян, тончайшие и благороднейшие чувства.

7

Перевод с немецкого

Как-то рассуждали об определении человека по цвету, что в то время было новой декадентской модой, причем многие утверждали, будто они знают совершенно определенно, кто какого цвета. (Толстого находили золотым.) На это Толстой сказал, что они с Тургеневым давно уже об этом говорили и почти всегда одинаково определяли цвет своих знакомых.

8

Перевод со словацкого

1897 г., март

Сегодня мать Черткова [10] рассказывала мне о том, как к ней пришел Толстой, которого она ненавидела, о котором не могла хладнокровно слышать за то, что он «совратил», как она выражается, ее сына (в глубине души она, несомненно, и теперь к нему иначе не относится).

— Когда лакей доложил, что меня хотел видеть Толстой, и, не застав дома, сказал, что придет завтра, меня всю передернуло, и во мне против него поднялась злоба, всю меня переполнившая. Спустя некоторое время пришла моя приятельница, которой я рассказала, что́ за гостя буду принимать завтра у себя в доме и что́ я чувствую по отношению к нему. Я называю себя христианкой, а полна ненависти к нему. «Права ли я?» — спросила я свою приятельницу.

Когда она ушла, я долго, до поздней ночи на коленях молилась богу, прося его, чтобы он избавил меня от злого чувства. Но напрасно я молилась. В душе моей ничто не изменилось, я чувствовала к нему прежнюю ненависть. Потом как будто мне кто-то шепнул слова псалма: «Перед господом стоят, перед господом падают» [11]. Это меня немного успокоило. Я заснула. Утром я проснулась спокойной, гнева во мне не было. Я чувствовала, что спаситель победил. Я благодарила его за это в своей молитве и потом в таком состоянии стала ждать прихода Толстого.

---

* *Слово* недоумевающим *написано по-русски.*

** *Слова* на лопате подается *написаны по-русски.*

Он вошел весь растроган *, говорить не мог, борода у него тряслась.

— Я бы желал од... но... го, чтоб у вас... не было... ко мне... чувства злобы **... сказал он, и слезы показались у него на глазах.

Я ему ответила, что сегодня у меня нет того чувства ***, но что вчера бы я его не могла принять так, как сегодня. Я молилась спасителю, и он победил во мне. Победа на стороне спасителя! **** Он, Толстой, меня выслушал и сказал мне, что это как раз то,что нужно. Потом он мне сказал:

— Я и сын ваш сходимся в том, что оба ищем правду, и ни о каком влиянии ***** здесь между нами не может быть и речи.

— Простите, граф, но это не так, хотя я хорошо знаю, что в моем сыне самостоятельно началась внутренняя перемена. Но теперь вы безусловно на него влияете, к тому же вы старше, умнее и опытнее.

Черткова прерывала свою речь, так как к нам в комнату все время входил то один, то другой, и, мне кажется, всего недосказала. Она заметила в заключение, что «потом они стали вести между собой обычный спокойный разговор».

Черткова явно ни тогда, ни теперь не понимала, с каким искренним и пламенным желанием сблизиться с ней душевно приходил к ней Толстой. Когда он плакал, то ему, несомненно, было жаль ее, жаль, что она закрывает свою душу перед богом, нашим общим отцом. Когда он плакал, то несомненно любил ее в ту минуту, а когда переменил тон и перешел к обычной беседе, то сделал это, вероятно, потому, что почувствовал, что она не идет ему навстречу, не идет по тому пути, на котором мы все должны сближаться.

Примерно месяц тому назад в Петербурге в тот самый день, когда он говорил с Чертковой, мне об этой же встрече рассказывал сам Толстой. Шел я тогда с ним по улице. Помню только, что он говорил о Чертковой:

— Какая она жестокая, неприступная!.. Был у меня с нею такой тяжелый разговор! И этот фальшивый патос [12], как тяжело его слышать, когда говорят люди про то, что самое святое ******.

9

Перевод с немецкого

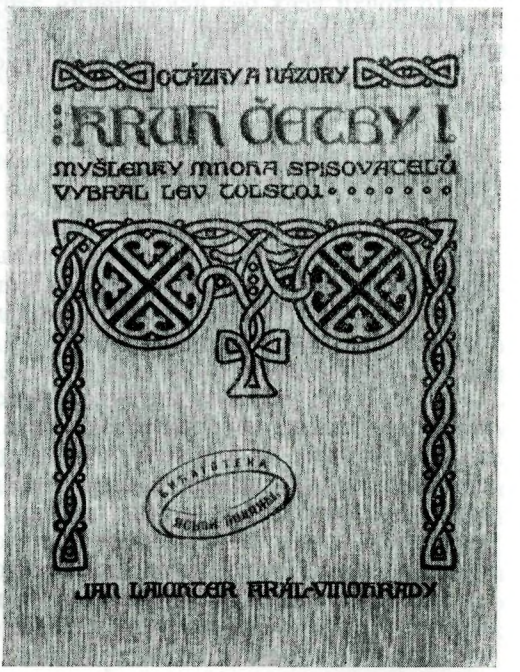
Как-то, воспользовавшись случаем, я рассказал Толстому, что совершенно иначе воспринимал его романы, чем их обычно воспринимают, я сказал, что для меня его дальнейшее развитие, его философские труды, его религиозные воззрения не являются чем-то неожиданным, а скорее логическим выводом из первых. Художник и мыслитель в нем нераздельны. И меня всякий раз удивляло, когда я читал у критиков, будто Толстой совершенно изменился, будто он стал другим.

Толстой слушал меня с напряженным интересом, был даже растроган. «Да, вы правы, вы это правильно почувствовали»,— сказал он. И, с минуту помолчав, после глубокого раздумья с грустью добавил: «Почему так бывает, что одни легко понимают это, а другие никак не могут понять?» И его глаза при этом стали влажными и заблестели от слез. У меня сло-

---

* весь растроган *написано по-русски.*
** *Слова Толстого написаны по-русски.*
*** *Слово* чувства *написано по-русски.*
**** *Слова* Победа на стороне спасителя *написаны по-русски.*
***** *Слово* влиянии *написано по-русски.*
****** *Слова Толстого написаны по-русски.*

«КРУГ ЧТЕНИЯ». ЧЕШСКОЕ ИЗДАНИЕ В ПЕРЕВОДЕ АЛЬБЕРТА ШКАРВАНА и др. (Прага, 1906).
Обложка т. 1.
Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»



жилось впечатление, что он думал при этом о своих близких, особенно о сыновьях, которые духовно были так далеки от него, совершенно его не понимали и были, очевидно, глухи и слепы к тому великому чуду, которое в течение многих лет поминутно совершалось в их непосредственной близости.

Я вспоминаю, как в другом случае Толстой по поводу этого заметил: «Вы мне гораздо ближе, чем мои собственные дети» [13].

10

Перевод со словацкого

7.II, после завтрака

Какой фатальной неудачей было для Толстого, что при его жизни не нашлось в его окружении человека, который был бы, с одной стороны, в достаточной мере глубоким и в духовном и в религиозном отношении и разбирался бы во всех оттенках всего духовного и мудрого в нем, а, с другой стороны, — был бы в достаточной мере художником для того, чтобы правильно схватить всю красоту и все интересное, чем был наполнен каждый день и даже каждая минута этого редкого, беспримерного в истории человечества великого гения! Люди же, находившиеся подле Толстого, это по большей части либо бесцветные, односторонние, фанатичные толстовцы, либо доктринеры. Они, как рой мух, окружали его. Либо это люди умные, но совершенно лишенные религиозного чувства. Приходили к Толстому и деятели искусства, от которых в этом смысле можно было бы больше всего ожидать и которыми сам Толстой, несмотря на все, больше всего интересовался, однако эти деятели искусства не были достаточно крупными и были слишком заняты собой, так что не могли серьезно посвятить свой талант собрату. А жаль, что этого не сделали, очень жаль!

Но почти всех без исключения этих деятелей искусства раздражало у Толстого то весьма многое, чего они совсем в нем не понимали и считали крайним заблуждением большого художника!

11

Перевод со словацкого

Н‹или Нижний, или Новый› Смоковец.
20 декабря 1925 г.

Дикость — вещь восхитительная и очень редкая. Все, что гениально,— дико, стихийно, своеобразно, кристально чисто, как гранит, как алмаз, который переживет культуры и века. Потом подумал я о моем покойном старике из Ясной. В нем была неукротимая дикая сила. Он не боялся один восстать против всего мира, потряс и разбил основы лжи! Подлинный неистовый лев мира!

Вкус Толстого — вкус гениального художника. Толстой и на поприще искусства любил изображать дикость. В глубокой старости, так сказать на краю могилы, он написал своего Хаджи-Мурата, где показал кавказский татарник, героя-дикаря. Написал «Живой труп» со своим милым неудачником диким Федей, написал шедевр, не имеющий равного в мировой литературе,— повесть «Корней Васильев», в которой показал самородка, неукротимого Корнея и его прекрасную смерть.

Из круга своих приверженцев он никого не нашел достойным изображения. Почему? Да потому что они были искусственными плодами, а не прирожденными и естественными героями духа, каким был он сам и какими он мечтал их видеть.

12

Перевод с немецкого

Широко распространено мнение, что Толстой — аскет, человек мрачный, чуждый жизни, не понимающий ее радостей. Жестокая ошибка! Ничто так не далеко от истины! Толстой подлинно наслаждается жизнью, и редко кто так умеет это делать, как он. Он наслаждается всеми чувствами, нисколько не прячась от других. Он любит каждый звук в природе, все ее картины, цветы. Он любит музыку, любит пение, веселые игры в комнате и на лоне природы. Он развлекает общество веселыми рассказами, анекдотами. Бегает, посадив детей верхом себе на плечи. Систематически ходит пешком и ездит верхом, совершает пешие прогулки в такие места и в такое время, каких никто и никогда не делает. Ходит ночью в лес, ежедневно купается, собирает ягоды и грибы. Строит свою жизнь многогранно и интересно. Любит животных, особенно собак и лошадей, и превосходный знаток лошадей. Он великолепный наездник. Испытываешь восхищение, глядя как он вскакивает на горячего вороного жеребца. Да, он наслаждается жизнью и не только ее внутренней духовной стороной, этого никто не оспаривает, но также и ее внешними проявлениями. Но только он делает это разумно, по-настоящему, подходит ко всему с благородной, чистой стороны.

Как он рассказывал в комнате Марии Львовны молодежи историю Жилина![14] Конечно, он обворожителен в обращении с людьми! К каждому у него свой подход, а не один святой шаблон для всех. Он умеет с каждым разговаривать так, чтобы тому было интересно, умеет понять человека часто лучше, чем тот сам себя понимает. Присутствуя при этом, часто кажется, словно ты наблюдаешь чудо природы, так умеет он раскрыть жизнь, распутать запутанное, осветить темное. Ему удавалось создавать вокруг себя атмосферу святости. Он воодушевлял, настраивал на возвышенный лад. Все лучшее при этом пробуждалось в человеке. Хотя, как я уже

сказал, лично мы были далеки друг другу, и в наших отношениях чувствовалась известная натянутость, и я совсем не был с ним так близок, как другие, и критически присматривался к нему, тем не менее в течение тех немногих дней, которые я провел у него, я так к нему привязался, что у меня сердце просто разрывалось от боли, когда мне нужно было уезжать.

Рассказать, как было в тот вечер, когда была музыка *.

13

Перевод со словацкого

Как чехов и «соколов» [15] вас безусловно будут занимать мои воспоминания о том интересе, который Толстой проявлял к спорту.

Толстой с молодых лет занимался культурой тела. Было это заложено в нем как у прирожденного аристократа, с детства, и в течение всей своей жизни он никогда не переставал заниматься всякими видами спорта, несмотря на то, что, как известно из его сочинений, он часто каялся в этом и стыдился этого, когда его, например, еще молодого помещика, рано утром застал поднимающим тяжелые гири пришедший к нему с докладом староста. Не было, вероятно, ни одного дня, чтобы он не занимался спортом.

В первое утро, которое я провел в Ясной, он после завтрака побежал к турнику и, помню, на моих глазах сделал легко и грациозно несколько хороших велл. Я был поражен: нечто подобное я видел только у молодых гимнастов и никогда не ожидал от старика.

Летом, по утрам, поднявшись с постели, он прежде всего выносил за собой ведро, потом в одиночестве молился и затем в халате один, а еще с бо̀льшим удовольствием вместе с кем-нибудь спешил к пруду выкупаться. Плавал он прекрасно и выглядел со своей длинной седой бородой, со своими сильными взмахами рук по зеленой заросшей ряской воде, как старец Нептун.

Он любил иногда и щегольнуть своей физической силой и ловкостью в особенности перед хилыми жителями столиц, к которым всегда относился слегка презрительно.

Рассказывали о визите в Ясную Ломброзо [16]. Лев Толстой не любил его, не нравилась ему, думаю, главным образом, теория дегенеративной наследственности и еще больше, вероятно, его утверждение, что гений — явление болезненное, вид сумасшествия. Толстой, насколько я знаю, считал Ломброзо тупым ученым, как и большинство его коллег. Толстой будто бы довольно резко дал Ломброзо почувствовать это во время разговора с ним [17]. Толстой, такой осторожный и деликатный, когда дело касалось его собственных взглядов, в важных вопросах умел быть беспощадным и резким. В особенности не любил он людей с большим самомнением.

14

Перевод со словацкого

При всей своей серьезности Лев Николаевич любил иногда пошутить и с удовольствием играл с детьми. Раз мы ожидали у шлагбаума поезд, который должен был здесь пройти. Бешено, безудержно приближался скорый поезд, и когда он был от нас на расстоянии всего нескольких метров, Лев Николаевич перебежал через рельсы. Мы все думали, что его уже нет в живых, а когда поезд прошел, мы увидели Льва Николаевича, который, стоя на другой стороне железнодорожного пути, смеялся и кивал нам. Черткову эта шутка очень не понравилась.

* *Последняя строка приписана по-словацки. Шкарван, по-видимому, отметил, что следует описать вечер, когда Мария Львовна плясала русскую (см. отрывок 4).*

«ОТЕЦ СЕРГИЙ»
Гравюра чешского художника Карела Штеха
Из книги: L. N. T o l s t o j. Otec Sergěj
Č. Budějovice, 1946

15

Перевод со словацкого

Жил я в Ясной Поляне целый месяц и удивлялся, как и когда он находил время писать. На спорт, на гостей, на разговоры с мужиками, на прогулки — на все у него хватало времени.

16

Перевод со словацкого

Толстой во всем выделялся среди других и умел сразу взять от других все хорошее. Он был бережливым, хозяйственным среди расточительных русских. В этом отношении он восторгался немцами, их бережливостью и скромностью. Хвалил, например, их рюкзаки, хотя мотивы, которые руководили их бережливостью и скромностью, едва ли одобрял. Он не выискивал в людях их слабые и плохие стороны, как это в большинстве своем делаем мы. Он выискивал в людях все, что в них есть хорошего и красивого, а это было безусловно более мудро и более интересно. Он в каждом вылавливал все хорошее, и когда из глубины души человека ему удавалось извлечь жемчужинку, она его радовала. В Москве * у него были практичные лампы,

* *По-видимому, пропущено*: и в Ясной Поляне.

одна из которых освещала и оживляла его маленькую рабочую комнатку, а на другой он мог также и варить[18] Он варил на ней чай и даже кашу-овсянку! Он любил этим заниматься, в особенности осенью, когда вся семья переселялась в Москву, а он один с несколькими друзьями оставался в Ясной. Большей частью с ним оставались тогда Попов[19] и спившийся капитан[20]. Тогда он сам и дрова носил, они сами их кололи, сами носили воду и т. п. Толстой очень любил это время.

Он был внимателен к людям; никогда я не слышал, чтобы он кого-нибудь высмеивал ⟨...⟩*

Он любил помериться силами и пошутить над сильными мира сего, занимающими высокие посты. Таких он не раз затрагивал за живое, но маленького слабого человека не обижал, а относился к нему нежно.

Как раз тогда он расспрашивал о некоторых французских писателях и художниках, вспомнил также Мопассана, которого он очень высоко ценил как художника и которого горячо любил.

«ОТЕЦ СЕРГИЙ»
Гравюра чешского художника Карела Штеха
Из книги: L. N. Tolstoj. Otec Sergej. Č. Budějovice, 1946

* *Далее следует рассказ о посещении Толстого офранцуженным русским. Эпизод подробно изложен в отрывке 6.*

— Ах, какой он был чудный человек и великий художник. Знаете ли вы, господа, его* m-lle Perle,— спросил он нас и вкратце рассказал содержание этого рассказа⟨...⟩**

Рядом с Толстым каждый день, каждый час и каждая минута были интересны, что, впрочем, вполне естественно. Ведь это была жизнь мудреца и великана-художника, первоклассного художника в искусстве и художника в жизни. Здесь жизнь должна была быть прекрасной и интересной. Все, что он говорил, все что он делал, даже самые мелочи, которые каждый из нас делает, он делал иначе, они имели у него особое значение, все это было как-то правильнее, глубже, чем это бывает обыкновенно. Он рассказывал о собаке, как слушал ее вой, рассказывал о цветах и грибах, которые он собирал, о лошади, о нищем, о сумасшедшем. Он всегда выискивал самую сущность вещи. Раз шли мы с ним в Москве в баню, и дорогой зашла речь о том, в какой класс нам идти — в первый или во второй. Одни были за первый, другие за второй. Спросили его, он ответил: «У меня обе чашки весов одинаково весят — в первый или во второй пойдем, всюду хорошо».

Или нужно было ему идти из Денишек [21] в Ясную, и возник вопрос — надо ли его провожать или он пойдет один. Он сказал: «Мне и с вами хорошо, и одному хорошо...» ***

И это никогда не были пустые, формальные фразы. Ему действительно было хорошо и интересно ****, так как сам он был такой хороший и интересный *****, и как в сказке, все, к чему только он ни прикасался, все превращалось в золото.

Поразительна ****** была его чуткость *******. Он сразу понимал, сразу чувствовал, что в другом происходит, у кого что болит, от чего кто страдает. А память у него была огромная, он помнил все подробности, которые раз услышал. Чувствовал ложь и неправду, и мне плохо пришлось, когда однажды он поймал меня на лжи.

17

Подлинник по-русски

Меня поражало у Льва Николаевича его горячее, живое, неподдельное сочувствие к людям, его живой интерес к судьбе всякого, иногда к кажущимся мелочам. Это что-то совсем особенное в нем. Многие из нас способны сочувствовать людям, испытывать сострадание, чутко почувствовать горе другого, когда оно особенно велико, но Лев Николаевич интересуется судьбой другого и тогда, когда все другие равнодушны к нему и ничего в ближнем не подозревают, именно тогда он умеет подходить к человеку и выжимать из него то, что он сам, быть может, только смутно чувствовал в себе. Бывало иногда в свободный промежуток какой-нибудь обыкновенной беседы он вдруг посмотрит на кого-нибудь сбоку сидящего, глаза у него зажигаются и таким wehmütig******** голосом, так ласково он спросит его: «А что вам, Иван Петрович? Вам скучно у нас? Вы какой-то грустный».

---

* *Слова Толстого написаны по-русски.*
** Подробнее об этом см. в отрывке 6.
*** *Слова Толстого написаны по-русски.*
**** *Слова* хорошо и интересно *написаны по-русски.*
***** *Слова* хороший и интересный *написаны по-русски.*
****** *Слово* поразительна *написано по-русски.*
******* *Слово* чуткость *написано по-русски.*
******** грустным (нем.)

Или, как он сам рассказал, идет он поздно ночью, когда все огни в деревне уже потушены, мимо одного дома, в котором светится огонь, заглядывает в окошко и смотрит, что там грешная старушка, одна-одинешенька, среди поздней ночи делает. Лев Николаевич не смотрит туда, как мы с вами смотрели бы, по любопытству, а ему хочется в эту сокром⟨ную⟩ * минуту в душу заглянуть человеку, и он заглядывает и видит то, чего тысячи других заглядывающих не видели бы.

Эта удивительная тонкость работы его духа создает кругом него, для тех у кого глаза для того, чтобы видеть, уши для того, чтобы слышать, особенную, истинно священную атмосферу, которой, к сожалению, окружающие его, даже «друзья», так мало умели пользоваться. Они, большинство их, постоянно, как варвары, нарушали эту святую тайну своими тысячами расспросов, а он, как лекарь, всегда готовый оставить свое, всем был к услугам, хотя бы как скучны и прозаичны ⟨ни⟩ были ему беды валивших к нему пациентов.

Этим своим внимательным отношением к людям, большинству которых этого никогда не доставалось, он вызывал в собеседниках самое лучшее, и многие при нем от этого прямо переменялись, люди, обычно угрюмые, раздражительные, невоспитанные, часто делались в его присутствии неузнаваемыми. Так и многие толстовцы.

18

Перевод с немецкого

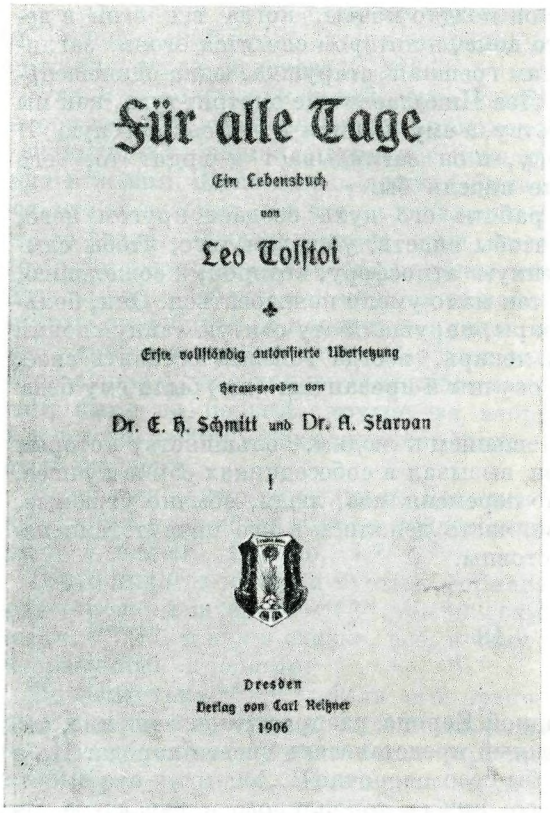
В России, так же, как в Западной Европе, распространено мнение, что Толстой — настоящий и законченный представитель своего народа. Но я под этим мнением не подписался бы безоговорочно⟨...⟩

У Толстого нет ничего резкого, ничего торопливого в характере, он очень тактичен и корректен; при всей своей щедрости — бережлив, даже для немца очень бережлив. Он дошел в этом даже до того, что, будучи на Кавказе, для того чтобы покрыть свои карточные долги, он, артиллерийский офицер и знатный аристократ, в течение продолжительного времени, как сообщают его биографы, ограничил свои расходы пятью рублями в месяц. Любую вещь, которая в какой-то степени еще могла быть полезна, он прятал для себя или для других. Мне случалось даже видеть, как он поднимал с пола обрывки бечевки, аккуратно сматывал их и убирал. Этого не делает ни один русский, пока у него в кармане есть хоть десять копеек. Правда, некоторые из его русских последователей ему в этом подражали, но именно только подражали, а дух расточительности проявлялся у них при этом в другом. Толстой даже любит порядок, правда, не как педант, но несомненно любит чистоту и порядок; беспорядочность, в которой его земляки часто доходят до виртуозности, совершенно ему чужда. Правда, в его произведениях встречаются места, из которых можно заключить обратное. И однажды я слышал от него самого, что он никогда не гонялся за опрятностью. Большинство его приверженцев именно на основании его доктрины поставили себе за высшее правило христианского поведения пренебрегать опрятностью и порядком и выглядеть по возможности неряшливее.

Но я полагаю, что и в данном случае, как и во многих других, происходит большое недоразумение. Толстой проповедует в духе Христа и всех учителей человечества, звавших к спасению мира, крайнюю бедность и самоограничение, т. е. он полагает, что человек, направляющий стопы

---

* *Вероятно, от словацкого слова sûkromný — интимную, сокровенную.*


Für alle Tage

Ein Lebensbuch

von

Leo Tolstoi

Erste vollständig autorisierte Übersetzung

Herausgegeben von

Dr. E. H. Schmitt und Dr. A. Skarvan

I

Dresden

Verlag von Carl Reißner

1906

«НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ». ПЕРВОЕ НЕМЕЦКОЕ ИЗДАНИЕ В ПЕРЕВОДЕ Э. Х. ШМИТА И АЛЬБЕРТА ШКАРВАНА, т. I (ДРЕЗДЕН, 1906)

Титульный лист

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

свои к богу, должен быть налегке и брать поменьше багажа с собой, а еще лучше вовсе не брать никакого багажа, чтобы как можно быстрее и беспрепятственнее идти по пути божьему. Эти же господа, вопреки тому, в чем они хотят убедить себя и других, совсем не спешат к богу. Они облекаются в одежды Сократа, а внутренне нисколько на него не похожи.

Я убедился также, что Толстой очень пунктуален. Он, как англичанин, отвечает сам или поручает кому-нибудь ответить на каждое письмо, чего русские никогда не делают ⟨...⟩ Я скорее присоединяюсь к тем, кто его называет великой и подлинной славянской душой, чем к тем, кто считает его истинным представителем русского начала. С первыми я вполне согласен⟨...⟩ (Его покойная дочь Мария, его любимица, своим духовным обликом очень на него походила.) Он был искренен и откровенен, как дитя, и душа его была ясна, как кристальная вода горного ручья. Глубоко ошибаются те, кто в его взгляде обнаруживал какие-то искры лукавства. Это совершенно не соответствует истине и проистекает из грубой ошибки. Правда, этот великий знаток людей испытующе и быть может даже подозрительно рассматривает каждого, кого видит впервые, выискивая, не прячется ли дьявол где-то в тайных складках его сердца; так он поступал, разумеется, со многими, и кое-кому это, разумеется, могло быть неприятно и могло дать повод к вышеупомянутому мнению.

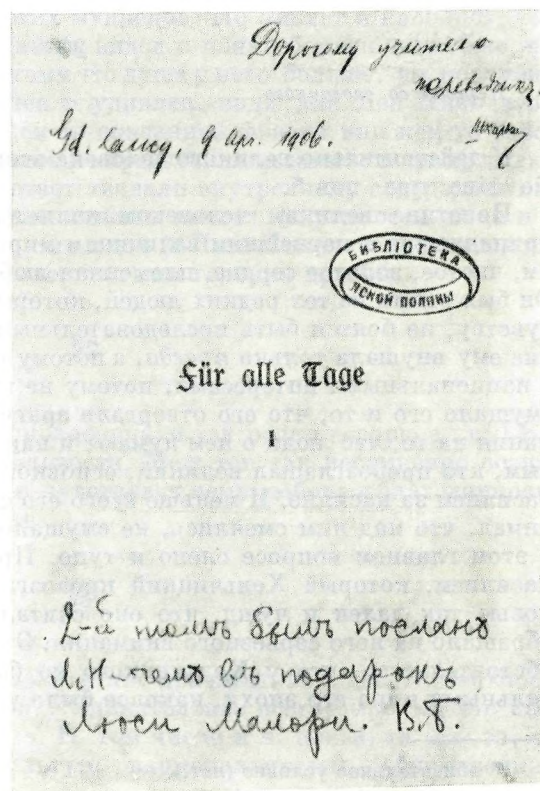
Дьявол не ускользал от его пытливого взгляда, даже если откуда-нибудь выглядывал один только его волосок.

19

Перевод со словацкого

Среди словаков распространено ложное представление о христианском (они неправильно говорят: толстовском) принципе непротивления злу. Наши словаки, желая раз и навсегда опровергнуть Толстого, в качестве безапелляционного аргумента приводят: «Ага! ведь Толстой проповедовал непротивление злу, а это значит бездейственное прозябание, пассивность, равнодушие по отношению к злу»,— одним словом, нечто настолько явно глупое, о чем им, людям умным, не пристало и спорить. Эти люди сами сочинений Толстого не читали, а если кое-что и читали, то поверхностно, не углубляясь в его произведения, не понимая их, считая, что им этого и читать не нужно, ибо абсурдность этого толстовского учения им объяснил такой большой человек, как Гурбан Ваянский, который не раз с пеной у рта разъяснял им это на столбцах словацких журналов. А Гурбан Ваянский объяснял им это в самом абсурдном смысле, потому что критикой Толстого был затронут за живое (gekränkt), глубоко задет в своем самолюбии и самомнении, оскорблен (beleidigt), чего никогда не мог простить Толстому, а потому не пропускал случая, чтобы не оклеветать и не забросать грязью подлинного великана, и перед неосведомленной публикой это ему легко удавалось[22].

В действительности же, дело в том, что Толстой никогда не проповедовал такого грубого непротивления злу, того непротивления, которое ему бесчестно хочет приписать Ваянский, а вместе с ним и другие. Толстой отвергал в борьбе со злом всего мира единственно *противление злу насилием*, не признавал *насилия* как средства, считая его неразумным, нечеловечным и не достигающим успеха. Все иные пути противления злу, которые


Дорогому учителю
переводчику.
Шкарван
Gd. Lancy, 9 apr. 1906.

Für alle Tage
I
2-й томъ былъ посланъ
Л.Н. чемъ въ подарокъ
Люси Малори. В.Б.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ АЛЬБЕРТА ШКАРВАНА НА ПЕРВОМ НЕМЕЦКОМ ИЗДАНИИ КНИГИ «НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ»

(Für alle Tage. Ein Lebensbuch von Leo Tolstoi. Dresden, 1906):

«Дорогому учителю переводчик. Шкарван. Б. Ланси. 9 апр. 1906»

Внизу помета рукою В. Ф. Булгакова

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

являются разумными и моральными, он безусловно признавал, и сам, как никто другой, в течение всей своей жизни воевал и боролся с господствующим злом всевозможными средствами, боролся, как лютый лев, потому-то так и боялись его все принадлежащие к власть имущим, все, чье несправедливое господство под его ударами стало рушиться и будет продолжать рушиться. Толстой учил, что зло нельзя уничтожить злом, черта нельзя выгнать Вельзевулом, нельзя устранить кривду насилием, т. е. кривдой другого рода. Толстой не только не призывал смотреть со сложенными руками на господство зла на земле, но, наоборот, учил, что нужно всеми средствами бороться против господствующего зла, всеми средствами, но только не насилием, так как насилие нельзя сломить насилием и с помощью насилия — оно и дальше будет продолжать существовать, только в новой форме. Надо отказаться от насилия, не прибегать к нему, отвыкнуть от него, убить в себе все побуждения гнева, злобы и мести, воскресить в себе дух милосердия и любви, т. е. заменить старый, бездейственный языческий принцип противления злу насилием самым могучим и единым принципом, который фактически, а не только по видимости имеет действенную силу. Насилие и месть он отвергал решительно и последовательно как средства безуспешные, бесполезные и варварские, которыми искони веков хотят, но не могут помочь и не помогают утопающему в бедствиях миру. Как нельзя грязной, покрытой сажей щеткой вычистить платье, так нельзя насилием исправить мир. Новый, твердый, основательный порядок мира настанет только тогда и при том условии, если мы в принципе будем отвергать насилие и в практической жизни вместо этого будем прощать, что является делом очень нелегким, так как требует большого духовного напряжения и силы. Только если мы так изменимся, тогда только мы будем в состоянии строить новое желанное жилище царства божия на земле!

20

Перевод со словацкого

29 января 1920 г.

У действительно великого человека всегда чистый характер. Это conditio sine qua non *.

Поистине великим человеком является Хельчицкий [23]. Хельчицкий принадлежит к первейшим величинам мирового значения. Трезвый ясный ум, чистое, золотое сердце, пламенная любовь к богу. Таков Хельчицкий. Он был одним из тех редких людей, которые, будучи преданы своей идее и чувству, не боятся быть последовательными до конца. Подлинное уважение ему внушала только *правда*, а потому он не считался ни с частными, ни с национальными интересами, потому не знал страха; равным образом не смущало его и то, что его отвергали враги и друзья. Он не обращал внимания на то, что́ люди о нем думают и как о нем судят. Он был единственным, кто провозглашал великий, основной принцип Христа — не платить насилием за насилие. И меньше всего его смущало то, что никто его не понимал, что над ним смеялись, не смущало его и то, что все человечество в этом главном вопросе слепо и тупо. Принцип непротивления насилию насилием, который Хельчицкий провозглашал, был суровому средневековью так далек и чужд, что оно считало его наивным и грубым и не обращало на него серьезного внимания. Этим объясняется и то непонятное обстоятельство, что у Хельчицкого не было серьезного столкновения с сильными мира его эпохи, каковое было у его современника Гуса, не раз-

* обязательное условие (лат.).

делявшего этого принципа. Последний был как враг католической церкви сожжен на костре. Прошло со времени Хельчицкого больше пятисот лет, мир почти совсем забыл о Хельчицком и о провозглашенном им принципе непротивления. До сегодняшнего дня люди строят свою жизнь в современных республиках на принципах насилия, именно так, как это было при турецком и русском самодержавии. В этом отношении люди остались прежними. Лишь служа правде, народ может быть свободным и счастливым. «Только правда вас спасет».

По прошествии пятисот лет появился другой славянский гений — Толстой.

Они указали нам направление, по которому мы должны следовать, чтобы развивать нашу культуру для сохранения себя самих и оказывать помощь и сотрудничество всему миру.

Пусть тебя не смущает то, что правда божия исчезает у тебя перед глазами. Ты выдержи только и дальше, оставаясь на своем месте, она в новой красоте снова явится тебе.

21

Подлинник по-русски

Мы все одинаково понимаем что $2 \times 2 = 4$, что $10 \times 10 = 100$, но не одинаково видим одну и ту же синеву неба, закат солнца, росу на траве, разно (разностепенно) понимают люди художественные произведения музыки, поэзии, живописи, выражения мудрости. Тут мы видим и понимаем только настолько, насколько мы способны видеть и понимать, а не то — чтобы всякий видел и понимал то, чему художник, или философ, или мудрец дали выражение. Когда люди читают мудрость Лао-цзе, или Будды, или Христа, тогда все почти понимают меньше, чем сказано, потому, что души наши меньше, чем были души этих мудрецов. Но бывает и наоборот, т. е. так, что слушатель или наблюдатель видел и понял больше и глубже, чем было сказано или показано, потому что душа у него больше, ум поглубже.

Я помню, как бывал изумлен и удивлен, видя как Лев Николаевич иногда глубоко бывал тронут кем-то сказанной фразой или кем-то совершенным поступком, которые совсем не представляли ничего из ряду выдающегося и часто даже совсем не ответствовали внутреннему содержанию говорившего или творящего, бывали лишены иногда искренности, пока я не понял, что его больше трогает то, что в нем (в Льве Николаевиче) самом при этом происходило, чем то, что совершал или говорил другой.

22

Подлинник по-русски

Так часто встречаю Льва Николаевича и так редко говорю с ним! Как это странно! Казалось бы нет близости. Меж тем так несомненно сознаю с ним тесное, прочное соединение, чувствую к нему любовь и благодарность.

Оригинал написал в Ржевске.

23

Перевод со словацкого

Я представлял себе Толстого жестким, мрачным, но в действительности нашел славного, милого человека. Удивительнее всего было то, что каждый с ним легко мог беседовать. В том числе и я, невзирая на то, что мы были люди различных культур, национальностей, общественного

положения и происхождения. В Ясной Поляне я играл пассивную роль, больше молчал и наблюдал, чем говорил. После трех дней моего пребывания в Ясной Поляне Толстой мне сказал: «Шкарван похож на моего брата: мудро наблюдает и ничего не делает. Это хорошее качество. Ведь и Тургенев говорил „Лучше ничего не делать, чем делать ничего“».

24

Подлинник по-русски

Я долго не знал, отчего это происходит во мне, что мне хорошо, легко, весело, радостно, мило, когда я играю и вожусь, например, с собачкой, хорошо и так же легко, радостно и мило, когда с детьми, часто точно так же и с разными людьми самого обыкновенного умственного и нравственного калибра, людьми, которые не думают и не занимаются возвышенными идеями и даже смеются над ними, вот с этими всеми мне часто и даже большей частью бывает приятное, легкое, простое, даже радостное общение, а с людьми «нашего» толстовского мировоззрения, с теми, с которыми, казалось бы, должно быть легче всего, ближе всего, милее всего, с этими людьми мне почти всегда бывало тяжело, неловко, неприятно, а часто, очень часто даже мучительно тяжело! И причина вот в чем: и собачка, и ребенок, и бонвивант — они все бывают натуральны, естественны, главное же, без лжи и лицемерия, они все такие, что ничего они про себя не воображают, ничем себя не считают, а уж вовсе не сливками общества или человечества, и поэтому с ними общение натуральное, правдивое, простое, хотя большей частью и поверхностное, несерьезное.

А к «друзьям», почти ко всем, именно к русским друзьям, было постоянно чувство, как будто стена холодная, стена страшная между нами, и чувство это только иногда исчезало на короткое время особенного подъема духовного. Обыкновенно я испытывал неловкость, желание избавиться, удрать от них, удрать и уши себе заткнуть, как от плохой фальшивой музыки. И как сильно я страдал иногда от них! Так сильно, как никогда не страдал от людей пустых и грубых. Соберутся «друзья» в беседке * или просто чай попить, отдельно от других людей, с сознанием, что вот мы единомышленники, друзья! Между ними и сам Толстой бывал. Все рады и любуются, что собрались «свои», что идут между ними такие значительные и редкие разговоры, а у меня при этом как бы душа между двух досок попала, и ее давят, чуть не раздавят до смерти. Так бывало тяжело, что кажется вот-вот не выдержу дальше этого напряжения. А сказать им ничего не могу, почему мне мучительно. Да как сказать? Ведь я во всех взглядах тот же, как они все. А меж тем мне так между ними, как жертве инквизиционной среди инквизиторов.

Раз помню тоже так было, было это в Дёменках у Черткова. Был Лев Николаевич и многие другие. А меня среди них, от них, из-за них защемила эта тоска. Так страдал, так, что лучше бы мне сквозь землю провалиться. И Толстой, один Толстой из них видел мое страдание, и я видел по его лицу, что ему тоже стало тяжело, но тяжело за меня. Понял ли он меня в это время — этого не знаю и скорее имею основание думать, что не понял и объяснил себе меня как-нибудь по-своему. Но он среди беседки** следил за мною, бросал на меня быстрый свой проницательный страдальческий спрашивающий взгляд. Мое страдание для него, должно быть, было очевидным, хотя, может быть, он и считал его недобрым страданием. У меня темнело перед глазами и невольно должен был временами глубоко дышать. И вдруг

---

* *Вероятно Шкарван хотел сказать:* для беседы.
** *т. е.* беседы.

ПОСВЯЩЕННЫЙ ТОЛСТОМУ НОМЕР ГОЛЛАНДСКОГО ЖУРНАЛА «VREDE»
(1908, № 18, 20 августа)
Обложка
Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

дверь открылась и вошел мужик с письмецом для меня от Марии Александровны [24], что у ней корова заболела, просит меня сейчас приехать. Телега ждала на дворе. Какое у меня стало облегчение в этот момент. Точно большую операцию мне кончили делать. «Как приходит спасение всегда в нужный момент»,— подумал, надел пальто и с облегченным сердцем вышел на двор и поехал. И как казалось чудесно на дворе, в полях в сравнении с тем, как было страшно там, в комнате среди друзей!

25

Перевод со словацкого

Так называемое общество и так называемая светская жизнь, где или для забавы, выпивки, танцев или хотя бы для общей беседы, а то по случаю какого-нибудь торжества собираются так называемые интеллигенты, дамы и господа, всегда, начиная с молодых лет и в течение всей моей жизни, были мне в высшей степени отвратительны и противны, казались неестественными, пошлыми, банальными, скучными, и я считал их аморальными...

Толстой — мудрый человек и как только он изменил к лучшему свои убеждения, то радикально и навсегда освободился от этих глупостей и никогда не искал никакого общества и никуда не выезжал, а принимал гостей у себя, однако и это его тяготило. Но он, мастер жизни, не оставался долго в тягостном для себя положении и удалялся. Когда это было бесцельно, он не растрачивал понапрасну свои силы с людьми и не терял даром времени, и когда было нужно, умел быть жестким. От докучливых людей он легко освобождался. Иногда, не говоря ни слова, он просто поворачи-

вался к человеку спиной и отходил. От любопытных, которые приходили к нему, как например, некая миссис, приехавшая прямо из Нью-Йорка только для того, чтобы посмотреть на него, или от наивного купца и других, он просто и быстро отделывался такими словами: «Я, что ли, Юлия Пастрана [25], что посмотреть на меня пришли?» или: «Ну, так смотрите же на меня: нос у меня посредине лица, два глаза по сторонам...» и т. п.

Помню, было это вечером в Москве, в просторной столовой; пришла разодетая посетительница графини, очень цирлих-манирлих и, проходя мимо нас к графине в ее салон, хотела, вероятно, задержаться и у хозяина дома, хотя бы только пожать ему руку и обменяться с ним общими фразами, что было видно и по ее лицу, и по губам, которые она открыла, чтобы заговорить. Но Толстой довольно нелюбезно посмотрел на нее, ни одним словом не приветствовал и не подал ей руки.— «Вот не люблю я такого рода пустых барынь» *. По всей вероятности, он хорошо знал ее и считал плохой подругой для своей жены. Но так резок Толстой бывал очень редко. Только в исключительных случаях он таким образом принимал людей. Обычно же он бывал к каждому приходящему приветлив, вежлив и внимателен, не только не желая никого оскорбить, но, будучи человеком с богатым внутренним миром, старался каждому хоть что-нибудь дать из своего богатого духовного царства на память, на добрую память о себе или, лучше сказать, на жизненный путь.

Неприятных, даже дерзких и всяческого рода неотесанных гостей бывало в Ясной Поляне очень много. И надо только удивляться такту и терпеливости не только Льва Николаевича, но также и графини, учитывая, какие толпы людей они принимали и провожали. Что говорить о Толстом? Толстой был христианин и джентльмен, родовитый аристократ, знаток целого человеческого поколения, ему было легко сортировать людей и знать, кого как принять. Для бедняжки графини посетители мужа, собственно говоря, были совершенно чужды и ab ovo** несимпатичны. Однако и она выказывала при приеме гостей большое самообладание и терпеливость и в этом отношении из желания угодить своему мужу была действительно noble*** хозяйкой.

Приходили к ним в дом, кроме «своих людей», всякие высокопоставленные особы, знаменитые иностранцы, ученые и деятели искусства, выдающиеся журналисты, всякого рода знаменитости, пользующиеся мировой известностью, которых надо было принять и поселить более или менее comme il faut, по-барски.

26

Подлинник по-русски

1899 г.

Помню раз Толстой сказал, что для того чтобы любить другого человека, надо уметь вдумываться в его положение, надо уметь жить его же жизнью. Поэтому нужна к любви способность воображения. Может быть. Но наверное это не единственный путь к любви. Есть другие, а может быть лучше и более совершенные. Просто врожденная чуткость, например, человека может его моментально заставить настолько сожалеть другому и полюбить его, как вряд ли это может самая гениальная способность воображения, вдумывания себя в положение другого. Такой чуткости не нужно много соображать, не нужно долго и зорко изучать, а часто достаточно заметить один штрих в лице, один звук, чтобы сейчас же понять всю глубину чужого страдания, чужого горя и чтобы вызвать к нему самую горячую любовь.

---

* *Слова Толстого написаны по-русски.*

** с самого начала (лат.).

*** благородной (франц.).

27

Подлинник по-русски

В жизни и печати часто встречаются обвинения Толстого в том, что он часто невнимателен к своим посетителям, просьбы и жалобы их не выслушивает, употребляет людей только как объекты для своих художественных наблюдений, что просители мало интересуют его, что он не любит помогать людям. Сама графиня говорила при мне, что он употребляет людей, как лимоны, выжимает их, для того чтобы получить из них сок.

Конечно, в этом есть доля правды, но только не в том смысле, как это обыкновенно понимается, будто он так делал по нелюбви к людям, по скупости и скаредности. Такое заключение относительно Толстого было бы совершенно неверно. Раньше, чем судить, нужно обратить внимание на совершенно особенные условия. Правда, что Толстой бывал сух и резок и невнимателен ко многим, но кто это были? Надо не забывать, что к нему огромной волной хлынули всякие персонажи, желая денежно для себя использовать его, приходили за деньгами проигравшиеся игроки, масса студентов, просивших денег для школ, для фортепиано. Суммы эти, если бы Лев Николаевич пожелал удовлетворить всех, достигали бы, как он сам это говорил, ежегодно миллионов рублей.

Да Толстой и не думал помогать людям деньгами, он ведь отрицает деньги, считает их злом, средством для поддержки рабства, как же обращаться-то к нему за деньгами? Да он и не имел денег, разве в самом ограниченном количестве, которые всегда раздавал всем тем, которые действительно *нуждались,— вдовам, сиротам, pohorelcom*, нищим и т. д.*

Невнимателен, сух, даже резок он бывал, но только по отношению к людям, которые действительно заслуживали того: пустым, любопытным, наглым, лжецам и т. п., которых он большею частью разгадывал с первого взгляда и что иному свидетелю могло показаться совсем не так.

Я сам просил у него раз для себя деньги (рассказать когда и при каких обстоятельствах), и он отказал мне в них. Мне самому это было обидно, тем более, что я просил на том основании, что он сам wiederholentlich ** предлагал мне помощь. Отказал мне и другой еще раз, когда я просил для его же внучки, после смерти у нее ребенка очутившейся в очень затруднительном положении [26].

Но глубже вникнув в дело, я сам понял, что он был прав: люди так или иначе всегда устраиваются и часто в лучшую сторону, чем устроились бы с деньгами.

Нужно жить хорошо, в этом деле нужно помогать людям, вот настоящая нужная помощь, в которой Лев Николаевич никогда не отказывал. А филантропия — ложь, поддельный бумажный цветок добродетели, выросший на почве привилегированного разбоя. Толстой проповедовал уничтожение этой почвы, как же он мог на деле поддерживать ее? Эти дешевые эффекты ему были чужды.

28

Перевод с немецкого

Меня всегда удивляло, как часто Толстой давал себя вовлечь в ожесточеннейшие споры о различных религиозных и социальных вопросах с людьми, не только совершенно чуждыми, но даже враждебными его мировоззрению. В таких случаях мне бывало очень жаль его; и когда это начиналось,

---

* погорельцам (слов.).
** неоднократно (нем.).

всякий раз приходило на ум сравнение с каким-нибудь великим ученым, например, химиком, который стал бы спорить о тончайших предметах своей науки с неграмотными мужиками. Тому, кто никогда не обращал и не хочет обращать взор свой к царствию божиему, тому нельзя доказывать вещи, имеющие значение только в царствии божием. Правда, он сам всякий раз раскаивался в этом, но все же не переставал поступать по-прежнему. Мне кажется, что он часто по доброте своей переоценивал людей, или же это был обычный для русского недостаток — ведь все они, как известно, любят спорить.

29

Перевод со словацкого

27 ноября 1921 г.

Вчера перед сном читал неоконченную драму Льва Толстого «Свет и во тьме светит» [27], и ясно вспомнились мне разговоры Льва Николаевича, собственно говоря, споры и полемика его на религиозные темы с людьми, которым христианский дух в том смысле, как его понимал Толстой, был чужд. Был тот же самый тон, те же самые слова, та же самая форма, как в первом действии этой драмы. Толстой хотел повлиять на людей и направить их на правильный путь с помощью рациональных аргументов. Доводы Толстого бывали интересны и в общем правильны. Но я, вопреки всему, чувствовал при этом, что его слова действуют как об стену горох, и удивлялся, что такой мудрец и знаток человеческой души может заниматься бросанием гороха об стену. Для нерелигиозного человека ведь все рациональные доводы в пользу религии недействительны. Они действительны лишь для того, у кого для этого достаточно глубокая душа. У слушателей, с которыми Толстой вел спор, в большинстве случаев такой глубокой души не было. И на таких людей действовать и влиять следует прежде всего в ином направлении, а именно в том, чтобы они углубили свою душу. Это углубление души есть conditio sine qua non *.

30

Перевод со словацкого

Я удивлялся тому *доверию*, которое он оказывал людям, часто и таким, которые, как мне казалось, абсолютно этого доверия не заслуживали. Я не знал, как это объяснить. Я полагал, что или он мало знает людей, или они его подкупают тем, что на словах называют себя его сторонниками. Позднее я объяснил это иначе и думаю, что объяснил правильно. Этот человек наделен духовными дарами, surchargé, переполнен семенами добра, поэтому он не очень выбирает, где сеять эти семена и не очень исследует почву. Он шагает и шаг за шагом сеет. Мы, у которых семян мало, естественно, более хозяйственно расходуем их, выискиваем такое местечко, где это семя непременно взойдет.

(Übrigens hat er es einmal selbst gestanden **: «Мой недостаток, что я слишком увлекаюсь»...***)

---

* обязательное условие (лат.).

** Впрочем, как-то он сам в этом признался (нем.).

*** *Слова Толстого приведены по-русски.*

31

Перевод со словацкого

Ах, его друзья! Вся эта больная «ватага»! Он вел себя очень хорошо по отношению к вам. А о них я даже не осмеливаюсь произнести свое суждение. Какими бы они там ни были, одно только ясно — по отношению к нему они были неделикатны, каждый из них хотел его поправлять; поучали его, бедняжки! Его друзья были для него сущим наказанием!

32

Перевод со словацкого

Рядом с Толстым и в сравнении с ним все его окружение, в том числе и лучшие из его приверженцев, были все же вульгарны, грубы, варвары, ведь он был таким тонким, благородным и глубоким.

33

Перевод со словацкого

Он был слишком любезным и деликатным, совершенно безоружным против различных действительно весьма сомнительного свойства людей, которые пробирались к нему. Тут у Толстого проявлялась чисто русская мягкость, на которую европеец, как мне кажется, не способен. Человек не должен пускать блох под рубашку. Может быть, здесь было стремление во что бы то ни стало проявить христианскую кротость, но это часто создавало для престарелого страдальца крайне тяжелую ситуацию. Так, мне рассказывал Дунаев [28], который был другом Толстого и был ему особенно

«ВОСКРЕСЕНИЕ». ЧЕШСКОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ (ПРАГА, 1951)
Художник Ян Яворский
Обложка

симпатичен, что раз Толстой косил луг вместе с неким Алехиным [29]. Алехин был в мужицких отрепьях и лаптях. Алехины были два брата, оба ярые толстовцы, один из них кончил свою толстовскую карьеру тем, что открыл спиртной завод, который будто бы приносил хороший доход, другой брат поступил в монастырь, стал православным монахом. Братья Алехины принадлежали к большому числу тех приближенных несчастного Льва Николаевича, которые всегда лучше, чем он сам, знали, как ему следует жить, и постоянно его увещевали и во что бы то ни стало хотели заставить его исправить свои ошибки. Так было и на сенокосе. Алехин упрекал Толстого, зачем он живет с своей женой, говорил, что ему надо ее оставить, что он должен ее оставить, что этого требуют от него Евангелие и этого ждут от него люди. Отметим, что так, более или менее, думали все русские толстовцы, начиная с красного папы Черткова и до последней переписчицы *. Толстой защищался от алехинских нападок как только мог, до тех пор, пока не переполнилась его чаша терпения, и он, у которого тоже в жилах текла не вода, заревев, поднял косу и хотел зарубить своего противника. Толстой не зарубил шалопая Алехина, коса у него выпала из рук, он упал на землю лицом ниц и заплакал навзрыд [30].

Вот такие друзья и последователи были у великого Толстого. Их была целая коллекция.

Это произошло года за два до моего приезда в Россию. Дунаев ничего не прикрасил и передавал всю эту историю со слов самого Алехина, который ее по горячим следам рассказывал товарищам, по всей вероятности, не без удовольствия: мол, вот какой он непротивленец! **

34

Перевод со словацкого

Толстой—страстный человек, первоклассный художник, святой, мудрец, все это сочеталось в одном лице. Его любовь к Софье Андреевне — прекрасна. Страстная, верная любовь в течение всей долгой жизни. Не знаю, умела ли Софья Андреевна должным образом оценить это. Он же безусловно ценил. Ему безусловно жаль было расстаться с этой любовью.

35

Перевод со словацкого

Большой ошибкой было бы думать, что именно те люди, которые примкнули к учению Толстого, являются самым лучшим элементом, что именно они являются людьми самыми благородными. Среди огромного большинства людей есть много таких, которые не дошли до сознательной духовной жизни, но душа которых представляет собою редкостные жемчужины, люди, которые иногда творят перед богом более заслуженные дела, чем тысяча забот, положенных некоторыми на распространение идей Толстого, или на раскрытие несправедливостей, совершаемых над духоборами.

(Одно дело — то, что делает Толстой, и совсем другое — то, что делают многие из его так называемых приверженцев!)

Дух божий проявляется настолько свободно, что об этом большинство религиозных людей и понятия не имеет. Ценные наблюдения сделал Петефи:

Czárdákban jobb sziveket láttam én már,
Mint minőket lát naponkint
Térdelni az oltár ***.

---

* *Слово* переписчицы *написано по-русски.*

** *Текст от слова* удовольствия *написан по-русски.*

*** А чистых сердцем между пьяных рож/ Я видел больше, чем среди святош. (Ш. Петефи. Развалины корчмы. — Собр. соч., т. V. М., 1952, стр. 342. Перевод с венг. Б. Л. Пастернака.)— Шкарван цитирует Петефи не совсем точно.—*Ред.*

36

Перевод со словацкого

Люди не признают Толстого, потому что он не входит в рамки их жизни и в рамки всей цивилизации и культуры. Они не подозревают, что при выборе между рамкой и Толстым без всякого колебания надо выбрать Толстого, даже и в том случае, если бы потребовалось всю рамку выбросить, так как Толстой более ценен и более нужен.

37

Перевод со словацкого

13 декабря 1921 г.

Европа отвергла Толстого, что означает только одно, что она не хочет принять правду, не хочет или не знает, как отречься от своей фальшивой, псевдохристианской, в основе насильнической цивилизации. Но этой своей позицией по отношению к Толстому, если она не откажется от нее, она сама подпишет себе смертный приговор.

38

Перевод со словацкого

Уже когда я был в России, в толстовских кругах отмечалось и, мне кажется, что даже сам Лев Николаевич был одним из первых удивлен тем, что его идеи, которые всюду, у всех европейских и даже у некоторых азиатских народов имеют своих адептов, не имели их только у французов. В связи с этим фактом высказывалось мнение, что отсюда становится ясным, насколько французы поверхностны, несерьезны, что они вырождаются и т. п.

Но во мне (хорошо это помню) еще тогда все это вызывало возражение: нечего жалеть *, что французы не участвуют в вашем шаблонном и довольно бездарном движении. Французы — народ со вкусом, народ d'esprit **, народ гениальный, подождите, какое он поразительное, новое и свое скажет вдруг слово в унисон Льву Николаевичу! И действительно, сегодня французы далеко опередили весь христианский renaissance *** в лице милого Ромена Роллана.

Но не удивительно, что первое движение среди русских вышло таким неудачным, им не хватало очень многого, чтобы действительно воспринять всю тонкость и глубину толстовского слова, и они были в этом отношении как ⟨1 *нрзб*⟩, недоразвитые стебли травы под могучим столетним дубом. Непосредственно под могучими дубами жирные луга не бывают, и время и труд нужны, чтобы поспеть пшенице. Да и нужен талант, чтобы пробить себе дорогу. Невыпеченным печивом кормили публику. И еще говорили, как в таком случае говорят словаки: первого щенка бросают в воду.

39

Перевод со словацкого

Кем и чем является Достоевский, которого до сих пор люди так мало понимают? Достоевский — оригинальный и гениальный художник и не-

---

* *Начиная со слов*: нечего жалеть *и далее до слов в следующем абзаце* себе дорогу *написано по-русски.*

** умный (франц.).

*** возрождение (франц.).

обыкновенной силы и выразительности писатель, психолог, но с большими дефектами, настолько большими, что вообще под вопрос ставится все его величие, не мнимое ли оно.

Самому Достоевскому мало было быть только великим писателем-романистом, он хочет быть прежде всего христианским мудрецом.

Но он совсем не мудрец. Мудрец до конца продумывает и выясняет каждый тезис и ярким светом освещает каждую правду. Мудрец совершенно ясно разбирается в делах мира и в скрытой перед миром правде божьей. А у Достоевского моральной ясности и точности совершенно нет.

У него вы повсюду встречаетесь с непродуманностью, моральной и аморальной абракадаброй, хаосом.

Достоевский во всем остается поверхностным. Он смешивает и монашеское и даже официальное православие с христианством Христа. Как художник и психолог он преувеличивает темпы развития событий и часто в обрисовке характеров доходит до безумных крайностей. Достоевский не разбирается точно в моральных и психических правдах. У него допустимы такие абсурдные типы, как религиозные пьянчуги и святые или почти святые проститутки.

Достоевский часто не видит различия между грехом и добродетелью. Мало того, он даже никогда не считал достаточно важным до конца доводить трезвое объективное изучение жизненных и душевных явлений. Он вообще не вылез из русофильства и именно не русского русофильства, а русофильства чужого, так как русофильство его —православное, патриотическое, самодержавное. У него не было моральной смелости и силы объективно и строго проанализировать великие вопросы религии и государства. Великому художнику и мыслителю нельзя останавливаться на полпути, он должен продолжать свое исследование, не принимая во внимание временные и местные явления и интересы, он должен продолжать свое исследование, искать только голую правду. Достоевский, по-видимому, боялся выйти из круга дозволенных русско-европейских взглядов, что могло бы привести его к противоречию с самим собой и со всем миром, несмотря на то, что он как политический и социальный революционер когда-то стоял под виселицей и претерпел мучения в Сибири. Но огромная разница — быть социальным революционером-патриотом и революционером духа и правды!

Многие люди на одну доску ставят Достоевского с Толстым! Это грубое недоразумение, свидетельствующее о непонимании как того, так и другого. Когда люди смогут постичь настоящее значение Толстого, тогда они в состоянии будут измерить и высоту Достоевского и поразятся небольшим значением последнего.

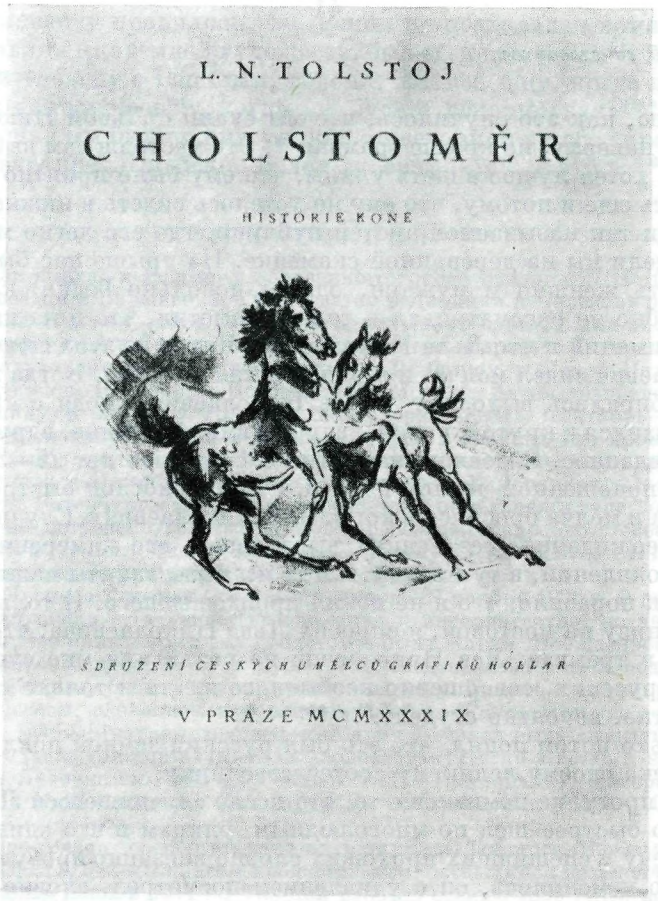
Толстой—великан духа. Толстой нанес смертельный удар остаткам старого, насильнического, псевдохристианского и фальшивого современного мира и прорубил врата в новую, свободную жизнь, в то время как Достоевский только чрезвычайно талантливый и интересный писатель, притом, во всем, что касается общечеловеческих вопросов, решений социальных и духовных проблем, писатель весьма отсталый, любопытный музейный экспонат, совсем не вождь и не мудрец. Люди все это со временем поймут. А пока что они лишь болтают об этом.

40

Перевод со словацкого

Достоевский — русский par excellence * и ничего больше. Он высоко возвысил себя как русского, но не поднялся над ним, остался и патриотом и православным, он и Христа русифицировал. Но, главное, по самой сути своей остался русским.

* прежде всего (франц.).



«ХОЛСТОМЕР». ЧЕШСКОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ (ПРАГА, 1939)
Художник Э. Котрба
Титульный лист

Толстой намного перерос рамки русского, эти широкие рамки были для него страшно узкими, он вырос в настоящего всечеловека, *богочеловека*. И это не только благодаря силе ума, широте своего мировоззрения, глубине своего сердца, вообще всей своей почти беспримерной гениальности и духовной силе. Но из рамок русского он вырос так же благодаря практической жизненной мудрости, которая проявляется в самых повседневных и самых мелких вещах, в чем русские показывают себя просто варварами. Толстой к каждому предмету относился как к достижению человеческого труда, серьезно, с уважением. Ни одной веревочки легкомысленно и напрасно не выбрасывал. Ему было неприятно, если в доме напрасно горела свеча, разумеется, все это не из экономии, но из уважения к общему достоянию человечества, из сознания, что мы не имеем права расточительно и небрежно относиться к вещам, поскольку они так тяжело приобретаются, с таким трудом и пóтом создаются. Он первый из русских интеллигентов дошел до этого мудрого взгляда. В этом русские, повторяю, варвары.

41

Перевод со словацкого

7 февраля 1926 г.

Не помню, как это случилось, что мы ехали с Львом Николаевичем в Петербурге наверху, на крыше трамвая *. Это место он сам выбрал, думаю потому, что хотел лучше видеть улицы, что ему было приятно на воздухе, а может быть еще и потому, что ему не хотелось сидеть в нижнем закрытом вагоне среди так называемой чистой публики, где его легко могли бы узнать [31]. Сидели мы на деревянной скамейке. На крыше нас было немного, человек пять женщин и мужчин, одетых довольно бедно, как рабочие. Я их подробно не рассматривал и только заметил, что и на нас никто не обращал внимания и что Льва Николаевича никто из этих людей не узнал. Лев Николаевич сидел молча, и я рядом с ним — тоже. Когда мы на одной из улиц собирались выходить и Лев Николаевич, сходя с крыши трамвая, приблизился к крутой, узкой, ведущей вниз лестнице, вдруг случилось нечто неожиданное. Сидевший напротив нас человек лет 25—30, высокий, бледный, в поношенном черном пальто, с молниеносной быстротой встал с своего места и молча бросился в ноги Льву Николаевичу. Случилось это так быстро и неожиданно, без всяких выдававших его намерение предварительных проявлений, в ту минуту, когда мы были заняты нашим уходом, и меня это так поразило, что я не понял произошедшего. И только когда мы уже были внизу на мостовой, я спросил Льва Николаевича, что собственно произошло в трамвае. Лев Николаевич не разъяснил мне сущности этого для нас, нерусских, совершенно необычного жеста и только сказал: «Мне это неприятно, вероятно студент...» **

И я только потом понял, что это был русский земной поклон неизвестного человека своему великому соотечественнику.

Об этой прогулке помню еще то, что после случившегося Лев Николаевич заметно быстрее шел по многолюдным улицам и что один из шедших нам навстречу и спешивших прохожих словно внезапно пробудился от сна, лицо у него изменилось, он с удивлением посмотрел, словно его осветил внутренний свет и, остолбенев на минуту, остановился и приятно пораженный посмотрел на Льва Николаевича и вслед ему. Но Лев Николаевич ни на кого не обращал внимания и пошел еще быстрее, как бы хотел исчезнуть от любопытных и незаметно слиться с общим движением улицы.

Так проводил я его к богатому особняку его товарища юности *** кн. Олсуфьева [32], выдающегося шахматиста и математика, с которым Лев Николаевич любил посидеть и поиграть в шахматы.

(В то время, когда я писал это воспоминание, я вспомнил, что это Чертков послал меня сопровождать Льва Николаевича к его «товарищу» ****.)

42

Подлинник по-русски

Не знаю как и почему именно я-то удостоился стать проводником Льва Николаевича при его посещении художников Репина и Ярошенка. Лев Николаевич любил всякое искусство, а Репина он ценил особенно высоко из-за его великого таланта и тоже из-за его демократического революционного, антицерковного, антигосударственного направления.

---

* *Шкарван всюду в этом отрывке дневника называет конку — трамваем. В то время (1897 г.) в Петербурге трамвая еще не было.*

** *Слова Толстого написаны по-русски.*

*** *Слово* юности *написано по-русски.*

**** *Слово* товарищу *написано по-русски.*

Льву Николаевичу нравилось, что Репин не поддавался влиянию власти, хотя и управлял Академией художеств, был ее директором[33], и рад подшутил* по этому поводу с Репиным, говоря: «Я все жду, когда вы перейдете в стадию эрупционнюсь**, когда вы будете декорирован»***.

У Ярошенка мы были с ним уж как-то вечерком на его скромной петербургской квартире. Ярошенко болел туберкулезом, а это в ****

ПРИМЕЧАНИЯ *****

[1] Шкарван выехал в Россию из словацкого города Жилина 27/15 июля 1896 г. и 29/17 был проездом в Варшаве. В Тулу и затем в Дёминки к Черткову он приехал, вероятно, 19 или 20 июля ст. ст., а на утро следующего дня, 20 или 21 июля, вместе с Чертковым отправился в Ясную Поляну и встретился впервые с Толстым.

После полуторамесячного пребывания в Дёминках и Ясной Поляне Шкарван уезжает в Нижний-Новгород, Богородск и Москву. Затем возвращается обратно в Ясную Поляну и живет у Толстого около трех недель (сентябрь—октябрь). Из Ясной Поляны он направляется в Ржев, а оттуда в Москву, где проводит декабрь 1896 г. и большую часть января 1897 г. В Москве он поселяется у Черткова, а после отъезда Черткова в Петербург живет у Толстого в Хамовниках. Около 20 января Шкарван едет в Петербург и там снова встречается с приехавшим туда Толстым. (*С. К.*)

[2] О первой встрече с Толстым Шкарван рассказал подробно в своей автобиографии (Albert Škarvan. *Vlastný životopis.*— «Prúdy», 7.IX 1926, str. 411—425).

[3] Ст. Козловка-Засека (ныне ст. Ясная Поляна).

[4] Мария Львовна *Толстая-Оболенская* умерла 27 ноября 1906 г. О дочерях Л. Толстого Шкарван писал: «Татьяна Львовна умна и интеллигентна, но человек себе на уме. Известно, что ближе всего ему (Толстому) была Мария. Врожденное благородство характера, доброе сердце, богатая душа. Она следовала за ним и подражала ему в своей жизни. Поэтому была у матери на плохом счету. Память о ней сохранится». Подлинник на русском, словацком и немецком языках. (*Синяя тетрадь*, стр. 42—43).

В другом месте Шкарван говорит: «...Мария Львовна была симпатичная, искренняя и благородная. Толстой называл ее „золотой“» (*Vlastný životopis*, str. 423).

О Марии Львовне см.: «И. Е. Репин и Л. Н. Толстой», II. Материалы. М.—Л., 1949, стр. 47 и П. Перцов. Литературные воспоминания 1890—1902 гг. М.—Л., 1933, стр. 145.

[5] Написано, очевидно, под впечатлением от драмы Толстого «И свет во тьме светит» (т. 31, стр. 133, 217, 242). Над этим произведением, оставшимся незаконченным и впервые напечатанным лишь в 1911 г., Толстой работал осенью 1896 г. Он познакомил, вероятно, Шкарвана с первыми редакциями драмы, для одного из героев которой Шкарван послужил прототипом (см. вступительную статью).

[6] Михаил Осипович *Меньшиков* (1859—1919) — реакционный публицист. В 1880—1890-е годы заявлял о своем сочувствии взглядам Толстого; позднее перешел в крайний правый лагерь.

[7] Иван Михайлович *Трегубов* (1858—1931) — сотрудник издательства «Посредник» в 1893—1897 гг. В 1897 г. вместе с В. Г. Чертковым и П. И. Бирюковым подписал воззвание о помощи духоборам, за что был выслан в Курляндскую губернию.

[8] См. Г. В. Кирьяков. Мопассан в оценке Л. Н. Толстого.—«Ученые записки Кемеровского гос. пед. ин-та». Сб. трудов кафедр литературы и педагогики, вып. V. Кемерово, 1962, стр. 89—103.

[9] В пересказе рассказа Мопассана «M-lle Perle» встречаются неточности. В оригинале буржуа вытирает лицо не руками, а полотенцем, испачканным мелом; м-ль Перль не была бедной. Возможно, что эти неточности допустил не Толстой, а Шкарван.

[10] Елизавета Ивановна *Черткова*, рожд. Чернышева-Кругликова (1832—1922), последовательница евангелического (пашковского) сектантского учения. Толстой виделся с ней в Петербурге в феврале 1897 г., когда приезжал проститься с высылавшимися за границу Чертковым и Бирюковым (*Н. Г.*).

---

* рад подшутил — любил подшутить — словакизм.

** *Смысл этих последних слов неясен.*

*** От французского décoré — награждены орденом.

**** На этом последний дневник Шкарвана обрывается. В конце дневника рукой жены Шкарвана написано по-словацки:

«Толстой возгласил правду жизни!

(Многократно повторял эти свои последние слова уже почти в агонии мой милый муж.)»

Шкарван умер 30 марта 1926 г.

***** Некоторые примечания принадлежат Н. Н. Гусеву и С. Колафе. Они отмечены инициалами: *Н. Г.* и *С. К.*

[11] Неточная цитата из «Послания апостола Павла к римлянам», гл. 14, ст. 4: «Перед своим господом стоит он, или падает...»

[12] Толстой произносил обычно не «патос», как пишет Шкарван, а «пафос» (*Н. Г.*).

[13] За два месяца до смерти Шкарван рассказал Ф. Белявину об этой беседе с Толстым с некоторыми дополнениями и изменениями. Приводим этот рассказ в переводе со словацкого:

«Раз Толстой спросил меня, когда я начал чувствовать его влияние. На это я ему ответил, что после прочтения „Войны и мира", хотя до этого я не читал его философских сочинений. Ведь это произведение является как бы введением к его философским сочинениям. „Ваша дальнейшая перемена меня совсем не удивила,— продолжал я,— это было совершенно естественное и неизбежное продолжение того, что я уже почувствовал в ваших романах". При этом я заметил, что книга „Война и мир" привела меня к правильному восприятию внешнего мира. На это Лев Николаевич кивнул головой и сказал: „Ах, вы это тонко понимаете. Удивительно, что некоторые люди, например моя семья, не понимают этого, другие, как вы, это хорошо понимают"» (*Vlastný životopis*, str. 423).

[14] Об этом же более подробно Шкарван пишет в автобиографии: «Лев Николаевич умел очень интересно рассказывать. Помню, как он нам рассказывал о своих приключениях на Кавказе и признался, что Жилин в его рассказе „Жилин и Костылин" — это он сам. Рассказ этот мы все слушали с затаенным дыханием. Но больше всего он понравился мальчикам» (*Vlastný životopis*, str. 424—425).

Речь идет о рассказе Толстого «Кавказский пленник». Как известно, в основу первой части рассказа лег эпизод из жизни Толстого (см. т. 21, стр. 668). О признании Толстого, что Жилин — это он сам, впервые сообщает Шкарван.

[15] «*Сокол*» — чешская гимнастическая организация, основанная в 1861 г. д-ром Тиршем.

[16] Чезаре *Ломброзо* (1856—1911) — итальянский психиатр и криминалист.

В автобиографии Шкарван дополняет публикуемый фрагмент: «Утром с Чертковым и Львом Николаевичем мы ходили купаться. Толстой прекрасно плавал и очень хорошо нырял. Ведь он знал и любил все виды спорта, особенно езду верхом. Гимнастикой и теннисом он занимался ежедневно. Помню, что раз мы купались в пруду. Толстой явно презрительно рассказывал, что недавно его посетил „сумасшедший старик Ч. Ломброзо, совершенно неинтересный человек"» (*Vlastný životopis*, str. 422). Возможно, что Толстой вспоминал эпизод, о котором говорит и сам Ломброзо, описывая посещение Ясной Поляны. «... Более всего и с полным правом гордился он <Толстой> своей физической силой и выносливостью, которые он, кажется, не без удовольствия показывал мне. В самый день моего приезда он в продолжение двух часов играл с своей дочерью в лаун-теннис, после чего, сев на им же самим взнузданную и оседланную лошадь, пригласил меня ехать вместе с ним купаться. Ему доставило особенное удовольствие видеть, что я через четверть часа не мог уже плыть за ним, и, когда я выразил удивление его силе и выносливости, жалуясь на свою немощность, он протянул руку и приподнял меня довольно высоко от земли, легко, как маленькую собачку» (C. L o m b r o z o. Chez Tolstoï. Цезарь Ломброзо. Мое посещение Толстого. Carouge—Genève, 1902, стр. 6).

[17] Толстой считал ложной созданную Ломброзо теорию «преступного типа», как особой разновидности человека. В разговоре с Ломброзо Толстой сказал о ней, что это бред (*Н. Г.*).

[18] Эти лампы можно видеть и теперь в Хамовническом доме (*Н. Г.*).

[19] О Евгении Ивановиче *Попове* Шкарван писал: «Начали мы (молодые толстовцы, живущие в Австро-Венгрии — в Праге, Инсбруке и др.) переписываться с толстовцем Поповым, который посылал нам из России книги. Попов был владельцем рудников в Сибири, имел семью, но под влиянием Толстого все оставил: богатство, жену и стал аскетом, пустынником византийского стиля» (*Vlastný životopis*, str. 417).

Шкарван вспоминает, что по приезде в Россию, на станции в Туле видел мрачного толстовца Попова, «высокого и черного, как византийская икона, который когда-то посылал мне из России книги. По правде, я испугался, увидев эту первобытную фигуру, и боялся с ним заговорить» (*Vlastný životopis*, str. 421).

[20] Александр Петрович *Иванов* (1836—1912) — переписчик Толстого, бывший офицер, ставший босяком, обитатель Ржанова дома (см. т. 31, стр. 315). Интересные воспоминания об А. П. Иванове см.: А. С е р г е е н к о. Встречи с Толстым.— «Новый мир», 1960, № 9, стр. 230—233.

[21] Очевидная описка Шкарвана. Речь идет о Дёменке — деревне в четырех километрах от Ясной Поляны, где летом 1896 г. Чертковы жили на даче.

[22] Гурбан (Светозар) *Ваянский* (1847—1916)—известный словацкий писатель, литературный критик и публицист, сторонник национальной независимости Словакии. Ваянский высоко ценил русскую литературу: Грибоедова, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого. Последнему он посвятил много статей. Толстого как художника Ваянский восхвалял, считал его «королем королей» литературы и называл русским Шекспиром, русским Гёте, русским Гомером. Но, возлагая надежды на

царскую Россию как будущую освободительницу славянства, Ваянский был связан с русскими реакционными кругами и враждебно относился к выступлениям Толстого против самодержавия. (См. Andrej M r á z. Zo slovenskej literárnej minulosti. Vajanského rusofilstvo. Bratislava, 1953, str. 288—301; Dionýz D u r i š i n. K náhl'adom S. H. Vajanského na dielo a činnost' L. N. Tolstého na Slovensku. Bratislava, 1960, str. 83—116).

В 1892 г. Ваянский напечатал по-русски в журнале «Славянское обозрение» (кн. 2 и 4) статью «Граф Л. Н. Толстой как художник и мудрец». Он просил Д. П. Маковицкого ознакомить Толстого с этой работой, что Маковицкий и выполнил, послав Толстому оттиск статьи.

Толстой в письме к Маковицкому от 10 февраля 1895 г. неодобрительно отозвался о статье Г. Ваянского: «Брошюра обо мне не хороша. Автор приписывает ложное значение художеству, ставит его выше всего и потому совершенно не понимает того, в чем состоит религия вообще и христианство в частности» (т. 68, стр. 29).

Но если в названной статье Ваянский выступал против Толстого с большим тактом, отдавая должное уважение великому русскому писателю, то два года спустя в газете «Národnie Noviny» (1894, № 84) он поместил оскорбительную и грубую статью «Lev Tolstoj čo bludár». Ср. Dionyz D u r i š i n. K náhl'adom S. H. Vajanského...

[23] Петр *Хельчицкий* (1390—1460) — чешский мыслитель, один из идеологов Общины чешских братьев, последним епископом которой был известный писатель и педагог Ян Амос Коменский. Хельчицкий выступал против католического духовенства и монахов, против светской власти, которую считал языческой, против государства, против войны и вообще против пролития крови. На Хельчицкого оказали влияние Виклиф, Ян Гус и другие религиозные мыслители. Критически воспринимая учение своих учителей, Хельчицкий во многом с ними не соглашался и выступал против отдельных их положений. Самое знаменитое из сочинений Хельчицкого—«Сеть веры» (1440—1443).

Интерес к Хельчицкому Толстой начал проявлять в 1880-х годах. Он неоднократно отзывался о нем восторженно. В недельных чтениях «Круга чтения» в статье «Петр Хельчицкий» Толстой разбирает содержание «Сети веры» и заключает свою статью несколькими выдержками из этого сочинения (*П. Б.*).

Статья «Петр Хельчицкий» представляет собою переработанную Толстым биографию Хельчицкого, написанную чешским толстовцем Ярославом Яначеком специально для «Круга чтения» и переведенную на русский язык Д. П. Маковицким. История возникновения этой статьи такова: осенью 1904 г., будучи в Ясной Поляне, Маковицкий предложил Толстому, работавшему над «Кругом чтения», включить в этот труд некоторые материалы из чешской и словацкой истории. Толстой согласился, и тогда Маковицкий обратился с просьбой к Яначеку написать биографию Хельчицкого, что Яначек и выполнил (*С. К.*).

Об интересе Толстого к Хельчицкому и его учению см.: T. N. A r c h a n g e l s k a j a.— Česká a slovenská literatúra v osobnej knižnici L. N. Tolstého. Z ohlasov L. N. Tolstého na Slovensku.— Slovanské Štúdie. IV. 1960, str. 305.

[24] Мария Александровна *Шмидт* (1843—1911) — друг Толстого.

[25] Юлия *Пастрана* — мексиканка с длинной бородой и с усами. В качестве «чуда природы» Пастрану демонстрировали в различных странах мира, в том числе и в России.

[26] В словацком издании «Записок военного врача» Шкарван рассказывает, когда и при каких обстоятельствах он просил у Толстого для себя денег. Описывая свое душевное состояние после ареста, которому он подвергся за отказ от военной службы, он говорит: «Мучили меня еще и мои студенческие долги; Толстой в письме <к Д. П. Маковицкому>, которое я только что прочитал, между прочим, писал: „Скажите Шкарвану, что если я чем-нибудь могу ему служить, с радостью это сделаю". Мне для себя ничего не было нужно. Я сам ни в чем не нуждался. Но, подумал я, если он хочет для меня сделать что-нибудь доброе, пусть освободит меня от этого бремени и тем успокоит мою совесть. Я поручил моему другу <Маковицкому>, чтобы он от моего имени попросил Л. Н. об этом. Я осмелился просить его об этом, так как он сам мне предложил свою помощь» (A. Š k a r v a n. Zápisky vojenského lékára. Praha, 1920, str. 44.—Отметим, что в русском издании «Записок военного врача» Шкарван об этом не упоминает).

Толстой, действительно, неоднократно выражал готовность помочь Шкарвану (см., например, его письма к Маковицкому от 10 февраля и 11 сентября 1895 г., т. 68, стр. 29, 178). Однако на просьбу Маковицкого оказать Шкарвану денежную помощь, когда он выйдет из тюрьмы, Толстой ответил уклончиво: «Радуюсь очень тому душевному состоянию, в кот<ором> находится Шкарван, и той надежде, кот<орую> вы даете, что его скоро освободят, — писал он 29 сентября 1895 г.— Деньгами я не могу располагать. Собрать эти деньги я могу, но думаю, что лучше бы было не быть вынужденным просить о них» (т. 68, стр. 188).

Во второй раз Шкарван просил деньги не для внучки Толстого, как он пишет, а по-видимому для племянницы С. А. Толстой Веры Александровны Кузминской, жившей в Швейцарии.

[27] Шкарван в дневнике 1921 г., как и сам Толстой в первых редакциях, называл драму «И свет во тьме светит» — «Свет и во тьме светит» (т. 31, стр. 304—306).

[28] Александр Никифорович *Дунаев* (1850—1920) —друг семьи Толстых. Был одним из директоров московского торгового банка.

[29] Аркадий Васильевич *Алехин* (1854—1919) и его брат Алексей Васильевич (1859—1932). Сообщаемые Шкарваном сведения о том, что один из Алехиных открыл спиртной завод, а другой постригся в монахи — неверны. Аркадий Алехин был основателем толстовской земледельческой общины Шевелевой в Дорогобужском уезде Смоленской губ. Впоследствии отошел от толстовства, стал православным и был городским головою в Курске. Алексей *Алехин* вернулся к своей специальности — химии и с 1899 г. состоял преподавателем Киевского политехнического института (*Н. Г.*).

[30] Разговор Толстого с Алехиным о Софье Андреевне иначе передан у П. П. Перцова в его «Литературных воспоминаниях», стр. 150. Впрочем, возможно, что у Перцова описан другой разговор Толстого с Алехиным о Софье Андреевне (*Н. Г.*).

[31] О том, что Толстой предпочитал сидеть на верху конки, ср. в воспоминаниях И. Е. Репина: «Значительно запоздав к обеду, мы возвращались уже на конках. Непременно наверху, на империале,— так он (Толстой) любил» (И. Е. Репин. Из моих общений с Л. Н. Толстым.— «И. Е. Репин и Л. Н. Толстой», II. Материалы. М.—Л., 1949, стр. 7).

[32] Шкарван ошибается: Толстой остановился не у своего друга Адама Васильевича Олсуфьева, а у старого знакомого — графа Александра Васильевича *Олсуфьева* (1843—1907), генерал-адъютанта, помощника начальника Императорской главной квартиры (*Н. Г.*).

[33] В 1894—1907 гг. Репин был профессором Академии художеств, должности же директора Академии никогда не занимал.

ЯПОНСКИЙ ПАЛОМНИК

ВОСПОМИНАНИЯ ТОКУТОМИ РОКА

Публикация А. И. Шифмана *

Публикуемый ниже очерк «Пять дней в Ясной Поляне» принадлежит перу выдающегося японского писателя Кэндзиро *Токутоми*, известного под псевдонимом Токутоми Рока (1868—1927), и является главой из книги «Записки паломника», изданной в Японии в декабре 1906 г. Книга эта воспроизводит впечатления писателя от его поездки на Ближний Восток и в Россию в апреле — августе 1906 г.

Токутоми был одним из самых увлеченных последователей Толстого в Японии **. Еще в юности познакомившись с произведениями Толстого, он воспринял не только некоторые реалистические принципы художественного творчества русского писателя, но и его морально-этические воззрения.

Пережив в годы русско-японской войны духовный кризис, Токутоми испытывал острую потребность в общении с Толстым. 21 января 1906 г. он написал ему письмо, приводимое ниже в тексте мемуаров. Толстой отнесся к письму неизвестного ему писателя с большим интересом и назвал его в дневнике «очень приятным» (т. 55, стр. 195). До этого он получил от него две книги. Первая из них: «Толстой», вышедшая в серии «Двенадцать писателей» со следующей дарственной надписью на форзаце: «To beloved Master L. N. Tolstoy from Kenjiro Tokutomi. Christmas 1905» («Любимому учителю Л. Н. Толстому от Кэндзиро Токутоми. Рождество 1905 г.»). Надпись эта повторена по-японски на другом форзаце. Вторая книга: «Nami-ko. A realistic novel of Kenjiro Tokutomi» («Нами-ко. Реалистический роман Кэндзиро Токутоми»). Boston, 1904, также с дарственными надписями на английском и японском языках, повторяющими надпись на книге «Толстой».

Роман «Нами-ко» произвел на Толстого хорошее впечатление правдивым описанием японского общества.

25 апреля он отправил Токутоми большое ответное письмо, в котором выразил желание побольше узнать о жизни японского общества и о воззрениях самого Токутоми (т. 76, стр. 143—144).

Ответ Толстого, однако, уже не застал Токутоми дома. Едва дождавшись окончания войны, он через Ближний Восток отправился в Россию, чтобы в беседах с Толстым разрешить мучившие его сомнения.

В начале июня 1906 г. Толстой неожиданно получил от Токутоми письмо из Египта, в котором тот сообщал, что находится уже в пути и скоро прибудет в Ясную Поляну (содержание письма излагается в тексте воспоминаний). Это известие обрадовало Толстого и, по свидетельству Д. П. Маковицкого, он готовился к приему гостя (Д. П. Маковицкий. Яснополянские записки.— Запись от 2 июня 1906 г. Рукопись. *А Т)*.

---

* Перевод воспоминаний Токутоми (с японского) выполнен В.А. Костеревой.

** Подробно о Токутоми см. ниже, в обзоре Н. И. Конрада «Толстой в Японии».

30 июня 1906 г. Токутоми приехал в Ясную Поляну и провел в общении с Толстым пять дней. Публикуемая глава из «Записок паломника», в которой излагаются его впечатления от пребывания в Ясной Поляне, основывается на записях, сделанных непосредственно на месте, и представляет собой почти протокольное описание всего того, что Токутоми видел и слышал в Ясной Поляне. Это придает его воспоминаниям исключительную достоверность. Воспоминания эти интересны и описанием яснополянского быта и особенно изложением многочисленных высказываний Толстого о многих важных вопросах литературы, культуры и злободневных общественных проблемах.

Возвратившись на родину, Токутоми горячо поблагодарил Толстого за оказанное ему гостеприимство.

«Дорогой учитель,— писал он 3 октября 1906 г.,— уже три месяца, как я покинул ваш гостеприимный дом, и сегодня я пишу вам в первый раз. Прежде всего позвольте мне вам сказать, каким счастьем было для меня быть с вами. Видеть вас, слушать, как вы говорите, и открывать свое собственное сердце — все это было таким блаженством, что десять тысяч верст кажутся мне одним шагом. Всего лишь пять дней, но эти пять дней, поверьте, будут счастливейшим воспоминанием моей жизни».

Описав свое возвращение через Сибирь на родину, Токутоми далее сообщал:

«Здесь я уже нашел ваши книги „Конец века", „Единое на потребу", „Великий грех", которые вы мне прислали через г. Черткова. Я тотчас же стал их читать и был счастлив почувствовать, что во всех существенных вопросах я согласен с вами. „Конец века" уже переведен и будет опубликован в одной токийской газете (без моего содействия). Для „Мыслей мудрых людей на каждый день" я ищу переводчика. Многие из ваших произведений уже переведены или в настоящее время переводятся...»

Упомянув о том, что в Японии изо дня в день растет число поклонников Толстого, Токутоми далее сокрушается по поводу дурных вестей, которые идут со всех концов мира.

«Каждый день,— пишет он с горечью,— приносит тревожные вести из России. На противоположной стороне земного шара Америка, которая, казалось бы, должна играть ведущую роль в сохранении мира, высаживает свои войска на Кубе. Мир молод и движется к прогрессу медленно. И все же он должен образумиться, и он мало-помалу образумится. „Мы должны спасти человечество, спасаясь сами",— говорил Герцен» (Токутоми приводит неточную цитату из «С того берега» А. И. Герцена).

И в заключение:

«Дорогой учитель, приближается зима. Поберегите же себя. В надежде скоро опять написать вам, я на этом заканчиваю.

Моя жена шлет свой привет, наилучшие пожелания и благодарность за любезность, которую вы нам оказали» (*А Т.*—Подлинник на английском языке).

Под конец жизни Токутоми отошел от религиозно-нравственной доктрины Толстого, о чем свидетельствуют его поздние романы, трактаты и статьи. Но он всегда с благоговением хранил воспоминание о своем посещении Ясной Поляны. В статье «Отзвук из Японии», присланной им в 1908 г. для «Международного толстовского альманаха» к восьмидесятилетию писателя, он с теплым чувством отмечал:

«Уже два года прошло с тех пор, как я сказал ему „прости" на террасе дорогого дома. Я берусь за перо, и передо мною встает призрак светлой веранды, обвитой вьющимися растениями и озаренной мерцающим светом лампы. Учитель стоит предо мной, положив одну руку на ручку двери, оглядываясь назад и улыбаясь мне. Я стою неподвижно, опечаленный разлукой. Он улыбается мне. Я вижу его улыбку сквозь туман семисот тридцати дней, которые протекли с тех пор, сквозь десять тысяч верст, которые нас разделяют» («Международный толстовский альманах». М., 1909, стр. 345—346).

В 1917 г., прочитав в журнале «Мита бунгаку» очерк Нацуки Сигэру (псевдоним Асида Хитоси, в то время секретаря японского посольства в Петрограде) о посещении Ясной Поляны, Токутоми вновь вернулся мыслями к далеким дням и дополнил свои воспоминания новыми подробностями в книге очерков «Новая весна» (1918). В этих

ТОКУТОМИ РОКА В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ. ИЮЛЬ 1906 г.
Фотография С. А. Толстой
Музей Толстого, Москва

воспоминаниях он как бы переосмыслил свою поездку к Толстому. О себе он писал в третьем лице так:

«Он был посланцем дружбы, которого Япония сразу же по окончании войны направила в Россию к великому Толстому. Конечно, этот самозванный посол был очень жалок. Голова его была совершенно пуста. Единственно, за что он держался, была Истина. Может быть, это была Истина и примитивная, но это не была Ложь. И он не сомневался, что его ведет к Толстому именно эта Великая Рука» *.

Очерк «Пять дней в Ясной Поляне» публикуется по тексту книги «Дзюнрэй кико» («Записки паломника»), присланной в 1907 г. в Ясную Поляну. Дарственная надпись на ней гласит: «To respected and beloved L. N. Tolstoy from Kenjiro Tokutomi. January 29. 1907. Tokyo. Japan» («Уважаемому и любимому Л. Н. Толстому от Кэндзиро Токутоми. 29 января 1907 г. Токио. Япония»). Небольшие отрывки из нее, а также письма Токутоми к Толстому опубликованы в моей книге «Лев Толстой и Восток» (М., 1960, стр. 337—340, 343 и 351—353).

---

* Сообщено Н. И. Конрадом, которому принадлежит и перевод приведенного отрывка.— *Ред.*

ПЯТЬ ДНЕЙ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

ПОСЕЩЕНИЕ ТОЛСТОГО

Внешность Толстого мне была хорошо известна по фотографиям, а с идеями его я познакомился по его многочисленным произведениям. И хотя я не имел особого дела к нему, мне очень хотелось повидаться с ним. И вот на обратном пути после путешествия по дальнему Западу [1] я решил посетить дом Толстого.

Роман Толстого «Война и мир» я впервые прочитал шестнадцать лет назад, и девять лет прошло с тех пор, как я познакомился с краткой биографией Льва Николаевича. В то время я не раз собирался написать о нем книгу, проникнутую чувством уважения и восхищения, но у меня еще не было чувства твердой веры; я боялся обмануть себя и людей. И поэтому перо мое притупилось, и своего намерения я не выполнил [2]. Однако в январе нынешнего года я как будто заново родился, получив эту веру [3]. С чувством смущения послал я из горной местности Харуна Толстому книгу «Толстой» из серии «Двенадцать великих писателей» и свой роман «Нами-ко» [4] в английском переводе и письмо следующего содержания.

«Глубокоуважаемый Учитель!

Меня зовут Кэндзиро Токутоми. Мне тридцать семь лет. По религиозным убеждениям я христианин, по профессии — писатель скромного дарования, а по общественным воззрениям — сторонник социализма.

Я долго не мог решиться послать вам это письмо. Причина заключалась в том, что хотя я и с любовью читал ваши произведения, а ваш литературный талант, ваше горячее стремление правдиво изображать жизнь всегда вызывали у меня чувство глубокого уважения и восхищения, я не мог полностью принять ваше учение о непротивлении злу насилием, ваше отрицание цивилизации, ваше убеждение в том, что труд крестьянина единственно важен. Я не мог принять ваши идеалы потому, что считал их неосуществимыми. Воплощение ваших идей, казалось мне, привело бы к крушению общества.

Даже когда возникла война, я не был согласен с антивоенными взглядами социалистов и был одним из тех, кто упорно поддерживал войну против России.

Учитель! Хотя я и любил русский народ, с которым меня познакомили творения великих русских писателей, но мне претил произвол русского царизма. Я был одним из тех, кто радовался так называемой победе Японии и сожалел о заключении мирного договора, считая что Россия еще недостаточно склонила голову перед нами, чтобы мог быть заключен мир.

К счастью, мир был заключен. Вместе с ним в моей духовной жизни совершился огромный переворот. Я с горечью осознал, как недостойно было мое прошлое, которое было построено на лжи и мелком эгоизме. И я с еще большей силой почувствовал правду вашего учения, которое прежде считал пустой мечтой. Отныне я решил вести жизнь, исполненную любви к богу и людям. Я стал вегетарианцем. Я поехал в горы к минеральному источнику, находящемуся среди льдов и снега, чтобы в тишине все глубоко продумать, все изучить и попытаться стать лучше и чище.

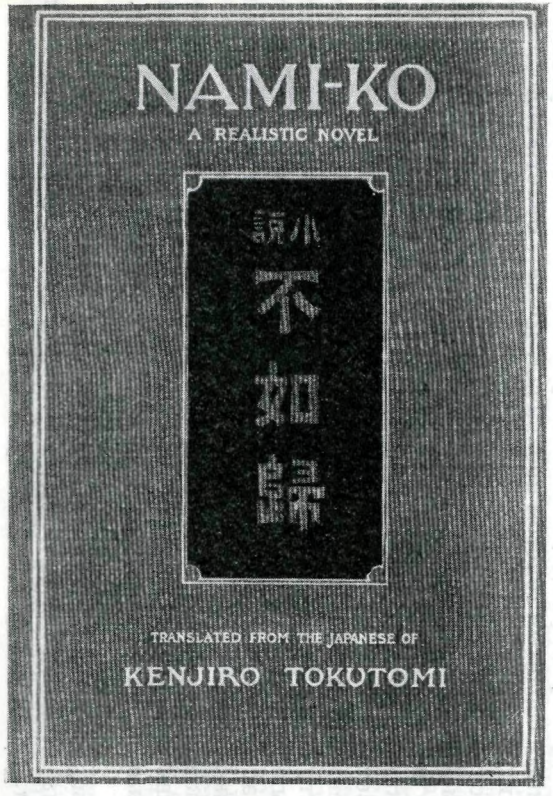
Я с глубоким сочувствием отношусь к современным событиям в России [5]. Япония также должна заново родиться. В мире много дел и много надежд.

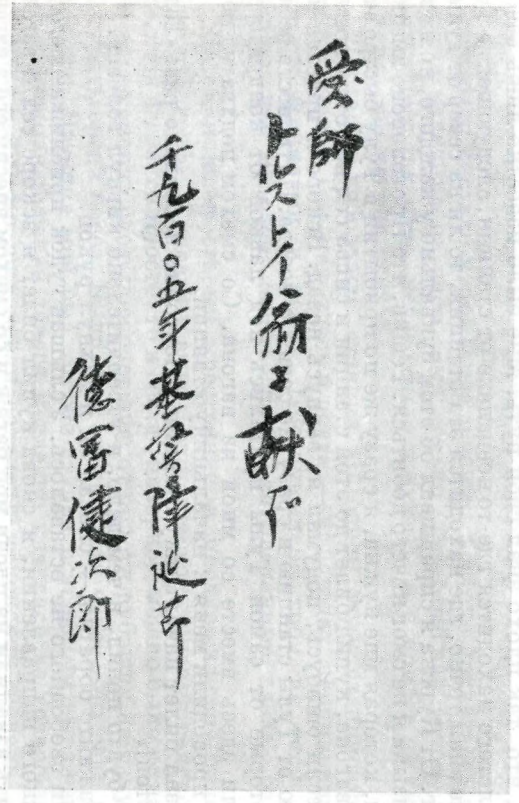
Наш многоуважаемый любимый Учитель!

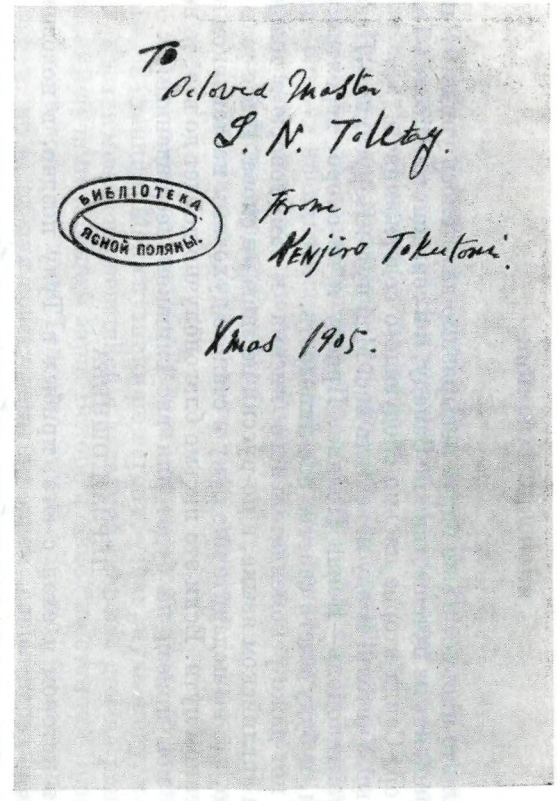
Я желаю вам жить долгие годы и наставлять нас» *.

---

* Письмо от 21 января 1906 г. Текст подлинника *(А Т)* значительно отличается от приводимого здесь Токутоми.— *А. Ш.*







ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ТОКУТОМИ РОКА НА ЕГО КНИГЕ «НАМИ-КО» (БОСТОН, 1904):
«Любимому учителю Л. Н. Толстому от Кэндзиро Токутоми. Рождество 1905 г.»
Надпись сделана на японском и английском языках
Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Я послал это письмо, и мне вдруг невыразимо захотелось увидеть Учителя. Возвращаясь из путешествия по Западу, я в середине мая послал Толстому из Порт-Саида второе письмо следующего содержания:

«Любимый Учитель! Я еду навестить вас. Мой путь: Иерусалим—Назарет—Константинополь—Ясная Поляна. Приеду я не скоро, вероятно, в конце июня, и буду иметь счастье вас лицезреть.

У меня нет даже рекомендательного письма к вам, говорю я только на ломаном английском языке, а по-русски не знаю ни слова. И все-таки я твердо верю, что вы подадите мне руку и станете духовным наставником на моем жизненном пути. Если это письмо благополучно дойдет до вас, то надеюсь, что мой приезд не будет для вас слишком неожиданным» [6].

ПЕРВАЯ ОШИБКА

Поезд, в котором я ехал с юга, прибыл в Тулу поздно, в половине первого ночи.

Надеясь, что авось как-нибудь доберусь, я был сразу же наказан за то, что так плохо знал свой путь. Мне было известно лишь одно, что дом Толстого находится где-то невдалеке от станции, следующей за Тулой, но я не знал точно, где находится эта станция, то ли на север от Тулы, то ли на юг. От Курска я спрашивал об этом буквально у каждого, но из-за незнания языка я не смог ничего добиться. Решив, что Протопопово именно та станция, которая мне нужна, я сразу же по прибытии в Тулу быстро выскочил из вагона, купил билет до этой станции и снова сел на тот же поезд. В случае если ошибусь, подумал я, вернусь назад. Вскоре я приехал на следующую от Тулы станцию и сразу же сошел с поезда. Пять-шесть ребятишек, которые от самой Тулы прятались под лавкой от кондуктора, выпрыгнули здесь вместе со мной из вагона. Со смехом подхватив мои вещи, они проводили меня к начальнику станции.

Я показал билет начальнику станции и повторил несколько раз: «Толстой! Толстой!»

Он как будто понял, в чем дело, и утвердительно кивнул головой.

— Поезжайте обратно,— сказал он и махнул рукой.

Времени свободного не оставалось. Услышав гудок приближающегося поезда южного направления, я снова купил билет и вскоре сел в вагон. Ребята опять взвалили на плечи мой багаж и со смехом внесли его в вагон. Пришел кондуктор и прежде, чем взглянуть на мой билет, с безразличным видом, сонным сердитым голосом прокричал: «Билет! Билет!» Мой билет он разорвал и выбросил.

Поезд снова прибыл в Тулу. На крик кондуктора пришел городовой и заставил меня сойти с поезда. Затем он долго меня расспрашивал, но на этом дело не кончилось...

Короткая летняя русская ночь близилась к концу. Уже в два часа начало светать.

Население Тульской губернии составляет сто восемьдесят тысяч человек, и центр ее — Тула — оживленный город, в котором развита оружейная промышленность, а также другие виды промышленности. На станции при свете электрических фонарей и в лучах утренней зари меня кругом обступили любопытные.

Одна женщина в платье с длинными свисающими рукавами пыталась разговаривать со мной по-французски, но, увидев, что я ничего не понимаю, пожала плечами, посмотрела на меня презрительно, как на неуча, и ушла.

Приближалось время отправления поезда.

Пришла женщина лет пятидесяти в черном платье и осведомилась по-английски, в чем дело.

— Ах, вот как? Вы к графу Толстому? Из Японии приехали к великому писателю Толстому? Вам нужно сойти через одну станцию от Тулы, затем верст пять проехать на лошади.

Она передала разговор городовому. Тот вынул записную книжку и, написав что-то карандашом, сказал: «Передайте это проводнику». Затем он крикнул носильщика в белом фартуке и велел ему купить билет. В это время как раз прибыл поезд, идущий на юг, и я сел в него. Женщина в черном дважды входила в вагон.

— Не ошибитесь. Сойдете через одну станцию,— любезно сказала она и ушла.

Вскоре поезд отошел от Тулы и направился на юг, останавливаясь на каждой станции. Мои спутники по вагону, узнав, куда я еду, из окна вагона указали мне на видневшийся с западной стороны дом на равнине, освещенный лучами утренней зари. Вскоре я сошел на станции Щекино. Правда, ближе всего от дома Толстого отстоит Засека — следующая от Тулы станция, но я, следуя совету дамы в черном, сошел через одну станцию.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Наконец настало утро. Из-за рощи на востоке показалось солнце, но, когда я взглянул на часы, был только четвертый час. О том, чтобы идти к Толстому так рано, нечего было и думать, и я прилег на скамейку отдохнуть, но не мог уснуть.

Щекино — небольшая станция. В одном углу станционного здания висит икона. Так как здесь и почта,— на столах чернильницы с фиолетовыми чернилами и перья. Проснувшись утром на этой станции, я увидел, как молодой парень, протирая заспанные глаза, разжигал самовар.

Потом пришел старый крестьянин и предложил мне телегу. «Граф Толстой, граф»,— сказал я ему, и он понимающе кивнул головой. Так как Толстой одевался просто, то и гостю, наверное, можно было не наряжаться. Я только сменил свою почерневшую от копоти рубашку на белую и вышел погулять среди берез. Было уже около пяти часов. Мы сели в телегу и поехали. Возница мой был тот же старик с угрюмым выражением лица. Обыкновенная русская телега медленно катилась на северо-запад вдоль ржаного поля. Во ржи цвели васильки и конский щавель.

Тихое летнее утро в России!

Солнце стоит высоко, но оно не сияет ярко, а светит сонным блеском; дальний лес окутан дымкой. Все поле — словно сплошное море белой росы. Откуда-то доносится пение петухов. Людей не видно. Еду в полудремоте, покачиваясь в телеге. Вдалеке за ржаным полем—церковь, выкрашенная в голубой цвет. В одном часе езды от станции—небольшая деревня. Это Ясная Поляна. По обеим сторонам тянутся низкие домики, крытые соломой и дранкой. На широкой улице растет трава. Залаяли собаки. Босоногие деревенские мальчишки стояли и глазели на нас. Телега спустилась с холма, на котором расположилась деревня, и мы въехали в ворота. К ним примыкает большая сторожка с высокой зеленой крышей. В сторожке было пусто, ворота, по-видимому, всегда открыты. Налево — пруд в четыре тё[7]. Метров сто дорога идет вверх, обрамленная густо растущими зелеными березами, кедрами и липами. Среди этой зелени высится двухэтажный дом с белыми стенами и зеленой крышей; к северу от дома — роща; деревья растут и с других сторон дома, обращенного фасадом на восток.

Некоторое время наша телега ехала под яблоневыми ветками, согнувшимися от тяжести зреющих плодов, затем остановилась у входа в дом с западной стороны. Я расплатился с кучером, и телега уехала. Долго стоял

я на одном месте. Кругом ни души, в доме тишина. Взглянул на часы — седьмой час...

Из кухни вышел похожий на слугу мужчина со светлой, расчесанной на две половины бородой, покрывавшей его грудь. Я сделал ему знак рукой и спросил: «Спят еще?» — он утвердительно кивнул головой. Я отнес вещи в прихожую и вышел наружу. Хотя большой яблоневый сад зарос травой, видно было, что за деревьями хорошо ухаживают: под ветки, которые ломились от тяжести плодов, были подставлены подпорки.

Я повернул назад от яблоневого сада и спустился к пруду. На нем плавало с десяток домашних уток; женщины стирали белье. Меж сосен бродили две лошади, щипавшие траву; коней стреножили, чтобы они не убежали, поэтому они передвигались странными скачками. Я сидел на берегу и словно во сне наблюдал за всем происходящим. Вот из ворот вышла женщина, неся на плече грабли и держа в руке металлический чайник. За ней с ревом выскочил мальчишка лет пяти-шести в красной рубашке. Он почему-то капризничал, мать отшлепала его, ребенок еще пуще разревелся, и они ушли по направлению к деревне.

Я медленно поднялся, пересек ведущую к дому дорожку и пошел в рощу с правой стороны. Здесь я увидел еще один пруд, окружностью немного больше одного тё. В воде цвели белые кувшинки, на берегу была разостлана соломенная циновка, какие обычно стелят на полу, чтобы класть одежду при купании. Обогнув пруд, я сел на узкую зеленую скамеечку под сенью берез, склонившихся над прудом. Решив немножко отдохнуть, я подложил под голову вместо подушки свой пробковый шлем, накрылся плащом и задремал.

Вдруг мне показалось, что кто-то приближается. С трудом подняв отяжелевшие веки, я увидел, что рядом стоит какой-то старик. Я подумал: «Это садовник пришел убирать в саду» — и в то же мгновение увидел лицо, которое нельзя было не узнать. Но не успел я вскочить, как старик быстро произнес: «Господин Токутоми?»,— и, улыбаясь беззубым ртом по-детски милой улыбкой, протянул мне руку.

— А-а, вы Толстой? — воскликнул я, поспешно беря его руку.

Рука была большая и теплая.

— Вы, наверно, не получили моего ответного письма? — сказал он.

— Ваш ответ? Нет, я приехал, не получив вашего ответа. А вы получили мое письмо, посланное из Порт-Саида? — спросил я.

— Получил и прочитал. Прежде чем написать вам ответ, я долго думал. Простите! — тут Толстой, похлопывая меня по руке, сказал:— Я не мог поверить вашему письму, потому что оно слишком лестно для меня. Поэтому я долго размышлял над ответом. Но вы мне писали правду?

— Конечно, правду. И именно поэтому, простите меня за откровенность, мне захотелось хоть раз посетить вас. Как ваше здоровье, Учитель?

— Не совсем хорошо. Я знаю, что мне до смерти недалеко. Все страшатся смерти, но смерть — избавление, так что бояться нечего...

Я глядел на его лицо: оно было красноватого оттенка. Дымчато-белые усы и борода, чуть влажные глаза, беззубый рот. Он выглядел старше, чем я думал. А ведь ему уже было семьдесят восемь лет.

Разговаривая, мы отошли от скамейки, где встретились. Лев Николаевич шел впереди, а я следом за ним. Мы спустились по тропинке к другому, маленькому пруду и пошли вдоль берега.

На Толстом была серовато-белая фланелевая блуза, подпоясанная черным кожаным поясом, широкая белая шляпа. И весь он, с палкой в руке, был в точности такой, каким я его видел на фотографиях и каким я его себе представлял.

ОТКРЫТКА С НОВОГОДНИМ ПОЗДРАВЛЕНИЕМ, ПРИСЛАННАЯ ТОКУТОМИ РОКА ТОЛСТОМУ, ДЕКАБРЬ 1902 г.
Архив Толстого, Москва

Лев Николаевич расспрашивал меня о моем старшем брате, который десять лет назад навестил его [8], затем спрашивал о Фукаи [9]. После этого мы заговорили о нем самом. Он рассказал:

— Пусть мне осталось недолго жить, но я буду работать до последнего мгновения. Сейчас я работаю над произведением о взаимоотношениях правительства и народа. Рукопись уже наполовину закончена [10].

Меня он расспрашивал о современном политическом положении Японии, о соотношении между сельским хозяйством, промышленностью и торговлей.

— Сила страны — в тружениках, которые сами возделывают землю, не пользуясь чужим трудом,— так излагал он мне свои взгляды.— А что, в Японии крестьянские сыновья тоже продают свою землю и уходят в город учиться? — спросил он меня.

Когда я утвердительно кивнул головой, он повернулся ко мне и сказал:

— А почему бы вам не пожить жизнью сельского труженика?

— Я очень люблю крестьянский труд, сейчас у меня нет ни клочка земли, но все же я намерен вести полукрестьянскую жизнь.

Мы повернули от пруда и пошли к дому по тропинке, еле заметной в траве. Трава была расцвечена белыми, желтыми, красными цветами лютика, ветряницы, дикой гвоздики.

Поблизости какой-то старик только что закончил точить косу. Лев Николаевич обменялся с ним двумя-тремя словами, бросил палку, взял у деда косу и принялся косить траву. Я тоже взял косу и неумелой рукой попробовал косить — взмахнул косой раза два-три.

Чуть подальше под деревом, на скамейке, двое детей лет шести—восьми играли под присмотром няни. Это были внуки Толстого. Он поцеловал каждого.

— Мое почтение,— сказал я по-русски и пожал им ручки.

— Мое почтение! Очень хорошо! Очень хорошо! — улыбаясь, сказал Толстой.

Незаметно мы вышли на площадку около дома. Земля здесь была посыпана белым песком. Две-три клумбы, и на них красивые цветы сверкали на солнце яркими красками. Под ветками клена в тени стоял длинный стол, накрытый белой скатертью. На столе шумел серебряный самовар, расставлена была посуда, сливки, хлеб, тут же лежала только что полученная почта. Здесь Лев Николаевич представил меня какому-то господину лет пятидесяти, с лысеющей головой. Я заметил, что он тоже был подпоясан черным кожаным поясом. Это был Маковицкий, доктор, родом с австрийской границы [11]. Во время войны он работал в военном полевом лазарете, затем долгое время жил в семье Толстого.

После просмотра почты Лев Николаевич протянул мне небольшую книгу в желтом переплете.

— Как жаль, что вы не умеете читать по-русски! Это очень интересная книга, написана она крестьянином Бондаревым, ее название «Труд» [12].

Эта книга была переведена на английский язык, но сейчас у меня в руках было русское издание с предисловием Толстого.

— А разве она не запрещена в России? — спросил я.

— Была запрещена, но сейчас разрешили,— сказал Толстой. Потом, показав мне на домик, стоявший среди берез, добавил: — Живите вот в этом флигеле и ни о чем не беспокойтесь.— Пожав мне руку, Толстой ушел к себе, чтобы поработать до обеда.

СЕМЬЯ

Я пил чай, налитый мне доктором, и мы довольно долго беседовали с ним. Потом знакомый мне слуга Илья, с бородой, расчесанной на две половины, пришел сказать, что комната убрана. Я встал и в сопровождении Ильи ушел во флигель.

В прихожей — по площади не более четырех татами [13] стоял умывальник. В следующей комнате, размером около десяти татами — некрашеный стол, кровать, софа, комод и три-четыре мягких стула. На обоих окнах, обвитых снаружи плющом, висели занавески. За окном качались яблоневые ветви с тяжелыми плодами, а внизу, под ветвями, трава была расчищена и находилось несколько клумб.

По-видимому, этот флигель был построен специально для гостей. Здесь хотелось бы лет десять прожить, так было уютно; чудесный кабинет для работы. И в то же время жалко было потерять хотя бы один день.

Едва я успел разобрать свои вещи, как прозвенел колокол ко второму завтраку. Хотя я очень устал и хотел спать, но заставил себя пойти, чтобы приветствовать собравшихся под кленом к обеденному столу. Толстого не было.

Жена Льва Николаевича — женщина полная и цветущая — была на семнадцать лет моложе своего мужа и выглядела пятидесятилетней, хотя ей было уже шестьдесят два года. Одета она была в простое, сиреневого цвета платье, застроченное складками, с белой вставкой на груди. Она поздоровалась со мной так же сердечно, как и муж.

— Наверно, ужасно надоели гости? — спросил я.

— Нет, мы привыкли,— сказала она с улыбкой.

— Если вы не возражаете, я поживу у вас немного.

— У нас скоро должна быть свадьба старшего сына [14], так что до этого времени живите, пожалуйста, и не беспокойтесь ни о чем,— очень приветливо отвечала она.

У нее было тринадцать детей, но в живых осталось только восемь. За столом сидел третий сын Толстого — Лев с женой и двумя детишками. Лев

унаследовал от отца его литературный талант и склад характера. Жена Льва Львовича, по рождению шведка, была общительная и добрая женщина. Лев обычно жил в Петербурге и только совсем недавно приехал в Ясную Поляну.

Младшая дочь Мария, любимица отца, очень худая и болезненная, лучше всех из семьи говорила по-английски. Ее муж, князь Оболенский, являл собой тип женственного славянина: короткая бородка, мягкие манеры и нежный голос.

Незамужняя дочь Александра, жизнерадостная полная девушка двадцати двух лет, получила образование в женской гимназии в Москве. Кроме них, здесь был и доктор, которого я видел раньше, помощница Толстого по имени Юлия [15] — полная тридцатилетняя барышня, и какая-то школьная подруга Александры.

Около стола находились четыре собаки. Одна — очень хорошей сибирской породы с чистой длинной белой шерстью и умными глазами, рыжий пойнтер, черный сеттер и спаньель — черный с белыми пятнами.

За столом никто не прислуживал. Сверху — зеленая листва, внизу — белый песок. Ешь и пей сколько хочешь, разговаривай с кем хочешь,— чувствуй себя свободно. И я, забыв, что только этим утром приехал, непринужденно беседовал со всеми.

КУПАНИЕ В ВОРОНКЕ

После завтрака я ушел к себе во флигель. Неожиданно, распахнув дверь, вошел Толстой.

— А, книги... Какие у вас книги?

Я показал ему разложенные у меня на столе книги. Тут лежали Библия, «Четверокнижие» [16] в карманном издании, стихи Байрона, сборник «Горная хижина» [17], путеводитель по Палестине. Толстой раскрыл «Четверокнижие» и спросил:

— Что это такое?

— Мэн-цзы [18].

— Мэн-цзы, Мэн-цзы... Я больше люблю Мо-цзы [19], чем Мэн-цзы. Приходится пожалеть, что Мэн-цзы недостаточно глубоко познал подлинный смысл учения Конфуция и оспаривал Мо-цзы. Вы любите купаться? Я сейчас хочу пойти. Нет, не в пруду. Тут поблизости есть река, сейчас там строят плотину, нужно немного подальше пройти. Идемте?

Лев Николаевич стоял с полотенцем, повязанным вокруг пояса. Я быстро переоделся в летнее кимоно и пошел за ним. Мы отправились к яблоневому саду мимо того берега пруда, где мы впервые встретились. Я еле поспевал за ним. Стараясь не задеть за колючую изгородь, мы пролезли через отверстие и разговаривали при этом обо всем, что приходило в голову.

В овраге за деревней Ясная Поляна нам встретились два странника, обутых в опорки, с палками в руке и котомками за плечами. Толстой остановил их, немного поговорил, затем вытащил из-за пазухи кошелек и дал этим совершенно незнакомым людям немного денег.

Когда мы поднялись на другой холм, я спросил Толстого:

— Учитель, вы писали Абэ Изо о том, что социализм полон ошибок, он забывает о душе... Вопрос идет о том, как помочь душе и телу. Разве социализм не есть проявление любви к ближнему в экономическом устройстве общества?

Перебив меня, Толстой воскликнул:

— Какое письмо? Не помню, чтобы я его писал [20]. Недавно в одном американском журнале поместили письмо, которое я никогда не писал.

«Видимо, старик стал забывчив»,— подумал я. А он добавил:

— Что говорили первые социалисты — еще можно послушать, а уж об этих, вроде Бебеля, не стоит и говорить [21].

Мы поднялись на холм и, идя по дороге, вошли в глубь густого зеленого леса. Я шел позади Толстого.

— Учитель, мне хочется вас кое о чем спросить. Вы молитесь?

— Да, каждое утро. Я написал книгу: «Разум, вера и молитва» [22]. Да, я каждое утро молюсь.

Беседа перешла на тему о духовнойж изни Японии.

— Япония в духовном смысле находится в периоде исканий,— сказал я.— Тяжело и грустно, что бывают войны, но война как-то настраивает людей на серьезный лад. Люди находятся на грани жизни и смерти и вновь обретают свою подлинную сущность. К примеру, все, кто участвовал в последней войне, начиная с Того [23], кто испытал бедствия войны, хотя и не стали истинными христианами, но все же стали более верующими, серьезными людьми.

Толстой обернулся, блеснув глазами.

— Нет, я думаю иначе. Даже если такие люди, как Того, и стали верующими людьми, то все же их вера не глубока, разум они считают решающим, но он не может схватить сущность вещей.

Затем, повернувшись ко мне, добавил:

— У Конфуция есть такое изречение: «В словах нужно быть осторожным. Одним словом выражается мудрость или глупость твоя».

Выходит, что он меня назвал глупцом. Хотя я в то время посетовал на него за это, но в глубине души сейчас знаю, что он был прав.

Разговор зашел о современном положении России, о Думе.

Толстой сказал:

— Дума ни к чему, разве вопрос только в том, чтобы передать власть из одних рук в другие? Главное, чтобы не признавать никакой власти.

Я заметил:

— Корень всех бедствий — любовь к деньгам.

Толстой ответил:

— Любить деньги значит любить власть.

Разговор снова перешел на другую тему и коснулся воинской повинности и мира. Я сказал:

— Путь к миру лежит не через Гаагскую конференцию; единственно правильный путь указывает секта духоборов [24]. Если бы все встали на этот путь, не обошлось бы, конечно, без жертв, но они послужили бы благой цели.

— Да, это так. Однако будет плохо, если кто-нибудь из них открыто возьмется за оружие. Любовь в каждом человеке должна быть настолько велика, чтобы она не позволила взять оружие в руки. И в самом деле, кто может подчиниться, если скажут: отрежь голову младенцу? Любовь к ребенку не позволит этого сделать. А причем тут жертвы?

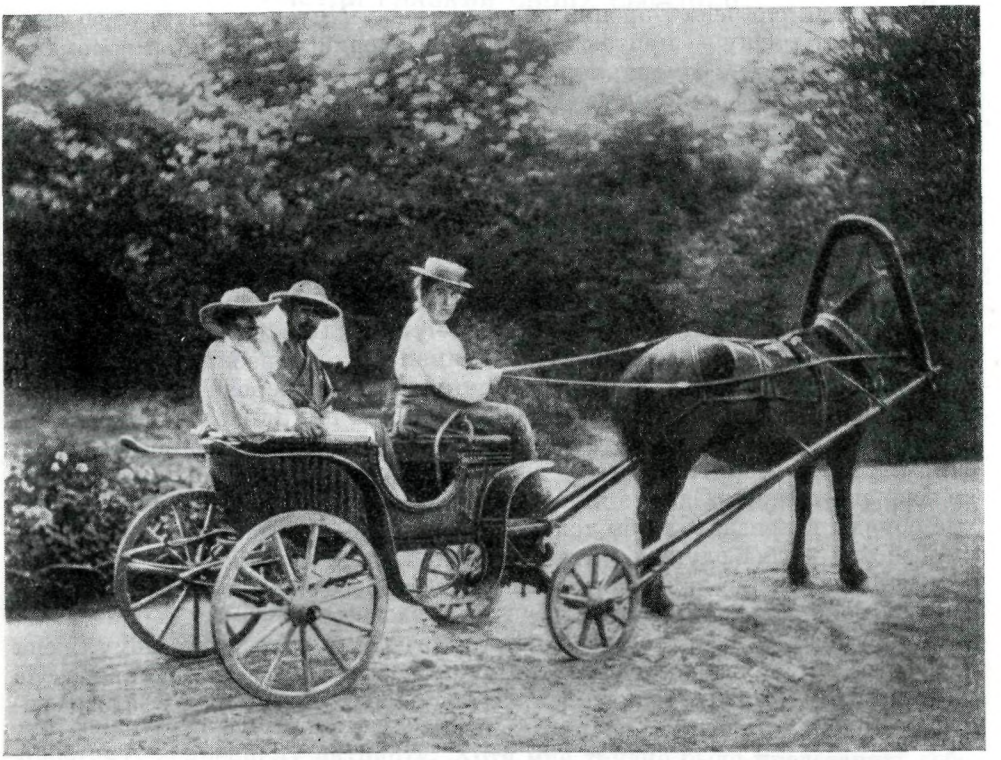
Этими словами Толстой помог мне избавиться от старого заблуждения. В самом деле, заранее подсчитывать выгоду или убытки от своих поступков, предугадывать результаты, рассчитывать действенность жертв — дело людей, считающих себя мудрецами; простые же люди, ищущие истину, именно потому и ратуют за нее, что она у них в душе, и они не могут поступить иначе.

В это время на дорогу вышла босоногая старуха. Она шла то впереди, то позади Толстого, разговаривая с ним. Вдруг у нее из глаз полились крупные слезы. Толстой успокоил ее, и они расстались.

— Кто это? — спросил я.

— Вы читали, наверно, о народной школе в Ясной Поляне? Муж этой женщины, мой большой друг, работал в этой школе учителем, недавно он умер, она и плакала, вспомнив о нем [25].

Вскоре лес кончился, и мы вышли на широкую дорогу. Невдалеке нас поджидала повозка, на облучке которой сидела женщина. Это приехала



ТОЛСТОЙ И ТОКУТОМИ РОКА В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ
Фотография С. А. Толстой, 1906
Музей Толстого, Москва

Александра, чтобы подвезти отца. Продолжая разговаривать, мы сели в повозку, Александра заняла место кучера и, помахивая кнутом, стала мастерски править лошадью. Толстой, улыбаясь, сказал:

— Россия и Япония сели в одну повозку, женщина правит лошадью. «Как это необычно»,— подумают посторонние.

Немного спустя, повозка выехала к реке — один берег ее порос лесом, другой был открытый — и остановилась. Мы вышли из повозки и спустились вниз по склону, заросшему белыми, красными, желтыми и голубыми цветами. Когда мы достигли берега, двое детей поздоровались с нами, затем мы все вместе пошли к реке. Река шириной не более шести-семи кэн [26] текла спокойно меж извилистых берегов; вода в ней была мутноватая. На берегу стояла купальня; рядом сидели женщины. Нужно было найти другое место, и мы снова сели в повозку. Вскоре мы приехали в безлюдное место и сошли на берег. Толстой прежде всего прощупал палкой дно, затем мы разделись. У Льва Николаевича была совершенно гладкая кожа, у меня же мохнатая, поросшая волосами. Мы бросились в воду. В тени деревьев вода была прохладной; нырнув, я встал на дно — оно было каменистое. Хотя я давно не плавал, но поплыл саженками. Лев Николаевич посмотрел, как я плыву, и спокойно поплыл точно так же. Когда уже пора было выходить, он шутливо сказал:

— Японцы и русские даже плавают одинаково, а вот европейцы не плавают саженками, плавают вот так,— и он поплыл на манер черепахи.

Я слыхал, что река Воронка впадает в реку Упу, которая в свою очередь впадает в Оку — приток Волги. О Воронке упоминается в романе «Анна Каренина». Я думаю, что это название взято отсюда...

Мы снова сели в повозку, выехали на шоссе Москва — Тула и повернули домой. На обочине дороги среди деревьев стояли красивые дачи, наверно московских богачей. Дорогу чинили; несколько пожилых мужиков сидели на обочине и разбивали булыжник. Толстой, взглянув на них, сказал:

— Социализм нужен вот для таких людей...

В это время мы услышали, что кто-то нас зовет. Это был Лев-сын, он ехал верхом на лошади, возвращаясь по опушке леса домой.

Между Толстым и мною завязался разговор о вере.

— Что вы думаете о христианстве? — спросил он меня.

— Я считаю, что христианство — самая широко распространенная и самая правильная вера. Человечество считает своими вероучителями троих: Христа, Сакья Муни и Конфуция. Однако среди них выше всех стоит Христос. Бог проявился через Христа, а верующие думают, что бог явился в самом Христе. Верить в бога — значит следовать божественному учению во всей его чистоте. Однако я не знаю такой страны, где бы отрицали пустые обряды и признавали бы только само учение Христа...

Толстой молча слушал, затем неожиданно заговорил:

— Большинство христиан считает Христа богом, а мне не по душе, что Христу поклоняются, как идолу.

Повозка въехала в главные ворота. Когда мы подъехали к дому, жена Толстого заставила нас подождать, пока она установит фотоаппарат. «Не двигайтесь!» — предупредила она, затем навела объектив и сфотографировала нас на память [27].

ВЕЧЕР

Вечером, как обычно, ужинали под кленом. Вся семья вместе с хозяином собралась за столом. Прислуживали уже знакомый мне Илья и его молодой помощник — во фраках и белых перчатках.

Здоровье Толстого в последнее время ухудшилось, и поэтому он соблюдает диету. Так как среди присутствующих находились вегетарианцы, были поданы супы — мясной и овощной. Кроме того, был подан квас, салат из огурцов, крутые яйца и мороженое. Вегетарианцами за ужином оказались только я и Лев Николаевич.

Лев-сын сказал:

— Мы с женой одно время были вегетарианцами, но сейчас стали есть и мясо.

— А я стала есть мясо только потому, что у меня плохое здоровье,— объяснила Мария.

Когда я сообщил, что только семь месяцев назад стал вегетарианцем, Толстой произнес:

— А я уже двадцать восемь лет вегетарианец.

После ужина все разошлись кто куда: Лев с доктором пошли на корт, находившийся невдалеке от дома, играть в теннис, а я пошел гулять в парк. Здесь привольно росли липы, березы, дубы; густо зеленела трава и цвели яркие цветы.

В одном уголке сада, недалеко от дома, были посажены сливы, вишни и крыжовник. В другом находились теплицы, где вперемежку росли теплолюбивые овощи: огурцы, баклажаны и пр.

Вскоре наступили сумерки. Прозвенел звонок к чаю, и из дома послышался оживленный шум голосов и смех.

«Наверное, о чем-нибудь интересном говорят»,— подумал я, но, чувствуя страшную усталость, ушел к себе в комнату и погасил свет.

Наступила моя первая ночь в Ясной Поляне.

ТОЛСТОЙ ГЛАЗАМИ СВОИХ СЫНОВЕЙ

1 июля

Проснувшись утром, я выстирал несколько носовых платков и дзюбан [28] и как только все это высохло на утреннем солнце отправился к столу под кленом. Там сидел господин, читавший газету. Это был младший брат Льва Львовича — Андрей, приехавший накануне вечером. У него лоб уже облысел, хотя ему всего двадцать девять лет. Во время русско-японской войны он ушел на фронт добровольцем. Прежде он жил вместе с родителями, помогал матери вести хозяйство. Андрей мне рассказал, что его жена, дочь Черткова[29], вместе с детьми сейчас находится в Англии. Он захотел мне что-то показать и пригласил к себе. Мы прошли в его комнату, находившуюся внизу, на первом этаже. На стене висели старые охотничьи ружья, и среди них несколько привезенных Толстым с Кавказа. Андрей показал мне фотографию, сделанную его другом на войне: ужасное зрелище, на которое невозможно смотреть,— рукопашный бой под Мукденом... Андрей был на войне адъютантом генерала, ему не пришлось пролить чью-либо кровь, но он сказал мне, что война ужасна.

После этого мы возвратились к столу под кленом и там продолжали беседу.

— Зачем вы пошли на войну?

— Я не мог,— сказал он,— оставаться безучастным, когда страна была в опасности. Конечно, я уважаю убеждения отца, он пользуется мировой славой, но ведь каждый думает по-своему. Я русский человек, и за Россию я готов пролить свою кровь...

Я думаю, что Андрей мог бы послужить прототипом Николая Ростова в романе «Война и мир». Я не мог не поддаться чувству симпатии к этому простому, искреннему патриоту. Хотя мне трудно было представить себе, как мог Лев Николаевич отпустить своего сына из-под родного крова, но, подумав хорошенько, я согласился с ним.

Затем я беседовал со Львом у себя во флигеле.

— Я слыхал, что вы унаследовали талант отца и пишете повести, статьи и пьесы,— сказал я.

— Да, я давно сотрудничаю в газете «Новое время», а теперь подумываю об издании своей газеты.

Затем он рассказал мне, что пишет комедию о современной России [30].

— Было бы лучше,— сказал он,— если бы японцы бок о бок с русскими трудились в Маньчжурии, вместо того чтобы воевать. Я ведь раньше тоже был офицером гвардии, но по совету отца оставил армию; затем был на государственной службе, но заболел и оставил ее.

— А как вы относитесь к отцу? — спросил я.

— Идеалы отца трудно согласуются с действительностью. Отец сейчас стал мягким, добрым, а раньше он был очень фанатичным, властным. Теории, которые он выдвигает, может проповедовать только одинокий, неженатый человек, а не тот, у которого есть жена, дети, кто живет в обществе. Отец только проповедует на словах, а ничего не проводит в жизнь. Кроме того, я прислушиваюсь к мнению тестя — знаменитого шведского доктора (фамилию я его забыл) [31]. Может быть, вы слышали о нем? Такие люди, как мой тесть, тихо, без шума, совершают добрые дела, как и подобает христианину.

— Итак, вы раньше придерживались взглядов отца, а теперь тестя; значит, вы следуете то за одним, то за другим? — спросил я его.

— Да,— горько усмехнулся он,— но теперь я иду своей дорогой.

СЕНОКОС

После обеда все женщины, за исключением хозяйки дома, жены Льва и Юлии, пошли на сенокос. Даже жена повара, недавно оправившаяся от болезни, пошла помогать. Меня тоже пригласили. Мария и Александра, шедшие с нами,— одна в красном, другая в синем платке — походили на крестьянских девушек.

Когда мы вышли, я увидел двух деревенских девочек, стоявших у входа, они принесли дикую малину, которую собрали в лесу. Хозяйка дома купила у них ягоды.

Обернувшись ко мне, Мария сказала:

— Разве вас не удивляет, что они так бедны, а мы богаты?

Мы пересекли яблоневый сад и вошли в лес; в траве цвели маки, подорожники и еще три-четыре вида цветов. И яблоневый сад, и этот лес, и поле — все входило в имение Толстого. Лес, сады, пастбища, поля составляли более шестисот тё, один только яблоневый сад раскинулся на шестьдесят тё.

Поляна у опушки леса была сплошь покрыта скошенной травой, на середине росло несколько белых берез. Обе дочери Толстого, жена повара с сыном и школьная подруга Александры принялись ворошить скошенную траву — кто руками, кто косовищем. Пришедший вместе со всеми князь Оболенский сел в тени берез, обхватив колени руками. Мимо проехал верхом на лошади Лев Львович. Улыбаясь, он сказал:

— Очень хорошо, очень хорошо.

Все это напомнило мне сцену сенокоса в романе «Анна Каренина». Я тоже из любопытства, посмеиваясь над собой, принялся работать, стараясь не отставать. Пока я, покрытый по́том, усердно ворошил сено, облако закрыло солнце и послышался отдаленный гром.

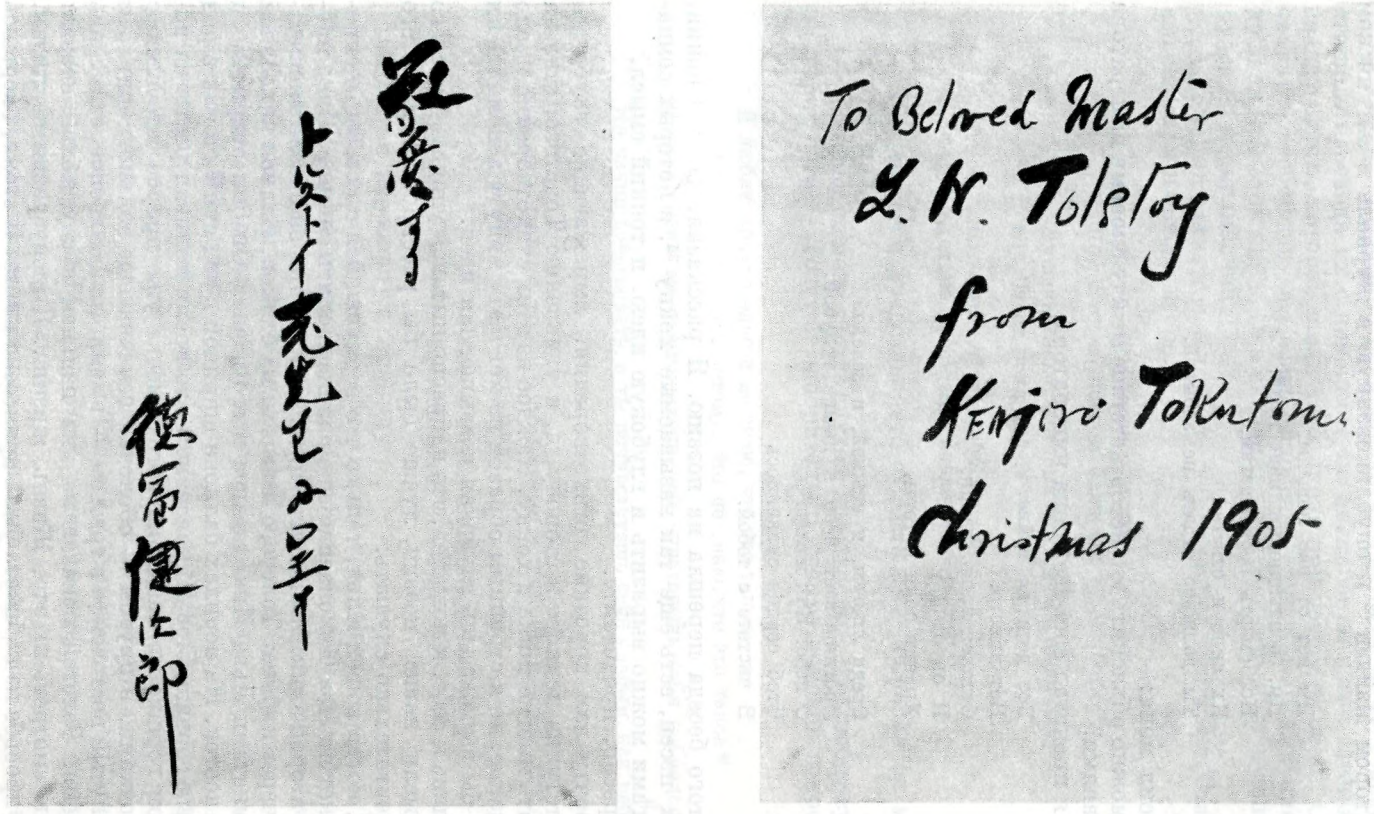
— Э, сейчас будет ливень, скорее, скорее сгребайте траву.— Мы стали сгребать уже просохшую траву и укладывать в две копны; косы только мешали и били по спине. Некогда было даже обтирать струившийся пот. Наконец я выпрямился, тяжело перевел дыхание; холодный ветерок обдавал, как струя прохладной воды. В лесу стало темно, березы тревожно шумели. Над верхушками деревьев неслась на восток фиолетовая туча, прогромыхал гром. На лицо упала первая капля, другая...

Мария, слабая здоровьем, первая почувствовала усталость и оставила работу. За ней ушли все, кроме кухарки с сыном и Александры. Я вконец выбился из сил, но продолжал работать: перетаскивал и складывал траву в копны. Пока мы сгребали траву, грозовая туча пронеслась дальше к востоку — дождя не было. Мне стало очень радостно, когда жена повара от всей души поблагодарила меня за помощь.

Мы вышли на поросшую травой межу, видневшуюся среди ржаного поля. Здесь цвели васильки, колокольчики, белая кашка и красный чертополох. На холме, расположенном напротив, поспевала рожь, а вдали, на другом холме, вздымавшемся, как гребень волны, рос густой зеленый лес. После дождя, который прошел стороной, ярко светило солнце, необозримый простор открывался вокруг. То там, то здесь виднелись дома. Я дышал полной грудью.

Яблоневый сад, который сторожил старик-крестьянин, не был огорожен забором, только кое-где в один ряд провисала натянутая проволока. Рядом с усадьбой рос лес, посаженный перекрестными рядами, но сам дом стоял в лесу, к которому примыкало поле. В этот лес могли свободно ходить все, кому хотелось погулять, и даже охотники. Мне приятно было узнать, что летом в густой траве здесь не водится змей.

Подойдя к дому, я увидел двух нищих, стоявших у входа. Как раз в это время вышел Толстой, немного поговорил с ними и, как и в прошлый раз, вытащил кошелек и дал им денег.



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ТОКУТОМИ РОКА НА КНИГЕ «ТОЛСТОЙ» ИЗ СЕРИИ «ДВЕНАДЦАТЬ ПИСАТЕЛЕЙ» (1897):
«Любимому учителю Л. Н. Толстому от Кэндзиро Токутоми. Рождество 1905»
Надпись сделана на японском и английском языках
Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

ВЕЧЕР НА БАЛКОНЕ

Вчера вечером Толстой показал мне танка [32], сложенную его величеством императором Мэйдзи [33] и опубликованную в журнале в английском переводе.

Им нет от нас пощады,
Им, ненавидящим наш край,
Но, смерть неся врагам,
Их силе и отваге
Ты должное отдать не забывай.

Он спросил меня:

— Как можно объяснить это несоответствие между словами императора и его действиями?

В ответ я прочитал еще две танка императора:

Все дети на войне.
Нет никого.
Остался лишь старик,
И он один
Хранит поля и горы.

Среди листвы, и нежной, и зеленой,
Проглядывает небо в дымке голубой.
О небо! Как желаю я,
Чтоб сердце сравнилось
В чистоте с тобой.

После этого беседа перешла на поэзию. Я рассказал, что в Японии, кроме таких песен, есть еще так называемые хокку [34], в которых семнадцатью слогами можно выразить и глубокую идею, и тонкий смысл.

— Интересно, прочитайте.

— Я прочту вам короткие стихотворения, выражающие глубокую мысль.— Отступив немного в сторону, я, к удивлению Толстого, стал на память читать многие танка и хокку. Каждое из этих стихотворений имело свое содержание, но я странным образом не мог в эту минуту вспомнить ни одного, где бы выражалась глубокая возвышенная идея.

Вернувшись к себе, я пожалел, что напрасно пытался удивить Толстого глубиной мысли нашей поэзии, лучше было бы расспросить его о его мыслях и почтительно слушать.

Сегодня, когда вошел Илья, только что вернувшийся с косьбы, я спросил его, может ли Лев Николаевич еще раз поговорить со мной. Илья провел меня на второй этаж. Мы прошли через залу, в которой висело множество картин, через кабинет Толстого и вышли на балкон. Балкон находился рядом с комнатами Льва Николаевича и его жены. Он был открытым и выходил на восток. На перилах балкона шириной в два сун [35] стояли в ряд три глиняных горшка. Лев Николаевич в это время поливал растения водой. В одном горшке из мандаринового семечка уже пророс стебелек с двумя листочками, в другом — оболочка семечка еще только лопнула и торчал изогнутый росточек, а в третьем — в земле лежало белое, едва лишь набухшее семя. Толстой показал на них пальцем и с улыбкой сказал:

— Люблю смотреть на это. Жизнь, жизнь... Я вижу развитие жизни.

По моей просьбе из кабинета была принесена книга. Я стоял, опершись на стул. Дверь в кабинет была завешена тонкой металлической сеткой: Толстой не любил мух.«Привычки старшего брата Левина из „Анны Карениной“ были на самом деле привычками самого Толстого»,— подумал я.

Толстой раскрыл немецкую книгу, в которой некоторые места были отчеркнуты им синим карандашом. Это были стихи немецкого поэта первой

половины XVII века — монаха Ангелуса Силезиуса (подлинное имя которого — Вильгельм Бурш) [36].

— Очень интересно, послушайте! — Он стал читать некоторые двустишия, переводя их с немецкого на английский язык. Несколько раз он звал графиню, которая шила на балконе при вечернем свете. Она пришла, захватив с собой шитье. Софья Андреевна слушала английские стихи, продолжая при этом шить. Она сказала, что немецкий знает лучше, чем французский и английский.

А я, забыв захватить блокнот, карандашом, взятым у Толстого, записывал стихи на своем веере.

Тот только человек и видит то, что есть,
Когда он в каждом ближнем видит бога [37].

Лучшие слова, которые от тебя ожидает бог:
«Да будет воля твоя!» [38]

Кто считает что-либо мирское сладким,
Тот не знает мир сладости божества [39].

— Как вы себе представляете эти слова? — спросил он меня.

Я ответил:

— Человек не может быть слугою двух господ. Кто любит суетный свет, не любит бога.— Толстой одобрительно кивнул головой и продолжал читать:

Я люблю только одно и не знаю, что это такое.
Но и люблю-то я это потому, что не знаю, что это такое [40].

О друг, пока ты размышляешь, ты чувствуешь себя добродетельным и сильным.
Но начни действовать, и ты почувствуешь себя слабым, как ребенок [41].

Я сказал:

— Да, это именно то, что обычно в жизни беспокоит людей...

Он опять одобрительно кивнул.

Бог — ничто. Если он что-нибудь,
То только то, что он во мне [42].

Толстой перевернул страницу.

— Здесь есть вот такие слова: «Мы все должны родить Христа, как Мария». Разве не интересные слова? Если каждый из нас родит Христа, то мы сможем видеть бога повсюду. Вы недавно назвали трех мудрецов, но забыли к ним причислить мыслителей древней Греции.

Графиня, не отрываясь от работы, произнесла:

— Я люблю Эпиктета.

Беседа переключилась на древних и современных философов. Вошедший во время беседы Лев-сын сказал, что он любит Эмерсона.

Тут вошли два господина, один — лет пятидесяти; другой — тридцати. Это были знакомые, партнеры Толстого по шахматам [43]. Тотчас принесли шахматную доску, и Толстой стал с увлечением играть. Я отошел в сторону и тихо беседовал с графиней.

— Русские военнопленные,— сказала она,— все, как один, говорят, что японцы хорошо с ними обращались. Раненые очень благодарны за доброту и внимательность японских врачей и сестер. Военнопленные говорят: «Японцы хорошие...» Чувства людей повсюду одинаковы.— И в пояснение добавила: — Когда японские военнопленные были в России, они плакали при виде русских детей, вспоминая о своих. Смотревшие на них женщины-

крестьянки тоже начинали плакать. Да и наши русские военнопленные в Японии тоже плакали при виде детей...

Разговор коснулся современного положения России.

— Взгляды моего мужа сейчас не в моде. Повсюду только и шумят: революция, революция. Бунтарский дух проник даже сюда, в яснополянскую деревню. Я просто боюсь, как бы и на наш дом не напали,— говорила она, и в ее словах звучали не шутливые нотки. Затем переменила тему разговора.

— Муж уже стар, так что весь дом на мне. А у меня уже слабое сердце. Времени свободного не бывает ни минутки.— Неожиданно она поднялась:— Это я на зиму сушу для мужа.— Она стала перебирать малину, чтоб не отсырела от вечерней росы; затем села и продолжала шить при слабом свете без очков, приблизив близорукие глаза к шитью.

Гости, не стесняясь, спросили графиню:

— Это правда, что ваша свадьба произошла точно так, как у Кити в «Анне Карениной»?

— Да, вы, вероятно, знаете, мне было тогда семнадцать лет, а мужу — тридцать четыре. Лев Николаевич, подружившись с моей матерью, часто посещал наш дом. Однажды он мне написал мелками одними заглавными буквами, как это рассказывается в романе: «Вы юная, а я же не молод. Я боюсь, что не принесу вам счастья. Согласны ли вы стать моей женой?» Я все поняла и сразу же согласилась. Лев Николаевич был очень счастлив. Я ведь его тоже очень любила. Ну и хорошо, что согласилась...

Все засмеялись.

Вчера вечером, прогуливаясь в одиночестве около того места, где мы с Толстым впервые встретились, я увидел человек пять студентов, сидевших на берегу пруда. Они пели веселую, темпераментную песню под аккомпанемент гармони, потом вышли из ворот и направились к деревне. Наверно, они занимались революционной пропагандой.

«Повсюду раздаются призывы к революции»,— думал я о словах, сказанных графиней.— «Волны революции, разлившиеся по всей России, захлестнули и Ясную Поляну. Вот как далеко дело дошло, если уж графиня высказывает такие опасения, хотя бы и в шутку. Я размышлял о разногласиях во взглядах Толстого и его семьи и соглашался с Львом Николаевичем. Поднявшийся революционный шквал не случаен. Я невольно стал молиться: «Боже мой! Помоги русскому народу, сохрани семью Толстого!»

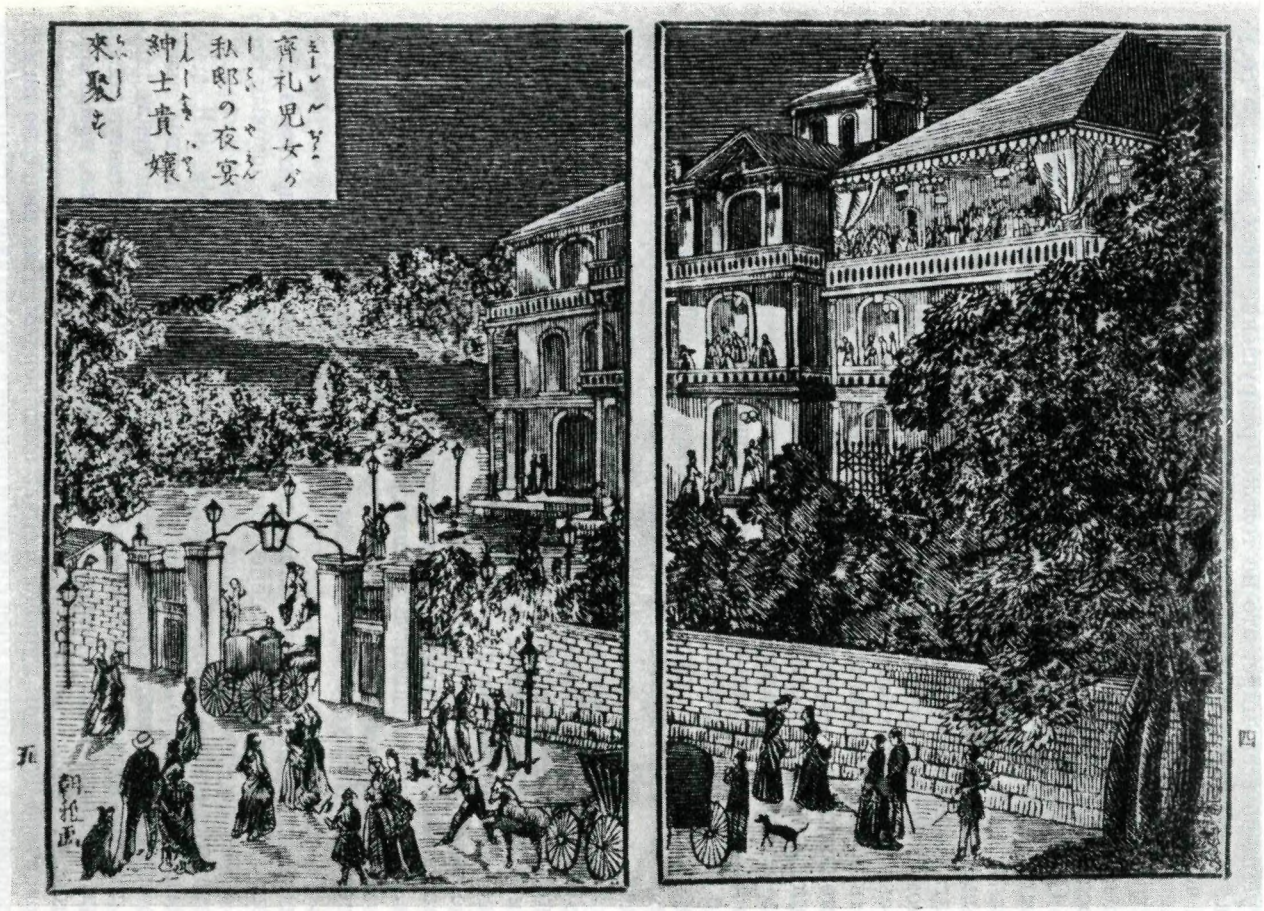
РАДИКАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

2 июля

Вчера мы долго беседовали с Толстым, а сегодня я с доктором намеревался пойти посмотреть деревню. Но утром Мария сообщила: доктор накануне получил телеграмму, что его отец тяжело болен, и неожиданно уехал. Затем она продолжала:

— Сегодня в газете «Новое время» резкие нападки на отца из-за того, что в интервью корреспонденту он сказал, что Думе не следует доверять, и высказал свое давнее убеждение о необходимости провести радикальную революцию мирными средствами. В газете ужасно возмущаются тем, что такой человек, как мой отец, который пользуется большим влиянием, высказывает свое разочарование и не приветствует Думу [44].

Я ушел к себе во флигель и принялся просматривать копию ответа Толстого на мое письмо [45]. Толстой принимает всех, кто бы к нему ни приезжал, всегда всем отвечает на письма [46]. Письмо ко мне скопировано на мимеографе. Копии делаются секретарем Юлией; Толстой ставит свою подпись, и письмо отправляют. Письма приходят ежедневно, и ответы, начиная с января, уже составили целый том. Это письма во все концы света. Хотя я мог читать только по-английски, все равно было очень интересно.



«ЛЮЦЕРН». ИЛЛЮСТРАЦИЯ ИЗ ЯПОНСКОГО ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ТОЛСТОГО, 1886
Гравюра

В письме ко мне заключалась только просьба изложить мои взгляды на жизнь, но были там такие слова:

«Вы говорите в своем письме о русской революции и о предстоящих в Японии реформах. Я думаю, что лишь одна революция и одна реформа неминуемы во всем мире: это не только разрушение всех великих государств, но и вообще всякого государства, освобождение людей от подчинения человеческой власти».

ДЕМОН В ДУШЕ

После обеда Толстой вошел раздосадованный, держа в руке хлыст.

— Сегодня не придется работать, как я хотел, поэтому поеду сейчас верхом купаться. Спросите дорогу у домашних и приходите к четырем часам.

Я вышел из флигеля.

Шагах в ста на юг от флигеля находится еще один большой двухэтажный дом с белыми стенами и зеленой крышей. Теперь в нем жила семья Льва-сына. Это, по-видимому, был тот самый дом, который я старался разглядеть из окна вагона в день приезда. За домом — открытое поле. Рядом у подножия холма — конюшня. Несколько мужчин, пожилых и молодых, готовили для Толстого к выезду верховую лошадь. Прямо, напротив, виднелась бедная деревушка — Ясная Поляна.

— Вы, наверное, знаете взгляды нашей семьи? — спросил Толстой, и лицо его помрачнело. Я давно знал, что он хочет поделить землю между крестьянами, но жена и дети против этого. Толстой не управляет имением и живет в этом доме как старый, пользующийся почетом нахлебник.

— Если я истинный христианин, значит я не должен иметь собственности. В последнее время я не получаю никакого дохода за свои произведения, но у меня есть несколько пьес, и за их исполнение театры присылают деньги. Мне говорят, что если я их не возьму, то их истратят на балет. Кроме того, мне до сих пор друзья с разных концов страны присылают деньги для бедных.

Таким образом я узнал источники дохода Толстого. Толстой, полуобъясняя, полуоправдываясь, продолжал:

— Меня часто осуждают за то, что моя жизнь не соответствует моим убеждениям. Но пусть осуждают, я должен это переносить как христианин...

Небо над деревней прояснилось, в разрывах темных туч показалась голубизна. Края туч отливали серебром, а стволы берез — бело-розовым блеском.

Взглянув на это, Толстой прошептал: «Ах, как красиво!»

Оседлав крупную, хорошо упитанную гнедую лошадь, конюх вывел ее, но она не давалась. Тогда один из конюхов легко вскочил в седло, проехал два-три круга, слез и предложил ее Толстому. Он вставил ногу в стремя, легко вскочил в седло и поехал по зеленой тропинке, помахивая хлыстом.

Позавчера Толстой купался, сейчас ехал верхом. Как радостно видеть его здоровым и бодрым, хотя сам он и говорит, что близок к смерти. Этот бунт, недоверие, гнев, чувствовавшиеся в его словах, набежали черной тенью и омрачили его душу. Как? Неужели Толстой может так роптать и жаловаться? А может быть, оправдываясь, он лукавит? Может быть, его опрощение — только прихоть аристократа? Да, он — Толстой, и в то же время — сын человеческий, привыкший мириться с противоречиями... Но вдруг, набегая, как черные грозовые облака, его душу омрачают чувства недоверия, бунта, недовольства и неудержимым потоком прорываются

наружу. У человека с такой сильной индивидуальностью поневоле много странностей. От человека трудно ждать совершенства, но все же не слишком ли актерски он позирует? Не следует ли мне быть настороже, чтоб не оказаться простачком? Нет, так думать жестоко. Мне, пришельцу из чужой страны, он, как другу, открыл свои сомнения и страдания. Да, это так,— решил я, но все же мне стало грустно.

Возле конюшни было в беспорядке разбросано сено, чуть подальше находился сарай для удобрений. Здесь стояли в ряд лошади разных мастей — верховые и для полевых работ, очень крупные, какие встречаются только в России. Неподалеку находился глубокий колодец, оттуда старуха доставала бадьей воду. Это была обыкновенная бадья. Колодезное колесо, приводимое в движение руками, медленно вращалось. Вода была не очень грязная, но и не совсем чистая. Эту воду ежедневно возят в бочках на кухню. В эту минуту Александра, как ураган, промчалась на велосипеде. Я подумал, что она, наверное, часто ломает велосипед.

ВОДЫ ВОРОНКИ

Итак, я иду купаться. Дорогу спрашивать мне уже не надо. Захватив зонтик, так как небо хмурилось, я вышел из ворот, спустился с холма от деревни Ясная Поляна и направился по дороге, которая сначала шла под уклон, а потом стала подниматься. Дождь побрызгал немного и перестал, ослепительно сверкало солнце. Бурые и черные коровы паслись на яркозеленой траве. С трудом припоминал я те места, где мы купались в прошлый раз. Вот я прошел место, где Толстой вынул кошелек, а вот и то, где он объяснил мне, что эти груды камней не могилы, а межевые знаки на краю деревни. Затем я вышел на дорогу возле березовой рощи и поднялся на холм. Пейзаж напомнил мне «Записки охотника». Я спустился с холма и попал на шоссе. Это было Московское шоссе, на котором мы с Толстым видели стариков, дробивших камни. Шоссе перекрещивалось с проселочной дорогой, ведущей к станции Засека. Стоя на этом перекрестке, я размышлял об отношении Толстого к современным политическим событиям в России. Мне представилось, как революционная партия через муки и кровь добивается свободы, другая — умеренная, сторонница постепенных реформ, старается установить конституцию. Толстой среди них почти одинок, он против всякой власти, против половинчатых реформ, он стоит за полную радикальную революцию, но мирными средствами. И то достойно уважения и это нельзя считать неразумным, но где же правильный путь?

Мучительно размышляя, я незаметно для себя вышел на шоссе Москва—Тула. Я направился по еле заметной меже, тянувшейся по середине поля,— она запомнилась мне с предыдущего раза — и вышел к заводи реки Воронки, где под мелко накрапывающим дождем ребята удили рыбу. Пройдя мимо купальни, я подошел к тому месту, откуда мы с Толстым прошлый раз ушли, так как там было слишком много народу. Сегодя здесь купались всего два человека. Я взглянул на часы — уже наступило условленное время, но Толстого не было видно. Тогда я один выкупался в реке, поверхность которой была покрыта мелкой рябью, затем вылез из воды и стал поджидать Толстого. Он все не приходил, дождь усилился. На берегу стоял покрытый травой шалаш. Жестами попросил я у оказавшегося поблизости крестьянина разрешения войти внутрь и, войдя, лег на землю. Дождь с шелестом падал на крышу шалаша, покрытого пахучей травой, и под его шум я заснул.

Проснувшись, я вышел наружу. Прошло около часа, дождь кончился. Так как Толстого все еще не было, я решил пойти домой по мокрой от дождя траве, пестревшей полевыми цветами.

На вершине холма я услышал, как кто-то сидевший в повозке окликнул меня. Это была Александра, приехавшая по поручению отца разыскивать меня. Оказывается, он назначил встречу в другом месте, а я ошибочно подумал, что мы встретимся на прежнем.

Я попросил Александру быть за кучера, так как она умела править лошадью. Мы повернули к дому. Из рассказа Александры я узнал, что Толстой четыре года назад тяжело болел воспалением легких, ездил в Крым и с тех пор выглядит более слабым, чем прежде. Александра совсем недавно вернулась из путешествия по Западной Европе.

— Швейцария мне не понравилась,— сказала она.— Там при входе в парк или в лес нужно платить пять франков. Возвратившись в Россию, я почувствовала себя свободно. Здесь куда ни пойдешь — кругом простор, никто не мешает, не запрещает. По сравнению со Швейцарией, Италия лучше. Итальянцы — очень веселый народ, поют песни. Когда я иногда спрашивала дорогу, мне всегда очень вежливо и любезно объясняли.

ДЕРЕВНЯ ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Во время ужина за столом сидела лет семидесяти женщина в очках и с маленькими золотыми часами, висевшими, как медаль, на груди. Это была мать князя Оболенского. Во время ужина полил сильный дождь, все вскочили и, под защитой зонтиков, захватив тарелки, мокрые, как мыши, перебежали на веранду. Стоял веселый смех. Открытая с трех сторон веранда находится с южной стороны дома; туда можно пройти по ступенькам прямо из сада. Она обвита плющом, благодаря чему здесь всегда стоят тень и прохлада. Летом в дождливые дни семья здесь обедает, а по вечерам здесь сидят и беседуют за чашкой чая.

К концу ужина пришла глубокая старуха, по виду лет девяноста, поздоровалась со всеми и вскоре ушла. Графиня объяснила мне, что это няня. Я вспомнил старую няню Наталью Савишну из трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность», а также няню из «Анны Карениной» — ту, которая всегда бранилась с молодой хозяйкой, и понял, как правдиво русские писатели изображали жизнь. Здесь я часто вижу живые картины жизни, напоминающие те, которые Толстой описывал в своих произведениях.

Неожиданно вошел внушительного вида молодой господин лет двадцати семи — двадцати восьми, подпоясанный черным поясом. Толстой с удивлением, как будто они встретились после долгой разлуки, пожал ему руку, затем представил мне. Я узнал, что это Виктор Лебрен. Еще в юности он стал единомышленником Толстого. Затем он окончил Московский университет; в настоящее время живет с матерью жизнью крестьянина на берегу Черного моря в окрестностях Батума, недалеко от Армении. К сожалению, мы не смогли говорить с ним по-английски.

Дождь прошел, но летний день еще не кончился. Мы с Лебреном отправились осматривать деревню Ясная Поляна. На дрожках мы объехали всю деревню: в ней семьдесят дворов. Они стоят в ряд по обеим сторонам дороги, ширина которой около двадцати кэн. Издавна здесь жили крепостные Толстых, потом они получили свободу и завели хозяйство каждый отдельным двором. Но они по-прежнему бедняки.

На краю деревни стояла школа, закрытая на время летних каникул. Когда-то Толстой сам преподавал в ней, а сейчас управление ею перешло к земству. Почти все дома в деревне бревенчатые, покрытые соломой или дранкой, и только несколько кирпичных. В каждом одно-два стеклянных оконца. Маленькие, темные домишки ничем не отличались от грязного хлева. Мы вошли в один из них. В избе был полумрак, мы осмотрели ее при помощи свечи. Старый пол чуть не проваливался под ногами. Одну стену занимала печка, в углу — груда ветхой одежды. У входа какое-то

подобие кухни. В избе площадью не более десяти татами живет семья из десяти человек. Можно себе представить, что там творится в плохую погоду! Двор завален навозом, сено беспорядочной кучей лежит в сарайчике, в крытом соломой хлеву — домашний скот. Тут же на дворе валяются сельскохозяйственные орудия и стоит телега.

Затем мы пошли осматривать дом Тараса, первого деревенского богача. Кирпичный, небольшой, но красивый дом находится в центре деревни в одном ряду с другими домишками. Перед иконой на стене ярко светит лампада, в углу — ткацкий станок, но дом все же состоит из одной просто убранной комнаты.

Хозяин с гордостью показывал нам образцовый скотный двор, сад, где росло несколько десятков яблонь, под ними стояло несколько пчелиных ульев.

Увидев деревню Ясная Поляна, я понял, как должен был страдать Толстой от того, что семья не позволяет ему разделить землю между крестьянами, как он этого хочет. В русской деревне, в общем, все живут почти одинаково. После реформы большинство крестьян получило недостаточные наделы земли. По рассказу Андрея, крупные землевладельцы в России, такие, как граф Строганов, князья Юсуповы, Голицын и другие, владеют огромными имениями размером в миллион сорок тысяч — миллион триста тысяч тё земли. Весьма сомнительно, чтоб эта аристократия, духовенство или царская семья стали разрешать крестьянский вопрос в пользу народа.

Возвратившись домой, мы прошли на веранду, где снова собралась семья. Хозяйка занималась шитьем, мать князя Оболенского и жена Льва вязали, а Лев, Андрей и Александра пели песни под аккомпанемент балалайки и мандолины.

Тихо вошел Толстой. У него было лицо тэнгу [47], только с коротким носом. Маленькие глаза светились радостью, он постукивал каблуками в такт песни. Мы с Лебреном ушли во флигель. Жестами я объяснил ему, чтобы он, не стесняясь, располагался на софе. Сам я лег на кровать.

СОБЫТИЯ ОДНОГО ДНЯ

3 июля

Четвертый день живу я в этом доме. Жизнь здесь мне нравится. Вот один из летних дней в Ясной Поляне.

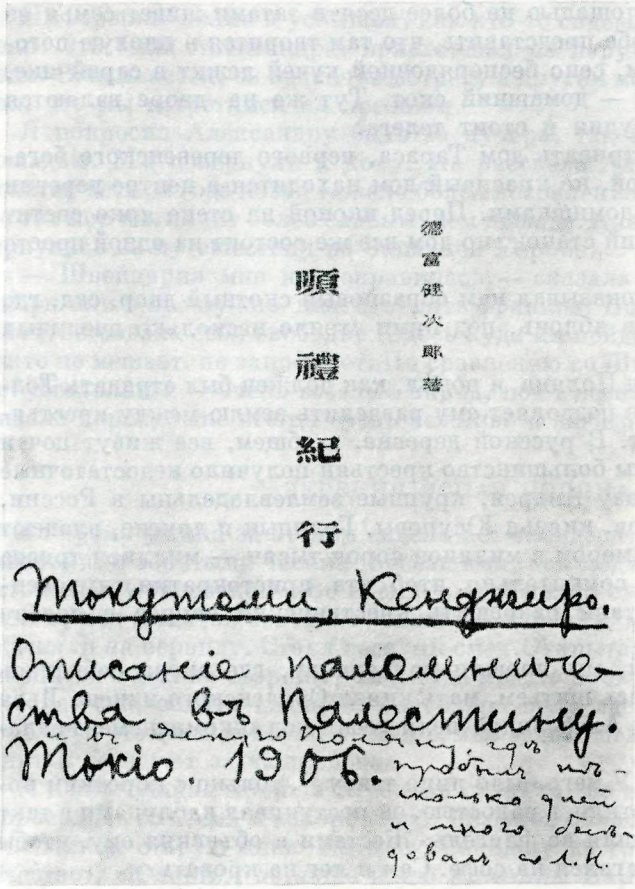
Несмотря на то, что в России летом светает рано, в доме Толстого спят до семи часов. Раньше всех встают дети — ежедневно рано утром они ходят на станцию Засека за почтой. На столе под кленом стоит самовар, чашки, горшок со сливками, хлеб и тарелки, прикрытые от мух салфеткой.

Во время завтрака каждый приходит, когда захочет, и уходит по своему усмотрению. Толстой с графиней к завтраку приходят редко. До полудня обычно Толстой занят важными делами.

Второй завтрак в двенадцать часов. В саду на суке огромного вяза висит небольшой колокол. Как только он прозвучит, с разных концов собираются члены семьи. Лев Николаевич приходит не всегда, но хозяйка обязательно. Мужчины здороваются за руку, женщины целуются. Даже во время второго завтрака никто не прислуживает — все чувствуют себя совершенно свободно.

Время после завтрака используется для прогулок: кто садится на лошадь, кто на велосипед, одни идут купаться, другие — прогуливаются, сопровождаемые собаками.

Толстого по ночам мучает старческая бессонница; в ночь он просыпается по пять-шесть раз. Поэтому после второго завтрака, вернувшись с



КНИГА ТОКУТОМИ РОКА «ЗАПИСКИ ПАЛОМНИКА» (ТОКИО, 1906), ПРИСЛАННАЯ ИМ ТОЛСТОМУ В ЯНВАРЕ 1907 г.

Титульный лист

Внизу пометы В. Ф. Булгакова (заглавие книги) и Д. П. Маковицкого

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Колокол на обед звучит в пять или шесть часов. К столу собирается вся семья. Слуги прислуживают за столом во фраках. Обычно к обеду подается небольшая закуска. Лев Николаевич и остальные мужчины одеты просто, женщины к обеду тоже не переодеваются.

После обеда одни идут гулять, другие — играть в теннис.

Как только зажигаются огни, звуки колокола зовут к вечернему чаю. Собираются обычно на веранде. Подается чай, сладости, вишня, малина. Женщины приходят, захватив какое-нибудь рукоделие, мужчины — книги. Все непринужденно беседуют. Иногда беседа за чашкой чая затягивается до десяти часов, а иногда и позже. Так проводят время и при гостях, и без гостей. Пришедшим не отказывают в приеме, не задерживают и тех, кто захочет уйти: жизнь подобна течению воды или дуновению ветра. Всюду непринужденность, радушие и искренность. Отношение к гостям, к слугам, к деревенским жителям, друг к другу — естественное, без притворства и принуждения, любезное и сердечное.

— Как видите, мы живем просто,— сказала графиня.

— Можно только позавидовать такой жизни,— ответил я.

— Однако есть одно «но»,— произнесла Мария.

— Никакого «но»,— воскликнул я,— завидую жизни простой и естественной.

К гостям Толстого здесь тоже относятся непринужденно и без заискивания. Хозяйка, взглянув на мои очки, спросила:

— Почему вы носите очки? Вы близоруки? Я тоже близорукая. Дайте, пожалуйста, посмотреть. Я в них хорошо вижу.

В другой раз, наклонившись, она отогнула полу моего авасэ [48].

— А вы все-таки носите нижнее белье?

Однажды я надел европейский костюм. Толстой сразу же заметил это и спросил:

— А почему вы не в кимоно?

Марию он называет «Ма», Андрея — Андрюшей, Александру — Сашей.

Андрей — самый жизнерадостный, любит пошутить.

— В Японии есть такие толстушки? — шутливо спросил он, похлопав Александру по спине.

— Современные девушки в Японии занимаются гимнастикой, потому они обычно выше ростом, чем их матери.

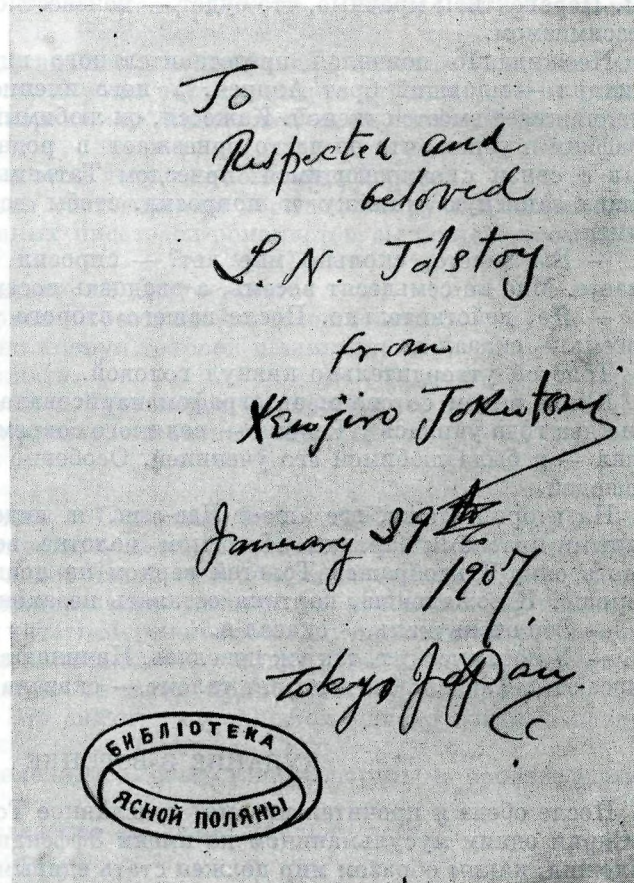
Беседа коснулась ревности.

— Правда ли, что в Японии считается невежливым, если молодой человек смотрит женщине в лицо? — спросил Андрей.

— Нет, смотреть не запрещается. Но невежливо смотреть очень пристально.

Андрей показал на жену Льва-сына и в шутку произнес:

— Друг мой! Даже случайно не смотрите на нее. Лев ужасно ревнив...



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ТОКУТОМИ РОКА НА КНИГЕ «ЗАПИСКИ ПАЛОМНИКА» (ТОКИО, 1906):

«Уважаемому и любимому Л. Н. Толстому от Кэндзиро Токутоми. 29 января 1907 г. Токио. Япония»

Надпись сделана на английском языке

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Затем, многозначительно указав на мать:

— И на мать тоже, отец будет сердиться.

Заговорили о красоте.

— Кого из присутствующих вы считаете всех красивей? — спросил меня Лев.

— Красота бывает разная. Бывает красивое лицо, красивая фигура. Нужно, чтоб в человеке все сочеталось. Если брать одну какую-нибудь черту красоты, то из мужчин самый красивый — Андрей, а из женщин — няня.

Все засмеялись.

АВТОГРАФЫ

Сегодня Лебрен собрался уезжать. За столом под кленом, когда я туда пришел, сидел веселый господин лет пятидесяти. Это был Сухотин, приехавший прошлой ночью, муж Татьяны — старшей дочери Толстого. Сухотин — член Думы, но он сумел выбрать два-три дня для личных дел и заехал в Ясную Поляну. Он был другом детства Татьяны — своей будущей жены.

Я стал расспрашивать о положении дел в Думе, а Льва попросил быть переводчиком.

Сухотин принадлежал к крайне правой консервативной партии [49]. По его словам, депутаты от крестьян в Думе отстаивают свои требования, представители Польши добиваются независимости, группа радикалов требует установления республики. Каждая группа защищает свои интересы. Перспективы мрачные, что́ будет — неизвестно. От его рассказа веяло пессимизмом.

Неожиданно появился представительного вида господин. Это был Михаил — младший брат Андрея. У него имение в соседней губернии, где он живет вместе с женой. Кажется, он любимый сын Толстого. Из слов графини я узнал, что он часто приезжает в родной дом, а сейчас прибыл в связи с ожидающимся приездом Татьяны. За завтраком я вытащил записную книжку и попросил, чтобы все расписались мне на память.

— Вы знаете, сколько мне лет? — спросил Толстой.— Нет, вы не знаете. Мне не семьдесят восемь, а двадцать восемь лет...

— Да, действительно. После вашего второго рождения вам двадцать восемь,— сказал я.

Толстой утвердительно кивнул головой.

Юлия рядом со своим автографом нарисовала пером голову лошади. Она два года училась у Репина — великого современного русского художника — и была любимой его ученицей. Особенно любила Юлия рисовать лошадей.

На втором этаже, где живет Лев-сын, я видел написанные ею масляными красками картины. На одном полотне величиною в четыре на шесть сяку [50] изображен Толстой верхом на лошади. Нарисовано очень хорошо. К сожалению, картина осталась незаконченной.

— Это очень жаль,— сказал я.

— У нас, русских, так уж повелось. Начинают работу и, не закончив, бросают... Так иногда и гибнет талант,— сказала Мария.

КУПАНИЕ В ВОРОНКЕ

После обеда я прочитал письмо, присланное Толстому из города Акка в Сирии одним мусульманином по имени Эффенди [51]. В семи пунктах он изложил, каким образом мир должен стать единым.

Сегодня в четыре часа графиня, жена Льва-сына и мать Оболенского поехали на Воронку купаться. Толстой обещал присоединиться к ним позднее. Взяли и меня. Мы сели в экипаж, который называют «катки»; по бокам у него прибиты защищающие от грязи доски. Экипаж проехал мимо дома, где жил Лев, выехал на то место, где позавчера сгребали траву в копны, и въехали в лес рядом со ржаным полем. Дорога в лесу была ровная. Вскоре лес кончился, и мы выехали на открытое место, откуда виднелись река и поля. От дома это совсем недалеко: пешком идти менее двадцати минут. Это было то место в верхнем течении Воронки, где мы купались в прошлый раз и где на берегу стоит небольшая купальня.

Вдруг я услышал, что кто-то зовет меня по имени, глядя на меня сквозь щель в стене. Это был Толстой, он тоже пришел купаться. Старец поздоровался с женщинами, вошел в купальню, быстро разделся и нырнул в воду. В женской половине купальни был устроен настил, от которого в одном шагу была чистая, глубокая и довольно теплая вода. Река, шириной не более пяти кэн, медленно текла, извиваясь между холмами. На берегу росли небольшие ивы, у самой воды цвели белые кувшинки, в воде плавали какие-то рыбы, мне показалось, караси. Я с удовольствием поплавал. Когда я вышел на берег, Толстой уже одевался.

Старик очень много работает. Вот и сегодня при нем были серебряные часы на короткой металлической цепочке и записная книжка с вложенным в нее карандашом. Эти две вещи и кошелек он всегда носит с собой.

— Читали вы письмо Эффенди? — спросил он меня.

— Читал. Нужно радоваться, что повсюду люди пробуждаются...

— Да, это очень радостно, очень радостно,— кивнул он с довольным выражением лица.

Я поздоровался с поджидавшей нас графиней и вслед за Толстым пошел в рощу, свернув с дороги. В роще росли молодые дубки и березы. Блики солнца и тени падали вперемежку, яркая июльская листва бросала зеленый отсвет на одежды.

— Я люблю гулять в этом лесу,— промолвил Толстой.

Через некоторое время разговор наш перешел на русских писателей.

— Кого из современных писателей-романистов вы больше всех цените? — спросил я.

— Достоевского. Читали вы Достоевского?

— Да, читал его роман «Преступление и наказание».

Толстой одобрительно кивнул головой и заметил:

— Очень хорошая книга.

— А как вы относитесь к Тургеневу? — спросил я.

— Тургенев пишет красиво, но он неглубок.

— А Гончаров?

— Этот тоже.

— А как вы относитесь к Горькому, Мережковскому, Чехову?

— У Горького талант есть, но нет образования, а у Мережковского есть знания, но нет таланта. А вот Чехов — это большой талант. У всех троих, к несчастью, нет проникновенного взгляда на человеческую жизнь,— и затем добавил: — Чем читать Мережковского, лучше почитайте Аксакова и Хомякова. Это крупные писатели — русофилы. Но, по Аксакову, будущность России основывается на трех принципах — самодержавии, православии и народности. Это значит уже слишком далеко зайти в патриотизме.

Тема разговора переменилась. Мы стали говорить о произведениях Толстого.

— Какое свое произведение вы любите больше всего?

Подумав, Толстой ответил:

— Роман «Война и мир».

— Это, наверное, потому, что в основу взята подлинная история России?

— Конечно. И все-таки там есть слишком уж патриотичные места.

Мы уже вышли из рощицы, прошли лес и вышли на тропинку, ведущую к дому, когда наша беседа переключилась на европейских писателей. Толстой неожиданно остановился и заговорил.

— Вы тоже писатель. Послушайте мои слова. Не говорите того, о чем вы можете не сказать.— Он взял палку, начертил на земле круг, провел по направлению к кругу две-три лучеобразные линии и продолжал: — В каждой истине можно найти точку. Вы посмотрите на человека с одной стороны, затем с другой. Если у вас есть наблюдения, еще не открытые никем, если есть своя точка зрения — хорошо, если нет — тогда лучше молчите. Иначе, что бы вы ни говорили, о чем бы вы ни писали — будете ростом с самого себя.— И Толстой руками изобразил карлика.— Свет, может быть, и будет вас хвалить, но истине это не принесет никакой пользы. Говоря так,— добавил он,— я имею в виду самого себя. Меня хвалили за мои старые произведения, но теперь я вижу, что это только клочки бумаги. Я верю, что мои теперешние религиозные, философские и общественные труды не совсем бесполезны.

Мы уже подошли к флигелю, и на этом драгоценный для меня разговор закончился.

ТАЛАНТЛИВАЯ ЖЕНА ТОЛСТОГО

Михаила звали к ужину, но он уже уехал. После ужина старшие разошлись. Когда зашла речь о картинах Юлии, Андрей сказал, что его мать тоже пишет картины. Он пошел в дом и принес картину, на которой масляными красками были нарисованы грибы.

— Вот как рисует моя мать, хотя она нигде не училась,— пояснил Андрей.

Я взглянул на картину — для любителя она была написана очень хорошо.

Вскоре пришла графиня. Она откровенно обрадовалась, услышав искреннюю похвалу.

— Пойдемте, я покажу вам кое-что,— и повела меня на второй этаж. Здесь в зале стоял рояль, на стенах висело несколько портретов, написанных кистью великих русских художников — Ге, Репина и Крамского, а также портрет графини с маленькой дочерью Татьяной на руках.

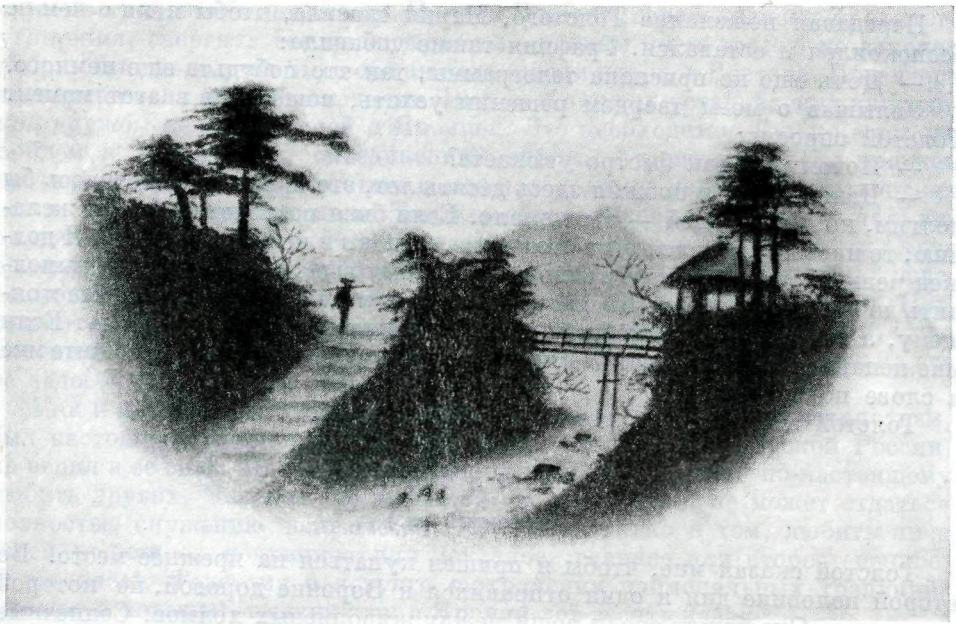
Затем хозяйка повела меня в кабинет Толстого. Здесь она показала мне свою копию с портрета Толстого, написанного Крамским, когда Толстому было пятьдесят лет. При сравнении с оригиналом было видно, что копия выполнена неплохо. После этого мы вошли в комнату Толстого площадью в десять татами, находившуюся рядом со спальней. На стенах висели небольшие, написанные графиней картины — летние и зимние пейзажи Ясной Поляны. Они были выполнены вполне профессионально, и в то же время им недоставало мастерства. Здесь же висел портрет Толстого того времени, когда он был офицером-артиллеристом, а рядом большой акварельный портрет красивого мальчика лет десяти. Это недавно умерший последний сын Толстого [52].

«Должно быть, у родителей сердце кровью обливается при воспоминании о таком замечательном ребенке»,— подумал я.

На столе в тарелке, наполненной водой, лежали напечатанные фотографии.

Графиня взяла какую-то рукопись и пояснила:

— Это наброски моей автобиографии.



ОТКРЫТКА С НОВОГОДНИМ ПОЗДРАВЛЕНИЕМ, ПРИСЛАННАЯ ТОКУТОМИ РОКА ТОЛСТОМУ, декабрь 1903 г.
Архив Толстого, Москва

Затем, показав пальцем на большой ящик, стоявший в углу комнаты:

— Здесь хранится переписка мужа, его записные книжки и дневники. Теперь такое время, мы не знаем, что может случиться с ними, поэтому большая часть уже отправлена в музей в Москву, и с остальными мы намерены сделать то же.

Хозяйка показала мне комнаты на втором этаже с западной стороны.

— Это комната Александры, а это — Юлии.

В комнате Юлии стояла пишущая машинка.

Радушие и любезность графини поразили меня, но еще больше поразила меня ее откровенность.

Вечером на веранде при свете лампы Толстой читал отрывок из своего произведения «Правительство и народ»[53] по тексту, отпечатанному на машинке. Читал без очков, низкий голос его нисколько не казался усталым. Очень радостно, что Толстой хоть и стар, но еще крепок, как дуб. Из этого чтения по-русски я понял только одно слово «Япония».

Под конец чтения мне захотелось спать, и я потихоньку вышел.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

4 июля

Сегодня Сухотины — отец и сын — уехали. Я тоже собрался завтра уезжать. Послезавтра свадьба старшего сына, так что оставаться здесь мне больше неудобно. В первое время по приезде я подумывал о том, чтобы снять комнату в деревне Ясная Поляна и, если позволят обстоятельства, прожить, по крайней мере, все лето. Но теперь это уже лишнее: увидеть Толстого, обменяться с ним хотя бы одним словом — этого уже достаточно. «У каждого человека своя дорога к небу», мой путь теперь лежит в родной край.

Передавая пожелание Толстого, Мария сказала, чтобы я ни о чем не беспокоился и оставался. Графиня также добавила:

— Дочь еще не прислала телеграммы, так что побудьте еще немного.

Услышав о моем твердом решении уехать, вошедший в этот момент Толстой спросил:

— Почему вы так быстро уезжаете?

— Даже если б я прожил здесь десять лет, это время не показалось бы долгим, но и пять дней — это немало. Если бы я последовал своему желанию, то навсегда остался бы в этом доме. Однако я не могу не ехать. Я должен решить свои задачи и приложить к этому все силы. Я должен выполнить до конца свой долг. До сих пор я только мечтал, но не жил по-настоящему, а теперь, возвратившись домой, я начну деятельную жизнь. Если мне понадобится ваше наставление, я напишу вам письмо. Не откажите мне в слове поучения.

Толстой промолчал, ничего не сказав в ответ.

КУПАНИЕ В ВОРОНКЕ

(Четвертый раз)

Толстой сказал мне, чтобы я пришел купаться на прежнее место. Во второй половине дня я один отправился к Воронке дорогой, по которой шел вчера. Она бежит среди рощи между живописных холмов. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь сеть листвы, падают золотыми пятнами на землю. Идешь среди молодой поросли в зеленой тени. Сегодня в последний раз я увижу Толстого, который, гуляя в этом лесу, говорит с богом и размышляет о человеке. Завтра мне придется с ним расстаться, нас разделят моря и горы, и он останется только в воспоминании. При этой мысли каждый шаг, приближавший к этому мгновению, вызывал во мне щемящее чувство утраты.

Когда я пришел к реке, Толстой уже был там. В последний раз я поплавал, несколько раз нырнул, ополоснулся водой, нарвал белых кувшинок и вышел из воды. Когда Толстой куда-то отошел, я написал карандашом на бревнах сторожки следующие строки:

Прощай навеки, Воронка!
Не забуду тебя никогда.
Ты была моим новым Иорданом,
О благословенная Воронка!

Пришли купаться Лев, Андрей и жена Толстого. Они поздоровались и подошли к Толстому. Он с огорченным видом стоял в густой траве.

— Недавно я гулял в яблоневом саду и потерял пояс,— сказал он виновато.

Мое сердце сжалось. Как это грустно! Все-таки он очень стар. Такой великий человек — и он уже постарел! Вчера мы с ним гуляли в этом лесу. Он сказал:

— В прошлом году я видел японских военнопленных. У них добрые лица, однако жаль, что японцы не выполнили с присущим им упорством свою миссию и пошли по пути американской, поверхностной, уже разлагающейся цивилизации. Вдумайтесь получше. И у России, и у Японии, у всех восточных народов (Толстой не причисляет Россию к Западу) есть своя миссия, свое предназначение. Эта миссия заключается в том, чтобы люди обрели настоящую жизнь. Надо познать, в чем смысл человеческого существования. Западные государства гордятся так называемой цивилизацией, которая достигается с помощью машин, но она, в действительности, ничего не стоит. Народы Востока не пойдут по пути Запада, они должны

сами построить себе новый мир. Народы Востока, освободившись от всякого угнетения, свергнув все правительства, должны жить только по законам добра. Такова должна быть общая цель жизни народов Востока. Позавчера вы спрашивали о предназначении Японии и о путях установления длительной дружбы между Россией и Японией. Это необходимо. Только если мы пойдем к одной цели, объединенные единым стремлением, мы сможем достичь этой цели. Но для этого самое необходимое условие: крестьянская жизнь в полном смысле слова. Тот, кто обрабатывает землю, кто в поте лица добывает свой хлеб, тот не нуждается в поддержке земной власти. Хотя в Англии живет немало моих друзей, но я вижу, как отвратительно поведение Англии по отношению к так называемым «варварским» странам. Нет, единственное допустимое покорение — это покорение земли мотыгой. Сила России не в оружии, а в крестьянской мотыге. Вот почему, несмотря на все ее недостатки, я люблю Россию и верю в нее...

Как и можно было ожидать, этот человек, который отрицал патриотизм, был настоящим патриотом. Он ненавидел преступления царской России, но верил в ее силу. Человек, не верящий в себя, не может по-настоящему любить других. Человек, не любящий свое отечество, не может отдаться полностью служению человечеству. Разница только в том, любить ли в своей родине ее подлинное или показное, главное или второстепенное. Я рассказал Толстому о лозунге «сохранения национальных традиций» («кокусуй ходзон»), выдвинутом в Японии лет десять назад [54].

— Япония,— сказал я,— страна молодая, но верит в себя. Я верю, что у нее найдется достаточно скромности, чтобы учиться у других народов полезному, не подражая всему без разбора, и мужества, чтобы идти вперед к добру.

Не переставая разговаривать, мы подошли к проволочной изгороди около дома Льва (впрочем, это была изгородь лишь по названию). У входа стояла босоногая старуха, повязанная старым синим платком. В руках она держала горшок с отбитым краем, наполненный лесной малиной. Толстой остановился и заговорил с ней. Она вдруг в голос заплакала. Я подумал, что это все та же вдова учителя, и, когда она ушла, спросил, кто она.

— Нет, это не жена учителя. Ее муж был вором, а сейчас и сын тоже за кражу сидит в тюрьме, словно это какая-то наследственная болезнь у них в семье.

Разговор переменился. Толстой стал расспрашивать о моих родителях. Особенно подробно расспрашивал меня о матери. Толстой лишился матери, когда ему было два года. Восьмидесятилетний старик тосковал по матери, которую не помнил. О, сколько грусти в сердце человеческом!

БАЛКОН И КАБИНЕТ

Солнце садилось. Каждая минута моего пребывания здесь была для меня драгоценна. Толстой выглядел очень усталым, и я подумал, что еще больше утомлю его своим посещением. Я уложил свои вещи и вышел. Из дома доносились звуки фортепьяно. Должно быть, дочь Александра играла отцу. Я долго ходил взад и вперед по двору; наконец вышел Толстой и пригласил меня на балкон. Там на стуле лежала раскрытая английская книга. Это была книга о Бирме. Мы стали говорить о переводах «Анны Карениной» и «Воскресения» на японский язык. Я рассказал Толстому о переводе на японский язык его произведений, написанных после его «второго рождения», начиная с «Моей веры» [55], затем я сообщил ему о возникшем в Японии движении «Самоотверженная любовь» [56]. Толстой в свою очередь рассказывал о пробуждении персов, которые подвергаются гонениям, и расспрашивал меня о жизни христиан в Японии. Толстой счи-

тает, что пантеизм не должен быть отброшен. Он взял в руки русскую книгу.

— Эта книга составлена мною [57]. Здесь собраны золотые слова, которые нужно помнить постоянно. Каждому дню — свое поучение. Посмотрите! Здесь есть изречения из Евангелия, из Герберта Спенсера; кое-где я изложил и свои взгляды. Каждое утро я читаю это и молча обдумываю. Это как бы моя молитва. Послушайте! Ваш день рождения двадцать пятого октября? К сожалению, издана только первая часть этой книги, которая кончается тридцатым июня.

— Я приехал в ваш дом тридцатого июня, поэтому я хотел бы послушать, какое поучение относится к этому дню.

Толстой кивнул головой, полистал страницы и прочел некоторые записи:

> «Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом; а одно только на потребу».
>
> Лк., гл. 10, ст. 41—42

> «Когда бы люди захотели, вместо того, чтобы спасать мир, спасать себя; вместо того, чтобы освобождать человечество, себя освобождать — как много бы они сделали для спасения мира и для освобождения человечества!»
>
> Герцен

> «Чем больше люди будут верить в то, что они могут быть приведены чем-то внешним, действующим само собою, помимо их воли, к изменению и улучшению своей жизни, тем труднее совершится это изменение и улучшение» [58].

— Последние слова — мои,— сказал Толстой и закрыл книгу. Для меня это был прекрасный прощальный подарок.

На балконе солнце уже померкло, и в кабинете было темно. Толстой спросил меня о моих планах на будущее. Затем, сказав, что он подготовит для меня рекомендательные письма, зажег небольшую зеленую лампу и сел писать. С разрешения хозяина я остался в кабинете. Я огляделся. В кабинете площадью в десять татами стояли два почерневших стола, из них один из красного дерева, два стула, в углу — обитая черной кожей софа. На стене небольшая книжная полка. Среди книг, лежащих в беспорядке на столе, виднеются буддийские сочинения и «Психология социализма». На стенах много портретов; на одной из них висит составленная из пяти отдельных частей картина «Сикстинская мадонна». Некрашеный пол... Сюда, в это уединение жена привезла ослабевшего после болезни Толстого, чтобы жить вместе на покое. Тихий, удобный кабинет!

Я взглянул в лицо Толстого при свете лампы. На макушке волосы поредели, пепельно-белые волосы, склоненный над столом лоб в глубоких морщинах, широкие густые брови насуплены. Тяжело переводя дыхание, он скрипел гусиным пером [59]. Подумать только, в будущем году ему исполнится восемьдесят лет [60]. С годами он, великий провидец, все больше стареет, а у него внутри пламя все разгорается. Мне захотелось, чтобы люди в почтении склонились перед ним, чтобы они, как и я, пролили слезы благоговения.

Толстой закончил писать рекомендательные письма для меня: одно — в Санкт-Петербург [61], два других — в Москву [62], и положил перо. Затем он взял в руку лампу, поднял повыше и стал пояснять мне каждую из висящих на стене картин. Здесь висел портрет Генри Джорджа, портрет умершего несколько лет назад старшего брата Толстого [63], портрет покойного Гаррисона — первого проповедника идей непротивления в США. Этот портрет был прислан Толстому сыном Гаррисона. Под портретом

висел написанный масляными красками портрет какого-то мужика с веселым выражением на лице. Я спросил Льва Николаевича о нем.

— Это мужик, который не прочел ни одной книги, но отличался глубиною мудрости. Зовут его... к вечеру память у меня ослабевает... не вспомню...

Вероятно, он был из крестьян типа Бондарева и Сютаева [64].

— Вы, наверное, любите Рафаэля, раз повесили «Мадонну»?

— Нет. Это мне подарила моя старшая сестра. Она сейчас в монастыре[65]. На мой взгляд, это все неверно,— ответил Толстой и засмеялся.

Наш разговор от Рафаэля перешел на статью Толстого «Что такое искусство?»

— Вы, наверное, и сейчас придерживаетесь тех же взглядов?

— Да.

— Настоящее искусство должно взывать к лучшим чувствам человека...

Толстой, не дав закончить, прервал мою фразу:

— Да, обычно так и понимают.— Он погасил лампу, и мы еще некоторое время сидели на балконе при вечерних сумерках.

Я от всей души поблагодарил Толстого за гостеприимство и извинился, что, не зная языка его родины, затруднял глупыми вопросами на ломаном английском языке. Пожав его руку, я сказал:

— Учитель, берегите себя. Вы как-то сказали, что смерть — избавление, но я прошу, не торопите час этого избавления. Вы сказали, что пока живы — будете работать до последнего мгновения, но, Учитель, берегите свое сердце. В Японии, которая была врагом России, в стране, люди которой проливали русскую кровь, появились люди, следующие вашему учению, и повсюду появится еще больше таких людей. Вы осветили путь для всего мира. Позавчера вы сказали, что вам двадцать восемь лет, тогда такие, как я, всего лишь младенцы или еще только сейчас нарождаются. Жизнь развивается. Я буду молиться за ваше здоровье и благополучие, чтобы вы указали вашим учением дорогу к свету.

Толстой крепко пожал мне руку. Ответа его я не записал.

РАССТАВАНИЕ

Ужин, который запоздал из-за нашей беседы, проходил, как обычно, на веранде при свете лампы. Что подавалось на стол, какие велись разговоры,— ничего не помню. После ужина все сошлись поговорить за чашкой чая. Толстой выглядел очень усталым и собрался спать. Я сказал, что уеду рано утром, когда все будут спать, и еще раз тепло попрощался с ним. Он ушел. Я тоже собрался уходить. Попрощавшись с женой Толстого и с каждым членом семьи в отдельности, я вернулся во флигель. Наступила моя последняя ночь в Ясной Поляне.

ПРОЩАЙ, ЯСНАЯ ПОЛЯНА!

5 июля

Встав в четыре утра, я распрощался со слугой Ильей, сел в повозку и в пять часов выехал. В доме было тихо, все спали. Утро моего отъезда очень походило на мое первое утро в Ясной Поляне.

Повозка обогнула дом, спустилась с холма, осененного зеленой листвой, проехала через главные ворота и, повернув направо, стала подниматься на другой холм. Я оглянулся,— белая утренняя дымка окутала яснополянские лесистые холмы. Петухи кричали еще охрипшими от сна голосами. Не успел я в этот ранний час, когда меня никто не видел, снять шляпу и поклониться Ясной Поляне, как повозка миновала перекресток,

где я накануне стоял, погруженный в свои мысли. Затем она повернула на север и быстро поехала к станции Засека.

Свет в кабинете Льва Толстого
Мне озарил весь мир...
Сияние огня в его окне.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В Японии страны Ближнего Востока считаются дальним Западом. Токутоми совершил путешествие в Палестину, а оттуда, через Константинополь — в Россию.

[2] Вероятно Токутоми говорит здесь о неосуществленном замысле большой книги о Толстом. Краткие критико-биографические очерки о Толстом были написаны им в 1890 и 1897 гг.

[3] См. ниже письмо Токутоми к Толстому от 21 января 1906 г.

[4] Роман «Нами-ко» вышел в свет в Японии в 1899 г. В 1903 г. он был издан в России (изд-вом «Прометей») под заглавием «Лучше не жить». Об английском переводе этой книги, посланном Толстому, см. в предисловии к настоящ. публикации.

[5] Имеется в виду революция 1905 г.

[6] Письмо от 22 мая 1906 г. сохранилось в архиве Толстого. Приводимый здесь текст несколько отличается от подлинника.

[7] *Тё* — мера длины и площади: длины — 109,09 метра; площади — примерно, 1 гектар.

[8] Старший брат Токутоми — Иичиро *Токутоми* (псевдоним Сохо), известный историк, публицист и общественный деятель, глава популярного в Японии издательства «Друг народа», посетил Ясную Поляну 26 сентября 1896 г. Впоследствии он неоднократно писал Толстому (его письма хранятся в *АТ*).

[9] *Фукаи* — японский журналист, сотрудник издательства «Друг народа», сопровождавший Иичиро Токутоми в его поездке в Ясную Поляну.

[10] Статья «О значении русской революции».

[11] В неопубликованных «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого сохранилось описание приезда Токутоми Рока в Ясную Поляну и запись рассказа Толстого о встрече с японским гостем. Приводим некоторые отрывки:

«30 июня

Утром приехал Кэндзиро Токутоми. Лев Николаевич представил нас друг другу... Токутоми похож на японского микадо Муцухито и на ⟨врача⟩ Г. Н. Беркенгейма. Он низкого роста, широкобедрый, коротконогий. Голова на короткой шее наклонена вперед⟨...⟩

1 июля

Сегодня, когда Лев Николаевич сел под вязами, дожидаясь завтрака, я пошел за Токутоми. Он спал... Пока Токутоми не приходил, Лев Николаевич рассказал, как они утром, когда он гулял с ним, остановились около мужика, косившего траву. Токутоми не видел такой большой косы; показал, как у них косят маленькой косой,— вероятно, серпом (Лев Николаевич повторил перед нами его быстрые движения). Потом Лев Николаевич взял у мужика косу и покосил, за ним покосил и Токутоми, и хорошо. Удивительно, какой способный народ японцы!» (*АТ*).

[12] Книга Т. М. Бондарева «Торжество земледельца, или Трудолюбие и тунеядство», изданная в июне 1906 г. «Посредником» с предисловием Толстого.

[13] *Татами* — соломенный мат размером около полутора квадратных метров. В Японии площадь помещений измеряется в татами.

[14] Речь идет о втором браке С. Л. Толстого, женившегося на М. Н. Зубовой.

[15] Юлия Ивановна *Игумнова* (1871—1940) — художница. С 1900 г. жила в доме Толстых в качестве переписчицы и секретаря.

[16] *Четверокнижие* — вторая часть конфуцианского канона. В данном случае речь идет об издании «Четверокнижия» с комментариями Мэн-цзы (о котором см. ниже).

[17] «*Горная хижина*» — сборник стихотворений знаменитого японского поэта Сайгё (1118—1190).

[18] *Мэн-цзы* (372—289 до н. э.) — древнекитайский философ, последователь Конфуция. В «Круг чтения» Толстой включил ряд его изречений.

[19] *Мо-цзы* (479—403 до н.э.) — выдающийся древнекитайский мыслитель. Толстой пристально изучал философию Мо-цзы и собирался написать о нем статью. В 1909 г. он редактировал брошюру П. А. Буланже об учении Мо-цзы.

[20] В ответ на письмо японского социалиста Исо Абэ, редактора газеты «Хэймин симбун» от 4 сентября 1904 г., Толстой в письме от 5 октября изложил свое учение о

нравственном самосовершенствовании как единственно правильном пути переустройства общества (т. 75, стр. 177—178). В письме содержалась критика социалистических учений с позиций толстовства.

[21] Прямых свидетельств о чтении Толстым в этот период сочинений Бебеля не имеется (ср., однако, упоминание Толстого о Бебеле в мемуарах Ж. Бурдона, публикуемых в настоящ. томе). Позднее, в 1908 г., Толстой внимательно ознакомился со взглядами русских и немецких социалистов. См. об этом: А. И. Толстая и П. С. Попов. Толстой за чтением литературы по научному социализму.— Сб. «Лев Толстой. Материалы и публикации». Тула, 1958, стр. 136—149.

[22] Такой книги у Толстого нет. Возможно, что здесь имеется в виду издание письма Толстого к А. Г. Розен (ноябрь 1894 г.), выпущенное в 1895 г. в Женеве М. Элпидиным под заглавием «Письмо Л. Н. Толстого о разуме и религии».

[23] *Того Хэйхатиро* (1847—1934) — адмирал, командовавший японским флотом в бою при Цусиме.

[24] Токутоми подразумевает здесь отказ русских духоборов от службы в царской армии, за что они подвергались жестоким репрессиям.

[25] Бывший учитель яснополянской школы Петр Васильевич Морозов (ум. в 1906 г.).

[26] *Кэн* — мера длины, равная 1,81 метра.

[27] См. воспроизведение этой фотографии на стр. 179 настоящ. тома.

[28] *Дзюбан* — нижнее кимоно.

[29] Ошибка: Андрей Львович был женат на Ольге Константиновне (1872—1951) — сестре жены Черткова.

[30] Этот замысел не был осуществлен.

[31] Эрнст *Вестерлунд* (1839—1924) — доктор медицины.

[32] *Танка* — традиционный жанр японской поэзии — стихотворение в тридцать один слог из пяти строк.

[33] *Мэйдзи* — годы правления императора Муцухито (1868—1911).

[34] *Хокку* — традиционный жанр японской поэзии — стихотворение в семнадцать слогов из трех строк.

[35] *Сун* — мера длины, равная 3,03 см.

[36] Речь идет о книге: Angelus Silesius. Cherubinischer Wandersmann. Eingeleitet von Wilhelm Bölsche. (Ангелус Силезиус. Херувимский странник. Подготовлено Вильгельмом Бёльше). Jena und Leipzig, 1905. Книга эта с многочисленными пометами и переводами Толстого сохранилась в яснополянской библиотеке (см. ниже). Ангелус *Силезиус* — псевдоним немецкого поэта-моралиста Иоганна Шефлера (1624—1677). Токутоми ошибочно называет его Буршем. Ряд изречений из «Херувимского странника» включен Толстым в сборники «Круг чтения», «Мысли мудрых людей» и др. (См. т. 40—44).

[37] Перевод Толстого (на полях книги). В подлиннике:

«Wer in dem Nächsten nichts als Gott und Christum sieht
Der siehet mit dem Licht, das aus der Gottheit blüht».

[38] В подлиннике:

«Das Wort, das Gott von dir am allerliebsten härt,
Ist, wənn du herzlich sprichst: Sein Wille sei gehert».

[39] Перевод Толстого (на полях книги). В подлиннике:

«Wer etwas in der Welt mag suß und lieblich nennen
Der muss die Süß igkeit die Gott ist, noch nicht kennen».

[40] Перевод Толстого (на полях книги). В подлиннике:

«Ich lieb ein einzig Ding und weis nicht, was es ist:
Und weil ich es nicht weis, drum hab ich es erkiest».

Здесь же помета Толстого: «*Любить неизвестного бога*».

Это изречение помещено Толстым в сборнике «На каждый день» под датой 4 августа (т. 44, стр. 77).

[41] В подлиннике:

«Freund, weil du sitzst und denkst, bist du ein Mann voll Tugend
Wenn du sie wirken sollst, siest du erst deine Jugend».

Помета Толстого (на полях книги): «*Трудно на деле*».

[42] Перевод Толстого (на полях книги). В подлиннике:

«Gott ist warhaftig nichts, und so er etwas ist
So ist er's nur in mir, wie er mich ihm erkiest».

[43] Кто эти знакомые Толстого — установить не удалось.

[44] Речь идет об интервью, данном Толстым корреспонденту «Нового времени» Ю. Д. Беляеву, в котором он сказал, что Дума производит на него «комическое, возмутительное и отвратительное» впечатление. (См. Ю. Д. Беляев. У Льва Николаевича Толстого.— «Новое время», 16 июня 1906 г.).

[45] Письмо от 25 апреля 1906 г. (см. выше).

[46] См. об этом в обзоре Т. Н. Волковой «Письма иностранцев к Толстому» в кн. 1-й настоящ. тома.

[47] *Тэнгу* — персонаж из японской мифологии.

[48] *Авасэ* — одежда вроде халата.

[49] М. С. Сухотин был октябристом. См. о нем в т. 69 «Лит. наследства».

[50] *Сяку* — мера длины, равная 30,3 см.

[51] Аббас *Эффенди* — глава секты бехаистов в Сирии. Письмо это было переслано Толстому Торнбарг-Кроппер 28 июня 1906 г. и сохранилось в архиве писателя.

[52] Ванечка Толстой умер в 1895 г.

[53] Статья «О значении русской революции» (т. 36, стр. 315—362).

[54] «*Кокусуй ходзон*» — популярное патриотическое движение, возникшее в Японии в противовес движению за европеизацию страны, организованному и поддерживаемому японской буржуазией. Движение «За сохранение национальных традиций» носило в начальный период прогрессивный характер, поскольку оно отстаивало самобытные, народные основы развития Японии. Толстой сочувствовал этому движению, о чем свидетельствует его «Предисловие к книге „Japanese Notions of European Political Economy“» (см. т. 90, стр. 67—68).

[55] «В чем моя вера?»

[56] Идейное течение среди части японской интеллигенции, на которое сильное влияние оказало религиозно-нравственное учение Толстого. Приверженцы этого течения, к которому примыкали многие видные японские деятели культуры, содействовали переводу и популяризации произведений Толстого в Японии.

[57] «Круг чтения».

[58] Приводимые выше цитаты взяты из «Круга чтения» (т. 41, стр. 448 и 450).

[59] Ошибка: Толстой писал не гусиным, а металлическим пером.

[60] Восемьдесят лет исполнилось Толстому через два года, в 1908 г.

[61] Письмо было адресовано В. В. Стасову. Оно гласило:

«Милый Владимир Васильевич, я несчастливо рекомендовал вам индуса и каюсь в этом. Я не знал его. Но теперь позволяю рекомендовать вам японца Токутоми, которого знаю и считаю очень хорошим человеком и очень деликатным. Если вы побеседуете с ним (он говорит по-английски) и порекомендуете его какому-нибудь молодому человеку, чтоб пошапронировать его в Петербурге, то буду вам очень благодарен» (т. 76, стр. 162).

[62] Письма эти неизвестны.

[63] С. Н. Толстой умер в 1904 г.

[64] Речь идет о портрете *В. К. Сютаева* (1820—1892), который висел в яснополянском кабинете Толстого.

[65] У Толстого старшей сестры не было. В Шамординском монастыре жила младшая сестра Толстого — Мария Николаевна. Репродукцию «Мадонны» Рафаэля подарила Толстому в 1857 г. его двоюродная тетка, придворная фрейлина А. А. Толстая.

ОБЗОРЫ

ТОЛСТОЙ В ГЕРМАНИИ

(1856—1910)

Обзор Христианы Штульц (Берлин) *

Толстой оказал сильное и глубокое влияние на литературную жизнь Германии. И не только на литературную. Воздействие его творчества и самой его личности перешло за пределы литературы и охватило всю духовную жизнь страны.

Едва ли в Германии о каком-либо авторе, за исключением Гете, было написано больше, чем о Толстом. О нем высказывались не только люди искусства, писатели, критики и публицисты, но и философы, экономисты, юристы, духовные лица и государственные деятели. «Толстой множественными путями проникает в нашу эпоху»,— отмечал в 1922 г. *Г. Гауптман.*

Обязанность исследователя разобраться в этом потоке литературы, указать основные этапы ее развития, наметить господствующие в ней тенденции и определить влияние творчества великого русского писателя и гуманиста на лучших представителей немецкой культуры. Для сколько-нибудь удовлетворительного решения этой сложной задачи потребовалась бы обширная монография и ряд подготовительных работ к ней. Одною из таких работ и является настоящий обзор. Он ограничен по рассматриваемому в нем материалу рамками всего одной темы — *Толстой в современной ему немецкой критике.* Однако и эта тема по своей обширности не может быть разработана здесь полно и аналитически. Задача обзора скромнее: информировать читателей о главнейших явлениях в немецкой критике 1856—1910 гг., относящихся к Толстому, и дать общее представление об основной исторической динамике этих явлений. Отсюда неизбежная фрагментарность в группировке отобранного материала и, тем самым, в композиции обзора.

I. НАЧАЛО ОЗНАКОМЛЕНИЯ С ТОЛСТЫМ В ГЕРМАНИИ

(1856—1885)

ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ПИСАТЕЛЕ В НЕМЕЦКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ И ПЕРВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ЕГО СОЧИНЕНИЙ.— ЗНАЧЕНИЕ «ОЧЕРКОВ ЛИТЕРАТУРНОЙ РОССИИ» Э. ЦАБЕЛЯ ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА ТОЛСТОГО В ГЕРМАНИИ.

Первое упоминание о Толстом в немецкой печати мы встречаем в марте 1856 г.— через два месяца после появления в «Современнике» первого рассказа, подписанного полным именем писателя,— «Севастополь в августе 1855 года». Эта была краткая анонимная заметка, в которой Толстой назывался в одном ряду с второстепенными, забытыми теперь авторами [1].

---

* Перевод с немецкого Л. М. Бродской.

В 1863 г. немецкие читатели получили возможность впервые ознакомиться на своем родном языке с рассказом Толстого «Поликушка». Отличный перевод рассказа был сделан сразу же после его появления в «Русском вестнике» В. Вольфзоном, известным пропагандистом русской литературы в Германии. Вольфзон поместил рассказ в своем журнале «Russische Revue», который служил своего рода посредником между русской и немецкой культурой [2] «...Благодаря Вольфзону,— писал автор его некролога *Г. Эберс*,— европейский Восток узнавал о произведениях, созданных в Германии, а Германия по его блестящим переводам знакомилась с прекрасными произведениями русской литературы» [3]. Немецкий перевод «Поликушки» и вышедший за год до того английский перевод «Детства» и «Отрочества», сделанный М. Мейзенбуг, были вместе с тем и первыми переводами произведений Толстого в Западной Европе. В кратком предисловии Вольфзон представил читателям Толстого как одного из значительнейших русских писателей.

Однако этот перевод не привлек внимания немецкой критики. О нем вспомнили только двадцать лет спустя, когда дрезденское издательство Minden напечатало его вместе с другими переводами Вольфзона из русских авторов в книге «Russische Geschichten».

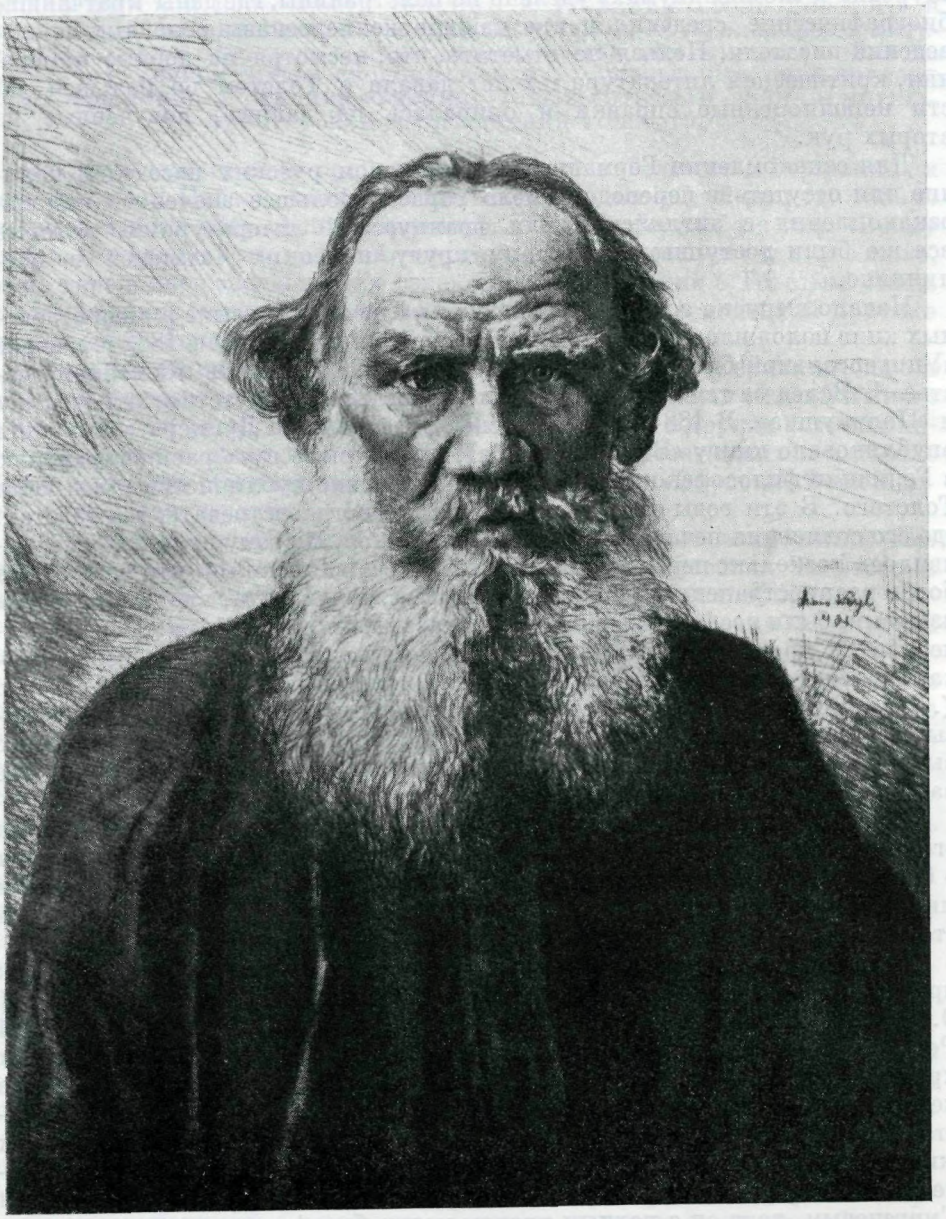
Лишь появление «Войны и мира» вызвало в Германии непосредственный отклик критики. В апреле 1870 г., т. е. через четыре месяца после выхода в Москве последнего, шестого тома романа, журнал «Magazin für die Literatur des Auslandes» помещает рецензию под заглавием «„Война и мир", русский роман» [4]. Эта рецензия была вообще, по-видимому, первым литературно-критическим высказыванием о «Войне и мире» за пределами России.

В том же 1870 г. в газете «Moskauer Deutsche Zeitung» начал печататься перевод «Войны и мира». Печатание прекратилось в 1871 г. на второй части третьего тома [5]. Три года спустя газета «Politik», издававшаяся на немецком языке в Праге, предприняла публикацию нового перевода «Войны и мира», которая продолжалась с 1 марта 1873 г. по 29 января 1876 г. в вечерних выпусках газеты. Но и в данном случае публикация не была доведена до конца и прекратилась из-за временной приостановки газеты. Этот перевод, выполненный писательницей Клерой фон Глюмер, тридцать лет спустя был положен Р. Лёвенфельдом, немецким биографом Толстого, в основу первого полного издания романа в Германии.

Оба названных перевода, а не осуществленный кн. Ириной Паскевич французский перевод 1879 г. [6], как это принято считать,— наиболее ранние иноязычные публикации «Войны и мира» (хотя упомянутый французский перевод явился первым отдельным изданием романа вне России). Но эти публикации едва ли привлекли внимание сколько-нибудь широкого круга читателей, вследствие ограниченного распространения газет, в которых они были напечатаны.

Осталась незамеченной читателями и критикой также повесть «Семейное счастье», хотя перевод ее, сделанный тою же Клерой фон Глюмер, был помещен в 1875 г. в одном из сборников произведений иностранной литературы, издававшихся П. Гейзе, чей авторитет в литературном мире Германии был очень высок [7]. Гейзе поддерживал тогда дружеские отношения с Тургеневым и, возможно, что последний и обратил его внимание на повесть Толстого.

В 1878 г. имя писателя впервые появилось в известном Энциклопедическом словаре Мейера. Это издание, постоянно обновлявшееся, быстро включало в свой «словник» имена современников, получивших общественную известность, и являлось своеобразным мерилом их популярности. Однако Толстому здесь было отведено лишь десять строк в дополнительном томе.



ТОЛСТОЙ

Офорт немецкого художника Ганса Вейля, 1901

Музей Толстого, Москва

Первые немецкие «истории литературы», в которых можно встретить имя Толстого, относятся к 1880-м годам. Как правило. Толстому в этих «курсах» и «компендиумах» уделено по полстраницы, где даны кратчайшие биографические сведения и кратчайшие же пересказы основных произведений писателя. Нельзя не отметить, что, несмотря на добрые намерения, критическая литература тех лет давала о Толстом по большей части неполноценные справки и опиралась на данные, полученные из вторых рук.

Для ознакомления Германии с творчеством русских писателей наличие или отсутствие переводов имело гораздо большее значение, чем для ознакомления с английской или французской литературами, которые все же были достушны некоторому кругу немецких читателей в подлиннике.

Начало выпуска сочинений Толстого на немецком языке в виде отдельных книг положило издательство «Reclam», напечатавшее в 1882 г. в своей «Универсальной библиотеке» рассказ «Люцерн» и повесть «Семейное счастье» [8]. Вслед за тем вышли в других издательствах «Детство и отрочество» и «Поликушка». В 1884 г. лейпцигское издательство Дункера и Гумблета опубликовало книгу «В чем моя вера», что открыло путь распространению в Германии философско-религиозных и теоретико-публицистических работ Толстого. В эти годы имя Толстого стало иногда встречаться в газетах, где его сочинения печатались в виде фельетонов. К этому времени уже появилось несколько переводов из Толстого на английский и, что важнее, на более распространенный французский язык, и читатели, владевшие этими языками, были несомненно знакомы с указанными переводами. Так, Р. Вагнер читал произведения Толстого по-французски. «Часто, по вечерам,— как пишет его биограф,— темой для разговоров ему служил роман Толстого ⟨...⟩, в котором он особенно восторгался образом Кутузова. Он пересказывал многие страницы романа, например, эпизод о том, как Наполеон с высокомерной наивностью готовился принимать в Кремле бояр и уже заранее обдумывал свое обращение к ним...» [9]

Немногочисленность переводов сочинений Толстого и редкие упоминания его имени в немецкой критике до середины 1880-х годов свидетельствуют о более чем скромном знакомстве Германии в эти годы с автором «Войны и мира». Широко известным, читаемым на Западе русским писателем был в это время по-прежнему только Тургенев.

Первым, кто посягнул на исключительность положения Тургенева как представителя русской литературы за рубежами России, был его биограф Э. Цабель. В 1885 г. вышла в свет книга Цабеля «Очерки литературной России». Книга привлекла большое внимание литературно-общественных кругов. Наряду с Гоголем, Достоевским и Тургеневым, автор говорил в ней и о «таких еще мало известных в Германии литераторах, как Лев Толстой». В работе Цабеля впервые в Германии был дан серьезный очерк жизни и творчества Толстого. Автор стремился убедить немецких читателей, что их представление о русской литературе не должно ограничиваться Тургеневым, хотя он с полным правом может быть признан одним из ее великих писателей. Указывая на другую вершину новейшей русской литературы, Цабель констатировал, что Толстого в Германии еще плохо знают, и писал: «Серьезное издательство оказало бы читателям большую услугу, способствуя более близкому знакомству их с этим единственным в своем роде писателем. „Война и мир“ — не только одно из самых значительных литературных явлений в России, но и один из самых выдающихся романов нашего столетия...» [10]

II. ПРЕОБЛАДАНИЕ ИНТЕРЕСА К ТОЛСТОМУ-ХУДОЖНИКУ
(1885—1890)

НАЧАЛО ШИРОКОЙ ИЗВЕСТНОСТИ ТОЛСТОГО В ГЕРМАНИИ.— РОЛЬ ТОЛСТОГО В БОРЬБЕ МОЛОДЫХ НЕМЕЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ЗА РЕАЛИЗМ, ЗА «РЕВОЛЮЦИЮ В ЛИТЕРАТУРЕ».— СТАТЬЯ О ТОЛСТОМ В СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ.— «ВЛАСТЬ ТЬМЫ» В БЕРЛИНСКОМ ТЕАТРЕ «СВОБОДНАЯ СЦЕНА».— ПЕРВЫЙ НЕМЕЦКИЙ ПЕРЕВОД «АННЫ КАРЕНИНОЙ» И ОТКЛИКИ КРИТИКИ.— ОТЗЫВЫ ПРЕССЫ О «ВОЙНЕ И МИРЕ».— ФИЛОСОФСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ТОЛСТОГО.

Большую услугу делу пропаганды творчества Толстого в Германии, к чему призывал Цабель, оказало издательство Wilhelmi. В феврале 1885 г. оно выпустило в свет «Анну Каренину», а в декабре того же года «Войну и мир». Появление этих изданий, о которых подробнее будет сказано ниже, имело переломное значение для ознакомления Германии с Толстым. Лишь с этого момента можно, строго говоря, вести речь и о немецкой критике произведений Толстого.

Одним из стимулов к изданию романов Толстого в Германии, как и во многих других странах, послужил успех второго издания «Войны и мира» во Франции [11] и французское же «открытие» Толстого и других великих писателей России в известных статьях М. де Вогюэ, печатавшихся в начале 1880-х годов под общим названием «Русский роман» в «Revue des Deux Mondes» (отдельное издание — 1886 г.) [12].

Но хотя пример Франции — тогдашней культурной метрополии Европы — и послужил ощутимым толчком для проникновения Толстого в Германию, литературная судьба его здесь определялась национальной почвой, складывалась в русле идейно-эстетического развития самой немецкой литературы и определялась всей сложностью этого развития.

Творчество Толстого получает впервые широкое распространение в Германии, как и в других странах Западной Европы, в то время, когда ее буржуазия вступила после событий Парижской коммуны в период своего установившегося могущества и, одновременно, начала своего культурно-исторического упадка. В «ведущей» литературе Запада, французской литературе, 1870—1880-е годы явились «узловым пунктом», в котором сошлись те линии литературного развития — натурализм, импрессионизм, символизм, которые обозначали начало распада буржуазного реализма и проникновения в него элементов эстетской культуры декаданса. Эти кризисные явления обнаруживаются на свой лад и в тогдашней немецкой литературе, в которой с конца 1880-х годов появляется натурализм, весьма по-разному представленный в творчестве писателей этого направления: А. Хольца, М. Кретцера, Г. Гауптмана и др.

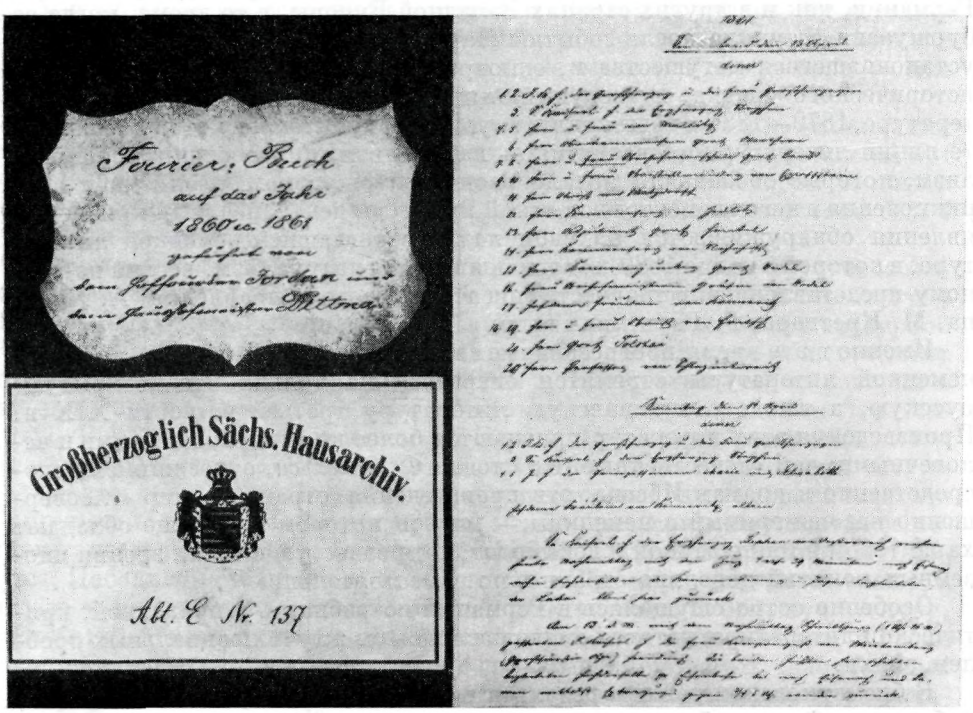
Именно в это время прогрессивные силы французской, а вслед за ней и немецкой литературы стремятся опереться на только что «открытую» русскую, а также скандинавскую литературу третьей четверти XIX в. Произведения этих литератур признаются более высокими, сильными и человечными, чем отечественные. По словам *Ф. Энгельса*, относящимся непосредственно к драмам Ибсена, эти произведения отражали мир «...совершенно несоизмеримый с немецким,— мир, в котором люди еще обладают характером и инициативой и действуют, хотя зачастую с точки зрения иноземных понятий довольно странно, но самостоятельно» [13].

Особенно остро ощущалась в Германии потребность в правдивой, критической литературе, которая смело касалась бы жгучих социальных проблем эпохи.

В бисмарковском рейхе в результате объединения Германии «сверху» и победы над Францией признаки начавшегося оскудения капитализма оставались временно скрытыми. Возникали даже иллюзии подъема и развития. Тем болезненнее было отрезвление, наступившее после экономического кризиса 1873 г. и краха грюндерства [14]. Это был период, когда господствую-

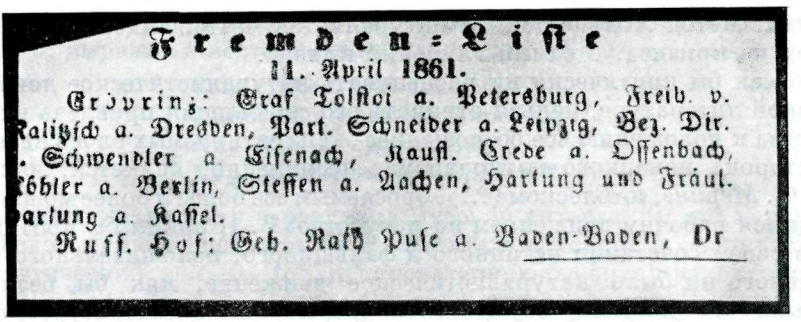
щий класс стремился репрессиями исключительного закона против социалистов (1878) противостоять натиску демократического движения в стране. Надежды широких кругов мелкой буржуазии, экономическое положение которой все заметнее ухудшалось и которая начала серьезно сомневаться в стабильности старого порядка, как и надежды широких кругов интеллигенции, все больше возлагались на «четвертое сословие». О том, как горячо обсуждались тогда вопросы общественного переустройства и какая путаница, наивность и беспомощность проявлялись порою в этих обсуждениях, рассказывает *Г. Гауптман*. Вспоминая это время, он пишет: «Люди серьезно рассчитывали на полный крах всей социальной системы, который должен был наступить не позже 1900 г. и обновить мир 〈...〉 Социалистические круги и близкая к ним по духу молодая интеллигенция надеялись на осуществление социалистического, социального, а следовательно, идеального государства будущего〈...〉 При этом все, что носило у одних одно, а у других иное название, в сущности, вытекало из одного и того же стремления человеческой души к искуплению, чистоте, освобождению, счастью и вообще к совершенству: одни называли это социальным государством, другие — свободой, третьи — раем или царством небесным» [15].

И не в последнюю очередь ожидали они ответа на вопросы, волновавшие мир, от художественной литературы, мечтали увидеть отражение в ней своего «безумно-неспокойного, опасного времени» [16]. Между тем можно было подумать, «будто страшные социальные вопросы совершенно не существовали для немецких писателей» [17]. В эту эпоху работали еще такие известные писатели как Г. Келлер, К. Ф. Мейер, В. Раабе; но центральные проблемы, которые затрагивали их произведения, не касались вопросов,



ГОФФУРЬЕРСКИЙ ЖУРНАЛ САКСЕН-ВЕЙМАР-ЭЙЗЕНАХСКОГО ГЕРЦОГСТВА С ЗАПИСЬЮ О ПРИСУТСТВИИ ТОЛСТОГО НА ОБЕДЕ ВО ДВОРЦЕ 13 АПРЕЛЯ 1861 г.

Главный архив земли Тюрингии, Веймар



Fremden-Liſte
11. April 1861.
Erbprinz: Graf Tolſtoi a. Petersburg, Freih. v. Kalitzſch a. Dresden, Part. Schneider a. Leipzig, Bez. Dir. Schwendler a. Eiſenach, Kauſl. Grede a. Offenbach, Köhler a. Berlin, Steffen a. Aachen, Hartung und Fräul. Hartung a. Kaſſel.
Ruſſ. Hof: Geh. Rath Puſe a. Baden-Baden, Dr

СООБЩЕНИЕ О ПРИЕЗДЕ ТОЛСТОГО В ВЕЙМАР В СПИСКЕ ЛИЦ, ПРИБЫВШИХ 11 АПРЕЛЯ 1861 г.
«Weimarer Zeitung», 1861, 12 апреля

волновавших молодое поколение, и были слишком «малоактуальны». Один из критиков тех лет писал: «Тот, кто решится показать в зеркале наше время, глубже вникнуть в разнообразные конфликты нашей общественной, брачной, семейной и религиозной жизни и с полной беспощадностью во всей неприкрашенности описать ее, должен быть готов к резким возражениям рецензентов, а читатели будут интересоваться его книгами лишь как запрещенным плодом» [18]. Короче, «тот, кто сам не побывал в свои юные годы в этой удушливой атмосфере, едва ли может себе представить ужасающее отвращение к ней молодежи» [19].

В этой обстановке торжества буржуазного мира, борясь против эпигонства, поверхностного и приукрашенного изображения действительности, против развлекательной литературы и лживой апологии исторически обреченных общественных отношений, молодое поколение писателей стало все настойчивее призывать к «революции в литературе», в частности к расширению сферы ее социальной критики и политического обличения. «Перед искусством и перед законом все равны» [20]— таково было кредо молодых писателей, которые называли себя натуралистами.

Успех развития этих здоровых в своих критических устремлениях литературных течений определялся прежде всего способностью пробиться через традиционный образ мыслей, мешавший «революции в литературе», которая по замыслу ее инициаторов должна была стать частью всеобщего общественного обновления. Однако группа «молодых», состоявшая из людей самого различного мировоззрения, была не только по происхождению, но и по своему складу мышления мелкобуржуазна и, как правило, не преступала границ этой идеологии. Данное обстоятельство лишило немецких натуралистов «крыльев» — большого и подлинно новаторского искусства; погрязнув в описаниях банальной повседневности, улавливая лишь тусклый отблеск ярких социальных конфликтов современности и видя в явлениях, обусловленных социальной обстановкой, неизменные законы природы, они зашли в тупик позитивистских теорий наследственности и среды.

Не будучи в состоянии вскрыть сущность социальных отношений, они довольствовались фаталистическим констатированием фактов. Наиболее последовательное выражение такой подход нашел в «одномоментном стиле», пропагандировавшемся в произведениях Арно Хольца, где события излагались со всеми второстепенными деталями без развития их во времени. По сути своей это означало отказ от художественного обобщения и заставляло художника оставаться на первой — эмпирической и констатирующей — ступени процесса познания, закрывая путь к пониманию причины

явлений. Метод Хольца толкал натуралистов, пытавшихся вывести литературу из кризиса, в самый глубокий кризис.

Но как бы критически ни расценивать натуралистическое движение в немецкой литературе, нельзя отрицать его стремления привлечь внимание общества к положению все беспощаднее эксплуатируемых слоев населения. Эта сторона немецкого натурализма, несомненно, является, как писал тогда *Ф. Мерингъ*, «отблеском〈...〉, бросаемым все более и более мощно разгорающимся рабочим движением на искусство»[21]. И каким бы противоречивым в своем сочетании истинного и фальшивого, положительного и отрицательного ни было натуралистическое движение, как бы безнадежна ни была его попытка осуществить «революцию в литературе», его заслуги в борьбе против современной ему пустой салонной поэзии неоспоримы.

В любой истории немецкой литературы можно прочесть, что одним из «родоначальников» натурализма в Германии, как и вообще на Западе, является Толстой[22]. Но в чем же именно литературная критика тех лет усматривала связь Толстого с западноевропейским натурализмом?

Впервые об этом заговорили во Франции, где *М. де Вогюэ* в предисловии к своему переводу рассказа «Три смерти», помещенному в «Revue des Deux Mondes» (1882), назвал Толстого натуралистом и заявил: «Задолго до того как у нас придумали и свели к формуле так называемую *натуралистическую*, импрессионистскую литературу, Толстой не из теоретических соображений, но в силу своего духовного склада стал фотографировать жизнь в самых жестоких ее проявлениях, воспроизводить самые мимолетные ее оттенки». Произведения Толстого и Достоевского «служили, по-видимому, образцом для наиболее реалистических произведений нашей новой школы. Мне не хотелось бы лишать эту последнюю иллюзий, но русские опередили ее и во многом превзошли по смелости»[23].

Сказанное Вогюэ подтверждается, в частности, на примере немецких натуралистов. В чем заключается отмеченная Вогюэ смелость Толстого, указывает *К. Альберти* — один из ведущих писателей-натуралистов. В программной статье «Что такое реализм?» он утверждает, что молодое поколение училось у Толстого «*жизненной правде*»[24]. Не случайно, что одна из немногих рецензий периода раннего немецкого натурализма, непосредственно посвященная Толстому, написана по поводу его рассказа «Поликушка» — произведения огромной реалистической силы и глубокого демократизма.

«Поликушка»,—пишет рецензент *Хаммер*,— «это очень печальная повесть из жизни бедняков и обездоленных, принадлежащих к тому общественному слою, к которому наши салонные романисты решились бы приблизиться лишь с ужасом и отвращением держа под носом флакон одеколона〈...〉 Толстой отдает этим беднякам свое сердце, свой талант, свой труд, ибо он подлинно великий писатель...»[25] И, конечно, нельзя не согласиться с *Э. Цабелем*, когда он говорит об огромном влиянии, которое оказал этот рассказ на гауптмановского «Возчика Геншеля»[26].

О значении для немецкого натурализма толстовского опыта изображения жизни социальных низов пишет *М. Конрад*, издатель журнала мюнхенских натуралистов «Gesellschaft». «Мы подвергаем,— говорит он,— тщательному анализу такие произведения, как драмы Ибсена, социальные пьесы Ожье, социальные романы Золя и его соратников по перу, *исследования народной жизни Толстого*»[27].

Другой, более известный писатель натуралистического направления, *Г. Конради*, указывал, что в искусстве Толстого образцом для молодой школы является простота и естественность фабулы, глубина психологического анализа, верность изображения взаимоотношений между героем и его окружением[28].

Что именно очаровывало молодое поколение писателей в искусстве Толстого, выразил в восторженных строках *А. Хольц*:

Золя, Ибсен, Лев Толстой,
Целый мир заключен в этих словах,
Мир еще не прогнивший,
Мир еще *совершенно здоровый*! [29]

Высокому гуманизму и реализму русской литературы и в первую очередь Толстому посвящена статья *Р. Швейхеля* «Русский и французский натуралистический роман» (1887), напечатанная в социал-демократическом журнале «Neue Zeit» [30]. После «Очерков литературной России» Цабеля эта большая статья была самой обстоятельной работой о Толстом в немецкой критике вообще и первой в социал-демократической печати. Автор ее — боевой товарищ А. Бебеля и В. Либкнехта, человек, пользовавшийся как представитель немецкой пролетарской литературы особым уважением Ф. Меринга, был постоянным сотрудником журнала «Neue Zeit» и в дальнейшем не раз возвращался на его страницах к произведениям Толстого.

Указав на тесную связь Толстого с русскими реалистами гоголевского периода, Швейхель выдвинул новую точку зрения на творчество писателя. «Со времен Гоголя,— писал он,— все русские романисты единодушно говорят о банкротстве господствующего класса...» [31] Швейхель включает в их ряды и Толстого. Он подчеркивает социально-критическое содержание его произведений и устанавливает его близость в этом отношении к ведущим французским писателям того времени: «Итак,— пишет он,— банкротство открыто признано как во Франции, так и в России» [32]. Однако автор заблуждался, называя подобные утверждения французских и русских писателей, в том числе и толстовские, натурализмом,что происходило от ошибочного перевода (или понимания) термина «натуральная школа», применявшегося Белинским для характеристики русской литературы гоголевского периода. Смешение понятий помешало Швейхелю провести вполне четкую грань между творчеством Толстого и французским натурализмом.

Одно из существенных различий между Толстым и французскими натуралистами отметил *О. Брам* (1856—1912), известный театральный и литературный критик и режиссер, позднее руководитель театра «Freie Bühne» («Свободная сцена») и главный редактор журнала того же названия. В рецензии на «Анну Каренину» в 1885 г. он писал: «Толстой несомненный реалист, но *другого рода, чем Золя*: в то время как последний в своем романе „Радость жизни“ описывает рождение молодого Шанто с обилием назойливых *медицинских* подробностей, здесь (в „Анне Карениной“.— *Х. Ш.*) *дается описание решающих моментов человеческой жизни*〈...〉, точность и безжалостная острота которого поражает» [33].

Сходно определяет отличие толстовского реализма от натуралистической поэтики французских авторов критик и писатель, социал-демократ *П. Эрнст*. В статье «Лев Толстой и славянский роман» (1889 г.), первой на немецком языке работе, посвященной специально Толстому, Эрнст пишет: «Толстой никогда не пытается ввести в свое повествование мелкие фактические подробности, он не дает никаких хитроумных научных описаний, как это делает, например, Золя, с добросовестностью химика анализируя запахи в магазине сыров; из всей массы впечатлений каждого данного момента Толстой приводит только те, которые сразу же достигают сознания и позволяют читателю воссоздать изображаемую писателем картину» [34].

Казалось бы, что приведенные высказывания о роли деталей в произведении искусства касаются лишь второстепенных, формальных элемен-

тов. На самом же деле речь идет об одной из основных проблем искусства — разных способах создания образа, что позволяло сопоставлять произведение и художественный метод писателя в целом. И именно Толстой, повествование которого столь богато деталями, давал критикам возможность на живом примере производить эти сопоставления.

К натуралистам причислял Толстого и *Э. Цабель*. Он писал: «По манере своего восприятия и создания своих картин, Толстой в такой же мере реалистичен, в какой может быть реалистичен только современный французский писатель» [35].

Тем не менее Цабель подчеркивал, что натуралистам «далеко до чистоты фантазии и целомудренности души Толстого».

Подобным же образом и *Неккер*, рецензент журнала «Grenzboten», отделял Толстого от натуралистического движения [36].

Вопрос о коренном различии произведений Толстого и произведений тогдашних натуралистов не был прослежен до конца ни в одной из работ немецких критиков 1880-х годов; но если сопоставить отдельные их замечания, станет ясно, что общее между Толстым и, например, таким писателем, как Золя, они находили только в сильных элементах натуралистического движения: в критике современного общественного строя, отрицательном отношении к лживой салонной поэзии и т. п. Там же, где речь шла об эстетической концепции натуралистов, критика отмечала пропасть, отделявшую Толстого от натурализма, не делая, однако, окончательного вывода о непричастности его к этому направлению.

До середины 1880-х годов произведения Толстого чаще всего упоминались на Западе, в том числе и в Германии, в связи с натуралистической школой, хотя они и не становились предметом дискуссий собственно о натурализме. Положение изменилось после постановки «Власти тьмы», когда имя Толстого оказалось на некоторое время в центре ожесточенных споров о самом натурализме.

В июле 1888 г. *О. Брам* в корреспонденции из Парижа сообщил, что он присутствовал на представлении «русской натуралистической драмы» [37]. Речь шла о «Власти тьмы». Запрещенная в России пьеса впервые была поставлена в «Свободном театре» Антуана [38]. Успех был потрясающий. Особенно восторженно отзывался о пьесе и спектакле *Э. Золя*.

Подробный отчет об этом парижском спектакле поместил журнал «Baltische Monatsschrift». Автор статьи писал: «Современная драматическая литература во Франции не может показать ничего подобного». «Если мы спросим, каково воздействие Толстого на французскую литературу, то увидим, что он〈...〉 открыл новую эру, и рано или поздно это новое направление вытеснит салонные драмы и драмы о нарушении супружеской верности» [39].

Стремясь к установлению и в Германии этой «новой эры», немецкие писатели и журналисты основали в 1889 г. «Театр современной драматургии» — «Свободную сцену».

Задачей театра было «дать новый импульс остановившемуся развитию немецкой драмы 〈...〉, бороться против всего старого, изжитого, против шаблона и условности»[40]. В репертуар театра была включена «Власть тьмы».

На упрек в поклонении «жалкой иностранщине» руководитель «Свободной сцены» *О. Брам* отвечал: «Если на Востоке пшеница превосходит по качеству нашу, то мы и привозим ее из России, и если благодаря этому мы научимся выращивать ее лучше и больше, то и достигнем нашей цели...» [41]

26 января 1890 г. театр «Свободная сцена» впервые познакомил немецкую публику с «Властью тьмы». Пьеса не была допущена к широкому показу. Разрешение на ее постановку получила только «Свободная сцена» —

4 5 6 7 8 9 10 2 1 11 3

Ensemble-Gastspiel von Mitgliedern des Berliner Deutschen Theaters im Wiener Raimundtheater.

„Die Macht der Finsternis", Drama in 5 Akten aus dem russischen Volksleben von Leo Graf Tolstoi.

Fünfter Aufzug, letzte Scene. Akim: Gott — Gott! Er! — Er!

«ВЛАСТЬ ТЬМЫ» В ПОСТАНОВКЕ БЕРЛИНСКОГО «НЕМЕЦКОГО ТЕАТРА» («DAS DEUTSCHE THEATER»)

Гастроли в Вене, «Раймунд-театер», июнь 1899 г.

Заключительная сцена: покаяние Никиты

Аким — Макс Рейнгардт (1), Никита — Фридрих Кейслер (2), Митрич — Эдуард Винтерштейн (3), Анюта — Мари Эльзингер (5), сват — Рихард Валлентин (8), жандарм—Альберт Бассерман (10) и др.

«Buhne und Welt», 1899, 24 сентября

театральное объединение, куда имели доступ лишь его члены. Поставлена «Власть тьмы» была О. Брамом.

Публика «Свободной сцены» отличалась от обычной публики берлинских премьер, в большей своей части зараженной снобизмом. Здесь собирались люди, посещающие театр из подлинного интереса к современной драматургии. «Свободная сцена» ставила самые злободневные пьесы. Обсуждение, да и само восприятие зрителями этих пьес нередко приводило к острым столкновениям взглядов и мировоззрений.

То же наблюдалось и на премьере «Власти тьмы». «В театре не было ни одного безразличного человека. Уже сдавая на вешалке пальто, зрители были или бешеными противниками или неистовыми почитателями» [42]. И если бурная реакция обеих партий в зрительном зале — дело едва не дошло до срыва спектакля [43] — не нашла столь же страстного отражения и продолжения в отзывах театральной критики, то это объясняется лишь тем, что большая часть консервативных, а отчасти и либеральных газет сознательно замолчала громкое театральное событие враждебного им направления [44]. Реакционная печать не скрывала своего отрицательного отношения к современному реализму вообще и к творчеству Толстого в частности. Спектакли «Свободной сцены» служили даже предметом дебатов в прусском парламенте, а начальник берлинской полиции заявил, что: «...нужно изгнать из театра это течение» [45].

Зато с тем большим энтузиазмом приняли пьесу друзья «Свободной сцены». *Г. Харт*, например, писал: «Как яркая молния, сверкнул пятый спектакль „Свободной сцены", показав всю безнадежность и гнилость нашего театра. Ничто не могло лучше выявить состояния нашего театра, чем тот факт, что самая значительная и сильная драма нового времени, „Власть тьмы" Льва Толстого, не могла найти себе пристанища на сцене наших театров и что нужно было создать „Свободную сцену", чтобы дать людям понятие о благородном величии русского писателя. Для оправдания своего существования „Свободной сцене" достаточно было бы поставить одну эту драму, что она и сделала. И это останется навсегда свидетельством в ее пользу и никогда не будет вычеркнуто из истории искусства...» [46]

Столь же восторженно высказался и *Т. Фонтане* в «Vossische Zeitung»: «Вчера, наконец, все озарил ослепительный свет: появилась „Власть тьмы" Льва Толстого. В современном реалистическом искусстве нет ничего прекраснее, и сколько бы мы ни искали в окружающей нас тьме, мы не найдем ничего более яркого, чем эта пьеса. Тот, кто захотел бы говорить о праве на существование реалистического искусства или отрицал бы за ним это право, не должен ссылаться на произведения неудачные — пусть он обратится к такой пьесе как „Власть тьмы" — и тогда посмотрим, сможет ли он что-нибудь возразить» [47].

Фонтане ясно чувствовал превосходство драматургии Толстого над немецкими натуралистическими пьесами, вроде, например, «Семьи Зелике» А. Хольца и И. Шлафа, которые он не считал «чем-то новым». «Эти пьесы, или точнее их авторы, — писал Фонтане, — имели лишь мужество нарушить свято соблюдавшиеся до сих пор традиции; они стремились изменить наши представления о приличии и допустимости, но не касались области самого искусства» [48].

Хотя Фонтане также был далек от ясного понимания различия в понятиях реализм и натурализм, он очень хорошо чувствовал, что новым в драме Толстого, по сравнению с произведениями последовательных натуралистов, является беспощадная критика современного общества, тогда как немецкие натуралисты стремились лишь к «революции» художественного метода. Говоря о натурализме, который он называет «современным реализмом», Фонтане возражал против его «печальной склонности ко всему печальному». «...Если натурализм, — заявлял Фонтане, — хочет сразить

своих врагов, если хочет жить,— он должен порвать с этой тенденцией. Жалостные пьесы немецких натуралистов, по его мнению, не могут стать ежедневной духовной пищей народа» [49]. И дальше Фонтане отмечал, что хотя «Власть тьмы» и представляет собой столь же беспощадный, сколь и правдивый обвинительный акт, эта драма весьма далека от «жалостных тенденций» натуралистов.

К такому же заключению пришел несколько лет спустя и *Ф. Меринг* [50]. Подвергая критике отдельные слабые места пьесы Гауптмана «Перед восходом солнца», которую он называет «крестницей» «Власти тьмы», и сравнивая ее с пьесой Толстого, Меринг пишет: «Ужасы, в которых в драме Толстого нет недостатка, обусловлены поставленной автором художественной задачей; Толстой создает при их помощи типичную картину русской крестьянской жизни». (Подробнее об оценках Мерингом «Власти тьмы» см. ниже).

Драма Толстого произвела сильное впечатление не только на критику, она оказала также непосредственное влияние и на новую немецкую литературу, особенно на Г. Гауптмана [51].

Незадолго до смерти *Г. Гауптман* признавался, что его «литературные корни уходят в Толстого» и что он «никогда не стал бы это отрицать. Моя драма „Перед восходом солнца“,— заявлял писатель,— оплодотворена „Властью тьмы“, отсюда этот своеобразный, бесстрашный трагизм〈...〉 Семена, давшие у нас всходы, были по большей части выращены на русской почве» [52].

О том, что именно столь привлекало в пьесе Толстого молодое поколение немецких писателей, дает ответ одна из первых в Германии рецензий на «Власть тьмы». «Эта пьеса,— утверждает не без некоторого преувеличения критик *В. Генкель*,— первая и единственная русская народная драма, ибо она не только предназначается для народа, но и взята из народной жизни и написана на народном языке» [53].

Однако мы исказили бы картину, если бы приписали весь успех драмы у немецких писателей и критиков только ее народности. «Власть тьмы» представляет собой чрезвычайно противоречивое произведение. С огромной реалистической силой Толстой рисует в нем картину жизни русской деревни в эпоху распада ее патриархальных устоев и вторжения капитализма. Он срывает обрядно-бытовые и сентиментальные покровы с семейных отношений крестьянства, познавшего власть денег, и сводит их к отношениям своекорыстия и алчности. Однако против возникающего из этих отношений разврата и уголовных преступлений Толстой выступает с недейственными средствами. Он избирает орудием борьбы проповедь христианского покаяния в совершенном грехе, проповедь искупления преступлений через смирение и наказание и увенчивает полным успехом усилия Акима, апостола этого учения.

Именно эти морально-религиозные тенденции «Власти тьмы» способствовали примирению с ней противников социально-обличительного искусства. Это ясно видно по тому, как реагировала публика на отдельные акты драмы. В реакционном ежегоднике «Preussische Jahrbücher» можно, например, прочесть такой отзыв: «...сцена покаяния грешника обеспечила исключительный успех пьесы» [54]. Рецензент заходил так далеко, что называл все предыдущие акты «отвратительными».

Однако речь здесь шла отнюдь не об оскорблении эстетических чувств зрителя. Об этом свидетельствует следующее признание одного из критиков: «Ночные сцены в „Макбете“ не менее ужасны, *но они приходят к нам, как бы из дали веков, а не из нашей действительности*» [55]. Давая такую оценку, автор, сам того не желая, раскрывает свои карты. Шекспировский «ужас» толстовской пьесы вызывал протест консервативно настроенных зрителей и охранительной критики потому, что обличал социальное зло не прошлой, а современной действительности.

«По взрыву возмущения против первого, второго и четвертого актов можно было убедиться в ценности пьесы,— писал, вспоминая этот спектакль *З. Якобсон*,— ибо протест был направлен именно против тех актов, которые〈...〉 могли влить в безжизненную немецкую драму новую кровь» [56].

* * *

В 1885 г. впервые на немецком языке выходит роман «Анна Каренина». Это был первый в Германии перевод крупного произведения Толстого. В течение нескольких лет он оставался единственным и до 1890 г. выдержал три издания [57]. По свидетельству *Р. Лёвенфельда*, немецкого биографа Толстого, книга «с увлечением читалась немецкими женщинами» [58].

К сожалению, перевод сильно отходит от авторского текста; к тому же переводчиком были сделаны купюры, которые почти исключительно относились к образу Левина и связанным с этим героем большим проблемам, затронутым в романе.

Первые в немецкой критике отзывы об «Анне Карениной» принадлежат *Э. Цабелю*. Несколько высказываний его об этом романе имеется уже в «Очерках литературной России»; в одной из статей, помещенной в журнале «Deutsche Rundschau» (1887), он также отвел раздел «Анне Карениной» [59]. Но наиболее важным является его предисловие к немецкому переводу романа (1885 г.), в котором он дает развернутый анализ этого произведения [60].

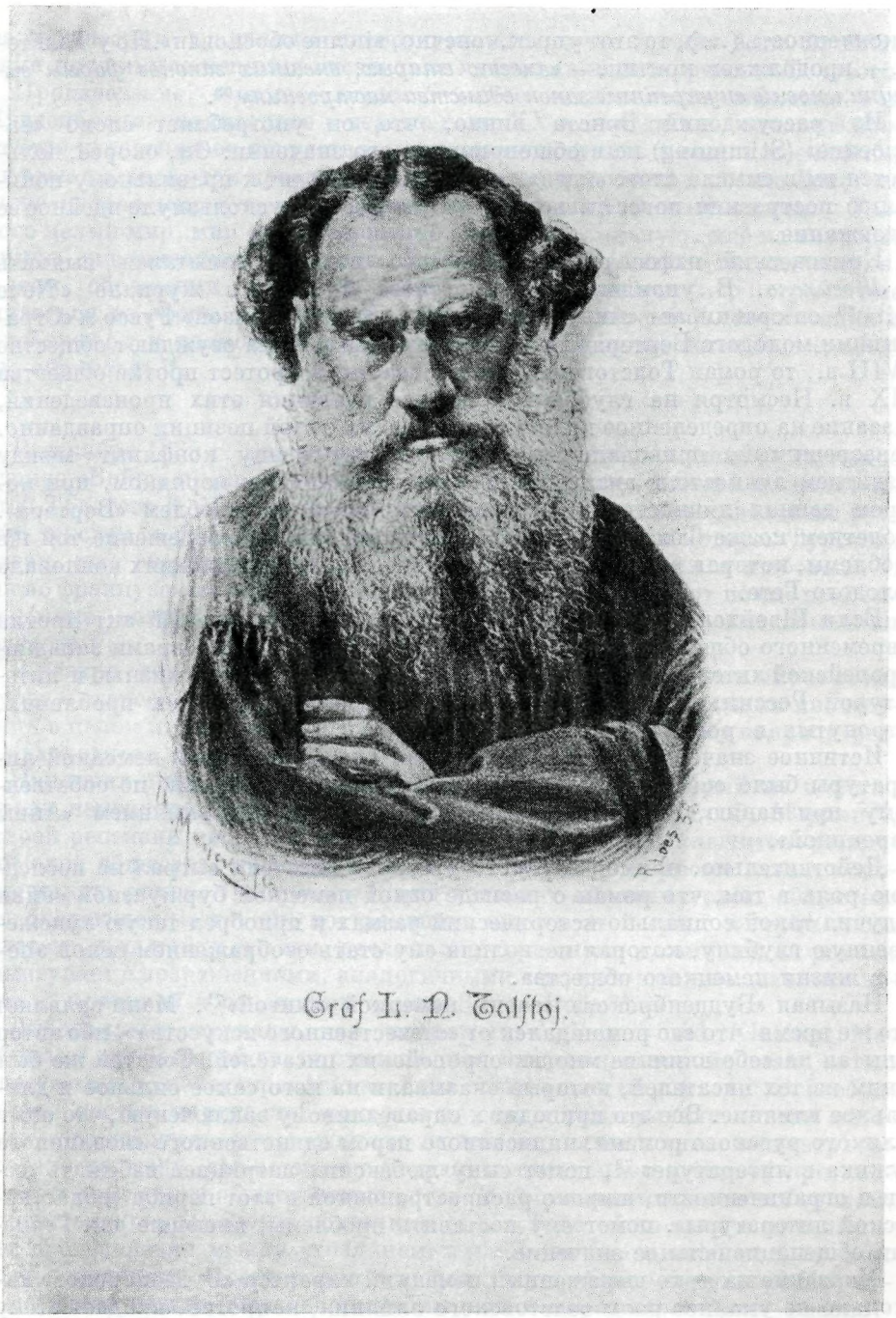
Цабель определяет «Анну Каренину» как «любовный роман из современной жизни» [61], заканчивающийся «описанием семейного счастья», или как «лобное место ветрености и апофеоз семьи» [62]; «легкомыслие подвергается здесь безжалостному осуждению, а нравственный идеал торжествует» [63]. Своей оценкой Цабель устанавливает точку зрения, с которой роман будет в дальнейшем рассматриваться буржуазной критикой. Как либеральные, так и консервативные рецензенты видели в этом социальном романе не более чем «историю нарушения супружеской верности, написанную со строго моральной точки зрения» [64].

Попытка уложить содержание произведения, отразившего в себе целую эпоху русской жизни, в привычную схему традиционного «светского» романа невольно должна была привести к отрицанию формы произведения, не укладывающейся в эту схему. Если считать, что Толстого интересовала лишь «история двух любящих пар», в которых было воплощено «отрицательное и положительное начала», то все социальные идеи романа, связанные с исканиями Левина, должны были казаться «чуждыми и лишними».

По мнению Цабеля, «роман распадается на две части, органическая связь между которыми должна была бы быть более крепкой и глубокой» [65].

Ответ Толстого на замечания С. А. Рачинского относительно построения романа [66] мог бы послужить прекрасным опровержением аргументов немецкого критика. Толстой высказался весьма решительно и определенно: «Суждение ваше об А. Карениной мне кажется неверно. Я горжусь, напротив, архитектурой — своды сведены так, что нельзя и заметить, где замок. И об этом я более всего старался. Связь постройки сделана не на фабуле и не на отношениях (знакомстве) лиц, а на внутренней связи 〈...〉, боюсь, что, пробежав роман, вы не заметили его внутреннего содержания» [67].

Что искусство и метод композиции у Толстого, типичные не только для «Анны Карениной», имели более глубокие основания, чем это считал Цабель, признавал уже *П. Эрнст*, заинтересовавшийся этим вопросом в связи с разбором повести «Смерть Ивана Ильича». Он пишет: «Русскую литературу упрекают в отсутствии формы. Если под формой понимать внешнюю



ТОЛСТОЙ

Литография

Из книги: L. Tolstoi, Der Herr und sein Knecht. «Bibliothek der Gesammtliteratur des Inund Aus-Landes», 1895

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

законченность〈...〉, то этот упрек,конечно, вполне обоснован».Но у Толстого,— продолжает критик,— *«вместо старых, внешних законов формы выступил новый внутренний закон единства настроения»* [68].

Из рассуждений Эрнста видно, что он употребляет слово «настроение» (Stimmung) не в общепринятом его значении. Он, скорее, пользуется им в смысле слов: «идея», «мысль» и приходит к правильному пониманию построения повести, потому что от него не ускользнуло идейное ее содержание.

Критический пафос романа Толстого первым попытался выявить *Р. Швейхель*. В упомянутой уже статье 1887 г. в журнале «Neue Zeit» [69] он сравнивает «Анну Каренину» с «Новой Элоизой» Руссо и «Страданиями молодого Вертера» Гете. Если эти два романа осуждают общество XVIII в., то роман Толстого содержит страстный протест против общества XIX в. Несмотря на глубокие коренные различия этих произведений, указание на определенное духовное родство их с этой позиции оправданно. Неразрешимый, приводящий к трагическому концу конфликт между развитием личности и антагонистическим социальным порядком, при котором данная личность живет, является одной из проблем «Вертера». Столетием позже Толстой взялся, по сути говоря, за разрешение той же проблемы, которая в иных исторических и социальных условиях волновала молодого Гете.

Если Швейхель рассматривает роман как обвинительный акт против современного общества и находит в нем нечто общее с шедеврами западноевропейской литературы, то *А. Шольц*, хорошо знакомый с жизнью и литературой России, останавливается на специфически русских проблемах, затронутых в романе [70].

Истинное значение этого произведения для современной немецкой литературы было особенно ясно вскрыто *Т. Манном*, который, по собственному признанию, создавал своих «Будденброков» под влиянием «Анны Карениной».

Действительно, пример великого русского писателя сыграл не последнюю роль в том, что роман о распаде одной немецкой буржуазной семьи получил такой социально-исторический размах и приобрел такую художественную глубину, которая позволила ему стать отображением целой эпохи в жизни немецкого общества.

Называя «Будденброков» «очень немецкой книгой» [71], Манн заявляет в то же время, что его роман далек от «отечественного искусства», ибо автор испытал на себе влияние многих европейских писателей. Толстой же был одним из тех писателей, которые оказывали на него самое сильное и длительное влияние. Все это приводит к справедливому заключению, что опыт великого русского романа, написанного пером единственного «подлинного мужика в литературе» [72], помог сыну любекских патрициев избежать узости и ограниченности, широко распространенной в этот период «областнической литературы», помог ему поставить проблемы, имеющие для Германии общенациональное значение.

Указание на ярко выраженный немецкий характер «Будденброков» нисколько не умаляет роли толстовского влияния, напротив, придает этому влиянию особый вес. Ведь нельзя не учитывать, что провинциально-сепаратистское расщепление на «местные литературы» производилось реакцией с целью лишить немецкую литературу ее прогрессивного характера.

«Будденброки», которыми немецкая литература вновь закрепляла свое мировое значение, намечали в то же время направление, по которому должно было идти ее развитие. Манн говорил, что писал свою книгу, пользуясь приемами, которыми «только что овладел, изучая натуралистический роман» [73]. Однако, говоря о натурализме, он имел в виду лишь неприкрашенное изображение общества, неуклонное следование великим

реалистическим традициям литературы. Эта точка зрения была принята всеми лучшими немецкими писателями не без влияния творчества Толстого.

Произведение, имеющее столь большое национальное значение как «Будденброки», написанное в первые годы XX в., когда и в Германии процветало декадентское искусство, не могло не вступить в спор с последним. И в этом споре, в этом преодолении декадентских течений влияние Толстого также играло немалую роль. Манн, как раньше А. Хольц, открыл у Толстого целый мир, мир еще совершенно здоровый, сильную, еще не изуродованную цивилизацией личность. По словам современного исследователя, в этом обращении Манна к Толстому «выражается〈...〉 стремление вырваться из сферы влияния упадочнической буржуазной цивилизации и приобщиться к полному и естественному наслаждению жизнью в свободном обществе» [74].

* * *

В декабре 1885 г. выходит в свет первое на немецком языке отдельное издание «Войны и мира». Перевел роман Э. Штренге, бывший воспитатель детей Толстого [75]. Можно предположить, что Штренге пользовался не русским текстом, а французским переводом И. Паскевич, о котором Тургенев сказал, «что он несколько слабоват, но сделан с усердием и любовью» [76]. Как во французской, так и в немецкой редакции отсутствуют почти все философские, военно-стратегические и прочие теоретические высказывания Толстого [77].

В центре всех отзывов немецкой критики тех лет о «Войне и мире» стоит вопрос о «герое» романа, имеющий решающее значение для оценки произведения в целом и суждения о его композиции. Мнения по этому вопросу резко расходятся.

Национал-либеральный критик *Ю. Шмидт*, «помазанный на царство король немецкого Парнаса», как его иронически называл Ф. Меринг [78], в своей рецензии пишет: «Толстой изображает почти исключительно высший слой общества, ибо именно этот слой играл в то время главную политическую роль». Поскольку Шмидт отводит «высшему слою общества» преобладающее место, он, по традиции, ищет в этой среде и героя эпоса Толстого, а не найдя его там, предъявляет претензии к композиции романа и выступает с возражениями, аналогичными тем, которые уже делались немецкой критикой в отношении «Анны Карениной» [79].

Либеральные журналы, как, например, «Velhagen und Klasings Monatshefte», по большей части считали, что «подлинный герой романа — это непостижимая, целеустремленная сила, движущая миром...» [80] В изображении Толстым народа либеральные журналы усматривали поиски писателем того «общего», что соединяло людей социальных «низов» и «верхов» и давало надежду, что возможно устранить антагонизм и борьбу противостоящих друг другу общественных слоев. В противоположность либералам, социал-демократ *П. Эрнст* подчеркивал, что Толстой не только не сглаживает противоречия между «хозяином» и «работником», а наоборот, во всех своих сочинениях «всесторонне освещает и углубляет противоречия, существующие между образованными людьми и народом...» Эрнст рассматривал «Войну и мир» как «хвалебный гимн в честь народа, гимн, в который Толстой вложил всю нежность, всю любовь, какую писатель может питать к своему созданию〈...〉 „Война и мир“ и в России — единственное в своем роде произведение; оно всеобъемлюще, это подлинная энциклопедия〈...〉 Толстой придерживается демократических принципов; роман этот демократичен как в общепринятом буквальном смысле слова, так и в другом, внутреннем своем значении. Прежде писатели-идеалисты воспевали большие чувства, сознательный героизм, изображали людей, исполненных сверхчеловеческих чувств; Толстой пишет о простых, обыкновенных,

скромных людях; то, что они делают, кажется им совершенно естественным, они не сознают, что они герои» [81].

Рецензии на «Войну и мир», из которых мы отметили лишь наиболее характерные, показывают, что при оценке в Германии в 1880-х годах этого произведения только критики, связанные с борьбой рабочего класса, проводившие реалистические и демократические тенденции в литературе, смогли правильно уловить народность художественного гения Толстого, в полной мере проявившуюся в его романе-эпопее.

* * *

Философско-религиозные произведения Толстого возбуждали в Германии 1880-х годов сравнительно слабый интерес. Поэтому совершенно не соответствует истине мнение *А. Шольца* [82], будто Толстой именно этими сочинениями открыл себе путь в Германию. Насколько это мнение неосновательно, видно из следующей справки: до 1889 г. число немецких изданий художественных произведений Толстого относилось к числу изданий его философско-религиозных сочинений как 35 : 5. То же подтверждает и другая справка: из двадцати трех заслуживающих упоминания статей о Толстом только одна посвящена его теоретико-моральным работам.

Запрещенная царской цензурой статья «В чем моя вера?» встретила и в Германии осуждение и недовольство «охранителей порядка». Буржуазная немецкая печать во главе с преданной правительству «Leipziger Zeitung» пыталась ограничить сферу распространения заклейменных Толстым отрицательных социальных явлений национальными рамками России [83]. Позиция официальной критики по отношению к философским сочинениям Толстого ясно определена в уже цитированной выше статье *В. Генкеля*, напечатанной в мюнхенской «Allgemeine Zeitung». «При современном состоянии нашего общества,— пишет автор,— подобные учения не могут быть приняты〈...〉 Разрешение сегодняшних наших задач нуждается в других учениях, требующих для практического своего применения непосредственной связи с действительностью» [84].

Основной протест буржуазной критики вызывала обличительная сторона публицистики Толстого. Однако наряду с этим отвергался и один из главных, в представлении самого писателя, позитивных призывов его философии — призыв к непротивлению злу насилием. Внушало тревогу, как бы этот призыв, обращенный к государственной власти, не привел к ослаблению ее силы и авторитета.

Первая попытка дать серьезный анализ учения Толстого была сделана уже упомянутым выше *П. Эрнстом*. Критик доказывает, что недостатки общественной жизни, против которых борется Толстой, характерны отнюдь не для одной России; они обусловливаются существованием антагонистического классового общества и свойственны не только царской России, но также и капиталистической Германии. Наряду с этим Эрнст вскрывает реакционную основу концепции Толстого, стремившегося достигнуть преобразования классового общества «не революционным путем〈...〉, а путем сознательного морального исправления людей» [85], путем нравственного самосовершенствования как единственного средства борьбы со злом.

Несомненной заслугой Эрнста является то, что он первый в современной ему немецкой критике наметил правильный подход к истолкованию противоречивой философии Толстого.

III. ТВОРЧЕСТВО ТОЛСТОГО В ЦЕНТРЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СПОРОВ
(1890—1910)

КУЛЬМИНАЦИЯ ПОПУЛЯРНОСТИ ТОЛСТОГО В ГЕРМАНИИ.— РОМАН «ВОСКРЕСЕНИЕ» В СВЕТЕ БУРЖУАЗНОЙ КРИТИКИ.— ВПЕЧАТЛЕНИЕ ОТ «КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЫ».— РОЛЬ Р. ЛЁВЕНФЕЛЬДА В ОЗНАКОМЛЕНИИ НЕМЕЦКОГО ЧИТАТЕЛЯ С ЖИЗНЬЮ И ТВОРЧЕСТВОМ ТОЛСТОГО.— РАБОЧИЙ КЛАСС КАК ХРАНИТЕЛЬ НАСЛЕДИЯ ТОЛСТОГО.— Ф. МЕРИНГ И РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ О ТОЛСТОМ.— НЕКРОЛОГ ТОЛСТОГО В ЖУРНАЛЕ «NEUE ZEIT», ОТРАЖАЮЩИЙ ЛЕНИНСКИЕ ОЦЕНКИ ТОЛСТОГО

Если благодаря успеху «Анны Карениной» и «Войны и мира» во второй половине 1880-х годов немецкий читатель познакомился с Толстым, а шум, сопровождавший представление «Власти тьмы» на «Свободной сцене», создал Толстому громкую известность, то в 1890-х годах он становится в Германии одним из самых популярных и наиболее читаемых авторов. «Уже давно так сложилось,— писал критик того времени,— что каждое появление на книжном рынке новой книги великого русского писателя-философа, графа Льва Николаевича Толстого, вызывает в читательском мире особое оживление. Каждый, кто хочет быть в курсе всех новинок мировой литературы, старается ее не упустить...»[86]

Число переводов произведений Толстого на немецкий язык с 1890 по 1898 г. возросло с сорока до ста двадцати четырех. К этому надо прибавить бесчисленные перепечатки в журналах и газетах; но что особенно важно — впервые начинают появляться собрания сочинений писателя, причем некоторые сопровождаются вступительными статьями, дающими общий обзор его творчества[87].

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ТОЛСТОГО. НЕМЕЦКОЕ ИЗДАНИЕ В ПЕРЕВОДЕ РАФАЭЛЯ ЛЁВЕНФЕЛЬДА (БЕРЛИН, т. I, 1891)

Обложка

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Этой широкой известности соответствовал и рост критической литературы. В тридцати пяти самых крупных немецких журналах и газетах были в тот период напечатаны и обстоятельные статьи о Толстом и краткие рецензии на его сочинения. По сравнению с пятью предшествующими годами, с 1890 по 1898 г., число журналов и газет, поместивших материал о Толстом, более чем удвоилось. Вместо единственного труда П. Эрнста, вышедшего в свет в 1880-х годах, к 1898 г. вышло уже пятнадцать работ, специально посвященных Толстому. И если до 1890-х годов критика, как правило, откликалась лишь на появление какого-либо нового произведения писателя, то теперь она систематически занимается им и пытается дать целостную характеристику его творчества. К концу XIX в. интерес к Толстому достиг своей кульминации. «В настоящее время,— писал в 1899 г. *Э. Цабель*,— широкий круг читателей интересуется Толстым больше, чем любым другим писателем〈...〉 Выросла целая гора литературы о нем...»[88] И, действительно, с 1899 по 1910 г. в Германии вышло сто семьдесят пять немецких переводов произведений Толстого и в ста сорока четырех журналах и газетах было помещено о нем двести сорок девять статей [89].

«Каждая новая книга этого писателя,— отмечал один из критиков того времени,— является для значительной части образованных читателей настоящим событием. Многочисленные переводчики 〈...〉 соревнуются в том, чтобы возможно скорее сделать доступными немецкому читателю все вновь появляющиеся книги Толстого. Многочисленные издатели превосходят друг друга, выпуская дешевые, но, увы, часто весьма произвольно сокращенные издания его произведений. Портреты русского графа в русской крестьянской рубахе 〈...〉 стали почти обязательной принадлежностью наших иллюстрированных журналов для семейного чтения. Приложенные к портретам описания удивительной жизни и деятельности этого чудаковатого святого в его уединенном имении Ясная Поляна〈...〉, как часто их ни повторяют, не теряют никогда своей притягательной силы» [90].

Подобные факты несомненно свидетельствуют о громадной популярности Толстого в Германии. Но этой популярности порой сопутствовало ужасающее опошление его образа. В глазах значительной части публики русский писатель по выражению Цабеля, «казался наделенным лишь анекдотическими чертами». «Удивительно, что еще ни одному из американских импресарио не пришло в голову уговорить Толстого совершить турне по столицам Европы и по Соединенным Штатам...» — замечает критик [91].

Явно выраженное стремление направить интерес публики к биографии Толстого-вероучителя, к его философии и теоретическим сочинениям, столь непонятным и враждебным для «здравого смысла» бюргера, не в последнюю очередь обусловливалось желанием буржуазной печати отвлечь внимание читателей от резкой критики великим реалистом существующего общественного строя. В то же время консервативное крыло этой печати перешло к открытой борьбе против могучего социального критицизма Толстого.

Этот процесс, наметившийся уже в начале 1890-х годов, получает широкое развитие к концу века. В эти годы, в результате превращения Германии в империалистическое государство, все сильнее замечается проникновение реакционной идеологии во все области духовной жизни страны. Между тем, именно в это время вышло в свет произведение Толстого, которое так ясно, как ни одно из прежних, свидетельствовало о полноте его разрыва с жизнью господствующих классов, о непримиримой ненависти его к существующему государственному и общественному строю и затрагивало основной вопрос эпохи — вопрос о путях и способах устранения этого несправедливого «порядка вещей».

Мы говорим о «Воскресении», последнем толстовском романе. Он появился в Германии в 1899 г., был выпущен почти одновременно в двенадцати переводах и вызвал огромный резонанс.

«Как должны мы отнестись к подобному наступлению?» — риторически вопрошал при появлении романа либеральный журнал «Kunstwart» и отвечал: «Само собой разумеется, что при столь широко развернутом и столь глубоко мотивированном наступлении мы не можем ограничиться чисто эстетической оценкой»[92].

И действительно, не эстетика, а политика преобладала в отзывах критики. И политика весьма определенная — реакционно-охранительная. Так, например, журнал «Zwanzigste Jahrhundert», орган немецких националистов, писал: «Толстой отнюдь не такая безобидная, незначительная личность, чтобы его из года в год возобновляющиеся нападки ⟨...⟩ на христианскую церковь, на основы нашего политического и социального строя, на современные понятия о нравственности могли оставаться незамеченными теми, кто призван быть защитниками этих институтов...» [93]

Отклики немецкой критики на «Воскресение» подтвердили, со своей стороны, слова В. И. Ленина о выдвижении Толстым «самых больных, самых проклятых вопросов нашего времени...» и о невозможности обхода «тех *конкретных* вопросов демократии и социализма, которые Толстым *поставлены*» [94].

* * *

Изо всех произведений Толстого «Крейцерова соната», несомненно, возбудила в буржуазных кругах Германии самое сильное «моральное негодование» и вместе с тем читалась больше всех остальных. Эта повесть, законченная 8 декабря 1889 г. и запрещенная в России, появилась в Германии раньше, чем на родине писателя, причем одновременно в двух русских и шести немецких изданиях. В дальнейшем же она переиздавалась и переводилась так часто, как ни одно из других его произведений [95].

Известный биограф Толстого, *Р. Лёвенфельд* свидетельствует: «„Крейцерова соната“ Льва Толстого нашла в Германии миллионы читателей. Она служила темой разговоров во всех кругах, не чуждых духовным интересам, и являлась предметом обсуждения всех газет и журналов»[96].

«Крейцерова соната» появилась в Германии в тот момент, когда разгорелись жаркие споры о положении женщины в семье и в обществе. *А. Бебель* в книге «Женщина и социализм» [97] вскрыл социальную основу женского вопроса (в 1895 г. вышло двадцать пятое издание книги); в «Кукольном доме» («Норе») Ибсена проблема глубокой ненормальности положения женщины в буржуазной семье, получив художественное воплощение, привлекла к себе внимание широких кругов зрителей.

Спор разгорелся уже вокруг самой постановки вопроса: следовало ли рассматривать женский вопрос как социальную или как половую проблему. В этой полемике приняли участие австрийский писатель *Г. Бар* и немецкий критик *П. Эрнст* [98]. Последний выбрал арбитром *Ф. Энгельса*, который ответил ему известным письмом от 5 июня 1890 г. [99]

«Крейцерова соната» была тенденциозно использована реакцией как оружие в споре по женскому вопросу. Из повести извлекались «аргументы» против его социальной трактовки; резкая критика Толстым буржуазного строя обходилась молчанием, а все внимание сосредоточивалось на рекомендуемом писателем аскетически-утопическом решении проблемы брака. Собственно литературные, эстетические суждения не играли в этих спорах никакой роли; все интересовались, главным образом, тем, *что́* хотел сказать Толстой, а не тем, *как* он воплотил свою мысль.

Предлагаемое Толстым решение вопроса брака и любви, признанное критикой «совершенно новыми мыслями», обсуждалось в целом потоке статей и рецензий с философской, моральной, медицинской, теологической, политико-этнической и юридической точек зрения; обсуждалось весьма обстоятельно, а иногда и с большой долей фантазии. И хотя шумиха

вокруг «Крейцеровой сонаты» далеко не всегда подымалась с осознанной целью отвлечь внимание читателей от подлинного содержания повести, объективно она всегда к этому приводила. Так, автор одной из статей дает недвусмысленное объяснение причин крайне враждебного отношения буржуазных кругов к социальной критике, содержащейся в этом произведении: «Пророчества Толстого,— пишет он,— не предвещают ничего доброго〈...〉 Его сочинения используются для оправдания или узаконения всяческих нарушений порядка». Это опасение побуждает критика обратиться к «немецкому национальному чувству»: «И это в Германии, стране добрых нравов, верности и честности, прославляют и почитают Толстого: но кто же глашатаи, где же почва для подобного направления? Вера! Вот что нам нужно! Вера 〈...〉 в порядок, в справедливость монарха и в свободу в правовом государстве»[100]. Автор ясно показывает, что вполне сознает всю опасность, всю силу толстовской разоблачительной критики, угрожающей всему хорошо налаженному феодально-буржуазному «порядку вещей».

Правда, к началу 1890-х годов статьи, подобные цитированной, были еще относительно редки; однако в дальнейшем шовинистическая тенденция стала характерной для отзывов немецкой печати о Толстом, особенно для отзывов ее консервативного крыла.

Множеству бессодержательных статей и брошюр о «Крейцеровой сонате», расценивавших ее, в основном, как пикантную сенсацию, противостоит только рецензия *Р. Швейхеля* в журнале «Neue Zeit». Она содержит серьезный анализ произведения. Швейхель увидел в затронутом Толстым вопросе не психологически-биологическую, а социальную проблему и убедительно доказал, что значение «Крейцеровой сонаты» заключается прежде всего в том, что она бросает яркий свет «на прогнившие общественные отношения» [101]. При этом критик был далек от безоговорочного принятия предлагаемых Толстым решений.

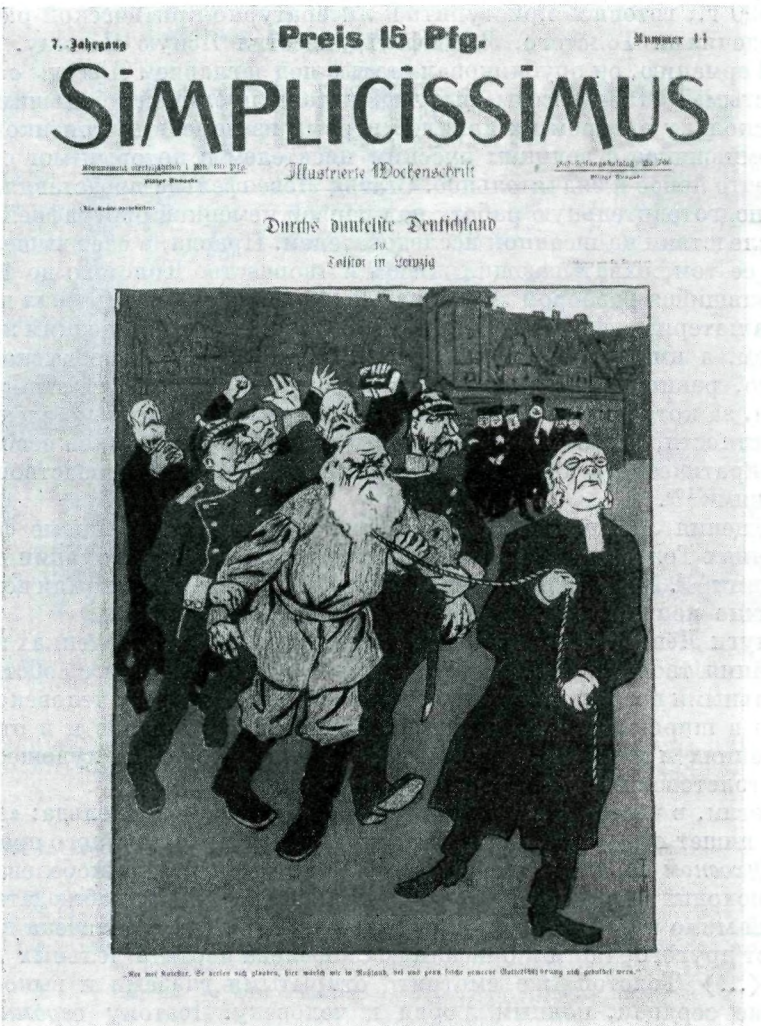
Швейхель понимал, что женский вопрос может быть разрешен лишь при переустройстве всего социального порядка, и рассматривал суждения Толстого, исходя из общей его идеологии и представлений о развитии общества. Подводя итог, критик писал: «В этом у графа нечто схожее с цеховыми ремесленниками, которые надеются путем восстановления цехов спастись от гибели, обусловленной капиталистической экономикой. Все, что позади, это уже пройденные формы развития человечества〈...〉 Народы и нации〈...〉 не возвращаются вспять; пусть медленно, пусть в постоянной борьбе — но они идут *вперед* к новым целям, к *достижению стоящего перед ними идеала*» [102].

Подобный разбор, ставивший в центр внимания непосредственно или косвенно затронутые Толстым глубокие социальные вопросы и тем самым указывавший на истинное значение повести, был, повторяем, в те годы исключением и находился в резком противоречии с поверхностными суждениями критиков, которые не видели или не хотели видеть в «Крейцеровой сонате» ничего, кроме сочинения, «бьющего на сенсацию».

* * *

Путаница и ложь вокруг творчества Толстого, которые царили не только в консервативной, но и либеральной немецкой печати, не встречали в 1890-е годы сколько-нибудь серьезного противодействия со стороны прогрессивных буржуазных критиков. Тем большей следует признать заслугу *Р. Лёвенфельда*.

Заслуга эта состояла, прежде всего, в его содействии распространению в Германии сочинений Толстого, которые Лёвенфельд издавал большей частью в собственных переводах (в частности, им был издан первый полный перевод на немецкий язык «Войны и мира»). Наряду с этим он вел также



«ТОЛСТОЙ В ЛЕЙПЦИГЕ»

Рисунок Т. Т. Гейне из серии «По сумрачной Германии»

Подпись: «Нет, милейший, вы не должны думать, что здесь, как в России, — у нас не потерпят такого неприкрытого богохульства»

Сатирический отклик на состоявшийся в Лейпциге суд над переводчиком Р. Лёвенфельдом и издателем Э. Дидрихсом за напечатание на немецком языке статьи Толстого «Ответ на определение Синода...»
«Simplicissimus», 1902, № 14

«Я получил все номера „Simplicissimus“ <...> Если бы я прожил 10 лет в Германии, я не узнал бы ее так хорошо, как узнал из этого превосходного журнала» (Из письма Толстого к В. Чумикову, от конца февраля 1901 г).

яростную борьбу против публикации и распространения неполноценных переводов произведений Толстого.

В 1901—1911 гг. под наблюдением Лёвенфельда было выпущено первое и остающееся до сих пор наиболее полным немецкое издание сочинений Толстого в тридцати трех томах, включавшее «литературные, социально-экономические и религиозные произведения писателя». Хронологическое расположение сочинений и предисловия к каждому тому, написанные, в большинстве случаев самим Лёвенфельдом, давали читателю возможность впервые получить представление о творчестве Толстого в целом.

В 1890 г., готовясь приступить к литературно-критической работе над произведениями Толстого, Лёвенфельд посетил Ясную Поляну. Вернувшись в Германию, он опубликовал статью под заглавием «Беседы о Толстом и с Толстым»[103]. Эти «беседы» были прочитаны публикой с большим интересом, поскольку автором их являлся первый из немецких критиков, лично познакомившийся с великим русским писателем и который мог сообщить о нем нечто новое и значительное. Статья Лёвенфельда представляла собой как бы подготовительную работу над первой немецкой биографией Толстого, впоследствии написанной исследователем. Правда, в свет вышел только первый ее том, охватывающий жизнь и творчество Толстого до 1863 г. и оканчивавшийся разбором «Казаков»[104]. Лёвенфельд использовал для своего труда материал, который до него не был использован ни одним немецким критиком, а именно письма, заметки, дневники и устные высказывания Толстого, равно как и важнейшую русскую критическую литературу о Толстом, за которой он, по всем данным, весьма внимательно следил. Был он, в частности, знаком с печатными выступлениями критиков революционно-демократического лагеря и в отдельных случаях руководствовался их суждениями[105].

Сообщения Лёвенфельда содержали, между прочим, новые факты об отношениях Толстого с журналом «Современник» и о пребывании писателя в Германии[106]. Последние сведения лишь в недавнее время были дополнены и частично исправлены немецкими исследователями[107].

Заслуги Лёвенфельда заключаются не столько в его оценках идейного содержания творчества Толстого, которое в соответствии с собственными либеральными воззрениями он воспринимает как «жалобу человеколюбца», сколько в широком привлечении достоверных материалов и в отдельных наблюдениях и выводах, касавшихся, главным образом, художественной формы толстовских произведений.

Отметим, в частности, следующие наблюдения Лёвенфельда: «До Толстого,— пишет он,— русская литература не имела подлинного представления о *духовном облике и характере русского солдата*. У Скобелева[108] один солдат походил на другого. Подобно тому как случайный наблюдатель, проходящий мимо строя солдат, с трудом отличает одного человека в военной форме от другого, так и в описаниях Скобелева черты отдельных лиц стираются〈...〉 Толстой же смотрит открытыми глазами и выносит свое суждение сердцем, полным любви к человеку. Поэтому *огромная, единообразная масса распадается у него на отдельных живых людей, и каждый из них выступает как самостоятельная личность*, в которой слиты воедино ее природные свойства с тем, что привнесено солдатской средой 〈...〉 Своим сильным, правдивым описанием жизни солдат и Кавказа Толстой обогатил русскую литературу сразу двумя ценными сокровищами, *которыми она до тех пор не обладала*»[109].

Другую особенность творчества Толстого Лёвенфельд устанавливает в явном согласии с точкой зрения Чернышевского, выраженной русским критиком в полемике с И. С. Аксаковым. Последний писал: «Анализ графа Толстого часто подмечает мелочи, которые не стоят внимания, которые проносятся по душе, как легкое облако, без следа; замеченные, удержанные анализом, они получают большее значение, нежели какое имеют на самом деле, и от этого становятся неверны». На это Лёвенфельд замечает: «Как ни остроумно мнение Аксакова, каким бы оно ни казалось подкупающим на первый взгляд, правильным его назвать нельзя». Напротив, именно этот метод, принятый Аксаковым за недостаток, представляется Лёвенфельду художественным открытием Толстого, приемом, который позволяет писателю передавать настроение не словами, а действиями: «Он описывает ряд *мелких и мельчайших действий, позволяющих сделать заключение относительно душевного состояния человека*»[110]. Но уже Чернышевский указывал

САТИРИЧЕСКИЙ ОТКЛИК НА ПРЕДАНИЕ СУДУ Р. ЛЁВЕНФЕЛЬДА ЗА ПЕРЕВОД И РАСПРОСТРАНЕНИЕ В ГЕРМАНИИ СТАТЬИ ТОЛСТОГО: «ОТВЕТ НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ СИНОДА...»

Суд состоялся 26 июня/9 июля 1902 г. в Лейпциге

Изображены: слева—Победоносцев, справа, со связанными руками — Р. Лёвенфельд. Наверху сжигают книги Толстого

Над рисунком: «Смелей, мой народ! Пылают и дымят костры. С севера ярко светят лучи свободы». Подпись: «Обер-прокурор Святейшего синода: „Сердечно благодарю вас, дорогой прокурор Саксонии, за то, что вы привлекли к ответственности распространителей сочинений Толстого по делу о богохульстве и поношении русской церкви. Для нас, при недостатке дров и мягкости русских законов, это, к сожалению, невозможно"».

Вырезка из неустановленного немецкого журнала, 1902

Музей Толстого, Москва

на то, что изображение Толстым психологических состояний отличается от подобных изображений, сделанных такими выдающимися психологами, как, например, Лермонтов, Тургенев и многие другие. «Особенность таланта графа Толстого состоит в том, что он не ограничивается изображением результатов психического процесса: *его интересует самый процесс*»[111].

Несмотря на ограниченность понимания Лёвенфельдом сущности творчества Толстого, труд исследователя заслуживает высокой оценки: благодаря собранному им богатому материалу знакомство читателей в Германии с жизнью и творчеством Толстого значительно расширилось, а немецкое литературоведение продвинулось вперед в изучении специфических черт толстовского реализма.

* * *

К исходу прошлого века, в связи с обострением политико-экономических противоречий в стране, ультрареакционные силы немецкой буржуазной критики решительно переходят в оценках Толстого на проложенный еще в начале 1890-х годов путь тенденциозного искажения и принижения его творчества.

Враждебность, с какой было встречено в Германии «Воскресение», ясно показала, что империализм наложил свою печать и на восприятие искусства немецким буржуазным обществом. По мнению реакционно настроенного критика *Фреймарка*, автора книги «Толстой как личность», общество требовало «новых, отвечавших современным воззрениям, моральных ценностей〈...〉 Но их не мог предложить фанатичный, односторонний Толстой, их мог предложить Ницше, которого не раз называли его антиподом». Что же касается самих моральных ценностей, то они мыслились этому автору именно такими, «какими представлялись Ницше в его сверхчеловеке»[112].

Вступление Германии в империалистический период своей истории сопровождалось многими и глубокими изменениями в духовной культуре немецкого общества, в том числе упадком немецкого буржуазного литературоведения. Это выразилось и в отказе от великих традиций немецкой и мировой литературы и отчасти даже в борьбе против их наследия.

Толстой подвергся нападению, в первую очередь, со стороны консервативной печати, но оно в значительной мере поддерживалось и либеральными критиками, причем даже такими, которые в оценках его творчества в 1880-х годах стояли еще на прогрессивных позициях.

Ярким примером подобной перемены фронта служит напечатанная в 1902 г. статья *П. Эрнста*. Бывший социал-демократ, став ренегатом, в конце 1890-х годов проявил себя как открытый апологет германского империализма и, в частности, его экспансии на Востоке и с этой точки зрения коренным образом пересмотрел свою оценку Толстого.

Говоря о будто бы неоспоримой духовной и моральной несостоятельности русского народа, он ссылается для подтверждения сказанного на Толстого как на представителя русской культуры и называет его «сыном варварского народа, не имеющего ни малейшего понятия о том, что такое гуманность»[113].

Свою характеристику Толстого как певца «некультурности» Эрнст «обосновывает» следующей поучительной сентенцией: «Такие певцы некультурности поднимают на щит людей низких и презренных, зато сбрасывают на землю всех, кто возвышается над другими»[114]. В качестве доказательства «искаженных пропорций» в произведениях Толстого Эрнст приводил «Войну и мир» — то самое произведение, которое в своей первой статье о русском писателе он восхвалял как свидетельство решающей роли народных масс в ходе истории; теперь Эрнст возражает против намерения Толстого «доказать, что душа народа есть истинный двигатель истории». Если в 1889 г. критик утверждал, что основной положительной чертой, характеризующей творчество Толстого, является демократизм, то теперь он презрительно называет его демократические воззрения «истерическим самоистязанием»[115]. К выступлениям подобного рода относится и статья известного уже с 1890-х годов критика крайнего реакционного лагеря *Ф. Дюкмейера* «Немцы в изображении Толстого»[116], в которой он пытался убедить читателей, будто Толстой ненавидит немцев. Не случайно на это сочинение, выдержки из которого были перепечатаны в «Allgemeine Zeitung», ссылался социал-шовинист *А. Штёкер*[117].

Но квинтэссенцию всех известных нам аргументов ультрареакционного крыла немецкой критики содержит книга *Г. Самсон-Химмельстьерна*, вышедшая под весьма недвусмысленным названием «Анти-Толстой». Мы упоминаем о ней, так как она особенно ясно обнажает причины и политическую подоплеку открыто враждебных Толстому настроений и выступлений буржуазной критики. Рассматривая сочинение Толстого «Рабство нашего времени», Химмельстьерн признается, что оно представляется ему «столь пагубным и опасным именно потому, что гораздо больше способно возбуждать и поддерживать в рабочих лютую ненависть к работодателям,

нежели воспитывать их в духе миролюбия и христианской любви, как того очевидно хочет Толстой»[118].

Другая часть буржуазной критики действовала методом того российского либерала, про которого Ленин сказал: «Он примазывается к популярному имени, чтобы приумножить свой политический капиталец...»[119]

Уже в середине 1890-х годов была переведена на немецкий язык одна французская статья, с большой четкостью вскрывавшая мотивы, которыми руководствовалась указанная группа критиков. Следует «избегать мер,— пишет автор,— которые неизбежно повлекли бы за собой победу всех ныне угнетенных, и не допустить до которой можно лишь путем уступок...» Исходя из этой задачи, автор полагал, что «толстовство отвечает требованиям настоящего момента...», так как основное положение учения Толстого гласит, что «нужно постараться преобразовать не экономический и не общественный строй ⟨...⟩, а себя самих»[120].

Эта группа критиков положительно оценивала «Воскресение», всячески поднимая субъективную авторскую тенденцию в этом произведении, сводящуюся к проповеди морального самосовершенствования, и тем самым объективно снижая великий социальный критицизм романа.

Революция 1905 г. повысила интерес к России. Под ее влиянием усилилось движение немецкого рабочего класса, начались открытые выступления, забастовки и демонстрации.

Буржуазия ответила на подъем демократического и революционного движения контрнаступлением, причем прежде всего на идеологическом фронте, стремясь воспрепятствовать распространению в обществе прогрессивных и, в особенности, марксистских теорий. С этой целью началась интенсивная пропаганда мистических, религиозных и прочих идеалистических теорий.

В связи с этим были использованы и теоретические сочинения Толстого. Шовинистические выпады против Толстого в 1905—1908 гг. прекратились с поразительным единодушием, и буржуазная печать стремилась теперь взять на вооружение учение Толстого в борьбе против идеологии революционного рабочего класса. Особенно большую активность развила клерикальная пропаганда.

Поскольку Толстой возбуждал тогда интерес почти исключительно как идеолог и теоретик, за период с начала века по 1910 г. в немецкой критике отсутствуют серьезные литературные исследования о его художественном творчестве. В виде исключения можно отметить лишь труды *Э. Цабеля* и известного слависта *Э. Бернекера*.

Однако для эффективной борьбы против искажения творческого наследия Толстого немецкой буржуазной прессой недостаточно было повторять выводы 80-х годов. Теперь, когда ранние произведения Толстого — даже его первые большие романы — меньше интересовали публику, важнее всего было дать правильное освещение поздних его произведений.

Но именно это и не был в состоянии сделать Цабель. Безраздельное восхищение, которое вызывали у него произведения, написанные Толстым до его духовного кризиса, сменилось непониманием и отрицанием нового этапа в мировоззрении и творчестве писателя. Либерал и будущий национал-либерал, Цабель не мог, разумеется, сочувственно встретить тот пересмотр, которому Толстой подверг не только свои собственные нравственные, религиозные и общественные взгляды, но и все то, чем жило современное ему общество и что усердно охранялось антинародными режимами всех тогдашних государств. Отсюда — отрицательное отношение Цабеля ко всем произведениям позднего Толстого. Цабель считал, например, что «Воскресение», «несмотря на множество верных, превосходных наблюдений ⟨...⟩, своим отталкивающим содержанием и подробными описаниями судебного разбирательства утомляет читателя»[121]. В этом произведении, по мнению

«ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ». НЕМЕЦКОЕ ИЗДАНИЕ В ПЕРЕВОДЕ РАФАЭЛЯ ЛЁВЕНФЕЛЬДА (БЕРЛИН, 1891)

Книга, присланная Толстому переводчиком

Обложка

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Цабеля, чувствуется «ослабление творческих сил Толстого, враждебное отношение к жизни и усталость»[122].

Книга *Э. Бернекера* «Граф Лев Толстой», вышедшая в свет в 1901 г., явилась первой заслуживающей упоминания работой немецкого слависта о Толстом. Но в понимании и оценке творчества Толстого Бернекер очень мало чем отличался от Цабеля. Правда, в противоположность Цабелю, он отозвался о «Воскресении», при оценке которого он останавливался преимущественно на религиозных проблемах, затронутых Толстым, как о чрезвычайно сильном произведении, однако тут же сделал следующую характерную оговорку: «Но и здесь ⟨в „Воскресении“⟩ снова мешает навязчивая тенденция: люди, принадлежащие к большому свету, всегда представлены с худшей стороны, а люди из народа, в особенности же арестанты — с лучшей и идеализированы»[123].

Возражения буржуазной критики, направленные против обличительных страниц «Воскресения», были обусловлены все теми же причинами, которые с классической ясностью изложил один консервативный автор в рецензии на роман: «И совершенно по социал-демократически,— пишет он,— звучит также его заступничество. Крестьянин, совершивший преступление⟨...⟩ и посаженный в тюрьму, eo ipso* достоин сожаления; государство, которое из-за подобных людей вынуждено содержать судей и строить тюрьмы ⟨...⟩, является eo ipso насильником. Фабрикант— это само собой разумеется — человек, доходы которого складываются из средств, выжатых из заработной платы его рабочих ⟨...⟩, само собой разу-

* тем самым (лат.).

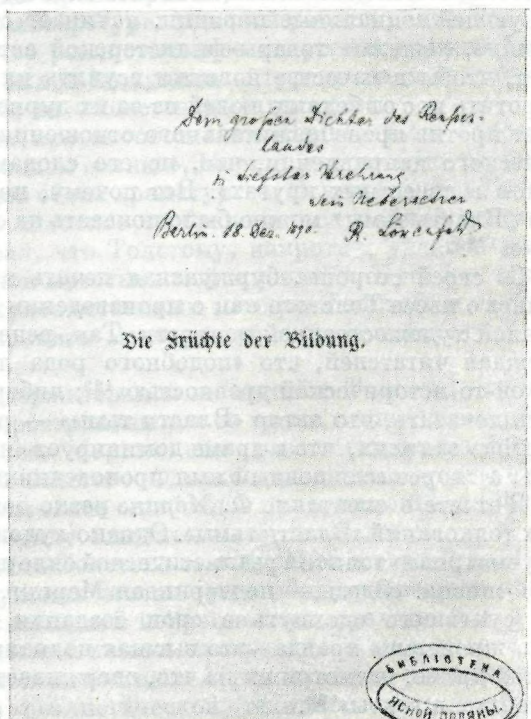
меется, что рабочий также является лицом эксплуатируемым и закрепощенным. Подобными несправедливыми суждениями Толстому едва ли удастся что-нибудь улучшить»[124].

* * *

Знамя борьбы за правдивое, исторически осмысленное понимание Толстого было поднято в конце прошлого века германской социал-демократией — ее левым крылом. Оно было поднято в спорах не только с реакционными кругами, но и с оппортунистами внутри самой партии. В те годы германская социал-демократия уже не выступала единым идеологическим фронтом; правое крыло ее занимало буржуазную позицию; кроме того, в партии оформилась группа, стремившаяся к примирению с оппортунистами и ревизионистами или, в лучшем случае, уклонявшаяся от дискуссий с ними.

Эти тенденции отражались и на литературных оценках, особенно когда дело шло о таких писателях, как Толстой, чьи произведения затрагивали наиболее острые социальные проблемы своего времени.

Так, например, *Ф. Штампфер*, один из самых отъявленных ревизионистов в рядах германской социал-демократии, возымел намерение заменить учение Маркса учением Толстого и называл писателя «бо́льшим социалистом, чем многие из социалистов», а толстовское истолкование раннего христианства — «теологической маскировкой пролетарских классовых интересов»[125]. Однако от критики этого опасного ревизионистского подхода к реакционной стороне учения Толстого воздерживались даже такие испытанные социал-демократические деятели и литературоведы, как



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ РАФАЭЛЯ ЛЁВЕНФЕЛЬДА НА НЕМЕЦКОМ ИЗДАНИИ ДРАМЫ «ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ» В ЕГО ПЕРЕВОДЕ (Leo N. Tolstoj. Die Früchte der Bildung. Berlin, 1891):

«Великому писателю земли русской с глубочайшим уважением. Берлин. 18 дек⟨абря⟩ 1890 г. Р. Лёвенфельд»

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Р. Швейхель, чьи суждения о Толстом вплоть до конца 1890-х годов оставались в Германии наиболее авторитетными. Так, в частности, он уклонился от анализа субъективной авторской тенденции в «Воскресении»,— проповеди христианского всепрощения и нравственного самосовершенствования, ограничившись словами: «С религиозными взглядами Толстого мы не считаемся»[126].

Большое прогрессивное значение имели выступления *Ф. Мерингa*. Свою точку зрения на Толстого он четко изложил уже в связи с немецкой постановкой «Власти тьмы».

Первое представление пьесы на большой сцене в Германии состоялось в «Немецком театре» в Берлине в ноябре 1900 г.— десять лет спустя после постановки на «Свободной сцене», явившейся, как мы видели, шумным театральным событием. И на этот раз пьеса послужила поводом к страстным спорам.

Такая вспышка боевого настроения была вполне оправдана, ибо к описываемому времени в немецкой литературе уже совершился переход от натуралистического к неоромантическому направлению, с уклоном к мистицизму и иррационализму. Десятью годами ранее «Власть тьмы» должна была завоевывать себе право гражданства на сцене; теперь представление пьесы являет собой оборонительную битву против антиреалистических тенденций, грозивших отнять это право как у пьесы, так и у реализма в целом,— битвой, как писал *Ф. Меринг*, против «гипнотизма, мистицизма, спиритизма и прочих измов, которыми сопровождается пляска св. Витта разлагающегося буржуазного общества Европы»[127].

Эти обстоятельства имел в виду рецензент социал-демократической газеты «Vorwärts»: «Спектакль „Власть тьмы“,— писал он,— оказался при настоящем положении вещей весьма кстати. Презрение к литературе, критикующей социальные порядки, начинает становиться модой. Самые устаревшие, лежалые товары филистерской эстетики теперь вытаскивают на свет, чтобы в качестве новинки всучить их публике. Теперь снова стали воротить нос от бедных людей из-за их дурного запаха...» Рецензент выступает против пренебрежительного отношения к сочинениям социально-критического направления, что, по его словам, «считается сейчас хорошим тоном в известных кругах». Вот почему, по его словам, «весьма полезно, что „Власть тьмы“ можно было показать на сцене, доступной широкой публике»[128].

Со своей стороны, буржуазная печать в откликах на спектакль отзывалась о пьесе Толстого как о произведении архаическом и лишенном подлинной художественной ценности. Так, рецензент «Berliner Börsenzeitung» убеждал читателей, что «подобного рода литература <...> является уже какой-то исторической древностью»[129]; либеральная газета «Nation» пыталась доказать, что автор «Власти тьмы» — романтик[130], а критик «Börsen-Courier» заявлял, что в драме доминирует «не мастерство писателя-реалиста», а скорее «священный пыл проповедника...»[131]

В отчете о спектакле *Ф. Меринг* резко возражал против таких искаженных толкований «Власти тьмы». Однако художественные достоинства пьесы он усматривал только в реалистической силе изображения русской крестьянской жизни. «Здесь,— подчеркивал Меринг,— виден труд могучего творца, сумевшего вдохнуть в свои создания человеческое дыхание<...> А ведь жизненная правда—это высшая похвала искусству писателя, которое в этой драме, несмотря ни на что, одерживает победу над навязчивой идеей основателя секты»[132].

Вместе с тем Меринг сурово нападал на критиков, прославлявших религиозно-утопическое учение, выдвинутое в пьесе, и клеймил слова Акима «Кайся богу, не бойся людей!», которыми они восхищались как основной идеей драмы.

«Этой доморощенной религиозной моралью,— пишет он,— разрешается душевный конфликт и заканчивается драма <...>; если бы на нечто подобное отважился неизвестный писатель, кто знает, какая судьба его бы постигла»[133].

Однако сколь ни справедливо суждение Меринга о слабых сторонах «Власти тьмы», его методологический подход к явлениям литературы не давал ему возможности найти причину возникновения этих слабых сторон, и он не мог поэтому дать целостной и до конца исторически осмысленной оценки Толстого, какую дал Ленин.

У Меринга, как и у Плеханова, явно обнаруживается то схематическое разделение Толстого на писателя и мыслителя, на «могучего художника» и «религиозного чудака», которое так резко критикует Ленин. Ошибочные выводы Меринга, отрицавшего и драматургическую ценность «Власти тьмы», объясняются отчасти его недостаточным знанием положения крестьянства вообще и идеологии русского крестьянина в частности. Вследствие этого он не был в состоянии вскрыть специфику толстовского мировоззрения и понять исторически и экономически обусловленную двойственность крестьянского мышления как взаимно проникающую и взаимозависимую систему противоречивых воззрений. Именно в этом и кроется главное, что помешало ему уловить огромный внутренний драматизм пьесы.

Впрочем, если Меринг и не охватил «Власти тьмы» во всей ее полноте, он осознал, в основном, ее значение для дальнейшего развития немецкой литературы. И не следует забывать также, что, при всех серьезных погрешностях его рецензии, решительный отпор, который дается в ней религиозной морали пьесы, имел большое принципиальное и, что особенно важно, для того времени актуальное значение.

Меринг, для которого нужды пролетариата являлись исходной точкой и конечной целью также и в его литературоведческой работе, ценил Толстого как великого художника, чье реалистическое искусство должно было указать немецкой литературе выход из тупика натурализма и сделать ее эффективным оружием в борьбе за общественный прогресс.

Уже в «Ästhetische Streifzüge», противопоставляя «Власть тьмы» Толстого драме Г. Гауптмана «Перед восходом солнца», Меринг дал меткую характеристику художественных методов обоих драматургов. Осуждая пьесу Гауптмана за встречающееся в ней «плоское отображение случайной действительности», Меринг подчеркивал, что Толстому, напротив, удалось показать «типичную картину русской крестьянской жизни»[134]. Проводя таким образом резкую грань между художественным методом Толстого и натурализмом, Меринг пытался направить молодую немецкую литературу на путь толстовского реализма.

В наиболее подробной и содержательной из статей о Толстом, опубликованной в 1900 г. в очень распространенном в то время социал-демократическом журнале «Wahre Jacob», Меринг еще раз останавливается на реакционной стороне воззрений Толстого. Однако и здесь ясно чувствуется, что им еще не изжито отмеченное выше ошибочное представление о дуализме Толстого, о расхождении между мыслителем и писателем.

Меринг дает картину развития Толстого от «Ступеней жизни»* до «Воскресения». Он пишет: «В „Ступенях жизни“ уже обнаруживаются когти льва; они чувствуются и в беспощадной искренности и правдивости, с которой описывается борьба идеалистически настроенного мальчика с отвратительным суеверием, с поверхностным образованием, с мещанской моралью его окружения, и в реалистической технике, столь уверенно отображающей самые мимолетные душевные движения и пластически воссоздающей явления внешнего мира, и, не в последнюю очередь, в том

* Имеется в виду трилогия «Детство», «Отрочество» и «Юность».— *Ред.*

чудесном волшебстве настроений, которое этот великий художник настроений распространяет и на историю детской жизни»[135].

«Войну и мир» Меринг оценивает как «русский национальный эпос». Он отмечает «решительный переворот», произошедший в Толстом во время работы над романом «Анна Каренина», в котором дается «жгучее описание безнадежного разложения господствующих классов...», однако полагает при этом, что Толстой превратился из «западника в славянофила»[136]. Отказ Толстого от всякой политической деятельности Меринг объясняет его разочарованием в реформе 1861 г. «В результате крестьянской реформы,— говорит он,— русские крестьяне попали из огня да в полымя‹...› Что же касается того, как подобного рода осуществление напряженных ожиданий действует на мягкосердечных идеологов, то сведения об этом можно почерпнуть в истории Германии 1820-х и 1830-х годов[137]. А таким «разочарованным мечтателям», как Толстой, которые «в условиях медленного развития России, не имевшей еще пролетариата, хотели сохранить верность самим себе, оставался лишь выбор между актами отчаяния и полным отказом от всякой политической деятельности».

Глубокое уважение Меринга к Толстому обнаруживается также и в его трактовке «Воскресения». Правда, и эта книга, пишет он, оканчивается «религиозной утопией, но слабый конец не может низвести мощное произведение с крутых высот искусства в плоскую низину моральной проповеди. Смелым, революционным языком бросает писатель свое страшное обвинение против русского общества‹...› У кого из немецких писателей можно найти хоть намек на подобный могучий гнев?..»[138]

Однако источник толстовского «могучего гнева», равно как и его анахронистических теорий, осуждавших современную цивилизацию и искавших спасения в прошлом, оставались скрытыми и для Меринга.

Меринг не мог, разумеется, согласиться с тем, что Толстой исходит из личных интересов и интересов своего класса, как это не раз утверждалось и тогда и позднее на страницах журнала «Neue Zeit»[139]. Он понимал принципиальность и широту толстовской социальной критики. С другой стороны, ему было ясно, что нападки Толстого на существующий общественный строй, в которые было примешано столько реакционного, велись не с позиций пролетариата. Где же в таком случае следует искать классовые корни мировоззрения Толстого? Меринг оставлял этот вопрос открытым и, не будучи в состоянии на него ответить, давал Толстому такие ничего не говорящие характеристики, как «мягкосердечный идеолог» или «разочарованный мечтатель».

К более глубокому пониманию своеобразия творчества Толстого Меринг не пришел и в дальнейшем. Его третья статья о Толстом, вернее отклик на смерть писателя, представляет собой сокращенное повторение статьи 1900 г., причем сокращения были сделаны за счет самого существенного[140].

В некрологе Меринг ограничивается общим обзором трудов писателя, не упоминая при этом «Воскресения». В результате, здесь уже не оказалось тех выразительных высказываний о стихийной силе и социальном пафосе Толстого, которые были в первой статье.

По-видимому, из уважения к памяти писателя Меринг отказался в некрологе от всякой полемики с толстовством.

Высокое мнение о Толстом лучших представителей немецкого рабочего движения разделяла и Роза *Люксембург*, называвшая его «самым гениальным романистом современности». В статье о Толстом она писала: «Основные проблемы жизни человека, отношений людей друг к другу, общественных условий с юных лет глубоко занимали Толстого, и вся его долгая жизнь и творчество прошли в неустанном размышлении о правде в человеческой жизни»[141].

Сцена изъ 3-го акта „Власти тьмы", др. гр. Л. Н. Толстого, поставленной въ Лейпцигѣ.

«ВЛАСТЬ ТЬМЫ» НА СЦЕНЕ ЛЕЙПЦИГСКОГО ТЕАТРА, 1901
Третий акт
Гравюра с рисунка немецкого художника Отто Герлана
«Петербургская жизнь», 1901, 18 сентября

В понимании значения обличительной силы Толстого Люксембург приближается к Ленину, который так высоко ценил толстовское «срывание всех и всяческих масок». «Нет ни одного освященного веками института в современном обществе,— пишет она,— который не был бы им безжалостно осужден, лживость, бессмысленность, развращенность которого не были бы им разоблачены. Церковь и государство, война и милитаризм, брак и воспитание, богатство и праздность, физическая и духовная деградация рабочих, эксплуатация и угнетение народных масс, взаимоотношения полов, искусство и наука в их нынешнем виде,— все это он подвергает безжалостной, уничтожающей критике...»[142]

Но когда дело доходит до определения природы этой критики, то и Люксембург не идет дальше Меринга. Толстовская критика, остроту и «революционный радикализм» которой она ясно видит, ведется, по ее мнению, «всегда с точки зрения интересов и культурного прогресса широких масс...» Дать более точное определение социальной почвы, питавшей критику Толстого, не может и она.

Люксембург зачисляет Толстого «в ряды великих социалистов-утопистов». По ее словам, «это не его вина, а его историческая беда, что он, начав свою долгую жизнь на пороге XIX века, у которого Сен-Симоны, Фурье, Оуэны стояли предвестниками современного пролетариата, дошел одиноким путником до порога XX века и оказался лицом к лицу с юным великаном, не понимая его»[143].

Несмотря на всю глубину мыслей, высказанных Люксембург, она тоже была далека от понимания того, что Толстой, чья жизнь завершилась

накануне первой русской пролетарской революции, был, по его собственному определению, «адвокатом стомиллионного земледельческого населения России» и именно с этой позиции сумел отразить в своем творчестве целую эпоху развития своей страны. Это увидел Ленин. Однако его статьи о Толстом были в то время еще неизвестны в Германии. Вот почему особый интерес приобретает некролог, напечатанный в журнале «Neue Zeit», где впервые высказаны суждения, явно подсказанные статьями Ленина.

Автором некролога был *Ш. Рапопорт*, уроженец России, социалист, эмигрировавший в 1887 г. во Францию и принявший французское гражданство. Он выступал с ревизионистскими статьями в адрес марксистской философии, за что его резко критиковали Ленин и П. Лафарг, был близок к Жоресу, а в 1920 г. — в год ее основания—вступил во Французскую Коммунистическую партию.

Некролог, написанный Рапопортом, был помещен в журнале «Neue Zeit» рядом с некрологом, принадлежавшим перу Меринга.

«Обязанность социал-демократической мысли,— писал Рапопорт,— противопоставить пустому и лицемерному буржуазному культу Толстого образ гениального защитника „миллионов страдающих“ и показать его в свете исторической и социал-демократической истины. Пусть наши пути расходятся с путями Толстого. Но то обстоятельство, что мы так же ненавидим капиталистическую эксплуатацию, как он, так же страстно любим трудовой народ, как он, позволяет нам понять творчество Толстого»[144].

Сказанное напоминает принципиальные положения, к которым приходит Ленин в статье «Л. Н. Толстой», «...Правильная оценка Толстого,— читаем мы в этой статье,— возможна только с точки зрения того класса, который своей политической ролью и своей борьбой во время<...> революции, доказал свое призвание быть вождем в борьбе за свободу народа и за освобождение масс от эксплуатации,— доказал свою беззаветную преданность делу демократии и свою способность борьбы с ограниченностью и непоследовательностью буржуазной (в том числе и крестьянской) демократии,— возможна только с точки зрения социал-демократического пролетариата»[145].

Статья Ленина появилась 16/29 ноября в «Социал-демократе», центральном органе русской социал-демократической партии, т.е. приблизительно за месяц до статьи Рапопорта. Газета издавалась в Париже, тогдашнем центре русской революционной эмиграции, и не вызывает сомнения, что Рапопорт, уроженец России, соприкасался с этими кругами, следил за русской социал-демократической газетой. Рапопорт был близко знаком с Лениным, который с 1908 г. жил в Париже, выступал на эмигрантских собраниях и читал публичные доклады о Толстом[146].

Знакомство с ленинскими мыслями о Толстом чувствуется и в ряде других мест статьи Рапопорта. Так как статья эта совсем неизвестна в литературе о Толстом, приведем здесь несколько отрывков из нее.

Толстой,— пишет автор,— «безжалостно разоблачает господствующее лицемерие и показывает наше общество во всей его безобразной наготе. Устрашающая картина капиталистического социального порядка, развертываемая Толстым перед глубоко потрясенным зрителем, обладает непреходящей художественной и исторической ценностью. В этом отношении кое-кто из ревизионистов мог бы у него поучиться. Так Толстой пишет (1900 г.): „Если между теперешними рабами и рабовладельцами (наемными рабочими и капиталистами.— *Ш. Р.*) трудно провести такую же резко отделяющую черту, как та, которая отделяла прежних рабов от рабовладельцев, и если между рабами нашего времени есть такие, которые только временно рабы, а потом делаются рабовладельцами, или такие, которые в одно и то же время и рабы и рабовладельцы, то это смешение тех и других в точках соприкосновения не ослабляет истинности того положения, что все

Herr M. Reinhardt und Herr Wassermann als Vater und Sohn in „Die Macht der Finsternis."
Zeichnung von Curt Agthe.

der Offizier darauf, daß er seine Traute nicht aufgeben könne, fühlt er sich nun vielleicht verpflichtet, sie zu heiraten, so wird man ihm eine Bedenkzeit einräumen — erfahrungsmäßige in solchen Angelegenheiten eine sehr nützliche Sache — vielleicht auch durch eine Versetzung in andere Umgebung bringen. Nützt auch das nichts, so wird man sich bemühen, ihm den Weg zu einem ehrenvollen Abschied zu bahnen, ihn auch jetzt noch vor unüberlegten Schritten zu behüten suchen; ich kenne einen ähnlichen Fall, wo der Vorsitzende des Ehrenrats einen unglücklichen jungen Kameraden persönlich bis nach Bremerhafen, bis an Bord des Lloyddampfers brachte. So leicht, wie Herr Hartleben es sich vorstellt, gibt jedenfalls kein deutsches Offizierskorps einen beliebten tüchtigen Kameraden auf! Ja noch mehr: sollte in einem ja immerhin vielleicht möglichen Einzelfall der eine oder andere Vorgesetzte nur streng, aber ohne das Wohlwollen sein, das jedem Leiter eines Offizierskorps zur Pflicht gemacht ist, dann würde die Stimmung innerhalb des Offizierskorps, die auch eine Macht ist, sich sehr bald geltend machen und die Aufmerksamkeit höherer Instanzen auf sich ziehen. Ein deutscher Regimentskommandeur ist kein türkischer Pascha.

Ich habe mich über das — ich wiederhole: sehr interessante — Schauspiel etwas eingehender geäußert, weil es in den Kreisen der Berliner Gesellschaft und gewiß ebenso außerhalb Berlins sehr viel besprochen wird, und weil ich bemerkt habe, daß es leider ganz falsche Vorstellungen über manche innere Angelegenheiten, über die Auffassungen unseres Offizierskorps wachruft. Ich kann nur nochmals konstatieren, Herrn Hartleben hat ganz gewiß die Absicht einer tendenziösen Färbung fern gelegen. Aber es darf doch nicht verschwiegen werden, daß er ein ganz verschobenes Bild entrollt hat — ein Bild, das uns auf der einen Seite unsere jungen Offiziere nur als flotte Zecher (— was wird in diesem Stück nicht gebechert! —) und als fidele Spaßmacher zeigt, von ihrer ernsten Arbeit und ihrem Streben nichts sagt, das uns aber auf der anderen Seite gerade das Gegenteil wahrer Kameradschaft und ein durchaus entstelltes Verhältnis zwischen Vorgesetzten und Untergebenen weist. Man sage nicht: Herr Hartleben habe nur einen üblen Einzelfall gezeichnet. Es ist möglich, daß er das gewollt hat. Die ungeheure Mehrzahl aller derer, die den „Rosenmontag" auf der Bühne sehen oder als Buch lesen, werden aber unter dem Eindruck stehen, daß die Verhältnisse, die er schildert, im gewissen Grade typisch sind, gerade weil allgemein der homogene Charakter unserer Offizierskorps bekannt ist.

Die Aufführung im Deutschen Theater war ausgezeichnet. Es war erstaunlich, wie sich die meisten der beteiligten Herren in ihre Offiziers-

Herr Hans Fischer (Knecht Mitritsch) und Frl. Selten (Anjuta) in „Die Macht der Finsternis." Zeichnung von Curt Agthe.

«ВЛАСТЬ ТЬМЫ» НА СЦЕНЕ БЕРЛИНСКОГО «НЕМЕЦКОГО ТЕАТРА» («DAS DEUTSCHE THEATER»), 1900

Вверху: Аким — Макс Рейнгардт, Никита — Альберт Бассерман. Внизу: Митрич — Ганс Фишер, Анюта — Зелькен

Рисунки Курта Агте

«Velhagen und Klasings Monatshefte», 1901, № 5, январь

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

люди нашего времени разделяются на рабов и господ — так же определенно, как, несмотря на сумерки, разделяются сутки на день и ночь"*.

Последнее сравнение остроумнейшим образом выявляет слабость „аргумента" теоретиков ревизионизма о „новом среднем классе", который должен якобы обусловить смягчение классовых противоречий.

Аргументу равенства перед законом рабочего и капиталиста, Толстой как фанатический проповедник мира также противопоставляет неопровержимый социалистический аргумент.

„Говорится,— пишет Толстой,— что закон одинаково ограждает собственность как обладателя фабрики, капиталиста, землевладельца, так и фабричного и земледельческого рабочего. Равенство капиталиста и рабочего такое же, как равенство двух борцов, из которых одному связали бы руки, а другому дали оружие в руки, в процессе же борьбы строго соблюдали бы равные для того и другого условия"*.

Итак: ясное понимание противоречий современности и фантастические мечты о будущем, высокий идеалистический порыв, соединенный с поверхностным эмпиризмом, нашедшим свое выражение в старании достигнуть неотлагательного, немедленного успеха посредством индивидуальной инициативы — все эти приметы классического западноевропейского утопизма являются также отличительными признаками Льва Толстого, величайшего русского утописта и идеалиста.

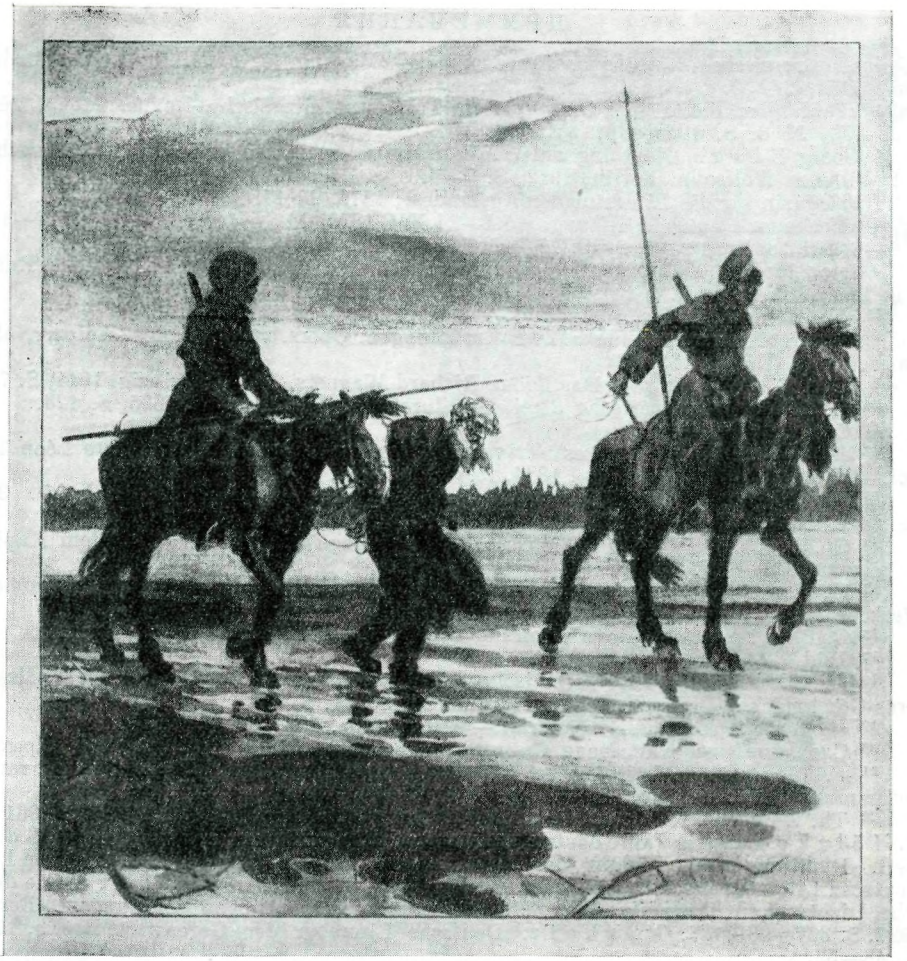
Лев Толстой стоит на распутье между старой и новой Россией. Разрыв между этими двумя различными мирами коснулся и этого великого человека, как бы расколол его и превратил его жизнь в сплошное противоречие. Толстой хочет построить новый мир с помощью старых патриархальных средств. Не через капиталистическую ночь к социалистическому свету, а через крестьянскую пассивность к крестьянскому коммунизму — таков был его лозунг»[147].

«Толстой,— пишет далее Рапопорт,— видит в ограниченности веками порабощенного, затравленного, забитого, эксплуатируемого и безропотного русского дореволюционного крестьянина, в этой навязанной ему ограниченности истинный и настоящий *смысл жизни*. Таким образом, учение Толстого представляет собою, по его собственному признанию, идеологию крестьянской безропотности, преобразованную в более высокую мораль»[148].

«Желание избавиться от прошлого», равно как «беспомощность в построении нового», обе эти *типические* стороны мировоззрения Толстого Ленин охарактеризовал как отражение мыслей и настроений одного определенного класса, а именно русского крестьянства определенного периода; стремление «смести до основания» «все старые формы и распорядки» и «создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян»[149] так же отразилось в учении Толстого, как и то, что крестьянство «относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу...»[150]

Однако Рапопорт, говоря о критике Толстым существующего порядка вещей как о варианте западноевропейского утопизма, как о выражении крестьянского мышления, имеет при этом в виду лишь реакционную сторону этого мышления. Более того, при сопоставлении идеологии Толстого с идеологией русского крестьянства, он подразумевает крестьян *«дореволюционного»* периода, давая таким образом повод рассматривать учение Толстого как выражение застоя. Ленин же, как известно, показал, что фактором, определившим как сильные, так и слабые стороны взглядов и учения Толстого, было патриархальное русское крестьянство — его роль

* Цитаты из статьи Толстого «Рабство нашего времени» (т. 34, стр. 167, 176).— *Ред.*



«КО ДНЮ ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЯ ТОЛСТОГО»
Рисунок Генриха Клее
Символизирует положение Толстого в годы реакции
«Simplicissimus», 1908, № 23, 7 сентября

и значение в освободительном движении. Критика Толстым существующего порядка,— писал Ленин,— «действительно отражает перелом во взглядах миллионов крестьян, которые только что вышли на свободу из крепостного права и увидели, что эта свобода означает новые ужасы разорения...» [151] и что «противоречия во взглядах Толстого, с этой точки зрения,— действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции» [152].

Подобное понимание Толстого, как мы уже говорили, было недоступно немецкой буржуазной критике вследствие ее классовой позиции. Что касается немецких социал-демократов во главе с Ф. Мерингом и Розой Люксембург, то они стояли у порога правильного понимания противоречий творчества Толстого, но порога этого не переступили. Его переступил лишь один Ленин в своих выдающихся статьях, явившихся принципиально новым этапом не только в русской, но и международной литературе о Толстом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Die russische Literatur im Jahre 1855».— «Magazin für die Literatur des Auslandes», 1856, № 36, 20.III, S. 137—138.

[2] «Paul». Erzählung vom Grafen Leon Tolstoy.— «Russische Revue», 1863, № 7, S. 28—50, № 8, S. 105—146.

[3] Georg Ebers. Nekrolog auf W. Wolfsohn. В кн.: Theodor Fontanes Briefwechsel mit Wilhelm Wolfsohn. Berlin, 1912, S. 7—8.

[4] «Magazin für die Literatur des Auslandes», 1870, № 17, 23.IV, S. 247—248.

[5] «Moskauer Deutsche Zeitung», 15.I—24.XII 1870, № 1—140, 143—144, 147—148. 5. I—9. III 1871, № 2—4, 8—9, 16—17, 19—20, 22, 26, 28.

[6] Léon Tolstoï. La Guerre et la Paix. Roman historique. Traduit par une Russe. ⟨кн. Ирина Паскевич⟩. 3 vols. Paris, 1879. Idem 1885.

[7] «Novellenschatz des Auslandes». Bd. 10, München, 1875.

[8] «Luzern». «Familienglück». Zwei Erzählungen. Übers. v. W. Lange. Leipzig, «Reclam», 1882. UB № 1657/58

[9] K. F. Glasenapp. Das Leben Richard Wagners, Bd. 6. Leipzig, 1911, S. 738.

[10] E. Zabel. Literarische Streifzüge durch Russland. Berlin, 1885, S. 128.

[11] См. выше примеч. 6.

[12] Melchior de Vogué. Les écrivains russes contemporains. Le comte Léon Tolstoi.— «Revue des Deux Mondes», 1884, 15.VII, vol. 64, p. 264—301.

[13] Письмо Ф. Энгельса П. Эрнсту от 5 июня 1890 г.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XXVIII, стр. 219—222.

[14] Cp. J. Kuczynski. Die Geschichte der Lage der Arbeiter unter dem Kapitalismus, Bd. I, T. 2, 1871 bis 1932. Berlin, 1954, S. 35.

[15] G. Hauptmann. Der Narr in Christo Emanuel Quint.— Das gesammelte Werk. I Abtlg. Bd. 6. Berlin, 1934, S. 443—444.

[16] C. Bleibtreu. Revolution der Literatur. Leipzig, 1887, 2 Aufl., S. 12.

[17] Ibid.

[18] O. Welten. Unsere ästhetische Empfindlichkeit als Ausdruck des Verfalls unseres Geschmacks.— «Gesellschaft», 1885, № 26, 30.VI, S. 492.

[19] H. Bahr. Der russische Christ.— «Hochland», 1921, № 9, S. 645.

[20] Слова молодого писателя Спитта — персонажа пьесы Г. Гауптмана «Крысы».

[21] F. Mehring. Beiträge zur Literaturgeschichte. Berlin, 1899, S. 251; см. также Gesammelte Schriften, Bd. XI, Berlin 1961, S. 131.

[22] Th. Ziegler. Die geistigen und sozialen Strömungen. Berlin, 1899, S. 661 ff.; H. Hölzke. Zwanzig Jahre deutscher Literatur. Braunschweig, 1905, S. 4—5; A. Soergel. Dichtung und Dichter der Zeit. Leipzig, 1912, S. 122 ff.; W. Stammler. Deutsche Literatur bis zur Gegenwart. Berlin, 1927, S. 12; A. Kleinberg. Die deutsche Dichtung in ihren sozialen Zeit-und geistesgeschichtlichen Bindungen. Berlin, 1927, S. 367—369; W. Marholz. Deutsche Literatur der Gegenwart. Berlin, 1930, S. 48—52.

[23] «Revue des Deux Mondes», 1882, 15.VIII, vol. 62, p. 913—925.

[24] «Berliner Volksblatt», Beilage zum 11.I 1887 .— Курсив наш.

[25] E. Hammer. «Polikuschka».— «Gesellschaft», 1889, № 1, S. 112.

[26] E. Zabel. L. N. Tolstoi. Berlin, 1901, S. 149. Существует русский перевод: Евгений Цабель. Граф Лев Николаевич Толстой. Литературно-биографический очерк. Перевод Вл. Григоровича. Киев, 1903.

[27] «Gesellschaft», 1889, № 3, S. 1072.— Курсив наш.

[28] H. Conradi. Ein neuer Roman aus der Gegenwart (Männer der Zeit von Boy—Ed.).— «Gesellschaft», 1885, № 22, S. 410.

[29] Arno Holz. Das Werk, Bd. I. Berlin, 1924, S. 355. Цитата из стихотворения «Zwischen Alt und Neu».— Курсив наш.

[30] R. Schweichel. Der naturalistische Roman bei den Russen und Franzosen.— «Neue Zeit», 1887, 5. Jg., S. 1—14, 62—70, 105—114, 545—554.

[31] Ibid., S. 113.

[32] Ibid., S. 553.

[33] O. Brahm. «Anna Karenina».— «Deutsche Illustrierte Zeitung», 12.IX 1885, № 5. — Курсив наш.

[34] P. Ernst. Leo Tolstoi und der slavische Roman.— «Deutsche Literarische Volkshefte.—«Gemeinverständliche Aufsätze über literarische und künstlerische Fragen der Gegenwart», H. I. Berlin, 1889, S. 15.

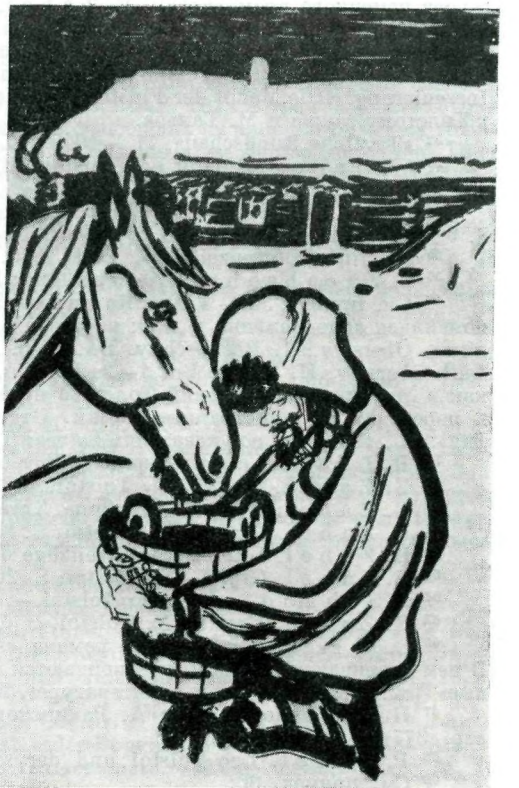
[35] E. Zabel. Vorwort zu «Anna Karenina». L. Tolstoi. Anna Karenina. Roman in 6 Büchern, übers. v. W. P. Graff. Bd. I. Berlin, 1885, S. VIII.

[36] E. Zabel. Graf L. N. Tolstoi.— «Deutsche Rundschau», 1887, April—Mai—Juni, S. 249. M. Necker. «Anna Karenina». — «Grenzboten», 1885, H. 1, S. 571.

[37] O. Brahm. Pariser Theatereindrücke.— «Nation», 1888, № 39, 23.VI; № 40, 30.VI; № 41, 7.VII. Цит. по кн.: O. Brahm. Kritische Schriften über Drama und Theater. Berlin, 1913, S. 188.

«ХОЗЯИН И РАБОТНИК». ИЛЛЮСТРАЦИЯ НЕМЕЦКОГО ХУДОЖНИКА БЕРНГАРДА БОРХЕРТА

Из книги: L. T o l s t o i. «Herr und Knecht» Berlin, 1945



[38] См. A. S o e r g e l. Dichtung und Dichter der Zeit. Leipzig, 1912, S. 176.

[39] W. S e l b s t. Tolstoi und das moderne Drama auf der Pariser Bühne.— «Baltische Monatsschrift», 1888, № 7, S. 427—441.

[40] O. B r a h m. Eröffnung der «Freien Bühne».—«Nation», 5.X 1889, № 1. Цит. по кн.: O. B r a h m. Kritische Schriften..., S. 254.

[41] Ibid.

[42] H. O l d e n. Tolstoi und sein Berliner Publikum.— «Freie Bühne», 1890, № 1, S. 15.

[43] Ср. S. J a c o b s o h n. «Die Macht der Finsternis».— «Weltbühne», 1918, № 34, 17.VIII, S. 159.

[44] Так, например, газета «Deutsche Reichsanzeiger und Königlich-Preussische Staatsanzeiger» отвела целый столбец для отчета о пьесе Натали фон Эшструт «Sie wird geküsst», но поставленная в тот же день драма Толстого не была удостоена ни единым словом. Ср. ту же газету, 27.I 1890, а также «Berliner Localanzeiger», 27.I 1890. S p i e l b e r g. Aus den Berliner Theatern.— «Velhagen und Klasings Monatshefte», H. 9. 1890, S. 378—383.

[45] Ср. A. S o e r g e l. Dichtung und Dichter der Zeit, S. 214.

[46] H. H a r t. Leo Tolstoi. «Die Macht der Finsternis». Besprechung vom 28. Januar 1890.— H. H a r t. Gesammelte Werke, Bd. 4. Aufsätze und Reisebilder vom Theater. Berlin, 1907, S. 264—265.

[47] «Vossische Zeitung» (Abendausgabe), 27.I 1890.

[48] Theodor F o n t a n e. Holz-Schlaf, «Die Familie Selicke», 1890, 8.IV. Цит. по кн.: «Schriften zur Literatur». Berlin, 1960, S. 213.

[49] Theodor F o n t a n e. Holz-Schlaf, «Die Familie Selicke», S. 215.

[50] Впрочем, в оценках Фонтане и Меринга есть существенные расхождения. В то время как Фонтане, проводя грань между реалистической и «жалостной» драматургией, ссылается равным образом как на Гауптмана, так и на Толстого, Меринг подвергает критике пьесу Г. Гауптмана «Перед восходом солнца», противопоставляя ей «Власть тьмы» Толстого.

[51] Ср. P. S c h l e n t h e r. Gerhart Hauptmann. Berlin, 1912, S. 51; A. S o e r g e l. Dichtung und Dichter der Zeit, S. 207, 210, 333 (Зёргель говорит о «Власти тьмы» как о литературном образце для Гауптмана, прослеживает влияние Толстого даже на язык

героев немецкого драматурга); E. Z a b e l. Literarische Streifzüge durch Russland, S.149; K. N e u s c h e l e r. Gerhart Hauptmann und Leo Tolstoi. München, 1923. В этой работе рассматривается вопрос о влиянии Толстого на пьесу Гауптмана «Ткачи»; W. A l l e r h a n d. Leo Tolstois Dramen und die wissenschaftlichen Grundlagen ihrer Inszenierung. «Die Macht der Finsternis», Kiel, 1927, S. 107. Автор отмечает близость к Толстому также и М. Гальбе.

[52] «Tägliche Rundschau», 11.X 1945. Ср. стр. 138 кн. 1-й настоящ. тома.

[53] W. H e n c k e l. Graf Leo Tolstois Ethik und sein Drama.—«Allgemeine Zeitung» (Beilage). München, 19.V, 1887, № 138.

[54] O. H a r n a c k. Tolstoi in Deutschland.—«Preussische Jahrbücher», 1891, № 1, S. 9; ср. также R. H e s s e n. Die Berliner «Freie Bühne», Ibid., S. 21.

[55] «Berliner Börsenzeitung», 28.I 1890.

[56] S. J a c o b s o h n. «Die Macht der Finsternis», S. 159.

[57] См. примеч. 35.— «Анна Каренина» была переведена заново только в 1891 г. и появилась одновременно в двух переводах: Г. Роскошного и Г. Мозера («Anna Karenina». Übers. v. H. Roskoschny. Bd. 1—5. Berlin 1891; «Anna Karenina». Nach der 7 Aufl. übers. v. H. Moser. Bd. 1—2. Leipzig, 1891). Перечень изданий романа, так же как и других произведений Толстого на немецком языке, см. в кн.: «Л. Н. Толстой в переводах на иностранные языки. Отдельные зарубежные издания. Библиография». М., 1961, стр. по указателям (далее: Толстой в переводах на иностранные языки).

[58] R. L ö w e n f e l d. Gespräche über und mit Tolstoi. 3 Aufl. Leipzig, 1901, S. 1.

[59] E. Z a b e l. Graf L. N. Tolstoi, S. 248—276.

[60] E. Z a b e l. Vorwort zu «Anna Karenina» (см. примеч. 35).

[61] E. Z a b e l. Graf L. N. Tolstoi, S. 268.

[62] E. Z a b e l. Literarische Streifzüge durch Russland, S. 208.

[63] E. Z a b e l. Graf L. N. Tolstoi, S. 268.

[64] J. S c h m i d t. Graf Leo Tolstoi.— «Gegenwart», 1885, № 6, S. 88.

[65] E. Z a b e l. Graf L. N. Tolstoi, S. 268.

[66] С. А. Рачинский писал о романе «Анна Каренина»: «В нем нет архитектуры. В нем развиваются рядом, и развиваются великолепно, две темы, ничем не связанные» (см. «Л. Н. Толстой о литературе». М., 1955, стр. 649).

[67] Письмо Толстого к С. А. Рачинскому от 27 января/8 февраля 1878 г. (т. 62, стр. 377).

[68] P. E r n s t. Leo Tolstoi und der slavische Roman. S. 11. — Курсив наш.

[69] См. примеч. 30.

[70] A. S c h o l z. Graf Leo Tolstoi.— «Westermanns illustrierte deutsche Monatshefte.— «Ein Familienbuch für das gesamte geistige Leben der Gegenwart». 1886, № 7. S. 499.

[71] Thomas M a n n. Zu einem Kapitel aus «Buddenbrook». Gesammelte Werke. Bd. 12. Berlin, 1955, S. 464.—Высказывание Манна относится к 1947 г.

[72] Слова В. И. Ленина, сказанные А. М. Горькому: «И — знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было» (М. Г о р ь к и й. Собр. соч. в тридцати томах, т. 17. М., 1952, стр. 39).

[73] Thomas M a n n. Gesammelte Werke. Bd. 12, S. 464—465.

[74] Inge D i e r s e n. Untersuchungen zu Thomas Mann. Berlin, 1960, S. 155—156. Автор справедливо указывает вместе с тем на возникающую для Манна опасность иррационалистического восхваления жизни в том смысле, в каком восхвалял ее Ницше. Рассмотрение этого вопроса не входит, впрочем, в рамки настоящей статьи.

[75] Leo T o l s t o i. Krieg und Frieden. Historischer Roman. Mit Genehmigung des Autors. hrsg. Übers. v. E. Strenge. Bd. I—IV. Berlin, 1885—1886.

[76] См. письмо И. С. Тургенева к Толстому от 28 декабря 1879 г./9 января 1880 г.— «Толстой и Тургенев. Переписка». М., 1928, стр. 90.

[77] В 1889 г. вышло второе издание «Войны и мира» в переводе Штренге. В 1880-х годах это был единственный немецкий перевод романа. Таким образом, в Германии полный текст «Войны и мира» был в то время неизвестен. См. также E. Z a b e l. Graf L. N. Tolstoi, S. 261

[78] F. M e h r i n g. R. Schweichel.—«Neue Zeit», 1888, № 2, S. 50; см. также Gesam. Schrift., Bd. XI, S. 454.

[79] J. S c h m i d t. Graf Leo Tolstoi.— «Gegenwart», 1885, № 6, S. 88.

[80] J. E. G r o t h u s s. Graf Leo Tolstoi als Dichter und Denker.— «Velhagen und Klasings Monatshefte», 1889, № 3, S. 343.

[81] P. E r n s t. Leo Tolstoi und der slavische Roman, S. 11—12.

[82] A. S c h o l z. Graf Leo Tolstoi, S. 501.

[83] «Worin besteht mein Glaube?» Eine Studie von Graf Leo Tolstoi.— «Leipziger Zeitung» (Wissenschaftliche Beilage) 1885, № 68; «Bekenntnisse—„Was sollen wir denn tun?“ von Graf Leo Tolstoi».— «Leipziger Zeitung»; 1886, № 48.

[84] W. H e n c k e l. Graf Leo Tolstois Ethik und sein Drama.

[85] P. E r n s t. Leo Tolstoi und der slavische Roman, S. 22.

[86] R. P e n z i n g. Graf Leo Tolstoi als religiöser, sittlicher und sozialer Reformer.— «Zwanzigste Jahrhundert», 1891, № 2, S. 20.

[87] В основу приведенных здесь данных положен составленный автором настоящей работы библиографический список всех изданий переводов Толстого на немецкий язык, вышедших в Германии по 1910 г. включительно, и являющийся приложением к ее диссертации. При его составлении, помимо других источников, был использован «Kaysers Vollständiges Bücher-Lexikon». Leipzig. Этот справочник содержит сведения обо всех ежемесячно появлявшихся в Германии книгах. Просмотрен за 1852—1910 гг.

Об изданиях собраний сочинений Толстого, вышедших на немецком языке в 1890—1910 гг., см. «L. N. Tolstoj». Bibliographie der Erstausgaben deutschsprachiger Übersetzungen und der seit 1945 in Deutschland, Österreich und der Schweiz in Deutscher Sprache erschienenen Werke. Mit einem einleitenden Artikel von Anna Seghers. Leipzig, 1958 и кн.: «Толстой в переводах на иностранные языки».

[88] E. Zabel. Russische Literaturbilder, 2 Aufl. Berlin, 1899, S. 224—225.

[89] См. примеч. 87.

[90] B. Finger. Tolstoisches Christentum.— «Zeitfragen des christlichen Volkslebens», Bd. XXVII, H. 7. Stuttgart, 1902, S. 271.

[91] E. Zabel. Russische Literaturbilder, S. 225.

[92] A. Bonus. Tolstoi.— «Kunstwart», 1902, Bd. II № 13, S. 5.

[93] R. Penzing. Graf L. N. Tolstoi als religiöser, sittlicher und sozialer Reformator.— «Zwanzigste Jahrhundert», 1892, № 1, S. 21.

[94] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 23.

[95] Так, например, перевод, выпущенный в 1890 г. издательством O. Janke, переиздавался до 1893 г. одиннадцать раз. Переведенное Р. Лёвенфельдом и изданное отдельно «Послесловие к „Крейцеровой сонате“» вышло за один год в семи изданиях. Помимо упомянутых, до 1910 г. было выпущено еще десять переводов, часть которых переиздавалась по нескольку раз, а общий тираж переводов повести достиг ста тысяч экземпляров.

[96] R. Löwenfeld. Gespräche mit und über Tolstoi, S. 1.

[97] A. Behel. Die Frau und der Sozialismus. Berlin, 1878.

[98] P. Ernst. Frauenfrage und soziale Frage.— «Freie Bühne», 1890, № 15, 14.V, S. 423 ff.; H. Bahr. Zur Frauenfrage. Die Epigonen des Marxismus.— Ibid., № 17, 28.V, S. 469; P. Ernst. Frauenfrage und Geschlechtsfrage.—Ibid., № 21, 25.VI, S. 569 ff.

[99] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVIII, стр. 219—222.

[100] F. Dukmeyer. Tolstoi-Prophet oder Popanz? Berlin, 1891, S. 33—34.

[101] R. Schweichel. Tolstois Kreutzersonate.—«Neue Zeit», 1890, № 10, S. 311.

[102] Ibid., S. 313.

[103] Первоначально статья была напечатана под заглавием «Meine erste Fahrt durch Jasnaja Poljana» в еженедельнике «Zeitgeist», 1890, затем в более подробном виде под заглавием: «Gespräche über und mit Tolstoi».

[104] R. Löwenfeld. Leo N. Tolstoi, sein Leben, seine Werke, seine Weltanschauung. T. I. Berlin, 1892. Существуют русские переводы: Рафаил Лёвенфельд. Граф Лев Толстой. Его жизнь, произведения и миросозерцание. СПб., 1896. Перевод С. Шклявера. Тоже, перевод В. А. Перелыгиной. М., 1897 и 1904. На русский язык переводились и статьи Лёвенфельда: «Из бесед с Толстым».— «Театр Льва Толстого». СПб., 1892, стр. 22—26. «Разговоры с Толстым и о Толстом». — «Толстой в воспоминаниях современников». Изд. 2. М., 1960, стр. 66—67, 101—102. См. также в «Библиографии литературы о Толстом» (1917—1958). М., 1960, стр. по указателю.

[105] Так, например, в одном месте он цитирует статью Н. Г. Чернышевского «Детство и отрочество. Военные рассказы». R. Löwenfeld. Leo N. Tolstoi..., S. 49.

[106] R. Löwenfeld. Leo N. Tolstoi..., S. 91 ff.; S. 110—111.

[107] Ср. Eckbert Pechstedt. Zu L. N. Tolstois Aufenthalt in Deutschland.— «Zeitschrift für Slawistik», Bd. VIII, H. 5. Berlin, 1963, S. 724—733.

[108] Имеется в виду И. Н. Скобелев (1778—1849) — генерал от инфантерии и военный писатель, участник Отечественной войны 1812 г. и других кампаний. Его рассказы и пьесы из военного быта пользовались известностью у русских читателей.

[109] R. Löwenfeld. Leo N. Tolstoi..., S. 57.— Курсив наш.

[110] R. Löwenfeld. Leo N. Tolstoi..., S. 42 ff. Лёвенфельд цитирует статью И. С. Аксакова «Обозрение современной литературы», напечатанную в «Русской беседе», 1857, т. I, кн. 5, разряд IV, стр. 34—35.

[111] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III. М., 1947, стр. 426.— Курсив наш.

[112] H. Freimark. Tolstoi als Charakter. Wiesbaden, 1909, S. 32.

[113] P. Ernst. Leo Tolstoi.— «Magazin...», 1902, № 41, 11.X, S. 322.

[114] Ibid.

[115] Ibid.

[116] F. Dukmeyer. Die Deutschen in Tolstois Schilderung. München, 1902.

[117] F. Dukmeyer. Die Deutschen in Tolstois Schilderung.— «Allgemeine Zeitung» (Beilage), 1902, № 111. Адольф *Штёкер* (Stöcker, 1835—1909) — протестантский

богослов, придворный священник и священник берлинского городского собора; руководитель одного из шовинистических и антисемитских объединений.

[118] H. v. Samson-Himmelstjerna. Anti-Tolstoi. Berlin, 1902, S. 95.

[119] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 209.

[120] F. Schröder. Der Tolstoismus. Dresden, 1894, S. 88—89, 108.

[121] E. Zabel. Russische Literaturbilder..., S. 228.

[122] E. Zabel. L. N. Tolstoi..., S. 124.

[123] E. Berneker. Graf Leo Tolstoj. Leipzig, 1901, S. 106.

[124] B. Finger. Tolstoisches Christentum, S. 313.

[125] Fr. Stampfer. Leo Tolstoi an die Arbeiter.—«Neue Zeit», 1902/1903, Bd. 2, № 30, S. 125.

[126] R. Schweichel. Leo Tolstoi. «Auferstehung».— «Neue Zeit», 1899/1900, Bd. 2, № 28, S. 13—20; № 29, S. 47—54.

[127] F. Mehring. Ibsens «Baumeister Solness».— «Neue Zeit», 1892/1893, Bd. I, № 19, S. 605; см. также Gesam. Schrift., Bd. XII, 1963, S. 83 f.

[128] E. Schlaikjer. «Die Macht der Finsternis».—«Vorwärts», 6.XI, 1900, № 215.

[129] «Berliner Börsenzeitung», 4.XI 1900, № 518.

[130] E. Heilborn. Die Macht der Finsternis.— «Nation», 10.XI, 1900, № 6.

[131] «Berliner Börsen-Courier», 4.XI 1900, № 518.

[132] F. Mehring. Berliner Theater.— «Neue Zeit», 1900/1901, Bd. I, № 6, S. 188.— Курсив наш; см. также Gesam. Schrift., Bd. XII, S. 149. Русский перевод статьи: Франц Мерингг. Литературно-критические статьи. М.—Л., 1964, стр. 456—459. См. также «Библиографию литературы о Толстом», стр. по указателю.

[133] Ibid., S. 186—188.

[134] F. Mehring. Ästhetische Streifzüge.— «Neue Zeit», 1898, Bd. I, № 14, S. 448; см. также Gesam. Schrift., Bd. Xl, S. 190.

[135] F. Mehring. Leo Tolstoi.— «Wahre Jacob», 1900, № 361, S. 3250—3252. См. также. Gesam. Schrift., Bd. XII. Berlin, 1963. S. 133—134.

[136] Ibid.

[137] Ibid.

[138] Ibid.

[139] Gp. L. Axelrod. Die Grandidee von Tolstois «Auferstehung».— «Neue Zeit», 1900, Bd. 2, № 49, 50, 51, S. 700—704, 732—736, 765—768, а также L. Axelrod. Tolstois Weltanschauung und ihre Entwicklung. Stuttgart, 1902, и рецензию на эту книгу Dr Salomea Perlmutter. — «Neue Zeit», 1902/03, Bd. 1, 1902, № 13, S. 404—407. На русском языке статьи Л. И. Аксельрод-Ортодокс о Толстом см. в «Библиографии литературы о Толстом», стр. по указателю.

[140] F. Mehring. Leo Tolstoi.— «Neue Zeit», 1910/1911, Bd. 1.— «Feuilleton der „Neuen Zeit"», № 34, 9.XII, S. 337—341; см. также Gesam. Schrift., Bd.XII, S. 141—146. Русский перевод статьи см. цит. изд., стр. 460—465 и «Библиографию литературы о Толстом», стр. по указателю.

[141] «Leipziger Volkszeitung», 9.IX, 1908, а также: «Tolstoi. Ein Lesebuch für unsere Zeit». Weimar, 1952, S. 451 ff. Русский перевод статьи см. в кн.: «Роза Люксембург о литературе». М., 1961, стр. 94—109. Там же, стр. 110—126 переводы других статей Розы Люксембург о Толстом. См. также «Библиографию литературы о Толстом», стр, по указателю.

[142] «Tolstoi. Ein Lesebuch für unsere Zeit», S. 453.

[143] Ibid., S. 454.

[144] Charles Rappoport. Lew Nikolajewitsch Tolstoi als Philosoph und Moralist des Jenseits.— «Neue Zeit», 1910/1911, Bd. 1, № 12, S. 389. Целиком статья была напечатана в трех номерах журнала «Neue Zeit»: 1910, № 12, 23.XII, S. 388—395; № 13, 30.XII, S. 429—434; 1911, № 14, 6.I, S. 476—482.

[145] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 22.

[146] См. «Ленин Владимир Ильич». Краткий очерк жизни и деятельности. М., 1946, стр. 121; Б. С. Мейлах. Ленин и проблемы русской литературы. М., 1951, стр. 314.

[147] Ch. Rappoport. Op. cit., S. 480.

[148] Ibid., S. 431.

[149] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 211.

[150] Там же.

[151] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 40.

[152] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 210.

ТОЛСТОЙ В ПОЛЬШЕ

(1858 — 1962)

Обзор Базыля Белокозовича (Варшава) *

Распространение русской литературы в Польше происходило в совершенно иных исторических условиях, чем в других западнославянских и вообще зарубежных странах. Ответственность царского самодержавия за ликвидацию польского государства в конце XVIII в. и установленный царизмом режим жестокого национального угнетения польского народа вызывали настороженное и даже враждебное отношение ко всему русскому у значительной части польского общества. Длительное время в сознании многих поляков Россия отождествлялась с ненавистным самодержавием. Поэтому,— как писал польский историк литературы *А. Брюкнер*,— в Польше «можно было встретить хорошо образованных людей, которые даже и „Лузиаду" Камоэнса читали, хотя бы в переводе и отрывках, но для которых имена Пушкина и Гоголя, Тургенева и Достоевского оставались пустым звуком»[1].

Все же с течением времени, особенно в связи с ростом польского революционного движения, в Польше возникает и развивается интерес к русской культуре, и в особенности к художественной литературе. Она привлекает польскую молодежь своими освободительными идеями и революционным воодушевлением, реализмом, глубиной мысли и широтой взглядов на исторический процесс.

Степень интереса и внимания к русской литературе в Польше не поддается определению путем библиографического учета польских переводов произведений русских писателей и польских критических статей о русской литературе. Значительная часть польской интеллигенции, особенно в Царстве Польском, той части Польши, которая входила в состав Российской империи, знала русский язык и имела возможность читать русских авторов в подлиннике.

Значение русской литературы для прогрессивных сил польского общества верно охарактеризовал выдающийся революционный публицист и ученый *Л. Кшивицкий*: «И когда мы постигнем эту силу книг,— писал он,— это богатство оригинальных выводов, беспощадное срывание масок с общественного лицемерия и прежде всего огромную прелесть и очарование мощных талантов пера и силу их энтузиазма, мы поймем, что каждый юноша, стремящийся к широким горизонтам, тяготел к этому богатству мысли»[2]. Такими книгами в русской литературе были в первую очередь книги автора «Войны и мира». Обобщая восприятие Толстого в Польше, известный

---

* Автор приносит глубокую благодарность за ценные указания профессору Вроцлавского университета Мариану Якубцу и известному краковскому литературоведу и библиографу Петру Гжегорчику. Рукопись статьи обсуждалась на заседании кафедры истории русской литературы Варшавского университета. В обсуждении приняли участие заведующий кафедрой профессор Самуэль Фишман, научные сотрудники Антони Семчук, Флериан Неуважны и другие товарищи по работе. Всем им автор также выражает свою признательность.

писатель нашего времени *Я. Ивашкевич* имел основание заявить: «Наше отношение к Толстому — это отношение к отцу, к человеку, возбуждающему восхищение и уважение, это отношение к недосягаемому образцу художественного мастерства...»[3]

Очевидно, что разработка темы «Толстой в Польше», изучение влияния, которое оказал Толстой на развитие польской литературы и на духовную жизнь польского общества, представляют большой интерес как для польского, так и для советского литературоведения. Однако специальных, монографического характера работ на эту тему все еще нет. Вопрос о влиянии Толстого на отдельных деятелей польской литературы ставился и ставится во многих исследованиях и статьях, но либо узко избирательно, либо слишком общо. Воздействие сочинений Толстого — художника и мыслителя — на польскую литературу отмечает на нескольких примерах *А. Брюкнер*. *М. Кридль* указывает, что творчество Толстого имело известное влияние на развитие польского романа. Немало интересных фактов о взаимоотношениях Г. Сенкевича и Толстого приводит в своих работах польский историк литературы *Ю. Кшижановский*. Он же отмечает некоторую близость Э. Ожешко к Толстому. Сопоставление Толстого и С. Жеромского мы находим в статьях польского поэта и критика *Г. Тимофеева*, чешского историка польской литературы *К. Крейчи*, а также в работах польских литературоведов *В. Боровы*, *Т. Грабовского*, *С. Адамчевского*, *К. Выки*, *Э. Жешовского* и *Г. Маркевича*. По мнению последнего, роман «Война и мир» был своего рода образцом для «Пепла» Жеромского. Зависимость этого романа от шедевра Толстого Маркевич усматривает в сходстве общих принципов построения этих произведений: роман-панорама, с отказом от убыстренного темпа и нарочитых осложнений в развитии действия в пользу многопланового эпического изображения жизни народа. Опыт же Толстого как автора «Анны Карениной» — романа-синтеза — был использован, по мнению Маркевича, Б. Прусом при работе над романом «Кукла»[4].

Упомянутый выше *Т. Грабовский* отметил также влияние Толстого на некоторых польских критиков — главным образом, на С. Виткевича, М. Здзеховского и С. Бжозовского. Для них, особенно для первых двух, как полагал Грабовский, большое значение имели толстовские моральные принципы, решительное осуждение им западноевропейского модернизма и подход к религии с точки зрения этики. Влияние Толстого на творчество С. Виткевича отмечается в монографии *К. Косиньского*, а также в истории новой польской литературы *К. Чаховского* и в статьях *Я. З. Якубовского*, который указывает, что большой интерес к «Воскресению» Толстого и к сатирам М. Е. Салтыкова-Щедрина проявлял польский писатель А. Дыгасиньский, как об этом свидетельствует его переписка с дочерью, З. Волерт. На связь творчества В. Оркана с Толстым обратил внимание в монографии, посвященной Оркану, *С. Пигонь*. Польский литератор *Т. Парницкий* называл «Ночи и дни» М. Домбровской детищем «Войны и мира» и «Анны Карениной»[5].

Значение драматургического наследия Толстого в развитии мировой и польской драматургии отмечает *И. Славиньская*. Пьеса Толстого «Власть тьмы», как она указывает, сыграла большую роль в становлении новой польской трагедии. Влияние «Власти тьмы», по ее мнению, испытали В. Оркан («Вина и наказание», 1905) и С. Выспяньский («Судьи», 1907). В общетеоретическом плане опыт Толстого-художника исследует в связи с анализом мастерства М. Конопницкой *А. Бродзкая* в монографии «О новеллах Марии Конопницкой». Воздействие Толстого на польскую литературу и общественную мысль в общих чертах рассматривает *З. Грень*[6].

В работе *М. Якубца* «Русская литература среди поляков в период позитивизма» приведены и проанализированы некоторые высказывания польских писателей, литературоведов и журналистов о Толстом. Отношение

ТОЛСТОЙ И ВАНДА ЛАНДОВСКА

Фотография С. А. Толстой, 1907 (пересъемка, сделанная фотографией «Станислав» в Париже)
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Б. Пруса к Толстому, а также восприятие Толстого польской критикой в 1899—1908 гг. рассматриваются в интересных исследованиях *А. Семчука.* Краткий обзор высказываний о Толстом польских писателей, литературных критиков и общественных деятелей дан в статьях *Р. Герлецкой.* Обширную работу о Толстом в польской литературной критике 1918—1939 гг. опубликовал *Ф. Селицкий.* Некоторые проблемы восприятия Толстого поляками прослежены в интересных и богатых фактическим материалом статьях и обзорах *П. Гжегорчика*[7]. В Государственном издательском институте (Państwowy Instytut Wydawniczy) в 1964 г. вышла из печати подготовленная им библиография переводов, критических статей и других материалов, относящихся к восприятию Толстого в Польше[8].

В советском литературоведении интересующий нас вопрос получил частичную разработку в книге *Т. Л. Мотылевой* «О мировом значении Л. Н. Толстого». Здесь прослеживаются творческие связи с русским писателем таких мастеров польского критического реализма как Б. Прус, Э. Ожешко и С. Жеромский[9].

Таким образом постепенно намечаются пути всестороннего и основательного изучения темы «Толстой в Польше»[10].

Задачей настоящей работы является общий обзор истории распространения произведений Толстого в Польше и краткий анализ суждений польской критики о сочинениях великого русского писателя, о его жизни и мировоззрении. Проблемам, которые уже разработаны литературоведением, мы уделим меньше внимания, делая ссылки на соответствующие исследования.

Рассматривая историю восприятия творчества Толстого в Польше, мы для удобства обозрения выделяем в ней четыре периода, сознавая всю условность предлагаемого деления.

I. *1858—1894 гг.* Длительный период, охватывающий время от первого упоминания имени Толстого в польской печати до того десятилетия в конце XIX в., которое ознаменовалось резким подъемом интереса к Толстому в Польше; подъем этот не выходил еще за рамки литературно-общественных кругов и в значительной мере отражал широкую популярность писателя во Франции.

II. *1895—1917 гг.* У истоков этого периода, охватывающего время до конца первой мировой войны и Октябрьской революции находятся выступления Толстого по польскому вопросу. Письма Толстого к М. Здзеховскому 1895 и 1899 гг., проникнутые сочувствием к полякам и решительным осуждением антипольской политики царизма, привлекают к их автору внимание широких кругов польских читателей. Критические высказывания Толстого о социально-политических явлениях получают сильный отзвук в Польше и независимо от собственно польской темы. Этот период польского восприятия Толстого связан как с фактами творческой и личной биографии писателя — появление «Воскресения» (1899), восьмидесятилетие (1908), уход из Ясной Поляны и смерть (1910),— так и с событиями в исторической жизни России и Польши, важнейшими из которых были революции 1905—1917 гг.

III. *1918—1939 гг.* Это период распространения произведений Толстого в получившей государственную независимость буржуазно-помещичьей Польше. Важными моментами являются здесь юбилейные даты Толстого: столетие со дня его рождения (1928) и двадцатипятилетие со дня смерти (1935).

IV. *1945—1962 гг.* С момента установления народно-демократической власти в Польше и окончания второй мировой войны начинается принципиально новый период распространения и изучения наследия Толстого в Польше. Рассмотрение этого периода, продолжающегося и поныне, доведено в настоящем обзоре до 1962 г. включительно.

Переходными этапами в названных периодах были 1914—1918 гг. — годы первой мировой войны и Октябрьской революции — и 1939—1945 гг. — годы второй мировой войны. Восприятие Толстого и вообще русской литературы в Польше в сильнейшей степени и непосредственно определяется в это время политическими симпатиями и антипатиями. Вместе с тем особое значение приобретает Толстой-гуманист. В труднейших испытаниях мировых катаклизмов могущество толстовского гуманизма, его любви к жизни помогало людям сохранять веру в человека и человеческое.

I. ПОД ЗНАКОМ ИЗВЕСТНОСТИ ВО ФРАНЦИИ
(1858 — 1894)

Первое упоминание в Польше о Толстом мы находим в анонимной статье «Современные русские литераторы», напечатанной в энциклопедическом справочнике «Księga Świata» (Варшава, 1858) [11]. В основу этой статьи, как указывает редакция, были положены сведения, опубликованные в петербургском журнале В. Ф. Тимма «Русский художественный листок». Давая весьма положительную оценку «Детству», «Отрочеству» и «Севастопольским рассказам», автор статьи предсказывал, что если Толстой целиком посвятит себя литературе, то из-под его пера, несомненно, выйдет много хороших сочинений.

В 1867 г. в двадцать пятом томе польской энциклопедии С. Оргельбранда, издававшейся в Варшаве, была помещена заметка о Толстом *Я. Савинича*[12], заимствовавшего основные данные из упомянутой выше статьи

«Современные русские литераторы». Савинич характеризует «Детство», «Отрочество», «Севастопольские рассказы», «Два гусара», «Метель» и «Записки маркера» как произведения, пользующиеся известностью.

В обзоре «Русская литература последнего времени», помещенном в 1870 г. в журнале «Wędrowiec» (без подписи), имя Толстого упоминается в одном ряду с такими писателями как С. Т. Аксаков, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, А. Ф. Писемский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. Г. Помяловский, Д. В. Григорович, И. И. Панаев [13].

Знатоком русской литературы, в том числе и творчества Толстого, был польский писатель *А. Ходзько-Борейко*. Он унаследовал от А. Мицкевича кафедру славянских литератур в парижском Collège de France. Сотрудник «Северной пчелы» *Ю. К. Арнольд* в рецензии на русский перевод поэмы «Пана Тадеуша» Мицкевича вспоминал о своем посещении Collège de France в 1861 г.: «Лекция о славянских литературах прошла у нас в беседе о лучших русских писателях, о гг. Тургеневе, Майкове, Л. Толстом и Писемском»[14].

В начале 1870-х годов на творчество Толстого обратил внимание *А. Г. Киркор*, известный польский ученый и литератор, писавший под псевдонимами *Ян из Сливина* и *Собарри*. Довольно хорошо зная русскую литературу в оригинале, Киркор выступал на страницах польской печати со статьями, посвященными литературной жизни России. В познанском еженедельном журнале «Tygodnik Wielkopolski» он напечатал в 1873 г. (№ 15—21) несколько обзоров русской литературы, которые потом вышли отдельным сборником[15]. В 1874 г. в Кракове была издана его большая книга, посвященная литературам братских славянских народов, в том числе, разумеется, и русской литературе[16].

Из произведений Толстого Киркор в упомянутых работах первостепенное место отводит «Войне и миру» как самому великому творению русского писателя. Роман «Война и мир» представляет собой, как отмечает Киркор, почти психологический трактат; это верная историко-этнографическая картина, изображающая длительный период русской жизни. К определению основных проблем «Войны и мира» Киркор подошел, однако, несколько поверхностно. Он полагал, что Толстой старался в этом романе главным образом отразить две враждебных друг другу крайности: «с одной стороны,— силу, мужество, величие народа; с другой стороны,— бесхарактерность, беспринципность, пресмыкательство, раболепие и унижение перед властью»[17].

Несмотря на подобное искусственное сужение проблематики «Войны и мира», работы Киркора имели для своего времени несомненное положительное значение и привлекли внимание польских читателей к роману Толстого.

Имя Толстого встречается и в корреспонденциях из Петербурга и Москвы, публиковавшихся в 1870-х годах в польских газетах и журналах. Так например, в заметках, присланных из Петербурга, *Э. Бораковский* сообщал о новом произведении писателя, «Анне Карениной», и об острой литературно-общественной борьбе, которая развернулась в России вокруг этого романа[18].

К 1870-м годам относятся и первые переводы произведений Толстого на польский язык. Вначале они печатались преимущественно в официальной правительственной газете «Dziennik Warszawski». В 1876 г. в этой газете были опубликованы польские переводы из «Войны и мира» и рассказов «Три смерти», «Рубка леса» и «Севастополь в декабре месяце». В следующем, 1877 г., «Dziennik Warszawski» поместил (полностью и в отрывках) переводы «Севастополя в мае», «Севастополя в августе 1855 года», «Утра помещика», «Из записок князя Д. Нехлюдова. Люцерн», «Семейного счастья» и «Казаков», а в 1878 г. фрагменты из «Анны Карениной».

Однако официально-правительственное направление газеты не позволило ей стать трибуной для пропаганды творчества Толстого среди широких кругов польских читателей. Именно потому перечисленные выше переводы не привлекли общего внимания[19].

Существенное значение для популяризации Толстого в Польше имел тот факт,что его творчество с 1880-х годов начало приобретать все большую и большую известность в западноевропейских странах, особенно во Франции, с которой Польша была тесно связана в области своих культурных интересов. Осенью 1884 г. знаменитый писатель *Ю. И. Крашевский*, находясь в Магдебургской тюрьме, впервые прочитал «Войну и мир», во французском переводе. Крашевский поспешил поделиться своими впечатлениями от романа Толстого в печати и выступил с весьма интересной статьей в варшавском еженедельном журнале «Tygodnik Ilustrowany»[20]. Отмечая признание, которое получил в Париже роман «Война и мир», Крашевский указывал, что это произведение имеет все права на первостепенное место в мировой литературе. Особенно высоко оценил Крашевский глубокую жизненную правду романа, разнообразие и неповторимую оригинальность действующих лиц, отличное знание автором русского национального характера. Отрицательную оценку у рецензента вызвал лишь исторический фатализм Толстого. Но этот недостаток, по его мнению, не мог снизить выдающихся достоинств романа, который войдет в литературу как исторический памятник. Крашевский заключал свою статью утверждением, что «Война и мир» представляет собой «необыкновенное художественное явление».

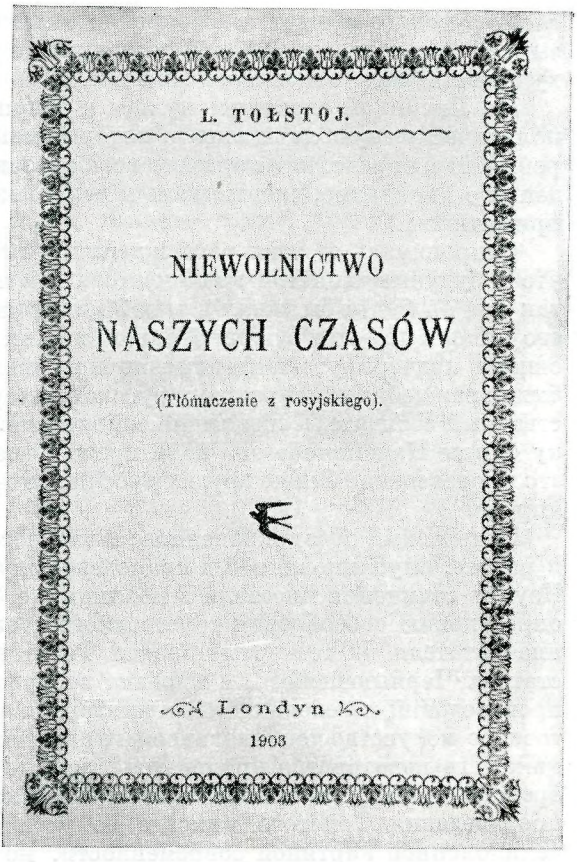
О необычайном успехе «Войны и мира» в Париже и о появившихся в печати восторженных откликах на этот роман М. де Вогюэ сообщил в 1885 г. в корреспонденции, напечатанной в журнале «Niwa», историк *К. Валишевский*[21]. Толстой, по его словам, в парижских литературных кругах ставится бесконечно выше, чем многие выдающиеся французские писатели.

Выступления Крашевского и Валишевского положили начало новому этапу восприятия Толстого в Польше. В дальнейшем, т. е. примерно до середины 1890-х годов, интерес польской общественности к Толстому складывается под сильным влиянием западноевропейской и, главным образом, французской критики. Польская интеллигенция внимательно прислушивалась к мнению западных критиков, и поэтому второй этап восприятия Толстого в Польше (после 1883 г.) в значительной мере связан с западноевропейской оценкой творчества писателя, в особенности с известными статьями М. де Вогюэ о русской литературе. Статьи эти печатались в 1883—1886 гг. в «Revue des Deux Mondes» и были собраны в 1886 г. в книгу «Le Roman Russe» — книгу знаменовавшую, как известно, поворотный момент в проникновении русской литературы на Запад.

Кроме работ де Вогюэ, в Польше читались, по свидетельству польских литературно-общественных журналов, статьи и работы *Э. Геннекена*, *П. Бурже*, *П. Дежардена*, *Ш. Вагнера*, а также французского критика и переводчика польского происхождения *Т. де Визева (Выжевского)*, а из немецких авторов — главным образом, работы *Р. Лёвенфельда* и *Э. Цабеля*[22]. Некоторые из трудов западноевропейских литературоведов — например, очерки и исследования датского критика *Г. Брандеса*, переводились на польский язык. Сам он в 1885 и 1886 гг. дважды посетил Варшаву, выступал там с докладами на литературные темы и лично познакомился с многими польскими литераторами. Влияние западной критики на польскую во взгляде на Толстого не подлежит сомнению, и этот факт необходимо учитывать при изучении польской критической литературы.

Разумеется, определенное влияние оказывали в Польше также работы русских авторов и та литературно-общественно-политическая борьба, кото-

«РАБСТВО НАШЕГО ВРЕМЕНИ». ИЗДАНИЕ НА ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ (ЛОНДОН, 1903)
Титульный лист



рая развернулась в России вокруг Толстого. Поляки, жившие на территории Российской империи, сравнительно хорошо знали русский язык и могли знакомиться в подлинниках как с произведениями Толстого, так и с русской критической литературой о нем. Что же касается польской интеллигенции, жившей на землях, входивших в состав Пруссии и Австро-Венгрии, то с творчеством Толстого она знакомилась, главным образом, по немецким и французским переводам. Даже автор первого обширного обзора о Толстом *А. Лисицкая* читала «Войну и мир» во французском переводе. Она сотрудничала в краковском консервативном журнале «Przegląd Polski» и в 1880-х годах написала для этого издания цикл литературно-критических статей на тему «Современные русские писатели». Одна из этих статей была посвящена Толстому [23]. Лисицкая изложила биографию писателя (довольно неточно) и подвергла разбору важнейшие его произведения (опираясь преимущественно не на собственные критические суждения, а на чужие мнения, в частности на мнения де Вогюэ, притом нередко упрощая и даже искажая их).

Большое внимание Лисицкая уделила «Войне и миру», отмечая исключительное художественное и историческое значение этого романа. Приводя слова Флобера, сравнивавшего «Войну и мир» с произведениями Шекспира, критик признавал, что при чтении этой книги наталкиваешься на такие фрагменты, где «образ Шекспира невольно встает перед глазами».

Развернутую характеристику дала Лисицкая «Анне Карениной», которую считала лучшим романом Толстого, «общественной биографией высших

слоев русского общества». Подробно излагая содержание романа, она указывала читателю на особенно сильные, по ее мнению, и самые удачные в художественном отношении эпизоды.

Но Лисицкой оказались чужды и непонятны важнейшие общественно-политические проблемы эпохи, которые нашли свое отражение в «Анне Карениной» и определили характер всей образной системы романа. Ее рассуждения о нигилизме, скептицизме и религиозных взглядах Толстого крайне примитивны.

Отправляясь от этих рассуждений, Лисицкая пришла даже к выводу, что в будущем Толстой как писатель ничего интересного уже не создаст, так как он будто бы «впал в такой мистицизм, который способен привести его лишь в дом для душевнобольных». Как и в других своих статьях, Лисицкая подчеркнуто-тенденциозно противопоставляла Россию Западу и была враждебна демократизму русской литературы. Для нее Запад — единственный созидатель «подлинно европейской культуры», и высокую оценку «Анны Карениной» она дала прежде всего потому, что, по ее мнению, это произведение ближе других русских сочинений примыкает к «западному миру».

Интересный обзор жизненного и творческого пути Толстого представил в работе, опубликованной в краковском журнале «Świat» *Г. Глиньский* [24]. Изучив сочинения писателя в подлиннике, он довольно близко подошел к определению своеобразия толстовского реализма. Критик обратил внимание читателя на те черты таланта Толстого, которые были раскрыты в статьях Чернышевского, и выразил восхищение глубиной содержания его произведений и совершенством их формы. Особенно подчеркивал он толстовское искусство психологического анализа. Мастерство Толстого-художника, его новаторство проявились, прежде всего, в умении писателя изображать процесс внутренней жизни человека. Благодаря этой особенности, произведения Толстого никогда не устареют. Они останутся не только великолепной картиной современности, но и будут жить века как превосходные «психологические исследования».

В «Войне и мире» критик видит неисчерпаемый источник для изучения национальной жизни России. «Многие научные описания, изобилующие датами, числами и названиями,— пишет он,— не расскажут обо всем так ясно, убедительно и красноречиво, а, может быть, даже и не научат столько, сколько художественные картины, созданные Толстым. Если бы мы захотели исследовать эпоху 1800—1815 гг., из превосходного романа „Война и мир“ мы узнали бы больше, чем из работ специалистов-историков».

Толстой, по мнению критика, это истинно русский писатель, обладающий всеми национальными особенностями и в то же время это писатель в высшей степени европейский.

Чрезвычайно высоко оценивает Глиньский «Власть тьмы», называя это произведение прекрасным, хотя и чрезвычайно мрачным по содержанию.

Искренность писателя, его стремление и умение говорить правду, только правду, вызывает у критика восхищение. Глиньский особенно подчеркивает, что Толстой пишет только тогда, когда чувствует в этом необходимость, и притом пишет так, как велят ему совесть и сердце.

Глиньскому не удалось истолковать важнейшие проблемы мировоззрения и творчества писателя во всей их сложной противоречивости и осмыслить их исторически. Статьи Глиньского несут на себе явственный отпечаток увлечения их автора толстовским учением о непротивлении злу насилием. Критик стремится возвысить Толстого-проповедника. Несмотря на эту односторонность, статьи Глиньского сыграли положительную роль для Польши, особенно для той ее части, которая не входила в Российскую импе-

рию. Восторженные оценки творчества Толстого, глубокая симпатия к личности писателя, характерные для статей Глиньского, увлекали читателей и таким образом содействовали распространению сочинений Толстого в Польше.

Значение народных рассказов Толстого и его статей и трактатов на общественно-политические, философские и религиозно-нравственные темы подчеркнул *А. Шиманьский* [25]. Важное место в творчестве Толстого, как он указывал, занимает пьеса «Власть тьмы», содержание которой Шиманьский изложил подробно.

Религиозные и философские взгляды Толстого заинтересовали и некоторых католических критиков и публицистов. Статьи о нем появились в краковском журнале «Przegląd Powszechny», варшавском «Przegląd Katolicki» и львовской газете «Gazeta Kościelna». Авторы этих статей — *Я. Бадени*, *М. Моравский*, *М. Новодворский*, *Я. Урбан*, *Я. Павельский*, *Е. Мошиньский*, *А. Пехник* и другие — рассматривали творчество и мировоззрение Толстого с реакционно-охранительных позиций католической церкви[26].

Наиболее неприязненны высказывания о Толстом клерикального критика *Я. Бадени* в его обзоре «Главные направлен я в развитии русского романа», написанном в связи с появлением книги де Вогюэ и статей иезуита П. Пирлинга о русской литературе (в «Bibliographie Catholique»). Автор вслед за Вогюэ называл Толстого «отцом русского нигилизма» и утверждал, что в его творчестве преобладают скептические настроения, которые привели писателя к мистицизму. В трилогии «Детство», «Отрочество» и «Юность» он видел «скучный дневничок», а в повести «Казаки» и в рассказе «Три смерти» усматривал пантеизм и пессимизм. «Нирвана», по мнению Бадени, являлась идеалом Болконского и Безухова. Любовную интригу в «Анне Карениной» он считал банальной. Реалистическое изображение действительности Толстым, по мнению критика, оставляет «неприятный осадок на нёбе, даже если оно не привыкло к тонким ощущениям»[27].

Забегая вперед, следует сказать, что католические авторы посвятили несколько статей роману «Воскресение». *Е. Мошиньский*, полемизируя с литературоведом *В. Гостомским*, доказывал, что «Воскресение» не имеет ничего общего с христианскими догматами и доктринами. Этому, верному по существу, положению автор придает реакционно-католическую окраску. Особенно восстает он против толстовских обличений частной собственности, церкви, суда и всего существующего государственного и общественного строя. Цитируя соответствующие места из Евангелия, Мошиньский указывает, что право частной собственности и повиновение государственной власти всегда признавалось церковью. Стремление к независимости Польши и национально-освободительную борьбу польского народа Мошиньский резко осуждал. Именно поэтому не вызывали у него симпатии эпизоды «Воскресения», проникнутые теплым чувством к полякам. «Спрашиваю я и господина графа Толстого, спрашиваю и господина Валерия Гостомского,— восклицает Мошиньский,— какое же это место в Евангелии уполномочивает поляка или черкеса поднимать вооруженное восстание против властвующего над ними монарха в целях завоевания независимости своей родины?»[28]

Со статьей «Два Воскресения (Толстой и Ибсен)» выступил *Я. Павельский*[29]. Неприятие и критика современного общества, а также поиски новых оснований для жизни, по мнению Павельского, объединяют обоих писателей, хотя конечные выводы, к которым они пришли в своих поисках, совершенно различны. Толстовство Павельский относит к общественно-вредным доктринам. В «Воскресении» он видит чрезмерную тенденциозность, хотя и высоко ценит художественное мастерство этого произведения, особенно подчеркивая глубокое знание жизни и тонкое проникновение автора в сложную душевную жизнь своих героев. Однако груз реакционно-

католических воззрений помешал критику дать правильную оценку как «Воскресения», так и других произведений Толстого.

В общем же реакционное католическое духовенство, наиболее ярким выразителем которого был упомянутый нами критик Бадени, всячески стремилось отгородить польское общество от революционизирующего и облагораживающего воздействия русской литературы, в частности от творчества Толстого. Некоторые возмущались тем, что русская литература пользуется большой известностью во многих странах Запада. Обозреватель журнала «Przegląd Powszechny» выражал сожаление, что замечательное перо де Вогюэ «пошло в солдаты, посвятив себя почти исключительно ознакомлению Европы с русской литературой» [30].

Как «Przegląd Powszechny», так и «Przegląd Katolicki» и другие католические издания предостерегали польского читателя от знакомства с русской литературой, уверяя, что она разлагающе действует на молодежь, развращает ее вкусы, разрушает основы религиозного мировоззрения, сеет пессимизм и нигилизм. Тот же *Бадени*, после краткого и тенденциозного рассмотрения творчества Гоголя, Достоевского, Тургенева и Толстого, писал о них: «Им всем чего-то недостает. В каждом из них словно сидит какой-то более или менее видимый зародыш умственной болезни. Гоголь и Толстой кончают нездоровым мистицизмом, Достоевский никогда не может освободиться от угнетающей его черной меланхолии, Тургенев с наслаждением всматривается в бездонную пропасть нигилизма. Все они, несомненно, искали правду и, казалось бы, делали это искренне, но, к сожалению, не знали, где ее искать, и никто им этого не подсказал. Долгое время вели они своих читателей в четырех разных направлениях. Но, наконец, эти четыре пути сошлись у края пропасти, на дне которой виднелся индийский пессимизм, скрытый в одеждах мистицизма и нигилизма». «Это явление ужасно, но одновременно и поучительно,— заключает Бадени,— ибо оно свидетельствует о том, за какие научные принципы вынуждены хвататься люди, хоть раз отвернувшиеся от Христа» [31].

Таким образом, католические критики стремились дискредитировать русскую литературу в глазах читателя, напугать его безверием русских писателей, их будто бы опустошающей нигилистической философией. Реакционно-клерикальные круги стремились воздвигнуть китайскую стену между русской литературой и широкими кругами польских читателей. Однако эти попытки потерпели полное крушение. Даже внутри самого католического движения вскоре возникла борьба вокруг Толстого. Его этическая проблематика стала вызывать интерес и в католических кругах Польши. Об этом особенно свидетельствует деятельность *М. Здзеховского*, о которой мы скажем несколько ниже.

В 1884—1894 гг. количество переводов сочинений Толстого на польский язык продолжало медленно расти.

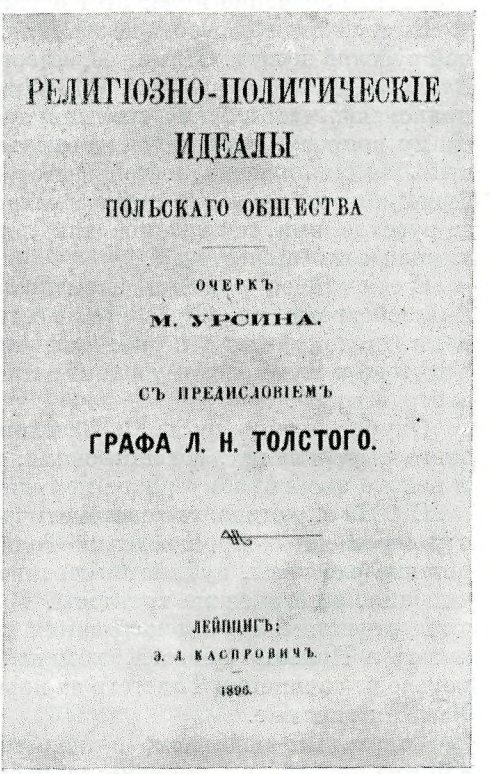
В 1885 г. в польском журнале «Kraj» (№ 18 и 19), издававшемся в Петербурге, появился перевод рассказа «Альберт», в 1886 г. в журнале «Nowa Reforma» (№ 222—224, Краков) был помещен рассказ «Три смерти». Краковский журнал «Świat» в 1888 г. напечатал рассказ «Свечка» в переводе Генрика Глиньского (t. I). В 1890 г. в приложении к варшавскому журналу «Tygodnik Ilustrowany» вышел довольно точный перевод «Смерти Ивана Ильича». Это было первое отдельное издание произведения Толстого на польском языке. Ряд рассказов Толстого напечатала в том же году львовская газета «Dziennik Polski». В 1894 г. львовские издатели в Грудке Чаиньский, Губринович и Шмит издали (в слабом переводе с французского) «Войну и мир» в девяти томах.

Как видим, польский читатель до середины 1890-х годов еще не имел, в сущности, возможности читать Толстого на своем родном языке.

II. ОТ КОНЦА XIX ВЕКА ДО ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. В РУСЛЕ ПОЛЬСКИХ ВОПРОСОВ (1895 — 1917)

Толчком, который содействовал новому и значительному росту известности Толстого в Польше, явилось его письмо Мариану Здзеховскому от 10 сентября 1895 г. (ответ на обращение к нему Здзеховского). Оно было опубликовано в польском переводе в краковской газете «Czas» (1895, № 297) и перепечатано многими польскими газетами и журналами [32]. На русском же языке оно впервые появилось в 1896 г. в Лейпциге как предисловие к брошюре Здзеховского, изданной под псевдонимом Урсин [33].

Письмо Толстого привлекло внимание польских читателей глубоким сочувствием автора к угнетенному польскому народу, но вместе с тем оно удивило и огорчило их осуждением польской национально-освободительной борьбы. Толстой заявлял в этом письме: «Я, не будучи поляком, поспорю с каждым поляком в степени отвращения, негодования к тем диким и глупым мерам русских правительственных лиц, которые употребляются против веры и языка поляков; поспорю и в желании противодействовать этим мерам...» (т. 68, стр. 167). И в то же время, исходя из полного и безусловного отрицания государства, Толстой призывал поляков видеть свой «идеал» не в патриотизме, «не в восстановлении Польши», а «в уничтожении» «насильнических, антихристианских соединений, называемых государствами и стоящих на пути всякого истинного прогресса и порождающих страдания угнетенных и покоренных народов...». Но «уничтожение» это Толстой считал возможным не путем насилия, а «только истинным просвещением: признанием того, что мы прежде, чем русские, поляки, немцы,— люди,


РЕЛИГІОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКІЕ
ИДЕАЛЫ
ПОЛЬСКАГО ОБЩЕСТВА
ОЧЕРКЪ
М. УРСИНА.
СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ
ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО.
ЛЕЙПЦИГЪ:
Э. Л. КАСПРОВИЧЪ.
1896.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ ПИСЬМА ТОЛСТОГО МАРИАНУ ЗДЗЕХОВСКОМУ УРСИНУ) НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Письмо помещено в качестве предисловия к брошюре М. Здзеховского (М. Урсина) «Религиозно-политические идеалы польского общества». Лейпциг, 1896

Титульный лист

ученики одного учителя, сыны одного отца, братья между собою» (там же, стр. 169—170).

Польские газеты и журналы высказали свое несогласие с Толстым по поводу осуждения им патриотизма и активных форм национально-освободительной борьбы. Однако резкое и беспощадное обличение Толстым русификаторской политики царизма и горячее слово сочувствия угнетенному народу были восторженно встречены польской печатью. Так, например, львовская газета «Słowo Polskie» подчеркивала, что, «более чем когда-либо, великий писатель и мыслитель явился достойным нашего внимания и симпатии сейчас, когда он поднял свой влиятельный голос против преследователей Польши...» В заключение редакция заявляла: «Именно потому, что Толстой с таким благородством вступился за Польшу и с такой откровенностью бросил в лицо своим соотечественникам горькую правду, мы навсегда сохраним к нему искреннюю благодарность»[34]. Краковская газета «Czas» писала: «Впервые знаменитый русский писатель, глубокий и самостоятельный мыслитель в области философии и религии, нашел благоприятный случай высказать свое мнение по польскому вопросу. В его суждении — как и можно было полагать на основании литературного прошлого этого писателя — нашли выражение самые глубокие и благородные чувства великой и благородной души. В нем как бы отозвался голос совести русского народа, заглушаемый криками всеобщей ненависти и национального шовинизма последних десятилетий. На протяжении многих лет — насколько мы можем припомнить — это первый русский, который так решительно и с такой силой осуждает отношение своего правительства к полякам и его бесчестную русификаторскую политику. Все, кто знает, каким необыкновенным уважением пользуется автор у всего русского народа и как он известен во всем цивилизованном мире, тот по-настоящему поймет, какое моральное значение имеет этот осуждающий голос»[35].

Выступление Толстого не замедлило привлечь к себе внимание реакционной русской печати. Отклик ее, естественно, был проникнут враждебностью. Варшавский корреспондент «Московских ведомостей», сообщая о том, что польская печать горячо откликнулась на выступление Толстого по польскому вопросу, обрушился на писателя: «И ведь не мог же не знать почтенный Лев Николаевич, какой фурор среди поляков произведет его письмо, конец которого я перевожу с невыразимым чувством боли, досады, стыда за русское имя, попираемое так легковерно одним из замечательнейших сынов моего отечества»[36].

С еще более резкими нападками на Толстого выступил редакционный обозреватель «Русского вестника» в статье «Граф Л. Толстой в роли полонофила», в которой приводились также выдержки письма Толстого к Здзеховскому в тенденциозном и извращенном переводе с польского языка[37].

Опубликование письма к Здзеховскому и полемика, возникшая вокруг этого выступления, содействовали, как уже сказано выше, дальнейшему и весьма энергичному росту популярности Толстого в Польше.

С 1895 г. начинается систематическая публикация польских переводов художественных произведений Толстого. Выходят в свет его народные и детские рассказы, публицистические статьи, религиозно-нравственные сочинения, эстетические трактаты. В самых различных изданиях помещаются отдельные его высказывания и письма. Переиздаются ранее появившиеся в Польше повести, романы, рассказы и статьи. Перечислить все переводы сочинений Толстого за период с 1895 по 1914 г. нет возможности. Укажем главные.

Отдельным изданием, в качестве приложения к варшавской газете «Słowo» за 1895 г., появляется рассказ «Хозяин и работник» в переводе Е. Жмиевской.

В 1898—1900 гг. в Кракове выходит в свет трехтомное издание «Анны Карениной» в переводе Я. Воловского. Этот перевод несколько раз переиздавался, хотя он не совсем удачен: в некоторых местах переводчик значительно отступил от подлинника; в переводе сделаны существенные купюры.

В 1899 г. в Варшаве отдельным изданием вышло «Семейное счастье».

Большим событием в литературно-общественной жизни Польши явился перевод «Воскресения». Отрывки из этого романа в 1899 г. печатались в журнале «Kraj», а также в других газетах и журналах. В 1900 г. почти одновременно издаются три разных перевода «Воскресения»: два в Варшаве и один во Львове.

Эстетический трактат «Что такое искусство?» появился в 1898 г. в отрывках, переведенных Антони Потоцким (журнал «Życie», 1898, № 35—37), а в 1901 г. был издан полностью в переводе Адольфа Якуба Кона.

С большим интересом встретили польские читатели «Крейцерову сонату». Первое ее издание появилось во Львове в 1900 г. в довольно небрежном переводе З. Помяна. В следующем, 1901 г., «Крейцерова соната», а также «Послесловие к „Крейцеровой сонате“» и несколько других статей в переводе и с предисловием К. Даниловича-Стшельбицкого были изданы в Варшаве. Третье издание «Крейцеровой сонаты» появилось в 1908 г. во Львове. В 1907 г. варшавское издательство Г. Оберфельда выпустило в свет перевод «Исповеди». Целую волну переводов, по свидетельству П. Гжегорчика, вызвали народные и детские «дидактические» рассказы писателя.

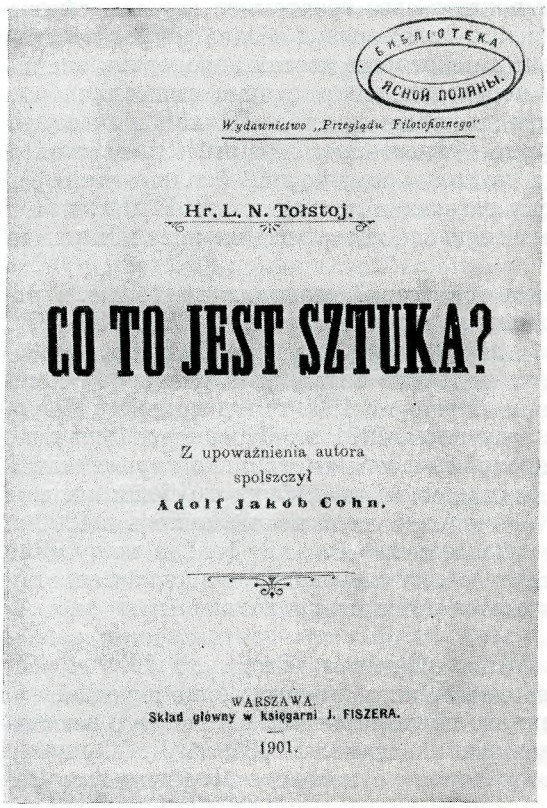
Варшавский прогрессивный журнал «Ogniwo» поместил в 1903 г. рассказ «Холстомер» в хорошем переводе Г. Даниловского, верно передавшего дух подлинника. В 1909 г. в Кракове появляется «Разрушение и восстановление ада» в переводе А. Куропатвиньского. В 1910 г. Л. Фроммер издает в Кракове же «Детство» в хорошем переводе Я. Киндельского, а во Львове в 1911 г. выходит из печати рассказ «Набег» (в переводе Ф. Шукевича).

Большое впечатление на польского читателя производили публицистические статьи и письма Толстого: «Царю и его помощникам», «Ответ на определение Синода...», «Николай Палкин», «Рабство нашего времени», «Одумайтесь!», «К политическим деятелям», «Великий грех» и др. Названные произведения издавались на польском языке не только в Польше.

Большую роль в пропаганде и распространении запрещенных в России антиправительственных сочинений Толстого сыграли эмиграционные издательства польских социалистических организаций в Лондоне и Париже. Росту популярности Толстого среди широких кругов польских читателей содействовал также рассказ писателя из времен польского восстания 1830—31 гг. «За что?», написанный в 1906 г. Польская общественность восприняла это произведение с глубокой благодарностью[38].

В 1908 г. Толстой пишет «Не могу молчать». Этот манифест вызвал большой интерес в Польше. Сразу же появилось несколько его переводов. «За что?» и «Не могу молчать» переводил также известный революционный деятель Ф. Кон. Интересно отметить, что польский художник Я. Стыка создал картину «Толстой, пишущий свой манифест», которая изображает писателя, окруженного призраками повешенных, расстрелянных и истязаемых, а также томящихся в тюрьмах людей. Снимок этой картины Стыка переслал Толстому (см. воспроизведение картины на стр. 99 кн. 1-й настоящ. тома).

Сочинения Толстого пользовались большим успехом не только среди интеллигенции, но и у части грамотных рабочих и крестьян. Некоторые из его произведений переведены были даже на диалекты польского языка. Так, например, даровитый и оригинальный художник, писатель и критик



«ЧТО ТАКОЕ ИСКУССТВО?» ПОЛЬСКОЕ ИЗДАНИЕ В ПЕРЕВОДЕ АДОЛЬФА КОНА. КНИГА ПОСЛАННАЯ ПЕРЕВОДЧИКОМ ТОЛСТОМУ (ВАРШАВА, 1901)

Титульный лист

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

С. Виткевич, прекрасно владевший модным тогда диалектом польских горцев, перевел на него рассказ Толстого «Чем люди живы»[39].

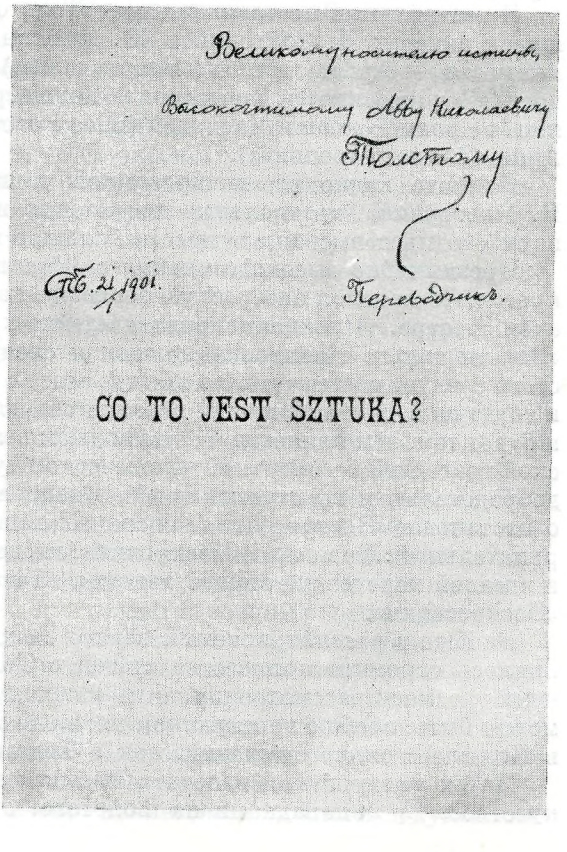
О том, что Толстой был известен некоторым польским крестьянам, можно судить по следующему эпизоду, рассказанному *К. Савичем* в радикальном крестьянском еженедельнике «Zaranie». Во время посещения больного крестьянина какой-то ксендз заявил, что читать Толстого и некоторых других авторов — грех, за который виновные будут лишены исповеди и отпущения грехов. В ответ на это один из крестьян заявил: «Что ж делать? Быть может, несколько лет придется остаться без исповеди, но читать я не перестану. Как же без чтения узнать, где правда, а где ложь? Зачем учить детей чтению, если потом запрещают читать?»[40]

Об авторитете и популярности Толстого среди различных слоев населения свидетельствуют также сохранившиеся в его архиве письма к нему от польских крестьян, рабочих, ремесленников и служащих[41]. В частности, много писем Толстой получил от поляков по поводу преследования польского языка и культуры в Пруссии, а также по поводу закона о принудительном отчуждении польских земель, запрещении полякам покупать землю, строить дома и всякого рода хозяйственные постройки (1906). В своих письмах поляки из разных стран мира просили Толстого поднять голос в защиту польского народа. Большое впечатление на писателя произвело письмо Г. Сенкевича от 16 декабря 1907 г., в котором он обратился к крупнейшим деятелям мировой культуры, в том числе к Толстому, с просьбой высказать свое мнение об антипольских мероприятиях Пруссии. Обращение Сенкевича должно было напомнить миру о трагическом положении поляков, преследуемых немецкими властями, и оказать моральное давление на германское правительство.

Воззвание Сенкевича вызвало горячий отклик мирового общественного мнения. В ответ он получил свыше двухсот пятидесяти писем от литераторов, ученых, артистов и общественно-политических деятелей, среди которых были М. Горький и В. Г. Короленко, М. Метерлинк и Б. Шоу, А. Жид и Г. Уэллс. Откликнулся и Толстой. В письме к Сенкевичу он выразил искреннее сочувствие бедственному положению поляков [42]. Он заклеймил позором антипольскую политику «государства грабителей» и всех тех, кто чувствует себя с ним солидарными. Но вместе с тем, исходя из своих этико-религиозных взглядов, он заявил по поводу приготовлений прусского правительства к ограблению польских крестьян, что «и в этом деле» ему «больше жалко тех людей, которые устраивают это ограбление〈...〉, чем тех, кого ограбят» (т. 77, стр. 273).

Еще ярче своеобразие и противоречивость позиции Толстого в польском вопросе (как и в любом другом национальном вопросе) сказались в его известном «Ответе польской женщине» (т. 38, стр. 150—156).

В этом открытом письме, обращенном к С. Ляудын [43], Толстой вновь изложил свою мысль о том, что «только непротивление злу насилием может спасти порабощенных от порабощения». Отправляясь от этого убеждения, Толстой вновь советовал полякам не участвовать ни в попытках силою освободиться от русского и австрийского правительств, ни в «насилии над собой», т. е. советовал не платить податей и налогов, не поступать на государственную службу, не служить «ни тюремщиком, ни полицейским, ни палачом, ни солдатом». Эта проповедь непротивления, как всегда у Толстого, сочеталась и с гневным осуждением им всех жестокостей и несправедли-



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ АДОЛЬФА КОНА НА ПОЛЬСКОМ ИЗДАНИИ ТРАКТАТА «ЧТО ТАКОЕ ИСКУССТВО?» (ВАРШАВА, 1901):

«Великому носителю истины, высокочтимому Льву Николаевичу Толстому. Переводчик. СПб. 21/1—1901».

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

востей, которые совершались над Польшей, и с глубоким сочувствием его к порабощенному народу. Следует заметить, что весь этот противоречивый комплекс мотивов, определявших отношение Толстого к польскому вопросу, присутствует и в художественных произведениях писателя последнего периода. Касаясь в них некоторых конкретных фактов из жизни Польши, Толстой не только глубоко сочувствует ее угнетенному народу, но и фактически оправдывает польских «бунтовщиков» — деятелей национально-освободительного движения [44].

Большую роль в популярности Толстого среди поляков сыграл театр. 17 декабря 1898 г. в Познани (впервые на польской сцене) была осуществлена постановка «Плодов просвещения». Эту комедию перевел и поставил на сцене актер М. Пшибылович, который сам выступал в роли Звездынцева. В 1900 г. в Кракове и во Львове, а в 1905 г. в Познани была поставлена «Власть тьмы» в переводе и постановке того же Пшибыловича. «Власть тьмы» и «Плоды просвещения» были напечатаны в переводе Стадника во львовской серии «Biblioteka Powszechna» (в 1900 и 1903 гг.).

Огромный интерес читателей и театральной общественности вызвала драма «Живой труп» [45]. Эта пьеса на протяжении 1911—1912 гг. появилась в пяти разных переводах. Два из них были сделаны специально для театра: К. Раковского для Краковского театра (премьера 16 декабря 1911 г.) и Б. Бопре для постановки во Львове (премьера 20 декабря 1911 г.). Три перевода были напечатаны в виде отдельных книжек: два в Варшаве и один во Львове.

Необходимо также отметить, что в театрах пользовались большим успехом инсценировки «Анны Карениной» и «Воскресения». Последнее произведение в сценической переделке А. Батайля обошло театральные сцены Кракова, Львова, Познани, Варшавы и Вильнюса.

В театральных постановках пьес Толстого принимали участие выдающиеся актеры: Л. Сольский и Ю. Хмелиньский в роли Никиты, Г. Запольская — в роли Анисьи («Власть тьмы»), К. Адвентович в роли Нехлюдова («Воскресение») и Протасова («Живой труп»), С. Высоцкая и Лаура Дунин в роли Катюши Масловой («Воскресение»), К. Беднажевская в роли Анны («Анна Каренина»).

Как это видно из цитированной выше библиографической работы П. Гжегорчика, театральные постановки произведений Толстого и переводы его пьес вызвали в прессе большое количество статей и рецензий.

Чрезвычайно высокого мнения о «Власти тьмы» был писатель *Я. Каспрович*. Он написал интересную рецензию на премьеру этой пьесы во Львовском театре. Проанализировав идейно-художественную проблематику «Власти тьмы», Каспрович пришел к следующему выводу: «Драму Толстого следует рассматривать прежде всего с психологической точки зрения, и тогда она утратит в наших глазах преходящий характер народной драмы и будет тем, чем является на самом деле: великой, замечательной, эсхиловской трагедией бессмертной человеческой души, которая поставлена между добродетелью и преступлением» [46]. Каспровичу принадлежит также отзыв о постановке «Воскресения» в сценической версии Батайля [47]. Это отзыв отрицательный. По мнению Каспровича, инсценировка, сделанная Батайлем, и в малой мере не дает представления об идейно-художественной ценности «Воскресения».

Вообще в рассматриваемый период между 1895 и 1917 гг. в печати появилось огромное количество статей о Толстом — самых разнообразных и по предмету рассмотрения, и по направлению. Ни об одном русском, а, может быть, вообще иностранном писателе в этот период не было высказано в Польше столько суждений, как о Толстом.

Поток выступлений в печати вызвал трактат Толстого «Что такое искусство?» [48]. (нападками на Толстого, а также на Б. Пруса и других

писателей критического реализма выступили представители модернистской группы литераторов «Молодая Польша» — *З. Пшесмыцкий* (псевдоним *Мириам*) и *С. Пшибышевский*[49].

В статье «Химерический взгляд на отношение общества к искусству», напечатанной в либеральном журнале «Prawda», известный польский революционер *Ю. Мархлевский*[50] подверг критике взгляды Пшесмыцкого на литературу. В основе искусства, указывал Мархлевский, должен лежать анализ общественных явлений. Художник должен быть реалистом. Мархлевский чрезвычайно высоко оценивал творчество Толстого, считая, что создатель «Анны Карениной» и «Воскресения» будет жить вечно в человеческой памяти. Правда, со многими эстетическими воззрениями Толстого Мархлевский согласиться не мог. Однако как художник Толстой для Мархлевского всегда оставался гениальным, непревзойденным мастером.

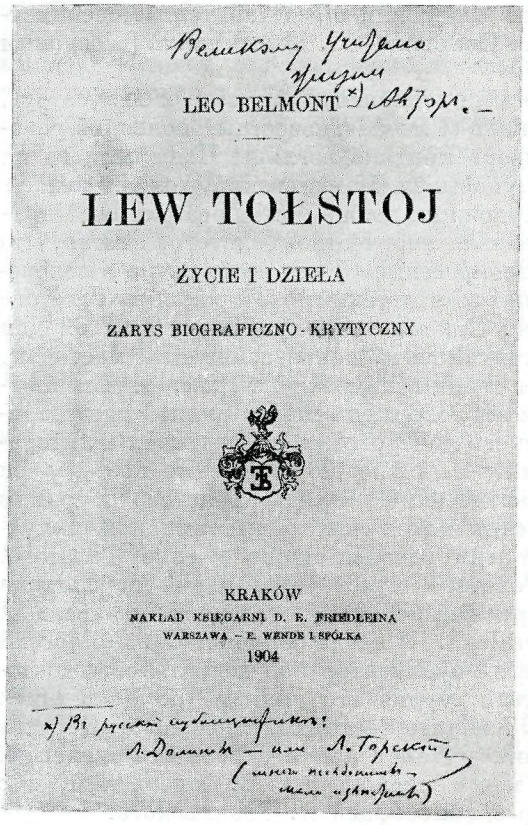
Много места уделял Толстому в своих лекциях, докладах, статьях и обзорах *М. Здзеховский*[51], о котором мы говорили выше. Являясь представителем так называемого «католического модернизма», он подходил к литературным явлениям с морально-дидактической позиции. Именно поэтому он стремился втиснуть религиозно-этические взгляды Толстого в рамки католической доктрины. Здзеховский искал синтеза католицизма с «лучшими стремлениями века», к которым относил также учение Толстого. Во взглядах Здзеховского на Толстого чувствуется явная перекличка с группой французских литераторов и философов-моралистов, издававших журнал «Union pour l'Action Morale»[52]. И когда социолог *Л. Винярский* обрушился на Толстого, видя в его морализаторской деятельности «патологический» характер и решительно осудив его влияние во Франции[53], Здзеховский поспешил выступить с защитой автора «Исповеди» и «Царства божьего внутри вас»[54]. Здзеховский пытался найти у Толстого элементы, роднящие его и с католицизмом, и с Герценом, и с В. Соловьевым, и с польскими мистиками и особенно с философией А. Товяньского.

Одну из своих работ Здзеховский посвятил «Воскресению»[55]. Но и проблематику этого величайшего социального романа он рассматривал исключительно с точки зрения религиозно-нравственных задач. Отрицание в этом романе всего государственного и общественного строя царской России критик выводил из толстовской «нравственной религии» и Евангелия. Таким образом Здзеховский стремился представить учение Толстого как наиболее ценную часть его наследия и хотел популяризировать это учение в интересах движения «католического модернизма», которое он представлял.

Более объективны и широки характеристики Толстого, которые давались критикой, хотя и разных общественных направлений и политических оттенков, но не связанных прямо с католическим движением.

Остановимся на статьях и работах о Толстом *В. Гостомского* — критика умеренно-консервативного толка, обладавшего большой литературной и художественной культурой[56].

Гостомский восхищался самобытной мощью таланта Толстого, глубиной его новаторства, силой художественного мастерства. Указывая на преемственность между «Севастопольскими рассказами» и «Войной и миром», критик подчеркивал значение личного опыта писателя периода Крымской кампании как источника для создания военных сцен в названных произведениях. Гостомский заявлял, что Толстой в «Войне и мире» выступил как художник-рассказчик, отличающийся от всех современных ему писателей эпическим спокойствием, которое является следствием поистине гомеровского творческого вдохновения. Такое мнение, разумеется, справедливо. Но в то же время примененный Гостомским биографический принцип вел к отрыву творчества Толстого от общественной и конкретно-исторической почвы. Считая, что «Война и мир» является лишь этапом в духовном


Великому Учителю Жизни
LEO BELMONT *) Автор. —

LEW TOŁSTOJ

ŻYCIE I DZIEŁA

ZARYS BIOGRAFICZNO-KRYTYCZNY

KRAKÓW
NAKŁAD KSIĘGARNI D. E. FRIEDLEINA
WARSZAWA — E. WENDE I SPÓŁKA
1904

*) В русской публицистике: Л. Долинов — или Л. Горский (много псевдонимов — мало известности)

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЛЕО БЕЛЬМОНТА НА ТИТУЛЬНОМ ЛИСТЕ ЕГО КНИГИ «ЛЕВ ТОЛСТОЙ. ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» (КРАКОВ, 1904):

«Великому учителю жизни. Автор»
К фамилии автора его же рукой сделано примечание: «В русской публицистике: Л. Долинов — или Л. Горский (много псевдонимов — мало известности)»

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

развитии писателя, Гостомский полагал, что это произведение лишено истинного колорита эпохи и подлинно-исторических характеров. Платон Каратаев трактовался Гостомским как «эманация всемирной души на русской почве».

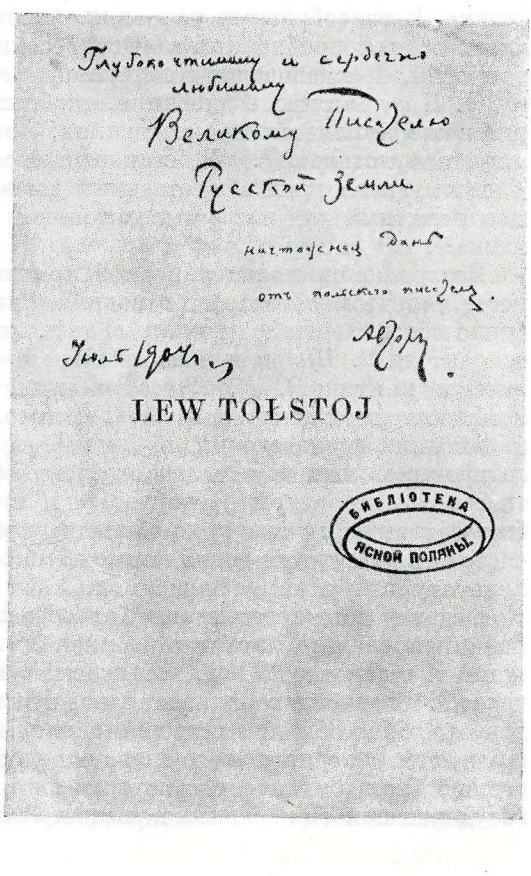
«Анна Каренина» в оценке Гостомского также оказалась выключенной из исторического и социального осмысления. В понимании проблематики произведения польский критик солидаризировался с Мережковским. По мнению Гостомского, роман «Анна Каренина» «с одной стороны,— страшная трагедия страстей, с другой,— меланхолическая элегия желаний, поисков, стремлений, не находящих удовлетворения даже в наиболее благополучной семейной жизни»[57].

В «Воскресении» критик на первый план выдвигал трезвый реализм Толстого, чье творчество он противопоставлял модным декадентским течениям в польской литературе. Чрезвычайно высоко оценил он пластичность описаний и образность языка. Однако в оценке Гостомским идейного содержания «Воскресения» отрицательно сказался моралистический подход. Критик полагал, что главным источником, питавшим толстовские обличения социальной несправедливости в «Воскресении», были «евангельские идеалы» писателя. Односторонность такого подхода ограничивала возможности понимания объективной силы и значения толстовского критицизма в «Воскресении».

Много внимания Толстому уделял в своих статьях и очерках известный польский писатель и критик умеренно-либерального направления *Л. Бельмонт* (Блюменталь), хорошо знакомый с русской литературой и общественным движением в России[58].

Бельмонт отмечал исключительную проницательность Толстого-психолога. По его мнению, Толстой, рассказывая о столкновении огромной наполеоновской армии с Россией в 1812 г., хотел решить проблему соотношения воли, желаний и стремлений одного человека — Наполеона — с мощным движением человеческого океана на определенном отрезке исторической жизни. Однако, как полагал Бельмонт, разрешение этой задачи не под силу человеческому уму. В дальнейшем Бельмонт отмечал непоследовательность Толстого в обрисовке образа Наполеона, противоречие между теоретическими рассуждениями писателя о слепом орудии высшей воли и реальным, ироническим, приближающимся к карикатуре изображением французского императора. По мнению Бельмонта, Толстой чрезмерно подчеркнул в личности Наполеона фразерство и театральность. Такое отношение к Наполеону явно не по душе критику, который в этом вопросе полностью солидаризируется с Мережковским[59]. Несколько односторонне рассматривал Бельмонт и образ Кутузова. Критик выдвигал на первый план не объективное значение этого образа, созданного силой толстовского реализма. Его привлекал взгляд на русского народного полководца как на одно из орудий тех фаталистических сил, которые, по мнению Толстого, приводят в движение человеческие массы.

Рассматривая такие произведения Толстого, как «Детство», «Отрочество», «Юность», «Утро помещика», «Казаки» и «Анну Каренину», Бельмонт отмечал, что в них заключен обильный автобиографический материал, на основании которого можно воспроизвести историю духовного развития писателя. Однако при рассмотрении названных произведений критику не удалось удовлетворительно связать историю жизни Толстого с историей его творчества.



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЛЕО БЕЛЬМОНТА НА ШМУЦТИТУЛЕ ЕГО КНИГИ «ЛЕВ ТОЛСТОЙ. ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» (КРАКОВ, 1904):

«Глубокочтимому и сердечно любимому Великому Писателю Русской земли ничтожная дань от польского писателя. Автор. Июль 1904 г.»

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

В религиозно-нравственном учении Толстого Бельмонт усматривал силу, способную призвать массы к сопротивлению, хотя и пассивному. Власти понимали это, чем, по мнению критика, и вызвано было отлучение Толстого от церкви. Ей нужно было заклеймить Толстого как безбожника в глазах народа, пока еще у масс оставалось доверие к духовенству и правительству. Вместе с тем критик усматривал в решении Синода и объективно полезное значение. Отлучение Толстого от воинствующе-реакционной православной церкви должно было способствовать еще большему распространению могущества Толстого как борца за правду и справедливость.

Но, как и многие другие польские (и не только польские) критики, Бельмонт не мог осмыслить толстовского социального протеста исторически. К трактовке обличительных сторон творчества Толстого критик подходил преимущественно с этической стороны. Такой подход сказался, разумеется, и на оценке «Воскресения». Критик прошел мимо основных проблем, выдвинутых писателем в этом произведении, и не определил настоящих источников обличительного пафоса Толстого.

«Воскресение» принесло Толстому особенно широкую известность в Польше (как, впрочем, и в других странах). И по количеству переводов, и по количеству печатных отзывов этот роман Толстого занял в Польше в 1900 г. первое место[60]. Он произвел большое впечатление на таких выдающихся польских писателей, как Э. Ожешко и Б. Прус (см. об этом в кн. 1-й настоящ. тома). Интересную статью посвятил «Воскресению» переводчик этого романа, прогрессивный публицист *С. Стемповский*[61].

А. Свентоховский в одной из статей указал, что «Воскресение» было горячо принято польским обществом[62]. Это мнение подтверждают, помимо рецензий, и письма польских читателей к Толстому по поводу «Воскресения». В своеобразных условиях, в которых находилась Польша, социально-острая проблематика «Воскресения» связывалась с национальным вопросом, преследованием поляков, их языка и культуры. Именно поэтому *Б. Прус* записал в дневнике, опубликованном Хшановским, что «Воскресение» «является произведением, которое наш народ особенно понимает и чувствует»[63]. «В бессмертном сочинении „Воскресение“,— писал Толстому известный общественный деятель и издатель *С. Дембы*,— я нашел приятный для нас отзыв о поляках в Сибири, и это очень обрадовало меня»[64].

Возвращаясь к литературной критике, следует отметить, что много места творчеству Толстого отводил на своих страницах польский литературно-общественный журнал «Kraj», издававшийся в Петербурге. Его основатели *Э. Пильц* и известный петербургский юрист, а также публицист и критик *В. Д. Спасович* внимательно следили за творчеством и общественной деятельностью Толстого, печатали его рассказы, отрывки из больших произведений, публицистику и пр. Наряду со статьями своих сотрудников, они помещали в журнале обзоры русской и зарубежной критической литературы о творчестве и мировоззрении Толстого. Спасович был связан с литературно-общественной жизнью Кракова и Варшавы, часто там выступал с докладами о русской литературе и о русско-польских литературных взаимоотношениях.

Отдавая должное величию Толстого-художника, Спасович вместе с тем полемизировал со многими его мнениями. Такую полемику находим, например, в заметке 1906 г., написанной по поводу статьи Толстого «Конец века»[65]. Спасович оспаривает здесь суждения Толстого о России как государстве, будто бы искусственно сколоченном из разных стран и народов. Политическая основа этого спора определялась тем, что Спасович выступал сторонником сохранения исторически сложившегося польско-русского государственного единения в рамках России (при условии предоставления

Польше автономии). Полемика шла и по другим вопросам. Взгляды Толстого на крестьянство и общинное владение землей Спасович называл запоздавшим славянофильством. Представитель буржуазной критики, Спасович, естественно, не принимал отрицания Толстым частной собственности, государства и церкви и, напротив того, солидаризировался (хотя и с позиций буржуазного либерала) с толстовским отношением к социалистическому движению и революции.

Орган позитивистов, варшавский еженедельник «Prawda», редактором которого был известный пропагандист позитивизма в Польше писатель и публицист А. Свентоховский, также уделял много места Толстому. Статьи о Толстом, помещавшиеся в этом издании, в большинстве своем близки по идейным установкам к суждениям о Толстом представителей либерально-народнического течения в русской критике, в частности к суждениям А. М. Скабичевского. Брошюру этого автора «Граф Толстой как художник и мыслитель» (СПб., 1887) сотрудник журнала «Prawda» *З. Петкевич* считал выдающейся в русской критической литературе работой, посвященной творчеству Толстого[66].

Влияние работ Скабичевского сказалось и в цикле статей *К. Раковского*, помещенном в краковской консервативной газете «Czas»[67]. Подвергая анализу «Войну и мир», он часто ссылается на «Историю новейшей русской литературы» Скабичевского.

Как упоминалось выше, некоторое влияние на польскую критику оказал также Д. С. Мережковский. Этому способствовала общая обстановка, создавшаяся в России и в Польше после подавления революции 1905 г. и последовавшего натиска реакции. В 1908 г. вышла в свет небольшая монография о Толстом, написанная *Я. Белциковским*[68] в явно реакционном и мистическом духе. Белциковский сравнивает Толстого с романтиком З. Красиньским, сопоставляет взгляды польского поэта и русского писателя на цивилизацию и искусство. По сравнению с Красиньским, заявлял Белциковский, Толстому «недостает аристократизма души», его отношение к природе, людям и богу имеет «несколько рабский характер».

Вслед за Мережковским Белциковский считает, что борьба «животного» и «духовного», языческого и христианского определяет образы толстовских героев. Автору «Войны и мира» он ставил в упрек «эпикурейское лицемерие». Основу «Анны Карениной» критик видел в раздвоенности личности героини и ее души. Рецензент *В. Жимовский* верно отметил, что «Белциковский стер границы, где кончается Толстой и начинается Мережковский...»[69]. Компиляция Белциковского, кроме заимствований у Мережковского, заключает в себе также выдержки из «психологических» оценок Толстого, данных Д. Н. Овсянико-Куликовским.

Исследованию общественных взглядов Толстого и Прудона и вопроса о влиянии на Толстого французского социолога посвящена докторская диссертация *А. Ратушного*, изданная во Львове на немецком языке в 1905 г.[70] Автор диссертации сопоставлял воззрения обоих авторов на собственность и некоторые другие проблемы.

Много внимания уделил Толстому, а также творчеству других русских писателей, критик *В. Яблоновский*[71]. По общей концепции, а отчасти и по фактическому материалу очерки и статьи Яблоновского о русской литературе примыкали к книге Е. А. Соловьева-Андреевича «Опыт философии русской литературы» (СПб., 1905), но еще больше к работам Р. В. Иванова-Разумника, особенно к его «Истории русской общественной мысли» (СПб., 1907). Вслед за последним автором, считавшим себя сторонником «имманентного субъективизма» в философии, Яблоновский заявлял,что история русской общественной мысли, которую он рассматривал в нерасторжимом единстве с русской литературой, есть история интеллигенции и что содержанием философии русской литературы является борьба интеллиген-

ции с мещанством. В своих очерках, обзорах, рецензиях и статьях Яблоновский интересовался, главным образом, «душою» создателя, творца произведения.

Заявляя о своем сочувствии к Толстому как великому, неустрашимому искателю правды и восхищаясь его искренностью, Яблоновский вместе с тем предупреждал, что обращение к Толстому, к его творчеству, личности, учению может вызывать у читателя жестокий внутренний разлад. Следуя заветам Толстого, утверждал Яблоновский, можно прийти к крайнему индивидуализму и тотчас же быть вынужденным занять антииндивидуалистические позиции; можно уверовать, что личность является всем, и сразу же утратить эту веру; можно обольщаться надеждой исправить себя самого и человечество и внезапно провалиться в пропасть безнадежности; можно воодушевиться для борьбы с силами, уничтожающими жизнь, и через некоторое время отказаться от надежды на какую-либо борьбу и поверить в благодетельность пассивного созерцания фаталистического хода вещей. Итак, следуя за этой страстной и беспокойной мыслью, без конца путаясь в противоречиях, можно совсем потерять жизненные ориентиры, инстинкт и желание жить.

Подобные высказывания Яблоновского объяснялись тем, что в своих работах, проникнутых духом модернизма, он стремился показать возникновение, развитие и отражение русского индивидуализма в литературе. С такой меркой он подходил и к Толстому. Критик считал (вслед за Е. А. Соловьевым-Андреевичем), что творчество русского писателя посвящено великому делу освобождения человеческой личности, установления для нее универсальных ценностей.

Толстой — «Гомер русской жизни»,— по мнению Яблоновского, видит в человеческой личности высшую, ни с чем не сравнимую ценность. Однако эта личность человека не может быть свободной, так как она зависит от рока, судьбы, фатума, которые предопределяют течение всемирных событий. Отсюда, по мнению Яблоновского, проистекает и тот исторический фатализм, который нашел свое отражение в «Войне и мире».

Яблоновский уделял больше внимания анализу умозрительных представлений и теоретических рассуждений Толстого о свободе воли и детерминизме, о человеческой индивидуальности и жизни масс, чем историческому осмыслению творчества писателя и конкретному рассмотрению созданных им образов. Поэтому он не мог сколько-нибудь удовлетворительно определить место и роль художественного наследия Толстого в русской и мировой литературе.

В сентябре 1908 г. в органе социал-демократии Польши и Литвы «Przegląd Socjaldemokratyczny» была помещена статья о Толстом *Розы Люксембург*[72]. В этой статье давалась высокая оценка творчеству Толстого — «гениальнейшего современного художника-беллетриста». Особенно подчеркивались сила и глубина толстовского социального критицизма.

«Нет ни одного освященного веками института в современном обществе,—пишет Люксембург,— который не был бы им безжалостно осужден, лживость, бессмысленность, развращенность которого не были бы им разоблачены. Церковь и государство, война и милитаризм, брак и воспитание, богатство и праздность, физическая и духовная деградация рабочих, эксплуатация и угнетение народных масс, взаимоотношение полов, искусство и наука в их нынешнем виде, — все это он подвергает безжалостной, уничтожающей критике»[73].

В статье Люксембург указала и на основные недостатки учения Толстого. В этом отношении ее статья как бы перекликается с почти одновременно появившейся статьей Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции» («Пролетарий», 24/11 сентября 1908 г., № 35), написанной,

ВАНДА ЛАНДОВСКА

Фотография с дарственной надписью: «Учителю Льву Толстому и дорогой графине Софье глубоко преданная им Ванда Ландовска. 1907 г.»

Музей Толстого, Москва

как и статья Люксембург, в связи с восьмидесятилетним юбилеем Толстого.

Однако, в отличие от Ленина, Люксембург не сумела вскрыть социально-исторических корней творчества Толстого, их роли в классовой борьбе в России между 1861 и 1905 гг. и поэтому не смогла дать всесторонней оценки русского писателя. В частности, она не нашла правильного ответа на поставленные ею же вопросы: почему для Толстого «пролетариат остался непонятным феноменом», а «суеверный, терпеливый мужик стал представителем русского народа».

Все же, несмотря на отмеченные и другие недостатки статьи Люксембург, ее выступление в польской революционной печати, как и две позднейших статьи о Толстом уже в немецкой прессе, сыграли заметную роль в развитии марксистского понимания творчества великого писателя.

В 1910 г., в связи со смертью Толстого, польская социалистическая газета «Robotnik» поместила о нем редакционную статью. В ней определялось отношение польского пролетариата к творчеству и деятельности

писателя. «Пролетариат восхищается в Толстом его гениальным художественным мастерством, его искренним, сильным, смелым и правдивым словом, но учение Толстого — чуждо пролетариату»[74],— писала газета.

Довольно часто имя Толстого упоминалось на страницах польского радикального социалистического еженедельника «Nowe Życie», издававшегося в 1910—1911 гг. в Вильнюсе. В этом журнале 1 декабря 1910 г. появилась статья о Толстом известного польского революционера, активного деятеля социалистического движения *Т. Рехневского*. Она была подписана псевдонимом *Т. Неборский*[75]. Автор поставил перед собой задачу разъяснить, почему, вопреки проповедовавшемуся Толстым «непротивлению злу», слово его в идейной жизни эпохи чаще звучало как призыв к протесту и борьбе. Рехневский доказывал, что творчество, жизнь и деятельность Толстого оказали громадное революционизирующее влияние на развитие общества.

В следующем номере «Nowe Życie» появилась статья о Толстом *А. Дрогошевского*[76]. Критик проводил в ней мысль, что если учение Толстого, порожденное своеобразными условиями русской действительности, представляет преимущественный интерес лишь для самой России, то художественное наследие великого писателя принадлежит всему миру. Дрогошевский обращал особенное внимание на силу протеста Толстого, указывал на значение в его жизни и творчестве принципа «не могу молчать».

Кроме названных выше статей, журнал «Nowe Życie» поместил информацию о траурных толстовских днях в России[77] и о преследовании сочинений Толстого царской цензурой[78]. В этом же журнале помещен критический разбор пьесы «Власть тьмы» (в статье *М. Розенблат* «Драматургия и общественный вопрос», подписанной псевдонимом *Чеслав Галич*)[79].

Кроме упомянутых изданий социалистической печати, разнообразную информацию, относящуюся к Толстому, давала также краковская социалистическая газета «Naprzód»[80].

Польская социалистическая печать неизменно подчеркивала огромное влияние Толстого-художника и толстовского обличения основ эксплуататорского строя, подвергая при этом резкой критике религиозно-нравственное учение Толстого, особенно теорию непротивления злу насилием. Когда же реакционные круги атаковали Толстого, социалистическая печать выступала на его защиту. В 1902 г. «Gazeta Narodowa» обрушилась на деятельность украинского издательского общества. Правая газета протестовала, в частности, против издания на украинском языке таких «гадких» и «отвратительных» книг как «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и «Воскресение» Толстого. Поддерживая мракобесную оценку, данную Толстому Синодом, «Gazeta Narodowa» писала о «пагубном влиянии» «Воскресения», уничтожающего веру и убивающего всякую добродетель[81]. Социалистическая газета «Naprzód» сразу же откликнулась на эту реакционную вылазку и заклеймила ее: «При чтении подобной бессмыслицы, смешанной с подлостью,— писала газета,— невольно возникает вопрос: чем отличается точка зрения подольских шляхтичей от точки зрения органов, оплачиваемых святейшим православным Синодом и Победоносцевым? „Gazeta Narodowa“ сопровождает свои выводы латинской пословицей: „Nemo gratis mentitur“*. Поистине так!»[82]

Сошлемся на другой пример. В том же 1902 г. идеолог польского национализма *З. Балицкий* объявил учение Толстого «неэтичным», доказывая, что толстовское учение о непротивлении злу насилием отражает философию и психологию «рабства» и что учение это могло возникнуть лишь у русских, «сохранивших в своей крови наследие монгольского ига»[83]. Против такого подхода и к Толстому и к русскому народу выступил в социалисти-

* Никто не лжет бесплатно (лат.).— *Ред.*

ческом журнале «Przedświt» *Ю. Квятек* (*Флис*)[84]. Учение Толстого, указывал он, следовало критиковать без предвзятого мнения, без националистической враждебности ко всему русскому. Толстой, заявлял Квятек, это гениальный гуманист, который, однако, не имеет реального общественного идеала.

Несколько раз упоминал о Толстом в своих статьях известный польский прогрессивный публицист и ученый *В. Налковский*. Откликаясь на известие о присуждении Г. Сенкевичу Нобелевской премии, Налковский счел нужным подчеркнуть, что Толстой имел больше прав на ее получение, так как более, чем Сенкевич, старался содействовать счастью человечества[85]. В другой статье Налковский сопоставлял Толстого с Ницше и Рёскиным, рассматривая последних как антиподов русского писателя[86].

В польских литературных кругах Толстой пользовался огромным уважением и авторитетом, о чем свидетельствуют высказывания о нем таких писателей, как *С. Виткевич*, *С. Жеромский*, *А. Дыгасиньский*, *В. Оркан*, *Б. Прус*, *Г. Сенкевич*, *Э. Ожешко*, *М. Конопницкая*, *В. Гомулицкий*, *В. Косякевич*, *Б. Лесьмян*, *Ю. Вейсенгоф*, *А. Шиманьский* и др.[87] Польские писатели ценили главным образом художественные достоинства произведений Толстого и их общественно-этическую проблематику.

С. Виткевич из всех произведений Толстого на первое место ставил «Войну и мир». «Я читаю Толстого — единственное чтение, которое для меня терпимо»,— писал он в 1892 г. своей сестре Марии. И продолжал: «Толстой не только для меня терпим, но я зачитываюсь им. Силен, чёрт возьми!» «Читайте, если у вас есть. „Война и мир“ — это нечто охватывающее такие миры чувств и мыслей, что их покидать не хочется да и не нужно»[88]. В другом письме к тому же адресату Виткевич сообщал: «Литература, которая меня питает всю зиму,— это Толстой. Не знаю ничего более близкого мне в искусстве. Да и многое, хотя и не все, в его философии чрезвычайно соответствует моим понятиям. А кроме того, он такой огромный, такой всеобъемлющий, что не надо почти ничего вне его искать... Для меня он единственный, с кем можно жить»[89].

Во взглядах на искусство, педагогику, мораль, религию и общественные вопросы у Виткевича и Толстого действительно было много общего. Преклонение польского писателя перед Толстым проявилось и в других его высказываниях. В 1904 г., в период крутого подъема русского революционного движения, Виткевич, отвечая на вопрос: «Чем является Россия?» писал: «Это правительство, революция и Толстой». Свою точку зрения на отношение поляков к России он сформулировал так: «Против правительства мы должны бороться, революции сочувствовать и почитать Толстого и родственные ему души. Это и есть формула нашего отношения к России»[90].

Под влиянием Виткевича возник углубленный интерес к Толстому у *С. Жеромского*[91]. В 1892 г. Жеромский писал своей невесте: «Я читаю Толстого — и это чтение учит меня мудрости и заставляет уничтожать собственные произведения»[92]. В письме к тому же адресату, написанном на следующий день, он замечал, что на примере «Войны и мира» учится мастерству настоящего психологического анализа[93].

Увлеченным читателем Толстого был *А. Дыгасиньский*. Восторженно отзывался он о «Воскресении» в письмах к дочери[94].

В. Оркан также принадлежал к числу глубоких почитателей Толстого. В 1902 г. он писал В. Фельдману: «Ни с кем я не говорил об этом, но это факт, что более других воздействовали на мои воззрения Толстой и Рёскин. Первый — жизнью своей, второй же — своими фантазиями»[95]. Из произведений Толстого он особенно ценил «Воскресение» и «Рабство нашего времени», а также «Власть тьмы», которую он предлагал включить в репертуар народного театра наряду с другими пьесами реалистического репертуара (см. его письмо к М. Рогу от 17 апреля 1907 г.)[96].

На *М. Конопницкую* сильное впечатление произвела «Крейцерова соната». Она прочла повесть «с карандашом в руке» и намеревалась писать о ней в статьях о положении женщины и о феминистском движении [97]. В очерке «Вокруг верещагинской выставки в Вене» Конопницкая отмечала, что на своих картинах Верещагин изобразил «далекую зарю, встающую где-то там, на его родине, над толстовской Ясной Поляной,— зарю великого утра сочувствия и страстного стремления к миру» [98].

О Толстом, в частности о «Крейцеровой сонате» и ее переводах, писал поэт и драматург *В. Гомулицкий* [99]. Одна из его статей посвящена сопоставлению Толстого с польским писателем XVIII столетия С. Трембецким [100]. Антиисторическое сопоставление это оказалось совершенно неубедительным.

Б. Прус сочувственно относился к эстетическим взглядам Толстого. Как и Толстой, он осуждал декадентские течения в литературе. В творчестве Толстого Прус ценил исключительный по силе реализм, смелое осуждение эксплуататорских классов, беспощадную критику царизма, веру в народ и глубокое проникновение в его нужды. В 1901 г. «Gazeta Warszawska» (№ 72) выступила с резкими нападками на Толстого, упрекая его в «аморальности». Газета предостерегала молодежь от пагубного, отравляющего душу яда, просачивающегося из сочинений Толстого, главным образом из «Крейцеровой сонаты», «Власти тьмы» и «Воскресения». Прус выступил в защиту Толстого. Полемизируя с реакционными критиками, он спрашивал: «Прошу мне, однако, указать, кто из романистов столь благородно, столь возвышенно понимает свою роль по отношению к обществу?» [101] Польский писатель видел в Толстом не только гениального художника, но и великого искателя правды, защитника угнетенных, называл его великой совестью России и человечества (см. публикацию статьи Пруса 1908 г. в кн. 1-й настоящ. тома).

Широко было отмечено польской общественностью восьмидесятилетие Толстого. Почти все газеты, журналы и альманахи поместили статьи и другие материалы об этом событии. Толстой получил от поляков много приветствий, они заняли заметное место среди нескольких сот писем и свыше двух тысяч телеграмм, присланных в Ясную Поляну и в Москву в связи с юбилеем. Сильно прозвучали выступления польских писателей, в том числе и в самой России. Газеты «Речь» и «Русские ведомости» напечатали заказанные ими статьи *Б. Пруса*, *Г. Сенкевича* и *Э. Ожешко* (публикуются в кн. 1-й настоящ. тома).

На юбилей Толстого откликнулись и менее известные писатели: *В. Косякевич*, *В. Навроцкий*, *Ю. Янковский* и др. [102]

Огромный резонанс в самых широких слоях польского народа вызвала смерть Толстого. В Ясную Поляну на имя Софии Андреевны Толстой было послано множество соболезнований и откликов от различных общественных организаций, литераторов, деятелей искусства, рабочих, крестьян. Отметим в этом потоке отклики *Г. Сенкевича* и *Б. Пруса*, а также пианистки *В. Ландовской* и художника *Я. Стыки* [103].

Почти все польские газеты и журналы в эти траурные дни поместили материалы о Толстом. К наиболее интересным и содержательным следует отнести статьи и выступления *А. Гжималы-Седлецкого*, *Ю. Вейсенгофа*, *Б. Лесьмяна*, *К. Сроковского*, *Ю. Кодисовой*, *З. Дембицкого*, *Ч. Янковского*, *Р. Квятковского*, *Т. Налепиньского* и *Э. Либлинга* [104].

Еженедельник «Prawda», называя Толстого «величайшим среди великих», писал в эти дни: «Если был писатель, о котором можно сказать, что его знали все, то это был Толстой — исполин, титан современного человечества. Мифические титаны громоздили в легендах горы на горы, Толстой же в нашей действительности вмещал в своем сердце такую безмерность чувств, владел такой мощью духа, какие недоступны были героям прошлого

и покорителям мира. Эта смерть, столь естественная в его возрасте, столь неизбежная и давно предвиденная, ударила словно молния скорби и ужаса в миллионные массы, потрясая человеческие умы, подобно стихийному катаклизму природы. Такого глубокого, всеобщего траура не видела Европа после смерти Виктора Гюго: от хребтов Урала до Атлантического океана, на высоко поднявшейся волне человеческой совести прокатился гигантской силы отклик на его кончину»[105].

В Кракове Славянское общество организовало траурное собрание, на котором с речами о Толстом выступили *А. Соколовский*, *А. Шиманьский*, *К. Моравский*, *М. Здзеховский* и *Ю. Гербачевский*[106].

Реакционно-консервативные и церковно-католические круги, стремясь использовать в своих интересах всеобщность внимания, прикованного к имени Толстого в траурные дни конца 1910 г., определяли свое отношение к умершему писателю с позиций отрицания и враждебности. Так, «Przegląd Katolicki» поместил протест против участия поляков в чествовании Толстого[107]. Известный консерватор *Я. Попель* пытался доказать, что Толстой своим «революционным влиянием» причинил много зла польской молодежи. Попеля раздражал обличительный пафос Толстого. Именно поэтому он возмущенно осуждал польскую печать, постоянно уделявшую Толстому так много места на своих страницах. Попель протестовал также против того, что польская делегация в Государственной думе на своем венке и в телеграмме к С.А.Толстой дважды употребила выражение «гению мира». Если, по словам Попеля, это «плата за то, что он несколько раз о нас справедливо и верно отозвался, пожалуй, она слишком дорога»[108].

Следует заметить, однако, что отрицательные высказывания о Толстом были в это время редким исключением. По этому поводу писатель *А. Шиманьский* сказал: «В единодушном чествовании памяти Толстого всей мыслящей Польшей, разумеется, не слышны будут те немногие диссонансы, которых не удается избежать даже в самом совершенном хоре, если он выступает без предварительных репетиций»[109]. Полемизируя, в частности, с теми, кто усматривал в Толстом представителя мировоззрения Востока, Шиманьский заключал: «Каждое цивилизованное общество может завидовать России, что у нее был Толстой»[110].

* * *

В годы первой мировой войны польская общественность не утратила интереса к Толстому. Однако грозные события повлияли и на масштабы, и на формы, и на самое содержание этого интереса. Особое значение приобрели тогда произведения писателя, направленные против войны и массовых убийств. И хотя в этот период сочинения Толстого в Польше не выходили отдельными изданиями, газеты и журналы неоднократно публиковали на своих страницах высказывания писателя о войне[111].

Другой формой общения поляков с Толстым в эти годы был, по преимуществу, театр. Так, например, 11 апреля 1915 г. в лодзинском Польском театре состоялась премьера «Власти тьмы» (постановка возобновлена в июне 1917 г.). Общественность продолжала проявлять интерес и к «Живому трупу». В 1916 г. «Живой труп» в постановке Александра Зельверовича в варшавском Польском театре выдержал двадцать представлений. Роль Протасова исполнял А. Зельверович, Виктора Каренина — А. Венгерко, в роли Елизаветы Протасовой выступила Л. Дунин, а в роли Маши — С. Брониш. Шесть спектаклей «Власти тьмы» состоялись в декабре 1917 г. в варшавском Малом театре. В роли Акулины выступала М. Пшибылко-Потоцка, в роли Марины — Я. Шилинжанка, в роли Никиты — Г. Бушиньский. 17 ноября 1917 г. в варшавском Пражском театре было поставлено «Воскресение» в сценической переделке А. Батайля. Постановка выдержала восемь представлений.

III. МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ. НЕПРЕКРАЩАЮЩИЙСЯ ИНТЕРЕС К ТОЛСТОМУ (1918 — 1939)

После окончания первой мировой войны и образования польского государства начался новый период восприятия Толстого в Польше, продолжавшийся до сентября 1939 г., т. е. до начала второй мировой войны.

С 1919 по 1939 г. в Польше почти ежегодно издаются переводы сочинений Толстого. В 1919 г. печатаются его письма к Б. Шоу[112], а также рассказ Крыльцова из «Воскресения», запрещенный в свое время царской цензурой[113]. В том же году в переводе Г. Даниловского публикуется «Холстомер». В 1920 г. Польское издательство в Познани печатает сборник посмертных сочинений Толстого, в который вошли «Дьявол», «После бала», «Алеша Горшок» и «Хаджи-Мурат».

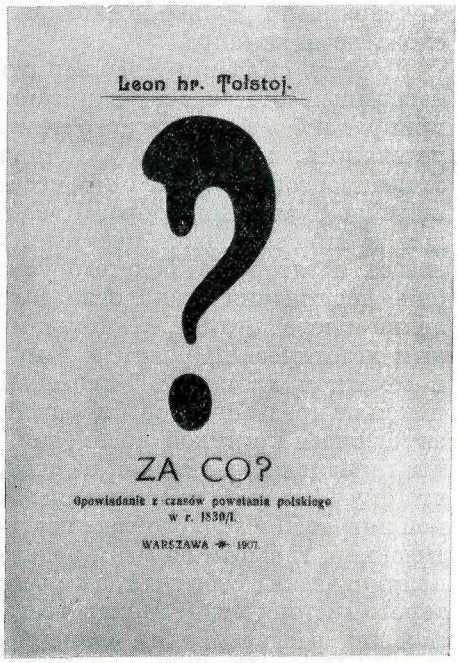
В юбилейном 1928 г. издательство Гутенберга приступило к изданию собрания сочинений Толстого. В течение нескольких лет под редакцией Ю. Тувима появилось двадцать восемь томов. Отдельные произведения Толстого выдержали по нескольку изданий: «Война и мир» в переводе З. Поплавской издавалась три раза, «Воскресение» — в течение 1927—1938 гг. — четыре раза, «Анна Каренина» в 1927 г. печаталась в довольно плохом переводе Воловского, а в 1929 г. в несколько лучшем переводе А. Вата, который был переиздан в 1930 и 1932 гг. Первое место по количеству изданий заняла повесть «Хаджи-Мурат». Она была издана в междувоенный период восемь раз в пяти разных переводах. По нескольку изданий выдержали «Казаки», «Семейное счастье», «Севастопольские рассказы», «Два гусара», «Смерть Ивана Ильича», «Исповедь», «Крейцерова соната», «Ходите в свете, пока есть свет», «Хозяин и работник», «Дьявол», «После бала», «Живой труп», «За что?» и др. Сочинения Толстого переводил литературовед В. Якубовский («Дьявол», «Крейцерова соната», «Декабристы», «Смерть Ивана Ильича», «Алеша Горшок», «Что я видел во сне» и др.); поэты: Г. Тимофеев («Детство», «Отрочество», «Юность», «Воспоминания», «Два путника», «Фальшивый купон», «Ассирийский царь Ассархадон», «Божеское и человеческое», «Много ли человеку земли надо?», «Корней Васильев», «После бала», «Кавказский пленник», «Хозяин и работник», «Три старца», «Где любовь, там и бог» и др.) и В. Слободник («Казаки», «Два гусара», «Люцерн», «Три смерти», «Семейное счастье» и др.), которые приняли активное участие в издании произведений Толстого под редакцией Тувима. Их переводы гораздо лучше по качеству, чем переводы Г. Маеранца («Севастопольские рассказы», «Набег», «Рубка леса», «Утро помещика» и др.), З. Поплавской («Война и мир») и А. Вата («Анна Каренина»), вошедшие в то же собрание сочинений Толстого под редакцией Тувима.

О неослабевающем интересе к творчеству Толстого в это время свидетельствуют также театральные постановки. В 1922 г. в варшавском Пражском театре четырнадцать раз ставился «Живой труп». Через два года варшавский Польский театр возобновил постановку «Живого трупа» (премьера 8 марта 1924 г.)[114]. Кроме того, «Живой труп» ставился в 1926 г. семь раз в Кракове, в 1928 г. — шесть раз в лодзинском Мейском театре, в 1929 г. — семь раз в вильнюсском Польском театре «Лютня». В роли Протасова выступали такие выдающиеся артисты, как К. Адвентович и А. Зельверович.

«Крейцерова соната» в сценической переделке А. Савуара и Ф. Нозьера с большим успехом обошла сцены польских театров во Львове, Вильнюсе, Лодзи и Варшаве. Премьера во Львове состоялась 20 января 1925 г. в Малом театре. «Крейцерова соната» ставилась там шестнадцать раз. В Вильнюсе постановку «Крейцеровой сонаты» осуществил Польский театр «Лют-

«ЗА ЧТО?» ИЗДАНИЕ НА ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ (ВАРШАВА, 1907)

Обложка



ня» (премьера 14 февраля 1925 г.). Лодзинский Популярный театр выступал с «Крейцеровой сонатой» не только в Лодзи (премьера 23 января 1928 г.), но и в Варшаве, где он с успехом гастролировал в 1930 г.

В 1931 г. в Лодзи несколько представлений выдержала инсценировка «Воскресения». Большой театральной удачей была инсценировка «Анны Карениной», поставленная Л. Шиллером в варшавском Камерном театре 30 января 1938 г. и выдержавшая тридцать представлений.

Среди литературоведов значительное внимание уделяли Толстому *А. Брюкнер* и *В. Ледницкий.*

Брюкнер начал писать о Толстом еще в своих немецких трудах о русской литературе, относящихся к середине и концу 1900-х годов [115]. Содержание их подробно изложил на польском языке *И. Хшановский* в очерке-рецензии «Духовная жизнь России в свете русской художественной литературы» [116].

Но более широко свои взгляды на Толстого Брюкнер развернул в большой работе «История русской литературы», изданной в 1922 г. на польском языке [117], а также в статье 1933 г., помещенной в серии историко-литературных обзоров по всеобщей литературе [118]. Последователя культурно-исторической школы Брюкнера интересовало в русской литературе прежде всего отражение в ней духовной и общественной жизни России. С этой точки зрения он и стремился определить роль, значение и место Толстого в русской культуре. Общие характеристики, которые давал Брюкнер Толстому, не отличались исследовательской глубиной, в них мало элементов для научно-объективного изучения Толстого. Другое дело—отдельные суждения исследователя. Как заметил *М. Якубец*, эти суждения «пленяют нас иногда своей оригинальностью, новизной и злободневным подходом к отдельным явлениям» [119].

При рассмотрении автобиографической трилогии Толстого Брюкнер уделил особенное внимание мастерскому изображению детской и юношеской психологии. В то время, когда Толстой создавал это произведение,

подчеркивал Брюкнер,психологией детского возраста никто из художников слова не занимался.

Повесть «Казаки» Брюкнер считал первым в русской литературе произведением о Кавказе, написанным реалистически, без романтических прикрас и без экзотического подхода к предмету изображения. Этим и определялось, по Брюкнеру, историко-литературное место и значение «казачьей повести». Вместе с тем исследователь усматривал в ней важный этап в идейном развитии автора. «Казаки» возвещали будущий перелом во взглядах и мировоззрении писателя. В севастопольских и кавказских рассказах новаторство Толстого усматривалось, главным образом, в глубине постижения психологии солдат, их духовного мира, чувств, впечатлений и переживаний. «Войну и мир» Брюкнер называл самым замечательным историческим романом в мировой литературе, грандиозной эпопеей и семейной хроникой. Эпический дух «Войны и мира» — явление еще никем не превзойденное в мировой литературе. Брюкнер опровергал высказывавшиеся критикой обвинения Толстого в натурализме и доказывал, что гениальный художник не считался с канонами поэтического искусства, что ему был чужд традиционный европейский исторический роман с единой интригой и всякого рода поэтическими аксессуарами. Толстой, замечал Брюкнер, главным образом показывает людей, их личную жизнь, участие в исторических событиях, а не вещи в духе Вальтера Скотта, в романах которого «исторические факты» всегда были на втором плане, образуя только фон для развертывания «романической интриги». Много места Брюкнер уделял Пьеру Безухову, в образе которого видел отражение толстовских идейных исканий. По его мнению, ни Пьер Безухов, ни друг Безухова — Андрей Болконский, даже если б он остался жив, никогда не были бы декабристами.

Высокая оценка художественного мастерства «Анны Карениной» сочеталась у Брюкнера с неприятием тенденциозно-моралистического, осуждающего отношения Толстого к героине романа.

Большое впечатление на Брюкнера произвел роман «Воскресение» с его уничтожающей критикой государства, церкви и аристократии. Но и здесь польский литературовед не принимал субъективной авторской тенденции, сильнее всего обнаружившейся в окончании романа. Это окончание он считал фальшивым.

О религиозно-нравственном учении Толстого и его философии Брюкнер писал не только в связи с рассмотрением его художественных произведений. В отличие от некоторых польских критиков, Брюкнер не придерживался взгляда, согласно которому источник учения Толстого следовало искать в каком-то мистическом «русском духе»; по его мнению, перелом в мировоззрении Толстого определялся совокупностью тех социальных условий, в которых находилась Россия в 1870—1880-х годах.

С позиций своего метода Брюкнер не мог раскрыть значения творчества Толстого как крупнейшего для своего времени явления русской и мировой литературы. Тем не менее его труды сыграли положительную роль в ознакомлении польского общества с русской литературой и с творчеством Толстого в частности.

Немало обзоров и статей о Толстом написал в 1920-е и 1930-е гг. упомянутый *В. Ледницкий* [120]. Один из представителей старшего поколения современных литературоведов, он в течение длительного времени преподавал русскую литературу в Ягеллонском университете в Кракове, где организовал кафедру истории русской литературы.

В историческом развитии России и Польши Ледницкий не видел других движущих сил, кроме дворянства и буржуазии, что и определило его отрицательное отношение к Октябрьской революции, Советскому Союзу и последовавшим после второй мировой войны социалистическим преобра-

зованиям в Польше. Когда народная демократия в Польше победила, Ледницкий фактически перешел на положение эмигранта, не вернувшись в Польшу из США, куда он уехал во время войны. Политические позиции исследователя определенным образом сказались и в некоторых принципиальных установках его работ о Толстом. Однако они богаты фактическим материалом и отдельными ценными наблюдениями.

Ледницкий часто рассматривал творчество Толстого в тесной связи с биографией и личностью писателя. Толстой-художник и Толстой-моралист для Ледницкого неразделимы. Много места Ледницкий отводил определению специфики и существа художественного таланта Толстого. В «Войне и мире», «Анне Карениной» и других произведениях художественное мастерство Толстого, подчеркивал Ледницкий, торжествует подлинную победу. Несравненный наблюдатель, замечательный, глубокий знаток человеческой души, Толстой создал великолепные шедевры мировой литературы. Каждый образ Толстого навсегда врезывается в память читателя; самая, казалось бы, незначительная черта физического облика героя, малейшие душевные движения его замечены и зафиксированы с предельной точностью. В этом отношении у Толстого нет соперников.

Много внимания уделил Ледницкий «Войне и миру». Однако, следуя традиционному взгляду, долго господствовавшему также в русском и советском литературоведении, Ледницкий усматривал в этом произведении не историческую эпопею, а семейный роман. В соответствии с таким взглядом Ледницкий при изучении источников произведения выдвигал на первый план семейные хроники, воспоминания, дневники и другие аналогичные материалы.

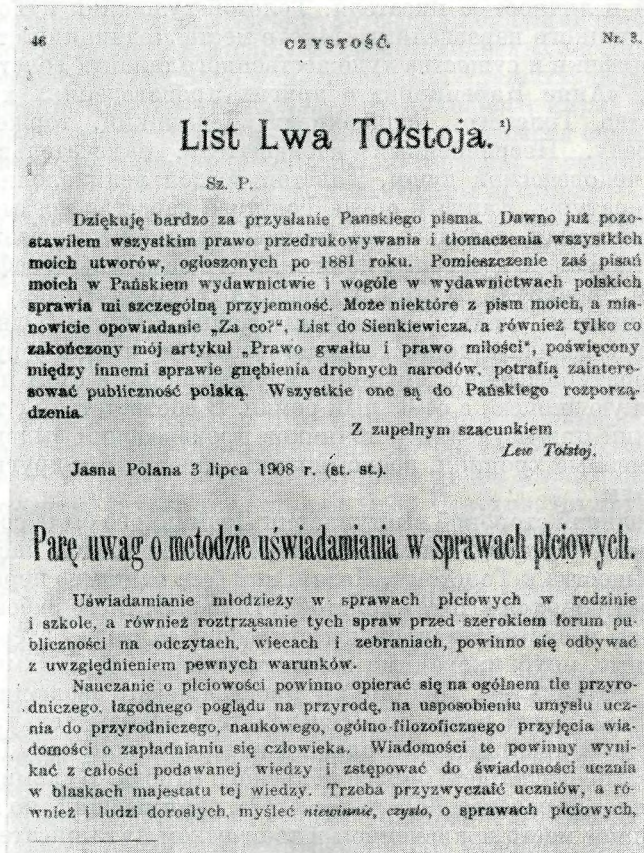
Положительной стороной выступлений Ледницкого была содержащаяся в них полемика с упрощенным, односторонним подходом части польской критики и общества к Толстому. Ледницкий был одним из первых исследователей, обратившихся к теме «Толстой и Польша». В его работах довольно полно собраны и систематизированы относящиеся сюда материалы, включая и архивные, опубликованные советскими исследователями. Отправляясь от этих материалов, Ледницкий прослеживает эволюцию взглядов Толстого по польскому вопросу. Исследователь показывает, что с течением времени Толстой проявлял все больший интерес к полякам, Польше и национально-освободительной борьбе польского народа. Кульминацией этого интереса является рассказ 1906 г. «За что?», занимающий, по мнению Ледницкого, важное место в жизненном и творческом пути писателя. Исследователь пишет об изумительном, непревзойденном мастерстве, с каким Толстой передает в этом рассказе картины польской жизни и события польского восстания.

Нельзя не отметить, однако, что в разработке темы «Толстой и Польша» Ледницкий допускает кое-где фактические неточности и, как сказано, нередко высказывает несостоятельные суждения по принципиальным вопросам. Последнее объясняется тем, что уже в 1920—1930-е годы общая концепция польско-русских взаимосвязей, от которой отправлялся Ледницкий, не была свободна от тенденциозных предпосылок шляхетской историографии о будто бы культурнической миссии Польши по отношению к народам Восточной Европы[121].

В заслугу Ледницкому следует поставить издание им в 1929 г. по подлинным рукописям, полученным от С. Мельгунова, фрагментов дневника Толстого за 1900—1903 гг. Эту публикацию он сопроводил своими обширными комментариями[122].

В период между двумя мировыми войнами в Польше появились и некоторые другие документальные публикации о Толстом. Так, например, директор Русского заграничного исторического архива, существовавшего тогда в Праге, *А. Изюмов* опубликовал в газете «Kurier Poranny» три

неизвестных ранее письма Толстого к Герцену, в которых говорилось о связях писателя с Лелевелем и Прудоном[123]; письмо Толстого к председателю мусульманской секты Вайсову напечатал в татарском ежегоднике, издававшемся в Польше, внук последнего *Г. Вайсов*, который в своих комментариях охарактеризовал идейные связи вайсовцев и последователей Толстого [124].



46 CZYSTOŚĆ. Nr. 3.

List Lwa Tołstoja.[1]

Sz. P.

Dziękuję bardzo za przysłanie Pańskiego pisma. Dawno już pozostawiłem wszystkim prawo przedrukowywania i tłomaczenia wszystkich moich utworów, ogłoszonych po 1881 roku. Pomieszczenie zaś pisań moich w Pańskiem wydawnictwie i wogóle w wydawnictwach polskich sprawia mi szczególną przyjemność. Może niektóre z pism moich, a mianowicie opowiadanie „Za co?“, List do Sienkiewicza, a również tylko co zakończony mój artykuł „Prawo gwałtu i prawo miłości“, poświęcony między innemi sprawie gnębienia drobnych narodów, potrafią zainteresować publiczność polską. Wszystkie one są do Pańskiego rozporządzenia.

Z zupełnym szacunkiem
Lew Tołstoj.

Jasna Polana 3 lipca 1908 r. (st. st.).

Parę uwag o metodzie uświadamiania w sprawach płciowych.

Uświadamianie młodzieży w sprawach płciowych w rodzinie i szkole, a również roztrząsanie tych spraw przed szerokiem forum publiczności na odczytach, wiecach i zebraniach, powinno się odbywać z uwzględnieniem pewnych warunków.

Nauczanie o płciowości powinno opierać się na ogólnem tle przyrodniczego, łagodnego poglądu na przyrodę, na usposobieniu umysłu ucznia do przyrodniczego, naukowego, ogólno-filozoficznego przyjęcia wiadomości o zapładnianiu się człowieka. Wiadomości te powinny wynikać z całości podawanej wiedzy i zstępować do świadomości ucznia w blaskach majestatu tej wiedzy. Trzeba przyzwyczaić uczniów, a również i ludzi dorosłych, myśleć *niewinnie, czysto*, o sprawach płciowych,

[1] Napisaliśmy do L. Tołstoja z zapytaniem o pozwolenie przełożenia na język polski jego utworu „Cdbudowanie piekła“ i w odpowiedzi na to otrzymaliśmy list, który w całości zamieszczamy, obiecując czytelnikom wydrukowanie „Prawo gwałtu i prawo miłości“.

Redakcya.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ ПИСЬМА ТОЛСТОГО РЕДАКТОРУ ПОЛЬСКОГО ЖУРНАЛА «CZYSTOŚĆ» АВГУСТИНУ ВРУБЛЕВСКОМУ ОТ 3 ИЮЛЯ 1908 г.
«Czystość», 1908, № 3

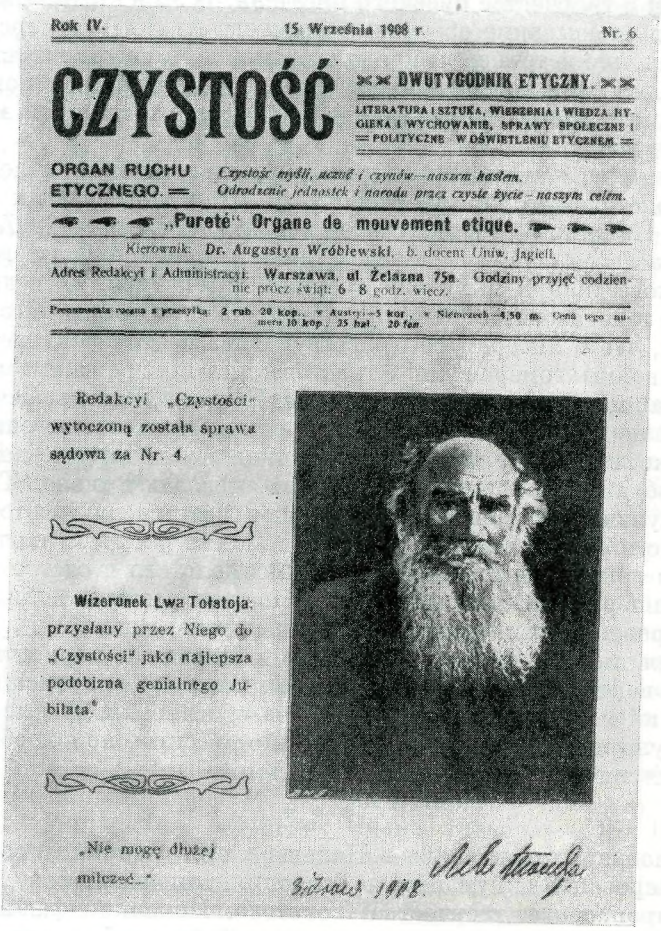
Толстой отвечает на просьбу Врублевского о разрешении напечатать в «Czystość» легенду «Разрушение ада и восстановление его»:

«Я давно уже предоставил всем право перепечатки и переводов всех моих сочинений с 1881 года. Помещение же моих писаний в вашем и вообще в польских изданиях мне особенно приятно»

Возвращаясь к польской критической литературе о Толстом рассматриваемого периода, необходимо отметить, что научно-объективная оценка его творчества часто заменялась и подменялась реакционно-политическими суждениями представителей католико-мистических и шляхетско-шовинистических воззрений, господствовавших в идеологии буржуазно-помещичьей Польши. Иезуит *М. Пирожиньский*, например, называл творчество Толстого «фальшивой литературой» и требовал запрещения его произведе-

ний[125]. С озлобленными нападками на Толстого выступили *Б. Ясиновский*[126] и *А. Новачиньский*[127].

Все же, несмотря на все эти неблагоприятные условия для распространения в Польше русской литературы (особенно после переворота Пилсудского в 1926 г.), Толстой продолжал сохранять свое живое значение для прогрессивных сил польского общества. Об интересе литературных кругов



Rok IV. 15 Września 1908 r. Nr. 6

CZYSTOŚĆ

DWUTYGODNIK ETYCZNY.

LITERATURA I SZTUKA, WIEDZENIA I WIEDZA, HYGIENA I WYCHOWANIE, SPRAWY SPOŁECZNE I POLITYCZNE W OŚWIETLENIU ETYCZNEM.

ORGAN RUCHU ETYCZNEGO.

Czystość myśli, uczuć i czynów — naszem hasłem. Odrodzenie jednostek i narodu przez czyste życie — naszym celem.

„Pureté" Organe de mouvement etique.

Kierownik: Dr. Augustyn Wróblewski, b. docent Uniw. Jagiell.

Adres Redakcyi i Administracyi: Warszawa, ul. Żelazna 75a. Godziny przyjęć codziennie prócz świąt: 6—8 godz. wiecz.

Redakcyi „Czystości" wytoczoną została sprawa sądowa za Nr. 4.

Wizerunek Lwa Tołstoja, przysłany przez Niego do „Czystości" jako najlepsza podobizna genialnego Jubilata.

„Nie mogę dłużej milczeć..."

Jasnaja 1908.

СТРАНИЦА ПОЛЬСКОГО ЖУРНАЛА «CZYSTOŚĆ» С ПОРТРЕТОМ ТОЛСТОГО
1908, № 6, 15 СЕНТЯБРЯ

Фотография была прислана Толстым редактору «Czystość» Августину Врублевскому 31 июля 1908 г.

Опубликована в связи с 80-летием писателя

к творческому наследию Толстого свидетельствуют, например, две анкеты, проведенные литературным еженедельником «Wiadomości Literackie»: «Чем польские писатели обязаны иностранным литературам» (1927) и «Польские писатели и Советская Россия» (1933). В ответах крупных писателей на вопросы этих анкет часто упоминалось имя Толстого[128]. Передовые литературные круги и пресса торжественно отметили столетие со дня рождения Толстого (1928) и двадцатипятилетие со дня его смерти (1935). Мы не будем останавливаться на этих примечательных во многих отношениях материалах, так как подробный их анализ дан в обзоре *Ф. Селицкого*

«Лев Толстой в польской литературной критике 1918—1939 гг.»[129]. Укажем лишь, что наиболее содержательной и важной была статья *М. Якубца*, напечатанная в 1935 г. в краковском журнале «Kurier Literacko-Naukowy»[130]. Автор рассматривал в ней толстовство и его судьбы, причем впервые в польской литературной критике цитировал слова В. И. Ленина о Толстом и толстовстве и отмечал значение ленинского анализа противоречий в мировоззрении и творчестве русского писателя. В этой статье Якубец приводит также высказывание об учении Толстого А. В. Луначарского. Автор подчеркивал, что источником продолжающейся мировой известности Толстого является отнюдь не толстовство, значение которого никогда не выходило за рамки узкой секты, а идейная и художественная мощь автора «Войны и мира».

Из других заслуживающих внимания польских материалов обозреваемого периода следует указать работу *Я. Прегер* о взглядах Толстого на творчество Пушкина[131]. Цикл статей посвятил Толстому *Т. Парницкий*[132]. В них он касается, главным образом, роли и значения Толстого в развитии исторического жанра в художественной литературе. О художественном мастерстве и новаторстве Толстого в изображении войны писал *В. Фишер*, считавший, что в литературе существуют два поэтических метода воспроизведения войны: гомеровский и толстовский. «Гомеровским» методом пользовались такие писатели, как Мицкевич, Пушкин, Гоголь, Сенкевич, которые войны не видели, однако сумели дать замечательные описания битв. Толстой же положил начало принципиально новому художественному методу изображения войны. В батальных эпизодах и сценах Толстого роль личного мужества сведена почти к нулю. Толстовский метод батальной живописи с той поры стал господствовать в литературе. Ни один писатель, изображая войну, не может пройти мимо Толстого и отстраниться от его метода. Фишер утверждал, что толстовское изображение войны определило новое направление в современном европейском романе[133].

Подводя итог восприятию Толстого в Польше в период между двумя мировыми войнами, упомянутый выше *Ф. Селицкий*, изучивший обширный фактический материал, пришел к весьма обоснованному выводу, что наиболее популярным писателем — не только русским, но и вообще иностранным — был тогда в Польше именно Толстой[134].

* * *

Обстановка, сложившаяся в Польше в годы второй мировой войны, в годы гитлеровской оккупации, не благоприятствовала, разумеется, разработке и пропаганде творчества Толстого. Немецкий фашизм создавал, казалось бы, неодолимые препятствия для каких-либо контактов польской культуры, которой он грозил гибелью, с советской и русской культурой. Тем не менее и в это трудное время интерес к Толстому — великому художнику национально-освободительной войны русского народа — отнюдь не заглох, но, в определенном аспекте, принял более активные формы.

Об этом свидетельствует, например, писатель *А. Рудницкий*. Он сообщает, что до войны его привлекал, главным образом, Достоевский. Но в период немецкой оккупации Достоевский показался Рудницкому ненужным, надуманным, ненастоящим, так как в то время смысл жизни был ясен и все знали, где проходят границы добра и зла. Когда миллионы людей гибли в печах Освенцима и Майданека, только богатая, увлекательная, не заумная песнь жизни проникала в сердца. Слишком много было тогда в мире смертей, жертв, чрезвычайных событий и трагических ситуаций. Жизнь в ее простом, наименее изысканном, обыденном проявлении казалась исполненной глубины, красоты, казалась особенно удобной и желанной. Именно поэтому, по мнению Рудницкого, в трудные годы войны читатели возвращались к Толстому, а не к Достоевскому[135].

Литературовед *К. Выка* рассказывает, что во время оккупации он несколько раз перечитывал «Войну и мир» и что всегда большое впечатление на него производили размышления раненого князя Андрея Болконского на поле битвы под Аустерлицем, а также сцены встреч героев романа с Наполеоном[136]. Гениальная эпопея Толстого в это тяжелое время обнадеживала поляков, действовала на них ободряюще и укрепляла их веру в неизбежное торжество справедливой борьбы. Это произведение призывало к выдержке и сопротивлению. Многие поляки во время войны читали «Войну и мир» не как роман, а как собственную историю, смотрели на карту и высчитывали расстояние от фронта. Толстой помогал им стойко держаться и продолжать борьбу. *Я. Ивашкевич* следующим образом определял значение эпопеи русского народа для польского читателя: «...„ Война и мир" даже в самые тяжелые дни нашей жизни, во время первой и второй мировых войн, была для нас книгой, несущей утешение. В самые трудные времена только в „Войне и мире" Толстого, как и в „Пане Тадеуше", поляки находили отклик на свои чувства и надежды» [137].

IV. ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПОЛЬШЕ (1945 — 1962)

Новый этап в польском восприятии Толстого начался после установления в стране народно-демократического строя. За годы, прошедшие после войны, в Польше было издано и переиздано много переводов сочинений Толстого. Основные его художественные произведения вошли в четырнадцатитомное собрание сочинений под редакцией П. Гертца [138]. В комментариях к изданию приведены ценные библиографические материалы, собранные *П. Гжегорчиком*.В этом и в некоторых других изданиях многие произведения Толстого даны в новых переводах, значительно более совершенных, чем прежние. «Детство», «Отрочество» и «Юность» перевел П. Гертц, «Севастопольские рассказы» — Т. Лопалевский, «Холстомер» и «За что?» — Е. Енджеевич. Он же опубликовал замечательные переводы следующих произведений Толстого: «Бедные люди», «Нет в мире виноватых», «Нечаянно», «Посмертные записки старца Федора Кузмича», «Сила детства», «Ходынка», «Что я видел во сне», «Ягоды». Большой творческой удачей являются новые переводы «Войны и мира» А. Ставара, «Анны Карениной» — К. Иллакевич, «Смерти Ивана Ильича» — Я. Ивашкевича, «Крейцеровой сонаты» и «Воскресения» — В. Роговича. Новые переводы драматических произведений Толстого — «Власть тьмы», «Плоды просвещения» и «Живой труп» — напечатал Е. Помяновский. В четырнадцатитомном издании сочинений Толстого принимали участие также такие известные переводчики, как Ч. Ястшембец-Козловский, К. Трухановский, З. Слободник, Я. Дмоховская и З. Качоровская. Следует отметить, что многие рассказы из «Новой Азбуки» и из «Русских книг для чтения» появились впервые на польском языке только в этом издании.

Как и прежде, большую роль в ознакомлении польской общественности с творческим наследием Толстого играл и продолжает играть театр. В 1952 и в 1953 гг. в краковском театре им. Ю. Словацкого В. Кшеминьским были поставлены «Плоды просвещения». В 1954 г. в познанском Польском театре А. Гонсовским была осуществлена постановка «Живого трупа». В 1958—1959 гг. вроцлавский Польский театр показал «Анну Каренину» в инсценировке и постановке Я. Ротбаума. В 1960—1961 гг. познанский Польский театр осуществил довольно удачную постановку «Власти тьмы». Менее удачным был спектакль «Живой труп», поставленный в конце 1960 г. на сцене варшавского театра Народового и отрицательно встреченный критикой. Большой успех имела инсценировка «Живого трупа» в лодзинском театре им. Стефана Ярача с великолепным исполнителем главной

роли — Ф. Жуковским. С постановкой «Живого трупа» выступил и гастролировавший в Польше в конце 1952 г. ленинградский Академический театр драмы им. А. С. Пушкина. «Я мог быть вполне уверен,— писал в связи с этим *А. Рудницкий*,— что изображаемое является достоверным. Русские влюблены в реалистическое искусство, они являются его мастерами»[139].

В июне 1957 г. на сцене Театра Повшехны режиссером Ireной Бабель была осуществлена постановка «Войны и мира» в инсценировке немецких драматургов экспрессионистского направления Э. Пискатора, А. Неймана и Г. Прюфера (перевод текста с немецкого З.-Кравчиковского). Спектакль привлек большое внимание зрителей и печати. В январе 1960 г. он был показан в двухсотый раз. Укажем, что в инсценировке число действующих лиц было сокращено и введено лицо, говорящее «от автора».

В 1961 г. Театр Повшехны поставил инсценировку «Воскресения»; режиссером-постановщиком был А. Ганушкевич. Спектакль пользовался успехом у зрителей и с одобрением был встречен печатью.

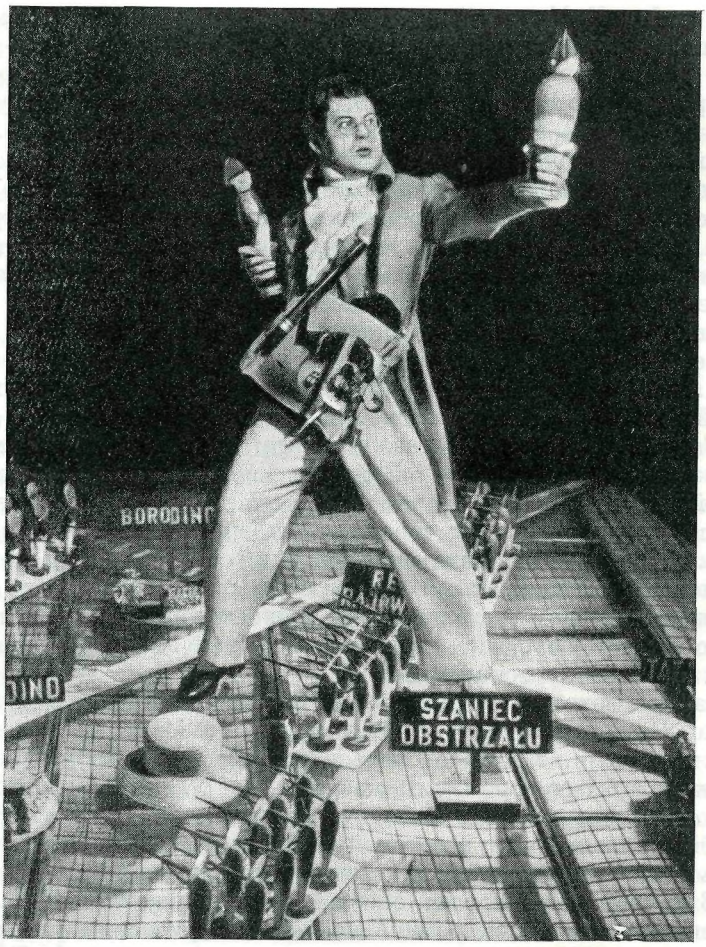
В том же году Телевизионный театр в Варшаве осуществил постановку А.Ганушкевичем «Анны Карениной». В заглавной роли выступила известная трагическая актриса Н. Андрич.

Литературная критика народно-демократической Польши уделяет большое внимание Толстому. В ней заметно проявляется стремление к анализу творчества Толстого в свете работ В. И. Ленина, статьи которого о Толстом были впервые полностью переведены только в народной Польше[140]. Польские критики постоянно следят за советскими трудами о Толстом и используют их достижения. Некоторые работы и статьи о Толстом переведены на польский язык[141]. Печатались также переводы воспоминаний о Толстом М. Горького, В. В. Вересаева, С. Л. Толстого, И. Л. Толстого и А. Б. Гольденвейзера[142].

Юбилейные даты Толстого — стодвадцатилетие, стодвадцатипятилетие и стотридцатилетие со дня рождения (1948, 1953 и 1958 гг.), сорокалетие и пятидесятилетие со дня смерти (1950 и 1960 гг.) — широко отмечались в Польше и вызывали множество разнообразных выступлений в печати. (Обзор памятных дней 1960 г. дается в последнем обзоре настоящ. книги.)

Активно выступал литературный критик *Р. Карст*. В ряде статей он стремился с марксистских позиций осветить жизненный и творческий путь писателя[143]. Общую обзорную статью о Толстом написал поэт *А. Стерн*[144]. Специально же «Войне и миру» посвящена статья *А. Земны*[145]. Название статьи «Русская Илиада» дает представление о характере общей оценки произведения в этой статье. Однако критик сосредоточил свое внимание не на эпических, а на автобиографических элементах романа Толстого, считая, что они играют в нем большую роль. В этом отношении, по мнению автора, Толстой коренным образом отличается от французских классиков, Флобера и Золя, которые педантично устраняли из своих произведений даже самые, казалось бы, незначительные проявления собственного «я».

Со статьями о Толстом в послевоенный период выступили также такие известные литературоведы как *В. Фишер* и *К. В. Заводзиньский*[146]. Они особенно акцентировали «психологический реализм» Толстого. Заводзиньский в одной из своих работ коснулся вопроса о положительной оценке Толстым «Семьи Поланецких» Г. Сенкевича[147]. Заводзиньский считал, что предпосылками положительных суждений Толстого об этом романе являются объединяющее обоих писателей «внутреннее утверждение мира» и близость к изображаемой среде. Автора «Анны Карениной» и «Крейцеровой сонаты», по мнению Заводзиньского, заинтересовала также тематика «Семьи Поланецких», вопросы любви, брака и семьи. *З. Бараньский*, соглашаясь в основном с Заводзиньским, подчеркивал, что Толстого могли привлечь женские персонажи, в особенности главные героини: Марыня



«ВОЙНА И МИР» НА СЦЕНЕ ПОЛЬСКОГО «ОБЩЕДОСТУПНОГО ТЕАТРА» («THEATER POWZECHNY») В ИНСЦЕНИРОВКЕ ЭРВИНА ПИСКАТОРА (ВАРШАВА, 1957)

Акт третий. Сцена Бородинского сражения. Пьер Безухов — Тадеуш Бартосик

Фотография

Музей Толстого, Москва

из «Семьи Поланецких» и Анелька из «Без догмата». Кроме того, Толстого могла интересовать история морального возрождения Поланецкого. Ведь такого рода конфликты, замечает Бараньский, преобладали в позднем творчестве автора «Воскресения» [148].

Жизнью и творчеством Толстого интересуются разные круги современного польского общества, в том числе и католические. Уделяют ему внимание, в частности, журналы «Znak», «Tygodnik Powszechny» и «Kierunki», а также издательство «Pax». Выделяются здесь работы *В. Борового*, *М. Морстин-Гурской* и *А. Рогальского* [149]. Творчество русского писателя рассматривается в них, разумеется, с идеалистических позиций. Рогальский, например, сравнивая Толстого с Достоевским, заявляет: «Величие Толстого, кажется, заключается в категориях эстетически-моральных, величие же Достоевского — в категориях психологически-религиозных» [150]. Рогальский считает, что основной темой творчества Толстого являются поиски ответов на жгучие вопросы жизни и смысла человеческого существования. Творчество Толстого, полагает Рогальский, содержит в себе... отдельные

черты философии К. Маркса и датского философа-идеалиста С. Кьеркегора. Толстой, по мнению Рогальского, в некоторой степени являлся предшественником экзистенциалистов.

Среди работ Рогальского выделяется по своему фактическому материалу книга «Россия — Европа», посвященная исследованию влияний и культурно-литературных связей русской литературы с литературами французской, немецкой и английской [151]. В ней значительное место занимает рассмотрение, на основе обширного, интересного и зачастую нового материала, влияния Толстого на культурную жизнь Запада. На этой весьма ценной работе отрицательно сказывается то, что ее автору, за редкими исключениями, остались неизвестными исследования советских литературоведов, посвященные мировому значению русской литературы и ее взаимосвязям с литературой западноевропейской.

Часто пишет о Толстом бывший политический деятель—эмигрант,возвратившийся в 1956 г. в Польшу, известный публицист и литератор *С. Мацкевич*. Он называет Толстого «великим, гениальным, самым гениальным русским стилистом» [152], а «Войну и мир» — одним из величайших, гениальнейших шедевров в мире [153]. Отмечает он также поразительную жизненность художественных образов и многих других толстовских произведений. Однако методология «исследования», применяемая Мацкевичем, антинаучна. Ярко выраженный субъективизм, а также погоня за сенсацией сводят в конечном счете на нет те вопросы и проблемы, которые действительно существуют, а не являются выдумкой критика, объявившего, например, Толстого... монархистом [154].

Сопоставляя известную трилогию Г. Сенкевича «Огнем и мечом», «Потоп» и «Пан Володыевский» с «Войной и миром», Мацкевич пришел к выводу, что, в отличие от романов польского писателя, «Война и мир» — не исторический, а бытовой роман. Доказательства? То, что «Толстой изображает там своих родителей и события, которые знал непосредственно, а Севастопольская кампания, в которой он участвовал, научила его технике боя, очень мало отличавшейся от военных приемов наполеоновских времен» [155]. В другом месте критик обобщает свое суждение: «Толстой ни на один момент и ни в одном романе не был историческим писателем» [156]. В этом, полагает Мацкевич, заключается основное отличие Толстого от Сенкевича. Однако вместо научного подхода к анализу взглядов Сенкевича и Толстого на историю,Мацкевич скользит по поверхности этого сложного вопроса, гоняясь за эффектными формулировками. Он не замечает или не хочет заметить действительного, коренного отличия Сенкевича от Толстого, заключающегося в том, что польский писатель в своих произведениях исторического жанра воспевает батальную романтику, в то время как Толстой, с неподражаемой художественной силой и правдой показывая войну, далек от малейшей ее идеализации. Это, разумеется, далеко не все, что отличает Сенкевича от Толстого в рассматриваемом аспекте. Польский критик вовсе не придает значения их отношению к народу и к роли народных масс в исторических событиях и вообще в историческом процессе. Исторические произведения Сенкевича, как на это указывал ранее *Ю. Кшижановский*, написаны в манере В. Скотта, т. е. они рисуют важные исторические события в связи с более или менее правдоподобными приключениями героев-рыцарей. А «Война и мир» Толстого и «Пепел» Жеромского основываются на определенных концепциях философии истории; и вместе с тем исторические процессы, закономерность и события даны на страницах этих произведений преломленными сквозь призму психологии и поведения живых людей [157].

Современные польские литературоведы используют художественный опыт Толстого и его теоретические высказывания об искусстве и литературе при разработке многих историко-литературных и эстетико-философ-

ских проблем, выдвигаемых современностью. Интересную работу «Взгляды Льва Толстого на искусство в связи с эстетикой революционных демократов» написал *А. Валицкий* [158].

Эстетика Толстого, по мнению Валицкого, во многом перекликается с эстетикой Белинского, Чернышевского и Добролюбова. В согласии с ранее высказанными мнениями Стасова и Плеханова, Валицкий отмечает сходство между трактатом «Что такое искусство?» и диссертацией Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности».

Несмотря на отдельные совпадения, указывает Валицкий, эстетика Толстого, даже в той ее части, которая выражала «разум» писателя, не являлась развитием эстетики революционных демократов. Критик подчеркивает, что Толстой, по сравнению с революционными демократами, неоднократно отступал назад, развивая правильные мысли крайне односторонне. В одном только отношении, по мнению Валицкого, Толстой пошел дальше революционных демократов, а именно в критике антинародности, «элитарности» искусства в развитом капиталистическом обществе и в показе униженного положения художника в этом обществе. Формулировки Толстого, полагает Валицкий, иногда идут навстречу ленинской критике «свободы» художника при капитализме. Однако — и это доказывает Валицкий — Толстой не сумел сделать соответствующих выводов из своей критики, не смог указать выхода из существующего положения.

Работа Валицкого об эстетических взглядах Толстого содержит ряд интересных наблюдений. Однако общую характеристику и анализ эстетики Толстого нельзя признать вполне удовлетворительными. Нельзя согласиться и с некоторыми опорными для всей работы положениями автора. Так, например, несмотря на имеющиеся оговорки, он все же слишком сближает эстетику Толстого с эстетикой революционных демократов, не учитывая основных принципиальных различий между ними, переоценивает влияние Стасова на Толстого и, напротив того, исключает воздействие Руссо на формирование эстетических взглядов писателя и т. д. [159]

Уяснению в польском литературоведении связей мировоззрения Толстого с его художественным творчеством способствовала дискуссия советских литературоведов в связи с появлением в печати статьи югославского критика *И. Видмара*. Материалы этой полемики были напечатаны на польском языке [160].

Большое внимание творчеству Толстого уделяется на страницах журнала «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego» и продолжавшего его «Slavia Orientalis», издаваемого Польской Академией наук под редакцией С. Фишмана [161]. Чаще всех о Толстом и о посвященных ему работах советских авторов пишет там *А. Семчук*. В 1958 г. были напечатаны две его статьи. В первой он рассматривает проблему общественного идеала у Достоевского и Толстого на материале «Идиота» и «Войны и мира» [162]. Во второй в центре анализа стоит тема «Лермонтов — Вестужев-Марлинский — Толстой» [163]. В 1959 г. он поместил в том же журнале статью о Толстом до писательского дебюта [164]. В течение 1954—1961 гг. появились также его рецензии на некоторые работы советских исследователей [165]. В 1963 г. в издательстве «Wiedza Powszechna» вышла монография Семчука, посвященная жизни и творчеству Толстого.

В 1954 г. *Я. Урбаньска* сделала обзор критической литературы о Толстом в советских литературно-общественных журналах в связи со стодвадцатипятилетием со дня рождения писателя [166], а *М. Якубец* — обзор статей о Толстом, напечатанных в 1952 и 1953 гг. в «Известиях Академии наук СССР.— Отделение литературы и языка», и написал заметку о «Библиографии литературы о Л. Н. Толстом. 1917—1958» [167].

Творчество Толстого продолжает пользоваться в Польше всеобщей известностью и влиянием. Об этом свидетельствуют хотя бы результаты

читательской анкеты, проведенной редакцией «Trybuna Literacka» в конце 1958 г. Судя по ответам читателей, из иностранных писателей Толстой стоит на первом месте, после Сенкевича, Жеромского, Пруса и Крашевского, но перед Реймонтом, Мицкевичем, Ожешко и Домбровской. Интересно отметить, что Хемингуэй в ответах читателей занял девятое место, а Бальзак — тринадцатое. Из произведений Толстого особенно выделен читателями роман «Война и мир». Подводя итоги читательской анкете, критик З. *Василевский* подчеркнул, что в польском общественном мнении творчество Толстого стоит весьма высоко [168]. Это же подтверждает анкета, проведенная Институтом книги в 1959 г. в разных местах Польши, среди разных категорий читателей: в первый ряд зарубежных писателей они поставили Шолохова и Толстого [169].

Заметим в заключение нашего обзора, что в ознакомлении современной Польши с наследием и жизнью Толстого участвуют не только критики и литературоведы, но и писатели.

Значительный интерес представляют мысли о Толстом, высказанные во многих статьях и выступлениях *Я. Ивашкевича* (см. стр. 193—198 кн. 1-й настоящ. тома).

Попытку разъяснить причины ухода Толстого из Ясной Поляны предпринял в специальной статье *М. Яструн* [170]. Автор считает, что уход Толстого явился протестом против ненавистного ему жизненного уклада, и находит сходство в этом отношении с А. Мицкевичем, который также пытался бежать от семьи и чуждой ему среды в 1848 и 1855 гг., чтобы отдаться делу освобождения Польши, которое ставил превыше всего. Толстой и Мицкевич не хотели да и не могли быть только писателями. Они стремились к прямому, непосредственному участию в борьбе с несправедливостью, но не умели найти практических путей для этой борьбы. Как альбатросу Бодлера, им мешали их собственные крылья.

Много места уделено Толстому в книге поэта и критика *П. Гертца* «Польское достояние». Автор делится своими наблюдениями о некоторых особенностях художественного метода Толстого, сопоставляя его творчество с крупнейшими явлениями мировой литературы [171].

Сделанное нами далеко не полное обозрение материалов, относящихся к теме «Толстой в Польше», свидетельствует об идейно-художественном могуществе великого русского писателя. Толстой прочно и органично вошел в польскую, как и во всю мировую, культуру; он был и остается в ней вечно живой, активно действующей силой.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

I. Места изданий

Kr.—Kraków; Lw.—Lwów; Poz.—Poznań; Pr.—Praha; W.—Warszawa; Wr.—Wrocław.

II. Названия изданий

ВЛ — Вопросы литературы; *РЛ* — Русская литература; *BW* — Biblioteka Warszawska; *Cz*—Czas; *DK* — Dziennik Kijowski; *DL* — Dziennik Literacki; *DP* — Dziennik Polski; *G* — Głos; *GC* — Goniec Codzienny; *GK* — Gazeta Kościelna; *GL* — Gazeta Lwowska; *GN* — Gazeta Narodowa; *GNar.* — Głos Narodu; *GP* — Gazeta Polska; *GR* — Głos Robotniczy; *GW* — Gazeta Warszawska; *IKC* — Ilustrowany Kurier Codzienny; *JR* — Język Rosyjski; *K* — Kraj; *Kam.* — Kamena; *Kier.* — Kierunki; *Kryt.* — Krytyka; *Ks.* — Książka; *Kul.* — Kultura; *Kuź.* — Kuźnica; *KC* — Kurier Codzienny; *KIPR* — Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego; *KL* — Kurier Lwowski; *KLN* — Kurier Literacko-Naukowy; *KP* — Kurier Poranny; *KPoz.* — Kurier Poznański; *KW* — Kurier Warszawski; *M* — Młodość; *MN* — Myśl Narodowa;

Materiały do studiów... — Materiały do studiów i dyskusji z zakresu teorii i historii sztuki, krytyki artystycznej oraz badań nad sztuką.

N — Niwa; *Nap.* — Naprzód; *NK* — Nowa Kultura; *NL* — Nowiny Literackie; *NR* — Nowa Reforma; *NŻ* — Nowe Życie; *P* — Prawda; *PH* — Przegląd Humanistyczny; *PF* — Przegląd Filozoficzny; *PK* — Przegląd Katolicki; *PKult.* — Przegląd Kulturalny; *PL* — Przegląd Literacki; *PN* — Przegląd Narodowy; *PNiL* — Przewodnik Naukowy i Literacki; *PP* — Przegląd Powszechny; *PPol.*— Przegląd Polski; *PPor.*— Przegląd Poranny; *Pob.*— Pobudka; *Prz.* — Przyjaźń; *PS* — Pamiętnik Słowiański; *PSd* — Przegląd Socjaldemokratyczny; *PSoc.* — Przegląd Socjalistyczny; *PT* — Przegląd Tygodniowy; *PW* — Przegląd Współczesny; *PzM* — Prosto z Mostu; *R* — Robotnik; *S* — Słowo; *SP* — Słowo Polskie; *SO* — Slavia Orientalis; *Sf.* — Sfinks; *Sp.* — Społeczeństwo; *ŚS* — Świat Słowiański; *Św.*— Świat; *T* — Tydzień; *TI* — Tygodnik Ilustrowany; *TL* — Tygodnik Literacki; *TLit.* — Tydzień Literacki; *TP* — Tygodnik Powszechny; *Tw.* — Twórczość; *W* — Wędrowiec; *WL* — Wiadomości Literackie; *WN* — Wiek Nowy; *WiŻ* — Wiedza i Życie; *WS* — Wolne Słowo; *Wol.* — Wolność; *Wsp.*— Współczesność; *Z* — Zaranie; *ŻL* — Życie Literackie.

[1] Aleksander Brückner. O literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku — dziś i lat temu trzysta. Lw.—W., 1906, s. 9.

[2] Ludwik Krzywicki. Wspomnienia, t. II. W., 1958, s. 45—46.

[3] *NK*, 1960, № 5, s. 1.

[4] A. Brückner. Dzieje literatury polskiej w zarysie, t. II. W., 1924, s. 374, 422, 450, 454; Manfred Kridl. Literatura polska (Na tle rozwoju kultury). N. Y., 1945, s. 424; Julian Krzyżanowski. Henryk Sienkiewicz. Kalendarz życia i twórczości. W., 1956, s. 177, 194, 207, 224, 267; Он же. Światowa sława Sienkiewicza — в кн.: «Odczyty o Sienkiewiczu». W., 1960, s. 7—44. О Толстом на стр. 12, 22, 34, 41; см. предисловие Кшижановского: Eliza Orzeszkowa. Cham. W., 1947, s. 16—19; Grzegorz Timofiejew. Literatura rosyjska a Żeromski.— *KLN*, 1935, № 11—12, 18—22, 26—30, 32; Он же. Wyzwalanie szatana i wyzwalanie anioła.— *Kam.*, 1935, z. IV; Он же. Tołstoj i Żeromski (Żywi pisarze — żywe rocznice).— *Pob.*, 1945, № 8; Он же. Tołstoj i Żeromski.— *GR*, 1947, № 322; Он же. Tajemniczy kwiat tuberozy.— *NL*, 1948, № 2; Он же. Tołstoj i Żeromski.— *DL*, 1948, № 40; Он же. «Polska mania» Żeromskiego — *PSoc.*, 1948, № 1/2; Karel Krejčí. Dějiny polské literatury. Pr., 1953, s. 461, 463—464; Wacław Borowy. Dziś i wczoraj. W., 1934, s. 125; Он же. O Żeromskim. Rozprawy i szkice. W., 1960, s. 68, 90, 92, 123, 146, 155, 272; Tadeusz Grabowski. Historia literatury polskiej, t. II. Poz., 1936, s. 342; Stanisław Adamczewski. Serce nienasycone. Poz., 1930, s. 412. См. послесловие Быки: Stefan Żeromski. Popioły, W., 1951, t. III, s. 319; ср. также: Kazimierz Wyka. Żeromski jako pisarz historyczny в кн.: «Szkice literackie i artystyczne», Kr., 1956, s. 253; Edward Rzeszowski. Stefan Żeromski a literatura rosyjska.— «Nauka i sztuka», 1948, t. IX, s. 63; см. послесловие Г. Маркевича: Władysław St. Reymont. Rok 1794. Insurekcja. Kr., 1955, s. 337. См. также: H. Markiewicz. Spojrzenie na Żeromskiego в сб. «Tradycje i rewizje». Kr., 1957, s. 272; H. Markiewicz. Prus i Żeromski. Rozprawy i szkice literackie. W., 1954, s. 221—222; см. предисловие Г. Маркевича: Bolesław Prus. Lalka, t. I. W., 1959, s. 9.

[5] T. Grabowski. Krytyka literacka w Polsce w epoce realizmu i modernizmu Poz., 1934, s. 126, 131, 167, 203—208. Ср. также: Józef Spytkowski. Stanisław Brzozowski estetyk-krytyk, Kr., 1939, s. 42, 68; Kazimierz Kosiński. Stanisław Witkiewicz. W., 1928, s. 61, 140, 268, 283, 357; Kazimierz Czachowski. Obraz współczesnej literatury polskiej, 1884—1933, t. I, Naturalizm i neoromantyzm. Lw., 1934, s. 38; Jan Zygmunt Jakubowski. Z dziejów naturalizmu w Polsce. Wr., 1951, s. 102; см. также вступительную статью Я. З. Якубовского к изданию: Stanisław Witkiewicz. Pisma wybrane, t. IV. Utwory tatrzańskie. W., 1951, s. VII—IX; Jan Zygmunt Jakubowski. Dzieje polskiego pisarza. Adolf Dygasiński w świetle swojej korespondencji.— *PH*, 1958, № 6, s. 44; Stanisław Pigoń. Władysław Orkan. Twórca i dzieło. Kr., 1958, s. 119, 122—123, 240—242; Teodor Parnicki. Dziedzice Lwa Tolstoja.— *KLN*, 1936, № 7, s. IV.

[6] Irena Sławińska. Tragedia w epoce Młodej Polski. Z zagadnień struktury dramatu. Toruń, 1948, s. 28, 62, 63, 65, 66, 72, 111. Alina Brodzka. O nowelach Marii Konopnickiej. W., 1958, s. 16, 92, 108, 109, 112, 114, 152, 153, 207, 273; Zygmunt Greń. Od Tołstoja do Erenburga.— *ŻL*, 1955, № 37, s. 3;

[7] M. Jakóbiec. Literatura rosyjska wśród Polaków w okresie pozytywizmu в сб. «Pozytywizm», cz. I, t. II. Wr., 1950, s. 323, 325, 368, Он же. Lew Tołstoj i literatura Polska.— *Wol.*, 1953, № 209, s. 6; Antoni Semczuk. Prus o Lwie Tołstoju.— *KIPR*, 1954, № 3; Он же. «Zmartwychwstanie» Lwa Tołstoja w polskiej opinii.— *KIPR*, 1956, № 3—4. А. Семчук. Л. Н. Толстой в польской критике (1899—1908).— «Яснополянский сборник». Тула, 1960; Лев Толстой в Польше. — «Еженедельное обозрение ПАП», 1960, № 5; Regina Gerlecka. Pisarze polscy o Lwie Tołstoju.— *Kam.*, 1961, № 4. В том же журнале была помещена небольшая статья Регины Герлецкой о влиянии Толстого на творчество польского писателя Игнацы Домбровского (*Kam.*, 1961, № 9); ср. также ее обзорную статью, посвященную восприятию Толстого в Польше по 1900 г.,

в «Annales Universitatis Maria Curie-Skłodowska», vol. XV, 6, Sectio F, 1960, Lublin, 1963, s. 147—174. Franciszek S i e l i c k i. Lew Tołstoj w polskiej krytyce literackiej lat 1918—1939.— *SO*, 1960, № 1; Piotr G r z e g o r c z y k. «Zmartwychwstanie» Tołstoja.— *TP*, 1952, № 5; О н ж е. Lew Tołstoj w poezji polskiej.— *Tw.*, 1960, № 11; О н ж е. Polacy w Jasnej Polanie.— *PH*, 1960, № 6; О н ж е. Lew Tołstoj w Polsce.— «Polska Akademia Nauk. Oddział w Krakowie. Sprawozdanie z posiedzeń Komisji. Styczeń — czerwiec 1960», 1961, z. 1; О н ж е. Tołstoj i Orzeszkowa.— *Tw.*, 1961, № 4; О н ж е. Z dziejów recepcji Lwa Tołstoja w Polsce.—*PH*, 1961, № 6.

[8] Piotr G r z e g o r c z y k. Lew Tołstoj w Polsce. Zarys bibliograficzno-literacki. W., 1964.

Сведения о переводах произведений Толстого на польский язык взяты нами, главным образом, из этого обзора, а данные о постановках толстовских пьес на польской сцене — из библиографии С. Домбровского, помещенных в виде редакционных примечаний в четырнадцатитомном издании сочинений: Lew T o ł s t o j. Dzieła, t. I—XIV, pod redakcją Pawła Hertza. Państwowy Instytut Wydawniczy. W., 1956—1958. Отдельные польские издания перечислены также в библиографии: «Художественные произведения Л. Н. Толстого в переводах на иностранные языки». М., 1961.

[9] Т. Л. М о т ы л е в а. О мировом значении Л. Н. Толстого. М., 1957. Об отношении Пруса к Толстому см. также в предисловии Е. З. Ц ы б е н к о: Болеслав П р у с. Сочинения в пяти томах, т. I. Повести и рассказы. М., 1955. Идейные и творческие связи Ожешко и Толстого были рассмотрены в докладе Е. З. Цыбенко, посвященном пятидесятилетию со дня смерти польской писательницы. См. об этом обширный отчет С. П е т р о в а «Юбилей польской писательницы», опубликованный в журнале «Вестник МГУ». Филология, журналистика, серия VII, 1960, № 4, стр. 92—94. Этот же вопрос поставлен в статьях Ю. Л. Б у л а х о в с к о й «Ідейні і творчі зв'язки Елізи Ожешко з представниками російської та української літератур», опубликованной в сборнике «Міжслов'янські літературні взаємини». К., 1958, стр. 136—155 и А. И. Г р и б о в с к о й «Идейные и творческие связи Элизы Ожешко с русской литературой», опубликованной в сборнике «Питання слов'янознавства. До V Міжнародного з'їзду славістів». Видавництво Львівського ун-ту, 1962, стр. 193—216.

[10] В настоящее время в Польше исследованием влияния Толстого на польскую литературу занимается Регина *Герлецкая*. См.: «Biuletyn Polonistyczny», 1961, z. 10; 1962, z. 13.

[11] «Współcześni literaci rosyjscy».— «Księga Świata» W., 1858, cz. II, s. 179—181.

[12] «Encyklopedia Powszechna». W., t. 25, s. 342.

[13] «Literatura rosyjska ostatnich czasów». W, 1870, № 43, s. 260—262.

[14] «Северная пчела», 1862, № 316, стр. 1268.

[15] Jan ze Śliwina (Adam K i r k o r). Zarysy współczesnej literatury rosyjskiej. Poz., 1873.— Взгляды А. Киркора на русскую литературу освещены в работе М. Я к у б ц а: «Literatura rosyjska...», s. 358—359.

[16] A. H. K i r k o r. O literaturze pobratymczych narodów słowiańskich, Kr., 1874.

[17] Ibid., s. 241. Ср. «Zarysy współczesnej literatury rosyjskiej ...», s. 35.

[18] Eugeniusz B o r a k o w s k i. Listy znad Newy.— «Kłosy», 1878, № 692.

[19] См.: Piotr G r z e g o r c z y k. Z dziejów recepcji Lwa Tołstoja w Polsce.— *PH*, 1961, № 6, s. 93—94.

[20] J. I. K r a s z e w s k i. Kronika zagraniczna. Przekład z francuskiego.— *TI*, 1884, № 99.— Статья была написана Крашевским по-французски, так как в тюрьме ему не разрешали писать на польском языке; напечатана в польском переводе.

[21] Kazimierz W a l i s z e w s k i. Listy znad Sekwany.— *N*, 1885, t. 27, s. 599—603.— Валишевский издал также книгу «Littérature Russe» (Paris, 1900), в которой много места отвел Толстому.

[22] Некоторое время пропагандировалась среди польских читателей книга: Anna S e u r o n. Graf Leo Tolstoj. Intimes aus seinem Leben. Berlin, 1895. См. рецензии *PNiL*, 1895, t. XXIII, z. VIII; *PP*, 1896, t. 50.

[23] A. M. L. Nowocześni powieściopisarze w Rosji. III. Tołstoj, *PPol.*, 1886, t. 82, № 244, z. IV. Анна Лисицкая известна в польской литературе под псевдонимом *Марта Муамир*. Свои статьи по русской литературе она подписывала криптонимом *A. M. L.* М. Якубец расшифровывает этот криптоним следующим образом: Анна *Лисецкая*, рожденная *Мыцельская*. В эту верную расшифровку следует внести лишь одно уточнение: писательница была женой Генрика Лисицкого, и фамилия ее должна писаться *Лисицкая*.

[24] H. G l i ń s k i. Lew Tołstoj jako pisarz i człowiek.— *Św.*, 1888, t. I, s. 105—107, 135—138, 180—183, 227—230.

[25] A. S z y m a ń s k i. Listy o najnowszej literaturze rosyjskiej. Ostatnie utwory L. Tołstoja.— *G*, 1888, № 6—9.

[26] B. (Jan B a d e n i). Główne kierunki powieści rosyjskiej.— *PP*, 1886, t. XII, z. 10; Marian M o r a w s k i. «Spowiedź» rosyjskiego powieściopisarza Lwa Tołstoja.— *PP*, 1888, t. XVIII; О н ж е. La Sonate à Kreutzer. Par le Comte Léon Tolstoj.— *PP*, 1890, t. 27. Ср. также его кн.: Wieczory nad Lemanem. Kr., 1896, s. 6—8, 106; Michał

N o w o d w o r s k i. Leon hr. Tołstoj i jego doktryna.— *PK*, 1896, № 10—13, 18—19; Jan U r b a n. Doktryna Lwa Tołstoja.— *PP*, 1904, t. 81—83; O н ж e. Tołstoj hr. Lew.— «Encyklopedia Kościelna». W., 1905, t. 28; Jan P a w e l s k i. Z dzisiejszych próbek etycznych. Tołstowcy.— *PP*, 1896, t. 49; O н ж e. Dwa «Zmartwychwstania» (Tołstoj i Ibsen).— *PP*, 1900, t. 66; Jerzy M o s z y ń s k i. Leon Tołstoj i «Słowo».— *PK*, 1900, № 18—20; O н ж e. W czym tkwi szkodliwość moralna hr. Leona Tołstoja? — *PK*, 1901, № 37; Al. P e c h n i k. Lew Tołstoj, les Révolutionnaires... Paris, 1906 (рецензия).— *GK*, 1906, № 42, s. 407—408.

[27] *PP*, 1886, t. XII, z. 10, s. 484.

[28] *PK*, 1900, № 20, s. 315.

[29] *PP*, 1900, t. 66.

[30] *PP*, 1888, t. XVIII, s. 122.

[31] *PP*, 1886, t. XII, z. 10, s. 485—486.

[32] *GL*, 1895, № 298; NR, 1895, № 298; GNar., 1896, № 23; *S*, 1910, № 531.

[33] М. У р с и н. Религиозно-политические идеалы польского общества. Лейпциг, 1896, стр. V—X. До этого статья Здзеховского без предисловия Толстого и со значительными цензурными сокращениями была напечатана в «Северном вестнике», 1895, № 7, стр. 36—54.

[34] *SP*, 28.XII 1895.

[35] *Cz*, 1895, № 297.

[36] «Письма из Варшавы. Письмо тринадцатое».— «Московские ведомости» от 2 января 1896 г.

[37] «Русский вестник», 1896, № 2. К сожалению, следует отметить, что эти далеко отступающие от оригинала фрагменты приводятся в качестве подлинных толстовских высказываний в статьях А. И. Г р и б о в с к о й: «Элиза Ожешко в оценке русской критики».— Львовский гос. ун-т им. Ивана Франка. Труды кафедры русской лит-ры, вып. 2. Литературоведение. Львов, 1958, стр. 224 и «Идейные и творческие связи Элизы Ожешко с русской литературой»,— «Питання слов'янознавства. До V Міжнародного з'їзду славістів». Видавництво Львівського ун-ту, 1962, стр. 204.

[38] См. Bazyli B i a ł o k o z o w i c z. Opowiadanie «Za co?» w świetle jubileuszowego wydania dzieł Lwa Tołstoja i materiałów archiwalnych.— *SO*, 1960, № 4.

[39] Stanisław W i t k i e w i c z. Z Tatr. Lw., 1907, s. 24—53. Об отношении Станислава Виткевича к Толстому см. ст.: Bazyli B i a ł o k o z o w i c z. Stanisław Witkiewicz wobec Lwa Tołstoja.— *PH*, 1961, № 4.

[40] *Z*, 1910, № 17, s. 338—339.

[41] См. Bazyli B i a ł o k o z o w i c z. Polscy korespondenci Lwa Tołstoja. Z korespondencji Tołstoja z Polakami.— «Lew Tołstoj». Materiały z sesji zorganizowanej przez Zakład Słowianoznawstwa PAN i Instytut Polsko-Radziecki. W., 1961.

[42] Письмо Толстого к Г. Сенкевичу (т. 77, стр. 271—274) произвело большое впечатление в Польше. Это письмо (частично и полностью) на польском языке, а также отзывы о нем печатались в следующих изданиях: *DP*, 1908, № 39; *KP*, 1908, № 16; *PPor.*, 1908, № 22; *SP*, 1908, № 39; *WN*, 1908, № 195; *P*, 1908, № 5; *S*, 1908, № 32, *KW*, 1908, № 20, 36. Письмо Толстого Сенкевич опубликовал также на русском и французском языках в сб.: «Prusse et Pologne. Enquète internationale organisée par Henryk Sienkiewicz». Paris, 1909, p. 259—262.

[43] В юбилейном издании (т. 38, стр. 150—156) фамилия Стефании Ляудын не указана. Письмо Толстого озаглавлено: «Ответ польской женщине (Одной из многих)». Это объясняется тем, что письмо Ляудын Толстому было подписано ее псевдонимом «Полька» с добавлением слов «Одна за многих». Эта корреспонденция была полностью опубликована в краковских журналах: письмо Ляудын в «Świat Słowiański» (1909, t. I, № 53, s. 302—307), ответ Толстого — «Krytyka», (1910, t. I, z. V, s. 243—247).

[44] В настоящей статье мы не касаемся вопроса о польских мотивах в художественном творчестве Толстого. Эта тема рассматривается в следующих работах: Wacław L e d n i c k i. Tołstoj a Polska. Kr., 1929; Venceslas L e d n i c k i. Quelques aspects du Nationalisme et du Christianisme chez Tolstoï (Les variations tolstoïennes à l'égard de la Pologne). Kr., 1935; W. L e d n i c k i. Russia, Poland and the West. L.— N. Y., 1954, p. 15—18, 134—136, 139, 211—214, 231—238, 311—318; W. L e d n i c k i. Lew Tolstoj. Pro domo nostra. Ex ungue leonem. — *Kul.*, 1960, № 12, s. 7—9; а также в статье писательницы Марии Д о м б р о в с к о й: «Polska i Polacy w utworach Lwa Tołstoja», напечатанной в ее книге: «Myśli o sprawach i ludziach». W., 1956, s. 43—53. См. также: Zbigniew B a r a ń s k i. Literatura polska w Rosji na przełomie XIX i XX wieku. Wr., 1962, s. 6—8 и Henryk L e b i e d z i ń s k i. Lew Tołstoj a Polska.— *JR*, 1956, № 2.

Над этим вопросом работает и автор настоящего обзора. См.: «Лев Толстой и Польша».— «Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», вып. XXIX, серия ист.-филол. Харьков, 1956, «Tołstoj wobec Polaków».— *TL*, 1958, № 37; «Lew Tołstoj — przyjaciel Polaków».— *Prz.*, 1958, № 39; «Za co?» — *Prz.* 1960, № 39; «Opowiadanie „Za co?" w świetle jubileuszowego wydania dzieł Lwa Tołstoja i materiałów archiwalnych».— *SO*, 1960, № 4; «Polonica w Jasnopolańskiej bibliotece Lwa Tołstoja».— *SO*, 1962, № 4.

[45] В примечаниях к т. XI польского издания собрания сочинений Толстого (под редакцией Павла Г е р т ц а) ошибочно сообщается, что «Живой труп» был переведен

на польский язык в 1910 г. и ставился на польской сцене во Львове (Teatr Miejski) 20 декабря 1910 г. См. L. Tołstoj. Dzieła, t. XI. W., 1957, s. 448—449. Это ошибка, так как впервые пьеса была опубликована после смерти Толстого в газете «Русское слово» 23 сентября 1911 г. и в том же году вышла отдельным изданием. О премьере во Львове см. рецензию Корнелия Макушинского в газете *SP*, 1911, № 596. В редакционных пояснениях к «Живому трупу» в польском издании 1957 г. имеются существенные ошибки и неверные сведения. Так, например, там сообщается в редакционных примечаниях, что «Живой труп» в первый раз был поставлен любителями в 1912 г. на хуторе В. Г. Черткова в Телятинках Тульской губ. и что только в 1918 г. постановка была осуществлена Александринским театром в Петербурге. См. L. Tołstoj. Op. cit., s. 448. Ошибка возникла, по всей вероятности, по редакционному недосмотру. Эти сведения относятся к пьесе Толстого «От ней все качества», а не к «Живому трупу», постановка которого состоялась впервые на сцене Московского Художественного театра 23 сентября 1911 г., а с 1 января по 15 октября 1912 г. ставилась в двухстах сорока трех театрах девять тысяч раз!

[46] Jan Kasprowicz. W królestwie ciemności.— *KL*, 1900, № 42.

[47] *SP*, 1903, № 499, 501.

[48] Edward Abramowski. Co to jest sztuka? Z powodu rozprawy L. Tołstoja.— *PF*, W., 1898, № 3; Leo Belmont. Nowoczesny Savonarola. Luźne uwagi.—*P*, 1898 № 26—30; Tołstoj o sztuce.—*NR*, 1898, № 86; Marian Zdziechowski. Sztuka, młodość i Młoda Polska.— *Cz*, 1898, № 250; Bolesław Prus. Kronika tygodniowa.— *KC*, 1899, № 118; Władysław Jabłonowski. J. Ruskin i estetyka uwielbienia.— *G*, 1899, № 32, 33; Feliks Jasieński. Tołstoj o sztuce.— *PT*, 1901, № 14; Wł. Jabłonowski. Co to jest sztuka? — *Ks.*, 1901, № 7; K. Daniłowicz-Strzełbicki. Co to jest sztuka? — W, 1901, № 8, 9; W. Lednicki. Tolstoy between War and Peace. London — The Hague — Paris, 1965, T. Sobolewski. Tołstoj o sztuce.— *T*, 1902, № 31.

Отношение Э. Абрамовского и Л. Бельмонта к эстетическому трактату Толстого частично освещено в ст. А. Валицкого: «Lwa Tołstoja poglądy na sztukę w związku z estetyką rewolucyjnych demokratów».— *Materiały do studiów...* W., 1954, № 1.

[49] Miriam (Zenon Przesmycki). Walka ze sztuką.— «Chimera», 1901, t. I, z. 2; Stanisław Przybyszewski. Confiteor.— «Życie», 1899, № 1. Свою точку зрения на искусство Пшибышевский изложил также в кн.: «Na drogach duszy» (Kr., 1900). Ср. русское издание «Афоризмы и прелюдии» (М., 1902, перевод А. Курсинского). Пшибышевский назвал взгляды автора «Воскресения» на искусство «старческими бреднями» Толстого.

[50] J. Marchlewski. Chlmeryczny pogląd na stosunek społeczeństwa do sztuki.— *P*, 1901, № 19—20. См. также: Julian Marchlewski. O sztuce. Artykuły, polemiki oraz listy. Zebrał, wstępem i skorowidzem opatrzył Józef Rurawski. W., 1957.

[51] Marian Zdziechowski. Towianizm hr. Lwa Tołstoja.— *K*, 1886, dod. «Przegląd Literacki», № 52; Он же. Od słowianofilstwa do panazjatyzmu. Studium literacko-polityczne.— *PPol.*, 1900, t. 140, 141; Он же. Szkice literackie. W., 1900; Он же. «Pestis perniciosissima». Rzecz o współczesnych kierunkach myśli katolickiej. W., 1905; Он же. Die Grundprobleme Russlands. Wien, 1907; Он же. Голос из Польши. В кн.: «Международный толстовский альманах», сост. П. Сергеенко. М., 1909, Он же. Lew Tołstoj.— *ŚS*, 1910, t. 2; Он же. O Tołstoju.— «Prąd», 1910, № 11—12; Он же. U epoki mesjanizmu. Nowe szkice z psychologii narodów słowiańskich. Lw., 1912; Он же. Pesymizm, romantyzm a podstawy chrześcijaństwa», t. I, II. Kr., 1915.

[52] Об этом журнале см.: Thaïs S. Lindstrom. Tolstoï en France (1886—1910). Paris, 1952, p. 65—67.

[53] Leon Winiarski. Z obcych literatur. Tołstoizm we Francji — *Kryt.*, 1896, № 5—6.

[54] M. Zdziechowski. Katolicyzm a prądy religijne w literaturze.— *PL*, 1897, № 12—16.

[55] M. Zdziechowski (Władysław Karowski). Lew Tołstoj i jego «Zmartwychwstanie». Kr., 1900.

[56] Walery Gostomski. Historia literatury powszechnej w zarysie. t. II. W., 1898, s. 696—698; Он же. Leon Tołstoj i ostatnia jego powieść «Zmartwychwstanie».— S, 1900, № 77—81; Он же. Z przeszłości i teraźniejszości. Studia i szkice krytyczno-literackie. W., 1904, s. 333—356; Он же. Nietzsche i Tołstoj. Dwa przeciwieństwa myśli współczesnej.— *PPol*, 1905, t. 155; Он же. Tragedia sumienia. Lew Tołstoj i jego ideał etyczny.— *BW*, 1908, t. 1, z. 3.

[57] W. Gostomski. Tragedia sumienia, s. 516.

[58] Leo Belmont. Ecce liber. (Z powodu najnowszej powieści L. Tołstoja «Zmartwychwstanie»).— *G*, 1900, № 15—16; Он же. O Lwie Tołstoju myśli luźne.— *Kryt.*, 1901, t. 2; Он же. Lew Tołstoj. Życie i dzieła. Zarys biograficzno-krytyczny. Kr., 1904; Он же. Lew Tołstoj. Ucieczka Tołstoja.— *WS*, 1910, № 110—113; Он же. Miłość i samobójstwo. Anna Karenina.— *WS*, 1911, № 128.

[59] Один из очерков Мережковского был переведен на польский язык: Dymitr Mereżkowski. Leon Tołstoj i Dostojewski jako ludzie, Lw., 1904. См. рецензии: *Ks.*, 1904, № 8; *PP*, 1904, t. 94.

[60] Анализ польской критической литературы, посвященной «Воскресению», дан в статье А. Семчука: «Zmartwychwstanie» Lwa Tołstoja w polskiej opinii.— *KIPR*, 1956, № 3—4.

[61] S. Stempowski. «Zmartwychwstanie». Ostatnia powieść Leona Tołstoja.— *P*, 1900, № 6, 7.

[62] Poseł Prawdy (A. Świętochowski). Liberum veto (Dobra zaraza).— *P*, 1900, № 15.

[63] См. I. Chrzanowski. Studia i szkice, rozbiory i krytyki, t. II. Kr., 1939, s. 220.

[64] *AT*, Архив «Письма разных лиц на русском языке», оп. 212/2.

[65] Włodzimierz Spasowicz. Leon hrabia Tołstoj o końcu naszej ery.— *K*, 1906, № 14. См. Pisma, t. IX. W., 1906, s. 305—315. См. о Спасовиче исследования Янины Кульчицкой-Салони: SO, 1963, № 2; 1964, № 4.

[66] Zenon Pietkiewicz. Literatura ruska. Tołstoj w krytyce literackiej i opinii publicznej.— *P*, 1887, № 50.

[67] K. Rakowski. Lew Tołstoj.— *Cz*, 1910, № 531, 533, 535, 537.

[68] Jan Bełcikowski. Leon Tołstoj. W., 1908., Ср. также: Jan Bełcikowski. Leon Tołstoj jako twórca.— *Sp.*, 1908, № 37, 39, 41.

[69] *P*, 1909, № 11, s. 13. Ср. также другие рецензии на книгу Белциковского: *ŚS*, 1909, t. II; *Św.*, 1909, № 8; *Ks.*, 1909, № 3; *Cz*, 1908, № 292.

[70] Anton Ratuszny. Tolstoj's sociale Anschauungen, insbesondere seine Eigentumslehre und ihr Verhaltniss zur Lehre P. J. Proudhons. Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde von der philosophischen Fakultät der Universität Freiburg in der Schweiz. Lemberg, 1905.

[71] Władysław Jabłonowski. Lew Tołstoj.— *SP*, 1907, № 359, 361; *DK*, 1907, № 160, 161; Он же. Indywidualizm rosyjski i jego odbicie w literaturze.— *PN*, 1908, t. 2; Он же. Rozprawy i wrażenia literackie. W., 1908, s. 191—209; Он же. Dookoła Sfinksa. W., 1910, s. 82—90. Ср. авторизованный перев. Лидии Симсон: «Вокруг сфинкса. Очерки о жизни и творчестве русского народа». СПб., 1912.

[72] Róża Luksemburg. Pogrobowiec utopijnego socjalizmu.— PSd., 1908, № 7. Почти одновременно появилась в немецком журнале «Leipziger Volkszeitung» (9.IX 1908), мало чем отличающаяся, но под другим заглавием статья Люксембург «Толстой как социальный мыслитель»; ср. русский перевод статьи с польского: Роза Люксембург. Статьи о литературе. М.—Л., 1934, стр. 94—109.

[73] См. стр. 293 настоящ. книги.

[74] R, 1910, № 223, s. 8—9. Подобный подход к Толстому характерен также для статей, напечатанных в связи с кончиной писателя в варшавском социалистическом еженедельнике «Młot» (прежде «Trybuna» 1910, № 17, статья Генрика С. Каменьского) и в краковском журнале «Prawo Ludu» (1910, № 49, статья Казимежа Чапиньского).

[75] T. Nieborski. Lew Tołstoj.— NŻ, 1910, № 9.

[76] A. Drogoszewski. Apostoł współczesny.— NŻ, 1910, № 10, s. 289—294. Дрогошевский в предисловии к изданию произведений Ожешко «Pisma. Wydanie zbiorowe zupełne» (Warszawa, 1912, s. XC) указывает, что в ее романе «Австралиец» отчетливо видны отголоски толстовских идей о необходимости и пользе физического труда и осуждение барской праздности.

[77] NŻ, 1910, № 10.

[78] Konfiskata dzieł Tołstoja.— NŻ, 1911, № 24; Zniszczenie dzieł Tołstoja.— NŻ, 1911, № 33.

[79] Czesław Halicz. Sztuka dramatyczna a sprawa społeczna.— NŻ, 1911, № 16.

[80] «Lew Tołstoj».— *Nap.*, 1902, № 88; «Tołstoj i Wilhelm II».— *Nap.*, 1903, № 224; Kazimierz Czapiński. Hr. Lew Tołstoj a kwestia socjalna.— *Nap.*, 1908, № 253; Cyryl Zlinczenko. Nieco o Tołstoju. Tołstoj i szpicel.— *Nap.*, 1908, № 281; «Lew Tołstoj i Maksym Gorkij. Pierwsze spotkanie».—*Nap.*, 1909, № 77; Kazimierz Czapiński. Pośmiertne utwory Tołstoja.— *Nap.*, 1912, № 141—143.

[81] Wstrętne wydawnictwa ruskiej «Wydawniczej Spółki».— *GN*, 1902, № 155.

[82] «Gazeta Narodowa» przeciw Fr. Engelsowi i Tołstojowi.— *Nap.*, 1902, № 164, s. 1.

[83] Zygmunt Balicki. Egoizm narodowy wobec etyki. Lw., 1902, s. 43.

[84] «Przedświt», 1903, № 1.

[85] Wacław Nałkowski. Proletariat i twórcy.— *M*, 1905, № 1. Статья Налковского перепечатана в сб.: «Polska Krytyka Literacka (1800—1918). Materiały». t. IV. W., 1959, s. 183—186.

[86] W. Nałkowski. Zestawienia.— *Sf.*, 1908, t. II.

[87] В настоящем обзоре мы не рассматриваем отношения Толстого к польской литературе и к культуре. Этот вопрос частично затронут в следующих работах: Zbigniew

B a r a ń s k i. Literatura polska w Rosji na przełomie XIX i XX wieku. Wr., 1962, s. 62, 72, 82—83; Bazyli B i a ł o k o z o w i c z. Lew Tołstoj wobec kultury polskiej.— JR, 1960, № 5; Б. Б я л о к о з о в и ч. — Лев Толстой и Польша.— «Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», вып. XXIX; серия ист.-филол. Харьков, 1956; Б. Б я л о к о з о в и ч. Польская музыка в оценке Льва Толстого.— «Л. Н. Толстой». Сб. статей, IV, «Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», 1961.

[88] K. K o s i ń s k i. Stanisław Witkiewicz. W., 1928, s. 68.

[89] Ibid. s. 61.

[90] St. W i t k i e w i c z. Wallenrodyzm czy znikczemnienie? — «Kulfura Polski», 1917, z. VI, s. 286—287.

[91] См. об этом: Bazyli B i a ł o k o z o w i c z. Stanisław Witkiewicz wobec Lwa Tołstoja.— *PH*, 1961, № 4.

[92] S. P i o ł u n - N o y s z e w s k i. Stefan Żeromski. Dom, dzieciństwo i młodość. W., 1928, S. 273.

[93] S. P i o ł u n - N o y s z e w s k i. Op. cit., s. 277.

[94] J. Z. J a k u b o w s k i. Dzieje polskiego pisarza. Adolf Dygasiński w świetle swojej korespondencji.— *PH*, 1958, № 6, s. 44.

[95] Stanisław P i g o ń. Władysław Orkan. Twórca i dzieło. Kr., 1958, s. 241.

[96] Walentyna N a j d u s. Szkice z historii Galicji, t. II. W., 1960, s. 375.

[97] См. А. П и о т р о в с к а я. Мария Конопницкая и русская литература.— *ВЛ*, 1959, № 6, стр. 186.

[98] M. K o n o p n i c k a. Około wystawy Wereszczaginowskiej w Wiedniu. — *TI*, 1897, № 52, s. 1027.

[99] Wiktor G o m u l i c k i. Żniwo literackie.— K, 1901, dod. «Życie i Sztuka», № 2.

[100] W. G o m u l i c k i. Polski Tołstoj. В сб.: «Kłosy polskiej niwy». W., 1912, s. 235—243.

[101] Bolesław P r u s. Kronika tygodniowa. Wyprawa jednego z naszych pism periodycznych przeciw Tołstojowi.— *KC*, 1901, № 79, s. 1.

[102] Wincenty K o s i a k i e w i c z. Artysta i moralista.— S, 1908, № 246; О н ж е. Tolstoj i Polacy.— *Św.*, 1908, № 37; Władysław N a w r o c k i. Lew Tołstoj w osiemdziesiątą rocznicę urodzin.—*TI*, 1908, № 37; Józef J a n k o w s k i. Tołstoj i Rosja.— *Św.*, 1908, № 37.

[103] Автор настоящего обзора намерен опубликовать работы: «Юбилей Толстого 1908 г. на страницах польской печати и в приветственных письмах и телеграммах поляков к русскому писателю» и «Уход и смерть Толстого на страницах польской печати и по архивным материалам».

[104] A. G r z y m a ł a - S i e d l e c k i. Lew Tołstoj. *Cz*, 1910, № 531; J. W e y s s e n h o f f. Tołstoj jako artysta.— *GW*, 1910, № 320; B. L e ś m i a n. Wielki starzec. Sylwetka pośmiertna.— *P*, 1910, № 49; K. Srokowski. Zgon wielkiego Rosjanina.— *NR*, 1910, № 532, 534; J. K o d i s o w a. L. Tołstoj jako filozof.— *P*, 1910, № 51, 52; Z. D ę b i c k i. Lew Tołstoj.— *KW*, 1910, № 322; Cz. J a n k o w s k i. Tołstoj.— *S*, 1910, № 529; R. K w i a t k o w s k i. Dzień żałoby w Moskwie.—*KW*, 1910, № 325; T. N a l e p i ń s k i. O «legendzie Tołstoja».— *KW*, 1910, № 335; E. L i e b l i n g. Hrabia Lew Tołstoj. Szkic literacki. Lw., 1911.

[105] «Zgon Lwa Tołstoja».— *P*, 1910, № 48, s. 3.

[106] См. отчет в *Cz*, 1910, № 542; *ŚS*, 1910, t. II; *S*, 1910, № 544; *GC*, 1910, № 209.

[107] *PK*, 1910, № 50, s. 990.

[108] Jan P o p i e l. Lew Tołstoj a Rosja i my.— *PPol.*, 1911, t. 179, s. 50. С более умеренных католических позиций Роже Лубеньский и Януш Ямонтт характеризуют мировоззрение и творчество Толстого. (Roger Ł u b i e ń s k i. Tołstoj. W., 1910; Janusz J a m o n t t. Lew Tołstoj.— «Rola», 1912, № 45—51. Статьи Ямонтта были изданы отдельной брошюрой в Варшаве в 1914 г.

[109] Adam S z y m a ń s k i. Lew Tołstoj. Istota jego działalności. Kr., 1911, s. 6.

[110] Ibid., s. 11.

[111] *IKC*, 1915, № 280; *IKC*, 1918, № 126; *Nap.*, 1915, № 391; *GL*, 1918, № 203.

[112] Listy Lwa hr. Tołstoja do B. Shawa.— *GP*, 1919, № 1—2.

[113] «Łowiczanin», 1919, № 12.

[114] См. рецензии: Tadeusz B o y - Ż e l e ń s k i. Flirt z Melpomeną. Wieczór czwarty. W., 1924; Jan L o r e n t o w i c z. 20 lat teatru. W., 1933, t. 3.

[115] Alexander B r ü c k n e r. Geschichte der russischen Literatur. Leipzig, 1905; Russlands geistige Entwicklung in Spiegel seiner schönen Literatur. Tübingen, 1908. Ср.: проф. Б р ю к н е р. Русская литература в ее историческом развитии, ч. 1—2. Перев. с немецкого А. Т. Саввинского. СПб., 1906.

[116] Ignacy C h r z a n o w s k i. Życie duchowe Rosji w świetle rosyjskiej literatury pięknej.— *PN*, 1908, t. I.

[117] Aleksander B r ü c k n e r. Historia literatury rosyjskiej, t. II (1825—1914). Lw.—W.—Kr., 1922, s. 307—325, 354—363.

[118] Aleksander B r ü c k n e r. Literatura rosyjska.— «Wielka Literatura Powszechna», t. IV. W., 1933.

[119] Marian J a k ó b i e c. Stan i postulaty naukowe historii literatur słowiańskich w Polsce.— *PS*, t. II, 1951, s. 69.

[120] Вступительная статья к изданию сочинений Толстого под редакцией Тувима: Lew T o ł s t o j. Dzieła, pod red. Juliana Tuwima, ze słowem wstępnym prof. Wacława Lednickiego, t. I. W., 1928; O н ж е. Tołtoj po polsku.— *WL*, 1928, № 25; O н ж е. Léon Tolstoj. Le Flambeau. Bruxelles, 1928; O н ж е. Tołstoj a Polska.— *PW*, 1929, № 86, 87; O н ж е. Tołstoj a Polska. Kr., 1929; Lew Tołstoj.— *Cz*, 1935, № 316. O н ж е. О Льве Толстом.— «Русское слово». Вильно, 1935, № 273; O н ж е. Lew Tołstoj. W 25-tolecie zgonu... W., 1935; Venceslas L e d n i c k i. Quelques aspects du Nationalisme et du Christianisme chez Tolstoï (les variations tolstoïennes à l'Egard de la Pologne).— Kr., 1935.

[121] Эти элементы в концепции Ледницкого созрели и проявились в полном виде в его работе эмигрантского периода: «Russia, Poland and the West». L.— N. Y., 1954.

[122] Fragmenty z Dziennika Lwa Tołstoja z lat 1900—1903, tłumaczył i wydał Wacław Lednicki. Kr., 1929.

[123] A. I z i u m o w. Spotkanie Lwa Tołstoja z Lelewelem, Hercenem i Proudhonem. — *KP*, 1937, № 83, 84, 85. Письма эти были затем по фотокопии опубликованы в «Лит. наследстве» (т. 41-42, стр. 490—525).

[124] Chodżija Muchamed G a j a n W a j s o w. Wajsow, wajsowcy i stosunek ich do Lwa Tołstoja.— «Rocznik Tatarski», 1932, t. I.

[125] M. C h o r o m a ń s k i. Rozmowa z ojcem Pirożyńskim.— *WL*, 1932, № 30. Пирожиньский в настоящее время является главным редактором клерикального журнала «Homo Dei». О том, что он не изменил своих позиций, свидетельствует его интервью, данное Яну Збигневу Слоевскому. См. *Wsp.*, 1957, № 7, s. 9.

[126] Bogumił J a s i n o w s k i. Wschodnie chrześcijaństwo a Rosja na tle rozbioru pierwiastków cywilizacyjnych Wschodu i Zachodu. Wilno, 1933.

[127] Adolf N o w a c z y ń s k i. Krasiński i Tołstoj. В кн. «Góry z piasku. Szkice». W., 1922; «Wierne rzeki» i «Urody życia».— *WL*, 1936, № 3.

[128] См. анализ высказываний о Толстом в ст. Францишка C е л и ц к о г о: «Lew Tołstoj w polskiej krytyce literackiej lat 1918—1939».

[129] Fr. S i e l i c k i. Op. cit., s. 33—68.

[130] M. J a k ó b i e c. Tołstoizm i jego losy.— *KLN*, Kr., 1935, № 46.

[131] Janina P r e g e r ó w n a. Sądy Tołstoja o Puszkinie. Na marginesie estetyki Tołstoja.— *PW*, 1935, t. 54, № 160.

[132] Teodor P a r n i c k i. Tołstoj—Sienkiewicz—Ałdanow.— *MN*, 1930, № 18; O н ж е. Rosyjska powieść historyczna.— *KLN*, 1933, № 41; O н ж е. Trzech Tołstojów.— *KLN*, 1934, № 30; O н ж е. Dziedzictwo Lwa Tołstoja.— *PzM*, 1935, № 48; O н ж е. Dziedzice Lwa Tołstoja.— *KLN*, 1936, № 7; O н ж е. «Poszukiwacze Boga» u kresu swych dróg.— *PP*, 1937, t. 213; Он ж е. «Poszukiwacze Boga».— *KLN*, 1936, № 2.

[133] Włodzimierz F i s z e r. Książki o wojnie.— *TI*, 1934, № 33.

[134] Fr. S i e l i c k i. Op. cit., s. 68.

[135] Adolf R u d n i c k i. Niebieskie kartki. Prześwity. W., 1957, s. 30—31. Имя Толстого мы также встречаем в сборнике рассказов Рудницкого «Ucieczka z Jasnej Polany», издававшемся дважды в послевоенный период (второе издание — 1949 г.). Автор, ставя вопрос об ответственности немецкого фашизма, воспроизводит жизнь евреев в период второй мировой войны, трагедию их жизни и гибели.

[136] Kazimierz W y k a. Życie na niby. Szkice z lat 1939—1945. W., 1959, s. 14.

[137] Jarosław I w a s z k i e w i c z. Słowo o Tołstoju.— *Tw.*, 1961, № 1, s. 74.

[138] Lew T o ł s t o j. Dzieła, t. I—XIV, Państwowy Instytut Wydawniczy. W., 1956—1958.

[139] Adolf R u d n i c k i. Niebieskie kartki. Ślepe lustro tych lat. Kr., 1956, s. 19—20. Частые ссылки на Толстого имеются также в других томах этого своеобразного дневника Рудницкого «Голубые странички», перемежающегося с краткими рассказами. См. Narzeczony Beaty. Niebieskie kartki. W., 1961; Obraz z kotem i psem. Niebieskie kartki. W., 1962.

[140] W. L e n i n. Lew Tołstoj (fragment).— *Kuź.*, 1947, № 40; O literaturze. W., 1947 (второе издание 1949); O Tołstoju.— *Prz.*, 1948, № 10; Lew Tołstoj.— «Poradnik dla nauczycieli», 1948/49, № 3—4; O Tołstoju. W., 1950; Lew Tołstoj jako zwierciadło rewolucji rosyjskiej.— «Dzieła», t. 15. W., 1956; Czyżby początek zwrotu? L. N. Tołstoj. L. N. Tołstoj a współczesny ruch robotniczy. Tołstoj a walka proletariacka. Rycerze «zastrzeżonka».— «Dzieła», t. 16, W., 1957; Lew Tołstoj i jego epoka.— «Dzieła», t. 17. W., 1957.

[141] Mikołaj G u d z i j. Lew Tołstoj. W., 1950; T. M o t y l o w a. Postać ludzka w twórczości L. Tołstoja.— *Tw.*, 1953, № 11.

[142] Maksym G o r k i. Ze wspomnień.— *TLit.*, 1950, № 46; List o Tołstoju.— *ŻL*, 1953, № 37; Lew Tołstoj.— *Tw.*, 1956, № 1; W. W i e r i e s a j e w. Dzień w Jasnej Polanie.— *NL*, 1948, № 43; Sergiusz T o ł s t o j. Wspomnienie o ojcu. Rok 1910. Ostatnie miesiące i dni Lwa Tołstoja (fragmenty).— *ŻL*, 1959, № 5—6; Ilja T o ł s t o j. Wspo-

mnienia o moim ojcu. Przełożyli Irena Tuwim i Julian Stawiński.—W., 1962; Aleksander Goldenweiser. Tołstoj wśród bliskich. W., 1961. Przekład Heleny Winawerowej. В том же переводе первое издание появилось в 1934 г.

[143] Укажем главные: R. Karst. Nigdy jeszcze taki głos nie rozlegał sie w Europie.— *PKult*, 1953, № 38; брошюра: «Lew Tołstoj». W., 1950, Ср. «Pisarze i książki». Kr., 1953.

[144] Anatol Stern. Wielki Pielgrzym.— *Św.*, 1953, № 38.

[145] *DL*, 1950, № 39.

[146] Włodzimierz Fiszer. Realizm psychologiczny. Dostojewski i Tołstoj.— *Wiż*, 1947, № 12, s. 1073—1077; K. W. Zawodziński. Lew Tołstoj.— *WiŻ*, 1948, № 1—2, s. 73—79.

[147] K. W. Zawodziński. Czy i dlaczego «Rodzina Połanieckich» jest martwą pozycją w dorobku Sienkiewicza. В кн.: «Stulecie trójcy powieściopisarzy. Studia nad społecznym i artystycznym znaczeniem dzieła Orzeszkowej, Prusa, Sienkiewicza». Lódź—Wr., 1947, s. 87—111.

[148] Zbigniew Barański. Literatura polska w Rosji na przełomie XIX i XX wieku. Wr., 1962, s. 88—89.

[149] W. Borowy. O «Wojnie i pokoju» Tołstoja.— *TP*, 1951, № 51/52; Maria Morstin-Górska. Tragedia Lwa Tołstoja.— «Znak», 1951, № 2; Aleksander Rogalski. Śmierć u Tołstoja.— *TP*, 1955, № 44; Он же. O Tołstoju. В кн.: «Literatura i cywilizacja. Eseje i studia». W., 1956, s. 231—322; Он же. Tołstoj a literatura francuska.— Kier., 1960, № 48.

[150] A. Rogalski. Profile i preteksty. W., 1958, s. 8.

[151] Aleksander Rogalski. Rosja—Europa. Wzajemne związki, wpływy i zależności kulturalno-literackie. W., 1960; см. рецензии: Ryszard Przybylski. Książka przesadnie skromna.— «Nowe Książki», 1961, № 10; Marek Ruszczyc. Niezastąpiona syntezą.— «Życie i Myśl», 1961, № 11—12; Tymon Terlecki. Rosja w Europie.— *Kul.*, 1961, № 12; Sergiusz Łarin. Walory i braki pewnej pracy.— «Literatura Radziecka», 1962, № 12.

[152] Stanisław Mackiewicz. Tołstoj w krzywym zwierciadle.— *Wsp.*, 1957, № 7, s. 6.

[153] St. Mackiewicz. Towarzystwo ochrony zwierząt a ochrona arcydzieł literackich.— *Kier.*, 1957, № 44.

[154] St. Mackiewicz. Tołstoj jako książe Mikołaj Andrejewicz. — *Kier.*, 1957, № 45, s. 9.

[155] St. Mackiewicz. Muchy chodzą po mózgu. Kr., 1957, s. 48.

[156] Ibid., s. 165.

[157] См.: Julian Krzyżanowski. Scott in Poland.— «The Slavonic and East uropean Review», 1933, t. 12, № 34, p. 188—189.

[158] Andrzej Walicki. Lwa Tołstoja poglądy na sztuke w związku z estetyką rewolucyjnych demokratów.— Materiały do studiów .... W., 1954, № 1/17, s. 209—254. Автор опирается на архивные материалы и факты, приведенные в работе К. Н. Ломунова: «Толстой в борьбе против декадентского искусства» в кн. «Л. Н. Толстой. Сборник статей и материалов». М., 1951, стр. 22—97.

[159] О Толстом Валицкий пишет также в кн.: «Osobowość a historia» (W., 1959), в разделе, посвященном «шопенгауэризму» Тургенева, где отмечает интерес автора «Войны и мира» к Шопенгауэру.

[160] «Zeszyty Teoretyczno-Polityczne», 1957, № 12; 1958, № 1—2, № 9—10; № 11—12; 1959, № 1.

[161] См. рецензии: А. Григорьев. Изучение русской классической литературы в славянских странах.— *РЛ*, 1958, № 3; П. Глинкин. Вопросы русской литературы в журнале: «Slavia Orientalis». *РЛ*, 1961, № 3.

[162] SO, 1958, № 2.

[163] SO, 1958, № 3—4.

[164] SO, 1959, № 1.

[165] а) «Сборник статей и материалов» (М., 1951); б) «Творчество Л. Н. Толстого». Сб. статей. (М., 1954); в) С. Бычков. Л. Н. Толстой. Очерк творчества (М., 1954); г) К. Н. Ломунов. Драматургия Л. Н. Толстого (М., 1956) и д) Б. Бурсов. У истоков реализма.— «Вопросы литературы», 1960, № 9.— *KIPR*, 1954, № 3; 1955, № 1—2, 4; SO, 1958, № 2; 1961, № 2.

[166] *KIPR*, 1954, № 2.

[167] *KIPR*, 1953, № 4; 1954, № 1; *SO*, 1961, № 3.

[168] Zbigniew Wasilewski. Szołochow i Tołstoj na czele.— *TL*, 1958, № 51—52, s. 4.

[169] Jadwiga Kołodziejska i Włodzimierz Kołodziejski. Książki, które się nam podobają.— *NK*, 1960, № 4.

[170] Mieczysław Jastrun. Ucieczka Lwa Tołstoja. В сб. его статей: «Mit śródziemnomorski». W., 1962, s. 53—63. О Толстом упоминает Яструн также в других статьях: см. сб.: «Wizerunki. Szkice literackie». W., 1956, s. 256—257.

В статье «Przeżycie poetyckie», опубликованной в кн.: Między słowem a milczeniem (W., 1960), Яструн высказывает интересные мысли об описании Толстым природы.

[171] Paweł Hertz. Domena polska. W., 1961.

ТОЛСТОЙ В РУМЫНИИ

(1885 — 1960)

Обзор Татьяны Николеску (Бухарест)

I. НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ
(1885 — 1917)

Впервые на своем родном языке румынский читатель познакомился с произведениями Толстого в середине 1880-х годов. Два последних десятилетия XIX и первое десятилетие XX в. принадлежат к поворотному периоду в развитии русско-румынских литературных отношений. Это было время, когда русская литература начала широко распространяться в стране, когда к ней с живым интересом стали обращаться не только представители верхов образованного общества, но и рядовой демократический читатель. «Русская литература,— писала газета „Secolul",— стала проникать все глубже и глубже в народные массы». И газета объясняла это явление той «жаждой идеала, которую возбуждают у читателя произведения русских писателей», той «любовью к ближнему», которая этим произведениям присуща. «Вот почему,— заключала газета,— мы можем только радоваться успеху〈...〉 русской литературы в нашем обществе»[1].

Начало знакомства румынской общественности с Толстым совпало с тем временем, когда на Западе после недавнего громкого «открытия Толстого» с пристальным интересом следили за новейшим этапом в этических и социальных исканиях писателя. Толстой-мыслитель и проповедник на время как бы заслонил Толстого-художника и затмил его славу.

Это обстоятельство наложило определенный отпечаток на характер первоначального восприятия Толстого в Румынии. Обращаясь к Толстому, его первые румынские издатели, переводчики и критики, а вслед за ними, естественно, и читатели, обнаруживали интерес прежде всего к последним появлявшимся в печати произведениям писателя, о которых в то время так много шумела и русская и западноевропейская пресса. Восприятие творчества Толстого при его жизни, в текущем развитии и динамике этого творчества — одна из характерных черт процесса проникновения Толстого в Румынию, отличавшая судьбу его творчества от судьбы других русских писателей — Тургенева, Достоевского и др.

Знакомство с произведениями, а также с личностью и жизнью Толстого начинали с периода, последовавшего за его духовным кризисом 1880-х годов, минуя все предшествующие (были, разумеется, и исключения: первые переводы из Толстого на румынский язык все же включали и некоторые ранние его художественные произведения — «Три смерти», «Казаки», «Набег», «Семейное счастье»). И если во Франции и Германии, где Толстой стал известен значительно раньше, он завоевал симпатию и интерес читателей в первую очередь как автор «Войны и мира» и «Анны Карениной», то в Румынии произведения Толстого 1850—1870-х годов оставались вначале почти неизвестными, и все внимание сосредоточивалось на тех сочинениях,

которые в ту пору выходили из-под его пера. Отсюда тот широкий отклик, который получили в Румынии непосредственно по выходе их в свет «Крейцерова соната» и «Воскресение» и, напротив, сравнительно позднее знакомство с «Войной и миром» и «Анной Карениной». «Романист Толстой не был современником нашего поколения. Нашим современником был социальный реформатор»,— свидетельствовал известный критик *Г. Ибрэиляну* в статье, напечатанной в связи со смертью писателя[2].

Однако диалектика процесса привела к тому, что бурная полемика, возникавшая вокруг социальных и философско-этических теорий Толстого, пробудила интерес к его художественному творчеству. Об этом также свидетельствует Ибрэиляну: «Несомненно,— пишет он,— шум, поднятый вокруг реформатора и апостола, в высшей степени способствовал распространению того самого художественного творчества, от которого Толстой тогда отказывался»[3].

* * *

Прослеживая историю проникновения в Румынию творчества Толстого, следует остановиться на роли, которую сыграла в этом процессе передовая румынская печать, в первую очередь рабочая или близко связанная с рабочим движением. Именно эта печать раньше, чем издания других направлений, обнаружила интерес к произведениям русского писателя и первой стала публиковать их на своих страницах. Самый ранний румынский перевод из Толстого — рассказ «Три смерти», появился в 1885 г. в журнале «Contemporanul», стоявшем на позициях защиты идейного искусства и связанном с румынским рабочим движением[4].

В конце XIX и начале XX в. в румынской рабочей печати или близкой к ней был помещен ряд переводов сочинений Толстого. Среди них назовем рассказы: «Как я выучился ездить верхом» (из «Третьей русской книги для чтения»), «Пожар» (из «Первой русской книги для чтения»), «Чем люди живы», напечатанные в ежедневной газете румынской социал-демократической партии «Lumea Nouă»[5], и рассказ «Косточка» (из «Первой русской книги для чтения»), появившийся в журнале «Munca Ştiinţifică şi Literară»[6]. Переводы из Толстого появляются неоднократно и на страницах важнейшего издания румынской рабочей печати — газеты «România Muncitoare».

Здесь в 1911 г. был опубликован среди других сочинений перевод статьи «Номер газеты». В том же 1911 г. в литературном приложении (носившем название «Lumea Nouă») был напечатан очерк «Песни на деревне»[7].

Многие из этих переводов были сделаны с русского подлинника, что, наряду с довольно бережным отношением к точности в передаче текста и стремлением воссоздать толстовский стиль, выгодно отличает эти переводы от других, распространявшихся тогда в Румынии.

Внимание к произведениям Толстого со стороны румынской рабочей печати и родственных ей изданий носит отнюдь не случайный характер. Общественные идеалы передовой русской литературы, величие ее гуманизма были близки чаяниям румынского народа, а обличения социальной несправедливости в произведениях русских писателей-реалистов выносили равным образом приговор и румынской действительности той эпохи[8].

Не вызывает, разумеется, сомнения, что румынскую рабочую печать Толстой привлекал не своим религиозно-нравственным учением, а мощью критики существовавшей—в Румынии, как и в России,—социальной системы, критики капитализма и бедствий, причиняемых им массам. Неудивительно, что румынская печать, связанная с рабочим движением, стремилась популяризировать публицистику писателя, не всегда, однако, понимая, что верное в ней соседствовало с неверным, острейший социальный критицизм — с моралистическими увещеваниями. Обращаясь к своим читателям

РУМЫНСКИЙ ЖУРНАЛ «IDEEA TOLSTOIANĂ...» («ИДЕИ ТОЛСТОГО В БОРЬБЕ ДОБРА СО ЗЛОМ, ЗА ПРАВДУ») 1928, № 1, ИЮНЬ

Обложка

Музей Толстого, Москва

с призывом знакомиться с сочинениями Толстого, газета «România Muncitoare» называла среди книг, «достойных быть в библиотеке каждого рабочего, жаждущего полезного чтения», сборник рассказов и повестей писателя, вышедший на румынском языке под названием «Революционеры»[9]. В другой раз та же газета советовала «всем любящим Прекрасное, Добро и Правду» воспользоваться днями отдыха и прочесть следующие произведения, «написанные величайшими представителями человечества: „Моя религия" и „Вражда" Толстого и „Капитал" Карла Маркса»[10].

Здесь примечательны не только рекомендации сочинений Толстого, но и упоминание их рядом с трудом Маркса.

Наряду с рабочей печатью, румынские издания других направлений также обращались вначале преимущественно к поздним сочинениям Толстого — 1880-х и последующих годов. Вниманию читателей предлагались, прежде всего, «народные рассказы» и повести Толстого, неоднократно печатавшиеся многими румынскими газетами и журналами. Так, например, «Gazeta Transilvaniei», выходившая в Брашове, поместила в 1889 г. переводы рассказов: «Вражье лепко, а божье крепко», «Чем люди живы», «Упустишь огонь — не потушишь», «Бог правду видит, да не скоро скажет», «Много ли человеку земли нужно?», «Свечка». Рассказы эти были изданы в 1892 г. в переводе Петра Петреску отдельным сборником, в который вошли дополнительно переведенные им же сказка «Два брата и золото» и рассказ «Кавказский пленник»[11].

В 1890 г. появляются первые переводы сказок «Зерно с куриное яйцо»[12], «Ильяс»[13], а также новый перевод сказки «Два брата и золото». В 1892 г. эта последняя выходит еще в одном переводе[14], а сказка «Ильяс»—в двух новых переводах[15]. В том же году печатается в прежнем переводе «Зерно с куриное яйцо»[16]. В 1893 г. эта же сказка печатается в двух разных переводах и выходит в новом переводе сказка «Упустишь огонь — не потушишь»[17].

В 1894 г. появляются новый перевод рассказа «Чем люди живы»[18], перепечатки «Кавказского пленника» и «Бог правду видит...» в переводах Петра Петреску[19] и первый на румынском языке перевод рассказа «Три старца»[20].

В дальнейшем до конца столетия число переводов «народных рассказов» Толстого непрерывно растет. Появляются первые переводы рассказов: «Два старика»[21], «Три притчи»[22], «Сорок лет»[23], «Крестник»[24], «Как чертенок краюшку выкупал»[25]. Вместе с тем не прекращается издание и уже известных в Румынии произведений Толстого, выпускавшихся в свет как в перепечатках, так и в новых переводах. Например, рассказ «Чем люди живы», будучи переведенным в 1889 и 1894 гг. (см. выше), в 1895—1898 гг. появляется в различных переводах в четырех повременных органах и в двух отдельных изданиях, каждое также в новом переводе[26].

Пристальный интерес в Румынии к «народным рассказам» Толстого не ослабевает и в начале XX в., вплоть до 1917 г., явившегося неким рубежом не только для распространения произведений Толстого, но и всей русской литературы в Румынии.

Наряду с многочисленными публикациями в периодической печати, в эти годы выходят в свет несколько отдельных сборников произведений Толстого[27]. Среди «народных рассказов» Толстого, впервые появившихся на румынском языке, можно указать: «Сказку об Иване дураке», «Труд, смерть и болезнь», «Праведный судья», «Ассирийский царь Ассархадон» и др.[28]

В этом интенсивном распространении «народных рассказов» Толстого в Румынии особо выделяются две даты — 1908 и 1910 гг. — год восьмидесятилетия и год смерти писателя[29]. Наиболее пристальное внимание вызывал рассказ «Много ли человеку земли нужно?» За период с 1902 по 1917 гг. он был напечатан семь раз[30].

Переводы «народных рассказов» появлялись не только в столичной печати, в таких органах как «Românul», «Universul», «Epoca» и т. д., но и в провинциальной. Их можно найти, например, на страницах «Gazeta Transilvaniei» (Брашов), «Tribuna» (Сибиу), «Doljul» (Крайова), «Evenimentul», «Opinia», «Jurnalul» (Яссы), «Dunărea de jos» (Галац) и т. д. Их печатали и политические газеты и литературные журналы («Noua Revistă Română», «Universul Literar», «Revista Literară», «Liga Literară», «Minerva Literară Ilustrată»). Их помещали в демократической печати («Facla», «Adevărul»), в газетах рабочего движения («România Muncitoare»), и в консервативных изданиях («Epoca», «Evenimentul»).

Естественно, что отношение к «народным рассказам» Толстого со стороны изданий разных общественных направлений не было единым. Если демократическая печать обращала в первую очередь внимание на обличительную силу толстовских произведений, то консервативная стремилась использовать их слабые стороны: учение о непротивлении, проповедь политической пассивности. При этом допускались и тенденциозные искажения толстовского текста.

Примером нарочито произвольного обращения с подлинником может служить перевод рассказа «Много ли человеку земли нужно?», напечатанный под названием «Крестьянин Пахом» в издававшейся с реакционно-охранительными целями газете для деревни [31]. Эта газета стремилась отвлечь крестьянские массы от решения наболевшего земельного вопроса. Исключив одни главы полностью и сократив другие, газета лишила рассказ критических элементов и тем извратила его смысл. В румынской переработке Пахом представлен бедным, безземельным крестьянином, отправляющимся в дальний край, чтобы осуществить свою заветную мечту о земле. Пахом умирает, не достигнув цели. Лишенный толстовского осуждения частной земельной собственности и порождаемой ею психологии стяжательства, рассказ подводил читателя к мысли о тщетности борьбы за землю.

Не менее тенденциозно истолкован тот же рассказ в консервативной ясской газете «Evenimentul», где он дан в кратком изложении, введенном (без заглавия) в текст статьи *Ф. Ботошань* «Воскресение». В подтверждение собственных размышлений о смысле жизни автор, ссылаясь на Толстого, стремится убедить читателя как «счастливы» бедняки и в особенности крестьяне, живущие на лоне природы, «на свежем воздухе», и как «несчастны» богатые люди, которые, будучи вынужденными оставаться вдали от природы, «стареют в таком возрасте, когда рабочий еще полон жизни и сил» [32].

Совсем иное звучание получил рассказ на страницах журнала «Revista Ideii» [33], выступавшего со смелой критикой устоев буржуазного общества. Рассказ был напечатан в конце 1906 г.—в преддверии массовых крестьянских выступлений 1907 г.— и не вызывает сомнения, что внимание редакции он привлек именно своим отрицанием права частной собственности на землю.

Не лишена известного интереса и переработка легенды «Как чертенок краюшку выкупал», сделанная неким И. Ону в виде пьесы в стихах и выпущенная в свет в издании «Антиалкогольной библиотеки» в городке Тульче (1901) [34]. Автор не только заменил в написанной им по мотивам Толстого пьесе все русские имена румынскими, но и включил в нее тексты румынских народных песен — «дойн», взяв их из широко известного сборника Василе Александри — «Poezii populare ale Românilor». Тексты эти были дополнены собственными стихами Ону — слабыми подражаниями фольклорным произведениям. Автор, несомненно, рассчитывал при помощи таких приемов привлечь к своей переработке интерес простых румынских людей. Однако же тот факт, что критическое звучание оригинала было

полностью снято в переработке, говорит об явной политической цели, которая этим преследовалась. В итоге от произведения Толстого остался один, да и то не совсем точно переданный сюжет.

Мы сказали, что, в отличие от других западноевропейских стран, романы «Война и мир» и «Анна Каренина» проникли в Румынию со значительным запозданием, и отметили то пристальное внимание, с каким, начиная с середины 1880-х годов, здесь следили за всеми новыми сочинениями Толстого. Наибольший интерес, естественно, привлекли «Крейцерова соната» и «Воскресение».

В судьбе «Крейцеровой сонаты» в Румынии бросается в глаза быстрота, с которой повесть была переведена и стала известна читателю. Уже в августе 1890 г. газета «Românul» поместила сообщение, впрочем не подтвердившееся, о существовании перевода, выполненного одним из сотрудников газеты «Adevărul» [35], а в конце того же года в газете «Reforma», выходившей в Крайове, появляется первый румынский перевод повести [36]. Он был сделан с французского перевода Рони-старшего и И. Павловского (изд. Lemaire). Однако значение этой публикации сводится фактически лишь к хронологическому первенству, так как повесть дана в газете с большими купюрами, пропусками и сокращенно (обрывается на семнадцатой главе русского текста).

Полностью на румынском языке «Крейцерова соната» вышла в свет в апреле 1891 г. отдельным изданием. В книгу вошло известное «Послесловие» Толстого к повести. Перевод был сделан Ю. Рошка не с русского, а с французского языка по упомянутому изданию Lemaire [37].

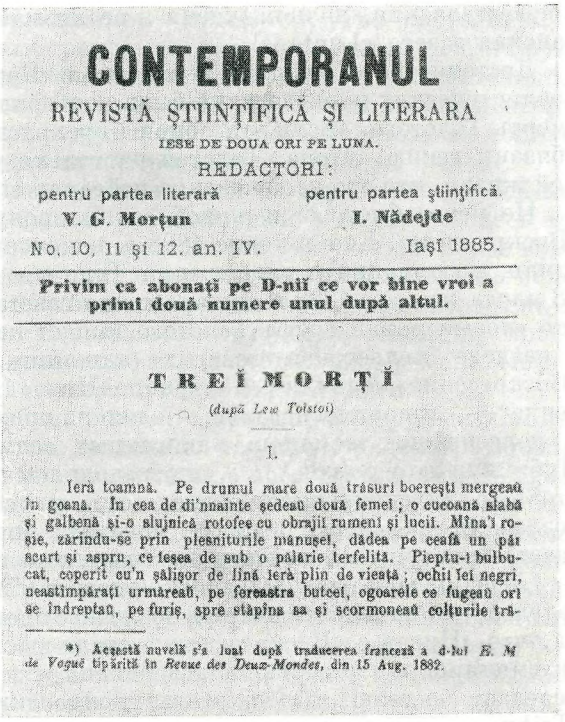
В 1892 г. провинциальная газета «Independenţa», «стремясь дать читателю шедевры величайших представителей литературы», начала печатать новый перевод «Крейцеровой сонаты» [38]. Но газета прекратила свое существование на первом же номере. Полный перевод повести под заглавием «Casătoria» («Брак») поместила в 1901 г. на своих страницах ясская газета «Liberalul» [39]. А в 1908 г. в связи с восьмидесятилетием Толстого «Крейцерова соната» вышла отдельным изданием в переводе Матильды Георгиу и с предисловием писателя *Л. Дауша* [40]. Повесть была опубликована в массовой серии «Библиотеки для всех» («Biblioteca pentru toţi»), и перевод этот получил широкое распространение; в 1928 г. он вышел пятым изданием.

Появление «Крейцеровой сонаты» на румынском языке было встречено с острым интересом общественностью страны и вызвало широкий отклик в печати. Газета «Românul» назвала повесть «одним из самых выдающихся произведений века» и рекомендовала всем прочитать ее [41]. «Эта книга,— говорилось в другом отзыве,— так нашумела и так потрясла господствующие классы великих держав, что в большинстве государств продажа ее запрещена. Даже весьма либеральные Соединенные Штаты Америки испугались ее идей и наложили на нее запрет. И в самом деле ‹...›, Толстой показывает нам так просто и так правдиво ложь современного брака, что читатель потрясен и испуган фальшью нашего общества» [42].

Суждения критики о «Крейцеровой сонате» отличались большим разнообразием. Одним из первых откликнулся на повесть *К. Доброджану-Геря*, известный общественный деятель и литературный критик, стоявший на материалистических позициях, но впоследствии заплативший некоторую дань оппортунизму. В статье 1891 г. «Причины пессимизма в литературе и жизни» [43] Доброджану-Геря рассматривает пессимизм Позднышева как некую разновидность той «болезни века», которою отмечено и творчество отдельных французских писателей (Мюссе, например). Автор объясняет эту «болезнь века» социальными условиями, «аномалиями, неминуемо присущими» буржуазному обществу. Именно «социальные условия»,— утверждает он,— являются первопричиной семейной драмы. Доброджану-Геря вскрывает всю глубину критики Толстым буржуазного института брака, проблем

«ТРИ СМЕРТИ», ПЕРВОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ТОЛСТОГО, ПЕРЕВЕДЕННОЕ НА РУМЫНСКИЙ ЯЗЫК

«Contemporanul», 1885, № 1012
Страница первая



CONTEMPORANUL

REVISTĂ ŞTIINŢIFICĂ ŞI LITERARA

IESE DE DOUA ORI PE LUNA.

REDACTORI:

pentru partea literară V. G. Morţun — pentru partea ştiinţifică I. Nădejde

No. 10, 11 şi 12. an. IV. Iaşi 1885.

Privim ca abonaţi pe D-nii ce vor bine vroi a primi două numere unul după altul.

TREĬ MORŢĬ

(după Lew Tolstoi)

I.

Ierà toamnă. Pe drumul mare două trăsuri boereşti mergeaŭ în goană. În cea de di'nnainte şedeaŭ două femei; o cucoană slabă şi galbenă şi-o slujnică rotofee cu obrajii rumeni şi lucii. Mîna'i roşie, zărindu-se prin plesniturile mănuşei, dădea pe ceafă un păr scurt şi aspru, ce ieşea de sub o pălărie terfelită. Pieptu-i bulbucat, coperit cu'n şălişor de lînă ierà plin de vieaţă; ochii ĭei negri, neastîmpăraţi urmăreaŭ, pe fereastra butcei, ogoarele ce fugeaŭ ori se îndreptaŭ, pe furiş, spre stăpîna sa şi scormoneaŭ colţurile tră-

*) Acţastă nuvelă s'a luat după traducerea franceză a d-lui *E. M de Vogué* tipărită în *Revue des Deux-Mondes*, din 15 Aug. 1882.

любви и половой этики. «„Крейцерова соната“,— заявляет он,— пользуется таким огромным успехом потому, что современный мир увидел в ней картину своей семейной жизни». Почти одновременно со статьей Доброджану-Геря была напечатана и статья литературоведа *Г. Богдана-Дуйкэ*. Отмечая «необыкновенный талант» русского писателя, «неустрашимость его мысли» и «чистоту проповедуемых идеалов», Дуйкэ не соглашается с морально-философскими положениями Толстого. Однако несмотря на желание румынского исследователя отмежеваться от социально-обличительных взглядов Толстого, он не смог избежать их влияния. В статьях о «Крейцеровой сонате» Дуйкэ, обычно чуждый оппозиционным настроениям, приходит к некоторым критическим выводам по отношению к буржуазной действительности. Он признает, что эта книга является суровым осуждением пороков, «преграждающих людям путь к счастью», и считает, что она поможет румынскому читателю «внимательнее отнестись к некоторым вопросам⟨...⟩, например, задуматься над воспитанием наших девушек, у которых в голове только мысли об успехе в обществе и развлечениях»[44].

В своих отзывах о «Крейцеровой сонате» румынская критика, и в особенности ее демократически настроенная часть, стремилась провести разграничительную черту между обличительным пафосом повести и ее проповедью аскетизма. *Г. Ибрэиляну*, в те годы начинающий критик, сопоставляет семейную драму Позднышевых с семейной драмой, изображенной румынским писателем Влахуцэ в романе «Дан», и вскрывает родственные социальные корни обеих драм[45].

С годами, по мере того как сглаживалась острота новизны, споры вокруг парадоксальных выводов Толстого стали утихать. «Крейцерову сонату» начали рассматривать прежде всего с художественной точки зрения, стремясь извлечь из нее уроки глубокого и правдивого изображения жизни. «Повесть бесспорно отмечена высоким мастерством, нашедшим свое отражение в описаниях ревности и трагической сцене мести⟨...⟩, а также

в повествовании, полном жизни и реализма»,—писала в 1910 г. трансильванская газета «Lupta»[46].

Достоинства «Крейцеровой сонаты» и «Воскресения» как замечательных реалистических произведений были подчеркнуты *Г. Ибрэиляну* в статье на смерть Толстого. «Если эти романы прекрасны,— писал он,— то этим они обязаны гению автора. Толстой настолько увлечен изображением реальной жизни, что это изображение победило все его теории»[47].

Не менее быстрый и живой отклик получило в румынской печати и «Воскресение». Еще в конце 1898 г. некоторые румынские журналы поместили информации о завершении Толстым работы над этим романом, а 18 марта (ст. ст.) 1899 г. бухарестская газета «Ероса» известила читателей, что «новый роман графа Толстого выйдет на днях на румынском языке в разделе фельетонов газеты» (напомним, что первые четыре главы «Воскресения» появились в журнале «Нива» 13/25 марта 1899 г.). «„Воскресение“, — говорилось далее,— один из прекраснейших, трогательнейших и полезнейших романов, написанных гениальным русским писателем. Публикуя этот роман <...>, мы выполняем обещание давать читателям достойную духовную пищу и знакомить их с наиболее ценным из того, что создавали и создают великие писатели мира»[48]. Несколько дней спустя газета приступила к печатанию обещанного перевода романа.

Через неделю трансильванская газета «Tribuna» также оповестила читателей, что начинает печатать последнее произведение Толстого, и сообщила, что «Нива» с «Воскресением» стала расходиться в трехстах тысячах экземпляров и что первая глава романа уже в день выхода журнала была передана по телеграфу некоторым лондонским и нью-йоркским газетам[49]. «Tribuna» перепечатывала дословно перевод, помещенный в «Ероса» (этот последний представлял собою перевод с французского Т. де Визева, опубликованный в газете «Echo de Paris», а затем выпущенный отдельным изданием).

В связи с появлением романа в «Echo de Paris» французский литератор *А. Субервьель* писал на страницах прогрессивного журнала «Revue Blanche»: «Наверное Толстому показалась бы забавной та роль, которую брала на себя консервативная и националистическая газета, публикуя его произведения»*. Вероятно Толстому показалось бы еще «забавнее», если бы он знал, что роль популяризатора одного из его произведений наиболее резко выраженного обличительного характера взял на себя орган консервативной партии Румынии — газета «Ероса».

Румынская газета начала печатать роман, полностью с ним не ознакомившись, доверясь родственной по духу «Echo de Paris». Не исключено, что здесь играли роль и соображения коммерческого порядка. Как бы то ни было, напуганная толстовским изображением уродств современного социального строя, редакция газеты вскоре прекратила печатание романа. Оно оборвалось на девятой главе второй части.

Упомянутый А. Субервьель, указав в цитированной статье на ряд сокращений, допущенных в переводе Визева, вполне основательно усмотрел в этих пропусках попытку «весьма тенденциозной обработки текста Толстого». Те же купюры сделаны, разумеется, и в румынском переводе. Не довольствуясь ими, «Ероса» позволила себе и ряд других отступлений от оригинала. Часть глав в переводе полностью отсутствует, многие даны с большими сокращениями и искажениями. Ясное представление о характере вмешательства переводчика в толстовский текст дает, например, переделка, которой подверглась глава тридцать шестая. Выбросив отрывок с описанием суда над мальчиком, укравшим половики, переводчик закончил главу собственным текстом, преследовавшим явную цель — реабилитиро-

* Цит. по докторской диссертации Т. Л. Мотылевой. «Лев Толстой во французской литературе и критике», 1947.— *Т. Н.*

вать царское правосудие. «Присяжные,— пишет он,— по настоянию Нехлюдова оправдали мальчика».Стремление румынской газеты лишить роман его критической силы находит объяснение в румынской действительности тех лет, в которой было много общего с русской. С точки зрения консервативных кругов, чьи интересы представляла «Ероса», толстовские социальные обличения были опасны для существовавшего «порядка вещей».

В 1900 г. «Воскресение» начало печататься на страницах другой консервативной газеты — «Evenimentul», выходившей в Яссах [50]. Здесь толстовский текст подвергся еще более радикальной «чистке». Из романа было изъято все, что, по мнению редакции, могло вызвать нежелательные сопоставления с условиями жизни румынского народа. И все же, несмотря на такую «дистилляцию», редакция «Evenimentul»,по примеру редакции «Ероса», не решилась или не захотела довести до конца публикацию романа. Печатание перевода прекратилось на четвертой главе первой части.

Таким образом, первые публикации «Воскресения» на румынском языке давали неполное, искаженное, тенденциозное представление о произведении и не могут быть названы переводами в собственном смысле слова.

Между тем румынская общественность продолжала проявлять все больший и больший интерес к роману, уже несколько раз переведенному на главнейшие западноевропейские языки и вызвавшему повсюду шумные толки. Естественен поэтому тот теплый прием, который встретил вышедший в 1910 г. перевод, принадлежавший знатоку русского языка и русской литературы И. Дусчану, уже и ранее переводившему русских авторов [51].

Дусчан перевел роман до конца, и перевод был сделан им с подлинника, хотя переводчик и обращался к тексту перевода Визева, о чем говорят некоторые явные совпадения румынского и французского изданий. Однако и в этом переводе есть сокращения и пропуски. Они коснулись, в основном, страниц, где подвергаются критике устои буржуазного общества и показываются картины ужасающей бедности русской деревни, словом, всего того, что могло бы вызвать ассоциации с румынской жизнью. Более терпимо, чем Визева, отнесся Дусчан к противоцерковным страницам «Воскресения». Объясняется это, вероятно, тем, что антиклерикальная критика воспринималась в Румынии более спокойно, чем в католических странах. В произведениях румынских писателей обличения церкви и духовенства встречаются в те годы довольно часто (ср., например, у Садовяну). Все же и Дусчан опустил в знаменитом описании обедни несколько абзацев, в которых в памфлетном тоне говорится о таинстве евхаристии.

Но критический смысл «Воскресения» не остался скрытым от прогрессивной румынской интеллигенции, ознакомившейся с романом по иностранным переводам, сделанным без купюр. «Назначение романа,— писал, например,критик *Б. Брэништяну*,—в осуждении ряда обычаев, общественных законов и государственных учреждений, иные из которых характерны лишь для России, иные же типичны для всего современного мира» [52]. Это же отмечает и критик *Х. Саниелевич*. Роман Толстого, по его словам, «широко охватывает не только жизнь русского народа во всей ее сложности», но и жизнь всего человечества, а композиционное единство книги «рождается из того, что все кажущиеся отступления приводят к одному заключению: к приговору над жизнью современного общества— бессмысленной и зверской» [53]. «На четырехстах страницах романа,—писала газета «Dreptatea»,— развертывается пестрый калейдоскоп жизни, который дает нам возможность увидеть множество сцен, рисующих потрясающие картины существования обездоленных, в противовес утонченной роскоши немногочисленного класса, в распоряжении которого находятся все земные блага» [54].

Подчеркивая гуманизм и правдивость творчества Толстого, критик *Родион* (*Штеерман*) говорил о том, что «„Воскресение“ тесно связано с действительностью», изображает «человеческие слабости и пороки»[55].

Сразу же по выходе в свет в России «Хозяина и работника» [56], «Смерти Ивана Ильича» [57], «Корнея Васильева», «Божеского и человеческого», «За что?» [58], «Песни на деревне» [59], «Три дня в деревне» они были переведены и изданы в Румынии [60].

В начале XX в. знакомство Румынии с творчеством Толстого укрепляется и расширяется. После подчеркнутого интереса к поздним произведениям Толстого, внимание румынских читателей обращается к сочинениям, написанным до духовного кризиса и нашедшим ранее широкое распространение на западе Европы. В эти годы впервые переводятся на румынский язык: «Детство» [61], «Поликушка», «Холстомер» [62], «Севастопольские рассказы» [63]. Переиздаются в новых переводах «Набег» [64], «Казаки» [65], «Семейное счастье» [66], появляются, хотя и несовершенные, переводы «Войны и мира» и «Анны Карениной».

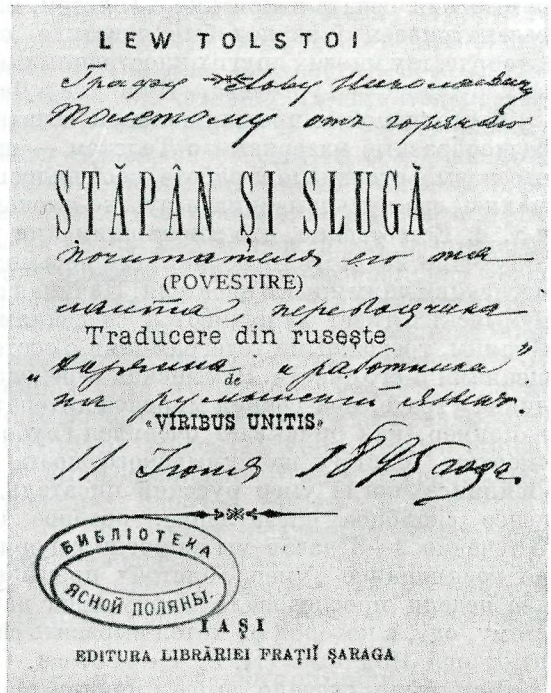
Первая попытка перевести на румынский язык «Войну и мир» принадлежит Л. Ребряну. Будущий романист и один из виднейших представителей румынской прозы XX в. обратился к эпопее Толстого в 1909 г. — еще до начала самостоятельной творческой деятельности, но в очень важный для себя момент, когда он решил окончательно связать свою судьбу с литературой. Работа над переводом романа Толстого — значительный факт творческой биографии Ребряну. Она приобщила его в самом начале писательского пути к высшей школе художественного реализма и мастерства. Перевод Ребряну, предназначавшийся для массовой серии «Biblioteca pentru toţi» («Библиотеки для всех»), охватывает первые две части романа. Ребряну не владел русским языком и переводил, по всей вероятности, с немецкого перевода.

В противоположность другим переводам из Толстого, сделанным Ребряну позднее (рассказы «Ильяс» — 1917 г. и «За что?» — 1919 г.), перевод «Войны и мира» страдает шероховатостями языка, в частности, обилием трансильванских диалектизмов. Вероятно, эти и другие недостатки перевода заставили издателей воздержаться от его напечатания, и работа осталась неоконченной. Однако было бы несправедливо умолчать о некоторых прекрасных страницах перевода Ребряну. В ряде мест молодому писателю удалось передать красоту оригинала, достигнуть выразительности, точности, образности языка, которые в дальнейшем станут характерными для его собственных произведений.

Вскоре был предпринят второй опыт перевода «Войны и мира». Автор перевода — публицист А. Корбул. Перевод был опубликован в 1911 г. в трансильванской газете «Tribuna» и в том же году издан отдельной книгой [67]. Переводчик ограничился первыми двумя томами романа, но и в них допустил некоторые сокращения текста.

В 1918 г. роман выходит в новом переводе в виде двух книг с самостоятельными заглавиями: «Война и мир» и «Наполеон и Александр» [68]. Следуя в коммерческих целях за худшими образцами некоторых французских изданий, переводчик Дж. Б. Рареш, можно сказать, искромсал Толстого. Он исключил из романа почти все историко-философские размышления, а также большинство описаний военных и политических событий, «сохранив» только основной каркас произведения, развитие сюжета и любовную интригу. Это привело к такому глубокому извращению творения Толстого, что перевод Рареша, в сущности, и не заслуживает названия перевода.

Одновременно с «Войной и миром» появляется в Румынии и первый перевод «Анны Карениной». Издание его было предпринято театральной газетой «Rampa». С конца 1911 г. эта газета начала выпускать на румынском языке в виде книг-приложений лучшие произведения мировой литературы. Серия открылась «Записками из мертвого дома» Достоевского, а затем была издана «Анна Каренина», переведенная Э. Дырзеу [69].


LEW TOLSTOI

Графу Льву Николаевичу Толстому от горячего

STĂPÂN ȘI SLUGĂ

почитателя его таланта

(POVESTIRE)

переводчика

Traducere din rușește

„Хозяина и работника"

de

на румынский язык.

«VIRIBUS UNITIS»

11 Июня 1895 года.

БИБЛІОТЕКА ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ

IAȘI

EDITURA LIBRĂRIEI FRAȚII ȘARAGA

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ПЕРЕВОДЧИКА НА ПЕРВОМ РУМЫНСКОМ ИЗДАНИИ РАССКАЗА «ХОЗЯИН И РАБОТНИК» (ЯССЫ, 1895):

«Графу Льву Николаевичу Толстому от горячего почитателя его таланта, переводчика „Хозяина и работника" на румынский язык. 11 июня 1895 года»

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

По словам газеты, выход в свет этого произведения был встречен с исключительным интересом. «Как и следовало ожидать,— писала «Rampa»,— первый выпуск романа Льва Толстого „Анна Каренина", вышедший вчера, имел огромный, еще небывалый на нашем книжном рынке успех. Менее чем за два часа столичными продавцами по заявкам, сделанным за неделю вперед, было продано около пяти тысяч экземпляров» [70].

Нужно отметить также публикации посмертно изданных сочинений писателя. В 1911—1912 гг. были переведены и выпущены в свет «После бала» [71], «Отец Сергий» [72], «Что я видел во сне» [73], «Нечаянно» [74] и отрывки из «Живого трупа» [75]. Большой известностью пользовалась в Румынии и публицистика Толстого. Румынский читатель хорошо знал такие сочинения писателя, как «Что такое искусство?» [76], «Рабство нашего времени» [77], «Великий грех» [78], «Стыдно» [79], «Для чего люди одурманиваются?» [80], «Одумайтесь», «Ответ на определение синода» [81] и др. Эти статьи Толстого не только переводились, но давались в извлечениях и различным образом использовались демократической общественностью Румынии для обличения буржуазной действительности. Неоднократно в прямых политических целях обращалась к публицистическим выступлениям Толстого рабочая печать. На ее страницах были помещены, в частности, переводы статьи «Номер газеты» [82], отрывки из «Писем о голоде» [83], высказывания Толстого об искусстве, религии, милитаризме, государстве, войне и т. д.

* * *

Подлинные масштабы известности Толстого в Румынии конца XIX — начала XX в. не могут быть определены только на основании приведенных справок о количестве переводов толстовских сочинений, появившихся в это время. Необходимо познакомиться также с тем, что и как писала

румынская печать и критика о Толстом, интерес к которому в Румынии в рассматриваемый период был поистине огромен и превосходил интерес к творчеству многих других иностранных писателей, среди них и некоторых русских — Тургенева, Пушкина, Лермонтова и т. д.

В столичной и провинциальной печати широко публиковались самые разнообразные материалы о Толстом — писателе и человеке. Печатались рассказы о его жизни и работе, сообщалось о его творческих планах, помещались его высказывания о русско-японской войне, о революции 1905 г. и т. п. Естественно, что много внимания уделялось таким событиям, как отлучение Толстого от церкви, его восьмидесятилетний юбилей и особенно последним дням жизни писателя. Начиная со 2 ноября 1910 г., целые полосы румынских газет заполняются сведениями об уходе Толстого из Ясной Поляны, тревожными телеграммами о состоянии его здоровья, а затем сообщениями о его смерти. Румынская передовая общественность скорбела о великой утрате, понесенной мировой литературой и всем человечеством. Вот, например, как описывает очевидец глубокое впечатление, произведенное смертью Толстого на румынского поэта Панаита Черну: «Мы жили в Лейпциге, когда умер русский писатель. Я никогда не забуду потрясающее скорбное впечатление, которое произвела эта весть на Черну. В течение 2—3 часов мы не могли говорить ни о чем, так как ежеминутно восклицание „умер Толстой" прерывало наше молчание. Более чем две недели преследовала Черну идея написать оду, посвященную Толстому, оду, в которой он хотел выразить свои чувства к великому учителю из Ясной Поляны». (H. P. Petrescu. Cb. «Consînzeana», 1913, p. 309).

Как было сказано выше, инициатором распространения сочинений Толстого в Румынии явилась рабочая печать. Она же одной из первых предоставила свои страницы и для критических статей о Толстом.

Так, уже в 1888 г. поэт *О. Карп*, принадлежавший к кружку журнала «Contemporanul», выступил с разбором «Анны Карениной». «Жизнь со своими заботами, со своей работой и размышлениями, проникновенно и вдумчиво проанализированная в самых сокровенных ее проявлениях <...>, развертывается в романе яснее и убедительнее, чем твое собственное бытие или бытие твоих друзей»,— пишет он. Указывая на этическое значение творчества Толстого, чьи сочинения «вселяют добрые чувства», Карп не забывает подчеркивать и их эстетическую ценность и мастерство писателя. По его словам, «читая роман Толстого, понимаешь, что ты восхищен творением гения» [84].

Значительный интерес представляет появившаяся в 1892 г. большая, но оставшаяся незаконченной статья о Толстом известного румынского писателя-романиста *Д. Замфиреску*. Статья появилась в журнале «Convorbiri Literare», вокруг которого объединялась группа сторонников «чистого искусства» — «Junimea» [85]. Однако пафосом статьи Замфиреску было преклонение перед мощью толстовского реализма, его «классической правдивостью». Хотя Замфиреску и не всегда правильно понимает Толстого, в особенности народность творчества русского писателя, благодаря убедительности, с которой он доказывает художественное и эстетическое превосходство реализма Толстого над западноевропейским натурализмом и декадентством, его статья сохранила актуальность и для наших дней. Свое преклонение перед Толстым румынский писатель выразил в следующих словах, отражающих не только его личную точку зрения, но и точку зрения лучших его современников: «Если бы XIX век подарил миру только Дарвина и Толстого, то и тогда он имел бы право называться „шагом вперед" в истории человечества».

В 1908 г., по случаю восьмидесятилетия Толстого, Замфиреску посвящает ему статью, проникнутую еще бо́льшим восхищением перед «светлым гением, согревшим наши души» [86]. В этой статье Замфиреску уделяет

главное внимание реализму и художественному мастерству Толстого. По его мнению, три черты отличают искусство русского романиста: главными он считает изображение жизни в ее «сущности», в ее «дыхании», так что «создается подлинное впечатление действительности». Кроме того, «широта композиции», охват жизни в ее разнообразных проявлениях, обилие человеческих типов способствуют созданию того «прекрасного зеркала жизни», каким являются романы русского писателя. Имя Толстого часто встречается и в переписке Замфиреску.

Румынская литературная жизнь конца XIX и начала XX в. отмечена острой борьбой за реалистическое, идейное — «тенденциозное», как тогда говорили, искусство, против распространявшихся упадочных течений, выдвигавших лозунг «чистого искусства». В этой борьбе сторонники «тенденциозного» искусства часто прибегали к опыту великих национальных литератур Запада и России, ссылаясь на лучших представителей этих литератур. В качестве примера «классического» изображения правды жизни в искусстве среди других русских писателей на первое место выдвигалось имя Толстого. «Как полезно было бы для нашего литературного развития,— писал в 1894 г. на страницах рабочей газеты „Lumea Nouă" *К. Доброджану-Геря*,— если бы у нас были правильно и хорошим румынским языком переведены главные произведения Бальзака, Стендаля, Диккенса, Толстого, Тургенева, Достоевского! Какое огромное влияние это могло бы оказать на художественный уровень литературы, на воспитание вкуса читающей публики» [87].

В основных свои статьях — таких, как «Критика критики» (1887), «Писатели-граждане» (1894), «Литературный вопрос» (1895) [88], Доброджану-Геря говорит о характерном для всей передовой русской литературы, и для Толстого в частности, гуманизме — глубокой любви к человеку, защите обездоленных, о ее стремлении к высокому общественному идеалу. Вместе с тем он отмечает обличительный, критический пафос произведений Толстого. «Принадлежа сам к высшей аристократии, Толстой борется против нее и против всех нетрудовых слоев общества»,— пишет он в статье «Писатели-граждане». «Власть тьмы» он называет «самым гениальным», но в то же время и «самым пессимистическим из всех существующих произведений о деревне» [89]. Особенно энергично подчеркивает Доброджану-Геря глубину и силу толстовского реализма, мастерство и правдивость русского писателя в изображении жизни. «После того как вы прочли роман, закрыли книгу, вы чувствуете огромное удовлетворение, вы чувствуете, что тет ничего лишнего, все незначительные подробности направлены к одной единой и конечной цели: созданию впечатления подлинной жизни...»,— пишет он в статье «Пролетарские писатели» [90].

Передовая румынская критика и печать выражали неоднократно свое восхищение высоким мастерством Толстого-романиста. Наряду с этим, в особенности на страницах печати, близкой к рабочему движению, высказывались и критические мнения о его философии непротивления злу и самосовершенствования. Высоко ценя Толстого как великого художника-реалиста и обличителя буржуазного общества, эта печать выступала против его философских воззрений. Об этом говорит, например, статья поэта *Ш. Петикэ* в газете «Lumea Nouă». Называя учение Толстого «самообманом», Петикэ, в отличие от многих западноевропейских критиков, со всей решительностью утверждает, что философ в Толстом уступает художнику. Автор останавливается на гуманизме и литературном мастерстве Толстого: «Вряд ли,— говорит он,— найдется среди других гениальных писателей хотя бы один, чье искусство поднялось бы до такой высоты и смогло бы так увлекать силой чувства, как искусство Толстого» [91].

Точку зрения румынской рабочей печати на творчество Толстого с еще большей ясностью выявляет статья *А. Костина* в газете «România Muncitoare», посвященная восьмидесятилетию писателя. Отмежевываясь от религиозно-философских взглядов Толстого, так как они «не совпадают с нашей точкой зрения», автор с подлинным уважением говорит о Толстом-писателе, усматривая главную его заслугу в том, что «он глубоко любит народ <...>, стремится пробудить его ото сна, вывести из темноты», что в своих произведениях он выражает «протест русского народа против неслыханного угнетения и насилий со стороны жестокого тиранического режима самодержавной власти...». Несмотря на все различие между учением Толстого и марксизмом, идеи Толстого, по мнению критика, «принесли несомненную пользу русскому народу»[92].

Стремлением показать, что́ именно близко рабочему движению в творчестве Толстого, проникнута и статья, которой та же газета откликнулась на смерть писателя. «Может показаться странным,— говорится в статье,— что мы, социалистическая газета, помещаем некролог и даже с восхищением отзываемся о писателе и философе, с которым у нас нет никакого идейного родства». Указывая далее, что социализм «усваивает все самое лучшее, благородное и прекрасное, что было создано человечеством в течение веков», статья называет Толстого революционером. В подтверждение такого взгляда на объективное значение творчества Толстого газета отмечает его гуманизм, «сочувствие к прекрасному, но несчастному русскому народу, страдающему под гнетом царизма», и ссылается как на «главную заслугу» писателя на то, что он так убедительно и с таким искусством показал и «заклеймил пороки общества, в котором жил». «Он вынес,—говорится в заключение статьи,— приговор всем преступлениям, которые были совершены ничтожным пигмеем, петербургским тираном. За это Толстого чтит русский народ и уважают даже самые крайние революционеры»[93].

Объективную оценку творчества Толстого в свете идеалов румынского пролетариата дает и статья, напечатанная в 1912 г. в «Calendarul Muncii», как отклик, правда, несколько запоздалый, на смерть писателя. Отвергая «наивные», «детские» способы, предлагаемые Толстым для изменения существующих общественных порядков, статья отмечает острую критическую направленность, обличительный пафос его произведений и подчеркивает значение творчества русского писателя для пролетариата всех стран. Автор пишет: «Миллионы людей, которых Толстой <...> убедил в том, что современное общество устроено несправедливо<...>, пришли к выводу, после того как он открыл им глаза, что только социализм ведет к их освобождению<...> Вот почему рабочие-социалисты будут всегда с уважением вспоминать Толстого<...>, как одного из великих борцов за счастье человечества»[94].

С не менее пристальным и сочувственным вниманием воспринимается в те же годы творчество Толстого всеми виднейшими передовыми деятелями румынской культуры. С интересной статьей выступает в 1908 г. на страницах „Viaţa Românească“ (под псевдонимом Константин Шэркэляну) публицист *К. Стере*. Он приветствует в Толстом представителя «передового, идейного искусства», называет его «творцом», «создателем целого мира» (C. Şărcăleanu. Contele L. N. Tolstoi. VR, 1908, № 9, sept., p. 385—402).

Известный критик *Г. Ибрэиляну*, на статьи которого мы уже ссылались, посвящает автору «Войны и мира» много страниц, свидетельствующих о глубоком понимании им толстовского реализма.

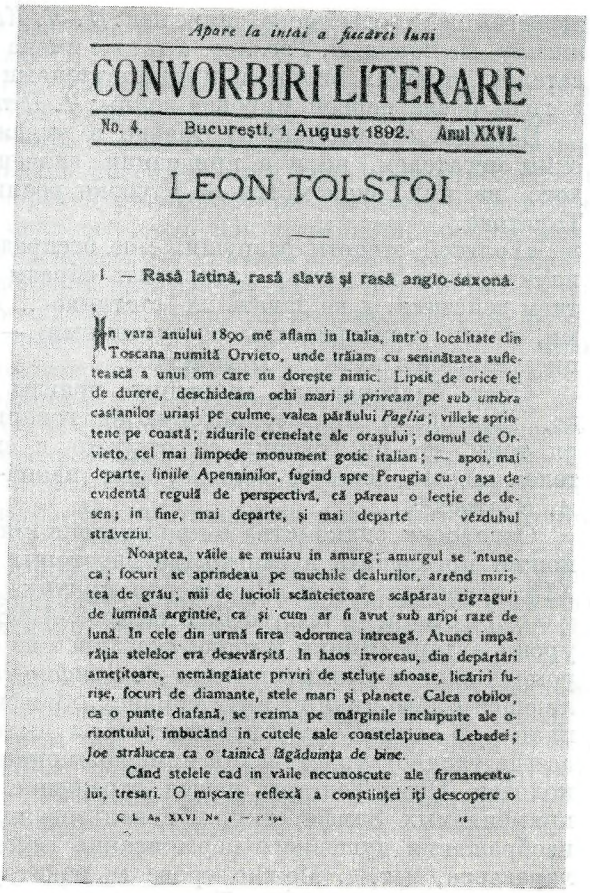
В ноябре 1910 г. Ибрэиляну писал: «Кто интересует нас больше всего, кто принадлежит нам столько же, сколько России, и кто принадлежит всему миру — это великий романист, который написал „Войну и мир“ и „Анну

СТАТЬЯ РУМЫНСКОГО ПИСАТЕЛЯ ДУЛИУ ЗАМФИРЕСКУ О ТОЛСТОМ

«Convorbiri literare», 1892, № 4, 1 августа

Страница первая

«Если бы XIX век подарил миру только Дарвина и Толстого, то и тогда он имел бы право называться „шагом вперед" в истории человечества» (Д. Замфиреску)



Apare la intâi a fiecărei luni

CONVORBIRI LITERARE

No. 4. Bucureşti, 1 August 1892. Anul XXVI.

LEON TOLSTOI

I. — Rasă latină, rasă slavă şi rasă anglo-saxonă.

In vara anului 1890 mĕ aflam in Italia, intr'o localitate din Toscana numită Orvieto, unde trăiam cu seninătatea sufletească a unui om care nu doreşte nimic. Lipsit de orice fel de durere, deschideam ochi mari şi priveam pe sub umbra castanilor uriaşi pe culme, valea părăului *Paglia*; villele sprintene pe coastă; zidurile crenelate ale oraşului; domul de Orvieto, cel mai limpede monument gotic italian; — apoi, mai departe, liniile Apenninilor, fugind spre Perugia cu o aşa de evidentă regulă de perspectivă, că păreau o lecţie de desen; in fine, mai departe, şi mai departe vĕzduhul străveziu.

Noaptea, văile se muiau in amurg; amurgul se 'ntuneca; focuri se aprindeau pe muchile dealurilor, arzĕnd miriştea de grău; mii de lucioli scănteietoare scăpărau zigzaguri de lumină argintie, ca şi cum ar fi avut sub aripi raze de lună. In cele din urmă firea adormea intreagă. Atunci impărăţia stelelor era desevărşită. In haos izvoreau, din depărtări ameţitoare, nemăngăiate priviri de steluţe sfioase, licăriri furişe, focuri de diamante, stele mari şi planete. Calea robilor, ca o punte diafană, se rezima pe mărginile inchipuite ale orizontului, imbucănd in cutele sale constelaţiunea Lebedei; *Joe strălucea ca o tainică făgăduinţa de bine.*

Cănd stelele cad in văile necunoscute ale firmamentului, tresari. O mişcare reflexă a conştiinţei iţi descopere o

C. L. An XXVI No 4 — 1 194 16

Каренину"». Критик подвергает тщательному анализу художественную ткань этих романов и раскрывает их значение прежде всего как реалистических произведений. «У Толстого,— пишет Ибрэиляну,— одно глубокое наблюдение следует за другим», причем подобных наблюдений «до него еще никто не делал». «Читая Толстого, все время так и хочется воскликнуть „правильно!" всякий раз, когда речь идет о чувствах, которые ты уже пережил, или „так должно быть, иначе невозможно!", если речь идет о вещах, с которыми ты еще не имел случая познакомиться. Кто не испытывал восхищения, потрясенный необъятной картиной жизни, изображенной в „Войне и мире", или тонким, день за днем, раскрытием души несчастной Анны Карениной!.. Потомство, которое, возможно, и забудет апостола, никогда не перестанет восхищаться тем, кто описал муки Анны, смерть Андрея и божественную простоту наивного Каратаева...» [95]

Но чтобы до конца понять, что означал Толстой для прогрессивных румынских писателей конца XIX и начала XX в., нужно прочесть взволнованную, задушевную и глубоко лирическую статью, в которой Михаил Садовяну прощался в 1910 г. со своим «идеальным другом» *.

Если бы составить сборник высказываний румынских писателей о Толстом, то в нем, кроме названных, оказались бы и другие широко

* Эта статья Садовяну печатается полностью в кн. 1-й настоящ. тома и поэтому здесь не цитируется.— *Ред.*

известные в те годы имена, такие как: *И.-Л. Караджале*, *А. Влахуцэ*, *В. Эфтимиу*, *П. Черна*, *Э. Гэрляну*, а также имена тогда только начинавших писателей, ставших видными представителями румынской литературы уже в годы после первой мировой войны: *Ч. Петреску*, *Л. Ребряну* и т. д.

Все они единодушны не только в выражении восхищения перед русским писателем, но и в признании значения, которое имело для каждого из них знакомство с глубоко реалистическими произведениями Толстого.

«Толстой отчасти разрушил мое беспредельное обожание Бальзака и научил меня искусству раскрывать образы постепенно, в связи с развитием действия, а не давать их статично<...>, слишком последовательными, почти геометрически построенными»,— вспоминает о начале своего писательского пути *Ч. Петреску* [96].

«Этот благородный защитник правды был великим другом народа. Благодаря правде, которую он говорил, а в особенности благодаря тому, что он говорил ее открыто и спокойно, он являлся властителем своего народа больше, чем какой-либо из монархов»,— писал *А. Влахуцэ* [97].

Отголоски знакомства с произведениями великого русского классика можно проследить в творчестве некоторых румынских писателей конца XIX и начала XX в. Румынская критика уже отмечала (см. M. D r a g o m i r e s c u — «Convorbiri critice», 1908, № 14, 15.IX, p. 545), что уроки автора «Войны и мира» сказались на создании первого румынского романа-эпопеи «Комынештены» *Д. Замфиреску*. В этой эпопее, представляющей собою цикл из пяти романов, Замфиреску стремился дать многоплановую картину румынской жизни и пытался применить (правда, не всегда удачно) толстовский композиционный метод создания широких полотен. Опыт Толстого нашел отражение и в приемах портретизации, применяемых Замфиреску, в использовании внутреннего монолога для изображения душевного переживания героя, пейзажа — для раскрытия характера, и т. д. Можно провести некоторые сопоставления и в идейном содержании эпопеи. Так, например, следовало бы указать на родственность проблем, затронутых в романе «Жизнь в деревне»—первом из цикла «Комынештенов», с проблемами, затронутыми в «Анне Карениной». Как и Толстой, Замфиреску останавливается на классовых взаимоотношениях в капиталистическом обществе, в особенности на взаимоотношениях между помещиками и крестьянами, выступает в защиту патриархального уклада жизни и осуждает капиталистические формы жизни и цивилизации. По признанию Замфиреску, знакомство с произведениями Толстого помогло ему показать в романе «Жизнь в деревне» образы крестьян, «однообразную, но светлую жизнь пахаря». Румынский писатель воспринял от Толстого идею нравственной чистоты, духовного превосходства человека из народа над представителями имущих классов.

В другом романе из цикла «Комынештенов» — «На войне» Замфиреску изобразил события войны 1877—1878 гг., в которой румынский народ, выступая в союзе с русским против Турции, завоевал свою независимость. Различия в исторической концепции, в оценке роли народа в освободительной войне, привели автора к ряду выводов, отличных от толстовских. Не признавая значения народа в развитии исторических событий, Замфиреску уделяет главное внимание отдельным личностям, описывает в первую очередь судьбу на войне героев, останавливается на роли представителей господствующих классов, руководителей. Солдатская же масса предстает у него безликой. Но в свободных зарисовках батальных сцен, в описании картин войны, полных движения, в естественном и широком развертывании событий, схваченных во всей их динамике, он следовал примеру создателя «Войны и мира».

Толстовские приемы изображения войны были использованы и М. Садовяну в «Военных рассказах» *.

Оценкам Толстого, принадлежащим передовым представителям румынской культуры, противостоят высказывания той части критики, которая не принимала толстовского протеста против коренных устоев жизни господствующих классов и стремилась ослабить силу социальных обличений писателя. Используя противоречия мировоззрения Толстого, односторонне и тенденциозно подчеркивая его роль как моралиста, проповедника учения о непротивлении злу насилием, эта критика по большей части избегала говорить о нем как о великом писателе-реалисте. Вот что писал, например, протестуя против реализма, его «грубых выдумок», его «вульгарности» и приветствуя зарождение нового «идеалистического направления в литературе», один из идеологов консервативной партии *Н. Филипеску*: «Куда ни посмотришь, в области ли философии, социальных наук, или искусства, всюду дороги ведут к единой центральной точке пересечения: к религии <...> Вот и звезда современной литературы, певец философского нигилизма великий Толстой отказывается от своей славы и прежних убеждений, отказывается от литературы и становится апостолом Евангелия <...>, переходит на сторону новой школы» [98]. А либеральная газета «Viitorul» утверждала: «Толстой велик в первую очередь как апостол или основоположник новой веры», книги же его «полежат еще некоторое время на прилавках магазинов, наследники заработают еще немного денег<...>, а затем все кончится!» [99]

Однако все попытки поставить творчество Толстого на службу реакционным целям или дискредитировать его как художника были тщетны. К приведенным и аналогичным им высказываниям буржуазной печати Румынии полностью применимы слова Ленина: «Это — ложь, которую сознательно распространяют либералы, желающие использовать противореволюционную сторону учения Толстого» [100].

* * *

Ознакомлению в Румынии с творчеством Толстого способствовали и различные театры страны, на сцене которых были представлены некоторые драматические произведения писателя, а также инсценировки его крупнейших прозаических сочинений.

Из драматических произведений Толстого до 1917 г. на румынской сцене были показаны только «Власть тьмы» (1903 г.) и «Живой труп» (1912 г.). Обе пьесы шли в ясском Национальном театре.

Большее внимание было уделено инсценировкам, сделанным по романам Толстого. В 1908 г. французская труппа во главе с Сюзанной Депре ставила в Бухаресте и Яссах «Крейцерову сонату» (обработка для сцены А. Савуара и Ф. Нозьера). В связи со смертью Толстого ясский Национальный театр показал «Анну Каренину» (в инсценировке Э. Гиро) с известными артистами А. Прутяну и С. Драгомиром в главных ролях. Пьеса шла с успехом в 1911 и 1912 гг., в 1914 г. она вызывает огромный интерес и у бухарестских зрителей, которым была показана на сцене театра Войкулеску-Буландра в исполнении таких выдающихся артистов, как Лучиа Стурза Буландра, И. Манолеску и Тони Буландра. В 1915 г. почти одновременно в Яссах и Бухаресте было поставлено «Воскресение» (инсценировка А. Батайля). Благодаря исключительному мастерству исполнения роли Катюши Масловой артистками Мариорой Войкулеску (в Бухаресте) и Аглаей Прутяну (в Яссах) пьеса, несмотря на недостатки инсценировки, имела шумный успех.

---

* Об этом см. на стр. 115—116 кн. 1-й настоящ. тома.

II. «МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ» (1917 — 1944)

Период после Великой Октябрьской социалистической революции до 1944 г.—так называемая эпоха «между двумя войнами» — был весьма трудным временем для румынской культуры вообще, и для ее связей с советской культурой в особенности.

Реакционная политика правых, а подконец и открыто фашистских правительств, вражда к первому пролетарскому государству отразились и на русско-румынских литературных отношениях. В румынской литературе все громче заявляют о себе декадентские течения и формалистические группировки. Они ведут наступление на реалистическое искусство и борются против влияния русской, а еще более советской литературы.

Процесс распространения русской литературы в Румынии идет в эти годы на убыль, а подчас даже возникает угроза потери позиций, завоеванных в этой области усилиями передовых демократических сил конца XIX—начала XX в.

Однако не нужно забывать, что в этот период происходит и такое важное прогрессивное событие, как возникновение Румынской Коммунистической партии. Под ее руководством румынский пролетариат развил ожесточенную борьбу против реакции, упорно в течение более двух десятилетий подготовляя окончательное освобождение народа.

На таком сложном фоне классовой и идейной борьбы следует рассматривать судьбу произведений Толстого в Румынии между 1917 и 1944 гг.

Если при жизни Толстого наиболее широкий отклик находили в Румынии, как мы видели, произведения, написанные им в годы, последовавшие за духовным кризисом, среди которых преобладали сочинения моральнофилософские и публицистические, то теперь главное внимание румынских читателей привлекает художественное наследие писателя.

Основное место в списке сочинений Толстого, переведенных на румынский язык в эти годы, занимают повести, рассказы, романы и прежде всего «Война и мир», «Анна Каренина» и «Воскресение». Они выходят в новых переводах и переиздаются в старых. Несколько раз переиздавались уже указанные переводы «Войны и мира» Д. Б. Рареша и А. Корбула. В трех новых переводах появилась «Анна Каренина»[101], дважды печаталось в новом переводе «Воскресение» [102]. В новых переводах были выпущены «Крейцерова соната» [103], «Хозяин и работник» [104], «Семейное счастье» [105], «Казаки», «Севастопольские рассказы», «После бала», «Смерть Ивана Ильича» и др.

Продолжают выходить в эти годы, хотя не столь часто, «народные рассказы» и повести Толстого. Среди новых изданий этих произведений следует отметить брошюры, выпускавшиеся типографией монастыря Нямц и другими церковными издательствами, причем в переводах духовных лиц [106]. Столь неожиданное, казалось бы, обращение духовенства к сочинениям писателя, отлученного от церкви и умершего, не примирившись с нею, служит одним из своеобразных доказательств огромного авторитета, побеждавшего все запреты и отлучения, каким пользовался Толстой. Особенно широкий размах получают издания сочинений Толстого в 1928 и 1935 гг., когда отмечались столетие со дня рождения и четверть века со дня смерти писателя.

В период «между двумя войнами» впервые на румынском языке выходят повести «Хаджи-Мурат» [107], «Фальшивый купон» [108] и «Дьявол» [109], рассказы «Два гусара» [110], «Тихон и Маланья» (под заглавием «Крестьянская идиллия») [111], пьесы «Власть тьмы» [112] и «Живой труп» [113].

Если до 1917 г. переводы произведений Толстого печатались преимущественно на страницах периодической печати и реже выходили отдельными

изданиями, то в 1917—1944 гг. преобладают отдельные издания, что, несомненно, способствовало более глубокому ознакомлению с этими произведениями.

Положительным фактом было также появление среди переводчиков Толстого имен известных писателей — таких, как Г. Галактион, З. Станку, И. Пас, Д. Нану. Их переводы выгодно отличаются хорошим языком и стремлением к тщательной передаче художественных достоинств оригинала.

Но все же высококачественных переводов было немного. Гораздо чаще румынскому читателю приходилось сталкиваться с переводческой «продукцией» Д. Рареша — коммерсанта от литературы, наводнившего книжный рынок своими переводами произведений русской литературы и в особенности сочинений Толстого. Работая по французским переводам, часто сокращенным и неточным, делая купюры, допуская пропуски, небрежности, Рареш не сумел выполнить той ответственной задачи, за которую взялся и которая явно была ему не по силам.

При рассмотрении истории распространения сочинений Толстого в Румынии в указанный период бросается в глаза одна как будто внешняя, но характерная деталь. В то время как даже самые посредственные произведения западноевропейской литературы появлялись в Румынии в нарядном оформлении, сочинения Толстого выпускались, как правило, в массовых дешевых изданиях, о полиграфических и художественных достоинствах которых не приходится и говорить. Конечно, это обстоятельство способствовало проникновению книг Толстого в самые широкие круги читателей. Но практика издания сочинений Толстого только в виде дешевых книг, полиграфически низкого уровня, свидетельствовала и об отсутствии подлинного уважения буржуазных издателей к автору «Войны и мира». Об этом же свидетельствуют и те переводы произведений Толстого, которые в отдельных случаях выходили в кричащих обложках, с портретами западных кинематографических звезд, снимавшихся в фильмах, сделанных по толстовским романам, с аляповатыми иллюстрациями, рассчитанными на мещанский вкус.

В рассматриваемый период не появилось, не говоря уже о полном, ни одного избранного собрания сочинений Толстого и ни одного комментированного издания какого-либо из его произведений.

Тем не менее частые издания и переиздания повестей и романов Толстого на румынском языке говорят о том, что творчество его и в неблагоприятных условиях тех лет не переставало находить отклик и привлекать сердца и умы лучших представителей румынского народа и его интеллигенции.

О популярности Толстого свидетельствует и судьба его драматургии. Пьесы Толстого и инсценировки его произведений прочно закрепляются в репертуаре румынских столичных и провинциальных театров. Обращение к драматургии Толстого было одним из проявлений широкого интереса, возникшего в 1920-е годы к русскому реалистическому театру. Передовые режиссеры стремились опереться на этот театр — на его репертуар, на его постановочные принципы — в борьбе с начавшимся тогда наступлением на румынскую сцену буржуазного декадентского искусства. Откликаясь на сообщение «Театра товарищества артистов Буландра — Манолеску — Сторин» о предполагаемой постановке нескольких русских пьес, театральная газета «Rampa» писала: «Попытка освоить русскую драматургию — начинание настолько же мужественное, насколько и смелое. Русский театр — театр передовых идей и глубоких душевных переживаний — может оказать лишь положительное влияние на современного зрителя» [114]. В другой раз та же газета назвала обращение к русской драматургии «...самым значительным явлением» в театральной жизни страны [115].

Усиленному вниманию к пьесам Толстого в Румынии способствовали также гастроли в декабре 1921 г. известного немецкого актера А. Моисси, игравшего с огромным успехом роль Протасова в «Живом трупе». Вскоре после этого (27 февраля 1922 г.) на сцене бухарестского Национального театра состоялась премьера «Власти тьмы»; пьеса возобновлялась и в театральных сезонах 1922/23 и 1926/27 гг. По отзывам прессы, спектакль шел с необычайным успехом, которым в равной степени был обязан режиссеру П. Густи, создавшему глубоко волнующую реалистическую постановку, и таким выдающимся исполнителям, как Ана Лука, Г. Сторин, Сырбул, Морцун и др. [116]

В 1926 г. «Власть тьмы» была показана румынскому зрителю парижской труппой Ж. Питоева, гастролировавшей в Бухаресте. По мнению известного драматурга и театроведа К. Петреску, исполнение румынских актеров отличалось от французского «большей силой и выразительностью» [117]. О выдающемся успехе пьесы говорит и число представлений. Только в марте — июне сезона 1921/22 г. она была сыграна тридцать три раза и заняла первое место среди румынских и зарубежных новинок этого сезона.

Бухарестским Национальным театром ставились также инсценировки по романам Толстого: в 1927/28 г. шло «Воскресение» (переработка А. Батайля), в 1929/30 г.— «Крейцерова соната» (переработка Ф. Нозьера и А. Савуара), в 1931/32 и 1932/33 гг.— «Анна Каренина» (переработка Э. Гиро).

Эти инсценировки, в особенности «Воскресения», представляли собою плоские мелодрамы, не имеющие с произведениями Толстого ничего общего, кроме фабулы. И если они оценивались современниками положительно, то это надо считать лишь заслугой исполнителей и режиссеров. Так, например, долгие годы бухарестский зритель отождествлял Катюшу Маслову с образом, созданным артисткой М. Войкулеску.

Исключительный успех «Анны Карениной» также должен быть отнесен прежде всего за счет интересной постановки пьесы талантливым режиссером Соаре З. Соаре и отличной игры всего актерского ансамбля во главе с Марией Филотти (Анна Каренина), И. Манолеску (Каренин), Бэлтэцяну (Вронский), Калборяну (Левин) (три последние получили при демократическом строе звание народных артистов РНР).

Значительным явлением в театральной жизни Румынии 1920-х годов была постановка «Живого трупа» в упомянутом «Театре товарищества Буландра — Манолеску — Сторина» в 1923 г. Успеху пьесы прежде всего способствовало исполнение *И. Манолеску* роли Протасова. По свидетельству критика театральной газеты «Rampa», актер сыграл эту роль «особенно взволнованно, с большой искренностью и простотой» [118]. Сам же Манолеску говорил, что это «одна из тех ролей, которые всегда его привлекали» и над которой он «много работал»[119]. К роли Протасова актер вернулся в 1937 г. и сыграл ее на сцене бухарестского театра «Liga Culturală».

Пьесы Толстого и инсценировки его произведений неоднократно ставились также на главных провинциальных сценах Румынии. В ясском Национальном театре, например, где долгое время директором был М. Садовяну, драматургия Толстого была частым и желанным гостем. В театральных сезонах 1920/21 и 1926/27 гг. там шла инсценировка «Воскресения», а в 1926/27 г. с не меньшим успехом, чем в Бухаресте, была показана «Власть тьмы».

В театральном сезоне 1926/27 г. на сцене клужского Национального театра шли «Власть тьмы» и «Воскресение». «Власть тьмы», поставленная в то время еще молодым, ныне же известным режиссером С. Александреску, встретила положительную оценку критики[120]. В 1928 г. в ознаменование

СБОРНИК РАССКАЗОВ ТОЛСТОГО ДЛЯ ДЕТЕЙ В ПЕРЕВОДЕ А. ТОМЫ (БУХАРЕСТ, РУМЫНСКОЕ ИЗДАНИЕ, 1946)

Художник М. Тейшану

Иллюстрация к рассказу «Корова и козел»

Vaca şi ţapul

O babă avea o vacă şi un ţap. Vaca şi ţapul se duceau la imaş să pască, iar vaca se întorcea ca s'o mulgă. Baba aducea pâine şi sare, dădea vacii şi-o mângâia:

— Ne-ne-ne, Joiana maicăi, o să-ţi dea mama mâncare, numai să stai frumos să te mulg!

A doua zi, ţapul se grăbi să vie acasă înaintea vacii; cum ajunse, îşi crăcănă picioarele şi se aşeză poponeţ în faţa babei. Ea îl ameninţă cu o cârpă ce avea în mână, dar el nu se clinti. Ţinea minte că

столетия со дня рождения Толстого театр осуществил постановку «Живого трупа».

Произведения Толстого были введены также в репертуар Национального театра в городе Крайова. В сезон 1922/23 г. и последующий здесь ставится «Власть тьмы», в 1926/27 г.— «Воскресение» и в 1928/29 г.— «Анна Каренина».

Нетрудно заметить, что наиболее интенсивное обращение к драматургии Толстого в Румынии относится к 1920-м и началу 1930-х годов. С середины же 1930-х годов пьесы Толстого, как и других русских авторов (Гоголя, Чехова), почти полностью исчезают из репертуара театров, во всяком случае из репертуара государственных театров. Этот факт находился в прямой связи с предпринятым румынской реакцией открытым курсом на фашизацию страны.

В условиях общего антисоветского направления политики буржуазно-помещичьей Румынии пропаганда русской культуры оказалась затрудненной. Правда, наступающий фашизм не смог еще в это время отгородить румынское общество от культурных ценностей страны, совершившей Октябрьскую революцию. О сохранившейся популярности Толстого свидетельствуют, в частности, многочисленные отклики в периодической прессе и публичные выступления, которыми были отмечены в Румынии юбилейные толстовские даты 1928 и 1935 гг. В 1928 г. была даже предпринята попытка издания специального журнала, посвященного Толстому[121]. Но растущая напряженность политической обстановки не могла не обострить идейной борьбы вокруг восприятия в Румынии русской литературы, и, в частности, Толстого.

Усилила свои выступления реакционно-идеалистическая критика, тенденциозно возвышавшая «религиозный идеал» Толстого. Так, например, трансильванский журнал «Familia» в статье, посвященной столетию со дня рождения Толстого, обходя полным молчанием толстовскую социальную критику, писал: «Везде, во всех его ⟨Толстого⟩ произведениях господствует религиозный и моральный идеал⟨...⟩ Его личность воплощает все качества ⟨...⟩ человека высшего назначения, сверхчеловека, который появится через века, того сверхчеловека, которого пропагандирует ⟨...⟩ немецкий философ⟨...⟩ Ницше»[122].

Как видим, автор статьи не просто односторонен в своей характеристике «идеала» Толстого. Он хотел бы связать его имя с именем реакционнейшего философа XIX в.

Полны клеветнических выпадов против русского народа, против Советского Союза и социализма и другие статьи, напечатанные в журнале «Familia» по случаю юбилея Толстого. Автор статьи «Толстой и Ленин» доходит, например, до утверждения, будто «Толстой принадлежит в большей степени белой России, чем красной»[123]. Другие авторы тенденциозно изображают Толстого только «апостолом пассивности и смирения». «Вообще все творчество Толстого оставляет впечатление литературной обработки Евангелия»,— утверждает один из них[124].

Варианты подобных интерпретаций сочинений Толстого можно встретить в ряде румынских правых органов того времени. Некоторые пытались представить его скрытым сторонником «чистого искусства», которому были навязаны общественные проблемы. «Несчастная судьба устроила так,— писала газета «Ordinea»,— что литературному таланту Толстого привили гнилой росток ⟨...⟩ — тенденциозность, гуманизм, дух разрушения и протеста»[125].

Другие, напротив того, в безграничной злобе к русской революции представляли Толстого «великим разрушителем», «ультрареволюционером», зараженным «ужасным русским нигилизмом».

Путанице и фальши реакционно-идеалистической критики противостояли выступления румынской демократической печати. Необходимо, однако, отметить, что в этой печати отнюдь не царило монолитное единство, и вопрос о ее оценках Толстого требует поэтому дифференцированного обзора.

В первую очередь мы остановимся на отношении к Толстому партийной печати и других изданий, идейно связанных с Коммунистической партией Румынии, которая, хотя и была загнана в 1924 г. в подполье, но продолжала свою борьбу на всех участках. Эти газеты и журналы нередко обращались к русской и советской литературе, видя в них союзника в борьбе за свои политические и социальные идеалы. Такого союзника искали они и в Толстом — критике и обличителе буржуазного общества. Приведем один характерный пример. Протестуя против несправедливого приговора, вынесенного в 1933 г. руководителям Румынской Коммунистической партии во главе с Г. Георгиу-Деж и К. Стойка по процессу железнодорожников Гривицы, газета «Clopotul» предпослала статье, в виде эпиграфа, знаменитые обличительные слова из «Живого трупа», брошенные Федей Протасовым буржуазному правосудию: «Ах, господин следователь, как вам не стыдно. Ну что вы лезете в чужую жизнь? Рады, что имеете власть и, чтоб показать ее, мучаете не физически, а нравственно людей, которые в тысячи раз лучше вас»[126].

Отрывки из высказываний Толстого против войны были напечатаны в органе Союза румынских трудящихся женщин[127]. Некоторые мысли, афоризмы, выдержки из публицистических произведений Толстого обличительного характера появляются в газетах «Foaia Tînărului», «Tineretul Socialist» — органах рабочей молодежи и т. д.

Юбилейные толстовские даты 1928 и 1935 гг. вызвали появление серии статей в коммунистической и близкой ей печати. Определяющими для некоторых из этих статей являлись методологические принципы, установленные Лениным для анализа творчества Толстого. В них подчеркивалось огромное, мировое значение Толстого как художника—обличителя современного социального порядка, и в то же время не скрывались, но исторически осмысливались слабые стороны толстовской философии. Вот что писала, например, газета «Inainte» — орган рабоче-крестьянского блока:

«Толстой бросается <...> в борьбу против человеческого эгоизма, против современного государства, против церкви и системы распределения богатств. В то же время он производит <...> впечатление человека, который не может освободиться от внутренних цепей. Протест против несправедливых сторон современной жизни не ведет его на путь революции. Толстой идет по другому пути, по пути чистой проповеди, отказывается от сопротивления и прямой борьбы со злом». Далее газета пишет, открыто ссылаясь на ленинское объяснение классовых позиций писателя: «Как гениально показал Ленин, он был таким же нерешительным и пассивным в своих революционных чувствах, как крестьянин, и столь же глубоко религиозен, как крестьянин. Ленин называл Толстого полуреволюционером. Он был суровым критиком социальных порядков, но в то же время проповедником терпения, непротивления и приниженности»[128].

Журнал «Cuvîntul Liber», в котором активно сотрудничал известный передовой писатель А. Сахия, посвятил Толстому в связи с двадцатипятилетием со дня его смерти целый номер, богатый и разнообразный по содержанию. В кратком редакционном вступлении определялось значение Толстого в свете происходивших тогда событий — захвата власти в Германии гитлеровцами, усиления фашизации Румынии. «Чествуя его память,— говорилось в статье,— мы чествуем память всех европейских писателей, верных революционным и гуманистическим идеалам, ум которых служил одной лишь справедливости и правде. Вот почему крест, поднятый Толстым, не имел загнутых концов и не был орудием ненависти, убийств и угнетения, а был светлым знаменем борьбы за человеческую совесть»[129].

Специальный номер отвел памятной дате Толстого в 1935 г. и другой журнал левого направления — «Şantier». В серии помещенных здесь статей и заметок, быть может, наибольший интерес представляет статья «Лев Толстой и рабочий класс». Говоря об отношении рабочего класса к творчеству русского писателя, автор приходит к следующему заключению: «Его социалистический идеал по сути своей утопичен<...> Социализм Толстого пропитан мистицизмом. Он считает, что общество будет совершенствоваться по мере того, как будут появляться совершенные люди, и его метафизическое мировоззрение лишено всякой практической пользы <...> Несмотря на это, рабочий класс видит в Толстом великого бунтаря против<...> современного общества. Никто другой не произнес такого беспощадного обвинительного приговора церкви, войне, смертной казни, капиталу, как Лев Толстой»[130].

Одним из самых активных пропагандистов русской и советской литературы в Румынии в период «между двумя войнами» был демократический журнал «Adevărul Literar şi Artistic».

Правда, далеко не все многочисленные материалы о Толстом, которые были напечатаны на его страницах, можно считать равноценными. Но вместе с бьющими на сенсацию сообщениями, касающимися личной жизни писателя, и незначительными заметками информационного характера мы находим там и ряд содержательных статей. Среди них можно назвать статью известного румынского писателя *Т. Аргези*, посвященную столетию со дня рождения «автора величественных творений — „Анны

Карениной" и „Войны и мира", чьи книги читаются с жадностью и самозабвением»[131].

Заслугой журнала было и то, что он регулярно, насколько это было возможно в условиях того времени, знакомил своих читателей с культурной жизнью Советского Союза, в том числе и с послереволюционной судьбой литературного наследия Толстого на его родине. Так, в журнале была помещена информация о деятельности Государственного музея Толстого в Москве, о плане выпуска полного собрания сочинений писателя в девяноста томах, отчет о толстовских юбилейных торжествах в Москве и Ленинграде, рецензия на книгу Ф. Раскольникова, посвященную работам Ленина о Толстом[132]. Таким образом, несмотря на цензурные рогатки, румынские читатели все же получали иногда возможность знакомиться с ленинскими оценками творчества Толстого.

Суждения Ленина о Толстом изредка проникали в румынскую печать и позднее. Театральная газета «Rampa», хотя и не отличавшаяся последовательной прогрессивной ориентацией, тоже довольно часто печатала материалы из русской и советской литературы. В 1934 г. она поместила — впервые на румынском языке — отрывок из воспоминаний Горького о Ленине, в котором речь шла о Толстом и содержались известные слова Ленина об авторе «Войны и мира»: «Кого в Европе можно поставить рядом с ним? — Никого»[133]. Следует в особенности отметить интересную статью *П. Пандря*, «Толстой и русская революция», напечатанную в том же 1934 г. в журнале «Viaţa Romînească» и обстоятельно знакомившую с содержанием ленинских статей о Толстом[134].

Несмотря на случайный и крайне фрагментарный характер публикаций ленинских высказываний о Толстом, эти публикации несомненно сыграли свою положительную роль. К тому же взгляды Ленина доходили до румынских читателей и через другие издания левой печати, которая зачастую, не называя его имени, давала оценки, близкие к ленинской трактовке Толстого.

С тем же глубоким восхищением и любовью, как и в молодости, продолжает в 1920—1930-х годах изучать Толстого *Г. Ибрэиляну*, в то время профессор ясского университета, душа и руководитель журнала «Viaţa Romînească», и сгруппировавшегося вокруг этого издания кружка передовых талантливых писателей, среди которых были М. Садовяну, Г. Топырчану, Д. Ботез, О. Казимир и др.

Ибрэиляну исследовал творчество Толстого с увлечением и страстью ученого и восторгом поэта. Он видел в русском писателе величайшую фигуру мировой литературы, ставил Толстого выше Бальзака и Достоевского, а из новых писателей выше Пруста и ценил в нем в первую очередь гения реалистического романа. «Реалистическое творчество Толстого занимает особое, единственное место в литературе»,— писал он. Критик полемически противопоставлял Толстого литературе, стремившейся увести румынского читателя с пути «обветшалого» реализма в дебри различных «измов».

Ибрэиляну неоднократно перечитывал романы Толстого, он вдоль и поперек обошел эту «таинственную планету», как он называет творчество Толстого, и посвятил ему прекрасные, взволнованные страницы, не уступающие лучшим из написанных о нем на различных языках мира.

«Какой изумительный, ни на кого не похожий творец, этот гениальный русский! Как смело вступает он в схватку с жизнью с первых же страниц „Войны и мира", в той главе, где мы словно на самом деле присутствуем на вечере у Анны Павловны ⟨...⟩ Ты как будто вышел из дому и попал в иной мир. И книга ведет тебя совсем незаметно ⟨...⟩ то на офицерскую пирушку, то в девичье общество, то в имение генерала, то на поле Аустерлицкой

«ЖИВОЙ ТРУП» НА СЦЕНЕ БУХАРЕСТСКОГО «ТЕАТРА МОЛОДЕЖИ».
(«Teatrul Tineretului») 1956
Федя Протасов — А. Критико
Фотография
Предоставлена редакции «Литературного наследства» Татьяной Николеску (Бухарест)

битвы, то к какому-то родственнику Ростовых<...>, а потом ты вдруг снова оказываешься в кругу девушек <...> В течение тех семи дней, что ты просиживаешь с этой книгой в руках, твои родные уже перестают быть для тебя вполне реальными существами, а друзья живут как бы где-то в прошлом. Все бледнеет перед этим более живым миром, в котором ты теперь находишься <...> И если после этой книги ты возьмешь книгу любого другого автора, она покажется тебе неживой, неестественной...»

Такой «неживой», «неестественной» показалась Ибрэиляну после «Войны и мира» «старая, приятная знакомая» «Евгения Гранде» Бальзака, а в другой раз «Сильна, как смерть» Мопассана. «Роман Толстого,— пишет далее критик,— развивается широко, величаво, включает сотни людей с их прошлым и будущим<...> Это поистине маленькая планета<...> Существовал ли на протяжении веков более великий поэт, чем Лев Николаевич? Стремление к небесному у Данте, трагическая поэзия бренности всего человеческого у Шекспира, братство гения со всем бытием у Гете,— все это не превосходит его замечательного творчества, огромного, богатого и спокойного<...>, более полного, чем сама жизнь»[135].

III. В РУМЫНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ
(1944 — 1960)

23 августа 1944 г. открыло новую эру в истории румынского народа. В течение нескольких последующих лет Румыния прошла сложный путь демократического развития, завершившийся в 1947 г. провозглашением Румынской Народной Республики.

С самого начала борьбы за новую жизнь Коммунистическая партия Румынии, а затем Румынская Рабочая партия, уделяла большое внимание вопросам культуры. Широкие народные массы впервые получали теперь возможность знакомиться и с достижениями национальной литературы, и с произведениями мирового классического наследия. В развитии этой культурной революции в Румынии русская классическая и советская литература сыграли свою роль.

Русская классика и советские книги проникают теперь в самые отдаленные углы страны. На обложках этих книг встречаются неизвестные или мало известные дотоле в Румынии имена К. Федина, Л. Леонова, И. Эренбурга, Н. Островского, А. Толстого и других советских писателей. Что же касается представителей русской классической литературы, известных в Румынии и раньше, то лишь теперь румынский читатель мог познакомиться с их творчеством по неискаженным и полным переводам, стремящимся не только правильно передать содержание произведения, но и по возможности адекватно воссоздать стиль автора.

Прежде всего это касалось сочинений Толстого, которым, как мы видели, пришлось немало пострадать от произвола румынских переводчиков и издателей. Произведения Толстого были одними из первых изданий русской классической литературы, выпущенных после 23 августа 1944 г. В 1945 г. появилась повесть «Поликушка», привлекшая внимание суровым реализмом изображения темноты и отсталости крестьянского быта, еще не изжитых в Румынии и за искоренение которых велась тогда напряженная борьба. «Рассказ „Поликушка", действие которого развертывается среди русских крепостных крестьян, содержит элементы сильной, хотя и не открыто высказанной социальной критики»,— писала газета «Scînteia»[136], центральный орган Румынской Рабочей партии.

В 1946 г. вышла повесть «Смерть Ивана Ильича». «Это шедевр большой глубины и значения, в котором простота рисунка, человечность, сила чувства и острота внутренней драмы переданы с несравненным по своей выразительности искусством», — так откликнулась на появление повести газета «România Libera» [137]. В том же году в переводе поэта А. Томы вышел сборник рассказов для детей [138].

Значительным событием в культурной жизни страны было появление в 1947—1948 годах на румынском языке в полных и высококвалифицированных переводах романов «Война и мир» и «Воскресение».

Перевод «Войны и мира» был сделан при участии видного писателя, поэта и искусного переводчика, академика А. Филиппиде — большого знатока и ценителя русской литературы. Весьма удачная передача на румынском языке великой эпопеи Толстого дала впервые возможность румынскому читателю по-настоящему оценить этот шедевр. Выход в свет перевода «Войны и мира» вызвал живой отклик общественности и литературных кругов. Вскоре роман появился параллельно еще в одном переводе, и выдержал в дальнейшем несколько переизданий (в 1949, 1954—1955, 1959, 1960 гг.) [139].

Почти одновременно было с успехом переведено «Воскресение» писательницей Лучией Деметриус. Книга также выдержала несколько изданий [140].

С каждым годом круг произведений Толстого, доступных румынскому читателю на родном языке, все более и более расширяется.

В 1948 г. появляются новые переводы «Хаджи Мурата» [141] и «Кавказского пленника» [142] (перевод писателя Р. Боуряну), в 1949 г. выходит «Набег», «Рубка леса», «Севастопольские рассказы» [143] (перевод Л. Деметриус). В 1950 г. издается первый полный и подлинно художественный перевод романа «Анна Каренина» (перевод писателя М. Севастоса). Приветствуя это обогащение фонда переводов Толстого на румынский язык,

Ч. Петреску писал: «Для нашей культуры и нашей читающей публики это событие огромного значения ⟨...⟩ Наш читатель сможет войти, вникнуть непосредственно в мир, созданный Толстым, познакомиться с его героями ⟨...⟩, и в этом ключ к пониманию гения Толстого» [144]. В 1950 г. была напечатана в переводе акад. С. Саниелевича повесть «Казаки» [145]; в 1951 г. вышли в свет на румынском языке «Фальшивый купон» и «Крейцерова соната» [146] (перевод Г. Николау). В 1953 г. по случаю стодвадцатипятилетия со дня рождения Толстого были изданы: «После бала» [147] (перевод академика А. Филиппиде), «Утро помещика», «Люцерн», «Поликушка» [148] (перевод Валерии Садовяну), «Власть тьмы», «Плоды просвещения», «Живой труп» [149] и несколько сборников рассказов для детей и т. д.

В 1953 г. было начато издание собрания сочинений Толстого в четырнадцати томах (перевод советского издания — М., 1952) и выпущен первый том, содержащий автобиографическую трилогию (перевод писательницы Тику Архип. Издание было завершено в 1960 г.— к пятидесятой годовщине со дня смерти писателя *). Появление собрания сочинений Толстого в переводах, осуществленных в большой своей части видными румынскими писателями, что обеспечило этим переводам высокий художественный уровень, было важным этапом в истории распространения его произведений в Румынии и заслужило общее одобрение.

«Наконец-то и у нас появилось монументальное издание сочинений Льва Толстого⟨...⟩, вполне соответствующее великой личности гениального писателя, который полвека стоял во главе не только русской литературы, но, без преувеличения, во главе всей европейской литературы...»,— писал в связи с этим *Ч. Петреску* [150].

В народно-демократической Румынии произведения Толстого получили поистине огромное распространение. Они неоднократно переиздавались и выходили в новых переводах. Несколько раз переиздавался, например, как уже было указано, перевод «Войны и мира», напечатанный в 1947—1948 гг. В 1960 г. вышло четвертое его издание. «Анна Каренина» в переводе М. Севастоса (1950 г.) была переиздана в 1953, 1957, 1959 и 1960 гг. «Воскресение» — в 1951, 1959, 1960 гг. и т. д. Для того чтобы дать представление о размахе популяризации творчества Толстого на румынском языке, достаточно сказать, что с 1944 по 1960 гг. было напечатано шестьдесят названий, общим тиражом в один миллион сто семьдесят четыре тысячи экземпляров. Особенно большими тиражами выпускались переводы некоторых произведений. Тираж издания «Войны и мира» 1954—1955 гг. достигал тридцати пяти тысяч экземпляров и 1959 г.— двадцати тысяч. Перевод «Анны Карениной» был выпущен в 1959 и 1960 гг. в количестве шестидесяти тысяч экземпляров, «Воскресения»,— в сорока тысячах экземпляров. Таких тиражей до 1944 г. не имело в Румынии ни одно издание русских классиков.**

Популярностью пользуется в Народной Румынии и драматургия Толстого.

В первые же годы после освобождения страны многие театры возобновили постановку пьес Толстого. Так, в 1944/45 г. на сцене театра Муничинал шел «Живой труп» с известным исполнителем роли Феди Протасова артистом И. Манолеску, который играл эту роль и в 1923, и в 1937 гг. В 1945/46 г. была поставлена «Власть тьмы» талантливым режиссером

---

* См. в настоящ. томе хронику пятидесятилетия со дня смерти Толстого.— *Ред.*

** Об изданиях переводов Толстого на румынский язык и, в частности, новейших изданиях, см. также в библиографических справочниках: Filip Roman — Literatura rusă şi sovietică în lumba romînă (1830—1959), ESJP, Buc., 1959; «Художественные произведения Л. Н. Толстого в переводах на иностранные языки. Отдельные зарубежные издания. Библиография. «Всесоюзная книжная палата», М., 1961.— *Ред.*

«ВОСКРЕСЕНИЕ» НА СЦЕНЕ РУМЫНСКОГО «НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА» им. И. Л. КАРАДЖАЛЕ («TEATRUL NATIONAL «I. L. CARAGIALE»), БУХАРЕСТ, 1960

Сцена в суде. Катюша Маслова — Марчела Русу

Фотография

Предоставлена «Литературному наследству» Татьяной Николеску (Бухарест)

писателя. Как и в начале своего писательского пути, так и теперь — зрелый мастер, классик румынской литературы — Садовяну восхищается реализмом Толстого. «Это самый великий творец жизни во всей литературе XIX века,— утверждает он.— Толстой гениально передает быт и душу русского человека, у него и главные герои и второстепенные персонажи одинаково живы, а раскрытие душевной жизни глубоко и несравненно по своей силе, так что у читателя создается впечатление, что он был очевидцем описанных событий и лично знал изображенных людей. Эпизоды из романа „Война и мир", очаровательный образ Анны Карениной никогда не исчезнут из памяти и из души читателей». И в то время, как толстовство давным-давно забыто, сам «Толстой благодаря своим романам и повестям останется навсегда в сознании людей будущего волшебником — творцом живой жизни» [152].

Другой старейший румынский писатель *Г. Галактион*, желая определить место Толстого в мировой литературе всех времен и народов, ставит его в ряд с Гомером и Данте. «Гениальный художник,— пишет он,— несравненный поэт, одевший мир в хрусталь и золото, словно <...> похитивший у Творца <...> его тайну, Толстой написал такие <...> шедевры, как „Война и мир" и „Анна Каренина", которые будут жить, пока будут жить „Илиада" и „Божественная комедия"» [153].

Неоднократно отмечал значение Толстого для румынских писателей, в том числе и для него самого, *Ч. Петреску*. Так же, как когда-то Ибрэиляну, он преклоняется перед совершенством, с каким Толстой передает правду жизни, «рисует живых людей, к которым словно хочется притронуться». «Лев Толстой,— говорит в другой статье Петреску,— был титаном реали-

стической литературы и таким он останется в веках <...> Этим реализмом объясняется и его влияние на румынских писателей». В автобиографическом отступлении Петреску заявляет: «Неужели скромный автор этих строк мог бы написать роман „Затемнение", в котором он осуждает войну и тех, кто на ней наживается, если бы юношей он не прочел „Войну и мир" и не перечитал бы затем эту книгу три-четыре раза в зрелом возрасте? Без этого чтения мое сознание человека и писателя осталось бы навсегда лишенным путеводных лучей, которые светили мне в темноте и не покидали в течение всей жизни» [154].

Не отказываясь от критики взглядов Толстого, румынский писатель признает его всемирную и неувядаемую славу. Непревзойденное искусство Толстого как художника, величие его идей гуманиста, мощь его социальной критики, направленные на уничтожение всех форм и видов общественного зла и несправедливости,— вот причины, объясняющие, почему творчество Толстого оказало и продолжает оказывать влияние на все передовое человечество.

«Рухнули гордые империи,— пишет Ч. Петреску,— исчезли и исчезают социальные классы <...>, а творчество Толстого осталось таким же свежим <...>, таким же живым и так же сильно волнует умы, как и в момент своего появления на свет» [155].

Один из виднейших румынских литературоведов, ныне покойный академик *Ж. Кэлинеску* сравнивает Толстого с Челлини и Микеланджело и называет его «гением и гордостью русского народа и человечества» [156].

Среди наиболее интересных литературоведческих работ о Толстом, появившихся за последние годы в Румынии, нужно назвать статью *Т. Виану* «Философия истории в романе Толстого «Война и мир». Исследователь полагает, что в вековом историческом развитии мировой литературы это произведение Толстого «означало наиболее <...> решительный поворот» [157]. Интересен сопоставительный анализ исторических романов писателей-романтиков и «Войны и мира». «Если романтики,— обобщает свои наблюдения Виану,— рассматривали исторические события с внешней стороны, то Толстой рассматривает их изнутри, отмечает те психологические и социальные отношения, на которых они зиждутся». В статье подробно анализируется толстовская концепция философии истории. Виану подчеркивает, что «история для Толстого — результат соединения миллионов человеческих действий, творение масс, а не отдельных личностей, как бы они ни были исключительны». У Толстого появляется новое «действующее лицо», прежде неизвестное в искусстве — «человеческие массы». «После Толстого,— пишет Виану,— в литературу пришло много писателей, которые стали изображать массы; но до него никто этого не делал». «Разрушая кодексы старой аристократической морали,—пишет в заключение Виану,—развенчивая славу прежних героев — хозяев жизни, считавших себя творцами истории и претендовавших на преимущественное пользование ее благами, Толстой венчает славой миллионы людей из народа. „Война и мир" становится, таким образом, поистине эпопеей современных демократий» [158].

* * *

Больше чем о каком-либо другом русском писателе и с большим воодушевлением и любовью говорилось и говорится в румынской литературе о Толстом. Эта любовь живет и не увядает, так же как не увядает и не теряет своей свежести и красоты творчество Толстого.

ПРИМЕЧАНИЯ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ УПОМИНАЕМЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

A — «Albina»; *C* — «Contemporanul» (1881—1891, Яссы); *CL* — «Convorbiri literare» (Яссы — Бухарест); *E* — «Epoca»; *F* — «Familia» (Орадя); *GT* — «Gazeta Transilvaniei» (Брашов); *Lib* — «Liberalul» (Яссы); *LI* — «Lumea illustrată»; *LN* — «Lumea nouă»; *L* — «Lupta»; *NRR* — «Noua revistă Română»; *O* — «Opinia» (Яссы); *R* — «Rampa»; *RM* — «România muncitoare»; *Rom*— «Românul»; *S*— «Secolul»; *T* — «Tribuna» (Арад); *T(S)* — «Tribuna» (Сибиу); *U* — «Universul»; *UL* — «Universul literar»; *VR* — «Viata Românească» (Яссы — Бухарест); *V* — «Viitorul».

[1] C i t i t o r. Cronica literară.— *S*, 7. IV 1910, № 3156.

[2] G. I b r ă i l e a n u. Tolstoi.— *VR*, 1910, № 11, p. 292.

[3] Ibid.

[4] «Trei morţi».— *C*, 1885, № 10—12, 15.V—15.VI, p. 358—369. В том же переводе рассказ был напечатан также газетой левого направления «Ciocoiul», 5.II—4.V 1889, № 1—11.

[5] «Cum am învătat să călăresc»; «Focul», «Cu ce trăesc oamenii».— *LN*, 25.XI 1894, № 22; 29.XII 1894, № 52; 30.VII—6.VIII 1896, № 594—602. Первые два рассказа в переводе Хаза, последний (с русского) — Е. Гроссу.

[6] «Sîmburele».— «Munca ştiinţifică şi literară», 1894, № 2, 24.III, p. 15.

[7] «Un număr de jurnal», «Cîntecele din sat».— *RM*, 3, 17, 20.VIII 1911, № 46—48; *LN*, 16.XI 1911, № 8.

[8] На страницах румынской рабочей печати и близких к ней органов к конце XIX и в начале XX в. публиковались (полностью и в отрывках) переводы романов «Что делать?» Чернышевского и «Нови» Тургенева, рассказов Чехова, повести Горького «Мать», его же рассказов, а также произведений других русских писателей.

[9] «Brosuri bune de citit».— *RM*, 15.X 1909, № 65. В сб. «Revoluţionarii» (Buc., 1909, «B-ca nouă») вошли повесть Толстого «Божеское и человеческое», получившая в переводе название «Террорист» (см. ниже примеч. 10), и рассказы «За что?» и «Корней Васильев».

[10] *RM*, 19.VI 1916, № 141. Под названием «Моя религия» и «Вражда» были переведены на румынский язык «Ответ Толстого на определение Синода от 20—22 февраля...» и рассказ «Упустишь огонь — не потушишь». Произвольное изменение названий произведений при переводе было широко распространено в те годы на Западе.

[11] Сборник, включавший эти рассказы, носил название: «Povestiri alese şi intocmite de Petra Petrescu». Brasov, 1892. В газете переводы Петреску печатались под псевдонимом *Moşul*. Переводы сделаны, по всей вероятности, с немецкого языка.

[12] «Trei generatii».—«Biblioteca familiei», 1890, № 40, 28.X, p. 629. Перевод с немецкого Людвига Лейста.

[13] «Fericirea».— *UL*, 1890, № 4, 29.I, p. 2—3; «Biblioteca familiei»; 1890, № 14, 1.IV, p. 213—214; в обоих изданиях в переводе с немецкого Людвига Лейста. «Ilie».—«Amicul familiei», 1890, № 2, p. 31—34.

[14] «Aur».— *T*, 17.V 1890, № 111. Перевод Фируцы Влад; *LI*, 1892, № 16, p. 447—448. Перевод Иона Кындя.

[15] «Ilias».— *LI*, 1892, № 14, p. 393—394. Перевод Иона Кындя; «Fericirea».— «Independentul», 1.III 1892, № 42. Перевод с немецкого Л. Лейста.

[16] «Bobul de grîu».— *L*, 23.II 1893, № 1937. «Familia», 1893, № 51, 19.XII, p. 603—604.

[17] «Stinge focul pină cind arde sub spuză».— *T*, 19—23. V 1893, № 103—112.Перевод И. Кындя.

[18] «Cu ce trăesc oamenii».— «Jiul», 1894, № 1—3, 15.IV—15.VI, p. 13—16, 24—27, 19—24. Перевод с русского Клемента И. Бонтя.

[19] «Prizonierul din Caucaz».— «Revista literară», 1894, № 2, 20.I, p. 28—32; №3, 30.I, p. 40—47; «Un exilat».— «Liga literară», 1894, № 11—12, IV—V, p. 309—318.

[20] «Cei trei bătrîni».— *LI*, 1894, № 2—4, 14.VII, p. 2.

[21] «Cei doi bătrîni».— «Revista literară», 1895, № 7—9, 10, 20, 30.IV, p. 107—108, 125—127, 140—141. Перевод П. Петреску.

[22] «Impărtăşania mea în trei parabole».— «Jurnalul», 19.IV, 1895, № 132; «Trei parabole».— «Timpul», 21.IV, 1895, № 89.

[23] «Patruzeci de ani».— «Patria», 14.III 1899, № 274.

[24] «Finul».— «România rurală», 2.V 1899, № 18; 31.X—21.XI 1899, № 35—38. Перевод Ж. Пырвэнеску.

[25] «Cel dintîi rachier».— *A*, 1898, № 18, 1.II, p. 550—553; *Rom*, 12.VII 1898, № 132; «Cel dintîi rachier sau pacostea băuturitor alcoolice».— «Calendarul plugarului», 1899, p. 81—85; «Povestea rachiului».— «Semănătorul», 1899, № 3, 20.III, p. 28—36.

[26] «Din ce trăiesc oamenii».— «Adevărul», 14—19.II 1895, № 2115—2120; «Pîinea oamenilor săraci».—«Dreptatea», 14—15.X 1895, №275—276; «Foaia de duminică», 31.XII 1895, № 47; Перевод Ницу-Поп; «Cu ce trăiesc oamenii». — *LN*, 30.VII — 6.VIII 1896, № 594—602. Перевод Эвг. Гроссу; «Prin ce vieţuiesc oamenii». Buc., 1898, Trad. de A. Giers (с русского); «Cu ce trăiesc oamenii» Roman, 1898. Trad. de Clement I. Bontea (с русского).

[27] Например, сб. «Cele din urmă». Buc., 1907. Trad. de Constantin I. Anestin; «Mici povestiri». Buc., 1910. Trad. de A. Luca (с русского); «Cu ce trăiesc oamenii si alte povestiri». Buc., 1912, Trad. de G. Carp (с русского).

[28] «Ivan Neghiobul».— «Propaganda» (Tulcea), 22.III 1907, № 1; «Ivan Prostul». Poveste. Buc., Ed. «Socec», 1909. Trad. de G. Carp (с русского); «Munca, moartea şi boala». — В сб. «Cele din urmă». Buc.,1907. Перевод Константина И. Анестина; «Cum se ajunge la fericire».— «Luceafărul», 1908, № 24, 15.XII, p. 589—590; «Judecătorul cel înţelept».— В сб. «Mici povestiri». Перевод с русского А. Лука; «Regele Asiriei Assarkadon».— В сб. «Cele din urmă». Перевод Константина И. Анестина.

[29] Вот далеко неполный список переводов «народных рассказов» Толстого, напечатанных в конце 1910 и в 1911 гг.: «Domnul şi diavolul» («Вражье лепко, а божье крепко»).— NRR, 1910, № 4, 21.XI, p. 74—75. Перевод С. Бланка; «Ordinea», 24.XI 1910, № 864; *GT* 16.XII 1910, № 276;12.XI. «Foaia poporului», 19.XII 1910, № 51; «Sluga diavolului».— *UL*, 1911, № 37. 12.XI, p. 2—3.

«Cei doi frati» («Два брата»).— *UL*, 1911, № 17,21.XI, p. 7. Перевод Николая Михаиля.

«Cel pocăit» («Кающийся грешник»).— *A*, 1911, № 22,27.II, p. 582—585. Перевод с русского Ж. Карпа; «Păcătosul pocăit»— *UL*, 1911, № 26, 27.VII, p. 2.

«Judecătorul isteţ» («Праведный судья») — «Seara», 1.XII 1910, № 32. Перевод Ивана Скурту; *GT*, 10.XI 1910, № 246 (в том же переводе). «Judecătorul destoinic».—«Săptămîna politică şi culturală», 1911, № 11, 19.II, p. 127—129; «Judecătorul cel iscusit».— *A*, 1911, № 50, 11.IX, p. 1553—1556. Перевод с русского Дж. Карпа; «Deşteptarea», 29.IX 1911, № 39. Перевод с русского Дж. Карпа.

«Cei trei sihaştri» («Три старца»).— *T*, 2.XII 1910, № 260, «Cei trei unchieşi».— *UL*, 1911, № 48, 28.XI, p. 2—3; «Cafeneaua din Surate» («Суратская кофейня»).— *UL*, 1911, № 16, 18.IV, p. 3—5. Перевод Иосифа Шарвари; «Epigonii», 1911, № 1, 25.XII, p. 5—8;

«Cum s-ajungi la fericire» («Труд, смерть и болезнь»).— V, 6. XI 1910, № 1042; «Cei trei prieteni».— *A*, 1910, № 8, 21.XI, p. 208. Перевод с русского Дж. Карпа.

[30] «Tăranul Pakhom».— «Adevărul la sate», 15.II 1902, № 18. Перевод Доры Попп. «Cît pămint trebuie unui om».— «Literatură şi ştiintă populară», 1903, № 2, p. 128—142; «Revista ideii», 1906, № 4, p. 56—61. Перевод Чорану И. Костел; «Lectura», 1907, № 9 — 10, IX, p. 574—584; «Doljul» (Craiova), 4—7.VII 1910, № 573—576; «Drapelul» (Lugoj), 4 — 20.II 1917, № 14 — 15; «Povestiri populare». Buc., 1912. Trad. de I. Bîrseanul.

[31] «Tăranul Pakhom».— «Adevărul la sate», 15.II 1902, № 18. Перевод Доры Попп. Газета издавалась писателем Константином Милле, к этому времени уже изменившим социалистическим позициям.

[32] F. M. B o t o s a n i. Invierea.— «Evenimentul» (Iaşi), 18.IV 1900, № 68.

[33] См. примеч. 30.

[34] «Cum s-a iscodit rachiul. Poveste de Lew Tolstoi, prelucrată în versuri si pusă în scenă de Ion I. Onu». Tulcea, 1901. «Biblioteca Antialcoolică».

[35] *Rom.*, 27.VIII 1890.

[36] «Sonata lui Kreutzer». — «Reforma» (Craiova), 16.XII 1890 — 24.II 1891, № 1—11.

[37] «Sonata Kreutzer». Buc., 1891. Trad. de I.I.R. (с франц.). В книгу включено «Послесловие» Толстого к предпоследней (четвертой) редакции.

[38] «Sonata lui Kreutzer sau Crimă din gelozie».— «Independenta» (Focsani), 4.X 1892, № 1.

[39] «Căsătoria (Sonata à Kreutzer)».— *Lib*, 2.II—26.IV 1901, № 282—334.

[40] «Sonata Kreutzer». Trad. Math. Gheorghiu. Cu o introducere de Ludovic Dauş. Buc., 1908.

[41] *Rom.*, 1.V 1891.

[42] R a d u. Contele Leon Tolstoi.— «Calendarul ilustrat bucureştean», 1891, p. 48. Подобные отклики можно найти и в других журналах и газетах того времени, выражавших либо свое восхищение перед талантом Толстого, либо подчеркивавших злободневность затронутых им в повести вопросов.

[43] C. D o b r o g e a n u - G h e r e a. Cauza pesimismului in literatură şi viată.— «Studii critice», vol. II. Buc., 1891, p. 344.

[44] G. B o g d a n - D u i c ă. Tolstoi.— *T* (*S*), 20—23.I 1891, № 16—21.

[45] C. V r a j ă. (G. Ibrăileanu). Psihologia de clasă.— «Evenimentul literar» (Jasi), 1895, № 23, 31.V, p. 3—4.

[46] *L*, 12.IX 1910, № 160.

[47] G. I b r ă i l e a n u. Tolstoi.— *VR*, 1910, № 11, p. 292.

[48] *E*, 18.III 1899, № 1028. Роман печатался в газете с 24.III по7.VII в № 1034—1132.
[49] *T* (*S*), 31.III 1899, № 71. С этого же номера по 172 (31.III—8.VIII) роман печатался в газете.
[50] «Invierea».— «Evenimentul» (Jaşi), 6.V—24.X 1900, № 84—200.
[51] «Invierea», Trad. din ruseşte de Dr. I. Duscian. Buc., 1910.
[52] B. Brănişteanu. Invierea noul roman al lui Tolstoi.— «Adevărul», 9.III 1900, № 3813.
[53] H. Sanielevici. Invierea, roman de Tolstoi.— NRR, 1900, № 8, 15.IV, p. 352—363.
[54] Soran. Invierea (L. Tolstoi). — «Dreptatea», 23.XII 1899, № 1268.
[55] Rodion (Steuermann). Reinvierea lui Tolstoi.— *O*, 15.XII 1899. № 183.
[56] «Stăpîn şi slugă». Jaşi, 1895. Ed. lib. fraţii Şaraga; Buc., 1911, Ed. Lumen. Trad. de Mihail Negru.
[57] «Moartea lui Ivan Ilici». Trad. Z. D. Ianculescu.— «Munca literară şi ştiinţifică», 1905, № 12, p. 914—928; «Vestitorul», 13.XI 1908, № 1; 23.IV 1909, № 21.
[58] «Cornei Vasilieff».— «Revista idealistă», 1906, V, p. 140. Этот рассказ, как и рассказы «Божеское и человеческое» и «За что?» в переводе Паула Ионеску, вошли в сб. «Revoluţionarii». Buc., 1909 г. (см. примеч. 9). «Корней Васильев» вышел также в переводе И. Дусчана в одноименном сборнике «Revoluţionarii» («B-ca pentru toţi»), появившемся в том же 1909 г.
[59] «Cintecele din sat».— *LN*, 16.X 1911, № 8.
[60] «Cei care trăiesc şi cei care mor». Buc., 1910 (B-ca «Facla»). Перевод второй и третьей глав рассказа.
[61] «Amintiri din copilărie».— «*Lib*», 29.XI 1900—21.I 1901, № 218—258; Отрывки из «Детства» печатались также в журнале «Pagini alese», 1902; *GT*, 1908; кроме того, на румынский язык переводились «Воспоминания» и «Первые воспоминания» (*UL*, 1910; U, 1910).
[62] «Un desmoştenit al soartei şi Romanul unui cal». Buc., 1907 (B-ca Universală).
[63] «Amintiri din Sevastopol». Buc., 1909 (B-ca «Minervei»). 3 vol. Trad. N. Cadioschi.
[64] «Stegarul, povestea unui voluntar».— «Munca ştiintifică şi literară», 1904, № 1, 16.X, p. 73—80. Впервые на румынском языке под названием «Port-drapelul» рассказ был напечатан в «Mugurul», 1888, № 3, 1.XII, p. 36—39; 1889, № 4, 1.I, p. 60—64, № 5, 1.II, p. 75—80; *S*, 13.VIII—2.IX 1910, № 3254—3271.
[65] «Cazacii». Buc., 1912—1913, 2 vol. (B-ca «Minervei»). Trad. de Ernest Ene.
[66] Повесть получила в Румынии очень широкое распространение, неоднократно печаталась в периодической печати и выходила отдельными изданиями. Приводим основной перечень этих публикаций. «Fericire casnică».— *T*, 8.XI—3.XII 1888, № 254—274; «Romanul căsătoriei».— «Bucureşti», 16.VII—22.IX 1892, № 720—763; под тем же названием — *R*, 31.X—6—7.XII 1897; «Un vis de fericire».— *E*, 2—31. XII 1897 — 1—13. I 1898, № 626—659; «Romanul căsătoriei».— «Literatură şi ştiintă populară», 1902, № 1, XII, p.1—87; «Un vis de fericire».— «Munca literară şi ştiinţifica», 1906, № 11, p. 812— 837; «Romanul căsătoriei». Piatra-Neamţ, 1904 (Colectia M. şi C. D. Gheorgiu); «Un vis de fericire». Piatra-Neamţ, 1906 (Colecţia M. şi C. D. Gheorgiu); «Romanul căsătoriei». Buc., 1908 (B-ca pentru toţi). Trad. de B. Marian; «Un vis de fericire». —*S*, 30.IV—11.VII 1910, № 3173—3229.
[67] «Războiu şi pace».— *T*, 23.IV 1911, № 81; 26.II—16.III 1912, № 46; «Războiu şi pace, roman istoric». Arad, 1911, 2 vol. Trad. de Adrian C. Corbul.
[68] I. «Războiu şi pace». Buc., 1918; II. «Napoleon şi Alexandru». Buc., 1918. Trad. de G. B. Rares.
[69] «Anna Karenina». Buc., 1912. Ed. «Rampa». Trad. de Eugen Dîrzeu.
[70] «Succesul romanului „Anna Karenina“» — *R*, 2.II 1912, № 885.
[71] «După bal». «Ce văzui in vis». — „Nuvele postume“. Buc., 1911. Trad. de B. Nemteanu; — *UL*, 1911, № 49, 5.XII, p. 3—4. Перевод Виржинии Велеску.
[72] «Tata Sergiu».— *UL*, 1912, № 22—28, 28.V—9.VII.
[73] «Ce văzui in vis».— В сб. «Nuvele postume» (см. примеч. 71) и под названием «Suflet de părinte».— «Drapelul» (Lugoj), 29.V—5.VI 1912, № 61—64. Перевод Д. Германа.
[74] «Din greseală» .— U, 9.IV 1911, № 97.
[75] «Dusci an J. Opera postumă lui Tolstoi. Cadavrul viu.—NRR, 1911, № 22, 9.XI, p. 322—326. «Cadavrul viu».— *O*, 24—25. III 1912, № 1551—1552.
[76] «Asupra Artei».— *Lib*, 22.IV 1907, № 46; «Ce este arta».— *Lib*, 18.VII—2.XI 1908, № 110—170; под тем же названием *L*, 7—25.XI 1910, № 196—208.
[77] «Sclavia modernă». Piteşti, 1905.
[78] «Păcat mare». Buc., 1908. Trad. de Luca Brînză (с русск.).
[79] «Ruşine». Buc., 1911. Trad. de Luca Brînză (с русск.).
[80] «Pentru ce intrebuinteză oamenii excitante».— *Lib*,4.IV— 23.V 1904, № 27—64.
[81] «Desmeticiţi— vă!». 1904. Buc., Trad. de Alexandrescu-Dorna.
[82] См. примеч. 7.

[83] «O Brosură interesantă».— «Democraţia Socială». (Ploeşti), 5.IV 1892, № 14.
[84] O. C a r p. Anna Karenina a lui Leon Tolstoi.— «Drepturile omului», 3.X 1888, № 19.
[85] D. Z a m f i r e s c u. Leon Tolstoi.— *CL*, 1892, № 4—7, VIII—XI, p. 273—287, 358—370, 433—448, 557—569.
[86] О н ж е. Leon Tolstoi.— *CL*, 1908, № 8, VIII, p. 113—115; «Ungaria», 14.IX 1908, № 197.
[87] G. D o b r o g e a n u - G h e r e a. Inrîurirea traducerilor.— *LN*, 28.XI 1894, № 25. Об этом подробнее см. нашу статью «Толстой и литературная борьба в Румынии в конце XIX и начале XX века». Сб. «Румыно-русские литературные связи». М., «Наука», 1964.
[88] О н ж е. Critica criticei; Artiştii cetăţeni; O problema literară.— *C*, 1887, № 3, Octombrie, p. 260—284; «Literatură şi ştiinţă», 1894, № 2, p. 1—26; *LN*, 6.III 1895, № 115.
[89] О н ж е. Tăranul în literatură.— «Gazeta Săteanului» (Rîmnicul — Sărat), 20.XII 1897, № 22—23; 20.I 1898, № 24.
[90] О н ж е. Artişti proletari culţi. Studii, v. III. Buc., 1897, p. 114—115. Впервые статья была напечатана в «Literatură şi ştiinţă», 1894, № 2, p. 1—26.
[91] S t e f a n P e t i c ă. Leon Tolstoi.— *LN*, 6.IX 1898, № 1289.
[92] A. C o s t i n. Tolstoi.— *RM*, 4.IX 1908, № 32.
[93] D i k. Mortea Iui Lev Nicolaevici Tolstoi.— *RM*, 11.XI 1910, № 71.
[94] J. N i c o l a e v i c i. Tolstoi.— «Calendarul Muncii», 1912, p. 93—98.
[95] G. I b r ă i l e a n u. Tolstoi.— *VR*, 1910, № 11, p. 291—298.
[96] Цит. по: G. C. N i c o l e s c u. Cezar Petrescu.— «Revista Universităţii». C. J.— Parhon. Seria stiinţelor sociale, 1955, № 2—3, p. 74.
[97] A. V l a h u ţ ă. Rătăcirea păstorilor.— U, 16.XI 1910, № 315.
[98] N. F i l i p e s c u. Curentul idealist.— *E*, 10—16. IX 1897, № 555—560.
[99] I. F o t i. In Jurul morţii lui Lev Nicolaevici Tolstoi.— *V*, 10.XI 1910, № 1045; G. G i u r g e a. Lev Tolstoi.—*V*, 11.XI 1910, № 1046. Литературовед Михаил *Драгомирескy* писал, что Толстой «не равен ни Данте, ни Шекспиру, ни Гете, ни Сервантесу, ни даже Ибсену». По его словам, и «Войну и мир» — «самое величественное из сочинений Толстого» тоже «нельзя считать произведением искусства, а всего лишь неиссякаемым материалом для писателей последующих поколений», которые будут «в большей степени художники, чем он». Mihail *Dragomirescu*.— «Convorbiri critice», 1908, № 14, 15.VII—1.IX, p. 545—551.
[100] В. И. Л е н и н. Толстой и пролетарская борьба.— Полн. собр. соч., т. 20, стр. 71.
[101] «Ana Karenina». Buc., Ed. «Socec», 1928, 2 vol. Trad. de Ana Maria G. Bottez; Buc., Ed. «Ciornei», 1928, Trad. de Ion Pas şi Sarina Casvan; Buc., Ed. «Cultura românească», 1931, 2 vol. Trad. de G. B. Rareş.
[102] «Invierea». Buc., Ed. «Socec», 1927. Trad. de G. B. Rareş; Buc., 1934, Ed. «Cultura românească».
[103] «Sonata Kreutzer. Diavolul. Părintele Sergiu. Buc , Ed. «Socec», 1924. Trad. de G. B. Rareş; «Sonata Kreutzer, Cuvînt introductiv de Eugen Lovinescu». Buc., Ed. «Ancora», 1928. Trad. de G. B. Rareş; Buc., Ed. «Colos», 1937. Trad. de Vlad. Ionescu.
[104] «Stăpin şi slugă şi alte povestiri». Buc., Ed. «Cultura românească», 1928. Trad. de G. B. Rareş; «Stăpin şi slugă». Buc., Ed. «Colos. 1940. Trad. de Th. Constant в сб., включающем также рассказы Толстого «После бала» и «Тихон и Маланья».
[105] В 1929 г. вышло переиздание перевода Б. Мариана, 1908 г. (см. примеч. 66); «Fericirea casnică». Buc., Ed. «Cultura românească», 1934. Trad. de G. B. Rareş.
[106] «Cu ce trăiesc oamenii». Mănăstirea Neamt, 1925. Trad. de Nicodim (с русского); «Doi bătrini». Buc. (B-ca de publicatii religioase şi morale), 1925. Trad. preotul Panait G. Bedreăg.
[107] «Hagi Murat». Buc., 1920. Trad. de G. B. Rareş.
[108] «Pe căi gresite». Buc. (B-ca scriitorilor iluştri), 1919. Trad. de J. S. Cornăteanu.
[109] «Dlavolul» в сб. «Sonata Kreutzer...» (см. примеч. 103).
[110] «Doi husari. Asediul Sevastopolului. Moartea lui Aleauin». Buc., Ed. «Socec», 1928. Trad. de G. B. Rareş şi Clara Lievsnevski.
[111] «Idila rustică» в сб. «Stapin şi slugă şi alte povestir». Buc. Ed. «Cultura românească», 1928, trad. G. B. Rareş.
[112] «Puterea Intunericului».— *CL*, 1921, № 8—12, p. 637—643, 750—765, 827—836; 1922, № 1—3, p. 535—567, 635—647, 827—836. Перевод Л. Фотино и Д. Науму.
[113] «Cadavrul viu». Buc., Ed. Cultura Natională, 1922. Trad. de Gr. Avakian şi P. Florescu.
[114] «Un program».— *R*, 20.V 1921, № 1068.
[115] «Teatrul rusesc la noi».— *R*, 9.II 1922, № 1284.
[116] Alex. C ă l i n. Cronica teatrală. «Puterea Intunericului». — *R*, 5.III 1922, № 1305; I o n D a c u. Cronica dramatică. «Puterea Intunericului». — «Flacăra», 1922, № 14, 11.III, p. 221—222

[117] Camil P e t r e s c u. «Puterea Intunericului»—«Cetatea literară» 1926, №5—6, p. 40.
[118] Alex. C ă l i n. «Cadavrul viu».— *R*, 11.II 1923, № 1586.
[119] «In jurul dramei „Cadavrul viu". O convorbire cu Ion Manolescu».— *R*, 7.II 1923, № 1583.
[120] «Patria», 21.X 1926, № 231.
[121] «Ideea tolstoiană in lupta binelui cu răul şi către adevăr», 1928, №1, VI. Журнал закончил свое существование на этом первом номере.
[122] «Centenarul lui Tolstoi».— *F*, 1928, № 7—8, p. 11—12.
[123] «L. Tolstoi şi Lenin».— *F*, 1928, № 9—10, p. 3.
[124] «Cei doi Tolstoi».— *F*, 1928, № 9—10, p. 3.
[125] «Note pe marginea literaturii tolstoiene».— «Ordinea», 20.VII 1929, № 182.
[126] «Clopotul», 25.VIII 1933, № 9.
[127] «Cuvînte înţelepte».— «Femeia muncitoare», 11.III 1932, № 10—11,p. 1, специальный номер, посвященный борьбе за мир.
[128] «Tolstoi şi timpul său».— «Inainte», 21.X 1928, № 5.
[129] «Cuvîntul liber», 1935, № 1, 9.XI, p. 1. Среди материалов, помещенных в номере, заслуживает также внимания статья публициста Георге Дину. G h. D i n u. Două generaţii de scriitori («Два поколения писателей»).
[130] V a s i l e C h r i s t u. Lev Tolstoi şi clasa muncitoare.— «Şantier», 1935, № 12, 1.XII, p. 5.
[131] «Adevărul literăr şi artistic», 1928, № 405, 9.IX, p. 1.
[132] *I. R.* Recenzii. Rascolnicov. Lenin despre Tolstoi. Ibid.. 1928, № 414, 11.XI, p. 7.
[133] «Maxim Gorki povesteşte amintiri despre Lenin. Lenin despre Tolstoi».— *R*, 6.V 1934, № 4892.
[134] P. P a n d r e a. Tolstoi şi revoluţia rusă. *VR*, 1934, № 13—14, p. 15—27.
[135] G. I b r ă i l e a n u. Studii literare. Buc., Ed. «Cartea românească», 1930, p. 69. 70, 74.
[136] «Scînteia», 26.X 1945, № 362.
[137] «Mortea lui Ivan Ilici». Buc., Cartea rusă (далее сокращенно: C. r.), 1946. Trad. de Ion Biberi şi Mihail Calmîc; «Lev Tolstoi. Moartea lui Ivan Ilici».— «România liberă», 29.V 1946, № 550.
[138] Povestiri pentru copii. Buc., Ed. de Stat, 1946. Trad. de A. Toma.
[139] «Război şi pace». Sub îngrijirea literară a lui Al. Philippide. Trad. de N. Parocescu. Buc., C. r., 1947—1948; «Război şi pace». Trad. de I. Frunzetti şi N. Parocescu. Buc., C. r., 1954—1955.
[140] «Invierea» în rom. de Lucia Demetrius şi Elena Culacov, Buc., «Europolis», 1947, 1951. В новых переводах появляется в 1959, 1960, 1964 гг.
[141] «Hagi Murad». Trad. din lb. rusă de Ion Biberi şi Mihail Calmîc. Buc., C. r., 1947.
[142] «Prizonierul din Caucaz». Trad. Radu Boureanu. Buc., «Forum», 1948.
[143] В сб. «Povestiri din Campanie». Trad. din lb. rusă de Lucia Demetrius şi Elena Culacov. Buc., 1949.
[144] «Ana Karenina», în rom. de M. Sevastos şi R. Donici. Buc., Ed. de Stat, 1950. C e z a r P e t r e s c u. Ana Karenina o capodoperă a marelui Tolstoi.— «Scînteia Tineretului», 25.X 1953, № 1403.
[145] «Cazacii». Trad. din lb., rusă acad. S. Sanielevici. Buc., C. r., 1950.
[146] «Bancnota falsă». Trad. din lb. rusă Gh. Nicolau, Buc., C. r., 1951. «Sonata Kreutzer». Trad. din lb. rusă de Gh. Nicolau, Buc., C. r., 1951.
[147] «După bal» din lb. rusă de A. Philippide. Buc., C. r., 1953.
[148] В сб. «Povestiri. Trad. de Valeria Sadoveanu şi acad. prof. S. Sanielevici. Pref. de M. Sadoveanu». Buc., «ESPLA», 1953. Саниелевичу принадлежит в сборнике перевод «Казаков».
[149] «Teatru». Pref. de Camil Petrescu. Buc., «ESPLA», 1953. Переводы А. Кирицеску, А. Пьетрару и Т. Гане.
[150] Cezar P e t r e s c u. Editia operelor lui Lev Tolstoi in româneşte. — *C*, 1954, № 1, 1.I, p. 2
[151] V. B i r l ă d e a n u. Lenin despre literatură.— «Scînteia», 4.V 1948, N 1114.
[152] Mihail S a d o v e a n u. Evocări. Buc., «ESPLA», 1954, p. 231—232.
[153] Gala G a l a c t i o n. Oameni şi gînduri dîn veacul meu. Buc., «ESPLA», 1955, p. 211.
[154] Cezar P e t r e s c u. Un titan al literaturii universale.— «Scînteia Tineretului», 9.IX 1953, № 1363.
[155] Ibid.
[156] C ă l i n e s c u. Studii şi conferinţe. Buc., «ESPLA», 1956, p. 212.
[157] T. V i a n u. Literatură universală şi literatură naţională, Buc., «ESPLA», 1956, p. 89.
[158] Ibid., p. 91, 116.

* * *

В заключение следует упомянуть о литературе, связанной с пребыванием Толстого в Румынии. Этот частный вопрос получил широкое освещение в румынской прессе. Ко времени посещения Румынии (март — август 1854 г.) Толстой не пользовался еще известностью за рубежом, и его приезд не нашел непосредственного отражения в современной печати. Отклики появляются значительно позднее, в годы установившейся европейской и мировой славы писателя. Но в дальнейшем, вплоть до наших дней, румынская печать не перестает возвращаться к этой теме, останавливаясь прежде всего на впечатлениях Толстого о стране и румынском народе.

Приводим краткий перечень статей, посвященных пребыванию Толстого в Румынии:

«Tolstoi în Bucureşti» («Толстой в Бухаресте») — *E*, 4.X 1906, № 242; «Scrisori din Bucureşti» («Бухарестские письма») — *T*, 1910, № 248. A r m a n d. Tolstoi în Iaşi şi Bucureşti (Толстой в Яссах и Бухаресте).— «Printre hotare», 1910, № 5, VII, p. 52—53; D r I. D u s c i a n. Scrisorile lui Tolstoi din România (Письма Толстого из Румынии).—*O*, 17. VII 1911, № 1353; N. T o l u. Tolstoi în România (Толстой в Румынии).— *VR*, 1928, № 1, I, p. 105—114; Scarlat C a l l i m a c h i. Tolstoi în Bucureşti («Толстой в Бухаресте»).— «Cuvîntul liber», 1935, № 1, 9.XI, p. 5; V. K e r n b a c h. Lev Tolstoi călător în România («Лев Толстой, путешествующий по Румынии»).—«Veac nou», 27.I 1956, № 4; Tatiana N i c o l e s c u. Tolstoi în Bucureşti («Толстой в Бухаресте»).—«Veac nou», 11.IX 1958, № 682. Подробнее см. в нашей книге: Tatiana N i c o l e s c u. Tolstoi şi literatura română. Buc. Ed. pentru literatură, 1963.

ТОЛСТОЙ В БОЛГАРИИ

Обзор В. Велчева (София)

Толстой получил широкую известность в Болгарии еще в последнее десятилетие прошедшего и в первое десятилетие нашего века. Это был напряженный исторический период ускоренного развития капитализма, развития, сопровождавшегося острой идеологической борьбой, невольным участником которой стал великий русский писатель.

Именно в это время переводятся на болгарский язык главные художественные, публицистические и нравственно-философские сочинения Толстого[1] и вызывают оживленные споры в печати. Некоторые произведения, запрещенные к изданию в России, переводятся непосредственно с рукописи, например: «Не могу молчать» и «Круг чтения». В это же время появляются в Болгарии первые представители и проводники «учения» Толстого — толстовцы: молодые люди отказываются от военной службы; создаются трудовые колонии; организуются издательства для пропаганды религиозно-этических взглядов писателя[2]. Почитатели Толстого посещают Ясную Поляну и описывают в печати свои встречи с ним[3]. Среди его корреспондентов не только известные последователи Толстого — Г. Шопов, Хр. Досев и др. Ему пишут простые болгарские люди, принадлежащие к разным слоям общества и профессиям — учителя и священники, гимназисты и студенты, журналисты и адвокаты, врачи и военные. С ним делится своими мыслями отставной полицейский майор, написавший книгу, направленную против службы в полиции. К Толстому обращается деревенский юноша, который питает отвращение к приобретательству и вступает вследствие этого в конфликт со своими родителями. Отставной офицер просит совета — каким делом ему заняться[4]. Толстого умоляют заступиться за порабощенный македонский народ и другие славянские народы[5]; осведомляются о его мнении по вопросу о славянском единстве[6]. Призыв Толстого к отказу от войны включается в программу Радикальной партии и вносится на рассмотрение в Народное собрание[7].

Несмотря на свое учение о непротивлении злу насилием, Толстой расшатывал устои существовавшего в стране социального «порядка вещей», и охранитель этого порядка, болгарская церковь, не замедлила вступить с ним в борьбу[8]. Со своей стороны, правительство преследовало приверженцев толстовства, присуждая к тюремному заключению тех, кто отказывался нести военную службу[9]. Что касается болгарского пролетариата, то он видел в Толстом своего союзника, отрицающего существующий общественный строй, государство и церковь. Широкое распространение толстовства среди части болгарской интеллигенции вызывало, однако, отпор со стороны Болгарской рабочей социал-демократической партии. В ее органе «Ново време» появились статьи, подчеркивавшие, что «капиталистическое развитие в Болгарии расшатывает самую основу существования мелкой буржуазии», что ее представители, «неспособные возвыситься до понимания новых общественных отношений, впадают либо в политический мелкобуржуазный радикализм и анархизм, либо в толстовский

религиозный мистицизм и анархизм», что толстовство—на руку буржуазии, так как оно выступает против современной классовой борьбы, особенно против классовой борьбы пролетариата[10]. В статье «Граф Толстой о нынешнем рабстве» *В. Коларов*, член Болгарской рабочей социал-демократической партии, противопоставил толстовским поискам «царства божия» на земле выработанные научным социализмом методы разрешения социальных противоречий. В. Коларов писал, что только социализму суждено уничтожить на деле классовые различия и создать условия для торжества той «любви», о которой мечтает «великий гуманист XIX века — Лев Толстой»[11].

Болгарские писатели пролетарского лагеря относились к Толстому с большой сдержанностью. В это время мы не находим высказываний о нем ни у Д. Полянова, ни у Г. Киркова. *Д. Благоев*, основатель и руководитель болгарской революционной марксистской партии, написал обширную статью о толстовском трактате «Что такое искусство?», в котором увидел «смесь демократизма с мистической реакционностью»[12]. Писатели общедемократического лагеря, выражая восхищение творчеством Толстого, ценили его преимущественно как великого художника и гуманиста. Народный поэт *И. Вазов* видел в Толстом «могущественного гения»; он склонен был воспринимать его творчество как стимул для прогресса и высоко ценил пафос романа «Воскресение», правда, преимущественно в этическом плане[13]. Не лишено интереса и то обстоятельство, что, сталкиваясь в повседневной жизни с властью социального зла, народный поэт временами искал спасения в утопиях Толстого о преобразовании общества. В рассказе «Пейзаж» он писал: «...моя исполненная негодования душа искала причины, подлинной причины зла и находила ее именно в этом устройстве мира, представлявшемся мне огромной неправдой... И я бессознательно с благоговением обращал свой взор к сонму великодушных мечтателей толстовцев-утопистов, грезивших о всемирной правде и довольстве, о счастье и других чудесных безумствах...»[14]. Обличитель буржуазии, гуманист и демократ *А. Константинов* видел в Толстом проявление духовной мощи славянства, считал личную жизнь великого русского писателя «единственным в своем роде явлением — ни для кого не обязательным примером», ценил в нем стремление «сблизиться с жизнью и мировоззрением простых людей» и утверждал, что под воздействием Толстого «целый легион честных и самоотверженных деятелей ушел в народ», стал жить жизнью народа, отказавшись от личных благ и стремясь по возможности «отрезвить, а тем самым и облагородить массы»[15]. *С. Михайловский*, писатель-сатирик и моралист, относившийся отрицательно к некоторым сторонам этических взглядов Толстого и написавший стихотворение против «Крейцеровой сонаты», характеризовал русского писателя как «самого прославленного, самого светлого гения нашей эпохи». Обращаясь к Толстому с просьбой высказаться по македонскому вопросу, Михайловский писал: «Автор „Анны Карениной", который никогда не отказывал в сочувствии какой-либо борьбе за свободу, который никогда не отказывался поддержать своим великодушным словом борцов за цивилизацию, должен благословить наши усилия, направленные к свержению режима Хамида»[16]. Крупный поэт-революционер *П. К. Яворов*, усердно изучая произведения Толстого наряду с произведениями других «наставников человечества», выступал вместе с тем против толстовской проповеди непротивления[17]. Писатель-народник *Т. Г. Влайков*, находившийся под влиянием взглядов Толстого на искусство, произвел переоценку своего творчества и стал относиться отрицательно к некоторым своим прежним произведениям[18]. Толстовство, овладевшее частью болгарской интеллигенции и ставшее ее мировоззрением и принципом поведения в жизни, послужило в это время

«ВОСКРЕСЕНИЕ», БОЛГАРСКОЕ ИЗДАНИЕ (СОФИЯ, 1947)
Перевод Людмила Стоянова
Суперобложка

объектом изображения для некоторых писателей. Так, например, *И. Вазов* в романе «Новая земля» рисует в образе Ченчева поэта-некрасовца; в романе «Казаларская царица» он изображает в лице Чакалова героя с духовным складом толстовца. В известном смысле восприятие жизни в духе учения Толстого можно видеть в Савве Поповиче из драмы *П. К. Яворова* «Как грянет гром и как умолкнет эхо», у некоторых героев *П. Ю. Тодорова*, *Т. Г. Влайкова* и др.

Если Толстой, моралист и социальный реформатор, оценивался поразному, то Толстой — художник мирового значения, величайший представитель современного человечества, завоевал себе высокое место в сознании болгарского читателя 1900-х годов. Подтверждением этому может служить проведенная одной из софийских газет анкета о самом любимом болгарском и славянском писателе. Собрав отзывы читателей, газета опубликовала ряд портретов в последовательности, соответствовавшей количеству поданных голосов. «Наша литературная анкета, устроенная по случаю славянского съезда в Софии, закончена,— заявляла редакция,— и мы с сегодняшнего дня — дня открытия съезда — начинаем регулярно помещать портреты славянских и болгарских писателей, получивших наибольшее количество голосов». Из русских писателей первое место заняли Толстой и М. Горький; из болгарских — П. К. Яворов. Под портретом Толстого редакция поместила следующие строки: «Он нравится читателям прежде всего как художник, а затем уже как мыслитель»[19].

В болгарской печати отмечались все «круглые» годовщины жизни и деятельности Толстого — семидесятилетие, семидесятипятилетие и восьмидесятилетие со дня рождения, пятидесятилетие писательской деятельности и пр.[20] Особенно широкий общественный резонанс вызвали последние две даты. Отметим одно чрезвычайно существенное обстоятельство: на все эти юбилеи откликалась и социалистическая печать. Революционно-

марксистский журнал «Ново време», издававшийся Д. Благоевым, перепечатывая статью под заглавием «Лев Толстой и социал-демократия», с обозначением «Из „Искры“», выразил с полной определенностью свое отношение к Толстому: высоко оценив его критику собственнического общества, журнал в то же время отмечал, что Толстой является «самым воинственным и вполне сознательным противником социалистического движения»[21].

В 1907 г. в болгарскую печать проникло известие о праздновании пятидесятипятилетия литературной деятельности писателя[22]. В статье «Толстой как литератор и проповедник мира», напечатанной в газете «Вечерна поща», высказывалось недовольство тем, что Нобелевская премия присуждена не Толстому — демократу и гуманисту, а Киплингу — апологету британского империализма [23]. Характеризуя огромное влияние Толстого, газета «Ден», орган Объединенной народно-прогрессивной партии, поместила карикатуру, изображавшую борьбу гиганта и пигмеев, напрасно силящихся скрыть его от взоров человечества[24]. В чествовании Толстого принял участие писатель *П. Ю. Тодоров*, который еще с 1887 г. выступал в печати с высказываниями о Толстом и его творчестве, в частности об «Анне Карениной»[25]. Он написал в 1907 г. статью, озаглавленную «Толстой в Болгарии». В подстрочном примечании к статье указано, что она написана «для одной русской газеты по случаю пятидесятилетнего писательского юбилея Толстого»[26]. Можно предположить, что она предназначалась для газеты «Речь», руководителем которой был П. Н. Милюков, поддерживавший личные отношения с Тодоровым.

Восьмидесятилетие Толстого широко отмечалось в Болгарии. Почти не было ни одной газеты, ни одного журнала, которые не откликнулись в той или иной форме на этот юбилей. Одна газета, отмечая мировое значение Толстого, подчеркнула, что вряд ли какой-либо юбилей мог быть более оправдан, чем юбилей Толстого[27]. Писатель-демократ *А. Страшимиров* указал, что чествование Толстого особенно уместно у болгарского народа, выросшего в атмосфере русской мысли. Учение Толстого, по словам Страшимирова, вызвало у части болгарской интеллигенции особого рода «самоуглубление»[28]. Последователи Толстого издали в эти дни юбилейный сборник «Възраждане», в котором изложено учение русского моралиста и приведены отклики представителей различных идеологических лагерей на вышедшие в Болгарии работы Толстого, а также отмечено его влияние на болгарскую мысль[29].

Оценки, которые давались в это время Толстому на страницах правой и левой печати, имеют резко выраженную политическую окраску. Болгарские русофилы консервативной славянофильской ориентации посвятили юбилею Толстого книжку своего журнала «Българска сбирка». В этом издании наряду с перепечаткой многих поздравлений, полученных Толстым от различных лиц и группировок в России и за рубежом, помещены статьи: *В. Стойнова* «Жизнь и деятельность графа Л. Н. Толстого», *Д. К. Попова* «Лев Николаевич Толстой», доктора *Н. Бобчева* «Анатоль Франс о Толстом», *К. Чуковского* «Толстой как художественный гений», *Кармен Сильвы* «О Толстом», *Н. Атанасова* «Драматические произведения Толстого» и т. п. Здесь же помещена и упомянутая выше работа *П. Ю. Тодорова* «Толстой в Болгарии». Редакционная статья к специальной книжке журнала «Българска сбирка», озаглавленная «Восьмидесятилетие Толстого», выясняет отношение к русскому писателю со стороны лиц, группировавшихся вокруг этого периодического издания. Им отнюдь не был дорог Толстой, критик буржуазного строя и русского самодержавия, отрицатель церкви; они заявляли даже, что «трезвые умы» в России якобы относятся сдержанно к этим сторонам учения Толстого, и видели в русском писателе лишь абстрактного гуманиста; для них он был велик «в своих усилиях найти новые средства для „осчастливления человечества“, в веч-

ных поисках «новых путей и средств к достижению правды и счастья посредством любви»[30].

Рабочая печать отмечала заслуги Толстого с совсем иной точки зрения. Журнал «Млад работник», характеризуя Толстого как «великана мысли и дела», в то же время подчеркивал утопизм его учения, враждебное отношение писателя к идеям научного социализма, а также его особый взгляд на революцию 1905—1907 гг. При всем том журнал находил, что сочинения Толстого должны быть прочтены каждым «современником и борцом»[31].

Выступивший со статьей «Толстой и рабочий класс» (под псевдонимом Kaempfer) марксистский критик *Г. Бакалов* отметил, что пролетариат высоко чтит Толстого, так как последний подверг уничтожающей критике буржуазное общество и тем «усилил ту священную ненависть к существующему строю», которая ведет к революционной борьбе. Но, подчеркнул Бакалов, рабочий класс «не может не отвергнуть учения Толстого», выступающего против борьбы классов. В заключение, повторяя свое утверждение, что Толстой является «противником» рабочего класса, Бакалов заявил, что русский писатель — «такой противник, который является еще бóльшим противником для непосредственных врагов пролетариата — капиталистов»[32].

Особое место в чествовании Толстого в 1908 г. заняли писатели, принадлежавшие к кружку «Мисъл» и склонявшиеся к буржуазному либерализму. Именно к ним обратились представители либеральных кругов России с приглашением принять участие в сборнике, посвященном восьмидесятилетию Толстого. Из письма *П. Ю. Тодорова* к жене критика К. Крыстева — Райне Крыстевой видно, что в 1908 г. Милюков убеждал Тодорова прислать ему материалы для юбилейного толстовского сборника:

«... Возвратившись сюда, я нашел письмо Милюкова, который настойчиво требует, чтобы я послал ему болгарские статьи о Толстом,— писал Тодоров.— Вчера я закончил свою статью, Яворов также дал мне одно свое стихотворение; теперь я хочу, чтобы доктор Крыстев поскорее прислал мне свою статью, а я перешлю уже все это Милюкову. Во имя яснополянского старца, который завершает сегодня восьмидесятый год своей большой, полной взлетов и падений жизни, во имя того великого гнева и наслаждения, которые мы получали при чтении его произведений, дорогая госпожа Крыстева, устройте своему мужу скандал, не давайте ему покоя ни днем ни ночью, наконец, не давайте ему есть, выходить, заприте его на замок в его комнате и заставьте его не позже конца этой недели во что бы то ни стало хоть что-нибудь написать.

Вчера мы с музыкой проводили Пенчо <Славейкова> в Македонию. И он обещал было приняться за работу и даже что-то начал писать для толстовского сборника, но как только загудели гудки и загрохотал барабан, Пенчо вскочил — и Толстой со своим сборником потерпел полное крушение...»[33]

В болгарскую печать того времени проникло известие о «Международном толстовском альманахе», который вскоре вышел в Москве под редакцией П. А. Сергеенко[34]. Поскольку в этом сборнике должны были принять участие такие последователи Толстого, как *Хр. Досев*[35], и его намерены были издать в Москве, а не в Петербурге, несомненно, что упомянутые выше болгарские писатели собирались участвовать не в этом, а в другом издании. Еще осенью 1908 г. Тодоров поспешил напечатать в журнале «Българска сбирка» часть статьи, предназначавшейся для сборника, который упомянут в письме к Райне Крыстевой. В подстрочной редакционной заметке, сведения для которой, очевидно, были получены от самого Тодорова, мы читаем: «Видные русские писатели вскоре выпустят в свет юбилейный сборник о Толстом, в котором примут участие все знаменитые европейские писатели. Из болгарских писателей в этом сборнике будет

участвовать П. Ю. Тодоров, который напечатает в нем свой очерк „Толстой в Болгарии“»[36]. Мы уже указывали, что работу с подобным названием Тодоров предназначал для «одной русской газеты» по случаю пятидесятипятилетнего юбилея писательской деятельности Толстого, и, по-видимому, не получив возможности напечатать ее там, он опубликовал ее в журнале «Мисъл» за 1907 г., возможно, несколько переработав и сократив статью. При публикации в журнале «Българска сбирка» редакцией было указано: «Мы помещаем здесь ту часть очерка, в которой преимущественно рассказывается о том, кем является для автора Толстой».

Доктор *К. Крыстев*, от которого Тодоров с такой настойчивостью требовал статью для русского сборника, в конце концов выполнил его пожелание. Статья была озаглавлена «Непротивление злу в болгарской литературе». В ней шла речь о последователях Толстого в Болгарии. Крыстев старался доказать воздействие творчества русского писателя на И. Вазова, С. Михайловского, А. Константинова, П. П. Славейкова, П. Ю. Тодорова, Т. Г. Влайкова и других, выискивая у некоторых из них или же у их персонажей идею непротивления злу насилием. Утверждения Крыстева в основном справедливы, но нельзя сказать, что они всегда обоснованны. Крыстев опубликовал свою статью в журнале «Демократически преглед» в следующем, 1909 г. В подстрочном примечании к этой публикации читаем: «Настоящая статья написана для юбилейного сборника, который будет издан в Петербурге специальным комитетом в память восьмидесятилетия Толстого. Здесь она печатается без каких бы то ни было изменений, с прибавкой лишь заметки и заключительных строк, из которых читателю станет ясна причина ее неполноты и отсутствие в ней хорошо известных у нас фактов»[37].

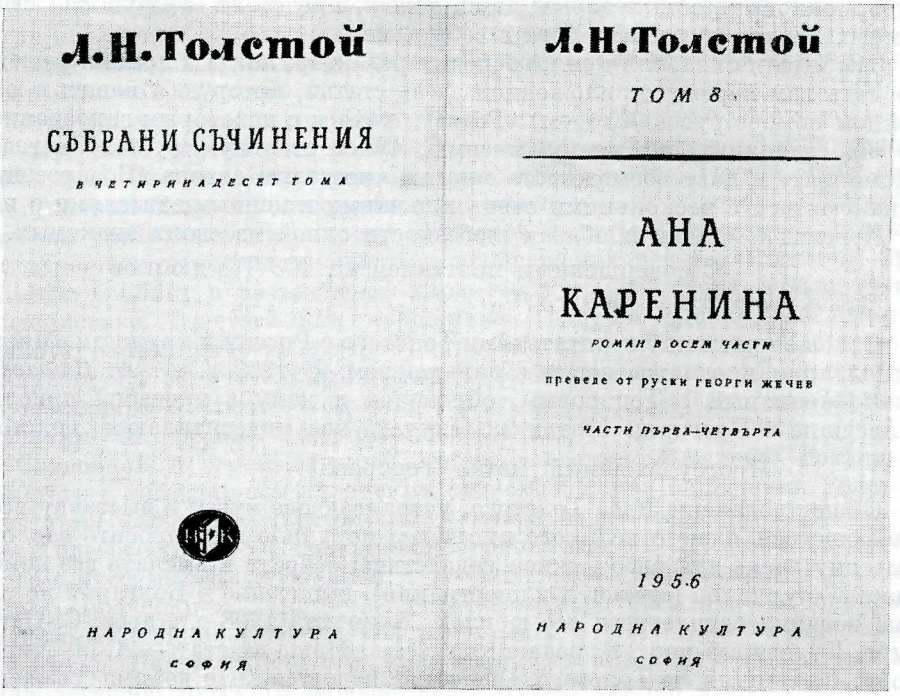
Славейков, о котором упоминает в своем письме к Р. Крыстевой Тодоров, два года спустя, в 1910 г., произнес речь на траурном собрании, посвященном памяти Толстого (см. о ней на стр. 431 настоящ. книги).

Остается невыясненным, какое стихотворение дал П. К. Яворов для предполагавшегося в Петербурге толстовского сборника. Возможно, что речь идет о «Славе поэта», хотя имя Толстого в нем прямо не названо[38]. Стихотворение это проникнуто болью, сдержанным протестом и горькой иронией. Оно, как нам кажется, содержит в себе реминисценции, которые могут быть связаны с трагической участью Пушкина и Лермонтова и с гибелью болгарского писателя А. Константинова, убитого в 1897 г. Мы полагаем также, что возникновение стихотворения следует поставить в связь со статьей Д. С. Мережковского «Лев Толстой», переведенной на болгарский язык по почину П. Ю. Тодорова, писателя из круга Яворова, и напечатанной в газете Радикальной демократической партии «Демократ». В этой статье, рассуждая о славе художника, автор отмечал, что «праздник Толстого исключителен, единственен в веках и в жизни народов», потому что «слава Толстого — первая всечеловеческая слава без крови»[39].

К восьмидесятилетнему юбилею Толстого относится еще одно письмо П. Ю. Тодорова, напечатанное в газете «Демократ» вместе с упомянутой выше статьей Мережковского. Письмо это дает некоторое представление об атмосфере, создавшейся в связи с чествованием Толстого в 1908 г. Следует заметить, однако, что, характеризуя отношение болгарской общественности к юбилею Толстого, Тодоров явно сгустил краски. Приводим текст письма полностью:

«Господин редактор!

В конце прошлого месяца Россия с религиозным умилением и с чувством беззаветного славянского человеколюбия открыла свои двери и впервые в истории пригласила на мирское торжество весь свет, чтоб отпраздновать с ней вместе восьмидесятилетие Льва Толстого.



«СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ» ТОЛСТОГО НА БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ, ТОМ 8, «АННА КАРЕНИНА» (СОФИЯ, 1956)
Музей Толстого, Москва

Миллионы почитателей апостола из всех земель и на всех языках направили 28 августа свои думы и сердца на поклонение в Ясную Поляну и все мысленно поздравляли друг друга со счастьем быть его современниками.

Исключением явилась, кажется, одна лишь Болгария — только среди нас не поднимался вопрос о Толстом, только мы в день его рождения не могли оторваться от своих будничных дел и забот, не открыли свои сердца для радости, в которой объединились враждующие между собою люди, целые народы и разные поколения. Все наши газеты, посвящающие длинные колонки каждому уличному скандалу и в течение долгих лет занимающиеся самыми низкими политическими интригами, отметили празднество великого писателя земли русской лишь отдельными отрывками из его сочинений и двумя-тремя анекдотами о нем, заимствованными из безвестных будапештских газет. Наши журналы, осознавшие, что они совершенно не нужны в духовной пустыне нашего общества и либо приостановившиеся совсем, либо еще не пробудившиеся от своей летней дремы, также не нашли нужным выступить в этот день и посвятить Толстому если не какую-нибудь оригинальную, то хотя бы удачно подобранную переводную статью. Ни одним собранием, ни одной речью не был ознаменован у нас этот юбилей, несмотря на то, что едва ли в какой-нибудь другой стране в мире, исключая Россию, произведения Толстого в таком большом количестве читались, переводились и распространялись, как в Болгарии.

Не показывает ли это, что, несмотря на все свои внешние интересы, несмотря на то, что мы жадно прислушиваемся к каждому слову Европы, мы все еще продолжаем оставаться в душе неприрученными варварами,

идолопоклонниками, которым лишь теперь предстоит сокрушить своих земных идолов и познать бога и себя в нем!

Эти мысли охватили меня, господин редактор, когда я принял решение послать вам перевод приложенной здесь статьи, которую я нашел в юбилейном номере русской газеты «Речь»[40]; хотя и с некоторым запозданием, но она заполнит, по моему мнению, чувствительную пустоту в газете «Демократ» и даст возможность многим читателям автора «Воскресения» ознакомиться с несколькими очень хорошими и ценными мыслями о нем.

Переводом статьи я обязан любезности одной из своих знакомых.

С совершенным почтением П. Ю. Тодоров

София. 17 сентября 1908 г.»[41]

Отношения между почитателями Толстого в России и кружком «Мисъл» в Болгарии продолжались и в дальнейшем. В 1909 г. *А. А. Стахович*, лично знакомый с Тодоровым, обратился к нему с просьбой прислать вышедшие в Болгарии статьи по случаю восьмидесятилетия Толстого.

«Многоуважаемый Петко Тодоров!

Общество имени Льва Толстого, устраивающее музей и выставку всего касающегося нашего великого писателя, поручило мне просить вас оказать ему очень для него важное содействие: собрать и выслать все номера газет и журналов (статьи и иллюстрации), вышедшие в Болгарии по случаю восьмидесятилетнего его юбилея 28 августа 1908 г. Адрес: С.-Петербург. Кузнечный пер., 8, редакция газеты „Наша газета“ — А. М. Хирьякову. Для музея Л. Толстого. Общество надеется, что во имя уважения к великому писателю вы не откажетесь исполнить его усердную и покорнейшую просьбу. Если будут какие-либо расходы с вашей стороны, просят вас сделать наложенный платеж на посылку. Так как упомянутая выставка откроется через месяц и желательно, чтобы болгарские газеты были также экспонированы, комитет просит вас, если возможно, поспешить высылкою просимого материала. Пользуюсь случаем крепко пожать вашу руку и послать вам сердечный привет.

Глубоко вас уважающий А. Стахович»[42]

В следующем, 1910 г., вскоре после смерти Толстого, известный историк революционного движения в России *В. Богучарский* (*В. Я. Яковлев*) обратился к редакции «Мисъл» с просьбой прислать для музея Толстого те номера журнала, в которых были опубликованы некрологи писателя.

«Милостивый государь господин редактор!

В целях увековечения памяти Льва Николаевича Толстого в России образовалось общество для устройства Дома-музея имени бессмертного писателя. Председателем этого общества состоит Максим Максимович Ковалевский. В музее Толстого предположено собрать по возможности все написанное не только Толстым, но и о Толстом (на всех языках), а также портреты, бюсты, письма и всякого рода предметы, имеющие отношение к жизни великого писателя русской земли. Вследствие этого имею честь покорнейше просить вас выслать по одному экземпляру тех номеров вашего издания, в которых были статьи о Толстом по случаю его кончины. Выслать эти издания следует на имя секретаря Общества имени Толстого по следующему адресу: Петербург, Владимиру Яковлевичу Мартынову, 10-я Рождественская, № 18.

Примите уверение в совершенном почтении.

Член комитета общества имени Толстого В. Богучарский

Покорнейше прошу столичные и провинциальные издания Болгарии перепечатать настоящее письмо»[43].

Какие материалы были посланы для Толстовского музея и выставки после получения приведенных писем, установить не удалось, так как ни в архиве Тодорова, ни в архиве журнала «Мисъл» никаких свидетельств об этом не сохранилось.

Отметим, что в связи со смертью Толстого в Софии было устроено траурное заседание, на котором *П. Ю. Тодоров* прочел доклад «Стихия художника», а П. Славейков выступил с докладом «Толстой». Тексты обоих этих выступлений были опубликованы лишь впоследствии[44]. Тодоров охарактеризовал универсальную широту интересов Толстого, простоту, яркость и жизненную непосредственность в изображении действительности, предельную глубину в разъяснении характеров и судеб своих героев. В характеристике Толстого как художника Тодоров, однако, не отметил идейную направленность его творчества, его критику социальных несправедливостей и обличительный пафос. Тодоров рассматривал Толстого преимущественно в эстетическом плане. В его докладе встречаются, впрочем, отдельные интересные и верные наблюдения.

Славейков в своем взволнованном писательском «слове» сравнивал Толстого с легендарным ливанским кедром, говорил о значении Толстого в истории мировой культуры. Он указывал на новаторский характер гения Толстого, на его революционную роль, упомянул о конфликте Толстого с русским самодержавием, о его внутренней непримиримости с церковью, подчеркнул понимание писателем народного духа и народной правды. Славейков отводил Толстому место в ряду таких художников, как Гомер, Данте и Шекспир. «Его жизнь была легендой... Легенда эта была легендой русского народа, над которым вьются стаи полицейских воронов; в их зловещем карканье слышится безумный смех Ивана Грозного, а в небесах чернеет тень от пирамиды виселиц Николая второго». Славейков не в состоянии был увидеть объективное содержание толстовского творчества. В своем докладе он не остался чужд мистическим настроениям, метафизическому и эстетскому восприятию и осмыслению творчества Толстого. После Славейкова выступил русский журналист Викторов-Топоров; доклад его не появился в печати и текст его остался неизвестным.

Приведенные данные позволяют сделать некоторые, хотя и весьма беглые, обобщения. Вся деятельность Толстого, его художественное творчество, общественно-политические взгляды и морально-философское учение вызывали и вызывают в Болгарии последнего десятилетия XIX и первого десятилетия XX в. глубокое восхищение, создают Толстому непререкаемый авторитет. Своей критикой собственнического общества, обличением государственных установлений, отрицанием церкви, страстным гуманизмом и демократизмом, своим высоким искусством Толстой окрылял мысль, вызывал в болгарском народе и творческой интеллигенции стремление к социальному прогрессу, высоким нравственным и эстетическим идеалам. Что же касается реакционных идей Толстого,— то их сочувственно принимали лишь его непосредственные последователи, влияние которых оставалось весьма ограниченным.

Болгарские писатели и литературные критики воспринимали творчество Толстого преимущественно с его сильной стороны — они постигали исключительную мощь и высоту его великого реалистического искусства, одобряли его сближение с народом и ценили значение его деятельности в мировом масштабе. На общественное мнение в Болгарии известное влияние оказала, конечно, и русская критика того времени.

Болгарская социалистическая критика резко выступала против Толстого-социолога, противника революции, отвергая его учение о непротивлении злу, о примирении классов. Однако болгарские социалисты, в общем, придерживались взглядов Плеханова на Толстого. Гениальные

статьи Ленина, заложившего основы подлинно марксистского толстоведения, проникли в Болгарию только в 1930-х годах. И тогда они не только оплодотворили критическую мысль о Толстом, но создали общую и принципиально новую основу и для всего болгарского литературоведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. В. Кехлибарова. Толстой у нас.— «Литературен фронт», 1953, № 6.
[2] Г. Константинов. Нашите учители. София, 1959, стр. 164—169.
[3] Хр. Досев. Възпоменания за Толстоя.— «Възраждане», 1908, кн. 7—8; Д. Константинов. На гости у граф Толстой.— «Вечерна поща», 1910, № 30 — 32.
[4] А. Опулски. Българските кореспонденти на Л. Н. Толстой.— «Език и литература», 1964, кн. 3, стр. 90—94.
[5] Д. Ризов. На гости у граф Л. Н. Толстой.— «Мисъл», 1900, кн. 3—4, стр. 161—181; Д. Константинов. На гости у граф Толстой.— «Вечерна поща», 1910, № 3230—3233; Ст. Михайловский. «Дневни новини», 1901, № 1121.
[6] «Великият славянин и славянския събор».— «Мир», 1909, № 3031.
[7] П. Ю. Тодоров. Събрани съчинения, т. 3. София, 1958, стр. 447—448.
[8] «Църковен вестник», 1908, № 48, стр. 583—586; «Вера и разум», 1897, № 7—8, стр. 218—222.
[9] Г. Константинов. Нашите учители, стр. 162—164.
[10] «Ново време», 1907, кн. 8, стр. 493.
[11] Венелин (В. Коларов). Из живота и литературата.— «Ново време», 1901, кн. 3, стр. 337—344.
[12] «Ново време», 1898, кн. 6, стр. 593—602.
[13] Иван Вазов. Извън България.— «Денница», 1891, кн. 2, стр. 58—59; «Мир», 1899, № 682.
[14] Иван Вазов. Събрани съчинения, т. 6. София, 1956, стр. 312.
[15] «Периодическо списание», 1890, кн. 32—33, стр. 380—381.
[16] «Пловдив», 1901, № 1121; «Мисъл», 1898, кн. 7—8, стр. 425.
[17] Ганка Найденова-Стоилова. П. К. Яворов. Летопис за живота творчеството му. София, 1959, стр. 107, 147; П. К. Яворов. Хайдушки купнения. София, 1909, стр. 75.
[18] Т. Г. Влайков. Завои. София, 1935, стр. 28—31.
[19] «Нова балканска трибуна», 1, 1910, № 292.
[20] См. «Вести», 1898, № 82; «Новини», 1898, № 95; «Софийски ведомости», 1903, № 112, 116, 118. «Свет», 1902, кн. 1—2, стр. 9—11; «Ново слово», 1902, № 8—9.
[21] «Ново време», 1903, кн. 1, стр. 840.
[22] «Вечерна поща», 1907, № 2172.
[23] «Вечерна поща», 1907, № 2288.
[24] «Ден», 1908, № 1601.
[25] П. Ю. Тодоров. Предисловие к кн.: Л. Н. Толстой. Времената са близки. Варна, 1897; В. Велчев. Петко Тодоров и руската литература.— «Език и литература», 1957, кн. 5, стр. 396—397.
[26] П. Ю. Тодоров. Толстой в България.— «Мисъл», 1907, кн. 9—10, стр. 711.
[27] «Лев Толстой».— «Народни права», 1908, сентябрь, № 192.
[28] А. Страшимиров. Юбилеят на Толстой.— «Балканско ехо», 1908, № 19.
[29] «Възраждане», 1908, кн. 7—8.
[30] «Българска сбирка», 1908, кн. 8, стр. 494—495.
[31] «Млад работник», 1908, кн. 8—9, стр. 115—117.
[32] «Съвременник», 1908, кн. 1, стр. 25—30. Болгарские толстовцы обратились к В. Г. Черткову с просьбой возразить Бакалову, который снова выступил по этому вопросу (ср. К—г. Толстой и работническата класса.— «Съвременник», 1909, кн. 8—9, стр. 563—566).—К—г — псевдоним Бакалова.
[33] Болгарский текст этого письма см. в статье: В. Велчев. Петко Тодоров и руската литература.— «Език и литература», 1957, кн. 5, стр. 402 и сл.
[34] «Възраждане», 1908, кн. 9, стр. 559—560.
[35] «Възраждане», 1908, кн. 7—8, стр. 454.
[36] «Българска сбирка», 1908, кн. 8, стр. 535.
[37] «Демократически преглед», 1909, кн. III, стр. 308.
[38] П. К. Яворов. Събрани съчинения, т. I. София, 1959, стр. 230.
[39] Д. Мережковский. Лев Толстой.— «Демократ», 1908, № 4, стр. 1—3.
[40] К своему письму Тодоров приложил статью Мережковского, о которой см. выше.
[41] «Демократ», 1908, № 4.
[42] *ЦДИА* (София), ф. 12, оп. 1, ед. хр. 267, л. 1. Письмо на русском языке.
[43] Там же, ф. 126, оп. 1, ед. хр. 219. Письмо на русском языке.
[44] См. «Златорог», 1920, кн. 3, стр. 197—203 и 1921, кн. 6, стр. 317—325. См. также стр. 432—434 настоящ. книги.

ТОЛСТОЙ В КИТАЕ

Обзор Мао Дуня (Пекин) *

Прежде всего, мне хотелось бы воспользоваться случаем выразить свое глубокое восхищение Львом Толстым — этим титаном русской классической литературы, который по праву считается самым выдающимся, самым талантливым художником XIX столетия.

Знакомство Китая с Толстым началось в начале XX в., еще до появления в свет переводов его произведений. Первая книга великого писателя на китайском языке была выпущена в 1906 г. в Шанхае миссионерами под названием «Религиозные рассказы Толстого». На смерть Толстого откликнулись два китайских периодических издания: шанхайская газета «Шэньчжоу жибао» и журнал «Дунфан цзачжи».

Более серьезное ознакомление с важнейшими произведениями Толстого в Китае началось в 1913 г., когда революционный деятель Ма Цзюнь-у перевел на китайский язык «Воскресение». Ма Цзюнь-у, стоявший в период Синьхайской революции на позициях буржуазного демократа, отдал много сил и энергии популяризации в Китае взглядов европейских просветителей, а также литературы романтического направления и критического реализма.

В период с 1915 по 1919 гг. одно за другим вышли в свет отдельными изданиями «Утро помещика», «Севастопольские рассказы», «Детство», «Отрочество», «Юность», «Анна Каренина», «Смерть Ивана Ильича», «Семейное счастье», «Крейцерова соната» и другие произведения, но в большинстве своем это были сокращенные переводы или даже изложения, притом сделанные не с языка оригинала, а с других языков — немецкого и английского.

Многих из тогдашних переводчиков привлекало в Толстом лишь идейное содержание произведений. Что же касается художественных достоинств, то о них судили, как правило, применительно к канонам китайской классической литературы и не пытались передать эстетическое своеобразие подлинника. К числу переводчиков подобного рода относится, например, Линь Шу.

Движение «4 мая» (1919) — массовое антиимпериалистическое и антифеодальное движение, открывшее период борьбы за новую культуру, культуру для народа,— содействовало бурному подъему в ознакомлении Китая с иностранной литературой и в первую очередь с русской классической литературой. Популяризацией творчества Толстого занимались в это время переводчики, владевшие языком, хорошо знавшие русскую литературу и обладавшие мастерством художественного перевода. Активная деятельность одного из них — ныне покойного

---

* Эта статья — переработанное автором изложение его доклада в связи с пятидесятилетием со дня смерти Толстого.—Перевод с китайского М. Е. Шнейдера.

«АННА КАРЕНИНА», КИТАЙСКОЕ ИЗДАНИЕ (1917)
Обложка

Гэн Цзи-чжи — заслуживает быть отмеченной особо. В этот период одно за другим в китайском переводе вышли «Власть тьмы», «Плоды просвещения», «Война и мир» и другие важнейшие произведения Толстого.

После образования Китайской Народной Республики издание переводов произведений Толстого, как и вся переводческая работа в целом, вступило в новый этап. В настоящее время почти все произведения великого писателя уже переведены на китайский язык, причем некоторые из них переводились разными переводчиками по два раза и больше. Вместе с тем постепенно были переведены на китайский язык работы Ленина, содержащие тонкий и глубокий анализ и критику творчества Толстого, а также статьи, воспоминания и книги о нем Горького и других известных авторов. Все это оказало огромную помощь в изучении творческого наследия великого писателя.

Более двадцати лет назад Председатель *Мао Цзе-дун*, говоря о необходимости критического подхода к изучению китайской и зарубежной классической литературы, призывал нас черпать из нее все самое лучшее и ценное.

Поскольку произведения Толстого — зеркала русской революции — вызывают громадный интерес у широких кругов читателей из числа китайской молодежи, правильная оценка творческого наследия великого классика, составившего целую эпоху в литературе, предполагает полное раскрытие всех положительных сторон его творчества и выявление отрицательных сторон его учения, что и должно явиться первостепенной задачей китайских исследователей зарубежных литератур.

Наши революционные литературные деятели придавали чрезвычайно большое значение Толстому. Они в полной мере оценили идейную значимость и художественные достоинства его произведений. В свое время *Лу Синь* подчеркивал у Толстого его творческий дух «служения современ-

«ВОСКРЕСЕНИЕ» НА СЦЕНЕ ШАНХАЙСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ЛАН-СИНЬ. 1957
В лазарете
Фотография

ности». *Цюй Цю-бо* считал Толстого «выдающимся явлением в истории человечества».

Что касается меня лично, то мой интерес к Толстому проявился, примерно, лет сорок пять назад. Заинтересовался я, однако, вовсе не «Воскресением» в переводе Ма Цзюнь-у, а попавшим мне в руки сборником пьес Толстого на английском языке, среди которых был и «Живой труп». На английском же языке я прочитал и небольшие брошюры Толстого, пропагандирующие его проекты «разрешения социальных противоречий». По правде говоря, в то время эти проекты действительно показались мне заманчивыми, и, чтобы еще глубже разобраться в Толстом-мыслителе, я разыскал его прозаические произведения и принялся их читать. Прочитал я тогда немало, но это ни в коей мере не способствовало углублению моей веры в его проекты и высказывания относительно разрешения социальных противоречий, а как раз наоборот — меня охватили сомнения в их правильности. После того как орудийные залпы Октябрьской революции донесли до Китая марксизм, я окончательно понял, что проекты Толстого не в состоянии разрешить социальных противоречий, что они не только не разрешат их, но и явятся тем опиумом, посредством которого правящие классы — феодальные, полуфеодальные или капиталистические,— сидящие на шее у народа, сломят его волю к борьбе...

С другой стороны, какой-нибудь интеллигент типа Рудина, возможно, и удовольствовался бы в полной мере привлекательными и заманчивыми

на первый взгляд проектами Толстого. Но если бы кто-нибудь и взялся серьезно за их осуществление — пусть даже в самых небольших масштабах и самой незначительной степени, пусть даже в какой-то мизерной части этих самых небольших масштабов и самой незначительной степени,— он неизбежно обрек бы себя на полную неудачу. Подобная трагедия заключена в самой «толстовщине», причем глубоко почитаемый нами Толстой сам как личность познал весь трагизм поражения своих собственных принципов и взглядов. Таким образом, идеи, выраженные в произведениях Толстого, имеют довольно большие изъяны, однако изъяны не могут скрыть красоту нефрита. Помня о заблуждениях и ошибках Толстого, мы вместе с тем ни при каких обстоятельствах не впадаем в недооценку глубины изображения в его произведениях современной ему социальной действительности, а также тех высот совершенства, которых достиг писатель в своем художественном творчестве. Возможно, это только мое личное увлечение,— но я очень люблю Бальзака, а еще сильнее — Толстого. В нескольких десятках томов своей «Человеческой комедии» Бальзак отобразил социальную действительность Франции за целую историческую эпоху, создал типические образы эпохи. Толстой того же результата добился одним романом «Война и мир». Портреты бальзаковских героев выписаны щедрой и яркой кистью, но мы ни в коей мере не можем утверждать, что образы, созданные Толстым, уступают им. В ваянии человеческих характеров, в создании монументальных полотен и описании самых различных ситуаций Толстой является непревзойденным мастером. Многому, очень многому мы должны учиться у Толстого, много полезного мы можем почерпнуть у него. Творчество Толстого — сверкающая жемчужина в той сокровищнице мировой литературы, которую мы призваны воспринять и пополнить. Драгоценное наследие литературы и искусства прошлых эпох превращается в подлинное достояние народа лишь после того, как он обретает свободу и становится хозяином своей судьбы. При этом народ не только воспринимает прекрасное наследие прошлого,— он должен развивать его на основе марксизма-ленинизма и создавать новую, социалистическую литературу, что нашло свое подтверждение в блистательных успехах советской литературы за сорок лет.

Произведения Толстого являются драгоценным наследием не только народов Советского Союза, но и народов всего мира. О мировом значении великого писателя говорит и тот факт, что пятидесятилетие со дня его смерти отмечается повсюду. Творчество Толстого, как и раньше, вызывает у людей глубокие думы, волнует их, по-прежнему изливает немеркнущий свет.

Преклоняясь перед Толстым — этим титаном русской литературы XIX в., — китайский народ и китайские писатели одновременно выражают чувства своего глубокого уважения потомкам художника — советским писателям — и желают им еще бóльших успехов в отображении яркой и многогранной действительности эпохи строительства коммунизма, в создании новых героических образов современников.

ТОЛСТОЙ В ЯПОНИИ

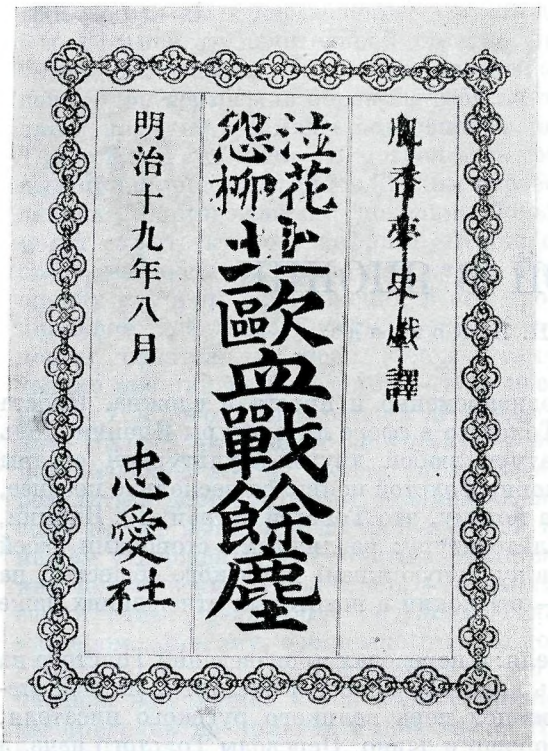
Обзор Н. И. Конрада

Тема «Толстой в Японии» одновременно и проста и сложна. Проста в том смысле, что присутствие Толстого в сфере литературы Японии столь же естественно, как и в литературе любой другой культурной страны современного мира; только в Японии Толстой появился несколько позднее, чем на Западе. Тема эта сложна потому, что Толстой затронул в Японии, как и всюду, отнюдь не одну литературу: различными сторонами своей творческой личности он вошел в духовную жизнь японского общества, на многое в этой жизни повлиял — в Японии в некоторых отношениях даже больше, чем на Западе.

Сразу же предупредим читателя: о переводах произведений Толстого на японский язык мы скажем очень коротко. Дело тут обстоит в высшей степени просто: всё, что вышло из-под пера великого русского писателя, японскому читателю известно хорошо и давно. Переводы Толстого начали появляться в 1880-х годах и с той поры выходили один за другим. Существует бесконечное число изданий отдельных произведений; многократно выходили и выходят разного объема собрания сочинений; издавались и «полные собрания». Появились переводчики, как бы специализировавшиеся на Толстом. Так, Йонэкава Масао перевел его многие художественные произведения, Хара Кюитиро — «всего Толстого»; сейчас том за томом выпускает полное собрание сочинений Толстого в своих переводах Накамура Хакуё. Это последнее издание служит свидетельством того, что интерес к Толстому сохраняется в японском обществе и в наши дни.

Именно этот поистине живой, общественный интерес к Толстому и заслуживает особого внимания: Толстой никогда не был для японцев только писателем-художником; многих из них он учил тому, как надо жить. Они его так и называли: «Учитель».

В 1895 г. в августовском номере популярнейшего и в те годы еще передового общественного журнала «Кокумин-но томо» появилась «Крейцерова соната». Перевод был подписан двумя именами: Кониси Масутаро и Одзаки Коё. Имя первого тогда никому не было известно; имя второго, наоборот, гремело: это был один из наиболее известных писателей — вождей новой литературы. Но перевел, конечно, первый: Одзаки русского языка не знал, Кониси же не только знал русский язык, выучившись ему в православной семинарии, учрежденной для японцев при русской духовной миссии в Токио, но уже тогда начал увлекаться моральными концепциями русского писателя; впоследствии он, как известно, долгое время лично общался с Толстым и даже перевел для него трактат Лао-цзы — одного из тех древних китайских мудрецов, которого Толстой особенно чтил. Видимо, Одзаки Коё, опытный литератор, читавший «Крейцерову сонату» в английском переводе, только литературно



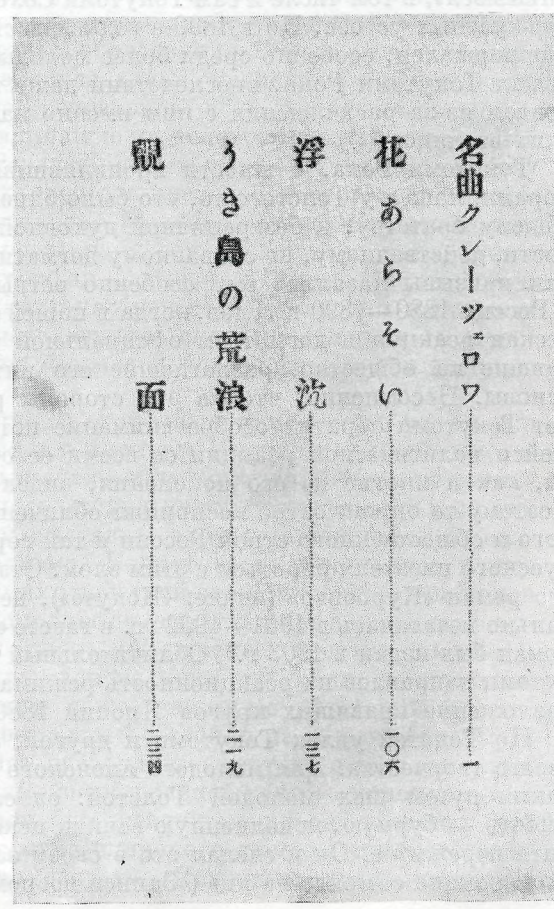
«СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ» ТОЛСТОГО, ИЗДАННОЕ НА ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ (1886)
Титульный лист

отшлифовал работу тогда еще неопытного переводчика. Но его участие в этом деле само по себе показательно: Одзаки всегда стремился быть на уровне запросов своего века и, видимо, считал, что тема, с такой силой разработанная в «Крейцеровой сонате», именно этим запросам японского общества в те годы и отвечает.

Так оно было и в действительности. 1880—1890-е годы — время всестороннего преобразования жизни Японии. Страна выходила из феодализма. Выходила не только экономически и политически, но и социально. И социально — не только в смысле классовой перестройки, но и с точки зрения пересмотра самих основ общественной жизни, особенно моральных. Разумеется, одним из острых вопросов, вставших перед японским обществом, во всяком случае — перед его передовой интеллигенцией, был вопрос о любви — плотской и духовной, о браке, о семье. Прежние, державшиеся столько веков положения морали, сложившиеся в условиях феодального общества, не могли удовлетворять поколение, которое выросло в менявшемся социальном строе. Понятно, что «Крейцерова соната» не могла не ударить по сердцам многих японцев, наиболее чутких к проблемам морали. Остался вполне видимый след появления этого произведения русского писателя в Японии: трактат «Киндай-но рэньайкан» («Любовь в современную эпоху»). Его автор — *Куриягава Хакусон*, профессор университета в Киото, специалист по английской литературе, один из тех японских ученых литераторов, которые были проводниками литературы Западного мира и которые, вместе с тем, выступали по вопросам «современных идей», как тогда говорили, т. е. по актуальным проблемам общественной жизни. Об умонастроении этого японского автора можно судить хотя бы по тому, как он озаглавил одну из своих, очень известных тогда статей: «Покинув башню из слоновой кости».

«Крейцерова соната» познакомила с русским писателем так называемого широкого читателя; среди же тех, кто, по возможности, следит за всем, что было в литературе и в общественной жизни передовых тогда стран мира,— а таких людей в Японии тогда уже было много — произведения Толстого были не только известны, главным образом, благодаря английским переводам, но и достаточно оценены. В этих кругах Толстой был безоговорочно причислен к великим писателям. Деятели общества «Минъюся» («Друзья народа»), издававшего журнал «Кокумин-но томо», в котором был помещен перевод «Крейцеровой сонаты», выделили тогда из литературных деятелей разных стран и эпох двенадцать таких писателей и пропагандировали их путем издания серии очерков, им посвященных[1]. В 1897 г. в составе этой серии вышел и очерк о Толстом. Автором его был *Токутоми Кэндзиро*, по литературному имени *Рока*,— тот самый, воспоминания которого о встрече с Толстым в Ясной Поляне печатаются выше в русском переводе. Это была уже вторая его публикация, посвященная русскому писателю. Еще в 1890 г. он поместил в журнале «Кокумин-но томо» статью «Великое светило русской литературы — Толстой». Этот факт свидетельствует о том, что Толстой стал привлекать к себе молодого японского литератора уже в самые первые годы его деятельности.

Содержание новой работы Токутоми о Толстом — первого в Японии обстоятельного очерка жизни и деятельности великого русского писателя — открывает, что́ именно привлекало тогда в Толстом японцев, во всяком случае, таких, как Токутоми.



«КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА». ЯПОНСКОЕ ИЗДАНИЕ (1896)
Обложка

В 1897 г. он был еще молод. Это был представитель одного из национальных вариантов мирового типа «молодого человека» буржуазного века, первой поры истории этого века. Для Франции, где этот тип особенно ярко запечатлен в литературных образах, это была первая половина XIX столетия; для Японии, почти на восемь десятилетий позднее вступившей на буржуазный путь, это был конец XIX — начало XX столетий, т. е. пора, которая для буржуазной Франции была уже «концом века». Поэтому в японском типе «молодого человека», формировавшемся под влиянием особенностей запоздалого общественного развития Японии, с одной стороны, и веяний, идущих из передовых стран Запада,— с другой, причудливо скрещивались черты плохо преодолеваемой отсталости с безудержной жаждой нового, обязательно — самого нового, откуда бы оно ни шло.

Токутоми вырастал в атмосфере общества «Минъюся», главным вождем которого был его старший брат — *Токутоми Сохо*. В 1880-е годы это общество было средоточием пылкой молодежи, увлеченной идеями буржуазной демократии, тогда еще новыми для Японии, образцы которой она видела в общественном строе Англии и Соединенных Штатов Америки середины XIX в. На страницах своего журнала молодежь вела борьбу с остатками феодальных порядков, с косностью в политике, общественной жизни, морали, нравах. Впоследствии, с укреплением буржуазных порядков, этот пыл стал, естественно, остывать, а когда в условиях того же буржуазного режима стали обнаруживаться излишние, с точки зрения добропорядочного буржуа, радикальные устремления, многие из деятелей «Минъюся», в том числе и сам Токутоми Сохо, превратились в охранителей буржуазных устоев. Но в 1890-е годы известный радикализм в них самих еще держался, особенно среди более молодых членов. К ним-то и принадлежал Токутоми Рока, впоследствии даже порвавший со своим старшим братом из-за расхождения с ним именно на почве общественно-политических взглядов.

Токутоми Рока, с юности проявлявший особый интерес к вопросам морали, нашел у Толстого то, что было близко ему самому: призыв ко всеобщему братству, к безграничной духовной свободе, высокой нравственности, действенному, не скованному догматизмом религиозному сознанию. Эти призывы казались ему особенно острыми потому, что они звучали в России 1880—1890-х годов, когда в нашей стране господствовала политическая реакция и догматизм официальной религии, губительно действовавшие на общество, разлагавшие его интеллектуальные и моральные основы. Несомненно, что на эти стороны русской действительности тех лет Токутоми обратил особое внимание потому, что симптомы надвигавшейся политической реакции со всеми ее общественными последствиями он, как и многие из его поколения, видел в своей собственной стране. Поэтому-то он так остро воспринял обличение Толстым зол государственного и общественного строя России и так горячо откликнулся на призывы русского писателя бороться с этим злом. Отзвуками этих настроений полон его роман «Куросиво» (иначе: «Кокутё»), первая часть которого первоначально печаталась в 1901—1902 гг. в газете «Кокумин симбун»; полностью роман был издан в 1903 г.[2] Обличительный пафос этого произведения Токутоми направлен на реакционность режима, продажность и нравственное разложение правящих кругов Японии 1880—1890-х годов.

Но Толстой увлек Токутоми и другой, автобиографической стороной своего творчества. Для молодого японского писателя было важно узнать, каким путем шел молодой Толстой: он сам только что пережил свою юность — бурную, исполненную всяких исканий, и жаждал как-то осмыслить пережитое. Он и сделал это в своем замечательном автобиографическом романе «Омоидэ-но ки» («Записи воспоминаний», 1901); в этом произ-

ведении можно без труда заметить явную печать знакомства автора с «Детством», «Отрочеством» и «Юностью» русского писателя.

Не у одного Токутоми можно было в это время обнаружить повышенный интерес к Толстому. В Японии последние годы XIX и первые годы XX в. — пора всевозможных исканий, «исканий истины», как часто тогда говорили. Влиятельным «искателем истины» был *Накадзава Ринсэн*. Он посвятил Толстому работу, в которой назвал жизнь русского писателя «последовательным проявлением Великой Истины» и поставил Толстого в ряд с великими гуманистами нового времени, к числу которых он — наряду с Бетховеном и Ролланом — относил и Ницше, в средний период его жизни[3]. Позднее Накадзава в своих гуманистических воззрениях опирался, главным образом, на Толстого, Роллана и Гюго. В последний период жизни этот японский литератор проявил большой интерес к марксизму. О его отношении к марксизму говорит заглавие, данное им сборнику статей, посвященных этому учению: «Син-сякай-но кисо» («Основа нового общества», 1920).

Таким представляла себе Толстого Япония в первую пору его проникновения в умы передовой японской интеллигенции. С возникновением русско-японской войны 1904—1905 гг. Толстой предстал перед японским обществом другой своей стороной.

Война застала японское общество на новом рубеже его новейшей истории. Закончился период переустройства страны на капиталистических началах. За это время были введены основные буржуазно-демократические институты: конституция, двухпалатный парламент, местное общественное самоуправление; были юридически уравнены в правах сословия; обеспечена свобода совести — религиозных убеждений; установлено всеобщее обязательное начальное (шестилетнее) образование. Вместе с тем в деревне крепко держалось помещичье землевладение, обрекавшее значительную часть крестьянства на положение арендаторов; в промышленности сохранились элементы патернализма, влиявшие на положение с наймом рабочей силы, на формы эксплуатации. Развитие капитализма ставило под угрозу существование средних и мелких предпринимателей и торговцев, многочисленных ремесленников и кустарей. Молодой японский капитализм перекладывал издержки своего роста на плечи трудящихся и готовился уже к захвату ресурсов соседних стран — Кореи и Китая. На этой почве сошлись интересы новой, капиталистической буржуазии и старого, феодального дворянства, обеспечивавшего складывавшемуся монополистическому капиталу право на безраздельное управление и военную силу.

Эти противоречивые тенденции с приближением войны не только с полной ясностью проявились, но и усилились. Именно в годы, непосредственно предшествовавшие войне, начало складываться рабочее движение современного типа. Как наблюдалось всюду в других отставших молодых капиталистических странах, в нем сочетались элементы, идущие из социал-демократизма и анархо-синдикализма. Вокруг этого начального и еще пока очень ограниченного по размаху действий этапа активности рабочего класса стало развиваться более широкое демократическое движение, получившее наименование «Хэймин ундо» («Движение простых людей»)[4]. В него влились довольно широкие слои мелкой буржуазии, в частности, мелкобуржуазная интеллигенция и даже некоторые категории крестьянства. Короче говоря, японское общество стояло на пороге борьбы за расширение демократии. Наиболее прозорливые деятели этого движения хорошо понимали, что война помимо своей главной цели — колониальных захватов — послужит реакционной буржуазно-помещичьей власти и для подавления начинающегося в стране широкого демократического движения. Именно поэтому главные деятели «Движения простых людей»

«ИСПОВЕДЬ». ЯПОНСКОЕ ИЗДАНИЕ (ТОКИО, 1912)
Обложка

выступили против войны и в своей антивоенной борьбе нашли мощную опору у Толстого.

Эту опору им дали известные статьи Толстого, направленные против войны. Напечатанные за пределами России, они немедленно стали известны в Японии. Котоку Сюсуй, один из активнейших деятелей «Движения простых людей», тут же перевел их с английского перевода на японский язык и опубликовал в редактировавшейся им газете «Хэймин симбун» — органе этого движения. Таким образом, сближение передового слоя японского общества с Толстым произошло на почве протеста против войны.

Котоку Дэндзиро, по литературному имени — Сюсуй, однако, не только опубликовал антивоенное выступление Толстого, но напечатал и собственную статью. В ней он восторженно оценил выступление Толстого и целиком солидаризировался с ним, но решительно не согласился с объяснением причины войны. Он отверг положение Толстого, что войны порождаются нравственным упадком людей, и заявлял, что войны возникают в силу экономических противоречий классового общества. Котоку Сюсуй тогда уже достаточно хорошо знал Маркса. Ему принадлежит первый в Японии перевод «Коммунистического манифеста»; он первый в Японии дал общедоступное, написанное в превосходной литературной форме, изложение социализма в большой работе «Сякайсюги синдзуй» («Сущность социализма»). Уже из этого одного ясно, что Котоку Сюсуй был человек иного склада, чем Толстой; человек иных представлений о борьбе, о демократии, о прогрессе. Ему, в частности, были совершенно чужды религиозные идеи Толстого. Но при всем этом смелость и острота обличения Толстым зол буржуазного общественного устройства, гуманистический пафос русского писателя вызывали в нем восхищение [5]. Так к Толстому стало подходить уже другое поколение передовой части япон-

ского общества, поколение второго, более высокого по уровню этапа борьбы за демократизацию своей родины.

Война не только не отделила Японию от России, но, наоборот, вызвала большой общественный интерес к нашей стране, особенно — к русской общественной мысли, воплощенной в русской литературе. Усилился интерес и к Толстому, подогретый его антивоенными статьями. Стало появляться в переводах все больше и больше произведений русского писателя, увеличилось число читателей.

Еще сильнее потянулся к Толстому Токутоми. Тотчас же по окончании войны, в апреле 1906 г., он направился в заграничное путешествие, которое назвал «паломничеством». Как пилигрим, он направился к «святым местам». Такими «святыми местами» были для него, как он сам говорил, Иерусалим и Ясная Поляна. Это путешествие описано им в книге «Записки паломника» (1906), часть которой, относящаяся к пребыванию в Ясной Поляне, печатается в настоящем томе.

О том, как Токутоми оценивал свою встречу с Толстым, читатель может судить по публикуемому переводу; здесь же добавим только то, что он написал в 1918 г. в автобиографическом очерке «Весть весны». Он вспомнил, как, приехав в Ясную Поляну рано утром, вышел прогуляться, дошел до скамейки в лесу, прилег на нее и задремал. Вдруг он услышал

«СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ», ИЗДАНИЕ НА ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ (б. г.)
Обложка

голос, окликнувший его: к нему подходил сам Толстой с протянутой рукой. Рука Толстого коснулась в рукопожатии руки Токутоми. Через много лет Токутоми понял, что́ это означало. Он вспомнил, как на фреске, украшающей потолок Сикстинской капеллы, Микеланджело изобразил беспомощно лежащего гиганта — Адама и как мимо него проносится в могучем движении величественный старец — Саваоф; как он одним легким прикосновением руки делает эту груду человеком. Фреска так и именуется: «Сотворение человека». Токутоми понял: с ним тогда произошло то же самое — прикосновением руки Толстой превратил его в человека [6].

О том, что означало это «сотворение человека» в данном случае, можно увидеть из действий Токутоми по возвращении из Ясной Поляны: он решил порвать со своим прежним буржуазным существованием, отказаться от писательской деятельности и жить трудом своих рук. В феврале 1907 г. он приобрел в одной деревушке неподалеку от Токио маленький участок — таких размеров, который мог обработать сам, собственными силами, и поселился там в крохотном крестьянском покрытом соломенной кровлей домике вместе с женой, приписавшись к местной деревенской общине, т. е. став и формально крестьянином. Его идеалом было возвращение к единственно достойной, по его мнению, человеческой жизни — к жизни земледельца, мотыга которого, как он писал, поднималась над матерью-землей, сверкая в лучах солнца, на заре человеческой истории, и будет сверкать «над тучной равниной Сахары» и тогда, когда «Лондон, Париж, Берлин, Нью-Йорк, Токио станут норами лисиц и зайцев»[7]. Короче говоря, он хотел не только пойти по пути, указанному его русским учителем, но пойти и дальше того в осуществлении своих принципов. Заметим, что у Токутоми детей не было, жена же его полностью разделяла его убеждения и на протяжении всей его жизни была его верной спутницей.

Как и следовало ожидать, из всего этого ничего не вышло, и Токутоми скоро сам понял вопиющую фальшь своего «опрощения» и возвращения к «праведной крестьянской жизни» и, будучи всегда непримиримым ко всякой жизненной лжи, кончил тем, что порвал с этим искусственным существованием и вернулся к писательскому труду. Но об этом следует говорить особо, здесь же мы упомянули об эпизоде в жизни японского ученика Толстого для того, чтобы сделать еще более ясным, насколько далеко зашло влияние Толстого на одного из крупнейших японских писателей нового времени. Остается только добавить, что литература от этого выиграла: «Бормотанье земляного червя» — книга, излагающая всю историю этого «ухода» Токутоми из буржуазного мира, описывающая его жизнь в деревне с беспощадной к себе откровенностью, раскрывающая, как постепенно и незаметно он стал обрастать собственностью, как ничего не вышло из его «крестьянства», осталась замечательным документом и одним из лучших произведений японской литературы. Все в ней так и дышит Толстым,— конечно, преломленным через японскую обстановку и индивидуальность ее автора.

О возвращении писателя к реальной жизни и к общественной деятельности и вместе с тем о сохраняющейся верности идеям своего русского учителя красноречиво говорит следующий эпизод. В июне 1910 г. японская полиция неожиданно произвела ряд политических арестов. Официальная версия объясняла эти аресты раскрытием подпольной группы революционеров-социалистов, замышлявших убийство императора. Главным руководителем этой группы был объявлен Котоку Сюсуй.

Поскольку арестованные были названы тяжкими государственными преступниками, суд был негласный. В январе 1911 г. был объявлен приговор, по которому двадцать четыре обвиненных подлежали смертной казни через повешение. Разумеется, в их числе был и Котоку Сюсуй.

В этих условиях Токутоми, одушевляемый идеями своего русского учителя, не мог молчать. Он решил протестовать против такого приговора. Сначала он обратился к Кацура Таро, тогдашнему премьер-министру, с ходатайством отменить смертный приговор. Когда из этого ничего не получилось, он поместил в газете «Асахи симбун» письмо к императору Муцухито с просьбой о спасении жизни осужденных. Между прочим самый факт помещения письма в одной из самых распространенных японских газет говорит о вызванных этим приговором настроениях в японском обществе. Под влиянием ли этих общественных настроений или по каким-либо своим соображениям правительство изменило приговор: для половины осужденных смертная казнь была заменена пожизненной каторгой, но двенадцать человек, в их числе Котоку Сюсуй и его жена Канно Суга, были повешены. Эти казни произвели на японское общество удручающее впечатление.

Как реагировал на них Токутоми? Вскоре после этого ему пришлось выступить с лекцией в Первой высшей нормальной школе в Токио: у студентов этой школы было обыкновение приглашать к себе известных литераторов. Токутоми прочитал им лекцию «Мухонрон» («О восстании»). В ней он резко нападал на правительство, требовал свободы мысли, убеждений, говорил о необходимости революции человеческого сознания, духовной революции — важнейшей, по его мысли, вообще. Сохранились свидетельства, что его выступление произвело на слушателей очень сильное впечатление.

«Тайгяку-дзикэн» («Дело о великом преступлении»), как официально именуется процесс Котоку, было не только одним из крупнейших по значению событий внутренней истории Японии; оно сыграло роль пробного камня для определения гражданских позиций японских писателей. С протестами выступили многие крупные и передовые в то время писатели: Йосано Тэккан, Сато Харуо, Хирадэ Осаму, Исикава Такубоку, Акита Удзяку и некоторые другие. Но они протестовали в своих произведениях — рассказах, стихах; нередко — в завуалированной форме, иносказательно. Нагай Кафу, влиятельнейший уже тогда представитель молодой литературы, хорошо знал, как он сам признавался, что Золя в деле Дрейфуса счел своим долгом именно как писателя протестовать против судебного приговора, бороться за справедливость и гуманность, но сам он дальше простого протеста не пошел и предпочел, как он выразился, укрыться в «сосаку саммайно сэйкацу» («жизни литературы, отрешенной от повседневности»). Всем этим общественная репутация японских писателей была спасена, и только один из этой среды, именно Токутоми, решился на открытое, смелое для тех времен выступление.

Протест Токутоми против смертной казни явился наиболее ярким проявлением революционного воздействия на него идей Толстого — в той мере, в которой это воздействие могло вообще проявиться в кругах буржуазной интеллигенции. В дальнейшем влияние Толстого в буржуазном обществе Японии идет главным образом по линии идей гуманизма в его моральном и общечеловеческом аспекте.

Для понимания такого влияния Толстого на умы японцев, наиболее ярко в эту пору сказавшегося именно на писателях, необходимо учитывать, какими путями проникали в Японию идеи гуманизма в его западной версии, разумеется, в новой, уже не возрожденческой, форме, т. е. идеи европейского гуманизма XIX в.

Гуманизм нового времени японцы последней четверти XIX в. видели в том направлении общественной мысли в Англии, которое выступало против философского и политического утилитаризма, направления, столь характерного для умов английской буржуазии первой половины и середины XIX столетия. Гуманистами-борцами против утилитаризма

казались тогда японцам такие философы и критики, как Рескин и особенно — Карлейль; такие писатели, как Диккенс. Продолжателя дела Диккенса они видели в Гиссинге, считая, что последний усилил социальную окраску диккенсовского гуманизма, приблизив его тем самым к представлениям и запросам пролетариата. Однако высшей своей ступени этот новый гуманизм достиг в представлении японцев конца XIX — начала XX в. в России, в русской классической литературе, а в ней наиболее полно и ярко у Толстого и Достоевского. На первых порах из этих двух великих русских писателей главное место занимал безусловно Толстой.

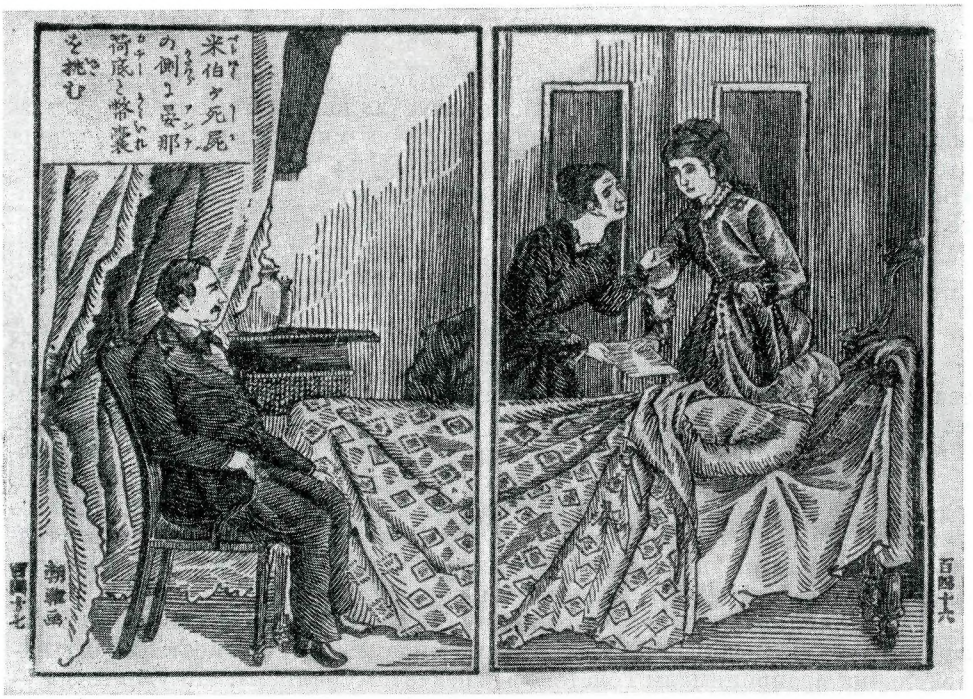
Примечательна одна подробность, характеризующая начало знакомства японцев с русским гуманизмом вообще и гуманизмом Толстого в частности. 1870-е годы, когда японцы о Толстом вообще ничего не знали, были для Японии эпохой утилитаризма, питавшегося веяниями, которые шли из Англии и Америки; проникновение новых, буржуазных порядков, особенно в экономической области, выступало под знаком именно утилитаризма. Но уже тогда среди части молодой японской буржуазии стал зарождаться протест против захлестывавшей все области жизни волны утилитаризма, порождавшего грюндерство полностью авантюристического типа, делячество совершенно беспринципного характера, безразличие к интеллектуальным и моральным запросам — чуть ли не демонстративное. В поисках какой-то опоры эти круги японского общества обратились: одни — к идеям Великой французской буржуазной революции, другие — к русскому нигилизму, т. е. к тому, что им казалось тогда самым революционным. На этом последнем пути японцы столкнулись с С. М. Степняком-Кравчинским — с его «Подпольной Россией» и другими работами, напечатанными за пределами нашей страны[8]. От него они и узнали о Толстом как гуманисте.

Конечно, это было лишь первое, весьма смутное представление об этой стороне личности Толстого. Только после русско-японской войны, когда знакомство с произведениями великого русского писателя стало доступным, гуманизм последнего начал обрисовываться с большей полнотой. Огромную роль в этом сыграло «дело Котоку» — двенадцать смертных казней, потрясших всю мыслящую, обладающую чуткой общественной совестью часть японского общества.

Главным произведением Толстого, представившим в глазах японцев великий гуманизм русского писателя, был в эти годы роман «Воскресение». В 1908 г. вышла в полном переводе первая часть этого произведения, в 1910 г. — вторая. Переводчиком был Утида Роан, один из крупнейших литературных критиков, общественных публицистов и писателей тех лет. Перевод был сделан с английского, но у переводчика был консультант, хорошо знавший русский оригинал: знаменитый Фтабатэй Симэй, основоположник нового японского романа, первый проводник реалистического метода в новой японской литературе — метода критического реализма, усвоенного им у русской классической литературы XIX в., первым в Японии знатоком и переводчиком которой он был. Поэтому перевод «Воскресения», сделанный не с русского текста, был достаточно верен оригиналу. Разумеется, в дальнейшем последовали переводы, сделанные уже непосредственно с русского.

О том, какое впечатление произвело это произведение Толстого на японцев, можно судить по следующему факту.

В 1913 г. начал свою деятельность «Гэйдзюцудза» («Художественный театр»). Это была труппа, состоявшая из актеров европейской школы актерского искусства и намеревавшаяся играть пьесы новой драматургии, в первую очередь — европейской. Во главе труппы стояли Симамура Хогэцу и Мацуй Сумако. Первый был тогда известным писателем — прозаиком и драматургом, литературным критиком, одним из рьяных про-



«СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА». ИЛЛЮСТРАЦИЯ ИЗ ЯПОНСКОГО ИЗДАНИЯ «СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ТОЛСТОГО» (б. г.)

Гравюра

пагандистов наиболее влиятельного тогда направления японской литературы, получившего наименование «натурализма». Сначала под этим наименованием выступала чисто реалистическая литература, со второго десятилетия XX в. она действительно приобрела черты натурализма. Вторая была актриса, получившая театральное образование на курсах «Бунгэй кёкай» («Литературно-художественного общества»), основанного в 1906 г. Цубоути Сёё — одним из крупнейших литературных деятелей новой Японии, писателем, критиком, теоретиком литературы и театра, знатоком Шекспира, подарившим своей стране первый и образцовый перевод всех произведений великого английского драматурга. В те годы Цубоути всю свою энергию направил в театральную сферу, поставив своей задачей создать новый японский театр, основанный на новой драматургии и на новом исполнительском искусстве. Мацуй Сумако еще до вступления в труппу «Художественного театра» успела сыграть в спектаклях, организованных Литературно-художественным обществом, роль Офелии — в «Гамлете» Шекспира, Норы — в «Кукольном доме» Ибсена и Магды — в «Родине» Зудермана. Первой пьесой, поставленной в 1913 г. «Художественным театром», была «Монна Ванна» Метерлинка, главную роль в которой исполняла, разумеется, Мацуй Сумако. Тем самым она уже выдвинулась в первый ряд актеров нового японского театра; однако решающую роль в ее славе сыграло исполнение ею роли Катюши Масловой в «Воскресении» Толстого, инсценированном для нее самим Симамура Хогэцу. В пьесу была введена песенка, которую пела Катюша в сцене с Нехлюдовым еще в часы своего счастья. Простая, доходчивая мелодия этой песенки, столь же простые трогательно-наивные слова, благодаря удачному исполнению артистки, стали как бы символом самой Катюши, во всяком случае — в первой

фазе ее жизни. Песенку эту вскоре стала петь буквально вся Япония. Ее не забыли и до сих пор.

Успех «Воскресения» был совершенно исключительный. Труппа «Художественного театра», не имевшая своего стационара и все время разъезжавшая по стране, показала инсценировку во многих городах и создала этому произведению Толстого неслыханную до тех пор популярность. «Воскресение», а за этим романом и другие произведения русского писателя, стали читать и те, кто до тех пор Толстым совершенно не интересовался. Еще больше усилился интерес к Толстому после того как «Художественный театр» поставил «Живой труп», разумеется, с Мацуй Сумако в главной роли.

Современные историки японской литературы по-разному относятся к этим фактам. Некоторые считают, что спектакли «Художественного театра» «снизили» Толстого, приспособив его к невзыскательным вкусам массового зрителя. Действительно, в пьесе «Воскресение» на первый план выступили те нотки этого, может быть глубочайшего, произведения Толстого, которые могли звучать как «чувствительные», «трогательные» и т. п. Но в то же время нельзя упускать из виду и то, что путь к овладению умами часто идет через овладение чувствами. Во всяком случае толстовские спектакли «Художественного театра» привели к тому, что Толстого стали читать бесконечно больше, чем раньше.

Такое усиление общественного внимания к Толстому не могло не отразиться и на японской литературе. Симамура Хогэцу и писатели его направления воспринимали Толстого в аспекте натурализма. Но уже тогда — еще в годы, предшествовавшие первой мировой войне, другая группа японских литераторов с ожесточением восстала против натурализма в литературе. Они заявляли, что натуралистическая литература изображала человека каким-то механизмом, существом, утратившим всякую живую жизнь, переставшим быть самим собою. Они призывали писателей возродить в литературе человека как такового, показать ничем не ограниченную свободу его мысли, жизни, поведения; призывали не описывать лишь то, что видно, а открывать в человеке, в жизни невидимое глазу, новое, неизвестное; призывали всемерно расширять содержание внутреннего мира человека и его жизни.

Не подлежит сомнению, что многое в этих устремлениях возникло под влиянием некоторых течений европейского «конца века» — течений, также вступивших в бой с натурализмом. Это были, главным образом, те направления, которые выступали под флагом то нового романтизма, то нового идеализма. Но еще более это японское движение было обязано Толстому, именно — его гуманизму. Поэтому наиболее общественно значительным направлением японской литературы этих лет стало то, которое получило наименование «гуманизма». Главным его органом был журнал «Сиракаба», основанный в 1910 г. Это же название стало и наименованием всей группы.

Вождем этой литературной группы был *Мусянокодзи Санэацу*, впоследствии занявший положение одного из ведущих писателей Японии 1910—1920-х годов, «властителя дум» некоторой части молодого поколения этих лет. Он и стал вторым после Токутоми прямым последователем Толстого в Японии.

«Когда мне было еще двадцать лет, я уже преклонялся перед Толстым, и мне не хотелось встречаться ни с кем другим» ⟨...⟩ «Вместо этого,— думал я,— лучше прочитать хотя бы одну страницу Толстого»,— так писал Мусянокодзи Санэацу впоследствии. Особенное влияние на него оказали «Исповедь» и «В чем моя вера?» Толстого. Из этого явствует, что в Толстом его привлекало не гневное обличение политического и общественного строя своего времени, как это было у Токутоми, а моральные идеи,

гуманистический пафос. Он воспринял Толстого как проповедника «любви к человечеству» (дзинруйай), как певца высоты человеческого духа. Захватили его и мысли Толстого о необходимости жить своим трудом, отказавшись от личной собственности. Под влиянием этих идей Мусянокодзи Санэацу поднял движение за устройство трудовых земледельческих коммун, где каждый должен был определенное время отдавать работе, обеспечивающей удовлетворение общих нужд членов коммуны, остальное же время мог бы отдаваться труду по собственному выбору: писатель мог бы писать свои произведения, ученый — вести свои исследования и т. д. Так возникли под названием «Атарасики мура» («Новая деревня») трудовые коммуны интеллигенции. Первая из них была организована в 1918 г. Это был японский вариант «толстовских колоний» в России.

К этому можно только добавить, что в Японии эти колонии были столь же непрочны, как и в России. Они распадались в силу внутренних неурядиц, происходивших от органической фальшивости подобных предприятий в условиях буржуазного общественного строя. Все же они не только были сами наглядным проявлением уже имевшегося большого влияния Толстого в определенных слоях интеллигенции, но и способствовали усилению интереса к произведениям и идеям русского гения в широких кругах японского общества.

Влияние гуманистических идей Толстого сказалось на творчестве и деятельности не только одного Мусянокодзи Санэацу, но и других членов группы «Сиракаба», особенно таких, как прозаик *Арисима Такэо* и драматург *Курата Момодзо*. Влияние Толстого проявлялось различно: Мусянокодзи Санэацу оставался в рамках этического гуманизма, Курата Момодзо был во власти гуманизма религиозного, Арисима Такэо в конце жизни подошел к гуманизму социалистическому. Все это требует, однако, особого изложения и здесь сколько-нибудь подробно освещено быть не может. Добавим только, что о росте общественного интереса к Толстому свидетельствует появление в 1916 г. под редакцией Като Такэо — уже вне рамок движения «Сиракаба» — специального журнала «Торустой кэнкю» («Толстоведение»).

В заключение необходимо сказать об общественной обстановке, в которой развивалось обращение к Толстому, относящееся к описанному второму периоду «истории Толстого» в Японии.

Процесс Котоку Сюсуя и других привлеченных по делу о покушении на жизнь императора оказался симптомом поворота во внутренней истории Японии. Поворот этот связан с двумя взаимно противоречащими и вместе с тем взаимно зависимыми обстоятельствами: расширением общественной борьбы за дальнейшую демократизацию политического и социального строя и усилением сопротивления этому движению со стороны правящих кругов.

Главная роль в общественной борьбе все более и более переходила к рабочему классу с примкнувшими к нему слоями буржуазной интеллигенции при поддержке наиболее активной части крестьянства; главными же устоями общественной реакции становились выраставшие монополистические организации японского капитализма, подчинявшие своему влиянию бюрократический аппарат управления и органы политической и военной власти. В такой обстановке в буржуазной среде первое место заняла концепция этического гуманизма Толстого; элементы же воинствующего обличительного гуманизма были приняты на вооружение новым классом, поднявшимся на борьбу уже не только за буржуазно-демократическую перестройку своей страны, но и за переход ее на высшую — социалистическую — ступень демократии. Отражение этих революционных идей Толстого теперь уже надлежало искать в так называемой «пролетарской литературе» — наиболее общественно значимом направлении

японской литературы 1920-х годов, революционно-демократическом по своему содержанию.

Так продолжалось до начала 1930-х годов, когда правительственные репрессии, обрушившиеся на Коммунистическую партию Японии и на все левое движение, вынудили уцелевших его деятелей перейти в подполье.

Революционную силу толстовского гуманизма хорошо понимали, однако, и наиболее умные и чуткие писатели, формально стоявшие в стороне от пролетарской литературы. Таким писателем был уже упомянутый Арисима Такэо; другим — *Акутагава Рюноскэ*.

У последнего есть рассказ «Вальдшнеп»[9]. Сюжетом его служит один эпизод из жизни Толстого в Ясной Поляне: приезд туда Тургенева и их совместная охота. Рассказ этот может служить превосходным свидетельством того, насколько увеличилась популярность Толстого в широких кругах японского общества, во всяком случае, среди писателей. Этот рассказ написан человеком, великолепно знавшим не только произведения самого Толстого, но и обширную литературу о нем, в том числе и мемуарную. Однако важнее другое. Акутагава Рюноскэ преклонялся перед Толстым как писателем-художником и совершенно не принимал его религиозно-нравственного учения. И все же он сказал:

«„Исповедь“ и „В чем моя вера?“ Толстого были ложью. Но ничье сердце не страдало так, как сердце Толстого, ее рассказывающего. Его ложь сочится алой кровью куда больше, чем правда иных»[10].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Это были: Карлейль, Маколей, Огю Сорай, Вордсворт, Гете, Эмерсон, Тикамацу Мондзаэмон, Араи Хакусэки, Гюго, Толстой, Рай Саньё и Такидзава Бакин.

[2] Русское издание: Токутоми Рока. Куросиво. Перевод И. Львовой. М., 1957; там же статья И. Львовой об этом романе и о творчестве Токутоми.

[3] См. его рассказ «Араси-но маэ» («Перед бурей», 1918), где выведен Ницше средней поры его жизни и деятельности.

[4] См. об этом в статье: Е. Жуков. Первый этап социалистического движения в Японии и марксизм.— Сб. статей «Памяти Карла Маркса». Л., 1933, стр. 759—779. См. также: Г. Д. Иванова. Котоку — революционер и литератор. М., 1959.

[5] См. указанную работу Г. Д. Ивановой «Котоку — революционер и литератор», а также две другие статьи Г. Д. Ивановой: «Деятельность газеты „Хэймин симбун“ и ее редактора Котоку Дэндзиро».— «Уч. зап. ЛГУ». Серия исторических наук, 1956, № 220, вып. 26, стр. 142—155 и статью о Котоку на стр. 561—568 кн. 1-й настоящ. тома.

[6] Токутоми Кэндзиро. Синсюн («Новая весна»). Токио, 1918, стр. 37—39.

[7] См. поэму Токутоми в прозе «Но» («Земледелец») в сб. «Мимидзу-но тавагото» («Бормотание земляного червя»). Токио, 1913.

[8] «Подпольная Россия» С. М. Степняка-Кравчинского появилась в японском переводе в 1884 г. под заглавием «Они сюсю» («Демоны вопиют»).

[9] Русский перевод: Акутагава. Новеллы. Перевод с японского, предисловие и комментарии Н. Фельдман. М., 1959, стр. 200—209.

[10] Там же, стр. 401.

УХОД И СМЕРТЬ ТОЛСТОГО В ОТКЛИКАХ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ

Обзор Л. Р. Ланского*

Известие о внезапном отъезде Толстого из Ясной Поляны потрясло миллионы людей на всех широтах земного шара. В течение продолжительного времени имя его не сходило со страниц газет и журналов всего мира. Изо дня в день в периодической печати публиковались обширные бюллетени о местонахождении и состоянии здоровья престарелого писателя, биографические очерки, портреты, а затем — некрологические статьи, многие из которых принадлежали перу крупнейших деятелей литературы и журналистики.

В большинстве столиц и во многих провинциальных городах смерть Толстого была отмечена массовыми собраниями и политическими манифестациями. Такого колоссального внимания печать и общественное мнение никогда не уделяли ни одному современному писателю и ни одному писателю прошлого. Без всякого преувеличения можно сказать, что конец 1910 г. во всем мире прошел под знаком Толстого.

«Если бы понадобилось доказать, что нашему времени еще известны благородные чувства,— замечала парижская газета «Action»,—достаточно

---

* Публикуемая работа является итогом изучения иностранной и русской периодики конца 1910 — начала 1911 г., а также коллекций газетных вырезок, хранящихся в библиотеке Музея Толстого (Москва), Архива Толстого (Москва), Института русской литературы (Ленинград), Ивановского краеведческого музея и музея-усадьбы «Ясная Поляна». Кроме того, в обзоре широко использованы микрофильмы, фотокопии и машинописные копии, присланные для настоящей работы из-за рубежа (из Австралии, Англии, Венгрии, ГДР, Голландии, Дании, Индии, Италии, Канады, Китая, Кубы, Мексики, Норвегии, Польши, Румынии, США, Франции, Чехословакии, Швейцарии, Швеции, Югославии и Японии). В связи с этим автор обзора приносит глубокую благодарность за присланные материалы следующим организациям: Biblioteca Nacionale Marciana (Венеция), Biblioteca Nacional Jose Marti (Гавана), Biblioteka Jagiellońska (Краков), Bibliothèque de la Cité de Montréal (Монреаль), Bibliothèque Publique et Universitaire (Женева), Bibliothèque Royale de Belgique (Брюссель), Государственной публичной библиотеке (Пекин), Tolstoï (Париж), Instituto Bibliografico Mexicano (Мехико), Institut d'Etudes Slaves (Париж), Musée-Bibliothèque de Koninklijke Bibliotheek (Гаага), Kungliga Biblioteket (Стокгольм), Народна библиотека (Белград), State Library of Victoria (Мельбурн), Státní knihovna československé socialistické Republiky universitní knihovna (Прага), Universitetsbiblioteket (Копенгаген), Universitetsbiblioteket (Осло), Universität Bibliothek (Лейпциг), а также *Ж. Базену* (Монреаль), *Б. Бялоковичу* (Варшава), *Г. Вергману* (Копенгаген), *С. Далю* (Стокгольм), *Ж. Зёльдхейи* (Будапешт), *К. Козелеку* и *С. Колафе* (Прага), *Г. Крагелю* (Осло), *Ж. Ламберу* (Брюссель), *К. Левицкому* (Краков), *О. Лиллиестаму* (Стокгольм), *Г. Мёкли* (Женева), *Х. Й. Мантекону* (Мехико), *Ч. Миндеровичу* (Белград), *М. Морикава* (Нара-ши; Япония), *А. Мюнху* (Радебёль, ГДР), *Т. Николеску* (Бухарест), *Ж. де Прайар* (Париж), *Дж. Симмонсу* (Оксфорд), *Г. Л. Тветерасу* (Осло), *Дж. А. Фили* (Мельбурн), *М. Т. Фрейре де Андреде* (Гавана), *Ш. В. Схнепперу* (Гаага) и *У. Эджертону* (Блумингтон, США).— Все полученные из-за рубежа материалы передаются в библиотеку Музея Толстого (Москва).

было бы обратить внимание на то, как скорбят народы, склонившись над узкой железной кроватью, на которой умирает этот великий человек...»*[1]

«Во всем мире нет ни одного образованного человека, который не вздрогнул бы от мучительного волнения, услышав известие о смерти Толстого»,— читаем мы в женевской газете «Semaine Littéraire». Всем было ясно, что с Толстым исчезает одна из величайших, если не самая великая фигура XX столетия. «Уход и смерть Толстого в глазах пораженных современников,— отмечал один итальянский журналист,— приобрели величие мифа»[2].

Разумеется, не все, что было написано тогда о Толстом, сохраняет интерес для нашего времени. Наряду с искренними проявлениями скорби и вдумчивой оценкой личности и творческого наследия великого писателя, на страницах иностранных газет и журналов появилось немало ошибочных суждений и невыносимых банальностей. Реакционная журналистика не упустила возможности наброситься на своего давнего противника, неутомимого обличителя социальных зол, и во многих изданиях появились статьи, скорее похожие на удары копытом, чем на некрологи. Некоторые из завзятых врагов Толстого, не забывавших и даже преувеличивавших его роль в недавней русской революции, лицемерно восхваляли «мистического пророка», «религиозного реформатора», стараясь при этом набросить тень не только на социальные воззрения писателя, но и на его художественное мастерство. Однако это вмешательство пошлости и политического цинизма не смогло сколько-нибудь заметно омрачить скорбь человечества в минуту утраты замечательнейшего из его сыновей.

Глава I

УХОД ИЗ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ.— БОЛЕЗНЬ

«Со смешанным чувством ошеломления, сострадания, скептицизма и иронии встретила Западная Европа бегство в одиночество Толстого, беспомощно глядя на это событие»,— писал один из немецких журналистов, характеризуя впечатление, произведенное на общественное мнение за рубежами России известием о таинственном уходе из дому знаменитого восьмидесятидвухлетнего писателя [1].

«„Толстой исчез!"... „Толстой найден!"... „Толстой умирает!" — Вот три сенсационные телеграммы, полученные в течение трех дней,— три изумленных возгласа, отмечающих краткие и мучительные этапы драмы совести и домашней трагедии, которые взволновали весь мир»,— отмечал распространенный парижский журнал «Illustration»[2].

Перепечатывая десятки экстренных сообщений международных телеграфных агентств, депеши собственных корреспондентов и бесчисленные подробности из русской периодической печати, иностранные газеты и журналы терялись в догадках о причинах, вызвавших уход от «безутешной семьи» «богатого, знаменитого, всеми уважаемого старца». Составители редакционных заметок и передовиц торопливо перелистывали произведения Толстого, стараясь выискать в них мотивы, сколько-нибудь объясняющие неожиданный поступок престарелого писателя, и высказывали при этом предположения самого противоречивого характера.

Сын Толстого, Лев Львович, пытался уверить парижских репортеров, что отец его «имеет обыкновение ежегодно в это время года уединяться, уходить от людей, изолироваться» и что он «через несколько недель снова

* Перевод иноязычных текстов, за исключением цитат, оговоренных в примечаниях, принадлежит автору обзора.— *Ред.*

вернется в Ясную Поляну». Его словам не придали значения, и журналисты обратились за разъяснениями в русское посольство, где их заверили, что «никаких депеш из Петербурга не получено»[3].

«В литературных кругах особенно оживленно обмениваются мнениями и впечатлениями об „оставлении мира" яснополянским „помещиком",— писал парижский корреспондент «Биржевых ведомостей» 14/1 ноября.— Причина особенного оживления та, что одна известная большая газета вследствие распространившихся недавно слухов об опасном положении Толстого заказала выдающимся писателям — Анатолю Франсу, Жюлю Кларти, Марселю Прево, Метерлинку, Ж. Ришпену и другим статьи о Толстом[4]. Некоторые писатели уже эти статьи написали. Франс отказался писать статью, сказав, что слишком чтит Толстого-писателя, чтобы писать о нем статью. О Толстом-де надо писать книги, внимательно изучив это громадное явление истории, а не статью, которую даже добросовестный критик с трудом может написать. В этом же смысле высказываются и некоторые другие писатели, обещав, однако, дать свои мнения. Два-три драматурга готовили для будущего сезона пьесы—переделки произведений Толстого, а одна — даже из жизни Толстого. Теперь автор мне сказал: „Придется все переделать ввиду этого громадного факта, достойно завершающего историю *личной* жизни великого писателя и сводящего, наконец, воедино *проповедь* и *дела* великого старца". Последняя нота — соответствие *слов* с *делами* доминирует в настроениях и разговорах парижской интеллигенции об оставлении Львом Николаевичем семьи»[5].

И действительно, большинство органов иностранной печати и видных общественных деятелей после непродолжительного замешательства пришло к убеждению, что главным, если не единственным поводом для решительного шага, предпринятого Толстым, было давно осознанное им желание согласовать свою жизнь с проповедовавшимся учением. Однако высказывания о том, что уход Толстого был вызван исключительно семейными неурядицами, желанием «уйти в одиночество», денежными тяжбами и даже будто бы «обращением в истинно христианскую веру», продолжали в течение долгого времени преобладать на страницах многочисленных периодических изданий Европы и Америки. Желтая пресса, разумеется, воспользовалась удобным предлогом для сенсационного освещения личной жизни Толстого, перемешивая подлинные факты со всякого рода скандальными подробностями и инсинуациями; что же касается реакционной и, в частности, клерикальной печати, то она старалась внушить своим читателям, что уход Толстого вызван «морально-религиозным кризисом» в его мировоззрении. Все это разноречие на первых порах, разумеется, сбивало с толку не только рядовых читателей, но и многих видных деятелей мировой культуры*.

«Когда 11 ноября во все концы цивилизованного мира разнеслась весть, что почтенный писатель-реформатор бежал из собственного дома и неизвестно куда,— писал обозреватель журнала «American Review of Reviews»,— то на первых порах это вызвало всевозможные толки и довольно резкое осуждение. Однако мало-помалу все осознали, что этот мрачный конец явился неизбежным логическим завершением жизни Толстого».

«Новость о поразительном странствовании по России великого человека, естественно, возбудила сильнейший интерес в Англии,— отмечалось в лондонской газете «Morning Post» 14 ноября,— и все искреннейшие почитатели графа Толстого глубоко тронуты и благодарны ему за то, что он сделал это последнее усилие, чтоб освободить себя от противоречий с самим собою».

* Подробный анализ основных тенденций русской и иностранной печати в объяснении причин, заставивших писателя покинуть Ясную Поляну, см. в кн.: Б. Мейлах. Уход и смерть Льва Толстого. М.—Л., 1960.

«Какова бы ни была цель его бегства,— заявила венская газета «Neue freie Presse»,— мир лишается центрального пункта художественных интересов, пункта, привлекавшего столько паломников, из которого лились целые потоки света. Для самой России это бегство равносильно крушению какой-то великой надежды. Была определенная точка опоры. Было нечто цельное, живое, ненадломленное, пока гигантская личность Толстого вела обычную, земную жизнь. Теперь голос этой личности едва ли будет звучать так часто. Благодетель народа, властелин в сфере искусства, пред которым преклонялись, даже когда он ошибался, ушел в одиночество. Он покинул нашу культуру, и мы стали беднее. Он был величайшим поэтом. Он служил величайшей возбуждающей силой в наше время. Безмерная потеря для всего мира»[6].

13 ноября парижская «Matin», получив специальную телеграмму из «Русского слова», сообщила в отделе последних новостей под заголовком «Найден», что Толстой «обнаружен» в Шамординском монастыре.

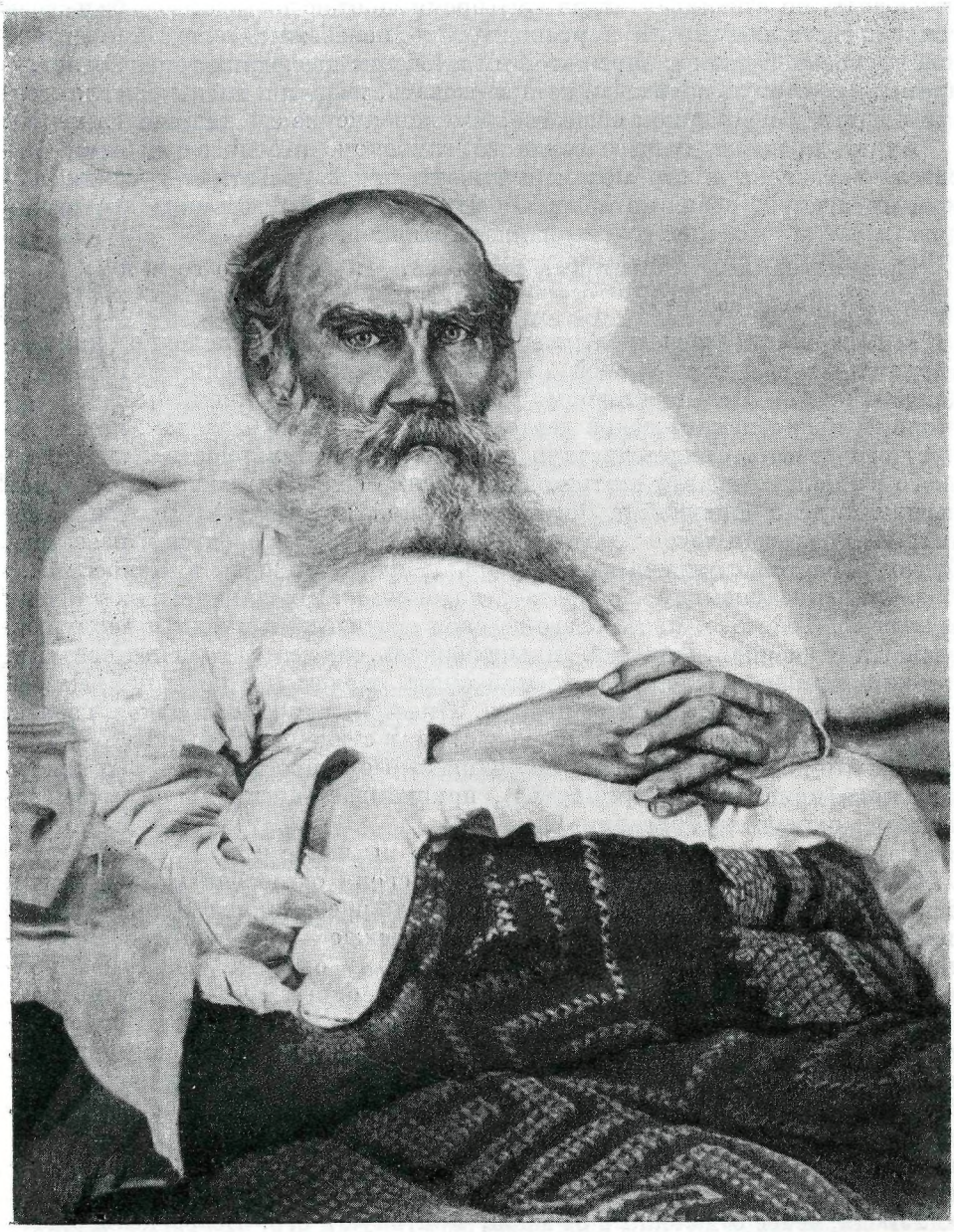
Аналогичное сообщение со ссылкой на «Русское слово» напечатала и лондонская газета «Times» 14 ноября под заголовком «Удаление в монастырь», намекая на религиозное «просветление» Толстого. Эта и другие публикации вызвали в тот же день следующее открытое письмо известного революционера-анархиста *П. А. Кропоткина* к редактору «Times»:

«Милостивый государь,

Я увидел в сегодняшних утренних газетах утверждение, что наш великий писатель Толстой будто бы удалился в монастырь и что в связи с этим как здесь, так и в России делаются предположения о возможном отречении его от тех своих религиозных убеждений, за которые он был отлучен российским Синодом от православной церкви.

Не сомневаюсь, что мы в скором времени получим точные известия об истинных намерениях Толстого. Позвольте мне пока лишь заметить, что слова „удалиться в монастырь" вовсе не означают пострижения в монахи. При некоторых русских монастырях, на их землях, в их лесных угодьях, построены бревенчатые избушки, и тот, кто желает удалиться от мирской жизни, может снять такую избушку или построить себе новую. По всей вероятности, именно так и намерен поступить Толстой. Тем более что, как нам стало сегодня известно, он отправился в Шамординский монастырь, где живет уже давно постриженная в монахини его сестра Мария, а этот монастырь, кажется, находится невдалеке от Оптиной пустыни, где, помнится, мне довелось в детстве видеть двух-трех отшельников — не монахов, живших вне монастырских стен, в своих бревенчатых избушках, в глуби прекраснейших лесов, являющихся собственностью монастыря.

Что же касается возможности „отречения" Толстого от своих религиозных убеждений, то, по моему мнению, это совершенно невероятно. Надо заметить, что последние два года я с особым увлечением изучал внутреннюю драму жизни Толстого (и писал о ней) — как она обрисовывается по его романам и другим сочинениям, а также по биографическим материалам, которые он сам разрешил опубликовать своему другу П. И. Бирюкову; и я убежден, что, после того как он посвятил последние тридцать лет своей жизни выработке всеобщей рациональной религии, совершенно лишенной мистических элементов современного христианства,— религии, которая, по его словам, должна быть одинаково приемлема для христианина и для буддиста, для иудея и для мусульманина, и для последователя Лао-цзы так же, как и для людей свободомыслящих и для любого этического философа; после того как он с такой страстью провозгласил в своих последних сочинениях высшее, решающее право Разума в вопросах религии, Толстой, конечно, не возвратится к учению православной церкви.



ТОЛСТОЙ

Гравюра французского художника Анри Тириа
«Illustration» от 19 ноября 1910 г.

Я нисколько не удивился бы теперь, узнав, что Толстой решил уединиться в какой-нибудь крестьянской избушке, где он сможет продолжать свою проповедь, не взваливая ни на кого бремя забот по добыванию себе и своей семье средств для жизни в роскоши. Это неизбежное следствие страшной внутренней драмы, пережитой им в течение последних тридцати лет,— драмы, на которую обречены, кстати сказать, тысячи и тысячи интеллигентов в нашем современном обществе. Это исполнение его давнишней мечты.

Будет ли жизнь нашего великого, глубокопочитаемого и любимого писателя отравлена в его новом окружении вмешательством русских церковных властей, среди которых Победоносцев имеет весьма много последователей? —Боюсь, что это вполне возможно.

Преданный вам, милостивый государь, П. Кропоткин

Muswell-Hill. N. 14 ноября [7]

«„Таинственное исчезновение" Л. Н. Толстого оживленно комментируется всей итальянской печатью,— писал римский корреспондент «Речи».— Целые столбцы газет заняты описанием бывшей, настоящей и проблематической деятельности „великого беглеца", как титулует его печать. Свидетельствуя об огромной популярности Л. Н. Толстого в Италии, все эти статьи одновременно свидетельствуют и о полном незнании, даже пишущими, России и русской жизни〈...〉 Должен отметить, что большая часть печати весьма скептически относится к известию, будто Толстой „пришел в монастырь", как приходят в Каноссу〈...〉 В заключение упомяну, что печать католическая в длиннейших статьях хвалит Л. Толстого, бросившего-де свои еретические мысли и вернувшегося в лоно церкви. Так, мол, сильна церковь, так, мол, страшные еретики, в конце концов, после заблуждений опять являются с повинной, на сей раз — к спасающей души их церкви. Имеется, впрочем, и такая печать, которая с чисто бульварной развязностью, в стиле je m'en fiche*, и Толстого и его жизнь, как равно все религиозные вопросы (о которых теперь невольно пришлось „упомянуть"), приписывает специальному „мистицизму", присущему русским» [8].

В парижском журнале «Ère Nouvelle» мы читаем:

«Из-за того, что Толстой, измученный своим окружением и светскими обязанностями, которые на него накладывало пребывание в Ясной Поляне, принял решение покинуть чуждую ему и прежде — а теперь особенно ненавистную — цивилизацию и общество, коему он уже более не принадлежит, борзописцы из „большой прессы" вопиют о его „мистицизме". Эти лакеи пера так привыкли писать за деньги и писать противоположное тому, что они думают (если предположить, будто они хоть когда-нибудь думают), что действия человека во имя своего освобождения кажутся им безумными... Они полагают, что только сумасшедший может осуществлять на практике то, о чем пишет».

«Бегство Толстого расценивается по-разному,— отмечалось в «Matin» 13 ноября.— Философы и религиозные умы безоговорочно восхищаются им. Люди, менее отдаленные от мира, критикуют его. Безраздельно восхищаясь его гением, они находят, что он действовал под влиянием болезненного желания заставить о себе заговорить».

Нелепое мнение, будто Толстой покинул Ясную Поляну из «рекламных» соображений, получило довольно широкое распространение среди обывательских кругов на Западе и было подхвачено рядом недобросовестных органов печати. Нас поэтому не должно удивлять то обстоятельство, что многие видные деятели культуры, выступая с высказываниями о Толстом, сочли нужным серьезно опровергать возможность «нечистых побуждений» в неожиданном для них поступке Толстого.

* мне наплевать (франц.).

«Я настолько ошеломлен происшедшим, так мало знаю личную жизнь Толстого, что совесть запрещает мне высказаться,— заявил, например, немецкий драматург *Г. Зудерман.*— Газетных сообщений слишком недостаточно, чтобы можно было составить ясное представление о мотивах ухода. В чистоте побуждений Толстого, конечно, нельзя сомневаться»[9].

С негодованием отвергли версию о «рекламном» характере ухода Толстого и восьмидесятилетний автор романа «Один в поле не воин» *Ф. Шпильгаген*[10], и *Г. Гауптман* (см. ниже), и многие другие.

Собственные корреспонденты русских изданий развили в эти дни лихорадочную деятельность. Не успели появиться на газетных страницах первые скупые сообщения об уходе Толстого из Ясной Поляны, как по телеграфным проводам из различных столиц потекли в Россию отчеты о взятых ими интервью у европейских знаменитостей с высказываниями (временами более чем наивными) о Толстом и о причинах его ухода. Большинство высказывавшихся, как мы уже отмечали выше, с одобрением встретило решительный шаг Толстого, видя в нем последовательное завершение его жизненного пути. Уход Толстого, по мнению многих, целиком вытекал из его учения и, снимая с великого моралиста упрек в несоответствии между его проповедью и собственным образом жизни, должен был послужить еще большему укреплению его нравственного авторитета. Многие видели в «бегстве» писателя «трагическую поэзию», «трагическую Одиссею», «акт ослепительной красоты».

Биограф и переводчик Толстого, директор Шиллеровского театра в Берлине *Р. Лёвенфельд* заявил корреспонденту «Русского слова»:

«Я нисколько не удивлен отъездом Толстого. Для подобной личности это вполне последовательно, логично и естественно. Нам, обыденным, заурядным человечкам, уход его кажется безумием. Между тем Толстой поступает как гений, как натура, неспособная жить в разладе с совестью, мириться с пошлым оппортунизмом»[11].

И. И. Мечников сообщил парижскому корреспонденту той же газеты:

«Во время моего недавнего пребывания в Ясной Поляне Лев Николаевич был вполне уравновешен и ничем не обнаруживал, что он тяготится жизнью в семье. Нынешний его уход — очевидно, результат сложных душевных переживаний, судить о которых со стороны трудно. Зная характер Софьи Андреевны и ее самопожертвование Толстому, я не допускаю никаких мелочных стимулов в решении Льва Николаевича Толстого. Поездка в монастырь, вероятнее всего, вызвана желанием Льва Николаевича повидаться с Марией Николаевной и не свидетельствует еще о решении замаливать под клобуком грехи»[12].

Б. Шоу иронически заметил по поводу ухода Толстого: «Это поразительный пример непротивления злу: должно быть, зло было действительно нестерпимо»[13].

Известный финский писатель *А. Ярнефельт* сказал:

«Случившееся взволновало меня, но не удивило. В последнее время Толстой часто говорил о намерении уйти из мира, и если не сделал этого раньше, то потому, что надеялся до последней минуты переубедить семью. Как друг и поклонник Толстого радуюсь за него от души. Его решение бесповоротно. Он не вернется»[14].

«На восемьдесят третьем году, после гениально выполненной работы Толстой нашел возможным покинуть мир,— заявил корреспонденту прославленный шведский писатель *А. Стриндберг.*— Я на шестьдесят втором году также готов на это при первой возможности»[15].

В ответ на запрос редактора «Русского слова» маститый датский критик *Г. Брандес* ответил следующей телеграммой из Христиании (Осло):

«Если сообщение о Л. Н. Толстом верно, то поступок его трогателен.

Он показывает только, что старец долго чувствовал угнетение и теперь решился жить согласно своим идеалам»[16].

Норвежская пресса отнеслась скептически к первым телеграммам об уходе Толстого из Ясной Поляны. Некоторые газеты, опасаясь мистификации, вовсе не поместили телеграмм. До получения точных сведений большая часть норвежской печати воздерживалась от всяких комментариев. Газета «Aftenposten» поместила 14 ноября заметку об исчезновении Толстого, отмечая, что влияние русского писателя «не ограничивается одной Россией» — «оно громадно и у нас в стране; сообщения о его бегстве встречаются здесь с огромным интересом». Далее «Aftenposten» напечатала интервью с *К. Коллином*, автором книги «Лев Толстой и кризис современной культуры», который пытался разъяснить читателям причины ухода Толстого.

Председатель Нобелевского комитета в Норвегии *И. Г. Левланд*, сказал корреспонденту «Русского слова»: «Решение Толстого вызвало в Норвегии оживленный интерес. Мы преклоняемся перед великим писателем и мыслителем и чувствуем к нему самые живые симпатии»[17].

Бельгийский социолог, в прошлом член I Интернационала *Г. Де Греф* в беседе с корреспондентом «Русского слова» заявил, что «поражен энергией духа великого писателя, на склоне жизни нашедшего силу порвать со всем, что при его возрасте связывает людей неразрывными цепями»[18].

Известный бельгийский писатель, искусствовед и политический деятель *Э. Пикар* сознался, что он «до сих пор весьма скептически относился к теориям и проповеди Толстого, но теперь не может не признать его искренности»[19].

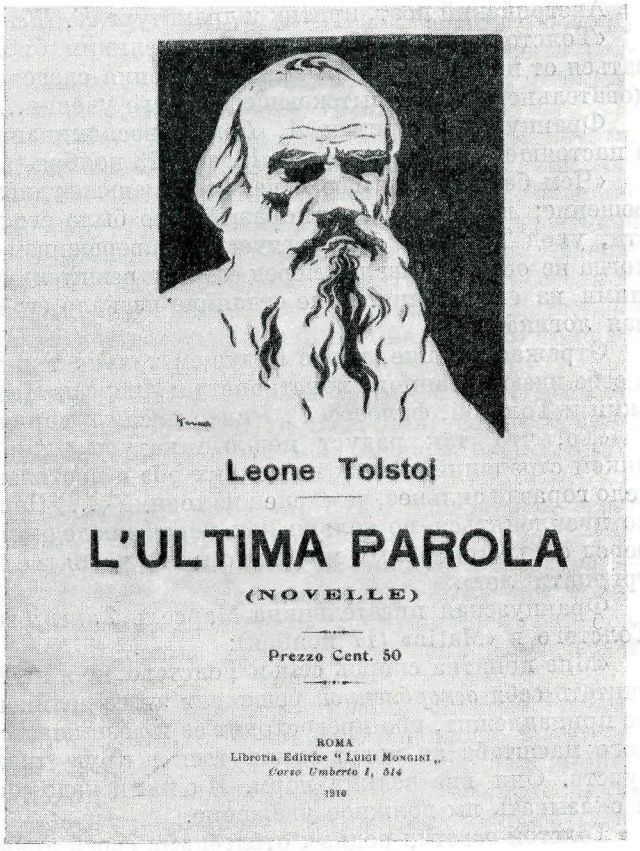
Профессор *П. Реклю*, племянник знаменитого географа Э. Реклю, припомнил в беседе с корреспондентом слова своего дяди: «Толстому суждено увлекать и поражать мир»[20].

Римский литературовед *Дж. Барцелотти* сообщил корреспонденту: «Я большой поклонник вашего Толстого. По моему мнению, он является величайшим европейским писателем второй половины XIX столетия. Толстой велик и как художник и как мыслитель. Не разделяя многих философских его концепций, я, однако, преклоняюсь пред ним как перед художником. В этом отношении я сошлюсь на нашего известного писателя Габриэля *Д'Аннунцио*. В недавней беседе он признался мне, что более преклоняется пред Толстым как писателем, чем как пред философом. В качестве мыслителя Толстой слишком мистик, следствием чего и могло послужить его решение „удалиться от мира". Разумеется, об этих причинах можно говорить только гадательно〈...〉 Меня всегда поражало в Толстом полное соответствие его жизни с его идеями. В конце концов, последний шаг Толстого служит естественным результатом его религиозно-философских исканий и выводов, к которым он мог прийти как мыслитель накануне своей кончины. В заключение должен вам сказать, что нам чрезвычайно трудно судить поступки таких великих людей, как ваш мощный писатель»[21].

Австрийский романист *Г. Бар* сказал посетившему его корреспонденту: «Великолепно в Толстом то, что он выполнил, о чем проповедовал. Жизнь, в особенности жизнь великих людей, я рассматриваю как художественное произведение. И в жизни Толстого я всегда усматривал крупный художественный недочет, диссонанс с прочими великолепными красками его жизни. Поэтому я теперь так счастлив: Толстой сгладил теперь этот диссонанс. Я убежден, что это чувство разделяют теперь в Европе десятки тысяч людей. И если его подвиг окажет в Европе действие хотя бы на сто человек, я думаю, Толстой совершил великое дело. Скажите, кто из современников способен на такой подвиг? Возьмите Ибсена. Все его художественное творчество было посвящено революции в общественных

«ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО». СБОРНИК РАССКАЗОВ ТОЛСТОГО. ИТАЛЬЯНСКОЕ ИЗДАНИЕ (РИМ, 1910)

Обложка



формах. А как он сам жил? К своему юбилейному чествованию он явился в черном сюртуке с орденами! Ни сюртуку, ни орденам он, конечно, не придавал никакого значения, а все же у него не хватило сил отказаться от них пред всем миром.

Да, все мы больны миром, всех нас подтачивает, ломает жизнь, толкающая нас туда, куда мы идти не желаем, дающая нам в руки знамена, которым мы не верим; всех нас держит цепко в своих руках буржуазная жизнь.

Теперь вы понимаете, почему меня взволновало известие о решении Толстого уйти от мира, почему нас всех восхищает его подвиг. И в то же самое время удручает, удручает потому, что своим решением великий писатель земли русской без слов раскрыл нам наше духовное убожество, стал великой совестью всего мира...»[22]

Австрийская поэтесса и драматург Мария делле *Грацие* поделилась с корреспондентом следующей мыслью:

«Каждый из нас — немного Толстой. Каждый хотел бы воздвигнуть хотя бы тонкую стену между собой и миром, ради покоя и возможности сосредоточиться в себе...»[23]

Немецкий критик *А. Керр* сказал:

«Я убежден, что Толстого побудили к уходу из мира исключительно этические мотивы. В этом поступке нет и тени позы. Он находится в полной гармонии с его проповедью. Желание остаться перед смертью наедине со своей душой показывает все величие, всю духовную красоту мудреца <...> Он не мог примириться с контрастом между словом и делом. Перед отречением Толстого от мира можно только преклониться»[24].

Австрийский поэт, критик и драматург *К. Шенгерр*:

«Толстой должен был, подобно великим библейским старцам, отказаться от повседневности. Такого решения следовало ожидать, как последовательного шага, вытекающего из его учения...»[25]

Французский критик *А. Бонье*, воспоминания которого печатаются в настоящем томе, отмечал в «Figaro» 13 ноября (в статье «Толстой исчез»):

«Чем больше я думаю о нем, тем меньше удивляет меня его внезапное решение; гораздо более поразительно было его долготерпение. В сущности, уход Толстого был логическим завершением его идей — ведь он никогда не останавливался перед самыми решительными выводами, вытекавшими из его учения. И не отчаяние изгнало его из дому — а настоятельная логика».

Отражая мнение, что в будущем только три имени будут воплощать в себе идею истинного христианства: Иисус из Назарета, Франциск Ассизский и Толстой, философ *Г. Ринер* писал в парижской газете «Radical»:

«То, что так радует пошлые натуры, для него являлось источником страданий. Венок из цепких роз и неотвязных лавров обжигал его чело гораздо сильнее, чем венец из терний <...> Перед этим человеком должно преклоняться не только как перед последним из христиан, но и как перед самым скорбным мучеником: его распятие на кресте длилось более тридцати лет».

Французская писательница Марсель *Тинейр* заявила по поводу ухода Толстого в «Matin» (17 ноября):

«Мне понятна скорбь семьи Толстого, но я не понимаю, как может она считать себя *оскорбленной* решением этого великого человека, который ей не принадлежит, ибо превосходит ее и возвышается над нею. Люди подобного масштаба не могут замкнуться в кругу обыденных обязанностей и чувств. Они вне всяких норм. И с ними надо соответственно обходиться и оказывать им должное уважение.

Толстой осветил родных отблесками своей личной славы и предоставил им доходы со своих ранних произведений. Из-за родных он к тому же отказался от своей мечты об одинокой и аскетической жизни; он страдал от постоянного противоречия между своими идеями и поступками,— противоречия, казавшегося его ученикам чем-то вроде малодушия.

И прежде чем умереть, он хочет, наконец, стать истинным Толстым. Хочет завещать народу свои последние творения и отправиться в путь один, словно нищий. Семья может огорчаться этим, но возмущаться не имеет права. Толстой больше ничего ей не должен, даже в денежном отношении. Не думаю, чтобы дети гениального человека имели какое-либо *право* на произведения отца вопреки его воле, после того как уже получили от него поддержку и воспитание».

В той же «Matin» несколькими днями ранее была напечатана циничная и издевательская заметка *К. Вотеля* «Слова парижанина», в которой он заявил, что «проделка» Толстого нисколько не удивительна: «Либо это удар в тамтам (во все времена пророки тщательно отрабатывали себе рекламу), либо это припадок мистического безумия. Примем же это последнее объяснение — самое почтительное в отношении Толстого».

«Matin» в том же номере перепечатала следующие строки из лондонской газеты «Daily News», обвинявшей Толстого в непоследовательности: «Поучая мир, Толстой не следовал собственным поучениям, ибо, согласно его взглядам, следует бороться со своими страстями и трудиться над своим спасением, не удаляясь от мира». Аналогичное высказывание из лондонской консервативной газеты «Evening Standard» редакция «Matin» перепечатала и на следующий день: «Толстой пытался пересоздать мир в соответствии со своими идеями; мир отказался следовать за ним по новому пути, на который звал его Толстой. Толстой сделал тогда попытку убедить свою

семью, чтоб она разделила его учение, но она предпочла следовать общему примеру. Невозможно себе вообразить, что должен был выстрадать Толстой от этих поражений, если не понимать, кем он, собственно, являлся: исполинским догматиком и интеллектуальным тираном».

Глубокое непонимание Толстого проявила и часть бельгийской печати. Брюссельская газета «Soir» назвала уход Толстого из Ясной Поляны «безумием». «Dernière Heure» в качестве причин, повлиявших на решение Толстого, выставила «семейные разногласия, возникшие на денежной почве». «Gazette» увидела в уходе Толстого «торжество церкви». Клерикальная бельгийская пресса вообще старалась замолчать уход писателя [26].

Публикуя перевод прощального письма Толстого, как бы в ответ на высказывание «Soir», бельгийская газета «Journal de Charleroi» от 16 ноября отмечала в редакционной заметке:

«... Это письмо доказывает, каким смелым умом обладал великий мыслитель, когда принял решение покинуть свой дом. Оно останется одним из самых интересных и возвышенных документов в общей сокровищнице человечества».

«Толстой — истинный славянин, который, даже пользуясь всеми благами материальной жизни, не может не предаваться мечтаниям, — заявил в том же номере французский романист и историк *Ж. Лермина.*— И так как все окружающее казалось ему несправедливым, жестоким, бесчестным,— он стал одним из самых пламенных сокрушителей современного общества, но так и не смог понять созидательную силу человеческой воли и деятельности».

16 ноября парижская газета «Temps» поместила небольшую заметку «Блуждающий Толстой». Описывая странствия «западного брамина», ищущего покоя, «который удаляется от него, как мираж», анонимный автор замечал: «Эти скитания самого беспокойного из гениев вместе со своей дочерью и спутником напоминают похождения старого короля Лира».

Сравнение Толстого с королем Лиром неоднократно повторялось во множестве других статей и вскоре стало общим местом[27].

Литературный критик *В. Герцог* писал в газете «Freie Volk»:

«Восьмидесятидвухлетний старец несколько походит на короля Лира столь нелюбимого им Шекспира. Но в образе этого великого человека природа создала действительно нечто более могущественное и потрясающее, чем творец английских трагедий. Последний акт его жизни еще раз показывает нам в нем человека, который, как никто в наше время, боролся со своим богом»[28].

Во многих органах печати Толстого в это время называли «библейской фигурой», «вторым Фаустом», уподобляли Сократу, Паскалю, Будде, Христу и даже самому «господу богу». В первые дни после ухода писателя из дому его сравнивали с «античным кентавром», Робинзоном Крузо (см., например, «Suisse» от 17 ноября). До каких пределов нелепости временами доходили в этом отношении отдельные журналисты, можно судить, например, по сравнению Толстого с «Офелией, удаляющейся в монастырь»,— сравнению, сделанному совершенно серьезно, без тени иронии или насмешки, в «Temps» от 18 ноября.

Престарелый *А. Рошфор*, легендарный издатель «Lanterne», друг В. Гюго, писал в статье, озаглавленной «Оригинал» («Patrie» от 17 ноября):

«Толстой не мог противиться своему призванию: любви к беднякам и преданности несчастным. Все книги его говорят о постоянной озабоченности людским горем. Однако, в противоположность писателям, которые не задумываются ни над одним написанным ими словом и пьют шампанское за здоровье бедняков, автор „Анны Карениной“ честно воплощал на практике свои теории‹...›

Вполне возможно, что блуждающий Толстой, бегущий от славы и богатства, как бегут от женщины, неотступно преследующей вас своими любовными признаниями, останется после смерти, которая, как уверяют, уже близка, одним из пророков, создателей новых религий,— он поднимает самоотречение на высоту вечных установлений. Он станет учредителем особого культа: культа самопожертвования. О нем будут говорить: „Это мечтатель и горячая голова", но пример его мало-помалу принесет свои плоды, особенно в славянском мире<...> Изображение Толстого вскоре можно будет увидеть на стенах всех русских изб, и крестьяне станут указывать на своего защитника, как указывают они на своих небесных заступников, когда молятся перед иконами».

В том же духе писал о Толстом анонимный сотрудник парижской «Correspondance de la Bourse»: «Когда русские крестьяне в ближайшем будущем<...> уничтожат все Бастилии Северной империи, они, конечно, вспомнят, что среди них долгое время жил добрый и благочестивый мученик, просветивший их идеями, которые делают людей сильными и победоносными».

Всеобщий интерес к Толстому, между тем, не ослабевал. Бюллетени, передававшиеся из Астапова, печатались в экстренных выпусках лондонских, парижских, берлинских, нью-йоркских и других столичных и провинциальных газет.

В периодической печати разных стран продолжали появляться статьи о жизни и творчестве Толстого, состояние здоровья которого начинало внушать серьезные опасения.

В передовой статье сербской газеты «Ново време» от 16/3 ноября, посвященной «гордости России и славе славянского гения — сокровищу, принадлежащему всему культурному миру», заявлялось:

«Общая любовь культурного мира есть вознаграждение Толстому за его деятельность. Льва Николаевича любят больше всех в мире. Последние годы его жизни казались закатом большого солнца, медленно уходящего в вечность. Этот закат неизбежен, но наша любовь хотела бы лишь одного,— чтобы закат этот был теплым, светлым, окруженным симпатиями, которые мы не можем не питать к Толстому...»[29]

Сербская газета «Застава» отмечала в тот же день:

«Имя Толстого, его труды, его творения, его жизнь известны каждому культурному, да и не только культурному ,человеку. Редко встретишь хижину, где бы не знали Толстого<...> Имя его не может умереть ни в русском народе, ни в мировой истории. Толстой не только величайший, знаменитейший писатель русского народа, Толстой — писатель мирового значения, на которого самые прославленные литераторы смотрят как на ослепительное солнце...»

18/5 ноября белградский «Мали журнал» заявил:

«Весь мир проникнут скорбью о Толстом. Он человек, равного которому в наше время нет».

«Новость, которая погрузила в оцепенение весь мир — это бегство Толстого<...>,— сообщала 17 ноября швейцарская газета «Tribune de Genève».— Что бы ни говорили о его последних поступках, к которым не следует подходить с общей меркой, нельзя не признать, что жизнь Толстого была прекрасней и благородней, чем у всех людей на земле; Толстой был преимущественно апостолом великой идеи, которой он посвятил жизнь, преисполненную самопожертвования, стараясь по возможности воплотить осознанную им правду и осуществить задуманные преобразования. В наш положительный век он являлся воплощением русской души — души прекрасной, прекрасной даже в своих преувеличениях, в своих утопиях, в своем непрерывном следовании за идеалом, который всегда от него удалялся и никогда достигнут им не был.

Именно это так характерно для славянской души — души юной, наивной, пылкой, временами лишенной самосознания, не страшащейся трудностей и желающей победить их — или же погибнуть.

Таков был Толстой — личность одновременно деятельная и мыслящая; его жизнь — это пример благородно пройденного поприща, всецело посвященного воспитанию в людях гуманности, которую он проповедовал не только своими сочинениями, но и взглядами и правилами повседневной жизни.

Он во что бы то ни стало желал освободиться от кастовых пут, от обязательств, налагаемых богатством, чтобы воплотить свой идеал пролетария, вынужденного рассчитывать на труд рук своих, дабы прожить день».

«Трагедия Толстого заключается не только в гибели великого, гениального человека — это словно грубый и резкий ответ судьбы на вопрос: до какой степени действенны жизненная философия, мировоззрение, моральное учение великого Толстого<...> — заявила в передовой статье «Закат солнца» редакция будапештской радикальной газеты «Világosság» 15 ноября. — Раньше проповедь Толстого лишь немногим отличалась от учения Церкви. Но великий русский писатель не ограничился этим, он пошел дальше... Прежде всего он сделал все необходимые логические выводы из своей теории. Он объявил войну Церкви, государству, армии, фабрикантам и богачам. Ни один агитатор — социалист или анархист — не разоблачал с большей резкостью кровавые преступления современного классового государства<...>

Но что за горькая ирония судьбы: Толстой не мог не понимать, что слава его основывается не на его христианском учении и христианских поступках, а на языческой красоте блестящей поэзии его зрелого периода. Культурное человечество подняло его как гения на пьедестал не из-за евангельских проповедей, а за светскую эпопею „Война и мир“.

Этот закат солнца доказывает сомневающимся, что жизнь требует не отречения от борьбы<...>, что массы народа, лишенные всех прав, ничего не могут ожидать от альтруизма: им поможет все возрастающая сила свободной мысли и политической, классовой борьбы»[30].

Комментируя сообщение о попытке церковников вырвать у умирающего «отречение» от своего учения, парижская газета «Lanterne» писала:

«Во время полного обладания всеми своими умственными способностями и силами, писатель отрицал Церковь и обличал все ее ошибки и преступления. Что нам теперь до того, ответит ли умирающий „да“ или „нет“ на вопрос, жадно предлагаемый ему попом-лицемером? Слава Толстого в наших глазах останется столь же чистой, между тем как пресловутый престиж священнослужителей еще более поблекнет в глазах всех здравомыслящих людей».

Чешская и словацкая общественность, с волнением следившая за ходом болезни Толстого, получала сведения о нем из самого достоверного источника: домашний врач Толстого Д. П. Маковицкий периодически извещал специальными телеграммами редакции ряда газет своей родины о состоянии здоровья великого писателя.

Член Французской академии поэт и драматург *Ж. Ришпен* писал в это время о Толстом:

«... Лев Толстой дает нам нечто такое, что производит впечатление самой жизни, хаотической, бурлящей, полной странностей, контрастов, шумной, где все кипит, как в котле, и сталкивается друг с другом, где нет выбора, где не управляет никакое искусственное устройство, где ничто не кладет пределов, не предписывает взглядов<...>

Но, ради бога, не будем сравнивать это искусство с нашим. Ни то, ни другое от этого ничего не выиграют. Мы, латиняне, будем по-прежнему, верные своей мании (или добродетели) к порядку и ясности, считать

совершенством Бальзака, Стендаля и Флобера; но будем настолько смелы, чтобы признать, что и Толстой так же совершенен. Прибавим только, чтобы ясно осветить наше отношение, что первые совершенны как романисты латинские, а второй — как романист славянский <...>

В конце концов мы подчиняемся его специфическому красноречию: насколько его человечность нас трогает, интересует, приводит в восторг, захватывает всю нашу душу, настолько его реализм нас опьяняет; жизнь, рисуемая им, несмотря на весь ее славянский уклад,— живая и для нас. Мы любим его действующих лиц даже тогда, когда нам не удается их хорошо понять. В его изображении они так ярко освещены! Он внушает нам такое пылкое чувство к ним. Слышишь их слова, следишь за их жестами, их физиономиями, почти дышишь одним воздухом с ними, ощущаешь их тела, пьешь их дыхание, чувствуешь себя к ним таким близким, переживаешь все так сильно! Так же, как и герои наших романов, они твердо врезываются в нашу память и живут в нашем сердце.

Но вдруг эта славянская душа, о которой мы только что вообразили, будто ее знаем, так как ее воплощения стали нам дороги, ускользает от нас. Мистический порыв — и она далеко убегает от нас, в те туманы, где для нас нет надежды ее настичь, в тот воздух, которым мы не можем дышать...»

Высказывая себя противником толстовского учения, Ришпен замечает, что он восхищается тем не менее «той верой, тем беспристрастием», с которыми Толстой его проповедует. «И как некогда ходили поклоняться на остров *отца*-Гюго, так, по-моему, постоянно ходили на поклонение со всего света и в Ясную Поляну — как подходяще это название, откуда раздавалось доброе слово Льва Толстого<...> Мы высоко, всенародно поднимаем знамя, на котором написано восторженное поклонение, и приветствуем писателя, романиста, художника, в котором мы видим одну из великих фигур не только в славянской, но и в европейской литературе, даже в литературе всего мыслящего человечества. Несмотря на то, что наши души в настоящее время непроницаемы друг для друга, несмотря на наше незнание русского языка, вследствие которого нам остается печальная необходимость читать его творения только в переводе, мы достаточно их читали и прониклись ими, чтобы поставить Льва Толстого в ряду гениев, обогативших умственную и эстетическую сокровищницу мира. Среди тех гениев, которые истолковали жизнь своего времени и своей расы и, следовательно, мировую жизнь, мы видим, что он блистает как один из самых выразительных, самых мощных мастеров...»[31]

Пресловутые «тайны славянской души» ставили в тупик не одного Ришпена. С раздражающим упорством повторяли эту банальность и многие другие иностранные критики. «Что нам особенно ясно в трагикомических и туманных подробностях, приносимых нам с каждой почтой в связи с бегством Толстого,— писал, например, некто *Либер* в газете «Liberté de Sud-Ouest» 19 ноября,— это что славянская душа продолжает оставаться наглухо закрытой для нас, французов. Мы в ней совершенно ничего не понимаем — и боюсь, что никогда ничего не поймем<...> Все это чисто славянское и — следовательно — темное, таинственное, загадочное...».

Знаменитый романист *П. Маргерит* писал в статье «Чем я обязан Толстому»:

«... Если бы я являлся исключением, если бы я не был многим обязан *властному* влиянию Толстого, я не возвысил бы своего голоса, чтобы воздать ему хвалу, но, я знаю, мой голос есть только эхо миллионов и миллионов голосов, и поэтому я возвышаю свой голос без страха и смущения, твердо уверенный в том, что я выражаю чувство всех тех, в ком творения несравненного романиста и *сурового* апостола посеяли семена воли, веры в добро, стремлений к высшему идеалу.

Eftertryk forbydes.

Privat-Telegrammer
til
„Verdens Gang".

Tolstois sidste timer

Han dør uforsonet med kirken og sin familie.

Petersburg, 20. november.

Tolstoi døde imorges kl. 6 uten at være kommet til bevisstheт. Hele hans familie var tilstede. Kl. 2 inat fik han et sterkt hjerteanfald, kl. 3½ gav lægerne ham en morfinindsprøtning.

Formændene for semstvoerne i 20 guvernementer avbrøt semstvoernes møte i anledning av Tolstois død og sendte familien kondolencetelegrammer. Storfyrst Nikolaus Michalowitch har telegraferet til grevinde

СООБЩЕНИЕ О СМЕРТИ ТОЛСТОГО В НОРВЕЖСКОЙ ГАЗЕТЕ «VERDENS GANG». 21 НОЯБРЯ 1910 г.

Фрагмент

Я был еще молодым писателем, когда передо мной открылись эти мощные фрески, называющиеся „Война и мир" и „Анна Каренина". Мне казалось, что я вступил в совершенно новую область. Ни одно из великих произведений не дало еще мне почувствовать атмосферу подобной души, такого правдивого и вместе с тем *острого* проникновения.

Правда, я страстно преклонялся перед Бальзаком, создавшим целое общество, руководимое инстинктами и страстями; я бесконечно наслаждался Диккенсом и его полным комизма изображением людей и вещей, этим мощным, смешным, непобедимым Диккенсом. Но у Толстого для меня открылась новая жизнь, новые, более глубокие детали, новое изображение всей окружающей нас обстановки.

Я сознал также, что удивительный русский романист открыл мне область моральных *размышлений* о жизни и о смерти, открыл важность проблемы долга, чего в такой мере я не встречал у Бальзака и Диккенса, таких прекрасных наблюдателей, таких опытных знатоков и блеска, и ничтожества человеческого.

Психологическая драма, развертывающаяся в душе князя Андрея, эволюция Пьера Безухова, тревоги, любовь и горькое раскаяние Анны Карениной, нравственное перерождение Левина,— нет, никогда я еще не видел этого. Я ощущал живое потрясение, глубокое внутреннее содрогание. Не мне говорить, оставило ли чтение этих произведений отпечаток на мне как на писателе. Но я хорошо знаю, что как человек я сохранил этот глубокий отпечаток до тех лет, когда эволюция личности почти прекращается, так как она уже завершилась<...>

Несколько позже другая книга еще сильнее взволновала меня; сказать правду,— быть может, ни одна книга не вызвала такого сильного переворота в самой интимной стороне моей души. Я говорю о «Крейцеровой сонате»<...>

Толстой внес светоч истины, озаривший опасные вопросы, которые рано или поздно жизнь ставит перед вами<...> Некоторые книги, как блеск молнии, озаряют совесть людей доброй воли. Я не знаю книги,

равной в этом отношении „Крейцеровой сонате", которая лучше и с более ярким красноречием показывала бы нам социальную ошибку, жертвой которой становится пол, и ту ложь, которая царит в отношениях между полами.

Несколько лет спустя „Воскресение" должно было меня убедить, если у меня только могли быть сомнения, в существовании единственного в своем роде противоречия — в основной и существенной бессмыслице, управляющей нашими принципами и нашими делами, нашими стремлениями к добру и нашей склонностью ко злу; в том жестоком и ужасном давлении, которое оказывает на нас общество, построенное на материальных интересах, покоящееся на силе, этот гигантский жернов, давящий слабых, несчастных, бедных для выгод могучих, наслаждающихся жизнью, богатых.

Время от времени рассказы, статьи, нравоучения Толстого восхищали и трогали мое воображение, колебали некоторые мои убеждения, побуждали меня занять позицию союзного с ним борца, возбуждали во мне склонность к социальным реформам, что и заняло известное место в моей жизни и что я проводил в виде газетных статей, сперва в сотрудничестве со своим братом, а потом один.

Понятно, я не следовал за Толстым в отказе его от некоторых цветов цивилизации, в его презрительном отношении к тем или иным формам писательства и искусства; понятно, меня отталкивала неумолимая строгость его христианских умозаключений, его отвращение к телесному, его исключительное мировоззрение, основанное на милосердии и любви к ближнему,— этот идеал блестящий, но столь абстрактный, не считающийся с человеческой природой и ее неизбежными слабостями, — тем *роком*, который определяет эволюцию людей такими, каковы они на самом деле, не лишая их, однако, возможности напрягать свои усилия в стремлении к совершенству.

Но какое могут иметь значение эти разногласия? Со временем они могли еще более усилиться, но и это ничего не значит. Слово, посеянное Толстым, взошло во мне, и да будет мне позволено называть с той поры его имя с благодарностью, которой мы обязаны тому, кто помог нам открыть путь истины.

Ибо все мы, какими бы фарисеями мы ни были, прекрасно знаем, что Толстой в общей совокупности своих убеждений прав<...>

Конечно, из зерен жизни, семян света, которые бросает в души такой великий человек, как Толстой, многие погибают на каменистой почве, гниют в сердцах развращенных, пускают слабые ростки в слабых мозгах; но зато другие дают сильные ростки и преобразуются иногда согласно повелительному закону приспособляемости и эволюции. Важно, что хлеб-кормилец возрастает.

Толстой в настоящее время — самая высокая совесть человечества. При жизни и после смерти сияние его чисто и блестяще и будет долго светить, как те долгие сумерки, которые уже после захода солнца кажутся еще зарей неизвестного мира.

Я знаю, что я меньше стремился бы, меньше любил бы свет добра, истины, справедливости, если бы меня не оплодотворяла в течение ряда лет мысль Толстого. Его влияние на многих людей было так же значительно, как и на меня. Признать это, провозгласить это во всеуслышание — это самая скромная дань, которую можно воздать этому суровому гению, этому пустыннику и великому пастырю душ человеческих, этому гениальному романисту, этому новому Христу религии добра и любви, в котором мысль благороднейшая и священнейшая достигла тех вершин, на которые толпа смотрит со смутным беспокойством и взволнованным почтением. Эта мысль — как великий свет Синая, сверкающий во мраке нашего развращенного цивилизованного мира»[32].

Глава II

ЛОЖНОЕ СООБЩЕНИЕ О СМЕРТИ. — НЕКРОЛОГИ.— МАНИФЕСТАЦИИ. — ОПРОВЕРЖЕНИЯ

В ночь на 17/4 ноября агентство Рейтер передало полученную из Петербурга экстренную депешу о смерти Толстого. Многочисленные иностранные газеты и журналы поспешили напечатать некрологические статьи (некоторые из них были заготовлены заранее). Между тем в тот же день стало известно, что Толстой еще жив и что сообщение о его смерти явилось результатом прискорбного недоразумения.

17 ноября, после получения траурного известия, лондонская газета «Times» опубликовала анонимный (как и в большинстве других английских и американских газет) некролог, в котором отмечалось:

«Конечно, никогда еще не было на Земле гениального человека, который поражал бы своих современников столь же сильно, как Толстой. Мы считаем его великим писателем⟨...⟩ Несмотря на причудливый характер высказываний Толстого, они всегда оставались высказываниями великого человека. Пламень собственного гения ему погасить не удалось — Толстой лишь слегка омрачил его ослепительное сияние».

Газета «Standard» (Лондон) в статье, напечатанной в тот же день, причислила Толстого к тем «десяти или двенадцати именам, которые пользуются широчайшей известностью во всем мире»: «Со смертью Толстого исчезает одна из самых значительных фигур современной литературы. Хотя он был чистейшим славянином, известность его уже давно стала всемирной, и французские, немецкие и английские переводы сделали его творения столь же знаменитыми вне России, как и внутри ее границ. Со времени Тургенева ни один русский писатель не приобретал такой огромной славы».

Автор большой анонимной статьи, появившейся в «Daily Telegraph» и озаглавленной «Смерть графа Толстого. — Философ-романист», писал:

«Графу Льву Николаевичу Толстому, ревностному филантропу, реформатору религии, проповеднику морали и анархисту в политике, скончавшемуся вчера на станции Астапово, куда он бежал из своего яснополянского дома, было восемьдесят два года. Граф Толстой, писатель-реалист, три всемирно известных произведения которого завоевали для него почетное место в пантеоне бессмертных, скончался фактически шестнадцать лет назад, вместе с Иваном Ильичом, скромным героем маленького шедевра психологического анализа, являющегося последним классическим творением неомраченного писательского гения. Нет никакого сомнения в том, что известие о кончине последнего из великих русских, живших и трудившихся в XIX веке, острой болью отзовется в сердцах миллионов людей всех стран и вероисповеданий, для которых его имя является чем-то бóльшим, нежели слово или символ. То чувство почти личной дружбы, которое испытывали к нему люди, объясняется не только блеском его гения, но, главным образом, ощущением того, что это человек, который любит род людской, прилагает все силы для исправления человечества и желает, чтобы отношения между людьми всех классов и национальностей стали более благородными, разумными и гуманными; человек, который примером собственной жизни убедительно доказал, что он стремился применить на практике то суровое учение, которое проповедовал другим».

Извещая читателей о смерти «великого русского романиста и пророка», редакция «Daily Chronicle» заявляла:

«Толстой умер, и сердце России еще застыло в скорби по его застывшему сердцу. Можно сказать, что он был душой и голосом России — нет, не

России салонов, петербургских канцелярий или московских базаров, а миллионов мужиков, великой массы русского народа, девять десятых которого, даже по эту сторону Уральских гор и вопреки наступлению западной промышленности, живет старозаветной сельской жизнью. Этой темной массе, погрязшей в своем древнем невежестве, периодически опустошаемой голодом и болезнями, перемежающей рабский труд летом с вынужденным бездельем в свирепые зимы, терзаемой самым суровым климатом, который только смогла изобрести природа для этой равнинной земли, покрытой лесами и лугами,— этой массе людей он действительно был „родимым батюшкой“».

Лондонская «Globe» (17 ноября) назвала Толстого «величайшим человеком в России за целое столетие, а может быть и за все время ее существования».

Газета «Daily News», сообщая в пространной некрологической статье о «патетическом конце великого мыслителя», замечала:

«Смерть Толстого означает, что ушла из жизни самая значительная личность современной Европы. Кончина застигла его в тот момент, когда он предпринял прекрасный патетический акт отречения от жизни, которая в продолжение более чем тридцати лет была не чем иным, как отречением...»

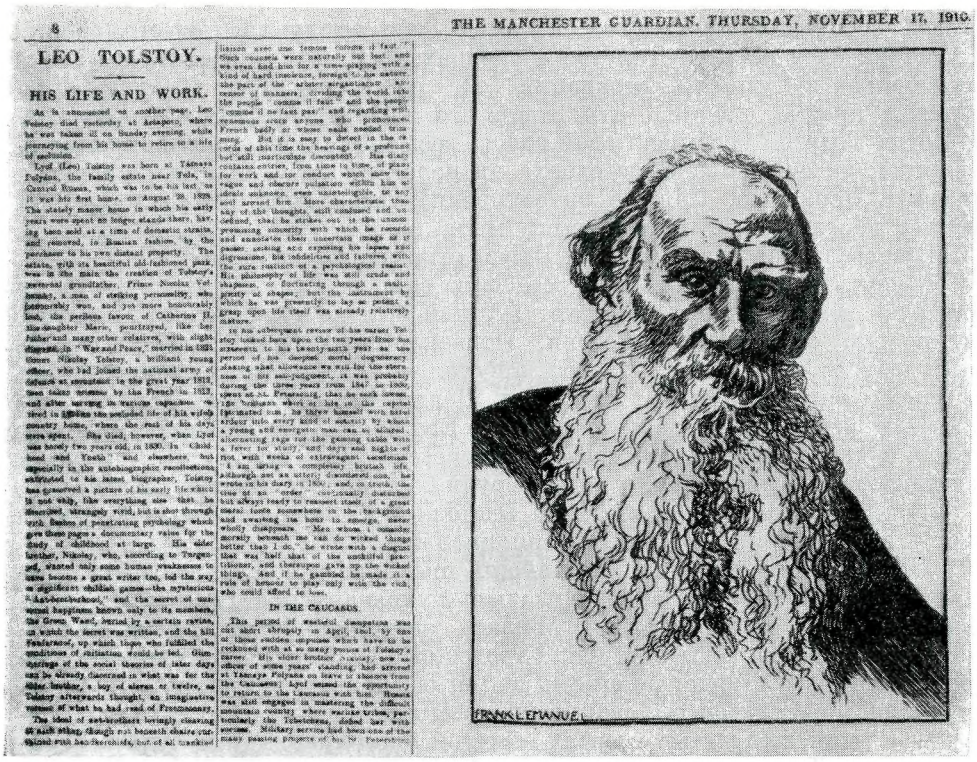
Литературовед *Ч. Херфорд*, автор книг о Шекспире и Ибсене, поместил 17 ноября в «Manchester Guardian» критико-биографический очерк о Толстом, занявший целую полосу, заключив его словами уверенности, что Толстой «останется одной из самых внушительных личностей в ряду тех великих людей, которые, начиная с Риенци и Мора и кончая Руссо, Шелли и другими, стремились излечить язвы современного общества путем радикального упрощения его структуры, организации и целей. Память о неутомимом учителе, вероятно, переживет его учение. Слава великого художника, во всяком случае, надежно сохранится».

Напечатав в начале номера под заголовком «Толстой умер» сообщение своего специального петербургского корреспондента, парижская газета «Matin» 17 ноября посвятила памяти Толстого и передовую статью. «То было, вероятно, самое великое имя в европейской литературе,— отмечала редакция.— Никем на свете не восхищались с такой страстью, как им. Его произведения встречались с религиозным трепетом, за его деятельностью следили с глубочайшим уважением...»

Ж. Бурдон, воспоминания которого о Толстом публикуются в настоящем томе, писал в тот же день в «Figaro»:

«Человеческому сознанию всегда мучительно тяжко, когда уходит из жизни такая личность, как Толстой. Инстинкт неизменно указывает людям избранников, которые сделали их хоть несколько богаче в нравственном отношении и научили гордиться тем, что они — люди. В Толстом мир признал одного из этих избранников и, не дожидаясь кончины, чтоб украсить его чело венцом бессмертия, даровал ему блистательную славу и высокий авторитет, которые после Вольтера и Гете не были дарованы никому, даже Виктору Гюго». «Имя Толстого — в России и за ее пределами, — отмечал Бурдон, — в течение долгого времени являлось как бы лозунгом революции〈...〉 Если когда-нибудь слово „сверхчеловек“ имело смысл — то только в Толстом. И именно благодаря несгибаемой смелости своей мысли Толстой проявил себя как революционер — правда, не в том смысле, какой придают этому слову политики».

Сообщению о смерти Толстого газета «Petit Parisien» посвятила 17 ноября почти всю первую страницу. В передовой статье «Всеобщий траур» редакция отмечала, что «смерть Толстого — это огромная утрата не только для русской литературы: в глубокий траур погрузится вся мировая мысль, одним из самых значительных представителей которой он был...»



8 THE MANCHESTER GUARDIAN, THURSDAY, NOVEMBER 17, 1910.

LEO TOLSTOY.

HIS LIFE AND WORK.

As is announced on another page, Leo Tolstoy died yesterday at Astapovo, where he was taken ill on Sunday evening, while journeying from his home to return to a life of seclusion.

Lyof (Leo) Tolstoy was born at Yásnaya Polyána, the family estate near Tula, in Central Russia, which was to be his last, as it was his first home, on August 28, 1828. The stately manor house in which his early years were spent no longer stands there, having been sold at a time of domestic straits, and removed, in Russian fashion, by the purchaser to his own distant property. The estate, with its beautiful old-fashioned park, was in the main the creation of Tolstoy's paternal grandfather, Prince Nicolas Volkonsky, a man of striking personality, who personally won, and yet more historically lost, the perilous favour of Catherine II. His daughter Marie, prostrated, like her father and many other relatives, with slight disguise in "War and Peace," married in 1823 Count Nicolas Tolstoy, a brilliant young officer, who led [illegible] national army of defiance at enormous in the great year 1812, then twice retaken by the French in 1813, and after serving in various capacities, retired in [illegible] the secluded life of his wife's country home, where the rest of his days were spent. She died, however, when Lyof was barely two years old, in 1830. In "Childhood and Youth" and elsewhere, but especially in the autobiographic recollections entrusted to his latest biographer, Tolstoy has preserved a picture of his early life which is not only, like everything else that he described, strangely vivid, but is shot through with flashes of penetrating psychology which give these pages a documentary value for the study of childhood at large. His elder brother, Nikolay, who, according to Turgenev, started only some human weaknesses to become a great writer too, had the way as significant childish games—the mysterious "Ant-brotherhood," and the secret of unutterable happiness known only to its members, the Green Wand, buried by a certain ravine, in which the secret was written, and the hill Fanfaronof, up which those who fulfilled the conditions of initiation would be led. Glimpsings of the social blemishes of later days can be already discerned in what was for the elder brother, a boy of eleven or twelve, as Tolstoy afterwards thought, an imaginative version of what he had read of Freemasonry.

The cloud of melancholy lovingly clearing at each stage, though run beneath shore the [illegible] run heartbreaks, but of all manking

[illegible] never one tenuous outside it fast." Such reasons were naturally not lost, and we even find him for a time playing with a kind of hard insolence, foreign to his nature, the part of the "arbiter elegantiarum" censor of manners; dividing the world into the people "comme il faut" and the people "comme il ne faut pas," and regarding with censorious scorn anyone who pronounced French badly or whose nails needed trimming. But it is easy to detect in the records of this time the beginnings of a profound but still inarticulate unrealist. His diary contains entries, from time to time, of plans for work and for conduct which show the vague and obscure pulsation within him of ideals unknown, even unrecognizable, to any self around him. His characteristic, the way of the thought, still condensed and vehement, that he strikes out in the unconsciously colouring country with which he records and annotates their uncertain image of it passes seeking and exposing his lapses and digressions, his indolences and failures, with the sure instinct of a psychological realist. His philosophy of life was still crude and shapeless, or fluctuating through an impropriety of shape, but the instrument by which he was presently to lay so potent a grasp upon life itself was already mastery nature.

In his subsequent review of his career Tolstoy looked back upon the two years from his sixteenth to his twenty-sixth year as the period of his deepest moral degeneracy, sinking almost alternate we can in some sense in his self-judgment, it was probably during the three years from 1847 to 1850, spent at St. Petersburg, that he sank lowest, the brilliant whirl of life in the capital fascinated him, he threw himself with fitful ardour into every kind of society by whom a young and energetic man can be allured, alternating rage for the gaming table with a fever for study, and days and nights of riot with weeks of extravagant asceticism. "I am living a completely brutish life, although not an utterly discreditable one," he wrote in his diary in 1850; and, in truth, the time of an "order" continually disturbed but always ready to reassert itself, of a great moral force somewhere in the background and awaiting its hour to emerge, never wholly disappears. Men whom, consciously beneath me can do wicked things better than I do," he wrote with a disgust that was half that of the unfitted practitioner, and therefore gave up practising things. And if he gambled he made it a rule of honour to play only with the rich, who could afford to lose.

IN THE CAUCASUS.

This period of wasteful competence was cut short abruptly in April, 1851, by one of those sudden impulses which have to be reckoned with at so many points of Tolstoy's career. His elder brother Nikolay, now an officer of some years' standing, had arrived at Yásnaya Polyána on leave of absence from the Caucasus. Lyof seized the opportunity to return to the Caucasus with him. Russia was still engaged in conferring [illegible] mountain country where warlike tribes, particularly the Tcherkesses, defied her with success. Military service had been one of the many passing projects of his [illegible] Petersburg

FRANK LEMANUEL

СТРАНИЦА АНГЛИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ «MANCHESTER GUARDIAN», ПОСВЯЩЕННАЯ ТОЛСТОМУ В СВЯЗИ С ЛОЖНЫМ ИЗВЕСТИЕМ О ЕГО СМЕРТИ. 17 НОЯБРЯ 1910 г.

Фрагмент

Слева — очерк Ч. Херфорда «Лев Толстой. Его жизнь и творчество». Справа — портрет Толстого, гравюра Фрэнка Эманюэля

Ст. Ржевусский поместил в газете «Gaulois» от 17 ноября статью «Смерть Толстого».

«Все формулы восхищения и уважения,— замечал он,— были исчерпаны по отношению к этому великому человеку, равно великому как мыслитель и как писатель〈...〉 Его творчество уникально, поистине несравненно — и остротой проникновения в самые сокровенные подробности, и обширностью целого. Как психолог Толстой равен Шекспиру и Бальзаку. Никто из современных писателей не проник глубже его в человеческую душу».

Из статьи *П. Цифферера* в венской «Neue Freie Presse» от 17 ноября:

«Вся Россия словно осиротела со смертью этого великого русского, нежно и страстно любившего свой народ, который стал нам благодаря ему гораздо ближе. Мы мало знаем Россию. Мы не понимаем, не постигаем ее〈...〉 Но Ясная Поляна стала для нас Россией. Старец Лев Толстой со своей длинной, всклокоченной бородой отшельника, с глазами, сверкавшими из-под насупленных бровей, в своей грубой русской рубахе, казался нам издали олицетворением русского царства. И суровый облик этого анахорета столь глубоко запечатлелся в нашем сердце, что он вечно будет являться для нас своего рода символом».

Из анонимного некролога в том же номере газеты:

«...За волнующим известием о бегстве Толстого последовало известие о его смерти〈...〉 И всюду, куда оно проникло, перед духовным взором

людей воскресал образ Льва Толстого, ибо всюду знаком его облик. Глубокий след оставил Толстой в сердцах всех, кому известна внутренняя борьба и душевные страдания<...>, его образ дорог каждому, ибо каждый прожил вместе с ним часть его жизни, передумал его мысли. И когда Толстой возвышал свой голос, весь мир слушал великого проповедника, не испытывавшего страха ни перед царской властью, ни перед русской Церковью. Каждое из сочинений Льва Толстого после выхода в свет переводилось на все языки мира...».

Брюссельская газета «Etoile Belge» отмечала 17 ноября:

«Смерть Толстого вызывает всеобщую скорбь. Угас один из ярчайших светочей современного сознания. Толстой был не только самой великой личностью современной России. Первоклассный романист, общественный деятель, художник, философ, апостол,— яснополянский старец стоял в первом ряду тех поэтов, о которых Шелли так великолепно сказал, что они непризнанные законодатели мира. Его слова, исполненные милосердия и благородства, летали по земле, пересекая границы; они волновали и заставляли мыслить всех, у кого в груди бьется человеческое сердце».

Стокгольмская газета «Svenska Dagbladet» 17 ноября поместила некролог «Лев Толстой», подписанный инициалами *Т. Н.*:

«Лев Толстой, один из величайших писателей современности, на протяжении последнего полувека главная духовная сила России, ушел из жизни. Весть о его смерти не явилась неожиданностью. Время от времени в последние годы поступали тревожные сообщения о состоянии здоровья могучего старца, но смерть не могла справиться с этим великаном, в полной мере владевшим своими физическими и духовными силами, которыми с такой щедростью и сверх обычной меры одарила его судьба. Значение Льва Толстого как духовного реформатора находится в тесной связи с национальными условиями. Он имел то общее со всеми великими народными вождями, что расовые качества, основные национальные черты, типические определения проявлялись у него с чрезвычайной силой<...>

Как писатель и художник Толстой свидетельствует о молодости своей нации. Он дает о ней представление посредством эпической широты и ясности миропонимания и художественного изображения, путем непосредственного, самой силой жизни убеждающего реализма своего повествования. Он предстает, как мне кажется, единственным подлинно эпическим писателем современной литературы<...> Его крупные романы „Анна Каренина“ и „Война и мир“, как никакие другие произведения современности, несут на себе печать эпической широты, величия и ясности. Но в еще большей степени это бросается в глаза в его изображении крестьянской жизни. В его зарисовках природы живет вся страна, устами его персонажей говорит весь народ, в его книгах сама современная Россия борется и страдает, работает и мечтает, верит и думает.

Каким духовным воспитателем он был и будет для своего народа, нам, европейцам, судить трудно. Для нас, даже если мы прислушивались к его словам как к чему-то далекому, чуждому, он являлся представителем духовных сил своей страны, рост которой мы могли видеть без сомнения и боязни<...> Как писатель он принадлежит всему человечеству»[1].

А. Иенсен писал в тот же день в «Stockholm Dagblad»:

«Толстой, этот великий аскет, нисколько не заботившийся о себе, любил жизнь больше, чем большинство людей; он хотел творить до последней минуты и с детской радостью принимал от жизни все, что она ему еще могла предложить. И жизнь подарила ему много,— гораздо больше, чем выпадает на долю обыкновенных людей<...> Восемьдесят два года — неслыханно долгий жизненный путь для русского писателя: в этом отношении Толстому нет равных во всей истории русской литературы <...>

Если отбросить все неверное, натянутое, нелепое и неестественное, что есть в толстовском восприятии мира, то останется достаточно много того, что мы сможем любить или чем восхищаться в этом человеке. И прежде всего могучей силой личности с ее неслыханным богатством жизни и беспрестанными исканиями правды, справедливости и добра, с ее детской добротой и строгими „требованиями сердечности“».

Литературное творчество, которое Толстой отрицал или думал, что отрицает, останется прекраснейшим и долговременным венком на его могиле<...> И вслед за романами Достоевского произведения Толстого являются наиболее характерным выражением русской духовной жизни и русского образа мыслей. Мимо них не пройдешь равнодушно, если хочешь познать Россию XIX столетия. Мастерские картины культуры времен Александра I в превосходной, хотя и не совсем ровно написанной героической поэме о русском народе — „Войне и мире“, так же как и отличные зарисовки боев в Крыму в „Севастопольских рассказах“ — юношеский гимн фанатического сторонника мира народной защите русской земли! — являются в своем роде такими же русскими, как и непонятные для нас и порою противные разуму сцены в „Крейцеровой сонате“ или романе „Воскресение“.

И высоко над этой словесной архитектурой, подверженной влиянию ориентализма, византизма, руссоизма и западного рационализма, высится здание, которое надолго сохранит имя Толстого в истории мировой литературы: это семейный роман „Анна Каренина“. Выше этого не поднялись ни Толстой, ни какой-либо другой русский писатель-романист, так как здесь слились в гармоническое единство проповедник нравственности и художник».

Из газеты «Mañana» (Мадрид) от 17 ноября:

«Толстой оставил великое наследие в своих книгах и статьях. Его память всегда будет священной для всех голодных и угнетенных; им всегда будут восхищаться люди, способные понять благородный дух его творений, исполненных мира и гармонии, сострадания к слабым и жалости к несчастным...»

«Апостолом социальной революции, художником, чья жизнь более весома, чем его сочинения», назвала Толстого мадридская газета «Pais».

17 ноября о смерти «великого человека» сообщила специальной телеграммой из Петербурга мельбурнская газета «Herald», поместившая в том же номере большую статью о жизни и учении Толстого. На следующий день газета «Age», также издававшаяся в столице Австралии, напечатала статью «Толстой и его деятельность», в которой охарактеризовала великого русского писателя как «наиболее поразительную и интересную личность нашего времени».

«Теперь, когда останки этого гения будут преданы земле,— писала 19 ноября японская газета «Токио нитинити»,— мы утрачиваем последнего представителя идей XIX века. Для оплакивания этой потери должны объединиться все народы мира, хотя убеждения и идеи почившего старца в некоторой своей части не могут разделяться абсолютно всеми<...> В истории человечества не было еще такого человека, который, как граф Толстой, оставил бы столь глубокий след в мыслящей части общества» [2].

* * *

Известие о смерти Толстого вызвало во всем мире ряд политических манифестаций.

17 ноября в Париже состоялось заседание французской Палаты депутатов. По предложению бывшего министра торговли, депутата *Ж. Крюппи*, вскоре ставшего министром иностранных дел Франции, парламент единодушно почтил память Толстого.

Приводим соответствующее место из отчета о заседании:

«*Председатель Палаты депутатов А. Бриссон.* Я получил от г. Крюппи следующий проект резолюции: „Палата, узнав о смерти Льва Толстого, присоединяется к трауру русской нации и цивилизованного мира".

Ж. Крюппи. Когда нации поражены несчастьем или охвачены радостью, представители Франции по благородному обычаю присоединяются — дружеской помощью или приветствием — к их чувствам. Выражаю уверенность, что встречу со стороны всех вас сочувствие сегодняшним сообщением: человеческая мысль только что понесла страшную утрату: Лев Толстой умер. *(Знаки сочувствия.)* Все люди моего времени, все люди нашего поколения жили, мыслили, грезили вместе с ним; у него они научились глубже чувствовать горе людское. *(Аплодисменты.)* Этой мыслью и руководствовался я, представляя текст резолюции, только что прочтенной господином председателем. *(Аплодисменты.)*

Председатель. Г-н министр иностранных дел, задержанный сейчас в другом месте, просит меня сообщить Палате, что правительство присоединяется к резолюции г. Крюппи. Я уверен, что выражу общее чувство Палаты, заявлением о единогласном принятии резолюции. *(Аплодисменты.)*»[3].

Полученное вскоре опровержение ложного известия о смерти Толстого поставило в крайне неудобное положение и газеты, опубликовавшие некрологи, и, в особенности, французский парламент.

«Толстой не умер. Произошла ужасная ошибка,— сообщал корреспондент «Раннего утра» из Парижа.— Трудно передать, какое чувство смущения овладело всеми. Как можно было объявить о смерти живого еще Толстого, продолжавшего еще являть великий пример жизни! Но ошибка шла из России, и русские газеты были, как известно, поставлены в опасность сделать ту же печальную ошибку, если бы они не получили опровержения более своевременно, чем французская печать. В Палате, в кулуарах был вопрос о том, чтобы как-нибудь исправить ошибку. Но Крюппи справедливо заметил, что Палата желала лишь выразить чувство Франции по отношению к русскому гению»[4].

Парламентская манифестация в честь Толстого привела в бешенство реакционную печать. *Э. Жюде* со сдержанной яростью заявил в «Eclair»:

«Автор „Анны Карениной" в известной мере является пророком революции, из которой русское правительство — наш союзник — с грехом пополам выпуталось<...> Депутаты наши поступили бы умнее, если б отклонили игру, которая рисковала быть непонятой или дурно истолкованной. Эта мания лезть по всякому поводу в чужие дела и примешивать литературу к политике является дурным тоном: она представляет опасность или, во всяком случае,— неудобства».

В том же духе откликнулся и *Л. Демулен в* «Gaulois» 18 ноября, открыто осуждая Палату депутатов за публичное чествование памяти писателя с революционными, «нигилистическими» тенденциями, и ряд других реакционных журналистов (ср., например, статью *Г. де Кассаньяка* в «Autorité» от 19 ноября).

П. Юэ Сен Поль писал по поводу парламентского инцидента в «Messager de Paris» от того же числа:

«Как частные лица, депутаты имеют право восторгаться талантом — пусть даже гением — Толстого, соглашаться с его идеями, находить совершенными его теории; они могут, если им угодно, возносить им хвалы в газетах, проповедовать его учение на многолюдных митингах; однако как представители нации они должны были помнить, что их великий человек участвовал в русской революции, что он добровольно выступал врагом учреждений и правительства своей родины».

Газета «Figaro» сообщила 18 ноября, что из Астапова от Толстого была получена накануне телеграмма на имя Бриссона и Крюппи со следующим текстом: «Remerciements anticipés. Tolstoï» («Заранее благодарю. Толстой»). Публикация подобной фальшивки — факт возмутительный и кощунственный.

18 ноября великий французский социалист *Ж. Жорес* напечатал в издававшейся им газете «Humanité» следующее обращение, озаглавленное «Русскому народу».

«От имени Франции французская Палата депутатов вчера воздала Толстому в связи со слухом о его смерти дань уважения, которая, несомненно, глубоко тронет русскую нацию. Между миром идей, волнующих великого мистика, и миром идей, который волнует большинство современных французов, существует огромная пропасть.

Но каким бы образом ни протестовал разум против зол и несправедливости человеческого общества,— будь то бунтарская непримиримость первых времен христианства или же деятельная борьба за права человека,— он преследует одну и ту же цель. И призывные клики будут услышаны по обе стороны бездны.

Толстой, находящийся на смертном одре или же погруженный в одиночество, в котором он желает провести остаток своих дней, никогда, должно быть, не услышит слов, доносящихся из Франции, но они поведают всей России о нашем восхищении человеком, который сумел выразить всю глубину внутренней жизни русского народа. Вот великая дружба, вот великий союз, заключенный людьми, воодушевленными идеалами свободы и справедливости.

Творения Толстого — это один из тех бессмертных родников, у которого в известные минуты встречаются все умы — какой бы тропой ни пробирались они сквозь лесную чащу»[5].

Парижская газета «Temps» в тот же день поместила очередной фельетон своего постоянного обозревателя, романиста и историка, члена Французской академии *Ж. Кларти* — «Парижская жизнь». Значительную часть фельетона он посвятил Толстому — «гиганту, чье имя заполняет теперь столбцы наших газет»:

«Восемьдесят лет! Этот возраст для Толстого уже позади, а судьба старца продолжает тревожить весь мыслящий мир <...> Случалось ли вам видеть во время урагана, как источенный старостью дуб упорно противится бешеным порывам ветра и не покидает кормилицу-землю, из которой свирепая буря хочет вырвать его с корнем? Точно так же и старец Толстой продолжает стоять, словно дуб, то внезапно сникая под натиском недуга, то вновь распрямляя величественный стан и вновь принимаясь писать. За работу! за работу! <...>

Но вот — что за шутка смерти и телеграфа! — до нас доходит другая депеша, которая разом вычеркивает слова, давно уже высеченные на мраморе, написанные еще до того, как на могилу положен надгробный камень.

Толстой не умер! <...>

Величественная фигура Льва Толстого еще властвует над миром. Со смертью этого человека словно мрак спустился бы на землю. Я смотрел на его портрет — где он представлен, как и на его фотографическом снимке, с посохом в руке, с котомкой за спиной, в грубой одежде,— он как бы отправляется в тот путь, который прервется на маленькой станции Астапово. Прямой взгляд, горящие глаза, резко очерченный рот воинствующего пророка,— это паломник, шагающий по степи, сея высокие мысли, неся людям пламенное слово, идущее от самого сердца.

И этот портрет, исполненный поразительного реализма и напоминающий образ легендарного Вечного Жида, поистине символичен. Да, это он, именно он, апостол смирения, всепрощения, милосердия, странник,

преисполненный сострадания. Быть может, поднявшись со своего ложа, к которому Толстой еще прикован болезнью, он вновь продолжит свой путь в пустыне, подобно крестителю Иоанну<...>

Все горячо желают этого, и когда скептическому парижанину вновь сообщат, что „Толстой умер", парижанин больше не станет верить и скажет:

— Он уже давно бессмертен».

Г. Баржере писал в «Evénement» 18 ноября:

«Вчера объявили и затем тотчас же опровергли известие о смерти Толстого, самого великого писателя, который когда-либо был порожден славянскими народами, знаменитого автора „Войны и мира". Померкло яркое и чистое сияние, горевшее над бесконечными степями и освещавшее своим пламенем коллективную душу целого народа<...> Все выражения восторга и благоговения были исчерпаны по отношению к этому великому человеку — равно великому как мыслитель и как писатель. Можно не повторять высказываний о том, в какой степени, с какой силой и полнотой обладал Толстой важнейшими достоинствами гениального писателя: глубиной психологического анализа, постижением характеров, мощью, проницательностью и рельефностью в живописании нравов, воплощением изменчивого миража истории, сильнейшим талантом рассказчика, сочностью и богатством стиля, остротой и оригинальностью философского понимания мира и человеческих судеб, ибо не существует гениального писателя без оригинальной философии, т. е. без цельного мировоззрения. Нужно ли напоминать теперь читателям о всех тех драгоценных, но в сущности нисколько не исключительных качествах, с блеском проявленных Толстым в восхитительных этюдах характеров и нравов, называющихся „Войной и миром", „Анной Карениной", „Детством", „Отрочеством", „Юностью", „Семейным счастием" и „Воскресением", красота которых столь же хорошо памятна французской публике, как и славянским почитателям Толстого. Это чистейшие шедевры Толстого, чудеса поэзии и правды<...> Да, шедевры исключительной наблюдательности, проницательного анализа, грандиозных вдохновений, возвышенных и временами обманчивых стремлений к идеалу правоты и справедливости, недостижимому в сем бренном мире, шедевры, отличающиеся особенной прозорливостью рассказа, благородством чувств и мыслей, глубоко патетичной и трезвой гуманностью<...>

Творчество Толстого кажется нам единственным в своем роде, поистине ни с чем не сравнимым и по остроте передачи самых интимных подробностей, и по громадности целого. Как психолог Толстой равен Шекспиру или Бальзаку. Ни один современный писатель не проникал глубже его в человеческую душу; никто не произносил более мудрых слов, более справедливых суждений и аксиом нравственной жизни, столь правдивых и пронизанных светом. На каждой странице или почти на каждой странице его главных произведений блистают отдельные штрихи— результат нравственных наблюдений,— чрезвычайно значительные и простые и в то же время никем до него не замечавшиеся и бросающие новый свет на глубины человеческой натуры,— так, что читатель вздрагивает от неожиданности и несколько боязливого уважения,— ибо каждый из нас находит в поступках главных действующих лиц Толстого живой образ своих воспоминаний и своего прошлого. И хотя эти произведения поистине бесценны для наблюдателя, для коллекционера мелких психических явлений, и каждая подробность в них ценна и глубоко обоснована,— они являются и самыми грандиозными произведениями нашей эпохи. Только одна „Человеческая комедия" — ибо имя Бальзака всегда приходит в голову, когда речь идет о творческом гении, — может соперничать с романами Толстого по универсальности точек зрения, по величию несколько запу-

COMŒDIA

Rédacteur en Chef : G. de PAWLOWSKI

La Mort de Tolstoï

Lettre perdue

L'éternel sonnet

Camille MAUCLAIR.

СООБЩЕНИЕ О СМЕРТИ ТОЛСТОГО ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ГАЗЕТЕ «COMŒDIA». 21 НОЯБРЯ 1910 г.

Фрагмент

танного целого и вполне законной претензии — отражать всю жизнь современного мира в ограниченной раме литературного произведения».

Жеро-Ришар писал 19 ноября в газете «Paris-Journal» (статья озаглавлена «Восхищение»):

«Больше всего меня восхищает в Толстом блеск его личности, единственной его защиты от всех мстительных сил на его родине. Целых двадцать лет ведет он войну с самодержавием, которое обличает, с армией, которую проклинает, с духовенством, которое осмеивает, с цивилизацией, которой не признает,— словом, со всем своим веком. И что же! Ни царь, ни армия, ни церковнослужители не посмели поднять на него руку<...> Умер он — и уже ни один голос не нарушит российского безмолвия; ни один огонек не сверкнет во мраке этого огромного поля битвы...»

19 ноября в «Matin» была напечатана телеграмма туринского корреспондента, датированная 18 ноября и озаглавленная: «Скорбь Горького»:

«Из Капри сообщают в „Tribuna“, что, получив известие о смерти Толстого (оказавшееся ложным), Горький опасно заболел. Известие это было сообщено писателю вчера около десяти часов. Он побледнел, зашатался и потерял сознание.

За ним ухаживает жена. Горький вынужден был лечь в постель и сейчас находится в крайне подавленном настроении. Он никого не принимает.

Несмотря на серьезное состояние здоровья, он ответил одной из газет, просившей его высказать свое мнение о Толстом, следующей телеграммой: „Я не могу писать о Толстом. Это свыше моих сил“».

Л. Нацци в статье «Прощальное слово Максима Горького о Толстом» (парижская газета «Comœdia» от 22 ноября) привел следующее высказывание Горького, записанное итальянским журналистом:

«„Толстой — это поистине гений великой России ... Никогда душа народа не была выражена с такой силой, полнотой и великолепием, как выразил русскую душу Лев Толстой... Вы увидите, творчество величайшего современного романиста принесет впоследствии плоды и еще дальше раздвинет свою могучую сень. Тогда он не будет казаться, как теперь, только мечтателем, идеалистом. Тогда увидят, что его творчество — я говорю в данном случае о последних его произведениях — глубоко ушло корнями в подлинную жизнь.

Неужели вы думаете, что современники Данте постигали те разоблачения и пророчества, которые содержатся в „Божественной комедии"? Вы, итальянцы, еще и теперь не проникли во все тайны этой вечной музыки. Вы еще не вполне уверены, правильно ли интерпретированы некоторые из темных мест; но по этой-то причине „Божественная комедия" и является не только мировым шедевром, но и основой итальянской цивилизации".

И поскольку репортер „Tribuna" выразил удивление, услышав это признание в невозможности измерить широту и глубину толстовской мысли, Максим Горький сурово ответил, сопроводив свои слова нервным жестом:

„Почему я не могу объяснить творчество Толстого?.. Да потому, что Толстой — Гений... А я — нет!.."»

«Наши критики не обладают подобной скромностью,— добавил Л. Нацци. — Правда, они ничего и не создали...»[6]

Корреспондент «Русского слова», посетивший *А. Франса* тотчас же после появления в печати ложного сообщения о смерти Толстого, получил у него следующее интервью:

«Ваша утрата,— сказал Франс,— утрата для всего человечества. Я глубоко потрясен смертью Л. Н. Толстого. Мы, писатели нынешней эпохи, можем быть сравнены с ним, как микроскоп с телескопом. Л. Н. Толстой видел своими духовными очами не видимые еще нам горизонты. Я могу сравнить Толстого с Гомером. Его будут изучать через тысячелетия. Его якобы утопии уже частью находят себе подтверждение. Старый мир трещит, устои его колеблются. Толстой — пророк нового человечества.

У меня не было непосредственных сношений с великим писателем, но через общих друзей [7] я знал о его симпатии к моим произведениям. Память об этом я сохраню до конца моей жизни.

Л. Н. Толстой предвидел великую гармонию человечества: он желал приблизить жизнь к великим законам природы. Чем в свое время был Вольтер для Франции, тем был и Толстой для России» [8].

Сотруднику парижской газеты «Excelsior» *А. Франс* сказал:

«Я сильно опечален смертью Толстого: это невознаградимая потеря для литературы и всемирной Мысли. Я не был знаком с ним лично, но из рассказов наших общих друзей, высоко его ценивших, я знал, что при личном общении все ощущали невыразимое обаяние этого спокойного, мечтательного характера... ибо Толстой, как и все великие художники, был мечтателем.

Он часто выражал мне свою симпатию и доказал мне ее, переведя „Кренкебиля". Он даже не раз приглашал меня к себе, но я не мог решиться на эту поездку... в России так холодно...»[9]

«Бедный Толстой,— добавил Франс,— его конец печален, даже трагичен: он так любил жизнь. О, я знаю: тому, что Толстой страстно любил жизнь,— не верят, но я скажу больше, он любил ее сладострастно. Толстой был преисполнен сладострастия. Человек, который рассекает, расчленяет окружающее его общество, как делал это великий Толстой, не может не быть влюбленным в завтрашний день.

Иные могут возразить, что аскетический образ жизни писателя отнюдь не служит подтверждением моим словам. А я на это отвечу: есть два

способа любить жизнь. Отдаваться ей целиком, бездумно, позволять ей убаюкивать себя, как убаюкивает немолчное журчание ручейка. Или же — и именно это избрал для себя Толстой — можно укротить жизнь, овладеть ею и покорить ее.

Второй способ свидетельствует даже, по моему мнению, о гораздо большей страстности».

На вопрос, какое из произведений Толстого лучше всех, Франс ответил:

«Без сомнения — „Война и мир", если не считать, однако, „Анны Карениной", которая по своей красоте и гениальности принадлежит уже не Толстому, а всему человечеству».

Ж. Леметр передал в редакцию «Excelsior» для публикации следующие строки о Толстом:

«Это был человек исключительно гениальный и обладавший необыкновенным характером. Он был не просто вождем, он был светочем».

Известный французский писатель и журналист *П. Жинисти* прислал из Парижа в «Etoile Belge» корреспонденцию, помещенную в номере от 17 ноября.

«О, если бы, несмотря на возраст великого русского писателя,— замечал он,— шла речь о каком-либо скандальном приключении, общественное мнение было бы к нему снисходительно. Но отказаться от почестей, избегать рекламы, презирать деньги, мечтать лишь об уединении, в котором можно без помех предаваться суровым размышлениям,— вот что шокирует нас. Толстого резко осуждают в печати. В его действиях видят дурной пример〈...〉 Мы не привыкли к подобным характерам, они превосходят наше понимание — нам легче предполагать в людях слабость и заблуждения».

20 ноября в библиографической хронике газеты «Temps» под рубрикой «Литературная жизнь» была напечатана заметка *Г. Дешана* о Толстом:

«...Весь мир прервал свои обычные занятия и житейские утехи, чтобы прислушаться к тому, что говорят, что делают и на что надеются в комнатке на станции Астапово, где врачи, пытающиеся продлить эту жизнь, подточенную старостью и болезнью, с тревогой следят за слабым дыханием, срывающимся с уст великого старца. Оттуда, с этой крошечной далекой станции Казанской 〈!〉 губернии, в краю башкир и черемисов, бюллетени, составляемые доктором Никитиным, передаются по телеграфу корреспондентами интернациональных агентств более старательно, чем если бы речь шла о какой-либо особе, украшенной пышным титулом и облеченной в официальный сан. Ни один король на смертном одре, ни один расстающийся с жизнью император, ни один министр в смертельном недуге никогда не привлекали к себе столь пламенного общественного внимания, никогда еще мир не ждал с такой надеждой выздоровления человека, который добровольно отрекся от суетности и не занимает никакого места на иерархической лестнице того общества, противоестественность которого он обличал и симметрию которого нарушил одной только силой таланта, высвободившегося из пут тщеславия.

Если бы Толстой возлежал на пышном ложе, в банальной торжественности аристократического дворца, в Санкт-Петербурге или в Москве, он не увидел бы вокруг себя никого, кроме растерянных лиц озабоченной прислуги и огорченных прихлебателей. И в качестве последних даров получил бы лишь лицемерные слезы челяди, уже ищущей нового господина, или жалобные вопли попрошаек, искренно опечаленных тем, что вместе с богатым покровителем они лишаются повседневного пропитания. Но Толстой — нищий, Толстой — скиталец, кончающий свои дни в домике начальника станции Астапово, — этот Толстой более величествен, чем римский патриций, более царствен, чем Цезарь, более оплакан, чем любой властелин, чье могущество распространяется только на низменные сферы

бренных и преходящих явлений. Духовный властитель бессчетного числа навсегда покоренных им сердец, автор „Анны Карениной", „Войны и мира", „Воскресения" и комментария к Евангелию, в горестной болезни и в торжественном апофеозе сбирает ныне высокую дань своему признанному величию. Преждевременное известие о его смерти дало ему возможность ощутить, как неразрывно связана его жизнь со всем существованием современного человечества. Разве позавчера не явились мы свидетелями того, как вся Палата депутатов объединилась в едином порыве, чтобы почтить память знаменитого писателя, который ни в своих призывах к правителям, ни в советах тем, кем они управляют, никогда не претендовал на какую-либо роль в политике. Имя Толстого перелетает из уст в уста и звучит в ушах у множества людей — даже тех, кто никогда не читал ни „Хозяина и работника", ни евангельских рассказов» [10].

Глава III

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ. — ФРАНЦИЯ

20 ноября н. ст. агентство Рейтер передало на этот раз уже достоверное сообщение о кончине великого писателя.

«Весть о смерти Льва Николаевича пришла сюда утром, уже после выхода газет,— писал из Парижа корреспондент «Русского слова» 20/7 ноября,— и была сообщена особыми экстренными выпусками. Хотя к печальной вести все были подготовлены, она произвела потрясающее впечатление» [1].

«Сегодня вся французская печать<...> полна статьями о Толстом <...> Смерть его единодушно рассматривается как утрата, понесенная человечеством,— отмечал парижский корреспондент «Русских ведомостей».— „Меньше света стало в мире",— пишет „Comœdia", орган, посвященный искусству. „Не было человека,— говорит „Journal des Débats",— смерть которого в равной мере потрясла бы весь мир» [2].

Ряд парижских газет выступил с предложением почтить память Толстого, назвав его именем одну из улиц в Париже и установив мраморную доску в Пантеоне. Аналогичные предложения о названии именем Толстого улиц и площадей высказывались и в других европейских столицах.

21 ноября газета «Humanité» открылась следующей статьей *Ф. Рибаса*, озаглавленной «Толстой умер»:

«Как ни относиться к идеям и творческому наследию Толстого, нельзя не склонить головы перед величием души и воинственной энергией, которые проявлены им на протяжении всей его жизни. Ибо даже в свои последние годы, в период болезненного мистицизма, которым он стремился окончательно отгородиться от мира, ум Толстого не знал передышки: он неустанно боролся со всем, что считал дурным, во имя того, что считал высшим совершенством.

И мы восхищаемся и выражаем свое уважение к скончавшемуся великому русскому апостолу за то, что он являлся воплощением энергии и моральной честности, за то, что он был человеколюбцем, просветителем народа и альтруистом.

Пусть мы не можем принять иные из его концепций — какое это имеет значение? Что нам до его взглядов на вопросы пола, до его учения о непротивлении? Какое нам дело, что он, заблуждаясь, искал истину в христианстве?

Для нас *важно*, что Толстой, подобно нам, подобно всем тем, кто любит справедливость и гуманность, стремился заменить то устройство общества, при котором властвуют раздоры, ложь и насилие, новым порядком вещей, при котором будут царить согласие, правда и братство.

Вот почему мы видим в смерти великого писателя, талант и душа которого озаряли от края до края весь цивилизованный мир, утрату для всего Человечества, утрату, которая будет со скорбью воспринята каждым благородным человеком!» *

«Толстого нет более. Почти сверхчеловеческая борьба последнего из пророков со смертью, вызывающая мысль о библейской борьбе Иакова с Ангелом, к утру окончилась...», — известила читателей 21 ноября в редакционной статье газета «Temps». В том же номере была помещена статья известного историка литературы и переводчика «Воскресения» *Т. Визева* «Граф Лев Толстой».

«После восьмидесятитрехлетней жизни, скромной и мужественной красотой которой нельзя не восхищаться,— писал Визева,— графа Толстого постигла смерть — самая прекрасная, какую он только мог желать. Он пал именно в тот момент, когда впервые за целых двадцать лет ему удалось, наконец, привести свои поступки в согласие с собственным учением; и даже если допустить, что какая-то доля старческого помрачения разума примешалась к другим мотивам, внушившим ему мысль о бегстве, которое стало отныне знаменитым, то и тогда это бегство останется великолепным подвигом освобождения, подъема, благородным порывом великой души к достижению своего идеала. Благодаря этому трагическому бегству старца нам открылось то, что осталось бы неизвестным, если бы Толстой умер несколькими днями ранее. Мы узнали о том, как он страдал, как боролся в продолжение двадцати лет, как тяжек был для него светский образ жизни, с которым, думали мы, он кротко примирился. Теперь мы знаем, какое мужество понадобилось ему, чтобы сбросить цепи, которыми он был привязан к этому существованию, и чтобы влачить эти цепи из года в год, тогда как все живые силы его существа побуждали его, сознавал он это или нет, высвободиться от них».

Влияние Толстого, по словам Визева, якобы заметно уменьшилось в течение последнего времени, и для славы писателя было бы лучше, если бы он умер годами десятью ранее, «в час, когда неожиданный триумфальный успех „Воскресения" доказал нам, что ум его и сердце деятельней, чем когда бы то ни было, что благородный его гений ему не изменил, так как последующие годы значительно ослабили это впечатление<...> Боюсь, поэтому, что ныне мы не ощущаем смерть графа Толстого как острое, личное горе каждого — что, несомненно, произошло бы лет десять тому назад. Однако рядом с яснополянским помещиком, чей образ за последние годы несколько поблек в наших глазах, находился живой символ славы и гения, чья смерть не может не быть единодушно оплакана во всех уголках Земли. При этом известии Россия и вся Европа почувствуют, что внезапно образовалась глубокая пустота, которую отныне ничто не в состоянии будет заполнить. Мы поймем, что человечество лишилось своего последнего великого человека, который вчера еще, несмотря на свои слабости, царственно возвышался над всеобщей посредственностью, подобно тому как массивный готический собор возвышается над унылым однообразием какого-нибудь рабочего поселка. Бессознательно делая все, чтобы разрушить наше представление о своем превосходстве, Толстой тем не менее по-прежнему оставался в наших глазах высшим воплощением легендарной породы гениев. Пред непрекращающимся ростом банальности и пошлости нас утешало сознание, что хоть где-то, вдалеке, в глубинах России, старец в блузе, с бородой пророка, упорно продолжает жить, что он хранит в себе искру священного огня<...> Но вот и он ушел в свой черед, и я уверен, что не найдется ни единого человека среди русских и

* Отметим, что помещенная 23 ноября в «Humanité» корреспонденция из России о «скорби» Николая II в связи с кончиной Толстого была озаглавлена редакцией: «Крокодиловы слезы».— *Л. Л.*

иностранцев, среди набожных и атеистов, среди образованных и невежественных, для кого эта смерть не явилась бы почти личным горем, кому она не принесла бы ощущения, что наша нравственная атмосфера сделалась более смутной и удушливой».

В газете «Peuple» от того же числа мы читаем: «Смерть Толстого погружает в траур не только литературный мир, но и все человечество, которому он с глубокой верой и поразительным талантом проповедовал религию братства. Он был одновременно гениальным романистом, поэтом, художником и апостолом высоких идей. Угасла, исчезла прекрасная и благородная жизнь, но она оставила за собой след, сверкающий и глубокий».

Сообщая читателям о смерти Толстого, французский критик *Ж. Эрнест-Шарль* писал в парижской газете «Excelsior» 21 ноября:

«Толстой принадлежал к числу тех чрезвычайно редких современных писателей, которых читают во всех странах, которыми всюду восхищаются, о которых всюду говорят и спорят и которые благодаря престижу своего литературного гения оказывают на умы и души людей духовное и нравственное влияние. Это влияние и международный авторитет — явление, ныне почти нигде не существующее <...> Мы по-прежнему бесконечно ценим вдохновенный гуманизм творчества Толстого и с гордостью думаем о том, что не остались совершенно чужды этому гуманизму. Мы повторяем слова Жюля Леметра: „Разве тот энтузиазм, с которым мы восприняли и прославляли гуманизм русского романа и норвежской драмы, с их любовью и состраданием к ближнему, не доказывает сам по себе, что эти чувства уже таились в нас и что этот гуманизм только помог нам распознать их в себе!“

Пусть же творчество Толстого, освобожденное от крайностей, к которым его привело в последние годы буйство ума и духа, творчество, несравненными литературными достоинствами которого мы не устанем восхищаться (хотя, быть может, нам и хотелось подчас, чтобы в них было больше уравновешенности, стройности, порядка), пусть же, повторяем, это творчество поможет нам сохранить в себе ощущение того, что составляет силу нашей литературы в глазах всего мира! Благодаря Толстому мы соприкоснулись с русской душой. Благодаря могуществу его творений мы сумели лучше понять владычество нашего собственного искусства. Творчество Толстого одновременно национально и общечеловечно, оно царит над всеми умами во всем мире».

Ж. Бурдо писал в «Journal des Débats» 21 ноября:

«С уходом Толстого исчезает личность, которая столь же ярко представляла свой народ и свою эпоху, как Вольтер, Гете, Виктор Гюго. В нем чудодейственно слились реальность и мечта. Книги его — это плоды не простого мастерства, а страстного вдохновения, в котором сверкает таинственная искра пламени, озаряющего священные книги. Черты лица богоподобного и неотразимого яснополянского апостола, его длинная борода патриарха, его беспокойный, волнующий взгляд навсегда останутся запечатленными в памяти народной. Толстой был святым от литературы».

«В конце Толстого, как во всей его жизни,— отмечалось в газете «Matin», — много необычного. Он порвал с кроткой и грустной традицией умирания, которой придерживаются старцы, мирно угасающие у своего очага, где их грела любовь. Можно подумать, что последний скачок вознес его к вершинам, что он свалился обессиленный на перевале, собираясь идти дальше, и предпочел скорей умереть, чем смириться и вновь спуститься вниз».

П. Буайе сказал корреспонденту:

«Как филолог я преклоняюсь перед богатым вкладом Толстого в русский язык. Перед опубликованием „Власти тьмы“ Толстой рассказывал

мне, как он странствовал среди простого народа, записывая меткие, крылатые слова народного языка. Смерть Толстого — утрата для всего цивилизованного мира»[3].

21 ноября Буайе поместил в газете «Temps» большую биографическую статью о Толстом, завершив ее следующими строками:

«Человек этот был достоин своих творений, но отразился далеко не весь в том, что им было написано. Он принадлежал к числу тех исключительно редких гениев, к которым достаточно лишь приблизиться, чтобы сразу же понять их и полюбить, — так именно, как их и должно понимать и любить <...> Никто из тех, кого он принимал в своем яснополянском доме, никогда не забудет ни с чем не сравнимое впечатление силы и спокойствия, которые оставлял о себе великий старец, такой удивительно простой, безгранично искренний, такой снисходительный к слабостям, от которых он сам сумел освободиться».

Романист *О. Мирбо* заявил корреспонденту:

«Гигант мировой литературы, свое преклонение перед которым я высказывал еще при его жизни, оставит глубокий след во всем мыслящем человечестве. Красной нитью через все его произведения проходят любовь и сострадание к людям. Художник-психолог, чего бы он ни касался — любви, вечности, смерти, войны, — всегда находил он яркие образы. Он был для нас „северным сиянием“»[4].

Романист и драматург *А. Батайль*, автор инсценировки «Воскресения»:

«Известие о смерти Льва Николаевича Толстого вызывает во мне чувство, которое испытываешь, слушая могучие удары вагнеровской „Смерти героя“. Толстой был великим знатоком человеческого сердца. Подобно Моисею, который добыл из скалы воду ударом жезла, он, зная сущность коллективного человеческого сердца, окаменевшего в эгоизме, силился добыть из него струю живой воды милосердия к ближним»[5].

Paris-Journal

Les yeux de Tolstoï

DIMANCHE

APRÈS COUP

LA CRUE DE LA SEINE

LE MAXIMUM EST-IL ATTEINT ?

СТАТЬЯ Г. МУРЕ «ГЛАЗА ТОЛСТОГО», НАПЕЧАТАННАЯ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ГАЗЕТЕ «PARIS-JOURNAL» ОТ 20 НОЯБРЯ 1910 г. В СВЯЗИ С ИЗВЕСТИЕМ О СМЕРТИ ПИСАТЕЛЯ

Фрагмент

Слева, в тексте статьи, портрет Толстого с его автографической надписью: «Léon Tolstoy. 1904, 27 Novembre»

Ж. Ришпен:

«Старый лев сделал последний скачок навстречу неизвестному, освободившись от всех семейных уз перед смертью. Пройдут века, и человечество оценит сокровища, вложенные Толстым в мировую мысль и мировую литературу. Такие гении рождаются редко» [6].

И. И. Мечников:

«Хотя и можно было ожидать этой скорбной вести, все же она очень тяжела. Теперь я могу сказать вам об одном секрете, который мне открыл Лев Николаевич, когда я был у него в Ясной Поляне. В беседе за столом я сказал, что высоко ценю деятельность Льва Николаевича как художника, но не разделяю всех его философских концепций. Лев Николаевич под величайшим секретом сообщил мне, что он пишет беллетристическое произведение из эпохи революции. Я указал ему на печатавшуюся в „Русской мысли" повесть В. Рошшина (Савинкова) „Конь бледный". Льва Николаевича влекло желание дать нечто вроде второй части гетевского „Фауста". Свидание с Львом Николаевичем оставило во мне впечатление, что его ясный ум по-прежнему оставался могучим, нетронутым. Я высказал Льву Николаевичу, что его произведения в серьезные минуты моей жизни были мне поддержкой.— Да будет легка земля великому гению!» [7]

Скульптор *Н. Л. Аронсон* (разрыдавшийся при известии о смерти Толстого):

«Когда я впервые приблизился к Толстому, меня поразили, прежде всего, его глаза. Проникавший в душу и сердце его взгляд точно звал вас к исповеди. В нем была глубина, в которую обыкновенный смертный страшился заглянуть. Толстой не хотел позировать, и я урывками схватывал его черты, ибо во мне было глубокое сознание, что я делаю великое дело и что в течение тысячелетий человечество сохранит образ полубога, сошедшего на землю»[8].

20 ноября в газете «Paris-Journal» была напечатана статья, озаглавленная «Глаза Толстого», автор которой, писатель, искусствовед и переводчик *Г. Муре*, описывал свое посещение Ясной Поляны в конце 1905 г. Наиболее интересную часть статьи составляет описание внешности Толстого, сделанное ярко и выразительно, но с несколько утомительной эмоциональностью. Часы, проведенные у «величайшего из живущих ныне людей», «последнего пророка, последнего героя современной мысли», остались автору памятными на всю жизнь.

В газете воспроизведена фотография Толстого, по-видимому подаренная им Муре, под которой им подписано: «*Léon Tolstoy. 1904. 27 Novembre*».

В интервью, данном скульптором кн. *П. Трубецким* корреспонденту «Journal», содержатся следующие воспоминания о Толстом (21 ноября):

«Да, я видел Толстого нынешним летом. Я нашел его молодым, крепким, смелым. Он ничего не изменил в своем образе жизни. Ежедневно совершал он в одиночестве прогулку, как и прежде〈...〉 Нет, он не похож был на человека, которому суждено вскоре умереть. Однако он думал о смерти. Вспоминаю, однажды мы проезжали с ним, как всегда, верхом, через цветущие луга. Начиналась весна. Толстой долго смотрел на набухшие древесные почки, на синее небо, на светлую влагу, сверкавшую в траве. Казалось, его взгляд хотел вобрать в себя всю эту живую свежесть и выпить ее. „Никогда,— сказал он мне,— я не чувствовал, как сегодня, всю эту красоту. Я сильней ощущаю эту неумирающую прелесть теперь, когда вскоре должен все это утратить!" Это были, как мне кажется, единственные грустные слова, произнесенные им в моем присутствии...» [9]

Видный либеральный политический деятель, основатель Международной лиги Мира, *Ф. Пасси* сказал корреспонденту:

«Роман „Война и мир" Толстого был толчком для развития идеи мира, апостолом которого он являлся. Его проповедь любви сделала много для распространения идеи мира» [10].

Он же писал в «Excelsior»:

«Благодаря Толстому мы лучше поняли многие мечты и идеи наших собственных художников. Благодаря ему мы узнали душу великого русского народа. Произведения Толстого национальны и в то же время принадлежат всему миру, всему человечеству».

Находившаяся в Америке знаменитая французская актриса Сара *Бернар*, узнав о смерти Толстого, заявила журналистам, что испытывает глубокое огорчение. «Я хорошо знала Толстого и испытывала к нему чувство глубокого восхищения», — сказала Бернар. «Человечество потеряло апостола, а Россия лишилась гения». Артистка прибавила, что ее мечтой было посетить Ясную Поляну[11].

Известный писатель, член Французской академии *П. Бурже* выступил в «Matin» 21 ноября со следующим высказыванием:

«Философия Толстого всегда казалась мне лишенной всякого значения. Постоянно ощущалась странная диспропорция между его *способностью видеть*, в высшей степени развитой, и способностью *осмысливать* свои наблюдения, которая была у него в детском состоянии. Этим необычайным контрастом и объясняется бессвязность воззрений, которые он нам высказывал уже с давнего времени. Только престиж его писательского таланта мог заставить нас принимать всерьез его бредни, которые, как мы могли убедиться, принесли столько же зла ему самому, как и другим».

Бурже не ограничился этим кратким выступлением и развил свои мысли о Толстом в обширном некрологе, напечатанном в тот же день в виде передовицы в газете «Echo de Paris» под названием «Толстой». Проявив полное непонимание новаторской роли Толстого в истории европейского романа, он пытался — впрочем, с рядом оговорок — изобразить великого русского художника чем-то вроде фотографа, умеющего схватывать только внешние подробности и отдельные моменты внутренней жизни человека.

«Недавно умерший знаменитый русский писатель,— писал Бурже,— был слишком гениален и занимал в современном общественном мнении место слишком высокое, чтобы можно было в одной газетной статье полностью обрисовать его сложную и могучую личность. Мне хотелось сегодня только наметить отдельные ее черты. Эта долгая, более чем восьмидесятилетняя жизнь словно распадается на два отрицающих друг друга периода: период писателя-романиста и период апостола. Однако при более пристальном изучении Толстого убеждаешься в том, что здесь было не противоречие, а логика. „Война и мир“ и „Анна Каренина“, эти шедевры зрелого Толстого, предвещали одним уже своим построением то глубокое нарушение внутреннего равновесия, которое неизбежно должно было привести к трагическому интеллектуальному банкротству последних двадцати пяти лет его жизни. Попытаюсь объяснить, почему это произошло, и выявить то поучительное, что содержится в этом печальном конце художника, столь же великого, сколь и несовершенного.

Когда Мопассан был еще юношей,— он часто впоследствии мне об этом рассказывал,— Флобер подвергал его жесткой выучке, заставляя рассматривать какой-нибудь предмет до тех пор, пока он не постигнет, в чем его неоспоримое своеобразие. „Вот сейчас там, на углу, стоит множество извозчиков,— говорил он. — Ни один из них не похож на другого. Выйдя на улицу, понаблюдай за ними. И принеси мне сто строк, в которых будет охарактеризован каждый из них“. Я не прочел ни одной страницы Толстого, не вспомнив этот анекдот. Это и есть определение его творчества и его таланта. Никто не обладал такой способностью останавливать перед собой чье-либо лицо, какую-либо позу, пейзаж, чтобы извлечь из них выразительную, характерную деталь, и уж потом это лицо, позу, пейзаж не спутаешь ни с какими другими. Эта способность проявлялась не только

в изображении внешнего мира, но и мира внутреннего. Тончайшие чувства всех персонажей, о которых рассказывает Толстой, выявлены и обозначены с несравненным знанием оттенков и особенностей.

Он не только умеет показать отличие одного человека от другого, как бы схожи они ни были между собой, он показывает, каким различным бывает один и тот же человек. Подобно тому как в лесу не существует двух одинаковых листьев, не существует и двух одинаковых переживаний в одном и том же сердце. Толстому удавалось видеть это многообразие и делать его ощутимым для других. Это проникновение, это стремление к индивидуализации придают сценам, свидетелями которых он делает нас, подлинную жизненность. Безухов, князь Андрей, Наташа, Левин, Анна, Вронский находятся здесь, в этой комнате. Мы не просто верим в них. Мы их видим воочию. Если бы писательское искусство заключалось только в воссоздании образов, Толстой не имел бы равных. Но достаточно сравнить его с другими мастерами, с Бальзаком, Мольером, Шекспиром, чтобы признать, что у него отсутствует другое достоинство, без которого не может быть законченного шедевра. Это достоинство классическая риторика обозначала очень скромным термином: композиция. „Жизнь холостяка", „Тартюф", „Гамлет" — привожу первые попавшиеся названия — обладают композицией. Это произведения самых различных жанров. Но им свойственна одна общая черта: в них есть середина, начало, конец, точка зрения. Вспомните для контраста „Войну и мир" и „Анну Каренину", эти повествования, которые могли бы продолжаться до бесконечности, в которых эпизоды следуют один за другим, как кадры в кинематографе, без постепенного развития, без перспективы, без общего плана,— это картины, освещенные одинаковым светом, который выявляет в них малейшую подробность, но все они равны по значению. И вы поймете, что при всей своей силе Толстой, в сущности, талант бесформенный, варварский, неотшлифованный, вызывающий мысль о набросках Микеланджело〈...〉 Ибо композиция — это не только литературное достоинство, но и свойство ума — нет, что я сказал? — это самый ум〈...〉

Итак, уже сама фактура этих произведений свидетельствовала в Толстом его лучших лет о диспропорции между силой ви́дения и умением осмысливать увиденное〈...〉

Могучий художник „Войны и мира" знал своих персонажей, столь рельефно им обрисованных, только, если можно так выразиться, в текущий момент. Их душевное состояние ему всегда являлось как полная и конкретная данность и никогда — как результат. Он никогда не представлял их себе в предшествующих событиях, в прежних условиях жизни. Этот талант индивидуализации, который я выше обозначил как высший дар его разума, вытеснил способность к обобщению〈...〉

За то, что он хотел искать веру там, где ее нет и быть не может, в гордом и одиноком Разуме, Толстой приходит к тому злу, которое столь упорно стремится избежать: к эготизму, который поначалу у него имел характер чувственный и великосветский, а подконец — мистический и сознательно грубый. Но эготизм продолжает оставаться эготизмом — это доказывает та тревога, в которой протекли его последние дни. Столько доброй воли — и так мало покоя, так мало того ясного света, сияние которого озаряет на пороге смерти тех, кто ощущает себя в согласии с вечной истиной. Это бегство из родного дома накануне смерти, это крайнее беспокойство, которое гонит его по заснеженным дорогам в поисках последнего убежища,— как это все символично! И, читая эти мрачные подробности, я вспоминаю так ясно, будто это происходило вчера, Тургенева, рассказывающего о Толстом в гостиной у Тэна, который жил тогда напротив собора св. Фомы Аквинского в теперь уже снесенном доме. Тогда-то я в первый раз и услышал это имя, в то время у нас еще не известное. Автор „Отцов и де-

тей" с пламенной щедростью художника раскрывал для нас великолепие „Войны и мира". Я и теперь словно слышу, как он читает то место, где Толстой, чтобы создать ощущение деревенской ночи, рисует птичку, улетающую в такой тишине, что слышно, как шуршат, соприкасаясь, кончики ее крыльев...»[12]

Аналогичные мысли высказал в «Nouvelle Revue» от 1 декабря *А. Шерве*, утверждавший, будто творения Толстого «значительны, но фрагментарны»— «все у него загромождено деталями и общая картина не создается» (несколько ранее автор статьи отмечал, что «произведения Толстого не лишены единства»). «Реализм его ви́дения,— продолжал Шерве,— вредит реальности литературного воплощения». «Но то, что кажется немощью, когда речь идет об отдельном характере,— добавлял, впрочем, Шерве,— оказывает писателю огромную услугу, когда он рисует массы, толпу, народ〈...〉 Воображение Толстого — одновременно рассредоточенное и всеобъемлющее — сделало его великолепным живописцем народных масс...» Французы не имеют ничего равнозначного «Войне и миру»,— отмечал Шерве.— «Никогда наши военные поражения и отторжение наших территорий не вдохновляли нас на произведение, подобное „Войне и миру". Мы могли бы сопоставить это про-изведение только с „Разгромом" 〈Э. Золя〉, но лучше избежать этого тягостного сравнения».

Мы уже говорили выше, что падкая до скандалов желтая пресса, а вслед за ней иногда и органы печати, претендовавшие на серьезность и беспристрастие, фиксировали внимание на семейной драме Толстого, стараясь придать всей истории его ухода характер «скандала в благородном семействе».

Г. Обре напечатал 21 ноября в газете «Libre Parole» статью «Ложный пророк», в которой с преувеличенным усердием старался предохранить «честных французов» от «идолопоклонства перед Толстым», этим «ложным пророком», память которого окутывают со всех сторон «золотистым облаком ладана». Не оспаривая гениальности Толстого как писателя, Обре заявлял, что проповедь Толстого была исполнена фальши, а поведение его в жизни отличалось крайней непоследовательностью.

Известный журналист и искусствовед *К. Моклер* в темпераментной статье «Замолчите!», напечатанной в тулузской «Dépêche» 28 ноября, резко осудил не только пошлые высказывания бульварной печати по поводу смерти Толстого, но почти всю французскую прессу, откликнувшуюся на это событие:

«...Мы присутствуем при печальном зрелище, которое возобновляется каждый раз, когда умирает человек огромного масштаба. С болью в сердце, с неимоверной скорбью и с некоторым отвращением видим мы, как шестьдесят лет гениальной творческой деятельности и веры подвергаются суду — да, суду — тех ничтожнейших существ, которые не оставят после себя ровным счетом ничего. Эти рыщущие по следу ищейки подготавливают свои „репортажи" и поджидают роковой депеши. Нам довелось даже стать очевидцами неслыханного скандала: увидеть мерзкую досаду людей, поторопившихся уже утром тиснуть состряпанные ими некрологи, а несколько часов спустя узнавших, что величественный старец, богоподобный пилигрим, которого болезнь свалила в пути на крохотной, жалкой железнодорожной станции, еще упорно держится за жизнь. Он не посчитался с злободневной хроникой,— писатель, драматург, создавший „Власть тьмы", испортил им драматический эффект, и, похныкав утром, к вечеру они стали браниться. Затем, когда смерть, наконец, все же явилась, чтобы вознаградить их за ущерб, нанесенный престижу газетной хроники, они вновь снизошли до благосклонности и еще ожидают благодарности за то, что удостоили Толстого „хорошей прессой". Конечно, эти бульварные судьи, эти философы из отдела хроники мудро подметили, что мистицизм апостола не

совпадал с требованиями здравого смысла, хорошего тона, моды и повредил славе его романов. Но подведя итоги и разграничив сильные и слабые стороны Толстого, они все же позволили ему пребывать в положении знаменитости...

Рассматривая все, что в последнее время было написано, исключая в известной мере провинциальную прессу, проявившую и на этот раз особое чувство достоинства, умения себя держать и такта[13], по сравнению с бульварным журнализмом, который обладает — увы! — столь поразительным остроумием,— мы с изумлением констатируем, что ни один из подписавших свое имя под статьями, по-видимому, не постеснялся выразить в нескольких торопливых строках свое мнение о столь великом покойнике, никто не почувствовал, что один лишь факт согласия трактовать подобный сюжет в отделе хроники представлял собой оскорбление разуму. Надо быть Горьким, чтобы почувствовать это[14]. Свершившееся событие должно было быть ознаменовано полным молчанием или только биографическими статьями и цитатами из трудов Толстого. Никаких критических комментариев, и в особенности комментариев нравственных,— поскольку речь идет о таком человеке, как Толстой, который к концу своей жизни возвысился до роли истинного пророка. Неужто маниакальная жажда информации, свирепая погоня за сенсацией, разъедающая нашу эпоху, вытеснит даже уважение к разверстой могиле?! Эти пигмеи—любители „фактиков" — извлекают из могил несчастные останки великих покойников и шарят в их саванах, надеясь отыскать что-нибудь неизвестное, курьезное, любопытное (это они называют разъяснением генезиса произведений методом научной психологии), либо же пристают к великому человеку на смертном его одре, когда он готовится покинуть этот мир, и с помощью телеграфа швыряют на потребу толпе фотографии и репортажи с приложением собственного „особого мнения". Это отвратительно, смехотворно и бесконечно грустно. Наступило время, когда великие люди должны пугливо прятаться, чтобы иметь возможность спокойно умереть.

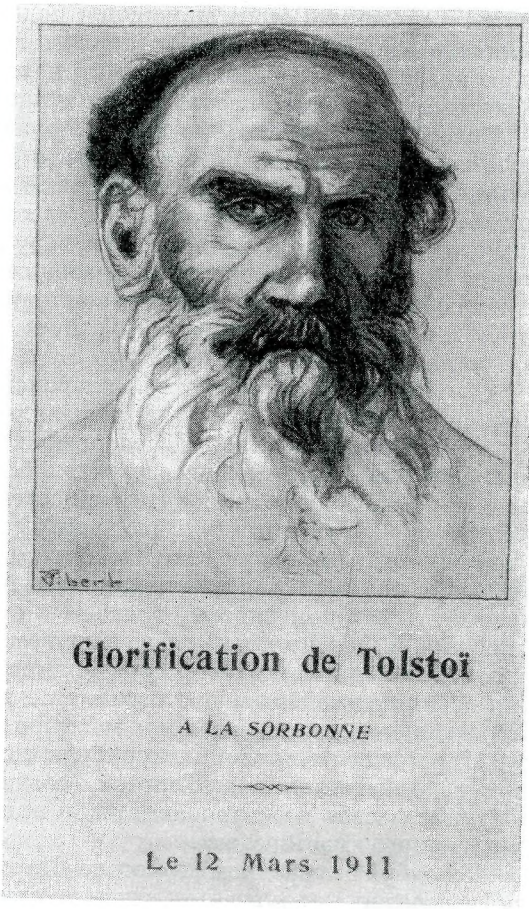
Толстой тоже жаждал этого, но силы изменили ему. На глазах всего мира разыгралась трагедия, более ужасающая и величественная, чем в „Короле Лире", и вместо того чтобы целыми сутками обсуждать бесконечно глубокие причины, сделавшие этого гениального писателя евангелистом; вместо того чтобы разъяснять, отчего „Анна Каренина" является высочайшей вершиной мирового романа,— было бы куда уместнее попросту предложить всему цивилизованному человечеству поразмыслить над величественной драмой Исхода. Более патетической драмы не найти ни у Эсхила, ни у Шекспира, ни у Гете. Это последний эпизод Страстей господних, и жалкая, маленькая станция Астапово, ставшая отныне бессмертной,— это последний этап его крестного пути〈...〉

В этой необычайной, слишком возвышенной для нашего времени драме было все, вплоть до мрачного тупоумия Святейшего синода, который, отлучив этого еретика от церкви, произвел его в святые точно так же, как анафема фарисеев сделала пророка Иисуса богом. Мы являемся свидетелями такого союза скорби и красоты, такого сверкающего и грозного духовного конфликта, которые, быть может, более поучительны и наводят на более глубокие размышления, чем вся литературная и апостольская деятельность яснополянского отшельника〈...〉

Но что нам за дело до статеек, до интервью здравомыслящих академиков и высказываний литераторов, до анекдотов, подобранных бесстыжей хроникой, до жалких, смехотворных репортерских заметок? Нет более на свете великана, которого его старший сотоварищ Микеланджело поместил бы на плафоне Сикстинской капеллы среди своих пророков и сивилл; нет уже человека, которого его старший собрат Бетховен проводил бы в могилу звуками похоронного марша Героической симфонии. Но его уход и

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ НА ТРАУРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПАМЯТИ ТОЛСТОГО В СОРБОННЕ 12 МАРТА 1911 г.

Лицевая сторона. Рисунок художника Пьера Вибера
Музей Толстого, Москва



смерть завещают нам неустанные размышления о смысле жизни — они являют собой трагедию, превосходящую по силе все, что было им создано, истинное чудо, надрывающее душу и неповторимое. Вот о чем следовало бы нам поразмыслить. А затем — молчание, молчание Максима Горького, горестное молчание перед великим событием, символическим и таинственным, склоненные головы и молчание — ничего, кроме молчания».

Профессор Сорбонны *Г. Сеайль* писал в парижской газете «Courrier Européen» 25 ноября:

«...Толстой многократно доверял „Courrier Européen“ публикацию некоторых своих манифестов ⟨...⟩ Как смерть Бьернсона, его смерть является для нас глубочайшим горем. Вместе с ним навсегда умолк великий голос, который звучал во всеобщем молчании, слышимый повсюду, и выступал против всех форм насилия и несправедливости.

В Толстом мы теряем одного из тех людей, которые придают смысл слову *человечество*. Являясь голосом своего народа, выражая его самые глубокие стремления, он говорил всеобщим языком ума и сердца, привлек к себе внимание других народов, он заставил их сосредоточиться, лучше узнать самих себя, понять, что существуют чувства, гораздо более глубокие, чем различие во взглядах, и проблемы, встающие в сознании всех людей. Вот почему в самодержавной России могли запрещать его сочинения, даже уничтожать их, но не могли заставить его замолчать, а тем более — бросить его в тюрьму, сослать его в Сибирь. Он жил свободным на порабощенной

земле. Толстой в России находился под охраной всего человечества, того великого общества, которое уже существует, раз оно может предписывать царю оказание всех необходимых атрибутов уважения старцу, избранному обществом в качестве своего вождя и представителя〈...〉

Толстой не менее велик своей искренностью, чистосердечием, благородством. Его нравственность сыграла свою роль в его славе. Герои его великих романов занимались поисками правды, которая, как он считал позднее, была им найдена〈...〉 К своему отказу подчиниться царящему злу его учение присоединяет новую веру и подымает выше всего то, что не может быть ничем заменено,— справедливость и любовь, которые представляют собою подлинный смысл и воплощение человеческого прогресса»[15].

Автор анонимного некролога в парижской газете «Siècle» от 24 ноября заявил:

«Все события литературной современности стушовываются перед величайшим несчастьем, которое поразило сейчас русский народ и вместе с ним все человечество. Исчезновение величайшего гения славянского племени было встречено повсюду с глубокой скорбью, которая не утихает не только на родине знаменитого писателя, но и во всем мире. Долго еще страдающие и раненные судьбою души будут чувствовать эту безвозвратную утрату, долго еще творчество Толстого, ставшее бессмертным при его жизни, будет осознаваться как неистощимый источник, вечно благотворный и чистый, в котором скорби, тревоги и стремления людские будут искать утешения и забвения, как нигде в другом месте〈...〉Автор „Войны и мира“ был величайшим писателем своего времени и своей родины, ибо он обладал всеми важнейшими достоинствами, характеризующими литературный талант, и он обладал ими в полной мере и в такой степени, что, возможно, в истории всей мировой литературы не найти равного явления〈...〉

Да, действительно, Толстой создал несравненные произведения, соединив в себе все дарования, всю привлекательность, все обаяние литературного мастерства».

25 ноября в очередном фельетоне «Парижская жизнь» («Temps») *Ж. Кларти* воссоздал характерные сценки, свидетельствовавшие о сильно возросшем интересе парижан к Толстому:

«Все продавцы распространенных изданий, уличные газетчики, привлеченные ради экстренного случая к продаже книг Толстого, рекламировали их так, будто дело шло о вульгарных бульварных „приманках“, а не о произведениях гениального человека, выпущенных дешевыми изданиями и продаваемых со скидкой в связи с чрезвычайным событием.

— Покупайте „Наполеона и Александра“ графа Толстого!

— Продается „Анна Каренина“, пятьдесят сантимов. Десять су.

Эти неожиданные возгласы разносились по бульвару и среди шумной сумятицы толпы, гула автомобилей, толчеи пешеходов производили весьма странное впечатление. Имя Толстого, этого великого человека, властителя умов, слетающее с уст, привыкших напевать модную песенку парижского предместья, выкрикивать сообщения об очередном преступлении, повешении доктора Криппена или охоте на капитана Мейнье,— это бессмертное имя, произносимое на разные лады: „Лев Толстуа“ или „граф Толстой“ — вызывало удивление прохожих, но также и следующие восклицания:

— Вот что значит слава!

День за днем сочинения этого писателя проникали из книжных магазинов на улицу, и ручные тележки, груженные подержанными книжками, следовали за бродячими глашатаями, повторявшими свои призывы:

— Требуйте „Войну и мир“. Полное издание, десять су за том.

Вот каким образом парижские бульвары отметили память одного из бессмертных: последнего из пророков, как называли его〈...〉

Значит, понадобилась смерть, чтобы эти романы, истинные шедевры, получили такую широкую популярность? Каким великолепным „глашатаем", каким отличным рекламным агентом оказывается смерть!..»

«...Так гармонически завершилась эта беспокойная жизнь достойной кончиной — кончиной символичной и красноречивой» («Illustration»).

Романистка Жерар *д'Увиль* (жена Анри де Ренье) поместила в «Figaro» фельетон «Под снегом», в котором писала в связи с уходом Толстого — «этой почти фантастической личности», великого создателя галереи женских образов:

«Он напоминал тех садовников, чьи шершавые руки столь умело ухаживают за нежными венчиками цветов, знают наперечет лепестки всех на свете роз и выращивают новые цветы. Пожалуй, ни в одном из современных романов не встречается более реальных и живых героинь, чем у Толстого».

Значительная часть парижского журнала «Annales Politiques et Littéraires» от 27 ноября была посвящена памяти Толстого. В журнале помещено, помимо отрывков из сочинений покойного писателя под общим названием «Прекраснейшие страницы Толстого», несколько статей видных деятелей французской и бельгийской литератур.

Академик *Э. Фаге* в статье «Человек и его творчество», называя Толстого «одним из десяти или двенадцати величайших имен европейской литературы XIX века», со смешной самоуверенностью заявил, что потомство поставит Толстого «немножко ниже Гете, В. Гюго, Ламартина, Байрона, Теннисона, Диккенса, Бальзака—рядом с Шиллером, Жорж Санд, Мюссе, Виньи и Теккереем». Определив с такой точностью и убедительностью ранг покойного писателя, он добавил, впрочем, что Толстой останется «одним из величайших светочей художественного и мыслящего человечества».

Далее почтенный академик сделал краткий обзор творческого наследия Толстого и дал характеристику его основных художественных произведений: «Детства», «Отрочества» и «Юности» («чрезвычайно любопытная смесь ребячества, глубоко волнующих размышлений, формирующихся чувств и зарождающихся идей, которым суждено было стать великими идеями»), «Войны и мира» («историческая книга, эпическая поэма, буколическая поэма, психологическая поэма, один из величайших памятников, воздвигнутых человечеством») и «Анны Карениной» («трагедии», в которой Фаге находил исключительное сходство с «Госпожой Бовари»).

Оценка философского и морально-этического учения Толстого, сделанная Фаге, не отличалась глубиной. Отметим, однако, следующее любопытное место в его статье: «Философские и социологические теории Толстого достигли Парижа почти одновременно с его романами (всего года на два, на три позже) „Война и мир" и „Анна Каренина", имевшими здесь громкий, потрясающий успех, и как раз тогда, когда замечательные критические работы господ де Вогюэ и Эрнеста Дюпюи осветили несравненно ярким светом имя Толстого. „Благодаря сказке проскользнуло и нравоучение", и Толстой-художник явился чудеснейшим предисловием к Толстому-социологу. Увлечение Толстым было настолько велико, что по праву может быть сравнено с увлечением Руссо в XVIII веке, когда вслед за „Новой Элоизой" последовал „Эмиль". Возникло бесчисленное множество толстовцев и толстовок. Быть русским анархистом считалось для парижанина самым лучшим тоном».

«С этим человеком-гигантом будут спорить как с философом и даже как с моралистом,— заключает Фаге,— но никто не станет отрицать, что это великая душа и великий художник. Он обладал тем особым, *двойным* воображением, которое давало ему возможность и показывать повседневную жизнь каждого из своих персонажей в отдельности, и воссоздавать жизнь огромных человеческих масс, так что перед нашими глазами проходит многоликий образ народа, наделенного душой, сияние которой видно и нам〈...〉

Вот почему мы можем сказать, что от нас ушел один из величайших представителей рода человеческого, угас один из величайших маяков на нашей планете».

Вслед за высказыванием Фаге в журнале перепечатана интересная статья академика *Ж. Леметра*, посвященная «Воскресению».

«Это откровенно революционная книга,— замечает Леметр.— Многие ее страницы внушают нам, что современное общество отвратительно, что оно покоится на нелепых и даже преступных условностях, что оно насквозь пропитано несправедливостью и лицемерием〈...〉 Эта книга революционна, как Евангелие». «Мне приходит в голову одно сравнение, на котором я не намерен слишком настаивать,— продолжает критик.— Разумеется, между Францией XVII века и современной Россией, между гением Расина и гением Толстого существует такое же различие, как между суровым, бородатым лицом второго и изящной, обрамленной париком физиономией первого. И однако... Расин, раскаявшийся в том, что писал слишком мирские произведения, умолк на двенадцать лет, а затем написал „Гофолию" не из тщеславия, а из одной любви к господу и таким образом создал свой самый поразительный шедевр. Толстой, написавший две самые замечательные книги нашего века, устыдился своей славы, бежал от нее, погрузился на целых пятнадцать лет в Евангелие,— и дал нам „Воскресение", где нет ни суетного желания нравиться, ни любования тем искусством, в котором он так силен,— а только изумительная его душа и несокрушимый гений, и эта книга, благодаря добровольному самоотречению Толстого, является самой трепетной, самой трагической из всех его книг и в то же время преисполнена наибольшего милосердия».

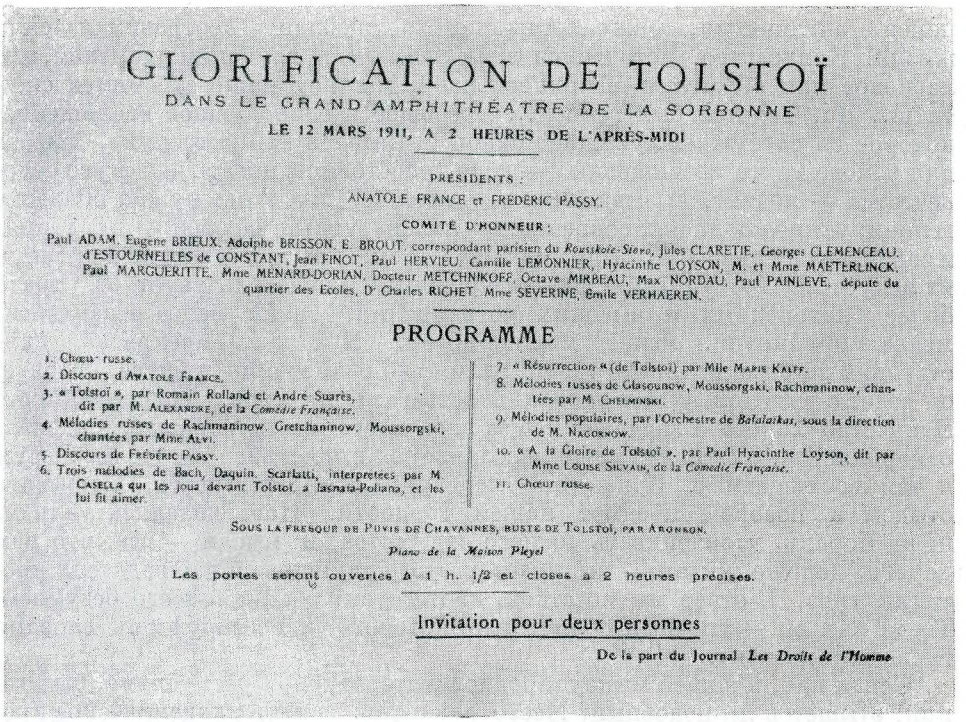
Из следующей далее статьи *М. Барреса* «Толстой и война», представляющей собой анализ высказываний Толстого о войне и патриотизме, приведем следующие, не лишенные остроумия строки: «Толстой ненавидит войну, но свою ненависть он выражает с воинственным пылом...»

Далее в «Annales Politiques et Littéraires» напечатана статья *А. Франса* 1908 г.[16] «В честь Толстого», и, наконец, следующая заметка *М. Метерлинка*:

«Толстой — величайший художник современной цивилизации. На мой взгляд, ничье нравственное влияние не было более действенным и глубоким. А под нравственным влиянием следует понимать не столько явное воздействие на нравы, чувства и мысли людей, сколько не совсем еще разгаданную силу, которая простирается гораздо далее, чем мысль, проникает непосредственно в таинственную сердцевину каждой жизни и вводит в сферу ума и чувств человека — области, где она еще не осознана, но уже чрезвычайно активна,— новое начало, не поддающееся никакому анализу, но мало-помалу изменяющее химическую формулу того воздуха, которым нашей мысли или, вернее, мистической праматери всех наших мыслей, суждено дышать завтра. Некоторые художники обладают этим даром, тогда как у других, пусть в ином отношении и великих, этого дара нет и в помине,— пример тому Золя, никогда не имевший того влияния, о котором я говорю. Влияние же Толстого, поначалу довольно неопределенное, затем проникнутое милосердием и гуманностью, но ограниченное каким-то наивным и болезненным христианством, день ото дня как бы очищалось от всего наносного и в последних своих проявлениях чудесным образом сливается с самыми высокими идеалами, какие только могут зародиться в быстротечных мыслях людей нашего времени»[17].

Н. Сегюр поместил обширный некролог в журнале «Revue» (бывшем «Revue des Revues») от 1 декабря, в котором писал:

«Лев Толстой принадлежит к числу избранников, которые предназначены судьбой к тому, чтобы воплотить в себе весь свой народ и разбудить умы и страсти целой эпохи〈...〉 Мощью и звучанием своего слова, подобного ярчайшему подвигу, Толстой сделал,— конечно не в смысле



GLORIFICATION DE TOLSTOÏ

DANS LE GRAND AMPHITHÉATRE DE LA SORBONNE

LE 12 MARS 1911, A 2 HEURES DE L'APRÈS-MIDI

PRÉSIDENTS :

ANATOLE FRANCE et FRÉDÉRIC PASSY.

COMITÉ D'HONNEUR :

Paul ADAM, Eugène BRIEUX, Adolphe BRISSON, E. BROUT, correspondant parisien du *Rousskoïe-Slovo*, Jules CLARETIE, Georges CLEMENCEAU, d'ESTOURNELLES de CONSTANT, Jean FINOT, Paul HERVIEU, Camille LEMONNIER, Hyacinthe LOYSON, M. et Mme MAETERLINCK, Paul MARGUERITTE, Mme MÉNARD-DORIAN, Docteur METCHNIKOFF, Octave MIRBEAU, Max NORDAU, Paul PAINLEVÉ, député du quartier des Écoles, Dr Charles RICHET, Mme SÉVERINE, Émile VERHAEREN.

PROGRAMME

1. Chœur russe.
2. Discours d'Anatole France.
3. « Tolstoï », par Romain Rolland et André Suarès, dit par M. Alexandre, de la *Comédie Française*.
4. Mélodies russes de Rachmaninow, Gretchaninow, Moussorgski, chantées par Mme Alvi.
5. Discours de Frédéric Passy.
6. Trois mélodies de Bach, Daquin, Scarlatti, interprétées par M. Casella qui les joua devant Tolstoï, à Iasnaïa-Poliana, et les lui fit aimer.
7. « Résurrection » (de Tolstoï) par Mlle Maria Kalff.
8. Mélodies russes de Glasounow, Moussorgski, Rachmaninow, chantées par M. Chelminski.
9. Mélodies populaires, par l'Orchestre de *Balalaïkas*, sous la direction de M. Nacoknow.
10. « A la Gloire de Tolstoï », par Paul Hyacinthe Loyson, dit par Mme Louise Silvain, de la *Comédie Française*.
11. Chœur russe.

Sous la fresque de Puvis de Chavannes, buste de Tolstoï, par Aronson.

Piano de la Maison Pleyel

Les portes seront ouvertes à 1 h. 1/2 et closes à 2 heures précises.

Invitation pour deux personnes

De la part du Journal *Les Droits de l'Homme*

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ НА ТРАУРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПАМЯТИ ТОЛСТОГО В СОРБОННЕ 12 МАРТА 1911 г.

Разворот

Музей Толстого, Москва

величия, а для известности России и ее престижа,— столько же, сколько Петр Великий. В течение тридцати лет взоры всей Европы были прикованы к этому перу, словно то был меч завоевателя〈...〉

Уходя, Толстой делает нас ниже на целую голову, ибо вместе с ним исчезает великая сила веры и страдания».

В журнале «Revue Politique et Littéraire» («Revue Bleue») от 3 декабря появилась статья *Л. Мори* «Лев Толстой»:

«Современный мир обладал гениальным человеком и теперь лишился его. Это был подлинный гений, выдерживающий сравнение с самыми могучими, самыми революционными гениями из тех, что прославили искусство и литературу минувших веков〈...〉 Даже один из его романов мог бы навсегда прославить любого писателя. Никто не может остаться равнодушным к этому исполинскому творчеству: где, в каких кругах, среди каких общественных слоев цивилизованного мира сыщете вы мужчин, женщин, юношей, которые не хранили бы в памяти „Войну и мир“ или „Анну Каренину“ и множества других прославленных произведений? Образованные и необразованные, простодушные и изощренные — все одинаково подпадают под действие этих чар. И пусть это можно объяснить различными причинами в зависимости от степени культуры читателя, чудо не перестает быть чудом; чудо уже то, что эти толпы русских людей начала и середины XIX столетия вызывают к себе столь страстный интерес в самых разных странах. Какой-то барин, какой-то солдат Кутузова либо крестьянин из далекой и неизвестной мне страны волнуют меня бесконечно больше, чем герой романа, являющийся моим современником и соотечественником; их радости, их горе находят отзвук в моей душе; и то же самое утверждали бы

немец, англичанин, южноамериканец; волшебная, неотразимая сила жизни! Колдовство, источаемое этим нежным и глубоким пламенем, чье ласковое или обжигающее прикосновение мы неустанно стремимся ощутить!.. Да, Толстой был гением... Всеобщее и единодушное восхищение, которое он возбуждал, унижает наших искателей квинтэссенции; писать для узкого круга посвященных — дело недостойное; писать для всего человечества — подвиг, вызывающий восхищение; для этого нужно обладать гением; у жрецов наших современных литературных часовен — нет гения, и сердиться на них за это было бы ребячеством: скрытый смысл их доктрин и их искусства, доступный лишь посвященным, свидетельствует об утрате более благородных и высоких устремлений. Гений менее педантичен, менее придирчив, менее претенциозен. Как же прекрасна царственная широта великого творца! Сколько очарования в битве, которую он ведет с рутиной чувств и банальностью мысли своих современников! Искусство Толстого задевает нас за живое; его мысль поражает, дразнит, оскорбляет нас; он ранит наше тщеславие; он высмеивает то, что мы любим и чем восхищаемся. И как он умеет унижать, низвергать, покрывать стыдом и позором предмет нашей гордости. Наш интеллектуализм, наша мораль, утонченность нашего искусства и мысли — все, что нам дорого, дороже жизни,— вызывает у этого вдумчивого наблюдателя яростный гнев. В ответ мы восстаем, протестуем, объявляем его безумцем. Тогда как он — грозный обличитель, которого не обезоружишь словами гнева или досады...

Среди нас, в нашей международной литературной республике, был гений; отыщется ли подобный? Место вакантно: занять академическое кресло куда легче〈...〉

Поразительно, что Поль Бурже может говорить о „трагическом интеллектуальном крахе", что другие сравнивают конец Толстого с банкротством, что большинство наших светских теологов спелось и надрывается в едином хоре, как деревенские попы: столь яркий огонь страшит их; они боятся бурного кипения жизни, ибо жизнь не признает рамок дисциплины, а они люди дисциплины, тепленькой жизни и правоверные консерваторы.

То, что ужасает их в Толстом, привлекает нас — позаимствуем же у него закваску мысли: ведь он революционер...»

Во второй декабрьской книжке «толстого» журнала «Revue des Deux Mondes» был напечатан некролог, принадлежавший перу *А. Леруа-Больe*, виднейшего знатока России, автора известного исследования «Empire des Tsars et les Russes» («Империя царей и русские»), в котором немалое место уделено было Толстому и его учению.

«В течение нескольких дней,— отмечал он,— взгляды всего мира были прикованы к той станции на русской земле〈...〉, где автор „Войны и мира" внезапно завершил свое долгое, 83-летнее странствие». «Лев Толстой был самым великим писателем нашего времени, или, по крайней мере, самым знаменитым. Ни одно русское имя и, возможно, ни одно писательское имя никогда еще не взлетало на крыльях славы столь высоко над землей; и никто, в частности, не проник так глубоко в народные массы. От одного до другого края Европы, для всех, кто льстит себя мыслью, что принадлежит к числу людей знающих и размышляющих, для всех „сознательных тружеников" он являлся чем-то вроде сверхчеловека, чем-то вроде горячо почитаемого идола, к которому постоянно возносилась народная хвала,— возносилась, несмотря на присущее массам непочтительное недоверие к героям и божествам, которым они поклоняются.

Этой всеобщей славой, признаться, Толстой не целиком обязан был своему таланту или своему гению. Слава, или по крайней мере популярность, в наши демократические времена, даже если они не ошиб-

лись адресом, не всегда приходят к человеку,— глава которого окружена нимбом,— именно за то, что всего более достойно восторга. Подлинная гениальность, подлинное величие Толстого — то, что обещает ему бессмертие, то, за что его соотечественники имеют право называть его самым великим из русских,— воплотились в романисте, авторе множества обширных и небольших по размеру произведений, в которых сконцентрирован целый мир персонажей, столь же живых, как реальные люди. И что же! Восхищение масс вызывают не они, не им даже на родине Толстого возносила хвалы толпа, в некоем апофеозе сопровождавшая его бренные останки на заросший лесом холм в Ясной Поляне. Среди тысяч восторженных людей, поклонявшихся его гробу и шумно скорбевших о нем, многие ни разу не открывали его шедевров и даже не знают имен князя Андрея и Пьера Безухова, Левина и Нехлюдова, Наташи и Анны Карениной, сыновей и дочерей его воображения, в которых вдохнул жизнь его бессмертный гений.

Громадную, всеобщую славу Толстому создал Толстой-мечтатель, теоретик, отважный реформатор, который давно уже выступил на первое место и постепенно убил в нем могучего романиста прошлых времен. Это пророк нового времени, апостол будущего града господня, возвещавший народам о близящемся обновлении земли и конце всех людских бедствий в евангельском раю мира и любви.

Вот какой Толстой вызывал глубокое преклонение и был предметом культа у современных народных масс. И в чем же сущность этой славы, каков парадокс, навевавший грусть на самого яснополянского старца-пророка? Он часто вызывал тем большее восхищение, чем меньше его читали и понимали. Толстой чувствовал это, и это огорчало его〈...〉

Нам, французам, привыкшим к более трезвому и упорядоченному искусству, кажется, что этот писатель как бы слишком многого требует от нашей памяти и внимания. Однако каждый из его бесчисленных персонажей имеет свое собственное лицо, свой собственный голос, свои собственные жесты; все — большие и малые — проходят перед нами, отчетливо изваянные, как люди из плоти и крови, резко отличаясь один от другого. Это искусство в высшей степени объективно, и Толстой является создателем живых существ, подобно Шекспиру и Бальзаку...»

Значительное место в статье Леруа-Болье занимают его воспоминания о посещении Ясной Поляны 9 мая 1905 г.

Журнал «Revue de Paris» откликнулся на смерть Толстого только в начале 1911 г.— большой статьей *Р. Роллана* «Толстой», печатавшейся с февраля по апрель того же года и впоследствии вошедшей в состав его замечательной книги «Жизнь великих людей».

Обозреватель журнала «Mercure de France» в номере от 1 января 1911 г. отметил, между прочим, что «молодые», т. е., по-видимому, «декадентские», французские журналы обошли полным молчанием уход и смерть Толстого. «Это, вероятно, свидетельствует о том,— замечал автор,— что нынешние молодые литераторы — т. е. те, которым еще нет и тридцати лет,— знают творения великого писателя только понаслышке».

В конце 1910 и в начале 1911 г. в столице Франции и в провинциальных городах был прочтен ряд докладов о Толстом. Отметим из них, помимо доклада *Ж. Жореса*, публикующегося в настоящем томе, доклады *В. Моно* в парижском Лувре (см. «Droits de l'Homme» от 18 и 22 декабря 1910 г.) и *Э. Эррио* в лионском Palais de Glace 19 февраля 1911 г. (см: «Progrès de Lyon», 20.II.1911).

* * *

3 декабря 1910 г. в Париже, в большом зале Sociétés Savantes было проведено франко-русское чествование памяти Толстого. На эстраде стоял украшенный лаврами бюст писателя работы Н. Л. Аронсона.

От Лиги прав человека выступили президент Лиги *Ф. Прессансе* и публицист *П. Киллар.*

«Речь Пресансе вызвала огромный интерес,— писал корреспондент «Русского слова».— Оратор отметил, что умер гений, от которого человечество получило в наследие сокровища. Веками будут черпать из этого океана и не вычерпают его. Толстой поставил мировые проблемы.

Пьер *Киллар* сказал:

„Своей моральной мощью Толстой добился свободы слова даже в России. Юношей Толстой закопал в Ясной Поляне ветку ‹т. е. „зеленую палочку"›. Эта ветка сделается священным деревом всего мира".

Следующий оратор, *Ю. Лагардель*, теоретик синдикализма, сказал:

„Смерть Толстого совершила чудо: пали ничтожные перегородки, умолкли мелочные споры, которые шли при его жизни. Великан не мог вместиться в рамках наших партийных программ и догм. Какими они кажутся хрупкими в сравнении с колоссальным наследием, оставленным Толстым! Лучший венок на его могилу возложила молодежь, сознавшая, что ее хула на учителя была несправедлива" ‹...›

Собрание разошлось под звуки „вечной памяти"»[18].

7 декабря в Париже состоялось многочисленное собрание представителей французской печати и почитателей Толстого для выработки программы чествования его памяти. «Чествованию решено придать международный характер путем привлечения выдающихся представителей мысли и литературы,— писал русский корреспондент.— Чествование будет происходить в Сорбонне. Избран организационный комитет, которому поручено подготовление чествования. В состав комитета вошли: председателем — корреспондент „Русского слова" Е. Белов, вице-председателями — редактор журнала „Revue" Жан Фино и скульптор Паоло Трубецкой. Комитет уже заручился содействием Анатоля Франса, Жана Ришпена, Поля Маргерита, Фредерика Пасси, Октава Мирбо, Анри Батайля, Жюля и Антуана Кларти, директора театра „Одеон" и многих других»[19].

Это торжественное собрание в память Толстого состоялось в Сорбонне 11 марта 1911 г. (оно несколько раз откладывалось в связи с болезнью А. Франса). В состав президиума вошли П. Г. Луазон, П. Адан, Э. Брие, П. Эрвье, П. Маргерит, Ж. Кларти, О. Мирбо, М. Метерлинк, Э. Верхарн, М. Нордау, И. И. Мечников, Ж. Клемансо, г-жа Менар-Дориан и др. На собрании присутствовал весь цвет французской интеллигенции — на эстраде среди почетных гостей сидели министр иностранных дел Франции— Ж. Крюппи, Э. Верхарн и др. В зале находилось свыше четырех тысяч человек. Огромная толпа стояла у входа, не имея возможности попасть в зал. Дочь Толстого, *Т. Л. Сухотина*, специально прибыла к этому дню в Париж из Рима.

После речи *А. Франса*, вызвавшей бурную овацию (см. ее текст в кн. 1-й настоящ. тома), *П. Г. Луазон* прочел два высказывания о Толстом — *А. Сюареса* и *Р. Роллана.*

Встреченный бурными аплодисментами и приветственными возгласами, *Ф. Пасси* сказал:

«После выступления такого мастера, как мой ученый собрат Анатоль Франс, было бы крайне неосторожно появляться перед вами с литературно-критическими высказываниями. Не буду пытаться поэтому говорить вам, в свой черед, о Толстом как писателе и ограничусь тем, что без всяких комментариев выражу свое глубокое к нему благоговение. Однако, как ни был велик талант Толстого, здесь восхваляли не столько его талант, сколько характер. Характер Толстого был в сотни раз выше его таланта, который являлся лишь отражением его характера; итак, не писателя, а человека восхваляем мы с таким единодушием».

Оратор подверг критике учение Толстого и предлагавшиеся им средства для искоренения социальных зол. «Все мы, однако, относимся (и не можем

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ „ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГАЗЕТѢ.“

№ 47-й „НАШЕ ВРЕМЯ“ 18 ноября 1910 г.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЕСЬ МІРЪ ПРОЩАЕТСЯ СЪ ВЕЛИКИМЪ СТАРЦЕМЪ.

АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА.

Великанъ поэзіи, великанъ философіи, великанъ христіанскаго незлобія—Левъ Толстой и послѣ смерти какъ гигантъ мысли властвуетъ надъ умами и сердцами всѣхъ культурныхъ людей.

«ВЕСЬ МИР ПРОЩАЕТСЯ С ВЕЛИКИМ СТАРЦЕМ»
Аллегорическая картина неизвестного художника
«Наше время» от 18 ноября 1910 г.

не относиться) с одинаковым уважением,— замечал при этом Пасси,— к чистоте его намерений и к благородству чувств».

«Слава Толстому! — закончил оратор. — И постараемся же, после того как мы почтили его память, сохранить в себе хотя бы искорки того благородного пламени, которое сожгло его дотла».

Писательница *Северин* (псевдоним Каролины *Реми-Гебар*) произнесла затем речь, вызвавшую шумное одобрение зала.

«Я устремляюсь к тебе, Толстой,— сказала она,— потому, что ты пришел к народу, потому что, принадлежа по рождению к свободному, счастливому и почти стоящему на ступенях трона сословию, ты склонил свое чело к горестям и страданиям народным〈...〉 Толстой поистине был отцом, отцом бедняков, отцом людей,впавших в отчаяние, и даже тех несчастных женщин, которые занимаются позорным ремеслом и которым он открыл двери к воскресению〈...〉 Со времен Екатерины Великой, покровительницы литературы, свет к нам стал проникать с Севера, ныне же из недр русского народа дошло до нас новое сияние...»

Писательница заключила свое выступление следующими словами, обращенными к русской революционной молодежи, присутствовавшей в зале:

«Продолжайте же бороться, молодые люди, пришельцы издалека, заимствуйте у нас побольше знаний и братских чувств! Напишите оставшимся в России, что сердце наше целиком с теми, кто согбен под тяжким бременем,— да, вся мыслящая Франция с вами и с ними, под эгидой великого Толстого!»[20]

Затем артистка «Comédie Française» Луиза Сильвен прочла гимн *П. Г. Луазона* «Во славу Толстого», из которого мы приведем здесь лишь одну небольшую цитату:

«Толпа! Прежде чем возвратиться в свои жилища, приветствуй вместе со мною старца-апостола... Жнец завершил свой день, настало время пересчитать снопы... И праведник склоняется к мирной кончине, подобно торжествующему солнцу, заходящему за горизонт...»

Затем по знаку, данному Северин, хористы стали усыпать цветами бюст Толстого, а одна из молодых русских женщин надела на него символический венок из колосьев[21].

Глава IV

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ. — АВСТРО-ВЕНГРИЯ, АНГЛИЯ, ГЕРМАНИЯ, ГОЛЛАНДИЯ, ДАНИЯ, НОРВЕГИЯ И ШВЕЦИЯ

Редакции венских газет узнали о смерти Толстого 20 ноября от корреспондента «Русского слова». Во второй половине дня газета «Zeit» выпустила экстренный номер, посвященный кончине писателя.

«Хотя весть эта не была совершенно неожиданной, она произвела огромное впечатление. Повсюду обсуждают эту утрату»,— читаем мы в сообщении из Вены [1].

На следующий день все газеты были полны материалов о Толстом. «Передовые, фельетоны, биографии — всё о нем. Спрос на его произведения огромный. С лихорадочным интересом ждут известий о том, каковы будут похороны Льва Николаевича»,— сообщал корреспондент «Русского слова» [2].

«Толстой как бы родился для того, чтобы возбуждать умы, гениально раздражать нервы сильных мира сего, ужасно спорить и быть величайшим литературным агитатором после Вольтера,— отмечалось в газете «Fremdenblatt». — Из многих качеств Толстого — политика, социального реформатора, экономиста, моралиста, богослова, философа, мистика, утописта, пророка, поэта, русского — сильнейшим качеством оказалось

агитационное... Толстой служил перстом совести нашего времени. С ним уходит последний из великих старцев, путеводителей современного духа» [3].

Из «Neue Freie Presse» (статья без подписи):

«Лев Толстой скончался. Стремление к бедности заставило его покинуть родной кров; подобно изнуренному странствиями бездомному бродяге, умирающему на обочине дороги, ушел из жизни этот человек-исполин, величайшая личность нашего времени. Если бы он сам описал свое последнее странствие, начавшееся в предрассветной мгле,— свое бегство в одиночество от жены и детей,— то описание это явилось бы одной из тех жемчужин, которыми он с такой щедростью одарял человечество. Да, Лев Толстой оказывал огромное влияние на людей, он потрясал их, подчинял своей неимоверной духовной силе даже тогда, когда этому противоречили прочно установившиеся понятия и вся система общественного воспитания. Современники не в состоянии бывают определить, что именно в творчестве писателя останется нетленным,— только будущее скажет, что́ в нем вековечней, чем металл. Мы можем лишь предположить, что „Власть тьмы", это страшное обличение Толстым деспотической политики, принесшей с собой голод и бедствия и доведшей крестьян до скотского состояния,— мы можем лишь надеяться, что это драматическое произведение, явившееся своего рода Верховным судом, никогда не забудется и останется в истории одним из важнейших достижений культуры. „Властью тьмы" Лев Толстой доказал, что он находится в полном расцвете своего гения — на той вершине, где сам дух предписывает себе законы, и оказывает и не перестанет оказывать творческое влияние на чувства и мысли человечества〈...〉

Граф Лев Толстой не только художник. Его наивысшая слава заключается в том, что искусство для него не было огороженным садом, где художник блуждает среди олицетворений красоты, оторванный от народа, избавленный от соприкосновения со всеми заботами и горестями бедняков, со страданиями и борьбой общества. Он был самой сильной личностью в современной России — столь сильной, что никакая власть не смела его коснуться, не смела посягнуть на его свободу или ограничить ее. Но еще прежде чем русский деспотизм был побежден на поле битвы, Толстой преодолел его и оказался сильнее, чем жандармы и тюрьмы. В его распоряжении было лишь перо, но он сумел совершить для себя революцию гораздо раньше, чем буря очистила Россию. Что может быть прекрасней в жизни Толстого, чем эта власть света? Он мог делать и писать всё, что хотел. Книги его время от времени подвергались преследованиям. Ему же самому дозволялось делать всё. Неумолимое русское правительство склонялось перед славным венцом, осенявшим его главу. На него не распространялись русские законы. Воспоминания об этом самодержавии гения надолго останутся связанными с его произведениями. В этом отношении Толстой был единственной в своем роде личностью, и этот пример художника, который сам добился для себя свободы,— дар России всему человечеству.

Лев Толстой был насквозь русским человеком. То, что нам иногда кажется в нем странным и не совсем понятным,— это не что иное, как его чисто русская сущность. Он как бы сросся с родной почвой〈...〉 Если б он не был столь русским, он не мог бы стать истинно народным писателем. Если б он был только эстетом, литератором, приверженцем идеи „искусство для искусства", то никогда не сделался бы Львом Толстым. Ограниченности, присущей подобного рода писателям, в нем не было и следа〈...〉

Если бы Толстой обладал созидательными способностями человека, подобного Лютеру, Россия обрела бы свою Реформацию〈...〉

Панихид по Толстому служить не будут, но повсюду в народе, везде, куда проникла цивилизация, вознесется к небу благодарность за то, что оно одарило наше время Львом Толстым.

Только подобные люди, выходящие за пределы современности и вместе с тем впитавшие в себя все ее соки, могут срастить свою живую личность с сердцем народа〈...〉

Лев Толстой был русским гением, но в то же время, в часы высшего творческого подъема, он умел говорить со всеми народами мира〈...〉 Толстой не ограничивал себя партийными рамками, он не был сторонником парламентской системы, не был он и либералом. Он был сильнейшим воплощением стихии свободы в России. Народ, его породивший, уже не может возвратиться к опустошающему политическому рабству. Он отвернулся от церкви, оставлявшей крестьянина во власти тьмы. Русский деспотизм, побежденный Толстым, теперь отстранился—тогда как сотни миллионов людей устремляют свои думы к покойнику, который черпал в их сердцах силу для своего творчества〈...〉 Толстой был пролагателем новых путей — не только в отдельных своих высказываниях, но и во всем том, что в своей совокупности от него получила Россия, и в той свободе, которую он завоевал для себя и постоянно разделял с другими. Все пользовались щедротами его богатств, он оделял ими всех и вся. Современный мир стал намного беднее после того как смерть обрекла на вечный покой этого беглеца, нашедшего пристанище в затерянном станционном домике».

Из «Arbeiter Zeitung»:

«Не будем мелочно критиковать то, что говорил Толстой о свободе, революции, социализме, парламенте. Он не был политиком-ученым, он был поэтом-богоискателем, создавшим вечные ценности; он заставил нас проверить плоды цивилизации и культуры, подвести счеты нашей жизни»[4].

Из «Wiener Fremdenblatt»:

«Как могучий дуб, глубоко пустивший корни, он впитал в себя все соки русской жизни и отразил все ее невзгоды. Он умер как прирожденный бунтовщик, гениальный борец и величайший литературный агитатор нашего времени»[5].

Из «Österreichische Rundschau» (статья *Г. Ганца*):

«Древние легенды утверждают, что небо затемняется в ту минуту, когда у одного из великих людей на земле навеки смежаются очи 〈...〉 Человек, душа которого покинула земную оболочку, был величайшим представителем русского народа, великого среди всех народов. Его имя не позабудется, пока на земле живут люди〈...〉 Апостол покаянной проповеди, „обновитель жизни", коммунист почти отодвинул на задний план художника Толстого и, во всяком случае, больше занимал общественное мнение, чем писатель, создавший крупные эпопеи. Потомство скоро восстановит первоначальный портрет и освободит его от наложенных красок. Политическо-этические причуды филантропа, как бы глубоко они ни срослись с его существованием, будут забыты, но создания его фантазии займут место рядом с возвышенными образами Гомера, Шекспира и Гете и навсегда останутся в пантеоне величайших гениев искусства»[6].

Австрийский ученый *Л. Шрёдер* сказал корреспонденту:

«Умер величайший человек мира. Я не преувеличу, если назову Льва Николаевича русским Буддой. Он был скованным Прометеем, великим мучеником и вместе с тем дивным победителем, давшим миру свет. Несмотря на неудачи в практическом проведении своих идеалов, Толстой все же дал импульсы миру. Только филистеры могут называть его мечтателем. Таким же мечтателем был Христос. Толстой — великий представитель славянства, поднявший славянство на неизмеримую высоту. Он стоит вне нас и вне грани столетий»[7].

Корреспондентка Толстого, известная писательница и деятельный борец за мир Берта *фон Зутнер* заявила сотруднику «Русского слова»:

«Мир стал сегодня беднее. Общество друзей мира и Толстой преследовали одну и ту же цель, хотя шли к ней различными путями»[8].

Романист *А. Шницлер* сказал:

«Умер гений мировой загадки. Его учение впоследствии кристаллизуется и будет светочем для человечества»[9].

«Глубокой и тяжелой будет скорбь всего мира о Толстом,— писала будапештская газета «Pester Lloyd». — Будут оплакивать человека, равного которому не было в наше время. Толстого называли часто Руссо нашего века. Некоторые черты в жизни обоих великих философов, некоторые точки на извилистом пути их земной жизни действительно указывают на сходство в мыслях и чувствах. Но какая непроходимая пропасть разделяет этих людей в моральном отношении! Им обоим свойственна та же огромная любовь к человечеству, в них обоих пороки и безнравственность вызывают страшное негодование. Однородные мысли приводят Руссо в его знаменитой „Discours sur les Arts et les Sciences“* и Толстого в его известном полемическом произведении „Что такое искусство?“ почти к одним и тем же заключениям. Но все эти параллели перестают соответствовать действительности, когда оба моралиста становятся перед необходимостью сделать последний вывод из своих учений. Тут фигура великого Жан-Жака совершенно теряется в тумане, личность же Толстого выступает перед нашими глазами ярко сияющая, высоко вздымающаяся над миллионами дюжинных существ〈...〉 В Ясной Поляне будет похоронен величайший идеалист наших дней»[10].

«Отклики во всех странах мира на кончину Толстого подтверждают, что из жизни ушел величайший гений современного человечества...— писал известный венгерский публицист *А. Шепфлин* в газете «Vasárnapi Ujság». — Единственная по-настоящему монументальная фигура, жившая среди нас, единственный мировой дух, в котором воплотились страдания, сомнения, тревоги всего человечества, единственный ум, в котором отражаются миллионы изменений мира в своем вечном постоянстве,— вот кем был для нас, для нашего поколения Толстой〈...〉 Толстой — религиозный философ был лишь одной из тех многочисленных странностей, которые возникли на русской почве. И он исчез со смертью Толстого. Что же касается Толстого-писателя,— то он был одним из крупнейших представителей человеческого гения, и этот Толстой никогда не умрет. Именно этот Толстой будет влиять на развитие человеческой мысли».

«Мне думается, что везде,— на суше и на воде,— везде, где люди живут и борются против собственных страстей и против непобедимых стихий природы, на минуту должны умолкнуть все звуки,— писал в некрологе Толстого, появившемся в умеренно-оппозиционной будапештской газете «Egyetértés» *С. Тимар*.— Будет ли это тишиной скорби, траура, горя или выражением ужаса перед неумолимой смертью? Все равно — звуки должны умолкнуть, пусть хоть и ненадолго, ибо в здании одной из русских железнодорожных станций лежит мертвый старец, ум которого осветил минувшие столетия и осветит грядущие эпохи〈...〉 Возможно, что даже фанатики Святейшего синода умолкнут и перестанут проклинать его. Ибо лежащий там покойник с посеревшим лицом — не кто иной, как Лев Толстой, мыслитель, писатель, великий гений мира, о котором представители Синода упоминали до сих пор, лишь проклиная его и отказывая ему в спасении на том свете. Впрочем, Лев Толстой обращал на эти проклятия столь же мало внимания, как если бы Синод курил перед ним ладан и возносил ему хвалы»[11].

Газеты сообщили в это время следующий любопытный факт: 24 ноября рабочие хлебных складов в Будапеште приостановили работу и устроили чествование памяти Толстого[12].

22 ноября в венском клубе социалистических депутатов парламента президент клуба *Э. Пернерсторфер* заявил:

* «Речи об искусствах и науках» (франц.).

«Ввиду смерти одного из величайших, может быть, значительнейших людей современной интеллектуальной жизни, долг наш — в первом заседании почтить память великого чистого гения».

Присутствовавшие почтили память Толстого вставанием[13].

24 ноября венский корреспондент «Русского слова» сообщал:

«В сегодняшнем заседании председатель фракции парламентского большинства *Василько* предложил обсудить форму чествования Толстого. Он заявил, что если инициативы этого чествования не возьмет на себя парламентское большинство, то ее возьмет славянский союз.

Большинство председателей в принципе согласилось. Но член антисемитской фракции *Паттай* возразил:

— Что это вам взбрело на ум? Я не могу согласиться с вашим предложением по партийным соображениям.

Вспоминают, что несколько лет тому назад антисемит *Белоглавек* в заседании парламента обрушился с грубыми ругательствами на Толстого.

Сегодня на первом заседании рейхстага социалист *Глеккель* заявил:

— Наша сердечная потребность — почтить память поэта, сердце которого билось для бедных и бесправных, обличителя милитаризма и фарисейства...»[14]

Корреспондент «Русских ведомостей» следующим образом изложил этот эпизод:

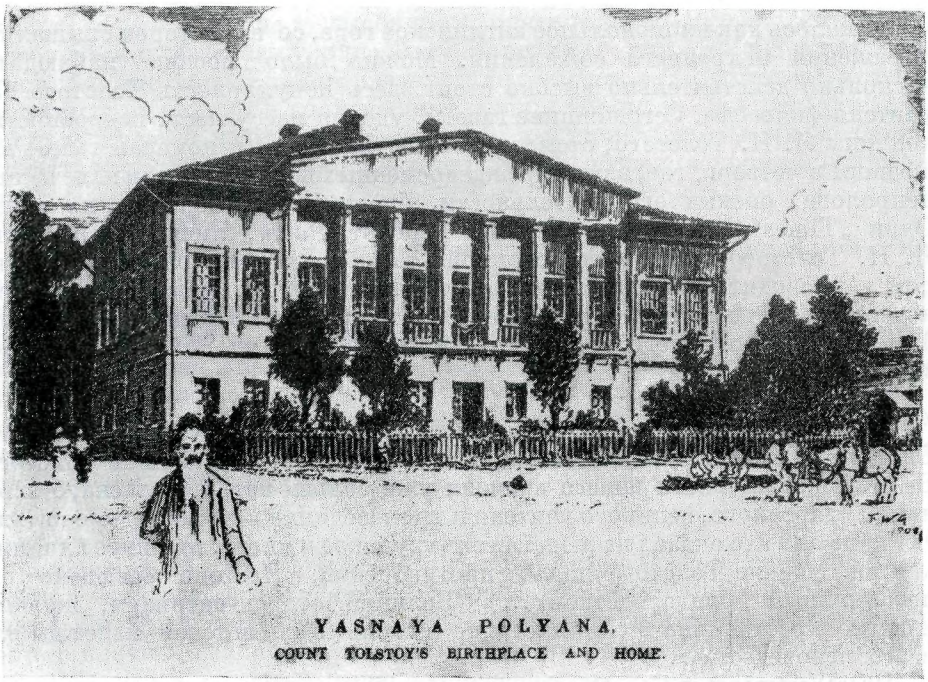
«Австрийский парламент имеет теперь невысокое удовольствие видеть на президентском месте одного из лидеров австрийского „черносотенства", депутата христианско-социальной партии д-ра Паттая. И он, некогда, в унисон со своей партией, пренебрежительно отозвавшись о Толстом, остался верен духу черносотенства в вопросе о чествовании памяти Л. Н. Толстого, запретив поставить этот вопрос на очередь. Австрийские депутаты сочли, однако, невозможным покрыть свой парламент таким позором, и на частном межпартийном совещании, тут же быстро устроенном, было постановлено, что все ораторы в этот день будут начинать свою речь по стоявшему на очереди вопросу со слова о Толстом. Каждая партия, чтобы не отстать от других, поспешила записать на этот день своего оратора, благодаря чему это импровизированное чествование получило еще более импозантный характер.

Один вслед за другим поднимались со своих мест *Глеккель* и *Пернерсторфер* (социал-демократы), *Глебовицкий*, *Левицкий*, *Василько* (русины), *Трезич* (кроат), *Крамарж* (чех), *Гломбинский* (поляк), *Хиарн* (немец), *Малер* (еврей), чтобы в выражениях глубокого восторга перед почившим гением выразить свое чувство скорби о его утрате‹...›

„Толстой не был социал-демократом,— заметил в своей речи *Глеккель*.— Он не принадлежал ни к какой партии. Но он говорил от имени всего страждущего человечества. И он остался одним из тех немногих избранников, память о которых устоит против течения веков, пока человечество сохранит в себе чувство понимания истинного благородного величия... В этом, объединяющем всех чувстве при мысли о Толстом мы и видим яркое значение той международной культурной общности, которая, несмотря на все противоречащее ей, все же остается сильнее того начала, которое разъединяет отдельные народности".

И, развивая эту же мысль, *Пернерсторфер* вдохновенно восклицает: „И когда придет — а оно придет — то время, которое провидел и звал Толстой, когда объединяющее людей начало восторжествует над всеми противоречиями,— тогда во всех странах, не в одних только славянских, будут воздвигнуты *храмы* Толстому, храмы вечной его памяти»[15].

1 декабря в венский муниципалитет было внесено предложение назвать одну из улиц столицы Австрии «улицей Толстого». Предложение было передано на рассмотрение комиссии. 29 января 1911 г. муниципалитет с глу-



«ЯСНАЯ ПОЛЯНА»
Гравюра неизвестного английского художника, 1908
«Manchester Guardian» от 17 ноября 1910 г.
Из полосы газеты, посвященной Толстому в связи с ложным известием о его смерти

бокомысленным видом отклонил это предложение «по заслушании отзыва дирекции императорской библиотеки, оспаривающего мировое значение Толстого»[16].

Реакционный публицист, издатель берлинской газеты «Zukunft» *М. Гарден* прочел 1 декабря в Вене перед двухтысячной аудиторией лекцию о Толстом.

Говоря о литературном и этическом значении Толстого, Гарден подверг грубой критике частную жизнь великого писателя, что вызвало шумные протесты со стороны публики.

Называя все же «Войну и мир» «величайшим перлом столетия, невольно напоминающим Микеланджело», Гарден заявил по поводу морально-этического учения Толстого:

«Если бы толстовский идеал был осуществлен, то над Россией развернулась бы ужасная ночь, как во времена Иоанна Грозного и Павла. У нас нет ничего общего с сектантством Толстого, мы знаем только художника Толстого. Он сам не смог осуществить своего идеала и жить согласно своим идеям, как он этого требовал от других, более слабых, чем он. Не было ли такое начинание кощунством?»[17]

* * *

«Хотя известие о смерти Л. Н. Толстого получено здесь еще вчера,— писал лондонский корреспондент «Русского слова» 21/8 ноября,— однако ввиду невыхода в воскресенье дневных и вечерних изданий население Лондона узнало о печальном событии лишь сегодня〈...〉 Везде известие

принималось как национальное английское горе, со всех сторон слышались выражения искреннего сожаления. Можно было воочию наблюдать, насколько действительно высоко стоит здесь популярность Толстого как учителя-философа. Сегодняшние газеты, уделяя массу места подробностям кончины Л. Н. Толстого, отсылают своих читателей к номерам газет, вышедшим в четверг, где, ввиду преждевременных известий, были напечатаны некрологи, оценки его деятельности, биографии и портреты писателя. Один „Times" дает новые статьи. Герберт *Райт*, лично посещавший Л. Н. Толстого, в прочувствованной статье ставит его наравне с Лютером и проводит даже параллель с молодым Буддою, бросившим дворец, невесту, послушав голоса совести. Он ставит выше Будды престарелого Толстого, покинувшего родной дом и семью. Взгляд Райта разделяется здесь очень многими»[18].

Из «Daily Chronicle»:

«„Словно солнце зашло",—сказал сэр Вальтер Скотт, услышав о смерти Байрона. То же самое мы можем сказать по поводу кончины Толстого. Величайшей личности нашего времени уже больше нет — человека, безгранично одаренного, великого учителя и проповедника — за последние пятьдесят лет мало кто оказал на людей столь глубокое и многостороннее влияние, как он. Учение Толстого полно противоречий. Но оно освещено его необычайным благородством〈...〉 Великий старец-патриарх, живший жизнью крестьянина в самом сердце России, был светочем надежды для всего человечества».

Из «Westminster Gazette»:

«Эта смерть отнимает у мира одного из самых замечательных людей нашего времени, который достиг наивысших вершин славы — и как писатель и как пророк».

Из «Manchester Guardian»:

«Все мы, молодые и старые, сторонники и противники его учения, за последние тридцать лет и более сумели познать в нем то, чем он действительно был,— величину, для нас недосягаемую, величайшую духовную силу нашего времени. Его принципы упрощения жизни и та вера, которую он основал на них, нам, несомненно, чужды, и многим из нас он, пожалуй, казался даже хватившим через край. Установившийся в последнее время обычай запрашивать его как оракула о его мнении по всем текущим литературным и политическим событиям вызвал много изречений с его стороны, которые могли казаться странными. Но пророк не знает компромиссов, и требовать от него тех допущений и условностей, с которыми должны ежедневно мириться люди меньшие, хотя не менее искренние, более вмешанные в мирские дела, это значило бы отвергать именно те самые высшие качества, которые и составляют его величие. Вся его жизнь, после того как он покончил с бурными годами молодости, представляет в своей абсолютной цельности нечто поразительное и даже страшное, и последний неожиданный его акт — в полном соответствии со всем остальным. Толстой в пятидесяти- и семидесятилетнем возрасте и Толстой свыше восьмидесяти лет — все один и тот же человек. Много ли есть людей, великих и малых, о которых можно было бы сказать то же самое?»[19]

В «Daily Mail» был напечатан некролог, принадлежавший перу переводчика Толстого *Э. Мооода*, в котором подчеркивалось, что всеобщий интерес к Толстому основывается, прежде всего, на его необыкновенной искренности,— а также анонимная статья «Толстой как учитель», в которой читаем:

«Смерть престарелого, восьмидесятидвухлетнего Толстого отняла у современного мира одну из его величайших и своеобразнейших фигур — человека, который будоражил своих современников, вероятно, гораздо более глубоко, чем любой другой мыслитель и писатель со времен Руссо. Как ро-

манист он действовал в высокой и оригинальной сфере. Читая „Севастопольские рассказы", или „Анну Каренину", или „Войну и мир", мы чувствуем, что он дает нам не впечатление о жизни, а самую жизнь, истинно пережитые мгновения и воплощенные мысли. Никто не смог передать с такой правдивостью и силой психологию войны; ничье воображение не смогло угадать со столь тонкой проницательностью последние переживания героической личности».

Из «Pall Mall Gazette» от 21 ноября:

«Если бы Толстой жил сто лет тому назад, Бетховен написал бы и посвятил ему другую „Героическую симфонию".

Из журнала «Sphere» от 26 ноября:

«С Толстым исчез один из величайших людей современности — величайший художник и величайший наставник. Как художник он, несомненно, будет жить вечно».

Лондонский журнал «Fortnightly Review» напечатал в декабрьском номере вместо некролога стихотворение *Хьюлета* «Толстой», в котором оплакивался «погибший Титан».

* * *

«Смерть Л. Н. Толстого произвела здесь подавляющее впечатление,— отмечал 20/7 ноября берлинский корреспондент «Русского слова». — „Berliner Lokal Anzeiger" в экстренном выпуске первый сообщил печальную весть о кончине великого писателя. Известие произвело тем большее впечатление, что в утренних изданиях сообщалось о перемене к лучшему в здоровье Льва Николаевича. Телеграммы берутся нарасхват, редакции газет осаждаются желающими узнать о правдивости этой вести. *Зудерман*, *Лёвенфельд*, *Шпильгаген*, *Керр*, *Гарден* и многие другие писатели и литераторы просили вашего корреспондента высказать русскому обществу их глубокую печаль по поводу кончины величайшего из современных писателей. Они единодушно говорят, что Толстой умер как пророк, провидец, гений, в полной гармонии с внутренним „я", в согласии с совестью ⟨...⟩ Вторичные срочные выпуски газет вышли с портретами Л. Н. Толстого и сообщениям о последних минутах его жизни. Выпуски раздаются бесплатно на всех улицах и перекрестках. Многие магазины, кафе и рестораны успели, несмотря на воскресенье, выставить в окнах портреты Л. Н. в траурных рамках. Сочувствие публики поразительное. Кругом только и слышны разговоры о Толстом»[20].

«Понедельничные газеты полны горячих и страстных некрологов и статей, оплакивающих мировую незаменимую потерю,— сообщал тот же корреспондент на следующий день. — Оценка художественного творчества Льва Николаевича единодушна: Толстой — гений. О философском миросозерцании Л. Н. Толстого спорят, говоря, что моральная ценность последнего безграничная, высокохристианская, достойная трепетного поклонения даже тех, кто его не разделяет»[21].

«В течение всей своей жизни Толстой бился над тем, чтобы, познав истину, привести в строгое соответствие свою жизнь и свое учение,— писала Роза *Люксембург* в газете «Gleichheit»,— а когда подступила смерть, он, восьмидесятидвухлетний старец, совершил отчаянный побег, порвав оковы буржуазного семейного быта; он покинул свое гнездо, как старый ослепший орел, который, напрягая последние силы, устремляется в полет, навстречу ветру и туманам, чтобы упасть с разбитыми крыльями и умереть на чужом пороге.

Толстой был величайшим художником второй половины XIX столетия не только русской, но и мировой литературы ⟨...⟩

Дело жизни Толстого— это достояние культуры, и сознательный рабочий класс, грядущий наследник культуры, склоняет свои знамена с благо-

дарностью и уважением над могилой великого художника и великого человека, который по-своему до конца боролся против эксплуатации и угнетения и до самой смерти не знал никаких компромиссов»[22].

Редактор «Berliner Tageblatt» *Т. Вольф* писал в своей газете 21 ноября:

«Умер последний из великих пророков — Лев Толстой достиг конечной цели своего паломничества. В станционном здании Астапово, где свалился изнуренный, измученный лихорадкою необыкновенный странник, покоится теперь его исхудалое тело с изможденным, обросшим бородою лицом, и ветер разносит скорбный плач по нем над беспредельной русской землей〈...〉

И то, что не в состоянии был прежде постигнуть разум умудренных жизнью и просвещенных людей, кажется теперь таким естественным, почти необходимым! Стоит только вникнуть в ход развития Толстого — и последний эпизод его жизни покажется логическим завершением всего проделанного им пути, который отличался исключительным единством и целеустремленностью и был столь же последователен, как последовательно его творчество〈...〉

Не только пророк, стремившийся с евангелием в руках освободить человечество, проявился в Толстом с первых же шагов его творческой деятельности, но и беспощадный критик, посмевший коснуться самых прочных традиций. Он сорвал с милитаризма блестящие покровы, которыми правители пытаются сделать его приемлемым для народов...»

Статья Вольфа, подчеркивавшего полное единство творческого пути писателя, выгодно отличается, как мы видим, от большинства других высказываний иностранной критики того времени, резко отделявшей Толстого первого периода от Толстого последних десятилетий его жизни, а также Толстого-художника от Толстого-мыслителя.

Из «Vossische Zeitung»:

«Со смертью Толстого скрылась величайшая и самая гениальная личность Европы. Трудно спустя несколько часов после смерти писать о Толстом. Для этого потребуется десятилетие. Однако достаточно бросить взор на пройденную им жизнь, чтобы увидеть, что она была полна огромного значения красоты и мощи»[23].

Социал-демократическая газета «Leipziger Volkszeitung» отмечала, что у могилы Толстого рабочий класс стоит искренне опечаленный. «Пролетариат не может удалиться от капитализма в пустыню, он должен и хочет побороть его на благо всего человечества, но он склоняет обвитые трауром знамена перед гробом человека, сердце которого полно было любовью к угнетаемым»[24].

Из социал-демократической «Vorwärts»:

«Кто не разделял веры Толстого, тот любил его за мужество убеждений. Поэтому его личность приковывала к себе все бьющиеся сердца»[25].

Из передовой статьи «Frankfurter Zeitung», посвятившей 21 ноября Толстому весь утренний номер:

«Завершился целый период в истории человечества. Современность высказалась до конца. Последний исполин духа ушел из жизни — последний из великих европейцев... И вот великий сын земли русской возвратился в объятия своей родной матери〈...〉 Теперь, когда его благородные очи угасли, безграничная скорбь овладела миром, и эта скорбь оттеснила на время все остальные чувства.

Льва Толстого — великого, неповторимого Толстого, которым наш век достиг звездных высот,— уже нет в живых! Столетия, быть может, пройдут прежде, чем Земля увидит равного ему. Если бы культура была действительно важным фактором для живущего поколения, весь земной шар окутался бы траурным флером от полюса до полюса. Но только немногие знают, что́ собой представлял Лев Толстой,— немногие,

но это истинные представители человечества. Они посылают русскому народу, особенно остро ощущающему эту утрату, свои соболезнования, и готовят место Толстому в пантеоне бессмертия — и не Толстому-апостолу, который вскоре будет забыт, как забыт его предшественник Ж. Ж. Руссо, а художнику, имя которого называется в ряду величайших художников всех времен...»

Г. Гауптман поместил в «Berliner Tageblatt» 21 ноября следующую статью, озаглавленную «Толстой»:

«Толстой умер. Мир потерял своего второго Савонаролу. Не стало единственного великого христианина нашего времени. Церковь предала его анафеме. Будь это в ее власти, она сожгла бы его, как Савонаролу, и превратила бы тело его в пепел. Но их проклятье посягает на большее: оно обрекает душу на вечные муки. И вот сбываются Писания, как и должны были сбыться. И вновь является истинный Христос, истинный помазанник, камень преткновения, святой соблазн.

Многие считали Толстого безумцем. Но Иисуса, Спасителя, также считали безумцем. Он был человек. Он был брат наш. В нем горел всепоглощающий огонь любви, человечности. Синод принял этот огонь за адское пламя. А в нем горел дух, который церковники не могли погасить своими заклинаниями, ибо бог превыше всех властолюбивых священнослужителей.

Толстой не был реформатором. Он был больше, чем реформатором. Тот, кто этого не чувствовал при его жизни, почувствовал теперь, когда жизненный путь его завершен. Тот, кто не чувствует это теперь, почувствует через двадцать лет. Страшней и сильней, чем рука живого, стучится святая десница усопшего в церковные врата и, проникнув внутрь храма, чертит на стене огненные слова „Мене, текел, фарес“»[26].

Корреспонденту «Русского слова» *Гауптман* сказал:

«Россия потеряла своего Лютера, а человечество — великого художника и редкую личность. Бегство Толстого из мира меня не поразило, ибо вся его философия основана на отрицании житейской суеты и повседневности. Его уход — прекраснейшее побуждение, дополнившее духовную красоту души его. По моему убеждению, Толстой предчувствовал смерть. Одержимый мистическим страхом, он решил последние минуты провести наедине с душою. Этот заключительный факт ставит его наряду с Буддой и Лютером и другими великими реформаторами. Я во многом расхожусь с Толстым, однако преклоняюсь перед титаническим обаянием его гения. Для России его смерть, несомненно, незаменимая утрата, ибо Толстые не рождаются каждое столетие. Я негодую по поводу кощунственных сплетен о рекламности ухода. Нужно низко пасть, чтобы сметь гиганту духа приписать подобное» [27].

Всемирно известный иенский ученый-естествоиспытатель, высоко ценимый К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным, *Э. Геккель* дал специальному корреспонденту «Русского слова» следующее интервью:

«У вас теперь национальный траур!.. Искренне сочувствую. Смерть Толстого лишила и меня одной надежды — познакомиться с ним. Это было моею мечтою. Мне страшно хотелось поговорить по душе с человеком, проповедовавшим диаметрально противоположные мне взгляды. Мистическое понимание мира Толстым мне чуждо, однако я глубоко его чувствую. В своих „Мировых загадках“ я изложил концепцию того, над чем работаю более полустолетия. Мистицизм — элемент невозможный в натурфилософии. Он исключается из синтеза натуралистического мировоззрения. Там, где приходится сталкиваться с самой природой в ее первоначальных механических проявлениях,— мистика исчезает. И вот, в силу того, что Толстой стоял выше той материальной оболочки, которую я так тщательно изучаю, мне мучительно хотелось с ним познакомиться. Но мне

страшно не везло! Лет десять тому назад я был в Москве и совсем было собрался в Ясную Поляну, но случайно встретился с покойным Верещагиным, и моя поездка расстроилась. Мы с Верещагиным вместе исколесили Россию и даже добрались до Сингапура. От него я узнал массу интересного о Толстом и особенно усердно принялся за его изучение. Поверите, „Войну и мир“, „Анну Каренину“, „Воскресение“ и „Крейцерову сонату“ я прочитал по нескольку раз. „Смерть Ивана Ильича“ и „Холстомер“ мне окончательно открыли глубину Толстого. К стыду своему, я меньше знаю Толстого-философа, нежели Толстого-художника.

Но разве вся его философия не сказалась хотя бы в „Смерти Ивана Ильича“?

Бесспорно, со смертью Толстого человечество потеряло лучший брильянт мирового гения! Это незаменимая, тяжелая утрата для всех нас, ибо Толстой был в такой же мере русский, как и немец и француз.

Но против одного мне хотелось бы поднять голос. Некоторые почему-то, в силу ли великой скорби или других соображений, назвали Толстого „сверхчеловеком“.

В этом эпитете масса лжи. Толстой был именно *человек*. В том обширном, всеобъемлющем смысле, как он рисовал себе человека-христианина. Современная церковь до того обезличила облик христианина, догма настолько заглушила дух, что лишь вне ее влияния может развернуться человек. Трагизм Толстого, по-моему, заключается в том, что он до последних дней не мог окончательно отделаться от *духовного* влияния его окружавших. Уж слишком сильно было противоречие между ним и семьей. Нетрудно себе представить, какие внутренние муки переживал Толстой, раз он у края могилы решил отречься от семьи, мира, друзей, всего того, что его еще связывало с современностью. Меня называют апостатом Толстого. Это верно! Но я все-таки глубоко преклоняюсь перед именем того, чье место в ряду величайших реформаторов истории»[28].

Social-Demokraten.

3. Novbr. Frihed. Lighed. Broderskab. 1910. — Nr. 324.

Telefon.

Tolstojs Død.

Klagen afvist.

Fritz Petersen.

СООБЩЕНИЕ О СМЕРТИ ТОЛСТОГО В ДАТСКОЙ ГАЗЕТЕ «SOCIAL-DEMOKRATEN» 23 НОЯБРЯ 1910 г.

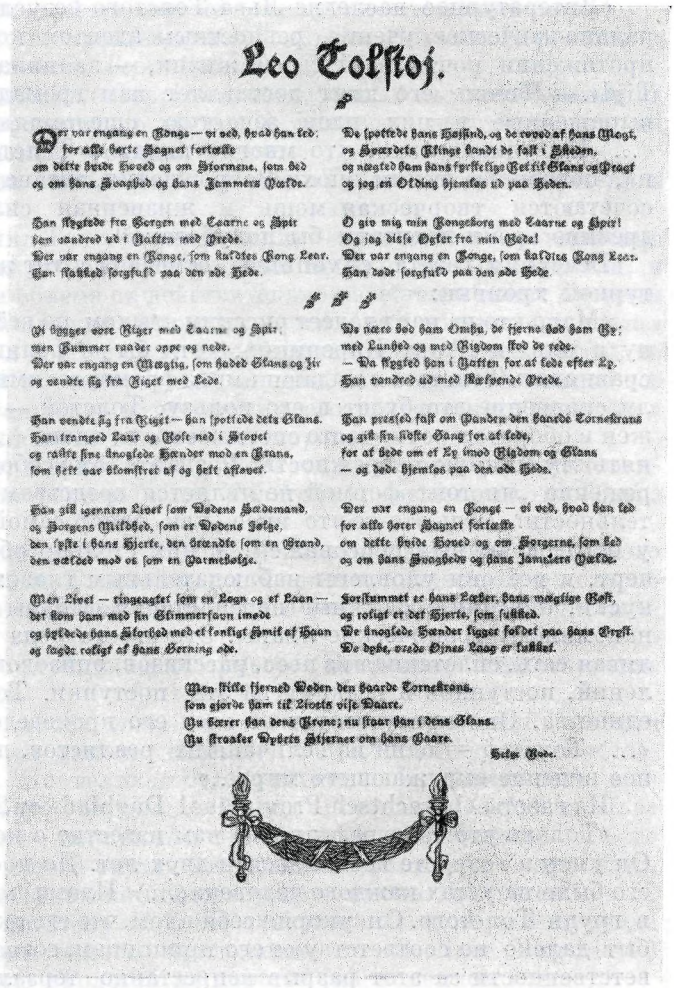
Фрагмент

Справа, в тексте сообщения — фотография: Толстой, С. А. Толстая и В. Г. Чертков

«ЛЕВ ТОЛСТОЙ». СТИХОТВОРЕНИЕ ДАТСКОГО ПОЭТА ХЕЛЬГЕ РОДЕ НА СМЕРТЬ ПИСАТЕЛЯ

Датский еженедельник «Ugens Tilskuer» от 25 ноября 1910 г.

Номер посвящен Толстому



Leo Tolstoj.

Der var engang en Konge — vi ved, hvad han led:
for alle hørte Sagnet fortælle
om dette hvide Hoved og om Stormene, som bed
og om hans Svaghed og hans Jammers Pælde.

Han flygtede fra Borgen med Taarne og Spir
han vandred ud i Natten med Prede.
Der var engang en Konge, som kaldtes Kong Lear.
Han slakked sorgfuld paa den øde Hede.

De spottede hans Høisind, og de roved af hans Magt,
og Sværdets Klinge bandt de fast i Skeden,
og nægted ham hans fyrstelige Ret til Glans og Pragt
og jog en Olding hjemløs ud paa Heden.

O giv mig min Kongeborg med Taarne og Spir!
Og jag disse Øgler fra min Rede!
Der var engang en Konge, som kaldtes Kong Lear.
Han døde sorgfuld paa den øde Hede.

* * *

Vi bygger vore Riger med Taarne og Spir;
men Kummer raader oppe og nede.
Der var engang en Mægtig, som haded Glans og Jir
og vendte sig fra Riget med Lede.

Han vendte sig fra Riget — han spottede dets Glans.
Han tramped Laur og Rose ned i Støvet
og raskte sine knoglede Hænder mod en Krans,
som helt var blomstret af og helt afløvet.

Han gik igennem Livet som Dødens Sædemand,
og Sorgens Mildhed, som er Dødens Følge,
den lyste i hans Hjerte, den brændte som en Brand,
den vælded mod os som en Parmebølge.

Men Livet — ringeagtet som en Løgn og et Laan —
det kom ham med sin Glimmerfavn imøde
og hyldede hans Storhed med et lønligt Smil af Haan
og lagde roligt af hans Gerning øde.

De nære bød ham Omhu, de fjerne bød ham Ry;
med Lunhed og med Rigdom stod de rede.
— Da flygted han i Natten for at lede efter Ly.
Han vandred ud med skælvende Prede.

Han pressed fast om Panden den haarde Tornekrans
og gik sin sidste Gang for at lede,
for at bede om et Ly imod Rigdom og Glans
— og døde hjemløs paa den øde Hede.

Der var engang en Konge — vi ved, hvad han led
for alle hører Sagnet fortælle
om dette hvide Hoved og om Sorgerne, som bed
og om hans Svagheds og hans Jammers Pælde.

Forstummet er hans Læber, hans mægtige Røst,
og roligt er det Hjerte, som sukked.
De knoglede Hænder ligger foldet paa hans Bryst.
De dybe, vrede Øjnes Laag er lukket.

Men stille fjerned Døden den haarde Tornekrans,
som gjorde ham til Livets vise Daare.
Nu bærer han dens Krone; nu staar han i dens Glans.
Nu straaler Dybets Stjerner om hans Paare.

Helge Rode.

26/13 ноября берлинский корреспондент «Русского слова» сообщил в свою газету: «Сегодня в рейхстаге „большой день“. Трибуны, ложи, зал переполнены. Кабинет почти в полном составе〈...〉» и привел выдержку из речи социал-демократа *Г. Ледебура*, видного немецкого социалиста, впоследствии участника Германской революции 1918—1919 гг., выступавшего против милитаристских и антидемократических поползновений германского императора:

«Необходимо вспомнить великого русского писателя-мыслителя Толстого, защитника мира. Толстой изучал войну не на парадах и смотрах, а на поле битвы в качестве солдата. Он был величайшим противником войны и поэтому со всей силою таланта и гения духа боролся с братоубийством, видя в этой борьбе цель жизни. Я считаю особой честью упомянуть этого великого человека»[29].

* * *

Уход и смерть Толстого сделали его центром всеобщего внимания и в Голландии[30]. В большинстве газет появились некрологи и критико-биографические статьи.

«Литературное наследие Льва Толстого безусловно переживет его морально-этическое учение, ревностным адептом которого он являлся на протяжении почти всей своей жизни, — заявила 21 ноября газета «De Tijd».— Чтение его книг доставляет нам громадное наслаждение, хотя выраженные в них идеи зачастую ошеломляют своей ошибочностью <...> Не удивительно, что многие видят в Толстом непобедимого титана, подобного людям эпохи Возрождения, титана, в котором многократно сочетаются творческая мощь и жизненная сила,— титана, которого древние греки почитали бы полубогом»[31].

Вечерняя газета «Avonblad» отмечала в тот же день в отделе литературной хроники:

«Мало кто из нас владеет русским языком, но всё же мы все читали „Войну и мир" и „Анну Каренину", хотя бы во французском переводе. Если сравнивать Толстого с выдающимися французскими натуралистами, то вряд ли сравнение это будет в его пользу. Толстой — плохой стилист, небрежен в оборотах речи, часто спотыкается на слове <...> Но разве нельзя понять эту мнимую небрежность? Разве это само собой разумеющееся пренебрежение „чистой" формой не является средством своеобразной выразительности? Ведь это не что иное, как напор самой жизни!<...> Как много у него различных персонажей! У них столько общих и индивидуальных черт, и все они уловлены наблюдательным глазом автора. Дробление на куски, описания, сложные переплетения фабулы в толстовских романах напоминают тропические лианы. Это своего рода кипящая лава, причудливая сеть, сплетенная из пьес, рассказов, эпизодов, философских размышлений, поступков и реакции на эти поступки. Толстому незачем искать единства. Оно присутствует во всех его произведениях. Это сама жизнь <...> Толстой — один из величайших реалистов, давший свое оригинальное ви́дение окружающего мира...»

Из газеты «Utrechtsch Provinciaal Dagblad» от 21 ноября:

«Только что телеграф принес нам известие о кончине графа Толстого. Он умер в возрасте восьмидесяти двух лет. До последнего мгновения имя его было на устах каждого человека<...> Пламя мятежа всегда бушевало в груди Толстого. Он укорял себя в том, что его окружение, его домашний быт далеко не соответствуют его принципам, сознание своей моральной ответственности за этот разрыв непрестанно терзало его <...> Толстой никогда не щадил себя. Его побег из Ясной Поляны явился следствием той внутренней тревоги, которую он в течение всей своей жизни безуспешно старался подавить».

* * *

С глубокой скорбью отозвалась на смерть Толстого датская пресса.

«В Толстом жила непокоренная сила природы, превратившая этого удивительного художника в одну из самых замечательных личностей нашего времени — в обличителя, пророка и агитатора»,— указывала «Berlingske Politiske og Avertissements Tidende» 21 ноября.

Газета «Social-Demokraten» писала о Толстом:

«Он был самым знаменитым человеком на Земле. С тех пор как великие апостолы древней церкви завоевали цивилизованный мир, не было имени, более известного, чем Лев Толстой. Всем образованным людям знаком облик русского крестьянина в блузе, подпоясанной ремнем,— великий проповедник, которого не могли сломить ни гонения царского режима, ни отлучение от государственной церкви».

Еженедельник «Ugens Tilskuer» в номере от 25 ноября посвятил Толстому весь раздел «Люди и их деяния», начав его весьма характерными для меркантильной прессы словами: «Со смертью Толстого на бирже славы пал курс акций <...> Продается величие. Кто сможет купить его?..»

Со статьей «Лев Николаевич Толстой» выступил в том же номере журнала известный переводчик произведений Толстого, Чехова, Короленко и других русских писателей *В. Герстенберг*.

«Умер великий художник современности, писатель всеобъемлющих воззрений и мыслей, воспитатель народа и философ, неустанно пытавшийся найти смысл жизни»,— заявил автор.

Здесь же напечатана статья *А. И. Веста* «Толстой как мыслитель и агитатор».

«Выяснить, что значил Толстой для России,— отмечал он,— совершенно невозможно. Многие из его мыслей русская цензура не пропускала, и трудно понять, в каком объеме он действительно известен и понят простым народом, к которому он прежде всего обращался и для которого он сделал так много на практике... А если спросить образованных русских людей, то услышишь о нем весьма противоречивые мнения. Но в одном согласны все (в том числе и иностранцы),— в признании его поэтического гения — в этом его защищают одинаково горячо обе стороны...»

Видный датский поэт и драматург *Х. Роде* также откликнулся на трагическое событие стихотворением «Лев Толстой», помещенным в «Ugens Tilskuer».

В том же еженедельнике (№ 11 от 9 декабря) помещена статья датского писателя *Я. Кнудсена* «Лев Толстой как реформатор общества», в которой он подверг анализу соотношение толстовского учения с учением христианской религии.

Газета «Politiken» опубликовала вместо некролога стихотворение *Т. Крага* «Лев Толстой».

«Лев Толстой,— восклицал поэт,— это отзвук саг и сказаний. Ты жил далеко от нас, а теперь ты замолк навеки<...> Жестокая борьба неистовствует вокруг тебя<...> Но великая буря утихнет... И, словно сага времен борьбы, встанет образ борца<...> Народ России не забудет Льва Толстого, и крестьянин — покорный, страдающий крестьянин — и его жена, расскажут, как много он для них сделал. Да, народ будет жить тысячелетия, и светлый венок он сплетет вокруг имени Толстого»[32].

Известный датский писатель *Г. Банг* напечатал 27 ноября в журнале «Weltspiegel» (иллюстрированное приложение к «Berliner Tageblatt») фантазию, озаглавленную «Толстой на пороге» (на немецком языке):

«Нет, не просто человек умер, ибо двадцать исполинов духа не смогли бы заполнить опустевшее место. Нет, не поэта внезапно постигла немота: пусть все поэты мира провалятся в адскую бездну — от этого мы, вероятно, не много пострадаем.

Здесь только что разбилось сердце народа.

То был огромный дуб в лесу миллионов душ.

То была совесть миллионов, их понятие о справедливости, их религия, их вера: там, где все во всем сомневаются и где отчаиваются, ему верили, и верили ему одному. Верили — и были утешены.

Он был их будущим, он был их надеждой.

Миллионы сомневающихся и отчаявшихся душ указывали только на эту грудь: „Он жив — и в нем жива его родина. Пока это сердце бьется — Россия не может умереть".

Он был их верой и утешением. Благодаря ему и вместе с ним миллионы выстояли в борьбе с тиранией и с преследованиями<...>

Он был их страстью, он был их мужеством.

Он был их глаголящими устами.

Там, где все жили с заткнутыми ртами, он один мог пользоваться своим языком, и среди людей, доведенных до полной немоты, он один еще мог шевелить губами.

Для этой добровольно склонившейся выи палач не мог раздобыть подходящей веревки.

Сердцем и языком, страстью и совестью, упорством и волей, верой и будущим, надеждой и родиной — всем этим был он, всем этим был он для России.

Вот кем будет этот усопший — и только он один — для миллионов русских людей грядущих времен. Вот кем будет он для них.

Для нас же — для всех нас, нерусских, он был исполином, гигантом, незабвенным Подтверждением.

Подтверждением власти духа над миллионами людей.

И он, совершенно беззащитный, был надежно защищен одной только мощью своего духа.

Вот почему эта жизнь, несомненно, может считаться величайшей победой человеческого духа на все времена.

Лев Толстой отнял власть у тирании. Своей гуманностью он лишил ее силы. Толстой имел лишь одно оружие — гуманность, и этой гуманностью, свидетельствовавшей о бесконечной ясности мысли и сострадании к людям, он побеждал в своей борьбе.

Он был живым воплощением объединенной мощи характера и гения<...>

Для России он был устами и сердцем, для всей остальной земли он был Примером. Его творения впоследствии отомрут: в будущие века явится немало гениальных художников. Но память о Толстом будет жить и сохранится навеки<...>

Нет! Нет! Лее Толстой не умер: он лишь переступил через последний порог — через порог царства бессмертия».

* * *

«Норвегия скорбит по поводу кончины великого сына русского народа,— сообщил корреспонденту «Русского слова» известный путешественник *Ф. Нансен.*— Велико здесь его влияние как писателя и апостола любви и мира и глубоко захватывающе»[33].

Норвежский политический деятель, профессор *Ф. Станг* заявил:

«Кончина Толстого вызывает в Норвегии глубокую скорбь во всех слоях населения. Творчество Тургенева дошло здесь только до образованного класса, творчество же Толстого проникло всюду и захватило всех»[34].

Университет столицы Норвегии послал семье Толстого телеграмму:

«Россия лишилась величайшего писателя и мыслителя, но он бессмертен в своих произведениях. Эти произведения преобразуют новые поколения у всех народов, всех племен».

Президент Нобелевского института в Норвегии *И. Г. Левланд* также отправил С. А. Толстой телеграмму (на французском языке):

«Норвежский институт имени Нобеля выражает вам свое искреннее сочувствие и разделяет горе в отношении великой утраты, которая поразила не только русский народ, но и весь цивилизованный мир» (*АТ*).

Из некролога, помещенного в газете «Dagbladet» от 21 ноября:

«...Скончался один из величайших и своеобразнейших людей, которых когда-либо знала история. Эта жизнь, о появлении которой столько раз сожалели русская церковь и русское правительство, вся официальная Россия,— эта жизнь не заставит больше государство и церковь трепетать от пламенных слов, каравших во имя человечества, эта жизнь, явившаяся избранным орудием всемогущества и народной воли,— угасла.

Никого не оставило спокойным известие о смерти Льва Толстого. Его личность и дела настолько проникли в жизнь большинства людей, и все настолько привыкли обращать свои взоры к Ясной Поляне и прислуши-

ваться к словам несгибаемого борца, когда нечто новое возникало в огромном славянском государстве,— что каждый ощущает теперь эту потерю как личную.

Но особенное сочувствие вызывает великий несчастный народ, для которого Толстой, в силу рождения и воспитания, был призван сделать больше всего. Что сможет заменить ему понесенный урон? Кто теперь будет отстаивать дело несчастного, угнетенного русского крестьянина? Чей негодующий голос поднимется теперь против несправедливостей и беззакония? Кто захочет излить насмешку и негодование на людей, стоящих у кормила правления? Русский крестьянин ищет себе друга. И те, кто считает себя его друзьями, но чьи слова лишены силы и авторитета, теперь надеются и ждут великой социальной революции, которая снова явится единственным средством спасения для русского народа. „Великим писателем русского народа" назвал Тургенев в одном письме Льва Толстого. Но он был писателем не только своего народа, но и всего человечества»[35].

Крупнейшая норвежская газета «Tidens Tegn» поместила 21 ноября некролог виднейшего историка и литературного критика *К. Нэрупа.*

«Со смертью Льва Толстого,— писал Нэруп,— ушел из жизни последний и самый могучий представитель великих умов XIX столетия. Он один из когорты тех людей, которых с полным правом можно назвать представителями человечества. Никто после смерти Виктора Гюго не являлся подобной личностью, как всеми почитаемый и внушающий глубокое уважение яснополянский старец. Он сочетал в себе писателя, религиозного проповедника и социального реформатора — триединство сил и функций, которые необходимы для пророка. И им был Толстой в течение последних тридцати лет. И действительно, никто из проповедников прошлого не имел столь многочисленного прихода».

* * *

Взволнованно откликнулась на смерть Толстого и шведская пресса. Еженедельник «Hvar 8 Dag» поместил некролог *Ф. Веттерлунда.*

«Со смертью Толстого,— писал Веттерлунд,— ушел из жизни, возможно, величайший художник и писатель начала 1900-х годов. Его всем знакомый образ предстал перед нами в монументальных размерах на горизонте его необъятной родины. Он был пророком своего народа, и в то же время его интеллектуальное величие с присущими ему недостатками уважалось во всем мире как первостепенная духовная сила».

21 ноября газета «Stockholms Dagbladet» поместила многочисленные материалы о смерти Толстого на трех колонках под заглавием «Толстой скончался»:

«Итак, бегство Толстого от мира закончилось не тихой жизнью отшельника〈...〉, а в переполненной гостинице〈!〉 при железнодорожной станции, где малейшее изменение в состоянии его здоровья подстерегалось массой репортеров, состязавшихся за право первыми передать во все газеты мира известие о том, что теперь Толстой *действительно* умер. Его последняя отчаянная попытка привести в состояние гармонии свое учение и жизнь окончилась внешне этим резким диссонансом, но сам он чувствовал, что достиг *внутренней* гармонии и мира, когда решительно порвал с той жизнью в мнимой роскоши, которая мучила его как бессилие его собственного учения».

Классик шведской литературы, писательница Сельма *Лагерлёф* телеграфировала редактору «Русского слова»:

«Мы лишились величайшего духа. Он потрясал совесть, боролся за страдающих, распространял любовь. Я рада и счастлива, что земные деяния его совершались в мое время»[36].

Глава V

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ.— БЕЛЬГИЯ, ИТАЛИЯ, ИСПАНИЯ, ПОРТУГАЛИЯ, РУМЫНИЯ, ШВЕЙЦАРИЯ, ГРЕЦИЯ

Известие о смерти Толстого было получено в Брюсселе около полудня 20/7 ноября и «мгновенно распространилось по городу. Около редакций газет толпы народа. К четырем часам все газеты выпустили экстренные издания, посвященные, по выражению „Indépendance Belge", памяти последнего апостола, великого поэта русской души, единственного представителя мысли, приобретшего действительно мировую известность». В муниципалитет поступило заявление об установлении в одном из лучших брюссельских парков памятника-барельефа Толстому и присвоении имени Толстого одной из улиц. В книжных магазинах и киосках были выставлены портреты Толстого в траурных рамах. Издательство Нельсон выпустило специальное издание «Анны Карениной», мгновенно раскупленное. Жадно раскупались также дешевые издания «Казаков», «Воскресения» и портреты и медальоны Толстого [1].

Р. де Марэс писал 21 ноября в «Indépendance Belge»:

«Граф Лев Толстой был не только одним из самых великих писателей современности; он был человеком, оказавшим, безусловно, самое огромное влияние на свою эпоху; своими произведениями и всей своей жизнью он дал благородный пример постоянного стремления к самосовершенствованию. Подобные люди — чрезвычайная редкость: лишь время от времени появляются они в людской толчее, факелоносцы, пролагающие новые пути и увлекающие за собой все страждущее человечество...»

Обозреватель *Спадий* писал в «Journal de Bruxelles» 21 ноября:

«Когда Толстой лежал в предсмертной агонии, там, в глубине России, на маленькой захолустной станции, освещенной коптящими лампами, весь мир словно затаил дыхание, благоговейно прислушиваясь к последним ударам этого великого сердца, теперь умолкшего навсегда. Ибо в современном мире, где все так заметно мельчает, Толстой казался единственным оставшимся в живых исполином мысли, одним из тех героев в духе Карлейля, которыми столь богат был минувший век. Повторим многозначительное сравнение Бодлера: эти люди эпического склада были подобны маякам, высившимся в отдалении друг от друга на берегу моря мечты и пронизывавшим тьму светом своих огней [2]. Когда один из них угасал, казалось, будто мгла обволакивает всю землю, и людские толпы замирали в невыразимой тревоге.

Лев Толстой был последним из этих маяков-исполинов, и легко понять, почему его смерть так волнует, так потрясает вселенную: разве для множества душ на распутье, жаждущих проникнуться какой-нибудь верой, хотя бы чисто земной, разве не был он кем-то вроде искупителя, глашатая иных истин, вождя-ясновидца, светоч которого озаряет глубокую тьму неизведанных дорог? И даже такие, как мы, люди, видевшие в нем только гениального писателя, величайшего романиста из всех когда-либо существовавших (ибо его творчество как бы озарено евангельским светом высоких идеалов и, вместе с тем, нет ничего более живого и правдивого, чем это творчество, проникнутое столь потрясающим гуманизмом) — даже мы понимаем, что смерть Льва Толстого — это утрата для всего мира.

Взгляните вокруг <...>: нет ни одного человека, чья смерть пробила бы подобную брешь в цитадели мировой человеческой мысли: ни Д'Аннунцио, ни Мистраль, ни Метерлинк, ни Киплинг, ни тем более Анатоль Франс — это бледное повторение Вольтера — не занимают и никогда не займут подобного места на мировой сцене. Смерть Толстого — это падение старого дуба, мощные ветви которого прикрывали огромный кусок неба: дерево упало, и небо кажется совершенно оголенным...

Смерть эта будет, однако, бóльшим ударом для литературы, чем для философии. Время не сумеет подточить царственную красоту его творений: они будут жить, пока существуют сердца и души, чтобы их чувствовать и понимать. Что же касается социальных утопий автора „Войны и мира", его гуманной мечты о всеобщем братстве, справедливости и самоотречении, то боюсь, что не пройдет и нескольких лет, как они будут преданы забвению: с уходом пастыря, паства учеников быстро разбредется во все стороны, и химерические мечтания Толстого постигнет та же участь, что и благородные чудачества какого-нибудь Сен-Симона или Фурье».

IL GIORNALE DI VENEZIA

GAZZETTA DI VENEZIA

Lunedì 21 Novembre 1910 — ANNO CLXVIII — N. 322 — Lunedì 21 Novembre 1910

LA MORTE DI L. TOLSTOI

Gli ultimi momenti e la morte

Astapovo, 20

La giovinezza di Tolstoi fino al matrimonio

Dalla "Guerra e la pace," alla "Sonata a Kreutzer,"

СООБЩЕНИЕ О СМЕРТИ ТОЛСТОГО И СТАТЬИ О НЕМ В ИТАЛЬЯНСКОЙ ГАЗЕТЕ «GAZZETTA DI VENEZIA». 21 НОЯБРЯ 1910 г.

Фрагмент

Брюссельская газета «Soir», посвятившая смерти Толстого 21 ноября целую страницу, отмечала:

«С Толстым исчезает одна из крупнейших личностей России. Это траур для всего цивилизованного мира. Прежде чем стать признанным пророком, Толстой был всемирно известным писателем».

В бельгийских, как и в других европейских кинематографах, демонстрировались фильмы о Ясной Поляне и похоронах Толстого. При появлении на экране изображения Толстого вся публика благоговейно вставала [3].

Литературный вечер, посвященный Толстому, был устроен в Брюсселе 14 декабря Бельгийской рабочей партией. Он прошел с огромным успехом. Доклад на этом вечере был прочтен профессором *Ж. Экаутом*.

Бельгийские студенты организовали в память Толстого ряд митингов в Брюсселе, Льеже, Антверпене, Генте и Монсе, на которых выступали и профессора. В Вервье после вечера, посвященного памяти Толстого, студенты Высшей текстильной школы устроили демонстрацию, вызвавшую вмешательство полиции [4].

* * *

«Кончина гениального писателя произвела ошеломляющее впечатление,—сообщал римский корреспондент газеты «Речь»,— хотя в течение целой недели *вся Италия говорила о неизбежном конце. Почти вся печать* эту неделю посвящала страницы характеристике Толстого как художника, моралиста и философа. *Известия из Астапова* читались с волнением, и в Риме специальные издания газет, выпускаемые с бюллетенями о состоянии здоровья *Толстого, в полном смысле слова расхватывались толпой*

в несколько минут. Лишь только раздавался крик газетчиков: „Специальное издание. Вести о Льве Толстом",—как выскакивали из домов хозяйки, из магазинов — приказчики, из мастерских — рабочие, рвали друг у друга газеты из рук и тут же вслух прочитывали последние известия из Астапова. По существу, некрологи о смерти Льва Николаевича были написаны и напечатаны пять дней тому назад, при появлении первого (ложного) известия о смерти. Вчерашние вечерние и сегодняшние утренние газеты как бы дополняют прежние некрологи — и эти дополнения занимают одну, две страницы<...>

Но как наемный хулитель шел у колесницы триумфатора, так и присяжные клеветники идут теперь за гробом Толстого. Это представители католической печати. „Popolo Romano" в сегодняшнем номере не упомянуло даже о смерти великого писателя. А ватиканский официоз „Osservatore Romano", дав биографию почившего, только и нашел сказать, что Толстой страдал „бредовой" идеей, ибо „он хотел достигнуть счастья людей на земле, никогда не мог этого осуществить, так как не желал искать этого в римской церкви".

Приблизительно так же, хотя и в менее грубых выражениях, отзывается о Л. Н. Толстом и клерикальный „Corriere d'Italia". Чтобы уяснить причины такого отношения к великому писателю ватиканских кругов, необходимо знать, что Лев XIII считал себя оскорбленным Толстым». Изложив со слов католической «Perseveranza», «отлично осведомленной в делах римской курии», фантастическую историю этого «оскорбления», корреспондент «Речи» саркастически заключал: «...теперь-то официальный орган Ватикана и нашел время для сведения счетов с Л. Н. Толстым»[5].

«Я не скажу, конечно, чтобы старая Италия, католическая, консервативная или буржуазная, Италия „уважаемых" ежемесячников и больших газет так и не сказала ни одного разумного и доброго слова по поводу смерти Толстого,— писал *А. В. Луначарский* в своем обзоре «Смерть Толстого и „Молодая Европа"». — Но то немногое разумное и доброе, что было сказано ее идеологами, совершенно тонет в банальных панегириках<...>

Молодые писатели журнала „Молодая Италия", органа социалистической только еще подымающейся над землею поросли,— тоже замахнулись на Толстого. Он-де давно уже умер, старость — это долгое умирание, и философия Толстого есть психическое старчество, результат разложения этого огромного гения <...> Зато рядом с этим молодой *де Анджелис*, автор статьи „Цвет жизни на смерть Толстого", проникнут благоговением к Толстому-артисту. Он признает его неизмеримую высоту, по сравнению с средним человеческим ростом, он говорит, что только осужденный Толстым Шекспир приближается к нему по богатству созданного им мира, и кончает такими словами: „Этот апостол был также героем в настоящем, карлейлевском смысле слова. Так он жил и так умер. Но человечеству не нужны герои, проповедующие жизнеотрицание. Зато ему бесконечно нужны мощные и неутомимые художники; вот почему, следя за агонией этого старца, мы чувствуем, как трепещет наше сердце, как сердце сына у одра престарелого родителя"»[6].

«Человечество и искусство в трауре: умер Толстой!» — с таким заголовком вышел номер миланского «Secolo» после получения трагического известия. «Не было ни одной более или менее видной газеты, которая не посвятила бы двух-трех страниц Толстому,— сообщал римский корреспондент газеты «Раннее утро».— Биографии, портреты, критические статьи — все это вот уже неделя как не сходит с газетных столбцов».

«„Мир обеднел!",— пишет <римская газета> «Corriere della Sera».— Эти слова, которые у Д'Аннунцио вырвались со смертью Вагнера, сильнее и лучше всего передают впечатление от краткого известия о смерти Льва Толстого. Это не скорбь, не соболезнование, не чувство глубокой боли, а

нечто неизмеримо большее, что охватывает людей при получении этой роковой вести〈...〉 Не человека мы хороним, мы хороним целый мир. Толстой стоял в мире, как далеко светящий маяк над океаном; и после его падения сумерки кажутся непобедимыми и бесконечными. Он среди всех людей был Человеком, достигшим необыкновенной нравственной высоты в силу поразительного внутреннего роста. Он дал пример того победоносного нравственного развития, к какому только способен человек. Не его философия, но его вечно ищущая мысль, ее создавшая, подняла Толстого над всеми людьми, как могучий дуб поднимается над зарослью кустарника. И он умер, этот человек, сраженный роком, выполнив свое великое назначение... Известная репинская картина изображает Толстого идущим за плугом. Это ясный символ того, что он делал в мире. Не было человеческой души, которая при знакомстве с произведениями Толстого не чувствовала бы себя облагороженной, очищенной, возвышенной; не было человеческой души, в которой брошенные семена его проповеди не дали бы прекрасного плода, и только перед таким великим источником живой нравственной силы люди чувствуют себя братьями и близкими. Только при общении с такими людьми, как Толстой, даже самым глубоким пессимистам может казаться, что человечество достойно существования»[7].

21 ноября в органе социалистической партии «Avanti» появилась статья о Толстом *Л. Боттаци*.

«Известие,— писал он,— ожидавшееся в течение нескольких дней всем образованным человечеством с той же непередаваемой тревогой, что гнездилась во всех сердцах накануне смерти Виктора Гюго, дошло до нас сегодня». Далее Боттаци высказывал мнение, что Толстой «не оставил после себя никакой школы. Одинокий в искусстве, как и в жизни, он возвышался над современными русскими писателями словно дуб над зарослями кустарника, защищая своей вековой сенью подрастающее поколение. Его жизнью завершается славный цикл истории русской культуры».

Ф. Скарпелли в статье «Художник», напечатанной 21 ноября в генуэзской газете «Lavoro», восклицал:

«Не знаю и знать не хочу, был ли Толстой апостолом, пророком, философом〈...〉 Я знаю лишь, что он был самым колоссальным художником в Европе после Шекспира, самым обширным интеллектом, который через столетие после рождения Гете постиг огромное множество человеческих ценностей, прежде попранных, исковерканных, и воплотил их в великолепную бронзу своих творений〈...〉

Настанет время, когда наши отдаленные потомки 〈...〉 смогут проникнуть своим проницательным взором в сочетание элементов, способствовавших развитию толстовского чуда,— мы же еще не в состоянии сделать это. Мы можем лишь преклонять колена перед исполинским гробом русского поэта, подобно тому, как преклоняем их умогил Равенны и Страффорда». В Равенне и Стаффорде, как известно, похоронены Данте и Шекспир.

Э. Бодреро писал в «Fanfulla della Domenica» 27 ноября:

«На днях умер последний из трех величайших старцев Севера〈...〉, и с ним умер последний из крупнейших писателей прошлого века〈...〉

Мне кажется не лишним заметить, что одной из стран, где особенно сильно сказалось влияние Толстого, была Италия〈...〉 Я думаю, что именно ему обязаны мы расцветом нашей литературы, — но скорей вследствие сходства задач, чем в результате прямого подражания. Толстой не был обновителем или творцом национального самосознания, а великим, величайшим писателем; властелином-художником был этот человек и, пожалуй, величайшей личностью, порожденной славянской расой.

Толстой — единственный современный писатель, который может достойно выдержать сравнение с Бальзаком. Оба они воплотили в своих

созданиях весь свой народ и целый век истории с поразительным богатством фантазии и необычайным разнообразием вдохновения〈...〉 „Человеческая комедия" и романы Льва Толстого — это две великие эпопеи, которые заставляют вспоминать об эпопеях Ариосто и Гомера...»

Из римской газеты «Asino» от 27 ноября:

«О Толстом говорили: „Последний святой". Да, но святой мятежный. Как святого — мы его не любили; как мятежника — мы любили его.

Он являл собой живой конфликт между великой душой и преступным обществом.

Он олицетворял революцию русского народа против царской тирании, простую и естественную силу крестьянства против развращенной и деспотической олигархии дворянства, божественное стремление к миру и братству против жестокого милитаризма и гнусной теократии...»

Значительная часть «толстого» журнала «Nuova Antologia» от 1 декабря 1910 г. была посвящена памяти Толстого. Видный итальянский писатель-реалист и литературный критик *Л. Капуана* в статье «Кончина Толстого» писал:

«Имя Толстого останется бессмертным благодаря его романам. Все остальное будет интересовать биографов, искателей анекдотов, собирателей причудливых идей, странных мнений, но ничего не добавит к сверкающему ореолу, увенчивающему главу художника».

В том же номере журнала напечатана статья известной писательницы Грации *Деледда*, публикуемая в кн. 1-й настоящ. тома.

Профессор Тереза *Лабриола* писала в «Giornale d'Italia» 21 ноября, предварительно упомянув о «таинственной славянской душе» покойного писателя:

«...Мы приветствуем в Толстом мятежную личность, противостоящую религиозной догме и авторитету официальной церкви〈...〉 Толстой действительно жил, а тот, кто так жил, — не умирает».

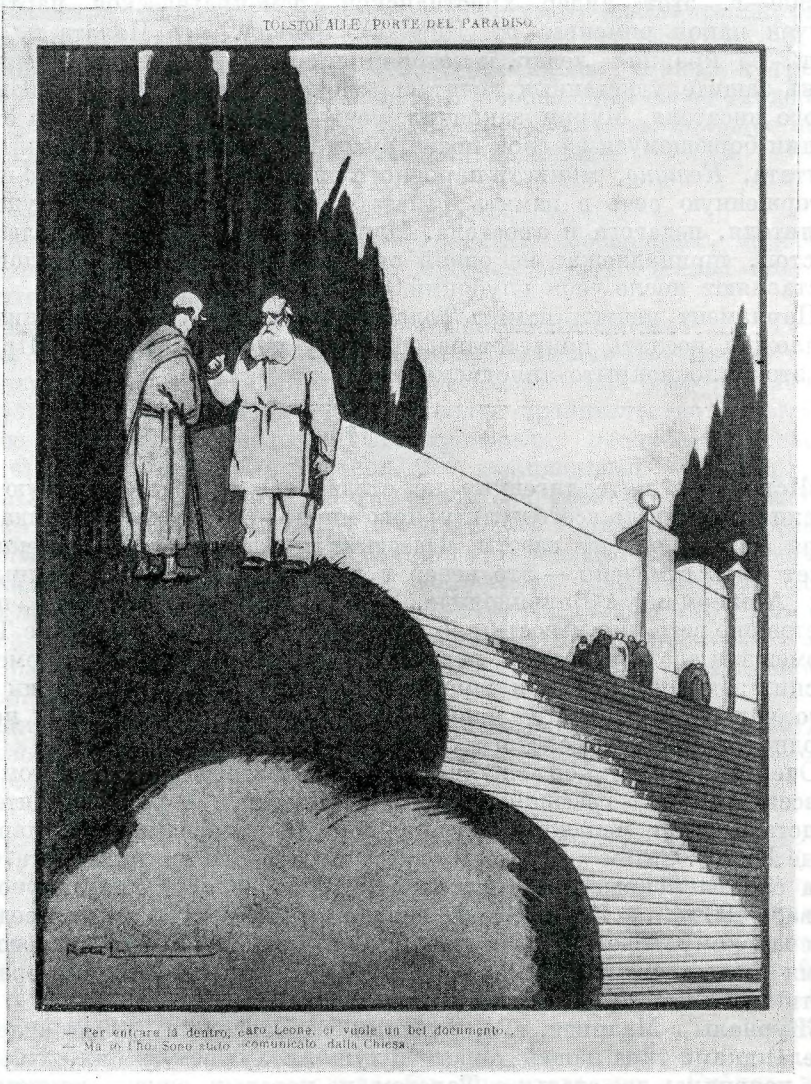
Высказывание профессора *Пьяцца*:

«Величественная простота, сила и реальность работ Толстого, конечно, недоступны ни одному из писателей, ибо если у Виктора Гюго сражаются не люди, а герои, если его Ватерлоо — сверхчеловеческое сражение, то Аустерлиц Толстого — битва людей. Это Россия, это русское общество, это человечество. У других — типы, герои, абстракции, у Толстого — люди, действительность. Великий химик жизни сумел найти ее основные элементы и оживил их на своем плавильнике».

Из некролога популярного итальянского писателя *А. Фогаццаро*:

«Эта колоссальная фигура из пламени и мрака, неколебимо возвышавшаяся пред взорами человечества, вдруг исчезла. Потрясенный, ошеломленный, утративший на миг дар слова, я почувствовал, что должно склонить чело и воздать хвалу источнику силы, откуда воссиял этот непревзойденный созидатель живых душ, непревзойденный певец их судеб и встреч в любви, в ненависти и в борьбе самолюбий, зоркий и безжалостный разоблачитель самых сокровенных их тайн. Он возник в мире Искусства, великан, которого природа одарила исключительной мощью, в чьих творениях ощущаешь не столько силу искусства, сколько силу природы. Он создавал Истину и, кажется, даже не помышлял о том, чтобы создавать красоту. Он словно презирал искусство, как нечто низменное, от мира сего, а не небесное. Он был гласом чистой Истины и горел ее пламенем〈...〉 Как христианин и как писатель я чувствую себя перед ним совсем ничтожным, но горжусь его славой, особенно потому что пред его гением почтительно склоняются все, даже скептики и безбожники и те, для кого нет ничего святого.

Выразив, как сумел, свое религиозное восхищение Львом Толстым, я умолкаю, соглашаясь поневоле на опубликование столь несовершенного изложения своих смятенных чувств и мыслей»[8].



«ТОЛСТОЙ У ВРАТ РАЯ»

Карикатура итальянского художника Раталя
Подпись: «Для входа сюда, дорогой Лев, нужен надлежащий документ».— «Так он у меня есть: отлучение от церкви»

Вырезка из неустановленного итальянского журнала

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

При открытии сессии коммунального совета Рима депутат *Э. Натан* предложил отправить в Россию братское соболезнование по поводу смерти Толстого и таким образом отдать покойному последнюю дань признательности. Слова Натана были покрыты громкими рукоплесканиями[9].

В Специи Палата труда выпустила манифест, в котором прославлялся «грандиозный художник и могучий мыслитель» — Толстой. Палата призвала весь пролетариат «присоединиться к горю, которое смерть Толстого причинила русской литературе и социальной демократии»[10].

29 ноября итальянская Палата депутатов открылась торжественной речью депутата *Р. Мурри*, посвященной Толстому (отметим, что

в 1909 г. этот лидер христианской демократической партии был отлучен папой римским от Церкви). Заявив, что Палата и, в частности, ее крайняя левая, к которой принадлежат люди, посвятившие жизнь защите угнетенных, считает своим долгом почтить память великого писателя, Мурри закончил речь выражением симпатии от имени Италии борющемуся за свои права русскому народу. После речи другого депутата, *Котуно*, министр народного просвещения *Л. Кредаро* произнес восторженную речь в память Толстого, восхваляя его как художника, мыслителя, педагога и апостола. Министр сказал, что такие люди, как Толстой, «принадлежат не одной своей родине, а всему человечеству и оставляют после себя глубокий след».

Парламент почтил память Толстого вставанием. В заключение оратор предложил послать приветствие великому русскому народу. Предложение это было покрыто аплодисментами [11].

* * *

«Испанская интеллигенция не отозвалась на национальную скорбь России и на печаль всего культурного мира,—сообщал из Мадрида 17/4 декабря корреспондент газеты «Одесские новости». — Единственное, что может быть отмечено,— это вечер в память Толстого, устроенный местным „Атенеумом" в Вальядолиде. Испанская пресса, конечно, печатала облетевшие весь мир известия об „уходе", о болезни и о кончине Толстого и помещала его портреты на первых страницах. Но ничего, кроме хроникерских заметок, ни одной заметки о значении его для Испании или для всего человечества〈...〉 В мадридских книжных магазинах я не нашел ни одного портрета Толстого〈...〉

Очередь за критикой. Какова испанская литература о Толстом? Прежде всего — книга графини Эмилии *Пардо-Басан* о русской литературе, представляющая испанское издание мнений и познаний прославленного М. де Вогюэ. Затем — статья лучшего испанского криминалиста, профессора саламанкского университета *П. Дорадо* в его „Этюдах уголовного права", 1901〈...〉 И, наконец, отдельные отзывы, особенно предисловие к испанскому изданию „Воскресения" покойного, единственного за все время существования испанской литературы подлинного литературного критика *Л. Аласа* (псевдоним Clarin).

Журналы в Мадриде, т. е. Испании без Барселоны, представлены еженедельниками типа нашей „Нивы" и хуже. В лучшем из них, „Nuevo Mundo", появились две статьи о Толстом, из которых одна — терпимая биография Толстого, испорченная неожиданным заключением, что „бог Толстого — бог семитов, *ибо* он отвергает авторитеты христианства и не признает церкви!.." Другая статья принадлежит перу лучшего, т. е. талантливейшего и просвещенного из современных журналистов, Рамиро де *Маэсту* и называется — как бы вы думали?—„Tolstoy y la Condesa"*»[12].

Это сообщение корреспондента «Одесских новостей» содержит в себе существенные неточности. Вероятно, ему не было известно, что премьер-министр Испании *Х. Каналехас-и-Мендес*, объявивший себя во время беседы с журналистами «горячим поклонником великого писателя»[13], приказал полиции следить за тем, чтобы собрания по поводу смерти Толстого «не носили политического характера». Это было, по словам корреспондента «Всеобщей газеты», как бы сигналом к тому, чтобы испанский народ особенно горячо отнесся к русскому национальному горю: в Бильбао, Барселоне, Гижоне, Валенсии и Перпиньяне состоялись «гражданские панихиды» по Толстому. «В Тормозе даже по этому поводу про-

* «Толстой и графиня» (исп.).

изошло столкновение с жандармами, которые, однако, вскоре были уведены префектом полиции»[14]. Некрологи Толстого, действительно маловыразительные и банальные, мы нашли в мадридских газетах «А. В. С.», «Correspondenzia Militar», «Imparcial», «Mañana», «Pais», в гренадской «Defensor» и в барселонской «Liberal». Сообщениям же об уходе и болезни Толстого в испанской прессе уделялось такое же большое место, как и в других европейских периодических изданиях.

* * *

Чествование памяти Толстого, по газетным сообщениям, приобрело грандиозный характер в Португалии. Местная печать уделила Толстому исключительное внимание.

Корреспондент «Всеобщей газеты» сообщал из Лиссабона:

«Многотысячная толпа народа заполнила площадь Дон-Педро, и едва только первый оратор пытался начать свое „слово", как ему предложили умолкнуть, так как появилось все временное правительство in corpore*, и первое слово было предоставлено президенту республики Теофилу *Брага*, что придало самому чествованию официальный характер. Теофил Брага назвал Толстого великим гением современного человечества и предложил всем снять шляпы. Затем было много горячих речей, осветивших разностороннюю деятельность великого старца. Для многих совершенно неожиданно грандиозный митинг закончился предложением одного учителя прокричать русское „ура" в честь России, давшей миру Толстого.

Перед открытием заседания Совета временного правительства Португалии Брага выступил с речью, в которой говорил о том, „как велика потеря прогрессивного мира"»[15].

«Среди учащейся молодежи,— отмечал корреспондент,— возбудило огромный интерес объявление о выходе книжки о Л. Н. Толстом специально для народных школ»[16].

* * *

Многочисленные некрологи появились и в румынской прессе[17].

«В стране с самой гнусной правительственной системой быть Толстым— значило быть революционером〈...〉, — заявил *Дик* в статье, напечатанной в социалистической газете „Românîa Muncitoare".— Человек, влияние которого господствовало более полустолетия и еще долго будет господствовать, не может оставить нас равнодушными, не может не быть симпатичным нам».

А. Влахуцэ отмечал в журнале «Universul»:

«С каким удовольствием сослало бы правительство в Сибирь этого неугомонного возмутителя „общественного порядка", если б это не вызвало еще большего потрясения чудовищного „общественного порядка" в России! Но Толстой был славой мира, и вся поразительная инквизиторская организация IV〈!〉 Отделения, вся лживость и жестокость его ничего не могли сделать с Толстым. Он оказался сильней, чем Победоносцев!!»

В газете «Viitorul» *Г. Джурджа* писал:

«Исчез граф и умолк романист, а на их месте стоит теперь величественный, как высокий дуб, человек, босиком, в мужицкой рубахе — яснополянский патриарх. Почему же в наше время, когда существует так много крупных писателей, Толстой наиболее известен, наиболее знаменит? Почему русский, произведения которого можно читать только в переводах, возвышается над всеми остальными, словно Геркулес, принявший на свои плечи небосвод? И снова и снова звучит один и тот же ответ: Толстой проник в глубины человеческой души, он был подлинным гуманистом...»

---

* в полном составе (лат.).

«Толстой был самой блестящей личностью в России и одной из величайших интеллектуальных вершин человечества〈...〉,— читаем мы в журнале „Luceafărul“ от 1 декабря.— Он останется одним из воплощений художника-борца, который не ограничивался увековечением прекрасного, а стремился улучшить жизнь»[18].

Знаменитый румынский критик *К. Доброджану-Геря* писал В. Г. Короленко 11 ноября 1910 г.:

«Смерть гиганта Толстого и вся трагическая обстановка, при которой она совершилась,— это настоящий символ всей теперешней русской жизни. Умер и Толстой! Не верится. Такое огромное зарево света — и исчезло!»[19]

* * *

Не осталась равнодушной к печальному известию и швейцарская печать. 21 ноября редактор «Journal de Genève» профессор *Ж. В〈аньер〉* писал:

«Толстой умер. Угас великий светоч, самый великий светоч нашего времени. И даже те, кто без устали опровергал его утопии и сражался против его идей, испытывают теперь мучительную скорбь〈...〉 Из всех наших современников только он один достоин подлинной славы. Толстой навсегда останется одной из самых благородных личностей в истории человечества».

11 декабря в «Gazette de Lausanne» был напечатан некролог, принадлежащий перу профессора-литературоведа *М. Мийу*:

«Внезапное волнение, охватившее цивилизованный мир, скорбное сочувствие, с которым все взоры были обращены к смертному одру в Астапове, стихийные и грандиозные почести, которые недавно были оказаны памяти Толстого, освящают в нем не только литературную славу, но и одно из самых благородных воплощений человеческой совести, одну из символических фигур Человечества〈...〉

Часть его мастерства, все, что связано с языком, теряется для нас, как мне кажется, в посредственных большей частью, переводах. Но великие его достоинства выходят победителями из этого тяжкого испытания. Гигантские фрески, целый мир, населенный людьми разных состояний, живущих на наших глазах настоящей, реальной жизнью. Это отнюдь не слепые толпы, не сплошной людской поток, как у Золя. Насколько Золя любит приводить в действие массы безликих существ, настолько Толстой стремится индивидуализировать своих персонажей. Все, вплоть до самого скромного чиновника, имеют у него собственную физиономию, свой отчетливо выраженный характер».

Возражая критикам, утверждавшим вслед за П. Бурже, будто искусство Толстого ограничивается тщательным протоколированием подробностей, что он является исключительно художником внешнего вида вещей, что он схватывает и с абсолютной точностью передает только то, что может быть увидено, пощупано, услышано и почувствовано, автор пишет: «На это можно справедливо ответить г. Этторе Джанни[20], что мы знаем героев Толстого не только так, как если бы сталкивались с ними на улице или встречали в чьей-то гостиной. Мы знаем их так, словно сами думали их мыслями, волновались их чувствами, словно сами воплощались в них. Критиков мог сбить с толку его постоянный прием авторской беспристрастности — прием, присущий писателям его поколения, один из самых, впрочем, замечательных художественных приемов. Г-н Этторе Джанни сравнивает Толстого с ныряльщиком, который извлекает из бездонных глубин и выносит на свет божий ранее скрытое от людских глаз сокровище: секрет живой индивидуализации персонажей. Именно это и придает творениям Толстого их потрясающую силу. Им почти не страшно серьезнейшее из испытаний — повторное чтение и раздумье. На близком расстоянии они могут показаться нестройными, беспорядочными, шумливыми; но отступите чуть-чуть — и вы увидите, как все фигуры становятся

на свои места, во всей своей объемности и характерности; вы различите основные направления, то мастерство композиции, в котором г. Поль Бурже отказывает Толстому и которое ему не мешало бы у Толстого позаимствовать; отступите еще немного — и перед вами раскроется широкая перспектива; вы проникнете не только в тайну отдельных индивидуумов — а в самую тайну судьбы, которая увлекает людей за собой навстречу радости и горю, чтобы потом тем же мерным, непрестанным движением погрузить в бездонную тьму».

Оспаривая сравнение Толстого с Савонаролой, сделанное Г. Гауптманом (см. выше), Мийу пишет: «Если так уж нужно сравнивать его с кем-либо, то только не сравнивайте его с Савонаролой. Ибо он многое осуждал, но не проклинал; он не призывал на голову грешника громы небесные, серный огонь и потоп〈...〉 Он сам был наиболее оригинальным, наиболее ярким и сильным из своих созданий. И поэтому он остается в недвижном спокойствии смерти тем, чем был в одиноческой своей жизни — существом чрезвычайно далеким от нас, от нашей жизненной колеи; но он стоит во весь рост, величаво возвышаясь над всеми,— чужой, незабвенный, великий».

В анонимной статье «Траур и апофеоз», напечатанной 23 ноября в газете «Genevois», мы читаем:

«Толстой умер. Преждевременная весть на этот раз подтвердилась, и исчезновение великого человека поразило мир глубокой скорбью〈...〉 Особенно поразителен в этой жизни, заполненной столькими трудами, приключениями и драмами, страстный альтруизм, который главенствовал в ней. Во всем творчестве Толстого всегда находишь одно и то же веяние великодушия. Этот человек любил человечество до полного самопожертвования; он бросил вызов всем законам для утверждения своей беспримерной любви к преследуемым и жертвам».

7 декабря 1910 г. в актовом зале Женевского университета состоялось торжественное заседание памяти Толстого, привлекшее к себе всеобщее внимание в Швейцарии[21]. Председатель «Группы друзей русской литературы и мысли» *Л. Вебер-Баулер* открыл собрание, обратившись к присутствующим со следующими словами:

«Смерть Толстого сосредоточила мысль всего цивилизованного мира на этой крупнейшей фигуре современности. Цель сегодняшнего вечера — почтить память человека добра и мира, каким являлся Толстой».

Вслед за тем выступил с докладом «Толстой-писатель» профессор *Б. Бувье*.

«В одном из древнейших мифов,— сказал он,— рассказывается, что когда прогремел вещий голос, оповестивший, что „великий Пан умер“,— всех и вся охватил ужас, и воцарилось полное молчание. Скорбь была всеобщей. Точно так же при известии о кончине Толстого 20 ноября тревожное и глубокое ощущение горя охватило душу всего цивилизованного мира.

Ничья смерть — ни смерть могучего самодержца, ни великого политического деятеля, ни великого художника не смогла бы объединить в столь общем горе людей, самых различных по своей национальной принадлежности и по культурному уровню. Для одних Толстой — представитель избранной расы гениальных художников, сумевших слить в своих совершенных творениях реальность и мечту, действие и мысль, искусство и страсть. Другие восхищаются могучим старцем, который один смог в обществе, взбудораженном, дезорганизованном денежными интересами, поколебать авторитет его науки, его учреждений, его прочно установившихся культов, который осудил всю либеральную цивилизацию XIX века, чтобы воздвигнуть здание совершенной демократии, поистине свободной и счастливой. Другие — поражены зрелищем продолжительной, здоровой, ясновидящей, строго логичной жизни, ясной мысли, которую не в состоянии остановить никакое препятствие и которая доходит до крайней точки при-

нятого ею направления и стремлений, действуя с непобедимой последовательностью, соответствующей ее основам〈...〉

И эта смерть, которая должна была явиться героическим освящением его учения, этот конец жизни, скрытый от глаз мира, спрятанный, утаенный от блеска и шума общественной жизни, сосредоточенный в самом себе, молчаливый и глубоко гуманный; эта смерть старого льва, который ищет, чтобы испустить последний вздох, мрака и одиночества самой дикой пещеры, в самой глухой пустыне,— она спутала, надо в этом признаться, наше понимание семейного долга, но в то же время внушила робость, ослабив бесцеремонное любопытство, она отогнала налетевших воронов, она заставила умолкнуть дифирамбы, она сомкнула уста спорящим, она привела нас всех к размышлениям и молчанию...»[22]

* * *

Корреспондент «Биржевых ведомостей» сообщал из Афин 27 декабря:

«Когда умер Толстой, здешняя пресса, как и во всем остальном мире, откликнулась рядом статей и заметок — с тою, однако, разницей, что в то время как другим нациям удалось высказаться более или менее содержательно, греки не нашли ни одного оригинального слова. Причина простая: у них переведены только „Воскресение“ да „В чем моя вера?“»[23].

Глава VI

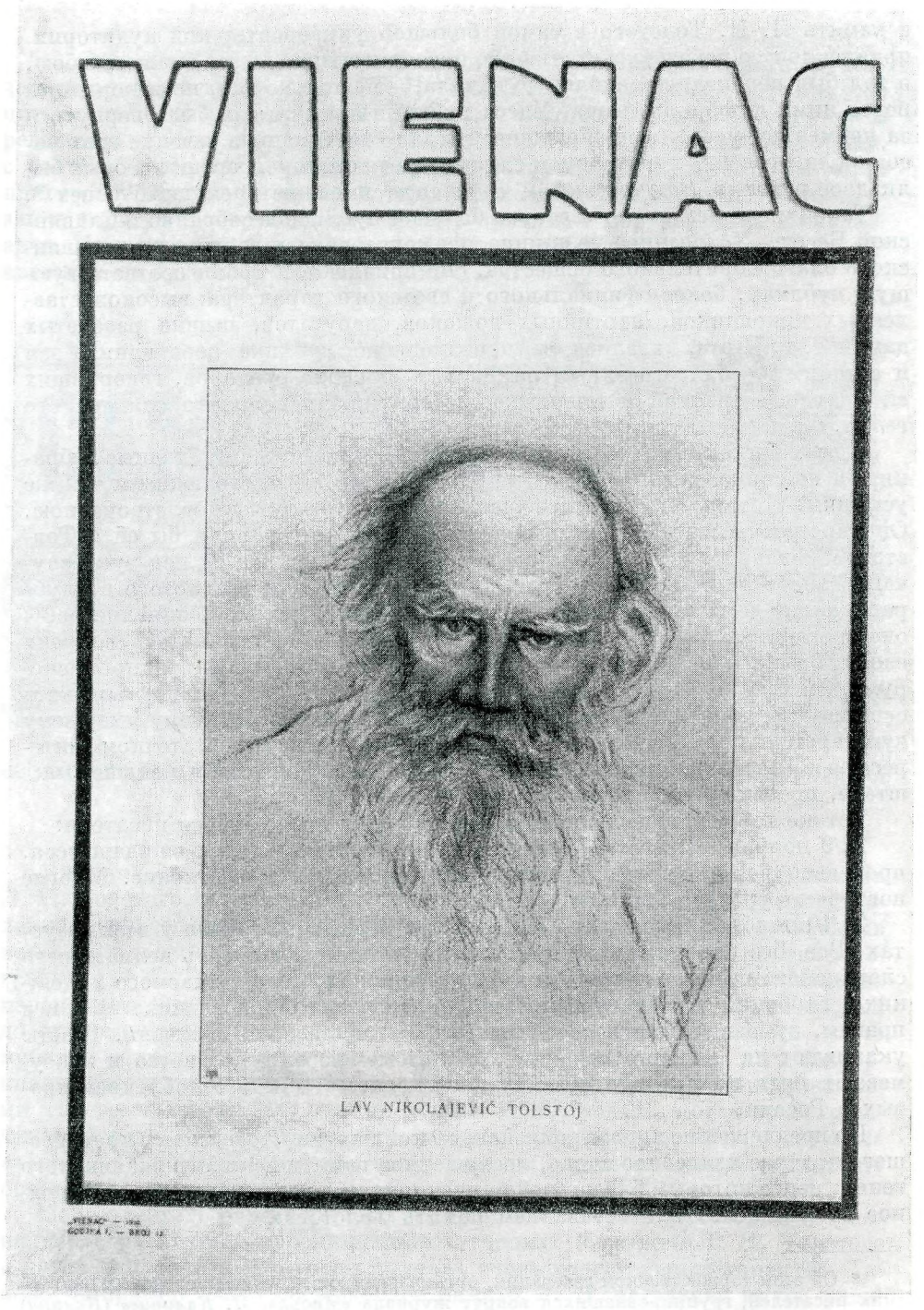
ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ. — БОЛГАРИЯ, СЕРБИЯ, ХОРВАТИЯ, ЧЕРНОГОРИЯ, ЧЕХИЯ, СЛОВАКИЯ

Всеобщую скорбь вызвало известие о смерти Толстого в славянских странах. Большинство периодических изданий поместило обширные некрологи о покойном. Многие газеты были обрамлены траурными рамками.

* * *

Болгарский корреспондент «Русского слова» сообщал из Софии:

«Смерть Л. Н. Толстого вызвала здесь взрыв искреннего и глубокого чувства. Практический, трезвый, столь, казалось бы, несклонный к экзальтации болгарский ум на этот раз как бы изменил себе. Не только передовая молодежь, но и установившиеся, положительные люди старших поколений почувствовали громадность потери, были тронуты, смущены, даже как будто испуганы таинственным значением совершившегося. Та скептическая улыбка снисходительного сожаления, которою была встречена здесь в первый момент весть об уходе Л. Н. Толстого из Ясной Поляны, очень скоро уступила место чувству тревоги, а когда наступил роковой конец, это чувство тревожного ожидания, в свою очередь, уступило место ясному и глубокому сознанию неизмеримости потери и страстному желанию выразить это сознание в какой-нибудь осязательной форме. Прежде всего это почувствовалось в печати, которая позабыла на мгновение о мелочах окружающей жизни и сосредоточила свое внимание на величавом образе ушедшего из мира. Несколько позже, но зато гораздо глубже и горячее, отозвалось на смерть Толстого и общество. Официальная Болгария осталась в стороне. Потому ли, что не хотела ставить в неловкое положение свой Синод или по каким-нибудь другим причинам, но она не пошла дальше сдержанной манифестации в Народном собрании, которое, по предложению председателя, почтило память Л. Н. Толстого вставанием. Предполагавшиеся чтения в учебных заведениях о жизни и деятельности великого старца не состоялись. Но тем горячее реагировала на смерть Толстого публика. Первое же публичное собрание, устроенное



ТОЛСТОЙ

Рисунок Н. И. Кравченко (?), помещенный в хорватском журнале «Vienac» в связи со смертью писателя. Декабрь 1910 г.

Обложка

в память Л. Н. Толстого в самой большой университетской аудитории, привлекло всю передовую столичную интеллигенцию. Места брались с бою, и зал был переполнен задолго до начала,— не только зал, но и коридоры перед ними и даже лестница. Масса публики принуждена была вернуться за неимением места, а пробравшиеся в зал счастливцы в течение трех часов с благоговейным вниманием слушали речи ораторов, среди которых были двое русских, *Богучарский*, и *Викторов*, имевшие громадный успех *.

Такой же успех имело и второе большое публичное собрание в Славянской Беседе. Устроенное по инициативе консервативных элементов славянского благотворительного общества, оно привлекло к себе и соответствующую публику, более официального и светского характера: высокопоставленных чиновников, партийных вожаков, депутатов, пышно разодетых дам и т. п. И эта, казалось бы, неподходящая публика переполнила зал и с таким же благоговейным вниманием слушала ораторов, говоривших ей о художественной и проповеднической жизни великого славянского гения.

И если бы были устроены еще и еще такие массовые публичные собрания, я не сомневаюсь, что все они были бы так же многолюдны и так же успешны. Потому что публика еще не чувствует себя удовлетворенною. Она продолжает искать глазами людей, которые говорили бы ей о Толстом, и с жадностью хватается за всякий попадающийся ей под руку случай. Узнает ли она, что собираются чествовать память Толстого в клубе радикально-демократической партии, в народном доме, у социалистов,— она бросается толпою в указанное место, совершенно не считаясь, вопреки своему обыкновению, с соображениями общественного или партийного декорума. Ей хочется слушать о Толстом на людях, демонстративно, выражать свое позднее признание его величия. В ее интересе к Толстому умершему чувствуется, несомненно, что-то вроде раскаяния в недостаточном интересе ее к Толстому живому... И то же самое, хотя, конечно, в меньшем масштабе, происходит в провинции...»[2]

Тот же корреспондент сообщал в первые дни после смерти писателя:

22/9 ноября: «Известие о смерти Толстого, хотя всеми и ожидавшееся, произвело везде крайне тягостное и потрясающее впечатление. Многие повторяют фразу: „Ушла совесть России“».

23/10 ноября: «Все газеты полны Л. Н. Толстым. Его имя у всех на устах. Все, без различия взглядов, партии оплакивают смерть величайшего славянского гения, великого и в своих ошибках, неподражаемого художника, глубокий ум, благородное сердце, могучего проповедника любви и правды, сумевшего даже своей мечте дать воплощение в жизни. Газеты указывают на мягкое отношение к Толстому своего духовенства и недоумевают пред непреклонностью русской церкви и диким озлоблением правых в России.

По предложению лидера земледельческой партии *Д. Драгиева*, произнесшего краткое хвалебное слово, посвященное памяти великого славянского гения, перед которым благоговейно преклоняется все человечество, Народное собрание почтило вставанием память Толстого».

---

* Об этом торжественном заседании, организованном кружком передовых болгарских писателей, группировавшихся вокруг журнала «Мисъл», *И. Калинцев* (*Калина*) сообщал через некоторое время из Софии: «Ораторами выступали самые популярные и выдающиеся здесь представители молодой болгарской литературы: Пенчо *Славейков*, по общему признанию, первый болгарский поэт нашего времени, высокоодаренный и широкообразованный сын своего самоучки-отца, Петко Славейкова, тоже первого болгарского поэта своего времени; *П. Ю. Тодоров*〈...〉 и известный болгарский литературный критик, профессор Софийского университета *К. Крыстев*. Со стороны сербов говорил известный поэт *Дучич* 〈...〉 Собрание продолжалось более трех часов, но напряженное, почти благоговейное внимание, с которым публика слушала ораторов, не ослабело до конца» [1].

«...Студенты〈...〉 хотели устроить и свою собственную, чисто студенческую манифестацию в честь Л. Н. Толстого,— сообщал из Софии в уже цитировавшейся выше статье *И. Калина*.— С этой целью ими было принято решение в одно из воскресений организовать траурное шествие по городу. с соответствующими речами в заранее назначенных пунктах. Все было приготовлено для этой манифестации. Даже специально для нее был заказан и написан — очень удачно, между прочим,— портрет Льва Николаевича. Но в последний момент манифестацию пришлось отложить по не зависящим от организаторов причинам〈...〉

Бр. 259. Београд, Среда 10. Новембра 1910. год. Год. VIII.

САМОУПРАВА

ОРГАН РАДИКАЛНЕ СТРАНКЕ

УРЕЂУЈЕ РЕДАКЦИОНИ ОДБОР

ИЗДАВНИК

ПАСТ. Н. ПЕТРОВИЋ

Лав Николајевић – Толстој

† Лав Николајевић – Толстој

СООБЩЕНИЕ О СМЕРТИ И НЕКРОЛОГ ТОЛСТОГО В СЕРБСКОЙ ГАЗЕТЕ «САМОУПРАВА», 10/23 НОЯБРЯ 1910 г.

Фрагмент

Упомяну, наконец, и об общественных манифестациях в память Л. Н. Толстого, к которым в течение целой недели давали повод представления здешнего кинематографического театра. На экране воспроизводили во время утренних, как и во время вечерних представлений картины погребения Л. Н.Толстого.Театр во время этих представлений был неизменно переполнен самою разнообразною публикой, от учеников и мастеровых до представителей и представительниц высшего софийского света, и эта публика не только со страстным интересом смотрела картины, но и подчеркивала этот интерес различными, подчас даже оригинальными выражениями своего чувства. Так, она не только аплодировала, когда оркестр начинал играть „Вы жертвою пали в борьбе роковой“, не только вставала во время исполнения марша, но сплошь и рядом начинала подпевать оркестру〈...〉

Надо отметить ряд публичных и партийных собраний, которые устраивались в различных провинциальных городах в память Л. Н. Толстого и которые носили в некоторых случаях очень трогательный характер. Таково, например, было посвященное памяти Л. Н. заседание клуба радикально-демократической партии в придунайском городе Видине〈...〉 Лидер радикальной партии *Н. Цанов*〈...〉, взволнованный, потрясенный вестью о смерти〈...〉, сделал свое сообщение так возбужденно и горячо, что ни сам он, ни его слушатели не могли воздержаться от слез. И политическое собрание в честь великого человека превратилось само собой в трогательные поминки великого учителя и друга...»

Ректор Софийского университета профессор *Б. Цонев* отправил С. А. Толстой следующую телеграмму:

«Софийский университет высказывает глубокое соболезнование по случаю кончины гениального писателя, великого славянина, истинного человека Льва Николаевича Толстого» *(АТ)*.

* * *

Огромное впечатление произвела смерть Толстого в южнославянских землях.

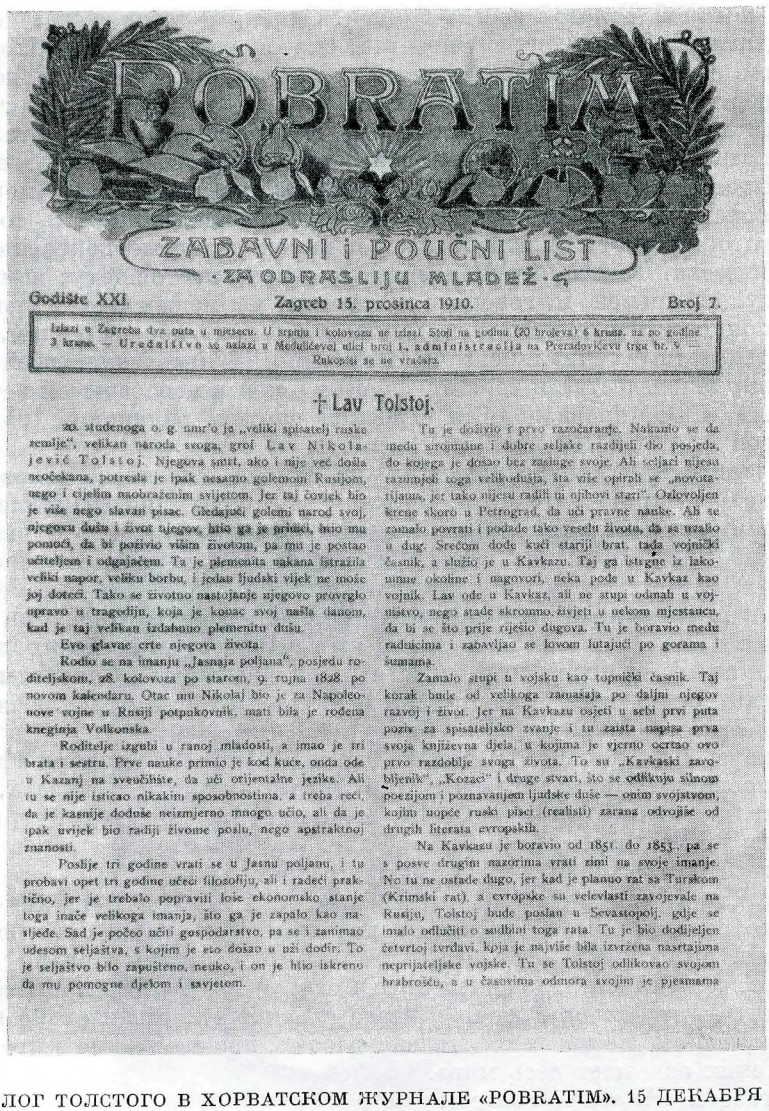
Орган сербской социал-демократической партии «Радничке новине» отмечал в передовой статье 24/11 ноября:

«Есть личности, которых буржуазная печать превозносит до небес, но о которых мы, по их незначительности, не считаем нужным упоминать. Лев Николаевич к ним не принадлежит. И мы, социалисты, имеем причину говорить об этом благородном человеке и мыслителе, быть может, с еще большей теплотой и искренностью и жалеть о нем больше, чем кто-либо другой.

Правда, мировоззрение Льва Толстого не совпадало с нашим; часто он стоял очень далеко от нас, иногда даже на противоположном берегу. Он был проповедником любви ко всем людям и считал эту любовь не только целью, но и средством осуществления общественного идеала; мы же призываем угнетаемый класс к сопротивлению, к борьбе〈...〉 Короче говоря: Лев Толстой — апостол, мы же — борцы. Его мировоззрение, его мышление и мироощущение — религиозные, у нас же — социалистическое мировоззрение, наше мышление и мироощущение основываются на научном фундаменте.

В этом отношении Толстой далек от нас, социалистов, далек, как небо от земли. Но все же между нами есть важная точка соприкосновения. Толстой, так же как и мы, видел страдания современного человечества, нищету, вызванную современным общественным строем, и решением социальных вопросов он занимался столь же страстно, как и мы — социалисты; причем не из тщеславия, снобизма или желания следовать моде, как большинство современных буржуазных художников и философов. Толстой не мог понять причин бедности, несчастий и отчаяния порабощенных классов, народа. Но он глубоко почувствовал их горе, его непритворно человеколюбивая, истинно гуманная душа переживала вместе с народом все его страдания. И действительно, только человек, который искренне и глубоко страдал от бедствий современного общества, от несчастной, бессмысленной жизни огромного большинства своих сограждан, в состоянии был создать такое изображение современного общества, какое мы находим в художественных произведениях Толстого. Возьмите, например, его „Власть тьмы". В отношении сценическом, в отношении художественном, это произведение не особенно отличается от других драматических сочинений. Но все же вы вряд ли когда-либо выходили из театра глубже и сильнее взволнованные и потрясенные, чем после этой трогательной картины бед и нищеты русского мужика. Толстой здесь, как нам кажется, ставит перед собой цель не критиковать, а проповедовать, направлять людей к чистой любви к богу, видя в ней единственное спасение.

Однако здесь он бессознательно вынес потрясающее обвинение русскому царизму, который экономически и политически подчиняет и обрекает на умственную нищету сотни миллионов русских крестьян,— вынес такое обвинение, какого и самый ярый противник царизма не был бы в состоянии произнести. Или возьмем его роман „Воскресение". В этой книге Толстой пытался дать публике современное Евангелие. В действительности же, нет более сильного обвинения против буржуазного общества, чем эта книга, в которой с таким непревзойденным мастерством изображена история падения и страданий одной проститутки, жертвы современ-



POBRATIM

ZABAVNI i POUČNI LIST

·ZA ODRASLIJU MLADEŽ·

Godište XXI. Zagreb 15. prosinca 1910. Broj 7.

Izlazi u Zagrebu dva puta u mjesecu. U srpnju i kolovozu ne izlazi. Stoji na godinu (20 brojeva) 6 kruna, za pol godine 3 krune. — Uredništvo se nalazi u Medulićevoj ulici broj 1., administracija na Preradovićevu trgu br. 9. Rukopisi se ne vraćaju.

† Lav Tolstoj.

20. studenoga o. g. umr'o je „veliki spisatelj ruske zemlje", velikan naroda svoga, grof Lav Nikolajević Tolstoj. Njegova smrt, ako i nije već došla neočekana, potresla je ipak nesamo golemom Rusijom, nego i cijelim naobraženim svijetom. Jer taj čovjek bio je više nego slavan pisac. Gledajući golemi narod svoj, njegovu dušu i život njegov, htio ga je priteći, htio mu pomoći, da bi poživio višim životom, pa mu je postao učiteljem i odgajačem. Ta je plemenita nakana istrazila veliki napor, veliku borbu, i jedan ljudski vijek ne može joj doteći. Tako se životno nastojanje njegovo pruvrglo upravo u tragediju, koja je konac svoj našla danom, kad je taj velikan izdahnuo plemenitu dušu.

Evo glavne crte njegova života.

Rodio se na imanju „Jasnaja poljana", posjedu roditeljskom, 28. kolovoza po staromu, 9. rujna 1828. po novom kalendaru. Otac mu Nikolaj bio je za Napoleonove vojne u Rusiji potpukovnik, mati bila je rođena kneginja Volkonska.

Roditelje izgubi u ranoj mladosti, a imao je tri brata i sestru. Prve nauke primio je kod kuće, onda ode u Kazanj na sveučilište, da uči orijentalne jezike. Ali tu se nije isticao nikakim sposobnostima, a treba reći, da je kasnije dodnše neizmjerno mnogo učio, ali da je ipak uvijek bio radiji živome poslu, nego apstraktnoj znanosti.

Poslije tri godine vrati se u Jasnu poljanu, i tu probavi opet tri godine učeći filozofiju, ali i radeći praktično, jer je trebalo popraviti loše ekonomsko stanje toga inače velikoga imanja, što ga je zapalo kao nasljeđe. Sad je počeo učiti gospodarstvo, pa se i zanimao udesom seljaštva, s kojim je eto došao u bližu dodir. To je seljaštvo bilo zapušteno, neuko, i on je htio iskreno da mu pomogne djelom i savjetom.

Tu je doživio i prvo razočaranje. Nakanio se da među siromašne i dobre seljake razdijeli dio posjeda, do kojega je došao bez zasluge svoje. Ali seljaci nijesu razumjeli toga velikodušja, štaviše opirali se „novotarijama, jer tako oljesu radili tu njihovi stari". Ozlovoljen krene skoro u Petrograd, da uči pravne nauke. Ali se zamalo povrati i podnde tako veselu života, da se uzalo u dug. Srećom dođe kući stariji brat, tada vojnički časnik, a služio je u Kavkazu. Taj ga istrgne iz lakomne okoline i nagovori, neka pođe u Kavkaz kao vojnik. Lav ode u Kavkaz, ali ne stupi odmah u vojništvo, nego stade skromno živjeti u nekom mjestancu, da bi se što prije riješio dugova. Tu je boravio među raduicima i zabavljao se lovom lutajući po gorama i šumama.

Zamalo stupi u vojsku kao topnički časnik. Taj korak bude od velikoga zamašaja po daljni njegov razvoj i život. Jer na Kavkazu osjeti u sebi prvi puta poziv za spisateljsko zvanje i tu zaista napisa prva svoja književna djela, u kojima je vjerno ocrtao ovo prvo razdoblje svoga života. To su „Kavkaski zavobljenik", „Kozaci" i druge stvari, što se odlikuju sjinom poezijom i poznavanjem ljudske duše — onim svojstvom, kojim nupće ruski pisci (realisti) zarana odvojše od drugih literata evropskih.

Na Kavkasu je boravio od 1851. do 1853., pa se s posve drugim nazorima vrati zimi na svoje imanje. No tu ne ostade dugo, jer kad je planuo rat sa Turskom (Krimski rat), a evropske su velevlasti zavojevale na Rusiju, Tolstoj bude poslan u Sevastopolj, gdje se imalo odlučiti o sudbini toga rata. Tu je bio dodijeljen četvrtoj tvrđavi, koja je najviše bila izvrzena nasrtajima neprijateljske vojske. Tu se Tolstoj odlikovao svojom hrabrošću, a u časovima odmora svojim je pjesmama

НЕКРОЛОГ ТОЛСТОГО В ХОРВАТСКОМ ЖУРНАЛЕ «POBRATIM». 15 ДЕКАБРЯ 1910 г.
Страница первая

ного общества. „Воскресение" Толстого дополняет и иллюстрирует как нельзя лучше труд Бебеля „Женщина и социализм". Прочтите обе эти книги, если хотите познакомиться с женским вопросом. А что сказать о „Крейцеровой сонате"? Нет более страшной критики буржуазного брака, чем эта книга. Вы помните то место в „Коммунистическом манифесте", где наши учителя Маркс и Энгельс несколькими яркими штрихами рисуют ложь и аморальность буржуазной семьи, буржуазной любви. Толстой только разработал эту тему в своем прекрасном произведении, и, если бы он был знаком с этим сочинением Маркса и Энгельса, мы убеждены, он взял бы в качестве эпиграфа к „Крейцеровой сонате" не два-три изречения из Евангелия, а несколько строк из „Коммунистического манифеста", относящихся к этому вопросу〈...〉

Произведения Толстого — гениальные свидетельства гнилости нынешнего политического и общественного строя. Они лучшее оправдание великой социальной революции, которую совершит пролетариат,— рево-

люции, которой Толстой всегда боялся. Однако и тогда, когда человечество сделает, по выражению Энгельса, скачок из царства необходимости в царство свободы, или, по выражению Маркса, перейдет из доисторического периода в исторический,— и тогда произведения Толстого будут иметь значение не только гениального исторического документа. Кроме безжалостной критики современного общества, которая умрет вместе с этим обществом, в творениях Толстого есть художественные, моральные и философские элементы немеркнущей, неувядающей ценности, совершенством которых смогут наслаждаться и высокоразвитые поколения будущего общества! Толстой принадлежит не только настоящему: он мыслил и для будущих времен, и, говоря о его смерти, мы можем смело употребить традиционное выражение о *переселении в вечность*, ибо мы видим, как великая тень этого гениального человека протянулась вдоль всей орбиты движения человечества и теряется вместе с ней в необозримой вечности».

Газета «Самоуправа», орган сербской партии радикалов, заявила в передовой статье 23/10 ноября:

«К высочайшей семье ушедших из жизни гигантов человечества: Зороастра, Сократа, Декарта, Паскаля и других присоединился утром 7 ноября один из самых великих людей современности〈...〉 Словно электрический ток, пронеслось через весь культурный мир скорбное известие о смерти писателя, величие которого по сравнению с другими писателями пропорционально величине народа, среди которого он родился〈...〉 Будучи славянином и сыном сильнейшего славянского племени, Толстой по обширности духа своего далеко выходит за пределы национальности, государства и религии, и неизмеримой глубиной любви своей охватывает все человечество...»

Из передовой статьи журнала «Бранково коло» от 18 ноября/1 декабря:

«О произведениях Толстого можно с полным правом сказать, что они представляют собой огромную реку поэзии, из которой будут черпать все будущие поколения».

Из газеты «Crvena Hrvatska» от 13/26 ноября:

«Мы, славяне, зовемся ли мы сербами, хорватами или еще как-нибудь, особенно гордимся тем, что этот величайший ум — наш брат по крови, славянин, русский〈...〉 Толстой-писатель будет жить столько сколько проживет человечество, но вряд ли это можно сказать о его проповеди〈...〉 Слава его — это слава России и всего славянства, убедительно подтвердившего, что оно не является „низшей расой", ибо сверкание этого славянского гения освещает весь мир».

Из газеты «Hrvatski Pokret»:

«Толстой — пророк нового времени; его голос был так могуч, что заставлял дрожать даже тиранов на престоле — Романовых. Он был большей силой в Европе, чем цари Александр и Николай, чем кайзер Вильгельм. Он был живой совестью русского народа и всего славянского мира; это был величайший и честнейший славянский философ, самый яркий светоч славянства...»

Сообщая о глубокой скорби русского общества, газета «Hrvatska Sloboda» с горечью отмечала:

«Одна только русская церковь не смягчила своего гнева и не разрешает служить панихиды по Толстому — „отступнику и неверующему"〈...〉 Как счастлива была бы Россия, если б у нее было побольше таких „отступников" вместо высших чиновников и членов Святейшего синода!»

В. Дорбич писал о Толстом в хорватском журнале «Pučki List»:

«Толстой был русским с ног до головы, но его благородное сердце одинаково билось для всех, особенно для угнетенных людей и народов〈...〉 Весь культурный мир скорбит над свежей могилой этого знаменитого человека, который покоится под столетними дубами Ясной Поляны

ROČNÍK XXVII. ČÍSLO 49

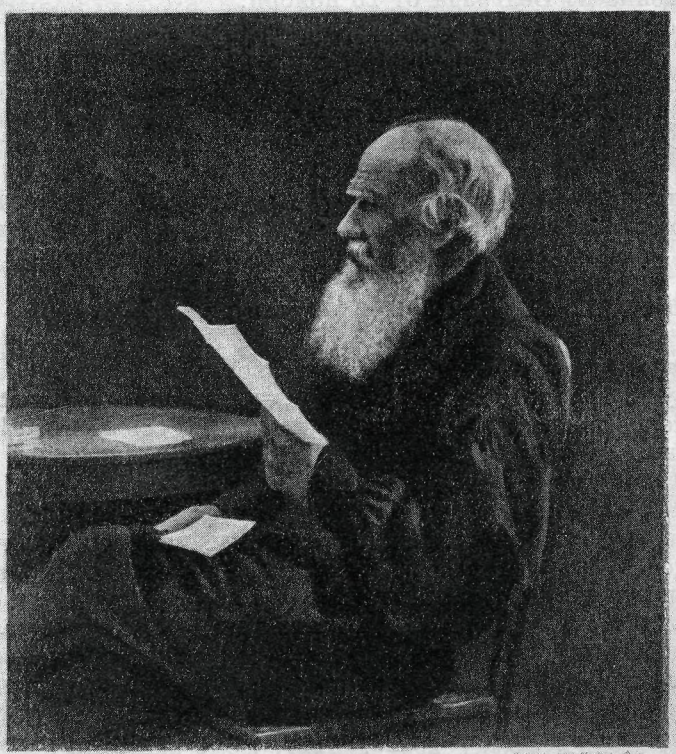
BIBLIOTEKA ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ

ZLATÁ PRAHA

K. VELEMÍNSKÝ: V JASNÉ POLJANĚ

Velicí lidé, vůdčí duchové všeho světa, nám odcházejí. Po smrti Biornsonově Tolstoj zůstává sám, bez soupeře. Je svědomím současného lidstva, velikým zpovědníkem. Stejně jest milován jako umělec, myslitel i jako člověk. A možná, že je všude více prorokem, než ve své vlasti. Není již duchovním vůdcem ruské mládeže. Naopak, dnes v Rusku namnoze ho příkře odmítají a přehlížejí. Vinou jeho jest, že i v revoluční horečce zůstával věren sám sobě a neprestával proti jakemukoliv násilí stavěti svou filosofii lásky. Byl odsuzován div ne jako reakcionář, on, v němž ruská vláda viděla duševního otce revoluce.

Pomalu ukládají se v Rusku rozbouřené viny, dostavuje se zase chladná rozvaha. Poznává se, že největší syn svého národa chtěl jeno blaho a že svým způsobem viděl daleko vpřed. Tolstého nemůže ani sebe příkřejší revolucionář vyškrtnouti z dějin posledních desetiletí v Rusku.



Poslední snímek Vladimíra Čerkova

LEV NIKOLAJEVIČ TOLSTOJ

ТОЛСТОЙ

Портрет, помещенный в чешском журнале «Zlata Praha» (1910, № 49).

Одна из последних фотографий писателя. Снимок В. Г. Черткова

Библиотека Музея-усадьбы «Ясная Поляна»

〈...〉 К единодушному хору всех племен Востока и Запада присоединяет свой голос и честный хорватский народ, восклицая: „Слава великому Толстому!“».

Из газеты «Глас црногорца» от 13/26 ноября:

«Со смертью Толстого Россия теряет одного из величайших своих сыновей, а человечество — возвышенного мыслителя и великого поэта».

Из хорватского журнала для юношества «Pobratim» от 15 декабря 1910 г.:

«...Этот человек был больше чем знаменитым писателем. Изучив свой народ, его душу, его жизнь, он хотел поднять его, помочь ему и стал его учителем и воспитателем. Эта благородная цель потребовала огромного напряжения, великой борьбы, для которой сил одного человека не могло хватить. Так его внутреннее стремление превратилось в трагедию, закончившуюся в тот день, когда этот исполин испустил свой благородный дух...»

«1910 год был черным годом для русского народа, а вместе с ним и для всего культурного человечества»,— отмечала газета «Бачки напредак» 1 января 1911 г.[3]

Сообщение из Белграда от 25 ноября:

«В последние три дня Скупщина не работала. Как только сегодня председатель *Николич* открыл заседание и упомянул о кончине Толстого, все депутаты, как один человек, встали со своих мест и прервали речь председателя словами: „Слава Толстому“.

Председатель произнес прочувствованную речь; депутаты выслушали ее стоя.

Скупщина поручила президиуму выразить по телеграфу Государственной думе свое соболезнование и участие сербской Скупщины в горе, постигшем русский народ и весь славянский мир»[4]

* * *

В Праге, при получении известия о смерти Толстого, в знак национального траура на городской ратуше был поднят черный флаг[5]. Вся чешская печать поспешила откликнуться на печальное сообщение. В некрологах, помещенных на страницах социал-демократических изданий «Právo Lidu», «Rovnost», «Hlas Lidu», «Nová Doba», «Svoboda» и «Zář», особенно отмечалась антиклерикальная и антимилитаристская позиция Толстого, его сочувствие угнетенным массам и осуждение буржуазного строя. Толстой-художник в этих статьях, в сущности, почти обходился молчанием.

Клерикальная пресса, встретившая известие об уходе Толстого резким осуждением «атеиста» и «проповедника коммунизма», продолжала свои недостойные нападки на Толстого и в некрологических статьях. Консервативные же газеты, давая высокую оценку художественному творчеству писателя, полностью отвергали значение его публицистической деятельности, особенно осуждая ее обличительный характер и критику современной буржуазной действительности.

Младочешский буржуазный орган «Národní Listy» в некрологе, напечатанном 21 ноября, охарактеризовал Толстого как «евангелиста», который благодаря своей вере в простого человека и человечество вообще превратился в «идеального нравственного анархиста».

Газета «Čas» напечатала ряд статей о Толстом, особенно подчеркивая его теорию непротивления злу насилием. В той же газете 23 и 25 ноября выступил с воспоминаниями о Толстом критик и философ *Ф. Крейчи*, автор книги о Толстом, назвавший покойного писателя «апостолом гуманизма», величайшим выразителем славянской души[6].

И. Фольпрехт, в статье «Трагедия великого человека», напечатанной в журнале «Novina», писал:

«Мы поражены, мы глубоко взволнованы трагедией этого старца, в судьбе его мы видим воплощение трагизма великих реформаторов».

«С Толстым ушел гений, наложивший печать на свое время — великий поэт, великий мыслитель, великий пропагандист, великий живой пример,— заявила редакция в том же номере журнала.— На него должен равняться каждый, кто не хочет быть в наши дни только тунеядцем.

Думаем, что грядущая эпоха назовет Толстого одним из величайших *критиков* жизни, когда-либо существовавших на земле. Критик в нем с самого начала боролся с писателем, чтобы, наконец, почти полностью его победить».

Журнал «Zlatá Praha» в связи со смертью Толстого выпустил в свет специальный номер. В нем напечатана передовая статья *В. Червинки* «Толстой как славянский политик», а также отрывок из воспоминаний *К. Велвминского* «В Ясной Поляне» и посвященное Толстому стихотворение *А. Эуга* «Мужик».

В. Червинка отмечал в своей статье:

«Значение Толстого, этого великого поэта и мыслителя земли русской, ощущается слишком глубоко, чтобы переживаемый нами момент — когда он испустил свой последний вздох, не мог быть назван историческим 〈...〉 С его смертью завершается эпоха наивысшего расцвета и широчайшей, поистине мировой популярности русского реалистического романа. В истории цивилизации мало примеров, чтобы имя одного человека встречало такое огромное и всеобщее признание во всем мире — какое встретил Лев Толстой. Произведения его, наряду с Библией, больше всего распространены по всему земному шару, во всех слоях общества, переведены на бессчетное множество языков — и среди них такие языки, на которые до сих пор мало или совсем не переводились европейские литературы» [7].

Рабочий класс Чехии и Словакии выразил свою скорбь на ряде траурных собраний — в Праге, Брно, Кладно и других городах [8].

26/13 ноября торжественное чествование памяти Толстого состоялось в пражской ратуше. Профессор философии и депутат австрийского рейхстага *Ф. Дртина* «произнес задушевную речь, сказав, между прочим, что сегодняшний день — торжество мира всех народов.

„Мы, чехи,— сказал оратор,— народ Гуса и Коменского, чествуем сегодня величайшего апостола мира, славянского мыслителя и проповедника истинного христианства“».

28 ноября в Праге состоялся многолюдный митинг, устроенный социал-демократами в память Толстого. На нем выступили *И. Коуш*, *Ф. В. Крейчи*, *Ф. Соукуп* и др. В те же дни было принято решение об открытии в Праге русской библиотеки имени Толстого [9].

На имя С. А. Толстой была направлена следующая телеграмма:

«Магистрат города Праги — столицы чешского народа — склоняется в глубокой скорби над гробом великого человека, прославленного мыслителя, бессмертного апостола Льва Николаевича Толстого. Как сыны самого западного славянского племени, мы гордимся тем, что величайший мыслитель XX века был славянин, на которого весь мир взирал с беспредельным восхищением и уважением, а имя его всегда будет упоминаться с благодарностью в истории европейского просвещения».

На следующий день Софье Андреевне была послана из Праги еще одна телеграмма:

«Чешский университет в Праге приносит вам в связи со смертью вашего великого супруга свои глубокие соболезнования. Ректор Я н о ш и к».

Вслед за тем, 26 ноября, С. А. Толстая получила телеграмму от Академии наук:

«Чешская Академия наук, литературы и искусства в Праге, с прискорбием воспринявшая весть о смерти вашего мужа Льва Николаевича,

великого мыслителя и писателя братского русского народа, позволяет себе выразить всей вашей семье горячее соболезнование. Президент Р а н д а» (*AT*).

* * *

О кончине Толстого словацкая общественность узнала из телеграмм, отправленных Д. П. Маковицким к себе на родину. Первая из них была адресована газете «Narodný Noviný», где и была напечатана. Вторая, посланная родным Д. П. Маковицкого, была вывешена ими в витрине писчебумажного магазина в Ружемброке, у которой в течение всего дня толпились жители города.

Словацкие газеты откликнулись на смерть писателя рядом некрологов, в которых явственно проявились тенденции, отмеченные нами выше, в обзоре чешской прессы[10].

Глава VII

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ.— США, КУБА, МЕКСИКА, АВСТРАЛИЯ, ИНДИЯ, ПЕРСИЯ, АРАБСКИЕ СТРАНЫ, ТУРЦИЯ, КИТАЙ, ЯПОНИЯ

Вся североамериканская пресса взволнованно откликнулась на сообщение о смерти Толстого.

Выходившая на русском языке лос-анжелосская газета «Великий океан» отмечала в передовой статье 11 декабря 1910 г.:

«Меньше одним стало из тех, которыми гордится мир. И весь мир оплакивает его кончину. Нет того уголка на свете, где бы известие о его смерти не потрясло общество. И у нас в Америке известие о его смерти произвело сильное впечатление. Все газеты на всех языках оплакивают его смерть. Во всех городах устраиваются траурные митинги в его память. Большинство американских газет оплакивает его как «великого писателя».

Нью-йоркская газета «World» по получении известия о смерти Толстого поместила 21 ноября анонимную статью, озаглавленную «Толстой — великий мятежник».

«Толстой был великим мятежником двадцатого столетия,— заявлял автор статьи,— мятежником в литературе, мятежником в политике, мятежником в религии, морали, экономике; он поднял руку на все людские установления и условности, оскорблявшие его разум и совесть. Он был всемирным Лютером, в любую минуту готовым прибить к двери свои тезисы и заявить: „На том стою. Не могу иначе. Да поможет мне бог!“

Написать „Анну Каренину“ и „Войну и мир“ — это значило вступить в число бессмертных; но еще более высокое бессмертие, чем то, которое может дать литература, заслужено человеком, осмелившимся бросить вызов русскому самодержавию, Святейшему синоду, всем условностям, обычаям и законам своей касты; человеком, который, переступив через все преграды, светские и духовные, обратился с проповедью ко всему миру.

Конечно, то была проповедь странная и не всегда понятная〈...〉 Но великих мятежников не следует понимать буквально, и нет никакой нужды слепо следовать за ними. Их задача — пробудить человечество от летаргического сна и низвергнуть идолов, которым поклоняется род людской. Они редко находят правду сами, но благодаря им другие люди обнаруживают ее, познают и доказывают. Прах Джона Брауна покоится в гробу, а душа его шествует по свету, сбивая оковы с миллионов рабов».

И хотя литературные теории Толстого так же, как его религиозные, экономические и социологические теории, могут быть легко опровергнуты,— заключал автор статьи,— «он является все же одной из самых внушительных фигур современности, и его поколение должно сказать о нем, как Наполеон сказал о Гете: „Это настоящий человек“».

В тот же день нью-йоркская газета «Brooklyn Daily Eagle» посвятила Толстому огромный некролог, в котором охарактеризовала покойного как «первейшего и гениальнейшего философа» второй половины XIX столетия, «великого писателя» и «великого романиста».

Большие статьи о Толстом появились в этот день и в других нью-йоркских периодических изданиях.

Газета «Globe and Commercial Advertiser» начала некролог о Толстом следующим высказыванием *М. Арнольда* об «Анне Карениной»: «Это не произведение искусства — это кусок жизни».

«Изречение Арнольда,— замечал автор статьи,— представляет собой квинтэссенцию мирового общественного мнения о Толстом как мастере литературы. Толстой не был художником в обычном смысле этого слова. Он не измышлял хитроумных фабул. Он не направлял действие своих романов таким образом, чтобы каждый эпизод и каждое высказывание вели с самого начала к заранее предусмотренной писателем развязке, словно в трагедии Софокла. Вместо этого он широко распахнул перед своими читателями огромное окно, давая им возможность наблюдать подлинную жизнь со всеми ее мелочами, случайностями, непоследовательностями и нитями, столь же безнадежно запутанными, как его стиль и все его изложение.

„Война и мир“ и „Воскресение“ — две книги, в которых с предельной яркостью выразился темперамент Толстого. Они подавляют вас многообразием своих достоинств. Сюжет не играет в них ни малейшей роли. Мы широко раскрываем рот от изумления при виде стремительно движущейся, кипящей толпы, состоящей из бессчетного множества отдельных людей. И все эти созданные Толстым личности живы — по-настоящему живы; их самостоятельность возмущает вас, их чувственность вам противна, страдания их заставляют сжиматься ваше сердце. Но вам не уйти от них. Они пристают к вам, подобно навязчивым попрошайкам на улице. Руки их касаются вашего рукава, лица их обращены к вам. Это страшно, но поистине чудодейственно...»

Из «Evening Post»:

«С графом Толстым завершается эра великих современных русских писателей〈...〉 Можно смело утверждать, что почетное место Толстого в литературе его родины, а в особенности за рубежами России, всегда будет связано с его двумя крупными романами — „Войной и миром“ и „Анной Карениной“. Оба эти романа принадлежат к величайшим произведениям мировой литературы...»

Из «Evening Telegram»:

«Толстой — одна из живописнейших личностей нашего времени. Он возвышается над всеми как романист, историк, социальный реформатор и мистик».

Из «New York Daily Tribune»:

«Как нравственный и социальный учитель и реформатор, Толстой потерял свое влияние уже много лет назад, однако во всем мире останется особенно памятной первая фаза творческого пути Толстого, когда он был простодушным и чистым художником, автором „Войны и мира“ и „Анны Карениной“, сотоварищем по литературному поприщу Тургенева, Гоголя и Достоевского. Эта часть его творчества будет продолжать жить и оказывать влияние через долгое время после того, как туманности, путаница, непоследовательности и противоречия его миросозерцания будут сданы в архив забытых философских учений».

Из «New York Times»:

«Нравственное влияние лучших книг Толстого (отнюдь не тех книг, которые он считал самыми лучшими в последние годы своей жизни) было очень велико. Их литературные достоинства великолепны. Нам кажется,

что влияние Толстого на литературу было гораздо сильнее за пределами России, чем на его родине...».

В том же духе высказалась накануне и нью-йоркская газета «Sun»:

«Толстой, как это ни странно, имел гораздо большее влияние за рубежами России, чем в самой России».

Знаменитый писатель *У. Д. Хоуэлс* (об отношении которого к Толстому см. в кн. 1-й настоящ. тома) сделал следующее заявление, появившееся в «New York Herald» 21 ноября:

«Я думаю, что Толстой был поистине великим человеком и поистине добрым человеком, быть может, величайшим и добрейшим человеком своего времени. Граф Толстой был реалистом и в искусстве и в жизни. Точно определить, какое влияние оказывал он на современное человечество,— нелегко, но полагаю, что влияние это было огромно...»

Сын известного экономиста Генри Джорджа, *Г. Джордж-младший*, лично знакомый с Толстым (см. о нем в кн. 1-й настоящ. тома), сказал:

«Я считаю, что граф Толстой является одной из величайших духовных сил в мире, и сила эта еще больше возросла после его смерти».

Автор анонимного некролога, помещенного в «Chicago Daily News», писал о Толстом:

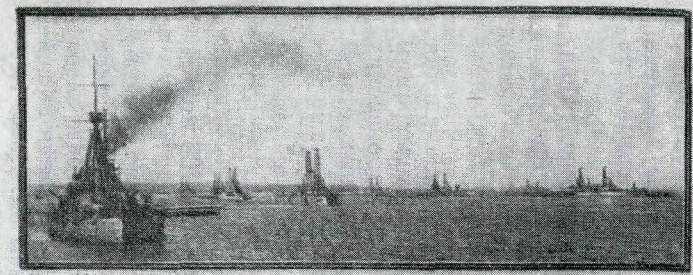
«Это человек, одаренный громадным творческим гением; его проповедь, обращенная к человечеству, взволновала мыслящих людей во всем мире, но он не сумел бы сделать и малой толики того, что сделал, если бы не был абсолютно искренен〈...〉

Человечество будет чтить память этого искреннего учителя и великого человека. Его философия любви и труда, простой и мирной жизни, несмотря на крайности, которые он ей придал, содержит в себе проникновенный урок для рода человеческого, и этот урок нельзя ни отмести, ни забыть».

В другой чикагской газете — «Chicago Record Herald» — появилась статья под названием «Одинокая, неповторимая, героическая личность», анонимный автор которой писал:

«Недостатки и заблуждения Толстого были известны. Он мог быть до крайности нелогичен в своих непримиримых призывах к логике, непоследователен в своем настойчивом требовании строгой последовательности, мог быть парадоксальным и предаваться фантазиям. Он требовал от себя, от других, от всей современной цивилизации невозможного. Он с презрением отрицал науку и философию, почитая их пустейшей болтовней. Он с легкостью обвинял и осуждал исторически сложившиеся установления, нации, общества. Художник редкого дарования, он пришел, в конце концов, к отрицанию высочайших произведений искусства, включая свои собственные, и выдвинул для художников такие правила, которые, если б им последовали, привели бы искусство к гибели. Он сознательно игнорировал законы эволюции, природы и общественной жизни. Он проповедовал такое политико-социальное учение, которое человечество при всем желании не могло бы осуществить. Он обличал собственность, кооперацию, разделение труда, семью, государство. Он невольно пришел к мрачному, фаталистическому пессимизму, сделавшему его равнодушным даже к вымиранию человеческого рода,— и считал если не добродетелью, то долгом поведение, которое бы к этому привело.

Но, несмотря на эти и многие другие странные черты, Толстой был *великим человеком — одним из величайших людей нашего времени.* Он был велик и в нравственном, и в интеллектуальном, и в художественном отношении. Он обладал гением и той способностью к неустанному труду, который делает гений творчески плодотворным. Там, где другие были бы просто смешны, он был божественно велик. Он возбуждал горячее



Part of the American Fleet in Weymouth Harbour.

The English flagship, *Dreadnought*, lies in the foreground.

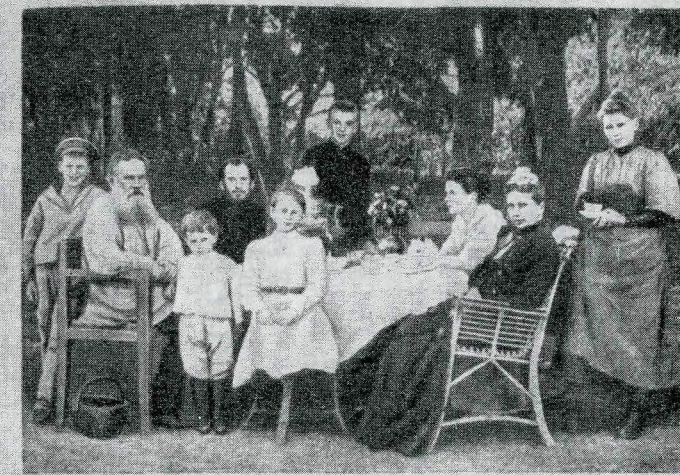
renomination, have given Mr. Roosevelt the worst black eye he has received since he entered politics, and have practically secured the election of a Democrat as the next President. The Democrats converted the Republican majority in the House of Representatives into a Democratic majority of fifty, and have gained such a hold upon the State legislatures that the Republican majority in the Senate will be reduced to ten, of whom at least half a dozen are Insurgents. High prices, rightly or wrongly attributed to the tariff, and a growing impatience with the great trusts and corporations, which have made the Senate their pocket borough and the Cabinet their tool, are the causes which contributed most largely to this remarkable overturn. Mr. Roosevelt is a clever man, but at this election he was too clever by half. He tried to straddle the Insurgents of the West and the more or less Conservative Republicans of New York, and, as a result, he came what may colloquially be described as a howling cropper. He could not have fared worse if he had stuck to his Ossowatomie programme in New York. But, to use his own classic phrase, he was "beaten to a frazzle" in his own State, even his own district round Oyster Bay voting against him. Mr. Woodrow Wilson, Principal of Princetown, was elected Democratic Governor of New Jersey, and Governor Harmon was re-elected by the Democrats in Mr. Taft's own State of Ohio. The chances are that Mr. Harmon will follow Mr. Taft at the White House.

Death of Tolstoy.

On November 20th the last of the great luminaries of the nineteenth century disappeared behind the horizon of mortal men. Count Tolstoy, feeling at last the burden to be intolerable of leading a life of compromise, left his ancestral home, "given to my great-grandfather for committing murders," he told me—and wandered forth, accompanied by a physician, to lead the simple life in solitude. The inevitable result followed with startling rapidity. "It is all very well," said his wife to me twenty-three years ago, "for him to talk about living the life of a peasant. He would not long survive. But for me he would have been dead years ago. Whenever he does a day's ploughing he is ill for a week. If I did not interfere, his attempts to lead what he considers the only true life would have long ago brought him to his grave." Last month he escaped from the beneficent providence of his household to pass the rest of his days according to his ideal. The consequence which his good wife had foreseen speedily followed. Unused to privation, he caught cold, and, after a few days' illness, during which the whole human race stood, as it were, outside the wayside railway station at Astapovo, he died at the age of eighty-two. His wife was not admitted to his bedside till he was unconscious. If he had remained under her care he might have lived for years. In accordance with his own wish, he was buried without Christian rites on a hill surrounded by nine oaks, where he had spent many happy hours as a boy. The Tsar, M. Stolypin, the Duma, and the entire Press of Russia united in eulogising the genius of the greatest of all the Russians of our time. The Orthodox Church, which had excommunicated him, alone preserved a mournful silence. The Tsar wrote: "May he find in God a merciful Judge," but the Church refused to allow prayers to be said for the soul of the outcast.

Tolstoy's Funeral.

THE HOLY SYNOD: "You can't come in here."
THE RUSSIAN PEOPLE: "No, we can't. He's too great a man for you."



Tolstoy, the Countess, their three Daughters and the Youngest Son at Home.

Women and ...

The Divorce Commission has not yet concluded its labours, but last month it took some very remark-

REVIEW OF REVIEWS FOR AUSTRALASIA. MELBOURNE. v.38, February, 1911. p.536-7.

make ... ot
refer t ... d
reason ... l;
for th ... e
was that which was brought forward by Miss

СООБЩЕНИЕ О СМЕРТИ ТОЛСТОГО В АВСТРАЛИЙСКОМ ЖУРНАЛЕ «REVIEW OF REVIEWS» (ФЕВРАЛЬ 1911 г.)

Справа фотография — Толстой в кругу семьи. Слева карикатура — сатирический отклик на запрещение Синода служить панихиды по Толстому в русских церквах

Подпись: «Похороны Толстого». *Святейший синод*: «Вам нельзя сюда входить». *Русский народ*: «Да, нельзя.— Он слишком велик для вас».

восхищение даже в тех, кто резко расходился с ним во взглядах. Как моралист, провидец, апостол праведной жизни и самоуничижения, он напоминал пророков древности. Его убежденность, его вера в основные учения религии — так, как он их толковал, его прославление человека простого, скромного и свободного и беспощадное, убийственное разоблачение тщеславных „сверхчеловеков", почитающих себя вершителями людских идей во время войны и мира,— все это придает поразительным, грандиозным книгам Толстого волшебную силу и действует почти гипнотически. Его стиль часто небрежен и неровен, но он жив, силен, неотразим〈...〉

Исчезновение такого человека, как Толстой, для литературы и морали — то же, чем было бы исчезновение горы для физического мира. Оно оставляет ужасающую пустоту».

Посылая С. А. Толстой вырезки из «Chicago Daily News» и «Chicago Herald» со статьями, цитированными выше, чикагский архитектор *Дж. Бомон* писал 22 ноября 1910 г.:

«Чувства, выраженные в них,— это чувства всего американского народа. Мы, жители Америки, высоко почитали вашего покойного супруга и глубоко сочувствуем вашей огромной утрате» (*АТ*).

* * *

«Куба готовится чествовать память замечательного писателя и философа!» — писала 21 ноября гаванская газета «Lucha», почти ежедневно помещавшая в это время на своих страницах материалы о Толстом.— «Все человечество в трауре. Умер один из тех людей, которые, словно маяки, освещают сознание целой эпохи, указывают новые пути и открывают новые горизонты взору, жаждущему света и истины».

«Присоединяемся ко всеобщему выражению скорби в связи с уходом из жизни Толстого, который, безусловно, является одной из крупнейших фигур нашего времени»,— заявил гаванский журнал «Bohemia» в номере от 26 ноября и подробно охарактеризовал творческий и жизненный путь умершего писателя.

Критике философского учения Толстого посвятила статью гаванская газета «Diario de la Marina» в вечернем выпуске от 21 ноября[1].

* * *

Заметное место уделила уходу и смерти Толстого и мексиканская печать. В каждом номере ежедневных газет публиковались телеграммы из Петербурга и из Астапова, перепечатывались отклики из европейских и североамериканских изданий и некрологи. Из оригинальных статей можно отметить некролог *Х. Худериаса* и *Э. Самакоиса* в «Revista de Revistas» от 27 ноября.

* * *

Австралийская газета «Argus» посвятила памяти Толстого 26 ноября передовую статью, в которой читаем:

«Лев Толстой был одним из величайших людей современности. Мы можем не соглашаться ни с одним из мнений, которые он с такой силой и неослабевающим энтузиазмом провозглашал в последние годы своей жизни, но должны признать, что за все время существования нашей планеты редко появлялись люди, более значительные, чем он. Даже глупость толстовцев не может затмить в наших глазах того обстоятельства, что их учитель поистине являлся одним из величайших пророков. Пусть учение его было ложно, он был тем не менее великолепным учителем; он заставил мыслить тысячи людей, сотни тысяч пробудил от апатичной

удовлетворенности существующим положением вещей. Можно с уверенностью предсказать, что лет через сто его слова и деяния будут изучаться столь же терпеливо и тщательно, как мы изучаем ныне слова и деяния Гете; вокруг его имени вырастет целая литература, столь же обширная, как литература, выросшая вокруг имени Наполеона. В настоящее же время, однако, нам угрожает опасность упустить из виду самую важную сторону его величия — силу художественной выразительности. Он был настолько значительней, чем просто писатель, что мы можем позабыть о следующем важном обстоятельстве: влиянием на сотоварищей по перу он, прежде всего, был обязан своему великолепному литературному дарованию. Он был романистом, прежде чем стал пророком, он был художником, прежде чем стал проповедником; самое главное в нем — его талант рассказчика. Он отрицал свое собственное искусство, но не сумел лишить себя своей художественной силы; его последний роман „Воскресение" и по замыслу и по исполнению — произведение не менее изумительное, чем все, что было им написано до „обращения"〈...〉 Толстой — величайший из реалистов. Есть и другие пути для изображения правды, кроме реализма, но Толстой не мог допустить другого пути〈...〉 Многие тысячи читателей Толстого — и не только его последователи, но даже те, кто самым резким образом не соглашается с наиболее дорогими ему сторонами его учения,— согласятся, что к нему применимы слова Ксенофонта, сказанные о Сократе: „По правде говоря, когда я думаю о мудрости и величии души этого человека, то чувствую, что мне так же трудно его забыть, как отказаться от восхвалений, когда я его вспоминаю"»[2].

* * *

Сильнейшее впечатление произвела смерть Толстого в Индии, где его морально-этическое и религиозное учение имело огромное влияние и многочисленных последователей.

Газета «Indian Opinion» отмечала 26 ноября:

«О покойном графе Льве Толстом мы можем писать только с благоговением. Он был для нас больше, чем один из величайших людей своего времени. Мы прилагали усилия к тому, чтобы следовать его учению, насколько это возможно и насколько мы его понимали. Конец его земной жизни лишь подвел черту под той гуманной деятельностью, которую он начал так неподражаемо осуществлять. Толстой не умер: он живет во всем мире. Мы твердо верим, что с течением времени его учение будет все больше и больше проникать в души людей. Набожный христианин, он сумел понять истинную сущность не только христианского вероучения, но и всех великих религий мира, и показал, как ни один другой вероучитель — по крайней мере в Европе,— что современная цивилизация, основывающаяся на грубой силе, представляет собой отрицание в человеке божественного начала, что для того чтобы человек осознал свою человеческую сущность, он должен, прежде всего, отказаться от грубой силы в пользу любви. Возможно, что письмо его к г. Ганди, которое мы воспроизводим на первой странице, было одним из последних, если не самым последним из того, что начертано его рукой. В нем он словно предчувствует свой конец, и то обстоятельство, что яснополянский мудрец рассматривал трансваальскую битву как событие мирового значения, должно явиться для индийских сторонников непротивления большой поддержкой и доставить им горестное удовлетворение»[3].

Из индийского журнала «Modern Review» (декабрь):

«В лице графа Толстого покинула человечество одна из величайших личностей. Мы более не увидим его в телесной оболочке, но с течением времени его влияние, несомненно, еще усилится и его будут читать еще

больше. Его романы трогают даже тех, кто не привык предаваться серьезным размышлениям. Однако все, кто заинтересован в прогрессе человечества, не могут не задуматься над тем, что́ им написано о мире и войне, о непротивлении и о философском анархизме».

* * *

Центральный комитет и парламентская фракция персидской демократической партии и редакция газеты «Iran Now» послала семье Толстого следующую телеграмму на французском языке:

«Живейшие соболезнования в связи с утратой великого философа, защитника угнетенного человечества. Неужели недостаточно было для нас неслыханных переживаний и ужасов, которыми мы обязаны англо-русской дипломатии? — теперь наша скорбь еще усилилась в связи со смертью того, кто облегчал жизнь угнетенных и вселял в них надежду, что придут прекрасные дни свободы и братства» (*АТ*).

Любопытно описание толстовского вечера в персидском городке Энзели, появившееся 1 декабря 1910 г. в «Русских ведомостях» (за подписью А.). См. его перепечатку в книге Б. Мейлаха «Уход и смерть Толстого».

* * *

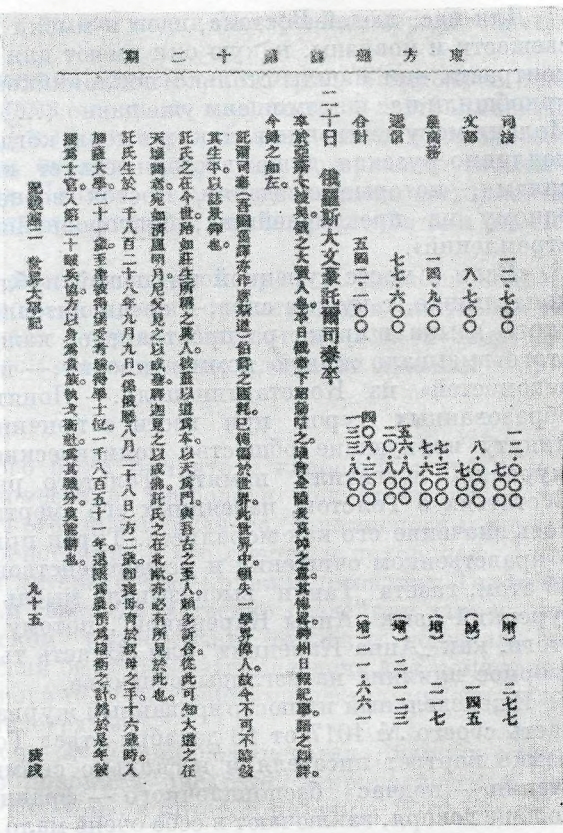
«Вся арабская печать без различия политических взглядов и религиозных убеждений, христианская и мусульманская, масонская и клерикальная, умеренная и радикальная, все журналы и газеты, не исключая и мелких листков,— все без исключения горячо оплакивают „великого московитского мудреца“, „единого из немногих“, „единственного во всем мире философа и проповедника“,— писал корреспондент «Русских ведомостей» из Бейрута.— „Альмукаттам“, “Альхдара„(юный орган арабской парламентской группы, издаваемый в Константинополе), „Альи храм“, „Аззухур“, „Лисанульхаль“, „Альмугаззеб“ (орган сирийских масонов, издающийся в Захли), „Альбарк“ и другие многочисленные издания посвящают покойному писателю, „впервые сокрушившему узы, связывающие религию с политикой в России“, обширные статьи с изложением его биографии, его религиозных и политических взглядов. Некоторые органы поместили его портрет, где он изображен с обнаженной головой, в белой блузе и русских сапогах, на скамейке под деревьями.

„Альбарк“, поместивший этот портрет на первой странице, патетически восклицает: „Какое величие в этих сединах, какой ум в этих огненных глазах! Вот философ, пред которым можно только преклониться ⟨...⟩ Есть царство, на престоле которого сидит мудрость. Короной ей служит вдохновение, законом — божественное откровение. Это царство философии с высоким развевающимся знаменем, под которым собираются вожди мысли и избранники человечества, огненным мечом рассеивающие мрак, дабы над миром занялась заря правды... Но почему это знамя, вчера еще столь гордое и высокое, сегодня так низко приникло к земле, словно подстреленная птица, как будто в этой земле оно ищет потерянное сокровище или дорогого возлюбленного? В земле, в гробу лежит Толстой. Вот скорбная весть, принесенная нам сегодня, взволновавшая весь мир, все человечество... Да, все человечество, все народы потрясены этим известием, ибо *умер царь человеческой мысли*“.

Алеппская газета «Ашшаб» в передовой статье пишет:

„Умер философ Толстой. Толстой был великим, величайшим и благороднейшим из людей... Где славные поэты и знаменитые писатели? Пусть соберут они всю силу своего творчества и ума, чтобы в стихах и прозе

СООБЩЕНИЕ О СМЕРТИ ТОЛСТОГО В КИТАЙСКОЙ ГАЗЕТЕ «ШЕНЬЧЖОУ ЖИБАО». 20 ДЕКАБРЯ 1910 г.



оплакивать смерть Толстого. Но пусть не говорят они, что он был человеком, подобным всем людям; он был единым из единых, единственным среди современников, живых и умерших»

Из триполийской газеты «Альажьяль»:

«Знал ли XIX век, что он родит могучую силу, от которой содрогнется весь западный мир и поколеблются короны? Знал ли XX век, что идеи его предшественника созреют в нем в революцию, разрушившую наследство прошлых веков и создавшую новых людей, новое человечество? Знали ли благородные русские фамилии, что среди дворцов явится меч возмездия, подрезывающий корни, напившиеся кровью гнилого прошлого?.. Знали ли русские, что их великий философ хочет, чтобы человек был человеком, а не животным... Толстой — это великий мудрец XX века, это апостол мира и всечеловеческого братства» [4].

Из некролога, помещенного в египетской газете «Journal du Caïre»:

«...Угасла великая мысль, и русский народ теряет в Толстом одного из людей, больше всего содействовавших его переходу на путь прогресса».

* * *

«Телеграфные депеши принесли нам одну из тех печальных и прискорбных новостей, которые глубоко ранят сердце литературной элиты всего человечества ⟨...⟩,— писал в константинопольской газете «Jeune Turc» *A. A.* 18—19 ноября.— Нас покидает современный Сократ ⟨...⟩ Толстой, как все великие гении, принадлежит не только России, славой которой он является, но и всему человечеству ⟨...⟩

Для нас, людей Востока, идеи и мысли Толстого не представляют той свежести и новизны, какую они имеют для Запада, где вследствие своего контраста они нашли столько поклонников; наши суфии, наши мистики приобщили нас к этим идеям уже давно <...> Но, тем не менее, этот русский Молани могущественно велик, и в день, когда его благородная и отважная, подлинно русская душа восторжествует над слепыми и вредоносными силами, которые ее давят, Восток вознесет хвалу этой душе — как одному из прекраснейших, благороднейших выражений человеческих стремлений».

«Если в массе турецкой читающей публики Толстой известен больше понаслышке, с чужих слов,— среди интеллигенции, где знание французского языка широко распространено, каждое новое произведение Толстого вызывало живую комментировку,— писал корреспондент «Русских ведомостей» из Константинополя.— Понятно, какая горечь охватила образованных турок при вести о кончине Толстого<...> Позабыв на минуту волнующие общество политические споры и дрязги, газеты и журналы посвятили памяти Толстого ряд сочувственных статей<...> В статьях о Толстом, навеянных его смертью, прежде всего подчеркивалось значение его как моралиста. Турок привлекала к себе идея Толстого о нравственном очищении и усовершенствовании человека, и, рассуждая об этом, газета „Танин" высказывала мысль о необходимости перевода на турецкий язык „Анны Карениной", потому что такие произведения Толстого, как „Анна Каренина" или „Власть тьмы", способны оказать благотворное влияние на взгляды общества.

Еженедельный иллюстрированный журнал „Сервети Фюнюн" большую часть своего № 1017 от 18 декабря отвел Толстому, поместив в траурной рамке портрет писателя и несколько снимков из его жизни. Результат чтения — подчас беспорядочного — французских книг, эти статьи, вообще говоря, заключают в себе очень мало оригинального, но они характерны как пробудившийся в Турции интерес к „долготерпеливому печальному русскому народу, который страстно рвется к свободе и справедливости". И не без грусти констатирует один из авторов статей, Хамдулла *Субхи*, тот факт, что со смертью Толстого ушло со сцены резкое противоречие русской действительности, коловшее глаза официальным сферам, и что теперь там, в России, царит безраздельно покорное бесправие» [5].

В Константинополе, после получения известия о смерти Толстого, состоялось «соединенное заседание всех ученых обществ», посвященное его памяти [6].

* * *

«Сообщение о смерти Толстого было отмечено всей китайской печатью с чувством глубокой и искренней скорби,— читаем мы в одном из сообщений.— В общем, все газетные статьи, поместив биографию и портреты Толстого и говоря о значении совершившегося факта, в самых лучших выражениях отзываются об обаятельной личности покойного, не находя достойных имен в истории, с кем бы можно было сравнить его славное имя. Газеты награждают покойного писателя эпитетами „Великий философ", „Маститый герой литературы", „Религиозный реформатор, более глубокий, чем Мартин Лютер".

Разбирая книгу „В чем моя вера", газета „Мин Ли-пао", издающаяся в Шанхае, такими словами, обращаясь к читателям, заканчивает свой отзыв о ней:

„Есть ли в нашей современной литературе книга, более ценная, чем эта? Есть ли среди современных китайских писателей равный Тол-

стому, который имел бы такое же могучее и бесстрашное сердце, как последний?"

Китайские газеты воспроизвели адресы, посланные Толстому в день его восьмидесятилетия из разных стран, в том числе и австралийский, где, между прочим, читаем: „Вы выше королей, имя ваше будет живо в грядущих веках, когда имена первых будут уже совершенно забыты", а также адрес, присланный из Шанхая, из международного сеттльмента, под которым подписались не только китайцы, но и представители многих наций» [7].

Газета «Шеньчжоу жибао» напечатала в номере от 20 декабря подробную биографию Толстого, назвав покойного гуманистом и «истинным человеком» в толковании древнего мудреца Чжуан-цзы. Газета отмечала, что суждения Толстого во многом совпадают с суждениями древних китайских философов.

* * *

Известие о смерти Толстого было принято с глубокой скорбью и в Японии. Почти все газеты поместили некрологи покойного писателя, его портреты, сообщения русского, нью-йоркского, берлинского и других телеграфных агентств с подробностями о его смерти и похоронах. Университеты, ученые общества и литературные кружки посвятили Толстому рефераты и некрологи. «Статьи газет сочувственно разделили утрату, понесенную Россией. В Токийском университете студенты пожелали на свои средства выписать из России бюст Льва Николаевича для помещения его в парке Университета. Многими общественными деятелями отправлены в Россию сочувственные телеграммы» [8].

Газета «Осака асахи симбун» от 22 ноября напечатала, наряду с многочисленными материалами о покойном писателе, некрологическую заметку «Последние сведения о Толстом», в которой читаем:

«Толстой, борец за мир, трижды за короткое время взволновал весь свет — сначала своим уходом, затем болезнью, затем смертью<...> Его часто упрекали в непоследовательности, но время всегда доказывало внутреннюю логику его поступков» [9].

Хироси Сёмэй поместил во второй ноябрьской книжке журнала «Рося бунгаку» статью «Толстой и современная литература», в которой дал исключительно высокую оценку реалистическому методу покойного писателя, его глубокому и верному изображению природы.

Журнал «Васэда бунгаку» поместил в декабрьском номере заметку, посвященную Толстому.

«Наше состояние при получении ужасного известия о смерти Толстого,— отмечала редакция,— можно было сравнить с водоворотом, в котором смешались чувства испуга, скорби и неверия в случившееся. В этом состоянии смятения мы приступили к составлению плана специального траурного номера нашего журнала. Вдруг поступила телеграмма с опровержением известия о смерти Толстого. Оставаясь в том же состоянии смятения, мы прекратили подготовку траурного номера, и в тот день, когда завершили верстку нашего обычного выпуска, мы вновь получили подтверждение о том, что в шесть часов утра 20 ноября Толстого не стало. От этого мы совсем утратили чувство реальности. „Толстой жив" — „Толстого не стало". Подобно дыму, клубились над нами два исключающих друг друга заголовка. „Это просто наваждение!" — только и оставалось воскликнуть нам. И мы решили оставаться в состоянии наваждения пока луч фактов не осветит этот туман. И если, к несчастью, наступит время, когда мы должны будем отмечать годовщину ухода от нас величайшего в мире человека, мы, хоть и с опозданием, выпустим посвященный Толстому номер. „Это просто наваждение!" — хочется повторить нам».

Газета «Осака майнити симбун» в номере от 25 декабря поместила некролог Толстого, присланный писателем *Кикути Хироси* из Парижа.

«Однообразная европейская культурная жизнь,— писал Кикути,— была нарушена грохотом от падения огромного столпа. Грохот этот, прокатившийся по всей Европе, проник в глубины людских сердец. Смерть великого Толстого! Человека, рядом с которым нельзя было поставить никого из представителей культуры в современной Европе, человека, по праву считавшегося гордостью России, понесшей утрату, которая стала огромной утратой и для всего мира. Не стало величайшего из великанов. В дни, когда суровая природа Севера покрыла землю снегом и когда свирепствовали бураны, он покинул жену, дом, родные места и встретил смерть на маленькой станции подобно бесприютному путнику<...> Европейцы видят в этом нечто мистическое, непонятное, но для японцев это близко и понятно<...> Толстой среди ночи внезапно встал и ушел из дому,— не говорит ли это о том, что в этот миг перед ним блеснул луч, озаривший ему какой-то новый путь; не говорит ли это о том, что ему недостаточно было тех духовных вершин, которых он достиг? Не говорит ли это также и о том, что он увидел цель своих исканий и что именно это заставило его отправиться в новое странствие. Весьма печально, что этот великий человек, подобно отбившейся от стада овце, закончил свой скорбный жизненный путь, так и не найдя того, что он искал, так и не увидя того, что хотел увидеть».

Называя «бессмертными творениями» «Войну и мир» и «Анну Каренину», автор статьи определяет эти романы как огромный вклад в сокровищницу мирового гуманизма. Особенно отмечает он совершенный реализм Толстого, а также его острую наблюдательность. По словам Кикути, Толстой настолько многогранен, что его творчество «должно быть сравнено с творчеством Мольера и Шекспира, Гюго и Золя».

Большую статью известного критика *Нобори Сёму* «С грустью о Толстом» напечатал 1 декабря японский общественно-политический и художественный журнал «Тюо корон»:

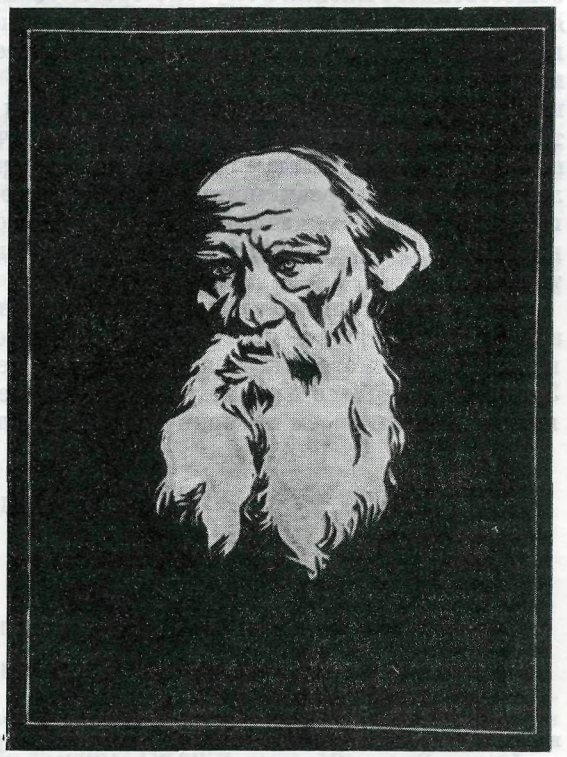
«Вся жизнь Толстого была жизнью на кресте — жизнью непрерывных тревог, сомнений и страданий<...> Его мозг не мог удовольствоваться какой-либо одной верой. Ни светлые стороны жизни, ни ее мрачные стороны не могли убить в нем пылкого и яростного стремления проникнуть до конца в сущность вещей<...> Постоянными спутниками его души было неверие, неудовлетворенность, тревога, и благодаря им он постоянно оттачивал свое мастерство».

Писатель *Накадзава Ринсэн* в журнале «Васеда бунгаку» (январь 1911 г.) отмечал, что горячо любит Толстого как художника, но отнюдь не является почитателем его нравственно-религиозных взглядов. Внимательно изучая жизнь Толстого, нельзя не убедиться в том, что между юным офицером, ведущим разгульную жизнь в Севастополе, и старцем в крестьянской одежде, питающимся вегетарианскими блюдами в Ясной Поляне, нет резкого различия — это один и тот же человек. Жизнь Толстого не может быть разделена на два резко противоположных друг другу этапа. Она либо абсолютно неизменна, либо представляет собой цепь непрерывных изменений. Толстой вопреки всем жизненным условиям продолжал идти по своему естественному пути, в раз навсегда избранном направлении. Единственным крупным недостатком Толстого Наказава считает иллогизм его рассуждений. Это отчасти врожденный недостаток, отчасти же он вызван общественным строем России, лишавшим возможности подвергать все происходящее холодному анализу, а также несомненным влиянием идей Руссо, который находил, что разум ведет человечество к деградации.

ТОЛСТОЙ

Портрет, помещенный в сербском журнале «Венац» (1910, № 10 от 5 декабря) в связи со смертью Толстого

Обложка. Рисунок художника Карела Ежи



В литературном журнале «Сиракаба», № 1 от 1 января 1911 г., появилась статья «О Толстом» *Янаги Мунэёси*:

«Личность Толстого,— писал он,— стоит выше государства. Сейчас, когда под предлогом „прекрасных жертв" у нас попирается личность,— жизнь этого человека, его произведения являются примером того, каким авторитетом может пользоваться индивидуальность<...>

Состояние культуры в Японии находится в противоречивом положении <...> Когда социалистов бросают в тюрьмы, а издание и продажа их книг запрещаются, изголодавшееся общество горячо приветствует распространение идей графа Толстого. И что же, сейчас, после смерти Толстого, силы, преследовавшие свободную мысль, принялись оплакивать и воспевать его<...> Это происходит потому, что они понимают, насколько это неизбежно, необходимо. Текущую реку остановить нельзя<...> Япония, переживающая сейчас противоречивое время, это Япония будущего».

Толстой, по словам Янаги Мунэёси, представляет собой такое сложное явление, которое не может быть полностью охвачено каким-либо одним определением. — «Вторая половина прошлого столетия была разбужена его львиным рычанием».

«Время не хоронит Толстого, как человека прошлого<...>, — заключал автор статьи,— и нет таких людей на свете, которые не ждали бы его второго рождения» [10].

* * *

Мы привели многочисленные отклики иностранных деятелей культуры и органов печати на уход и смерть Толстого, дающие в своей совокупности довольно точное представление об основных особенностях мирового

общественного мнения в глубоко трагические дни 1910 г. Со страниц разноязычных газет и журналов начала века с неожиданной силой прозвучали взволнованные и волнующие голоса современников Толстого. Стремясь извлечь из бессчетных некрологических статей наиболее значительные, яркие и характерные высказывания как знаменитых писателей, так и безвестных сотрудников периодической печати, мы не сочли возможным полностью игнорировать и другого рода отклики — озлобленные выпады реакционных публицистов, воинствующих клерикалов, продажных и невежественных журналистов,— без них картина международного общественного мнения была бы недостаточно верна и объективна.

Посмертный апофеоз Толстого, не имевший себе равного в истории мировой литературы, — неотразимое свидетельство огромного значения великого русского писателя в жизни всего культурного человечества. Значение это было вполне осознано современниками Толстого и сохранилось во всем своем немеркнущем блеске для последующих поколений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Action», 19.XI 1910.
[2] «Tribuna», 17.XI 1910.

Глава I

УХОД ИЗ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ.— БОЛЕЗНЬ

[1] Т. Вольф в «Berliner Tageblatt», 21. XI 1910.
[2] «Illustration», 19.XI 1910.

В отдельных органах иностранной печати появилось предположение о том, что исчезновение Толстого объясняется его тайным арестом русской политической полицией (см. «Presse» (Монреаль), 12.XI 1910).

[3] «Биржевые ведомости», утр. вып., 15/2 ноября 1910 г. Интервью с Л. Л. Толстым см. также в «Journal», 14.XI 1910.

[4] По-видимому, речь идет о «Русском слове», на страницах которого появились в эти дни статьи о Толстом *Ж. Ришпена* и *В. Маргерита*. Ряд высказываний французских писателей, напечатанных в этой газете, приводятся нами в настоящем обзоре.

[5] «Биржевые ведомости», веч. вып., 15/2 ноября 1910 г.

[6] Цитируется по «Биржевым ведомостям», утр. вып., 14/1 ноября.— Отсутствие в советских и многих зарубежных книгохранилищах ряда иностранных изданий вынуждает нас здесь и в дальнейшем использовать выдержки, приводившиеся в русских газетах того времени, хотя перевод их, вероятно, далеко не всегда точен.

[7] «Times», 15.XI 1910.

14/1 ноября 1910 г. ноября корреспондент «Утра России» посетил в Лондоне Кропоткина, который сказал ему:

«Я глубоко люблю и уважаю Толстого. Последние известия меня сильно потрясли, но не удивили: уже тридцать лет назад, со времени знакомства Толстого с народниками-революционерами, он понял, что есть люди, живущие согласно своим убеждениям, которые ведут простую жизнь среди народа, работая для него. Уже с этих пор началась для Толстого та тяжелая жизнь, которая привела его, наконец, к решительному шагу. Противоречие между внутренними убеждениями и жизнью, основанною на пользовании чужим трудом,— это драма всех лучших русских людей нашего времени».

Кропоткин сообщил корреспонденту, что работает над большой статьей о Толстом. Статья эта вскоре появилась на страницах «Утра России» (21 ноября/4 декабря 1910 г.). Кропоткин писал в ней:

«В бытность мою в Америке в 1901 г., едва там разнеслась весть о намерении русского правительства арестовать Льва Николаевича Толстого, миллионы людей уже готовились выступить с громаднейшим протестом, если бы только арест состоялся. И тогда уже меня поразило, насколько в популярности великого писателя было личной *любви* к человеку.

Волнение, охватившее на днях миллионы людей во всем цивилизованном мире при получении известия об удалении великого старца из своей семьи, а потом его болезни и смерти, воочию показало, насколько широко разлита эта любовь.

Нет никакого сомнения, что главная причина популярности Толстого — в его религиозном и нравственном учении и в его попытке устроить свою жизнь в согласии со своим учением. Но несомненно и то, что полюбили его во всех странах образованного мира в особенности за его *искание правды*, за страдания, пережитые им в этом искании,

за искренность, с которою он рассказывал свои сомнения и слабости и свою внутреннюю борьбу<...>

Насколько глубоко влияние Толстого, мы могли убедиться на днях. Но оно, несомненно, еще далеко не достигло полной силы. Как росло влияние Руссо после его смерти, так будет расти и влияние Толстого<...> Силою своего убеждения и любви к народу и могуществом своего художественного гения он расшевелил лучшие струны человеческой совести; а последним своим поступком — удалением от чуждой ему семьи, с мыслью посвятить остаток сил великому делу пробуждения общественной совести,— он безбоязненно, правдиво, как истый боец, завершил свою жизнь».

[8] «Речь», 20/7 ноября 1910 г.

[9] «Русское слово», 15/2 ноября 1910 г.

Отметим высказывание немецкого писателя *П. Гейзе*, сделанное итальянским корреспондентам. Гейзе назвал Толстого «комедиантом», а его уход — «рекламным поступком», вызванным «старческим слабоумием или тщеславием».

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] Там же, 16/3 ноября 1910 г.

[17] Там же, 15/2 ноября 1910 г.

[18] Там же, 16/3 ноября 1910 г.

[19] Там же.

[20] Там же.

[21] Там же, 15/2 ноября 1910 г.

[22] Там же.

[23] Там же.

[24] Там же.

[25] Там же.

[26] Там же.— См. в книге Б. Мейлаха ряд других высказываний представителей католической церкви («Уход и смерть Толстого», М.— Л., 1960, стр. 43—44 и 51—53).

[27] См., например, «Neuer Wiener Tageblatt», 14.XI; «Action Française» и «Stampa» 16.XI; «Excelsior» 17.XI; «Droits de l'Homme» 27.XI и многие другие.

[28] Цит. по «Русским ведомостям» от 22/9 ноября 1910 г.

[29] Цит. по «Русскому слову» от 17/4 ноября 1910 г.

[30] Перевод с венгерского Ж. Зёльдхейи.

[31] Цит. по «Русскому слову» от 21/8 ноября 1910 г.

[32] Цит. по «Русскому слову» от 21/8 ноября 1910 г.

Глава II

ЛОЖНОЕ СООБЩЕНИЕ О СМЕРТИ.— НЕКРОЛОГИ.— МАНИФЕСТАЦИИ.— ОПРОВЕРЖЕНИЯ

[1] Эта и следующая выдержка переведены со шведского М. Д. Моричевой.

[2] Цит. по «России» от 5/18 ноября 1910 г.

В статье *О. Юзанна* «Сумерки апостола», появившейся 17 ноября в тулузской «Dépêche», мы находим следующие строки, несколько глумливые по тону, но верно отражающие тот неистощимый интерес к Толстому, который проявляла в течение двух десятилетий мировая общественность:

«Кредит, которым пользуется восхитительный автор „Войны и мира" у мирового общественного мнения, поистине безграничен, раз ему постоянно удается привлекать к себе внимание, нисколько не утомляя его<...> Ни один из мастеров, искусно организующих общественное мнение, ни один из мастеров назойливой периодической рекламы не привлекал к себе так часто внимание человечества, как Лев Толстой в последние двадцать лет своей жизни. Этот человек, тоскующий по небытию, по высшему покою, этот факир, презирающий, на католический манер, почести, связанные с его репутацией, отказавшийся от нобелевской премии, от барабанных ударов стоголосой славы, не переставал занимать нас своей особой с невероятным упорством с 1890 г. Я не хочу сказать, будто он лично в какой бы то ни было степени организовывал это, но как не подивиться странности того, что он каждые два месяца оказывался в агонии, что *последние известия* сообщали нам о его предсмертном коматозном состоянии чуть ли не каждый месяц и что он всегда благополучно отделывался — в двадцатый, пятидесятый, сотый раз — от мозговых кризов, от падений с лошади, от воспалений легких, от кровоизлияний, от злокачественных лихорадок, от всякого рода несчастных случаев, которые периодически осаждали этого восьмидесятилетнего человека со времени его шестидесятилетия. Коллекция депеш, в которых сообщалось о неминуемой смерти

Толстого, начиная с 1890 по 1910 г. составила бы невероятнейший по объему документ. Некрологи этого апостола под пресловутым заглавием „Старик держится" размножились в невероятном количестве на типографских талерах. Можно с уверенностью сказать, что Толстой пережил больше тысячи авторов своих некрологов».

[3] «Journal Officiel», 18.XI 1910.

[4] «Раннее утро», 27/14 ноября 1910 г.— Как отмечала 21 ноября газета «Figaro», преждевременно выраженное Палатой депутатов соболезнование сделало невозможной для нее какую-либо манифестацию после получения подлинного известия о смерти Толстого.

[5] См. в кн. 1-й настоящ. тома речь Жореса о Толстом, произнесенную в Тулузе в 1911 г.

[6] См. обширное, но не внушающее доверия интервью, якобы данное Горьким в связи с уходом Толстого журналисту Э. Серраро в газ. «Mattino» 19—20.XI 1910.

[7] Вероятно, Франс имел в виду известную клавесинистку Ванду Ландовску и ее мужа. 27 марта 1908 г. Ландовска писала С. А. Толстой: «Мой муж передал вчера Анатолю Франсу слова симпатии, которые мэтр высказал о нем в Ясной Поляне. Франс был ими глубоко тронут, ибо он благоговеет перед Толстым. Он хотел сам вам написать. Завтра или послезавтра должна быть напечатана здесь его статья „В честь Толстого", которую позволю себе вам послать» (*А Т*, перевод с французского).

[8] «Русское слово», 21/8 ноября 1910 г.

[9] Н. Н. Гусев приводит следующие слова Толстого в связи с «Кренкбилем»: «Вот кого из литераторов я хотел бы видеть: Франса» (Н. Н. Г у с е в. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1928, стр. 174). Об отношении Франса к Толстому см. в кн. 1-й настоящ. тома.

[10] Ряд других отзывов иностранной печати см. в упомянутой выше книге Б. М е й л а х а.

Глава III

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ. — ФРАНЦИЯ

[1] «Русское слово», 21/8 ноября 1910 г.

[2] «Русские ведомости», 22/9 ноября 1910 г.

[3] «Русское слово», 21/8 ноября 1910 г.

[4] Там же.—Об отношении О. Мирбо к Толстому см. на стр. 76—77 настоящ. книги.

[5] «Русское слово», 21/8 ноября 1910 г. — А. Батайль поместил 17 ноября в газете «Excelsior» статью «Конец Толстого», в которой писал, между прочим:

«Толстой — *великий первобытный человек*. Его следует *любить* и *боготворить*, даже не разделяя его взглядов и стремлений, его следует любить за ту исполненную идеализма и чистосердечия философию, которая заставляла его все чаще и чаще проникать в душевные глубины. Он, как и умирающий Фауст, мечтал о таком мироздании, которое будет превращено в фаланстер справедливости и простоты <...> Этот доисторический человек, этот патриарх умирает как наш современник (и какой современник!) близ маленькой станции, преградившей ему дорогу, — той именно станции, на которой Маслова в последний раз увидела, как навсегда исчезает Нехлюдов; той станции, мимо которой проезжают ссыльные, направляемые в Сибирь<...> Когда этот патриарх испустит свой последний вздох<...>, раскольничьи храмы наших сердец пусть забьют в набат — и это явится самой прекрасной заупокойной службой!»

[6] «Русское слово», 21/8. XI 1910.

[7] Там же. Ср. воспоминания «День у Толстого в Ясной Поляне».— И. И. М е ч н и к о в. Собр. соч., т. XIII. М., 1954, стр. 215—224.

[8] «Русское слово», 21/8 ноября 1910 г.

Аронсон вспоминал о своем посещении Ясной Поляны:

«Толстой принял меня сразу же и осведомился о том, что мне угодно. Я объяснил ему, что мне поручено вылепить с него бюст в связи с его юбилеем. Я специально приехал из Москвы и просил его согласиться позировать мне один раз.

— Всё, что угодно, только не это!— закричал Толстой.

Я не настаивал; я сказал лишь мэтру, что очень огорчен, и собирался уже удалиться, когда он сказал мне:

— А не прогуляться ли нам по лесу?

Я согласился. Во время этой прогулки автор „Воскресения" вдруг сказал мне:

— Я работаю с девяти до трех часов в своем кабинете. Если хотите, приходите и сделайте эскизы, при условии, что не будете мне мешать.

Я принес глину и сделал что мог.

Спустя некоторое время Толстой поднял голову и стал рассматривать мою работу. Затем он покинул свое кресло и сказал мне:

— Вы поняли — мыслитель в духе Шопенгауэра... Хорошо, я соглашаюсь позировать четверть часа.

Я закончил бюст. Вот он».

(Вырезка из неустановленного французского журнала, где воспроизведен и снимок с бюста Толстого.—*А Т*). См. его воспроизведение на стр. 127 кн. 1-й настоящ. тома.

[9] Корреспонденту «Excelsior» Трубецкой сообщил следующие слова Толстого, сказанные во время этой прогулки: «С тех пор, как у нас украли несколько лошадей, графиня навязала мне и этого сторожа-‹черкеса›...Сторож... Лакеи...кареты... Нет, нет, в такой обстановке мне умирать нельзя. Ни за что, ни за что... Когда я почувствую... я незаметно уйду...».

24 января ст. ст. 1911 г. в «Петербургской газете» появилось сообщение о том, что в связи с возникшим проектом постановки в Париже памятника Толстому Трубецкой предложил принести в дар Франции статую своей работы.

[10] «Русское слово», 21/8 ноября 1910 г.

[11] «Patrie», 24.XI 1910. Ср. «Русское слово», 24/11 ноября 1910 г.

[12] О П. Бурже и о цитируемой выше статье см. на стр. 59 кн. 1-й настоящ. тома.

В статье «Эжен Мельхиор де Вогюэ», помещенной в «Revue des Deux Mondes» от 15 января 1912 г., Бурже писал, вспоминая о второй половине 1870-х годов:

«Помню, Вогюэ говорил мне о той роли, которую, как он предвидел, будет играть русская литература в послевоенной Франции, и приводил мне имена Толстого и Достоевского. Я знал уже о том и другом от Тургенева, с которым иногда виделся у Тэна. Благородная беспристрастность старого романиста, отдающего высшую и полную справедливость более молодым соперникам, осталась одним из самых прекрасных впечатлений моей юности. Однако Тургенев, которого интересовала главным образом эстетическая сторона, раскрывал нам только их своеобразие как рассказчиков. Он благоговейно относился к искусству романиста и видел в нем все будущее современной литературы; подробности фактуры страстно интересовали его. Трудно передать, как восхищался он у Толстого чудодейственной способностью воссоздания жизни, у Достоевского — способностью создавать вокруг своих персонажей психологическую атмосферу» (p. 252).

[13] Некрологи о Толстом появились почти во всех французских провинциальных газетах. Следует указать, что и в них повторялось немало нелепостей о Толстом и о причинах его ухода. Отметим наиболее значительные из выявленных нами статей:

Некролог из «Progrès de Lyon», 21.XI 1910, в котором читаем:

«... завершилась колоссальная жизнь, исполненная несравненной красоты и ума. Жизнь, деятельная до последнего вздоха и без конца проявлявшаяся в восхитительных творениях и действиях, проникнутых высочайшей нравственностью‹...› Ум, воля, зоркость — все сохранилось в Толстом с полной силой, все пережило его возраст, и жизнь его, казалось, не кончится никогда; казалось, она достигла того бессмертия, которое он завещал своему творчеству‹...› Смерть застигла его в момент полного апофеоза».

Ж. Эскарёль отмечал в газете «Indépendant des Pyrénées Orientales» (Перпиньян):

«Толстой умер. Но какое это имеет значение! Он будет жить для нас вечно в „Анне Карениной“, в „Крейцеровой сонате“, в „Воскресении“, во стольких других его божественных произведениях и особенно в том шедевре, который нельзя перечитывать без восхищения, ибо он не уступает самым замечательным шедеврам всех времен — в „Войне и мире“».

Из статьи *Г. Жеффруа* «Тринадцатый апостол» в тулузской газете «Dépêche» от 1 декабря:

«Разве Толстой не проявил себя лучшим христианином, чем сам папа римский в своем Ватикане, когда он скрылся из своей яснополянской усадьбы, чтобы провести остаток дней в скитаниях и умереть на маленькой железнодорожной станции, затерявшейся среди почти безлюдных просторов России? Это для человечества не социальный, а нравственный пример, который может научить презрению ко многим вещам, продолжающим вызывать у людей благоговение‹...› Какие мнения, какие чувства могут устоять перед тем волнением, которое охватило мир при известии о добровольной смерти, с твердостью и кротостью принятой этим великим старцем, отдавшим жизнь ради того, чтобы подтвердить истинность своего учения».

Веракс писал в «Petit Niçois» 22 ноября:

«... Медленный погребальный звон, раздававшийся в течение нескольких дней из Москвы, и затем внезапно прозвучавшая новость: „Толстой умирает, Толстой умер“ — вызвали мучительное содрогание во всем мире. Все мыслящие люди склоняются на этой могилой, и можно с уверенностью сказать, что Россия потеряла *своего Вольтера*. Как и нашему великому человеку, Толстому выпала славная участь — своими произведениями посеять семена, из которых на его родине взрастет эра обновления и свободы ‹...› И именно Толстому будет принадлежать бессмертная слава как человеку, заложившему первый камень социального здания возрожденной России. В этой скрытой, но непрекращающейся революции Толстой был гением — предтечей новых времен, как Вольтер был предтечей 1789 года. Он явился в нужный момент, чтобы взрастить в своем могучем уме идеал, который увлекает его родину на пути освобождения и прогресса».

Из марсельской газеты «Soleil du Midi» от 22 ноября:

«Известие о смерти Толстого, свалившегося после первых же шагов, которые он попытался сделать по ту сторону общественной жизни, держа в руке посох паломника, вызывает в памяти слова Камилла Демулена, узнавшего о кончине Мирабо: „Какую колоссальную добычу только что захватила себе смерть!"»

Из газеты «Journal d'Alsace-Lorraine» (Страсбург) от 22 ноября:

«Со смертью Толстого исчезает не только библейская фигура, не только великий ум — но и целый этап человеческого сознания».

[14] См. стр. 384—385 настоящ. книги.

[15] Отметим, что в яснополянской библиотеке сохранилась книга Сеайля «Les Affirmations de la Conscience Moderne» («Утверждения современной совести»). Paris, 1903, со следующей дарственной надписью на титульном листе: «A Léon Tolstoï hommage de respect, d'admiration et de vive gratitude pour les joies qu' il lui doit. Gabriel S é a i l l e» («Льву Толстому, в знак почтения, восхищения и живейшей благодарности — за радости, которыми он ему обязан. Габриэль С е а й л ь»). Одна из последних глав этой книги называется «Философия Толстого».

[16] Статья эта была написана в связи с 80-летним юбилеем Толстого (см. о ней на стр. 131 кн. 1-й настоящ. тома.— Отметим, что автор публикуемого обзора готовит к печати публикацию «Четыре юбилея Толстого», значительное место в которой занимают материалы из русской и иностранной прессы, относящиеся к 80-летию Толстого.

[17] Эта заметка Метерлинка перепечатана редакцией из приложения к парижскому журналу «Plume» 1901 г. Приложение это вышло в связи с отлучением Толстого от церкви («Hommage à Tolstoï»).

[18] «Русское слово», 4 декабря/21 ноября 1910 г.

[19] Там же, 8 декабря/25 ноября 1910 г.

[20] После получения известия о смерти Толстого *Северин* писала в «Inhansigeant». 24.XI 1910:

«Он был сверхчеловеком, но не на манер Ницше,— душа Толстого еще больше, чем его гений, ослепляет наши глаза, привыкшие к сумеркам полуварварской жизни, в которых мы бредем, — ослепляет подобно сверканию солнца‹...› Уход Толстого — подвиг, и он увенчал его творческий путь, ввел живым в область бессмертия. На своем смертном одре Толстой не мог не чувствовать, что он окружен восхищением, одобрением, благоговением,— словно фимиамом, веющим над алтарем».

[21] «Droits de l'Homme», 12.III, 1911.

Глава IV

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ.— АВСТРО-ВЕНГРИЯ, АНГЛИЯ, ГЕРМАНИЯ, ГОЛЛАНДИЯ, ДАНИЯ, НОРВЕГИЯ, ШВЕЦИЯ

[1] «Русское слово», 21/8 ноября 1910 г.

[2] Там же, 22/9 ноября 1910 г.

[3] Цит. по «Русским ведомостям» от 23/10 ноября 1910 г.

[4] Цит. по «Русскому слову» от 22/9 ноября 1910 г.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] Цит. по «Русским ведомостям» от 22/9 ноября 1910 г.

[11] Эта и предыдущая выдержки переведены с венгерского Ж. З ё л ь д х е й и.

[12] «Русское слово», 26/13 ноября 1910 г.

[13] Там же, 24/11 ноября 1910 г.

[14] Там же, 25/12 ноября 1910 г.

[15] «Русские ведомости», 20 ноября/3 декабря 1910 г. Ср.: «Всеобщая газета», 25/12 ноября 1910 г.

[16] «Петербургская газета», 12 февраля/30 января 1911 г.

[17] «Русское слово», 20 ноября/3 декабря 1910 г. См. текст лекции Гардена в «Neuer Wiener Tageblatt», 2.XII 1910.

[18] «Русское слово», 22/9 ноября 1910 г. Отметим также некролог *Гомперца* в «Neue Presse» 21.XI 1910.

[19] Цит. по «Русским ведомостям» от 22/9 ноября 1910 г.

[20] «Русское слово», 21/8 ноября 1910 г.

[21] Там же, 22/9 ноября 1910 г.

[22] Цит. по кн.: Роза Л ю к с е м б у р г. О литературе. М., 1961, стр. 110—118.

[23] Цит. по «Русскому слову» от 22/9 ноября 1910 г.

[24] Цит. по «Русским ведомостям» от 24/11 ноября 1910 г.

[25] Там же.—См. также некрологи *Г. Паули* в «Magdeburgische Zeitung» 21.XI 1910, *А. Керра* и *Ю. Гарта* в «Tag», *Л. Шрёдера* в «Zeit», *Г. Кинцля* в «Nazional Zeitung» и *W. H.* в «Hamburger Nachrichten» 22.XI 1910.

[26] Перевод статьи Гауптмана выполнен Н. Д. Э ф р о с.

[27] «Русское слово», 21/8 ноября 1910 г.
[28] Там же, 4 декабря/21 ноября 1910 г.
[29] Там же, 27/14 ноября 1910 г.
[30] См. Dr Rudolf J a n s. Tolstoi in Nederland. Bussum, 1952.
[31] Перевод этой и двух следующих выдержек с голландского языка выполнен И. В. В о л е в и ч.
[32] Перевод выдержек из датских газет выполнен М. Д. М о р и ч е в о й.
[33] «Русское слово», 21/8 ноября 1910 г.
[34] Там же, 22/9 ноября 1910 г.
[35] Перевод этой и следующих выдержек с норвежского и шведского языков выполнен М. Д. М о р и ч е в о й.
[36] «Русское слово», 22/9 ноября 1910 г.

Глава V

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ.— БЕЛЬГИЯ, ИТАЛИЯ, ИСПАНИЯ, ПОРТУГАЛИЯ, РУМЫНИЯ, ШВЕЙЦАРИЯ, ГРЕЦИЯ

[1] «Русское слово», 8/21, 9/22, 10/23 ноября 1910 г.
[2] См. стихотворение Ш. Б о д л е р а «Les Phares» («Маяки») в книге «Les Fleurs du Mal» («Цветы зла»).
[3] «Русское слово», 3 декабря/20 ноября 1910 г.
[4] Там же.
[5] «Речь», 26/13 ноября 1910 г.
[6] А. В. Л у н а ч а р с к и й. Литературные силуэты. М., 1923, стр. 94—96. Впервые опубликовано в «Новой жизни», 1911, № 2, стр. 214—237. В своей статье Луначарский цитирует также некролог, принадлежащий перу писателя *Дж. Папини*, впоследствии одного из основоположников итальянского фашизма.
[7] «Русские ведомости», 22/9 ноября 1910 г.
[8] «Corriere della Sera», 21.XI 1910.— Перевод с итальянского М. И. П е р ц е р.
[9] «Русское слово», 24/11 ноября 1910 г.
[10] «Речь», 30/17 ноября 1910 г.
[11] «Русское слово», 30/17 ноября 1910 г. и «Nouvelles», 30.XI 1910.
[12] «Одесские новости», 27/14 декабря 1910 г.
[13] «Русское слово», 23/10 ноября 1910 г.
[14] «Всеобщая газета», 23/10 ноября 1910 г.
[15] «Всеобщая газета», 23/10 ноября 1910 г.
[16] «Русское слово», 23/10 ноября 1910 г.
[17] См. несколько других откликов на смерть Толстого в обзоре Т. Н и к о л е с к у «Толстой в Румынии» — на стр. 508—510 настоящ. книги.
[18] Выдержки из румынской прессы переведены Ю. А. К о ж е в н и к о в ы м.
[19] «Иностранная литература», 1958, № 3, стр. 264.
[20] Этторе *Джанни* (1875—1956) — итальянский журналист и писатель, автор предисловия к итальянскому изданию «Не могу молчать».
[21] См. «Journal de Genève», 9.XII 1910.
[22] «A la mémoire de Léon Tolstoï.— Séance solennelle organisée par un groupe d'admirateurs de Tolstoï et tenue dans l'aula de Genève le 7 décembre 1910». Genève, 1911. («В память Льва Толстого.— Торжественное заседание, организованное группой поклонников Толстого и состоявшееся в актовом зале Женевского университета 7 декабря 1910 г.»).
[23] «Биржевые ведомости», 6/19 января 1911 г.

Глава VI

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ.— БОЛГАРИЯ, СЕРБИЯ, ХОРВАТИЯ, ЧЕРНОГОРИЯ, ЧЕХИЯ, СЛОВАКИЯ

[1] «Современник», 1911, № 1, стр. 315.
[2] «Русское слово», 14/1 декабря 1910 г.—См. в первой книге настоящ. тома некролог Толстого из газеты «Препорец», принадлежащий перу А. Стоянова.
[3] Все выдержки из сербских и хорватских газет переведены И. Д. О ч а к о м.
[4] «Русское слово», 26/13 ноября 1910 г.
[5] «Русское слово» и «Русские ведомости», 23/10 ноября 1910 г.
[6] Приводимые сведения извлечены нами из статьи: Karel H e r m a n n. K ohlasu Tolstého umrti v českém tisku.— «Československa Russistika», 1960, № 4, str. 241—246.
[7] Перевод выдержек из чешских изданий выполнен Ш. Ш. Б о г а т ы р е в ы м.
[8] «Právo Lidu», 29.XI 1910.
[9] «Русское слово», 29/16 ноября 1910 г.
[10] Отклики польской прессы на уход и смерть Толстого мы здесь не приводим, так как на эту тему пишет монографическую работу польский исследователь Б. Б я л о к о з о в и ч.

Глава VII

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ.— США, КУБА, МЕКСИКА, АВСТРАЛИЯ, ИНДИЯ, ПЕРСИЯ, АРАБСКИЕ СТРАНЫ, ТУРЦИЯ, КИТАЙ, ЯПОНИЯ

[1] Перевод выдержек из кубинских газет выполнен Н. И. Горбунковой.

[2] Австралийская газета «Sydney Morning Herald», сообщив 21 ноября о смерти Толстого, напечатала его биографию. Биографию Толстого поместил также сиднейский журнал «Bulletin» 1 декабря. 26 ноября мельбурнская газета «Australasian» опубликовала многочисленные сообщения из России об обстоятельствах смерти Толстого, а также большую биографическую статью, в которой охарактеризовала писателя как человека, одаренного творческим даром больше других его современников.

[3] Цит. по кн. Dr Kalidas Nag. Tolstoj and Gandhi. Calcutta, 1950, p. 123—124. Другие отклики индийской печати см. в книге Б. Мейлаха, цит. изд., стр. 333.

[4] «Русские ведомости», 25/12 декабря 1910 г.

[5] Там же, 23/10 ноября 1910 г.

[6] «Всеобщая газета», 23/10 ноября 1910 г,

[7] «Крымский вестник», 9/22 февраля 1911 г.

[8] «Русское слово» 2 декабря/19 ноября 1910 г.

[9] Журналист *Такаиси Цумэдзуме* писал в газете «Осака майнити симбун» 23.XI 1910 (в статье «Скорбь о Толстом»):

«Я посетил Толстого в Ясной Поляне через год после окончания русско-японской войны, приехав туда по поручению своей газеты<...> Меня привели на веранду, где сидел седобородый граф в крестьянской одежде. Разговор шел о живописи, о преимуществах сельской жизни, земельной ренте, бесполезности железных дорог, затем снова перешел на живопись. Говорили по-английски. Толстой изъяснялся на этом языке недостаточно бегло, заметив, что в Англии он побывал „еще до Моисея". Глаза Толстого были непохожи на глаза других людей, взор его казался ястребиным,он как бы пронзал собеседника. Говорил он поглаживая бороду, и во всем чувствовалась острота его внимания и сила наблюдательности. Вечером меня пригласили поужинать со всеми<...> Разговор велся по-русски и был мне непонятен. Вначале шла речь о русско-японской войне. В центре беседы все время был граф, который как бы поучал всех сидевших за столом. Мне предложили переночевать в павильоне, а когда я собирался продолжить наш разговор, оказалось, что граф уже ушел на прогулку. Позавтракав в одиночестве и дождавшись, наконец, графа, я услышал от него: „Я должен сейчас сесть за работу. Прежде всего работа, работа" <...> Я не собирался вступать в серьезные споры с Толстым и дискутировать с ним — я хотел только представить себе и своим читателям живой облик Толстого и убедился в том, что этот почти восьмидесятилетний старец обладает еще сильной волей, продолжает учиться и не бросает пера, которым были написаны великие произведения».

[10] Выдержки из японских изданий переведены Л. А. Стрижаком.

МИР ОТМЕЧАЕТ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ СО ДНЯ СМЕРТИ ТОЛСТОГО

Обзор В. З. Горной

при участии Ж. Бланкова (Брюссель), Б. Бялокозовича (Варшава), Д. Гришина (Мельбурн), Т. С. Карловой, С. Колафы (Прага), Г. Л. Маньковской, М. Д. Моричевой, Т. Николеску (Бухарест), И. Д. Очака, М. И. Перпер, М. Рев (Будапешт), А. Тобиаша (Будапешт), О. К. Шимко и А. И. Шифмана*

В 1959 г., в связи с приближавшейся полувековой годовщиной со дня смерти Толстого, Всемирный совет мира принял решение о торжественном чествовании памяти писателя. Вечера и собрания, посвященные памяти Толстого, были проведены в ноябре 1960 г. в крупнейших городах мира. Научные сессии, конференции, симпозиумы и выставки, посвященные жизни и творчеству Толстого, проходили во Франции, Польше, Болгарии, Румынии, Индии, Канаде и других странах. К знаменательной дате были изданы специальные выпуски журналов и газет, сборники статей и объемистые монографические исследования. Театры разных стран отметили годовщину новыми постановками пьес Толстого и инсценировками его романов и повестей.

Задачей настоящего обзора является краткая характеристика «толстовских дней» 1960 г., анализ вышедших к юбилею книг, основных журнальных и газетных статей, театральных постановок и т. п.

Особое внимание уделено в обзоре работам зарубежных литературоведов, имеющим научно-исследовательский характер, а также статьям и высказываниям иностранных писателей о Толстом.

I. КОНФЕРЕНЦИЯ «ЛЕВ ТОЛСТОЙ» В ВЕНЕЦИИ

С 29 июня по 3 июля 1960 г. в Венеции происходила международная конференция памяти Толстого.

В конференции, организованной на средства итальянского фонда Чини совместно с американским фондом Форда, участвовало около пятидесяти писателей, ученых и общественных деятелей разных стран.

---

* Ж. Бланковым написан обзор по Бельгии, Б. Бялокозовичем — по Польше, Д. Гришиным — по Австралии, Т. С. Карловой — по Болгарии и (совместно с С. Колафой) — по Чехословакии, Г. Л. Маньковской — по Албании, М. Д. Моричевой — по скандинавским странам, Т. Николеску — по Румынии, И. Д. Очаком — по Югославии, М. Рев, А. Тобиашем и О. К. Шимко — по Венгрии и А. И. Шифманом — по странам Азии и Африки.— Контрольная редакция обзора — М. И. Перпер.

В организационный комитет конференции вошли: *Й. Абе*, *Татьяна Альбертини* *, *И. Берлин*, *В. Ф. Булгаков*, *Р. Гвардини*, *Н. Н. Гусев*, *Ж. Даниэлу*, *И. Динесен*, *Дж. Дос Пассос*, *Ф. Карнелютти*, *Р. Келлуа*, *Ш. Койзуми*, *Дж. Кумар*, *Э. Ло Гатто*, *С. де Мадарьяга*, *Ж. Маритен*, *Ф. Мориак*, *У. Морра*, *Дж. Нарайан*, *У. Оден*, *Виктория Окампо*, *П. Паскаль*, *Г. Пьовене*, *Дж. Пристли*, *Жаклин де Пруайар*, *Р. Райт*, *Раджа Рао*, *Д. де Ружемон*, *Л. Сенгор*, *И. Силоне*, *Э. Симмонс*, *С. М. Толстой*, *А. Труайа*, *Э. Форстер*, *О. Хаксли*, *Т. Хуссейн*, *Л. Эйнауди*, *П. Эммануэль*, *К. Ясперс* и секретарь фонда Чини проф. *В. Бранка*, принявший особенно большое участие в организации конференции.

В состав советской делегации вошли *Н. К. Гудзий* и *В. В. Ермилов*, возглавлял ее секретарь Союза писателей СССР *Г. М. Марков*.

Из выступлений иностранных писателей должна быть особенно отмечена речь итальянского писателя *Г. Пьовене*, говорившего о значении творчества Толстого для современной литературы Запада (текст его выступления см. в кн. 1-й настоящ. тома).

Анализу реализма Толстого были посвящены доклады английского литературоведа *Д. Сесиля* («Толстой и проблема романиста») и американского критика *Г. Адамовича* («Толстой и русская литература»). Оба доклада (особенно первый) содержали отдельные верные наблюдения, однако в целом характеризовались тенденциями, свойственными современному буржуазному литературоведению: замалчиванием социально-обличительной стороны творчества Толстого и абстрактно-психологическим подходом к его произведениям.

По мнению Сесиля, «Толстой лучше всех писателей в мире сумел осуществить сложные задачи, стоящие перед романистом». В реалистическом методе Толстого Сесиль видит свойства всей русской литературы: «Русские исходят не из традиций, а прямо из жизни, которую наблюдают вокруг себя, не прибегая к условно-традиционной фабуле, типажу, счастливой или трагической развязке». Метод русского писателя Сесиль назвал «полным реализмом». «Романы Толстого охватывают почти все самые важные стороны человеческой жизни: войну и мир, домашний очаг и политику, любовь и спорт, религию и смерть<...> Толстой соединяет здоровую, естественную натуру с необычайным даром интеллектуального анализа и свойственной женщинам способностью сочувственного проникновения в переживания самых различных людей. Он мог понять состояние девушки на первом ее балу и солдата в сражении, честолюбивые замыслы светского человека и размышления ученого».

Следуя давней традиции английской критики, Сесиль с воодушевлением говорил об одухотворенности творчества Толстого и других русских писателей. «Типичный русский романист предлагает читателю реалистическую картину, всегда исполненную духовного смысла, и никто не делает этого лучше, чем Толстой». По мнению критика, во всей мировой литературе нет страниц, более поэтичных, чем описание ночного разговора Сони и Наташи, услышанного князем Андреем, или размышлений Левина на сенокосе — «тут нет ничего фантастического. Это поэзия самой жизни».

Сесиль совсем не коснулся больших общественных проблем, поставленных в произведениях Толстого.

Г. Адамович сопоставил в своем докладе реалистический метод Толстого с методом других русских писателей. Докладчик отметил, что Толстой достиг исключительной глубины в изображении человека.

Выступивший затем *Д. Стремоухов* (Франция) высказал предположение, что прототипом Алексея Вронского в «Анне Карениной» был троюродный брат Толстого — поэт Алексей Константинович Толстой.

* Татьяна Михайловна Альбертини, рожд. Сухотина, и упоминаемый ниже Сергей Михайлович Толстой — внуки Толстого.— *Ред.*

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ НА ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПАМЯТИ ТОЛСТОГО В ПРАЖСКОМ НАРОДНОМ МУЗЕЕ. 1960

Музей Толстого, Москва

На заседаниях, посвященных творчеству Толстого-реалиста, активно выступали члены советской делегации, характеризовавшие идейное богатство и социальную остроту его произведений.

В большом докладе «О гуманизме Толстого» *В. В. Ермилов* говорил об актуальном звучании произведений писателя, основной смысл которых был в призыве к единению людей, в протесте против их разобщенности (полный текст этого доклада помещен в «Литературном наследстве», т. 69, кн. I, стр. 23—32).

Н. К. Гудзий в докладе «Об изучении наследия Толстого в Советском Союзе» охарактеризовал большую научно-исследовательскую и текстологическую работу советских литературоведов по подготовке и изданию полного девяностотомного собрания сочинений Толстого.

В докладе «Толстой и советский народ» *Г. М. Марков* подчеркнул, что Толстой близок советским людям своим неисчерпаемым жизнелюбием и оптимизмом, стремлением «переделать мир, сделать его прекраснее, радостнее для живущих с нами и для тех, кто после нас будет жить в нем». Марков рассказал также о всенародной подготовке к чествованию памяти писателя в Советском Союзе.

На конференции возник принципиальный спор между Ермиловым и представителями буржуазной критики *М. Слонимом*, *Мадарьяга* и другими, односторонне изображавшими значение для Толстого — «ученика святого Марка» его проповеди непротивления злу насилием.

Четвертое заседание было посвящено обсуждению социальных и политических взглядов Толстого. С докладами на эту тему выступили

американский биограф Толстого *Э. Симмонс* и английский профессор *И. Берлин*.

Характеризуя социальные взгляды Толстого, *Э. Симмонс* полностью игнорировал их историческое осмысление. Невзирая на то, что в течение всей своей жизни Толстой высмеивал либералов — как русских, так и западноевропейских, — Симмонс пытался представить русского писателя подражателем западноевропейских либералов и даже обнаружил в его мировоззрении «синтез европейского либерализма». В то же время социальные идеи Толстого Симмонс сблизил с учением... Карла Маркса, «поскольку вывод обоих — бесклассовое и лишенное государства общество».

И. Берлин подверг рассмотрению педагогические воззрения Толстого. Справедливо отметив близость педагогических взглядов русского писателя и взглядов французских просветителей, Берлин не показал, однако, в чем заключается их принципиальное отличие.

Непомерно большое место в работе конференции (почти три заседания) заняла тема «Толстой — проповедник, пророк, создатель нового религиозно-этического учения». В выдвижении на первый план Толстого-вероучителя проявились тенденции, характерные для современного буржуазного литературоведения.

Основной доклад — «Об отношении Толстого к христианской морали» — сделал французский исследователь *Н. Вейсбейн* (автор монографии «Религиозная эволюция Толстого»). Отличительной особенностью религиозных взглядов Толстого Вейсбейн считает его стремление основать религию на принципе разума.

Был ли Толстой «истинным христианином»? Судя по оживленной дискуссии, этот вопрос продолжает волновать определенную часть буржуазной критики.

Вейсбейн весьма осторожно, со многими оговорками, разъяснил, что, «несмотря на свои заблуждения и противоречия, Толстой все же может быть причислен к христианам, не всегда ортодоксальным, но всегда охваченным жаждой истины».

Против причисления Толстого к христианам резко возражал французский католический писатель *П. Эммануэль*, считающий, что Толстой до конца дней оставался рационалистом. Эммануэль с негодованием говорил о бунте Толстого против догматов христианства, поставив в вину писателю то, что он «очеловечил Иисуса и лишил христианство его характера и основы, сведя его к одной лишь христианской морали».

Д. Стремоухов, также принявший участие в споре, сказал, что «Толстой был скорее буддистом, чем христианином».

До полной неузнаваемости был искажен облик Толстого в докладе бельгийского писателя *Д. Жиллеса* «Толстой и смерть», в котором Толстой был изображен мрачным пессимистом, всецело поглощенным мыслью о смерти.

Большое участие в работе конференции приняли представители Индии. Они с воодушевлением говорили об огромном моральном авторитете Толстого на Востоке, о том влиянии, которое оказал Толстой на жизнь и деятельность Ганди, руководителя национально-освободительной борьбы индийского народа.

По мнению индийского религиозного и общественного деятеля *Дж. Нарайана*, прочитавшего доклад «Толстой и Индия», Индия является «единственной в мире страной, где делается серьезная и массовая<...> попытка осуществить на практике некоторые из идей Толстого».

Раджа Рао утверждал, что «ни Платон и Аристотель, ни Шекспир и Данте не оказали такого значительного влияния на человечество, как

Толстой». Отмечая воздействие идей Толстого на Ганди и индийскую общественную мысль, он констатировал, что это было воздействием философа, а не художника, ибо «на Востоке почти не знают творца „Войны и мира“ и „Анны Карениной“, зато там очень хорошо известен автор „Воскресения“ и „Так что же нам делать?“».

К сожалению, к участию в конференции не были привлечены писатели и критики других стран Азии, многие из которых не согласились бы с подобным утверждением.

Ряд фактов свидетельствует о том, что Толстой-художник нашел признание и в Индии. Письма к Толстому индийских публицистов и писателей, хранящиеся в Государственном архиве Толстого и частично опубликованные А. И. Шифманом в книге «Толстой и Восток», говорят о том, что уже в конце XIX в. ряд представителей индийской интеллигенции был знаком не только с публицистическими, но и с художественными произведениями Толстого.

Резким контрастом религиозной трактовке творчества Толстого прозвучал доклад итальянского романиста *Р. Баккелли*. Он заявил, «если бы Толстой не был таким великим художником, навряд ли бы его так помнили, уважали и ценили во всем мире». С воодушевлением говорил Баккелли о гомеровском размахе и объективности эпопеи «Война и мир».

«„Воскресение“ обрывается, остается незавершенным,— заметил Баккелли,— по сознательному решению художника, принесшего эту жертву своим требованиям художественной правды. Это жертва〈...〉, свидетельствующая об искренности художника и человека, ибо Толстой, дойдя до той точки, где роману следовало бы превратиться в зеркало праведной жизни, раскаяния, искупления и спасения, признал, что не вел и не наблюдал такой жизни и может только стремиться к ней и желать ее увидеть в этом мире. И поэтому он отказался от завершения романа».

Из всех заседаний венецианской конференции только три были специально посвящены проблемам художественного творчества Толстого, однако желающих обсуждать эти важнейшие темы оказалось очень много.

Итальянские писатели *Р. Баккелли* и *А. Моравиа*, славист *Э. Ло Гатто* и профессор *В. Бранка*, испанец *С. де Мадарьяга*, американский литературовед *Дж. Стейнер*, отступив от намеченной программы заседаний, говорили о значении и величии Толстого-реалиста.

Профессор Оксфордского университета *Мадарьяга* в докладе «Миссия Толстого» с восхищением говорил о влиянии на мировую литературу Толстого и других русских писателей. Способность «великих русских» глубоко анализировать внутренний мир человека Мадарьяга связал со свойственным им «ощущением братства, обнимающим все человечество, ощущением, которое преодолевает все социальные и политические границы и условности». Мадарьяга нашел некоторое сходство в исторических судьбах испанской и русской литератур, противопоставленных им литературам других европейских народов.

Однако и в этом докладе сказался характерный для буржуазного литературоведения ложный взгляд на русскую литературу как литературу, более всего тяготеющую к постановке религиозно-моральных проблем. Это видно из следующего поверхностного противопоставления: «Русские не столько стремятся к прогрессу, сколько к самоусовершенствованию, не столько думают о царе и жандармах, сколько о боге и сатане».

А. Моравиа сделал доклад о реализме Толстого (полный текст его выступления см. в кн. 1-й настоящ. тома).

Литературовед *В. Бранка*, назвавший свой небольшой доклад «Италия в „Войне и мире“», напомнил, что Толстой дважды посетил Италию (в 1857 и 1861 гг.) и изучал итальянский язык. Бранка обратил внима-

ние аудитории на сходство Толстого и итальянских романистов эпохи Рисорджименто в трактовке образа Наполеона как «сверхчеловека», попирающего национальные права. По мнению докладчика, роман гарибальдийца И. Ньево «Исповедь итальянца», написанный в 1858—1859 гг. и опубликованный в 1867 г., поражает рядом совпадений с «Войной и миром» в ситуациях. И там и тут изображена национальная солидарность против сил войны и Наполеона. Влияние безыскусственной мудрости старого солдата Мартино на героя аналогично влиянию Платона Каратаева на Пьера. Все это, как полагает докладчик, является доказательством идейной и душевной близости писателей, которые, доведись им встретиться в 1857 г., могли бы поделиться многими мыслями и творческими планами. Бранка говорил также о любовном внимании, с которым относились к Толстому итальянские писатели, продолжавшие в той или иной мере традиции революционеров и радикалов второй трети XIX в., и о великом значении для итальянского народа творчества Толстого, особенно романа «Война и мир», бывшего в черные годы фашизма надежным источником духовной пищи, бодрости и мужества.

Выступивший на заключительном заседании американский общественный деятель *Дж. Кеннан* в небольшой речи подчеркнул многообразное влияние наследия Толстого, громадное значение его деятельности и личного примера для современного мира. «Человечество было бы не совсем таким, не будь на свете Толстого〈...〉 Часть его мощи перешла к нам, укрепив силы поколения, которое нуждается в этом, как никакое другое. Люди воспринимают эту силу по-разному: кто — в учении Толстого, кто — в примере его жизни, кто — в его художественных созданиях, а некоторые — лишь непосредственно, даже не догадываясь об источнике,— и это тоже неплохо».

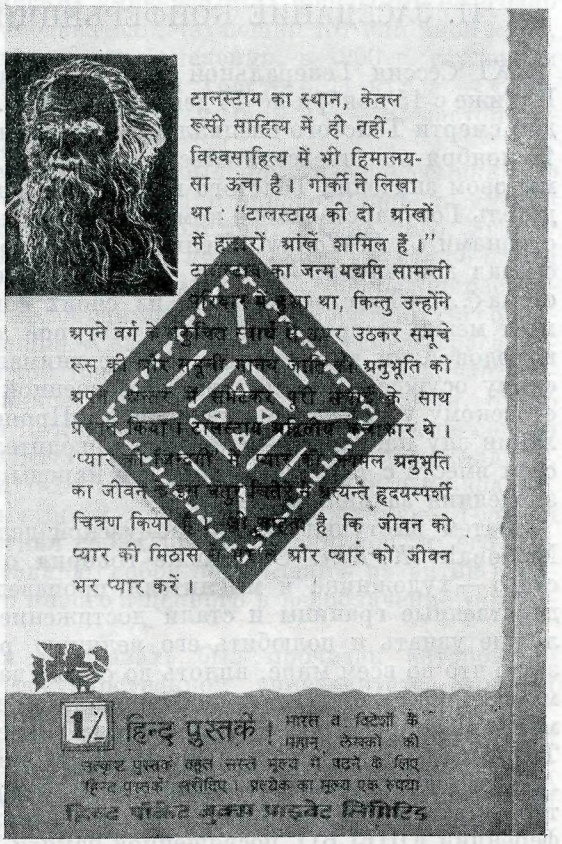
Международная венецианская конференция, в которой приняли участие писатели и ученые разных стран, явилась данью огромного уважения к памяти Толстого со стороны мировой литературно-научной общественности. Вместе с тем, в докладах, прочитанных на конференции, в острых дискуссиях, возникших на ней, отразилась идеологическая борьба вокруг личности и творчества Толстого, которая идет в современном мире, — стремление определенных кругов буржуазных литературоведов видеть в Толстом прежде всего религиозного проповедника и обойти молчанием его значение как художника-реалиста, беспощадного обличителя мира эксплуататоров.

Толстовская конференция привлекла внимание общественности разных стран. Отчеты о ней были напечатаны во многих газетах и журналах.

Прогрессивная итальянская пресса приветствовала конференцию как проявление всеобщего уважения к исключительной личности Толстого и высказала удовлетворение по поводу встречи ученых СССР с учеными других стран, способствовавшей укреплению серьезных культурных связей («Unità», 5.VII 1960).

«Интересней всего было видеть, как молодой представитель воинствующего марксизма дружески улыбается престарелому ученому, представляющему Россию прошлого, и популярному эссеисту — представителю нашей западной цивилизации, как они непринужденно обмениваются мнениями,— причем все это происходит из уважения к художнику, который пережил и сумел показать своим современникам и читателям других времен неизбывную трагедию человека, любящего жизнь и при этом стремящегося к вечности» («Italia che Scrive», 1960, № 11, p. 218).

Сообщения о работе конференции были помещены в двух номерах органа итальянской компартии «Unità» — 1.VII и 5.VII 1960.



«СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ». ИЗДАНИЕ НА ЯЗЫКЕ ХИНДИ (ДЕЛИ, 1959)
Обложка (оборотная сторона)

В американской печати также появились отклики на эту международную встречу. *Дж. Кеннан* отметил большой вклад, который внесли в работу конференции советские ученые. С другой стороны, реакционный буржуазный литературовед *Э. Симмонс* выразил недовольство по поводу участия в конференции советских ученых. Принципиальный идейный спор об истолковании творчества Толстого, который они вели, Симмонс оценил как «дух холодной войны», будто бы внесенный в работу конференции представителями советской делегации (E. S i m m o n s. Tolstoi and the Kremlin.— «Atlantic Monthly», 1960, XI, vol. 206, № 5, p. 114—122).

Отчет о международной встрече дал также американский критик-славист *М. Слоним* в индийском еженедельнике «Thought» (1960, 5.XI, vol. XII, № 45, p. 14—15). В отличие от Симмонса, он писал: «Несмотря на некоторый холодок вначале и резкое различие во взглядах и позициях, на конференции не было враждебности, и ее участники легко нашли общую почву в дискуссии и даже пришли к частичному соглашению».

Советская общественность приветствовала международную толстовскую конференцию как ценный вклад в укрепление интернациональных культурных связей. Однако в нашей прессе были подвергнуты справедливой критике проявившиеся на венецианской конференции ложные тенденции в оценке жизни и творчества Толстого (см. Г. Б р е й т б у р г. Встреча на острове Сан-Джорджо. — «Лит. газета», 1960, 5.VII).

II. ЗАСЕДАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ ЮНЕСКО В ПАРИЖЕ

XI Сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО, проходившая в Париже с 15 ноября по 14 декабря 1960 г., отметила пятидесятилетие со дня смерти Толстого специальным пленарным заседанием. Оно состоялось 19 ноября под председательством *Акале Уорк Абте Уолда.* С докладом о мировом значении Толстого выступил глава советской делегации, председатель Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами *С. Г. Лапин.* «Величие Толстого состоит, в частности, в том,— сказал докладчик,— что он проявил огромный интерес к культуре Востока〈...〉 Толстой первым из своих современников перекинул живой мост между современной ему культурой западных народов и культурами народов Азии и Америки». Особое внимание докладчик уделил толстовскому осуждению милитаризма и военной агрессии и одновременно толстовскому утверждению идей мира. «Проповедуя свое учение о непротивлении злу насилием,— сказал руководитель советской делегации,— Толстой вместе с тем утверждал, что народы не должны пассивно созерцать злодеяния зачинщиков войны».

Затем выступил глава французской делегации, директор Bibliothèque Nationale *Ж. Кэн.* Он также говорил о международном значении Толстого — художника и мыслителя, произведения которого «перешли государственные границы и стали достижением мировой культуры, помогая лучше узнать и полюбить его великую родину〈...〉 Смело можно сказать, что во всем мире, вплоть до самых далеких уголков нашей планеты, многие поколения читателей черпали и черпают в них уроки высокой морали». Каэн особо остановился на значении, которое имело творчество Толстого для крупнейших французских писателей XX в.— Р. Роллана и А. Франса, и рассказал о моральном авторитете Толстого и любви к его творчеству в современной Франции. (Отчет о заседании Генеральной конференции ЮНЕСКО, посвященной памяти Толстого, был напечатан в Информационном бюллетене ЮНЕСКО, 1960, № 85-86, а также в январском номере журнала «Курьер ЮНЕСКО» 1961 г.)

III. АВСТРАЛИЯ

Австралия, как и все другие континенты земного шара, широко отметила пятидесятилетнюю годовщину со дня смерти Толстого.

Огромное влияние, оказанное Толстым на развитие австралийской литературы, отмечалось во многих выступлениях, посвященных этой годовщине. Австралийцы знают и любят Толстого. Можно без преувеличения сказать, что каждый интеллигентный австралиец читал его романы и имеет их в своей личной библиотеке. Особенной известностью пользуются там «Война и мир» и «Анна Каренина». Оба романа изучаются в австралийских университетах.

Произведения Толстого начали проникать в Австралию сравнительно рано. Они присылались из Англии и привозились английскими переселенцами. В настоящее время в публичных библиотеках Австралии нередко можно встретить английские переводы произведений Толстого, опубликованные в 1881, 1893, 1897 и 1899 гг. Огромную роль в изучении творчества Толстого и в распространении знаний о нем сыграло первое — и до 1950 г. единственное — в Австралии Отделение русского языка и литературы Мельбурнского университета. Студенты этого отделения, изучая творчество Толстого, распространяли и распространяют полученные ими знания по всей стране. На заседании кафедры отделения по инициативе ее заведующей *Н. М. Кристесен* было принято решение — провести ряд мероприятий для ознаменования памятной даты.

В связи с тем, что в австралийских университетах программы ежегодно пересматриваются и каждый преподаватель, читающий тот или иной курс, имеет возможность вносить в программу изменения, в 1960 г. студентам I курса было предложено изучить рассказы Толстого, II курса — «Детство», «Отрочество», «Юность», III — «Войну и мир», IV — «Севастопольские рассказы» и «Анну Каренину».

В течение учебного года в университете был организован семинар по творчеству Толстого. На нем читались лекции, проводились дискуссии и анализировались многие произведения Толстого. Кроме того, автору этих строк как члену кафедры было поручено подготовить доклад об одном из произведений Толстого. Этот доклад, на тему «„Севастопольские рассказы" Толстого», был прочитан им на собрании в зале университета. На собрание были приглашены все желающие. «Севастопольские рассказы» рассматривались в докладе с исторической точки зрения; доказывалось, что распространенное мнение, высказанное впервые Н. А. Некрасовым, будто Толстой был «первым писателем, открывшим русского солдата», не совсем точно. «Открыли» русского солдата впервые, как отметил докладчик, А. Бестужев (Марлинский) и М. Ю. Лермонтов, но это вовсе не значит, что «Севастопольские рассказы» были простым подражанием. Толстой шел по следам других, но перегнал своих предшественников, и его «Севастопольские рассказы» представляют собой новый шаг в развитии военного жанра. Толстой внес много нового и ценного в разоблачение «кровавого безумия войны».

Доклад о «Севастопольских рассказах» был прочитан автором не только в Мельбурне, но и в государственном университете столицы Австралии — Канберры. Доклады вызвали оживленные дискуссии.

Помимо перечисленных мероприятий, Отделение русского языка и литературы в течение 1960 г. устроило для студентов несколько небольших выставок, характеризующих жизнь и творчество Толстого. Во время экзаменов 1960 г. студентам были предложены темы, связанные с творчеством Толстого.

Юбилейная дата была отмечена общественностью Мельбурна специальным заседанием, на котором профессор *И. Р. Максуэлл* прочитал лекцию о творческой деятельности Толстого, а австралийский писатель *Дж. Уотен* выступил с докладом о его мировом значении. Вход на оба заседания был свободный. Лекции прошли с большим успехом.

В других штатах Австралии юбилейная дата также была отмечена собраниями и докладами.

IV. СТРАНЫ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

АВСТРИЯ

15 ноября 1960 г. в Австрии состоялось торжественное чествование памяти Толстого.

Инициатором чествования было общество Австрийско-советской дружбы, которое организовало вечер памяти писателя в зале Зальцбургского рабочего театра.

Доклад о жизни и творчестве писателя был сделан доктором *Г. Гуппертом*, который в свете ленинских работ охарактеризовал мировое значение и актуальность произведений Толстого.

Статьи, посвященные Толстому, были напечатаны 19 ноября в «Neue Front», «Kleine Blatt», «Tiroler Tageszeitung» и 20 ноября в «Volksstimme», «Arbeiter Zeitung», «Salzburger Volkstaat» и ряде других газет и журналов.

Многие прогрессивные австрийские критики в статьях, посвященных памяти Толстого, подчеркивали моральный авторитет русского писателя,

неутомимого борца против эксплуатации и социальной несправедливости.

«Борьба за справедливость» — так назвал свою статью, напечатанную 19 ноября в газете «Kleine Blatt», *П. Лоренц*. «Борьба Толстого против лжи и лицемерия аристократического общества, его деятельное сострадание бедности и нищете угнетенных, его постоянные искания истины и утопические, в значительной мере, планы осчастливить человечество так же, как его замечательный литературный талант,— делают его крупнейшим явлением литературы XIX столетия»,— писал критик.

Анонимный автор статьи «Высшая заповедь — добро», напечатанной в газете «Arbeiter Zeitung» (20.XI 1960, № 515), видит в жизни Толстого высокий образец служения народу. «Он никогда не хотел быть только писателем. Книги для народного чтения и буквари казались ему делом не менее важным, чем величественный эпос русского народа 〈„Война и мир“〉»,— пишет критик. Автор статьи подчеркивает также, что «многие из проблем Толстого остаются актуальными и поныне».

Чествование памяти Толстого побудило австрийского критика *Ф. Ноэля* задуматься о судьбах современной западноевропейской культуры и литературы. «Конечная станция Астапово» — так символически назвал он свою статью, напечатанную в грацской газете «Neue Zeit» 19 ноября.

Для Ноэля Толстой является воплощением подлинной человечности и единения с народом — качеств, утраченных современными буржуазными писателями:

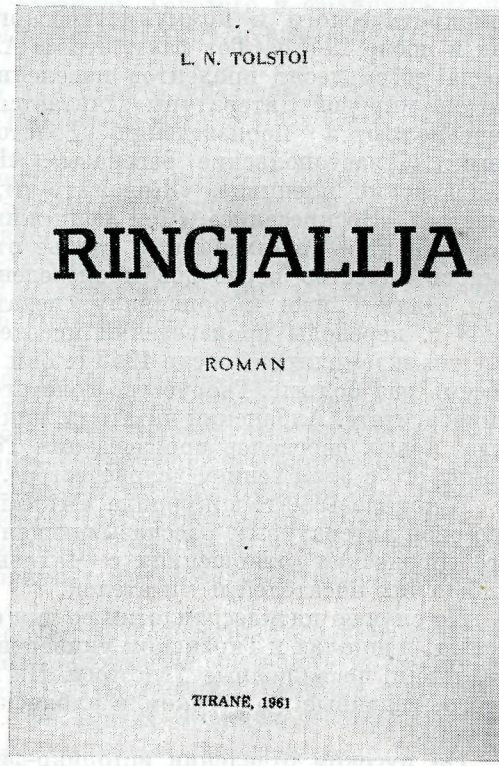
«...Где нет простоты, доброты и справедливости,— там нет и величия»,— говорил Толстой. Это было сказано в то время, когда европейцы, начиная с Якова Бургхардта, Фридриха Ницше и Фердинанда Мейера, вновь возродили культ героической личности Ренессанса. Первое крупнейшее произведение Толстого показало абсурдность культа героя и в то же время показало величие страдающего русского народа. Со времен Карлейля центральной проблемой истории были отношения между массой и героем. В грандиозном произведении Толстого мы не находим преувеличенной идеализации личности. В эпоху, когда природа утратила свою естественность, а человек стал бесчеловечным〈...〉, произведение этого гиганта должно показаться нам мифом древних времен. И все же нас отделяет от 20 ноября 1910 года всего пятьдесят лет. Не стало ли также и для нас Астапово конечной станцией человеческих и естественных возможностей?» — с тревогой спрашивает Ноэль.

АЛБАНИЯ

«К пятидесятилетию со дня смерти»— под такой рубрикой в ноябре 1960 г. ряд центральных албанских газет и журналов опубликовал статьи о жизни и творчестве Толстого.

20 ноября в газете «Zeri i Popullit» была опубликована статья под заглавием «Лев Толстой — гениальный писатель русского народа». «Весь мир отмечает пятидесятилетие со дня смерти Л. Толстого, гения русской и мировой литературы, великого гуманиста и психолога»,— такими словами открывалась эта статья, выдержанная в свете ленинской оценки творчества русского писателя.

До освобождения Албании в 1945 г., отмечает статья, Толстой был одним из самых известных зарубежных писателей. Албанская молодежь с энтузиазмом читала переведенные на албанский язык «Анну Каренину», «Хаджи-Мурата» и другие произведения. Огромное впечатление произвели на албанского читателя недавно переведенные первые два тома «Войны и мира». «Албанский читатель, — говорится в заключении,— любит Тол-



«ВОСКРЕСЕНИЕ». ИЗДАНИЕ НА АЛБАНСКОМ ЯЗЫКЕ (ТИРАНА, 1961)
Титульный лист

стого и с уважением отмечает пятидесятилетие со дня смерти великого гуманиста и борца за прогресс и счастье людей».

Статью «Толстой — великий защитник правды» опубликовала газета «Bashkimi» 20 ноября 1960 г. В ней подвергся анализу реализм Толстого и подчеркивается народный характер его творчества. «Албанские писатели и читатели, полюбившие произведения Толстого, с нетерпением ждут перевода других его произведений»,— говорится в заключении статьи.

24 ноября та же газета, под рубрикой «Новые книги», рекомендовала албанскому читателю незадолго до того вышедший в свет перевод «Кавказского пленника».

В № 11 ежемесячного литературно-художественного и общественно-политического журнала «Nendori» были опубликованы отрывки из воспоминаний *М. Горького* «Лев Толстой», текст доклада, сделанный на конференции, посвященной Толстому, а также статья «Толстой на нашем языке». Докладчик подробно остановился на биографии писателя, проанализировал его основные произведения и охарактеризовал распространение их в Албании.

«Демократическое и культурное движение в Албании связано с именем Толстого,— заявил докладчик.— Передовые интеллигенты периода Возрождения * ценили Толстого, переводили его книги. Их вдохновляла борьба писателя против господствующих классов и церкви, его связь с народом, его симпатия к крестьянам, к беднякам».

Статья «Толстой на нашем языке» целиком посвящена популярности Толстого в Албании как в период национально-освободительного,

* Албанское Возрождение второй половины XIX — начала XX в. связано с борьбой за национальное освобождение Албании от турецкого владычества.— *Ред.*

демократического и коммунистического движения 1910—1930-х годов, так и после 1945 г. Тот факт, что «в Албанию периода до освобождения, когда восемьдесят процентов населения было неграмотно, проник этот гигант мировой литературы», считается весьма показательным. В статье перечисляются произведения Толстого, переведенные на албанский язык: «Севастопольские рассказы», «Война и мир», «Анна Каренина», «Кавказский пленник», «Живой труп», «Крейцерова соната», «Семейное счастье», «Воскресение», «Чем люди живы», сказка «Три медведя», «Ассирийский царь Асархадон». В статье отмечается, что после 1945 г. изменилось качество переводов произведений Толстого на албанский язык: они стали ближе к оригиналу, печатаются без сокращений. Если до 1945 г. переводы произведений писателя выходили тиражом в одну-две тысячи экземпляров, после 1945 г. они стали выходить тиражом в пять — восемь раз больше. Творчество Толстого изучается и в средней школе и в университете. Албанский читатель, как указывается в заключении статьи, ждет новых переводов произведений Толстого, которые «еще лучше ознакомят его с этим гением человечества».

В ноябре 1960 г. в журнале «Miqesia» была помещена статья «Гений мировой литературы», рассказывающая о жизни и творчестве Толстого, о его дружеских отношениях с Чеховым и Горьким и о его влиянии на албанских писателей и читателей.

По случаю пятидесятилетия со дня смерти Толстого в библиотеках Албании, в школах и Тиранском университете были организованы большие выставки, посвященные Толстому. На них были представлены труды Толстого, изданные на русском и албанском языках, и иллюстративный материал.

На русском отделении историко-филологического факультета Тиранского государственного университета состоялся торжественный вечер, посвященный Толстому. На вечере присутствовали студенты и преподаватели всех факультетов. Были заслушаны два доклада на русском языке: «О жизни и творчестве Толстого» и «Толстой в Албании». С большим успехом прошла сцена из «Анны Карениной», поставленная силами студентов русского отделения.

Как бы продолжением юбилея Толстого явился выход в 1961 г. в Албании нового перевода «Анны Карениной», а также третьего тома «Войны и мира» и «Воскресения». В № 1-2 журнала «Nendori» 1961 г. появились литературно-критические статьи Толстого.

Албанский читатель продолжает знакомиться с творчеством Толстого и в оригинале — в библиотеках имеется немало произведений писателя на русском языке. С интересом был встречен албанскими зрителями советский кинофильм «Воскресение» по одноименному роману Толстого.

АНГЛИЯ

23 ноября 1960 г. в Лондоне по инициативе Пенклуба (International Association of Poets, Playwrights, Essayists, Editors and Novelists) было проведено торжественное собрание, посвященное памяти Толстого. Литературовед *И. Берлин* прочитал доклад на тему «Толстой и просвещение». По мнению докладчика, в педагогических сочинениях Толстого больше проявляется близость к французским просветителям XVIII в., чем к мыслителям XIX в.

Также в стиле ранних художественных произведений, в частности в «Юности», заметно сходство с манерой Вольтера и Бентама. «Для XIX столетия необычен его тон, сухой, иронический, поучительный, одновременно резкий и занимательный» («Encounter», 1961, № 89, p. 29—40).

Отмечая известную общность взглядов Толстого и французских просветителей, докладчик не раскрыл вместе с тем существенного их различия.

К пятидесятой годовщине со дня смерти писателя в Англии вышла книга *Т. Редпаса* «Толстой» (Theodore R e d p a t h. Tolstoy. London, 1960).

«Эта маленькая книжка,— пишет автор в предисловии,— представляет собой краткий очерк идей и художественного творчества Толстого. Она предназначена скорей для рядовых читателей, чем для специалистов. Я надеюсь, что она〈...〉 поможет лучше понять и оценить произведения Толстого как философские, так и художественные, заставит читателей задуматься над серьезными проблемами нашей жизни и цивилизации, о которых говорит Толстой...» (p. 9).

Излагая социальные, философские и религиозные взгляды Толстого, автор пытается разъяснить читателям, какие из этих идей «приемлемы», а какие «неприемлемы». Подобно другим буржуазным критикам, Редпас осуждает Толстого за непримиримое отношение к религиозным догмам: «Толстой явно недооценил то важное и истинное, что кроется в нелепых с виду доктринах и формах церковного христианства» (p. 20). Оценка Толстым современного ему общественного устройства представляется Редпасу «чересчур суровой». Он обвиняет Толстого в огульном отрицании науки.

Говоря о художественном творчестве Толстого, Редпас подчеркивает непревзойденный реализм писателя, глубокую идейность и эмоциональную насыщенность его искусства. «Толстовский реализм никогда не бывает холодно-созерцательным. Он всегда эмоционален и, в сущности, в нем всегда сочетаются мощные импульсы утверждения и отрицания» (p. 87).

Большое место в книге Редпаса уделено роману «Война и мир», при анализе которого на первый план выдвинута патриотическая идея, пронизывающая произведение.

Обращаясь к «Анне Карениной», Редпас, подобно многим другим зарубежным критикам, ограничивается рассмотрением сюжетной линии Анны — Вронского.

«Воскресение» он, с одной стороны, называет великим художественным произведением, с другой — осуждает как содержащее опасные разрушительные идеи. Беспощадной толстовской критике общества и государства Редпас противопоставляет социальную утопию, характерную для английского реформизма: «Повышенное чувство ответственности в господствующем классе, да и в каждом человеке, принадлежащем к любому классу, дает больше надежды справиться с угнетением и нуждой, чем разрушение классового общества путем добровольной капитуляции господствующих классов, как предлагает Толстой, или путем революционного насилия» (p. 83).

В заключение рассматривается вопрос, который вызывает постоянные споры в современном зарубежном литературоведении: кто важнее для современности, Толстой-художник или Толстой — религиозный мыслитель? Исходя из правильной предпосылки, что искусство Толстого неотделимо от его мировоззрения, Редпас пытается показать, что такое противопоставление несостоятельно.

«Толстой был не только великим мастером слова, но и мощным мыслителем-аналитиком 〈...〉 Его художественные произведения заставляют нас задуматься над многими важными проблемами жизни 〈...〉 В своих философских сочинениях Толстой является художником, в романах — мыслителем. В „Детстве“, „Севастопольских рассказах“, „Казаках“, „Войне и мире“, „Анне Карениной“, „Воскресении“ он неустанно бьется

над важнейшими проблемами: в чем смысл жизни, каково значение войны, как следует жить, что такое социальная справедливость, какой должна быть идеальная семейная жизнь, какими должны быть отношения между мужчиной и женщиной» (p. 109).

Следует заметить, однако, что в самом очерке Редпаса недостаточно раскрыто общественное и философское содержание творчества Толстого.

В 1960 г. вышла книга Синтии *Асквит* «Замужем за Толстым» (Cynthia A s q u i t h. Married to Tolstoi. London, 1960), вскоре переведенная на другие языки. Автор именует себя «самозванным адвокатом Софьи Андреевны» (p. 16). «Адвокатская позиция», занятая Асквит, не могла не сообщить этой беллетризованной биографии одностороннего характера. Со страниц книги встает идеализированный образ женщины-мученицы, «подобно рабыне, работавшей на писателя», пережившей на протяжении своего замужества нескончаемую цепь невзгод и страданий. Очень поверхностно рассматриваются причины серьезного разлада в семье Толстых. Конфликт между Толстым и его женой Асквит объясняет религиозными расхождениями супругов. Иных, более глубоких причин она не видит, повторяя старую и крайне одностороннюю версию об уходе Толстого вследствие одних только семейных раздоров. «Если бы Соня уехала на время в санаторий, трагический занавес ее супружеской жизни мог бы и не опуститься»,— утверждает по этому поводу писательница (p. 25)*.

Осенью 1960 г. многие прогрессивные английские критики выступили со статьями о Толстом. «Крестьянин-граф» — так называется небольшой очерк *Р. Роберта*, который рассматривает творчество Толстого в свете ленинской методологии и, в частности, подчеркивает историческое и общественное значение Толстого как выразителя «требований голодного крестьянства уничтожить частную собственность на землю». «Толстой,— пишет критик,— был противником государства и церкви почти во всем. Он признавал вредными армию и флот, капиталистов и помещиков, чиновничество и духовенство» («Contemporary Review», 1960, XII, vol. 198, p. 692—694).

Чествование памяти Толстого в Англии сопровождалось острой идеологической борьбой. Отдельные буржуазные журналисты использовали годовщину смерти писателя как повод для очередных антисоветских выпадов. Так, в литературном приложении к «Times» появилось следующее рассуждение: «Не удивительно, что русские современники Толстого называли его нигилистом. В наше время его назвали бы контрреволюционером» («Times Literary Supplement», 25.XI 1960).

На это враждебное по отношению к Советскому Союзу выступление редакция журнала «Marxism Today» иронически ответила: «Должно быть, в СССР впервые так чествуют память контрреволюционера» (1961, № 1, p. 3—4) и перечислила важнейшие факты, свидетельствующие о признании значения Толстого в Советском Союзе.

Особый интерес у критики вызвал роман «Анна Каренина» — в основном благодаря своей семейной проблематике, что отвечает сложившейся в английской литературе традиции семейного романа, интересу английских писателей к проблемам семьи.

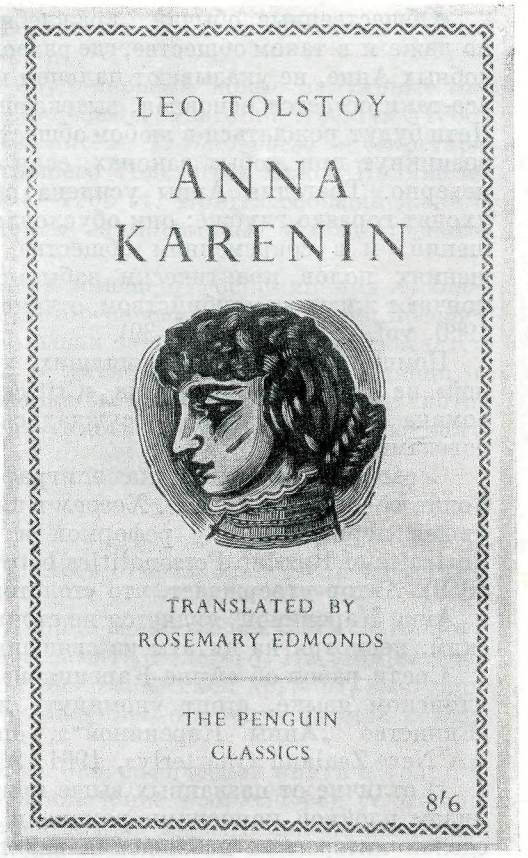
В 1959—1960 гг. на страницах трех номеров литературоведческого журнала «Critical Quarterly» развернулась интересная дискуссия, по-

---

* Сжатая критическая оценка книг Т. Редпаса и С. Асквит, а также ряда других монографий, сборников и материалов, опубликованных за рубежом в связи с пятидесятилетием со дня смерти Толстого, дана в книге Т. Л. М о т ы л е в о й «Иностранная литература и современность». М., 1961, стр. 99—126, а также в книге М. Б. Х р а п ч е н к о «Лев Толстой как художник». М., 1963, стр. 641—659.

«АННА КАРЕНИНА». АНГЛИЙСКОЕ ИЗДАНИЕ (ЛОНДОН, 1956)

Обложка



священная «Анне Карениной». Спор начался опубликованием статьи *Г. Джиффорда* «Анна, Лоуренс и закон», в которой подробно излагались взгляды английского писателя *Д. Лоуренса* на роман. Лоуренс, фетишизировавший половой инстинкт и ставивший его выше «добра и зла», постоянно полемически обращался к «Анне Карениной». Односторонне трактуя этот роман, Лоуренс утверждал, будто Толстой в нем «стремился задушить живую жизнь», находил «извращенное удовольствие в том, чтобы унизить Вронского и Анну».

По мнению Лоуренса, подлинная трагедия Анны состояла в «нарушении ею неписанной морали — закона самой жизни<...> Верность этой морали заставила бы Анну терпеливо ждать, когда она, на основе достигнутых прав, приобретет от общества то, в чем нуждается» (p. 177—178).

Наконец, английский писатель утверждал, будто единственной причиной смерти Анны было «грубое общественное осуждение, которое Толстой в романе изобразил как божью кару».

Статьи Лоуренса вошли в его сборник: D. L a w r e n c e. Selected Literary Criticism. London, 1955.

Статья Джиффорда («Critical Quarterly», 1959, vol. 1, № 3) вызвала возражение известного левого критика *Р. Уильямса*, который, протестуя против абстрактности и антиисторизма в оценке романа Толстого и образа Анны Карениной, писал, что «критики и читатели склонны изолировать образ героини, отделять ее судьбу от общества, в котором она живет, от судеб других героев романа, игнорировать параллельно развивающуюся историю Левина и Кити».

«Общественные обычаи, враждебные Анне, проникнуты лицемерием, но даже и в таком обществе, где развод не затруднен, где на женщин, подобных Анне, не указывают пальцем и не перестают с ними разговаривать, все-таки остается основная, вытекающая из природы человека трудность. Дети будут рождаться в любом обществе, неудовлетворенность и ненависть возникнут при любых законах, если отношения между людьми сложатся неверно. Трагедия Анны усилена обществом, но корни этой трагедии уходят гораздо глубже; они обусловлены характером личных взаимоотношений, и в современном обществе, в котором старые законы об отношениях полов практически забыты, до сих пор мужчины и женщины кончают жизнь самоубийством, отчаявшись в любви» («Critical Quarterly», 1960, vol. 2, № 1, p. 33—39).

Помимо критиков, принявших участие в споре об «Анне Карениной» на страницах журнала «Critical Quarterly», идейная проблематика романа Толстого живо обсуждалась и другими английскими литературоведами.

Своеобразная трактовка эпиграфа и всей философской концепции Толстого в романе дана *Р. Хаэром* в книге «Портреты русских выдающихся людей периода между реформой и революцией» (Richard H a r e. The Portraits of Russian Personalities between Reform and Revolution. London, 1959). Автор утверждает, что «толстовское понимание морального закона в „Анне Карениной" является не столько христианским, сколько буддистским, несмотря на цитаты из священного писания».

Среди работ об «Анне Карениной», вышедших в 1960—1961 гг. на английском языке, стоит упомянуть интересную статью *Э. У. Гринвуда* «Единство „Анны Карениной"», опубликованную в Новой Зеландии («A New Zealand Quarterly», 1961, № 6).

В отличие от названных выше критиков, Гринвуд не ограничился анализом идейной концепции романа и образа его центральной героини, а сделал интересные наблюдения над творческим методом Толстого, существенной особенностью которого, по мнению критика, является «открытие основного психологического закона человеческой натуры в действии или отдельном характере».

Эпические произведения Толстого продолжают привлекать внимание и английской театральной общественности. Летом 1961 г. в лондонском «Arts Theatre» с успехом прошла инсценировка повести Толстого «Крейцерова соната» (показанная затем и в США). Английская театральная пресса отметила удачу инсценировки и превосходную работу чтецов исполнителей Р. Лавела и Х. Уот, которые были также авторами инсценировки и постановщиками («Plays and Players», 1961, VIII, p. 17).

Располагая для исследования полным собранием сочинений Толстого, вышедшим в Советском Союзе, английские литературоведы принимают участие в решении некоторых спорных текстологических вопросов. Так, *П. Руди* — автор небольшой статьи «„Таинственная" история м. д.» («Philological Quarterly», 1960, vol. 39, № 1, p. 126—129) предложил новый вариант расшифровки сокращенной дневниковой записи Толстого от 18 января 1851 г., опубликованной в т. 46 Юбилейного издания в таком виде: «Писать историю м⟨оего⟩ д⟨етства⟩». Руди обратил внимание на письмо к Т. А. Ергольской от 17 января того же года, в котором Толстой сообщал, что с удовольствием опишет день, проведенный у Дьяковых. Основываясь на этом письме, Руди делает предположение, что «толстовская таинственная заметка в действительности относится к задуманному рассказу, в основу которого должны были лечь события дня, проведенного с Дьяковыми». Отметим, что недавно Н. Н. Гусевым предложено аналогичное прочтение спорного текста: «Писать историю дня». Запись эту

Гусев считает первым упоминанием Толстого о замысле «Детства» («Лит. наследство», т. 69, кн. 2, стр. 489—490).

В 1960—1961 гг. в Англии были опубликованы новые мемуарные материалы о Толстом. Еженедельник «Manchester Guardian Weekly» (1960, IX, vol. 83) напечатал извлечения из писем *Ч. Л. Бригза* — секретаря В. Г. Черткова, несколько раз посетившего Толстого в Ясной Поляне во время своих поездок в Россию в 1904—1905 гг. Бриггз сообщал жене о своих встречах и разговорах с Толстым на моральные и общественные темы.

В журнале «Listener» (1961, № 1) были помещены воспоминания *А. Бобринского* «Толстой глазами ребенка». Автор рассказывает о своем посещении Ясной Поляны в детские годы. Большая часть воспоминаний касается семейства Бобринских и не связана с личностью писателя. Однако в сознание мальчика врезались и острые споры на религиозные темы, которые велись в доме писателя, и образ самого Толстого — беспощадного критика христианских догматов.

БЕЛЬГИЯ

Пятидесятилетие со дня смерти Толстого отмечалось в Бельгии весьма скромно.

14 декабря 1960 г. в Брюсселе во Дворце изящных искусств состоялось торжественное заседание, посвященное памяти Толстого. На этом заседании, организованном Обществом бельгийско-советской дружбы, выступил итальянский критик *Р. Подзетти* с сообщением о международной конференции памяти Толстого в Венеции.

В заседании приняли участие автор биографической книги о Толстом *Д. Жиллес*, а также *Ж. Туссель*. В заключение собравшиеся услышали записанный на пленку голос Толстого и просмотрели документальный биографический кинофильм о его жизни.

Несколько статей о Толстом появилось в связи с юбилеем в бельгийской прессе. Некоторый интерес для биографов писателя представляет, в частности, напечатанная 3 ноября в газете «Soir» статья *К. Бронна* «Толстой в Брюсселе».

По разным причинам Институт славяноведения Брюссельского университета (единственный институт с полной программой по изучению славян в Бельгии) никак не отметил эту дату, хотя в предшествующие годы там устраивались в юбилейные даты конференции и читались доклады о Пушкине, Гоголе, Горьком, Андрее Рублеве и других деятелях русской культуры.

БОЛГАРИЯ

Память Толстого широко и торжественно отмечалась в Болгарии. Общенародный комитет болгаро-советской дружбы, Национальный комитет защиты мира, Министерство просвещения и культуры и Союз болгарских писателей организовали вечер памяти Толстого. С большим докладом выступил секретарь Союза *Г. Димитров-Гошкин*. В Народной библиотеке имени Васила Коларова и в Доме болгаро-советской дружбы были организованы обширные выставки, посвященные жизни и творчеству писателя. 17 ноября 1960 г. вышел специальный номер газеты «Литературен фронт» (орган Союза болгарских писателей), посвященный Толстому, со статьями *П. Тотева*, *Г. Константинова*, *А. Поповой*, *Д. П. Бошнакова*, *А. Цаповой* и др.

На юбилейную дату откликнулись почти все болгарские журналы. В журнале «София» *В. Мавродиев* опубликовал статью, в которой отмечал

большое распространение произведений Толстого в Болгарии, особенно в Софии, еще в начале XX столетия. В настоящее время в Софии ведется большая работа по изучению Толстого и его наследия: издаются новые переводы его произведений (в 1956—1957 гг. вышло в свет собрание сочинений в четырнадцати томах), а также исследований о нем советских ученых. В 1957 г. Софийская народная опера поставила «Войну и мир» С. Прокофьева. Этот спектакль был показан в 1960 г. на Международном оперном фестивале в Брюсселе («София», № 11).

Большое внимание памяти Толстого уделил журнал «Българо-съветска дружба». На его страницах напечатаны стихотворение поэта *Н. Бояджиева* о Толстом, перевод рассказа Толстого «После бала», специально для этого журнала написанные воспоминания *В. Ф. Булгакова* («Я знал близко великого писателя») и полученный из Дома-музея Толстого в Ясной Поляне список книг на болгарском языке, находившихся в его личной библиотеке. Толстой живо интересовался Болгарией и читал по-болгарски. В журнале публикуется также рассказ *Х. Траянова* о посещении Ясной Поляны и информация о праздновании юбилейной даты в СССР.

Статьи о Толстом поместил также нелитературный журнал «В защита на мира» (*С. Гёрова.* «Л. Н. Толстой — великий художник-гуманист» — 1960, № 10, и *С. Петканова.* «Л. Н. Толстой у нас», 1960, № 11) и некоторые другие.

Много внимания памятной дате уделили литературные журналы: «Пламък» (орган Союза болгарских писателей), «Литературна мисъл» (орган Института литературы при Болгарской Академии наук), «Театър» (орган Министерства просвещения и культуры Болгарии).

В журнале «Театър» была помещена статья *Л. Паневой* «Драматургия Л. Н. Толстого», где дан обзор драматических произведений писателя и раскрыт идейный смысл основных художественных образов в его пьесах (1960, № 11). В информационной статье *В. Мавродиева* «Драматургия Л. Н. Толстого и наш театр» приведен перечень толстовских спектаклей, начиная с 1904 г., когда впервые была поставлена «Власть тьмы» — самая популярная из толстовских пьес в Болгарии. Второе место по количеству постановок занимает инсценировка «Воскресения», третье — «Плоды просвещения», четвертое — «Живой труп». Появлялись на болгарской сцене также инсценировки «Анны Карениной» и «Крейцеровой сонаты», а в репертуар самодеятельных театров прочно вошла комедия «Первый винокур». В заключение указывается, что драматургия Толстого помогает болгарскому театру развиваться в духе русских реалистических традиций.

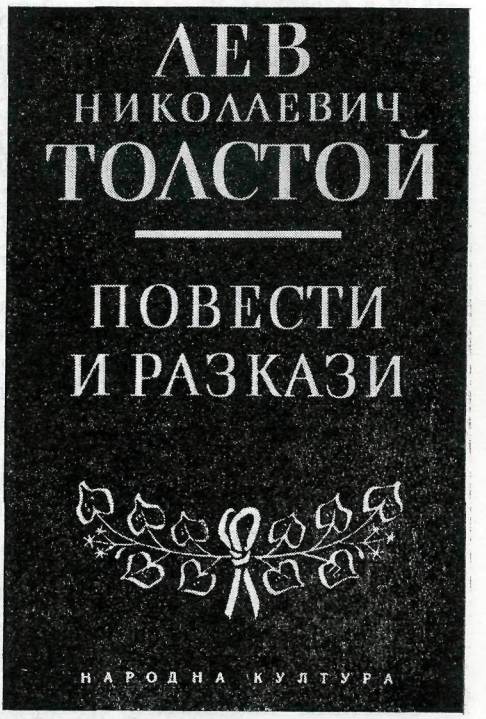
«Пятидесятая годовщина смерти Л. Н. Толстого» — так называется специальный раздел в журнале «Литературна мисъл» (№ 5), и каждая статья, помещенная там, утверждает живые связи Толстого с современностью.

Раздел открывается яркой статьей *Л. Стоянова* «Жизнь — эпопея» (см. книгу 1-ю настоящ. тома).

Г. Караславов в «Первой встрече со Львом Толстым» вспоминает о впечатлении, произведенном на него рассказом «Корней Васильев», первым прочитанным им произведением Толстого; мальчика поразили простота и правдивость повествования; он нашел общие черты характера у персонажей рассказа и своих односельчан.

О своем отношении к Толстому рассказывает *Д. Талев* в статье «Лев Толстой в моей памяти» (печатается в кн. 1-й настоящ. тома).

О связях Толстого с современностью пишет *Д. Димов.* Для него художественное наследие Толстого — вечно живое и верное средство против всяких извращений в искусстве.



СБОРНИК РАССКАЗОВ И ПОВЕСТЕЙ ТОЛСТОГО. ИЗДАНИЕ НА БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ (СОФИЯ, 1960)
Суперобложка

Интересен раздел «Великая годовщина» в журнале «Пламък» (№ 11). Ленинская оценка Толстого раскрывается в статье *К. Горанова* «Лев Толстой и Ленин». На конкретном анализе произведений Толстого автор показывает истинность ленинских положений о мировоззрении и методе художника и их взаимодействии с действительностью, подчеркивая, что объективный смысл художественного произведения оказывается шире авторских намерений, ибо действительность и реалистические законы художественного отражения «корректируют» ошибки в замыслах и взглядах писателя. Критик напоминает, что правильное понимание соотношения исторически ограниченного и непреходяще истинного в художественном ви́дении Толстого имеет принципиальное значение, поскольку художественный метод Толстого не устарел и мастерству у него учатся и писатели современности.

В статье *С. Великова* «Лев Толстой у нас» сделан обзор переводов на болгарский язык произведений Толстого, постановок его пьес, а также отдельных отзывов о нем болгарской критики. Работа Великова в некоторых деталях дополняет картину восприятия Толстого в Болгарии, которую нарисовал *Г. Константинов* (см. ниже).

Интересны воспоминания *П. Белова* о событиях, связанных со смертью Толстого. Белов был тогда студентом петербургской Военно-медицинской академии, присутствовал как выбранный товарищами делегат на похоронах писателя и рассказал о своих впечатлениях на студенческой сходке.

В статье *Л. Георгиева* подробно анализируется отношение к Толстому болгарского писателя П. Ю. Тодорова по его статьям и выступлениям. Тодоров предстает как вдумчивый критик Толстого, пристально следивший ва творчеством писателя в течение всей своей жизни. Любовь и признательность к художественному гению Толстого звучат в каждой строчке, написанной Тодоровым о Толстом.

И. Цветков излагает творческую историю «Войны и мира» — произведения, «в котором одинаково поражает эпический размах, мощь изображения массовых сцен и удивительное жизнеподобие, тонкий психологический анализ действующих лиц <...>, в котором совмещаются резкая социальная критика и поэтизация деревенской жизни, пафос напряженной духовно-нравственной жизни и пафос героический».

Кроме того, в номере публикуется несколько кратких сообщений — об отношении Толстого к Нобелевской премии, о произведениях писателя, запрещенных при царизме (перевод с русского — из «Недели»), о венецианской конференции.

В 1960 г. в Болгарии, помимо статей общего характера, появился и ряд исследовательских работ. Так, теоретический орган ЦК Болгарской Коммунистической партии журнал «Ново време» поместил статью *И. Цветкова* «Реализм Толстого» (№ 11, стр. 74—82). Творения гениального мастера слова автор справедливо называет «школой нравственного и эстетического воспитания трудящихся». «Нет такого крупного художника, который не воспользовался бы великими художественными открытиями Л. Толстого, не учился бы у него высокому мастерству». Цветков восхищается гражданским мужеством Толстого: «Если бы Толстой жил в средние века, его наверняка сожгли бы, как Джордано Бруно, а в XVIII веке его постигла бы участь Радищева». Критику удалось связать характеристику реализма Толстого с современной литературной жизнью, в частности с творчеством болгарских писателей, что является его несомненной заслугой.

Заметным явлением в болгарском толстоведении явился выход в свет сборника статей русских исследователей «Творческий путь Льва Толстого» («Творческият път на Лев Толстой». Съст. Н. Лошчинин и В. Велчев. София, 1960). В сборник вошли статьи *Н. К. Гудзия*, *Б. И. Бурсова*, *К. Н. Ломунова*, *Л. Д. Опульской* и *Н. Лощинина*, последовательно освещающие творческий путь художника, а также статья болгарского писателя *Г. Константинова* «Лев Толстой и болгарская литература», в которой автор определяет воздействие Толстого на болгарскую литературу и характеризует отношение к нему болгарской критики. Константинов считает, что влияние Толстого на болгарскую литературу шло в нескольких направлениях. Прежде всего, Толстой был близок болгарским писателям как идеолог крестьянства. Идеализация земледельца типична для ряда болгарских писателей-народников, находившихся под прямым воздействием проповеди Толстого. «Можно сказать,— пишет Константинов,— что все наши писатели — критические реалисты и народники, которые задавали тон в литературе 1890-х годов — Михалаки Георгиев, Т. Влайков, Г. П. Стаматов, Елин Пелин, Цанко Церковски, Христо Максимов,— в той или иной степени находились под влиянием Толстого, его реализма и гуманизма, особенно те из них, которые в своих произведениях изображали сельский быт, крестьян, земледельческий труд <...> Сила изобличения царского суда в „Воскресении“ <...> помогла болгарским писателям-обличителям раскрыть несовместимость буржуазного правосудия с человечностью» (стр. 10).

Известное влияние на болгарских писателей оказал и Толстой-моралист.

Толстовская философия жизни проявляется в некоторых рассказах Й. Йовкова и И. Иванова-Черена.

«Художественному мастерству учатся у Толстого и современные болгарские писатели — особенно те, кто пишет о сельской жизни и применяет психологический анализ, как Г. Караславов, А. Каралийчев, И. Волен,— учились и учатся у Толстого прежде всего демократизму его искусства, связи с народным творчеством и языком...» (стр. 17—18). Все это

позволяет автору статьи сделать вывод о большой роли Толстого в культурной и нравственной жизни Болгарии.

Значительно подробнее останавливается Константинов на оценке Толстого болгарской критикой, которая пристально следила за творчеством выдающегося художника слова. Толстой был самым популярным писателем в Болгарии уже в 1890-х годах. Его произведения часто переводились, и на них откликалась периодическая печать. «Наши журналы и газеты,— пишет Константинов,— не пропускали ни одного сколько-нибудь значительного известия, которое могло бы лучше осветить жизнь и творчество Толстого — особенно же участие его в помощи голодающим крестьянам во время засухи 1891 г., обличение им царского самодержавия, смысл его проповеди, его взгляды на задачи искусства, на религию, на брак» (стр. 4—5).

Особенное внимание Константинов уделяет прогрессивной критике, в частности тем статьям о Толстом, которые публиковались в 1899—1901 гг. в болгарском журнале «Ново време».

В этой части работы автор приводит ряд интересных фактов. Примечательно, например, что трактат Толстого «Что такое искусство?» получил в болгарской критике марксистскую оценку сразу же после его опубликования. Д. Благоев, первый распространитель научного социализма в Болгарии, написал на этот трактат подробную рецензию, в которой рассмотрел определение искусства, данное Толстым, и развернул принципиальную критику толстовства, охарактеризованного им как «смесь демократизма с мистической реакционностью». Константинов убедительно показывает, что Благоеву все же не удалось выяснить во всей полноте объективный смысл выступлений Толстого об искусстве.

Более верную критику толстовского учения дали Д. Благоев в рецензии на брошюру Толстого «Рабство нашего времени» («Ново време», 1900, № 11-12) и В. Коларов в статье «Граф Толстой о современном рабстве» (там же, 1901, № 3). Вскрывая тщетность толстовских «рецептов спасения человечества», Коларов писал: «Социализм преодолеет классовые различия <...> и утвердит в обществе ту любовь <...>, о которой мечтал великий гуманист XIX века — Лев Толстой».

В работе Константинова рассматриваются статьи и отклики Г. Бакалова, Л. Стоянова, Т. Павлова и других, свидетельствующие о том, что творчество Толстого не переставало занимать внимание болгарской критики. К толстовскому наследию обращались в Болгарии и в периоды тяжелых испытаний. Так, например, когда гитлеровцы напали на Советский Союз, в отдельных болгарских городах были устроены выставки о творчестве Толстого, которые укрепляли у болгарского народа веру в победу над фашизмом.

В другой статье Константинова — «Лев Толстой в Болгарии», помещенной в журнале «Септември» (1960, № 11), любовно собраны высказывания Толстого о Болгарии и ее народе. Особое значение придается тому, что, покидая Ясную Поляну, Толстой выразил намерение поселиться в Болгарии. Константинов объясняет это исключительной популярностью Толстого и его учения в Болгарии (о чем не мог не знать писатель) и подробно рассказывает о болгарских последователях Толстого.

Таким образом, работы Константинова весьма полно освещают характер восприятия Толстого в Болгарии.

Актуальной теме «Толстой и развитие романа» посвящает свою небольшую статью *Т. Жечев* («Родна реч», 1960, № 8). Он знакомит болгарского читателя со спорами вокруг судеб современного романа, опровергая рассуждения о том, что романы Толстого устарели. «Кажущиеся революционными фразы о „совершенно новых формах“ не могут прикрыть отсутствия энергии, с которой романисты прошлого исследовали современного

им человека и его место в обществе». Говоря о замечательном умении Толстого сочетать эпически обобщенные картины жизни с глубоким проникновением в частные судьбы, Жечев правильно рассматривает освоение наследия великого писателя как способ борьбы против модных теорий разложения романа.

В статье содержится интересное сравнение психологического мастерства Толстого с модернистским психологизмом. Запутанности последнего противопоставляется ясность и психологическая глубина творчества Толстого. «У Толстого трепещущая капля отражает солнце. Капля современных романистов темна и непроницаема».

Художественный опыт Толстого не устарел, а вполне соответствует развитию современного романа, задачи которого заключаются во всестороннем и глубоком постижении жизни,— делает вывод Жечев.

Таковы работы о Толстом, вышедшие в Болгарии в юбилейные дни 1960 г.

ВЕНГРИЯ

18 ноября 1960 г. в большом актовом зале Будапештского университета имени Л. Этвёша состоялся торжественный вечер, посвященный пятидесятилетию со дня смерти Толстого. Он был организован Союзом венгерских писателей, Венгерским комитетом борьбы за мир и Обществом венгеро-советской дружбы. Вечер этот привлек к себе внимание всей венгерской общественности.

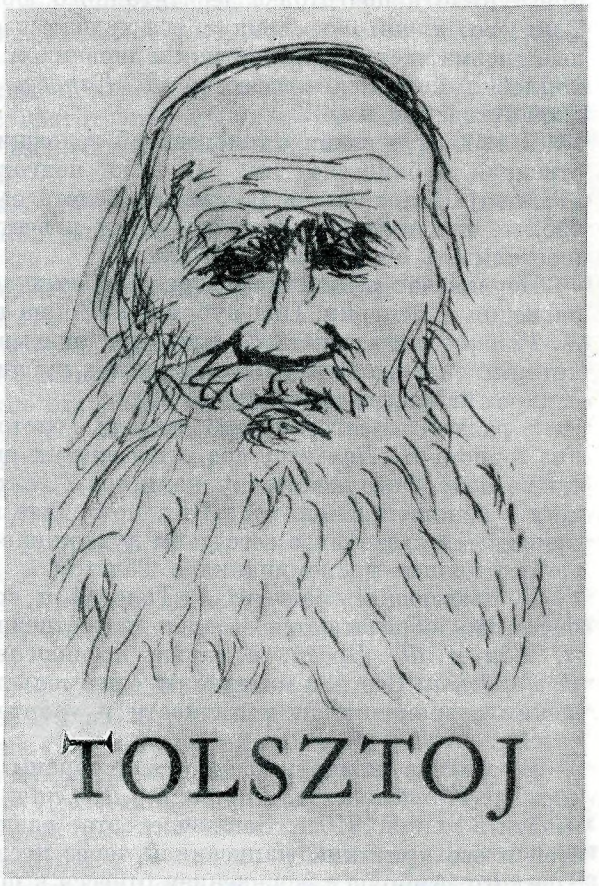
С докладом выступил известный венгерский писатель и переводчик *Л. Немет*. Он с глубоким пониманием и большой любовью осветил творческий путь Толстого, особенно подчеркнув реализм и жизненность произведений писателя и постоянные поиски его в области социологии и морали.

Вечер закончился концертом, во время которого выступили лучшие артисты будапештских театров, исполнившие отрывки из произведений Толстого. В залах университета была устроена выставка, иллюстрировавшая этапы жизненного и творческого пути писателя-реалиста. Особый интерес вызывали витрины и стенды, на которых экспонировались основные издания произведений Толстого на венгерском языке.

В тот же день, 18 ноября, вышел в свет юбилейный номер еженедельной газеты Союза венгерских писателей «Élet és Irodalom». В нем был полностью напечатан упомянутый выше доклад Немета.

Передовая статья юбилейного номера «Élet és Irodalom», озаглавленная «Наследство», принадлежала перу крупного литературоведа, члена-корреспондента Венгерской Академии наук (теперь академика, ректора Будапештского университета) *И. Шётера*. В этой статье, методологической основой которой явились знаменитые статьи В. И. Ленина о Толстом, Шётер рельефно охарактеризовал творческий путь русского писателя. Реализм Толстого был рассмотрен им на фоне достижений мировой классической литературы.

Капитализм, как указывал Шётер, является одним из основных элементов, составляющих фон в романах Толстого; однако Толстой изображал прежде всего последствия формирования этого уклада, а не подробности его зарождения. Герои прозы Толстого — помещики и крестьяне — не хотят признавать, что капитализм в России уже появился. Мужики Толстого являются носителями навязчивой идеи автора, ибо учение Толстого представляет собой лишь навязчивую идею,— но все то, что изображается им *вопреки* его учению об эпохе, о детищах этой эпохи,— составляет высшую правду. Толстой был прав в своих поисках, но теория, которой он руководствовался, была глубоко ошибочна. В своих сложных поисках Толстой не поддавался чувству тщеславия и высокомерия. Он никогда не



СБОРНИК «ПАМЯТИ ТОЛСТОГО». ИЗДАН В ВЕНГРИИ К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ПИСАТЕЛЯ (БУДАПЕШТ, 1962)

Суперобложка

выбирал легкого пути, вот почему в нем писатель возвышается над пророком.

В заключительной части статьи автор указал, что современные писатели должны учиться у Толстого. Социалистический реализм, показывающий новое общество и содействующий формированию этого общества, мог бы шире и богаче изобразить эту действительность, если б более щедро пользовался наследием Толстого, и это нисколько не означало бы подражания великому классику.

В этом же богато иллюстрированном номере газеты «Élet és Irodalom» напечатаны высказывания писателей, критиков и переводчиков о Толстом. Особенно выделяется статья замечательной переводчицы произведений Толстого Клары *Сёллёши* о работе над его сочинениями.

Во время толстовской годовщины в венгерской прессе были напечатаны многочисленные материалы о великом русском реалисте. Отметим среди них статьи *Д. Тота* «Толстой и революция» в декабрьском номере еженедельного литературного журнала «Kortárs»; *Э. Тёрека* в ноябрьском номере ежемесячного журнала «Nagyvilág» и *З. Хёра* «Лев Толстой». Среди статей о Толстом, напечатанных в газете «Népszabadság», обращают на себя внимание воспоминания *М. Корода* о чтении в тюрьме венгерскими политическими заключенными летом 1944 г. «Войны и мира».

Толстовская годовщина еще более усилила интерес венгерской общественности к русскому писателю. Издательство «Magyar Helikon»

приступило к подготовке десятитомного юбилейного издания сочинений Толстого, в которое войдут все художественные произведения, избранные письма, часть публицистики и дневников. Руководителем редакционной коллегии является профессор *Л. Кардош*, член-корреспондент Венгерской Академии наук.

В 1960 г., в связи с толстовской годовщиной, будапештская Государственная библиотека им. Э. Сабо подготовила объемистый сборник «Tolsztoj Emlékkönyv» («Памяти Толстого»), который вышел в свет в 1962 г. и явился крупным событием в венгерской литературной жизни (составитель сборника *А. Тобиаш*).

Первая часть книги освещает в разных аспектах судьбу толстовского наследия в Венгрии. Под рубрикой «Война и мир» помещены статьи поэта *Д. Ревицкого* и эссеиста *Е. Петерфи*, описывающие восторженный прием, который оказала венгерская читающая публика первому переводу «Войны и мира» на венгерский язык (1886).

В разделе «Венгерские посетители Толстого» перепечатаны воспоминания юриста *И. Вальдхаузера* о посещении им Ясной Поляны (1902 г.), а также подробные отчеты журналистов *Г. Серени* и *А. Пастора*, побывавших в яснополянской усадьбе в последние годы жизни писателя. Далее приводятся сведения о сегедском художнике-толстовце *Л. Каройи*, а также его личные воспоминания о Толстом.

В следующем разделе — «Толстой и современные ему венгерские писатели» — печатаются статьи известнейших литературных деятелей *Э. Ади* и *Ш. Броди*, а также посвященное Толстому стихотворение *Г. Гардоньи*. Все эти материалы свидетельствуют о восторженном отношении современников к личности и творчеству великого русского писателя.

В разделе «Смерть Толстого» собраны некрологи, принадлежащие перу *А. Шёпфлина*, *А. Карпати*, *Д. Сини* и появившиеся в венгерской печати в конце 1910 г. Заключает этот раздел статья *З. Амбруша* «Толстой и его критики», написанная через несколько месяцев после смерти Толстого. Амбруш с осуждением отнесся к поверхностным высказываниям о Толстом, наводнившим мировую печать после смерти великого писателя.

В 1928 г. венгерская литературная общественность отметила столетие со дня рождения Толстого. Следующий раздел книги — «Столетний юбилей» — систематизирует появившиеся по случаю этой даты материалы.

«Влияние Толстого» — так озаглавлен раздел, в котором напечатаны статьи *Д. Балинта* (1935) и *Г. Халаса* (1941). Обе статьи свидетельствуют о том, что интерес к творчеству Толстого в Венгрии в период перед второй мировой войной продолжал оставаться очень большим.

Заключительный раздел первой части называется «Современный портрет Толстого». В нем напечатаны статьи *Д. Лукача* «Толстой и западная литература» (1944), *Л. Немета* «Как я учился у Толстого» (1956), *И. Шётера* «Наследие Толстого» (1960), *Э. Тёрека* «О Толстом» (1960). По мнению *Д. Лукача*, глубокое проникновение в сущность творчества Толстого способствует сохранению, углублению и обновлению демократических традиций национальных литератур. В этом смысле творчество Толстого является драгоценной частью литературного наследия всех свободолюбивых народов. Крупнейший венгерский прозаик, переводчик «Анны Карениной» и автобиографической трилогии Толстого *Л. Немет* (см. его выступление в кн. 1-й настоящ. тома) поделился своими наблюдениями над художественным методом писателя. Величайшей заслугой Толстого является его умение полно охватить действительность. В этом, по мнению *И. Шётера*, состоит урок, данный Толстым современной лите-

ратуре. *Э. Тёрек* указывает, что основной пафос толстовского творчества заключается в страстных поисках высокой морали и социальной справедливости.

История второй части книги, носящей заглавие «Живой Толстой», такова. В 1960 г. в связи с подготовкой к юбилею Толстого библиотека им. Сабо обратилась к ряду виднейших венгерских и иностранных писателей со следующей анкетой:

«1. Какое влияние оказало творчество Толстого или его отдельные произведения на формирование вашего мировоззрения и на вас как писателя?

2. Есть ли среди произведений Толстого такие, которые вы особенно цените и часто перечитываете?»

Вторая часть книги открывается откликами на эту анкету венгерских писателей — представителей разных поколений и различных литературных жанров. Среди них такие старейшие деятели венгерской культуры, как *Л. Барта*, *М. Бенедек*, *А. Бернат*, *А. Дутка*, *А. Карпати*, *Л. Кашшак*, *Й. Фодор*, *М. Фюшт*, *Л. Хатваньи* и др.

Особую группу составляют литераторы старшего и среднего поколений: *Т. Барабаш*, *Т. Барань*, *Л. Бока*, *И. Ваш*, *П. Вереш*, *Д. Ийеш*, *Э. Иллеш*, *Г. Кепеш*, *Л. Мештерхази*, *Л. Немет*, *Т. Соботка*, *Э. Фейеш*, *Г. Хегедюш*, *И. Шимон*, *Ф. Янкович* и др.

Большинство присланных откликов выходит за рамки обычных ответов на вопросы и свидетельствует о глубоком уважении и любви венгерских писателей к Толстому.

Представители старшего поколения *М. Бенедек* и *А. Дьердьяи* вспоминают о том, какая скорбь охватила Венгрию при известии о смерти Толстого, о восторженном приеме, оказанном «Войне и миру», и т. п.

Почти все венгерские писатели рассказывают о своем первом знакомстве с творчеством Толстого (см., например, высказывания *Л. Бока*, *Г. Хегедюша*, *Т. Череша*). Некоторые отмечают, как труден был для них переход к Толстому после продолжительного увлечения Достоевским (*Г. Турзо*).— *М. Бенедек*, *А. Беркеши*, Сефи *Богуницки*, *Л. Фюлеп* и другие заявляют, что произведения Толстого сразу и безоговорочно захватили их.

Все писатели без исключения признают величие Толстого-художника; некоторые подчеркивают при этом свое отрицательное отношение к философии толстовства (*А. Бернат*, *Л. Кашшак*, *Л. Фюлеп*, *Л. Мештерхази* и др.).

Большинство приславших ответы считают влияние Толстого на их творчество несомненным фактом. Активное воздействие Толстого на духовное становление и формирование их эстетических взглядов отмечают *Т. Барань*, *А. Беркеши*, *Э. Иллеш*, *З. Фаркаш*, *М. Фюшт* и многие другие. Некоторые, например, *И. Шаркади*, подвергают сомнению возможность влияния одного писателя на другого. По мнению Вираг *Мориц*, в формировании критического реализма главная роль принадлежит не Толстому, а Достоевскому.

Подавляющее большинство венгерских писателей, отвечая на второй вопрос анкеты, назвало самым любимым своим произведением «Войну и мир» (*Л. Барта*, *Д. Дьёри*, *М. Дьярфаш*, *Д. Ийеш*, *А. Карпати*, Магда *Сабо* и др.). Другие (*Л. Фюлеп*, *М. Месёй*, *П. Патцай*, *Ж. Ременик*, *М. А. Ронаи*, Юдит *Сираки*, *Ж. Тури*, *Ш. Шашди*) на первое место ставят «Смерть Ивана Ильича». Ряд писателей оказывает предпочтение «Анне Карениной» (*Л. Кашшак*, *Ш. Ридег*, *П. Сабо*) и «Воскресению» (*Л. Мештерхази*, *Л. Пашшут*, *Ф. Янкович*). Восхищаясь реализмом Толстого, многие писатели отмечают, что для них персонажи его произведений не просто литературные герои, а друзья, сопровождающие их в течение всей жизни (Сефи *Богуницки*, Роза *Игнац*, Магда *Сабо* и др.);

Л. Кашшак, например, пишет: «Толстой в „Войне и мире“ и „Анне Карениной“ раскрыл передо мной мир с такой убедительностью, что я смог вступить в этот мир и жить рядом с героями, созданными Толстым,— Кутузовым, Наташей, князем Андреем, Карениным, графом Вронским, с их солдатами, крестьянами, дворовыми, в обстановке их жилищ, словом, я поверил, что они живы и что я нахожусь среди них».

Гуманизм Толстого подчеркнули в своих ответах *М. Бенедек*, *М. Боршош*, *Э. Коложвари*, *Л. Фюлеп*, *Ф. Янкович* и др.

Главным содержанием творчества Толстого многие венгерские писатели считают его страстное стремление к правде и справедливости. *Л. Мештерхази* пишет: «Поиски правды обладают потрясающей силой и способны порождать шедевры». У Толстого следует учиться оптимизму, вере в людей (*Э. Фейеш*), наблюдательности, изображению тончайших движений человеческой души, предельной искренности (*А. Беркеши*).

Роль Толстого в истории мировой литературы, по мнению *Г. Фейа*, заключается в том, что в его писательской практике роман демократизировался и стал выражать интересы русского народа.

О значении Толстого *Ф. Янкович* высказался следующим образом: «Нет писателя, в котором так органично сливались бы беспокойный искатель, общественный реформатор и художник».

Неувядаемую силу искусства Толстого отметили *М. Бенедек*, *Л. Бока* и др.

В следующем разделе книги публикуются ответы свыше ста иностранных писателей из двадцати девяти стран мира.

Приводим полный перечень иностранных участников анкеты в том порядке, в каком они представлены в альманахе: *А. Швейцер*; *М. Джаджиу* (Албания); *К. Ясин* (Алжир); Перл *Бак*, *Э. Колдуэлл*, *Дж. Дос Пассос*, *У. Дюбуа*, *Л. Фейнберг*, *А. Мальц*, *К. Одетс*, *У. Сароян*, *Э. Синклер* (США); *Ф. Т. Чокор*, *Х. Додерер*, *О. М. Фонтана* (Австрия); *Ф. Жермонпре*, *Ж. Сименон* (Бельгия); *И. Бедрегаль* (Боливия); *В. А. Коскенниеми* (Финляндия); *А. Адамов*, *Ж. Ануй*, *М. Эме*, *П. Булль*, *А. Шансон*, *Ж. Кокто*, *М. Дрюон*, Маргерит *Дюра*, Мари Жанна *Дюрри*, *П. Гамарра*, *Р. Гари*, *Ж. Жионо*, Нина *Гурфинкель*, *Э. Ионеско*, *М. Жуандо*, *Ж. Кессель*, *А. Лану*, *Ф. Марсо*, *Ф. Мориак*, *А. Моруа*, *А. Монтерлан*, *Б. Парен*, *В. Познер*, *А. Роб-Грийе*, *Ж. Ромен*, *К. Руа*, *Ж. Руссело*, *Р. Сабатье*, Натали *Саррот*, *Б. Шлецер*, *Ж. Шлюмберже* (Франция); *Ж. Афанасиадис-Новас*, *К. Варналис* (Греция); *Т. Де Фрис* (Нидерланды); *М. Р. Ананд*, *Б. Чатурведи* (Индия); *Ш. О'Кейси* (Ирландия); *К. Гюдмюнссон*, *Г. Гуннарсон* (Исландия); *Ш. Фуказава*, *Х. Нома*, *Т. Теру* (Япония); *Го Мо-жо* (Китай); *Я. Ивашкевич*, *Л. Кручковский* (Польша); *Ринчин* (Монголия); *Р. Олдингтон*, *Г. Бейтс*, *Л. Даррел*, *Р. Грейвз*, *Р. Хьюз*, *О. Хаксли*, *К. Мэкензи*, *У. С. Моэм*, *Б. Рассел*, *Ч. А. Сноу*, *С. Спендер* (Англия); *Б. Апитц*, *С. Хермлин*, *Л. Ренн*, Анна *Зегерс*, *А. Цвейг* (ГДР); *Л. Франк*, *В. Хайзенберг*, *В. Кёппен*, *Э. Пискатор* (ФРГ); *Дж. Б. Анджолетти*, *Ф. Антоничелли*, *Э. Ло Гатто*, *А. Лекко*, *А. Моравиа*, *С. Квазимодо*, *И. Силоне* (Италия); *С. Али Асан* (Пакистан); *Феррейра Де Кастро* (Португалия); *К. Х. Села*, Кармен *Лафорет* (Испания); *Г. Хессе* (Швейцария); *В. Моберг* (Швеция). Некоторые высказывания этих писателей перепечатываются в первой книге настоящего тома — *А. Моруа*, *А. Мальца*, *К. Варналиса*, *Т. Де Фриса*, *Л. Франка*, *Ф. Де Кастро*.

Наряду с ответами, полученными непосредственно библиотекой им. Э. Сабо, в альманахе в ряде случаев перепечатаны без необходимых оговорок статьи и высказывания отдельных русских и иностранных писателей, появившиеся в советской прессе.

Большая часть зарубежных писателей отмечает значительное влияние, оказанное Толстым на формирование их эстетических взглядов — *Д. Анд-*

жолетти, *К. Варналис*, *П. Гамарра*, *Р. Гари*, *Ж. Кессель*, *Э. Колдуэлл*, *Ф. Мориак*, *У. Сароян*, *Э. Синклер*, *Т. Де Фрис*, *Б. Чатурведи* и др. *П. Гамарра*, например, относит Толстого к числу своих любимейших авторов, утверждая, что влияние Толстого на его творчество было глубоким и длительным. *Э. Колдуэлл* подчеркнул, что на него огромное впечатление произвело мастерство, с которым Толстой строит сюжет своих романов.

Интересны свидетельства писателей, непосредственно применявших в своем творчестве толстовские художественные приемы. *Ф. Т. Чокор*, по его собственному признанию, использовал композицию «Войны и мира» в своем романе «Ключ к бездне». Изображение войны в «Севастопольских рассказах», по свидетельству *Р. Грейвза*, явилось для него образцом при создании романа о первой мировой войне — «Прощание со всем». *А. Монтерлан* написал роман «Песчаная роза» под влиянием «Воскресения». *Р. Хьюз*, работающий над циклом исторических романов о нашей эпохе, первая часть которого посвящена событиям второй мировой войны, ежегодно перечитывает «Войну и мир», чтобы освежить в памяти приемы, применявшиеся Толстым, хотя, по его словам, он не пытается подражать Толстому. О сильном влиянии личности Толстого говорят в своих ответах *У. Сароян*, *Р. Сабатье*. Последний особенно ценит в Толстом последовательное проведение своих идей в жизнь.

Отдельные писатели отмечают влияние, оказанное на них философскими взглядами Толстого. *Р. Хьюз* признается, что философия Толстого, как и его этика, еще в юности захватила его. *Л. Даррел* подчеркивает свое глубокое уважение к Толстому-мыслителю. *М. Радж Ананд* отмечает, что он присоединился к антианглийскому движению, возглавлявшемуся Ганди, под влиянием идей Толстого. Критически относятся к философии Толстого *В. Познер*, *П. Гамарра* и др. Однако в его философии, независимо от ее конечных выводов,— заявляет *С. Али Асан*,— надо ценить вечные поиски справедливости и смысла жизни.

Другая группа писателей отрицает влияние Толстого на свое творчество—*К. Одетс*, *А. Адамов*, *М. Жуандо*, *А. Роб-Грийе*, *Ж. Руссело*. *О. Хаксли* подчеркивает, что, при всем своем восхищении Толстым, он не пробовал подражать ему, понимая, насколько велика разница в их талантах. *А. Б. Коскенниеми* полагает, что Толстой как прозаик влияния на него, поэта, оказать не мог. Затрудняются ответить на первый вопрос анкеты *Ж. Ромен*, *М. Эме*, *Р. Олдингтон*. *Ф. Марсо* вообще выражает сомнение в том, что один писатель может оказать влияние на другого. *Ж. Ануй* находит слишком трудным анализ собственного творчества.

Многие писатели, отрицая целиком толстовское влияние, вместе с тем признают, что на них сильное воздействие оказали другие русские писатели-классики. *А. Мальц* в числе своих предшественников называет Чехова, *А. Адамов* — Гоголя. Многие отмечают огромное влияние Достоевского (Натали *Саррот*, Маргерит *Дюра*, *Э. Ионеско*, *Ф. Марсо*, *Ж. Руссело* и др.). *Ж. Кокто*, упоминая имя Достоевского, замечает, впрочем, что «мудрое безумие» Толстого и Достоевского «встречаются».

Отвечая на второй вопрос анкеты, около трети всех иностранных писателей назвали своим любимым произведением «Войну и мир». Далее произведения Толстого называются в следующей убывающей градации: «Смерть Ивана Ильича», «Анна Каренина», «Детство», «Отрочество» и «Юность», «Крейцерова соната». Единичные писатели называют и другие крупные и мелкие сочинения.

Оценивая влияние Л. Толстого, многие пишут о гуманизме писателя — *П. Гамарра*, *Б. Парен*, *Л. Франк*, *А. Шансон*. Писатели отмечают также полноту охвата действительности, лиризм, простоту толстовских произведений. О том, что Толстой является вечным примером требовательности к себе, говорят *П. Гамарра*, *А. Лекко*. На глубокую современность

произведений Л. Толстого указывают *Л. Кручковский*, *Дж. Дос Пассос*, *Л. Фейнберг*.

Альманах содержит также подробную библиографию всех венгерских изданий произведений Толстого с 1878 по 1960 г., хронологию постановок пьес и инсценировок его произведений, перечень фильмов, созданных во всем мире, с указанием страны, режиссера и даты выхода на экран. Отдельная статья посвящена сравнению различных венгерских переводов «Войны и мира».

Альманах богато иллюстрирован. В числе иллюстраций фотографии Л. Н. Толстого, относящиеся, в основном, к последним годам его жизни (эти фотографии были предоставлены библиотеке московским Музеем Толстого), факсимильное воспроизведение различных документов, в частности титульных листов прижизненных изданий произведений писателя на венгерском языке, его письма к венгерским толстовцам, титульный лист сокращенного подпольного издания «Войны и мира» 1942 г. и др. Обращает на себя внимание портрет Толстого работы Б. Кондора и иллюстрации того же художника к юбилейному изданию «Смерти Ивана Ильича» (1960), а также акварели Т. Чернуша к «Анне Карениной».

В приложении к альманаху даются фрагменты выставки «Живой Толстой», открывшейся в 1960 г. в библиотеке имени Э. Сабо (на ней экспонировались ответы на анкету), а также текст речи *М. Сабольчи* на открытии этой выставки.

ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Широко проводилось чествование памяти Толстого в Германской Демократической Республике. Здесь был организован специальный Толстовский комитет, в который вошли Анна *Зегерс*, *А. Курелла* и *А. Абуш*.

20 ноября 1960 г. Толстовский комитет совместно с берлинским Немецким театром устроил торжественный утренник, посвященный памяти Толстого. На утреннике были прочитаны отрывки из романов писателя и его статей в защиту мира. В чествовании памяти Толстого приняли участие многочисленные представители культурной жизни демократического Берлина во главе с заместителем министра культуры и государственным секретарем *Э. Вендтом*.

В статьях немецких писателей и критиков с особенной силой подчеркивалось значение Толстого как поборника мира и братства народов.

В отличие от многих буржуазных литературоведов, писатели и критики Германской Демократической Республики не связывали антимилитаризм Толстого только с его философией непротивления злу насилием, а видели в нем выражение гуманизма.

Особенно ярко эта мысль была выражена в статье Анны *Зегерс* (1953): «Толстой говорил языком борцов за мир не потому, что он был пацифистом и толстовцем, а потому, что был классическим реалистом〈...〉 Он показал, что́ такое подлинный гуманизм и что достойно любви 〈...〉 Это он показал на русских людях. Но так проникновенно, ясно и увлекательно,что общечеловеческое переходит барьеры национальности, и поэтому сегодня белые, и желтые, и черные люди — все празднуют день памяти великого русского писателя» («Sonntag», 20.XI 1960).

Та же тема была поднята Христианой *Штульц*, которая в статье «Зеркало революции» отмечала, что Толстой не только ненавидел войну, но шел к правильному ее объяснению. «Отыскивая причины возникновения войны, Толстой стал понимать, что она является порождением эксплуататорского общества〈...〉 Он ненавидел тех крепостников, для которых народ был всего лишь ставкой в их циничных расчетах».

ДОМ В КИССИНГЕНЕ, ГДЕ В КВАРТИРЕ КАМЕНЩИКА ФУССА ТОЛСТОЙ ЖИЛ В АВГУСТЕ 1860 г.

Угол Максштрассе и Променаденштрассе

Фотография, 1960-е годы

Предоставлена «Литературному наследству» Экбертом Пехштедтом (Эрфурт, ГДР)

Интересно сообщение Штульц о том, что «роман „Война и мир“ захватил немецких читателей в годы второй мировой войны и продолжает увлекать в настоящее время ⟨...⟩ Роман „Война и мир“ увлекал читателей в 1941 г. не только историческими аналогиями, но также и подтвержденной историей истиной, которую Толстой понял и высказал много десятилетий назад,— что поражение всякого агрессора закономерно, если на него будет „наложена рука сильнейшего духом противника“» («Neues Deutschland. Kunst und Literatur», 1960, № 47, 19.XI).

Чествуя память Толстого, литературоведы Германской Демократической Республики писали о значении многих его идейно-эстетических заветов для развития литературы социалистического реализма. «Толстой учит нас тому, что подлинное большое искусство может родиться только из единения с народом⟨...⟩ Связь с народом и общедоступность — так, как это понимал Толстой,— важнейшие стороны и нашей культурной революции»,— писал критик *А. Чонгар* («Berliner Zeitung», 20. XI 1960).

Литературоведы Германской Демократической Республики проявляют глубокий интерес к статьям В. И. Ленина о Толстом, стремятся рассматривать творчество писателя в свете ленинской методологии. Об этом свидетельствует интересный сборник «Лев Толстой. Статьи и очерки» («Leo Tolstoi. Aufsätze und Essay». Halle, 1960). В сборник вошли две статьи Надежды *Людвиг* «Мысли о Толстом» и «Война и мир», работа Христианы *Штульц* «Размышления об „Анне Карениной“» и две статьи *В. Пипера* «Живой труп» и «Власть тьмы».

Во вступительной статье Людвиг Толстой справедливо рассматривается как «продолжатель важнейших традиций русской реалистической литературы, которая всегда была сильна реалистическим отражением жизни народа, показом его нужды, эксплуатации и порабощения и в то же время признанием его больших творческих сил и моральной высоты».

Штульц характеризует «Анну Каренину» как произведение мощного социального звучания, в котором поставлены многие большие общественные проблемы. По ее мнению, для самого Толстого не вставал вопрос, к какому жанру — семейному или социальному — следует отнести его

роман. «Глубоко решая проблемы семьи,— пишет критик,— он неизбежно создавал роман социальный〈...〉 „Анна Каренина“ имеет такое же значение для истории русской литературы, как „Новая Элоиза“ Руссо и „Страдания молодого Вертера“ Гете для французской и немецкой литератур 〈...〉 Так же, как Руссо и Гете, Толстой показал трагический конфликт между личностью и обществом».

В. Пипер подчеркивает новаторство Толстого-драматурга в изображении народа, «блестящее знание писателем психологии и языка крестьян». Он сопоставляет также «Живой труп» Толстого с пьесами западноевропейских драматургов— А. Стриндберга и Г. Гауптмана: «В отличие от А. Стриндберга, который в „Пляске смерти“ обнажает извечную борьбу между поколениями, в отличие от Г. Гауптмана в „Одиноких людях“, Толстой обнаружил общественные причины разрыва между Федей Протасовым и его женой. Личный конфликт трех человек приводит к обвинению враждебного людям деспотического государства и морально разложившегося общества».

Не со всеми положениями критика можно согласиться. Так, его утверждение, будто действие во «Власти тьмы» тяготеет к эпическому, основано лишь на том, что «изменения, происходящие в характере Никиты, длительны». Довод этот малоубедителен и совершенно недостаточен для того, чтобы говорить об «эпичности» пьесы Толстого.

Завершается сборник статьей *Х. Штульц* «Толстой в оценке современной немецкой критики».

В 1960 г. в издательстве «VEB Verlag „Sprache und Literatur“» (Halle) вышел очерк творчества Толстого Надежды *Людвиг* (Nadeschda L u d w i g. Leo Tolstoi). В этой книге анализируются основные художественные произведения писателя, а также рассматривается история их создания. Людвиг уделяет большое внимание проблеме народности творчества Толстого, рассматривая в связи с ней другие особенности творческого метода писателя. «Жизнерадостная и жизнеутверждающая атмосфера романа „Война и мир“ имеет свои глубокие источники в неколебимо твердой вере Толстого в силу и величие своего народа, героическое поведение которого в годы решающей борьбы за освобождение он описал» (S. 61).

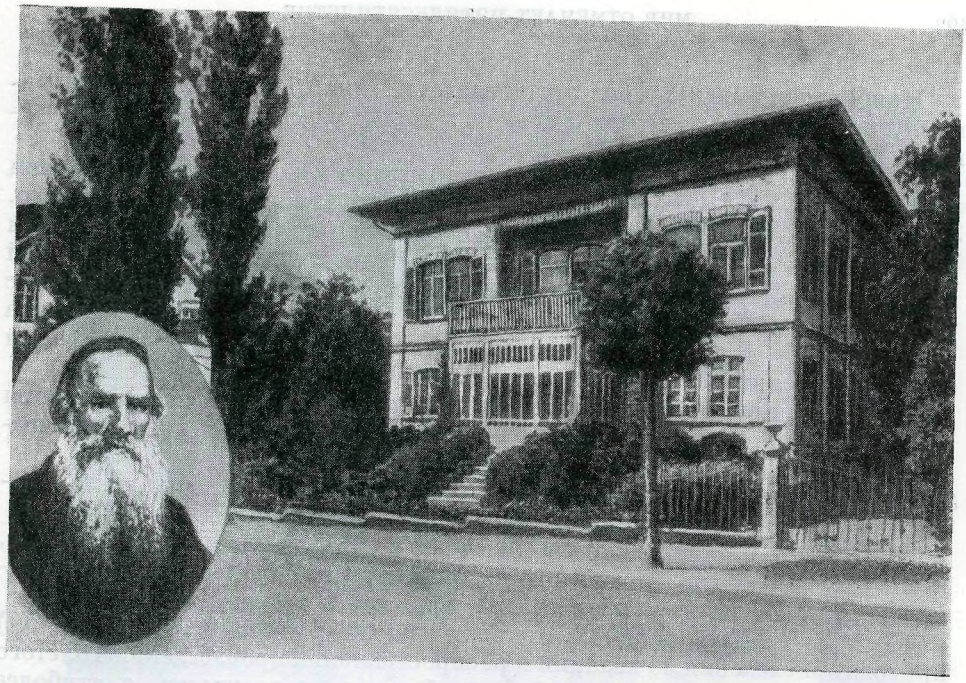
Значительный интерес представляет раздел очерка, посвященный драматургии Толстого. В заключение приводятся интересные сведения о борьбе прогрессивных театров кайзеровской Германии за постановку пьес Толстого.

Творческое наследие Толстого изучают в Германской Демократической Республике не только ученые-литературоведы, но и теоретики-педагоги.

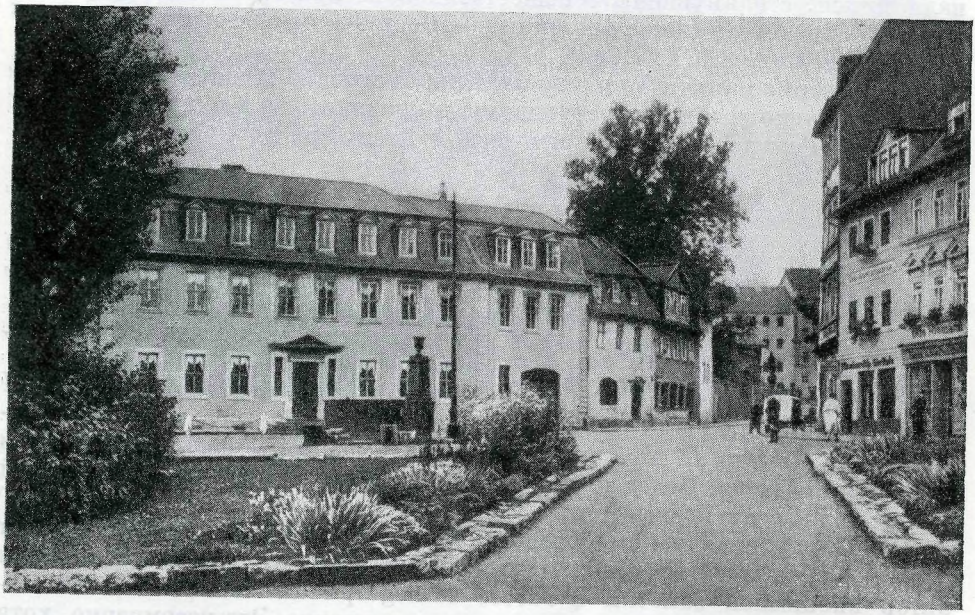
В 1959 г. вышла монография *В. Киница* «Толстой как педагог» (Werner K i ɜ n i t z. Leo Tolstoi als Pädagoge. Berlin), представленная в качестве диссертации на педагогическом факультете Университета им. Мартина Лютера (Галле — Виттенберг).

Автор ставил перед собой задачу исследовать теоретические взгляды и практическую деятельность Толстого-педагога с позиций марксизма-ленинизма. Характеристику педагогической деятельности Толстого Киниц дает на широком социально-историческом фоне, рассматривая в первых двух главах общественные отношения и состояние народного образования России в XIX в.

Третья глава посвящена характеристике педагогических взглядов Толстого. Автор справедливо отмечает многие положительные стороны педагогической деятельности писателя: его борьбу за новое воспитание, соответствующее потребностям и интересам народа, страстный протест против политики правящих классов в области образования (S. 53).



ПАНСИОН «ВИЛЛА КЕЛЛЕР» В ЗОДЕНЕ, ГДЕ ТОЛСТОЙ ЖИЛ В АВГУСТЕ 1860 г.
Кенигштейнерштрассе, 49. Позднее пансион был переименован в «Дом Толстого»; на доме прибита мемориальная доска
Фотография, 1920-е годы
Предоставлена «Литературному наследству» Экбертом Пехштедтом (Эрфурт, ГДР)



ДОМ ГЕТЕ В ВЕЙМАРЕ. ТОЛСТОЙ ПОСЕТИЛ ЕГО 14 АПРЕЛЯ 1861 г.
Почтовая открытка
Предоставлена «Литературному наследству» Экбертом Пехштедтом (Эрфурт, ГДР)

Наибольшую заслугу Толстого-педагога Киниц видит в его литературно-педагогической деятельности — создании «Азбуки» и «Книг для чтения».

Некоторые положения монографии вызывают возражения. Так, Киниц необоснованно отвергает теорию «свободного образования» Толстого, утверждая, будто она сводилась к отрицанию дисциплины и значения учителя-воспитателя в учебном процессе. Нельзя согласиться и с данной в книге характеристикой эволюции педагогических взглядов Толстого, с утверждением, будто Толстой-педагог после идейного перелома конца 1870—1880-х годов утратил свой демократизм и «почти перестал отличаться от других религиозных учителей» (S. 143).

Отмечая недостатки и противоречия исследования Киница, нельзя не считаться с тем, что это первая монография о Толстом-педагоге, вышедшая в Германской Демократической Республике.

Пятидесятилетняя годовщина смерти Толстого вновь привлекла внимание немецкой критики к причинам его ухода из дома.

В. Дювель в статье «Лев Толстой. Уход и смерть» («Forum», 1960, № 51-52, 15.XI) подверг критике односторонне-тенденциозные объяснения ухода Толстого, бытующие в буржуазном литературоведении.

В статье *Г. Цвойдрака* «Толстой для нас» («Weltbühne», 1960, № 46, XI) приводятся сведения об издании и распространении произведений Толстого в Германской Демократической Республике и, в частности, о наиболее полном, вышедшем под редакцией В. Херцфельде собрании сочинений Толстого (Berlin, 1954—1961).

В заключение укажем, что «Народный театр» в Ростоке подготовил к годовщине спектакль «Живой труп». В рецензиях отмечались успех и новизна трактовки образа Феди Протасова артистом Л. Цюгнером. «На немецкой сцене Федя Протасов изображался обычно характером неполноценным. Протасов Цюгнера — человек, здоровый от природы, который надломился, столкнувшись с общественной несправедливостью»,— писал директор Института славяноведения при Ростокском университете *Х. Рааб* («Ostsee Zeitung», 30.XI 1960).

Чествование памяти Толстого наглядно показало живой интерес к Толстому не только среди литературоведов и критиков, но и в широких слоях населения Германской Демократической Республики.

ЗАПАДНЫЙ БЕРЛИН

Пятидесятилетняя годовщина со дня смерти Толстого была отмечена торжественным заседанием, состоявшимся 15 ноября 1960 г. в театре им. Шиллера на территории Западного Берлина.

Чествование это носило, по свидетельству западноберлинской прессы, односторонне-тенденциозный характер.

«В центре внимания,— писала газета «Tagesspiegel Berlin» (29.XI 1960),— находился не Толстой-писатель, а Толстой — религиозный проповедник. Доктор *Г. Фогель* сделал доклад, посвященный религиозным взглядам писателя. Вслед за тем были прочитаны отрывки из произведений Толстого на религиозные темы».

Ознаменованная таким образом годовщина Толстого вызвала протест даже в буржуазной критике. «Что осталось живым от Толстого?— писал автор анонимной заметки в газете «Telegraph Berlin» (29.XI 1960).— Творчество, в большей степени, чем жизнь и учение. Это несомненно, хотя на торжественном утреннике в театре им. Шиллера было предоставлено слово Толстому-теологу».

ГОСТИНИЦА «HOTEL ZUM ERBPRINZ», В КОТОРОЙ ТОЛСТОЙ ОСТАНАВЛИВАЛСЯ ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ В ВЕЙМАРЕ 11—17 АПРЕЛЯ 1861 г.

Фотография, 1920-е годы

Предоставлена «Литературному наследству» Экбертом Пехштедтом (Эрфурт, ГДР)

ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА ГЕРМАНИИ

Та же официальная тенденция — чествовать память Толстого-вероучителя — сказалась в многочисленных статьях о Толстом, опубликованных в Федеративной Республике Германии осенью 1960 г. «Вера важнее любви», «Христос и мир», «Поиски „царства божия“» — вот характерные названия некоторых из этих статей.

«Толстой велик тем, что открыл для потрясенных широких кругов Нагорную проповедь и дал возможность воссиять позабытой стороне христианства»,— писал *Г. Гартман* в газете «Nürenberger Nachrichten», изображая Толстого в виде нового пророка, религиозное учение которого «воспринятое Ганди, принесло<...> освобождение индусам» (19.XI).

Как «апостола раннего христианства» рассматривает Толстого критик газеты «Welt» (19.XI).

Монография *Ф. Г. Филиппа* «Толстой и протестантизм» вышла еще в 1959 г. (Franz Heinrich P h i l i p p. Tolstoi und der Protestantismus. Giessen). Она посвящена все той же теме религиозных исканий писателя. Книга эта, однако, существенным образом отличается от распространенных в буржуазном литературоведении работ о Толстом как проповеднике смирения и непротивления злу насилием.

В противоположность *Н. Вейсбейну* (см. стр. 526—527 настоящ. книги), Филипп настойчиво выделяет протест и отрицание официальной религии как существенные стороны религиозных взглядов Толстого. Рассматривая отношение Толстого в 1850—1870-х годах к разным представителям западноевропейского протестантизма, автор справедливо утверждает, что их работы привлекали Толстого своей критикой религии и церкви. Он указывает, например: «Лютер оказал влияние на молодого Толстого своим решительным отходом от Священного писания и протестом против институтов и догм римской церкви» (S. 27).

Теми же причинами объясняет Филипп интерес Толстого ко многим известным писателям Запада — Диккенсу и Гюго, Бичер-Стоу и Джордж Элиот.

Во второй главе монографии рассматривается «отношение Толстого в последние тридцать лет жизни к протестантизму и его разновидностям». Автор подчеркивает возросшую ненависть Толстого к официальной религии и церкви, его решительный разрыв с ней.

В конце монографии Филипп делает важный вывод о несостоятельности взгляда на Толстого как выразителя «восточного мира, чуждого миру Запада» (S. 116). Автор книги указывает на глубокие идейные связи, соединявшие Толстого-мыслителя с прогрессивной философской мыслью Европы и Америки.

В противовес официальному чествованию Толстого как религиозного проповедника отдельные критики Западной Германии отметили в своих статьях значение и актуальность Толстого-реалиста.

«Великий писатель, который наряду с Э. Золя и Г. Ибсеном способствовал совершению так называемого „натуралистического переворота в немецкой литературе в 1880-х годах“, — гораздо более актуален для нас, чем Толстой-евангелист, легенды о котором доходят до нас из далекого прошлого»,— писал анонимный автор в «Frankfurter Rundschau» (18.XI 1960).

Критик *И. Л. Дёдерлайн* в статье «Художник, проповедник, моралист» подчеркнул мировое значение художественного творчества Толстого и обратил внимание на актуальность эстетических заветов великого русского писателя, видевшего в литературе могучее средство единения людей и борьбы за правду («Deutsche Woche», 23.XI 1960).

Большой интерес представляет статья Гертруды *Шверцлер* «Чем они дорожат в Толстом» в «Panorama», 1961, № 1.

В обращении к творчеству Толстого Шверцлер (как и многие писатели других стран) усматривает источник обновления современной литературы. Вспоминая о благотворном влиянии Толстого на немецкую литературу конца XIX в., она утверждает, что те из наших современников, которые сумели бы правильно прочесть Толстого, «возможно нашли бы путь к выходу из длительного и гораздо более страшного, чем прежний, кризиса, в котором находится ныне западная литература».

Западногерманский ученый *Э. Ведель* в предисловии к монографии «История создания „Войны и мира" Л. Н. Толстого» («Die Entstehungsgeschichte von L. N. Tolstois „Krieg und Frieden"» von Erwin W e d e l. Wiesbaden, 1961) пишет:

«В наши дни, т. е. примерно через девяносто лет после создания „Войны и мира", ни в узком кругу специалистов-литературоведов, ни в широком кругу подготовленных читателей не может возникнуть сомнения в том, что роман этот принадлежит к самым значительным произведениям подобного жанра во всей мировой литературе<...> Ввиду этого вопрос о создании „Войны и мира" должен считаться особенно важной проблемой в литературоведении» (S. V).

Книга Веделя состоит из двух частей. В первой из них автор прослеживает «внешнюю историю» возникновения «Войны и мира», во второй — стремится осветить «собственно творческий процесс в его внутренних генетических связях» (S. VI). В этой части автор делает ряд интересных наблюдений, однако нельзя не отметить, что проникновение его в творческую лабораторию Толстого могло бы быть гораздо более глубоким и плодотворным, если б он изучил не только опубликованные варианты, но непосредственно рукописи писателя, в которых содержится много неучтенных в печати вариантов.

В целом же монография Веделя представляет интерес как первая исследовательская работа зарубежного ученого, в которой конкретно и тщательно изучена история создания величайшего романа Толстого (см. рецензию С. А. Р о з а н о в о й на эту книгу в «Вопросах литературы», 1962, № 10, стр. 214—216).

Пятидесятилетие со дня смерти Толстого было отмечено в Федеративной Республике Германии также и театрами.

В марте 1960 г. на сцене Мюнхенского камерного театра была поставлена драма Толстого «Живой труп». Постановщик и исполнитель роли Феди австрийский режиссер *К. Парила* писал, что пьеса Толстого «привлекла его как произведение, которое рисует закат царизма, а также убеждает, что человек добр и способен к развитию добрых чувств» («Panorama», 1960, № 2, S. 4.).

Насколько можно судить по отзывам критики, роль Феди была исполнена искусно, однако более традиционно, чем в постановке «Живого трупа» Ростокским народным театром в Германской Демократической Республике. «К. Парила проявил самое утонченное актерское мастерство, поразительное по разнообразию оттенков,— писал критик *Э. Шумахер*,— однако он утонул в глубинах русской души, и ему не удалось до конца обнажить причины поведения Протасова» («Deutsche Woche», 30.XI 1960).

Пятидесятилетняя годовщина со дня смерти Толстого вызвала в печати Федеративной Республики Германии целый поток статей, посвященных последним дням жизни писателя. Многие западногерманские (а также швейцарские) газеты напечатали воспоминания племянника железнодорожного служащего в Тамбове *О. Гильдебрандта*, посетившего Астапово в тревожные ноябрьские дни 1910 г.: «Рассказ очевидца о событиях в

Астапове» («Wetzlarer Neue Zeitung», 21.XI 1960; «Altenaer Kreisblatt», 26.XI 1960; «Badische Zeitung», 19.XI 1960).

Большинство западногерманских авторов, писавших о последних днях Толстого, по-прежнему крайне односторонне объясняют «уход» писателя семейной драмой. Все их внимание сосредоточено на личных отношениях в семье Толстых и перипетиях борьбы за завещание между Софьей Андреевной и В. Г. Чертковым.

Лишь в редких случаях западногерманские критики пытались найти более глубокие причины драмы в семье Толстых. Так, *В. Гармс* объяснял ее различием в социальных взглядах и позициях супругов («Esslinger Zeitung», 19.XI 1960).

В отличие от многих авторов, утверждавших, что «уход» Толстого был связан с его религиозным стремлением отрешиться от мира и людей, *О. К. Эвальд* увидел в поступке Толстого «продолжение той борьбы, которую всю свою жизнь вел этот великан из Тульской губернии,— борьбы между „жизнью красивой“ и жизнью правдивой. Красивой была жизнь поместного дворянства. Но чего стоила красота, если она основывалась на бедности других? В целом его жизнь была постоянной борьбой между существованием в „красоте“ и существованием в правде с перевесом в сторону последнего» («Badische Zeitung», 18.XI 1960).

В западногерманской печати выступили, однако, и такие реакционные журналисты, которые воспользовались годовщиной Толстого для распространения разного рода выдумок и прямой клеветы на великого писателя. Неспособные понять глубокие причины, побудившие Толстого покинуть в старости свой дом, они «уличали» его в «лицемерии», в «маскировке под мужика», в «старческом слабоумии». Так, например, *Н. Раевский* в газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (19.XI 1960) «обвинял» Толстого в ханжестве, называя трагический уход восьмидесятидвухлетнего писателя из Ясной Поляны «театральным представлением в буквальном смысле этого слова». Аналогичные утверждения содержит также статья *Ф. Фрелинга* под сенсационно-бульварным названием «Смерть в зале ожидания», напечатанная в газете «Offenbach Post» (18.XI 1960).

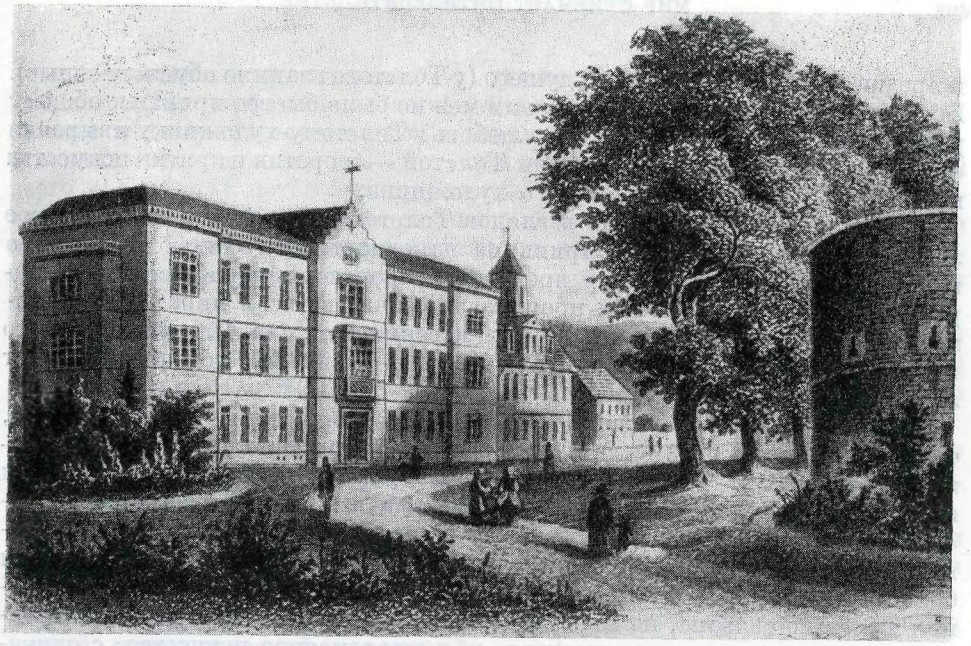
Характерно для реакционной прессы Запада и обслуживаемых ею кругов буржуазного общества, что именно эти пошлые заметки были перепечатаны во многих газетах Западной Германии, а также Австрии и Швейцарии.

* * *

По случаю пятидесятилетия со дня смерти Толстого, 7 апреля 1961 г. в Гамбурге состоялась интересная дискуссия между писателями ФРГ и ГДР на тему: «Толстой, кризис культуры и мы». Дискуссия была организована редакцией и издательством еженедельника «Zeit» и происходила в Гамбургском университете под председательством профессора *В. Херцфельде*. Среди ее участников были: *З. Ленц*, *М. Вальсер*, *Л. Мюллер*, а также видные писатели ГДР — *А. Цвейг*, *Л. Ренн* и *С. Хермлин*.

Спор о значении Толстого для современности вызвал такой большой интерес публики, что зал не мог вместить всех желавших присутствовать и «многие вынуждены были уйти, так и не попав на встречу» («Schriftsteller: Ja-Sager oder Nein-Sager? Das Hamburger Streitgespräch deutschen Autoren aus Ost und West». Hamburg, 1961).

Старейший немецкий писатель *А. Цвейг*, возглавивший делегацию писателей ГДР, так объяснил тему, избранную для дискуссии: «То, что Толстой был одним из величайших повествователей прошлого века и, быть может, не только прошлого,— бесспорно. Во всяком случае, и все мы так думаем. Зато заслуживают, по-моему, обсуждения взгляды Толстого на культуру и в особенности на искусство, как современное ему, так



УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ КАРЛА СТОЯ В ИЕНЕ. ТОЛСТОЙ ПОСЕТИЛ ЕГО 15 АПРЕЛЯ 1861 г.

Литография, 1858

Предоставлена «Литературному наследству» Экбертом Пехштедтом (Эрфурт, ГДР)

ОПЫТНАЯ ШКОЛА КАРЛА СТОЯ «JOHANN FRIEDRICHS-SCHULE» В ИЕНЕ. ТОЛСТОЙ ПОСЕТИЛ ЕЕ 16 АПРЕЛЯ 1861 г.

Литография

Предоставлена «Литературному наследству» Экбертом Пехштедтом (Эрфурт, ГДР)

и предшествовавших эпох и будущего (у Толстого взаимно обусловленные). Вопросы эти не таковы, чтобы по ним можно было быстро прийти к общему решению». Цвейг подчеркнул свою любовь к Толстому-художнику и выразил опасение, как бы в ходе дискуссии Толстой — теоретик и критик искусства не заслонил Толстого — великого художника.

Коснувшись эстетических взглядов Толстого, Цвейг отметил огромное значение отстаиваемого им принципа народности искусства. По мнению немецкого писателя, Толстой предугадал процесс становления нового народного искусства, который происходит сейчас во всем мире: «Важно отметить, что Толстой отнюдь не был пессимистом. Он был убежден, что искусство только тогда получит настоящее развитие, когда оно выйдет за рамки элиты».

Профессор *Х. Камницер* (ГДР) в своей содержательной речи указал, что обращение к реалистическим традициям Толстого должно способствовать развитию современной литературы, ее выходу из состояния кризиса, в котором она теперь находится, ибо важнейшей традицией искусства Толстого является «целостное восприятие мира», «широкое и многогранное отражение всех общественных связей», от которого отказывается большинство современных писателей Запада. Другая важнейшая традиция Толстого связана, по мнению Камницера, с высотой моральных принципов великого русского писателя, ибо «современное искусство, с одинаковым старанием воспроизводящее столкновение добра и зла, справедливости и несправедливости в борьбе разных общественных слоев, нуждается в моральных импульсах».

Доклад Камницера вызвал ожесточенные нападки со стороны западногерманских писателей, которые предприняли настоящую атаку против искусства Толстого и его идейно-эстетических заветов. Так, *З. Ленц* выступил против важнейшего идейно-эстетического требования Толстого — служить народу, ориентироваться на запросы и потребности широких народных масс. Повторяя избитые положения модернистской эстетики, Ленц утверждал, что подобная ориентация неизбежно порабощает художника, лишает его творчество свободы и искренности.

Критикуя эстетику Толстого с позиций модернизма и крайнего индивидуализма, Ленц не объяснил и, конечно, не мог бы объяснить, каким образом Толстой, поставивший свое творчество на службу народу, не только не утратил свободы и искренности, но создал величайшие произведения мирового искусства. Толстовскому определению искусства с его обязательным требованием содержательности Ленц противопоставил чисто формалистическое определение Мальро: «Искусство — это то, с помощью чего создается форма».

Критик *М. Райх-Раницкий* пытался отвергнуть основу реалистического метода Толстого — широкое и многогранное изображение жизни общества, утверждая, будто «вовсе ненужно и необязательно, чтобы произведение искусства освещало существенные проблемы современной жизни, давало бы поперечный разрез общества». Ему возражали писатели Германской Демократической Республики.

Драматург *П. Хакс* справедливо утверждал, что «изображение жизни общества в романе — требование, вытекающее из самого содержания романа». *Х. Камницер*, отвечая ему, заметил, что художник, «которому не удается в своих произведениях отразить жизнь общества с его проблемами, исканиями и стремлениями, бесконечно обедняет свое искусство».

Если одни западногерманские писатели «по случаю юбилея» яростно нападали на Толстого, то другие пытались извратить мировоззрение и творчество русского писателя в угоду собственным взглядам и настроениям.

Так, профессор *Л. Мюллер*, критиковавший ленинскую концепцию творчества Толстого, попытался внести в оценку взглядов писателя модный

экзистенциалистский оттенок. «Я думаю,— утверждал Мюллер,— что Толстой может помочь нам в нынешнем кризисе, представляющем угрозу самому нашему существованию, а значит, прежде всего, *личному* существованию каждого из нас<...> (ведь и атомная смерть для меня прежде всего *моя* смерть), потому что пережитый им кризис был прежде всего кризисом его личной, а не общественной жизни». Мюллер попытался также навязать Толстому экзистенциалистскую «задачу» — «помочь людям преодолеть страх перед смертью», которой Толстой якобы подчинил свое искусство.

Возражая Мюллеру, сводившему кризис мировоззрения Толстого в конце 1870 — начале 1880-х годов к биологическому страху перед смертью, драматург *П. Хакс* отметил поверхностность и ошибочность его аргументации.

Западногерманский писатель *М. Вальсер* утверждал, что «Война и мир» создавалась Толстым без «идеологических пут и предвзятости и что здесь он выступает как чистый художник».

Однако не только писатели ГДР, но и западногерманские писатели (например, Мюллер), говорили о полной необоснованности причисления Толстого к представителям так называемого «чистого искусства».

Как видим, гамбургская дискуссия о Толстом имела чрезвычайно острый идеологический характер.

В ходе этой дискуссии с особой ясностью обнаружилось размежевание между художниками-реалистами, придающими большое значение традициям Толстого, и модернистами, фактически отрицающими значение Толстого для современности.

ИТАЛИЯ

Пятидесятилетие со дня смерти Толстого было отмечено состоявшимся в Риме 6 декабря 1960 г. торжественным заседанием Итальянского общества культурной связи с Советским Союзом. На повестке собрания было рассмотрение одного вопроса — проблемы народа в творчестве Толстого. С речами выступили писатель *А. Моравиа* и итальянский критик-коммунист *П. Цветеремич.*

Моравиа повторил, в основном, свой доклад «О творческом пути Толстого», прочитанный на международной Венецианской конференции в Венеции (см. его текст в кн. 1-й настоящ. тома). Анализируя эволюцию творчества Толстого, он отметил все возраставшую близость русского писателя к народу и подчеркнул, что «нигилизм» Толстого «не пощадил ничего, но остановился перед народом». Моравиа подробно проанализировал в своем докладе повесть «Смерть Ивана Ильича» как произведение, в котором «наиболее ярко отразился кризис, пережитый Толстым, углубился яростный гнев писателя против аристократического общества и в то же время его страх перед смертью».

Резюме доклада Моравиа помещено в газете «Unità» (7.XII 1960) и в журнале «Rassegna Sovietica» (1961, № 3, V—VI, p. 4—9).

Доклад Цветеремича (полностью опубликованный в журнале «Rassegna Sovietica», 1961, № 3, V—VI, p. 9—16) называется «Проблема народа в творчестве Толстого». Прогрессивный итальянский критик отметил, что народность Толстого означает прежде всего «слияние писателя с народом», и показал, что внимание и уважение к народу — характерная черта лучших деятелей русской литературы XIX в.— сближает Толстого и с великими писателями-демократами — Некрасовым и Салтыковым-Щедриным. В своем анализе Цветеремич исходил из ленинской оценки искусства Толстого. «Дело не только в том, что мужик изображен в произведениях Толстого совершенно правдиво, но в том, что все творчество Толстого представляет собой выражение русского крестьянина как категории

человеческой, социальной и идеологической, в том смысле, что энергия, истинность и жизненность всех произведений Толстого коренятся в крестьянстве...».

Характер чествования памяти Толстого в Италии свидетельствует о том, что для прогрессивной итальянской общественности, борющейся за создание подлинно народной культуры, Толстой особенно важен и дорог как образец народного писателя.

Не случайно поэтому проблема народности Толстого была в центре внимания многих итальянских писателей и критиков.

«Толстой воплотил одну из самых важных национальных черт русской литературы — ее связь с народом,— писал старейший итальянский славист *Э. Ло Гатто*,— и сумел сделать это так, что она получила мировое значение. Вот почему Толстой остается образцом для писателей и после революции 1917 г.» («Realtà Sovietica», 1961, № 1, p. 25).

К статьям итальянских писателей о Толстом, написанным в связи с пятидесятилетием со дня его смерти, примыкает интересная работа *Дж. Родари* «Толстой — народный учитель», в которой рассматривается мастерство Толстого — педагога и детского писателя. «Это та же рука, которая написала „Войну и мир“, „Анну Каренину“. Под его пером Эзоп становится Гомером<...> Четыре книги Толстого для детей рождены не внезапным вдохновением, а вобрали в себя значительную часть его жизни, годы усилий и поисков в области педагогики и народной школы <...> В четырех книгах для чтения Толстой достиг того сближения с народным языком, которое отрицал теоретически». Родари подробно рассматривает педагогическую деятельность Толстого, высоко оценивая его попытку создать «новую школу, связанную с жизнью, основанную не на дидактических планах, а на потребностях жизни», и выражает убеждение в живой современности «Четырех книг для чтения» и необходимости новых изданий «этих великих страниц, достойных бессмертной славы» («Paese Sera», 1961, № 242, 14.X).

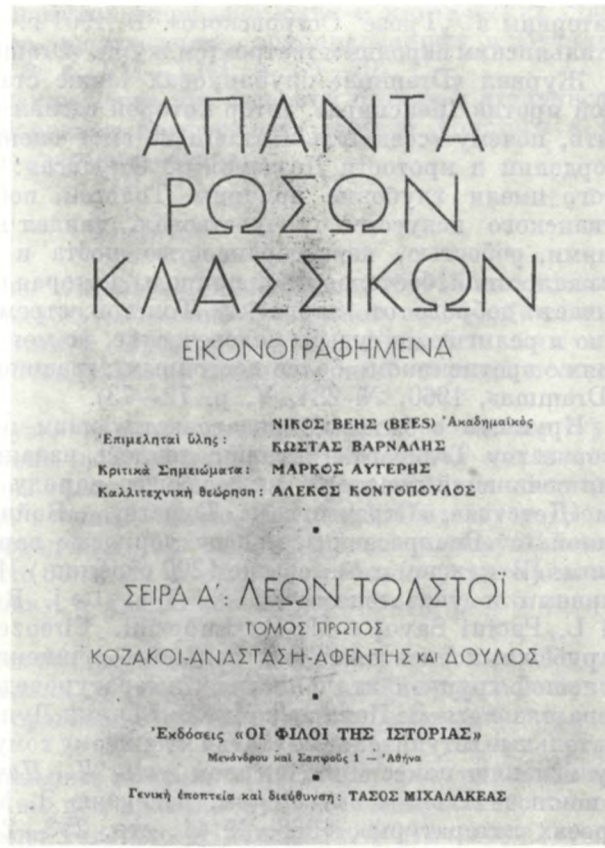
В 1960—1961 гг. особенно большой интерес итальянской критики вызвало наследие Толстого-драматурга. Две большие статьи о драматургии Толстого были напечатаны в начале 1961 г. в журнале «Realtà Sovietica», несколько работ на эту тему опубликовал специальный журнал «Dramma» и другие периодические издания Италии. Интерес этот свидетельствует о том, что передовому итальянскому театру с присущей ему острой социальной проблематикой и любовью к простому человеку Толстой-драматург оказался во многом близок.

В небольшой статье «Толстой-драматург» критик *М. Скапарро*, приводя выдержку из статьи Ленина о Толстом, писал, что «Толстой сумел отразить основные противоречия действительности<...>, и величие его именно в этом: в уменье выразить глубокую силу отчаяния, которое привело в движение миллионы крестьян, в презрительном отношении к гражданским законам и религиозным обычаям его времени, в искреннем стремлении к свободе». По мнению Скапарро, острый драматизм присущ не только пьесам Толстого, но также и его романам, «что побуждало многих театральных деятелей переработать для сцены „Анну Каренину“ и „Воскресение“<...>, хотя нередко и мысли Толстого и образы его героев подвергались при этом искажению». Шедевром драматургии Толстого критик считает «Власть тьмы» («Calendario del Popolo», 1961, № 196, I, p. 4354).

Так же, как Скапарро, итальянский критик русского происхождения *Т. Дорофеева* в статье «Драматическая трилогия» сосредоточила внимание на общественной проблематике пьес Толстого «Власть тьмы», «Плоды просвещения» и «Живой труп» («Realtà Sovietica», 1961, № 1, p. 28—30). Она считает, что эти три пьесы связаны между собой общей темой и обнажают

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ТОЛСТОГО. ГРЕЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ, ВЫШЕДШЕЕ ПОД РЕДАКЦИЕЙ НИКОСА БЕИСА И КОСТАСА ВАРНАЛИСА (АФИНЫ, 1957—1960)

Титульный лист первого тома



разные стороны буржуазного общества. В драме «Власть тьмы» критика обращена против «волчьих законов», царящих в капитализирующейся деревне, «Плоды просвещения» проникнуты пафосом обличения аристократии, а «Живой труп» — это «восстание против церкви, против всего общественного и политического строя царской России, против античеловеческой морали, эгоизма и лживости общества».

Критик *С. Молинари* в статье о драматургии Толстого («Realtà Sovietica», 1960, № 2, p. 39—41) утверждает, что «Власть тьмы» с ее обнаженной дидактичностью, скупостью в обрисовке психологического облика героев, сгущением красок в отрицательных образах Анисьи и особенно Матрены, «близка традициям народного театра, которому свойственны морализация и лаконичная, без нюансов, психологическая характеристика персонажей», а подлинным образцом пьески для народного театра может считаться «Первый винокур». Критик восхищается «блестящей комедией» «Плоды просвещения», «построенной по классическим образцам XVII и XVIIIвв.».

Следует отметить, что из всего драматургического наследия Толстого «Власть тьмы» привлекает особенное внимание итальянских критиков. Об этой пьесе с восхищением писал также *Г. Бозио* в статье «Толстой-драматург» («Dramma», 1960, № 290, XI, p. 41—44), отметивший «поистине классическое чувство меры в композиции сцен, в скупом и насыщенном диалоге, в живых и правдивых образах и проницательном анализе страстей, волнующих героев пьесы», «поразительную драматическую силу сцены покаяния Никиты, которая заставляет вспомнить о гибели

Катерины в „Грозе" Островского». В 1961 г. эта пьеса была поставлена Итальянским народным театром(см.журн. «Dramma», 1961, IV, p.63; V, p.3).

Журнал «Dramma» опубликовал также статью *Ф. Бернарделли* «Толстой против Шекспира», автор которой сделал серьезную попытку объяснить, почему «создатель Наташи не смог оценить божественной чистоты Корделии и кротости Дездемоны». Он писал: «Гнев и возмущение Толстого имели глубокие причины. Толстой, поборник религиозного христианского искусства, почувствовал, увидел в Шекспире с его колебаниями, робостью, неразборчивостью, поэта и художника природы, той безжалостной, бесчеловечной природы, которая порождает чудовищ, не различает доброго от злого<...> Толстой, стремившийся постичь искусство и религию, и судьбы человеческие, не мог столкнуться в своих исканиях с противником, более достойным страшного гнева старого пророка» («Dramma», 1960, № 284, V, p. 72—73).

Крупным событием, свидетельствующим о значительном интересе к творчеству Толстого в Италии, явилось издание четырехтомного собрания сочинений писателя, включающее наряду с каноническими текстами «Детства», «Отрочества», «Юности», «Войны и мира», «Анны Карениной» и «Воскресения», многие черновые варианты к этим произведениям. (В каждом томе свыше 1200 страниц.) Издание снабжено комментариями и указателями (L. N. Tolstoj. Romanzi e taccuini a cura di L. Pacini Savoj e M. B. Luporini. Firenze, 1961). Этот новый для зарубежных читателей тип издания сочинений Толстого подготовлен большой группой итальянских литературоведов под редакцией известного слависта Л. Пачини и Марии Бьянки Лупорини, написавшей содержательные вступительные статьи к каждому тому. Свое предисловие ко всему изданию поместил в первом томе *Л. Пачини*. Издание оформлено с исключительным вкусом (см. рецензию З. М. Потаповой в «Вопросах литературы», 1963, № 11, стр. 253—254).

Анализу характеров героев произведений Толстого Пачини посвятил статью в журнале «Ragioni Narrative» (1960, № 3).

Подобно С. Лаффит во Франции, этот критик пытается представить Толстого носителем чуждых ему идей индивидуализма и эгоизма. Он заявляет, что «одиночество и отчужденность от людей» были отличительными чертами главных героев Толстого. В качестве примера критик ссылается, в частности, на образ Пьера Безухова, забывая глубокую любовь Пьера к Наташе, его дружбу с Андреем Болконским, наконец его подлинную духовную близость к народу во время Отечественной войны 1812 г. Самые высокие идейные искания героев Толстого Пачини низводит до уровня биологических чувств. «У Нехлюдова,— пишет он,— чувство одиночества переходит в его сознании в общий страх. Так, история его исканий становится историей гонимого зверя. Боязнь одиночества переходит в чувство устойчивой ненависти ко всем людям».

Анализируя художественные приемы Толстого, Пачини также исходит из этой ложной трактовки. Например, касаясь искусства Толстого в изображении мимолетных движений и жестов, он замечает: «Нечего удивляться, что при таком одиночестве и эгоизме каждый жест приобретает преувеличенное значение».

Интересные материалы, свидетельствующие о горячем одобрении Толстым национально-освободительной борьбы, которую вели итальянцы в XIX в., собраны в работе советского историка *В. Невлера* («Vie Nuove», 1961, 20.I). Невлер приводит, между прочим, извлечения из воспоминаний А. Н. Якоби (Толиверовой), касающиеся этого вопроса (ср. «Толстовский ежегодник», 1912).

В большой работе *Б. Рентона* «Русская литература в Италии в XX веке», печатавшейся в 1960—1961 гг. в журнале «Rassegna Sovietica»,

дается довольно полный перечень биографических и критических статей о Толстом и переводов его произведений, опубликованных в Италии в 1880—1890-х годах (1961, № 4, VII—VIII, р. 59—70).

Нельзя не отметить в заключение, что широкий отклик в итальянской печати получила Международная конференция памяти Толстого в Венеции (см. о ней в начале настоящ. обзора).

КАНАДА

За несколько месяцев до толстовской годовщины 15—17 июня 1960 г., в городе Кингстоне состоялось заседание Канадской ассоциации славистов, посвященное Толстому. Профессором *В. Буйняком* был прочитан доклад на тему «Стендаль как литературный образец молодого Толстого».

Значение опыта французского писателя для Толстого в области «художественной разработки темы войны» докладчик стремился показать не только на материале ранней толстовской прозы. Предметом сопоставительного анализа были также военные сцены «Пармской обители» и «Войны и мира». По мнению докладчика, Толстой следовал примеру Стендаля преимущественно в том, что обнажал «посредством безжалостного анализа» тщеславие, ложную героику и традиционные представления о военной славе.

Буйняк отметил, что «в реалистическом изображении войны» Толстой пошел дальше, чем Стендаль. Однако тезис об идейно-художественном новаторстве Толстого по сравнению с французским реалистом остался не развернутым в докладе.

Так же, как многие западные критики и писатели, в частности Хемингуэй, канадский докладчик подчеркивал художественную актуальность «Севастопольских рассказов» Толстого: «Написанные более ста лет назад,— они кажутся нам живыми, захватывающе современными».

Доклад Буйняка напечатан в «Slavic and East European Studies», 1960, № 1-2, р. 16—27.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА
(ЧИЛИ, АРГЕНТИНА, МЕКСИКА, КУБА)

Пятидесятая годовщина смерти Толстого была отмечена в разных странах Латинской Америки.

В обстановке борьбы народов этих стран против империализма и колониальной зависимости прогрессивные критики с особым воодушевлением подчеркивали мировое значение Толстого — обличителя капитализма, защитника интересов народных масс.

14 декабря 1960 г. в большом зале Национальной библиотеки в г. Сант-Яго состоялось торжественное заседание, посвященное памяти Толстого (заседание это было организовано Чилийской ассоциацией писателей). Доклад о его творчестве сделал прогрессивный писатель *В. Тейтельбойм* (автор известного романа «Семя на песке»).

Докладчик подверг анализу творчество Толстого, рассматривая его в непосредственной связи с историческими условиями жизни России, и охарактеризовал влияние его произведений на чилийскую литературу. Он подчеркнул, что для передовых чилийских писателей Толстой является благородным примером художника, порвавшего со своим классом и соединившего свою судьбу с народом.

«Яснополянский исполин велик не только своим литературным творчеством, но и высокой человечностью»,— сказал докладчик.

Как отмечала местная пресса, доклад Тейтельбойма вызвал живой интерес у чилийских писателей и многочисленной публики (см. «Vistazo», 1960, 20.XII, № 431).

* * *

Прогрессивный аргентинский критик *К. Р. Доде* в статье «Толстой и Чехов» («Cuadernos de Cultura», 1960, № 49, IX—X, p. 85—100) рассматривает творчество Толстого на фоне исторического развития русской литературы в целом и подчеркивает огромный моральный авторитет Толстого-писателя, ставшего адвокатом многомиллионного русского крестьянства. «Граф Толстой,— утверждает он,— это первый великий писатель, придавший своему протесту социальный и гуманистический смысл» (p. 20). «Значение творчества Толстого состоит во влиянии, которое оно оказывает на мировую литературу и мысль последних ста лет, благодаря его протесту против законов, обычаев и учреждений, порожденных капитализмом〈...〉 Его отрицание и обличение пороков и аномалий капиталистического периода позволяет предвидеть наступление более разумных времен» (p. 100).

* * *

Статьи о Толстом появились и в ежемесячнике «Revista de la Universidad de Mexico».

Анонимный автор статьи «К годовщине Толстого» проникновенно писал о гуманизме и антимилитаризме русского писателя. «Солдат в молодости, участник боев под Севастополем и Балаклавой, Толстой впоследствии не забывал ужасов войны и в своих художественных произведениях обрушивался на военную муштру, на принудительную службу в армии. Толстой произнес животрепещущие и нужные слова: „Мы должны понять, что война — это самое страшное варварство“» («Revista de la Universidad de Mexico», 1960, № 2, p. 32).

Однако в июльском номере того же журнала была напечатана статья американского критика *Дж. Керри* «Романист и его произведения», в которой автор прошел мимо общественного и гуманистического содержания творчества Толстого. К оценке произведений Толстого Керри подошел с позиций фрейдизма и трактовал искусство писателя лишь как выражение его субъективных переживаний. Анализируя роман «Анна Каренина», Керри грубо-прямолинейно отождествил различные персонажи романа с личностью самого автора. «Толстой в „Анне Карениной“,— писал критик,— это не только хороший человек Левин, но также молодцеватый военный Вронский, который гордится своими любовными похождениями». Керри полностью игнорирует в своей статье объективно-реалистическую картину жизни, раскрывающуюся в произведениях Толстого («Revista de la Universidad de Mexico», 1960, № 7, p. 17—19). Наконец, в декабрьском номере журнала была напечатана статья критика *Р. Хироу*, посвященная толстовской идее морального усовершенствования.

* * *

Среди работ латиноамериканских критиков особый интерес представляет статья кубинского литературоведа *Х. М. Отеро*, написанная позже, к сто тридцать третьей годовщине со дня рождения Толстого. Статья была напечатана в тот период, когда над революционной Кубой нависла угроза агрессии со стороны США. В этих условиях ее автор с чувством особого волнения отметил созвучность идей «Войны и мира» настроениям кубинского народа. «Великая эпопея „Война и мир“,— писал критик,— возвеличивает борьбу народа, вставшего на защиту своей земли от иноземного захватчика. Не по этой ли причине Толстой изобразил моральное превосходство Кутузова, Тушина и Тимохина (для которых война — лишь

вынужденная необходимость, обеспечивающая народу жизнь мирную и счастливую) над Наполеоном и его приближенными, одержимыми жаждой завоеваний, полными высокомерия и презрения? В этом произведении выявляется триумф мира над войной, человеческой жизни над смертью и разрушением».

Далее кубинский критик подчеркнул, что реалистическое искусство Толстого в настоящее время может служить школой творческого опыта для передовых писателей мира. «Когда я впервые взял в руки „Анну Каренину", я пришел в восторг от совершенства, с которым автор изображает характеры. Я взял бы это за образец, чтобы учились те, кто хочет учиться писать, потому что Толстой изображает персонажей с полуденной ясностью, выявляя в каждом его слабые и привлекательные стороны».

В заключение критик подчеркнул плодотворность ленинского принципа конкретно-исторического анализа произведений Толстого для всего современного литературоведения.

«В настоящее время, более чем когда-нибудь, важно исследовать позицию, которую занимали великие представители мировой литературы, чтобы знать самому и чтобы знал народ роль, которую они играли в свое время. Это необходимо для правильного понимания их значения как писателей» («Verde Olivo», 1961, № 36, p. 45—47).

ПОЛЬША

Торжественно отмечавшаяся в Польше годовщина смерти Толстого заметно повысила интерес к русскому писателю.

21 ноября 1960 г. в варшавском Драматическом театре на вечере, посвященном памяти Толстого, с интересной речью выступил председатель Союза польских писателей *Я. Ивашкевич* (см. ее текст в кн. 1-й настоящ. тома). После речи Ивашкевича и выступления *Г. Пащенко*, представителя советского посольства в Варшаве, «Театр Народовы» показал несколько сцен из спектакля «Живой труп». Артисты варшавских театров прочли некоторые письма Толстого и фрагменты из воспоминаний сына писателя — Ильи Львовича Толстого. Большой успех у аудитории имели мастерски исполненные артистами «Театра Повшехного» эпизоды из «Войны и мира» в инсценировке Э. Пискатора (режиссура Ирены Бабель).

Торжественные вечера, беседы и лекции о Толстом состоялись во многих польских театрах, клубах и школах. В Ягеллонском университете (Краков) был устроен трехдневный общепольский семинар, на котором было прослушано и обсуждено девять студенческих докладов о произведениях Толстого.

Большую работу проделало также Общество польско-советской дружбы, организовавшее доклады и лекции о Толстом для преподавателей русского языка, с участием артистов, исполнявших сцены и читавших отрывки из произведений Толстого. Устроены были также передвижные выставки. В последнем существенную помощь оказал Государственный музей Толстого в Москве. Материалы, присланные оттуда, были использованы на выставках Польско-советского института и Варшавского университета. Выставка в университете содержала также экспонаты, иллюстрировавшие восприятие и оценку Толстого польской литературной общественностью. В большом количестве были представлены переводы Толстого на польский язык. Особый раздел составляли тщательно собранные высказывания Толстого о Польше, поляках и польской культуре, а также его переписка с поляками.

Много внимания Толстому уделили польские журналы и газеты, поместившие статьи, обзоры и заметки о жизни и творчестве писателя. Орган Центрального Комитета Польской Объединенной Рабочей партии,

газета «Trybuna Ludu», опубликовал статьи литературных критиков *М. Варненьской* о ее поездке «по следам Толстого» (№ 320) и *В. Садковского* о жизни и творчестве Толстого (№ 322).

Еженедельник «Nowa Kultura» выпустил специальный толстовский номер (№ 47), содержащий статью *Р. Пшибыльского* о Толстом и Достоевском, большой фрагмент из подготовленной к печати монографии о Толстом *А. Семчука* и другие материалы.

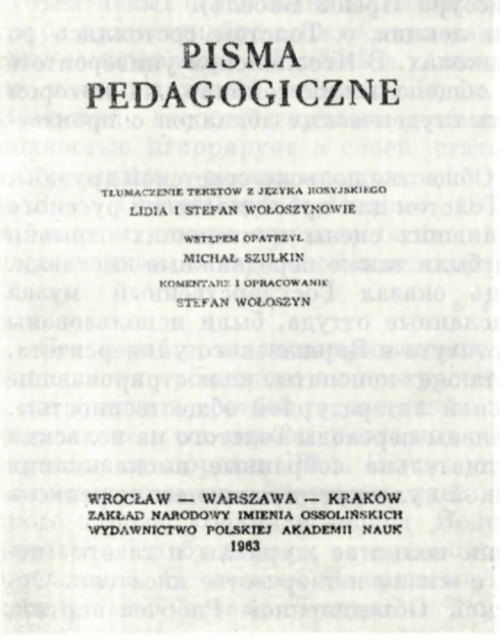
С интересными статьями о Толстом в польской поэзии, об отношении Толстого к Чехову («Twórczość», № 4 и 11), о посещении поляками Ясной Поляны и беседах их с Толстым («Przegląd Humanistyczny», № 6) выступил *П. Гжегорчик*.

Педагогические журналы «Nowa Szkoła» (№ 11) и «Rodzina i Szkoła» поместили статьи *М. Шулькина*, в которых были подвергнуты анализу педагогические взгляды Толстого и их влияние на развитие польской педагогической мысли.

Статьи о Толстом поместили также «Język Rosyjski» (№ 3, 5), «Film» (№ 47), «Kamena» (№ 22), «Poradnik Bibliotekarza» (№ 9), «Przekrój» (№ 790), «Przyjaźń» (№ 39, 46), «Odgłosy» (№ 44), «Orka» (№ 48), «Świat» (№ 47), «Widnokręgi» (№ 9), «Życie Warszawy» (№ 279), «Tygodnik Powszechny» (№ 47).

В католическом еженедельнике «Kierunki» (№ 48) опубликована содержательная статья *А. Рогальского* «Толстой и французская литература», в которой рассматривается влияние Толстого на французских писателей, в частности на Р. Мартен дю Гара, и приводятся высказывания М. де Вогюэ и Р. Роллана о Толстом.

В польской печати выступили также советские ученые. По просьбе научного журнала «Przegląd Humanistyczny» *Н. К. Гудзий* написал статью


LEW TOŁSTOJ

PISMA PEDAGOGICZNE

TŁUMACZENIE TEKSTÓW Z JĘZYKA ROSYJSKIEGO
LIDIA I STEFAN WOŁOSZYNOWIE

WSTĘPEM OPATRZYŁ
MICHAŁ SZULKIN

KOMENTARZ I OPRACOWANIE
STEFAN WOŁOSZYN

WROCŁAW — WARSZAWA — KRAKÓW
ZAKŁAD NARODOWY IMIENIA OSSOLIŃSKICH
WYDAWNICTWO POLSKIEJ AKADEMII NAUK
1963

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ ТОЛСТОГО. ИЗДАНИЕ НА ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ (ВРОЦЛАВ—ВАРШАВА—КРАКОВ, 1963)
Титульный лист

«ВОСКРЕСЕНИЕ» НА СЦЕНЕ ПОЛЬСКОГО «ОБЩЕДОСТУПНОГО ТЕАТРА» («TEATER POWSZECHNY»). ВАРШАВА, 1960

Сцена в тюрьме: Нехлюдов — Адам Ханушкевич, Катюша — Зофья Рысьювна

Фотография

Музей Толстого, Москва

об издательской работе в СССР над наследием Толстого (№ 6 этого журнала), а *В. Ф. Булгаков* прислал еженедельнику «Nowa Kultura» свои воспоминания о Толстом (напечатаны в № 47).

Внимание польских литературных кругов привлекли работы *В. Б. Шкловского*, *Б. С. Мейлаха* и *А. И. Шифмана*, отрывки из которых публиковались в журналах «Twórczość», № 11, «Kamena» № 22 и «Nowa Kultura», № 50, а также высказывания о Толстом *Е. Б. Вахтангова* («Dialog», № 11) и статья *Н. Афанасьевой* о толстовской теории драмы (ibid., 1961, № 1).

Мысли, вызванные международной толстовской конференцией в Венеции (см. выше), участник ее *П. Гертц* изложил в своей книге «Domena Polska» (Warszawa, 1961, str. 255—259). Своими впечатлениями о толстовской сессии в Москве в Институте мировой литературы им. А. М. Горького поделился *А. Ставар* («Nowa Kultura», 1960, № 51-52).

Своего рода итог толстовским дням в Польше был подведен на научной сессии, посвященной жизненному и творческому пути Толстого. Организаторами ее были Отделение славяноведения Польской Академии наук и Польско-советский институт *. В сессии приняли участие польские литературоведы, в том числе преподаватели кафедр русской филологии Варшавского, Краковского и Вроцлавского университетов, а также советские ученые. Вступительное слово произнес известный польский славяновед, действительный член Польской Академии наук, проф. *З. Штибер*, указавший на своеобразное восприятие творчества Толстого польской литературной общественностью и подчеркнувший тот факт, что популярность Толстого в народной Польше переживает теперь новый расцвет. Выходящие

* См. об этом: «Информационный бюллетень Польско-советского ин-та», 1961, № 2, стр. 24—27; «Nauka Polska», 1961, № 2, str. 228—230; «Trybuna Ludu», 1960, № 350, str. 5; «Kurier Polski», 1960, № 229, str. 4; «Sztandar Młodych», 1960, № 302, str. 2.

огромными тиражами, исправленные и новые переводы его сочинений моментально раскупаются. Вот лучшее доказательство того, что для польской молодежи Толстой остается писателем живым и вполне современным.

Темой доклада *Р. Лужного* были культурные традиции эпохи Просвещения в творчестве Толстого. По мнению докладчика, идеи той эпохи интересовали молодого Толстого гораздо более, чем современные ему, и первые художественные достижения его выросли из творческого использования этого наследия, которое и впоследствии, когда Толстой обратился к иным творческим источникам и образцам, сказывалось в его взглядах, художественных замыслах и литературных приемах (см. текст этого доклада в «Slavia Orientalis», 1962, № 1, str. 3—24).

Отдельные верные наблюдения не могут устранить основного порока доклада, состоящего в том, что вопрос о значении традиций культуры просвещения для Толстого рассматривается неисторически — вне связей с реальной русской действительностью, которая формировала его личность, взгляды и творчество.

Далее на сессии были прочитаны доклады польского литературоведа *А. Семчука* «Толстой и литературное движение 1850-х годов в России» («Slavia Orientalis», 1961, № 2, str. 187—204), советских исследователей *В. Р. Щербины* «Толстой и современность» (прочитан директором Польско-советского института А. Шанявским) и *В. Вейкшана* о педагогической деятельности и взглядах Толстого. Последний доклад, *Б. Бялокозовича*, был посвящен переписке Толстого с поляками. Проанализировав письма к Толстому польских переводчиков его сочинений, литераторов, публицистов, участников польского национально-освободительного движения, а также письма крестьян и рабочих, докладчик указал на их важное место в польско-русских литературных, общественных и политических отношениях и связях конца XIX — начала XX в. Он остановился также на образах поляков в художественных произведениях Толстого («Воскресение», «Хаджи-Мурат», «За что?»), указав на отдельные противоречия в оценках польского вопроса, которые нашли свое отражение в письмах Толстого к М. Здзеховскому, Г. Сенкевичу, А. Врублевскому и С. Ляудын. (Доклады В. Р. Щербины и Б. Бялокозовича опубликованы Польско-советским институтом: «Lev Tolstoj. Materiały z sesji», Warszawa, 1961.)

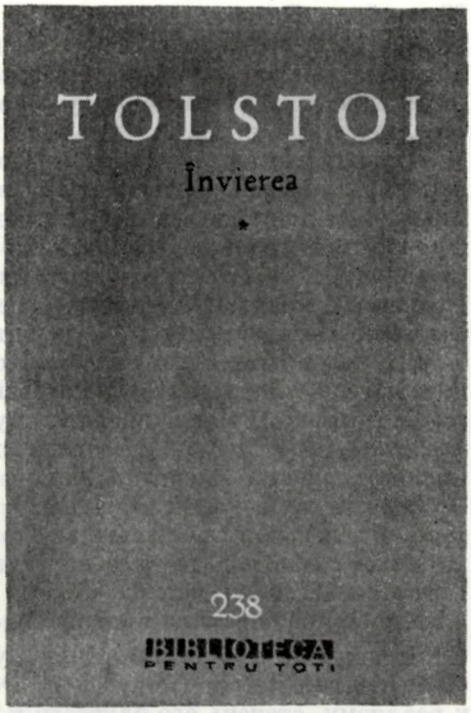
Таким образом, «толстовские дни» в Польше вновь засвидетельствовали близость и содружество двух родственных славянских культур, подтверждая слова Г. Сенкевича о Толстом: «...несравненно бо̀льшая и лучшая часть русских сердец не покинет его никогда, а вместе с ними станут на его сторону все более благоразумные умы мира. И так должно быть, ибо он не только великий писатель, но и провозвестник свободы, великий защитник угнетенных и могущественный выразитель общечеловеческих идеалов».

РУМЫНИЯ

Чествование памяти Толстого в народной Румынии нельзя ограничить датой 20 ноября и даже всем ноябрем 1960 г. Без всякого преувеличения можно говорить о целом толстовском годе.

К пятидесятой годовщине со дня смерти Толстого было завершено издание четырнадцатитомного собрания его сочинений, начатое в 1953 г. Тем самым впервые в истории румынской культуры основные произведения русского классика были собраны в одном издании, не искаженном цензурой, и распределены по томам в хронологическом порядке. Здесь были воспроизведены в новых и лучших, чем прежние, переводах не только уже известные румынскому читателю произведения Толстого, но и такие сочинения, которые на румынском языке никогда раньше не появлялись.

Кроме того, были отдельно переизданы большими тиражами переводы



«ВОСКРЕСЕНИЕ». ИЗДАНИЕ НА РУМЫНСКОМ ЯЗЫКЕ (БУХАРЕСТ, 1964)
Обложка

романов «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», сборник рассказов под заглавием «После бала» и т. д.

Румынские театры, столичные и провинциальные, отметили памятную дату новыми постановками пьес Толстого. Бухарестский театр железнодорожников и клужский Национальный театр исполнили с большим успехом «Власть тьмы». В бухарестском Национальном театре были поставлены две инсценировки романов Толстого — «Анна Каренина» и «Воскресение». Постановка «Анны Карениной» была осуществлена и коллективом ясского Национального театра.

Торжественные вечера, выставки, доклады, лекции, беседы, литературные конкурсы на различные темы, связанные с творчеством Толстого, были организованы в Бухаресте, Клуже, Крайове, Яссах и других городах.

Целью всех этих мероприятий был, в первую очередь, широкий охват читателей, ознакомление их с творчеством Толстого. В Бухарестской области было проведено сто двадцать литературных вечеров — большей частью на заводах и в коллективных хозяйствах. В Сучавской области были организованы вечера и проведены беседы о творчестве Толстого на восьмидесяти промышленных предприятиях, в семидесяти пяти клубах, тридцати сельских библиотеках; в области Крайова было сделано сто десять докладов в клубах, библиотеках, на предприятиях и в школах.

Интересные вечера были устроены в таких важных рабочих и промышленных центрах страны, как Онешти, Кэлан, Симерия, Лупень, Хунедоара и т. д. На заводе Карбоким в г. Клуже и на фабрике Молдова-Трикотаже в Яссах прошли с большим успехом концерты, на которых артисты местных национальных театров исполняли сцены из пьес Толстого.

Имя великого русского писателя проникло в ноябрьские дни 1960 г. в самые отдаленные уголки Румынии — в такие места, где до этого не всем известно было о существовании Толстого. Чрезвычайно выразительна следующая заметка, напечатанная в ясской газете «Flacăra Jaşului»

29 ноября: «Во всех сельских библиотеках и в большинстве деревенских клубов Ясского района в течение последних дней были проведены литературные вечера, на которых прочтены доклады о жизни и творчестве Толстого. На этих вечерах присутствовало в общей сложности свыше четырех тысяч крестьян».

Широкий интерес к Толстому проявили в это время писатели, критики и литературоведы Румынии. Множество статей, высказываний и воспоминаний было напечатано, в связи с годовщиной, на страницах различных журналов и газет. Некоторые из них («Gazeta Literară», «Veac Nou», «Tribuna») посвятили Толстому специальные номера и целые полосы («România Liberă»). Журнал «Luceafărul» в нескольких номерах подряд чествовал память великого художника.

В Румынии не было ни одной областной или даже районной газеты, которая не отметила бы толстовскую годовщину.

В статьях и выступлениях румынских писателей *И. Агырбичану*, *Т. Виану*, *Д. Ботеза*, *Р. Боуряну* отмечалось огромное значение, которое имело творчество Толстого для их творческого пути.

Видный румынский прозаик *Э. Барбу* писал, называя Толстого «титаном»: «От него я узнал, что в основе искусства лежит труд, непрерывный труд〈...〉 Толстой научил нас, как нужно строить роман...» («Gazeta Literară», 17.XI 1960).

Всемирное значение уроков Толстого — художника-реалиста, романиста и психолога — было подчеркнуто и газетой «Scînteia» от 20 ноября: «Отношением к творчеству Толстого определяется и отношение писателя к реализму, степень его близости к реализму. И с этой точки зрения творчество Толстого сохраняет всю свою силу воздействия».

Большое внимание литературоведы уделили таким вопросам, как распространение творчества Толстого в Румынии, его влияние на классиков румынской литературы Д. Замфиреску и М. Садовяну, а также анализу статей Ленина о Толстом в свете современных задач румынского литературоведения.

На специальной толстовской сессии, организованной Бухарестским университетом совместно с некоторыми другими научными учреждениями, были прочитаны доклады: «Ленин о Толстом» (проф. *М. Новиков*), «Толстой и румынские писатели» (*В. Чобану*) и «Толстой и идейная борьба в Румынии 1917—1944 гг.» (*Т. Николеску*).

В ноябре 1910 г. *М. Садовяну* откликнулся на смерть Толстого словами: «...для меня он не умер. Мой друг, с которым я повидал столько людей и событий, остался жив. Он молод, пока молодо будет мое сердце 〈...〉 Писатели — наши самые идеальные друзья. Этот мой друг не умер!» (см. стр. 115 кн. 1-й настоящ. тома).

Слова, сказанные Садовяну полвека назад, не утратили своего значения и в наши дни. Они обрели новую силу и новый блеск в дни пятидесятой годовщины. Можно сказать, что в 1960 г. чествование памяти Толстого румынским народом, читателями из народных масс, строителями новой жизни прошло под знаком вечно юного творчества великого писателя.

СКАНДИНАВИЯ
(НОРВЕГИЯ, ДАНИЯ, ШВЕЦИЯ)

Пятидесятилетие со дня смерти Толстого широко отмечалось в скандинавских странах. Это событие было ознаменовано появлением новых изданий его сочинений, организацией выставок, торжественных вечеров, специальными радиопередачами, а также многочисленными статьями в периодической прессе.

Так, в Норвегии к юбилейной дате вышло «Воскресение» в переводе Н. Хенриксена и была переиздана «Анна Каренина» в переводе М. Грундта.

В Университетской библиотеке г. Осло открылась выставка, разносторонне освещавшая деятельность Толстого как писателя, педагога и философа. На выставке были представлены материалы, характеризующие связи Толстого с Норвегией, и, в частности, экспонировался подлинник его письма к выдающемуся норвежскому писателю Бьёрнстьерне Бьёрнсону (см. т. 77, стр. 218).

20 ноября 1960 г. норвежское радио организовало специальную передачу о Толстом. С докладом «Мужественная борьба Льва Толстого против царского суда и войны» выступил *Х. Юхансен* (в сокращенном виде доклад опубликован в газете «Friheten», 17.XII 1960). Характеризуя деятельность Толстого как публициста и страстного борца против несправедливости и войны, автор уделил особенное внимание распространению идей Толстого за рубежом. Юхансен вспоминал о том, какое большое влияние в годы его юности, в начале XX в., оказывал Толстой своим учением о морали и борьбой против войны на норвежскую молодежь вообще и на норвежское социал-демократическое движение в частности. «Многие из нас — участников социал-демократического молодежного движения — были особенно сильно захвачены его агитацией за мир. Мы достали его антивоенное воззвание — красное воззвание Толстого, с которым мы были вполне солидарны и которое расклеивали на стенах домов и на столбах. Толстовскими идеями борьбы за мир была увлечена в то время не только социал-демократическая молодежь. Норвежский союз мира в 1904 г. опубликовал с предисловием своего председателя антивоенную брошюру Толстого „Одумайтесь!“ с подзаголовком „Обращение ко всем народам“ (до того печатавшуюся частями в газете „Verdens Gang“)».

Норвежская печать откликнулась на юбилей Толстого множеством статей. Газета «Arbeiderbladet» 19 ноября поместила статью «Лев Толстой — писатель и обличитель», автор которой, известный норвежский славист *А. Галлис*, писал: «Для нас, чья молодость падает на 1920-е и 1930-е годы, чтение основных произведений Толстого было любимым занятием 〈...〉 Когда читаешь такие произведения, как „Детство“, „Отрочество“, „Юность“, „Севастопольские рассказы“, „Казаки“ и в особенности „Войну и мир“ и „Анну Каренину“, появляется удивительное чувство — кажется, что читаешь не книгу, а видишь бурлящую живую жизнь, в которую невольно вовлекаешься, и книжные герои становятся старыми друзьями. Искусство и жизнь сливаются воедино; именно это придает лучшим произведениям Толстого несравненную прелесть». Галлис указывает на огромный интерес Толстого к социальным вопросам, подчеркивая, что влияние его как мыслителя вышло далеко за пределы России, захватив Западную Европу и Америку. «Как писатель и художник Толстой всегда будет жить и останется одним из гигантов мировой литературы».

В том же номере «Arbeiderbladet» напечатан большой портрет Толстого с надписью: «Лев Толстой — один из гигантов русской литературы и выдающихся деятелей современной духовной истории».

Газета «Friheten» поместила 2 декабря большую статью норвежского слависта *М. Нага* «В мире Толстого» — любопытный рассказ о посещении яснополянского музея группой участников IV Всемирного съезда славистов в Москве, среди которых был автор. Неожиданны и интересны параллели, проводимые Нагом. Говоря об огромном вкладе Толстого в мировую литературу, он сравнивает его с вкладом в литературу, сделанным Маяковским, и утверждает, что творчество последнего, как и творчество Толстого, подняло мировую литературу на целую ступень, что для своей эпохи Маяковский сыграл такую же роль, какую Толстой для своей.

Отмечая огромное влияние, оказанное Толстым на развитие мировой литературы, Наг приводит в пример таких непохожих друг на друга писателей, как Хемингуэй и Шолохов, которые, по его мнению, очень

многим в своем творчестве обязаны Толстому. «Как ни отличается стилем и манерой от Толстого Хемингуэй〈...〉, он проводит родственные Толстому идеи антимилитаризма〈...〉 Ни Толстой, ни Хемингуэй не прибегают к громким словам и декларациям, чтобы обличить войну. Наоборот, они делают это, показывая ее в подлинном виде, показывая ее будни».

* * *

В Дании торжественные вечера по случаю пятидесятилетия со дня смерти Толстого были организованы по всей стране при содействии Общества датско-советской дружбы (в городах Оденсе, Орхусе, Олборге, Обенро, Ренне, Эсбьерге и Копенгагене) и вылились в месячник датско-советской дружбы. На эти торжества прибыла делегация деятелей советской культуры во главе с профессором Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова *А. Н. Соколовым*, который прочитал в Копенгагенском университете лекцию о жизни и творчестве Толстого.

Издательство «Reitzel» выпустило к юбилею новое издание «Севастопольских рассказов» в переводе В. Герстенберга.

Датские газеты регулярно помещали в эти дни информацию о праздновании толстовского юбилея в Советском Союзе, а также статьи и заметки о Толстом.

Газета «Land og Folk» напечатала 20 ноября статью *Э. Даниельсена* «Взгляды Толстого на литературу и искусство». Подчеркивая, что Толстой известен всему миру прежде всего как гениальный художник слова, журналист сосредоточил свое внимание на менее известной датскому читателю стороне деятельности Толстого — на его глубоком теоретическом интересе к проблемам литературы и искусства и особое внимание уделил борьбе Толстого с декадентским лжеискусством, напоминая, что критерием подлинного искусства для Толстого было отношение искусства к действительности. «Его резкие обвинения были направлены против того искусства, которое потеряло связь с большими жизненными проблемами и превратилось в технически рафинированное средство наслаждения для уставших от жизни тунеядцев».

STOCKHOLMS BORGARSKOLA

STORA HÖRSALEN

KUNGSTENSGATAN 2

Torsdagen den 4 och Fredagen den 5 Mars 1943 kl. 8—omkr. 10,15 e. m.

gives på tyska språket

Die Flucht zu Gott

3 Scenen über

Leo Tolstois Flucht und Tod

von STEFAN ZWEIG.

АФИША ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПЬЕСЫ СТЕФАНА ЦВЕЙГА «ПОБЕГ К БОГУ» («УХОД И СМЕРТЬ ТОЛСТОГО»). СТОКГОЛЬМ, 5 МАРТА 1943 г.

Спектакль был поставлен группой немецких актеров-антифашистов. *Режиссер* — Курт Трепте

В 1960 г., к 50-летию со дня смерти Толстого, Курт Трепте возобновил этот спектакль в г. Кведлинбурге (ГДР)

Музей Толстого, Москва

СЦЕНА ИЗ ПЬЕСЫ СТЕФАНА ЦВЕЙГА «ПОБЕГ К БОГУ» («УХОД И СМЕРТЬ ТОЛСТОГО»)
СТОКГОЛЬМ, 5 МАРТА 1943 г.
Спектакль был поставлен группой немецких актеров-антифашистов. Режиссер — Курт Трепте
Толстой — Герман Грейд, студенты — Петер Виннер и Курт Трепте
Фотография
Музей Толстого, Москва

Большое место в статье отведено отношению Толстого к народному искусству.

Подчеркивая актуальность идей Толстого для искусства нашего времени, Даниельсен заключает: «Несмотря на бросающиеся в глаза слабые стороны, эстетика Толстого не лишена значения и в наше время. В его взглядах содержится отчетливое признание искусства как средства общения и сближения людей, это дает нам возможность предвидеть будущее, когда искусство станет общедоступным, и в то же время указывает на ответственность искусства в создании нового мира, осуществляющего мечту о братстве всех людей».

* * *

Шведская общественность отметила юбилейную дату помещением в периодической печати ряда рассказов и повестей Толстого, а также очерков о жизни писателя и информации о проведении торжеств в Советском Союзе.

Газета «Ny Dag» напечатала 16 ноября 1960 г. статью *Б. Вагнера*, который обрисовал Толстого как писателя и человека, рассказал о его отношениях с А. Н. Островским, А. А. Фетом, М. Е. Салтыковым-Щедриным и подробно остановился на борьбе писателя с царским самодержавием.

* * *

Таким образом, празднование пятидесятилетия со дня смерти Толстого явилось крупным событием в культурной жизни скандинавских стран и свидетельством живого интереса к творчеству гениального русского писателя.

США

Пятидесятая годовщина со дня смерти Толстого была отмечена в Нью-Йорке торжественным заседанием, состоявшимся 19 ноября. *Д. Д. Эйзенхауэр*, незадолго до того покинувший пост президента США, направил участникам вечера послание, в котором назвал Толстого «крупнейшим явлением мировой литературы, гениальным писателем, а главное — вдохновенным братом всего человечества» («New York Times», 1960, 20.XI, p. 74). Однако ценность «всемирно-исторического явления, именуемого Толстым», бывший американский президент усматривал не столько в художественном творчестве писателя, сколько в его личности и учении. «Еще более выдающееся значение имеет Толстой как человек. Он учил, что лучший путь — это путь служения богу»,— утверждал Эйзенхауэр. На вечере с воспоминаниями выступила дочь Толстого — Александра Львовна, деятельница враждебного СССР белоэмигрантского «Толстовского фонда» в США. Она рассказала о последних днях и смерти Толстого. Юбилейное заседание завершилось концертом артистов Метрополитен-Опера.

Во многих других городах США также состоялись торжественные вечера и литературно-музыкальные концерты, посвященные Толстому. Профессора-слависты американских университетов *Е. Волконская* и *В. Ледницкий* прочли публичные лекции о жизни и творчестве Толстого. В библиотеке Калифорнийского университета и других были организованы выставки изданий произведений русского писателя и т. д.

* * *

В 1959 г. в Нью-Йорке вышла книга американского литературоведа *Дж. Стейнера* «Толстой или Достоевский» (George S t e i n e r. Tolstoy or Dostoevsky. An Essay in the Old Criticism. New York). Книга эта привлекла к себе внимание критики и вызвала многочисленные отклики в 1960, юбилейном году.

Монография Стейнера отличается широтой замысла и рассматривает место двух великих русских писателей в перспективе развития мировой литературы. Стейнер с восхищением говорит о представителях «старой критики», которые, в отличие от современной критической школы, считали, что «литература существует не изолированно от действительности, исторической и политической, а находится в ее центре» (p. 6).

В первой главе автор пытается охарактеризовать своеобразие русской классической литературы по сравнению с литературой западноевропейской. По его мнению, «расцвет русского романа в XIX веке знаменует новую эпоху в развитии мировой литературы...» (p. 8).

«Произведения русских романистов — от Гоголя до Горького — насыщены такой энергией, такой глубокой проницательностью и таким неистовством веры, что эта проза соперничает с эпосом и драмой и, как думают некоторые, превосходит их» (p. 18).

Однако, переходя от общих утверждений к конкретному анализу творчества Толстого и Достоевского, Стейнер оказывается в плену обветшавших декадентско-идеалистических представлений о путях развития русской литературы.

Об этих представлениях можно судить по следующим, например, методологическим предпосылкам автора: «Обращение к богу, сознание его страшной близости к жизни души — вот основа и средоточие искусства русских писателей» (p. 241). «Искусство Толстого и Достоевского было религиозным. Оно родилось в атмосфере, пропитанной религиозными переживаниями, и верой в то, что Россия призвана играть выдающуюся роль в наступающей мировой катастрофе» (p. 43). «От „Мертвых душ“ до „Воскресения“ русская литература отражает ожидание катастрофы, наступление конца света» (p. 41) и т. д. и т. п.

В центре второй главы находится сопоставление творчества Толстого с древним эпосом Гомера. Сопоставление это лишено исторической конкретности и носит весьма поверхностный характер. В результате, со страниц книги Стейнера встает упрощенный и архаизированный образ некоего идиллического патриарха. Стейнер не выявил принципиального новаторства Толстого как эпического писателя нового времени.

Во второй главе творчество Толстого сопоставляется также с искусством Флобера. Вслед за М. Арнольдом и другими западными критиками Стейнер признает преимущества реализма Толстого по сравнению с методом Флобера.

Любопытны музыкальные аналогии критика, который находит в «Анне Карениной» эффекты контрапункта и гармонии в развитии двух основных линий. Первая прелюдия — Облонский. «Там возникают мотивы, которые повторяются, усилившись, позднее<...> Но главное — это впечатление множественности тем, подчиненных движущемуся импульсу великого замысла. Метод Толстого полифоничен, но гармонический склад господствует, и главные темы развиваются с необыкновенной полнотой и ясностью» (p. 69).

Как и многие другие зарубежные литературоведы, Стейнер обходит молчанием социально-критическую проблематику творчества Толстого. Исключение составляют замечания о драматургии Толстого. «Если рассматривать пьесы Толстого в одном ряду с произведениями Гауптмана, Ибсена, Голсуорси, Горького и Шоу, то окажется, что интерес их состоит, главным образом, в содержании, в изображении „дна“ и в яростном социальном протесте. Но на самом деле их значение выходит далеко за пределы натуралистической драмы; они по-настоящему экспериментальны, подобно поздним вещам Ибсена» (p. 127). Особенно высоко Стейнер оценивает «Власть тьмы»: «Я не знаю другой драмы в западной литературе, где так убедительно и правдиво воспроизводилась бы деревенская жизнь» (p. 128).

Третья глава монографии посвящена сопоставлению творчества Толстого и Достоевского, которое развертывается в весьма традиционных рамках. Автор «Братьев Карамазовых» рассматривается, в основном, как антипод Толстого.

Общность двух великих русских писателей Стейнер находит в якобы религиозном характере их творчества:

«Толстой и Достоевский были религиозными художниками, как строители храмов и как Микеланджело, когда он расписывал Сикстинскую капеллу, воплощая свое понимание вечности. Ими владела идея бога, и вся их жизнь была подобна пути в Дамаск. Мысль о боге, загадка божества томила их неотступно, безжалостно, не давая покоя. В своем напряженном и горделивом смирении они считали себя не просто сочинителями книг, писателями, а проповедниками, пророками, взывающими в ночи» (p. 240).

Однако Стейнер не принимает религиозных взглядов Толстого, всецело сведенных к вопросам морали — социальной и личной. В конце книги он с осуждением пишет о Толстом — религиозном мыслителе, мечтавшем не о «царствии небесном», в которое не верил, а о «построении царства божия на земле». Толстой-мыслитель с его социально-этическим максимализмом внушает Стейнеру страх как непосредственный предшественник русской революции.

В 1961 г. в Техасе вышла небольшая книга «Толстой — художник и гуманист», принадлежащая перу американского автора чешского происхождения *Э. Мичека*, в молодости лично знакомого с Толстым (Edward Mi̇ček. Tolstoy, the Artist and Humanist. Impressions and Evolution). Книга состоит из серии популярных очерков, освещающих

разные стороны жизни и деятельности писателя (Толстой в Ясной Поляне; Толстой и Ганди; Толстой и Репин; последние годы жизни писателя; физический труд в жизни Толстого). Не лишены интереса воспоминания Мичека о его беседах с Толстым и Д. П. Маковицким. Мичек подчеркивает в своей книге органическую связь писателя с русским крестьянством, его постоянное стремление оказывать реальную помощь народу. В уходе Толстого из дому Мичек, в отличие от многих зарубежных авторов, видит не трагедию, а «триумфальное завершение» моральной эволюции писателя и всей его жизни.

* * *

За несколько месяцев до толстовской годовщины в США вышел специальный номер «Russian Review» (1960, vol. 19, IV, № 2), посвященный русскому писателю.

В этом номере журнала, известного своим антисоветским направлением и обслуживаемого, в основном, русскими белоэмигрантами, наиболее полно и концентрированно отразились современные реакционные концепции мировоззрения и творчества Толстого.

Центральное место в номере заняли статьи, посвященные Толстому — религиозному проповеднику. «Толстой — апостол-крестоносец» называется работа литературоведа из ФРГ *Р. Фюлеп-Миллера*, представляющая собой набор старых, давно бытующих в идеалистической критике мифов о «святом из Ясной Поляны».

«Когда мы ищем святых на Востоке, мы встречаем богатого индийского принца Сиддхарту, ставшего Буддой; когда мы ищем их на Западе, мы находим тщеславного и распутного ритора Августина, мота и гуляку Франциска, честолюбивого испанского офицера Игнатия Лойолу, которые переменили свою жизнь и сделались святыми, преисполненными понимания, любви и силы воли. Когда же мы изучаем жизнь Толстого, то становимся свидетелями обращения одного из величайших чувственных художников, отрекшегося от своего искусства, чтобы стать яснополянским святым» (p. 99).

Вопреки общеизвестным фактам творческой биографии писателя, Фюлеп-Миллер пытается уверить читателей, что после своего «обращения» Толстой занимался только тем, что «тачал сапоги, косил, читал крестьянам вслух жития святых, а если и сменял иногда косу на перо, то лишь чтобы писать религиозные трактаты» (p. 100). Автор отделяет мировоззрение Толстого от его искусства и пишет о «двух Толстых», будто бы не имевших между собой ничего общего — «Толстом-художнике, для которого искусство было всем, и Толстом-апостоле, отрекшемся от своей славы и призвания» (p. 100).

Ложное истолкование взглядов Толстого (критик договаривается, например, до того, что объявляет его певцом и апологетом войны в «Севастопольских рассказах» и «Войне и мире» — p. 105) сочетается с непониманием природы толстовского художественного реализма. Повторяя Д. С. Мережковского, Фюлеп-Миллер утверждает, будто высшим достижением Толстого в искусстве было изображение биологического человека. «Для Толстого-художника реальность жизни заключалась в биологической природе. В плоти и в мире собственности, поставленном на службу плоти, для него кроется тайна человеческого существования» (p. 101).

В том же номере журнала напечатана статья *А. Л. Толстой* «Толстой и русские крестьяне», в которой сложные идейные искания писателя сведены к проповеди идей христианского непротивления и смирения. Ложное истолкование творчества Толстого сочетается в статье с антисоветскими выпадами. От рассуждений о «смиренном и богобоязненном русском крестьянстве» эпохи Толстого автор обращается к современности, для

того, чтобы сделать утверждение о «преданности русских крестьян вере в бога и учению Христа, несмотря на сорок два года советской власти».

Статья *Ф. Степуна* «Религиозная трагедия Толстого» содержит критику религиозных взглядов Толстого с позиций православной церкви. Так же как многие другие буржуазные критики (например, *П. Эммануэль*), Степун обвиняет Толстого «в дилетантском и вздорном бунте против догм христианской религии и церкви» (p. 163). Религиозная трагедия Толстого, «полный хаос, к которому он пришел в конце жизни»,— утверждает реакционный критик,— явились следствием отступления писателя от истинного христианства. «Толстому не удалось быть христианином, потому что истина, за которую он стоял, была не истина Христа, а его собственная» (p. 169) *.

Обзорная статья *Г. Струве* «Толстой в советской критике» (ibid., p. 171—186) направлена против ленинской концепции творчества Толстого и советского литературоведения, целиком принимающего эту концепцию (разбор этого выступления напечатан *К. Н. Ломуновым* и *Б. С. Мейлахом* в «Лит. наследстве», т. 69, 1961, кн. 1-я, стр. 188—190).

О международных связях и влиянии Толстого говорится в статьях *М. Слонима* «Четыре западноевропейских писателя о Толстом» (где собраны высказывания Дж. Честертона, Дж. Б. Шоу, Р. Роллана и Т. Манна) и *Я. Лаврина* «Толстой и Ганди».

В отличие от работ, о которых говорилось выше, статья Лаврина, содержащая сопоставление моральных и общественно-политических взглядов Толстого и Ганди, представляет определенный интерес. Лаврин справедливо подчеркивает коренное различие между характерами Толстого и Ганди. «Богатая и полнокровная в самом языческом смысле личность Толстого была полной противоположностью прирожденному аскету Ганди. Его инстинктивная страстная любовь к жизни проявлялась и утверждалась помимо и, пожалуй, вопреки всякой философии» (p. 133). Лаврин указывает также на разное отношение Толстого и Ганди к государству и государственным учреждениям. «Толстой — христианский анархист не желал признавать никаких организаций, ни правительственных, ни политических, ни патриотических. Он рассматривал их все как средства разобщения людей и поэтому считал их противоречащими закону совести ⟨...⟩ Ганди же отвергал не всякое правительство, а только дурное».

Крайне упрощенно изображает Лаврин положительную программу Толстого в области общественного устройства, утверждая, будто русский писатель призывал «целиком отбросить цивилизацию, основанную на неравенстве и несправедливости, смыть ее дочиста и установить какое-то бесформенное и неподвижное первобытное общество».

Вызывает возражение и попытка Лаврина отрицать непосредственное влияние Толстого на Ганди (влияние это, как известно, признавал сам Ганди).

Лишь одна небольшая статья посвящена художественному творчеству писателя. *Г. Адамович*, автор статьи «Толстой как художник», видит в Толстом «величайшего реалиста мировой литературы». «Только два писателя — Толстой и Шекспир,— утверждает критик,— действительно знали человеческое сердце и умели изображать людей». Однако, характеризуя особенности мастерства Толстого, Адамович почти не уделяет внимания глубокому социальному смыслу его реализма, рассматривает творчество великого писателя в отрыве от исторической действительности.

В журнале помещены также воспоминания известного иллюстратора

* Ту же тему Степун подробно анализирует в одном из трех очерков, входящих в книжку «Достоевский и Толстой. Христианство и социальная революция (S t e p u n F. Dostoewsky und Tolstoi. Christentum und soziale Revolution. 3 Essay. München, 1961, S. 80—156)

Толстого *Л. О. Пастернака*. Художник живо передает свои впечатления от встреч с Толстым на выставке передвижников в 1893 г.

Немногие интересные материалы, опубликованные в толстовском номере «Russian Review», не могут изменить воинствующе-реакционного характера этого сборника. Апология толстовства сочетается здесь с догматической критикой «бунта» Толстого против церкви, а художественное творчество великого реалиста извращено в духе Мережковского и заслонено тенденциозно-односторонними толкованиями учения Толстого.

* * *

К пятидесятой годовщине смерти писателя нью-йоркское издательство «Liberal Arts Press» переиздало трактат Толстого «Что такое искусство?» в переводе Э. Моода.

* * *

Чествование памяти Толстого отдельные представители американской модернистской критики использовали для нового «низвержения» писателя, для критики его идейно-эстетических взглядов и творчества.

«Смерть Ивана Ильича» привлекла к себе в дни юбилея наибольшее внимание американской критики. Помимо статьи *Э. Васиолека* «„Смерть Ивана Ильича“ и эстетический императив Генри Джеймса» («Modern Fiction Studies», 1960, vol. 6, № 4, p. 314—324) назовем работу *Т. Пэчмасс* «Проблемы любви и смерти в повести Толстого „Смерть Ивана Ильича“» («American Slavic and East European Review», 1961, vol. XX, № 1, p. 72—83), в которых проявилась характерная тенденция буржуазной критики — видеть в Толстом художника-метафизика, целиком поглощенного «вечными вопросами» и прежде всего проблемой смерти.

Если одни американские авторы были заняты «ниспровержением» эстетики Толстого, то другие, напротив, пытались опереться на его взгляды, предварительно извратив их до неузнаваемости. Примером может служить статья профессора риторики Калифорнийского университета *Д. Гейгера* «Толстой — защитник чистого искусства» («Journal of Aesthetics and Art Criticism», 1961, vol. 20, № 1).

Вопреки общеизвестным фактам, Гейгер утверждает, что вплоть до идейного кризиса конца 1870-х — начала 1880-х годов Толстой стоял на позициях защитника чистого искусства, и в подтверждение этого ссылается на одиннадцатую и двенадцатую главы пятой части «Анны Карениной», где изображен художник-реалист Михайлов и показан самый процесс его творчества. «Если этот отрывок и не является формальной защитой чистого искусства, то, во всяком случае, он может служить обоснованием искусства для искусства»,— заявляет Гейгер и утверждает, будто в этих главах Толстой стремился доказать следующее: «Хороший художник пишет то, что видит, и в этом его нравственность», а цель искусства — «служить проникновению в основную природу отдельных явлений, проникновению, свободному от всякой тенденциозности».

В 1961 г. была издана книга «Религия от Толстого до Камю» («Religion from Tolstoy to Camus. Selected with an introduction and prefaces by Walter Kaufmann». New York), представляющая, по замыслу его составителя *У. Кауфмана*, сборник произведений религиозных мыслителей. Первое и важнейшее место в сборнике отведено Толстому, который рассматривается американским исследователем как крупнейший религиозный писатель современности. В качестве образцов религиозных произведений в сборнике печатаются «В чем моя вера», «Смерть Ивана Ильича», «Много ли человеку земли нужно» и на определение «Ответ Синода...».

В обширной вступительной статье Кауфман пишет: «То, что Толстой был великим писателем и человеком, несравненно более крупным, чем все богословы XX века,— бесспорно и не ново. Внимания заслуживает более смелое утверждение, что он сыграл бóльшую, чем все они, роль в истории

религии за рассматриваемый период»<...> «Вот почему его имя поставлено в названии книги и ему отводится в ней больше всего места» (р. 1).

Присоединяясь к многочисленным критикам, возвеличивавшим роль Толстого-проповедника, Кауфман вместе с тем по-своему трактует его значение и влияние в этой области. Он признает, что религиозно-публицистические произведения Толстого не оказали сколько-нибудь существенного влияния на широкие массы читателей, поскольку их обычно „оставляют непрочитанными"» (р. 2), и с явным сожалением констатирует: «Мир принял чрезвычайно доброжелательно автора „Войны и мира", но далеко не доброжелательно — позднего Толстого. Отношение большинства читателей и критиков к поздней прозе Толстого может быть резюмировано словами из „Анны Карениной": „Он не хотел видеть и не видел<...>, не хотел понимать и не понимал"».

Кауфман заявляет, будто именно в своих знаменитых романах и повестях Толстой выступил как «великий религиозный писатель», оказавший огромное влияние на современного человека. В бессмертных реалистических романах Толстого Кауфман видит прежде всего «религию в форме художественных историй», красочные иллюстрации к религиозным идеям писателя. Так, идейное содержание романа «Анна Каренина» он сводит к теме «ложной веры» (р. 4), а значение романа «Воскресение» — к стремлению автора «пересмотреть наши взгляды на мораль и религию».

«За чрезвычайно редкими исключениями,— замечает автор,— религия особенно действенна, когда она излагается в таких произведениях, которые заставляют читателя задуматься о смысле жизни. Это справедливо не только в отношении Ветхого и Нового заветов, но также в отношении Толстого».

Превратив Толстого-художника в иллюстратора своих религиозных идей, Кауфман в то же время изображает его чуть ли не отцом современного экзистенциализма. Он утверждает, что напряженный интерес Толстого к проблемам смерти, «частое обращение к теме самообмана и обмана других», «ссылки на страх и тоску» предвосхищают творчество экзистенциалистов. В частности, Кауфман отмечает влияние Толстого на известного идеолога экзистенциализма М. Хайдеггера. По мнению критика, произведение Хайдеггера «Бытие и время» («Being and Time») представляет собой, в сущности, комментарий к «Смерти Ивана Ильича» (р. 8). Подробно эта мысль развивается в другой книге того же автора «The Faith of a Heretic» («Религия еретика»), одна из глав которой посвящена анализу «Смерти Ивана Ильича».

Составитель антологии особенно подчеркивает влияние Толстого на творчество близкого экзистенциализму писателя Камю. «Камю имел смелость,— утверждает автор,— принять наследие Толстого, тогда как никто другой не отважился предстать перед миром в качестве его наследника». «„Чума" Камю — это посмертное дитя „Смерти Ивана Ильича"».

Сближение творчества Толстого и экзистенциалистов не может не вызвать резкого возражения.

Обращение некоторых писателей-экзистенциалистов к творчеству Толстого и их попытка тенденциозно истолковать его творчество не только не делает их последователями великого писателя, но подчеркивает пропасть, существующую между ними.

Проникнутое жизнелюбием и верой в человека творчество Толстого по своим основным идейным устремлениям противоположно экзистенциализму с его концепцией абсурдности мира и безысходного пессимизма. Интерес Толстого к изображению смерти никогда не переходил в отрицание смысла человеческого существования, в культ хаоса и небытия. Описание предсмертных переживаний героев (это не раз отмечалось в критике) помогало великому писателю глубже обнажить лживые моральные и социальные устои общества (как в «Смерти Ивана Ильича») и способствовало утверж-

дению моральной силы и духовной ценности человека. Мотив самообмана и отрицание смысла жизни, присутствующие в ряде произведений Толстого, связаны прежде всего с отрицанием бессмысленной жизни правящих классов — жизни «паразитов», как называл ее Толстой.

В книге Кауфмана, как мы видим, соседствуют старые и новые теории буржуазного литературоведения, по-разному искажающие творчество великого русского писателя.

В 1960 г. в США вышло переиздание известной биографии Толстого *Э. Симмонса* («Leo Tolstoy by Ernest Simmons»).

В заключение отметим, что 15 февраля 1961 г. в нью-йоркском театре «Maidman Playhouse» была показана в концертном исполнении «Крейцерова соната». Роли Позднышева и его жены исполняли английские чтецы — артисты Р. Лавел и Х. Уот.

Судя по отзывам критики, этим актерам удалось донести до зрителей обличительный пафос повести.

ФРАНЦИЯ

Из всех стран мира (за исключением Советского Союза) пятидесятилетие со дня смерти Толстого наиболее широко отмечалось во Франции. Для проведения толстовской годовщины был создан подготовительный комитет, в который вошли известные писатели и ученые: *А. Моруа* (председатель), *А. Мазон* и *Э. Энрио*.

Торжественное чествование памяти Толстого, организованное Парижским университетом совместно с Французской академией, состоялось в Сорбонне 28 января 1961 г., т. е. через два месяца после памятной даты. Заседание проходило под председательством члена Академии А. Моруа; среди многочисленных участников были представители министерств и посольств, в том числе советского, внуки Толстого и один из последних секретарей писателя — В. Лебрен. «Зал на восемьсот мест едва вмещал собравшихся, число которых превышало тысячу»,— писал корреспондент газеты «Figaro Littéraire» (4.II 1961).

Участников заседания приветствовал ректор университета *Ж. Сарай*, рассказавший о том, как почитают великого русского писателя во Франции и как изучают его творчество в Парижском университете. С докладом о жизни и творчестве Толстого выступил *А. Моруа*, охарактеризовавший Толстого как самого проницательного и великого реалиста в мировой литературе, могучего и искреннейшего мыслителя. «Это вовсе не „чуждый гений, славянская душа", как часто говорят. Как раз наоборот: все творчество Толстого прямо и непосредственно доступно нам<...> Его гениальность — в истинной общедоступности. Толстой — это общий разум, не знающий преград в мире<...> Читая его, словно путешествуешь вместе с ним по родной всем нам стране<...> Университет никогда не забудет, насколько обязаны Толстому современные французские писатели и мыслители».

Писатель *Ж. Геенно* посвятил свое выступление «Толстой и внутренняя жизнь» облагораживающему влиянию творчества русского писателя, которое «пробуждает в нас понимание подлинных ценностей, будит и потрясает нас, не позволяет нам быть фарисеями, предаваться фарисейскому самодовольству и спокойствию <...> Кажется, единственная религия, которую можно извлечь из всего его творчества, из всей его жизни,— это религия единения людей...»

Геенно подчеркнул глубочайшую искренность Толстого и неуемность его душевных исканий, сближающих его с Руссо и Ролланом, показал актуальность его идейных заветов, которые «заставляют нас со всей ответственностью задуматься над тем, как повседневно служить общему всем людям делу свободы и мира».

Заседание завершилось просмотром документального биографического фильма.

Подробный отчет о торжественном собрании в Сорбонне дан *А. Мазоном* в статье «Пятидесятая годовщина со дня смерти Толстого, отмечавшаяся в Сорбонне 28 января 1961 г.» («Annales de l'Université de Paris», 1961, № 2, IV—VI, p. 141—150).

В Национальной библиотеке ко дню юбилея была организована большая выставка, посвященная жизни и творчеству Толстого. На ней экспонировались ценные документы и изобразительные материалы, предоставленные Лувром, Версальским музеем, парижским Институтом славистики, отдельными собирателями, а также рядом музеев и библиотек Советского Союза, в первую очередь Музеем Толстого в Москве. Значительное место на выставке, естественно, занимали материалы из фондов самой Национальной библиотеки. Экспозиция состояла из пяти разделов, из которых четыре освещали основные этапы жизненного и творческого пути писателя, а пятый был посвящен театру Толстого.

На выставке была богато представлена иконография Толстого, первые издания его произведений и первые переводы их на французский язык, а также фотокопии его рукописей. Довольно полно отражены были отношения Толстого с французскими писателями, в частности экспонировался подлинник известного письма Флобера к Тургеневу от 21 января 1880 г. с отзывом о «Войне и мире». Но некоторые важнейшие темы идейной и общественно-политической биографии Толстого, а также связь писателя с народом и взаимоотношения Толстого с царским правительством были представлены на выставке далеко не полно.

Пятый раздел содержал богатую коллекцию фотоснимков, иллюстрирующих постановки пьес Толстого и инсценировки его романов в советских и французских театрах.

На большом стенде были собраны данные о распространении произведений Толстого в Советском Союзе.

К открытию выставки был издан подробный, богато иллюстрированный каталог с предисловием директора Национальной библиотеки *Ж. Кэна* и со статьей Софи *Лаффит* «Толстой и французская литература» («Léon Tolstoï. Exposition organisée pour le cinquantenaire de sa mort». Catalogue. Paris, 1960).

Выставка, главным организатором которой была Софи Лаффит, получила высокую оценку в парижской печати.

«Впервые французская Национальная библиотека подобным образом ознаменовала память русского писателя»,— отмечал критик *И. Монс* в «Etudes Soviétiques» (1961, № 155, II, p. 80—83).

* * *

Три французских периодических издания — еженедельные газеты «Lettres Françaises», «Nouvelles Littéraires» и ежемесячник «France — URSS» провели осенью 1960 г. литературные анкеты о Толстом. На них отозвалось двадцать три писателя разных поколений.

Особый интерес представляют ответы, собранные прогрессивным еженедельником «Lettres Françaises» на вопрос «Каково значение Толстого для современных писателей?».

На протяжении двух месяцев на страницах этой газеты выступили многие французские писатели. Их серьезные статьи менее всего являлись формальной «юбилейной» данью Толстому.

Для писателей-реалистов *А. Моруа*, *А. Лану*, *Ф. Эриа*, *Э. Энрио*, *П. Декса*, *П. Гаскара* и других Толстой — великий художник, наиболее полно и гармонично воплотивший в своем творчестве те традиции гуманизма,

народности и реализма, без которых не может развиваться современная прогрессивная литература (статью *А. Моруа* см. на стр. 218—220 кн. 1-й настоящ. тома).

Теперь, когда на страницах французской буржуазной печати ведется настойчивая кампания против литературы как средства познания и отражения жизни, эпические традиции искусства Толстого привлекли особое внимание прогрессивных писателей Франции.

Э. Энрио и *М. Дрюон*, *Ф. Эриа* и *П. Декс* в своих статьях подчеркнули значение «Войны и мира» как романа-эпопеи, отобразившего жизнь во всей сложности, многообразии и полноте. «Роман этот,— писал *Э. Энрио*,— сам по себе целый мир; он остается для меня образцом того, чем должен и чем может быть настоящий роман, а именно — средством схватить жизнь и воспроизвести ее во всей целостности: характеры, стремления, верования, идеи, страсти, чувства, историю, нравы, обычаи, пейзажи, природу, конфликты, бег времени и образ живого человека<...> Герои Толстого: Вронский, князь Андрей, добрый мечтатель Пьер, Левин, Анна и Наташа — родные и близкие мне люди» («Lettres Françaises», 22—28.IX 1960).

Сходные мысли высказал и писатель *П. Гаскар*, по мнению которого Толстому «впервые в истории литературы удалось до такой степени раздвинуть границы романа <...>, создать художественную правду, которая соревнуется и сплетается с правдой исторической».

Особую заслугу Толстого Гаскар видит в его способности «передавать движение истории, делать своих героев подлинно историческими лицами, живущими во времени, которое для нас не останавливается».

Мастерство Толстого в изображении характеров, полных жизненной силы и конкретности, Гаскар связывает с идейной позицией писателя, который в своем творчестве никогда не был бесстрастным наблюдателем. «Только нравственная причастность к историческим событиям может придать персонажам художественного произведения ту жизненность, полноту и характерность, которые отличают героев „Войны и мира“» (ibid., 8—14.IX).

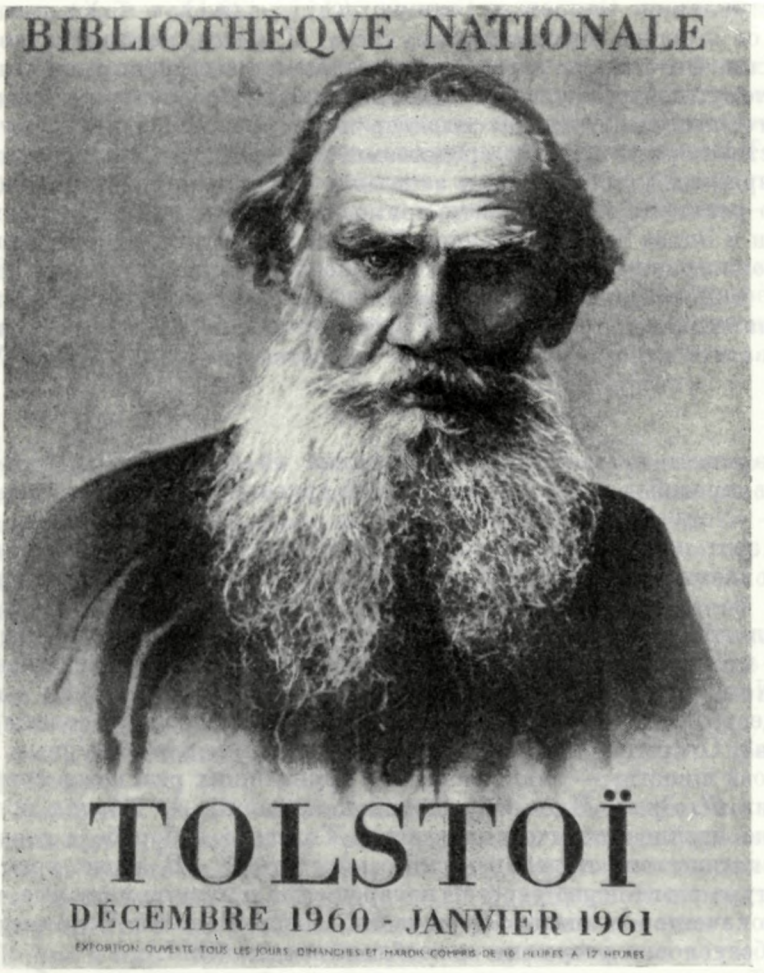
А. Лану и *П. Декс* подчеркнули в своих выступлениях связь могучей эпической формы произведений Толстого с основами его мировоззрения — народностью и гуманизмом. Их статьи — живое свидетельство того, что и сейчас эстетические заветы Толстого воодушевляют прогрессивных французских писателей в борьбе против новейших разновидностей модернизма. Опираясь на эстетические заветы Толстого, Лану в статье «Капризничающие дети» показал идейно-художественную несостоятельность современной литературы, «в которой нет ничего, кроме изображения мучительных сложностей внутреннего мира персонажей и формальных находок...»

«Урок, который нам может дать пятидесятая годовщина смерти Толстого,— заканчивает свою статью Лану,— это, в первую очередь, предостережение формалистам. Толстой дает нам урок величия, богатства содержания, гуманности, прекрасный урок единения гения с народом» (ibid., 1—7.IX).

Многие литераторы, ответившие на вопрос «Lettres Françaises», отмечали близость героев Толстого современным людям. Особенно ярко мысль об актуальности произведений Толстого выражена в статье прозаика *М. Дрюона* (о котором см. на стр. 174 — 183 кн. 1-й настоящ. тома).

Наряду с известными писателями-реалистами, в анкете «Lettres Françaises» приняли участие представители модернистской литературы — создатели теории «нового романа» — Натали *Саррот*, *М. Бютор* и другие.

В противоположность большинству участников анкеты, для этих писателей Толстой — лишь великий художник прошлого, чье искусство безнадежно устарело, а герои утратили всякий интерес. «Видеть в наше время в творчестве Толстого образцы романа (и это не только после старых



АФИША ВЫСТАВКИ, ОТКРЫТОЙ К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ТОЛСТОГО В НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ (ПАРИЖ). ДЕКАБРЬ 1960 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

мастеров Флобера и Достоевского, но и после Джойса, после Пруста и Фолкнера) значит, по-моему,— говорит Саррот,— противостоять всякому движению вперед, парализовать все искания, идти против течения всей живой современной литературы». Отрицая значение традиций Толстого, Саррот, как и многие другие модернисты, противопоставляет ему Достоевского, привлекающего ее болезненно-ущербными сторонами своего творчества.

Чтобы «развенчать» Толстого, Саррот предложила читателям проделать фантастический эксперимент — «коснуться этого спокойного, ясного, такого гармоничного и уютного мира скальпелем Достоевского, вглядеться в любого героя Толстого так, как всматривался в своих героев Достоевский, и тогда пропадут спокойные и гармоничные контуры, привычный нам „живой" образ исчезнет, распадется, исказится и превратится в странную, нелепо дергающуюся марионетку <...>, в которой мы найдем неведомую реальность, истинную и доступную нам, в отличие от мнимой реальности произведений Толстого».

Выступления Саррот и Бютора (ibid., 29.IX — 5.X) вызвали отповедь со стороны писателя-коммуниста, *П. Декса*, который подвел итоги дискуссии. Он отметил серьезный интерес многих французских писателей к Толстому, подчеркнул огромное значение для современности творчества Толстого, который учит нас мыслить и бороться и свидетельствует о возможности творить историю средствами искусства. Декс заметил при этом, что навряд ли у современных западных сторонников метода социалистического реализма можно найти прямое использование толстовских форм: «Арагон и Эльза Триоле, Халдор Лакснесс и Бертольт Брехт нашли каждый свои приемы, свои средства, но<...> различие между „Войной и миром" и „Коммунистами" состоит не в писательской технике, как и не в изменившихся методах ведения войны, а в философском подходе, в умении схватить действительность в ее целостности» (ibid., 10—16.XI 1960).

* * *

«Оказывает ли еще Толстой влияние на французских романистов?» Такой вопрос был поставлен редакцией другого литературного еженедельника — «Nouvelles Littéraires».

На этот вопрос ответило девять писателей разного возраста. Почти все они заявили, что видят в Толстом не только великого художника прошлого, но и своего непосредственного литературного учителя. «Самое решительное влияние,— заявил *М. Дрюон.*— Я почти уверен даже, что именно чтение произведений Толстого внушило мне желание писать романы» («Nouvelles Littéraires», 1960, 22.XII). «То немногое, чем я являюсь, не существовало бы без „Войны и мира", „Крейцеровой сонаты", „Воскресения". Открытие Толстого было величайшим литературным потрясением моей юности»,— заявил один из крупнейших реалистов современной Франции *Ф. Эриа*. Член Французской академии *А. Труайа* подчеркнул значение идейно-эстетических заветов Толстого в борьбе с современным формалистическим и декадентским искусством. «В наше время, когда литература стоит перед угрозой превращения в пустую игру ума, изощренное трюкачество и эпатаж буржуазии, возвращение к Толстому мне кажется безусловно разумным и необходимым...» (ibid.).

Разумеется, далеко не всякому писателю, считающему себя учеником Толстого, удавалось в своем творчестве стать продолжателем его традиций. Любопытно в этом смысле признание *Ф. Мориака*: «„Война и мир" и „Анна Каренина" значили для меня в дни моей молодости более, чем другие романы. Я могу лишь констатировать, что, тоскуя по длинному роману, который был бы „целым миром", подобно „Войне и миру", я писал только короткие» (ibid.).

Многие современные писатели (*А. Труайа*, *Р. Икор*, *Ф. Эриа*, *Ж. Кессель* и др.), так же как их предшественники, с благодарностью отмечают «высокую человечность» Толстого. Существенно, что эти писатели отнюдь не связывают высокий нравственный авторитет писателя с его религиозной философией.

Так, *П. Гаскар* признал влияние на него «великодушия и гуманизма» Толстого, толстовской мысли, «освобожденной от деизма» (ibid.).

Интересно также заявление *Р. Икора* о том, что «чтение произведений Толстого помогло ему избавиться от толстовства». «Великие произведения Толстого,— писал Икор,— и в первую очередь „Война и мир", раскрыли передо мной мир, противоположный мистическим туманностям, классический без сухости, романтический без иллюзий» (ibid.).

Подчеркивая значение Толстого-художника, отдельные писатели порой противопоставляли его мировоззрение творческому методу. Однако

в дни толстовской годовщины настойчиво раздались протесты против такого разграничения.

Тот же Икор, критическое замечание которого о «толстовстве» приводилось выше, не просто отбрасывает раздражающую его религиозную философию писателя, но пытается разобраться в ее истоках. «В основе самых сомнительных анархистских и анархо-синдикалистских излияний Толстого лежит любовь к человеку и благородство, а ведь многие из нас утратили к этому интерес»,— утверждает он в другой статье («France—URSS», 1960, № 178).

Знаменательно, что из двадцати трех писателей, приславших ответ, не оказалось ни одного, кто, подобно некоторым участникам конференции в Венеции, увидел бы главную заслугу Толстого в утверждении им религиозных идей.

* * *

«Любите ли вы Толстого?» — с таким вопросом обратилас редакция журнала «France—URSS» к десяти молодым французским писателям. Большинство из них утвердительно ответило на этот вопрос.

«Случайно ли я открыл для себя Толстого в такое время, когда мое поколение, прошедшее войну и приученное к скрытности, оказалось не в силах справиться с задачами только что наступившей мирной жизни? Или это было неизбежно по самому ходу вещей? Может быть, Толстой обладает такой властью, такой силой воздействия, что обращение к нему становится необходимым и неизбежным? Во всяком случае, в моих поисках жизненного пути решающую роль сыграла безграничная мощь „Войны и мира“ <...>, величайшего литературного памятника всех времен»,— писал *М. Брюзо*.

Элен *Пармелен*, считая невозможным односложно ответить на этот вопрос, попыталась рассказать о том, какое место занимают произведения Толстого в ее жизни. «„Война и мир“<...> Я настолько хорошо помню эту книгу, перечитываю ее так часто — во французском переводе,— что скоро смогу читать ее на русском языке, хотя плохо его знаю<...> И не только „Война и мир“. Кажется, я ни разу не прошла тихим полем или лесом, не испытав ощущения, будто прохожу по описанным в книге Толстого местам охоты, не встречалась со смертью — без мысли об Иване Ильиче и князе Андрее... Если любовь к писателю зависит от того, какое место занимает он в мыслях — раздумьях, воспоминаниях, ассоциациях идей <...> — тогда я люблю Толстого. Но эти слова звучат так же странно, как если бы рыба сказала: „Я люблю море“».

М. Понс писал, что любит Толстого за благородный социальный пафос его творчества, «за то, что он прожил жизнь, как Э. Золя, негодуя против несправедливости и борясь за счастье, за его писательскую щедрость, за мужество перед лицом властей. Его нельзя не любить».

Ответы молодых писателей свидетельствуют о том, что для них (как и для большинства писателей старшего поколения) искусство Толстого является источником живых творческих поисков и плодотворных размышлений. Так, *М. Брюзо*, ответ которого приводится выше, рассуждая о развитии эпических традиций Толстого в современной литературе, признается в своей мечте «написать роман, подобный „Войне и миру“, где бы столкнулись массовые движения нашей эпохи, написать книгу в масштабе континентов, которые станут братьями, в масштабе человека, который уже рождается, в масштабе его страданий и надежд».

Другая молодая писательница, Ита *Гассель*, размышляя о современных приемах лепки художественного образа, также обращается к искусству Толстого («France—URSS», 1960, № 178, IX, p. 36—37).

* * *

Накануне пятидесятой годовщины со дня смерти писателя директор комнаты-музея Толстого при Национальной библиотеке Жаклин *де Пруайар* сделала интересную попытку проанализировать отношение к Толстому — художнику и религиозному мыслителю — широких кругов современных французов — ученых и предпринимателей, школьников и студентов, жителей столицы и провинции.

В результате соответствующего опроса де Пруайар пришла к следующим выводам.

«Имя Толстого имеет широчайшую известность в современной Франции, известность, просто удивительную для иностранного писателя <...> Для широких масс французов Толстой сегодня — это автор „Войны и мира" <...> После второй мировой войны,— возможно благодаря демократизации системы образования, с одной стороны, и тому международному значению, которое приобрел Советский Союз, с другой, — Толстой стал известен в тех слоях населения, которые раньше о нем даже не слыхали <...> Толстой — один из самых популярных авторов среди молодежи от четырнадцати до двадцати пяти лет».

Что касается религиозной философии Толстого, то, как показали ответы, «люди старшего поколения, которых Толстой потряс в юности, совсем не знают Толстого — религиозного мыслителя и горячо чтут Толстого — художника-реалиста. Молодые читатели не приемлют исторического фатализма писателя и находят его философию устаревшей».

Таковы материалы четырех литературных опросов, проведенных во Франции в дни пятидесятилетней годовщины смерти писателя. Материалы эти показывают, что глубокое уважение и любовь к личности и творчеству Толстого, которые испытывали французские писатели, еще бывшие его современниками (как А. Франс и Р. Роллан), разделяет и большинство современных писателей.

Многие литераторы сегодняшней Франции заявили о своем стремлении следовать великим традициям искусства Толстого — искусства беспощадной жизненной правды, гуманизма и широких эпических обобщений.

* * *

В отличие от большинства писателей и читателей, увлеченных Толстым — великим художником-реалистом, несколько французских исследователей сосредоточило свое внимание на религиозных исканиях писателя.

Характерна в этом отношении монография *Н. Вейсбейна* «Религиозная эволюция Толстого» («Evolution Religieuse de Tolstoï». Paris, 1960). Вейсбейн исходит из чисто идеалистической концепции о полной независимости духовного развития писателя от условий общественной жизни. «Каждый мыслитель, каждый философ принадлежит прежде всего самому себе, в нем самом находятся истоки его творчества. Так обстоит дело и с Толстым. Конечно, можно говорить об источниках толстовской мысли, но следует с самого начала понять, что у Толстого, в сущности, есть только один источник — его личность <...> Поэтому можно утверждать, что автор „Исповеди", „Царства божия внутри вас" и „Воскресения" пришел к своим убеждениям не вследствие накопления знаний, усвоения понятий извне, постижения истины или отдельных истин, а лишь благодаря непрерывному самоуглублению и все более близкому общению с собственной правдой» (р. 430—431).

Идеалистическая и антиисторическая концепция, из которой исходил автор, лишила его возможности объяснить важнейшие факты жизни и духовной эволюции Толстого. Так, разрыв писателя с церковью объясняется в книге лишь субъективно-психологическими причинами — его неспособ-

ностью верить в чудеса, загробную жизнь и т. п. В то же время автор не видит важнейших общественных причин, обусловивших этот разрыв (отношения Толстого к церкви как к орудию обмана и эксплуатации народа).

Книга Вейсбейна полемически направлена против критиков, которые сводят «религию Толстого» к этике и видят в религиозных исканиях писателя продолжение его моральных и социальных поисков. По мнению автора книги, «мысль Толстого — это прежде всего мысль религиозная в этимологическом смысле этого слова — в смысле связи, контакта с богом. Его нравственное учение — лишь следствие, вывод из его религиозных взглядов» (p. 464).

Стремясь представить Толстого в роли религиозного метафизика, Вейсбейн подробно анализирует его отношение к таким религиозно-метафизическим проблемам, как вера в чудеса, троицу, бессмертие души. Об этическом же и социальном содержании религиозных исканий писателя говорится лишь в заключительной части монографии.

В конце книги автор пытается доказать, что общеизвестный факт отлучения Толстого от церкви, с возмущением встреченный всей передовой общественностью, «вовсе не означал ни отлучения, ни анафемы, а в сущности, можно сказать, имела место лишь констатация отпадения писателя от церкви, ему было сделано последнее увещание, публичное и торжественное» (p. 374).

Тенденциозным стремлением смягчить непримиримый конфликт Толстого с православной церковью и показать, вопреки фактам, что писатель в последние годы своей жизни встал на путь примирения с официальной религией, проникнута вся заключительная часть книги Вейсбейна.

* * *

Незадолго до годовщины, в 1959 г., во Франции была издана биография Толстого, принадлежащая перу бельгийского писателя *Д. Жиллеса* (D. G i l l ѐ s. L. Tolstoï. Paris, 1959). Она принадлежит к тому распространенному за рубежом типу биографий, авторы которых сосредоточивают внимание в основном на событиях личной жизни писателя. Сложная идейная эволюция Толстого, его отношения с современным ему буржуазным обществом и государством в книге Жиллеса освещены весьма слабо.

Рисуя жизнь Толстого после «перелома», Жиллес, так же как Вейсбейн, изображает его человеком, целиком погрузившимся в религию, чуждавшимся всякой иной творческой и общественной деятельности.

* * *

Нельзя не отметить также книгу Софи *Лаффит* «Лев Толстой и его современники» (Sophie L a f f i t t e. Léon Tolstoï et ses Contemporains. Paris, 1960). Целью автора было «осветить разные грани личности Толстого, показывая его во взаимоотношениях с наиболее выдающимися из его современников» (p. 16).

По своему жанру эта книга полунаучного, полубеллетристического характера. Лаффит монтирует документальные материалы (в работе использовано большое количество писем, дневников, воспоминаний современников) так, что они образуют связное повествование. На основании писем А. А. Толстой (тетки писателя) автор конструирует ее беседы с Достоевским и Н. Н. Страховым о Толстом.

Резкое возражение вызывает концепция личности и творчества Толстого, излагаемая Лаффит во введении. Великого писателя-гуманиста она пытается представить «чудовищным эгоистом и сверхчеловеком», сосредоточенным только на собственной личности, бесконечно далеким от всех людей, даже родных и друзей. «Окруженный славой, почетом, преклонением, он всегда оставался одиноким <...> Целиком сосредоточенный на

идее внутреннего самоусовершенствования, он отдаляется от людей. Впрочем, интересовали ли они его когда-нибудь?» (p. 15).

Из этой же концепции исходит Лаффит, рисуя в последующих главах отношения Толстого с Тургеневым, Достоевским и Чеховым. На протяжении всей работы подчеркивается мысль о духовном одиночестве Толстого, о противоположности его взглядов идейным устремлениям современников. При этом взгляды писателя заметно искажаются. Так, например, Лаффит пишет: «В противоположность Тургеневу, политика не имела над ним никакой власти. Единственное, что его занимало и поглощало,— это невероятная сложность его собственной внутренней жизни<...> Его мировоззрение было совсем иным: грубым, антиобщественным, но высокоморальным и даже героическим» (p. 31—36).

Глава-эпилог «Антитолстовцы Горький и Ленин» целиком построена на вымышленном писательницей диалоге между В. И. Лениным и М. Горьким о Толстом. Глава эта содержит немало путаного и неверного. В ряде случаев писательница вкладывает в уста собеседников суждения, которые они никогда не могли бы произнести. Так, например, в одном из придуманных ею диалогов Ленин оценивает Толстого «как великого художника и упрямого защитника своего класса» (p. 241) *.

* * *

Два крупных французских периодических издания — прогрессивный ежемесячный журнал «Europe» и еженедельник «Nouvelles Littéraires» подготовили осенью 1960 г. специальные выпуски, посвященные пятидесятой годовщине со дня смерти писателя.

Журнал «Europe», основанный Р. Ролланом и Ж. Р. Блоком, всегда уделял большое внимание изучению творчества Толстого. В 1928 г., когда праздновалась столетняя годовщина со дня рождения писателя, был выпущен специально посвященный Толстому номер журнала, содержавший ценные документальные материалы и статьи о его творчестве (№ 66-67, 15.VII). Полувековую годовщину смерти писателя редакция также ознаменовала выпуском специального номера (1960, № 379-380, XI—XII), который включает статьи и материалы двадцати французских писателей и литературоведов. «Мы гордимся, хотя, может быть, наивно, тем, что сумели собрать в этом номере труды почти всех современных литературоведов Франции, которые заняты исследованием творчества Толстого, университетских ученых, увенчанных лаврами, и начинающих критиков, имена знаменитые и еще малоизвестные»,— пишет главный редактор журнала *П. Абраам* (p. 56).

«Никогда еще писатель не наблюдал человечество столь проницательным взором,— писал *А. Моруа* в статье, открывающей номер и озаглавленной «Мой герой — правда». — Бальзак по-своему также велик.

---

* Ложная концепция личности и творчества Толстого, развитая в книге Лаффит, была доведена до крайности в работе Эме *Александр* «Миф о Толстом» (Aimée Alexandre. Le Myth de Tolstoï. Paris, 1960). Книга Александр, имеющая подзаголовок «Опыт психологической биографии», искажает духовный облик великого русского писателя. Автор «биографии» пытается убедить читателя, что основными чертами характера Толстого были честолюбие, страх смерти и безжалостное равнодушие к близким и всем людям вообще, а единственным стимулом его идейных исканий и деятельности была «жажда славы»: «Жажда славы была проклятьем Толстого, и этой жажде не было утоления» (p. 46) и т. д. Подобные назойливые и бездоказательные утверждения повторяются на всем протяжении книги. Так, автор заявляет, что Толстой покинул университет только потому, что не мог примириться «с положением посредственного студента, затерявшегося в толпе других посредственных студентов» (p. 27); его обращение к вопросам религии опять-таки связывается с «неуемной жаждой славы»; автор пытается всячески принизить Толстого-человека, «обнаруживая» в глубоком гуманизме писателя проявления лицемерия и честолюбия.

Но Бальзак немного искажает и почти всегда преувеличивает действительность. Толстой же изображает именно то, что видит с сияющей свежестью и безжалостной точностью». За статьей *А. Мазона* «Созидатель собора», дающей высокую оценку «Воскресению», следует статья известного бельгийского писателя *Ф. Элленса* «Величие и гуманизм», утверждающая значение гуманистических традиций Толстого, чьи произведения укрепляют ум и характер читателя, воспитывают в нем человечность.

Однако не со всеми положениями этой интересной статьи можно согласиться. Ее основной смысл — в резком противопоставлении Толстого-гуманиста Достоевскому, который односторонне рассматривается автором статьи лишь как выразитель болезненно-ущербного направления в литературе. «Между Толстым и Достоевским,— пишет Элленс,— зияет пропасть, подобная образовавшейся в великий век греческой литературы между философами — предшественниками Сократа и софистами, приблизившими период упадка» (р. 20).

После этих статей общего характера «Europe» (продолжая традицию, начатую в 1928 г. в выпуске, посвященном столетию со дня рождения писателя) публикует документальные материалы: переписку *Р. Роллана* с Толстым и запись, извлеченную из неизданного дневника Роллана (1911), о семейной драме Толстого, отрывки из записных книжек (о «Смерти Ивана Ильича» и «Войне и мире») *Ж. Р. Блока* и его письмо к Р. Роллану от 7 августа 1911 г. (после получения только что вышедшей книги Роллана «Жизнь Толстого»). В этом письме привлекает внимание высокая оценка моральных исканий и нравственного авторитета Толстого для современного мира.

«Еретический евангелизм Толстого,— пишет Блок,— это прекраснейшее проявление человечности за долгие годы. Что остается рядом с ним от болтливого мистицизма Гюисмансов, Коппе, Леонов Блуа <...>, от красивых фраз Ницше? <...> Ваша книга заставила меня понять, что Толстой первый или, по крайней мере, самый могучий из тех апостолов, которые заговорили современным языком со страдальцами современного нам мира» (р. 47).

В записи Блока «О „Войне и мире“» (1941) содержится оценка философии истории Толстого в свете опыта второй мировой войны. В противоположность многим критикам, отрицавшим значение историко-философских идей Толстого, Блок подчеркивает их важность и актуальность.

Отметим, что утверждение главного редактора журнала П. Абраама (брата Ж. Р. Блока), будто вся «переписка основателей журнала с Толстым публикуется впервые», далеко не точно. Письма Р. Роллана к Толстому были впервые опубликованы на русском языке (в отрывках) Л. П. Гроссманом в книге «Собеседник Толстого» (М., 1928) и в «Лит. наследстве» (т. 31-32, 1937, стр. 1008—1010). Письмо, посланное в сентябре 1887 г., было приведено там полностью; письмо от 16 апреля 1887 г.— в сокращенном виде (полную публикацию его см. в кн. 1-й настоящ. тома). Ответное письмо Толстого (от 3 октября 1887 г.) было впервые напечатано по-русски в 1888 г. под заглавием «О ручном труде и умственной деятельности» (журнал «Неделя», № 46).

Следующий раздел юбилейного номера «Europe» содержит статьи, характеризующие современную Толстому Россию и обстоятельства жизни писателя. Сюда входят и воспоминания *В. Лебрена*, знавшего Толстого в последние годы его жизни.

Несколько статей (Софи *Лаффит* «Толстой и французские писатели», *Э. Ларошфуко* «Толстой и Валери», *Л. Псишари* «Гете России» и др.) рассматривают связи Толстого с французами. Псишари стремится показать близость антимилитаристских идей Толстого ко взглядам А. Франса и Ж. Жореса.

В ряде других статей мы находим признание значения Толстого как критика основ буржуазного общества.

Многим работам, опубликованным в «Europe», присущ историзм, стремление раскрыть творчество Толстого в неразрывной связи с эпохой. В противоположность этому, в статье *Н. Вейсбейна* «Проблемы смерти и любви» творчество Толстого рассматривается абстрактно, безотносительно к тому времени, в которое он жил. По мнению автора, не социальные и моральные проблемы, а страх смерти составлял главное содержание жизни Толстого, начиная с ранней юности. «Можно с уверенностью утверждать,— заявляет Вейсбейн,— что во всем творчестве Толстого доминирует, во-первых, проблема смерти, во-вторых — проблема любви» (p. 202). Даже в таком обличительном произведении, как «Смерть Ивана Ильича», автора статьи интересует лишь клиническая история болезни главного героя, а не то огромное общественное и моральное звучание, которое приобрела под пером Толстого эта тема.

В юбилейном номере «Europe» мы находим также отдельные статьи о международном влиянии Толстого (*Н. Дончев* «Толстой в Болгарии» и *Л. Задражил* «Толстой в Чехословакии»), сообщение о юбилейной выставке, устроенной в Национальной библиотеке, и, в приложении, краткую хронологию жизни писателя.

* * *

Специальный толстовский номер, богато иллюстрированный репродукциями художественных и документально-фотографических материалов, был подготовлен также литературным еженедельником «Nouvelles Littéraires» (1960, 15.XII).

В обширной статье профессора Дижонского университета *Ш. Корбе* «Судьба свободного человека» описывается творческий путь писателя. В отличие от Вейсбейна и Жиллеса, которые изображают Толстого в последний период его жизни каким-то ушедшим в себя религиозным отшельником, Корбе дал верную характеристику этого периода творческой и общественной деятельности писателя. «Роман „Воскресение“<...> — свидетельство прямого вмешательства Толстого в самые жгучие вопросы современности<...> Великий поборник непротивления вступил теперь в фазу борьбы против всех сил традиции и реакции. Его методы борьбы были противоположны методам социал-демократии, но он помог последней своей критикой общества, опиравшейся на авторитет первого писателя земли русской» («Nouvelles Littéraires», 1960, 15.XII).

Под рубрикой «Неизданные документы» помещены письма Толстого к Т. А. Ергольской (от 12.I 1852 г.) и к О. Мирбо (от 30.IX/13.X 1903 г.). Редакция допустила неточность: оба письма напечатаны в Полном собрании сочинений Толстого (т. 59, стр. 159 и т. 73, стр. 194). В этом и следующем номере опубликованы отрывки из воспоминаний о Толстом *В. Лебрена* «Глазами секретаря» (ibid., p. 9).

Отношению Толстого к русскому крестьянству и литературным связям писателя со своими предшественниками посвящена статья *А. Мазона* «Помещик и крестьяне». Автор видит в Толстом продолжателя лучших традиций русской литературы в изображении народа. По мнению Мазона, мысль о рабском существовании и нищенских условиях жизни народа, «начиная с середины XVIII века вплоть до революции 1917 г. не переставала тревожить лучших людей из дворян: Радищева в „Путешествии из Петербурга в Москву“, Гоголя в „Мертвых душах“, Тургенева в „Записках охотника“, Некрасова в поэме „Мороз, Красный нос“ и множестве других стихотворений, Салтыкова в „Письмах из провинции“ и сатирических произведениях, Толстого — постоянно, на протяжении всего его творчества и всей его жизни, состав-

ляющих единое целое. Отношение к этому у разных писателей было разное: трезвое на манер Лабрюйера у Радищева, сочувственное и чудесно-живое у Тургенева, язвительное и в то же время человечное у Гоголя, неотступно мятежное у Некрасова, безжалостно-суровое у Салтыкова, у Толстого — просто правдивое, серьезное и волнующее». Мазон прослеживает жизненный путь Толстого, выделяя те этапы (участие в Севастопольской кампании, работа в яснополянской школе), на которых Толстой глубже постигал жизнь народа. Статья Мазона представляет особый интерес как одна из немногих работ современных французских исследователей, где говорится о взаимоотношениях Толстого с народом (ibid., p. 7).

Журнал уделил также внимание связям Толстого с французской литературой, поместив статьи *Г. Баяра* «Толстой и Франция» (p. 9) и *М. Окутюрье* «Искусство на службе жизни» (p. 10). Особенный интерес представляет статья Окутюрье, который полемизирует с исследователями, утверждавшими, будто творчество Достоевского больше повлияло на французскую литературу, чем творчество Толстого. «Влияние Достоевского легко распознается, влияние Толстого менее очевидно, но, быть может, более решительно. Там, где Достоевский захватывает сразу, Толстой побеждает без насилия, почти незаметно для читателя. Ныне необязательно читать Толстого, чтобы оказаться в числе его последователей. Приемы, которые он ввел в литературу, теперь входят в основу современной техники романа».

К числу этих приемов художественного изображения, которым Толстой положил начало, критик относит «внутренние монологи, освещающие поток сознания и выявляющие тот непрерывный процесс внутренней жизни, который Чернышевский и назвал диалектикой души; эпическую композицию — просторную и медлительную, соответствующую движению самой жизни, а не ускоренному темпу драмы; детальнейшие описания и обилие точных и конкретных подробностей<...>, умение раскрыть душу героя через жесты, обыкновенные, повседневные разговоры и, в то же время, умение использовать тончайшие оттенки, едва заметные улыбки и движения глаз, обрывки фраз, вырвавшихся во сне или в бреду, произнесенных бессознательно и некстати».

Признавая, что в настоящее время некоторые из этих приемов утратили свою новизну, Окутюрье вместе с тем утверждает, что с Толстым до сих пор никто не может сравниться по разнообразию художественных средств, содержащихся в его произведениях.

Несколько статей посвящено отдельным сторонам творчества писателя. Жаклин *де Пруайар* в очерке «Друг детей» анализирует творчество Толстого-педагога и детского писателя-психолога (ibid., p. 7). Нина *Гурфинкель* пишет о пьесах Толстого («Толстой-драматург», ibid., p. 11).

В специальном номере «Nouvelles Littéraires» не появилось ни одной работы французского автора, где бы давалась характеристика Толстого — обличителя буржуазного общества. Этот пробел восполняется, в известной степени, переводом большой статьи *Н. К. Гудзия* «Творить, чтобы понимать» (p. 1, 10).

Не все опубликованные в «Nouvelles Littéraires» материалы отличаются научной объективностью. Автор заметки «Толстой и современная Россия» *П. Гард*, отдавая должное советским ученым, подготовившим девяностотомное собрание сочинений писателя, в то же время огульно и бездоказательно отрицает всю остальную многообразную работу советских литературоведов, которые, по его мнению, не решаются переступить рамки статей Ленина о Толстом и предпочитают обходить многие сложные проблемы творчества и мировоззрения Толстого или трактовать их частично и односторонне. Трудно сказать, чего больше в этом несправедливом суждении: незнания автором основных исследований советских ученых или враждебности к ленинской концепции творчества Толстого.

Кроме упомянутых специальных выпусков, статьи о Толстом появились в десятках газет и журналов различных направлений, в том числе и в католической прессе. Так, например, Толстому как религиозному мыслителю посвящено было несколько статей в журнале «Preuves». В одной из них, «Толстой и Христос», принадлежащей перу известного католического поэта и критика *П. Эммануэля*, Толстой (вслед за Святейшим синодом) осуждается за стремление критически подойти к догматам христианской церкви. В духовных исканиях русского писателя Эммануэль увидел свидетельство мучительной и отравленной страхом борьбы с разумом, с одной стороны, с непобедимым Христом — с другой, которое должно «развеять легенду о душевном здоровье и нормальности Толстого» («Preuves», 1960, № 115, IX, p. 52). В статье *Д. Жиллеса* «Толстой вопрошает смерть» великий писатель изображен человеком, на протяжении всего жизненного пути поглощенным мыслями о смерти и лишь перед кончиной сумевшим преодолеть свой страх перед ней (ibid., № 118, XII, p. 40—47).

Для статей прогрессивных журналистов, напечатанных в дни годовщины, характерен глубокий интерес к работам В. И. Ленина о Толстом, конкретно-исторический анализ творчества писателя, стремление раскрыть величие Толстого как художника реалистического направления, неутомимого пропагандиста идей мира и братства между народами.

Среди таких работ выделяется статья журналиста *Ю. Жуэна* «Л. Н. Толстой», в которой убедительно показан подлинный облик писателя — заклятого врага царского самодержавия («Horizons», 1960, № 110-111, VII—VIII, p. 132—142). Статья Жуэна направлена против реакционно-буржуазных легенд о Толстом — богобоязненном старце и непротивленце. «Нет, не деревенского простака стерегли царские жандармы в Астапове,— пишет Жуэн,— не на деревенского простака хотел обрушиться посланный Синодом настоятель монастыря Оптина пустынь — полковник в отставке. Юродивому мужику дали бы умереть спокойно, но нельзя было позволить умереть среди народа обличителю и реалисту, другому Толстому — антитолстовцу. Ленин прав. Толстой — „зеркало русской революции“» (p. 136). «Для русских Толстой воплощал в себе надежду на лучшую жизнь и волю к миру<...> Толстой внушил русским людям ужас и отвращение к войне и смертной казни. Толстой никогда не забывал Севастополя и бастионов смерти» (p. 140).

Коммунистическая пресса Франции отметила пятидесятилетие со дня смерти Толстого несколькими содержательными статьями, уделив особое внимание роману «Война и мир» и «Севастопольским рассказам». *П. Абраам* в статье «„Война и мир“ — книга, которую перечитываешь без конца» показал, насколько близок этот роман современным французам. «В самые черные дни войны 1914—1918 гг., когда мои товарищи по эскадрилье гибли один за другим под ударами вражеской артиллерии и истребителей, я не расставался с этой книгой» («Humanité», 24.XI 1960).

Следует подчеркнуть, что критики-коммунисты, говоря об антимилитаризме Толстого, отнюдь не превращали автора «Войны и мира» в противника всякой войны, в том числе и войны освободительной. Характерны в этом смысле размышления Абраама в рассматриваемой статье. «В настоящее время, когда не проходит недели, чтобы в какой-нибудь провинциальной газете не появилось сообщения о гибели молодых французов в Алжире, я перечитываю вновь эту бессмертную книгу. Меня привлекают мысли, внушенные Толстому войной, особенно следующий отрывок, который я позволю себе процитировать» (далее следуют известные слова Толстого о народной освободительной войне — т. 12, стр. 118—120).

Так, в глазах передового французского писателя Толстой как бы оказался защитником справедливой народной войны, которую вели алжирцы за свое освобождение от колониальной зависимости.

Это высказывание интересно и в том отношении, что показывает, насколько живо и с какой эмоциональностью воспринимают французы Толстого в наши дни.

Для Абраама, как и для многих других, Толстой — писатель, помогающий разобраться в самых волнующих событиях современности. Видный передовой писатель *А. Стиль*, также писавший об эпопее Толстого, пытался проследить эволюцию жанра романа о войне от «Войны и мира» до «Коммунистов» Л. Арагона («Humanité», 9.VI 1960).

Историко-литературное значение «Севастопольских рассказов» рассматривается в содержательной статье критика-коммуниста *П. Лескюра*, который объясняет новаторство Толстого тем, что этот «репортаж с поля боя ⟨...⟩ был написан человеком, который жил среди сражавшихся солдат и вместе с ними воевал, но не удовлетворился простым перечислением и описанием событий в духе журнальной хроники, а впервые попытался раскрыть движение истории в сложных и противоречивых поступках и характерах людей, которые его окружали». Лескюр придает также большое значение новому приему: включению в художественные произведения документальных материалов. «Для Толстого, как впоследствии для социалистических реалистов, документы уже входят в историю человеческих судеб и потому осмысляются как проявление художественной правды ⟨...⟩ К „Севастопольским рассказам" должны обращаться все романисты, чтобы совершенствовать свое мастерство, и все читатели, чтобы научиться лучше видеть окружающее» («France Nouvelle», 1960, 6.VII, p. 22).

* * *

Чествование памяти Толстого во Франции — замечательное свидетельство любви к русскому писателю широких кругов французской литературной и научной общественности и всего французского народа.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Творчество Толстого связано со всей новейшей историей чешского и словацкого народов и является неотъемлемой частью их национальной культуры. Вот почему в Чехии и Словакии с огромной теплотой отмечалось пятидесятилетие со дня смерти писателя.

Юбилейные дни показали, что в Чехословакии наметился поворот к глубокому изучению влияния Толстого на развитие отечественной литературы и общественной мысли. В архивах и библиотеках Чехословакии были выявлены ценные материалы, остававшиеся до последнего времени неизученными. Накануне годовщины была проделана большая работа по подготовке библиографии произведений Толстого на чешском и словацком языках, а также по выявлению и обработке архивных документов, связанных с деятельностью близких друзей Толстого, особенно Д. П. Маковицкого и А. Шкарвана. Большую работу при подготовке библиографии произведений Толстого на чешском языке, а также при изучении влияния литературного творчества Толстого на развитие чешской культуры и литературы сделал профессор Карлова университета академик *Ю. Доланский. С. Колафа* обработал архив Д. П. Маковицкого, хранящийся в фондах Литературного архива «Памятник национальной письменности» в Праге (см. стр. 593—607 кн. 1-й настоящ. тома).

Большая работа была проделана и в области изучения художественного наследия Толстого в Чехословакии, а также проблем, связанных с влиянием Толстого на развитие общественной мысли. Даже простое перечисление статей о Толстом, появившихся осенью 1960 г. в чехословацких газетах и журналах, заняло бы очень много места — настолько широко

отмечался его юбилей в Чехословацкой Социалистической Республике. Отметим из них только наиболее значительные.

Журнал «Praha—Moskva» в юбилейные дни напечатал статью *Ю. Доланского* «Наш Толстой», в которой, наряду с общим значением Толстого-художника и мыслителя, было раскрыто также значение творчества писателя в культурной жизни чехословацкого народа (№ 11).

Журнал «Národní Divadlo» остановил внимание читателей на драматургии Толстого, особенно на его последней драме. В № 4 напечатаны некоторые документы, выдержки из дневников и писем Толстого, освещающие творческую историю «Живого трупа», даны выполненные чешскими художниками эскизы костюмов главных действующих лиц пьесы. «Живой труп» рассматривается автором статьи как новый тип драмы, определяющей чертой которой является «кинематографичность». Там же помещена статья *Ф. Кубки* «Л. Н. Толстой в борьбе за мир», в которой говорится, что имя Толстого входит в почетный календарь борцов за мир.

О значении Толстого-педагога писал журнал для учителей народных школ «Komenský» (№ 5).

Молодежный журнал «Zlatý Máj» (№ 10) опубликовал статью *З. Клатика* «Гигант русской литературы», в которой раскрывается значение Толстого как писателя для детей.

На страницах журнала «Slovanský Přehled» (№ 6) была помещена информация «Толстой и современный французский роман».

Необходимо отметить также специальный номер журнала «Československá Rusistika» (№ 4), содержащий работы о художественных произведениях и творческом методе Толстого и о его чешских и словацких связях.

Р. Паролек, автор статьи «Л. Н. Толстой и некоторые особенности русского реализма», характерным свойством русской литературы считает ее близость к революционному движению. Он рассматривает творчество Толстого как выражение этой главной особенности русской литературы.

В статье *М. Еглички* «Композиционно-тематическая структура рассказа Л. Н. Толстого „Набег“» дан тонкий анализ художественной структуры военного рассказа Толстого. Автор показывает, как с помощью различных композиционных приемов Толстой добивается соединения эпической объективности с субъективным авторским отношением к изображаемому.

В журнале помещена также статья *С. Колафы* и *О. Степановой*, в которой опубликованы некоторые эпистолярные материалы. Переписка Толстого с его друзьями в Чехии и Словакии справедливо рассматривается как важный источник для изучения взаимоотношений между представителями народов Чехословакии и великим русским писателем и мыслителем. Если письма Толстого неоднократно воспроизводились в печати, то письма его чешских и словацких корреспондентов большей частью лишь впервые опубликованы в рассматриваемом номере журнала. Выраженное в письмах чувство любви к Толстому трогает своей искренней непосредственностью. Вот, например, поздравление простого труженика *Й. Обратила* по случаю восьмидесятилетия Толстого (письмо приводится со всеми особенностями орфографии автора):

«И я неимущий и необразованный поденщик рад, чтобы Вам приносить мое и моих товарищей сердечное поздравление к Вашему 80-годовалому дню рождения. Господь Бог благослови Ваше многолетнее дело бессмертное за больное человечество. Я бедный и необразованный человек и жаждующий желание мое прибыть иногда в Россию, посетить Вас и расцеловать Вам руки Ваши. Я учусь сам без учителя по-русски, однако же знаю мало. Я чех и желаю братскому народу русскому — Бог храни еще многие лета батюшку Толстого...».

В письмах к Толстому содержатся самые различные просьбы: сотрудничать в чешской печати, дать оценку философии П. Хельчицкого,

АФИША ВЫСТАВКИ, ПОСВЯЩЕННОЙ ТОЛСТОМУ. БРАТИСЛАВА, 22 МАЯ 1961 г.
Музей Толстого, Москва

выразить свое отношение к педагогике и т. п. К. Велеминский, например, обращается к Толстому за педагогическими советами и при этом пишет: «Мы ставим ваши „Педагогические статьи" наряду с сочинениями Коменского и радуемся тому именно факту, что второй славянский педагог является, как и первый, освободителем ребенка».

В юбилейном году в Чехословакии было издано также несколько специальных исследований о Толстом. Прежде всего, здесь необходимо отметить библиографический указатель «Лев Николаевич Толстой», составленный *Ю. Доланским* и *О. Иречковой* («Lev Nikolajevič Tolstoj». Praha, 1960). Указателю предпосланы небольшая общая статья о Толстом, отрывки из некоторых произведений писателя, а также посвященные ему стихи чешских поэтов. Затем следует библиография произведений Толстого на чешском языке и свод литературы о писателе, включающий работы русских и чехословацких исследователей и ученых других стран.

В том же году вышла в Праге монография *Ю. Доланского* «Мастера русского реализма у нас», где Толстому отведена специальная глава (J. D o l a n s k ý. Mistři ruského realismu u nás. Praha, 1960, str. 281—388). В своем исследовании Доланский исходит из ленинской оценки Толстого и ставит задачей проследить, как складывались отношения чехов к русскому писателю. Серьезная и обстоятельная работа Доланского уже получила положительные отзывы в чешской критике.

Другим ценным изданием является сборник статей «Отзывы о Л. Н. Толстом в Словакии» («Z ohlasov L. N. Tolstého na Slovansku». — «Slovenské štúdie», IV. 1960, Vyd. Slovenskej Akadémie Vied. Bratislava, 1960). Стихотворение словацкого поэта *П. О. Гвездослава*, которым открывается эта

книга, подчеркивает юбилейный характер издания. Среди авторов сборника есть и советские исследователи: *Н. А. Кондрашов* выступил с заметкой о первом словацком переводе романа «Воскресение», *Т. Н. Архангельская* — с сообщением о произведениях чешской и словацкой литератур в личной библиотеке Толстого.

Статья *С. Колафы* «Некоторые вопросы толстовства» как бы раскрывает методологическую основу всех работ, включенных в сборник. Колафа рассматривает толстовство как определенный тип идеологии, возникающий при бурном развитии капитализма в странах с «патриархальным» общественным укладом. Зародившись в России, этот тип идеологии появляется и в других странах, где имеются условия для его возникновения, но под воздействием уже сформировавшихся идей Толстого.

Такое определение толстовства облегчает, по мнению автора, решение вопроса о причинах влияния Толстого в Чехословакии.

В статье *Ю. Клаучо* «О влиянии творчества Л. Н. Толстого на деятельность „Детвана" и на программу гласистов» освещается роль Толстого в политической жизни Словакии прошлого века. В тот период, когда творчество Толстого приобрело широкое признание, в Словакии выступил на историческую арену класс буржуазии. Глашатаем ее идеологии становится интеллигенция, организовавшая ряд политических группировок. Группа «Детван» (иначе — гласистов) в своей политической деятельности часто опиралась на учение и творчество Толстого, используя толстовскую критику «привилегированных». Из группы гласистов вышли толстовцы, тесно связавшие свою жизнь с русским писателем: Д. П. Маковицкий и А. Шкарван. Однако большинство гласистов вскоре отошло от Толстого.

В сборнике напечатан ряд других работ о чехословацких толстовцах и их деятельности: «Жизнь и творчество Душана Маковицкого» *С. Колафы* и «Заметки к переводам Маковицкого произведений Л. Н. Толстого» *А. Поповича*; анализ биографических романов *Э. Гольца (П. Цвана)* о Маковицком и Шкарване, выполненный *А. Мразом*, статья *К. Мичатковой* о литературной деятельности А. Шкарвана и о его «Записках военного врача»; интересная статья *Я. Ткадлечковой* об Иване Галеке, который от толстовской критики господствующих классов пришел к марксизму и свой жизненный путь так и называл путем «от Толстого к Марксу». *И. Кралик* в статье «Личность А. Шкарвана в автобиографической пьесе Л. Н. Толстого» приходит к выводу, что образ Бориса Черемшанова из драмы «И свет во тьме светит» во многом был определен судьбой этого словацкого последователя Толстого.

В нескольких статьях рассматривается отношение к Толстому словацких писателей *М. Кукучина*, *С. Ваянского*, *Я. Есенского* и др.

Работы *П. Петруса* и *Т. Ивановой* содержат обзор высказываний словацкой критики о Толстом. Здесь указывается, что большую роль в установлении правильного подхода к творческому наследию русского писателя сыграла Великая Октябрьская революция.

Особое место в праздновании юбилея занимала большая выставка «Лев Николаевич Толстой», открытая в Национальном музее в Праге, а затем перенесенная в Братиславу. Организаторы выставки (*С. Колафа* и *Л. Задражил*) поставили своей целью показать литературную и критическую деятельность Толстого как отражение исторического положения России — от крестьянской реформы 1861 г. до построения социалистического общества. Второй целью организаторов выставки было показать значение и влияние деятельности Толстого как в России (и Советском Союзе), так и за рубежом.

В распоряжении организаторов выставки имелось много оригинальных и редких экспонатов. В архивных хранилищах Чехии и Словакии, и осо-

бенно в фондах Литературного архива «Памятник национальной письменности», Национального музея, в Славянской библиотеке Матицы словацкой (в городе Мартине), а также в некоторых личных архивах сохранилось большое число документов как самого Толстого, так и его близких друзей — русских и иностранных, в первую очередь *Д. П. Маковицкого*, *А. Шкарвана*, *К. Велеминского* и др. На выставке были впервые показаны материалы незадолго до того обработанного архива Маковицкого. Наряду с неизвестными до сих пор документами, на выставке были показаны редкие книги, в частности первые издания важнейших работ Толстого на русском, чешском и словацком языках.

АФИША ВЫСТАВКИ, ОТКРЫТОЙ К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ТОЛСТОГО В ПРАЖСКОМ НАРОДНОМ МУЗЕЕ. 1960
Музей Толстого, Москва

Все экспонаты выставки описаны в специальном каталоге, опубликованном в журнале Национального музея в Праге («Lev Nikolajevič Tolstoj». Soupis exponátů soustředěných u příležitosti oslav světového kulturního výročí L. N. Tolstého v roce 1960 na výstavě v Národním museu v Praze. Sborník Národního musea v Praze, Serie C.— historia litterarum, vol. VI, 1961).

На выставке проводились различные мероприятия — публичные лекции о Толстом, демонстрация фильмов и т. п. Особенно интересной оказалась беседа с людьми, либо знавшими Толстого лично, либо занимавшимися изучением и пропагандой творчества Толстого в Чехии и Словакии. В этой беседе участвовало двадцать пять человек. Здесь были, например, уроженка Ясной Поляны и бывшая ученица яснополянской школы Лойдова, уроженка Ясной Поляны и вдова Д. П. Маковицкого Матрена Константиновна Маковицкая, сын и вдова А. А. Шкарвана, автор биографических романов о Маковицком и Шкарване Э. Голец и др. Встреча представителей старого поколения с новым сопровождалась интересной беседой, в которой были выявлены новые архивные документы.

Творчество Толстого, как наглядно свидетельствует чествование его памяти в Чехословакии, является неотделимой частью чешской и словацкой культуры.

ШВЕЙЦАРИЯ

По случаю пятидесятилетия со дня смерти Толстого многие швейцарские газеты и журналы опубликовали статьи и заметки. Известный интерес представляет статья *Г. Ниффеллера* «К характеристике духовного облика Льва Толстого», напечатанная в газете «Der kleine Bund» 18.XI 1960.

В начале статьи автор приводит многочисленные свидетельства влияния Толстого на современников, в частности, цитирует высказывания *Т. Манна*, *Н. Видмана* и *Г. Хессе*. «Значение Толстого подчеркивалось после его смерти. Сохранилось ли оно еще сегодня?» — этим вопросом задается автор статьи. Отметив, что по числу переводов на иностранные языки Толстой занимает одно из первых мест в мире, указав на огромный интерес исследователей разных стран к творчеству русского писателя, критик делает вывод: «Толстой жив, и вовсе не праздное любопытство заставляет нас сегодня вспомнить о нем». Нефеллер пытается охарактеризовать особенности реализма великого русского писателя. Он отмечает способность Толстого «охватывать жизнь во всей полноте» и в то же время проникать в тайны внутреннего мира «так глубоко, как никто другой». «Когда он описывает охоту,— замечает критик, характеризуя изобразительную силу толстовского реализма,— то кажется, что ощущаешь запах седельной сбруи и своры охотничьих собак». Далее автор делает любопытное сопоставление творческой манеры Толстого и Рембрандта. «Всякий, кто хоть однажды ознакомился с Рембрандтом-художником, знает о несравненном распределении света и тени в его картинах. Наука определяет это понятием светотени. Понятие это верно передает соотношение между неясным светом и светлой тенью в картинах Рембрандта. Рембрандт был реалистом, т. е. был одержим идеей действительности. Однако его реализм, одновременно с этим, стремился в глубь, в сокровенные уголки человеческой души. Речь здесь идет не только о передаче явного, выступающего наружу, но и о постижении духовной основы, о способности раскрыть в картине тайны и настроения. Эти переходы, настроения и оттенки передаются посредством рембрандтовой светотени. Нечто подобное мы находим и у Толстого. Так же, как часто у Рембрандта, здесь преобладает темное, которое никогда не бывает абсолютно черным: ночь освещается светом, „который и во тьме светит". И так же, как Рембрандт, Толстой отдает свои симпатии слепцу, старцу, нищему, человеку гонимому и страдающему, а таких было очень много в царской России, состоявшей из одних помещиков и крепостных крестьян».

Однако перейдя от этих общих любопытных наблюдений к конкретному анализу романов Толстого, автор статьи обнаружил непонимание их идейно-композиционной структуры. Достаточно сказать, что всю историко-философскую линию романа «Война и мир» критик оценивает как лишнюю и ненужную. А главы «Анны Карениной», посвященные сложным социально-экономическим исканиям Левина, презрительно именует «учебником по организации сельского хозяйства», якобы совершенно напрасно включенным в роман. Подобное непонимание идейно-композиционных особенностей романов Толстого было издавна характерно для критиков, игнорирующих важнейшую социальную сторону реализма великого писателя.

Литературную страницу, посвященную Толстому, подготовила цюрихская газета «Tat» (19.XI 1960). В редакционной статье Толстой характеризуется как один из авторов, «над которыми время бессильно. С годами они становятся все более знаменитыми и читаемыми... Несмотря на то, что изображенный в его романах общественный класс и его жизнь принадлежат прошлому, эти книги еще захватывают читателя свежестью и богатством красок, зримостью и живостью образов, глубиной чувств — это классическое изображение старой России». Далее помещены отдельные главы из

«Казаков» и отрывки из воспоминаний А. А. Фета, И. Е. Репина и М. Горького. К сожалению, тут же нашла место одна из многочисленных «юбилейных» статеек некоего профессора *О. Форст дв Батталья*. В сочинениях этого автора банальные славословия в честь Толстого сочетаются с грубым искажением облика писателя и вульгарно-фрейдистской трактовкой его творчества (см., например, статью «Лев Толстой. Истоки, сущность и влияние. К пятидесятилетию со дня смерти» — «Schweizer Rundschau», 1960, № 9; XII, S. 488—499).

ЮГОСЛАВИЯ

Почти все центральные газеты и крупные литературные и общественно-политические журналы Югославии откликнулись на пятидесятую годовщину со дня смерти Толстого статьями, посвященными жизни и деятельности писателя, а также публикацией его произведений.

В статье *З. Црнковича* «Лев Толстой в наших переводах» («Republika», 1960, № 11-12) подчеркивалось, что «традиция переводов произведений Толстого в Югославии очень стара». Первый перевод Толстого на сербский язык (повесть «Семейное счастье») был напечатан еще в 1870 г. в журнале «Даница» (перевод был выполнен М. Лебедевой). Первое произведение Толстого, переведенное на хорватский язык,— рассказ «Чем люди живы»— было опубликовано в журнале «Славица» (переводчик П. Будман) в 1883 г. Во второй половине 1880-х и в 1890-х годах появились переводы «Войны и мира», «Анны Карениной», «Воскресения», «Крейцеровой сонаты», часто еще несовершенные и выполнявшиеся не с оригинала, а с немецких и французских (также несовершенных) переводов. Но над передачей Толстого на языки народов Югославии работали и видные поэты, писатели и переводчики: А. Харамбашич, И. Великанович, М. Ловренчич, Я. Иблер (переведший в 1887 г. «Анну Каренину»), М. Глишич, С. Краньчевич, О. Глушчевич, И. Яворац, И. Максимович и др.

«Интерес к Толстому в Югославии,— заключает Црнкович,— не ослабевает. Список его переводчиков довольно велик и еще более велик список произведений, выдержавших несколько изданий». Среди современных переводчиков Толстого мы встречаем имена популярных литераторов и общественных деятелей ФНРЮ — В. Калеба, В. Деснице, Г. Крклеца, М. Юркович и других.

Литературовед *А. Флакер* в статье «Лев Толстой и аннексия Боснии и Герцеговины» отмечает, что Толстой проявлял большой интерес к событиям на Балканах» («Republika», 1960, № 11-12, S. 19).

Представляет интерес и статья *М. Стари* «Толстой», опубликованная в том же журнале. Автор ее пытался охарактеризовать противоречивый образ русского писателя. В этом же номере журнала была опубликована также статья *М. М.* «Лев Толстой в оценке современников», в которой приведены высказывания о Толстом В. И. Ленина, Н. Г. Чернышевского, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, М. Горького, Г. В. Плеханова и А. В. Луначарского.

В центральной белградской газете «Политика» с 10 по 20 ноября 1960 г. печатались главы из работы *Л. Захарова* «Последние дни Толстого».

20 ноября в той же газете было опубликовано несколько статей и заметок, посвященных Толстому. Отметим среди них заметку «Первый памятник Толстому, сооруженный вне России, находится в Югославии»: «Местечко Сельце на острове Брач тотчас же после смерти Толстого присвоило своему парку, заросшему соснами и кипарисами, имя Толстого. Вскоре директор местной школы каменотесов чех Бардо предложил своим ученикам создать бюст покойного писателя, что и было сделано учениками-каменотесами, имена которых до нас не дошли. Между тем на заседаниях общинного веча чуть ли не три года подряд спорили о том, кому из великих

людей следует поставить памятник в парке имени Толстого. Наконец, 27 декабря 1913 г. два студента внесли предложение поставить там памятник Толстому, тем более, что он уже давно сделан. На заседании общинного веча 10 января 1914 г. под председательством Милана Штамбука〈...〉было принято решение поставить в качестве памятника Льву Толстому каменный бюст — плод коллективного труда учеников школы каменотесов. Предложение это было принято большинством голосов. Бюст водружен на высоком каменном постаменте, спиной к морю и лицом к каменоломне» (см. воспроизведение этого памятника на стр. 257 кн. 1-й настоящ. тома).

Представляет также интерес заметка об избрании Толстого в 1910 г., незадолго до смерти, членом-корреспондентом сербской Академии наук.

Наконец, здесь дан «Хронологический перечень важнейших событий жизни Льва Толстого», куда вошли и даты перевода на сербо-хорватский язык важнейших произведений Толстого. Следует отметить дату первой публикации «Войны и мира» в Сербии (1899) в переводе О. Глушчевич и М. Дж. Глишича. К дате «март 1873 г.», отмечающей начало работы Толстого над «Анной Карениной», сделано следующее примечание: «Герой Толстого граф Алексей Вронский, потрясенный самоубийством Анны Карениной, уехал в 1876 г. добровольцем на войну в Сербию и погиб 20 августа 1876 г. невдалеке от Алексинаца. Этот Вронский — не кто иной, как полковник Николай Раевский (1840—1876), о котором писали в своих воспоминаниях Пера Тодорович и доктор Владан Джорджевич...». Версию эту следовало бы учесть исследователям, изучающим генезис «Анны Карениной». Под 1909 г. сообщается, что 5 мая Толстого навестил в Ясной Поляне д-р Иован Максимович, рассказавший об этой встрече в журнале «Српски књижевни гласник» (1912 г.).

В центральной югославской газете «Борба», а также в белградской «Књижевне новине» были опубликованы большие статьи, содержащие анализ творчества Толстого.

ЛАВ Н. ТОЛСТОЈ

АНА КАРЕНИНА

ПРВА КНИГА

„КОЧО РАЦИН"
СКОПЈЕ — 1961

«АННА КАРЕНИНА». ИЗДАНИЕ НА МАКЕДОНСКОМ ЯЗЫКЕ (СКОПЛЕ, 1961)
Титульный лист

«АННА КАРЕНИНА». ИЗДАНИЕ НА СЕРБО-ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКЕ (БЕЛГРАД, 1964)
Суперобложка

О последних днях Толстого рассказывается в статье *Б. Борко* «Астапово, 1910», напечатанной в словенском журнале «Nova Obzorja».

В дни юбилея в югославской печати появилось несколько оригинальных статей, в которых была сделана попытка охарактеризовать в разных аспектах значение творчества Толстого. Среди них следует отметить статью д-ра *М. Бабовича* «Пятидесятилетие бессмертия» («Стварање», 1961, № 1, стр. 55—62). Бабович сравнил Толстого с Гималаями среди других гор. Все, к чему прикасалась рука Толстого, стало бессмертным. «Толстой — это вся Россия: от мужицкой избы, солдатской казармы, бедной городской квартирки — до дворянских гостиных, особняков аристократии и дворцовой камарильи». Автор подвергает далее анализу многочисленные образы, нарисованные гениальным русским писателем.

Таковы наиболее примечательные высказывания о Толстом в Югославии в дни пятидесятилетней годовщины со дня его смерти.

V. СТРАНЫ АЗИИ И АФРИКИ

Подготовка к ознаменованию пятидесятилетия со дня смерти Толстого началась в странах Азии и Африки задолго до календарной даты этой годовщины. В Китае, Индии, Японии, Объединенной Арабской Республике, Ливане и других странах еще весной и летом 1960 г. появились статьи, в которых была сделана попытка определить значение наследия русского писателя для восточных национальных культур. Лейтмотив большинства статей состоял в том, что Толстой дорог народам Азии и Африки своими бессмертными художественными творениями, высоким гуманизмом, защитой порабощенных и обездоленных, проповедью мира и человеколюбия. Наряду с этим в ряде органов индийской и японской печати утверждалось, что для народов Азии более важен Толстой-вероучитель, проповедник всеобщей любви и ненасилия, чем Толстой-художник, творческие

достижения которого в наше «динамическое время» в значительной мере устарели. Подобные высказывания — отголоски давней идейной борьбы вокруг наследия великого художника — были предвестниками новых острых споров и дискуссий, которые развернулись позднее, в дни самой годовщины.

С наибольшим размахом толстовские дни прошли в Индии. Под председательством известного прогрессивного писателя и общественного деятеля *Б. Дас Чаттурведи* был создан Комитет для проведения толстовской годовщины, в который вошли видные деятели культуры, в том числе писатель-коммунист *С. Захир*, выдающийся борец за мир генерал *С. С. Сохей*, широко популярный философ и публицист *К. В. Рой* и др. Поддержанный широкой общественностью, Комитет провозгласил четвертую неделю ноября «толстовской неделей» и развернул в стране энергичную подготовку к годовщине.

«Неделю Толстого» официально открыл 20 ноября премьер-министр *Д. Неру*, который еще до этого направил в Москву дружественное послание, приведенное на стр. 284 кн. 1-й настоящ. тома.

На многолюдном торжественном вечере в Дели Неру назвал Толстого «вечным странником, идущим вперед в поисках правды и красоты», смелым мыслителем, который «никогда ни перед кем не склонял головы». «Мы можем,— сказал он,— принять или не принять все его взгляды и теории, но если мы будем думать о нем, частица его мудрости и величия сойдет на нас и поднимет нас несколько выше» («India's Capital Pays Homage to Leo Tolstoy» by Dwijendra N a n d i, Secretary Tolstoy Committee.— Рукопись. *AT*).

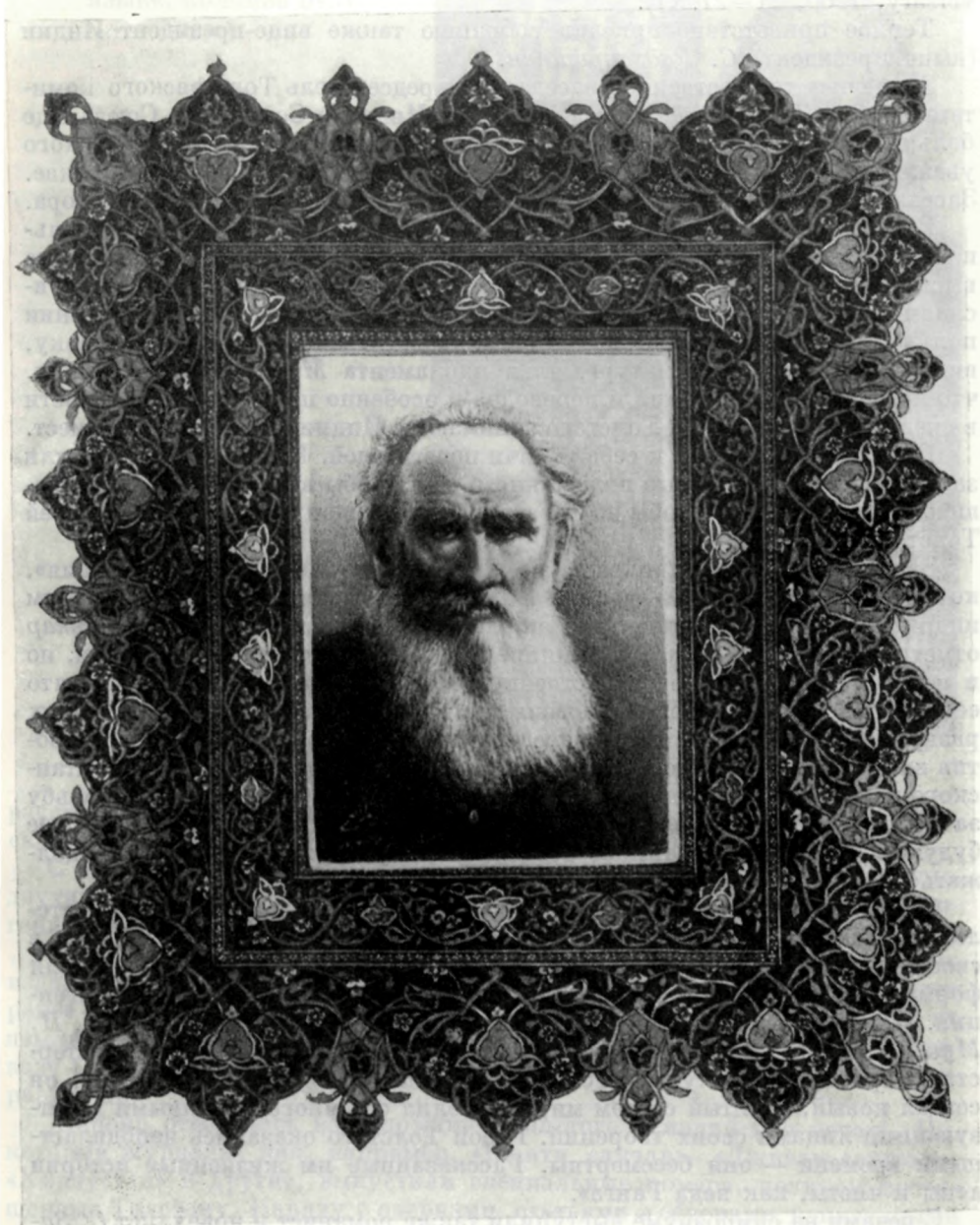
Касаясь трудностей и опасностей, перед которыми стоит современное человечество, Неру воздал должное глубине мысли и прозрению великого русского художника, чей гуманизм доныне продолжает играть большую роль в борьбе за мир и дружбу между народами.

«Мы живем,— сказал он,— в трудные времена призраков и опасностей всякого рода, а также всяческих надежд. Быть может, они неотделимы друг от друга. Страждущему человечеству, как видно, придется идти вперед трудными путями. И все же, как бы оно ни падало, оно должно подняться и достичь вершины. Радость жизни в том, чтобы, как и Лев Толстой, бороться за свободу и счастье людей на земле» (ibid.).

Председательствовавший на вечере министр культуры и научных исследований Индии профессор *Х. Кабир* в своей речи подчеркнул, что Толстой был не только величайшим писателем, но и пророком нового века — века без войн и ненависти, когда люди будут жить в мире и дружбе. Народы Индии навсегда останутся благодарными Толстому за симпатию, которую он проявил к ним. На вечере выступили также посол СССР в Индии *И. А. Бенедиктов*, член индийского парламента, бывший личный друг Ганди *К. С. Калелкар* и др. Президент Индии *Р. Прасад* прислал юбилейному Комитету специальное послание, в котором писал:

«Наследие Толстого — писателя, художника и мыслителя — приобретает во всем мире все большее значение. Его мысль и прозрение опровергают условное деление писателей на восточных и западных. Народы Азии в такой же мере испытывают на себе воздействие его могучей мысли, как и люди Запада.

На меня произвело большое впечатление то, как соотечественники Толстого чтят память этого великого писателя. Посещение музея Толстого в Москве окрыляет. Будем надеяться, что толстовский завет любви и мира получит еще более широкое распространение среди простых людей в нашей стране благодаря новым переводам его сочинений на индийские языки. Я рад тому, что Толстовский комитет стремится к этому. Желаю Комитету полного успеха» (здесь и далее цитируется по брошюре, изданной



ТОЛСТОЙ

Миниатюра иранского художника Али-Керими, 1950-е годы

Музей Толстого, Москва

Всеиндийским толстовским комитетом: «Leo Tolstoy», 50th Death Anniversary, 1960, 21—27.XI).

Теплое приветствие прислал собранию также вице-президент Индии (ныне президент) *С. Радхакришнан.*

Заключая торжественное заседание, председатель Толстовского комитета *Б. Дас Чаттурведи* призвал народы Индии и Советского Союза еще больше крепить узы дружбы и предложил, в знак их взаимного глубокого уважения, создать «Дом Толстого» в Дели и «Обитель Ганди» в Москве. Заседание закончилось исполнением песен и гимнов Рабиндраната Тагора.

Вторым мероприятием «недели Толстого» было открытие в Дели большой выставки книг и фотографий, посвященной писателю. В организации выставки приняли участие старейшие библиотеки страны, которые прислали около трехсот томов сочинений Толстого, изданных на протяжении полувека на различных языках Индии. Торжественно открывая выставку, видный индийский драматург, член парламента *М. Вареркар* сообщил, что по количеству изданий и переводов и особенно по своей популярности в среде читателей книги Толстого занимают в Индии одно из первых мест.

Выставка привлекла к себе тысячи посетителей. В книгу отзывов были записаны многочисленные пожелания о том, чтобы выставка была превращена в постоянную и чтобы на ее базе был в будущем создан в Индии музей Толстого.

Заметным событием явился далее симпозиум на тему «Толстой и Индия», который был проведен 27 ноября в Дели. Открывая этот большой форум индийской интеллигенции, член парламента писатель *К. М. Паниккар* отметил, что Толстой оказал влияние не только на литературу Индии, но и на всю ее культуру и общественную жизнь. Индия гордится тем, что ее древняя философия, эпос и поэзия занимали большое место в творческих раздумьях Толстого. В свою очередь, гуманизм Толстого, его борьба против зла и несправедливости, его выступления в защиту Индии от британского колониализма вдохновляли и вдохновляют народы Индии на борьбу за полную свободу и независимость, за мир между народами, за лучшее будущее. Общение и взаимное обогащение двух культур должно продолжаться.

С докладами и речами на симпозиуме выступили крупнейшие писатели, критики и литературоведы. Писатель и публицист *В. Прабхакар* в своем докладе говорил о значении гуманистической мысли Толстого для формирования передовых общественных взглядов индийской интеллигенции. Историк и теоретик литературы, член парламента, профессор *М. П. Мукерджи* посвятил свое слово вкладу Толстого в сокровищницу мастерства мировой литературы. «Толстой,— сказал он,— творил, как бог: он создал новый, залитый светом мир и заселил его многочисленными действующими лицами своих творений. Герои Толстого оказались неподвластными времени — они бессмертны. Рассказанные им жизненные истории ясны и чисты, как вода Ганга».

С речами на симпозиуме выступили также романист и новеллист *С. Захир*, изложивший взгляды В. И. Ленина на Толстого, проректор Делийского университета доктор *Н. К. Сидханта*, говоривший о взглядах писателя на науку, и др. Симпозиум еще раз показал, какое большое место занимает наследие Толстого в умах индийской интеллигенции.

«Неделя Толстого» была завершена множеством массовых собраний, митингов и научных заседаний, которые прошли в Дели, Бомбее, Калькутте, Лакнау и других городах. В Калькутте состоялся большой студенческий симпозиум, основным докладчиком которого выступил видный поэт *С. М. Банерджи.* В дискуссии о значении толстовского гуманизма для современного мира приняли участие многие студенты. С прочувствованным словом о Толстом выступил известный писатель *С. К. Чаттерджи*,

«КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА». ИЗДАНИЕ НА СИНГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ, КОЛОМБО (1962)
Обложка

рассказавший также о своем пребывании в СССР и о посещении толстовских музеев.

С большим успехом прошли собрание писателей индийской столицы, двухдневная научная сессия в Литературной академии, собрание интеллигенции в Обществе индийско-советской дружбы и др.

«Толстовская неделя» была также отмечена выпуском в свет новых изданий сочинений Толстого, особенно на тех языках Индии, на которых ранее русский писатель издавался редко. Таковы «Анна Каренина» на языке телугу (в переводе Т. Д. Рао), «Казаки» на языке малаялам (в переводе О. П. Джозефа), «Исповедь» на том же языке (в переводе Т. Сукумаран) и др.

Широко отозвалась на годовщину Толстого и индийская печать. Некоторые журналы, как, например, «Шанти самчар», «Дживан сахитья», «Хиндустан» и другие, выпустили специальные номера, целиком посвященные Толстому. Наряду с очерками, статьями и обзорами, написанными индийскими авторами, в них можно встретить и статьи советских исследователей (*Н. К. Гудзия*, *В. В. Ермилова*, *Б. С. Мейлаха*, *А. И. Шифмана* и др.). Во многих журналах были воспроизведены иллюстрации к сочинениям Толстого индийских и русских художников.

* * *

Отдельно следует остановиться на тех мероприятиях в Индии, которые отражали продолжающуюся борьбу вокруг взглядов Толстого. Открывшаяся в Дели в декабре 1960 г. Международная толстовская конференция, скромно именовавшая себя «семинаром», была задумана как крупное

пропагандистское начинание. Для ее созыва был создан специальный Комитет во главе с известным писателем и общественным деятелем *Дж. К. Нарайаном.* Смысл этой новой международной конференции, вскоре (через пять месяцев) после толстовской конференции в Венеции, состоял в том, чтобы продемонстрировать заинтересованность Индии в идеологическом наследии Толстого, подчеркнуть его близкое родство с официальной идеологией Индии — гандизмом. Печать не скрывала и того, что конференция должна помочь Индии укрепиться в общественном мнении всего мира в качестве страны, где толстовские идеалы добра и справедливости осуществлены на практике.

На конференцию съехались представители многих стран. Кроме многочисленной группы индийских литературоведов, социологов и писателей, в ней приняли участие делегаты из США (в том числе профессор *Э. Симмонс* и писатель-белоэмигрант *Н. Набоков*), Англии, Франции и других стран Западной Европы.

Официальная повестка дня международного «семинара» в Дели была посвящена не только религиозно-нравственным вопросам. Участникам были предложены доклады и о художественном творчестве писателя, о его эстетических воззрениях и пр. Однако царившая на семинаре атмосфера и произнесенные там речи показали, что Толстой-художник, искусство Толстого не слишком интересуют некоторых исследователей, более озабоченных тем, чтобы путем новых и «новейших» теорий приспособить учение русского писателя к задачам современной буржуазной идеологии и даже к потребностям холодной войны.

Первый доклад на тему «Толстой и проблема современного романа» сделал индийский литературовед *М. М. Бхала**. Доклад содержал некоторые верные положения — о пафосе жизнеутверждения в творчестве писателя, о близости его гуманистических воззрений духу индийской культуры и др. Однако, по мнению докладчика, жизнелюбие и жизнеутверждение выражали только одну сторону души художника. Вместе с ними в Толстом жило стремление поучать, какой должна быть жизнь. Отсюда — его упорство в проповеди религиозных начал. Широта охвата действительности, глубина проникновения в законы бытия имеют у Толстого, таким образом, два источника: жизнь и религию.

Развивая этот тезис и распространяя его на всю русскую литературу, докладчик противопоставил творчество Толстого лучшим произведениям западноевропейской литературы, в частности творчеству Флобера, и отмечал общие черты русского и американского романов. Общность эта будто бы объясняется тем, что Россия и Америка не знали, как это было в Западной Европе, длительного периода господства мелкой буржуазии с ее «заземленными» взглядами. Основополагающими для идеологии обеих стран были, по мнению докладчика, поиски абстрактных идеалов и религиозных откровений. На этой основе выросли романы Толстого и Достоевского. На этой же основе должен строиться и современный роман. Он должен возвыситься над «обыденной» социальной жизнью, отвлечься от ее повседневной прозы и сосредоточиться в отвлеченных сферах духа и религии.

Надуманность и необоснованность этой «новейшей» концепции была столь очевидна, что с докладчиком полемизировали многие индийские участники семинара, а также английский романист и критик *Д. Уэйн.* Однако у этой точки зрения нашлись и защитники, которые попытались использовать ее против передовых прогрессивных тенденций современной

---

* Доклады и выступления на семинаре излагаются по журналу «Cultural News from Asia.— Tolstoi Seminar Number». New Delhi, 1960.

мировой литературы и прежде всего против «советского реализма», т. е. социалистического реализма.

Наиболее ярко выразились идеологические позиции некоторых участников семинара, когда обсуждался доклад индийского искусствоведа, профессора *В. К. Гокак* «Взгляды Толстого на искусство». Доклад был построен с таким расчетом, чтобы развенчать эстетический кодекс Толстого, а заодно противопоставить русский критический реализм социалистическому реализму. Докладчик говорил, что толстовские воззрения на искусство были односторонними, а его аргументы — слабыми. Вместе с тем он с пафосом противопоставил эти взгляды как более широкие и основанные на «вечном» критерии совести марксистским воззрениям на искусство, опирающимся на «узкие» принципы народности и партийности. В этой связи докладчик противопоставил Толстого Горькому, изобразив последнего догматиком и доктринером, в глазах которого Толстой будто бы был «мелким буржуа».

Несмотря на то, что докладчик исходил из ряда ложных и тенденциозных предпосылок, которые привели к смещению и прямому искажению основных аспектов исследования эстетического кодекса Толстого, многие из присутствующих, особенно западные гости, солидаризировались с В. Гокаком. Профессор *Р. Б. Джоши* заявил, будто трактат «Что такое искусство?» построен на предвзятых мнениях и «подгоняет явления искусства под узкую схему». Английский литературовед *В. С. Притчет* объявил воззрения Толстого на искусство «безнадежно устаревшими», а его борьбу против модернизма «примитивной». «Крайне разочаровывающим» назвал трактат Толстого и английский критик *С. Спендер*. Но особенно резко «ниспровергали» эстетические воззрения Толстого американские делегаты *Н. Набоков* и *Э. Симмонс*. Набоков, в частности, заявил, что «взгляды Толстого нельзя принимать всерьез», ибо его знакомство с музыкой и живописью было «крайне ограниченно». Толстой будто бы упускал из виду великое искусство, возникающее из трагических аспектов жизни и т. д. Это мнение поддержал и подводивший итоги дискуссии Симмонс, который закончил свою речь антисоветскими выпадами об «отсутствии» свободы творчества в современной России.

Из более интересных выступлений на семинаре следует упомянуть доклад индийского исследователя *А. С. Рея* «Толстой и Тагор» и доклад доктора *И. Сена* «Толстой и наука». Оба доклада имели тенденцию выявить в воззрениях русского писателя то, что созвучно гуманистическим идеям современности, и это им в значительной мере удалось. В частности, Сен подчеркнул, что взгляды Толстого на науку сохраняют свою обличительную силу и в отношении тех современных буржуазных ученых, которые посвящают свой талант изобретению и усовершенствованию орудий массового уничтожения.

Религиозно-нравственной доктрине Толстого, как мы уже сказали, был также посвящен на семинаре ряд докладов. Основной их пафос состоял в традиционных для индийского толстоведения темах — установлении родства между Толстым и Ганди, в провозглашении Толстого пророком грядущего мира «без насилия». Этот круг идей содержался в докладе индийского философа и социолога *Пиарелала* «Толстой — Эйнштейн науки о духовной силе человека», в докладе *С. К. Саксена* «Толстовская философия любви и труда» и в некоторых других. Специальный доклад под заголовком «Торо, Толстой и Ганди. Семя, древо и плод» был посвящен генезису идеи всеобщей любви и непротивления злу насилием. В целом, международный толстовский семинар в Дели прошел под знаком буржуазной идеологии как мероприятие, направленное на пропаганду идеи «ненасилия» и учения Ганди.

* * *

Широко было отмечено полвека со дня смерти Толстого в азиатских странах социалистической системы — в Китае, Корее, Монголии и Вьетнаме.

В Пекине состоялось большое торжественное собрание, созванное Всекитайской ассоциацией работников литературы и искусства и Союзом китайских писателей. В зале находились видные писатели, ученые, общественные деятели, студенты, рабочие, служащие.

Открывая заседание, президент Академии наук КНР, один из первых переводчиков «Войны и мира» на китайский язык, *Го Мо-жо* сказал:

«Прошло пятьдесят лет со дня смерти великого русского писателя Льва Николаевича Толстого. Его произведения обогатили сокровищницу мировой литературы, благодаря им писатель занял одно из первых мест в мировой художественной литературе.

Толстой представлял период перехода от феодального к капиталистическому обществу в эпоху царской России. Он стал глашатаем идеологии русского крестьянства этого периода, выражал его гнев и недовольство существующим положением, его стремление изменить это положение и мечту о прекрасной жизни.

В своих неувядаемых произведениях Толстой бичевал дворянско-помещичий класс России, государство, суд, полицию, официальную церковь, выступал за ликвидацию частной собственности на землю. Он беспощадно срывал все и всяческие маски с дворянско-помещичьего класса, вскрывал зло, лицемерие и пустоту этого класса, а также разложение, эгоизм и жестокость чиновников царского правительства.

Толстой, чьими устами говорило крестьянство, так же страстно обрушился на капиталистический строй. Клеймя власть денег и изобличая лицемерие буржуазной морали и буржуазных законов, он указывал, что проповедуемые буржуазией так называемые „свобода, демократия, равенство“ являются привилегией одних имущих. Капиталистический строй он называл „рабством нашего времени“. Когда же мировой капитализм развился в империализм, он гневно осуждал разжигаемые империалистами грабительские войны. Примером этого может служить его решительное осуждение агрессии по отношению к Китаю, которую предприняли в 1900 г. объединенные армии восьми государств».

Охарактеризовав далее творческий путь Толстого, его выдающийся вклад в мировую культуру и значение для современности, Го Мо-жо закончил свою речь словами:

«Демократический дух в литературном наследии Толстого бессмертен»*.

С большим докладом о жизни и творчестве Толстого и о его влиянии на китайскую литературу выступил председатель Союза китайских писателей, известный романист и новеллист *Мао Дунь* (см. несколько переработанный автором текст этого доклада на стр. 343—346 настоящ. книги).

Торжественные заседания, вечера, выставки, беседы о Толстом состоялись также в Шанхае, Тяньцзине, Кантоне и других городах.

Годовщина Толстого была широко отмечена китайскими издательствами и печатью. Были вновь изданы сочинения Толстого. Газеты и журналы посвятили писателю многочисленные очерки, статьи, фотографии, а некоторые журналы опубликовали новые переводы его рассказов.

---

* Цит. по брошюре «Лев Николаевич Толстой. К 50-летию со дня смерти». Пекин, 1960.

* * *

В Демократической Республике Вьетнам толстовский юбилей проводился представительным комитетом видных деятелей культуры во главе с президентом Республики *Хо Ши Мином*. Помимо многочисленных собраний интеллигенции в столице Ханое и в других крупных городах, беседы о писателе проводились и в сельских местностях, куда выезжали специальные лекторы из среды писателей и литературоведов. Библиотеками повсюду проводились среди населения громкие чтения рассказов Толстого.

О своем изучении художественного опыта Толстого, о значении его реалистических принципов для развития современной вьетнамской литературы рассказали, кроме Хо Ши Мина (ср. на стр. 293—294 кн. 1-й настоящ. тома выступление Хо Ши Мина в советской печати), также писатели *Нгуен Конг Хоан*, *Нгуен Ван Бонгу*, *Ву Нгок Рану*, *Хонг Ха* и др. В толстовские дни была начата подготовка к изданию новых, более совершенных, сделанных непосредственно с русского языка переводов романов Толстого (к настоящему времени уже вышли в свет «Война и мир» и «Анна Каренина»).

* * *

Массовые собрания, митинги, выставки, читательские конференции проводились также в Корейской Народно-Демократической Республике и в Монгольской Народной Республике. В среде писателей этих стран прошли дискуссии о реализме Толстого, о сочетании его творческих принципов с национальными традициями древних литератур, об учебе у великого классика. Юбилей стимулировал также появление новых переводов и более планомерное издание произведений писателя. В частности, в Корее и Монголии началась подготовка к выпуску в свет первых собраний художественных сочинений Толстого.

«КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК». ИЗДАНИЕ НА ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ (ХАНОЙ, 1963)
Обложка

* * *

Из других стран Востока толстовские дни широко отмечались в Японии, Иране, Турции и в арабских странах. Как известно, Толстой был связан со многими деятелями этих стран, проявлял интерес к их культурам и литературам, и это обстоятельство всемерно подчеркивалось в статьях и докладах, посвященных юбилею русского писателя.

В Каире толстовские дни были отмечены большим собранием интеллигенции в Литературном клубе *. С докладом о жизни и творчестве великого писателя выступил известный египетский литературовед д-р *Шауки ас-Сакри*. Указав, что реализм Толстого оказал большое влияние на арабские литературы, докладчик объяснил это влияние сходством многих жизненных проблем, которые стояли перед русским и арабским народами. Они находились длительное время в порабощении. По преимуществу земледельческие народы, они на протяжении многих веков были лишены земли. Их угнетали и своя, отечественная олигархия, и мировая буржуазия. Поэтому в этих литературах столь большое место занимает тема земли, мечта о ней.

Особенное значение для Востока имел, по мнению докладчика, роман «Анна Каренина». Он воодушевил арабских писателей на смелую борьбу против женского неравноправия, за свободу чувств. В арабских литературах можно встретить десятки романов, навеянных этим русским романом.

Наконец, указал докладчик, огромное значение для арабских литератур имели «народные рассказы» Толстого — эти лаконичные, простые по языку, но полные гуманизма и веры в человека новеллы, рассчитанные на открытое сердце простых людей. Арабские писатели создали многие варианты подобных рассказов в виде общедоступных притч, легенд и сказок, мастерству которых они учились у Толстого.

С содержательными докладами о драматургии Толстого, об его искусстве построения сюжета и композиции выступили известный драматург *А. Хафиз*, литературовед *Х. Вахба* и *др.*

Толстовский вечер состоялся в Каире также в помещении Общества дружбы и связи с заграничными странами. С докладом о Толстом выступил известный египетский историк литературы профессор *М. Мандур*. Здесь же была развернута выставка произведений Толстого, изданных в арабских странах.

Каирские деятели театра и кино ознаменовали годовщину новой постановкой «Власти тьмы» и художественным фильмом «Река любви», сюжет которого в значительной мере напоминает сюжет «Анны Карениной».

Большое внимание Толстому уделяла в эти дни печать ОАР. Египетские газеты печатали биографические материалы, портреты писателя, статьи о его творчестве, а также информацию о проведении годовщины Толстого в СССР. Среди других выделялась своими серьезными материалами газета «Аль-маса», поместившая серию статей о жизни и творчестве русского писателя.

* * *

В Бейруте (Ливан) проведение толстовских дней возглавили прогрессивные писатели *Ж. Ханна* и *М. Нуайме*. Они же выступили основными докладчиками на вечере, посвященном памяти писателя.

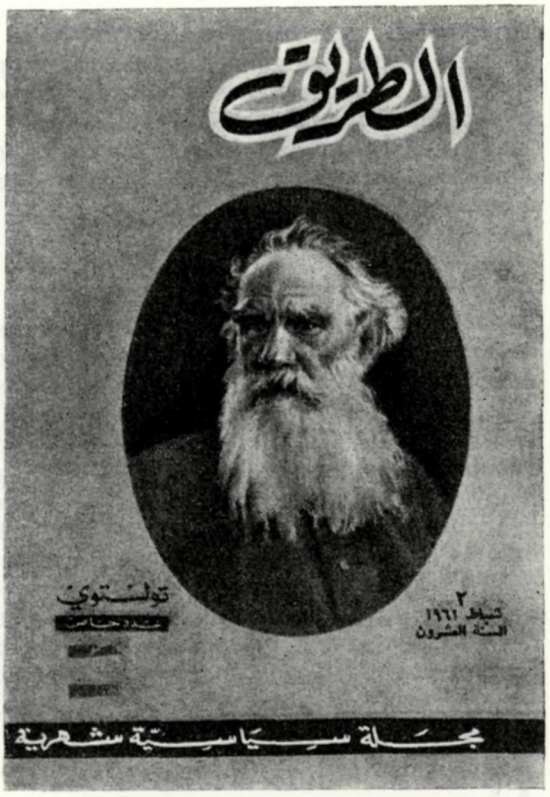
Ж. Ханна незадолго до памятной даты написал превосходную статью, которая предварила новое издание «Анны Карениной» на арабском языке. В толстовские дни он подготовил и прочитал на вечере свою новую работу — о значении романа «Война и мир» для арабской литературы. (Изложение этого доклада опубликовано в газете «Аль-ахбар».) Извест-

---

* Сведения о толстовских днях в ОАР почерпнуты из газеты «Аль-маса» от 19 и 20 ноября 1960 г.

ПОСВЯЩЕННЫЙ ТОЛСТОМУ НОМЕР ЛИВАНСКОГО ЖУРНАЛА «АТ-ТАРИК» (1961, № 2)

Обложка



ный литературовед *А. Саад* прочел на вечере доклад «Толстой как человек, воплотивший в себе черты эпохи, нации и всего человечества».

Ливанский писатель *М. Нуайме* в юности жил в России и на романах и повестях Толстого учился писательскому мастерству. Впоследствии он перевел многие произведения Толстого на арабский язык и стал одним из горячих пропагандистов русской и советской литературы на Востоке. В своем докладе «Великан пера и души» Нуайме говорил о блестящей плеяде арабских переводчиков Толстого, о первых изданиях сочинений русского писателя в арабских странах, об огромном значении романов и пьес Толстого для становления реализма в арабских литературах.

Большое место отвела годовщине Толстого ливанская пресса. Журнал «Ат-Тарик» посвятил Толстому специальный номер, содержащий ряд интересных статей и заметок. Среди них — статья *Ж. Ханна* «Толстой — посланец любви и мира», статья ректора Бейрутского университета *Фуада Афрана аль-Бустани* «Толстой — человек и художник», статья известного арабского публициста *Р. Хури* «Человек, который не мог быть лицемером», статья ливанского писателя *С. Акля* «Беспокойный человек» и др. На страницах журнала нашли место также высказывания *В. И. Ленина* и *А. М. Горького* о Толстом, отрывки из книги *Р. Роллана* «Жизнь Толстого», статья *А. Б. Гольденвейзера* «Толстой-музыкант», ряд отрывков из статей Толстого и другие материалы. Номер иллюстрирован портретами писателя и фотокопиями его рукописей.

* * *

В Японии полувековая годовщина со дня смерти Толстого была ознаменована выпуском нового восемнадцатитомного собрания сочинений в переводе Накамура Хакуё, а также отдельным двухтомным изданием «Анны

Карениной», подготовленным старейшим «толстовским» переводчиком Хисаичиро Хара. Все японские газеты и журналы посвятили Толстому статьи и обзоры. Прогрессивная японская общественность направила переводчика «Войны и мира» Накамура Хакуё в Москву на празднование юбилея (см. текст его выступления во время научной сессии в Институте мировой литературы им. А. М. Горького на стр. 232—234 кн. 1-й настоящ. тома).

* * *

В Иране толстовские дни были организованы Обществом культурной связи с СССР *. На большом вечере с докладом на тему «Толстой—великий гуманист» выступила доцент Тегеранского университета д-р *Мехри Ахи*. Иранские журналы «Раушанфекр», «Сохан», «Ягма», «Бониаде фарханг», «Иран-абад» и другие опубликовали на своих страницах краткие биографии Толстого и статьи о его творчестве. Так, журнал «Раушанфекр» (№ 378) перепечатал из журнала «Jour de France» статью члена Французской академии *А. Труайя* «Лев Толстой». Журнал «Ягма» опубликовал статью известного иранского писателя, проживающего в Швейцарии, *Дж. Задэ* «Пятьдесят лет со дня смерти Толстого». В некоторых статьях подчеркивалось, что Толстой находился в переписке со многими деятелями персидской культуры, в частности с известным поэтом Мирза Риза-ханом. Материалы о Толстом публиковали и иранские газеты «Эттиляат джаванан», «Мехре Иран», «Хошманд», «Дад», «Кейхан» и др. В журнале «Иран-абад» (№ 9) был помещен перевод статьи *К. А. Федина* «Гений Толстого».

* * *

Общественность Афганистана отметила толстовскую годовщину большим вечером в городском театре Кабула, на котором с докладом выступил известный писатель и публицист *Аббаси*. Он отметил, что афганская интеллигенция уже давно зачитывается произведениями русского писателя. В последние годы его творчество проникает в самые широкие массы народа. Уже изданы многие произведения Толстого на афганском языке. Сейчас ведется работа над переводом романов русского писателя.

В Пакистане, помимо новых изданий «Анны Карениной» и «Воскресения», к памятной дате 1960 г. был переведен трактат Толстого «Так что же нам делать?». Пакистанская печать отметила многочисленные связи Толстого с деятелями мусульманских культур, в частности с выдающимся общественным деятелем Мухаммедом Абдо.

Марокканские газеты «Аль-фажр» и «Аль-алям» опубликовали серию статей о Толстом.

В Турции на пятидесятилетие со дня смерти Толстого откликнулись крупнейшие газеты и журналы. Они напомнили об интересе, который проявлял Толстой к турецкой культуре, об изучении им в юности турецкого языка. Газета «Улус» опубликовала серию из одиннадцати статей, посвященных романам Толстого.

Переводы сочинений Толстого вышли в Индонезии, Бирме, Тунисе и Судане, а также в молодой африканской республике Гана.

---

* Сведения почерпнуты из материалов Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами.— Хранятся в *ГМТ*.

世界名作全集

アンナ・カレーニナ

下

トルストイ

木村 浩訳

平凡社

第四編（つづき）

一六

公爵夫人は無言のままひじ掛けいすに腰かけて、ほほえんでいた。公爵はそのそばへ腰をおろした。キチイはなおも父の手を放さないで、そのいすのかたわらに立っていた。みんなが黙っていた。

やがて公爵夫人がまっさきに、ふだんと変わりない話しぶりで、みんなのいだいていた考えや思いを実生活の問題として話題にした。と、最初のうちは、だれにとってもそうしたことが奇妙な、なにか心の痛みをおぼえることのようにさえ思われた。

「それで、いつにしたらいいでしょうね？　婚約の式や、その披露もしなくちゃなりませんし。で、結婚式はいったいいつがよろしいでしょうね？」と、お思いになって、アレクサンドル？」

「この人がいるじゃないか」と、老公爵はレーヴィンを指さしながら、いった。「この問題では、この人が主人公だからな」

「いつですって？」と、レーヴィンは赤くなりながら、いった。「あすですね、ぼくの意見をお聞きになるのでしたら、ぼくの考えは、きょう婚約の式をして、結婚式はあすということですね」

«АННА КАРЕНИНА». ИЗДАНИЕ НА ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ (ТОКИО, 1962)

Перевод Кимура Хироси

Титульный лист и страница романа

* * *

Подводя общие итоги толстовским дням в странах Азии и Африки, следует подчеркнуть, что они, несомненно, прошли успешно и содействовали расширению интереса к наследию писателя и ко всей русской культуре. Знаменательная дата в календаре мировой культуры повсюду стимулировала появление новых изданий сочинений Толстого, содействовала широкой пропаганде его гуманистических воззрений в массах. Писателей Азии и Африки толстовская годовщина побудила еще раз задуматься над тем, какое влияние оказал и продолжает оказывать художественный опыт великого русского писателя на их национальные литературы, чему они должны учиться у Толстого.

Толстовские дни вместе с тем с несомненностью подтвердили, что на Востоке, как и во всем мире, вокруг имени Толстого не ослабевает острая идеологическая борьба.

Общим мотивом господствующих до сих пор концепций Толстого на Востоке является утверждение, что человечеству он в первую очередь важен как «вероучитель», «пророк», «Мессия», что мировое значение Толстого заключается не в могуществе его художественного творчества, не в обличениях всех форм социального зла и насилия, а в его религиозно-нравственном учении, которое будто бы прошло поверку историей и способно вывести заблудившееся человечество на путь новой жизни. Имя Толстого таким образом продолжает использоваться— сознательно или бессознательно — для подкрепления различных теорий классового мира, особенно гандистской философии ненасилия.

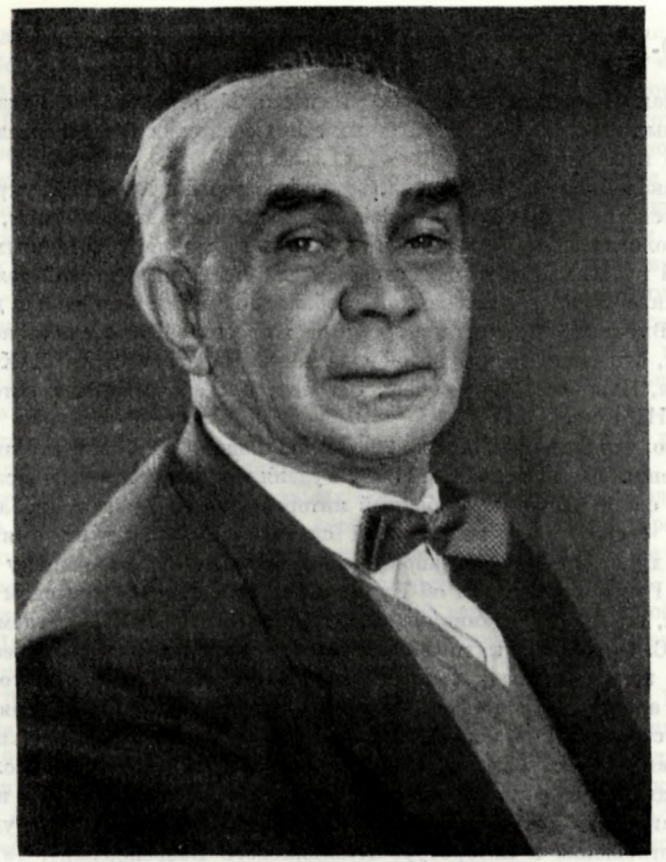
Однако все явственнее, сильнее звучат на Востоке и другие голоса в оценке Толстого. Полувековая годовщина его смерти отмечалась в условиях завершающегося распада колониальной системы, когда национальное самосознание народов Азии и Африки поднялось на небывалую высоту. И эта всемирно-историческая «примета времени» заметно сказалась на изменении восприятия Толстого. Посвященные ему памятные дни 1960 г. показали, что Толстой приобрел на Востоке миллионные контингенты новых читателей и что эти читатели ценят в нем в первую очередь уже не религиозного проповедника или политического мыслителя, а одного из величайших художников всех времен и народов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Все ссылки на тексты Толстого даются по изданию: Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений (в 90 томах). Под общей редакцией В. Г. Черткова. М.—Л., 1928—1959, с указанием только томов и страниц.

АТ — Архив Толстого Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва)
ГМТ — Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва)
ГИМ—Государственный Исторический музей (Москва)
ЛБ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва)

ПАМЯТИ Н. К. ГУДЗИЯ



1887 — 1965

Умер Николай Каллиникович Гудзий, выдающийся советский литературовед, замечательный представитель русской филологической школы, человек редкого благородства и обаяния.

Н. К. Гудзий был учителем нескольких поколений филологов — учителем в полном и истинном смысле слова: он не только умел передавать свои богатые знания, он увлекал рыцарским служением родной литературе, сердечно заботился о научной и человеческой судьбе каждого из своих учеников и младших товарищей.

Редакцию «Литературного наследства» связывала с Николаем Каллиниковичем большая многолетняя дружба. Мы никогда не забудем, какой интерес постоянно проявлял он к нашему изданию, к нашим новым томам и замыслам. Создавая тома, посвященные Толстому, мы неизменно пользовались щедрым вниманием Н. К. Гудзия, добрыми его советами. Незадолго до смерти Николай Каллиникович подробно расспрашивал о томе «Толстой и зарубежный мир», который, к великому прискорбию, выходит в свет после его кончины.

В последнее время жизни характер Н. К. Гудзия раскрылся с новой, прекрасной стороны: зная о близости конца, он проявлял высокую мудрость и твердость духа, по-прежнему отдавая все свои силы литературе, науке, людям.

Светлая память о Николае Каллиниковиче и благодарная любовь к нему навсегда останутся с нами.

Редакция «Литературного наследства»

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПУТЬ Н. К. ГУДЗИЯ

Славянская филология со смертью Николая Каллиниковича Гудзия лишилась одного из самых славных и замечательных своих советских представителей, заслуживших мировую известность.

Ученик академика В. Н. Перетца, тесно связанный с Киевской, украинской школой исторического и сравнительно-исторического литературоведения, текстологии, техники филологического анализа и научного издания письменных источников, Н. К. Гудзий в начальный период своей научно-исследовательской деятельности основное внимание уделяет разысканиям в области древнеукраинской и древнерусской литературы. Вместе с тем, в то же время он живо и свободно откликается на новые темы и труды, относящиеся к русской художественной литературе XIX века (к творчеству Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Огарева, Достоевского), и к истории русского театра в XVIII веке.

Любопытно, что тогда же, еще до 20-х годов нашего века, определились два основных направления в исследованиях Н. К. Гудзия по древним восточнославянским литературам. С одной стороны, особенный интерес его возбуждают проблемы изучения произведений старой повествовательной славянской литературы с явной печатью поэтичности, художественности (апокрифы и легенды, «Слово о полку Игореве», легенда о папе Григории, легенда об Иуде предателе и Андрее Критском и т. д.). Так, Н. К. Гудзий, вслед за академиками Ф. И. Буслаевым, В. Н. Перетцем, может быть, отчасти и А. С. Орловым, выдвигает принцип литературной художественности, стилистического и эстетического качества как основу отбора письменного материала и способов его анализа для построения истории древних славянских литератур.

С другой стороны, внимание Н. К. Гудзия привлекает литературная и общественно-идеологическая деятельность исторических лиц, которые играли большую роль в развитии средневековых литератур и культур славянских народов и в их отношениях с Западом, таких как Петр Скарга и Максим Грек (см. работы Н. К. Гудзия: «Максим Грек и его отношение к литературе Итальянского Возрождения», 1911; «Переводы «Żiwotów Swętych» Петра Скарги в Юго-Западной Руси» и др.).

Около середины 20-х годов начинается новый, московский, период научного труда Н. К. Гудзия. На начальной стадии он ознаменован перемещением центра исследовательских интересов Гудзия в область истории русской литературы и общественной жизни нового времени — XIX и XX вв. Н. К. Гудзий занимается теперь изучением деятельности поэтов-декабристов, творчества Пушкина, Островского, Льва Толстого, Тютчева, в особенности его влияния на поэтику символизма.

Очень интересно и оригинально исследование Н. К. Гудзия «Из истории раннего русского символизма. Московские сборники „Русские символисты“», основанное на глубоком и тщательном анализе рукописного наследия В. Я. Брюсова и неоспоримо доказавшее основную авторскую и редакторскую роль Брюсова по отношению к преобладающему числу псевдонимных произведений в сборниках «Русские символисты». С этим исследованием связана другая работа Н. К. Гудзия «Юношеское творчество В. Брюсова».

С конца 20-х, но особенно интенсивно и последовательно — с первой половины 30-х годов — осуществляется возврат Н. К. Гудзия к древнерусской, а затем и к древнеукраинской литературам.

С того времени горизонт научного творчества Н. К. Гудзия необыкновенно расширяется, методы и приемы его литературоведческих изысканий все углубляются и усложняются.

У Н. К. Гудзия образуются два самостоятельных и вместе с тем внутренне, в идейно-художественной глубине русского культурного развития для него органически связанных круга историко-литературных наблюдений. Это — круг древних восточнославянских литератур и прежде всего истории древнерусской литературы; и второй круг — это сфера сложной и напряженной литературной жизни России в XIX веке, когда великая русская литература достигла мировых вершин; и в ней — среди других светил — особенно полюбились Н. К. Гудзию Пушкин и Лев Толстой.

Н. К. Гудзию принадлежит большая историческая заслуга создания нового оригинального обобщенного и насыщенного конкретными исследованиями курса истории древнерусской литературы, который пришел на смену курсам профессоров Е. В. Петухова, В. А. Келтуялы, академиков П. Н. Сакулина и А. С. Орлова. Этот курс сыграл огромную и важную роль в оживлении и распространении общественного интереса к возникновению древнерусской литературы и к разным этапам ее развития до XVIII века не только у нас и в славянских странах, но и вообще на Западе, а также в Америке. Изменяясь, улучшаясь, дополняясь и обновляясь от одного издания к другому, этот курс вместе с удачно составленной Н. К. Гудзием хрестоматией по древнерусской литературе XI—XVIII веков служил и теперь еще служит животворным источником, знакомства самых глубоких слоев нашей советской, западноевропейской и американской интеллигенции с древнерусской литературной культурой и поэзией.

Само собой разумеется, что Н. К. Гудзию приходилось внимательно изучать все возрастающую за последние десятилетия мировую научную продукцию, относящуюся к разным сферам древних славянских литератур, прежде всего русской и украинской, и отзываться на разнообразные явления в этой области.

Вместе с тем Н. К. Гудзий в отдельных статьях и очерках самостоятельно исследовал и тонко разъяснял многие темные страницы древнерусской литературной истории. Достаточно вспомнить его работы о протопопе Аввакуме, о «Слове о полку Игореве», о «Слове о погибели Рускыя земли», о повести Иосифа Флавия, об Александрии, о Серапионе Владимирском, о древнерусской естественно-научной литературе, о «Молении Даниила Заточника», о зарождении и становлении московской литературы, о Катыреве Ростовском и мн. др.

Рядом с Д. С. Лихачевым до самых последних дней своей жизни Н. К. Гудзий стоял во главе нашего активного, ценною и очень продуктивного отряда знатоков и исследователей древнерусской литературы. Показательно, что в последние десятилетия все шире и глубже становились наблюдения и культурно-исторические обобщения Н. К. Гудзия над взаимными связями славянских литератур — русско-украинскими, украинско-русскими, для древнерусской литературы — с южнославянскими. Достаточно сослаться на его труды: «Литература Киевской Руси в истории братских литератур», «Русско-украинские литературные связи», «Культурные связи украинского и русского народов до XVIII в.», доклады на IV и V международных съездах славистов о связи древних восточнославянских литератур с южнославянскими.

Избрание Н. К. Гудзия в 1945 г. в действительные члены Украинской Академии наук обострило и расширило его занятия историей украинской литературы, не только древней, но и новой. Н. К. Гудзий активно участвует в работе по созданию общего очерка истории древнеукраинской литературы и помещает в нем самостоятельно написанные главы. Важное значение имеет его работа об украинских интермедиях XVII—XVIII столетия при издании соответствующих текстов. Он интересуется также проблемой формирования украинской национальной литературы и ее связями с русской национальной литературой. Характерны его работы: «„Энеида“ И. П. Котляревского и русская травестированная проза XVIII в.», «Шевченко и росiйська революцiйна демократична думка», «Иван Франко и русские писатели», «Иван Франко и російська культура» и другие.

В истории русской литературы XIX века Н. К. Гудзий, наряду с общими вопросами текстологии, теории литературы и стилистики, которые в его трудах были связаны по большей части с анализом словесно-художественных произведений XIX века и начала XX века, много внимания уделял и со страстью и огромным усердием отдавался изучению творчества Пушкина и Толстого, больше всего Толстого. Самостоятельные исследования и критические статьи Н. К. Гудзия по вопросам текстологии, относящиеся как к древней, так и к новой русской литературе (например, к изучению текста «Слова о полку Игореве», к исследованию текста рукописей Л. Толстого, к конкретно-исторической постановке вопроса о тексте «Войны и мира» и др.), имеют очень большую теоретическую, методологическую и научно-методическую ценность. Вообще, в энергично, разнообразно и во многом по-новому разрабатываемой у нас области научной текстологии роль Н. К. Гудзия почетна и самостоятельна.

Глубокая и горячая любовь Н. К. Гудзия к Пушкину, особенно к его стиховой поэзии, выражалась в пристальном изучении и глубоком знании пушкинских текстов, в живых, полных искреннего восхищения и светлых чувств литературных откликах на пушкинские юбилейные даты и празднества, в изящных и остроумных очерках пушкинского творчества, в библиографических обзорах достижений пушкиноведения. Но Н. К. Гудзий не оставил после себя крупных пушкиноведческих монографий. Из отдельных его статей на пушкинские темы наиболее примечательными можно считать: «К истории сюжета романса Пушкина о бедном рыцаре», текстологические и историко-литературные разыскания о поэме «Братья разбойники», «Пушкин в работе над „Словом о полку Игореве"» и стилистическая работа: «Прозопопея у Пушкина».

Более богатым и разносторонним является наследие Н. К. Гудзия в области изучения творчества Л. Толстого. Очевидно, Толстой был ближе и родственнее Н. К. Гудзию и по стилю и по идейно-художественному содержанию своего творчества, и по своим моральным поискам личной и общественной «правды-справедливости», и по своей тесной и глубокой связи с основными проблемами и задачами нашей современности. Первые статьи Н. К. Гудзия, относящиеся к творчеству Толстого, появились в 1948 году («Толстой и Лесков», «Молодой Толстой и цензура»). До конца дней Н. К. Гудзия Лев Толстой был неизменным спутником его жизненного труда и творческого подвига.

Трудолюбиво, настойчиво и тщательно изучал Н. К. Гудзий рукописи великого писателя, обследовал рукописные и печатные варианты. Он подготовил печатный текст «Анны Карениной», «Воскресения», «Власти тьмы», «Плодов просвещения», «Крейцеровой сонаты», «Записок старца Федора Кузьмича», «Что же нам делать», ряда рассказов (например, «Алеша Горшок»), публицистических и религиозно-философских статей Толстого, многих неизвестных и неопубликованных его черновых набросков.

Н. К. Гудзий воспроизвел творческую историю, последовательность процессов работы Толстого над такими произведениями, как «Воскресение», «Крейцерова соната», «Власть тьмы» и др. Он написал важную обобщающую книгу «Как работал Толстой» и очень содержательный, живой и глубокий критико-биографический очерк творчества Льва Толстого. Он исследовал пушкинское и гоголевское начала в творчестве Льва Толстого. Он сделал ценнейшие наблюдения над стилем Льва Толстого и его эволюцией. По многообразию нового, ранее неизвестного и недоступного конкретного материала по тщательности и продуманности наблюдений, по основательности выводов многочисленные труды Н. К. Гудзия, посвященные Льву Толстому, занимают одно из видных и почетных мест в мировой и советской науке о творчестве этого великого писателя.

Важно указать на то, что Н. К. Гудзий хорошо знал, внимательно изучал и тонко ценил историю нашей отечественной филологии, включая сюда и ее развитие в Московском университете. Нельзя не вспомнить с великой благодарностью также труды Н. К. Гудзия в области изучения истории русской филологической науки: «Н. С. Тихонравов», «Изучение русской литературы в Московском университете (дооктябрьский период)», «О русском литературоведческом наследстве», «Сравнительное изучение литератур в русской дореволюционной и советской науке», «Основные моменты в изучении истории славянской филологии в России», «Изучение древней русской литературы за сорок лет советской власти», «Вивчення українськоі літератури до і післяжовтня» и др.[1].

Так сложен, глубок и разнообразен научно-исследовательский путь Н. К. Гудзия. Н. К. Гудзий оставил после себя многочисленные кадры учеников. Он был талантливым учителем, блестящим лектором и оратором. Его университетские курсы и семинары дышали атмосферой творческого воодушевления.

Николай Каллиникович привлекал к себе окружающее общество как человек высокого благородства, кристально чистой души, неизменной благожелательности,

---

[1] См. библиографию трудов Н. К. Гудзия до 1957 г. в издании Московск. гос. университета : «Николай Каллиникович Гудзий. 1957».

безупречной принципиальности, душевной щедрости, тонкого, ласкового юмора, бескорыстной любви к литературе и искусству.

Он пользовался большой любовью и уважением своих друзей, учеников и знакомых. Его воспитательная и культурно-образовательная роль очень плодотворна и высока. Память о нем в нашем сознании и наших сердцах не может померкнуть.

В. В. Виноградов

О Н. К. ГУДЗИИ — ЧЕЛОВЕКЕ

Когда умирает человек, хочется запомнить прежде всего его человеческие черты. Огромный вклад, внесенный ученым в науку, всегда останется с нами. К научным трудам умершего мы всегда сможем обратиться и после, а вот человека не стало! Нет больше живого, быстрого, искреннего друга, доброжелательного и вспыльчивого, доверчивого к доброму и недоверчивого ко всему злому, недоумевавшего перед всякой человеческой подлостью, до конца своих дней отказывавшегося понимать, зачем люди делают зло друг другу, страстно искавшего справедливости.

Николая Каллиниковича называли совестью советского литературоведения. Это не титул и не должность. Этим званием не награждают; его нельзя выслужить, но его можно заслужить.

Он заслужил это высокое звание своею искренностью и правдивостью. Он был правдив и искренен во всем, что он писал, делал и говорил. Он не был ни дипломатом, ни чиновником, ни хитрецом. Он не мог притворяться, выжидать или молчать, когда надо было протестовать, заступаться или кого-то поддерживать.

Как и многие очень добрые люди, он был вспыльчив. Сколько раз мы видели его рассерженным, возмущающимся, но, вспылив, он быстро отходил.

И он был очень добр. Он никогда не радовался чужим неудачам, оплошностям, ошибкам, смешному положению, в которое попадал человек. Дурные поступки его всегда болезненно огорчали. Зато как он радовался чужим успехам, удачной книге, удачному выступлению, награждению достойных. В нем не было ни на йоту злорадности. Это было нечто несовместимое с его натурой. Он был доброрадостен.

Его очень много фотографировали ученики. И на всех фотографиях «гудзиевское» выступало очень ярко: его характерные жесты, его улыбка, его глаза. Это потому, что он всегда был самим собой: искренним до предела. И глаз фотоаппарата это тоже «видел».

Когда он был в Англии, он очаровал англичан. В особенности в восторге были от него правнучки Вальтера Скотта. Он сумел завоевать их сердца своею непосредственностью. Когда он приехал к ним в замок и его встретили две пожилые хозяйки, он искренне изумился: «Какие же вы правнучки,— ведь правнучки должны быть девочками!» Но правнучки нашлись. В тон Николаю Калинниковичу они заявили, что очень огорчены, что не подошли ему по возрасту. «Напротив,— заявил Николай Каллиникович,— я обрадован, что ваш возраст подходит к моему». Через полчаса он уже с ними танцевал. И Николай Каллиникович танцевал за двоих. Вернее: он танцевал с двоими. Может быть это легенда, но легенду эту рассказывали мне англичане. Она отражает то впечатление, которое произвел на англичан Николай Каллиникович. А разве меньше были очарованы им шотландцы? Даже через несколько лет после посещения Эдинбурга Николаем Каллиниковичем студенты университета прислали ему теплый шотландский плед. Они его не забывали...

В науке, в литературе, в жизни — его всегда интересовали прежде всего люди. И он всегда стремился к установлению справедливости в отношении людей.

Не потому ли он так интересовался древнерусской литературой и Львом Толстым, что он и сам был страстным правдоискателем? Не потому ли он так любил заниматься историографическими вопросами, что это отвечало его стремлению восстанавливать справедливость? Вспомните его статьи о Тихонравове, Буслаеве, Веселовском и о многих других: он не только изучал их — он з а с т у п а л с я за них. Мы все помним

и его замечательную статью «Забытые имена» в «Литературной газете», где он стремился восстановить доброе имя русских ученых, А. Н. Веселовского в первую очередь.

Каким-то неведомым образом он знал, что должен скоро умереть, и он торопился написать статью о своем учителе — Владимире Николаевиче Перетце, реабилитировать его память, показать его значение в истории нашей науки.

И вот теперь мы должны по достоинству оценить его самого,— того, кто так много и так деятельно заботился о достоинстве и достойной памяти других!

«Какою мерою мерите вы,— такою возмерится и вам». Как трудно призвать на этот последний суд — суд памяти — Николая Каллиниковича! Разве легко соразмериться с ним в этой работе правдоискателя — искателя правды для других.

Никакими словами не заполнить той пустоты, которая образовалась в душе каждого из знавших Николая Каллиниковича с его смертью. Словами эту пустоту заполнить нельзя, но ее можно хоть немного уменьшить, если мы в память об этом добром правдолюбце станем сами хоть немного добрее и справедливее друг к другу, станем более правдивы и искренни во всем, что говорим и пишем.

Д. С. Лихачев

Фотография Н. К. Гудзия, воспроизведенная на стр. 557, сделана А. Н. Робинсоном на IV Международном съезде славистов в Москве (1958 г.).

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ[1]

Составила Т. Г. Динесман

I. ПОРТРЕТЫ ТОЛСТОГО

ТОЛСТОЙ В ИЗОБРАЖЕНИИ ЗАРУБЕЖНЫХ ХУДОЖНИКОВ[2]

(ЖИВОПИСЬ, СКУЛЬПТУРА, РИСУНОК, ГРАВЮРЫ, ЛИТОГРАФИИ)

Толстой. Грав. неизв. итал. художника.— Angelo de G u b e r n a t i s. Dizionario biografico degli scrittori contemporania, t. II. Firenze, 1879—I, 313

Толстой. Грав. Этьена Паннемакера. Фронтиспис первого америк. изд. трилогии «Детство. Отрочество. Юность». «Childhood, Boyhood, Youth. By count Lyof N. Tolstoï. Transl. from the Russian by Isabel F. Hapgood». New York. 1886. ЯП — I, 408

Толстой. Литогр. франц. художника Теофиля Беранжье. 1886 — Фронтиспис сборника рассказов Толстого — Léon T o l s t o i. Dernières nouvelles. Paris, 1887. ЯП — II, 63

Толстой. Офорт нем. художника Людвига Кюна. Отпечатан в Бреславле. 1887. ГМТ — I, 339

Толстой. Грав. неизв. художника. Голланд. изд. «Войны и мира» — «Oorlog en vrede». Arnhem, 1887. Обложка. ЯП — I, 349

Толстой. Грав. с рис. франц. художника Гастона Вюйе.— «Le Monde illustré», 18.II. 1888—I, 371

Толстой. Литогр. неизв. художника. Фронтиспис нем. изд. повести «Хозяин и работник».— L. T o l s t o i. Der Herr und sein Knecht. s. l. 1895 («Bibliothek der Gesamt-Literatur des In-und Auslandes»). ЯП — II, 221

Толстой. Литогр. франц. художника Анри Лефора, 1896. ИРЛИ — I, 45

Толстой. Грав. франц. художника Анри Тириа.— «Illustration» 17.IX. 1898—II, 83

Толстой. Цветн. грав. неизв. художника. Фронтиспис англ. изд. трактата «Что такое искусство?».— L. T o l s t o y. What is art? London, 1898. ЯП — I, фронтиспис.

Толстой. Бюст работы Н. Л. Аронсона, 1901. Был выставлен в Сорбонне 12 марта 1911 г. во время траурного заседания, посвященного памяти Толстого. Собр. Жака Карлю, Париж — I, 127

Толстой. Офорт швед. художника Акселя Тальберга, 1901. ИРЛИ — I, 421

Толстой. Грав. англ. художника Роберта Брайдена, 1901. ГМТ — I, 461

Толстой. Офорт нем. художника Ганса Вейля, 1901. ГМТ — II, 209

Толстой. Грав. франц. художника Анри Тириа.— «Illustration», 15.II.1902—I, 537

Толстой. Литогр. франц. художника Луи Мальтеста, 1902 〈?〉. ИРЛИ — II, фронтиспис

Толстой. Грав. неизв. художника, начало 1900-х годов. ИРЛИ — I, 117

«Толстой, окруженный призраками бедствий, терзающих его родину». Фототипия с картины польск. художника Яна Стыка, 1900-е гг. ГМТ — I, 99

Толстой. Грав. с портрета И. Е. Репина. Англ. журнал «Stead's Annual», 1906, № 1. Обложка — II, 101

Толстой. Грав. нем. художника Пауля Горст-Шульце для экслибриса библиотеки Толстого — «Искры», 1910, № 8—I, 566

---

[1] Список условных сокращений:
АТ — Архив Толстого Государственного музея Л. Н. Толстого, Москва
ГМТ — Государственный музей Л. Н. Толстого, Москва
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, Ленинград
ЯП — Государственный музей-усадьба «Ясная Поляна»
BA — Bibliothèque de l'Arsenal, Paris
BN — Bibliothèque Nationale, Paris

[2] В этот раздел включены также скульптуры Н. Л. Аронсона и А. Гюрджана, работавших во Франции, и рисунок Н. А. Кравченко 〈?〉, опубликованный в хорватском журнале «Vienac».

Толстой. Рис. бельг. художника Франса Мазерееля (тушь, белила), 1910. С дарств. надписью автора П. И. Бирюкову. ГМТ — I, 571
Толстой. Рис. неизв. художника.— Leone T o l s t o i. L'Ultima parola. Roma, 1910. Обложка — II, 369
Толстой. Грав. англ. художника Фрэнка Эманюэля — «The Manchester Guardian», 17.XI. 1910—II, 379
Толстой. Грав. франц. художника Анри Тириа.— «Illustration», 19.XI. 1910—II, 365
Толстой. Рис. Карела Ежи.— Сербский журнал «Венац», 15 XII. 1910—II. 451
Толстой. Рис. Н. И. Кравченко (?). Хорватский журнал «Vienac», декабрь 1910. Обложка — II, 433
Толстой. Рис. франц. художника Пьера Вибера.— Пригласительный билет на траурное заседание памяти Толстого в Сорбонне 12 марта 1911 г. ГМТ — II, 397
Толстой. Бюст, установленный в местечке Селца на острове Брач (Югославия). Коллективная работа югославских каменотесов, 1914. Фото, 1964. Предоставлен «Лит. наследству» Верой Стоич (Белград) — I, 257
Памятник Толстому в Париже (сквер Толстого на бульваре Сюше). Скульптура А. Гюрджана (мрамор), 1914. Открытие памятника 5 июля 1955 г.; общий вид. Фото, предоставленные «Лит. наследству» г-жой Жаклин де Пруайар (Париж) — I, 218, 219
Толстой. Горельеф работы итал. скульптора Трапасси (мрамор). 1910-е годы. ИРЛИ — I, 16, 17
Толстой. Грав. англ. художника У. Г. Раффе, 1920. ГМТ — I, 143
Толстой. Грав. с рис. Бертольда Мана. Фронтиспис франц. изд. «Крейцеровой сонаты» — L. T o l s t o i. La Sonate à Kreutzer suivie d'un essai sur la question sexuelle. Paris, 1922—I, 167
Толстой. Грав. с рис. нем. художника Брайденштейна.— Сборник статей Толстого: Leo T o l s t o i. Aufruf an die Menschheit. Berlin, 1927. Обложка — I, 191
Толстой-сеятель. Рис. неизв. румын. художника. Журнал «Ideea Tolstoiană in lupta binelui cu răul şi către adevăr», VI, 1928, № 1. Обложка ГМТ — II, 299
Толстой. Офорт франц. художника Эдуара Леона, 1928. ГМТ — I, 301
Толстой. Грав. итал. художника Бруно Браманти. Сборник драматич. произв. Толстого. T o l s t o i. Teatro. Firenze, 1952. Суперобложка — I, 213
Толстой. Рисунок неизв. итал. художника.— Paolo B i r i u k o f. Edmondo M a r c u c c i. Tolstoi e l'Oriente. Milano, 1952. Обложка — I, 275
Толстой. Офорт чешск. художника Рудольфа Климовича, 1954. Предоставлен «Лит. наследству» автором (Прага) — I, 597
Толстой. Офорт чешск. художника Рудольфа Климовича. Выполнен для издания: «Spisy Lva Nikolajeviče Tolstého», t. III, Praha, 1955. Предоставлен «Лит. наследству» автором (Прага) — I, 279
Толстой. Грав. неизв. художника. Обложка сборника рассказов Толстого, изд. на языке га. Кейп-Кост, 1958—I, 37
Толстой. Рисунок индийск. художника Ишварана. Сборник рассказов Толстого, изд. на тамильском языке. Мадрас, 1959. Обложка — I, 51
Толстой. Рис. тушью кит. художника Лю-Чуй, 1950-е годы. ГМТ — I, 613
Толстой. Миниатюра иранск. художника Али Керими, 1950-е годы. ГМТ — II, 543
Толстой. Грав. неизв. чешск. художника.— Пригласительный билет на торжественное заседание памяти Толстого в пражском Народном музее, 1960 г.; афиша выставки, посвященной Толстому, в Братиславе, 22 мая 1961 г. ГМТ — II, 461, 533
Толстой. Рис. неизв. художника.— Ливанский журнал «Ат-Тарик», 1961, № 2 (номер, посвященный Толстому). Обложка — II, 551
Толстой. Рис. неизв. венг. художника.— Сборник «Tolstoj emlékkönyv». Budapest, 1962. Суперобложка — II, 481
Толстой. Рис. неизв. художника.— «Крейцерова соната». Изд. на сингальском языке. Коломбо, 1962. Обложка — II, 545
Толстой. Рис. америк. художника Рокуэлла Кента (итал. карандаш, белила), 1963. Выполнен для настоящего тома «Лит. наследства». Передан редакцией на постоянное хранение в ГМТ — I, 259
Толстой. Рисунок индийск. художника Мани. «Воскресение», изд. на бенгальском языке. Калькутта, б. г. Обложка.— I, 237

ФОТОГРАФИИ

ФОТОГРАФИИ С ДАРСТВЕННЫМИ НАДПИСЯМИ ТОЛСТОГО ЕГО ИНОСТРАННЫМ КОРРЕСПОНДЕНТАМ

Толстой. Фото 1901 с дарств. надписью Полю Буайе, 18 июля 1901 г. Institut des Etu des Slaves à Paris — I, 391
Толстой. Фото, присланное редактору польск. журнала «Czystość» Августину Врублевскому 31 июля 1908.— «Czystość», 15. IX.1908, № 6—II, 281

ФОТОГРАФИИ ТОЛСТОГО, ВОСПРОИЗВЕДЕННЫЕ В ИНОСТРАННЫХ ИЗДАНИЯХ

Толстой. Фронтиспис фин. изд. рассказа «Чем люди живы».— L. T o l s t o i. Millä ihmiset eläwät. Helsingissä, 1887. ЯП — I, 399

Толстой. Фронтиспис датск. сборника произведений Толстого.— «I Kamp for Lykken. Livsbilleder at Grev Léo Tolstój». Oversat fra russisk af Em. Hansen. Kjøbenhavn, 1888. ЯП — I, 319

Толстой. Фото с автографич. подписью писателя, 17 ноября 1904 г.— Франц. газета «Paris-Journal», 20.XI.1910.— II, 391

Толстой. Фото В. Г. Черткова, 1910.— Чеш. журнал «Zlata Praha», 1910, № 49. ЯП — II, 439

Толстой. Фото 1890-х годов.— Афиша выставки, открытой к 50-летию со дня смерти Толстого в Национальной библиотеке, Париж, декабрь 1960 г. ИРЛИ — II, 523

ТОЛСТОЙ С ИНОСТРАННЫМИ ПОСЕТИТЕЛЯМИ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ

Альберт Шкарван у Толстого в Ясной Поляне. Фото, август 1896. Изображены: А. А. Берс, Ш. Бонэ-Мори, А. Н. Дунаев, m-lle Обер, Н. Л Оболенский, А. Л. Толстая, М. Л. Толстая, С. А. Толстая, Т. Л. Толстая, А. Л. Толстой, М. Л. Толстой, В. Г. Чертков, И. И. Шибанов, А. Шкарван. ГМТ — II, 125

Шарль Саломон у Толстого в Ясной Поляне. Фото, август 1899 г. Изображены: А. Д. Архангельский, Н. Н. Ге (сын), Д. Д. Дьяков, Джеймс Мэвор, Шарль Саломон, А. Л. Толстая, М. Н. Толстая, О. К. Толстая, С. А. Толстая, Т. Л. Толстая, А. Л. Толстой, М. Л. Толстой, С. Л. Толстой. ГМТ — I, 589

Толстой и Токутоми Рока в Ясной Поляне. Фото С. А. Толстой, 1906. ГМТ — II, 179

Толстой и Ванда Ландовска. Фото С. А. Толстой, 1907 (пересъемка фотографии «Станислав», Париж). ИРЛИ — II, 251

* * *

Толстой. Фото. Гаспра, 1902. ГМТ — II, 32, 33

Толстой. Фото В. Г. Черткова, 1906. ГМТ — I, 73

Толстой. Фото В. Г. Черткова, 1907, ГМТ — I, 72

Толстой в Ясной Поляне: на прогулке у реки; в поле за околицей. Фото В. Г. Черткова, 1908. ГМТ — I, 69

II. АВТОГРАФЫ И РИСУНКИ ТОЛСТОГО

Письмо Ромену Роллану от 3 <?> октября 1887 г. Черновой автогр., л 1. АТ — I, 77

Помета на конверте письма Петера Ганзена от 3 августа 1890 г. АТ — I, 327

Письмо Шарлю Саломону от 5/17 марта 1894 г. Лл. первый и последний. BN — I, 590, 591

Записи в книге регистрации корреспонденции, поступавшей в Ясную Поляну на имя писателя, 19—20 октября 1899 г. АТ — I, 303

Пометы на книге Бернарда Шоу «Человек и сверхчеловек» — G-Bernard S h a w. Man and Superman, London, 1906, стр. 130. ЯП — I, 93

Рисунок к роману Жюля Верна «Путешествие вокруг света в 80 дней».— E. M a r c u c c i. Les illustrations des «Voyages extraordinaires» de Jules Verne. Bordeaux, 1956 — II, 69

III. ДОКУМЕНТЫ[1]

Билет на право посещения лондонского клуба «Athenaeum» от 5 марта 1861 г. Был вручен Толстому во время его пребывания в Лондоне. АТ — I, 311

Сообщение о приезде Толстого в Веймар в списке лиц, прибывших 11 апреля 1861 г.— «Weimarer Zeitung», 12 IV. 1861—II, 213[2]

Гоффурьерский журнал Саксен-Веймар-Эйзенахского герцогства с записью о присутствии Толстого на обеде во дворце 13 апреля 1861 г. Главный архив Земли Тюрингии, Веймар — II, 212

Чек (дубликат) на получение денег для помощи голодающим, присланный Толстому америк. переводчицей его произведений Изабеллой Хэпгуд, 8 августа 1892 г. АТ — I, 413

Анкета французской газеты «L'Humanité nouvelle», посвященная проблеме войны и милитаризма. Послана Толстому в марте 1898 г. АТ — I, 503

---

[1] На документах, отмеченных знаком *, воспроизведены портреты Толстого, которые включены и в раздел I.

[2] Эта и следующая иллюстрации предоставлены «Лит. наследству» Экбертом Пехштедтом (Эрфурт). Публикуются впервые.

Книга регистрации корреспонденции, поступавшей на имя Толстого.— *см.* раздел II («Автографы Толстого»)
Диплом почетного члена Гётеборгского королевского научного и исторического общества, присланный Толстому в 1900 г. АТ — I, 425
Адрес мадридского «Общества республиканцев-федералистов», посланный Толстому 23 марта 1901 г. в связи с отлучением его от церкви. АТ — I, 471
Адрес представителей шведской интеллигенции, посланный Толстому в связи с тем, что впервые установленная Нобелевская литературная премия не была ему присуждена, конец 1901 — начало 1902 гг. АТ — I, 121
Адрес нью-йоркского юношеского общества имени Толстого, посланный писателю 17 июня 1904 г. АТ — I, 403
Устав студенческого «Толстовского союза» г. Дижона (Франция), посланный Толстому 19 января 1905 г., вместе с сообщением об избрании его председателем союза. Обложка. АТ — I, 445
Диплом почетного члена Русско-сербского клуба, присланный Толстому в 1906 г. Обложка. АТ — I, 499
Поздравительный адрес, посланный Толстому группой поляков в связи с 80-летием со дня его рождения, сентябрь 1908 г. АТ — I, 107
Сопроводительное письмо к приветственному адресу, посланному Толстому 9 сентября 1908 г. английскими почитателями по случаю его 80-летия. АТ — I, 133
Диплом почетного члена «Польского общества друзей мира», присланный Толстому в сентябре 1908 г. АТ — I, 515
*Пригласительный билет на траурное заседание памяти Толстого в Сорбонне 12 марта 1911 г. Лицевая сторона и разворот с программой заседания. ГМТ — II, 397, 401
*Афиша выставки, открытой к 50-летию со дня смерти Толстого в Национальной Библиотеке в Париже, декабрь 1960 г. ИРЛИ — II, 523
Афиша выставки, открытой к 50-летию со дня смерти Толстого в пражском Народном музее, 1960 г. ГМТ — II, 537
*Пригласительный билет на торжественное заседание памяти Толстого в пражском Народном музее, 1960 г. ГМТ — II, 463
*Афиша выставки, посвященной Толстому. Братислава, 22 мая 1961 г. ГМТ — II, 533

IV. ПИСЬМА И РУКОПИСИ ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ И КОРРЕСПОНДЕНТОВ ТОЛСТОГО

П. Ганзен. Конверт письма от 3 августа 1890 г., Райволо (Финляндия) с пометкой Толстого. См. раздел II («Автографы Толстого»).
Г. Гауптман. Поздравительная телеграмма к 70-летию со дня рождения Толстого, 28 августа 1898 г., Берлин. АТ — I, 138
Ф. Дегген. Конверт письма от 21/8 ноября 1910 г., Лондон. Адресовано в Астапово. АТ — I, 531
А. Дейк. Конверт письма от 20 ноября 1907 г., Париж. С адресом: «Графу Льву Толстому. Россия». АТ — I, 387
В. Нэль. Конверт письма от 1907 г., Арнем (Голландия). Ошибочно адресовано в Америку. АТ — I, 525
Э. Пегот-Ожье. Письмо от 10 августа 1857 г., Париж. Самое раннее из сохранившихся писем иностранных корреспондентов Толстого. Последний лист с адресом. АТ — I, 307
Р. Роллан. Первое письмо Толстому от 16 апреля 1887 г., Париж. Листы первый и последний; конверт с пометой рукой С. А. Толстой. АТ — I, 63, 64
Токутоми Рока. Открытки с новогодними поздравлениями. Декабрь 1902 г., декабрь 1903 г. АТ — II, 175, 197
Анатоль Франс. Речь, произнесенная 12 марта 1911 г. в Сорбонне на траурном заседании памяти Толстого. Черновой автограф. BN — I, 129
Х. С. Хоуард. Конверт письма от 15 октября 1906 г., Арнем (Голландия) с адресом: «В Россию, автору „Войны и мира“ и „Анны Карениной“. АТ — I, 343
Альберт Шкарван. Страницы воспоминаний о Толстом («Синяя тетрадь»). Собр. П. Г. Богатырева, Москва — II, 127

V. КНИГИ С ДАРСТВЕННЫМИ НАДПИСЯМИ ТОЛСТОМУ[1]

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ТОЛСТОГО В ПЕРЕВОДАХ НА ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ С ДАРСТВЕННЫМИ НАДПИСЯМИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

*«I Kamp for Lykken. Livsbilleder at Grev Léo Tolstój. Oversat fra russisk af Em. Hansen». Kjøbenhavn, 1888. Датск. изд. произведений Толстого. Тит. лист, фронтиспис и форзац с дарств. надписью Петера Эмануэля Ганзена, 24 февраля 1888. ЯП — I, 319

[1] Издания, отмеченные знаком *, содержат портреты Толстого и включены также и в раздел I.

L. N. T o ł s t o j. Co to jest sztuka ? Z upoważnienia autora spolszczył Adolf Jakob Cohn. Warszawa, 1901. Польское изд. трактата «Что такое искусство?» Обложка и шмуцтитул с дарств. надписью Адольфа К о н а, 21. I. 1901. ЯП—II, 262, 263
Leo N. T o l s t o j. Die Früchte der Bildung. Übers. von Raphael Löwenfeld. Berlin, 1891. Нем. изд. драмы «Плоды просвещения». Обложка и шмуцтитул с дарств. надписью Рафаэля Л ё в е н ф е л ь д а, 18 декабря 1890 г. ЯП — II, 234, 235
Leon T o l s t o j. Zmartwychwstanie. Z upoważnienia autora przełożył S. Stempowski. Warszawa, 1900. Польск. изд. романа «Воскресение». Тит. лист с дарств. надписью С. С т е м п о в с к о г о, 18 апреля/1 мая 1900 г. ЯП — I, 101
* «Childhood, Boyhood, Youth. By count Lyof N. Tolstoï. Transl. from the Russian by Isabel F. Hapgood». New York, 1886. Первое америк. изд. трилогии «Детство. Отрочество. Юность». Тит. лист с дарств. надписью Изабеллы Хэпгуд, 24 августа 1886 г.; фронтиспис. ЯП — I, 408, 409
«Sevastopol. By count Lyof N. Tolstoï. Transl. from the Russian by Isabel Hapgood». New York, 1888. Первое америк. изд. «Севастопольских рассказов». Тит. лист с дарств. надписью Изабеллы Х э п г у д; вклейка со списком произведений Толстого, вышедших до 1888 г. в америк. издательстве Т. Кроуэлла — I 414, 415
«Für alle Tage. Ein Lebensbuch von Leo Tolstoi. Erste vollständig autorisierte Übersetzung. Herausgegeben von E. H. Schmitt und A. Skarvan». Dresden, 1906. Первое нем. изд. сборника «На каждый день». Т. I. Тит. лист и шмуцтитул с дарств. надписью Альберта Шкарвана, 9 апреля 1906 г. ЯП — II, 148, 149
Lew T o l s t o i. Stăpân şi slugă. Povestire. Trad. din ruseşte de «Viribus unitis», Iaşi, 1895. Первое румын. изд. повести «Хозяин и работник». Тит. лист с дарств. надписью анонимного переводчика, 11 июня 1895 г. ЯП — II, 307

КНИГИ С ДАРСТВЕННЫМИ НАДПИСЯМИ ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Leo B e l m o n t. Lew Tołstoj. Życie i dzieła. Zarys biograficzno-krytyczny. Kraków, 1904. Обложка и шмуцтитул с дарств. надписями автора, июль 1904 г. ЯП — II, 266, 267
Georges B o u r d o n. En écoutant Tolstoi. Paris, 1904. Шмуцтитул с дарств. надписью автора, б. д. ЯП — II, 41
John G a l s w o r t h y. Justice. London, 1910. Форзац с дарств. надписью автора, 9 марта 1910 г. ЯП — I, 145
Hamlin G a r l a n d. Main travelled roads. Chicago, 1894. Книга была прислана Толстому с дарств. надписью автора в 1897 г. Обложка. ЯП — I, 163
Henry G e o r g e. The Condition of Labor. An open letter to Pope Leo XIII. New York, 1891. Тит. лист и форзац с дарств. надписью автора, 25 марта 1895 г. ЯП — I, 454, 455
Henry L a p a u z e. De Paris au Volga. Paris, 1896. Шмуцтитул с дарств. надписью автора, б. д. ЯП — II, 23
Jules L e g r a s. Au pays russe. Paris, 1895. Шмуцтитул с дарств. надписью автора, б. д. ЯП — II, 13
Octave M i r b e a u. Les Affaires sont les affaires. Paris, 1903. Шмуцтитул с дарств. надписью автора, б. д. ЯП — II, 55
Denis R o c h e. Anton Tchekhov. Les Moujiks. Traduits du russe par D. Roche. Paris, 1901. Обложка и шмуцтитул с дарств. надписью переводчика, б. д. ЯП — II, 26, 27
Romain R o l l a n d. Le Temps viendra. Paris, 1903. Шмуцтитул с дарств. надписью автора, март 1903 г. ЯП — II, 77
Romain R o l l a n d. Jean-Chritophe à Paris, v. I. La Foire sur la Place. Paris, s. a. Форзац с дарств. надписью автора, 6 апреля 1908 г. ЯП — I, 79
G.-Bernard S h a w. Man and Superman. London, 1906. Шмуцтитул с дарств. надписью автора, 7 декабря 1906 г. ЯП — I, 91
G.-Bernard S h a w. The Shewing up of Blanco Posnet. London, 1909. Шмуцтитул с дарств. надписью автора, 23 марта 1910 г. ЯП — II, 113
Upton S i n c l a i r. The Jungle. New York, 1901. Обложка и форзац с дарств. надписью автора, 24 марта 1906 г. ЯП — I, 430, 431
W.-T. S t e a d. Lest we forget. A keepsake from the nineteenth century. London, 1901. Обложка с дарств. надписью автора, декабрь 1900 г. ЯП — II, 105
W.-Barnes S t e v e n i. Through Famine Stricken Russia. London, 1892. Тит. лист; шмуцтитул с посвящением Толстому и дарств. надпись автора, 15 декабря 1893 г. ЯП — I, 555
Berta S u t t n e r. Schach der Qual. Dresden, Leipzig, 1898. Шмуцтитул с дарств. надписью автора, 1898 г.— I, 511

Octavian T ă s l ă u a n u.— Румынский журнал «Luceafarul», 15. XII.1908, № 24. Обложка с дарств. надписью редактора журнала Окатавиана Тэслэуану. ЯП — I, 113

Kenjiro T o k u t o m i. Nami-Ko. Boston, 1904. Обложка и форзацы с дарств. надписями автора на англ. и япон. языках, декабрь 1905 г. ЯП — II, 171

T o k u t o m i P o k a. Толстой. Из серии «Двенадцать писателей» (на япон. языке), 1897. Форзацы с дарств. надписями автора на англ. и япон. языках, декабрь 1905 г. ЯП — II, 183

T o k u t o m i P o k a. Записки паломника. (На япон. языке). Токио, 1906. Тит. лист и форзац с дарств. надписью автора на англ. языке, 29 января 1907 г. ЯП — II, 192, 193

* * *

Björnstjerne B j ö r n s o n. Der König. Drama. Paris — Leipzig — München, 1897. Книга, присланная автором Толстому в феврале 1897 г. Обложка. ЯП — I, 333

VI. ЗАРУБЕЖНЫЕ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТОЛСТОГО[1]

АЛБАНСКИЙ ЯЗЫК

«Воскресение»

Ringjallja. Tirane, 1961. Тит. лист — II, 471

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

«Анна Каренина»

Anna Karenina. New York, 1886. Первое америк. изд. романа. Тит. лист и фронтиспис — I, 352, 353

Anna Karenin. London, The Penguin classics, 1956. Обложка — II, 475

«Война и мир»

War and Peace. Transl. from the Russian by Louise and Aylmer Maude. Illustr. with litographs and drawings by Barnett Freedman. Glasgow, 1938. Тит. лист первого тома — I, 288

War and Peace. Illustr. by J. Franklin Whitman. New York, 1949. Тит. лист — I, 11

«Воскресение»

Resurrection. Transl. by L. and A. Maude. London, The World's, Classics, 1956. Суперобложка: лицевая сторона и оборот с объявлением об англ. изд. произв. Толстого в переводах Э. и Л. Моодов — I, 150, 151

«О значении русской революции»

The Russian Revolution. Christchurch. The Free Age Press, 1907. Обложка: лицевая сторона и оборот с объявлением о произв. Толстого, выпущенных В. Г. Чертковым в изд-ве «The Free Age Press» — I, 464, 465

«Хозяин и работник»

Master and Man. London, Simple Life Series, № 11, s. a. Обложка. ЯП — I, 441

«Что такое искусство?»

What is art? Первая публикация на англ. языке.— «The New Order Supplement», 1898, июнь, № 4—I, 89

Сборник рассказов

«Tales by Tolstoy». Transl. by L. and A. Maude. London — New York — Toronto — Oxford, 1938. Обложка — II, 117

БЕНГАЛЬСКИЙ ЯЗЫК

*Воскресение. Калькутта, б. г. Суперобложка — I, 237

---

[1] См. также раздел V («Книги с дарственными надписями Толстому») и раздел VIII («Иллюстрации зарубежных художников к произведениям Толстого»).

На обложках изданий, отмеченных знаком *, воспроизведены портреты Толстого, включенные также в раздел I.

БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК

«Анна Каренина»

Ана Каренина.— «Събрани съчинения в четиринадесят тома». Том 8. София, 1956. Титульн. лист — II, 339

«Воскресение»

Възкресение. Прев. Л. Стоянов. София, 1947. Суперобложка — II, 335

Сборник рассказов

Повести и разкази. София, 1960. Суперобложка — II, 479

ВЕНГЕРСКИЙ ЯЗЫК

«Севастопольские рассказы»

Szevasztopol. Budapest, 1960. Суперобложка — I, 283

ВЬЕТНАМСКИЙ ЯЗЫК

Кавказский пленник. Ханой, 1963. Обложка — II, 549

ЯЗЫК ГА

*Сборник рассказов. Кейп-Кост (Гана), 1958—I, 37

ГОЛЛАНДСКИЙ ЯЗЫК

«Война и мир»

*Oorlog en vrede. Arnhem, 1887. Обложка. ЯП — I, 349

ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК

Собрание сочинений Толстого. Под ред. Никоса Беиса и Костаса Варналиса. Афины, 1957—1960. Тит. лист первого тома — II, 499

ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК

«Война и мир»

La Guerra y la Paz. Buenos Aires, 1957. Иллюстр. изд. Суперобложка — I, 265
Guerra y paz. Edicion ilustrada. Barcelona, 1960. Обложка первого тома — I, 57

ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК

«Carthago delenda est»

Carthago delenda est. Одна из первых публикаций.—Миланский журнал «La Vita internazionale», 20. IX.1898, № 18. Последний экземпляр, сохранившийся после конфискации и посланный редактором журнала Толстому. Начало статьи. ЯП—I, 507

Сборники

*L'Ultima parola (Novelle). Roma, 1910. Обложка — II, 369
*Teatro. Firenze, 1952. Суперобложка — I, 213

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Анна Каренина. 1917. Обложка — II, 344
Кавказский пленник. Шанхай, 1950. Обложка — I, 615

МАКЕДОНСКИЙ ЯЗЫК

«Анна Каренина»

Ана Каренина. Прва книга. Скопје, 1961. Тит. лист — II, 540

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

«Воскресение»

Auferstehung. —«Aus fremden Zungen», 1899, Heft N. 8. Тит. лист журнала и стр. с началом романа — I, 358, 359

Собрания сочинений и сборники

Gesammelte Werke. Vom Verfasser genehmigte Ausgabe von Raphael Löwenfeld. Berlin, 1891. Обложка первого тома. ЯП — II, 225

Legenden. Mit 18 Holzschnitten von Karl Rössing. München, 1925. Тит. лист — I, 234
*Aufruf an die Menschheit. Berlin, 1927. В сборник включены две статьи: «Неужели это так надо?» и «Где выход?». Обложка — I, 191

ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК

Анна Каренина. Тегеран, 1954. Суперобложка — I, 33

ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

«Война и мир»

Wojna i pokój. Warszawa, Biblioteka Powszechna, 1962. Обложка — I, 23

«За что?»

Za co? Warszawa, 1907. Обложка — II, 277

Письмо Августину Врублевскому от 3 июля 1908 г.

List Lwa Tołstoja. Первая публикация.— Журнал «Czystość», 1908, № 3—II, 280

«Рабство нашего времени»

Niewolnictwo naszych czasów. Londyn, 1903. Тит. лист — II, 255

Сборник

Pisma pedagogiczne. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1963. Тит. лист — II, 506

РУМЫНСКИЙ ЯЗЫК

«Воскресение»

Învierea. Bucureşti, 1964. Обложка — II, 509

«Крейцерова соната»

Sonata Kreutzer. Bucureşti, 1891. Первое отдельное изд. на румын. яз. Тит. лист. Центр. библиотека, Бухарест — I, 187

«Три смерти»

Trei morti. Первое произв. Толстого, переведенное на румын. язык.— Журнал «Contemporanul», 1885, № 10-12. Стр. первая — II, 303

РУССКИЙ ЯЗЫК

Письмо Мариану Здзеховскому (М. Урсину). Первая публикация на русском языке. — М. Урсин. Религиозно-политические идеалы польского общества. Лейпциг, 1896. Тит. лист — II, 259

СЕРБО-ХОРВАТСКИЙ ЯЗЫК

«Анна Каренина»

Ана Карењина. Белград, 1964. Суперобложка — II, 541

СИНГАЛЬСКИЙ ЯЗЫК

*Крейцерова соната. Коломбо, 1962. Обложка — II, 545

ЯЗЫК СИНДХИ

Так что же нам делать? Пакистан , б. г. Обложка — I, 285

СЛОВАЦКИЙ ЯЗЫК

«Воскресение»

Vzkriesenie. Preložil Albert Skarvan. V Žiline, 1899. Первое изд. на словацком яз. Тит. лист. ЯП — II, 137

ТАМИЛЬСКИЙ ЯЗЫК

*Рассказы. Мадрас, 1959. Обложка. —I, 51

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Письмо Ромену Роллану от 3 (?) октября 1887 г.

Une lettre inédite.—«Cahiers de la quinzaine». Paris, 1902. Первая публикация на французском языке. Книга из личной библиотеки Р. Роллана, подаренная им Музею Толстого. Тит. лист с дарств. надписью писателя. ГМТ — I, 81

«Что такое искусство?»

Qu'est-ce que l'Art? Trad. du manuscrit original russe par E. Halpérine-Kaminsky. Paris, 1898. Тит. лист — II, 73

Сборник рассказов

*Dernières nouvelles. Paris, 1887. Тит. лист и фронтиспис. ЯП — II, 62, 63

ЯЗЫК ХИНДИ

Семейное счастье. Дели, 1959. Обложка (лицевая сторона и оборот) — I, 251; II, 467

ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК

«Воскресение»

Vzkříšení. Illustr. J. Javorský. V Práce, 1951. Обложка —II, 157

«Круг чтения»

Kruh Četby. Vybrane, sebrané a na každý den roztříděné myšlénky mnoha spisovatelu o viré zivvoté a jednàvi. Přeložili Gabriela Foustková, Ivan Hálek, Alb. Škarvan, Karel Veluemínský, т. I. V Praze, 1906. Обложка. ЯП — II, 141

«Смерть Ивана Ильича»

Smrt Ivana Iljiče. Ill. Jan Dostal. Praha, 1959. Обложка и фронтиспис — I, 246, 247

«Холстомер»

Cholstoměr. V Praze, 1939. Тит. лист — II, 161

«Шут Палечек»

O bratru Palečkovi. Illustr. Karel Stika. Praha, 1947. Тит. лист и фронтиспис — I, 604, 605

ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК

Анна Каренина. Перевод Кимура Хироси. Токио, 1962. Тит. лист и страница романа — II, 553
Исповедь. Токио, 1912. Обложка — II, 352
Крейцерова соната. Б. м., 1896. Обложка — II, 349
Семейное счастье. Б. м., б. г. Обложка — II, 353
Собр. соч. Б. м., 1886. Тит. лист — II, 348

VII. ЗАРУБЕЖНАЯ ПЕЧАТЬ О ТОЛСТОМ[1]

КНИГИ И СТАТЬИ

André Beaunier. Huit jours à Moscou. Autour de Tolstoi.— Франц. газета «Temps» от 14 января 1898 г. Номер, в котором был помещен первый очерк А. Бонье. Заголовок — II, 87

* Paolo Biriukof, Edmondo Marcucci. Tolstoi e l'Oriente. Milano, 1952. Обложка — I, 275

Jean Jaurès. La conférence sur Tolstoï. Первая публикация доклада (заголовок).— Франц. газета «Midi Socialiste», 10 II.1911—I, 577

Stepniak (С. М. Степняк-Кравчинский). The Light of Russia.— Вырезка из америк. газеты «The Daily inter Ocean» 10. VI. 1889. Начало статьи. — Центральный гос. архив литературы и искусства, Москва — I, 543

*Tolstoj emlékkönyv. Budapest, 1962. Сборник памяти Толстого, изданный в Венгрии к пятидесятилетию со дня смерти писателя. Суперобложка — II, 483

D. Zamfirescu. Leon Tolstoi.— Румын. журнал «Convorbiri literare» 1.VIII. 1892., № 4, стр. 1—II, 311

*Английский журнал «Stead's Annual», 1906, № 1. Номер, посвященный Толстому. Обложка — II, 101

Голландский журнал «Vrede», 20. VIII.1908, № 18. Номер, посвященный Толстому. Обложка. ЯП — II, 153

---

[1] См. также раздел V («Книги с дарственными надписями Толстому»).
Издания, отмеченные знаком*, содержат портреты Толстого и включены также в раздел I.

*Ливанский журнал «Ат-Тарик», 1961, № 2. Номер, посвященный Толстому.— Обложка — II, 551

*Румынский журнал «Ideea Tolstoiană în lupta binelui cu răul şi către adevăr» («Идея Толстого в борьбе добра со злом за правду»). VI, 1928, № 1. Обложка. ГМТ — II, 299

Французский журнал «Europe», 15. VII.1928, № 67. Специальный номер, выпущенный к столетию со дня рождения Толстого. Тит. лист — I, 139

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ ТОЛСТОГО[1]

Австралийский журнал «Review of Reviews», ... II. 1911, с сообщ. о смерти Толстого фото — Толстой в кругу семьи; сатирический отклик на запрещение служить панихиды по Толстому в русских церквах — II, 445

*Английская газета «Manchester Guardian», 17. XI.1910. Страница, посвященная Толстому в связи с ложным известием о его смерти — II, 379

Датская газета «Social-Demokraten», 23. XI.1910. Сообщ. о смерти Толстого — II, 416

Датский еженедельник «Ugens Tilskuer», 25. XI. 1910 (номер, посвящ. Толстому). Стихотворение Хельге Роде «Лев Толстой» — II, 419

Итальянская газета «L'Adriatico», 21. XI.1910. Сообщ. о смерти Толстого — I, 215

Итальянская газета «Gazzetta di Venezia», 21. XI.1910. Сообщ. о смерти Толстого и статьи о нем — II, 423

Китайская газета «Шеньжоу жибау», 20. XII.1910. Сообщ. о смерти Толстого — II, 449

Норвежская газета «Verdens Gang», 21. XI.1910. Сообщ. о смерти Толстого — II, 375

Сербская газета «Самоуправа», 10/23. XI.1910. Сообщ. о смерти и некролог Толстого — II, 435

Французский журнал «Comœdia», 21. XI.1910. Сообщ. о смерти Толстого — II, 385

Французская газета «Paris-Journal», 20. XI.1910. Статья Габриэля Муре «Глаза Толстого», помещенная в связи с известием о смерти писателя; фото Толстого с его автографом — II, 391

Хорватский журнал «Pobratim», 15. XII.1910. Некролог Толстого — II, 437

* * *

«Весь мир прощается с великим старцем». Аллегорическая картина неизв. художника.— «Наше время», 18 XI.1910—II, 405

VIII. ИЛЛЮСТРАЦИИ ЗАРУБЕЖНЫХ ХУДОЖНИКОВ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ТОЛСТОГО[2]

«Анна Каренина»

*Рис. амер. художника Бойда Смита.— T o l s t o i. Anna Karenina. New York, 1886. Фронтиспис — I, 353

*Рис. неизв. иранского художника.— «Анна Каренина». Изд. на персид. яз. Тегеран, 1954. Суперобложка — I, 33

Грав. неизв. англ. художника.— Leo T o l s t o y. Anna Karenina. London, 1956. Обложка — II, 473

«Большая медведица» («Ковш»)

*Грав. нем. художника Карла Рёссинга.— «Legenden von Leo N. Tolstoi». München. 1925—I, 235

«Война и мир»

*Литогр. англ. художника Барнета Фридмана.— «War and Peace. A Novel by Leo Tolstoy». Glasgow, 1938—I, 288, 289

*Литогр. америк. художника Дж. Франклина Уитмена.— «War and Peace. By Leo Tolstoy». New York, 1949—I, 11, 158, 159, 199

Литогр. голланд. художника Аарта Доббенбурга, 1949 г. ГМТ — I, 224

*Рис. аргентинского художника Гора Муньос.— Leon Tolstoi, La Guerra y la Paz. Buenos Aires, 1957. Суперобложка — I, 265

*Рис. исп. художника Бернала Маньес. «Guerra y paz. Por Leon Teistoy». Tome I. Barcelona, 1960. Обложка — I, 57

---

[1] В перечне указана и картина неизв. художника, опубликованная в связи со смертью Толстого в газете «Наше время».

[2] В этот раздел включены также иллюстрации И. Я. Билибина, выполненные для франц. изд. рассказов Толстого.

Иллюстрации, отмеченные знаком *, входят в издания, перечисленные в разделе VI.

Рис. франц. художника Эди Легран.— Léon T o l s t o ï. La Guerre et la Paix. Paris, 1960—I, 176, 177
*Рис. польск. художника Александра Стефановского.— Lew T o l s t o j. Wojna i pokój. Warszawa, 1962. Обложка — I, 23

«В о с к р е с е н и е»

*Рис. англ. художника Линдона Ламфа — Leo T o l s t o y. Resurrection. London, 1956—I, 150
*Рис. чешск. художника Яна Яворского.— L. N. T o l s t o j. Vzkříšení. V Práce, 1951—I, 28, 29; II, 157

«Д'етская мудрость»

Рис. И. Я. Билибина. Грав. франц. художника д'Остойя.— L. T o l s t o ï. Idylles paysannes. Paris, 1924—I, 295

«К а в к а з с к и й п л е н н и к»

*Рис. неизв. кит. художника.— «Кавказский пленник». Шанхай, 1950. Обложка — I, 615
*Рис. неизв. вьетнамского художника.— «Кавказский пленник». Ханой, 1963. Обложка — II, 549

«К о р н е й В а с и л ь е в»

Рис. И. Я. Билибина. Грав. франц. художника д'Остойя.— L. T o l s t o ï. Idylle paysannes. Paris, 1924—I. 263

«К о р о в а и к о з е л»

Рис. рум. художника М. Тейшану.— L. T o l s t o i. Povestiri pentru copii. Bucureşti, 1946—II, 317

«Л ю ц е р н»

Грав. неизв. япон. художника. Япон. изд. Собр. соч. Толстого, 1886 — II, 187

«О т е ц С е р г и й»

Грав. неизв. художника.— L. T o l s t o i. Cuentos Escogidos. Mexico, 1923 — I, 222
Грав. чешск. художника Карела Штеха.—L. N. T o l s t o j. Otec Sergěj. Č. Budějovice, 1946—II, 144, 145

С б о р н и к и р а с с к а з о в

*Грав. нем. художника Карла Рёссинга.— «Legenden von Leo N. Tolstoi». München, 1925. Тит. лист — I, 234
*Рис. англ. художницы Дорис Боултон.—«Tales by Tolstoy». London — New York — Toronto — Oxford, 1938. Обложка — II, 117

«С е в а с т о п о л ь с к и е р а с с к а з ы»

*Рис. венг. художника Дьор Миклоша. — Lev Tolstoj. Szevasztopol. Budapest, 1960, Суперобложка — I, 283

«С е м е й н о е с ч а с т ь е»

*Рис. неизв. индийск. художника.— «Семейное счастье». Изд. на яз. хинди. Дели, 1959. Обложка — I, 251; II, 467

«С м е р т ь И в а н а И л ь и ч а»

*Грав. чешск. художника Яна Достала.— Lev Nikolajevič T o l s t o j. Smrt Ivana Iljiče. Praha, 1959. Обложка и фронтиспис — I, 246, 247
Грав. из япон. изд. Собр. соч. Толстого. Б. м., б. г.— II, 357

«Х а д ж и М у р а т»

Литогр. нем. художника Оттомара Штарке.— Leo Tolstoi. Hadschi Murat. Frankfurt-am-Main, 1924—I, 226, 227

«Хозяин и работник»

*Грав. неизв. англ. художника.— «Master and Man. By Leo Tolstoy». London, Simple Life Series, № 11, s. a. Обложка. ЯП — I, 441
Грав. бельг. художника Франса Мазереэля.— L. Tolstoi. Der Herr und sein Knecht. Berlin, 1930—I, 292
Рис. нем. художника Бернхарда Борхерта.— Leo Tolstoi. Herr und Knecht. Berlin, 1945—II, 245

«Холстомер»

*Рис. чешск. художника Э. Котрба.— L. N. Tolstoj. Cholstoměr. V Praze, 1939 Тит. лист — II, 161

«Шут Палечек»

*Грав. чешск. художника Карла Штики. — Lev Nikolajevič Tolstoj. O bratru Palečkovi. Praha, 1947. Тит. лист и фронтиспис — I, 604, 605

* * *

«Жертва Молоха»; «Христианская армия».— Рис. из антимилитаристического цикла чешск. художника Эмиля Холарека. Изданы в Англии В. Г. Чертковым вместе с текстами Толстого и др. писателей в альбоме: «War. Pictures by Emil Holarek...», The Free Age Press, Christchurch, ⟨1906⟩— I, 600, 601

IX. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ТОЛСТОГО НА ЗАРУБЕЖНОЙ СЦЕНЕ И В КИНО

ТЕАТР

«Анна Каренина»

«Théâtre Antoine». Париж, 1907
Фотопрограмма. ВА — II, 91
Арт. Андре Мегар в роли Анны. Фото. ВА — II, 93
Программа. ВА — II, 95

«Власть тьмы»

«Théâtre libre». Париж. 1888. Первая постановка пьесы.
Фотопрограмма. ВА — II, 59
Заключит. сцена: покаяние Никиты. Грав. с рис. франц. художника Адриена Мари.—«Monde Illustré», 18. II.1888.— I, 375
«Dagmarteater». Копенгаген, 1891. Первая постановка пьесы в Дании. Заключит. сцена: покаяние Никиты. Литогр. неизв. художника. ГМТ — I, 323
«Das Deutsche Theater». Берлин. Гастроли в Вене, июнь 1899 г. Заключительная сцена: покаяние Никиты.— «Bühne und Welt», 24. IX. 1899.— II, 217
«Das Deutsche Theater». Берлин, 1900 г. Сцены из спектакля. Рис. нем. художника Курта Агте.— «Velhagen und Klassings Monatshefte», I, 1901, № 5, ЯП — II, 241
Лейпцигский театр, 1901 г. Сцена из третьего акта. Грав. с рис. нем. художника Отто Герлаха.— «Петербургская жизнь», 18. IX.1901. — II, 239

«Война и мир»

«Phœnix Theatre». Лондон, 1943.
Пролог; сцена спасения Рамбаля. Фото. ГМТ — I, 270, 271
«Theater Powszechny». Варшава, 1957 г. Инсценировка Эрвина Пискатора. Сцена из третьего акта (Бородинская битва). Фото. ГМТ — II, 285

«Воскресение»

«Odéon». Париж, 1902 г.
Берта Бади в роли Катюши Масловой. Фото. ВА — I, 364
Сцена в тюрьме. Литогр. неизв. художника. ВА — I, 365
Сцена из пятого акта («В Сибири»). Фототипия.— «Le Théâtre», XII. 1902, № 45— II, 45
«Theater Powszechny». Варшава, 1960 г.
Сцена в суде; свидание Нехлюдова с Катюшей в тюрьме. Фото. ГМТ—I, 195; II, 505

«Teatrul National J. L. Caragiale». Бухарест, 1960 г.
Сцена в суде. Фото. Предоставлено «Лит. наследству» Татьяной Николеску (Бухарест) — II, 325
Шанхайский драматический театр Лан-Синь, 1957 г.
Сцена в лазарете. Фото ГМТ — II, 345

«Живой труп»

«Das Deutsche Theater». Берлин, 1913 г.
Сцена из третьего акта; Александр Моисси в роли Федора Протасова.— «Der Lebende Leichnam von Leo Tolstoi. Zwölf Bilder nach der Aufführung im Deutschen Theater von Max Reinhardt», Berlin, 1913 — I, 170, 171
«Teatrul Tineretului». Бухарест, 1956 г.
Арт. А. Критико в роли Федора Протасова. Фото. Предоставлено «Лит. наследству» Татьяной Николеску (Бухарест) — II, 321

* * *

Пьеса Стефана Цвейга «Побег к богу» («Уход и смерть Толстого»). Стокгольм, 1943
Спектакль группы немецких актеров-антифашистов. Режиссер Курт Трепте. Афиша премьеры спектакля 5 марта 1943 г.; сцена из спектакля (фото). ГМТ — II, 512, 513

КИНО

«Анна Каренина»

Американский фильм. Голливуд, 1928 г. Режиссер Эдмонд Голдинг
Грета Гарбо в роли Анны (сцена свидания с сыном).— Anna Karenin. By count Lyof N. Tolstoy. Transl. by N.-H. Dole. Illustr. with scenes from photo-play a Metro-Goldwyn-Mayer-Production. London, 1928 — II, 109

«Воскресение»

Итало-германский фильм, 1958 г. Режиссер Ральф Ганзен
Сцена в суде. Свидание Нехлюдова с Катюшей в тюрьме.— Leone Tolstoi. Risurrezione. Milano, 1959—I, 205, 209

X. ПОРТРЕТЫ ИНОСТРАННЫХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ И КОРРЕСПОНДЕНТОВ ТОЛСТОГО

Ванда Ландовска. Фото с дарств. надписью Толстому и С. А. Толстой, 1907. ГМТ — II, 271
Луиза Мод, Эльмер Мод — переводчики произведений Толстого на англ. язык. Фото, 1920-е годы. Предоставлены «Лит. наследству» г-ном Арнольдом Модом (сыном). Лондон — II, 114, 115
Анджа Петровичева. Портрет маслом работы Надежды Петровичевой, 1908. Народный музей, Белград — I, 495
Токутоми Рока в Ясной Поляне. Фото С. А. Толстой, июль 1906 г. ГМТ — II, 169
Альберт Шкарван. Фото, 1910-е годы. Собр. П. Г. Богатырева, Москва — II, 131

XI. ПАМЯТНЫЕ МЕСТА И ВИДЫ

АНГЛИЯ

Лондонский клуб «Атенеум» (холл). Грав. Д.-Б. Моора с рис. У. Рэдклифа.— «London Interiors with their Costumes and Ceremonies», v. I. London, s. a.— I, 95
Дом В. Г. Черткова в Тактоне близ Крайстчёрча, где хранились рукописи Толстого: общий вид дома; вход в хранилище рукописей. Фото, 1900-е годы. ГМТ — I, 529
Типография В. Г. Черткова, где печатались произведения Толстого, запрещенные в России (Тактон близ Крайстчёрча). Фото, 1900-е годы. ГМТ — I, 397

ГЕРМАНИЯ[1]

Веймар. Дом Гёте. Толстой посетил его 14 апреля 1861 г. Почтовая открытка — II, 491

[1] Изображения толстовских памятных мест в Германии любезно предоставлены «Лит. наследству» Экбертом Пехштедтом (Эрфурт, ГДР), собравшим их во время работы над исследованием о пребывании Толстого в Германии. (E. Pechstedt. Zu L. N. Tolstois Aufenthalt in Deutschland.— «Zeitschrift für Slavistik», H. 5, 1963). Публикация исследования приурочивалась автором к 50-летию со дня смерти Толстого.

Веймар. Гостиница «Hotel zum Erbprinz», в которой Толстой останавливался 11—17 апреля 1861 г. Фото, 1920-е годы — II, 493
Веймар. Городская школа, которую Толстой посетил 12 апреля 1861 г. Фото, 1960-е годы. Публикуется впервые — I, 383
Гариц. Школа, которую Толстой, по-видимому, посетил 11 августа 1860. Фото, 1960-е годы. Публикуется впервые — I, 381
Зоден. Пансион «Villa Keller», где Толстой жил в августе 1860 г. Позднее пансион был переименован в «Дом Толстого». Фото, 1920-е годы — II, 491
Йена. Опытная школа Карла Стоя «Johann Friedrichs-Schule». Толстой посетил ее 16 апреля 1861 г. Литогр.— II, 497
Йена. Учебно-воспитательное заведение Карла Стоя. Толстой посетил его 15 апреля 1861 г. Литогр. 1858 г.— II, 497
Киссинген. Дом, где в квартире каменщика Фусса Толстой жил в августе 1860 г. Фото, 1960-е годы. Публикуется впервые — II, 489

РОССИЯ

Дом Толстого в Хамовниках (Москва). Страница журнала «La Revue illustrée», 1898, № 23 со статьей И. Д. Гальперина-Каминского «У Толстого». ЯП — II, 9
Въезд в Ясную Поляну. Страница журнала «La Revue Illustrée», 1901, № 11 со статьей И. Д. Гальперина-Каминского «У Толстого в Ясной Поляне».— ЯП — II, 21
Ясная Поляна. Дом, где родился Толстой. Грав. неизв. англ. художника с фото П. А. Сергеенко — «The Manchester Guardian» 17 XI. 1910 г.— II, 411

XII. КАРИКАТУРЫ ЗАРУБЕЖНЫХ ХУДОЖНИКОВ

Толстой — автор «Так что же нам делать? («Какова моя жизнь?»). Рис. Мануэля Люка из серии «Современные деятели в изображении Люка». Литогр. Франц. журнал «Caricature», 24. III.1888,— I, 549
«Толстой и Николай II». Рис. Луи Морена. Литогр. Франц. журнал «Assiette au beurre», 1901—I, 583
«Царство молчания». Карикатура на политический режим русского самодержавия. Литогр. А. Микаэля, 1901 г. Изображены обреченные на молчание под угрозой расправы — Польша, Толстой, Финляндия, студенчество, пресса. Вырезка из франц. журнала «Assiette au beurre». ИРЛИ — I, 449
«Политическая комедия 1901 года» (сатирический отклик на отлучение Толстого от церкви). Рис. неизв. художника. Вырезка из неустановл. франц. журнала (перепечатка из венского журнала «Floh»). ЯП — II, 51
«Толстой в Лейпциге». Рис. Т. Т. Гейне из серии «По сумрачной Германии». Сатирический отклик на состоявшийся в Лейпциге суд над переводчиком Р. Лёвенфельдом и издателем Э. Дидрихсом, напечатавшими на нем. языке статью Толстого «Ответ на определение Синода...» Нем. журнал «Simplicissimus», 1902, № 14—II, 229
Сатирический отклик на предание суду Рафаэля Лёвенфельда за перевод на нем. язык и распространение в Германии статьи Толстого «Ответ на определение Синода...» — Вырезка из неустановл. нем. журнала, 1902 г. ГМТ — II, 231
«Толстой и Шекспир». Рис. неизв. художника.— Нем. журнал «Ulk», 14. XII.1906, № 50—I, 437
«Толстой и царь». Рис. неизв. художника. Шведск. газета «Aftonbladet», 29. VII.1908 (карикатура перепечатана из швейцарского журнала «Nebelspalter»). ИРЛИ — I, 567
«Толстой и Николай II». Рис. художника В. В. Каррика (тушь). 1908 г.— Вырезка из англ. газет «Manchester Guardian», 5. IX.1908. ИРЛИ — I, 609
«Ко дню восьмидесятилетия Толстого». Рис. Генриха Клее, символизирующий положение писателя в годы реакции.— Нем. журнал «Simplicissimus», 7. IX.1908, № 23— II, 243
«Толстой у врат рая». Рис. Раталя. Вырезка из неустановл. итальян. журнала. ИРЛИ— II, 427
Сатирический отклик на запрещение Синода служить панихиды по Толстому в русских церквах. Рис. неизв. художника в австрал. журнале «Review of Reviews». См. раздел VII («Отклики на смерть Толстого»)

* * *

Сатирические отклики на русско-японскую войну. Карикатуры неизв. художника. Япон. газета «Хеймин синбун» от 20 марта 1904 г.; 1904; 17 января 1905 г.— I, 477, 485, 563

УКАЗАТЕЛЬ
УПОМИНАЕМЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТОЛСТОГО*

Составили Н. Ю. Зеленина и М. И. Перпер

«Азбука» — I 386, 388, 390, 521, 592; II 10, 118, 492
«Алеша Горшок» — II 276
«Альберт» — II 17, 73, 258
«Анна Каренина» — I 13, 28, 33, 43, 54, 57, 85—86, 97, 105, 111—12, 114—17, 119, 124, 140, 142—47, 160, 165, 171—73, 176, 182, 188—89, 191, 196, 199—201, 209—10, 213, 219—21, 224, 226—28, 230, 232—33, 236, 239, 241, 245, 252, 254—55, 275—78, 280—83, 285, 288, 305—08, 315, 322, 335—36, 341, 343—44, 351—55, 366, 386, 388, 395, 413, 528, 535, 546, 556—58, 560, 586, 612, 614—15, 617; II 16, 77, 85, 89, 91, 93, 95, 104—05, 109, 123, 180, 182, 185, 190, 199, 211, 215, 220, 222—23, 225, 238, 244, 246, 250, 253, 256—57, 260—61, 264—67, 269, 276—79, 284, 292, 297—98, 302, 306—08, 310—14, 316—17, 319, 322—25, 329—30, 334, 336, 339, 343—44, 372, 374—75, 380, 382, 384, 387—88, 393—94, 396—99, 401, 403, 409, 412, 416, 418, 422, 442—43, 447—48, 450, 452, 456, 460, 465, 468—70, 472—76, 478, 484—90, 500, 504—05, 509—11, 515, 518—19, 524, 538—41, 545, 549—53
«Ассирийский царь Ассархадон» — II 276, 300, 327, 472

«Бедные люди. По Виктору Гюго» — II 283
«Бог правду видит, да не скоро скажет» — II 300, 327
«Божеское и человеческое» — II 276, 306, 327, 329
«Большая медведица (Ковш)» — I 235

«В чем моя вера?» — I 48, 85, 123—24, 249, 317, 338, 346, 390, 538, 542, 546, 559—60; II 31, 55, 204, 210, 224, 246, 358, 360, 432, 450, 518
«В чем счастье?» (Отрывок из трактата «В чем моя вера?») — I 317
«Великий грех» — I 438, 585; II 168, 261, 307, 329
«Власть тьмы, или Коготок увяз, всей птичке пропасть» — I 15—16, 60, 72, 97, 137—38, 140, 171, 234, 284, 317, 323, 332, 369—71, 373—75, 388, 389; II 59, 67, 99—101, 118—19, 211, 216—20, 225, 236, 239, 241, 245—46, 248, 250, 256—57, 264, 272—73, 276, 283, 309, 313—14, 316—17, 323—24, 330—31, 344, 369—71, 373—74, 376, 390, 395, 400, 407, 436, 450, 489—90, 500—01, 509, 515, 550
«Война и мир» — I 11—13, 21, 23, 26, 28, 30, 43—44, 46, 51—52, 54, 56—57, 61—62, 65—66, 73, 79—80, 82, 85—86, 109, 111—17, 119, 122—24, 140, 142, 145—46, 153, 156—61, 168, 171—83, 185, 188—89, 191—92, 194—96, 198—200, 206—10, 213—15, 217, 219—21, 224—25, 227—30, 232, 236, 240, 245, 248, 252—54, 258, 262, 264—71, 273, 275—78, 285, 287—92, 305—09, 312—13, 315, 335—36, 341—50, 366, 388, 396, 408—09, 413, 438, 518, 528, 542—44, 546, 551—54, 556—58, 560, 576, 581, 611—12, 614—17; II 29, 34, 71, 77, 85, 89, 98, 164, 181, 191, 195—96, 208, 210—12, 223—25, 228, 237—38, 244, 246, 249—50, 253—58, 265—67, 269—70, 273, 276, 278—79, 282—88, 296—98, 302, 306, 310—12, 314—15, 320—23, 325—26, 329—31, 343—44, 346, 373—75, 380—84, 387—88, 392—95, 398—99, 401, 403, 412—16, 418, 422, 442—43, 452, 454, 456, 460, 465—66, 468—70, 472—73, 478, 480, 483—85, 487—89, 495, 499, 500—02, 504—05, 509, 511, 516, 519—22, 524—25, 529, 532—33, 538—40, 548—50, 552
«Воскресение» — I 8, 15—16, 28—29, 39, 44, 46, 54, 98, 101—02, 104—05, 110, 118 — 19, 140, 146—47, 149—54, 156, 172—73, 186, 188—89, 194—95, 197—98, 200, 205, 209—11, 215, 217, 236—37, 241, 252, 283, 287, 302, 347, 354—66, 368, 419, 427, 439, 444, 457—58, 464, 487, 521—22, 572, 585, 587, 614—15, 617; II 31, 36—37, 70, 75, 85, 96—97, 104, 123, 130, 137, 157, 225—27, 229, 233—34, 237—38, 250, 252, 257—58, 261, 264—66, 268, 272—78, 283—85, 291—93, 298, 301—02, 304—06, 313—14, 316—17, 322—25, 329—331, 334—35, 340, 343, 345, 356—58, 376, 381, 384, 388—89, 393—94, 400, 403, 412, 416, 422, 428, 432, 436—37, 443, 447, 455—56, 463, 471—74, 478, 480, 485, 487, 500, 502, 508—11, 514, 517, 524, 526, 529—30, 539, 552
«Воспитание и образование» — I 308
«Воспоминания» — I 282; II 276

* Римская цифра указывает книгу настоящего тома, арабская — страницу.

«Вражье лепко, а божье крепко» — II 300, 327—28

«Где выход?» — I 191
«Где любовь, там и бог» — I 317, 616; II 276

«Два брата и золото» — I 559; II 300, 327—28
«Два гусара» — I 179; II 253, 276, 314, 330
〈«Два путника»〉 («Два человека, с котомками на плечах...») — II 276
«Два старика» — I 317; II 300, 327, 380
«Две войны» — I 18, 473—74
«Декабристы» — II 276
«Деревня и город» (Отрывок из «Так что же нам делать?») — I 559
«Детская мудрость» — I 295
«Детство» I 70, 73, 85—86, 198, 239, 255, 282—83, 306, 308, 315—16, 318, 408—09, 418, 615—16; II 36, 89, 97, 119, 190, 208, 210, 237, 252—53, 257, 261, 267, 276, 287, 306, 323, 329, 331, 343, 351, 384, 399, 467, 472, 475, 485, 509
«Для чего люди одурманиваются?» — II 307
Дневники — I 24—25, 34, 286, 472, 487; II 37
〈Доклад, приготовленный для конгресса мира в Стокгольме〉 — I 19, 514; II 124
«Дьявол» — I 617; II 276, 314, 330

«Единое на потребу» — II 168
«Единственное возможное решение земельного вопроса» — I 394, 458
«Единственное средство» — I 572

«Живой труп» — I 97, 170, 171, 284; II 142, 241—42, 264, 275—76, 283, 291—92, 307, 313, 314, 316—18, 321, 323—24, 329, 330—31, 345, 358, 470, 476, 487—88, 498—99, 503, 532

«За что?» — II 261, 271—72, 276—77, 279, 283, 291, 306, 321, 327, 329, 506
«Записки маркера» — II 253
〈Заявление об аресте Н. Н. Гусева〉 — I 598
«Зерно с куриное яйцо» — I 378; II 300, 327

«И свет во тьме светит» — I 284; II 126, 130, 132, 156
«Из воспоминаний о переписи» (Отрывок из «Так что же нам делать?») — I 559
«Из записок князя Д. Нехлюдова. Люцерн» — I 61, 70; II 187, 210, 244, 253, 276, 323, 331
«Ильяс» — I 317; II 300, 306, 327
«Исповедь» — I 8, 14, 123—24, 141, 192, 317, 335, 390, 542, 546, 548, 559—60, 580; II 130, 261, 265, 276, 352, 358, 360, 524, 543
«Истинная свобода» — I 598

〈«К итальянцам»〉 — I 18, 502
«К политическим деятелям» — II 261
«К рабочему народу» — I 458, 598
«Кавказский пленник» — I 241, 316, 615—17; II 142, 164, 276, 300, 322, 327, 331, 471—72, 549
«Казаки» — I 79, 85—86, 118, 157, 172, 201, 305—06, 308, 337, 543, 553, 576, 580, 612, 616; II 230, 253, 257, 267, 276, 297, 306, 314, 323, 329, 331, 422, 473, 511, 539, 543
«Как 8 сентября» — *см.* «Песня про сражение на р. Черной»
«Как и зачем жить?» — I 25
«Как тетушка рассказывала бабушке о том, как ей разбойник Емелька Пугачев дал гривенник» — I 392, 520
«Как чертенок краюшку выкупал» — II 300—01, 327—28
«Как я выучился ездить верхом» — II 298, 327
«Календарь с пословицами на 1887 год» — II 51
«Кающийся грешник» — I 317; II 328
«Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?» — I 591
«Конец века» — II 168, 268
«Корней Васильев» — I 263; II 129, 142, 276, 306, 327, 329, 478
«Корова и козел» — II 317
«Косточка» — II 298, 327
«Краткое изложение Евангелия» — I 321, 559, 582; II 387
«Крейцерова соната» — I 50, 53, 62, 75—76, 83, 97, 105, 119, 134, 137—39, 148, 167, 185—89, 202, 221, 283—84, 321—22, 325—30, 335—36, 338, 357, 390, 392, 558—60, 617; II 99, 104, 225, 227—28, 247, 261, 274, 276—77, 283 —85, 290, 298, 302—04, 313—14, 316, 322—23, 328, 330—31, 343, 347—49, 375, 381, 416, 437, 456, 472, 476, 478, 487, 520, 524, 539, 545
«Крестник» — I 317; II 300, 327—28
«Круг чтения» — I 439, 468, 522; II —76, 118—19, 122, 126, 141, 165, 168, 203, 333
〈Кто виноват? По поводу Трансваальской войны. Из письма к Х.〉 («Письмо к Г. М. Волконскому») — I, 18, 480, 524

«Любите друг друга» — I 598
«Люцерн» — *см.* «Из записок князя Д. Нехлюдова. Люцерн»

«Метель» — II 253
«Много ли человеку земли нужно» — I 47, 252, 317, 616; II 276, 300—01, 327—28, 518
«Мысли мудрых людей на каждый день» II 203

«На каждый день» — I 598—99; II 122, 148—49
«Набег» — I 196, 576; II 261, 276, 297, 306, 322, 329, 331, 534
«Не могу молчать» — I 8, 250, 585—86; II 261, 333, 458
«Неделание» — I 591; II 65
«Нет в мире виноватых» — II 283
«Неужели это так надо?» — I 191
〈«Нечаянно»〉 («Он вернулся в шестом часу...») — II 283, 307, 329

〈«Николай Палкин»〉 — II 261
«Новая азбука» — I 387; II 283, 470
«Номер газеты» — I 307; II 298, 307, 327, 329

«О голоде» — II 307, 329
«О жизни» — I 186, 395, 410, 522
«О значении русской революции» — I 394, 464—65, 585—86
«О науке. Ответ крестьянину» — II 123
«О переписи в Москве» — I 317; II 130
〈«О праве»〉 (Письмо студенту о праве)— I 302; II 123
«О присоединении Боснии и Герцоговины к Австрии» — I 302, 500, 531; II 123
〈«О смысле жизни»〉 — I 249
«О Шекспире и о драме» — I 401—02, 407, 520; II 76
«Об общественном движении в России» — I 585
«Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу» — I 585, 598
«Одумайтесь!» — I 8, 18, 21, 26, 484—86, 501, 513, 520, 561—64, 585; II 75, 261, 307, 329, 511
〈«Окончание малороссийской легенды „Сорок лет“»〉 — II 300, 327
«От ней все качества» — II 292
«Ответ на определение Синода...» — I 441; II 223, 231, 261, 300, 307, 327, 329, 441, 452, 518
«Ответ польской женщине» — I 302, 531; II 263, 291
«Отец Сергий» — I 222, 284, 293, 596; II 144—45, 307, 329
«Отрочество» — I 73, 85—86, 186, 198, 239, 245, 255, 282—83, 306, 315—16, 318, 408—09, 615—16; II 36, 190, 208, 210, 237, 252—53, 257, 267, 276, 283, 323, 327, 331, 343, 351, 398, 469, 487, 511

«Патриотизм и правительство» — I 302, 508, 531
«Патриотизм или мир?» — I 18; II 123
«Первая русская книга для чтения» — I 387
«Первый винокур, или Как чертенок краюшку заслужил» — I 115, 410; II 478, 501
«Песни на деревне» — II 298, 306, 327, 329
«Песня про сражение на р. Черной 4 августа 1855 г.» («Как 8 сентября...») — I 538
«Петр Хельчицкий» — II 165
〈«Письма о голоде»〉 — *см.* «О голоде»
«Письмо к А. Г. Розен» — II 178, 203
«Письмо к Г. М. Волконскому» — *см.* «Кто виноват? По поводу Трансваальской войны. Из письма к Х.»
«Письмо к индусу (Letter to a Hindoo)» — I 302, 531, 598; II 123
«Письмо к китайцу» — I 302, 531
〈Письмо к неизвестному о немецких школах〉 («Любезный друг! Я теперь почти кончаю...») — I 390
«Письмо революционеру» — I 572
«Плоды просвещения» — I 97, 284, 324—26, 329; II 234—35, 264, 283, 323, 331, 344, 478, 500—01

«По поводу Конгресса о мире. Письмо к шведам» — I 332, 426, 514
«Пожар» — II 298, 327
«Поликушка» — I 85, 87, 165, 172, 241, 543, 553; II 208, 306, 322, 323, 331
«После бала» — I 241; II 276, 307, 314, 323, 329, 331, 478, 509
«Послесловие к книге Е. И. Попова „Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина (1866—1894)“» — I 545
«Послесловие к „Крейцеровой сонате“» — I 76, 322—28; II 261, 302
«Послесловие к статье П. И. Бирюкова „Гонение на христиан в России в 1895 году“» — I 67, 545
«Посмертные записки старца Федора Кузмича...» — II 283
«Праведный судья» — I 585; II 300, 327—28
«Правительство и народ» — II 197
«Предисловие к книге „Japanese Notions of European Political Economy“» — II 204
«Предисловие к сочинениям Гюи де Мопассана» — I 588, 590—91
«Предисловие к статье В. Г. Черткова „Злая забава“» — I 92
«Приближение конца» — I 508, 530, 588
«Пропащий»— *см.* «Альберт»
«Путь жизни» — I 489, 598

«Рабство нашего времени» («Современное рабство») — I 7, 250, 450, 461, 490, 522; II 242, 255, 261, 273, 307, 481
«Разрушение ада и восстановление его» — II 280
«Религия и нравственность» — I 301, 520; II 588, 591
〈«Роман времен Петра I»〉 — I 199
«Рубка леса» — I 410; II 253, 276, 322, 331
«Русские книги для чтения» — I 585, 592; II 10, 283, 300, 387, 492, 500

«Свечка» — I 258, 300
«Севастополь в августе 1855 г.» — II 207
«Севастополь в декабре месяце» — II 253
«Севастополь в мае» — I 53, 71, 160
«Севастопольские рассказы» — I 48, 53, 71, 73, 85—87, 116, 119, 157, 160, 184—85, 213, 254, 306, 410, 414—15, 576—79, 581; II 207, 252—53, 265, 276, 278, 283, 306, 314, 322—23, 329, 331, 343, 381, 412, 467, 470, 472—73, 487, 503—12, 516, 532—33
«Семейное счастие» — I 1, 85, 250, 257, 306, 517, 553; II 208, 210, 244, 253, 261, 276, 297, 306, 314, 329—30, 343, 353, 384, 467, 472, 539
«„Сила детства“ В. Гюго, Изложил Л. Толстой» — II 283
«Сказка об Иване дураке» («Иван-дурак») — I 252, 560; II 300, 327
«Смерть Ивана Ильича» — I 53, 71—72, 74, 85—87, 118, 140, 148, 172, 198, 215, 217, 219—221, 224, 227, 246—47, 276—77, 317, 337, 357, 518, 547, 612; II 220, 258, 276, 283, 306, 314, 322, 328, 331, 343, 357, 377, 416, 485, 487—88, 499, 518—20, 525, 529—30
«Соединение и перевод четырех Евангелий» — II 90, 97

«Сорок лет» — *см.* «Окончание малороссийской легенды „Сорок лет“»
«Стыдно» — II 307, 329
«Суратская кофейная. (По Бернарден де Сен-Пьеру)» — II 328

«Так что же нам делать?» — I 1, 48, 70, 74, 85, 148, 149, 285, 302, 317—18, 326, 435, 446, 462, 489, 542, 549, 559; II 90, 130, 248, 463, 552
«Тихон и Маланья» — II 314, 330
«Три дня в деревне» — II 306, 329
«Три медведя» — II 472
«Три притчи» — II 300, 327
«Три смерти» — I 241, 390; II 253, 257, 258, 276, 297—98, 303, 327
«Три старца» — II 276, 300, 327—28
«Труд, смерть и болезнь» — II 300, 327—28

«Упустишь огонь — не потушишь» — I 317; II 300, 327
«Утро помещика» — I 337, 518; II 253, 267, 276, 323, 331, 343

«Фальшивый купон» — II 276, 314, 323, 330—31

«Хаджи Мурат» — I 119, 172, 173, 191, 201, 224, 226—27, 241, 431, 540—41; II 129, 142, 276, 314, 322, 330—31, 470, 508
«Ходите в свете, пока есть свет» — I 83, 321; II 276
〈«Ходынка»〉 — I 241; II 283
«Хозяин и работник» — I 87, 241, 283, 292, 357, 390, 441; II 221, 245, 276, 306—07, 314, 328, 330, 388
«Холстомер» — I 73, 165, 203, 224; II 161, 261, 276, 283, 306, 329, 416

«Христианское учение» — II 73
«Христианство и патриотизм» — I 24, 250, 536, 588, 591; II 16, 71, 73

«Царство божие внутри вас...» — I 18—19, 24, 110, 302, 332, 408, 411—16, 428, 447, 462, 514, 515, 522, 524, 543, 586; II 265, 526

«Чем люди живы» — I 317, 399; II 261, 298, 300, 327, 472, 539
«Что же делать?» — II 90
«Что такое искусство?» — I 25—26, 47, 49, 60, 88—97, 104—105, 139, 260, 287, 328, 405, 407, 437—39, 443, 518; II 30, 73, 82, 85, 88—89, 94, 96—97, 116, 204, 262—64, 287, 292, 294, 307, 329, 334, 409, 479, 518, 547
«Что такое религия и в чем сущность ее?» — I 250
«Что я видел во сне» — II 276, 283, 307, 329

«Шут Палечек» (из «Детского круга чтения») — I 604—05; II 126

«Юность» — I 85—86, 186, 196, 198, 239, 245, 255, 282—83, 316, 318, 408—09, 418, 615; II 36, 74, 190, 237, 257, 267, 276, 283, 323, 329, 331, 343, 351, 384, 399, 417, 469, 472, 487, 511

«Ягоды» — II 283

«Carthago delenda est» — I 18, 502—07, 520

«Fiat lux» (Стихотворение Э. Кросби. Перевод с английского) — I 396

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Составили Н. Ю. Зеленина и М. И. Перпер

А. А. — II 449
А., Николай — I 601
Аббас Эффенди — II 194—95, 204
Аббаси — II 552
Абдо, Мухаммед II 552
Абе, Иошишиге — II 462
Абраам, Пьер (Abraham P.; наст. фамилия Блок) — I 12; II 528—29, 532—33
Абрамовский, Эдвард (Abramowski E.) — II 292
Абрикосов, Н. В.— I 599
Абрикосов, Хрисанф Николаевич — II 126, 128
Абу, Эдмон (About E.) — I 335, 342, 538
Абуш, Александр (Abusch A.) — II 488
Абэ Исо — I 469, 523, 531; II 177, 202—03
Август, римский император — I 128, 130
Августин, Аврелий — II 516
Агнелли, Арнальдо (Agnelli A.) — I 504—05
Агте, Курт (Agthe K.) — II 241
Агырбичану, Ион (Agîrbiceanu I.) — II 510
Адамов, Артюр (Adamov A.) — II 486—87
Адамович, Георгий (Adamovich G.) — II 462, 517
Адамчевский, Станислав (Adamczewski S.) — II 250, 289
Адан, Поль (Adam P.) —II 19—20, 73, 404
Адвентович, Кароль (Adventović K.) — II 264, 276
Аддисон, Джозеф (Addison J.) — II 114
Ади, Эндре (Ady E.) — II 484
Азагин, редактор японской газеты —II 71
Ай У — I 611—12
Акале-Уорк Абте-Уолд (Akale-Work Abte-Wold) — II 468
Акита Токудзо (псевд. Удзяку) — II 355
Акля, С. — II 551
Аксаков, Иван Сергеевич — II 230, 247
Аксаков, Сергей Тимофеевич — I 313; II 15, 195, 253
Аксельрод, Любовь Исааковна (псевд. Ортодокс) — II 248
Аксер, В. А. (Axer W. A.) — I 515—16
Акутагава Рюноске — II 360
Алас, Л. (Alas y Ureña, L.; псевд. Clarin) — II 428
Алеви, Даниэль (Halévy D.) — I 592
Александр I — I 178, 181, 267—68, 348; II 381
Александр II — I 181; II 71
Александр III — I 188; II 118, 438
Александр, Эме (Alexandre A.) — II 528
Александреску, Сикэ (Alexandrescu S.) — II 316
Александри, Василе (Alecsandri V.) — II 301
Алексеев, Василий Иванович — I 26
Алексеев, Михаил Павлович — I 517
Алехин, Алексей Васильевич — II 158, 165—66
Алехин, Аркадий Васильевич — II 158, 165—66
Али-Керими, художник — II 543
Альберти, Конрад (Alberti C.) — I 214
Альбертини (рожд. Сухотина), Татьяна Михайловна — II 462
Алэн (Alain)—*см.* Шартье, Э. О.
Амаду, Жоржи (Amado G.) — I 230
Амбруш, Золтан (Ambrus Z.) — II 484
Амиель, Анри Фредерик (Amiel H. F.)— II 13—14, 71
Амон, А. (Hamon A.) — I 396, 502, 520
Ананд, Мулк Радж (Anand M. R.) — II 486—87
Ангелус Силезиус (Angelus Silesius; наст. имя Иоганн Шефлер) — II 185, 203
Андерсен, Ханс Кристиан (Andersen H. C.) — I 314
Андерсен-Нексе, Мартин (Andersen Nexø M.) — I 249
Анджолетти, Джованни Баттиста (Angioletti G. B.) — II 486—87
Андреев, Леонид Николаевич — I 131, 200, 266, 595—96
Андреев-Бурлак, Василий Николаевич I 188
Андреева, Мария Федоровна — I 406
Андрич, Н.— II 284
Анестин, Константин (Anestin C.) — II 327
Анисимов, Иван Иванович — I 289
Анка Мариетта (Anca Marietta) — II 323
Анкона, Алессандро (Ancona A.)—I 347—49
Ансон, Майльс (d'Anson M.) — I 433—34
Антоний, митрополит — II 76
Антоничелли, Франко (Antonicelli F. L.) — II 486
Антуан, Андре Леонар (Antoine A. L.) — I 72, 369—70, 373, 519, 586; II 118, 216
Ануй, Жан (Anouilh J.) — II 486—87
Апиц, Бруно (Apitz B.) — II 486
Арагон, Луи (Aragon L.) — I 12, 39, 52, 56, 249; II 524, 533
Араи Хакусэки — II 360
Арбузов, Сергей Петрович — II 17—18, 73
Аргези, Тудор (Arghesi T.) — II 319

Ариосто, Лудовико (Ariosto L.) — II 426
Арисима Такэо — II 359—60
Аристотель — I 100, 405, 407, 508; II 464
Арнольд, Мэтью (Arnold M.) — I 338, 518, 544; II 106, 111, 118, 443, 515
Арнольд, Эдвин (Arnold E.) — I 559
Арнольд, Юрий Карлович — II 253
Арнольдсон, К. П. (Arnoldson K. P.) — I 331, 334, 518
Аронсон, Наум Львович — I 126—27; II 392, 403, 455—56
Арсеньев, Лев Александрович — I 595, 601
Архангельская, Татьяна Николаевна — II 165, 536
Архангельский, Андрей Дмитриевич — I 589
Архип Тику (Arhip Ticu) — II 323
Асан С. Али — II 486—87
Асеза (Acézat), актриса — II 91
Асквит, Синтия (Asquith C.) — II 474
Атанасов, Н.— II 336
Ауэрбах, Бертольд (Auerbach B.) — I 525
Афанасиадис-Новас, Георг — II 486
Афанасьева, Н. К. — II 508
Афран Аль-Бустани, Фуад — II 551
Ахи, Мехри — II 552

Бабаев, Эдуард Григорьевич — I 5, 300—524
Бабель, Ирена (Babel I.) — II 284, 505
Бабович, Милослав — II 541
Багратион, Петр Иванович — I 159
Бадени, Ян (Badeni J.) — II 257—58, 290
Бади, Берта (Bady B.) — I 364—65
Бадра, С. — I 241
Базен, Жюль (Bazin J.) — II 361
Базен, Рене (Bazin R.) — II 75
Байрон, Джордж Гордон Ноэль (Byron G. G. N.) — I 220; II 177, 351, 399, 412
Бак, Перл (Buck P.) — II 486
Бакалов, Георги (псевд. Kämpfer) — I 119; II 337, 342, 481
Баккелли, Рикардо (Bacchelli R.) — II 465
Балакирев, Милий Алексеевич — I 521
Балашов, Иван Петрович — I 601
Балинт, Дьёрдь (Bálint G.) — II 484
Балицкий, Зыгмунт (Balicki Z.) — II 272, 293
Балла, Адин (Ballu A.) — I 404, 415, 428, 520—21; II 119
Балтз-Балтрберг, Ангел — *см.* Бальц-Бальцберг, Анджела
Бальзак, Оноре (Balzac H.) — I 149, 170, 172, 174, 179, 181, 184, 189, 218—21, 254, 274, 276—78, 413, 574, 580; II 35, 288, 309, 320, 346, 373, 375, 379, 384, 394, 399, 403, 425, 528—29
Бальц-Бальцберг, Анджела (Balz-Balzberg A.) — I 601
Банг, Герман (Bang H.) — I 418—19
Банерджи, Сурендранат (Banerji S. M.)— II 544
Бар, Герман (Bahr H.) — II 227, 244, 247, 294, 369
Барабаш, Тибор (Barabas T.) — II 485
Баравалле, Карло (Baravalle C.) — I 506—07
Барановский, Игнатий (Baranowski I.) — I 98
Барань, Тамаш (Bárány T.) — II 485
Бараньский, Збигнев (Barański Z.) — II 284—85, 291, 293—94, 296
Барбу, Эуджен (Barbu E.) — II 510
Барбюс, Анри (Barbusse H.) — I 217
Бардо, директор школы каменотесов в Югославии — II 539
Баржере, Гюг (Bargeret H.) — II 384
Барин, Арвед (Barine A.) — *см.* Венсан, С.
Барнет, С. (Barnett S.) — II 119
Барнс, Уильям Эрнест (Barnes W. E.) — I 432, 522
Баррес, Морис (Barrès M.) — I 335; II 29, 400
Барта, Лайош (Barta L.) — II 485
Бартосик, Тадеуш (Bartosik T.) — II 285
Барцелотти, Джакомо (Barzelotti G.) — II 368
Бассерман, Альберт (Bassermann A.) — II 217, 241
Батайль, Анри Феликс (Bataille H. F.) — II 264, 275, 313, 316, 391, 404, 455
Батиста-и-Сальдивар, Ф. (Batista y Zaldivar F.) — I 269
Баттерсби, У. (Battersby W.) — II 73
Батюшков, Федор Дмитриевич — I 394; II 71
Баяр, Ги (Bayard Guy) — II 531
Ба Цзинь — I 611—12, 617
Бебель, Август (Bebel A.) — I 572; II 23, 43, 177, 203, 215, 227, 247, 437
Беднажевская, Констанция (Bednarzewska K.) — II 264
Бедрегаль, Иоланда (Bedregal Y.) — I 486
Безант, Уолтер (Besant W.) — II 108, 119—20
Беис, Никос — II 501
Бейтс, Герберт (Bates H.) — II 486
Белинский, Виссарион Григорьевич — I 27, 40; II 215, 287
Беллами, Эдуард (Bellamy E.) — I 162
Белов, Е. (наст. имя Броунд, Наум Семенович) — II 404
Белов, Панайот — II 479
Белоглавек, член австрийского парламента — II 410
Белциковский, Ян (Bełcikowski Jan) — II 269, 293
Бельмонт, Лео (Belmont L.)— *см.* Блюменталь
Бёльше, Вильгельм (Bölsche W.) — II 203
Белявин, Федор — I 132, 164
Беляев, Юрий Дмитриевич — I 204
Беляева, Маргарита Ильинична — I 299, 588—92
Бенедек, Марсель (Benedek M.) — II 485—86
Бенедиктов, Иван Александрович — II 542
Бенедит, Леонс (Bénédite L.) — I 320
Бензон, Т. — *см.* Блан, Мария Тереза

Беннет, Арнольд (Bennett A.) — I 151, 154
Беннет, Э. (Bennett E.) — I 528
Бентам, Иеремия (Bentham J.) — II 472
Беньян, Джон (Bunyan J.) — II 110, 119
Беранжье, Теофиль (Bérengier Th.) — II 63
Беркенгейм, Григорий Моисеевич — II 202
Беркеши, Андраш (Berkesi A.) — II 485—86
Беркли, Джордж (Berkeley G.) — II 115
Берлин, Исайя (Berlin I.) — II 462, 464, 472
Бернанос, Жорж (Bernanos G.) — I 55, 205, 212, 214, 217
Бернар, Сара (Bernhardt S.) — II 393
Бернарделли, Франческо (Bernardelli F.) — II 502
Бернарден де Сен-Пьер, Жан Анри (Bernardin de Saint-Pierre J. H.) — I 112
Бернат, Аурел (Bernáth A.) — II 485
Бернекер, Эрих (Berneker E.) — II 233—34, 248
Бернс, Роберт (Burns R.) — I 270
Бернштейн, корреспондент Толстого — I 404
Берс, Александр Андреевич — II 125
Берти, Джузеппе (Berti G.) — I 349, 518
Бестужев (псевдоним Марлинский) — Александр Александрович — II 287, 469
Бетховен, Людвиг ван (Beethoven L. van) — I 67—80, 89—90, 92, 128, 186—87; II 97, 351, 396, 413
Бехер, Иоганнес (Becher J.) — I 138
Бжозовский, Станислав (Brzozowski S.) — II 250, 289
Билек, Франтишек (Bilek F.) — I 599
Билибин, Иван Яковлевич — I 263, 295
Бинштоk, Владимир Львович (Bienstock) — I 76; II 36, 40, 75
Бирюков, Павел Иванович — I 33, 67, 84, 275, 317—18, 355—56, 362, 364, 457, 459, 514, 522—24, 531, 539, 571, 599; II 75—76, 98, 119, 122, 163, 364
Бисмарк, Отто (Bismarck O.) — II 106—07
Бич, Сильвия (Beach S.) — I 160
Бичер-Стоу, Гарриет (Beecher-Stowe H.) — I 100, 428, 509; II 102, 494
Благоев, Димитр — II 334, 336, 481
Блан, Мария Тереза (Blanc M. Th.; псевдоним Т. Бензон) — II 7, 31—39
Бланков, Жан (Blankoff J.) — II 461, 477
Бланкэ, С. (Blancă S.) — II 328
Бликсен, Карен (Blixen K.; псевдоним Исаак Динесен) — II 462
Блок, Жан Ришар (Bloch J. R.) — I 43, 53, 80, 82, 139—41; II 528—29
Бломберг, Эрик (Blomberg E.) — I 515—16
Блуа, Леон (Bloy L.) — II 529
Блум, Хульда (Bloom H.) — I 351—52
Блюменталь, Лео (псевдонимы: Бельмонт Л., Долинин Л., Горский Д.) — II 266—68
Блюхер, Гебхарт Леберехт (Blücher G. L.) — I 165
Боборыкин, Петр Дмитриевич — I 304, 314, 517, 519
Бобринский, А. — II 477
Бобчев, Н. — II 336
Богатырев, Петр Григорьевич — II 121—66
Богатырев, Шоэль Шулимович — II 440—42, 459
Богдан-Дуйкэ, Дж. (Bogdan-Duică G.) — II 303, 328
Богданович, Модест Иванович — I 161
Богза, Джео (Bogza G.) — I 254, 258
Богуницки, Сефи (Bohuniczky S.) — II 485
Богучарский, В. (наст. имя Яковлев, Василий Яковлевич) — II 340, 434
Бодлер, Шарль (Baudelaire Ch.) — II 22, 54, 74, 86—87, 288, 422, 458
Бодреро, Эмилио (Bodrero E.) — II 425
Бозио, Гастоне (Bosio G.) — II 501
Бока, Ласло (Boka L.) — II 485—86
Боливар, Симон (Bolívar S.) — I 267
Бомон, Дж. — *см.* Бьюмонт Дж.
Бондарев, Тимофей Михайлович — II 176, 201—02
Боне-Мори, Гастон Шарль (Bonet-Maury G. Ch.) — II 125
Бонтя, Климент (Bontea C.) — II 327—28
Бонч-Бруевич, Владимир Дмитриевич — I 599; II 130
Бонье, Альберт (Bonnier A.) — I 124
Бонье, Андре (Beaunier A.) — II 79—97, 370
Бопре, Барбара — II 264
Бораковский, Эвгениуш (Borakowski E.) — II 253, 290
Бордо, Анри (Bordeaux H.) — II 82
Борко, Божидар — II 541
Боровый, Вацлав (Borowý W.) — II 250, 285, 289, 296
Борхерт, Бернхард (Borchert B.) — II 245
Боршош, Миклош (Borsos M.) — II 486
Бос, Жозеф Анри (Boex H.; псевд. Рони-старший) — II 22, 74, 302
Бос, Серафен Жюстен (Boex J.; псевд. Рони-младший) — II 22, 74
Боссюэ, Жак Бенинь (Bossuet J. B.) — I 534
Босуэлл, Джемс (Boswell J.) — I 604—05; II 114
Ботез, Демостене (Botez D.) — II 320, 510
Ботошань, Ф. М. (Botosani F. M.) — II 301, 328
Боттаци, Луиджи (Bottazzi L.) — II 425
Боултон, Дорис (Boulton D.) — II 117
Боуряну, Раду (Boureanu R.) — II 322, 331, 510
Бошнаков, Д. П. — II 477
Бояджиев, Н.— II 478
Брага, Теофило (Braga T.) — II 429
Брагансо-Перейра, А. В. (Bragança-Perreira A. V.) — I 365—66
Брайден, Роберт (Bryden R.) — I 461
Брайен, Уильям (Bryan W.) — II 57, 78
Брам, Отто (Brahm O.) — II 215—16, 218, 244—45
Браманти, Бруно (Bramanti B.) — I 213

Брандес, Георг Морис (Brandes G. M.) — I 6, 317, 327, 565—68; II 254, 367
Брандес, Карл Эдуард (Brandes C. E.) — I 327
Бранка, Витторе (Branca V.) — I 43; II 462, 465
Браун, Джон (Brown J.) — II 442
Брейденштейн (Breidenstein), художник — I 190
Брейтбург, Григорий Самсонович — II 467
Брехт, Бертольд (Brecht B.) — II 524
Брешко-Брешковская, Екатерина Константиновна — I 399
Бриан, Аристид (Briand A.) — I 569
Бриггз, Чарлз (Briggs Ch.) — II 477
Бриё, Эжен (Brieux E.) — II 404
Бриссон, Анри (Brisson H.) — II 381—82
Бродзкая, Алина (Brodzka A.) — II 250, 289
Броди, Шандор (Bródy S.) — II 484
Бродская, Лидия Максимовна — II 207—46
Брониш С., актриса — II 275
Бронн, Карло (Bronne C.) — II 477
Бру, Мириам (Bru M.) — II 205, 209
Бруно, Джордано (Bruno G.) — II 480
Брынза, Лука (Brînză L.) — I 522; II 329
Брэдли, Мэй (Bradley M.) — I 364—65
Брэништяну, Б. (Brânişteanu B.) — II 305, 328
Брюзо, Морис (Bruzeau M.) — II 525
Брюкнер, Александр (Brückner A.) — II 249—50, 277—78, 289, 294—95
Брюнетьер, Фердинанд (Brunetière F.) — II 12, 35, 74, 86—87
Буайе, Поль (Boyer P.) — I 385, 388—95, 520, 572—73, 588—89, 592; II 24, 385, 390—91
Бувье, Бернар (Bouvier B.) — I 431—32
Будман, Перо — II 539
Будьян, Петр — I 601
Буйняк, Виктор (Buyniak V.) — II 503
Буландра, Тони (Boulandra T.) — II 313, 315
Буландра-Стурза, Лучия (Bulandra-Sturza L.) — II 313, 315
Буланже, Павел Александрович — I 526, 576, 594, 596; II 202
Булаховская, Юлия Леонидовна — II 290
Булгаков, Валентин Федорович — I 302, 517—18, 528—30, 599; II 123, 149, 192, 462, 478, 507
Булгаков, Сергей Николаевич — I 509
Буль, Пьер (Boulle P.) — I 48
Бургхардт, Яков (Burghardt J.) — I 468
Бурдо, Жан (Bourdeau J.) — II 390
Бурдон, Жорж Анри (Bourdon J. H.) — I 484, 573, 585; II 7, 39—61, 74—76, 203, 378, 390
Бурже, Поль (Bourget P.) — I 47, 54, 59, 335; II 15, 16, 22, 36, 67, 75, 254, 393—95, 402, 430—31, 456
Бурсов, Борис Иванович — II 296, 480
Бурылин, Дмитрий Геннадиевич — I 361
Бутлеров, Александр Михайлович — I 314
Бутс, Б. (Boots B.) — I 149
Бутс, Уильям (Booth W.) — I 106, 118, 120
Бутс, Ф. (Boots F.) — I 149
Буххольц, Хорст (Buchholz H.) — I 209
Бушиньский, Густав (Buszíński G.) — 275 I
Буэно, Анхель (Bueno A.) — I 380—81, 520
Бхала, М. М. — II 54
Бычков, Сергей Петрович — II 296
Бьернсон, Бьернстьерне (Bjørnson B.) — I 314—15, 328—29, 331—34, 376, 518, 596; II 397, 511
Бьюмонт Джордж (Beaumont G.) — II 446
Бэкон, Фрэнсис (Bacon F.) — I 110
Бэлтэцяну, Н. (Bălţăţeanu N.) — II 316, 323
Бэринг, Морис (Baring M.) — I 146
Бэрк, Эдмунд (Burke E.) — I 111
Бютор, Мишель (Butor M.) — II 522, 524
Бялокозович, Базыли (Bialokozowicz B.) — I 6, 60, 532; II 249—96, 361, 459, 461, 505—08
Бян Чжи-линь — I 611—14

Вагнер, Б. (Wagner B.) — II 513
Вагнер, Рихард (Wagner R.) — I 71, 72, 89, 95, 139—40, 401; II 86, 97, 116, 210, 244, 391, 424
Вагнер, Шарль (Wagner Ch.) — II 254
Вазов, Иван — I 201; II 334, 335, 338, 342
Вайсов, Ходжа Мухамед Гаян — II 280, 295
Ваксмахер, Морис Николаевич — I 43, 75—76, 78—84, 130—31, 139—41, 182—83, 220—21
Валери, Поль (Valéry P.) — II 529
Валицкий, Анджей (Walicki A.) — II 287, 292, 296
Валишевский, Казимеж (Waliszewski K.) — I 254, 290
Валлентин, Рихард (Vallentin R.) — II 217
Вальдхаузер, Иштван (Waldhauser I.) — II 484
Вальсер, М. (Walser M.) — II 496, 499
Вановская, Т. В. — I 82
Ваньер, Жорж (Wagnière G.) — II 430
Вареркар, Бхаргаврам Виттхал (псевд. Мама) — II 544
Варналис, Костас (Varnalis K.) — I 43, 192; II 486—87, 501
Варненьская, Моника (Varneńska M.) — II 506
Василевский, Збигнев (Wasilewski Z.) — II 288, 296
Василько, член австрийского парламента — II 410
Васиолек, Э. (Vasiolek E.) — II 518
Васнецов, Виктор Михайлович — II 29
Ват, Александр (Wat A.) — II 276
Вахба, Х. — II 550
Вахтангов, Евгений Багратионович — II 507
Ваш, Иштван (Vas I.) — II 485
Вашингтон, Букер (Washington B.) — I 492—93, 524
Вашингтон, Джордж (Washington G.) — I 395

Вашклевич ван Шильфгаарде (Waszklewicz van Schilfgaarde) — I 509—10
Ваянский, Светозар (Vajanský S.; наст. фамилия Гурбан — Hurban) — I 594; II 149, 164—65, 536
Вебер-Баулер, Леон (Weber-Bauler L.) — II 431
Ведель, Эрвин (Wedel E.) — II 495
Вейберцан, Карел (Weiberzan K.) — I 373—74, 376, 519
Вейе (Veilliet), г-жа — I 363
Вейкшан, Владимир — II 508
Вейль, Ганс (Weyl H.) — II 209
Вейсбейн, Николай (Weisbein N.) — I 6; II 462, 494, 526—27, 530
Вейсенгоф, Юзеф (Weyssenhoff J.) — II 273, 274, 294
Велеминский, Карел (Veleminski K.) — I 593, 594, 596, 599; II 122, 441, 535, 537
Велеску, Вирджиния (Velescu V.) — II 329
Велигоцкий В. — I 601
Великанович, Исо — II 539
Великов, Стефан — II 479
Величкина, Вера Михайловна — I 521
Велчев, Велчо — I 43, 203; II 333—42, 480
Вельтман, Михаил Павлович (псевд. М. Павлович) — I 570
Венгерко, А. — II 275
Вендт, Э. (Wendt E.) — II 488
Венелин — *см.* Коларов Васил
Вениа Ж. (Veniat J.), актриса — II 91
Венсан, Сесиль (Vincens C; псевд. Барин Арвед) — I 386, 592; II 36
Веракс Франк (Verax F.) — II 456—57
Вергилий, Марон Публий — II 110
Вергман, Г. (Vergman G.) — II 361
Вересаев Викентий Викентьевич — II 284, 295
Верец, Петер (Veres, P.) — II 485
Верещагин, Василий Васильевич — II 274, 415—16
Веригин, Петр Васильевич — II 56—57
Веркоутерн, А. (Verkouteren A.) — I 482—83
Верлен, Поль (Verlaine P.) — I 335
Верн, Жюль (Verne J.) — I 153, 538; II 69
Верхарн, Эмиль (Verhaeren E.) — II 404
Веселитская, Лидия Ивановна (псевд. Микулич В.) — II 71
Веселовский, Алексей Николаевич — I 348—49
Вест, А. И. (West, A. I.) — II 419
Вестерлунд, Эрнст Теодор — II 181, 203
Веттерлунд, Фредрик (Vetterlund F.) — II 421
Виану, Тудор (Vianu T.)— I 14; II 326, 331, 510
Вибер, Пьер (Vibert, P.) — II 397
Видман, Й. В. (Widmann J. W.) — II 538
Видмар, Иосип (Vidmar J.) — II 287
Видор, Кинг (Vidor K.) — I 182
Визева (Выжевский), Теодор (Wyzewa Th.)— I 356—57, 360, 398; II 36, 85, 96, 254, 304—05, 389
Виинблад, Эмиль (Wiinhlad E.) — I 466—67, 523
Викстен, Альберт (Viksten A.) — I 431, 242, 243, 261
Викторов Владимир Викторович (Тондров) — II 341, 431
Виктория (Victoria) , королева Великобритании — I 440
Вильгельм II (Wilhelm II)— I 18, 78, 480; II 438
Винаяка, Кришна Гокак (Vináyaka Krishna Gokak) — II 547
Виннер, Петер (Winner P.) — II 511
Винтерштейн, Эдвард (Winterstein E.) — II 217
Винчи, Леонардо — *см.* Леонардо да Винчи
Виньи, Альфред Виктор де (Vigny A. V. de) — II 17, 54, 73, 399
Винярский, Леон (Winiarsky L.) — II 265, 292
Виоле (Violet), актер — II 45
Висс, Рудольф (Wyss R.) — II 15, 72
Виткевич, Мария (Witkiewicz M.) — II 273
Виткевич, Станислав (Witkiewicz S.) — I 60; II 250, 261, 273, 289, 291, 294
Влад, Фируца (Vlad F.) — II 327
Влайков, Тодор Георгиев — II 334—35, 338, 342, 480
Влахуцэ, Александру (Vlahuţă A.) — II 303, 311—12, 330, 429
Вогюэ, Эжен Мельхиор де (Vogüé E. M. de) — I 19, 30, 40, 44, 335, 369, 560; II 8, 12, 29, 80—81, 211, 214, 244, 254, 255, 257, 399, 428, 456, 506
Войкулеску-Буландра, Мариора (Voiculescu-Bulandra M.) — II 313, 316
Волевич, Ирма Владимировна — I 43, 225; II 458
Волен, И. — II 480
Волерт, Зофья — II 250
Волков, Гавриил Андреевич — I 523, 531
Волкова, Татьяна Николаевна — I 5, 299, 532
Волконская, Е. — II 514
Волконский, Григорий Михайлович — I 480—81, 523
Воловский, Ян (Wołowski J.) — II 261
Волховский, Феликс Вадимович — I 544; II 276
Воль, Луиза (Wohl L.) — I 341—42
Вольтер, Мари Франсуа Аруэ (Voltaire M. F. A.) — I 34, 430; II 28, 378, 386, 390, 406, 422, 454, 472
Вольф, Т. (Wolf T.) — II 414
Вольфзон, Вильгельм (Wolfsohn W.) — II 208, 244
Вордсворт, Уильям (Wordsworth W.)—II 117, 120, 360
Воронцов-Дашков, Илларион Иванович — II 118
Воропанова, Марианна Ивановна — I 147
Вотель, Клеман (Vautel C.) — II 370
Врублевский, Августин — II 280, 281, 508
Врхлицкий, Ярослав (Vrchlický J.) — I 245
Ву Нгок Рану — II 549
Вучо, Александр — I 254, 256—57
Выка, Казимеж (Wyka K.) — II 250, 282, 289, 295
Высоцкая, Станислава (Wysocka S.) — II 264

Выспяньский, Станислав (Wyspiański S.) — II 250
Вюйе, Гастон (Vuiller G.) — I 371

Гаврилов, Сергей Васильевич — I 596
Гала-Галактион (Gala-Galaction; наст. имя Pişculescu Grigore) — II 315, 324—25, 331
Галек, Иван (Hálek I.) — I 593; II 122, 536
Галич, Чеслав (Halicz Cz.; наст. имя Розенблат, М.) — II 272, 293
Галлис, Арне (Gallis A.) — II 511
Галлюнас, В. — I 596
Гальбе, М. (Galbe M.) — II 246
Гальперин-Каминский, Илья Данилович (Halpérine-Kaminsky I. D.) — I 378—79, 398, 437; II 9, 12, 21, 29, 65, 70, 71
Гальперина, Евгения Львовна — I 82
Гальперина-Каминская, Евгения Ильинична (Halpérine-Kaminsky E. I.)— I 518; II 65
Гамарра, Пьер (Gamarra P.) — II 486—87
Ганди, Мохандас Кармчанд (Gandhi M. K.) — I 237, 250—52, 283, 284, 294, 483, 531, 532; II 447, 464, 494, 516—17, 542, 544, 547
Гане, Т. (Gane T.) — II 331
Ганзен, Анна Васильевна — II 323, 326, 328, 331, 334
Ганзен, Петер Эмануэль (Петер Готфридович) (Gansen P. E.; псевд. Виктор Эремита) — I 314—34, 386, 517—18, 520
Ганзен, Рольф (Gansen R.) — I 205, 209
Ганушкевич, Адам — *см.* Ханушкевич, А.
Ганц, Гуго (Ganz, H.) — I 31; II 408
Гао Чжи — I 611, 617
Гапон, Георгий Аполлонович — I 444, 446
Гарбо, Грета (Garbo G.; наст. фамилия Gustafsson) — II, 109
Гард, Пьер (Garde P.) — II 531
Гарден, Максимилиан (Garden M.) — I 30; II 411, 413, 457
Гарди, Томас — *см.* Харди Томас
Гардоньи, Геза (Gardonyi G.) — II 484
Гари, Р. (Gary R.) — II 486—87
Гарленд, Хемлин (Garland H.) — I 43, 53, 162—65
Гармс, Вильгельм (Harms W.) — II 496
Гарнет, Дейвид (Garnett D.) — I 544
Гарнет, Констанция (Garnett C.) — I 146, 427—28, 521, 544
Гарнет, Эдуард (Garnett E.) — I 146, 427 — 28, 521
Гаррисон, Уильям Ллойд (Garrison W. L.) — I 26, 35, 37, 39, 400—01, 404, 414, 418, 428, 430, 492—93, 521; II 57, 108, 119, 200
Гаррисон, Уэндел (Garrison W.) — I 414, 521; II 119, 200
Гарсиа, Хуан Рубиро (Garcia J. R.) — I 469
Гарт, Ю. (Hart) — II 458
Гартман, Г. (Hartman G.) — II 494
Гаскар, Пьер (Gascar P.; наст. фамилия Фурнье) — I 261—62; II 521—22, 524
Гассель, Ита (Gassel I.) — II 525
Гауптман, Герхарт (Hauptman G.) — I 21,43, 52, 137—38; II 207, 211—12, 214, 219, 237, 244, 415, 431, 458, 490
Гауф, Л. А. (Hauff L. A.)— I 360
Гвардини, Романо (Guardini R.) — II 462
Гвездослав, Павол (Hviezdoslav P.; наст. фамилия Орсаг) — II 535
Ге, Николай Николаевич — I 390; II 29, 88, 90, 97, 196
Ге, Николай Николаевич (сын художника) — I 390, 392, 589
Гебар, Каролина Реми (Guébhard C. R.; псевд. Северин) — II 408, 457
Геббель, Фридрих (Hebbel F.) — I 190
Гегель, Георг (Hegel G. W. F.) — II 113
Гед, Жюль (Guesde J.) — I 587
Геенно, Жан (Guéhenno J.) — II 520
Гейгер, Джордж (Geiger G.) — II 518
Гейдук, Адольф (Heyduk A.) — I 245
Гейерстам, Густав (Geijerstam G.) — I 123, 125
Гейзе, Пауль (Heyse P.) — II 208, 454
Гейне, Генрих (Heine H.) — I 512
Гейне, Теодор (Heine T.) — II 229
Геккель, Эрнест (Haeckel E.) — II 415—16
Гельпер, Юрий Константинович — I 270 — 71
Генкель, Вильгельм (Henckell W.) — II 219, 224, 246
Геннекен, Эмиль (Hennequin E.)— II 254, 290
Генрих VIII, английский король — I 108
Георгиев, Любен — II 479
Георгиев, Михалаки — II 480
Георгиу, Матильда (Cheorghiu M.) — II 302, 328
Георгиу-Деж, Георге (Cheorghiu-Dej G.)— II 318
Гербачевский, Юзеф — II 275
Гербен, Ян (Herben Jan) — I 126
Герберт, М. (Herbert M.) — I 102
Герберт, Оберон (Herbert O.) — II 100, 118
Герлах, Отто (Gerlach O.) — II 239
Герлецкая, Регина (Gerlecka R.) — II 251, 289—90
Герман, Д. (Gherman D.) — II 329
Герман, Карел (Hermann K.) — II 459
Гермоген, епископ — I 27
Геров, С.— II 478
Геродот — I 567—68; II 110
Герстенберг, Вильгельм (Gerstenberg W.) — I 315; II 418, 512
Герц (Гертц) Павел (Hertz P.) — II 283, 288, 290—91, 296, 507
Герцен, Александр Иванович — I 66, 70, 314, 429, 489, 523, 524, 542; II 168, 200, 265, 280, 295
Герцик, Евгений Васильевич — I 586
Герцог, В. (Herzog W.) — II 371
Герьери-Гонзага, София Бертолини (Guerrieri-Gonzaga, S. B.) — I 49, 76—78, 83—84
Гете, Иоганн Вольфганг (Goethe J. W.)— I 31, 43, 80, 117, 128, 170, 190, 195—96, 220, 351, 402 436, 519, 557; II 164, 207, 222, 321, 330, 360, 371, 378, 390—92, 396, 399, 408, 425, 442, 447, 455, 490—91, 529

Гец, Файвель-Меер Бенцелович — I 601
Гжегорчик, Петр (Grzegorczyk P.) — II 249, 251, 261, 264, 283, 290, 506
Гжимала-Седлецкий, А. (Grzymała-Sedlecki A.) — II 274, 294
Гиббон, Эдуард (Gibbon E.) — II 115
Гижицкий, Г. фон (Gižicki G.) — I 301
Гиленсон, Борис Александрович — 43, 85—95, 132—36, 142—53, 162—65, 299; II 98—120
Гиллеспи, Р. У. (Gillespie R. W.) — I 468
Гильдебрандт, Оскар (Hildebrandt, O.)— II 495
Гиро, Эдмон (Guiraud E.) — II 316
Гиссинг, Джордж (Gissing G.) — II 120, 356
Глаголева, Ирина Константиновна — I 611
Глебовицкий, член австрийского парламента — II 410
Глеккель, член австрийского парламента — II 410
Глиньский, Генрик (Gliński H.) — II 256, 258, 290
Глишич, Милован — II 539—40
Гломбинский, член австрийского парламента — II 410
Глушчевич, Окица — II 539—40
Глюмер, Клер фон (Glümer C.) — II 208
Гладуин, Джесси Л. (Gladwin J. L.) — I 473—74. 483
Гоголь, Николай Васильевич — I 44, 66, 109, 116, 149, 170, 214, 215, 305, 344, 554; II 24, 121, 164, 210, 215, 249, 258, 282, 317, 442, 475, 514, 530
Голдинг, Эдмонд (Golding E.) — II 109
Голдсмит, Оливер (Goldsmith O.) — II 112, 115
Голец, Э. (Holec E.) — II 536—37
Голсуорси, Джон (Galsworthy J.) — I 28 — 29, 43, 53, 142—47, 152, 200; II 515
Гольденвейзер, Александр Борисович — I 39—40, 130, 521, 522, 523; II 74, 284, 296, 551
Гольц, А. — *см.* Хольц, А.
Гомер — I 31, 61, 103, 117, 128, 131, 315, 176, 181, 185, 194, 214, 218, 221, 224, 283; II 110, 164, 270, 282—83, 325, 341, 386, 408, 426, 500, 515
Го Мо-жо — I 617; II 486, 548
Гомперс, Самуэль (Hompers S.) — I 523
Гомулицкий, Виктор (Gomulicki W.) — II 273, 274, 294
Гонгоржав Х. — I 241
Гонсалес, Клотильда (Gonzalez C.) — I 383—84
Гонсовский, Александр — II 283
Гончаров, Иван Александрович — I 44, 61, 66, 73, 79, 170, 276, 305, 314—315, 517; II 195, 253
Горак, В.— I 596
Горанов, Крыстю — II 479
Гораций Квинт Флакк — I 61; II 110
Горбов, Николай Михайлович — II 11, 65
Горбункова, Надежда Ивановна— I 299; II 446
Горбунов-Посадов, Иван Иванович — I 325—26, 329, 331, 333—34, 394, 560, 596, 599, 601
Горная, Виктория Захаровна — II 461—554
Горский, Д. — *см.* Блюменталь Л.
Горст-Шульце, Пауль (Horst-Schulze P.)— I 566
Горький, Максим (Пешков Алексей Максимович) — I 7, 15, 30, 39, 40, 58, 111, 123, 149, 185, 186, 240, 241, 249, 253, 256, 276, 286, 294, 405—407, 520, 585, 599, 600, 601, 612; II 124, 195, 246, 263, 288, 293, 295, 320, 327, 331, 335, 344, 385—86, 396—97, 455, 471—72, 477, 514—15, 528, 539, 547, 551—52
Госсе, Эдмунд (Gosse E. W.) — I 133
Гостомский, Валерий (Gostomski W.) — II 257, 265—66, 292
Готье, Теофиль (Gautier Th.) — I 189
Гоуэллс У. Д. — *см.* Хоуэлс У. Д.
Грабовский, Тадеуш (Grabowski T.) — II 250, 289
Гражданская, Зоя Тихоновна — I 43, 96—97, 136
Графф, Вильгельм (Graff W.) — I 32; II 244
Грацие, Мария Э. делле (Grazie M. E. delle) — II 369
Грачев, А. И. — I 596
Грачев, И. С. — I 596
Грейвз, Р. (Graves R.) — II 486—87
Грейд, Герман (Greid H.) — II 511
Грень, Зыгмунт (Greń Z.) — II 250, 289
Грессер, А. К. — I 601
Грибовская, А. И. — II 290—91
Грибоедов, Александр Сергеевич — II 164
Григ, Эдвард (Grieg E.) — I 331
Григорович, Владимир — I 244
Григорович, Дмитрий Васильевич — II 66, 253
Григорьев, А. — II 296
Грин, Джон Ф. (Green J. F.) — I 39, 509
Гринвуд, Э. (Greenwood E.) — II 476
Гришин, Д. — II 461, 468—69
Громека, Михаил Степанович — I 560
Гроссман, Леонид Петрович — I 82, 531; II 529
Гроссу, Эуджен (Grossu E.) — II 327
Грот, Константин Яковлевич — II 65, 185
Грундт, М.— II 508
Грушевский, Иван Степанович — I 601
Гудзий, Николай Каллиникович — II 284, 295, 462—63, 480, 506, 531, 545, 556—62
Гульд Джордж (Gould G.) — I 428
Гумблот (Humblot), издатель — II 210
Гуннарсон, Гуннар (Gunnarsson G.) — I 29; II 486
Гупперт, Гуго (Huppert H.) — II 467
Гуревич, Любовь Яковлевна — I 318, 517
Гурмон, Реми де (Gourmont R. de) — I 45, 60, 81
Гурфинкель, Нина Лазаревна (Gourfinkel N.) — II 486, 531
Гус, Ян (Hus J.) — II 151—51, 165, 440
Гусев, Николай Николаевич — I 6, 137, 520, 522, 523, 531, 586, 598—601, 603,

604, 606; II 71, 96, 99 118, 119, 163. 166, 455, 462, 476—77
Густи, Пауль (Gusti P.) — II 316
Гутенберг, издатель — II 276
Гучков, Александр Иванович — II 11
Гэн Цзи-чжи — II 344
Гэрляну, Эмиль (Gârleanu E.) — II 312
Гюго, Виктор (Hugo V.) — I 50, 220—21, 276, 304, 406, 473, 517, 546, 587; II 16, 21. 63, 67, 72, 78, 87, 110—11, 261, 275, 351, 360, 371, 374, 378, 390, 399, 421, 425, 452, 494
Гюдмюнссон, К. (Gudmundsson K.) — II 484
Гюисманс, Жорис Карл (Huysmans G. K.)— I, 60, 139; II 35, 81, 87, 96, 529
Гюрджан, Акоп Маркарович — I 219

Давыдов, Василий Львович — I 518
Даллё, Жильбер (Dalleu G.) — I 91
Даль, Владимир Иванович — I 543
Даль, С. (Dahl S.) — II 361
Дальмейда (Dalmeyda), товарищ Р. Роллана — I 71
Дамдинсурэн, Ц. — I 241
Даниельсен, Эрик (Danielsen E.) — 512—13
Данилович-Стшельбицкий, Казимеж (Daniłowicz-Strzelbicki K.) — II 261, 292
Даниловский, Густав (Daniłowski G.) — II 261, 276
Даниэлу, Жан (Danielou J.) — II 462
Д'Аннунцио, Габриеле (D'Annunzio G.) — II 368, 422, 424
Данте Алигьери (Dante Alighieri)—I 110—11, 211, 221, 276; II 110, 321, 325, 330, 341, 386, 425, 464
Дарби, У. Эванс (Darby W. E.) — I 39, 509
Дарвин, Чарлз (Darwin Ch.) — I 148; II 311
Даррелл, Лоуренс (Durrell L.) — II 486—87
Дас Таракуатта — I 302
Дас Шарма — I 531
Дауш, Людовик (Dauş L.) — II 302, 328
Дашдорж, Д.—I 241
Двойченко-Маркова, Ефросинья Михайловна — I 606—08
Дворский, Карел — I 596
Де Анджелис, Микеле (De Angelis M.) — II 424
Дегген, Фред (Duggen P.) — I 526, 531
Де Греф, Гийом (De Greff G.) — II 368
Де Губернатис, Анджело (De Gubernatis A.) — I 312—14, 517
Дёдерлайн, И. Л. (Döderlein J. L.) — II 494
Дежарден, А. (Desjardins A.) — I 470, 590—92; II 254
Дейк, А. (Dake A.) — I 387
Декав, Люсьен (Descaves L.) — II 22
Декарт, Рене (Descartes R.) — II 48, 438
Декс, Пьер (Daix P.) — I 38; II 521—22, 524
Делано, Александра Павловна (Delano Aline) — I 413—15
Деледда, Грация (Deledda G.) — I 29, 33, 43, 54, 110—11, 366—68, 519; II 426
Дель Орто, Антонио (Dell'Orto A.) — I 504
Де Марки, Эмилио (De Marchi E.) — I 504—05
Демби, Стефан — II 268
Дембицкий, Здзислав (Dębicki Z.) — II 274, 294
Деметриус, Лучия (Dęmetrius L.) — II 322, 331
Демон, А. (Demont A.) — I 526
Демулен, Камилл (Desmoulins C.) — II 457
Демулен, Л. (Desmoulins L.) — II 382
Денисенко, Елена Сергеевна — I 526
Депрэ, Сюзанна (Desprès S.) — II 313
Дерулед, Поль (Deroulède P.) — I 535—41; II 38, 75
Деснице, Владан — II 539
Дефо, Даниэль (Defoe D.) — I 172, 231; II 110, 371
Де Фрис, Тойн (De Vries Th.) — I 43, 224 — 25; II 486
Дешан, Гастон (Deschamps G.) — II 387—88
Джакоза, Джузеппе (Giacosa G.) — I 504 —05
Джанни, Этторе (Gianni E.) — II 430, 458
Джемс (Джеймс), Генри (James H.) — I 152, 156; II 518
Джемс (Джеймс), Уильям (James W.)— I 102
Джиффорд, И. (Gifford I.) — II 475
Джозеф, О. П. (Joseph O. P.) — II 546
Джойс, Джеймс (Joyce J.) — I 47; II 523
Джонсон, Оливер (Johnson O.) — I 521
Джонсон, Сэмюэль (Johnson S.) — I 604—05; II 114
Джордж, Генри (George H.) — I 162. 396 — 406, 453—59, 474—75; II 63, 70, 99, 102—03, 118, 200, 444
Джордж, Генри, сын (George H.) — I 459; II 444
Джорджевич, Владон — I 540
Джоши, Р. Б. — II 547
Джунковская, Елизавета Владимировна — I 32, 34
Джурджя, Гиур (Giurgea Ch.)—II 249—30
Дзанкетта (Zanchetta), прокурор— I 505
Дидрихс, Эуген (Diederichs, E.) — II 229
Дидро, Дени (Diderot D.) — I 34
Дизраэли, Бенджамин (Disraeli B.) — I 220
Дик (псевд.)— *см.* Дическу, Ион
Диккенс, Чарлз (Dickens Ch.) — I 66, 70, 84, 144, 146, 170, 231, 232, 254, 276; II 12, 36, 56, 108, 111, 112, 114, 309, 356, 375, 399, 494
Димитров-Гошкин, Георги — II 477
Димов, Димитр — II 476
Динесен, Исаак (Dinesen I.)—*см.* Бликсен, Карен
Динесман, Татьяна Георгиевна — I 6
Дину, Георге (Dinu Gh.) — II 331
Диоген — II 110
Дистерло, Роман Александрович — I 560
Дитерихс, Иосиф Константинович — I 599

Дическу, Ион (псевдоним Дик) —II 330, 429
Дмоховская, Ядвига (Dmochowska J.) — II 283
Доббенбург, Аарт (Dobbenburg A.) — I 124
Доброджяну-Геря, Константин (Dobrogeanu-Gherea, C.) — II 302—03, 309, 328, 330, 430
Добролюбов, Николай Александрович— II 287
Доде, Альфонс (Daudet A.) — I 539; II 22, 34, 56, 67
Доде, Карлос Руис (Daudet C. R.) — I 70, 84; II 504
Додерер, Хеймито (Doderer H.) — I 486
Доланский, Юлиус (Dolanský J.) — II 533, 535
Долинин, Л. (псевд.)—*см.* Блюменталь, Л.
Домбровская, Мария (Dąbrowska M.)— II 211, 250, 288, 291
Домбровский, Игнац (Dąbrowski I.) — II 289
Домбровский, С. (Dąbrowski S.) — II 290
Дончев, Никола — II 530
Дорадо, М. П. (Dorado M. P.) — II 428
Дорбич, В. — II 438, 440
Дорофеева, Т. (Dorofeieva T.) — II 500—01
Досев, Христо — I 517; II 333, 337, 342, 922
Дос-Пассос, Джон (Dos Passos J.) — II 462, 484, 486, 488
Достал, Ян (Dostal J.) — I 246—47
Достоевский, Федор Михайлович — I 44, 54—55, 61, 65, 66, 79, 111—12, 124, 137, 146, 149, 151, 152, 156, 160, 194, 201, 204—208, 212, 214, 217—18, 230, 253—54, 276, 281, 283, 289, 314, 344, 351, 393, 410, 428, 519, 546, 554, 585; II 63, 77, 80, 121, 159, 160, 164, 195, 210, 214, 249, 253, 258, 282, 285, 287, 293, 297, 306, 309, 320, 356, 381, 441, 443, 456, 485, 487, 506, 514—15, 523, 527—29, 531, 546
Д'Остойя (D'Ostoya), художник — I 263, 295
Доул, Натан (Dole N.) — I 408, 410, 412, 413; II 109
Доусон, Д. (Dawson D.) — I 270
Драгиев, Д. — II 434
Драгомир, Статэ (Dragomir S.) — II 313
Драгомиреску, Михаил (Dragomirescu M.) — II 312, 330
Драйзер, Теодор (Dreiser Th.) — I 14, 43, 53, 148—49, 249
Дрда, Ян (Drda J.) — I 47, 231, 245—48
Дрейфус, Альфред (Dreyfus A.) — I 356, 504, 572; II 25, 50, 52—54, 82, 84, 96, 355
Дрогошевский, Аврелиуш (Drogoszewski A.) — II 272, 293
Дрожжин, Евдоким Никитич — I 545
Дртина, Ф. (Drtina F.) — II 441
Дрюон, Морис (Druon M.) — I 13, 43, 174—83; II 486, 522, 524
Дукмейер, Фридрих (Dukmeyer F.) — I 31; II 232, 247
Думик, Рене (Doumic R.) — I 87, 96
Дунаев, Александр Никифорович — I 324; II 125, 157, 158, 165
Дунина, Лаура — II 264, 275
Дункан, Айседора (Duncan I.) — I 372
Дусчан, Ион (Duscian I.) — II 305, 329, 331—32
Дутка, Акош (Dutka A.) — II 485
Дучич, Йован — II 434
Дыгасиньский, Адольф (Dygasiński A.) — II 250, 273, 289, 294
Дырзеу, Эуджен (Dîrseu E.) — II 306, 329
Дьердьяи, Альберт (Gyergyai A.) — II 485
Дьёри, Деже (Györy D.) — II 485
Дьюи, Джордж (Dewey G.) — I 483
Дьяков Алексей Николаевич—I 476
Дьяков Дмитрий Дмитриевич — I 589
Дьякова, Ирина Дмитриевна — II 476
Дьярфаш, Миклош (Gyárfás M.) — II 485
Дюбуа (Дюбойс) Уильям (DuBois W.) — I 36, 59, 261—62; II 486
Дювель, Вольф (Düwel W.) — II 492
Дюк-Керси, Анжель (Duc-Quercy A.) — I 587
Дюк-Керси (Duc-Quercy) — I 587
Дюма-отец, Александр (Dumas-père A.) — I 144, 220, 342, 538
Дюма-сын, Александр (Dumas-fils A.) — I 369, 457, 538; II 21, 22, 54, 63—64, 67—68, 70—71, 74, 138
Дюма, Жорж (Dumas G.) — II 10, 12, 71
Дюмени (Dumeny), актер — II 45
Дюпюи, Эрнест (Dupuy E.) — I 85; II 393
Дюра, Маргарита (Duras M.) — I 486 — 87
Дюрри, Мари Жанна (Durry M. J.) — II 486

Егличка, Милослав (Jehlička M.) — II 534
Е Дао-Шен — I 617
Ежи, Карел — II 451
Екатерина I — I 71
Екатерина II — II 46, 103, 406
Елизавета, королева английская — I 448
Елизавета, императрица австрийская — II 66
Елизавета Федоровна, вел. княгиня — I 420
Елин-Пелин (наст. имя Димитр Иванов) — II 480
Енджеевич, Ежи — II 283
Ергольская, Татьяна Александровна — II 476, 530
Ермилов, Владимир Владимирович — II 462—63, 545
Есенский, Ян (Jesensky J.) — II 536

Жан Поль (Jean Paul — псевд.; наст. имя Рихтер И. П. Ф.) — I 170
Жанвье (Janvier), актер — II 45
Жантиева, Диляра Гиреевна — I 60
Жевуский, Станислав (Rzewuski S.) — II 379
Жемье, Фирмен (Gĕmier F.; наст. фамилия Tonnerre) — II 45

Жермонпре, Фред (Germonprez F.) — II 486
Жеро-Ришар, Альфред (Gérault-Richard A.) — II 385
Жеромский, Стефан (Żeromski St.) — I 53, 193; II 250—51, 273, 286, 288—90, 293
Жефруа, Гюстав (Geffroy G.) — II 456
Жечев, Георги — II 339
Жечев, Тодор — II 481—82
Жешовский, Эдвард (Rzeszówski E.) — II 250, 289
Жид, Андре (Gide A.) — I 168; II 263
Жид, Шарль (Gide Ch.) — I 592
Жийе, Луи (Gillet L.) — I 78, 84
Жиллес, Даниэль (Gillès D.) — II 462, 464, 477, 527, 530, 532
Жимовский, Винцент — II 269
Жинисти, Поль (Ginisty P.) — II 387
Жионо, Жан (Giono J.) — II 486
Жмиевская, Е. (Żmiewska J.) — II 260
Жорес, Жан (Jaurès J.) — I 6, 49, 130, 140, 395, 569—87; II 75, 383, 403, 455, 529
Жуандо, Марсель (Jouhandeau M.) — II 486—87
Жуков, Е. — II 360
Жуковский Ф. — II 284
Жуэн, Юбер (Juin H.) — II 532
Жюде, Эрнест (Judet E.) — II 382

Завалиевская, О. В. — I 604
Заводзиньский, К. В. (Zavodziński K. W.)— II 284, 296
Задражил, Ладислав (Zadražil L.) — II 530, 536
Задэ, Дж. — II 552
Зайденшнур, Эвелина Ефимовна — I 6, 521, 532
Зайончковская-Хвощинская, Надежда Дмитриевна (псевд. В. Крестовский) — II 71
Замфиреску, Дуилиу (Zamfirescu D.) — II 308, 309, 311, 312, 330, 510
Запольская, Габриэла — II 264
Засулич, Вера Ивановна — I 154
Захаров, Лав — II 539
Захир, Саджад — II 540, 542, 544
Збигнев-Кравчиковский — II 284
Здзеховский, Мариан (Zdziechowski M.; псевдонимы В. Каровский, М. Урсин) — II 250, 252, 258—60, 265, 275, 289, 291, 508
Зегерс, Анна (Seghers A.) — I 5, 21, 43, 52, 57, 59, 60, 226—30, 234, 235; II 486, 488
Зейлер, Теодор (Seiler T.) — I 528
Зелкен (Selken), артистка — II 241
Зельверович, Александр — II 275, 276
Зёльдхейи, Жужа (Zöldhelyi Zs.) — II 361, 409, 454, 457
Земны, Александр — II 284, 296
Зёргель, А. (Sörgel A.) — II 244—45
Зиберт, Иоганнес (Siebert J.) — I 362—63; II 397
Зиболд Г. (Siebold H.) — I 601
Зиннер, Эрвин Петрович — I 146—47; II 99
Злыднев, Виталий Иванович — I 43, 118
Золя, Эмиль (Zola E.) — I 51, 96, 131, 174, 181, 249, 539, 570, 574, 580—81; II 14, 15, 16, 22, 34, 67, 99, 101, 214—15, 355, 368, 378, 395, 400, 430, 452, 494, 525
Зонина, Ленина Александровна — I 43, 166—69, 221
Зубова, Мария Николаевна — II 202
Зудерман, Герман (Sudermann H.) — II 357, 367, 413
Зутнер, Берта фон (Suttner B.) — I 509—511; II 408

Иблер, Янко (Ibler J.) — II 539
Ибрэиляну, Гарбет (Ibrăileanu G; псевд. C. Vraja) —II 298, 303, 304, 310, 311, 320, 321, 325, 327—28, 330—31
Ибсен, Генрик (Ibsen H.) — I 314, 315, 317, 328—30, 162, 332, 333, 334, 488, 517, 518, 568; II 21, 87, 211, 214—15, 227, 244, 257, 330, 357, 368—69, 378, 494, 515
Иван IV (Грозный) — I 30; II 341, 411
Иванов, Александр Петрович — I 145,164
Иванов-Разумник, Разумник Васильевич — II 269
Иванов-Черен, И. — II 480
Иванова, Галина Дмитриевна — I 561—64; II 360
Иванова, Татьяна Аполлоновна — II 536
Ивашкевич, Ярослав (Iwaszkiewicz J.) — I 14, 43, 50, 58, 98, 193—198, 261, 264; II 250, 283—84, 288, 295, 486, 505
Игнац Роза (Ignácz R.) — II 485
Игумнова, В. А. — I 599
Игумнова, Юлия Ивановна — I 393; II 177, 182, 186, 194, 196, 197, 202
Иенсен, Альфред Карлович — I 66; II 380
Иероним, св. — II 82, 84, 96
Иеропольский, К. — I 601
Изюмов, А.— II 279, 295
Ийеш, Дьюла (Illyés G.) — II 485
Икор, Роже (Ikor R.) — II 524—25
Иллакович, Казимира (Illakowiczówna K.) — II 283
Иллеш, Эндре (Illés E.) — II 485
Илья Митрофанович, слуга — II 174, 176, 180, 184, 201
Иоанн Златоуст — I 559
Иоанн, король английский — I 448
Ионеску, Пауль (Ionescu P.) — II 329
Ионеску, Эжен (Ionescu E.) — II 486—87
Иречкова, Ольга (Iirečková O.) — II 535
Исикава Такубоку — II 355
Ито — II 46
Ишваран, индийский художник — I 51
Ишидорж — I 241

Йовков, Й.— II 480
Йонэкава Масао — II 347
Йосано Тэккан — II 355

Кабир, Хумаюн — II 542
Кавелин, Константин Дмитриевич — I 316
Кагарлицкий, Юрий Иосифович — I 43, 153—56
Казати, Джованни (Casati G.) — 504—05
Казимир, Оттилия (Casimir O.) — II 320
Калал, К. (Kalal K.) — I 593
Калборяну, Дж. (Calboreanu G.) — II 316

Калеб, Векослав — II 539
Калелкар, К. С. — II 542
Калинникова, А. М.—I 560
Калинцев, И. (псевд. И. Калина) — II 432, 434—35
Калугин, Георгий Александрович — I 222—23
Кальб, Эмиль (Kalb E.) — I 360—61
Каменский, Генрик С. (Kamieński H. S.)— II 293
Камницер, Хейнц (Kamnitzer H.) — II 498
Камоэнс, Луис (Camões L.) — II 249
Камю, Альбер (Camus A.) — II 518—19
Каналехас-и-Мендес, Хосе (Canalejas-y-Mendez J.) — II 428
Каннер, Мишель (Kanner M.) — I 386—87, 520
Канно Суга — II 355
Кант, Иммануил (Kant I.) — II 48, 57, 113
Капивецкий, П. П. — I 595
Капуана, Луиджи (Capuana L.) — II 426
Караджале, Йон Лука (Caragiale I. L.)— II 311
Каралийчев, А. — II 480
Караславов, Георги — I 231, 244—45; II 478, 480
Кардош, Ласло (Kardos L.) — II 484
Карийон, Поль (Carillon P.) — I 470—72
Карл I Стюарт, англ. король — I 448
Карл II Стюарт, англ. король — II 448
Карлейль, Томас (Carlyle Th.) — II 107, 118, 356, 360, 421, 423
Карлова, К. С. — II 461, 533—37
Карлю, Жан (Carlu J.) — I 127
Кармен Сильва (Carmen Sylva—псевд.; наст. имя Елизавета, румынская королева) — II 336
Карнеджи, Эндрью (Carnegie A.) — I 428
Карнелютти, Франческо (Carnelutti F.)— II 462
Каровский, Владислав — *см.* Здзеховский, М.
Каройи, Лайош (Károlyi L.) — II 484
Карп, Дж. (Carp G.) — II 327—28
Карп, О. (Carp O.; наст. имя G. Proca) — II 308, 330
Карпати, Аурел (Karpati A.) — II 484—85
Карпентьер, Алехо (Carpentier A.) — I 13, 38, 59, 261, 264—69
Каррик, Василий Васильевич (Carrick W. W.) — I 609
Карст, Роман (Karst R.) — II 284, 296
Касаткин, Николай Алексеевич — I 596, 600; II 97
Каспрович, Ян (Kasprowicz J.) — II 264, 292
Кассаньяк, Ги де (Cassagnac Gui de) — II 382
Катаяма Сэн — I 561
Катков, Михаил Никифорович — II 66
Като Такэо — II 359
Катон Старший — I 502
Кауфман, Вальтер (Kaufmann W.) — II 518—20
Каутский, Карл (Kautsky K.) — I 572
Кафка, Франц (Kafka F.) — I 55, 205, 212, 214, 217
Кацева, Евгения Александровна — I 170—73, 190—91
Кацура Таро — II 355
Качоровская, Зофья (Kaczorowska Z.) — II 283
Кашкин, Иван Александрович — I 43, 157, 161
Кашшак, Лайош (Kassák L.) — II 485—86
Квазимодо, Сальваторе (Quasimodo S.) — II 486
Квидинг, Нильс (Kviding N.) — I 122
Квинтон, Д. П. (Queenton D. P.) — I 530
Квятек, Юзеф (Kwiatek J.; псевд. Флис) — II 273
Квятковский, Ремигиуш (Kwiatkowski R.) — II 274, 294
Кей, Эллен (Key E.) — I 125
Кейслер, Фридрих — II 217
Кекконен, Урхо Калева (Kekkonen U. K.)— — I 261, 273
Келлер, Готфрид (Keller G.) — II 213
Келлуа, Роже (Caillois R.) — II 462
Кенворти, Джон (Kenworthy J.) — I 398, 520
Кёниг, И. (Kőnig J.) — I 450—53
Кеннан, Джордж (Kennan G.) — I 85, 345—46, 414, 416—20, 521, 548, 559; II 466, 467
Кент, Рокуэл (Kent R.) — I 6, 259—60
Кепеш, Геза (Képes G.) — II 485
Кеппен, Вольфганг (Koeppen W.) — I 16, 261, 273; II 486
Керкленд, Дж. (Kirkland J.) — I 164—65
Керр, Альфред (Kerr A.) — II 369, 413, 458
Керри, Джон (Curry J.) — II 504
Кессель, Жозеф (K ssel J.) — II 486—87, 524
Кеттл, Арнольд (Kettle A.) — I 58, 231—32, 261, 273—74
Кехлибарова, В. — II 342
Кикути — II 451—52
Киллар, Пьер (Quillard P.)— II 404
Кимура Хироси — II 553
Киндельский, Ян (Kindielski J.) — II 261
Киниц, Вернер (Kienitz W.) — II 490, 492
Кинцль, Г. (Kientzl, H.) — II 458
Киплинг, Редьярд (Kipling R.) — II 36, 116, 336, 422
Кирицеску, Александру (Kiriţescu A.) — II 331
Киркегор, С. — *см.* Кьеркегор, С.
Кирков, Георгий — II 334
Киркор, Адам Гонориуш (Kirkor A. H.; псевдонимы: Ян из Сливины, Собарри) — II 253, 290
Кирхнер, В. — I 423
Кирхнер, Е. В. — I 422—23, 521
Кирьяков, Г. В. — II 163
Китс, Джон (Keats J.) — I 435
Клаймер, Р. С. (Clymer R. S.) — I 432—33, 521
Кларк, Чарлз Аллен (Clarke Ch. A.) — I 460—65, 523
Кларти, Антуан (Claretie A.) — II 404
Кларти, Жюль (Claretie J.) — I 483—84; II 48, 76, 363, 383—84, 398—99, 404
Классен, Карл Христианович — I 526

Клатик, Златко (Klátik Z.) — II 534
Клаучо, Ю.— II 536
Клаштерский, Антонин (Klášterský A.) — I 245
Клее, Генрих (Klee H.) — II 243
Клейнпоппен, И. (Kleinpoppen J.) — I 508
Клемансо, Жан (Clemenceau J.) — II 23, 74, 404
Клерк, Э. (Clerk E.) — I 526
Климович, Рудольф (Klimović R.) — I 279, 597
Ключевский, Василий Осипович — I 161
Кнудсен, Я. (Knudsen J.) — II 419
Ковалевский, Максим Максимович — II 340
Кодисова, Юзефа (Kodisowa J.) — II 274, 294
Коё Одзаки — II 347
Кожевников, Юрий Алексеевич — I 43, 115—16, 189; II 429—30, 458
Козелек, Карел (Kozielek K.) — II 363
Козлова, Елена Всеволодовна — I 530
Койзуми Шинзо — II 462
Кок, Поль де (Kock P. de) — II 28, 74
Кокерель, Сидней (Cockerell S.) — I 484
Коко, Жан Батист (Coco J. B.) — I 511—12
Кокто, Жан (Cocteau J.) — I 48; II 486
Кола, Ф. (Colas F.) — II 91
Коларов, Васил (псевд. Венелин) — II 334, 342, 477, 481
Колафа, Стефан (Kolafa S.) — I 6, 532, 593—608; II 126, 163—66, 361, 461, 533—37
Колдуэлл, Эрскин (Caldwell E.)—II 486—87
Коллин, Кристофер (Kollin Ch.) — II 368
Колонна, Виттория (Colonna V.) — I 128
Колиньон, М.— I 526
Коложвари-Грандпьер Эмиль (Kolozsvári G. E.)
Коменский, Ян Амос (Komenský J. A.) — II 441
Комингз, С. Г. (Comings S. H.)— I 384—85
Комиссаржевская, Вера Федоровна — I 373
Кон, Адольф Якуб (Kon A. J.) — II 261—63
Кон, Феликс (Kon F.) — II 261, 293
Кондор, Бела (Kondor B.) — II 488
Кондратьев, Ю. М.— I 60
Кондрашов, Николай Андреевич—II 122, 536
Кони, Анатолий Федорович — I 601
Кониси Масутаро — II 347
Конопницкая, Мария (Konopnicka M.) — II 250, 273—74, 289
Конрад, Михаэль Георг (Konrad M. G.) — I 145; II 214
Конрад, Николай Иосифович — I 561; II 167, 169, 347—60
Конради, Герман (Conradi H.) — II 214, 244
Константинов, А.— II 334, 338
Константинов, Г.— II 342, 477, 479—81
Константинов, Д. — II 342
Конт, Огюст (Comte A.) — I 255, 549
Конфуций — I 234, 550; II 47, 57, 110, 177, 178, 180, 202, 234
Коншин, Александр Николаевич — I 462
Конпе, Франсуа (Coppée F.) — II 529
Корбе, Шарль (Corbet Ch.) — II 530
Корбул, Адриан (Corbul A.) — II 306, 314, 329
Корнейчук, Александр Евдокимович—I 248
Корода, Миклош (Koroda M.) — II 483
Короленко, Владимир Галактионович — I 131, 472, 523, 542, 544, 585; II 8, 10, 11, 12, 28, 65, 74, 263, 418, 430
Корф (Corf) — II 15, 72
Косгрейв, Дж. (Cosgrave J.) — I 149
Косиньский, Казимеж (Kosiński K.) — II 250, 289, 294
Коскенниеми, Вейко Антеро (Koskenniemi V. A.) — II 486—87
Космодемьянская, Зоя — I 13
Костел, Чорану И. (Costel C. I.)— II 328
Костерева, В. А.— II 167, 170—202
Костин, А. (Costin A.) — II 310, 330
Косторицкий, В. Р. (Kosztoricki W. R.)—513
Косякевич, Винценти (Kosiakiewicz W.)— II 273—74, 294
Котоко Дэндзиро (псевд. Сюсуй) — I 6, 561—64; II 352, 354—56, 360
Котрба, Э. (Kotrba E.) — II 161
Котуно — II 428
Коуш, И.— II 441
Кравчинский, С. М.— *см.* Степняк-Кравчинский С. М.
Кравченко, Н. И.— II 433
Краг, Томас (Krag T.) — II 419
Крагель, Г. (Kragel G.) — II 361
Кралик, И. (Králik I.) — II 536
Крамарж, Карел (Kramář K.) — II 410
Крамской, Иван Николаевич — I 314; II 196
Краньчевич, Сильвий (Kranjčević S.) — II 539
Красиньский, Зыгмунт (Krasiński Z.) — II 269
Крашевский, Юзеф (Kraszewski J.) — II 254, 288, 290
Крег, Гордон (Craig G.) — I 372—73, 513
Кредаро, Луиджи (Credaro L.) — II 428
Крейн, Стивен (Crane S.) — I 164
Крейчи, Карел (Krejčí K.) — II 250, 289
Крейчи, Ф. Б. (Creičí F. B.) —II 440—41
Крестовский, В. — см. Зайончковская-Хвощинская, Н. Д.
Крецер, Макс (Kretzer M.) — II 211
Кривош, Владимир Иванович — II 124
Кридль, Манфред (Kridl M.)—II 250, 289
Крилмен, Джемс (Creelman J.) — I 427—34, 521, 522
Крипалани, Кришна — I 231, 236—38, 261, 274
Криппен, Хоули Харви (Crippen H. H.)— II 398
Кристенсен, Мери Л. (Christensen M. L.) I 350
Кристесен, Н. М. (Christesen N. M.)— II 468
Критико, Ал. (Critico Al.) — II 321, 324
Крклец, Густав (Krklec G.) — II 539
Кромвель, Оливер (Cromwell O.) — I 448
Кропоткин, Петр Алексеевич — I 71, 90, 401—02, 520; II 364, 366, 453—54

Кросби, Эрнест (Crosby E.) — I 361, 379, 385—86, 395—407, 424, 456—57, 476, 519—20
Кроуэлл, Томас (Crowell T.) — I 414—15
Кругляк, В.— I 523
Круз, Эми (Cruse A.) — I 146
Кручковский, Леон (Cruczkowski L.) — II 486, 488
Крылов, Иван Андреевич — I 305
Крыстев, Крыстьо — II 337, 338, 434
Крыстева, Райна — II 337, 338
Крюденер (Криденер), Варвара Юлия — I 181
Крюппи, Жан (Cruppi J.) — II 381—82, 404
Ксенофонт — II 110, 447
Ку, Эмиль (Kuh E.) — I 190
Кубка, Франтишек (Kubka F.) — II 534
Кузен, Виктор (Cousin V.) — II 87
Кузминская, Вера Александровна — II 165
Кузминская, Татьяна Андреевна — I 330, 423, 518
Кузминский, Александр Михайлович — I 601
Кукучин, Мартин (Kukučin M.) — II 536
Кумар, Джайнендра (Kumar J.) — I 237; II 462
Курата Момодзо — II 359
Курелла, Альфред (Kurella A.) — II 488
Куриягава Хакусон — II 348
Куропатвиньский, Александр (Kuropatwiński A.) — II 261
Курсиньский, А. (Kursiński A.) — II 292
Кутейщикова, Вера Николаевна — I 60, 523, 532
Кутузов, Михаил Илларионович — I 51, 161, 178, 183, 196, 228; II 210, 267, 401
Куэ, Шарль (Couet Ch.) — I 513
Кшеминьский, Владимир (Krzemiński W.) — II 283
Кшивицкий, Людвик (Krzywicki L.) — II 249, 289
Кшижановский, Юлиан (Krzyzanowski J.) — I 250, 286, 289, 296
Кындя, Ион (Kîndea I.) — II 327
Кьеркегор (Киркегор), Серен (Kierkegaard S.) — I 315—18, 320—22, 324—26, 328—29, 332—34, 517, 518; II 286
Кэлинеску, Джордже (Călinescu G.) — II 326, 331
Кэн, Жюльен (Cain J.) — II 468, 521
Кэри, Джойс (Cary J.) — II 504
Кэшинг, П. (Cashing P.) — I 270
Кюн, Людвиг (Kühn L.) — I 339

Ла Боэси, Этьен де (La Boétie E. de) — I 141; II 50
Лабриола, Тереза (Labriola T.) — II 426
Лабрюйер, Жан (Labruyère J.) — II 531
Лавел, Родерик (Lovell R.) — II 476, 520
Лаврин, Янко (Lavrin J.) — II 517
Лагардель, Юбер (Lagardelle H.) — II 404
Лагерлёф, Сельма (Lagerlöf S.) — I 111, 121, 125; II 421
Лазурский, Владимир Федорович —I 522; II 74
Лакснесс, Халдор К. (Laxness H. K.) — II 524
Лакшин, Владимир Яковлевич — II 79—97
Ламанский, Владимир Иванович — I 596
Ламартин, Альфонс (Lamartine A.) — II 399
Ламбер, Жюль (Lambert J.) — II 361
Ламеннэ, Фелисит Робер (Lamennais F. R.) — I 379, 519
Ламф, Линдон (Lumf L.) — I 150
Ланге, В. (Lange W.) — II 244
Ланген, Альберт (Langen A.) — I 596
Ландовска, Ванда (Landowska W.) — II 251, 271, 274, 455
Ланский, Леонид Рафаилович — I 6, 49, 131, 192, 535—41, 569, 586, 592; II 7—78, 96, 361—460
Лану, Арман (Lanoux A.) — II 486, 521—22
Лао Цзы — I 442; II 110, 151, 347, 364
Лао Шэ — I 611—12, 617
Лапин, С. Н.— II 468
Лаплас, Пьер Симон (Laplace P. S.) — I 128, 452
Лапоз, Анри (Lapauze H) — II 72
Ларошфуко, Франсуа де (La Rochefoucauld F. de) — II 529
Ласказ, Эммануэль (Las Cases E.) — II 55—56, 77
Лассаль, Фердинанд (Lassalle F.) — I 572
Лафарг, Поль (Lafargue P.) — I 587; II 240
Лафорет, Кармен (Laforet C.) — II 486
Лаффит, Софи (Laffitte S.) — II 80, 502, 521, 527, 529
Лебедева, М.— II 539
Лебрен, Виктор (Lebrun V.) — I 599, 601, 605; II 190—91, 194, 520, 529—30
Лев XIII, папа — II 424
Лёвенфельд, Рафаэль (Löwenfeld R.) — II 70, 208, 220, 225, 227—31, 234—35, 246—47, 254, 367, 369, 413
Леверсон, Монтегю Ричард (Leverson M. R.)— I 474—75, 523
Леви, Карло (Levi C.) — I 261, 274—275
Левитан, Исаак Ильич — I 522
Левицкий, член австрийского парламента — II 410
Левицкий, К. — II 361
Лёвланд, Йорген (Løvland J.) — II 368, 420
Легра, Жюль (Legras J.; псевд. Люк Жерсаль) — I 591; II 7—18, 65, 72—73
Легран, Эди (Le Grand E.) — I 176—77
Ледебур, К. Ф. (Ledebour K. F.) — II 417
Ледницкий, Вацлав (Lednicki W.) — II 277—79, 291—92, 295, 512
Ледюк, Рене (Leduc R.) — II 95
Лежнева, Лидия Павловна — I 226—29
Лейст, Людвиг (Leist L.) — II 327
Лекко, Альберт (Lecco A.) — II 486—87
Лелевель, Иоахим (Lelewel J.) — II 280, 295
Лемер (Lemaire), издатель — II 302
Леметр, Жюль (Lemaître J.) — II 29, 387, 390, 400

Ленгленд, Уильям (Langland W.) — I 272
Ленин, Владимир Ильич — I 7, 15, 33, 34—36, 39—40, 43, 46, 52, 59—60, 119, 136, 172, 243, 248—50, 256, 258, 276, 295, 300, 447, 453, 460, 470, 587; II 227, 233, 239—40, 242—43, 246—48, 270—71, 282, 284, 293, 295, 313, 318, 320, 324, 330—31, 342, 344, 415, 479, 482, 489, 500, 510, 528, 531—32, 539, 544, 551
Ленц, Зигфрид (Lenz S.) — II 496, 498
Леон, Эдуард (Léon E.) — I 301
Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci) — I 118, 175, 616
Леонов, Леонид Максимович — I 472, 523; II 322
Леонтьев, Константин Николаевич — II 15
Леонтьевский, Николай Алексеевич (псевд.; наст. имя Солнцев Н. А.)—I 519
Лермина, Жюль (Lermina J.) — II 371
Лермонтов, Михаил Юрьевич — I 541; II 231, 287, 308, 338, 469
Леру, Эли (Leroux E.) — I 601
Леруа-Больё, Анатоль (Leroy-Beaulieu A.) — I 32; II 29, 402—03
Лесков, Николай Семенович — II 24
Лескюр, Пьер (Leścure P.) — II 533
Лесьмян, Болеслав (Leśmian B.) — II 273—74, 294
Лефор, Анри (Lefort H.) — I 45
Ли Цзи-е — I 611, 616—17
Либер (Liber), журналист — II 374
Либкнехт, Вильгельм (Liebknecht W.) — II 215
Либлинг, Эмануэль (Liebling E.) — II 274, 294
Ливингстон, Дейвид (Livingston D.) — I 103
Лиллиестам О. (Lilliestam Å.) — II 361
Линдстром, Таис (Lindstrom Th.) — I 592; II 7, 79, 292
Линкольн, Авраам (Lincoln A.) — I 608—10
Линтон, Элизабет Линн (Linton E. L.) — I 418, 521
Линь Шу — II 343
Лисицкая, Анна (Lisicka A.; псевдонимы: Марта Муамир, А. М. L.) — II 255—56, 290
Лисицкий, Генрик (Lisicki H.) — II 290
Литвакова, И. М.— I 257
Ловренчич, М.— II 539
Ло Гатто, Этторе (Lo Gatto E.) — I 231, 236, 261, 276—77, 592; II 462, 465, 486, 500
Лод ван Миероп (Mierop L. van) —I 9
Лодойдамба, Л.— I 241
Лозинский, Михаил Леонидович — I 211
Лойдова, ученица Яснополянской школы — II 537
Лойола, Игнатий (Loyola I.) — II 516
Ломброзо, Чезаре (Lombroso C.) — I 370; II 143, 164
Ломоносов, Михаил Васильевич — I 565
Ломунов, Константин Николаевич — I 5—40; II 480, 517
Лонг, Роберт Эдвард Крозьер (Long R. E. C.) — II 98, 111, 118, 120
Лонге, Жан (Longuet J.) — I 586
Лонгфелло, Генри Уордсфорт (Longfellow H. W.) — I 428
Лопалевский, Тадеуш (Lopalewski T.) — II 283
Лопе де Вега (Lope de Vega) — I 266
Лоренц, Пауль (Lorenz P.) — II 470
Лорие, Мария Федоровна — I 231—32
Лоррен, Юнис (Lorraine E.) — I 345—46
Лоуренс, Дейвид (Lawrence D.) — I 146; II 475
Лоуэлл, Джеймс Расселл (Lowell D. R.)— I 428
Лощинин, Николай — II 478
Луазон, Поль Гиацинт (Loyson P. H.) — I 379, 440—47, 519, 522; II 404, 406
Луазон, Шарль (Loyson Ch.) — I 440, 443
Лубеньский, Роже (Lubieński R.) — II 294
Лужный, Рышард (Lużny R.) — II 508
Лука, Ана (Luca A.) — II 316, 327
Лукас, Роберт (Lucas R.) — I 270—71
Лукач, Дьердь (Георг) (Lucács G.) — I 229; II 484
Лумен (Lumien), издатель — II 328
Луначарский, Анатолий Васильевич — II 282, 424, 458, 539
Лунгина, Лилиана Зиновьевна — II 79, 82—96
Лундквист, Артур Нильс (Lundkvist A. N.) — I 261, 277
Лу Синь — I 249, 615—17; II 344—45
Львов, Георгий Владимирович — I 344, 518
Львов, Евгений Владимирович — I 344; 518
Львова, Александра Владимировна — I 518
Львова, Ирина Львовна — I 232—34; II 360
Людвиг, Надежда (Ludwig N.) — II 488—90
Люй Ин — I 611—13
Люк, Манюэль (Luque M.) — I 549
Люксембург, Роза (Luxemburg R.) — I 46, 49; II 238—39, 243, 248, 270—71, 293, 413—14, 457
Лютер, Мартин (Luther M.) — I 100, 138; II 407, 410, 414, 442, 450, 492
Лю Чуй — I 613
Лялин, Василий Сергеевич— II 71
Ляудын, Стефания — II 263—64, 291, 506

М. М.— II 539
Мавродиев, Васил — II 477—78
Мадарьяга, Сальвадор де (Madariaga S. de) — II 462—63, 465
Маеранец, Г. (Majeraniec H.) — II 276
Мазаччо (Masaccio; наст. имя Тома Гвидо) — I 214
Мазерель, Франс (Masereel F.) — I 292, 571
Мазон, Андре (Mazon A.) — I 520, 588—92; II 520—21, 529, 531
Майкан, Аурел Ион (Maican A. I.) — II 323
Майков, Аполлон Николаевич — II 253

Макаров, крестьянин — II 129—130, 136—37
Макашин, Сергей Александрович — I 6, 524
МакГахан (рожд. Елагина, Варвара Николаевна) — I 454—56
МакКинли, Уильям (MacKinley W.) — I 474, 490, 524
МакКрекен, У. Д. (MacCrackan W. D.)— I 458
Маклакова, Мария Алексеевна — I 526
Маковицкая, Матрена Константиновна — II 537
Маковицкий, Душан Петрович (Makovicky D.) — I 39, 401, 497—98, 501, 518, 523—24, 526, 528, 530, 593—608; II 73, 75, 98, 118, 122—23, 126, 165, 167, 176—77, 180, 186, 192, 202, 373, 442, 513, 533, 536—37
Маколей, Томас (Macaulay T. B.) — II 360
Максимов, Христо — II 480
Максимович, Йован Т.— I 501; II 539—40
Максуэлл (Maxwell), педагог — I 405
Максуэлл, И. Р. (Maxwell I. R.) — II 469
Макушиньский, Корнелий (Makuszyński K.) — II 292
Малер (Mahler), член австрийского парламента — II 410
Малиарик, Ян (Maliarik J.) — I 246—47, 599
Малларме, Стефан (Mallarmé S.) — I 47, 60; II 20
Мальро, Андре (Malraux A.) — I 200; II 498
Мальтеста, Луи (Maltesta L.) — II фронтиспис
Мальц, Альберт (Maltz A.) — I 43, 59, 199—200; II 486—87
Ман, Бертольд (Mann B.) — I 167
Мандур, М.— II 550
Мани, индийский художник — I 237
Манн, Генрих (Mann H.) — I 52
Манн, Томас (Mann Th.) — I 14, 43, 55—57, 60, 171, 173, 217, 235, 249, 283, 355, 519; II 222—23, 246, 517, 538
Манолеску, Ион (Manolescu I.) — II 313, 315, 316, 323, 330
Мансисидор, Хосе (Mancicidor J.) — I 58
Мантекон, Хосе Игнасио (Mantecón J. I.)— II 361
Маньес, Л. Бернал (Mañéz L. B.) — I 57
Маньковская, Галина Львовна — II 459
Мао Дунь — I 609, 616, 617; II 343—46, 546
Мао Цзе-дун — II 344
Маргерит, Виктор (Margueritte V.) — II 36, 75, 453
Маргерит, Поль (Margueritte P.) — II 22, 36, 67, 75, 374—76, 404
Мари, Адриен — I 375
Маритэн, Жак (Maritain J.) — II 460
Мария I, Кровавая, англ. королева — I 448
Мария Александровна, герцогиня Эдинбургская — II 309
Марк Аврелий — II 110
Маркевич, Генрик (Markiewicz H.) — I 105; II 250, 289
Марков, Георгий Мокеевич — II 460—61
Маркс, Адольф Федорович — I 355
Маркс, Карл (Marx K.) — I 100, 172, 231, 572; II 235, 244, 247, 286, 300, 360, 415, 437—38, 464, 536
Маркуччи, Эдмондо (Marcucci E.) — I 275; II 69
Марсден, У. Э. (Marsden W. E.) — I 602
Марсо, Фелисьен (Marceau F.) — II 486—87
Мартен дю Гар, Роже (Martin du Gard R.) — I 43, 55—56, 166—169; II 506
Мартынов, Владимир Яковлевич — II 340
Марушак, Петр — I 595
Мархлевский, Юлиан (Marchlewski J.) — II 265
Маршан, Рене (Marchand R.) — II 7, 62—64
Марэс, Ролан де (Marès R. de) — II 422
Масао, Й.— II 347
Масарик, Томаш Гариг (Фома Осипович) (Masaryk T. G.) — I 246—48, 594
Маси, Эдмон Луи (Масу E. L.) — I 437—439
Масутаро Кониси — I 347
Ма Цзюнь-у — I 343, 345
Мацкевич, Станислав (Mackiewicz S.) — II 286, 296
Мацуй Сумако — II 356—58
Мачанек, Вилем (Mačanek V.) — I 374
Маэсту, Рамиро де (Maeztu R. de)— II 428
Маяковский, Владимир Владимирович — I 266; II 511
Мегар, Андре (Mégard A.) —II 91, 93, 95
Мейер, Конрад Фердинанд (Meyer C. F.)— II 212, 470
Мейер, Леопольд (Meyer L.) — I 98
Мейзенбуг, Мальвида (Meysenbug M.) — II 208
Мейлах, Борис Соломонович — I 60, 569, 586; II 248, 363, 398, 448, 454—55, 459, 507, 517, 545
Мейнье, капитан — II 398
Мёкли, Г. (Moeckli G.) — II 361
Мелинан (Melinan), товарищ Р. Роллана — I 71
Мельгунов, Сергей Петрович — II 279
Менар-Дориан (Mênard-Dorian), общественная деятельница — II 404
Менгден, Елизавета Ивановна — I 325
Менделеев, Дмитрий Иванович — I 314
Менкен, Генри (Menken H.) — I 149
Менциус — *см.* Мэн-Цзы
Меньшиков, Михаил Осипович — II 137, 139, 163
Мережковский, Дмитрий Сергеевич — II 195, 266—67, 269, 293, 338, 342, 514, 516
Мериме, Проспер (Mérimée P.) — I 538
Меринг, Франц (Mehring F.) — I 49; II 214—15, 219, 223, 225, 236—40, 243—46, 248
Мёрнер, Б.— I 124
Месей, Миклош (Mészöly M.) — II 483
Местр, Жозеф де (Maistre J. de) — I 268; II 16, 73
Метерлинк, Морис (Maeterlinck M.) —

I 47, 60; II 86, 96, 263, 357, 363, 400, 404, 422, 457
Мехиа, Деметрио (Mejia D.) — I 485—486, 523
Мечников, Илья Ильич — II 367, 392, 404, 453
Мечников, Лев Ильич — I 545
Мийу, Морис (Millioud M.) — II 430
Микаэль, А. (Michael A.) — I 449
Микеланджело Буонаротти (Michelangelo Buonarotti) — I 56, 84, 118, 174—75, 214, 616; II 19, 326, 354, 394, 396, 411, 515
Миклош, Дьор (Miclos G.) — I 283
Миклухо-Маклай, Николай Николаевич — I 314, 489; II 75
Милле, Константин (Mille C.) — II 328
Милс, Фэй (Mills F.) — I 400
Миль, Жорж (Mill G.) — I 65, 71
Мильтон, Джон (Milton J.) — II 110, 112, 116
Милюков, Павел Николаевич — II 336—37
Миндерович, Чедомир (Minderovič Č.) — II 361
Мирабо, Оноре (Mirabeau H.) — II 457
Мирбо, Октав (Mirbeau O.) — I 585; II 28, 54—56, 74, 77, 391, 404, 453, 528
Миронова, Татьяна Ильинична — I 245—48
Мистраль, Фредерик (Mistral F.) — II 422
Митрофанов, Михаил Михайлович — (псевд. Москаль) — I 105
Михаиль, Николае Д. (Michail N. D.) — II 328
Михайловский, Стоян — II 334, 338, 342
Михелевич, Мира Ефимовна — I 6, 199—200, 260, 299—300
Мицкевич, Адам (Mickiewicz A.) — I 196, 198; II 253, 282—83, 288
Мичаткова, Катарина (Mičátková K.) — II 122—23, 534
Мичек, Эдвард (Miček E.) — II 515—16
Мишель, Луиза (Michel L.) — I 470
Моберг, Вильгельм (Moberg V.) — II 486
Мозер, Г. (Moser H.) — II 246
Моисеенко, Ольга Владимировна — I 575—84
Моисси, Алессандро (Moissi A.) — I 170, 171; II 316
Мок, Гастон (Moch G.) — I 510—511
Моклер, Камилл (Mauclaire C.) — II 395
Молани (Мовлани), курдский мулла — II 450
Молинари, Гюстав (Molinari G.) — I 429
Молинари С. (Molinari S.) — II 501
Молочников, Владимир Айфалович — I 585, 596, 599
Мольер, Жан Батист Поклен (Molière J. B. P.) — I 128, 377, 379; II 394, 452
Мольтке, Гельмут Карл Бернард фон (Moltke H. K. B.) — I 19
Монго, Анри (Mongault H.) — I 592
Монета, Эрнесто Теодоро (Moneta E. T.)— I 502—507, 524
Монлуи (Monlouis), артист — I 91
Моно, Вильфред (Monod W.) — II 403
Монс, И. (Mons I.) — II 521
Монтень, Мишель (Montaigne M.) — I 379, 382; II 50
Монтерлан, Анри де (Montherlant H. de) — I 48; II 486—87
Монтескье, Шарль де (Montesquieu Ch.) — I 264, 539
Монье, Т. (Monié T.) — I 470
Моод, Арнольд (Maude A.) — II 114—15
Моод, Луиза (Maude L.) — I 150 — 51, 154, 396, 544; II 114, 117
Моод, Элмер (Maude A.) — I 87, 91, 95, 97, 132, 134—36, 150—51, 153, 355—56, 360—61, 397, 428, 460—62, 519—21, 523, 544; II 98, 115, 117, 412, 518
Моор (Мур), Джордж (Moore G.) — I 95
Мопассан, Ги де (Maupassant Gui de) — I 50, 146, 161, 249, 541, 588, 590—91; II 22, 35, 54—55, 66, 87, 138, 145—46, 163, 321, 393
Мор, Томас (More Th.) — I 508; II 378
Мор, Уильям (More W.) — I 43
Моравиа, Альберто (Moravia A.) — I 5, 43, 55—56, 213—17; II 465, 486, 499
Моравский, Казимеж (Morawski K.) — II 275
Моравский, Мариан (Morawski M.) — II 257, 275, 290
Морен, Луи (Morin L.) — I 583
Мори, Лионель (Maury L.) — II 401
Мориак, Клод (Mauriac C.) — I 28
Мориак, Франсуа (Mauriac F.) — I 28, 261, 277; II 462, 486—87, 524
Морикава, М.— I 6; II 361
Мориц, Вираг (Moricz V.) — II 485
Мориц, Жигмонд (Móricz Zs.) — I 280
Моричева, Мария Дмитриевна — I 43, 122—25, 299, 565—68; II 380—81, 454, 458, 461, 510—11
Морозов, Петр Васильевич — II 203
Морра, Умберто (Morra U.) — II 462
Моррас, Шарль (Morras Ch.) — I 141
Моррис, Уильям (Morris W.) — I 92, 155, 542; II 97
Морстин-Гурская, Мария (Morstin-Górska M.) — II 285
Моруа, Андре (Maurois A.; наст. имя Герцог, Эмиль Соломон) — I 13, 38, 43, 218—21; II 486, 520—22, 528—29
Морцун (Morțun), актер — II 316
Москаль, Михаил (псевдоним) — *см.* Митрофанов М. М.
Мотылева, Тамара Лазаревна — I 5—6, 39, 43, 82, 141, 147, 173, 191, 230, 532, 569; II 290, 295, 304
Мо Цзы — II 177, 202
Мошиньский, Ежи (Moszyński J.) — II 257, 291
Моэм, Сомерсет (Maugham S.) — I 13; II 486
Мраз, Андрей (Mraz A.) — II 123, 164, 536
Мрштик В. (Mrštik V.) — I 245—46
Мукерджи, М. Т.— II 544
Муньос, Гори (Muñoz G.) — I 265
Муньос, Хуан Лопес (Muños J. L.) — I 469
Мур, Джордж (Moore G.) — II 119—20
Муравьев, Н. М.— I 601
Муравьева, мать Р. Лонга — II 111
Муратова, Ксения Дмитриевна — I 39
Муре, Габриель (Mouret G.) — II 391—92

Мурри, Ромоло (Murri R.) — II 427—28
Мусоргский, Модест Петрович — I 149
Мусянокодзи (Мусякодзи) Санэацу — II 358—59
Муцухито, японский император — II 184, 203, 359
Мэвор, Джеймс (Mavor J.) — I 589
Мэкензи, Комптон (Mackenzie C.) — II 486
Мэн-Цзы (Менциус) — II 110, 119, 177, 202
Мюллер, Лудольф (Müller L.) — II 496, 498—99
Мюнх, Александр (Münch A.) — I 138; II 361
Мюссе, Альфред де (Musset A.) — II 302, 399

Набоков, Н. (Nabokov N.) — II 546—47
Навроцкий, Владислав (Nawrocki W.) — II 274, 294
Наг, Мартин (Nag M.) — II 511
Нагай Кафу — II 355
Найденова-Стоилова, Ганка — II 342
Накадзава Ринсэн — II 351, 452
Накамура Хакуё — I 231—34, 261, 278; II 347
Накрохин, Порфирий Егорович — II 28—74
Налепиньский, Тадеуш (Nalepiński T.) — II 274, 294
Налковский, Вацлав (Nałkowski W.) — II 273, 293
Нанди, Двиджендра (Nandi D.) — II 540
Нансен, Фритьоф (Nansen F.) — I 103; II 420
Нану, Димитрие (Nanu D.)—II 315, 330
Наполеон I Бонапарт (Napoléon I) — I 13, 30, 113, 158—61, 178, 191, 196, 228—30, 267—68, 285, 345, 395, 452, 488, 508; II 55, 106—07, 210, 244, 267, 283, 442, 444, 464, 502
Наполеон II (Napoléon II) — I 221
Нарайан, Джаяпракаш (Narayan D.) — II 462, 464, 546
Наранцацралж, Б.— II 241
Насияма Секи — I 403
Натан, Эрнесто (Nathan E.) — II 427
Натрук, Ганс (Natruck H.) — I 354—55
Нацци, Луиджи (Nazzi L.) — II 385—86
Нгуен Ван Бонгу — II 549
Нгуен Конг Хоан — I 254—56; II 549
Неборский, Т. (Nieborski T.) — *см.* Рехневский Т.
Невлер (Вилин), Владимир Ефимович — II 502
Неедлы, Зденек (Nejedlý Z.) — I 246—47, 261, 278
Нейман, Альфред (Neumann A.) — II 284
Неккер (Necker), нем. журналист — II 216
Некрасов, Николай Алексеевич — II 66, 469, 499, 530—31
Нексе — *см.* Андерсен-Нексе, М.
Нельсон (Nelson), издатель — II 422
Немет, Ласло (Németh L.) — I 239, 261, 280—84; II 482, 484—85
Немирович-Данченко, Владимир Иванович — I 373
Немрава, В. (Nemrava V.) — I 593, 599
Немтяну, Б. (Nemteanu B.) — II 329
Неру, Джавахарлал (Nehru J.) — I 253, 261, 284; II 540
Нестеров, Михаил Васильевич — II 29
Неуважны, Флориан (Neuważny F.) — II 249
Никитин, Дмитрий Васильевич — I 599; II 56, 78, 387
Николаев, Л. Л.— I 43, 223
Николаев, Петр Петрович — I 599
Николаев, Сергей Дмитриевич — I 599, 604
Николай I — I 540; II 112
Николай II — I 18, 20, 23, 466, 523, 567, 583, 609; II 49, 341, 389, 438
Николай Михайлович, вел. кн.— I 22, 458
Николау, Г. (Nicolau Gh.) — II 323, 331
Николеску, Татьяна Николаевна (Nicolescu T.) — II 297—332, 361, 456, 459, 508
Николич, председатель сербской Скупщины — II 440
Нильсен, Нильс (Nielsen N.) — II 36
Ниффелер, Ганс (Nyffeler H.) — II 538
Ниду-Поп (Niţu-Pop), рум. переводчик — II 327
Ницше, Фридрих (Nietzsche F.) — II 232, 246, 273, 318, 351, 360, 470, 529
Нобель, Альфред (Nobel A.) — I 168, 427
Нобори Сёму — II 452
Новачиньский, Адольф (Nowaczyński A.) — II 281, 295
Новиков, М.— II 508
Новичков, Г. А.— I 601
Новодворский, Михаил (Nowodwórski M.) — II 257, 290—91
Новосильцев, Николай Николаевич I 349
Нозьер, Фердинан (Nozière F.) — II 276, 313, 316
Нома Хироши — II 486
Нордау, Макс (Nordau, M.) — II 6, 404
Ноэль, Филипп (Noël Ph.) — II 470
Нуайме, Михаил — II 548—49
Ньево, Ипполито (Nievo I.) — I 208; II 464
Ньютон, Исаак (Newton I.) — I 48, 128
Нэль, В. (Nel W.) — I 525, 527—28
Нэруп, Карл (Naerup C.) — II 421

Обер (Aubert), гувернантка — II 125
Оберфельд, Г. (Oberfeld), издатель — II 261
Оболенская, мать Н. Л. Оболенского — II 190—91, 195
Оболенская, Мария Львовна — *см.* Толстая М. Л.
Оболенский, Леонид Егорович (псевд. Красов М. И.) — I 559
Оболенский, Николай Леонидович — I 390, 393, 541; II 125, 136, 182, 190
Обратил, И. (Obratil J.) — II 534
Обре, Габриэль (Aubray G.) — II 395
Обье, Фернанд (Aubier F.) — I 381—82
Овидий, Публий Назон — II 110
Овсянников, Александр Алексеевич — I 596

Овсянико-Куликовский, Дмитрий Николаевич — II 269
Овчинникова, Ирина Борисовна — I 43, 61—78, 80, 83, 174—82
Огородникова, Ирина Федоровна — I 258
Огю Сорай — II 360
Оден, У. (Auden W.) — II 462
Одетс, К. (Odets C.) — II 486—87
Одзаки Коё — II 347—48
Ожар, Леопольд (Aujar L.) — I 387—89
Ожешко, Элиза (Orzeszkowa E.) — I 43, 98, 197—98; II 250—51, 268, 273—74, 288—91, 293, 296
Ожье, Эмиль (Augier E.) — I 369; II 214
Окампо, Виктория (Ocampo V.) — II 462
О'Кейси, Шон (O'Casey S.) — I 15, 59, 261, 269—73; II 486
Окутюрье, М. (Aucouturier M.) — II 531
Олдингтон, Ричард (Aldington R.) — I 52; II 486—87
Олсуфьев, Адам Васильевич — II 162, 166
Олсуфьев, Александр Васильевич — II 166
Олсуфьев, Дмитрий Адамович — II 64
Ольбрахт, Иван (Olbracht I.— псевд.; наст. имя Земан, Камил — Zeman K.)— I 247
Омре, Артур (Omre A.) — I 261, 285
Оне, Жорж (Ohnet G.) — I 539
Онебринк, Ларс (Åhnebrink L.) — I 165
Ону, Ион (Onu I.) — II 301, 328
Опульская, Лидия Дмитриевна — II 480
Опульский, Альберт Игнатьевич — II 342
Оргельбранд С. (Orgelbrand S.) — II 252
Ориоль, Венсан (Auriol V.) — I 570
Оркан, Владислав (Orkan W.) — II 250, 273, 289
Орленев, Павел Николаевич — I 401
Орлов, Владимир Федорович — I 446
Орлова, Раиса Давыдовна — I 43, 200
Орсаг, Павол (Orszag P.) — *см.* Гвездослав, П.
Остен-Сакен, Александра Ильинична — I 520
Островский, Александр Николаевич — I 305, 314, 542; II 17, 66, 73, 501, 513
Островский, Николай Алексеевич — II 322
Отеро, Х. М. (Otero J. M.) — II 504—05
Оуэн, Роберт (Owen R.) — II 239
О'Флаэрти, Лайэм (O'Flaherty L.) — I 200
Очак, Иван Драгович — I 299, 436—40, 458, 461, 537—39
Оюн, Э.— I 241

Павел I — I 30; II 410
Павельский, Ян (Pawelski J.) — II 257, 291
Павлов, Тодор — II 481
Павлович, М. — *см.* Вельтман, М. П.
Павловский, Исаак Яковлевич (псевд. И. Яковлев) — II 302
Паласиос, Альфредо (Palacios A. L.) — I 465—66
Панаев, Иван Иванович — II 253
Пандря, П. (Pandrea P.) — II 320, 331
Панева, Лада — II 478
Паниккар, К. М.— II 544
Панина, Софья Владимировна — II 34
Паннемакер, Стефан (Этьен) (Pannemaker S.) — I 408
Папини, Дж. (Papini G.) — II 458
Пардо-Басан, Эмилия (Pardo-Bazán E.) — II 428
Парен, Брис (Parain B.) — II 486—87
Парила, Карл (Paryla K.) — II 495
Паркер, Теодор (Parker Th.) — I 428; II 108, 111
Пармелен, Элен (Parmelin H.) — II 525
Парницкий, Теодор (Parnicki T.) — II 250, 282, 289, 295
Паролек, Радегаст (Parolek R.) — II 534
Пас, Ион (Pas I.) — II 315, 330
Паскаль, Блез (Pascal B.) — I 488, 539; II 8, 47, 50—51, 57, 65, 73, 110, 371, 438
Паскаль, Пьер (Pascal P.) — II 371, 462
Паскевич, Ирина — I 342; II 208, 223, 244
Пасси, Фредерик (Passy F.) — I 49—50, 126—28, 510—11, 515; II 392—93, 404
Пастернак, Борис Леонидович — II 158
Пастернак, Леонид Осипович — I 600; II 31, 517
Пастор, Арпад (Pásztor A.) — II 484
Пастрана, Юлия (Pastrana J.) — 154, 165
Паттай, член австрийского парламента — II 410
Патцай, Паула (Pátzay P.) — II 485
Паули, Г. (Pauli H.) — II 458
Пачини (Пачини-Савой), Леоне (Pacini-Savoy L.) — II 502
Пашков, Василий Александрович—II 103
Пашшут, Ласло (Passuth L.) — II 485
Пащенко, Григорий — II 502
Пеги, Шарль (Péguy, Ch.) — I 140, 592
Пегот-Ожье, Э. (Pégot-Ogier, E.) — I 307, 525
Пеладан, Сар (Péladan, Sar) — I 437
Перелыгина, В. А.— II 247
Перкинс, М. (Perkins, M.) — I 160
Перна, Александр (Эльмар) Яковлевич — I 529
Пернерсторфер, Энгельберт (Pernerstorfer, E.) — II 409—10
Пероутка, Фердинанд (Peroutka F.) — I 247
Перпер, Мира Иосифовна — I 136, 299, 524, 542—60; II 426, 458, 461—554
Перро, Максимилиан (Perrot, M.) — I 526
Перцов, Петр Петрович — II 163, 166
Песталоцци, Иоганн Генрих (Pestalozzi J. H.) — I 379, 403
Петерфи, Ене (Péterfy J.) — II 484
Петёфи, Шандор (Petőfi S.) — II 158
Петикэ, Штефан (Petică S.) — II 309, 330
Петканова, Съльза — II 478
Петкевич, Зенон (Pietkiewicz Z.) — II 269, 293
Петр I — I 181; II 15, 46, 71, 400
Петра-Петреску, Николае (Petra-Petrescu N.; псевд. Mosul) — II 300, 327
Петреску, Камил (Petrescu C.)— II 316
Петреску, Чезар (Petrescu C.) — I 43, 50, 184—89; II 312, 323, 325, 326, 330, 331
Петрова, С.— II 290

Петрович, Мита — I 498
Петровичева, Анджа Мита— I 302, 494—502, 524
Петровичева, Надежда — I 495
Петрус, П. (Petrus P.) — II 536
Пехник, А. (Pechnik A.) — II 257, 291
Пехштедт, Экберт (Pechstedt E.) — I 6, 381, 383; II 247, 489, 491, 493, 497
Пешков, Алексей Максимович—*см.* Горький, Максим
Пиарелала (Piarelala), проф. — II 547
Пигонь, Станислав (Pigoń S.) — II 250, 289, 294
Пикар, Эдмон (Picard E.) — II 368
Пилсудский, Юзеф (Piłsudski J.) — II 281
Пильц, Э. — II 268
Пинеро, Артур (Pinero A.) — I 143
Пино, Мари Роз (Pineau M. R.) — I 586
Пиотровская, Астра Генриховна — II 294
Пипер, В. — II 489—90
Пирлинг, Павел (Pirling P.) — II 257
Пирожиньский, М. (Pirożyński, M.) — II 280—81, 295
Писемский, Алексей Феофилактович — I 305; II 253
Пискатор, Эрвин (Piscator E.) — I 229; II 284—85, 486, 505
Питоев, Жорж (Pitoeff, G.) — II 316
Платон—I 221, 328, 405—06, 508; II 48, 57, 110, 464
Плеве, Вячеслав Константинович — I 400; II 49
Плеханов, Георгий Валентинович — I 34, 561; II 237, 287, 341, 539
Плутарх — II 110
Победоносцев, Константин Петрович — I 373; II 231, 272, 366, 428
Подзетти, Р. (Pozzetti R.) — II 477
Познер, Владимир (Pozner V.) — I 48; II 486—87
Поленов, Василий Дмитриевич — I 46
Поленц, Вильгельм фон (Polenz W. von)— II 75
Поляк, И. (Polak J.) — I 513
Поляков, Димитр Иванов — II 334
Помрой, Генри Стерлинг (Pomeroy H. S.)—I 352—53
Помяловский, Николай Герасимович — I 253
Помян, З. (Pomian Z.) — II 261
Помяновский, Ежи (Pomianowski J.) — II 283
Понд, Джошуа (Pond J.) — I 543
Понс, Морис (Pons M.) — II, 525
Поп-Марциян, А. (Pop-Marţian A.) — II 323
Попель, Ян (Popiel J.) — II 275, 294
Поплавская, З. (Popławska Z.) — II 276
Попов, Д. К.— II 336
Попов, Евгений Иванович — I 324, 545, 594, 596, 600, 604; II 145, 164
Попов, Николай — I 377, 378
Попов, Павел Сергеевич — II 203
Попова, А.— II 477
Попова, Т. П.— I 299
Попович, А.— II 536
Попп, Дора (Popp D.) — II 328
Потапова, Злата Михайловна — I 43, 110—11, 204—12, 216—17, 299, 300
Потоцкий, Антоний (Potocki A.) — II 261
Потшер, Морис (Pottecher M.) — I 376—78, 519
Прабхакар, Вишну — II 544
Прагер, М. (Prager M.) — I 123
Прасад, Раджендра — II 542
Прево, Марсель (Prévost M.) — II 16, 22, 72, 74, 363
Прегер, Янина (Pregerówna J.) — II 282
Прем Чанд (псевд.; наст. имя Дханпат Рай) — I 237, 249, 252
Пренсе, Жюль (Princet J.) — I 378—79
Прессансе, Франсис (Pressensé F.) — II 43, 75, 404
Привалова, Е.— I 39
Прийма, Федор Яковлевич — I 518
Пристли, Джон (Priestley J.) — II 462
Пристмен, Уильям Дент (Priestman W. D.)—I 484—85
Притчет, Виктор Содон (Pritchett V. S.)— II 545
Причард, Уильям Х. (Pritchard W. H.)— I 481
Прокофьев, Сергей Сергеевич — II 478
Пруайяр, Жаклин де (Proyart J. de) — I 6, 218—19; II 361, 462, 526, 531
Пругавин, Александр Степанович — II 72
Прудон, Пьер Жозеф (Proudhon P. J.) — II 269, 280, 293, 295
Прус, Болеслав (Prus B.) — I 43, 53, 100—05, 198; II 250—51, 264, 268, 273—74, 286, 289—90, 292, 294
Пруст, Марсель (Proust M.) — I 28, 47, 57, 169, 174, 219—20, 228; II 320, 523
Прутяну, Аглая (Pruteanu A.) — II 313
Прюфер, Гунтер (Prüfer G.) — II 284
Псишари, Люсьен (Psichari L. E. A.) — II 529
Пуанкаре, Раймон (Poincaré R.) — I 488
Пулицер, Джозеф (Pulitzer J.) — I 478
Пушкин, Адриан — II 15, 72
Пушкин, Александр Сергеевич — I 109, 236, 241, 253, 282, 291, 392, 541, 542; II 63, 72, 112, 121, 164, 249, 282, 295, 308, 338, 477
Пшесмыцкий, Зенон (Przesmycki Z.; псевд. Miriam) — II 265, 292
Пшибылко-Потоцкая, Мария (Przybylko-Potocka M.) — II 275
Пшибылович, Михаил (Przybyłowicz M.)— II 264
Пшибыльский, Рышард (Przybylski R.)— I 104; II 296, 506
Пшибышевский, Станислав (Przybyszewski S.) — I 104; II 265, 292
Пырвэнеску, Д. (Pîrvănescu G.) — II 327
Пьеро делла Франческо (Piero della Francesca) — II 82, 96
Пьетрару, А. (Pietraru A.) — II 331
Пьовене, Гвидо (Piovene G.) — I 43, 56—59, 204—12, 216; II 6—7, 35—37, 462
Пьянчани, Луиджи (Pianciani L.) — I 474—75
Пьятоли, Шипионе (Piatoli Sc.) — I 348—49
Пьяцца (Piazza), проф. — II 426
Пэчмасс, Темира (Pachmass T.) — II 518
Пювис де Шаванн, П. (Puvis de Chavannes P.) — II 86, 96

Рааб, Гарольд (Raab H.) — II 492
Раабе, Вильгельм (Raabe W.) — II 212
Рабле, Франсуа (Rabelais F.) — I 382
Радищев, Александр Николаевич — II 480, 530—31
Раду, Ион (Radu I.) — II 328
Радхакришнан, Сарвеполли (Radhakrishnan S.) — II 544
Раевский, Николай Николаевич — II 540
Раевский, Николас (Raïewsky N.) — II 496
Рай, Санъё — II 360
Райт, Герберт (Wright H.) — II 412
Райт, Ричард (Wright R.) — I 462
Райх-Раницкий, Марсель (Reich-Ranicki M.) — II 496 II 264, 269, 293
Раковский, Конрад (Rakowski K.) —
Рамадан, К. (Ramadan C.) — II 323
Ранда (Randa) — II 442
Рао, Раджа (Rao Raja) — II 462, 464
Рао, Т. Д. (Rao T. D.) — II 545
Раппопорт, Шарль (Rappoport Ch.) — II 240, 242, 248
Рареш, Джеордже Б. (Rares G. B.) — II 306, 314—15, 329—30
Расин, Жан (Racine J.) — I 128, 174, 592; II 72, 400
Раскольников, Федор Федорович (наст. фамилия Ильин) — II 320, 331
Рассел, Бертран (Russell B.) — II 486
Раталь (Ratal), художник — II 427
Ратушный, Антон (Ratuszny A.) — II 269, 293
Рафаэль Санти (Raphael Santi)—I 56, 214, 217; II 200—01, 204
Раффе, Уильям Джордж (Raffé W. G.) — I 143
Рачинский, Сергей Александрович — II 11, 65, 246
Ребряну, Ливиу (Rebreanu L.) — II 306, 312
Рев, Мария (Lorand-Rêv M.) — II 461, 482—88
Ревицкий, Дьюла (Reviczky G.) — II 484
Ред, Луи (Red L.) — I 512
Редпас, Теодор (Redpath Th.) — II 473—74
Рей, Аннада Шапкар (Ray A. Sh.) — II 545
Рей, Жюль (Rey J.) — I 526
Реймонд, Джером (Raymond J. H.) — I 492
Реймонт, Владислав (Reymont W.) — II 288—89
Рейнгардт, Макс (Reinhardt M.) — I 170—71; II 213, 217, 241
Рейхель, Е. (Reichel E.) — I 601
Реклю, Поль (Reclus P.) — I 545; II 368
Реклю, Элизе (Reclus E.) — I 487—88; II 23, 368
Рембо, Артюр (Rimbaud A.) — I 215—17
Рембрандт, Харменс ван Рейн (Rembrandt H.) — I 536
Ременик, Жигмонт (Remenyik Zs.) — II 485
Реми, Леон (Rémy L.) — I 585
Ремюза, Абель (Rémusat A.) — I 66
Ренан, Эрнест (Renan E.) — I 72, 335, 393, 539
Ренн, Людвиг (Renn L.) — II 486, 496
Рентон, Б. (Renton B.) — II 502
Ренье, Анри де (Régnier H. de) — I 47, 60; II 81, 86, 399
Ренье, Мария Луиза (Régnier, M. L.; псевд. Жерар д'Увидь) —II 399
Репин, Илья Ефимович — I 185, 567; II 9, 29, 34, 38, 75, 88, 92, 97, 162—63, 166, 194, 196, 425, 539
Рескин, Джон (Ruskin J.) — I 95, 596; II 112—13, 118, 273, 292, 356
Рёссинг, Карл (Rössing K.) — I 234—35
Рехневский, Т. (Rechniewski T.; псевд. Т. Неборский) — II 272, 293
Ржевусский — *см.* Жевусский
Рибас, Фабро (Ribas F.) — II 388
Рид, И. Т. (Reid I. T.) — I 447—50
Рид, Томас Майн (Reid T. M.) — I 201
Ридег, Шандор (Rideg S.) — II 485
Риенци, Кола ди (Rienzi C. di) — II 378
Риза-хан, Мирза — II 550
Ризн, Уильям (Reason W.) — I 424
Ризов, Д.— II 342
Рильке, Райнер Мария (Rilke R. M.) — I 47, 60, 532
Ринер, Ан (Ryner Han; наст. имя Ner Henri) — II 370
Ринчин, Е.— II 486
Риттлих, А. (Rittlich A.) — I 596
Рихтер, И. П. Ф. (Richter J. P. F.) — *см.* Жан Поль
Ричардсон, Сэмюэль (Richardson S.) — I 231; II 114
Ришар, Жером (Richard J.) — II 384
Ришё, Франсуа (Richeux F.) — II 71
Ришпен, Жан (Richepin J.) — I 39; II 363, 373—74, 392, 404, 453
Робб, Эллис Д. (Robb E. D.) — I 338, 340
Роб-Грийе, Ален (Robbe-Grillet A.) — I 43; II 486—87
Роберт, Рудольф (Robert R.) — II 474
Робертс (Roberts), издатель — I 413
Рог, М. (Rog M.) — II 273
Рогальский, Александр (Rogalski A.) — II 285—86, 296, 506
Рогович, Вацлав (Rogowicz W.) — II 283
Род, Эдуард (Rod E.) — I 591; II 16, 22, 36, 67, 72
Родари, Джанни (Rodari G.) — II 500
Роде, Хельге (Rode H.) — II 419
Родион — *см.* Штееман, А.
Розанова, Сусанна Абрамовна — I 43, 137—38, 173, 191, 230; II 495
Розен, Александра Григорьевна — II 203
Розенблат, М. (Rosenblat M.)— *см.* Галич, Чеслав
Рой, Кшитис (Roy Kshitis) — II 542
Рока (псевд.) — *см.* Токутоми, К.
Рокфеллер, Джон (Rockfeller J.) — I 428, 430
Роллан, Ромен (Rolland R.) — I 5, 8—9, 14, 24—25, 33—34, 37—40, 43—44, 60—84, 140—41, 181, 186, 216, 249, 266, 276, 296, 299, 302—04, 335, 337, 377, 390, 435, 517—20, 531—32; II 77, 159, 351, 403—04, 468, 506, 517, 526, 528—29, 551
Роллен, Шарль (Rollin Ch.) — II 79

Ролстон, Уильям (Ralston W. R. Sh.) — I 305—12, 335, 517, 526
Роман, Филипп (Roman F.) — II 327
Романко, Мечислава (Romankówna M.)— I 98
Романовы, русские цари — II 438
Ромен, Жюль (Romains J.) — I 48; II 486—87
Ронаи, Михалы Андраш (Rónai M.) — II 485
Рони-младший (Rosny), псевд.—*см.* Бос, Серафен Жюстен
Рони-старший (Rosny-aîne), псевд.—*см.* Бос, Жан Анри
Ронкетти, Шипионе (Ronchetti Sc.) — I 504—06
Ропшин — *см.* Савинков Б. В.
Роскошный, Г. (Roskoschny H.) — II 246
Россиянов, Олег Константинович — I 239
Ротбаум, Якуб (Rotbaum J.) — II 283
Ротшильды (Rotschild), банкиры — I 538
Рош, Дени (Roche D.) — II 7, 24—31, 74, 122
Рошка, Юлиу (Roşca I.) — II 302, 328
Рошфор, Анри (Rochefort H.) — II 371
Руа, Клод (Roy C.) — I 13; II 486
Рубенс, Петер Пауль (Rubens P. P.) — I 128
Рублев, Андрей — II 477
Руди, Питер (Rudy P.) — II 476
Рудницкий, Адольф (Rudnicki A.) — II 282, 284, 295
Ружемон, Дени де (Rougemont D.) — II 462
Рузвельт, Теодор (Roosevelt Th.) — I 18, 31, 149, 395, 398, 402, 478, 479, 491—92, 523
Рунич, Екатерина Николаевна — I 530
Русанов, Гавриил Андреевич — I 369, 519
Руссело, Жан (Rousselot J.) — II 486—87
Руссо, Жан Жак (Rousseau J. J.) — I 30, 34, 71, 106, 123, 141, 223, 264, 267, 341, 379, 382, 403—472; II 35, 222, 287, 378, 399, 409, 412, 415, 452, 454, 488
Русу, Мартела (Rusu M.) — II 325
Рысювна, Зофья (Rysiówna Z.) — II 507
Рэдклиф, У. (Radclyff W.) — I 95
Рэкицяну, Ирина (Răchiţeanu I.) — II 323

Саад, А. — II 551
Саба, Умберто (Saba U.) — I 274
Сабатье, Поль Шарль (Sabatier P. Ch.) II 14, 71
Сабатье, Р. (Sabatier R.) — II 486—87
Сабо, Деже (Szabó D.) — I 280
Сабо, Магда (Szabó M.) — II 485
Сабо, Пал (Szabó P.) — II 485
Сабо, Эрвин (Szabó E.) — II 484—86
Сабольчи, Миклош (Szabolcsi M.) — I 59, 231, 238—39; II 488
Саввинский, А. Т. — II 294
Савинич, Ян (Sawinicz J.) — II 252
Савинков, Борис Викторович (псевд. Ропшин) — II 392
Савич, Константин — II 262
Савонарола, Джироламо (Savonarola G.) I 138; II 415, 431
Савуар, Альфред (Savoir A.) — II 276, 313, 316
Садецкий, Абрам Аронович — I 112—15; II 184—88
Садковский, В. В. — II 506
Садовяну, Валерия (Sadoveanu V.) — II 323, 331, 508
Садовяну, Михаил (Sadoveanu M.) — I 29, 33, 43, 53, 112—116, 185, 189; II 305, 311—13, 316, 320, 324, 331, 510
Сайгё — II 177, 202
Сакай Тосихико — I 561
Саксен, С. К.— II 547
Салганик, Мариам Львовна — I 236—38, 294—96
Саллюстий, Гай Крисп — I 182
Саломон, Шарль (Salomon Ch.) — I 6, 366, 392, 470, 520, 588—92
Саломон (урожд. Перро) — I 588
Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович — I 149, 276, 314, 542—44; II 250, 253, 499, 513, 530—31
Самакоис, Э. (Samacois E.) — II 446
Самсон-Химмельстьерна, Г. (Samson-Himmelstjerna G.) — II 232—33, 247
Санд Жорж (Sand G.) — I 220, 574, 580; II 36, 399
Саниелевич, С. (Sanielevici S.) — II 322 331
Саниелевич, Х. (Sanielevici H.) — II 305, 323
Сарай, Жан (Sarrailh J.) — II 520
Сарду, Виктор (Sardou V.) — I 369
Сароян, Уильям (Saroyan W.) — I 261 286—87; II 484—85
Сарракан, Л. (Sarracane L.) — I 531
Саррот, Натали (Sarraute N.) — I 12, 54; II 486—87, 522—23
Сатклифф, Э. Г. (Sutcliffe E. G.) — I 148
Сато Харуо — II 355
Сафонов, Василий Ильич — II 89
Сахия, Александр (Sahia A.) — II 319
Свентоховский, Александр (Swiętochowski A.; псевд. Poseł Prawdy) — II 268—69, 293
Свифт, Джонатан (Swift J.) — I 132, 138, 172, 229; II 110, 114
Сеайль, Габриэль (Séailles G.) — II 397—98, 457
Сеар, А. (Céard A.) — I 369
Севантович, М., журналист— I 524
Севастос, Михаил (Sevastos M.) —II 322—23, 331
Северин, псевд. — *см.* Гебар, Каролина Реми
Сегюр, Никола (Ségur N.) — II 400
Сейрон, Анна (Seuron A.) — I 340, 518, 540; II 290
Села, К. Х. (Cela C. J.) — II 486
Селиванов, Т. Н.— II 99
Селицкий, Францишек (Siellcki F.) — II 251, 281—82, 289, 290, 295
Селлеши, Клара (Szöllösy K.) — II 483
Семенов, Сергей Терентьевич — I 393—95, 520
Семчук, Антони (Semczuk A.) — I 105, II 249, 251, 287, 289, 293, 506, 508
Сёмэй Хироси — II 451
Сен, Индра — II 547
Сенгор, Леопольд (Senghor L.) — II 463

Сенека, Луций — II 110
Сенкевич, Генрик (Sienkewicz H.) — I 32, 43, 106—09; II 250, 262—63, 273—74, 202, 284—86, 288—91, 295—96, 508
Сен-Симон, Анри Клод (Saint-Simon H. C.) — I 31, 179; II 239, 423
Сен-Тома, Проспер (Saint-Thomas P.) — II 73
Сен-Франсуа, Анжель де (Saint-François A.) — I 337
Сент-Бев, Шарль Огюстен (Sainte-Beuve Ch. A.) — I 73
Сервантес, Мигель де (Servantes M.) — I 132, 138, 218, 266, 330
Сергеенко, Алексей Петрович — I 532, 599; II 116, 164, 292, 337
Серени, Г. (Serényi G.) — II 484
Сержи, Ж. (Sergy G.), актриса — II 91
Серраро, Э. (Serraro E.) — II 455
Сесиль, Дейвид (Cecil D.) — II 462
Сеше, Альфонс (Séchaye A.) — I 79, 84
Сиан Хао — II 450
Сига Наоя — I 233
Сидханта, Н. К.— II 544
Силезиус, Ангелус — *см.* Ангелус Силезиус
Силоне, Игнацио (Silone I.) — II 462, 486
Сильвен, Луиза (Silvain L.) — II 406
Симамура Хогэцу — II 356—58
Сименон, Жорж (Simenon G.) — II 486
Симмонс, Джон (Simmons J.)—II 361.
Симмонс, Эрнест (Simmons E.) — II 462, 464, 467, 546—47
Симон, Анри (Simond, H.) — I 356
Симон, Жюль (Simon J.) — II 12
Симонов, Николай Константинович — II 324
Симсон, Лидия — II 293
Син-Джон, Артур (Saint-John A.) — I 526
Сини, Дьюла (Szini G.) — II 484
Синклер, Джон Толемах (Sinclair J. T.)— I 531
Синклер, Эптон (Sinclair U.) — I 21, 261, 287, 430—31; II 486—87
Сипягин, Дмитрий Сергеевич — I 419, 521
Сираки, Юдит (Sziráki J.) — II 485
Скабичевский, Александр Михайлович — I 599—60; II 269
Сказкин, Сергей Данилович — I 518
Скайлер, Юджин (Schuyler E.) — I 305—06
Скапарро, М. (Scaparro M.) — II 500
Скарпелли, Ф. (Scarpelli F.) — II 425
Скобелев, Иван Никитич — II 230, 247
Скотт, Вальтер (Scott W.) — I 170, 342; II 111, 278, 286, 296, 412
Скотт, Лерой (Scott L.) — I 598
Скурту, Иван (Scurtu I.) — II 328
Славейков, Пенчо — I 201; II 337, 338, 341, 431
Славейков, Петко — II 431
Славиньская, Ирена (Slawińska I.) — II 250, 289
Слейс, Алексис (Sluys A.) — I 380
Слободник, В. (Słobodnik W.) — II 276
Слободник, Элеонора (Słobodnik E.) — II 283
Словацкий, Юлиуш (Słowacki J.) — II 283
Слоеньский, Ян Збигнев (Słoeński J. Z.)— II 295
Слоним, Марк (Słonim M.) — II 463, 467, 517
Смит, Бойд (Smith B.) — I 353
Смит (Smith), издатель — I 415
Смит (Smith), негр, сожженный в Техасе — I 493
Смоллет, Тобиас (Smollett T.) — I 114
Сноу, Чарлз Перси (Snow Ch. P.) — I 13, 231, 261, 288—91; II 486
Соаре, З. Соаре (Soare Z. S.) — II 316
Собарри (псевд.) — *см.* Киркор, Адам
Соболевский, Василий Михайлович — I 98, 108
Соботка, Тибор (Szobotka T.) — II 485
Соколов, Александр Никитич — II 512
Соколовский, Август (Sokołowski A.) — II 275
Сократ — I 162, 192; II 48, 57, 148, 371, 438, 447, 529
Соловьев, Владимир Сергеевич — II 15, 265
Соловьев-Андреевич, Евгений Андреевич —II 269, 270
Солсбери, Роберт Сесиль (Salisbury R. C.) — II 118
Сольский, Людвиг (Solski L.) — II 264
Соукуп, Франтишек (Soukup F.) — II 441
Софокл — II 443
Сохей, С. С.— II 542
Спадий (Spadilie), бельг. журналист — I, 31; II 422
Спасович, Владимир Дмитриевич — II 268, 293
Спатис, Дмитрий Спиридонович — I 43, 192
Спендер, Стивен (Spender S.) — II 486, 547
Спенсер, Герберт (Spencer H.) — I 100; II 200
Сперанская, Л.— I 530
Спиноза, Борух — I 79, 453; II 48, 57
Сроковский, Константин (Srokowski K.)— II 274, 294
Ставар, Анджей (Stawar A.) — II 283, 507
Ставиньский, Ю. (Stawiński J.) — II 284, 294, 296
Стадлинг, Ионас (Stadling I.) — I 420—27, 521
Стадник, Ю. (Stadnik J.) — II 264
Стаматов, Георги Порфириев — II 480
Станг, Ф. (Stang F.) — II 420
Станислав II Понятовский (Stanisław II), польск. король — I 348
Станиславский, Константин Сергеевич — I 372—73, 519
Станку, Захария (Stancu Z.) — II 315
Станюкович, Константин Михайлович — I 542
Стари, Младен — II 539
Стасов, Владимир Васильевич — I 521; II 204, 287
Стасюлевич, Михаил Матвеевич — I 527
Стахович, Александр Александрович — I 586; II 118, 340

Сташек, Антал (Staszek A.) — I 247
Стеванович, М.— I 501, 524
Стейнер, Джордж (Steiner G.) — II 465, 514—15
Стемповский, С. (Stępowski S.) — I 101; II 268, 293
Стендаль (Stendhal; наст. имя Анри Бэйль) — I 65, 83, 160—61, 170, 174, 276, 281—82,, 343, 345, 538; II 29, 77, 309, 373, 503
Степанова, Олимпиада (Stépanova O.) — I 596; II 534
Степняк, Фанни Марковна — I 136
Степняк-Кравчинский, Сергей Михайлович — I 96, 542—60; II 356, 360
Степун, Федор Августович (Stepun F.) — II 517
Стере, Константин (Stere C.; псевд. Шэркэляну, К.) — II 310
Стерн, Анатоль (Stern A.) — II 284, 296
Стерн, Лоренс (Sterne L.) — II 112, 114, 115, 119, 284, 294
Стефановский, Александр — I 23
Стивени, Уильям Б. (Steveni W. B.) — I 555
Стивенсон, Роберт Луи (Stephenson R. L.) — II 108, 119
Стиль, Андре (Stil A.) — II 533
Стоич, Вера — I 257, 524
Стой, Карл Фолькмар (Stoy K. V.) — II 497
Стойка, Киву (Stoika Ch.) — II 318
Стойнов, В.— II 336
Стоквис, И. (Stokvis J.) — I 439
Столыпин, Александр Аркадьевич — I 394, 596
Столыпин, Петр Аркадьевич — I 394, 458
Сторин, Дж. (Storin G.) — II 315—16
Стороженко, Николай Ильич — I 305, 309—11, 322; II 10, 13
Стотсенбург, Джон (Stotsenburg J.) — I 493, 524
Стоянов, Людмил — I 16, 43, 53, 59, 117—19, 261, 291—92; II 458, 478, 481
Страхов, Николай Николаевич — I 314, 334, 518; II 527
Страшимиров, Антон — II 336, 342
Стремоухов, Д. (Stremouchov D.) — II 462, 464
Стрижак, Леон Абрамович — II 451—53, 459
Стриженский, Владимир Иванович — II 234—35
Стриндберг, Август (Strindberg A.) — I 43, 51, 52, 58, 120—25; II 367, 490
Строганов, граф — II 191
Струве, Глеб Петрович — II 517
Стурза-Буландра, Лучия (Sturza-Bulandra L.) — II 313
Стыка, Ян (Styka J.) — I 99; II 261, 274
Стюарт, Джон (Stuart J.) — I 435—36
Стэд, Уильям Томас (Stead W. Th.) — I 419; II 99—111, 118—19
Стэнтон, Теодор, (Stanton Th.) — I 491 92, 544
Субервьель, Адриан (Souberbielle A.) — II 304
Субхи, Хамдулла — II 450
Суворин, Алексей Сергеевич — I 23, 40, 329; II 98
Сукре, Антонио Хосе (Sucre A. J.) — I 267
Сукумаран, Т.— II 545
Сулержицкий, Леопольд Антонович — II 96
Сухотин, Александр Михайлович — II 197
Сухотин, Михаил Сергеевич — I 501—02, 524; II 194, 197
Сухотина, Татьяна Львовна — *см.* Толстая, Т. Л.
Сухотина, Татьяна Михайловна—*см.* Альбертини, Т. М.
Схнеппер, Х. В. (Schnepper Ch. W.) — II 361
Сырбул, Ион (Sîrbul I.) — II 315
Сытин, Иван Дмитриевич — II 109
Сэндберг, Сарл (Sandburg K.) — I 610
Сю, Эжен (Sue E.) — II 66, 74
Сюарес, Андре (Suarès A.) — I 65, 70; II 404
Сюлли-Прюдом, Рене Франсуа Арман (Sully-Prudhomme R. F. A.) — I 124, 566, 568; II 67, 87
Сюсуй—*см.* Котоко Дэндзиро
Сютаев, Василий Кириллович —II 201, 204

Т. Н.— II 380
Тагор, Рабиндранат (Tagore R.) — I 80 84, 236, 249, 252; II 542, 545
Тайад, Лоран (Taillhade L.) — I 471
Тайлер, Марта (Tyler M.) — I 26, 493
Такаиси Цумэдзуме — II 459
Такидзава Бакин — II 360
Талев, Димитр — I 43, 201—03; II 478
Талейран, Шарль Морис де (Talleyrand Ch. M.) — I 73
Тальберг, Аксель (Talberg A.) — I 421
Тарас, крестьянин — II 191
Тарасова, Вера Карловна — I 299
Тарасова, Майя Викторовна — I 245
Тассони, Алессандро (Tassoni A.) — I 503—06
Твен, Марк (Twain Mark) — I 149, 162, 164
Тветерас, Л. (Tveteràs L.) — II 361
Тейер, Мери (Thayer M.) — I 346—47
Тейтельбойм, Володя (Teitelboim V.) — II 503—04
Тейшану М. (Teizanu M.) — II 317
Теккерей, Уильям Мейкпис (Thackeray W. M.) — I 146, 150—51, 155; II 12, 108, 112, 114, 399
Теннисон, Альфред (Tennyson A.) — II 399
Терек, Шандор (Török S.) — II 483—85
Тернер, Чарлз (Turner Ch.) — I 556, 560
Теру Такакура — II 486
Тикамацу Мондзаэмон — II 360
Тимар, С. (Timar S.)— II 409
Тимм, Василий Федорович — II 252
Тимофеев, Гжегож (Timofiejew Grz.) — II 250, 276, 289
Тинейр, Марсель (Tinayre M.) — II 370
Тириа, Анри (Thiria H.) — I 537; II 83, 365
Тихонравов, Николай Саввич — II 10
Тициан, Виченцо (Tiziano V.) — I 128

Ткадлечкова, Я. (Tkadleckova J.) — II 536
Ткачев, Мариан Николаевич — I 256
Тобиаш, Арон (Tóbiás A.) — I 6; II 461, 482—88
Товяньский, Анджей (Towianski A.) — II 265
Того Хэйхатиро — II 178, 203
Тодоров, П. Ю.— II 335—42, 434, 479
Тодорович, Пера — II 540
Тойво, Л.— I 241
Тойнби, Арнольд (Toynbee A.) — II 119
Токутоми Иициро (псевд. Сохо) — II 175, 202, 350
Токутоми Кэндзиро (псевд. Рока) —I 489; II 167—204, 349—50, 353—54, 360
Толиверова-Пешкова А. Н. — *см.* Якоби, А. Н.
Толстая, Александра Андреевна — I 588; II 204, 524—26
Толстая, Александра Львовна — I 262, 390, 393, 395, 541, 589, 596, 606; II 19, 125, 177, 179, 182, 189—93, 197, 199, 512
Толстая, Анна Ильинична — II 203
Толстая (Вестерлунд), Дора Федоровна — II 25, 59, 74, 84, 177, 182, 193, 195
Толстая (Оболенская), Мария Львовна — I 322—23, 325—26, 328, 333, 390, 392—93, 395, 405, 412, 423, 526, 541, 560; II 23, 71, 125, 135—137, 142—43, 148, 163, 177, 180, 182, 186, 192—94, 198
Толстая, Мария Николаевна — I 589; II 273, 364, 367
Толстая (Дитерихс), Ольга Константиновна — I 393, 526, 589, 606; II 181, 182, 203
Толстая, Софья Андреевна — I 64, 75, 109, 134—36, 185, 188, 322—23, 325, 328, 331, 334, 343, 390, 392—95, 405, 411—12, 420, 423, 429, 453, 457, 521, 527, 530, 535, 539, 541, 547, 550, 559, 587, 589, 591, 596, 606; II 14—15, 19, 23, 31, 38—39, 40, 44—45, 53, 58—59, 61, 75, 76, 78, 81, 84, 99, 104, 125, 133, 134, 154—55, 158, 166, 169, 176, 179, 182, 184—86, 188, 190—98, 200—01, 251, 271, 274—75, 367, 420, 435, 441, 446, 474, 496
Толстая (Сухотина), Татьяна Львовна — I 50, 110, 182, 300, 412, 423, 440, 444, 526, 535, 588, 591, 606; II 10, 15, 22, 71, 84—85, 125, 163, 194, 196, 404
Толстая-Сагацкая, Александра Михайловна — II 520
Толстой, Алексей Константинович — I 314; II 16, 462
Толстой, Алексей Николаевич — I 249; II 322
Толстой, Андрей Львович — I 391, 526, 589, 604, 606; II 125, 181, 191, 193—94, 196, 198
Толстой, Иван Львович (Ванечка) — II 38, 196, 204
Толстой, Иван Петрович — II 15, 71
Толстой, Илья Львович — II 24, 284, 295—96, 505
Толстой, Лев Львович — I 423, 424; II 74, 76, 84, 176—77, 180—82, 185, 188, 191, 193—95, 198—99, 362—63, 453, 598
Толстой, Михаил Львович — I 589; II 125, 194, 196
Толстой, Николай Ильич — I 520
Толстой, Петр Андреевич — II 15, 71
Толстой, Сергей Львович — I 186, 390, 457, 526, 550, 560, 588, 589, 596, 606; II 176, 202, 284, 295
Толстой, Сергей Михайлович — I 218, 219; II 462, 520
Толстой, Сергей Николаевич — II 200, 204
Толстой, Федор Петрович — I 536
Тома, Александру (Toma A.) — II 317, 322, 331
Томас, Уильям Холкомб (Thomas W. H.)— — I 354
Тонконогова, Стелла Дмитриевна — I 106—08, 193—97
Топырчану, Георге (Topîrceanu Gh.) — II 320
Торо, Генри Дейвид (Thoreau H. D.) — I 428; II 108, 119, 547
Торрес А.— I 223
Тот, Деже (Toth D.) — II 483
Тотев, Петко — I 475
Трапасси (Trapassi), скульптор — I 16—17
Траян, римский император—I 76
Траянов, Христо — II 478
Трегубов, Иван Михайлович — I 444, 446, 522, 601; II 137, 163
Трезич, член австрийского парламента — II 410
Трембецкий, Станислав — II 274
Трепте, Курт (Trepte K.) — II 512—13
Триоле, Эльза (Triolet E.) — II 524
Троллоп, Антони (Trollope A.) — II 12, 108, 114
Труайя, Анри (Troyat H.; наст. имя Лев Тарасов) — II 462, 524, 552
Трубецкой, Паоло (Павел Петрович) — I 585; II 30, 392, 404
Трухановский, Казимеж (Truchanowski K.) — II 283
Тувим, Юлиан (Tuwim J.) — II 276, 295
Тудораке, Ольга (Tudorache O.) — II 324
Тургенев, Иван Сергеевич — I 30, 44, 54, 66, 96, 112, 116, 143, 145—46, 149, 160—61, 165, 170, 220, 253, 276, 282, 305—10, 312, 314, 335, 342—43, 367, 428, 517—18, 521, 538, 542, 544, 546, 552—54, 560, 585, 612; II 17, 66, 73, 79—80, 108, 121, 124, 139, 164, 189, 195, 208, 210, 223, 231, 246, 249, 253, 258, 296—97, 308—09, 327, 346, 377, 394, 420, 443, 456, 521, 528, 530—31, 539
Турзо, Габор (Thurzó G.) — II 485
Тури, Жужа (Thury Zs.) — II 485
Туссель, Жан (Tousseul J.) — II 477
Тухи, Джон (Tuohy J.) — I 478—79
Тьер, Адольф (Thiers A.) — I 269, 348, 518
Тьерри, Огюстен (Thierry A.) — I 73
Тютчев, Федор Иванович — I 16

Тэн, Ипполит (Taine H.) — I 22, 335, 472, 539; II 22, 394, 456
Тэслэуану, Октавиан (Tăslăuanu O.) — I 113

Уайльд, Оскар (Wilde O.) — I 54, 60
Уаймен, Лилли (Wyman L.) — II 545
д'Увиль, Жерар (d'Houville G.) —*см.* Ренье М. Л.
Уизерс, Стенли (Withers S.) — I 337—38
Уилсон, Льюис (Wilson L.) — I 414, 521
Уильямс, Реймонд (Williams R.) — II 475—76
Уитмен, Джон Франклин (Whitman J. F.) — I 11, 158—59, 199
Уитмен, Уот (Whitman W.) — I 141, 404, 428, 435—37, 517
Уитьер, Джон (Whittier J.) — I 428, 430
Умберто (Umberto), итальянский король — I 76
Унамуна, Мигель (Unamuna M.) — I 470
Уокер (Уолкер), Лиззи (Walker L.) — I 26, 493
Уоллис, Джемс (Wallis J.) — I 302, 304
Уолтер, Джон (Walter J.) — II 370
Уолш, Уильям (Walsh W.) — II 103, 118
Уорд, Гемфри (Ward H.) — II 120
Уот, Ханна (Watt H.) — II 476, 520
Уотен, Джуда (Waten J.) — II 469
Уотермен, Арба (Waterman Arba N.) — I 490—91, 524
Уотс, Джордж Фредерик (Watts G. F.) — II 89, 97
Урбан, Ян (Urban J.) — II 257, 291
Урбаньская, Ядвига (Urbańska J.) — II 287
Урсин, псевд. — *см.* Здзеховский, М.
Успенский, Глеб Иванович — I 542; II 12
Утида, Роан — II 356
Ухтомский, Эспер Эсперович — I 109
Уэгминд, Ш. — I 241
Уэйн, Джон (Wain J.) — II 546
Уэллс, Герберт Джордж (Wells H. G.) — I 33, 43, 54, 150—56, 362; II 263
Уэллс, Дж. (Wells J.) — I 270
Уэлш, Герберт (Welsh H.) — I 475—78, 523

Фабий Максим Квинт (Кунктатор) — I 96, 155
Фаге, Эмиль (Faguet E.) — I 29; II 399—400
Фадеев, Александр Александрович — I 248
Файфильд, А. (Fifield A.) — I 402, 464
Фаркаш, Золтан (Farkas Z.) — II 485
Федин, Константин Александрович — II 322, 552
Фейа, Геза (Feja G.) — II 486
Фейе, Октав (Feuillet O.) — I 538; II 36
Фейеш, Эндре (Fejes E.) — II 485—86
Фейнберг, Леон (Feinberg L.) — II 486, 488
Фейхтвангер, Лион (Feuchtwanger L.) — I 33, 43, 56, 190—91
Фелпс, Гилберт (Phelps G.) — I 147
Фельдман, Вильгельм (Feldman Wilhelm) — II 273
Фельдман, Н. — II 360
Феноменов, врач — I 394
Феррейра, Антонио (Ferreira A.) — I 223
Феррейра де Кастро (ди Каштру), Жозе Мария (Ferreira de Castro J. M.) — I 43, 222—23; II 486
Ферри, Энрико (Ferri E.) — I 393, 515
Фет (Шеншин), Афанасий Афанасьевич — I 178, 308; II 65, 513, 539
Фиала, Вацлав (Fiala W.) — I 6
Фидий — I 123
Филдинг, Генри (Fielding H.) — I 146, 231; II 112, 114
Фили, Дж. А. (Feely J. A.) — II 361
Филипеску, Н. (Filipescu N.) — II 313, 330
Филипп, Франц Генрих (Philipp F. H.) — II 494
Филиппиде, Александр (Philippide A.) — II 322—23, 331
Филлипс, друг Хемингуэя — I 157
Филотти, Мария (Filotti M.) — I 314, 316
Фильд, Джон (Field J.) — II 97
Филя, почтарь в Ясной Поляне — I 528
Фино, Жан (Finot J.) — II 65, 404
Фиш (Fish), г-жа — I 398
Фишер, Влодзимеж (Fiszer W.) — II 282, 284, 295—96
Фишер, Ганс (Fischer H.) — II 241
Фишман, Самуэль (Fiszman S.) — II 249, 287
Флакер, Александр (Flaker A.) — II 539
Флато (Flateau), актер — II 91
Флетчер, Уильям (Fletcher W.) — I 270
Флетчер, Эндрю (Fletcher A.) — I 95
Флис, псевд. — *см.* Квятек, Ю.
Флобер, Гюстав (Flaubert G.) — I 14, 61, 67—68, 83, 112, 146, 174, 189, 219—20, 254, 268, 276, 317, 395, 574, 580, 614; II 22, 56, 255, 373, 393, 399, 515, 521, 523, 546
Фогаццаро, Антонио (Fogazzaro A.) — II 426
Фогель, Генрих (Vogel H.) — II 490
Фодор, Йожеф (Fodor J.) — II 485
Фойстер, Чарлз (Foyster Ch.) — I 470
Фокс, Джордж (Fox G.) — II 118
Фолкнер, Уильям (Faulkner W.) — II 523
Фольпрехт, Йозеф (Folprecht J.) — 440—41
Фома Аквинский — I 139; II 394
Фома Кемпийский — II 110
Фонтана, Оскар (Fontana O.) — II 486
Фонтане, Теодор (Fontane Th.) — II 218—19, 244—45
Форель, Август (Forel A.) — I 527
Форест, Джон (Forest J. W. de) — I 343—45, 518
Форст де Батталья, Отто (Forst de Battaglia O.) — II 539
Форстер, Эдуард (Forster E.) — II 462
Фотино, Л. (Fotino L.) — II 330
Франк, Леонгард (Frank L.) — I 21, 152, 235, 261, 292—93; II 486—87
Франке, Отто (Franke O.) — I 360
Франс, Анатоль (France A.) — I 14, 21, 38, 39, 43, 49—51, 126—31, 146, 265—66, 487—88, 569, 570, 586; II 28—29, 63, 67, 336, 363, 386—87, 400, 404, 422, 455, 468, 527, 529

Франциск Ассизский — II 370, 516
Фрёбель, Фридрих Вильгельм (Fröbel F. W.) — I 384—85
Фревиль, Жан (Fréville J.) — I 44
Фрей, Вильям (Гейнс, Владимир Константинович) — I 548—51, 558, 560
Фрейд, Зигмунд (Freud S.)—I 27, 146, 220
Фрейданк, Г. (Freidank H.) — I 602
Фреймарк, Г. (Freimark H.) — II 232, 247
Фрейре де Андраде, Мария Тереза (Freyre de Andrade M. T.) — II 361
Фрелинг, Ф. (Freling F.) — II 496
Фридман, Барнет (Freedman B.) — I 288, 289
Фроммер, Л. (Frommer L.) — II 261
Фрэнкс, Фанни (Franks F.) — I 382—83
Фтабатэй Симэй — II 356
Фуказава Иичиро — II 486
Фукан — II 175, 202
Фукидид — II 110
Фурье, Шарль (Fourier Ch.) — I 31, 239, 422; II 423
Фусс (Fuss), каменщик — II 489
Фучик, Юлиус (Fučik J.) — I 44, 248
Фюлеп, Лайош (Fülep L.) — II 485—86
Фюлеп-Миллер, Рене (Fülöp-Miller R.) — II 516—17
Фюшт, Милан (Füst M.) — II 485

Хаз, А. (Haz A.) — II 327
Хайдеггер, М. (Haidegger M.) — II 519
Хайзенберг, Вернер (Heisenberg W.) — II 486
Хайн, Антони (Hajn A.) — I 599
Хакс, Петер (Hacks P.) — II 498—99
Хаксли, Олдос (Huxley A.) — I 48; II 462, 486—87
Хакуё Накамура — II 347, 551—52
Халас, Габор (Halász G.) — II 484
Хамдулла, Субхи — II 450
Хаммер, Э. (Hammer E.) — II 214, 244
Ханна, Ж.— II 550—51
Ханушкевич, Адам (Hanuszkiewicz A.) — II 507
Хара Кюитиро—II 347
Харамбашич, Август (Harambašic A.) — II 539
Харди, Томас (Hardy Th.) — I 21, 50, 60, 166
Харт, Генри (Hart H.) — II 218, 245
Хатвань, Лайош (Hatvany L.) — II 485
Хаутон (Houghton), издатель — I 413, 416
Хафиз, А.— II 550
Хаэр, Ричард (Hare R.) — II 476
Хвощинская, Н. Д.— *см.* Зайончковская-Хвощинская, Н. Д.
Хегедюш, Геза (Hegedüs G.) — II 485
Хейденстам, Карл Густав Вернер (Heidenstam K. G. W.) — I 123
Хейнеманн, Уильям (Heinemann W.) — I 76
Хельчицкий, Петр (Chelčicky P.) —II 129, 150—51, 165, 534
Хемингуэй, Эрнест (Hemingway E.) — I 43, 52, 55, 157—61, 249; II 288; 511—12
Хенриксен, Н. (Henriksen N.) — II 510
Хера, Золтан (Héra Z.) — II 483
Хермлин, Штефан (Hermlin St.) — II 483, 496
Херон, Джордж Девис (Heron G. D.) — I 397, 520
Херфорд, Чарлз (Herford Ch.) — II 378—79
Херцфельде, Виланд (Herzfelde W.) — I 231, 234—35; II 492—96
Хессе, Герман (Hesse H.) — II 486, 538
Хиарн, член австрийского парламента — II 410
Хикмет, Назым (Hikmät N.) — I 52—53
Хинер-де-Лос-Риос, Ф. (Giner de los Rios F.) — I 470
Хирадэ Осаму — II 355
Хироси Семэй — II 451
Хироу, журналист — II 504
Хирьяков, Александр Модестович — II 340
Хис, Фредерик (Heath F.) — I 467
Хисаичиро Хара — II 552
Хмелиньский, Юзеф (Chmieliński J.) — II 264
Хо Ши Мин — I 261, 293—94; II 486, 549
Ходзько-Борейко, Александр — II 253
Хойер, Ж. Х. (Hooyer J. H.) — I 335—37
Хола, Флоренс (Holah, F.) — II 119
Холарек, Эмиль (Holarek E.) — I 599—601
Холт (Holt), издатель — I 404
Хольберг, Л. (Holberg L.) — I 519
Хольц (Гольц), Арно (Holz A.) — II 211—15, 218, 223—24, 244
Хомяков, Алексей Степанович — II 15, 195
Хонг Ха — II 549
Хорн, Х. (Horn H.) — I 479—80
Хосуэлл, Элла А. Б. (Hoswell E. A. B.)— I 513
Хоуард, Х. С. (Howard H. S.) — I 343, 528
Хоуэлс, Уильям Дин (Howells W. D.) — I 43—44, 48, 49, 53, 85—87, 162, 164—65, 543; II 444
Хохманн, И. (Hochmann J.) — I 374
Храбровицкий, Александр Вениаминович — I 544
Храпченко, Михаил Борисович — II 474
Худериас, Хулиан (Juderias J.) — II 446
Хури, Р.— II 551
Хуссейн, Т.— II 462
Хшановский, Игнацы (Chrzanowski I.) — I 104—05; II 268, 277, 293—94
Хьюз, Ричард (Hugues R.) — II 486—87
Хьюлетт, Морис (Hewlett M.) — II 413
Хэпберн, Одри (Hepburn A.) — II 183
Хэпгуд, Изабелла (Hapgood I. F.) — I 407—16, 418, 521

Цабель, Эуген (Zabel E.) — I 340—41, 518; II 207, 210—11, 214, 216, 220, 226, 233—34, 244, 246—48, 254, 340—41
Цай, И.— I 611, 614—15
Цаккони, Эрмете (Zacconi E.) — I 370
Цанов, Никола — II 435
Цанова, Ана — II 477
Цаю Сюэ-цинь — I 614
Цван, Петр — II 124, 536
Цвейг, Арнольд (Zweig A.) — I 33, 36, 43, 56, 59, 170—73; II 486, 496, 498

Цвейг, Стефан (Zweig St.) — I 24, 40, 43, 276; II 512—13
Цветеремич, Пьетро (Zweteremich P.) — II 499
Цветков, Иван — II 480
Цвойдрак, Гюнтер (Cwojdrak G.) — II 492
Цезарь, Гай Юлий— I 488; II 387
Церковски, Цанко — II 480
Цифферер, Пауль (Zifferer P.) — II 379
Цицерон, Марк Туллий — II 110
Цонев, Б.— II 343, 435—36
Црнкович, Златко (Crnković Z.) — II 539
Цубоути Сёё — II 357
Цумэдзуме Такаиси — II 456
Цыбенко, Елена Захаровна — I 43, 98, 104—05, 109, 197—98; II 290
Цюгнер, Лунс (Zügner L.) — II 492
Цюй Цю-бо — I 617; II 345

Чайковский, Николай Васильевич — I 406
Чайковский, Петр Ильич — I 187; II 82
Чаннинг, Уильям Эллери (Channing W. E.) — I 428
Чапиньский, Казимеж (Czapiński K.) — II 293
Чаромонте, Н. (Ciaromonte N.) — II 502
Чарторыйский, Адам (Czartoryski A.) — I 348
Чаттерджи, С. Ч. (Chatterjee S. Ch.) — II 544—45
Чатурведи, Банарасидас — I 253, 261, 294; II 486—87, 542, 544
Чатурведи, Нарайан — I 294
Чаухан, Шивдан Сингх — I 38, 231, 249—53, 261, 295—96
Чаухан, г-жа — I 253
Чаховский, Казимеж (Czachowski K.) — II 250, 289
Челлини, Бенвенуто (Cellini B.) — II 326
Чемберлен, Джозеф (Chamberlain J.) — I 18, 480
Червинка, В. (Červinka V.) — II 441
Череш, Тибор (Czeres T.) — II 485
Черна, Панаит (Cerna P.) — II 308, 312
Чернуш, Тибор (Csernus T.) — II 483
Чернышевский, Николай Гаврилович — I 124, 314, 452, 522; II 230, 256, 287, 327, 531, 539
Чертков, Владимир Григорьевич—I 9, 69, 72—73, 84, 92, 136, 297, 321, 324, 326, 334, 356, 361, 390, 397, 399, 400, 408, 453, 464, 502—03, 523, 526, 529—30, 535, 559—60, 593, 599, 600—03; II 29, 31, 75, 103, 119, 121—23, 125, 133, 135, 139—40, 143, 152, 158, 162—63, 168, 181, 292, 342, 418, 439, 477, 496
Черткова, Анна Константиновна — I 301, 321, 599, 601, 606
Черткова, Елизавета Ивановна (урожд. Чернышева-Кругликова) — II 139—40
Честертон, Гилберт Кис (Chesterton G. K.)— II 517
Чехов, Антон Павлович — I 97, 123, 145—47, 149, 151, 160—61, 191, 198, 200, 210, 214, 249, 253, 266—67, 420, 519, 521, 544, 585, 594, 601, 612; II 8, 12, 24, 25—28, 54, 71, 79, 111—12, 327, 418, 472, 487, 504, 506, 528, 539
Чжан Би Лай — I 611, 616
Чжуан Цзы — II 451
Чимид Чойжимин — I 231, 239—42
Чистякова, Марина Матвеевна — I 82, 524, 531
Чичерин, Алексей Владимирович — I 82, 147
Чобану, В. (Ciobanu V.) — II 510
Чокор, Франц Теодор (Csokor F. T.) — I 486—87
Чонгар, Алмос (Csongar A.) — II 489
Чоттопаддхай, Шоротчондро — I 249, 252
Чуйко, Владимир Викторович — I 330, 518
Чуковский, Корней Иванович — II 336
Чумиков, Владимир Александрович (Czumikow W.) — II 229

Шальда, Франтишек Ксавье (Šalda F. X.) — II 124
Шансон, Андре (Chamson A.)—II 486—87
Шанявский, А.— II 508
Шапиро, Иосиф Адольфович (Chapiro J.) — I 138
Шаплен, Жан (Chapelain J.) — II 25
Шарвари, Иосиф (Sarvari J.) — II 328
Шаркади, Имре (Sarkadi I.) — II 485
Шартье, Эмиль Огюст (Chartier E. A.; псевд. Alain) — I 592
Шатобриан, Франсуа Рене (Chateaubriand F. R.) — I 182—83, 220, 281; II 72
Шауки ас-Сакри — II 550
Шахигьян, Ион (Sahighian I.) — II 323
Шаховской, Сергей Иванович — I 596
Шашди, Шандор (Sásdi S.) — II 485
Шашек, Алоиз (Šašek A.) — I 468
Швейхель, Роберт (Schweichel R.) — II 215, 222, 228, 236, 244, 246—48
Швейцер, Альбер Луи Филипп (Schweitzer A. L. Ph.) — I 261, 296; II 486
Шверцлер, Гертруда (Schwärzler G.) — II 495
Шевелева — II 166
Шекспир, Вильям (Shakespeare W.) — I 19—10, 31, 61—62, 65, 96—97, 103—04, 117—18, 146, 173—74, 202, 218, 221, 231, 248, 253, 266, 269, 271, 335, 372—73, 399, 401—02, 406—07, 436—37, 447, 611, 614; II 17, 50—53, 73, 99, 110, 115, 164, 219, 255, 321, 330, 341, 357, 371, 378—79, 384, 394, 396, 403, 408, 424—25, 452, 464, 502, 517
Шелли, Перси Биши (Shelley P. B.) — I 220; II 378, 380
Шенгерр, К. (Schönherr K.) — II 370
Шепфлин, Аладар (Schöpflin A.)—I 31; II, 409, 484
Шербулье, Виктор (Cherhuliez V.) — I 538
Шерве, Анри (Chervet H.) — II 395
Шётер, Иштван (Söter I.) — II 482, 484
Шефлер, Иоганн (Scheffler J.) — *см.* Ангелус Силезиус
Шибанов, И. И.— II 125
Шилинжанка, Янина — II 275
Шиллер, Леон (Schiller L.) — II 277
Шиллер, Иоганн Фридрих (Schiller J. F.) — II 399

Шиманьский, Адам (Szymański A.) — II 257, 273, 275, 290
Шимко, Ольга Константиновна — II 461
Шимон, Иштван (Simon I.) — II 485
Шифман, Александр Иосифович — I 60, 520, 524, 532, 611—17; II 167—204, 461, 465, 507, 541—54
Шишмарева, Елизавета Михайловна — I 6,126, 218—20
Шкарван, Альберт Альбертович (Skarvan A. A.) — I 593—96, 601, 603—04, 606; II 31, 74, 121—66, 533, 536—37
Шкарван, Войтех (Skarvan V.) — I 593
Шклевер, С.— II 247
Шкловский, Виктор Борисович — II 507
Шлаф, Иоганн (Schlaf J.) — II 218
Шлёцер, Борис (Schloezer B.) — II 484
Шлюмберже, Жан (Schlumberger J.) — II 486
Шмидт, Конрад (Schmidt C.) — I 374—75
Шмидт, Мария Александровна — I 153, 165
Шмидт, Юлиан (Schmitt J.) — I 335; II 223, 246
Шмит, Рудольф (Schmitt R.) — I 324, 517
Шмит, Эуген (Schmidt E.) — I 32, 472; II 122, 148
Шмит (Schmitt), издатель — II 258
Шнейдер, Марк Евсеевич — II 343—46
Шницлер, Артур (Schnitzler A.) — I 27—28; II 408
Шолохов, Михаил Александрович — I 37, 202, 248, 249; II 288, 316, 513
Шольц, Август (Scholz A.) — I 374; II 222, 224, 246
Шопен, Фредерик (Chopin F.). — I 90
Шопенгауэр, Артур (Schopenhauer A.) — II 64, 114, 296, 456
Шопов, Георги — II 333
Шоу, Джордж Бернард (Shaw G. B.) — I 5, 9—10, 21, 43, 49, 88—97, 132—36, 170, 249, 299—300, 532; II 113, 263, 276, 294, 367, 515, 517
Шоу (Shaw), негр — I 493
Шпильгаген, Фридрих (Spielhagen F.) — II 367, 413
Шрабарова-Галекова, Елена — I 593
Шрёдер, Л. (Schröder L.) — II 408
Шробар, Вавро (Srobar V.) — I 594
Штакельберг, Сергей Александрович — I 608
Штамбук, Милан — II 540
Штампфер, Фридрих (Stampfer F.) — II 235, 248
Штарке, Оттомар (Starke O.) — I 226—27
Штевен, Александра Алексеевна — II 8, 11, 65
Штеерман, А. (Steuerman A.; псевд. Родион) — II 305, 328
Штёкер, Адольф (Stöcker A.) — II 232, 247
Штех, Карел (Stéch K.) — II 144—45
Штибер, Здислав — II 507
Штренге, Эрнест (Strenge E.) — II 223, 246
Штульц, Христиана (Stulz Ch.) — II 207—46, 488—90
Штыка, Карел (Styka Karel) — I 604—05
Шукевич, Ф. (Szukiewicz F.) — II 261
Шулькин, Михаил (Szulkin M.) — II 506
Шуман, Роберт (Schumann R.) — II 97
Шумахер, Эрнест (Schumacher E.) — II 495
Шэркэляну, Константин (Şărkîleanu C.), псевд. — *см.* Стере К.

Щеголев, Павел Елисеевич — II 119
Щербина, Владимир Родионович — II 508

Эберс, Георг (Ebers G.) — II 208, 244
Эвальд, О. К. (Ewald O. K.) — II 496
Эвен (Even), актриса — II 91
Эджертон, Уильям (Edgerton W.)—II 361
Эдисон, Томас Альва (Edison T. A.) — I 532
Эзоп — II 500
Эйзенхауэр, Дуайт (Eisenhower D.) — II 514
Эйленштейн, Бернгард (Eilenstein B.) — I 454
Эйнауди, Луиджи (Einaudi L.) — II 462
Эйнштейн, Альберт (Einstein A.) — I 48; II 547
Экар, Жан (Aicard J.) — II 16, 22, 72
Экаут, Жорж (Eckhoud G.) — II 423
Элиот, Джордж (Eliot George наст. имя Evans M. A.) — I 66, 68,70, 83; II 36, 111, 494
Элленс, Франс (Hellens Franz) — II 529
Эллис, Эштон Б. (Ellis A. B.) — I 95, 531
Элпидин, Михаил Константинович — II 203
Эльзингер, Мари (Elsinger M.) — II 217
Элюар, Поль (Eluard P.) — I 217
Эманюэль, Фрэнк (Emanuel F.) — II 379
Эме, Марсель (Aymé M.) — II 486—87
Эмерсон, Ральф Уолдо (Emerson R. W.)— I 238, 428, 430; II 108, 110, 185, 360
Эмзина, А. Я. — I 254
Эмманюэль, Пьер (Emmanuel P.) — II 462—64, 517, 530—32
Энгельгардт, Михаил Александрович — I 520
Энгельс, Фридрих (Engels F.) — I 172, 515, 524; II 211, 227, 247, 272, 415, 437—38, 517, 526
Энрио, Эмиль (Henriot E.) — II 520—22
Эпиктет — II 48, 110, 185
Эпсен, Ханс Лунгбю (Jepsen, H. L.) — I 254
Эрвье, Поль (Hervieu P.) — II 404
Эрдени, Батухан — I 240
Эремита, Виктор — *см.* Ганзен, П. Э.
Эренбург, Илья Григорьевич — II 289, 322
Эренталь, А. (Ehrental A.) — I 501
Эриа, Филипп (Heriat Ph.) — II 521—22, 524
Эрнест-Шарль, Ж. (Ernest-Charles J.) — I 39; II 390
Эрнст, Пауль (Ernst P.) — II 215, 220, 222—24, 226—27, 232, 244, 246—47
Эррио, Эдуар (Herriot E.) — II 403
Эртель, Александр Иванович — II 77
Эса-ди-Кейрош Ж. М. (Eça de Queiros J. M.) — I 223

Эскаргёль, Ж. (Escarguel J.) — II 456
Эсхил — II 396
Эуг, А.— II 441
Эфрос, Наталья Давыдовна — I 6, 522, 569—87; II 415, 458
Эфтимиу, Виктор (Eftimiu V.) — II 311
Эшборн, Эдвард (Ashbourne E.) — II 103, 118
Эшструт, Натали (Eschstruth N.)—II 245

Ювенал — II 110
Юзанн, Октав (Usanne O.) — II 454—55
Юнге, Александр Эдуардович — I 540—41
Юнге, Екатерина Федоровна — I 535—41
Юркевич, Софья Леонардовна — I 602
Юркович, М.— II 539
Юсуповы, князья — II 191
Юхансен, Ханс (Johansen H.) — II 511
Юшкова, Пелагея Ильинична — I 520
Юэ-Сен-Поль, Поль (Huet-Saint Pol P.) — II 382

Яблоновский, Владислав (Jabłonowski W.) — II 269—70, 292—93
Яблочков, Петр Николаевич — I 314
Яворац, Йован (Jaworaz J.) — II 539
Яворов, Пею (наст. фамилия Крачолов) — II 334—35, 337—38, 342
Яворский, Ян — I 28—29; II 157
Явурк, Р.— I 596
Якоби (Толиверова-Пешкова), Александра Николаевна — II 502
Якобсон, Зигфрид (Jacobsohn S.) — II 220, 245—46
Якубец, Мариан (Jakóbiec M.) — I 109; II 249—50, 277, 282, 287, 289—90, 295
Якубовский, В. (Jakubowski W.) — II 276
Якубовский, Ян Зыгмунт (Jakubowski J. Z.) — II 250, 289
Ямонт, Якуш (Jamontt J.) — II 294
Ян из Сливины (псевд.) — *см.* Киркор, А.
Янаги Мунэёси — II 452—53
Яначек, Ярослав (Janaček J.) — I 585, 587, 589, 598—99, 601
Янжул, Иван Иванович—I 407—08, 411—13, 416, 418, 462, 464—65, 521
Янкович, Ференц (Jankowicz F.) — II 485—86
Янковский, Чеслав (Jankowski Cz.) — II 274, 294
Янковский, Юзеф (Jankowski J.)— II 274, 294
Яношик (Janošik) — II 441
Ярнефельт, Арвид Александрович (Järnefeld A. A.) — I 427; II 367
Яролим, Р. (Jarolim R.) — I 596
Ярошенко, Николай Александрович — I 92, 97, 162—63
Ясенский, Феликс (Jasieński F.) — II 292
Ясин, Катеб (Yacine Kateb) — II 486
Ясиновский, Богумил (Jasinowski B.) — I 281
Ясно, И. Е. (Jasno I. E.) — I 361—62
Ясперс, Карл (Jaspers K.) — I 217; II 462
Яструн, Мечислав (Jastrun M.) — II 288, 296
Ястшембец-Козловский, Чеслав (Jastrzębiec-Kozłowski Cz.) — II 283

Alexandrescu-Dorna — II 329
Allerhand W.— II 246
Armand Edouard — II 332
Avakian Gr.— II 330

Bedreug Panait G.— II 330
Biberi Ion — II 331
Birlădeanu V.— II 331
Bleibtreu C.— II 244
Bonus A.— II 247
Bottez Ana Maria — II 330
Boy-Żeleński Tadeusz — II 294
Brzozowska D.— I 105

Cadioschi N.— II 329
Călin Alexandru — II 330—31
Callimachi Scarlat — II 332
Calmîc Mihail — II 331
Casvan Sarina — II 330
Challay Félicien — I 572
Chapiro Joseph — I 138
Cherbuliez Victor — I 538
Child, Francis—I 521
Choromański M.— II 295
Christu Vasile — II 331
Constant Théodore — II 330
Cornăteanu I. S.— II 330
Culacov Elena — II 331

Dacu Ion — II 330
Diersen Inge — II 246
Donici R.— II 331
Durišin Dionýz — II 164—65

Ene Ernest — II 329

Finger B.— II 247—48
Florescu P.— II 330
Foti Ion — II 330
Foustková Gabriela — II 122
Frunzetti I.— II 331

Glasenapp Carl Friedrich — II 244
Grothuss J. E.— II 246

Hall Daniel — I 522
Harnack O.— II 246
Hedberg Walborg — I 124
Heilborn E.— II 248
Hessen R.— II 26
Hölzke H.— II 244

Ionescu Vlad — II 330

Janculescu Z. D.— II 329
Janke Otto — II 247
Jans Rudolf — II 460

Kernbach V.— II 332
Kleinberg A.— II 244
Kołodziejska Jadwiga — II 296
Kołodziejski Włodzimierz — II 296
Kuczynski J.— II 244

Latin Sergiusz — II 296
Lebiedzyński Henryk — II 291
Levy Louis — I 572, 574
Lewis Lloyd — I 610
Lievşnevski Clara — II 330
Lorentowicz Jan — II 294
Lovinescu Eugen — II 330

Marholz W.— II 244
Marrot H. V.— I 146
Millet Frank D.— I 87

Najdus Walentyna — II 294
Negru Mihail — II 329
Neuscheler Karl — II 246
Nicodim, рум. переводчик — II 330
Nicolaevici I.— II 330
Nicolescu G. C.— II 330

Olden H.— II 245

Parocescu N.— II 331
Penzing R.— II 246—47
Perlmutter Salomea — II 248
Petra-Petrescu Horia — II 308
Piolun-Noyszewski S.— II 294

Ross Lilian — I 161
Ruszczyc Marek — II 296

Schlaikjer E.— II 248
Schlenther P.— II 245
Schröder F.— II 248
Selbst W.— II 245
Sobolewski T.— II 292
Soran — II 329
Speransky N.— I 520
Stammler W.— II 244

Terlecki Tymon — II 296
Terry Ellen — I 96
Têtard Georges — I 569
Tolu Nicolae — II 332

Vrajă C.— псевд.; см. Ибрэиляну Г.

Welten O.— II 244
Whyte F.— II 98
Winawerowa Helena — II 296
Woldman Albert A.— I 610

Żeleński Tadeusz — *см.* Boy-Żeleński.
Ziegler Teobald — II 244
Zlinchenko Cyril — II 293

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОЙ КНИГИ

ВОСПОМИНАНИЯ, ДНЕВНИКИ, КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

ФРАНЦУЗСКИЕ ПОСЕТИТЕЛИ ТОЛСТОГО
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Т. БЕНЗОН, ЖОРЖА АНРИ БУРДОНА, АНРИ ЛАПОЗА, ЖЮЛЯ ЛЕГРА, МОРИСА-ДЕНИ РОША И РЕНЕ МАРШАНА
Публикация и перевод Л. Р. Ланского 7

ВБЛИЗИ ТОЛСТОГО
КОРРЕСПОНДЕНЦИИ АНДРЕ БОНЬЕ В «TEMPS»
Публикация В. Я. Лакшина 79

ДВА АНГЛИЙСКИХ СОБЕСЕДНИКА
ВОСПОМИНАНИЯ УИЛЬЯМА ТОМАСА СТЭДА И РОБЕРТА ЭДВАРДА КРОЗЬЕРА ЛОНГА
Публикация и перевод Б. А. Гиленсона 98

ГЛАЗАМИ СЛОВАЦКОГО ДРУГА
ДНЕВНИКИ И ВОСПОМИНАНИЯ АЛЬБЕРТА ШКАРВАНА
Публикация и перевод П. Г. Богатырева 121

ЯПОНСКИЙ ПАЛОМНИК
ВОСПОМИНАНИЯ ТОКУТОМИ РОКА
Публикация А. И. Шифмана 167

ОБЗОРЫ

ТОЛСТОЙ В ГЕРМАНИИ (1856—1910)
Обзор Христианы Штульц (Берлин) 207

ТОЛСТОЙ В ПОЛЬШЕ (1858—1962)
Обзор Базыля Бялокозовича (Варшава) 249

ТОЛСТОЙ В РУМЫНИИ (1885—1960)
Обзор Татьяны Николеску (Бухарест) 297

ТОЛСТОЙ В БОЛГАРИИ
Обзор Велчо Велчева (София) 333

ТОЛСТОЙ В КИТАЕ
Обзор Мао Дуня (Пекин) 343

ТОЛСТОЙ В ЯПОНИИ
Обзор Н. И. Конрада 347

УХОД И СМЕРТЬ ТОЛСТОГО В ОТКЛИКАХ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ
Обзор Л. Р. Ланского 361

МИР ОТМЕЧАЕТ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ СО ДНЯ СМЕРТИ ТОЛСТОГО
Обзор В. З. Горной
при участии Ж. Бланкова (Брюссель), Б. Бялокозовича (Варшава), Д. Гришина (Мельбурн), Т. С. Карловой, С. Колафы (Прага), Г. Л. Маньковской, М. Д. Моричевой, Т. Николеску (Бухарест), И. Д. Очака, М. И. Перпер, М. Рев (Будапешт), А. Тобиаша (Будапешт), О. К. Шимко и А. И. Шифмана 461

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 554

ПАМЯТИ Н. К. ГУДЗИЯ

От редакции «Литературного наследства» 557

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПУТЬ Н. К. ГУДЗИЯ
Выступление В. В. Виноградова 558

О Н. К. ГУДЗИИ—ЧЕЛОВЕКЕ
Выступление Д. С. Лихачева 561

УКАЗАТЕЛИ К ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ КНИГАМ

Указатель иллюстраций
Составила Т. Г. Динесман 565

Указатель упоминаемых произведений Толстого
Составили Н. Ю. Зеленина и М. И. Перпер 579

Именной указатель
Составили Н. Ю. Зеленина и М. И. Перпер 583

В КНИГЕ 147 ИЛЛЮСТРАЦИЙ И 1 ВКЛЕЙКА

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ КНИГИ ТОМА 75 «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА» «ТОЛСТОЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ МИР», ОДНОВРЕМЕННО ВЫХОДЯЩЕЙ В СВ

ОТ РЕДАКЦИИ

ВСЕМИРНЫЙ АВТОРИТЕТ
Статья К. Н. Ломунова

СТАТЬИ И РЕЧИ

СЛОВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЫСКАЗЫВАНИЯ О ТОЛСТОМ Ж. Р. Блока, К. Варналиса, Х. Гарленда, Г. Гауптмана, Дж. Голсуорси, Г. Деледда, М. Дрюона, Т. Драйзера, А. Зегерс, Я. Ивашкевича, А. Мальца, Р. Мартен дю Гара, А. Моравиа, А. Моруа, Э. Ожешко, Ч. Петреску, Б. Пруса, Г. Пьовене, М. Садовяну, Р. Роллана, Г. Сенкевича, Л. Стоянова, А. Стриндберга, Д. Талева, Г. Уэллса, Л. Фейхтвангера, Ж. М. Феррейра ди Кастро, Т. Де Фриса, А. Франса, Э. Хемингуэя, У. Д. Хоуэлса, А. Цвейга и Дж. Б. Шоу.

Вступительная статья Т. Л. Мотылевой

Комментарии М. Н. Ваксмахера, В. Велчева (София), И. В. Волевич, Б. А. Гиленсона, З. Т. Гражданской, В. Н. Злыднева, Л. А. Зониной, Ю. И. Кагарлицкого, И. А. Кашкина, Ю. А. Кожевникова, М. Д. Моричевой, Л. Л. Николаева, И. Б. Овчинниковой, Р. Д. Орловой, З. М. Потаповой, С. А. Розановой, Д. С. Спатиса и Е. З. Цыбенко.

ТОЛСТОВСКИЕ ДНИ 1960 ГОДА В МОСКВЕ

I. ГОЛОСА ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСТЕЙ

1. Речи на научной сессии Отделения литературы и языка АН СССР и Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР 14—15 ноября 1960 г. А. Викстена, Я. Дрда, Г. Караславова, А. Кеттла, К. Крипалани, Э. Ло Гатто, Накамура Хакуё, М. Сабольчи, Ч. П. Сноу, В. Херцфельде, Ч. Чимида, Ш. С. Чаухана.
2. Речи на заседании в Доме дружбы народов Д. Богза, А. Вучо, Нгуен Конг Хоона, Х. Л. Эпсена
3. Речь на заседании в Большом театре 19 ноября 1960 г. Р. Кента

II. ВЫСТУПЛЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ В СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ

СТАТЬИ и ВЫСКАЗЫВАНИЯ А. Викстена, П. Гаскара, У. Дюбуа (Дюбойса), Я. Ивашкевича, А. Карпентьера, Ш. О'Кейси, У. К. Кекконена, В. Кеппена, А. Кеттла, К. Крипалани, К. Леви, Э. Ло Гатто, А. Н. Лундквиста, Ф. Мориака, Накамура Хакуё, З. Нееглы, Л. Немета, Дж. Неру, А. Омре, У. Сарояна, Э. Синклера, Ч. П. Сноу, Л. Стоянова, Л. Франка, Хо Ши Мина, Б. Чаттурведи, Ш. С. Чаухана, А. Л. Ф. Швейцера

ПИСЬМА

ИНОСТРАННАЯ ПОЧТА ТОЛСТОГО

Очерки Э. Г. Бабаева. Подготовка текстов и переводы Т. Н. Волковой при участии М. И. Беляевой, Б. А. Гиленсона, Н. И. Горбунковой, М. Е. Михелевич, М. Д. Моричевой, И. Д. Очака, М. И. Перпер, Т. П. Поповой, З. М. Потаповой, В. П. Тарасовой

Глава I. ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО: 1. Уильям Ролстон. 2. Анджело Де Губернатис. 3. Петер Эмануэль Ганзен. Глава II. «УРОКИ ВАШИХ КНИГ»: 1. Продолжение разговора. 2. «Война и мир». 3. «Анна Каренина». 4. «Воскресение». 5. Одна из ваших учениц. Глава III. В ПОИСКАХ НОВОГО ТЕАТРА: 1. Андре Антуан. 2. Эрмете Цаккони. 3. Гордон Крег. 4. «Рабочая сцена». 5. «Театр в полях». Глава IV. ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ: 1. Реформа обучения. 2. Русский язык. 3. Поль Буайе. 4. Эрнест Кросби. Глава V. ВСТРЕЧИ: 1. Изабелла Хэггуд. 2. Джордж Кеннан. 3. Ионас Стадлинг. 4. Джемс Крилмен. Глава VI. В СПОРЕ С АВТОРОМ: 1. Об искусстве. 2. Поль Гиацинт Луазон. 3. Против непротивления. Глава VII. «К РАБОЧЕМУ НАРОДУ»: 1. Генри Джордж. 2. Аллен Кларк. 3. «Горячий отклик рабочих». 4. «Основы революции несомненно верны». Глава VIII. ТРИ ВОЙНЫ: 1. На Филиппинских островах. 2. В Трансваале. 3. На Дальнем Востоке. Глава IX: «В ОТВЕТ НА ТРЕБОВАНИЯ ВЕКА»: 1. «Должны ли мы иметь колонии?» 2. «Рабство негров». 3. Аннексии. 4. Суд в Милане. 5. Конгресс мира.

Приложение: ПИСЬМА ИНОСТРАНЦЕВ К ТОЛСТОМУ
Обзор Т. Н. Волковой

СООБЩЕНИЯ

ИЗ БЕСЕД ТОЛСТОГО С ПОЛЕМ ДЕРУЛЕДОМ

Неизвестные записи Е. Ф. Юнге
Сообщение Л. Р. Ланского

РУССКИЙ ПРОПАГАНДИСТ ТОЛСТОГО НА ЗАПАДЕ

Две статьи С. М. Степняка-Кравчинского
Сообщение М. И. Перпер

ЯПОНСКИЙ СОЦИАЛИСТ О СТАТЬЕ «ОДУМАЙТЕСЬ»

Статья Котоки Сюсуя из «Хэймин симбун»
Сообщение Г. Д. Ивановой

ГЕОРГ БРАНДЕС О ТОЛСТОМ

Забытая статья в русской газете
Сообщение М. Д. Моричевой

ЖАН ЖОРЕС О ТОЛСТОМ

Доклад в Тулузе
Сообщение Н. Д. Эфрос

ФРАНЦУЗСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ ТОЛСТОГО

Из писем Шарля Саломона
Сообщение Андре Мазона (Париж)

МАТЕРИАЛЫ О ТОЛСТОМ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Пражский архив Д. П. Маковицкого
Сообщение С. Колафы (Прага)

ТОЛСТОЙ И ЛИНКОЛЬН

История одного вымышленного интервью
Сообщение Е. М. Двойченко-Марковой

КИТАЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ О ТОЛСТОМ

Высказывания Ай У, Бо Цзиня, Бян Чжи-линя, Гао Чжи, Лао Ше, Ли Цзи-е, Люй-ина, Цай И и Чжан Би-лая.

В книге 164 иллюстрации и 1 вклейка

«Литературное наследство»
Том 75, книга вторая

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А. М. Горького
Академии наук СССР

Редактор издательства *А. Т. Лифшиц*
Технический редактор *И. Н. Дорохина*
Корректоры *В. Г. Богословский* и *Т. А. Пономарева*

Сдано в набор 3/III 1965 г. Подписано к печати 19/X 1965 г. Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 38,5 +1 вк. Усл. л. 52,70. Уч.-изд. л.53,8 (53,7+0,1 вкл.). Тираж 6000 : кз. А-05207. Изд. № 4813 Тип. зак. № 2?

Цена одной книги 3 р.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер , 10

3 руб.

Книга вторая настоящего тома, как и первая, состоит из 3 разделов.

В разделе Воспоминания, дневники, корреспонденции печатаются записи о встречах и беседах с Толстым десяти иностранцев — шести французов, двух англичан, словака и японца. В их записях запечатлено немало высказываний Толстого о литературе и искусстве, об отдельных писателях — русских и иностранных, о событиях общественной жизни, о философии, педагогике и т. д.

В разделе Обзоры помещены статьи, освещающие историю восприятия Толстого в национальных культурах Болгарии, Германии, Польши, Румынии, Китая и Японии. За одним исключением, эти статьи принадлежат перу зарубежных исследователей, представителей названных стран. Обширная обзорная публикация «Уход и смерть Толстого в откликах иностранной печати» знакомит со множеством новых материалов по данной теме, извлеченных из газет и журналов всех основных стран мира.

В разделе Мир отмечает пятидесятилетие со дня смерти Толстого собраны все наиболее существенные сведения, относящиеся к мемориальной зарубежной «толстовиане» 1960 года.

В книге 148 иллюстраций и одна вклейка.